

АРХИВ
РОССИЙСКОЙ
КИТАИСТИКИ

Москва

IV

2016

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
А 87

*Рукопись подготовлена к публикации
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 15-01-16507*

本書由中華人民共和國駐俄羅斯聯邦大使館資助出版

Составитель А. И. Кобзев

Ответственный редактор С. В. Дмитриев

Редакционная коллегия:

А. И. Кобзев (председатель)

А. Р. Вяткин, В. Г. Дацышен, С. В. Дмитриев
Д. Е. Мартынов, М. Ю. Ульянов, А. Н. Хохлов

Архив российской китаистики. Т. IV / сост. А.И. Кобзев ; отв. ред. С.В. Дмитриев.
– М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 832 с. – ISBN 978-5-89282-700-3

«Архив российской китаистики» — продолжающееся неперiodическое издание, публикующее исследования и переводы, мемуары и рецензии, библиографии и справочники, архивные рукописи и документы, фотографии и другие информационно значимые визуальные изображения, освещающие несколько веков истории отечественной синологии. Первые два тома увидели свет в 2013 г. (ISBN 978-5-02-036551-3).

Три хорошо иллюстрированных раздела т. IV («Персоналии и исследования», «Документы и мемуары», «Научная беллетристика») содержат исторические работы Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) и В.А. Рубина (1923–1981), исследования о них М.Ю. Ульянова и А.Е. Мартынова; факсимиле рукописной книги Е.В. Завадской (1930–2002) о живописи с введением А.И. Кобзева и В.Г. Белозеровой; библиографическую монографию А.Н. Хохлова (1929–2015) и статью о нем А.И. Кобзева; материалы о А.В. Маракуеве (1891–1955), Р.В. Вяткине (1910–1995), Н.Т. Федоренко (1912–2000) и М.В. Крюкове, воспоминания чекиста М.Н. Климанова о Пекине 1978 г., три интеллектуальных романа Е.А. Торчинова (1956–2003) с предисловием А.И. Кобзева и Н.А. Орловой и послесловием Е.А. Кия.

ISBN 978-5-89282-700-3

© Кобзев А.И., составление, 2016

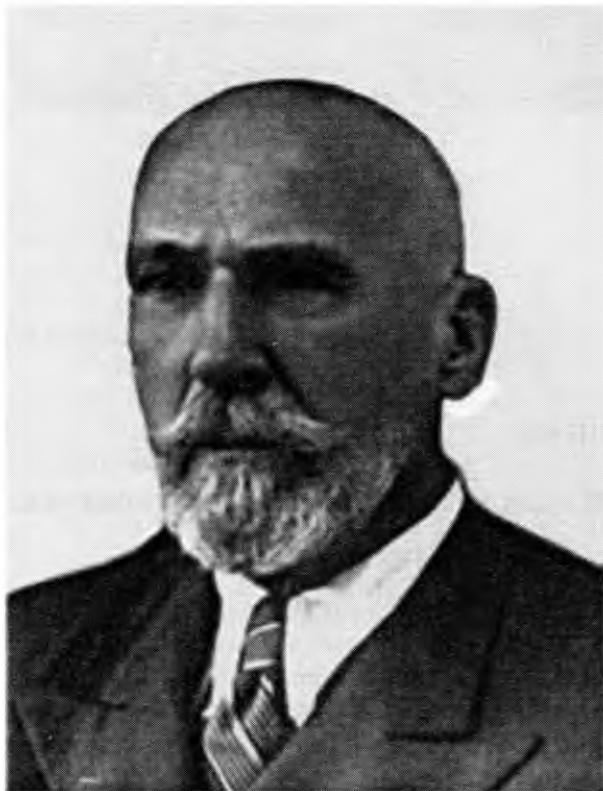
В. Г. ДАЦЫШЕН

Китаевед Александр Владимирович Маракуев (1891–1955)

В истории российского китаеведения особое место занимает Александр Владимирович Маракуев. Имя его хоть и не забыто, но в отечественной литературе встречается не часто. Действительно, А.В. Маракуев не получал никакого востоковедного образования в России, никогда не работал в столичных институтах и университетах. Будучи дважды необоснованно осужденным, он не только выжил, но и до старости работал в различных советских университетах, оставив богатое научное наследие.

В отечественной историографии нам удалось найти лишь три публикации, специально посвященные личности А.В. Маракуева. Более 20 лет назад были опубликованы две статьи одного из самых авторитетных специалистов по истории отечественной синологии — А.Н. Хохлова. Первая статья «Китаист А.В. Маракуев: экономист, географ или филолог?», написанная на документах одного, вероятно, дела из Архива РАН, была опубликована в 1993 г. в сборнике Иркутского пединститута, вышедшем тиражом в 200 экземпляров. На следующий год в тезисах докладов конференции в ИДВ РАН была опубликован материал «Китаист А.В. Маракуев и его научное наследие». Десять лет спустя в одном из владивостокских альманахов была опубликована статья А.А. Хисамутдинова «Востоковед и библиотекарь Александр Владимирович Маракуев». Кроме того, об А.В. Маракуеве упоминается в некоторых специализированных справочниках. Правда, нередко в словарных статьях встречаются

ся неточности. Например, во всех изданиях словаря С.Д. Милибанд имеет место опечатка, когда сообщается, что степень кандидата географических наук

А.В. Маракуев

присвоена А.В. Маракеву в 1955 г., и ошибочным является утверждение о том, что А.В. Маракуев перешел работать в Казахский государственный университет в 1950 г.¹

Жизненный путь и научные труды русского синоведа А.В. Маракуева, безусловно, интересны и поучительны для современных востоковедов. А.Н. Хохлов писал в 1993 г.: «Молодым китаистам, вступающим на стезю самостоятельной практической работы либо научного поиска, мало известен Александр Владимирович Маракуев (1891–1955). Его творческая деятель-

¹ Милибанд С.Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М.: «Восточная литература», 1975, с. 333; она же. Востоковеды России: XX — начало XXI века: библиографический словарь: в 2 кн. Кн. I: А-М. М.: «Восточная литература», 2008, с. 865.

ность была теснейшим образом связана с историей отечественного востоковедения и протекала в суровых условиях становления советской власти и науки на Дальнем Востоке в 20–30-е годы, а позднее в годы Великой Отечественной войны»². Исследователь из Владивостока А.А. Хисамутдинов пишет: «Имя А.В. Маракуева не затерялось во времени. Он стал одним из немногих старых востоковедов из Владивостока, чье имя попало в известный справочник. По предложению американского библиографа Патриции Полански одна из встреч российских и американских библиотекарей в Сиэтле (1997) была посвящена памяти А.В. Маракуева и его коллеги З.Н. Матвеева»³.

Синолог А.В. Маракуев известен в первую очередь по своему владивостокскому периоду жизни. Но еще более продолжительное время он жил и работал на родине вышеупомянутого А.Н. Хохлова. Правда, сам А.Н. Хохлов в своей первой публикации об этом китаеведе не упоминает Томска, хотя томский период был самым продолжительным, а возможно, и самым плодотворным, в научной биографии А.В. Маракуева. Вообще, до сих пор в различных публикациях имеются «белые пятна» и разночтения по фактам биографии А.В. Маракуева. Например, нет ясного представления о жизни синоведа в 1937–1940 гг., в публикациях говорится о его аресте и в 1937, и в 1939 гг. В современной литературе по истории советско-китайских отношений в 1920-х гг., когда А.В. Маракуев работал на разных ответственных должностях в Китае, имя «советского резидента» не упоминается, за редким исключением. В монографии В.Н. Усова «Советская разведка в Китае» говорится об аресте А.В. Маракуева в 1926 г. в Цзинани⁴. Об этом аресте упоминается и в работе историка С.С. Балмасова, правда, автор в сносках называет Маракуева «видным представителем донской казачьей эмиграции»⁵.

Для более полной картины жизненного пути китаеведа А.В. Маракуева, для лучшего понимания проблем личности и эпохи, необходимо расширять круг документов, отражающих историю его жизни. Есть указания на то, что «основной архив» А.В. Маракуева остался в Алма-Ате, в местной Академии наук. Однако сын А.В. Маракуева — Евгений с 1978 г. вместе с матерью периодически приезжали жить в Томск и некоторые личные документы и вещи синоведа передали в Томский государственный университет. В Музее истории Томского государственного университета сохранились документы делопроизводственного характера и личного происхождения, отражающие раз-

² *Хохлов А.Н.* Китаист А.В. Маракуев: экономист, географ или филолог? // Россия и народы Востока. Проблемы исследования и преподавания истории стран Азии и Африки в высших учебных заведениях. Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции 28–30 октября 1993 года. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1993, с. 86.

³ *Хисамутдинов А.* Востоковед и библиотечарь Александр Владимирович Маракуев // Власть книги: Альманах. Владивосток, 2004, № 4, с. 94

⁴ *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. М.: «Дом Конфуция», 2011, с. 158.

⁵ *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007, с. 71, 549.

личные периоды жизни А.В. Маракуева. Коллекция документов разобрана и хранится в хорошем состоянии, однако исследователями истории отечественного востоковедения она в научный оборот не введена. Некоторое неудобство в этой части представляет отсутствие нумерации листов в коллекции документов А.В. Маракуева. Поэтому при цитировании документов из Музея истории Томского государственного университета, положенных в основу данной статьи, мы сносок делать не будем.

На подколоте к документам архивного дела А.В. Маракуева в Музее истории Томского университета небольшом листочке написано: «Маракуев Ал-др Влад-ч (его труды знает Малолетко). Раб в пед Ин-те и по совмест в ТГУ географ жил ... 1940–1952 китаист (9 лет раб в Китае) уехал в А-Ату (автор Географии Китая) был репрессирован из Владивосток жил на Фрунзе (по соседству с Дульзоном)». На следующем листочке, датированном 23.06.08, записано: «Табл с каб (раб в Китае). На закупку. 1. шкатулка (китайская) [в 1920 г. — раб-л.] 2. портсигар 17. 3. чайная пара... + 9 вещей на пост. Хранение...».

Жизненный путь А.В. Маракуева пришелся на динамичный и трагичный период российской истории. Революции, мировые войны, политические репрессии — через все пришлось пройти русскому ученому. В хранящейся в музее трудовой книжке указана следующая дата рождения А.В. Маракуева — 1891 г., 29 июля. В «Автобиографии Александра Владимировича Маракуева», написанной в июне 1952 г., говорится: «Родился 17 (29) июля 1891 г. в гор. Ростове-Великом, Ярославской губернии (ныне области), родом из ростовских мещан».

Первое, что удивляет в личности А.В. Маракуева, так это прекрасное, несмотря на «простолюдинское» происхождение, знание своей родословной. О предках китаевед писал в автобиографии следующее: «Семья, из которой я происхожу, вела начало от крепостных крестьян одного богатого монастыря Ростовского уезда... как и многие другие из монастырских крепостных, ненавидевших своих рясофорных владельцев, мои предки были раскольниками. Указы о лишении монастырей права иметь крепостных крестьян открыли Маракуевым дорогу в город и во второй половине XVIII в. мой пра-прапрадед, Петр Федорович Маракуев, записался в число ростовских мещан». Отец А.В. Маракуева закончил 1-ю Московскую гимназию и Московский университет, став известным в России географом и общественным деятелем. О своей маме А.В. Маракуев в автобиографии пишет следующее: «Моя мать, Мария Александровна Лазарева, происходила из тульских крестьян... не будучи в состоянии получить в царской России высшего образования, доступ к которому был закрыт для женщин, эмигрировала в 80-х годах прошлого века за границу. Училась на средства частной благотворительности в Париже, на медицинском факультете Сорбонны».

А.Н. Хохлов пишет о родителях китаеведа: «А.В. Маракуев родился... в семье интеллигента, автора многочисленных статей по садоводству и огородничеству, инициатора дешевых “копеечных” книжек для простого народа. Мать будущего китаиста — дочь мелкого чиновника (канцеляри-

ста) — в молодые годы вместе с богатой компаньонкой уехала из России в Западную Европу, где после получения высшего образования в Париже долго жила в Испании и Италии. Благодаря этому она знала почти дюжину иностранных языков, с которыми настойчиво пыталась познакомиться и своего сына»⁶.

На отдельных листочках в собранном в музее архивном деле сохранились записи, представляющие что-то вроде родословной китаеведа. На одном из них — родословная, идущая от прадеда — ростовского мещанина Михаила Ив. Маракуева, до младшего сына — Евгения, 1925 г. рождения. На другом листочке кратко о родителях: «Мать — ок. Сорбонну (знала 8 яз.) отец — географ».

В самостоятельную жизнь А.В. Маракуев вступил довольно рано. О начале своей трудовой биографии он написал: «Болезнь отца и матери и тяжелые материальные условия, в которых находилась семья, имевшая кроме меня еще трех детей, не дали мне возможности регулярно учиться в средней школе, и с 15-летнего возраста я вынужден был пойти на работу. Пробыв два года на производстве, в 1908 г. я поступил на службу в Московскую Городскую Управу, в Статистический отдел, в котором проработал с перерывами несколько лет, сначала чертежником, затем статистиком и экономистом. В это же время я постепенно сдавал экстерном погодные экзамены за курс классической гимназии и в 1911–1912 гг. отбыл воинскую повинность... С момента принятия Московской Городской Думой постановления о строительстве московского метрополитена, я принял самое широкое участие в экономгеографическом обосновании этого проекта... вычерченные мной планы... легли в основание первого проекта московского метрополитена. С 1910 г. стал учиться в Московском городском рабочем университете им. Шанявского, на естественно-историческом факультете... окончил университет в 1913 г. Начиная с 1910 г. несколько раз выезжал в морские путешествия за границу, приготавливаясь в то время к научно-исследовательской работе в области океанографии; побывал в разных приморских странах Европы, Африки и Азии. В то же время я начал и научно-исследовательскую работу. В 1910 г. в журнале “Колосья” была напечатана моя первая научно-исследовательская работа по географии: “Русская эмиграция в Австралию”. В 1913 г. я впервые вступил в число членов научного общества, будучи избран в члены Московского Общества любителей астрономии». В автобиографии ничего не говорится о факте биографии, отмеченном в статье А.Н. Хохлова, — А.В. Маракуев поехал поступать в Одесское училище торгового флота, где его и застала война. Действительно, уже начало биографии А.В. Маракуева указывало на неординарность личности будущего ученого, хотя никаких предпосылок к тому, чтобы он стал китаеведом, не было.

⁶ Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 86.

Первая мировая война изменила судьбу всей страны, не стала исключением и жизнь энергичного молодого человека. В автобиографии А.В. Маракуева говорится: «С началом 1-й мировой войны был мобилизован в армию. Награжден боевыми орденами за участие в делах против австрийцев». В работе А.Н. Хохлова все представлено несколько иначе: «Попав в плен, он провел в концлагерях Австро-Венгрии 4 года, которые были использованы на самообразование и дальнейшее изучение западных языков»⁷. Исследователи пишут, что перед войной у А.В. Маракуева было воинское звание прапорщика, а на фронте он был командиром роты, и если действительно от мобилизации до пленения прошло всего три месяца, то такой карьерный рост в самом начале войны представляется необычным. Но затем были долгие годы плена. Во время войны семья Маракуевых понесла тяжелейшие потери, как он сам пишет: «в 1916 году в боях с немцами были убиты мобилизованные в Армию мои братья — Андрей и Николай, а младший брат, Илья, тяжело ранен».

Новый этап жизни А.В. Маракуева начался после Революции 1917 г. Он писал в автобиографии: «По окончании 1-й мировой войны более двух лет путешествовал, побывав в разных странах Европы, в Африке, в южной и восточной Азии, в Америке; в белых армиях я не был, в учреждениях белых правительств не служил». В статье А.Н. Хохлова же говорится: «Возвращение в конце 1918 г. с эшелонам военнопленных в Одессу... не позволило бывшему командиру роты продолжать учебу в “мореходке”, и в начале 1919 г. он поступает матросом на коммерческое судно. В качестве рулевого и боцмана он проплавал на иностранных пароходах почти год, пока не оказался на больничной койке в Батавии по поводу аппендицита. В последних числах декабря 1919 г. Маракуев... прибыл во Владивосток, где по газетному объявлению устроился в Союз Сибирской кооперации»⁸.

В изложении А.А. Хисамутдинова представлена «иная история» похождений будущего китаевода в годы Гражданской войны: «Четыре года А.В. Маракуев провел в лагерях военнопленных в Австро-Венгрии, стараясь учить там иностранные языки, а летом 1918 г. вернулся на Украину с эшелонам больных. Едва окрепнув, Маракуев приехал в Одессу, где с трудом устроился на работу погонщиком скота для сопровождения гуртов из Херсонской губернии до Одесской бойни. В декабре 1918 г. ему пришлось вновь надеть шинель — его призвали служить у белых, с которыми на следующий год он и эвакуировался из Одессы. «В это время, — писал Маракуев, — решил уехать за границу, т.к. стал нуждаться в длительном отдыхе для поправки здоровья и думал, что такой отдых я найду только вдалеке от фронтов гражданской войны. В конце марта 1919 г. я уехал в Константинополь, где стал искать службу по морской специальности, поработав сначала в порту, поступил матросом на п/х “Иерусалим”, шедший на Дальний Восток, но, узнав, что по приходе во Владивосток я могу быть задержан белыми, списал-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ся с него в Коломбо. В Коломбо поступил на службу в транспортную контору, но принужден был покинуть службу и город, т.к. местный б. русский консул Рыгалов требовал моего отправления в армию Колчака, а, когда я отказался, указал на меня английским властям как на человека не благонадежного»⁹.

Таким образом, в автобиографии говорится о том, что А.В. Маракуев более двух лет путешествовал за границей, А.Н. Хохлов утверждает, что будущий китаевед работал за границей меньше года, а А.А. Хисамутдинов добавляет утверждение о службе его в Белой армии.

В 1921 г. А.В. Маракуев выехал в Китай. Он писал: «С 1921 г. я пробыл девять лет на советской работе в Китае, занимая различные должности в органах Торгового представительства СССР в Китае, в Дальневосточном банке (советском банке в Китае) и на Китайской Восточной железной дороге». Обстоятельства выезда будущего китаеведа из Владивостока в Китай А.Н. Хохлов представляет следующим образом: «Не желая служить в частях белых, он в середине 1921 г. выехал в Харбин, где в течение некоторого времени работал в различных советских учреждениях. В 1923 г. его командировали в Тяньцзинь»¹⁰. Вероятно, обстоятельства выезда в Маньчжурию были несколько иными, в 1921 г. во Владивостоке не было принудительных призывов в Белую армию, а устроиться на работу в советские организации в Харбине в 1921 г. было «не проще», чем в таковые в Российском Приморье.

В 1920-х гг. А.В. Маракуев в Китае выполнял задания советского правительства и, возможно, советских спецслужб в Китае. Сам он писал: «в 1924 г. был членом советской комиссии по приемке от китайских властей здания, имущества и архива бывшего русского консульства в Тяньцзине, в том же году открыл Отделение нашего торгового представительства в Калгане, а в 1925–26 гг. состоял советником при генерале Фын Юй-сяне, сотрудничавшем с СССР в это время». В статье А.Н. Хохлова говорится, что А.В. Маракуев «работал по линии Сибсельсоюза» в Урге, а затем, с 1924 г. служил в советском торгпредстве, в Дальбанке и на КВЖД. Однако в выданной в Центральном архиве Внешней торговли Союза ССР официальной архивной справке говорилось: «Выдана в том, что гр-н Маракуев Александр Владимирович работал в следующих должностях: с 1 ноября 1924 года по 1 марта 1926 года — управляющим Калганской конторой коммерческой части и с 1 марта 1926 года по 30 ноября 1926 года — и.о. заведующего Экспортно-Импортным отделом Торгпредства СССР в Китае; с 1 декабря 1926 года по 1 октября 1927 года — помощником заведующего отделом Дальне-Восточного банка в Китае в г. Харбине».

Служба в Китае привела талантливого советского резидента в «большое китаеведение». А.В. Маракуев в своей автобиографии писал: «Свое долгое пребывание в странах зарубежного Востока всесторонне использовал для

⁹Хисамутдинов А. Указ. соч., с. 91.

¹⁰Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 86.

научных целей, изучив географию, экономику и быт Восточной, Центральной и Южной Азии; основательно изучил китайский язык и приобрел хорошие познания в тибетском, корейском, японском и некоторых других языках. Будучи в Китае, выступал в дружественной к СССР китайской и английской печати со статьями по экономической географии, культуре и быту Азии и вел систематическую научно-исследовательскую работу по экономической географии и по истории стран Дальнего Востока, в качестве действительного члена и члена Комитета О-ва Изучения Маньчжурского края (Советского Географического Общества в Китае)». А.В. Маракуев писал: «Владею языками: украинским, болгарским, немецким, английским, латинским, французским, китайским и тибетским — хорошо; сербским, санскритским, испанским, итальянским, корейским и японским — в достаточной степени для чтения специальной географической литературы».

В статье А.Н. Хохлова говорится: «За время работы в Китае и Монголии он основательно познакомился с восточными языками, особенно с китайским, что дало ему возможность принимать активное участие в работе научно-исследовательских организаций... Плодотворным в научном отношении был и период с 1925 по 1928 г. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи по экономическим проблемам тогдашнего Китая (на русс. и англ. яз.)»¹¹. Действительно, согласно списку публикаций, уже в 1924 г. в «Известиях Общества Изучения Маньчжурского Края» была опубликована его статья «Метрология Китая», а в выходившем в Харбине «Экономическом Бюллетене» в 1927 г. — «Итоги внешней торговли Китая за 1925 год». Больше всего его работ во второй половине 1920-х гг. были опубликованы в «Вестнике Маньчжурии»: «Внутренняя Монголия», «Японские капиталисты в Маньчжурии», «Шанхай — торговая столица Китая», «Хлопчато-бумажная промышленность Китая», «Внешняя торговля Китая и ее место в мировом товарообмене» и др.

Во время службы в Китае А.В. Маракуев был арестован. А.Н. Хохлов пишет, что «в 1926 г. китайские власти дважды подвергали его аресту. В первый раз его арестовали за попытку организации показа советского фильма “Броненосец «Потемкин»”. Во второй раз — по столь же нелепому обвинению в “коммунистической деятельности” — ему после ареста в Цзинани (пров. Шаньдун) пришлось просидеть в железных оковах в течение 1,5 месяцев в местной тюрьме»¹². Сам А.В. Маракуев в автобиографии написал: «На советской работе в Китае подвергался преследованиям со стороны контрреволюционных властей буржуазного Китая. В 1926 г. был арестован белокитайской военщиной; содержался в цепях в течение двух месяцев в одиночном заключении в Цзинаньской тюрьме, в Шаньдуне, по обвинению в пропаганде коммунизма; был освобожден только после настоятельных требований нашего полпредства в Китае». По поводу ареста А.В. Маракуева есть упоминание

¹¹ Там же, с. 87.

¹² Там же.

в опубликованном «Дневнике полковника А.А. Тихобразова» за 1926 г.: «1 сентября... В комендантском управлении — скандал. Арестовали профессора Поздеева (правильно: Позднеева. — *В.Д.*) и какого-то советника. При них были деньги. Когда брали у них вещи, то при этом исчезли 500 долларов США. Производится дознание»¹³. В монографии В.Н. Усова «Советская разведка в Китае» об аресте А.В. Маракуева говорится следующее: «Д.М. Позднеев в последние дни этой поездки (в августе 1926 г.) при возвращении домой был арестован в Цзинаньфу русскими белогвардейцами-нечаевцами. Они его выволокли из гостиницы, заковали в цепи и бросили в тюрьму, отобрав одежду и вещи. “Новая шанхайская газета”, касаясь данного инцидента, 17 сентября 1926 г. писала: “...25 августа, ввиду продолжавшегося нездоровья профессора Позднеева, его преклонные годы (ему тогда был 61 год. — *В.У.*), тюремщики сняли с него кандалы”. Этот инцидент широко освещали советские газеты. Вместе с ним был арестован другой советский Китаевед — А. В. Маракуев. За отсутствием улик и (пропущено: из-за. — *А.К.*) шума, поднятого в советской прессе об аресте советских востоковедов и ученых, их вынуждены были с большой неохотой выпустить и они вернулись в Москву»¹⁴.

По невыясненным причинам, в конце 1920-х гг. советский резидент А.В. Маракуев покинул Китай. Сам он в автобиографии написал: «В конце 1928 г. был откомандирован в г. Владивосток». В автобиографии А.В. Маракуев ничего не пишет о том, что он был арестован органами ОГПУ. Однако в Музее истории ТГУ сохранился «Протокол личного обыска от 1928 года августа м-ца 22 дня, проведенного дежурным комендантом Примгуботдела ОГПУ». А в 1972 г. из Управления КГБ по Приморскому краю прислали сообщение о том, что А.В. Маракуев «с 22 августа 1928 года по декабрь 1928 года находился под следствием». В сохранившейся в архивном деле справке говорится: «Дело по обвинению Маракуева Александра Владимировича, 1891 года рождения, до ареста работавшего заведующим отделом дополнительных предприятий КВЖД, пересмотрено военным трибуналом Краснознаменного Тихоокеанского флота 14 декабря 1971 года. Постановление от 17 мая 1929 года в отношении Маракуева А.В. отменено и дело о нем прекращено за отсутствием события преступления. Маракуев А.В. по данному делу реабилитирован полностью». Таким образом, документы подтверждают уже отмеченный А.А. Хисамутдиновым факт, что в конце 1920-х гг. А.В. Маракуев был дважды арестован во Владивостоке.

О начале трудовой деятельности во Владивостоке в автобиографии А.В. Маракуева написано следующее: «В конце 1928 г. был откомандирован в г. Владивосток, где сначала работал экономгеографом-консультантом в транспортных учреждениях. Самой крупной работой моей в этот период было обследование Владивостокского водно-железнодорожного узла... С 1930 г. перешел исключительно на научно-исследовательскую и педагогическую работу

¹³ Балмасов С.С. Указ. соч., с. 243.

¹⁴ Усов В.Н. Указ. соч., с. 158.

в Дальне-Восточном Краевом научно-исследовательском институте (экономист-востоковед), в ДВ филиале Академии наук СССР (ученый специалист по экономической географии Востока), во Владивостокском университете (доцент кафедры географии)». Согласно трудовой книжке, заполненной в Томске в начале 1941 г., А.В. Маракуев начал работать в советских вузах на должности доцента с 1930 г.

В Музее истории ТГУ хранится «Характеристика научного работника Дальневосточного университета А.В. Маракуева». В документе говорится: «Научный работник Александр Владимирович Маракуев состоит в Приморской областной секции научных работников с 1929 г. С 1930 г. он является доцентом по кафедре востоковедения в Институте народного хозяйства /впоследствии на Восточном факультете ДВГУ/. В том же 1930 г. был выбран действительным членом ДВ Краевого научно-исследовательского Института, в котором вел научно-исследовательскую работу до передачи дел Институту Академии наук СССР. С 1932 г. вместе с работой Университета совмещает научную работу в ДВ Филиале Академии наук СССР, а также членство в Географическом О-ве».

Китаевед А.В. Маракуев стал первым директором научной библиотеки ДВ АН СССР (до 1934 г.). В фонды библиотеки тогда была передана богатейшая коллекция китайских манускриптов и ксилографов, собранных бывшими сотрудниками Восточного института. В работе И.Ф. Поповой отмечается: «Фонд китайских рукописей Восточного института — ГДУ к концу 1931 г. был выделен и описан доцентом Александром Владимировичем Маракуевым (1891-1955) (23 наименования, 115 томов). В мае 1932 г. китайские рукописи и ксилографы были переданы из ГДУ в только организованный Дальневосточный филиал Академии наук СССР. Один экземпляр каталога А.В. Маракуева был направлен в Ленинград академику В.М. Алексееву»¹⁵.

Таким образом, работая в библиотеке Восточного института, А.В. Маракуев подготовил и опубликовал «Каталог китайских рукописей»¹⁶. Заметным был его вклад и в дело развития преподавания китаеведческих дисциплин в местном университете. На это указывают напечатанные им учебные пособия¹⁷.

Владивостокский период жизни А.В. Маракуева был одним из самых плодотворных в его востоковедной работе. В автобиографии говорится: «В 1935 г. мне была присуждена ВАК Наркомпроса РСФСР ученая степень

¹⁵ *Попова И.Ф.* К истории библиотеки Восточного института во Владивостоке // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008, с. 621.

¹⁶ *Маракуев А.В.* Каталог китайских рукописей в Библиотеке ДВ Отделения АН СССР. Владивосток, 1932.

¹⁷ *Маракуев А.В.* Введение в китаеведение (Материалы к лекциям, прочитанным на 1-м курсе китайского отделения Востфака ДВГУ в 1933 г.). Тема 6. Китайский язык и письменность. Владивосток, 1934.

кандидата географических наук. В том же 1935 г. был утвержден ВАК Наркомпроса РСФСР в ученом звании доцента; в период 1931-1939 гг. состоял в должности профессора, зав. объединенной кафедрой Географии и Истории Востока (востоковедения) Владивостокского университета...». Эти факты подтверждаются сохранившимися в архиве документами, такими, как «Выписка из протокола № 7 Заседания Квалификационной Комиссии Управления университетов и Научно-Исследовательских учреждений от 10, 16, 20 / VI-35 г.» об утверждении А.В. Маракуева в звании доцента по экономической географии. Ученая степень кандидата экономических наук была без защиты диссертации присуждена А.В. Маракуеву «Решением Квалификационной комиссии НКПроса РСФСР от 1 ноября 1935 г.».

В 1930-х гг. во Владивостоке были опубликованы новые научные работы А.В. Маракуева. В 1930 г. Дальневосточным краевым НИИ была опубликована книга «Меры и весы в Китае», через пять лет в ДВГУ вышла первая часть «Курса географии Китая». В «Бюллетене физико-математического факультета Дальневосточного государственного университета» за 1935 г. была помещена статья «У истоков древней астрономии Дальнего Востока».

В автобиографии А.В. Маракуева нашла отражение насыщенная и плодотворная научная и общественная жизнь Китаеведа в 1930-х гг.: «был членом ряда научных обществ... Общества изучения Приморского края (Владивосток), Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (Хабаровск), Всесоюзного географического общества (Ленинград), Общества изучения Маньчжурского края (Харбин), Бирманского Научно-исследовательского института (Рангун), Американского Ориентального общества (Бостон)... Принимал участие и выступал с научными докладами на всесоюзных и международных съездах и конгрессах: на первом Всесоюзном географическом съезде в Ленинграде в 1933 г. (доклад “Корейское национальное меньшинство в ДВК”), на Международном конгрессе ориенталистов в Риме в 1935 г. (доклад “Меры и весы Дальнего Востока”), на XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве в 1937 г., на Международном конгрессе истории науки в Праге в 1937 г. ... писал статьи для 1-го издания “Большой Советской Энциклопедии”... Участвовал (по совместительству) в выборных профсоюзных и советских органах; был членом месткома ДВ Госуниверситета (в 1931 г.), членом Приморского Горбюро научных работников (в 1932-33 гг.), уполномоченным секции научных работников в ДВ филиале Академии Наук СССР (1934 г.), членом совета, ученым секретарем и председателем Приморского филиала Всесоюзного Географического Общества (в 1935-37 гг.)... В порядке профсоюзной нагрузки много лет преподавал в разных кружках во Владивостоке английский язык и неоднократно выступал перед общественностью с докладами на эконом-географические и исторические темы. Сотрудничал в “Красном знамени” во Владивостоке... в журнале “На рубеже” (орган Приморского отделения Союза Советских писателей)... в журнале “Вокруг Света”... в журнале “Природа” (орган АН СССР)...».

Слова А.В. Маракуева подтверждаются другими документами, раскрывающими также и новые стороны его жизни. В одной из характеристик на А.В. Маракуева говорилось: «В связи с шефством приморских научных работников над частями местного гарнизона, тов. Маракуеву неоднократно поручалось и поручается чтение лекций и докладов комсоставу и бойцам на темы о современном политическом и экономическом положении в зарубежном Дальнем Востоке, причем тов. Маракуевым неизменно обеспечивалось высокое качество делаемых докладов. На своих научных докладах, делавшихся перед широкой аудиторией в географическом и астрономическом обществе, на математической конференции тов. Маракуев сумел привлечь внимание сил и студенчества к проблемам истории культуры Дальнего Востока; читавшиеся им доклады по истории китайской и японской математики, о древнем периоде ДВ астрономии послужил толчком к работам над этими темами».

В написанной после Великой Отечественной войны автобиографии А.В. Маракуев ничего не говорит о том, что подвергся политическим репрессиям. Но в архиве сохраняется копия «Ордера на обыск и арест Маракуева Владимира Александрович» (так в документе. — *В.Д.*), проживавшего на ул. Китайская 23 кв.1, от 14 ноября 1937 г. Благодаря составленной сотрудником областного управления НКВД Козловым описи имущества арестованного китаеведа мы можем составить некоторое представление о его образе жизни и достатке. В описи были указаны: одна «шуба дамская черная, бывшая в употреблении», платье, костюм служебный, пиджак суконный, брюки белые, «китайская курма шелк.» и др. Список описанных вещей заканчивался: «...словарей 80 томов, большое количество разных учебников...». В протоколе обыска, произведенного на квартире А.В. Маракуева на следующий день, 15 ноября, были указаны «дробовое ружье», а также «паспорт № 563450», «старый воинский билет», 9 «справок разных учреждений», 4 «послужных списка» и другие документы.

Согласно справке из Управления КГБ по Приморскому краю от 5 января 1972 г., А.В. Маракуев «с 15 ноября 1937 года по февраль 1940 года находился в местах заключения». Таким образом, китаевед А.В. Маракуев провел в местах заключения два с половиной года, поэтому нельзя согласиться с мнением нашего известного востоковеда В.М. Алпатова о том, что этот синолог «отделался высылкой из “режимного города”»¹⁸. А.Н. Хохлов пишет: «Научные изыскания... Маракуева были прерваны новым необоснованным арестом. Как видно из автобиографии, написанной 20 сентября 1934 г., его уже тогда не раз попрекали принадлежностью к старому офицерству, хотя в 1911–12 гг. ему удалось дослужиться лишь до чина прапорщика»¹⁹. О том, насколько грубо и скороспешно «фабриковались» советскими спецслужбами «дела», говорит тот факт, что даже в ордере на арест неправильно были написаны имя и отчество. По непонятным причинам А.В. Маракуев остался жив.

¹⁸ Алпатов В.М. Репрессии среди советских китаистов // Архив российской китаистики. Т. II / Сост. А.И. Кобзев. М.: Наука — Вост. лит., 2013, с. 379.

¹⁹ Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 87.

Известно, что 25 апреля 1938 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР во Владивостоке приговорила к расстрелу девятиерых преподавателей ДВГУ. Среди расстрелянных были арестованные в ноябре 1937 г. крупный советский историк стран Дальнего Востока К.А. Харнский, выпускник китайского отделения Ленинградского университета, доцент по экономике Китая и китайскому языку ДВГУ А.П. Ещенко, бывший советник в армии Гоминьдана и декан Восточного факультета ДВГУ В.А. Войлошников, преподаватель истории стран Дальнего Востока З.Н. Матвеев и др. При жизни в автобиографиях А.В. Маракуев не случайно ни разу не упоминал о том, что пострадал от репрессий. Реабилитирован он был лишь более чем через полтора десятилетия после своей смерти, в декабре 1971 г.

В 1940 г. А.В. Маракуев вместе с женой и двумя детьми поселился в Томске. Томский период жизни китаеведа остается практически неизвестным, о нем чаще всего вообще не упоминают исследователи. Сохранившаяся в архиве трудовая книжка А.В. Маракуева указывает на начало его трудовой деятельности в Томске. Дата заполнения трудовой книжки — 11 января 1941 г., здесь же указана и профессия — «научный работник». В трудовой книжке записано, что 8 мая 1940 г. ее хозяин был зачислен на должность доцента кафедры иностранных языков Томского Индустриального института им. С.М. Кирова. При этом он уже имел 32 года трудового стажа.

С первых дней пребывания в Томске А.В. Маракуев включился в научную жизнь. Уже 3 апреля 1941 г. он выступил на географическом факультете Томского государственного университета с докладом «Топонимия как научная дисциплина и неотложные задачи советской топонимии». Китаевед, только что освободившись из мест заключения, не побоялся в острой форме сформулировать серьезные проблемы советской науки. Особое внимание он уделил «исторической топонимии», которая, по его мнению, «должна быть тесно связана с исторической географией... и историей языка»²⁰, а также «транскрипционной топонимике». Востоковедные знания позволили А.В. Маракуеву говорить о проблемах, приводя в качестве примеров Монголию, Тибет, другие страны и регионы Центральной и Восточной Азии: «С тех пор положение если и изменилось, то разве в худшую сторону, что констатировал не так давно один из наших ученых монголистов в следующих выражениях: “...По-прежнему вся литература, посвященная Монголии, за исключением специально лингвистической, продолжает пестреть большим количеством ошибок”... Мы со своей стороны, положительно утверждаем, что на наших картах Тибета нет почти ни одного верного названия; это странное явление отчасти объясняется историей европейской карты Тибета, которая была составлена по китайским источникам XVIII в., французами

²⁰ Маракуев А.В. Топонимия как научная дисциплина и неотложные задачи советской топонимии (Доклад, прочитанный на Географическом факультете Томского Государственного Университета 3 апреля 1941 г.) // Вопросы географии Сибири. Вып. 20. Томск, 1993, с. 117.

в XIX в., дополнена англичанами...»²¹. Работы А.В. Маракуева сохранили актуальность и после его смерти, на что указывает их публикация в 1990-х гг.²²

Значительная часть томского периода жизни А.В. Маракуева пришлось на годы Великой Отечественной войны. Ко времени начала войны в Советском Союзе в живых осталось не так много китаеведов, да и ученых других специальностей, поскольку они уничтожались советским государством. Не случайно в Томск в эвакуацию не попало ни одного коллеги ученого, а работы прибавилось. С октября 1941 г. А.В. Маракуев стал работать почасовиком в Пединституте, читая курс «География Англии» на факультете иностранных языков. А через год он был зачислен в штат Пединститута. В январе 1943 г., согласно записи в трудовой книжке, А.В. Маракуев был освобожден от должности доцента в Индустриальном институте в связи с переходом на другую работу. С 1 октября 1944 г. синолог возглавил кафедру географии в Томском педагогическом институте. В архиве сохранилась копия приказа Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР об утверждении А.В. Маракуева и.о. заведующего кафедрой географии Томского государственного педагогического института от 23 мая 1945 г.

В характеристике из Томского педагогического института говорилось: «Доцент Александр Владимирович Маракуев начал работу в Томском Педагогическом институте зимой 1940–41 учебного года в качестве доцента по совместительству. С 1942/43 учебного года он вошел в штат института, а начиная с 1944/45 учебного года заведует в нем новооткрытой кафедрой Географии. По совместительству читает лекции по географическим дисциплинам в Томском Университете. Заведую кафедрой Географии читал в течении пяти лет лекции по весьма разнообразным географическим дисциплинам “Общая физическая география”, “Методика преподавания географии”, “География капиталистических стран”, “Историческая география”, “География Китая”, “География Германии” и “География Англии”, — последние два курса для студентов факультета Иностранных языков Педагогического Института».

Во время Великой Отечественной войны А.В. Маракуев в Томске занимался научно-исследовательской работой. Правда, у высокого начальства к нему часто возникали претензии. Например, в «Отчете бригады Томского ГК ВКП(б) по обследованию работы ТГПИ в 1942/43 учебном году» отмечалось: «Тема “Меры и весы в Китае” представляет собою сводку материала, собранного автором, почему-то требует для исполнения 3000 руб., и сама-то тема не может являться в настоящее время актуальной»²³. Вообще, в опубликованных документах отмечается такой странный факт: «Доцент Маракуев за неявку без уважительных причин на занятия 14 июля был отдан под суд (приказ ди-

²¹ Там же, с. 132.

²² Там же, с. 114–137.

²³ Томский Государственный Педагогический институт в годы ВОВ (1941–1945). Сб. док. и материалов. Томск, 2007, с. 116.

ректора пединститута № 198 от 26/VII-1943)»²⁴. Однако в хранящейся в университетском музее трудовой книжке есть записи лишь о благодарностях, заработанных во время войны: «1. 1942. I. 1. Объявляется благодарность за хорошую работу педагогическую и общественную в Томском ордена Трудового Красного Знамени Индустриальном Ин-те им. С.М. Кирова... 2. 1944. XI. 6. Объявлена благодарность за хорошую научную, академическую и за активную общественную работу». И в характеристике из Томского педагогического института говорилось: «тов. Маракуев неизменно обеспечивал высокое качество читаемых им курсов и показал себя талантливым, способным увлекать слушателей лектором».

В «Отчете руководства ТГПИ о научно-исследовательской работе, проделанной в 1944 году» говорилось: «К числу лучших работ следует отнести: ...Докторскую диссертацию доцента Маракуева А.В. “География Китая”»²⁵. В характеристике на доцента Томского Педагогического Института А.В. Маракуева говорилось: «Вместе с педагогической работой тов. Маракуев ведет крупную научно-исследовательскую работу, главным образом по географии Востока, в этой работе он опирается на знание 16 иностранных языков и на личное пребывание во многих странах мира. Во время Великой Отечественной войны тов. Маракуев закончил более двух десятков научных работ... В 1945 г. он заканчивает докторскую диссертацию “География Китая”, и в том же году, согласно намеченному плану должен ее защитить». Сам А.В. Маракуев в автобиографии отмечал: «В 1945 г. за научные работы в области метрологии (меры и веса всех стран мира) был награжден Комитетом по делам мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР почетной грамотой». А.Н. Хохлов пишет, что во время войны А.В. Маракуев вел переписку с академиком В.М. Алексеевым.

Говоря о китаеведческих трудах А.В. Маракуева в Томске, в первую очередь необходимо сказать о том, что он первым перевел на русский язык фундаментальное даосское сочинение «Хуан-ди Инь-фу-цзин» (黄帝陰符經 «Книга о единении сокрытого, [написанная] Хуан-ди»). Сам А.В. Маракуев написал в заключении к публикации одной из своих работ: «Ни в дореволюционной русской, ни в советской литературе Иньфу-цзин ни разу не только не переводился, но и не упоминался. Перевод его на русский язык появляется впервые; он выполнен нами в первый год Великой Отечественной войны — в 1941 году... Томск, 31 декабря 1944 года»²⁶.

В трудные военные годы А.В. Маракуев много занимался общественно-политической и пропагандистской работой, читал лекции в самых разных ме-

²⁴ Там же, с. 115.

²⁵ Там же.

²⁶ *Маракуев А.В.* Иньфу-цзин. Страничка из истории китайской философии (Доклад, прочитанный на кафедре древней истории Томского университета 12-го января 1945 г.) // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. III (Серия гуманитарных наук). 1946, с. 132.

стах. В автобиографии он написал: «В период Великой Отечественной войны состоял лектором в лекторском бюро Томского Горкома ВКП(б)... В течение многих лет работал на различного рода курсах по подготовке и переподготовке учителей, во Владивостокском и Томском областных институтах усовершенствования учителей, а также читал несколько лет политическую географию мира в партийной школе Кировского райкома ВКП(б)». В характеристике из Томского педагогического института говорилось: «А.В. Маракуев активно участвует в общественной работе, сотрудничает в местной печати и в годы войны в газете “Красное Знамя” /Томск/ появился ряд его военно-географических очерков, с выполненными им картами отдельных дальневосточных театров военных действий. Во время пятилетнего пребывания в Томске, тов. Маракуевым было прочитано большое число докладов и популярных лекций на географические темы перед самыми разнообразными аудиториями и одно время он состоял в лекторском бюро Горкома ВКП(б). Много лекций им было прочитано в госпиталях для раненых бойцов и офицеров РККА».

В 1945 г. А.В. Маракуев написал: «Я горжусь тем, что написал свой не легкий труд в дни Великой Отечественной войны, когда два моих сына — офицеры Красной армии (одного из них уже нет в живых) отстаивали свободу и независимость мировой цивилизации от коричневых орд Фашистской Германии. “География Китая” будет моим подарком Отечеству и дружественному Китаю в дни окончания войны, и на Западе и на Востоке»²⁷. Действительно, семья Маракуевых понесла в Великой Отечественной непоправимые потери. В автобиографии А.В. Маракуев написал: «Мой старший сын, лейтенант Андрей Маракуев, погиб в боях с фашистами в Германии в 1945 г.; мой младший сын, Евгений Маракуев, является офицером-инвалидом 1-й группы Великой Отечественной войны и проживает вместе со мной». На сохранившейся на отдельном листочке записи отмечено: «2 сына Андрей — погиб в г. ВОВ (44г.) Евг. — уч-к ВОВ — от метилового спирта в 19 лет потерял зрение из 44 — 22 чел погибли парализован был 8 лет (поэт)».

В Томске и после войны А.В. Маракуев продолжал активно заниматься китаеведением. А.Н. Хохлов приводит письмо китаевода к В.А. Обручеву от 8 октября 1945 г., в котором говорится: «Я заканчиваю перепечатку моей “Географии Китая”... В 1946 г. везу ее в Москву, в качестве диссертации (только один том) на соискание ученой степени доктора географических наук»²⁸. В 1945 г. А.В. Маракуев опубликовал в Томске небольшую брошюру «Введение в тибетскую топонимику», в 1946 г. в «Трудах Томского гос. педагогического института» вышла публикация «Фрагмент китайского бронзового зеркала в Музее ИМК Томского гос. университета», а в 1947 г. в «Ученых записках Томского ГПИ» была напечатана его статья «Климат Китая»²⁹.

²⁷ Хохлов А.Н. Указ. соч. С. 88.

²⁸ Там же.

²⁹ Милибанд С.Д. Востоковеды России. Кн. I. С. 865.

Собственно китаеведческая работа тогда была мало востребована. В написанной в 1952 г. автобиографии отмечалось, что он выступал с докладом «на Втором Всесоюзном Географическом съезде в Ленинграде в 1947 г. (доклад “Топонимика как географическая дисциплина...”»), на 4 сессии Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР в Новосибирске в 1949 г. (доклад “Методология приближенных подсчетов населения в мире”)... Список, появившихся в печати моих работ (сейчас их более 100) прилагается». За время работы в Томске А.В. Маракуев, согласно данной ему в 1952 г. характеристике, несколько статей напечатал в «Ученых записках Педагогического института». Но в автобиографии А.В. Маракуев также написал: «имею ряд рукописей, приготовленных к печати, в том числе капитальную “Географию Китая”, “Введение в топонимику, как географическую дисциплину”, “Население Китая”, “Тибетскую топонимику”, “Китайскую топонимику”, “Краткий словарь мер и весов” и др.». Таким образом, почти все китаеведческие труды, в том числе и 4-х томная «География Китая», оставались в рукописях. Не было, судя по отчетам, повода и для выступлений с китаеведческими докладами на конференциях. Единственно на местной научной конференции в июне 1945 г. синолог сделал доклад на тему «Флора и фауна Китая».

Среди послевоенных работ А.В. Маракуева есть и примеры прекрасных китаеведческих исследований, органично связанных с местной сибирской проблематикой. Примером тому является большая статья «Китайские бронзы Басандайки». И здесь, в сложные послевоенные годы, китаевед не боится остро ставить проблемы: «Изумительная скудость китайских бронзовых изделий... в томских могильниках заставляет нас невольно вспомнить историю раскопок на нашей территории во времена царизма. Русские ремесленники, поселяясь в крае, изобиловавшим старинными городищами и курганами, в течение долгого времени использовали извлекавшуюся из погребений бронзу и медь как металл, превращая её в кастрюли и самовары для сибиряков-переселенцев и туземцев»; «Будем надеяться, что басандайская находка явится первым звеном в длинной цепи, связывающей до-русскую Сибирь с китайской культурой, а также с культурой монгольских и тюркских племён Центральной Азии. Розыскать остальные звенья этой цепи, установить заимствования в культуре народов Сибири, определить самобытные её достижения — вот почётная задача томских археологов и историков»³⁰.

В 1952 г. А.В. Маракуев покинул Томск, выехав в Алма-Ату. С 1 сентября 1952 г. А.В. Маракуев был освобожден от занимаемой в Томском пединституте должности по собственному желанию. Но согласно записи в трудовой книжке, он уже с 25 августа 1952 г. был зачислен на должность доцента кафедры экономической географии Казахского государственного университета.

³⁰ Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева (т. 98), ТГПИ. 1947, с. 167–174.

21 октября 1952 г. А.В. Маракуев в этом университете был переведен на должность заведующего кафедрой экономической географии.

В словаре С.Д. Милибанд указана одна работа А.В. Маракуева, опубликованная в годы его жизни в Алма-Ате. В 1954 г. в «Ученых записках Казахского университета» (т. 15, с. 95-113. — *А.К.*) вышла большая статья «Основные черты геологической истории Китая в антропогене в связи с эволюцией человека». В этом же словаре указана и посмертная публикация А.В. Маракуева в Москве — статья «Опыт характеристики антропогена Китая» (Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 13. М., 1957, с. 356–365. — *А.К.*)³¹. В статье (Г. Григора. — *А.К.*) «Памяти А.В. Маракуева» говорится: «За свою 45-летнюю научную деятельность А.В. Маракуев опубликовал около 100 работ»³².

В Казахском государственном университете А.В. Маракуев проработал до самой своей смерти — 19 августа 1955 г. В посмертной характеристике, написанной его приемником по заведованию кафедрой экономической географии КГУ, говорилось: «За время своей работы на кафедре А.В. Маракуев проявил себя чрезвычайно эрудированным, опытным и добросовестным научным работником и педагогом. Он был очень трудолюбив и неутомим... всесторонняя деятельность его не ограничивалась рамками кафедры и даже университета: А.В. Маракуев активно участвовал в работе других научных учреждений и общественных организаций /как член Географического общества. Общества по распространению политических и научных знаний и др./ А.В. Маракуев отличался большой честностью и справедливостью в своих отношениях к преподавателям, сотрудникам и студентам. Высокими деловыми и моральными качествами А.В. Маракуев снискал себе большое уважение и любовь всего коллектива геолого-географического факультета. Память о замечательном человеке, друге и учителе — А.В. Маракуеве сохранится в сердцах всех, кто так или иначе общался с ним».

³¹ Милибанд С.Д. Востокведы России. Кн. I, с. 865.

³² Известия Всесоюзного Географического Общества. Т. 89, вып.3. М., 1957, с. 267.

М. Ю. УЛЬЯНОВ

*К 110-летию со дня рождения
Г.С. Кара-Мурзы*

Предисловие к лекциям Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) по истории Древнего Китая

Георгий Сергеевич Кара-Мурза — историк Китая, обещавший дать многое.
В.М. Алексеев (1947 г.) [3, с.155]

Сейчас, когда издаются тома первой в нашей стране многотомной «Истории Китая», особенно важно обратиться к опыту отечественного китаеведения и присмотреться к тому, как складывалась традиция описания различных периодов истории Китая, в том числе и древнего. Дополнительный стимул этому был придан публикацией важнейшей для научного творчества В.М. Алексеева монографии «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» [5; 6].

Данная статья предвещает современное издание лекций по истории Древнего Китая представителя московского направления отечественной синологии Георгия Сергеевича Кара-Мурзы (1906-1945), опубликованных в 1939 г. в Московском институте востоковедения (МИВ) имени Нариманова*.

* Машинописная рукопись четырех лекций с отдельной пагинацией была размножена на стеклографе в количестве 30 экземпляров, и эта публикация не указана в основных библиографических справочниках по Китаю. Ее компьютерный набор для настоящего издания осуществила О.С. Дементиевская. — А.К.

Но этот курс не был первым в СССР. Годом ранее в Ленинграде были изданы «Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. – I в. н.э.)» Лазаря

Г.С. Кара-Мурза
в г. Чойбалсан (Монголия)

Могила Г.С. Кара-Мурзы в Чите
(фото А.В. Усагого, 1986 г.)

Исаевича Думана (1907–1979), в основу которых был положен курс лекций, прочитанный им в Ленинградском восточном институте [12]¹.

Именно в этих двух лекционных курсах и были подведены итоги знакомства (но, увы, не изучения) с историей Древнего Китая в первые десятилетия существования Советского Союза. Их авторы принадлежали к молодому поколению, были ровесниками: когда вышел курс лекций, Л.И. Думану было 32 года, а Г.С. Кара-Мурзе — 33 года. Это вполне зрелые научно-педагогические труды. В них отражены не столько особенности личностей и характеров авторов, сколько особенности подходов к истории «традиционного Китая» представителей двух основных направлений отечественной синологии: ленинградского и московского.

¹ Этим же годом датируется и «Очерк истории Китая» В.М. Алексеева, но он носил характер конспекта лекций и заметок, которые не были изданы. Работу над ним он начал еще в 1915 г. [4, с. 409]. Возвращение к ним как-то могло быть связано с выходом большой публикации его ученика.

В 20–30 гг. XX в. благодаря бурному развитию китайской и западной науки перед синологами открывалось огромное поле деятельности в решении сугубо исторических задач. Уже тогда на основе вводимых в научный оборот разнообразных источников (нарративных, эпиграфических, археологических) можно было приступить к изучению отдельных периодов в истории Древнего Китая. Однако почти все достижения мировой академической науки прошли мимо внимания советских китаистов, среди которых преобладали обществоведы и те, кто занимался изучением бурных событий новейшей истории. В рамках ленинградского и московского направлений отечественной синологии отдельных монографий по истории какого-либо периода древнекитайской истории создано не было. Эти возможности в изучении истории «традиционного Китая» в основном оказались не реализованы.

В 20–30-е гг. появилось несколько работ, в которых была затронута древность. Одной из наиболее показательных работ была статья 1930 г. выходца из Ленинграда Е.С. Иолка (1900–1937) «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая» [14, с. 133–134]. Хотя это первая статья в послереволюционной китаистике, название которой содержит прямое обращение к Древнему Китаю, отношение к истории она не имеет — это обществоведческое обращение к древней истории. Статья имеет внешнее оформление исторической, но по сути, таковой не является, поскольку все обращения к источникам и историческому материалу служит одной общей задаче — атрибуции «общественного строя» с выявлениями «классовой структуры общества» и описания «аграрных отношений», модель которых всегда была задана априори в соответствии с идеологическими установками автора².

Эта ситуация отражена в итоговой монографии В.М. Алексева «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая», которая, впрочем, была издана у нас только в 2010 г., а широкому читателю стала доступна в 2013 г. [5, 6].

Наиболее адекватно на открывавшиеся в науке возможности реагировали представители ленинградского направления, то есть академического (точнее, «классического») востоковедения, среди которых преобладали литературоведы. К числу опубликованных фундаментальных научных работ относятся труды учеников В.М. Алексева. Это монография лингвиста Ю.В. Бунакова «Гадательные кости из Хэнани (Китай)», в которой рассмотрены полученные в результате начатых в 1928 г. раскопок политического центра Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.), и монография историка общественной мысли А.А. Петрова, посвященная Ван Би [8; 32].

² К их числу можно отнести монографию М.Д. Кокина (1906–1937) и Г.К. Папаяна (1901–1937) «“Цзинь тянь”. Аграрный строй древнего Китая» [24] и др. И тем более работу К.Б. Радека, например, «Основные вопросы китайской истории», которая вышла в журнале «Новый Восток» (кн. 16–17) в 1927 г.

Сам В.М. Алексеев несколько раз в своих статьях касался вопросов изучения истории³. Но попытки подготовить историков в условиях того времени заканчивались тем, что из его рук выходили обществоведы, которые, хотя и называли себя историками, решали сугубо обществоведческие задачи (Иолк, Папаян, Кокин и др.). Только представители предвоенного поколения несколько глубже были связаны с историей (Л.В. Симоновская, Л.И. Думан, З.И. Горбачева), но их труды основывались уже не на прочном филологическом фундаменте и не были связаны с переводом и изучением источников, а базировались на зыбком основании господствующих идеологических схем и на теории истмата, которую они адаптировали к изучению «традиционного Китая». Академическая школа дала им широту подходов, страноведческую эрудицию, культуру оформления работ и т.п. Но задачи, которые они решали, были связаны с «крестьянскими восстаниями», «общественным строем» и «общественными отношениями».

Отметим, что история Древнего Китая как таковая освящалась представителями третьего направления — владивостокского, чей интерес к истории был заложен работавшим там выходцем из санкт-петербургской академической среды Н.В. Кюнером (1877–1955). Первыми стали «Очерк истории Китая» выпускника владивостокского Восточного института А.Д. Попова (1889–1941), вышедший в Харькове в 1925 г. [34], затем книга К.А.Харнского (1884–1943) «Китай с древнейших времен до наших дней» [42], а в завершении и небольшие энциклопедические статьи П.А. Гриневича (1899–1938) по истории Китая в целом [10; 11]⁴. Эти работы, являясь только частью очерков или энциклопедических статей, носили обзорный характер. Никто из авторов специально древностью не занимался.

Поэтому оба курса лекций по истории Древнего Китая, созданные Л.И. Думаном (1907–1979) в Ленинграде и Г.С. Кара-Мурзой в Москве, представляют большую ценность для изучения истории отечественной науки [12]. Их тираж

³ В 1929 г., когда обществоведы уже изрядно углубились в дискуссии об общественном строе, им была написана статья «Китайская история в Китае и в Европе». Она была посвящена подведению итогов в «изучении китайской истории как в Европе, так и в самом Китае» и постановке на будущее задач «синологии исторической». Написанная филологом, статья лежит в русле классической исторической науки. В ней высказан целый ряд интересных суждений об изучении истории и источниках. Нет необходимости говорить о том, что в статье нет ни слова ни про общественный строй, ни про борьбу классов [2, с. 342]. Среди колоссального научного наследия, изданных и не изданных трудов В.М.Алексеева, его публикаторы насчитывают девять отдельных работ, которые имеют отношение к истории [4, с. 408–409].

⁴ Следует добавить, что в послевоенное время еще один представитель владивостокского направления Б.И. Панкратов (1892–1979), работая в Ленинграде, станет научным руководителем двух замечательных историков К.В. Васильева и Ю.Л. Кроля, оставивших и переводы важнейших исторических источников, и их глубокие исследования. А в Москве наиболее значительный проект будет осуществлен еще одним «владивостокцем» Р.В. Вяткиным, который переведет и издаст почти полностью «Исторические записки» Сыма Цяня.

был более чем невелик, они предназначались не для широкого читателя, а для студентов двух вузов. Эти труды так и не вошли в широкий научный оборот.

Если лекции Л.И. Думана еще иногда упоминались в работах его учеников, то лекции Г.С. Кара-Мурзы полностью выпали из научного обращения. В отличие от его лекций по истории Китая в Средние века и Новое время, они не встречаются в библиографиях, не упоминаются и не цитируются в публикациях историков и биографов, даже тех, которые хорошо понимали значение его личности и его трудов.⁵ Кстати, нечасто вспоминают и о том, что Г.С. Кара-Мурза являлся автором очерка «Китайская литература», опубликованном в томе 5 «Литературной энциклопедии» в 11 томах (1929–1939), в котором есть раздел и по периоду древности⁶.

Г.С. Кара-Мурза не являлся специалистом по древности. На содержание лекций повлияли и особенности развития московской синологии, в которой не сложилось ни академической среды, нацеленной на изучение «классики», ни тем более школы изучения древней и средневековой истории Китая. Однако в них автор попытался отойти от обществоведческих дискуссий 20–30-х гг. и наметить иной, сугубо исторический, подход к изложению и осмыслению сведений о Древнем Китае. К такому развороту от обществоведения к истории его подтолкнули некоторые обстоятельства жизни, о которых скажем ниже. Приведем некоторые сведения о его научной биографии, в которой отразились многие перипетии того времени.

Этапы биографии

Г.С. Кара-Мурза родился 23 мая 1906 г. в семье московских интеллигентов. Его отец, Сергей Георгиевич, являлся известным театральным критиком, театроведом и литератором. Большое внимание культурному развитию сына уделяла мать Георгия Сергеевича, Мария Александровна [39, с. 81]. Это был человек одаренный, склонный к саморазвитию и рефлексии. Одновременно он являлся представителем первого поколения советских людей, плодом уже

⁵ Их нет в «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова и «Биобиблиографии» С.Д. Милибанд. Биография Г.С. Кара-Мурзы сравнительно подробно изложена в статье 1988 г. Ф.А. Тодер, М.Ф. Юрьева. Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) [39, с. 81–100]. Данные о нем содержатся в монографии В.Н. Никифорова [29]. Сведения о нем самом можно почерпнуть из писем [16; 13].

⁶ Этот очерк упомянул китаист-филолог В.Ф. Сорокин в статье «Изучение новой и современной китайской литературы в России», написанной для энциклопедии «Духовной культуры Китая». Там он писал: «В 1930–1931 гг. появилось несколько журнальных публикаций Б.А. Васильева и Г. Кара-Мурзы, в том числе статья Г. Кара-Мурзы для 5-го тома “Литературной энциклопедии”. Это можно считать началом серьезного изучения новой китайской литературы» [36, с. 195]. Здесь имя Г.С. Кара-Мурзы поставлено рядом с именем ученика В.М.Алексеева, специалиста именно по классической китайской литературе.

сугубо советского образования и воспитания, поэтому сохранял верность идеям партии и полностью подчинялся ее требованиям и директивам.

В 1927 г. Г.С. Кара-Мурза, которому исполнился 21 год, закончил Московский институт востоковедения (МИВ) и стал сотрудником кабинета китаеведения при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (с сентября 1928 г. — Коммунистический университет трудящихся Китая), который просуществовал с 1925 по 1930 г. В 1928 г. кабинет китаеведения при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена, где работал Г.С. Кара-Мурза, был преобразован в НИИ по Китаю. Там он сосредоточился на вопросах, связанных с изучением китайской революции.

Однако ему не чужды были и вопросы, связанные со сферой языка. В 1929 г. в издательстве Коммунистического университета трудящихся Китая вышло его учебное пособие «Краткое руководство по правописанию китайских слов». А в первом выпуске «Проблем Китая» того же 1929 г. была опубликована рецензия на книгу Е.Д. Поливанова и Н.М. Попова-Тативы «Пособие по китайской транскрипции», которую он оценивает более чем критично: *«по существу, оно не только не разрешает проблему китайской транскрипции, но, наоборот, вносит путаницу в те методы транскрипции, которые уже выработались в процессе практической работы китаеведных учреждений и применяются почти во всех изданиях, посвященных Китаю, и в нашей периодической прессе»* [17, с. 463–464]. Чаще всего с замечаниями автора можно согласиться, поскольку он отстаивал те принципы транскрипции, которые используются и сейчас.

В 1930 г. Г.С. Кара-Мурза в одной из своих первых работ «Марксизм и буржуазная синология» позволил себе выступить с нападкамии на ленинградское академическое китаеведение и его руководителя В.М. Алексева [18]. Надо сказать, что эта статья сослужила для репутации Г.С. Кара-Мурзы скверную службу, поскольку позднее стала использоваться в качестве своего рода «морального обоснования» забвения его имени и его трудов.

Г.С. Кара-Мурза не был одинок в своей «критике». Многие представители его поколения прошли через это. В том числе и те, кому не принято было ставить это в вину. В своих воспоминаниях японист Ф.А. Тодер привела такую историю из ее жизни, которая позволяет понять атмосферу того времени и характер взаимоотношений между поколениями учителей и учеников: *«Примерно в это же время (вероятнее всего в 1930 г. — М.У.) учившийся старше нас Лазарь Думан устроил открытое партсобрание на тему о “гнилом либерализме” в лекциях Н.И. Конрада, Н.А. Невского, Н.В. Кюнера, Н.Н. Поппе и других беспартийных профессоров. Он потребовал, чтобы я выступила, заявив, что я должна доказать преданность рабочему классу. Делать было нечего. Подавленная, я пришла на собрание, где сидели Н.А. Невский, Н.И. Конрад и другие мои учителя. Кое-как, заикаясь, я пролепетала: “Мы с удовольствием торопимся на лекции Конрада и Невского, но ведь они учились не в эпоху марксизма и в их лекциях проскальзывают элементы гнилого либерализма”. После собрания Николай Иосифович, всегда сдержанный, протянул мне руку и, растрепав кудряшки, сказал: “Фани Тодер, запомните сегодняшний день”»*. Несколько выше она писала:

«Только после его смерти я по-настоящему поняла, как все эти десятилетия он следил за моим ростом и развитием, поддерживал меня в трудные моменты жизни» [38, с. 135].

С 1932 г. Г.С. Кара-Мурза, оставаясь сотрудником НИИ по Китаю, начал работать в Московском институте востоковедения и в Институте мирового хозяйства и мировой политики (по 1939 г.). С 1933 г. он начал регулярно публиковать статьи в профильных журналах, которые имели отношение к рассмотрению текущей ситуации в Китае.

В 1934 г. Г.С. Кара-Мурза, занимаясь подведением итогов работы Коминтерна по китайскому направлению, подготовил сборник «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая» [37]. Тогда же он возглавил группу авторов, составивших библиографический обзор «Книжная и журнальная литература о Китае в СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б)», в которой вновь были филиппики в адрес ленинградцев-«классицистов». Там были такие слова, которые характеризовали работу ленинградских ученых следующим образом: *«Научная работа по Китаю ведется, как известно, кроме Москвы еще в Ленинграде и на Дальнем Востоке. В Ленинграде центр академической работы по Китаю — Академия наук в лице ее Ин-та востоковедения и отчасти Ин-т им. Енукидзе, ЛОКА. Так называемая академическая школа, возглавляемая академиком Алексеевым, дает все еще оторванные от жизни работы* (выделено мною. — М.У.). *Так, например, Н. А. Невский опубликовал “Очерк истории тангутоведения” (“Известия Академии наук” за 1931 г.) о языке тангутов, государство которых прекратило свое существование... в 1226 г.! А. Драгунов опубликовал работу “Древнемандаринский язык в персидской транскрипции” (“Известия Академии наук” за 1931 г.). Работа опубликована на английском языке (без русского перевода). В известиях Академии материальной культуры (1931) появилась работа о 90 исторических раковинах в расписной керамике Китая, Крита и Триполи. Б. Васильев опубликовал работу “Древние источники Ляо Чжэя” (изд. Академии наук, 1931 г.) о сказках XVII в. Последняя работа, как и другие работы Васильева о литературе, является образцом приспособленческой литературы, насыщенной “марксистской” терминологией. В вышедших пяти томах “Записок коллегии востоковедов” при Академии наук не было ни одной статьи о Китае (и это в годы Великой китайской революции!), имеются только рецензии академика Алексеева на две работы о Китае. Бригада рецензентов ЛОКА в “Проблемах марксизма” правильно характеризует всю литературную продукцию “Азиатского музея Академии наук” как “13 лет академического востоковедения — 13 лет служения реакции” (“Проблемы марксизма”, № 8–9 за 1931 г., стр. 218)» [23, с. 351]⁷.*

По всей видимости, этот обзор, опубликованный в 1934 г., стал, говоря словами того времени, «реакцией группы товарищей» на публикацию «партийного органа». Можно заметить, что в Москве понимали, что в Ленинграде

⁷ Благодарим Е.В. Волчкову, которая обратила наше внимание на эту публикацию.

сохранялась *«академическая школа»*, но она не отвечала новым веяниям — ее труды в глазах московских обществоведов были *«оторваны от жизни»*. Ну и кончается обзор в духе времени — обвинением в реакции, однако, надо заметить, выраженным не словами самих авторов, а ссылкой на публикацию в официальных *«Проблемах марксизма»*. Уж больно медленная у них была реакция — прошло три года.

В 1935 г. в рамках усиления синологических кадров Г.С. Кара-Мурзе, как и нескольким китаеведам разных специальностей, без защиты диссертации была присвоена степень кандидата исторических наук. С 1935 по 1938 он являлся профессором Московского института востоковедения. Однако в том же 1935 г., в период усиления чисток в аппарате Коминтерна и в различных учреждениях, связанных с Востоком, обстоятельства жизни Г.С. Кара-Мурзы изменились. Прежде он написал заявление в партком Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической Академии, где работал тогда в качестве старшего научного сотрудника (оно датировано 16 мая 1935 г.). В нем он выступил с *«разоблачением»* своих старших коллег П.А. Мифа, Г.И. Сафарова, Л.И. Мадьяра и др. В нем, как сообщает публикатор его фрагментов В.Н. Усов, были и такие слова: *«... считаю необходимым сообщить некоторые известные мне факты о работе Мифа в Институте, могущие помочь в деле его разоблачения как скрытого троцкиста. Это факты следующие: ...»* [41, с. 42].

Возможно, это *«заявление»* спасло его от ареста и гибели, но не уберегло от опалы. Ф.А. Тодер вспоминает о том, что Г.С. Кара-Мурза в одном из своих писем, отправленных ей во время войны, писал: *«У меня ведь хуже было (вы наверное знаете, мне формально запретили заниматься своим делом, причем самая высокая инстанция). Три с половиной года к работе не допускали, а я знал, что буду работать, хотел, стремился к этому и, как видите, дождался»* [39, с. 88].

Его сын Сергей Георгиевич пишет об этом периоде его жизни более определенно: *«За это “трение” (интенсивное общение с китайскими учащимися. — М.У.) отец заплатился — в 1935 г. исключили из партии и до 1939 г. нигде не работал (точнее, не зарабатывал). Но за 30-е годы подготовил в рукописи многолетний труд по социальной, политической, культурной и военной истории Китая. Перед войной из него были сделаны и изданы на стеклографе три разных курса лекций — для истфака, для Дипакадемии и для военных»* [22].

С 1939 по 1941 г. Г.С. Кара-Мурза преподавал на историческом факультете МГУ, занимая должность профессора, и одновременно трудился в Институте истории АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. Это если не ввело его в академическую среду московских историков, то, по крайней мере, приблизило к ней. Начался новый важный этап его биографии.

Эта среда, которая существовала на кафедре колониальных и зависимых стран истфака МГУ, описана в воспоминаниях Ф.А. Тодер (с 1936 г. аспирантки этой кафедры): *«Постоянно приходилось бывать на заседаниях кафедры колониальных и зависимых стран. Кафедрой заведовал бывший сотрудник ЦК Н.Д. Старосельцев, сам по себе малоинтересный ученый, но*

собравший на кафедре немало профессиональных историков. ... На кафедре сложилась теплая научная атмосфера... Не забуду, как тщательно Г.С. Кара-Мурза не только работал над собственными лекциями, но и переписывал работу Э. Шика, для которого русский язык не был родным» [38, с. 141].

Так новые обстоятельства его жизни приблизили Г.С. Кара-Мурзу к «классике». Попав в лоно Московского государственного университета, в котором сохранялась академическая среда, и пережив «опалу», он начал работу над большим курсом по истории Китая, материалы которого и были использованы во время написания лекций по отдельным периодам.

Историк отечественного Китаеведения В.Н. Никифоров, сетуя на то, что *«в предвоенные годы наметилось отставание с исследованием новейшей истории Китая»*, коснувшись Г.С. Кара-Мурзы, заметил, что *«в последние годы перед войной многие историки, до того занимавшиеся только новейшим временем, частью или целиком перешли на изучение и более ранних периодов. Г.С. Кара-Мурза занялся новой и в меньшей степени древней и средневековой историей»* [30, с. 157]. Здесь следует оговориться, что заниматься применительно к древности и средним векам здесь не означает специально исследовать. А имеется в виду то, что, начитав литературу, автор доступно и грамотно передавал ее содержание в своем курсе. Но и это уже не мало, поскольку чтение такого курса лекций открывало возможность начать подготовку будущих специалистов.

Чуть позже знакомство с древней и средневековой историей подтолкнуло автора публикуемых лекций к рассмотрению ключевых вопросов социального устройства — статья «Род и племя древних китайцев» стала единственной, кроме лекций, специальной работой Г.С. Кара-Мурзы, касавшейся Древнего Китая [19].

В 1940 г. Г.С. Кара-Мурза подготовил курс лекций по истории Китая в середине века [20]. Тогда же вышел его раздел по новой истории Китая в учебнике «Новая история колониальных и зависимых стран» [31]. В 1941 г. увидела свет небольшая, но важная для дальнейшего развития отечественной синологии его сугубо историческая монография «Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850–1864» [21].

В предвоенное время он работал очень интенсивно и плодотворно. Но этот период был сравнительно недолог. Началась война. Являясь офицером, военным пропагандистом, на Дальнем Востоке он продолжал исследовательскую (точнее, военно-аналитическую) деятельность, в результате чего подготовил к защите докторскую диссертацию: «“Новый порядок” в Маньчжурии». Но жизнь его в 1945 г. трагически оборвалась — он погиб в авиакатастрофе.

* * *

Усилиями Г.С. Кара-Мурзы началось становление школы изучения новой и новейшей истории Китая, и если бы не война и он проработал бы на истфаке МГУ более длительное время, то, возможно, такая школа возникла. Биографы считают, что после гибели Г.С. Кара-Мурзы в Москве его знамя в изуче-

нии новейшей истории Китая подхватил его товарищ Г.Б. Эренбург [43, с. 102] и его прямой ученик М.Ф. Юрьев. Что касается древней и средневековой истории, то чудес не бывает — в послевоенное время в Москве их налаживали выходцы из ленинградской академической среды: изучение древнекитайской истории в Институте востоковедения организовывал Л.И. Думан, а преподавание истории традиционного Китая на истфаке МГУ, затем в ИВЯ и, соответственно, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова — Л.В. Симоновская. Впрочем, как и изучение классической литературы, — которое укоренилось в Москве благодаря усилиям еще одной ленинградской ученицы В.М. Алексеева, представительницы востоковедной династии, Л.Д. Позднеевой (1908–1974).

В послевоенной китаистике курс лекций по истории Древнего Китая Г.С. Кара-Мурзы (впрочем, как по истории Средних веков и Нового времени) не упоминается и не цитируется, поэтому можно сказать, что преемственности с его опытом, идеями и подходами не было. Его ученик М.Ф. Юрьев (1918–1990) занимался новейшей историей. На истфаке МГУ начинала работать его выпускница Т.В. Степугина (1923–), которая по возрасту не могла быть ни ученицей, ни преемницей Г.С. Кара-Мурзы. Тогда же началось и забвение этой стороны научного творчества Г.С. Кара-Мурзы — важнейшей как историка⁸.

О содержании лекций

Ниже кратко охарактеризуем содержание лекций Г.С. Кара-Мурзы. Во введении автор указывает, что довел историю Древнего Китая до конца Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.), но в нашем распоряжении только четыре первые лекции, в которых излагается история до конца Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.). Эта книга сохранилась в фонде библиотеки кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. Она не имеет владельческих печатей, характерных для книжных коллекций Л.Д. Позднеевой и В.С. Манухина. Степень сохранности — хорошая, на полях есть пометы в виде коротких вертикальных линий, в тексте есть подчеркивания. В первых трех лекциях в подстрочных сносках вписаны иероглифы, в четвертой есть сноски, но иероглифы отсутствуют.

Во **Введении** автор излагает идеологические основания, на которых создавался курс. Опираясь на совместное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах

⁸ Механизм его отражен в протоколе выступления А.А. Губера (1902–1971) на объединенном заседании кафедр стран Ближнего, Дальнего и Среднего Востока исторического факультета МГУ, которое проходило в 1948 г. Он в частности сказал: *«Я принимаю справедливый упрек Ларисы Васильевны (Симоновской. — М.У.), что наши кафедры недостаточно уделяют внимание творческому обсуждению, подготовке и переработке новых трудов. Правда, я верю, что наша разработка средневековой истории Китая может быть ценнее и лучше разработки Кара-Мурзы, но беда не только кафедры, но и Вас, что эти разработки Ваши (за исключением двух статей, опубликованных в журналах) дальше не пошли...»* [2, с. 97].

СССР», он пишет: *«Мы должны знать конкретные факты, даты, имена исторических деятелей и их характеристики, не ограничиваясь общими разговорами о способе производства, о формациях и укладах, к чему обычно скатывались историки до выхода в свет решающего постановления ЦК и Совнаркома»*. Он подчеркивает, что нельзя подменять *«связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»*.

При характеристике особенностей китайской истории и культуры автор, чтобы привлечь внимание читателя, включает ряд наиболее распространенных штампов. Характеризуя китайскую историю, он повторяет: *«История Китая есть история древнейшего и культурнейшего народа. Китайцы — это единственный во всем человечестве народ, который неизменно существует в течение многих веков на той же территории, на которой он начал свое существование, на которой зародилась его культура в незапамятной древности»*. Характеризуя китайскую культуру, говорит: *«История Китая развернет перед вами духовную и материальную культуру китайского народа, создавшего поистине мировые культурные ценности. Вы увидите, что китайский народ давно создал письменность, раньше всех других изобрел компас, порох, бумагу, имел древнейшее в мире шелководство»*.

Автор многократно подчеркивает, что история Китая — это прежде всего история народа. Но это заверение ставит историка в сложное положение, поскольку он тем самым лишает себя возможности сосредоточиться на политической истории, описанной в источниках, участниками («творцами») которой является совсем не народ, а монархи и представители знатных родов.

Вводная часть включает объяснение задач курса, обсуждение проблемы древности Китая (здесь ведется полемика с буржуазными учеными) и основные источники. Этот раздел он начал с археологии. В нем особое внимание уделил раскопкам шанской столицы у г. Аньян и эпиграфике шанского времени. Он в частности упомянул о надписях на костях и сложностях их дешифровки. Затем обсуждаются письменные источники: исторические памятники и литературные произведения, а также особенности иероглифического письма.

После этого автор рассматривает историографию и с большим энтузиазмом характеризует русские переводы древнекитайских трактатов. Затем он пишет о социально-экономических вопросах. Здесь же был поставлен вопрос об общественном строе, то есть о рабстве. Автор пишет: *«Но это бесспорное теоретическое положение: рабство было первой формой классовых отношений у всех или почти у всех народов, — тоже не разработано в отношении китайской древности»*. Вот так можно уйти от рассмотрения вопроса, который не разработан в науке или который не является научным, но настойчиво внедряется партийным руководством в исторический дискурс.

Ниже он добавил: *«Чтобы доказать, например, что рабство было господствующим способом производства, преобладающей формой общественных отношений в древнем Китае, — еще нужна большая исследовательская работа»*. Иными словами автор не готов априори, только следуя теории утверждать то, в чем у него нет уверенности. А в лекции о Шан пишет: *«Все*

эти данные позволяют говорить о том, что в царстве Шан уже были рабы. Но это еще ничего не говорит об общественном устройстве царства Шан в целом: был ли это племенной строй или развитое классовое государство? В общем археологические данные дают недостаточные материалы для того, чтобы сделать окончательные и ясные выводы о социальной структуре Китая в эпоху Шан».

Касааясь дискуссий о феодализме, он писал: *«Но для нас ясно, что теоретически такой взгляд ошибочен, ибо Китай не мог быть исключением из общей закономерности исторического развития».* А говоря об «азиатском способе производства», он дает понять, что не стоило бы и вспоминать, однако: *«Эта теория также ложна и несостоятельна, но вы можете встретиться с этим вопросом в литературе и вам надо знать, о чем идет речь».* И четко объясняет студентам: *«Схоластические споры, которые вели наши историки в 1929–31 гг. по этому вопросу, ни к чему не привели, они только хуже запутали вопрос, ибо споры шли вокруг 10–12 цитат из Маркса без привлечения конкретного материала».* Далее, ссылаясь на «Краткий курс», он раскрывает учение о социально-экономических формациях.

Данный курс лекций создавался тогда, когда дискуссии о способах производства отгремели и когда по всем вопросам уже высказались руководящие органы «страны Советов» и «сам лично...», но концепция «рабовладения» еще не была окончательно закреплена в китаеведении. Это, по мнению В.Н. Никифорова, произойдет в 1940 г. [29, с. 257]. Тем не менее он уже знал, что концепция «феодализма» прочно ассоциировалась с буржуазным восприятием истории, а также с проигравшей во внутривластной борьбе группировкой, к которой относились Каменев, Зиновьев, Радек и др., «азиатского способа производства» — с троцкистским, а вот «рабовладения» — со сталинским, то есть с единственно верным.

Таким образом, во введении Г.С. Кара-Мурза дал образец идеологически выверенного подхода к подготовке исторического курса, который мог бы быть примером для его слушателей и предостережечь от лишних разговоров. И при этом в тексте лекций ни здесь, ни ниже нет цитат из «классиков» или ссылок на доклады и труды тов. Сталина. Хорошо видно, что автор не был ни догматиком, ни начетчиком. Напротив, уже во введении проявляется его синологическая эрудиция, а также доверительная и взвешенная интонация.

Вводный раздел заключается такими словами: *«Но для нас должно быть ясно одно: никакие особенности развития Китая не исключают общей закономерности исторического развития, и если мы не видим ясно этой закономерности, то, по-видимому, просто потому, что мы еще недостаточно знаем конкретную историю Китая (выделено мною. — М.У.). Но наша наука еще молода, и дать законченное, развернутое исследование вопроса в новом освещении мы на сегодня еще бессильны».*

Замечательно, что исторические закономерности стали темой его рассуждений в дневниковых записях, свидетельствуя о сформировавшемся историческом мышлении [13, с. 227].

Вторая лекция называется «Дикость и варварство в свете мифологии и археологических данных». Говоря о древнейшем периоде китайской истории, автор опирается на китайскую традиционную модель изложения древнейшей истории. Он начинает с собственно мифов о божествах Фу-си, Нюй-ва, Шэнь-нун, Хуан-ди, которые интерпретирует с рациональной точки зрения. Далее, опираясь на теорию Энгельса, он и описывает китайское общество по стадиям «низкая дикость», «средняя и высшая стадия дикости и переход к варварству» и т.д.

Он исходит из идеи, что в мифе отражена историческая реальность. Она верна, но в ее воплощении он поступает как обществовед, некритично и прямолинейно трактует не сообщения источников, а их обобщенный и изрядно упрощенный пересказ в современной для него литературе. Это, очевидно, типичное направление. В будущем миф с литературоведческой и этнологической точки зрения будут рассматривать китаисты-филологи школы Л.Д. Позднеевой (прежде всего Э.М. Яншина), а также Б.Л. Рифтин, но в рамках академического литературоведения.

Третья лекция посвящена характеристике родового общества (XXIV–XVIII вв. до н.э.). Построено оно также на характеристике мифа. «История» правления мифических «императоров» Яо и Шуня, а затем Великого Юя излагается как реальная история, наполненная событиями, при этом автор указывает даты правлений и утверждает, что они *«не имеют уже никаких мифических черт»*.

Изложение мифических сведений об этих божествах как исторических свидетельств говорит о том, что у автора не было четких представлений о границе между мифическим повествованием и историческим. В частности, он пишет: *«Эпоха Яо уже имеет свою политическую историю — уже точно датируются события. Например, указывается, что в 2353 г. к Яо прибыли первые послы из страны Камбоджа»*. Рассказ о мифе как истории завершается такими словами: *«Юй умер в 2197 г. Правителем был выбран его сын 82-летний старец Ци»*.

Автор исходит из того, что за мифом стоят сведения об истории, а раз историю творит народ, то соответственно о народе, точнее формах его социальной организации и жизни можно узнать из мифа. Поэтому после этого он переходит к рассказу о социальной структуре и социальных отношениях. Он начинает с понятий рода, родового строя и племени — и вновь рассматривает их путем интерпретации мифов про тех же Яо, Шуня и Юя, считая их царями или вождями древности. Народ поддерживал всех трех правителей и жил в гармонии. Противоречие в том, что после изложения всего этого автор вновь заявляет, что все это миф и к нему требуется относиться критически, но вот только в отличие от буржуазных ученых нельзя его игнорировать и называть пустыми выдумками. Далее описываются варвары, затем «династия Ся», которую он также считал вполне исторической.

В своей историзации мифа Г.С. Кара-Мурза мог следовать за статьей известного антиковеда, профессора-историка МГУ А.В. Мишулина 1936 г.,

опубликованной в выпуске журнала «Борьба классов», который был посвящен обсуждению постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. и «Замечаний товарищей ...». В ней содержался установочный материал, который должен был помочь синологам, если такие появятся, разобраться с ситуацией и, оставаясь в поле научного дискурса, дать идеологически взвешенный материал [28]. Соответственно, если бы у Г.С. Кара-Мурзы и были сомнения в целесообразности такого подхода, то в этой статье была задана модель описания древнекитайской истории, приемлемая для партийного руководства, которой он мог следовать и которую мог развивать.

И если Л.И. Думан в своем «Очерке» мог опереться на опыт своих предшественников и учителей, то Г.С. Кара-Мурза, который оставался в Москве фактически единственным китаистом-историком, должен был сам искать модель изложения истории. И он пошел по санкционированному пути, который ранее был намечен в статье представителя академической науки и одобрен «вышестоящими органами».

Как ни странно, но проблема разграничения мифического и исторического в синологическом дискурсе актуальна и сейчас. Такой подход характерен для отечественной синологии, это не случайное явление, а глубоко укоренившееся — в описании древнекитайской истории мифические данные, пусть даже и с указанием на то, что это миф, приводятся довольно-таки часто⁹. Более того, порой миф подменяет собой историю¹⁰.

У этого явления глубокие культурные корни. На наш взгляд, это связано с тем, что и в современной китайской науке сохраняются элементы мифического мышления. Знакомясь с китаезычными работами, не все синологи могут его распознать — обаяние и очарование китайской культуры настолько велико, что они вольно или невольно теряют возможность критически мыслить. А между тем с точки зрения современной науки речь идет об эпохе ранней и средней бронзы (2500-1300 гг. до н.э.), что и предполагает их описание на основе археологического материала¹¹.

Историкам всегда приходится решать вопрос, с чего начинать рассказ о древнейшей истории, не освященной в письменных источниках. И почему-то вме-

⁹ Так, раздел о формировании древнекитайской государственности в вузовских учебниках по истории Древнего Востока, пусть и с оговорками, но начинается с упоминаний о мифических божествах Яо, Шуне, Юе и о пресловутой «династии Ся» — в учебниках 1979, 1988, 2001 гг. [15]. С Юя, Ци и «первой наследственной династии» Ся — в учебнике 2009 г. [9, с. 578], а также [25].

¹⁰ Даже в работе 1998 г. трех видных современных синологов читаем: «Что же касается предшествующего тысячелетнего периода правления отцов-прародителей Фу Си, Хуан-ди, Шэнь-нуна, Яо и Шуня, то синологи сходятся в том, что эти мифологические культурные герои, возведенные китайской традицией в ранг исторических персон, принадлежат-таки к китайской предыстории» [7, с.17]. В разделе, написанном С.И. Кучерой для «Большой российской энциклопедии», указаны даты правлений (!) мифических императоров [26, с. 91].

¹¹ Нам уже приходилось писать об этом явлении [40, с. 90–92].

сто того, чтобы кратко разложить данные археологических исследований и их исторических интерпретаций, синологам, пишущим о древнейшей истории Китая, и тогда, и сейчас представлялось важным донести до читателя традиционные **представления** о ней, бытовавшие в сознании носителей китайской культуры, а уже потом (но не всегда) привести и научные данные.

Отсутствие археологического раздела о палеолите, неолите, бронзовом веке позволяет сделать вывод о том, что обращение к мифу и пересказ мифических представлений с оговорками или без — это следствие отсутствия представления об этих наиболее ранних периодах истории Китая и отсутствия устоявшейся модели их описания. Это высказывание во многом справедливо и для настоящего времени.

Четвертую лекцию автор посвящает описанию «Шанского царства (XVIII–XII вв. до н.э.)». Начинает он с изложения данных о государстве Шан в районе г. Аньяна. Текст очень взвешен, для него характерны четкие и ясные формулировки. Подход, заданный во Введении, сохранился. Автор, как и ранее, не погружается в теоретизирование и не уходит в дебри обществоведческой дискуссии, а отметив свое понимание актуальной тогда проблемы, говорит о сугубо конкретных вещах. Именно эта лекция наиболее научна.

Основные разделы: территория, население, город; земледелие, скотоводство; орудия труда; ремесло; войны, армия; военнопленные, рабство; *ван*; пережитки родового строя; зарождение государства; аристократия; религия; жертвоприношения, гадания; похороны; письменность; искусство. Затронуты все аспекты истории, кроме описания политического процесса. Именно этот аспект был и, как ни странно, остается наиболее сложным в изложении истории Древнего Китая периодов Шан и Западное Чжоу. Во многом это связано с тем, что в основном историческом сочинении древности «Исторические записки» сведения о политической борьбе зачастую изложены в виде исторического предания и сложны для интерпретации. И лучше (и легче) их опустить, чем огульно называть «баснями» и «сказками».

Заключение

Лекции Г.С. Кара-Мурзы по истории Древнего Китая отмечают рубеж в складывании московского направления российской синологии. Они показывают, какого уровня оно достигало в предвоенное время. Курс лекций интересен еще и тем, что отражает свою эпоху, — он написан со смешанной энергией мужества и страха, порыва и сдержанности.

Перед Г.С. Кара-Мурзой, которому в год публикации лекций (1939 г.) исполнилось 33 года, стояла непростая задача — написать курс истории Древнего Китая, который отражал бы современные для его времени научные представления и не противоречил требованиям «вышестоящих органов». Намечая научный подход к рассмотрению древности, он искал пути описания истории древнекитайского общества. Складывается впечатление, что он стремился к тому, чтобы

дать взвешенную историческую интерпретацию существовавших в известной ему научной литературе и распространенных среди синологов представлений о прошлом страны и народа.

Автор не ставил перед собой задач привнесения марксистско-ленинской методологии в ее сталинской интерпретации и не пытался сформулировать советскую парадигму древнекитайской истории. Ему удалось выйти из замкнутого круга определения особенностей хозяйственных отношений (форм собственности на землю) и наличия или отсутствия рабовладения («общественного строя»). Он только упомянул об основных дискуссиях своего времени об «общественном строе» и «способах производства», но не стал погружаться ни в критику одних концепций, ни в обоснование других.

Задача автора заключалась в том, чтобы вписаться в рамки, которые были предписаны историкам партийными постановлениями. Он был хорошо подкован идеологически и как человек 30-х гг. обладал большой осторожностью — то, что в 1935-1939 гг. он пережил если не репрессии, то «опалу», заставляло его тщательно взвешивать каждое слово.

Не являясь историком-древником, при описании древнейшей истории он выбрал путь рационального осмысления мифа. Гораздо более научной выглядит характеристика государства Шан на основе обобщения достижений археологов.

* * *

Судьба Г.С. Кара-Мурзы складывалась таким образом, что он начинал как обществовед и обрушился с критикой на В.М. Алексеева именно в этом статусе, но, поступив работать на истфак МГУ, решая сугубо исторические задачи, стал историком, в значительной степени изжив из себя обществоведа. Стремясь достойно выполнить научно-педагогическую задачу, он искал способы перехода от распространенных ранее обществоведческих подходов к собственному историческому описанию древностей Китая и предложил свой подход.

Содержание лекций позволяет подозревать, что в послевоенной Москве из всех московских синологов, пожалуй, только Г.С. Кара-Мурза и мог бы занять место руководителя направления по изучению истории «традиционного Китая». И это подтверждается не только его научным и эпистолярным наследием, но и словами ... В.М. Алексеева, который в своей работе «Советская синология», подготовленной к печати в 1947 г. (изданной в 1982 г.), писал: *«Советская китаистика за время войны потеряла ряд лучших китаистов ... Георгий Сергеевич Кара-Мурза — историк Китая, обещавший дать многое»*. Мы не знаем, простил ли В.М. Алексеев «нападки» 30-х гг., но видим, что этот выдающийся ученый, который не был склонен ни льстить, ни угождать, ни подстраиваться под чье-либо мнение, именно так незадолго до своей смерти «аттестовал» автора публикуемых лекций¹².

¹² Признание Г.С. Кара-Мурзы и как педагога содержится в статье такого представителя «классического» направления, как В.В. Петров, «В.М. Алексеев о предмете, путях

Литература

1. Академик А.А. Губер: к 100-летию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. М., 2004, с. 97.
2. *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
3. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982.
4. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В двух книгах. Кн. 2. М., 2003.
5. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб., 2010.
6. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая // Архив российской китаистики. Т. I. М., 2013.
7. *Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С.* Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998.
8. *Бунаков Ю.В.* Гадательные кости из Хэнани (Китай). Л.–М., 1935.
9. *Бухарин М.Д., Ладынин И.А., Ляпустин Б.С., Немировский А.А.* История Древнего Востока. М., 2009.
10. *Гриневич П.А.* Китай // Большая Советская Энциклопедия. Т. 32. М., 1936.
11. *Гриневич П.А.* Китай // Малая Советская Энциклопедия. Т. 5. М., 1937.
12. *Думан Л.И.* Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. — I в. н.э.). Л., 1938.
13. Из писем Г.С. Кара-Мурзы // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов (1941–1945 гг.). М., 1985.
14. *Иолк Е.С.* К вопросу об основах общественного строя древнего Китая // Проблемы Китая. 1930, № 2.
15. История Древнего Востока / под. ред. В.И. Кузищина. М., 1979, 1988, 2001.
16. *Кара-Мурза Г.С.* Из писем ученого // Новый мир. 1950, № 4.
17. *Кара-Мурза Г.С.* [рец. на:] *Е. Поливанов и Н. Попов-Татива.* Пособие по китайской транскрипции. Изд. Научно-Исследовательской ассоциации при КУТВ'е им. И.В.Сталина, Москва, 1928 г., с. 91, цена 1 р. 30 к. // Проблемы Китая. 1929, № 1.
18. *Кара-Мурза Г.С.* Марксизм и буржуазная синология // Проблемы Китая. 1930, № 4–5.
19. *Кара-Мурза Г.С.* Род и племя древних китайцев // Труды Московского института востоковедения. 1939, № 1.
20. *Кара-Мурза Г.С.* Лекции по истории Китая в Средние века. М., 1940.
21. *Кара-Мурза Г.С.* Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850–1864. М., 1941.
22. *Кара-Мурза С.Г.* Романтические фантазии // <http://vif2ne.ru/nvz/forum/arhprint/148873>. Дата: 27.10.2005
23. Книжная и журнальная литература о Китае в СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б). (Библиографический обзор) // Проблемы Китая. 1934, № 13.

развития и проблемах синологии»: «Параллельно с академическим и университетским китаеведением в 20–40-х годах успешно развивалось практическое преподавание китайского языка и китаеведных дисциплин. Значительный вклад в подготовку китаеведных кадров в Москве, которая наряду с Ленинградом стала ведущим синологическим центром, внесли В.С.Колоколов (1896–1979), И.М. Ошанин (1900–1982), Г.С. Кара-Мурза (1906–1945), А.П. Рогачев (1900–1981), Л.Д. Позднеева (1908–1974)» [33, с. 19].

24. *Кокин М., Папаян Г.* «Цзинь тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930.
25. *Кузищин В. И., Кучера С.* История Древнего Востока. М., 2007, 2010, 2012.
26. *Кучера С.* Исторический очерк. Древний Китай // Большая российская энциклопедия. Т.14. М., 2009.
27. *Малибанд С.Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 1, 2. М., 1995.
28. *Мишулин А.В.* Очерк о Китае в античную эпоху // Борьба классов. 1936, № 2.
29. *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.
30. *Никифоров В.Н.* Советская историография Китая в первые послевоенные годы (1946–1949) // Краткие сообщения института народов Азии. Вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока. М. 1964.
31. Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1 / Под редакцией С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера, Г.С. Кара-Мурза, Б.К. Рубцова. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М., 1940.
32. *Петров А.А.* Ван Би (226–249). Из истории китайской философии. М.–Л., 1936.
33. *Петров В.В.* В.М. Алексеев о предмете, путях развития и проблемах синологии // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексева. М., 1983.
34. *Попов А.Д.* Очерк истории Китая. Харьков, 1925.
35. *Скачков П.Е.* Биография Китая. М., 1960.
36. *Сорокин В.Ф.* Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 3: Литература. Язык и письменность. М., 2008.
37. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934.
38. *Тодер Ф.А.* Записки востоковеда // Восток (Ориент). 1999, № 4.
39. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М., 1988.
40. *Ульянов М.Ю.* Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. 2014, № 2 (Лето).
41. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.
42. *Харнский К.А.* Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
43. *Юрьев М.Ф., Панцов А.В.* Учитель китаеведов Г.Б. Эренбург (1902–1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М. 1988.

Институт Востоковедения имени Нариманова
Дальневосточная кафедра

Проф. Г. С. Нара-Мурза

Древний Китай
(ЛЕНЦИИ)

Москва—1939 г.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. НАРИМАНОВА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА.

Проф. Г.КАРА-МУРЗА.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

/Задачи курса. Проблема древности Китая. Археология. Аньянские находки. "Культура Яншао". Синантроп. Китайские исторические труды. Древнейшие исторические памятники. Письменность как источник. Русская и европейская литература о древнем Китае. Проблема социально-экономического строя древнего Китая/.

Москва

1939 г.

Институт Востоковедения имени Нариманова
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА

Проф. Г.С. Кара-Мурза

Древний Китай
(ЛЕКЦИИ)

Москва — 1939 г.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. НАРИМАНОВА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА

Проф. Г. КАРА-МУРЗА

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

(Задачи курса. Проблема древности Китая. Археология. Аньянские находки. «Культура Яншао». Синантроп. Китайские исторические труды. Древнейшие исторические памятники. Письменность как источник. Русская и европейская литература о древнем Китае. Проблема социально-экономического строя древнего Китая).

Москва
1939 г.

ЗАДАЧИ КУРСА

Я думаю, что говорить об общем значении истории как науки нет особой необходимости. Вы знаете известное решение ЦК нашей партии и СНК, посвященное вопросу о преподавании гражданской истории. Это постановление, опубликованное 16/V-1934 г., поставило изучение истории в нашей стране на совершенно новые рельсы. Вам известно также, что до сих пор значительное влияние в нашей исторической науке имела так называемая «школа» Покровского, которая, по существу, сводила на нет историческую науку, заменяя изучение конкретной истории схоластикой, схемой, социологизмом. Именно в борьбе с этой антимарксистской, антиленинской «школой» развертывается дальнейшее изучение гражданской истории на основе прямых указаний партии и правительства и лично товарища Сталина.

Майское постановление ЦК нашей партии и СНК 1934 г. осуждало схематизм и социологизм, господствовавший в нашей исторической науке. Постановление указывало, что «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».

Осуждая подобные методы преподавания, постановление указывало, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат».

Естественно, что эти указания обязывают нас совершенно по-новому относиться к науке истории, не так, как относились к ней раньше. Мы должны знать конкретные факты, даты, имена исторических деятелей и их характеристики, не ограничиваясь общими разговорами о способе производства, о формациях и укладах, к чему обычно скатывались историки до выхода в свет решающего постановления ЦК и Совнаркома.

Приступая к изучению истории Китая, надо подчеркнуть особо важное значение этого курса в условиях политических событий сегодняшнего дня.

Сейчас, когда китайский народ героически сражается за свою свободу и независимость [с. 2], отражая нашествия японских варваров, нам особенно важно изучить его огромное по сравнению с другими народами прошлое, его героическую историю. История Китая есть история древнейшего и культурнейшего народа. Китайцы — это единственный во всем человечестве народ, который неизменно существует в течение многих веков на той же территории, на которой он начал свое существование, на которой зародилась его культура в незапамятной древности. Современные древнему Китаю Ассирия, Вавилон и Египет, Финикия и Иудея давно исчезли, исчезли Греция и Рим, а Китай, зародившийся еще в ту эпоху, когда строились египетские пирамиды и критские дворцы, уже тогда имевший высокую культуру, продолжает существовать и теперь.

Изучение истории Китая позволит вам понять высокую культуру китайского народа, его величие, мужество, героизм. Вы увидите — как развивалось хозяйство Китая, увидите постепенный рост его производительных сил, постепенную смену общественных отношений, увидите героические страницы классовой борьбы трудящихся против своих эксплуататоров. Вы изучите войны, которые вел китайский народ, в течение своей многовековой истории не раз попадавший под власть варваров, завоевывавших Китай, покорявших его народ и устанавливавших в Китае свою власть. Вы увидите, в борьбе с какими врагами закалился китайский народ.

Вы узнаете, что верховная власть не раз менялась в Китае в условиях нашествия варваров, но китайский народ — стойкий и мужественный — неизменно выходил победителем из суровой борьбы с завоевателями, насильниками-варварами, сохраняя свой самобытный строй, свою культуру, свою независимость.

История Китая развернет перед вами духовную и материальную культуру китайского народа, создавшего поистине мировые культурные ценности. Вы увидите, что китайский народ давно создал письменность, раньше всех других изобрел компас, порох, бумагу, имел древнейшее в мире шелководство. Вы увидите, что за много веков до Европы Китай уже знал астрономию, математику, физику, много раньше европейцев узнал книгопечатание и в больших тиражах издавал свои книги; имел древнейшую в мире газету, выходившую под одним и тем же названием более тысячи лет. Вы увидите, что в Китае уже на заре истории была своя изящная литература, прекрасная поэзия, живопись и архитектура.

Но вы увидите далее застой в развитии Китая. Вы увидите, что европейцы, в определенный период бывшие более отсталым народом по сравнению с китайцами, обогнали его, стали более передовым народом и, в конце концов, [с. 3] нанесли Китаю тяжелый удар, превратив свободную до того времени страну в полуколонию. Вы увидите героическую борьбу Китая за освобождение от империалистического гнета, ряд восстаний и революций, когда Китай

под руководством новых сил, выросших уже в ходе новейшей истории, борется за свое национальное освобождение.

Историю Китая, как и всю историю вообще, мы делим на три части: древнюю историю, средневековье и новую историю. Эта периодизация введена также известным постановлением ЦК и СНК 1934 г. Эта периодизация была дана в борьбе с антимарксистской, антиленинской «школой» Покровского, которая, ликвидируя историю как науку, ликвидировала и всю периодизацию в изучении истории, заменяя конкретное изучение ее по различным эпохам общей социологической схемой.

ПРОБЛЕМА ДРЕВНОСТИ КИТАЯ

Сегодня мы приступаем к изучению курса древней истории Китая. Какими хронологическими рамками ограничивается этот курс? Древняя история Китая начинается с незапамятных времен. Сами китайцы датируют начало своей истории примерно тремя тысячами лет до нашей эры. В Китае никогда не подвергалась сомнению глубочайшая древность китайского народа, — ее не брали под сомнение ни китайские ученые, ни политические деятели, ее не подвергают сомнению и китайские коммунисты. Так, например, в только что вышедшем втором номере «Коммунистического интернационала» опубликовано решение последнего VI-го пленума ЦК компартии Китая, в котором говорится: «Расширенный VI-й пленум ЦК китайской компартии твердо уверен в том, что великая китайская нация, насчитывающая 5-тысячелетнюю историю и 450 миллионов населения... сумеет преодолеть все трудности и победоносно закончить национально-освободительную, оборонительную, антияпонскую затяжную войну».

Эта пяти тысячелетняя давность китайской истории не голословна — китайские исторические труды прослеживают ее шаг за шагом, называя имена правителей, властвовавших в Китае год за годом, рассказывая о событиях гражданской истории Китая, говоря о его экономическом и культурном развитии, отмечая даже факты солнечных затмений и землетрясений, наводнений и бурь, происходивших во времена, отделенные от нас тысячелетиями.

Китайские исторические труды не единодушны только в одном: с какого именно года начинать точно историю своего народа. Она начинается различно в разных исторических [с. 4] трудах. Один из них, как древняя историческая книга «Шу-цзин», начинает историю китайского народа с императора Яо, который жил за 2365 лет до нашей эры. Другие книги: «Бамбуковые летописи» или «Исторические записки» Сыма Цяня начинают историю Китая еще раньше, с императора Хуан-ди, начавшего царствовать в 2697 г. до нашей эры. Наконец, третьи исторические труды, как например, «Тун-цзянь ган-му» (составлен в кон. XII в. под руководством Чжу Си. — *А.К.*), датируют начало китайской истории еще более ранними годами, начиная ее с императора Фу-си, царствовавшего с 2952 г. до нашей эры.

Китайские исторические труды очень подробно рассказывают о царствовании Фу-си, Шэнь-нуна, Хуан-ди и др. древнейших правителей. Они говорят об основании китайского государства и образовании наследственных династий, подробно описывая события, происходившие в период существования трех первых династий: династии Ся (2205–1766 г.), династии Шан (Инь) (1766–1122 г.) и династии Чжоу (1122–256 г. до нашей эры). Ученые, историки и философы, жившие в последний период династии Чжоу в VI-V-м веках до нашей эры, когда культурное развитие Китая стояло уже на высоком уровне, уже делили даже свою историю на древнюю, средневековую и новую. Относя последние века к новой истории, они сами — люди глубокой древности, уже отмечали еще более древний (до Чжоу) и средневековый (от Конфуция) периоды.

В рамки древней истории, следуя общей периодизации мировой истории, мы включаем также период империй Цинь (221–206 г. до н.э.) и Хань (206 до н.э.–220 г. н.э.). Наш курс начинается с самого древнего периода китайской истории и заканчивается падением Ханьской империи в III веке нашей эры.

Но европейская буржуазная наука весьма скептически относится к китайской древности, к китайским историческим трудам. Наука буржуазных колонизаторов, которые хотели цивилизовать «некультурные» и «дикие» с их точки зрения народы, не могла примириться с тем, что Китай — более культурный и древний народ, чем европейцы, которые по их собственному мнению призваны были играть роль «культуртрегеров», цивилизаторов отсталых восточных стран и весь древнейший период китайской истории считался в европейской науке мифическим, легендарным. Одни из европейских буржуазных ученых снисходили лишь до того, чтобы признать достоверным период, отделенный от нашей эры лишь 2-3 столетиями. «Можно смело утверждать, — писал например Гогэ, — что до 206 г. до н.э. их история не заслуживает никакой веры. Это сказки и противоречия, чудовищный хаос, из которого нельзя извлечь ничего последовательного и разумного». Другие европейские ученые шли несколько дальше и признавали достоверность 7-8 веков [с. 5] до нашей эры. К этому признанию вынуждала их астрономия, подтвердившая сведения китайских летописей о солнечном затмении, происходившем 29 августа 775 г. до н.э. Европейские астрономы путем обратного вычисления подтвердили правильность этого сообщения, а отсюда вытекала и необходимость признания достоверности этого исторического периода в целом.

Можем ли мы верить китайским историческим трудам, китайской исторической науке, верить в глубокую древность китайского народа, или мы должны признать законным скептицизм европейских буржуазных ученых, отрицающих эту глубокую древность?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны разобраться в тех источниках, которые существуют для изучения китайской древности. Ясно, что в голословные утверждения китайских ученых, как бы они ни были уважаемы, никто поверить не может.

АРХЕОЛОГИЯ

Основным источником для изучения любой древности, ранней исторической эпохи являются археологические раскопки. Важным доводом в защиту скептиков, отрицавших китайскую древность, было то, что в Китае как будто не сохранилось никаких вещественных памятников глубокой древности вроде египетских пирамид или сфинксов, которые подтверждают древность Египта.

Но на это были свои причины. В Китае действительно нет развалин. Китайские исторические труды объясняют это тем, что в качестве строительного материала древние китайцы употребляли дерево, их постройки были постройками легкого типа, они не возводили таких монументальных сооружений, как египетские пирамиды или сфинксы. И эти легкие сооружения гибли от огня, сырости, просто от времени и пр., не дожив до нового времени, когда они, являясь живыми свидетелями глубокой древности Китая, могли бы подтвердить ее как вещественные памятники. Кирпич, который они употребляли позже, был тонкий и легкий — он рассыпался, тоже не оставляя никаких развалин и руин.

Отсутствие вещественных памятников древности могло бы иметь своей причиной и то, что жизнь Китая не замирала, как замерла жизнь других древних царств, погибших после пышного расцвета их культуры. Китайский народ не погиб, он продолжал жить и существовать на той же территории, на которой зародилась его седая древность, и многие вещественные памятники древности вероятно уничтожались в дальнейшем ходе китайской истории, особенно в условиях нашествия варваров, которые уничтожали древние памятники, например, медь и бронзу, которые могли бы доказать глубокую древность Китая. Войны, восстания, разгромы древних городов — все это также могло привести к отсутствию вещественных памятников древности Китая. Многие металлические изделия, которые в других странах сохранились и могут служить доказательством их древности, в Китае, вероятно, переплавлялись на деньги, каменные и мраморные изделия могли обратиться на другие потребности, а не сохранялись как древние реликвии, как музейная ценность, наподобие реликвий других народов.

Но, несомненно, что дельнейшие работы современных ученых археологов, которые еще только начинаются в Китае, все же откроют те или другие вещественные доказательства китайской древности, и уже сейчас археология начинает подтверждать целый ряд фактов, о которых рассказывает китайская история. Современная научная археология насчитывает только несколько десятилетий своей работы в Китае, только в начале XX-го века начались систематические археологические раскопки в Китае. Я не буду описывать все археологические находки, которые мы имеем сегодня, как и историю археологических открытий в Китае, — это самостоятельный вопрос, а остановлюсь лишь на основных вехах китайской истории, уже подтвержденных археологией.

Последний период древней истории Китая, так называемая Ханьская эпоха, начавшаяся в 206 г. до н.э. и закончившаяся в III-м веке нашей эры, подтверждена целым рядом и археологических и письменных данных. Она нико-

гда не вызывала сомнений даже у наибольших скептиков из числа буржуазных ученых.

Важнейший памятник древнего Китая — Великая китайская стена — относится к еще более раннему периоду, к т.н. империи Цинь, к III веку до н.э. Достоверность этого периода также не отрицается даже наиболее крайними скептиками. Что касается вещественных памятников более глубокой древности, то таких до самого последнего времени было чрезвычайно мало.

Эпоха Чжоу подтверждена уже менее детально, и вообще, чем дальше от нас эпоха, тем меньше было документальных археологических подтверждений.

Одно из ранних археологических открытий китайских археологов еще в средние века — это найденные ими так называемые каменные барабаны эпохи Чжоу, относящиеся к VIII веку до нашей эры. Они были найдены в провинции Шаньси, где, по-видимому, находилась столица чжоуских царей. Эти [с. 7] 10 каменных барабанов представляют собой массивные каменные глыбы с иероглифическими надписями. Не на всех из 10 барабанов сохранились надписи, на некоторых они совершенно стерлись, но все же удалось расшифровать около 300 иероглифов. Надписи говорили о царской охоте, рыбной ловле и других событиях и быте древних царей. Те же вопросы освещаются в некоторых древних литературных памятниках, о которых речь ниже, и это подтверждает как достоверность барабанов, так и литературных памятников. Но многие буржуазные ученые отказывались верить в их древность и признавали их относящимися самое большее к III веку до н.э. Такое же сомнение вызывали и другие вещественные памятники, главным образом, бронзовые изделия, сосуды в виде треножников, служивших не только утварью, но и священными реликвиями древних китайцев. Образцы этой бронзы можно видеть в европейских музеях и на многочисленных репродукциях. Совсем недавно, в 1932–33 гг. китайские археологи нашли 86 гробниц чжоуских царей и среди них гробницы основателей Чжоуского царства. В гробницах найдена бронза с иероглифическими надписями, утварь и пр., что не оставляет теперь никаких сомнений в правильности сведений исторических летописей, описывающих этот период. Раскопки продолжаются, предполагается раскопать древнейший город Лоян, где была столица Чжоуского царства.

Древнейшие бронзовые сосуды имеют исключительное значение как исторические памятники. Бронзовые вазы отливались в древности при всех знаменательных событиях личной и общественной жизни, и это событие фиксировалось на бронзе в виде надписи. Отмечались успешные завоевания, награды военачальникам, свадьбы, семейные торжества. Зачастую на вазу наносились целые стихотворения или песни, целые страницы из книг. Вазы сохранялись в роде, переходя от поколения к поколению, и много надписей делалось в назидание потомкам. Таким образом, эти бронзовые сосуды представляют собой своеобразные литературные памятники, более надежные, чем книги, ибо они подлинные, тогда как книги дошли до нас лишь в копиях.

В последние годы изучение надписей на бронзе породило огромную литературу на китайском и японском языках.

АНЬЯНСКИЕ НАХОДКИ

Огромное научное значение, как подтверждение правдивости китайских исторических летописей о периоде Шан (Инь) (XVIII-XII вв.), имеют находки в у. Аньян (деревня Сяотунь) провинции Хэнань, обнаруженные случайно китайскими крестьянами.

[с. 8] Первые находки в Аньяне начались еще в конце XIX-го века. Крестьяне находили там после разливов рек или вспашки земли небольшие кости или щитки черепах. Думая, что они имеют целебные свойства, они толкли кости и продавали в аптеку, не придавая им другого значения. Только случайно сведения об этих находках дошли до ученых. Они ими заинтересовались и, в конце концов, установили, что это не что иное, как древнейшие гадательные кости, принадлежавшие, как выяснилось, к периоду Шан, или Инь. После этого в д. Сяотунь выехал целый ряд экспедиций, и начиная с 1928 г. китайская Академия наук начинает вести уже планомерные работы в этой области.

В 1935 г. научные исследования, связанные с аньянскими находками, привели к настоящему перевороту в науке о древнем Китае, равному перевороту, который был вызван раскопками Шлимана в Малой Азии, подтвердившими рассказы «Илиады» и «Одиссеи», или расшифровкой египетских иероглифов.

При раскопках в Аньяне были найдены прежде всего так называемые гадательные кости с иероглифическими надписями. Затем были найдены щитки черепах, также служившие для целей гадания. Китайцы в древности гадали, используя для этого щитки черепах или обточенные бараньи и бычьи кости. Гадание состояло в том, что гадавшие задавали вопросы духу, а специальный жрец записывал эти вопросы на черепаховом щитке, а потом грел его на огне, на щитке образовывались трещины и по ним жрец узнавал ответ. Каждый щиток или кость содержит от 10 до 60 иероглифов. Часто рядом с вопросом записывался и ответ.

На этих щитках и костях были надписи-вопросы, которые задавались при гадании, например, царь спрашивает, отправляясь в поход: «Я собираюсь идти в поход — будет мне победа или нет?» Или вопрос: «У нас засуха, будет ли дождь?» и т.п. Эти надписи дают точную картину быта Китая в период Шан (Инь).

Всего при раскопках найдено несколько десятков тысяч фрагментов с надписями, изучением которых занялись китайские ученые. Иероглифы той эпохи значительно отличаются от современных — это образцы древней китайской письменности, которая в процессе своего дальнейшего развития значительно изменилась. Расшифровка этих иероглифических надписей заняла целые годы у китайских ученых. Наиболее видными среди них были Ло Чжэнь-юй и Ван Го-вэй. Исследование полностью подтвердило подлинность

этих фрагментов, относящихся к древнейшему периоду китайской истории. Различные начертания одного и того же иероглифа на различных гадательных костях показывают, что они относятся не к одному какому-нибудь моменту, а охватывают длительный период, уходя в еще более глубокую древность, чем последние [с. 9] столетия царствования иньской династии. Повидимому, эти гадательные кости представляли собой царский архив.

Летописи, рассказывающие об иньской династии, говорят о 30 царях, а гадательные кости своими документальными надписями подтверждают 28 царей из этой династии. Таким образом, иньский период был документально подтвержден анянскими гадательными костями.

Но на этом работа археологов в Аньяне не прекратилась. Уже при первых раскопках помимо гадательных щитков и костей были найдены также памятники древней материальной культуры — фундаменты построек, сохранившиеся в земле и обнаруженные при первых же раскопках, бронза, амулеты, керамические изделия, оружие, домашняя утварь и раковины, служившие тогда деньгами.

Ученые пришли к мысли о том, что, вероятно, на месте первых находок существовал древний город. С 1929 г. начались раскопки этого предполагаемого города. К китайским ученым присоединились американские археологи во главе с Бишопом. Но научные работы археологов чрезвычайно затруднялись. Мешали милитаристические войны, не прекращавшиеся в Хэнани с 1930 г., мешал огромный размах бандитизма. Мешала частная собственность на землю, которую владельцы не разрешали трогать. Приходилось покупать каждый участок. А главное мешал консервативный быт китайской деревни, культ предков, запрещавший раскапывать земли, где похоронены предки местного населения. Это последнее препятствие долго не удавалось преодолеть. В 1934 г. один из реакционных деятелей гоминьдана, председатель экзаменационной палаты официально запретил раскопки как оскорбляющие религиозный культ населения. А между тем местные кулаки, торговцы продолжали хищнически раскапывать места первоначальных находок и находили все новые памятники древности и продавали их в частные руки. Пекинские магазины были завалены ценнейшими памятниками иньской культуры. Их скупали и китайцы, любители старины, и европейцы, и американцы, и японцы. Нашлись аферисты, занявшиеся подделкой анянских находок. В европейских и американских музеях, уже не говоря о частных коллекционерах, наряду с подлинными памятниками можно найти немало подделок.

Только осенью 1934 г. после вмешательства Чан Кай-ши в Аньяне были запрещены хищнические раскопки и научная работа археологов получила протекторатную поддержку. Были присланы войска для охраны района раскопок. Работы вели археологи с 300 рабочими. Трудности оставались лишь благодаря тяжелому климату: зимние холода и летняя жара разрешали производить раскопки только весной и осенью. Но уже вскоре же, в 1935 г. раскопки дали огромные научные результаты. Сейчас еще рано подводить итоги работы, она [с. 10] еще не закончена, ее результаты еще полностью не опубликованы. Пока что мы знаем лишь о четырех томах предварительных

отчетов и нескольких книгах, обобщающих первые результаты, не считая статей. Но уже то, что мы знаем сейчас, позволяет судить об исключительном научном значении аньянских раскопок.

Раскопки обнаружили древний город Китая, существовавший примерно 3500 лет тому назад. Найдены многочисленные фундаменты домов и дворцов, следы городских кварталов, ремесленных мастерских. Найдены сотни тысяч вещественных памятников иньской эпохи. Бесспорно доказана чрезвычайно высокая культура, искусство древнего Китая. К сожалению, сырая и влажная почва в Аньяне не сохранила многое из того, что сохранилось например в сухой почве Египта. Так, почти не сохранились ткани, деревянные изделия, книги, писавшиеся на бамбуковых дощечках. Много ценностей было разграблено уже раньше, быть может в древности же, когда город был заброшен. Но все же и то, что сохранилось вместе с иероглифическими надписями, найденными в еще большем количестве, чем прежде, дают интереснейшую картину жизни Китая за три с половиной тысячелетия до наших дней. Любопытно, что здесь же, помимо следов древнего города Шан, найдены остатки еще более древней эпохи — неолитической — в виде отдельных орудий, керамики и остатков жилищ, которые устраивались в ямах, под землей.

«КУЛЬТУРА ЯНШАО». СИНАНТРОП

Для еще более древней истории китайского народа громадное значение имеют раскопки шведского археолога Андерсона, который производил их в 1919–24 гг. на территории Чжили, Хэнань, Шэньси и Ганьсу. Основной район его раскопок — район Яншао в Хэнане, и поэтому найденные им памятники так и названы «памятники „культуры Яншао“». Он нашел каменные орудия древнего китайца, древнюю китайскую керамику, утварь, черепа и скелеты человека, скелеты домашней свиньи и т.п. Очевидно, он раскопал стоянку древних китайцев. Его находки были тщательно исследованы, и целая группа ученых по единодушному мнению относит их к 2700–3000 годам до нашей эры. Эти раскопки освещают период позднего каменного века в Китае, неолита, говорят о полукочевом и полуохотничьем быте древнейших китайцев, который существовал в ту эпоху, но эти находки говорят и о значительно уже развитом земледелии и об оседлости, о чем свидетельствуют например кости домашней свиньи; они говорят о наличии ремесла, керамические изделия являются уже результатом высокого культурного развития.

[с. 11] Раскопки в районе Ордоса и северной Шэньси, производившиеся французскими учеными Тейаром де Шарденом и Лиценгом в 1929 г., говорят о неолите в северо-западном районе Китая. Раскопки в Шаньдуне в 1933 г. дали новые образцы глиняной посуды, относящейся примерно к той же эпохе, что культура Яншао.

В 1915 г. были произведены очень важные раскопки японским археологом Мацумото в лессовых отложениях и Хэнане. Он нашел там останки слона,

близкого к мамонту; кабана, оленя и бизона, обитавших на территории Китая много тысячелетий тому назад. А главное, был найден скелет человека, приближающийся к типу европейского неандертальского человека. Раскопки в районе Пекина в 1922–32 гг. обнаружили кости еще более древнего человека, который был назван «пекинским человеком», или «синантропом». Это один из древнейших образцов человека, вообще когда бы то ни было найденного при других раскопках в других частях земного шара. Он близок к яванскому так называемому питекантропу, обезьяночеловеку, найденному в конце XIX-го века на острове Ява, который до сих пор считался наиболее древним человеком, — он представлял еще нечто среднее между человеком и обезьяной.

Эти находки доказывают, что на территории нынешнего Китая человек существовал уже не тысячелетия, а сотни тысяч лет тому назад. Это прародитель человека, только что отделившийся от обезьяны. Конечно, это не доказывает существование в те времена именно китайского народа, а [доказывает] существование его прародителей, но это опровергает всякие буржуазные теории о том, что китайский народ зародился не самобытно, а является ответвлением каких-то других народов, переселившихся в Китай из какого-то единого культурного центра.

КИТАЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Археологические раскопки, подтверждающие глубокую древность китайского народа, позволяют нам с большим доверием, чем прежде, отнестись к китайским историческим трудам. История издавна была в большом почете у китайцев. Китайская религия — культ предков — определяла необходимость тщательного изучения и глубокого знания прошлого китайского народа, генеалогии каждого рода. Древнее происхождение письменности позволяло фиксировать исторические события с незапамятных времен. Первые исторические труды, рассказывающие о глубокой древности, были написаны за много веков до нашей эры. Конечно, европейские буржуазные ученые в большинстве своем отрицали их достоверность, но сейчас после аньянских раскопок [с. 12] этот скептицизм уже не нуждается в критике.

Прежде всего, мы имеем так наз. «Бамбуковые летописи», написанные около 769 г. до н.э. на бамбуковых дощечках. В них очень кратко изложена хроника событий начиная с императора Хуан-ди до 299 г. до н.э. Эта летопись сохранилась случайно в гробнице одного из древних царей, умершего в III в. до н.э., и была найдена по одним данным в 279 г., по другим — в 284 или 281 г. уже в нашу эру. Летопись считается достоверной, подлинность ее не оспаривается почти никем, и, основываясь на ней, можно судить о событиях глубокой древности.

Следующей из таких древних исторических книг является «Шу-цзин»¹ — «Книга истории», каноническая книга документов. Она состояла из 100 глав, содержит речи, наставления, предписания древних царей и описания событий

¹ 書經

глубокой древности. Это не последовательное изложение истории, а сборник документов, относящихся к древнейшим историческим периодам. Считается, что самая древняя глава «Шу-цзина» — т.н. «Канон Яо» написан примерно за 2000 лет до нашей эры. Самые поздние главы, вошедшие в эту книгу, относятся к 627-624 гг. до н.э. Считается, что эти документы собрал, отредактировал и издал величайший мудрец древнего Китая Конфуций², живший в VI–V веке до н.э. Поскольку конфуцианство в дальнейшем ходе китайской истории стало государственной идеологией, эта книга, связанная с именем Конфуция, стала канонической, священной, классической, которую обязан знать каждый образованный китаец. Но она не дошла до наших дней целиком, сохранилось лишь 54 главы.

К категории классических книг относится еще историческая летопись «Чунь-цю» («Весны и осени»)³.

Это — хроника событий, написанная самим Конфуцием. Она описывает события, происходившие с 722 г. по 481 г. до н.э. в родном уделе Конфуция — Лу (ныне Шаньдун). «Чунь-цю» — не просто хроника, а сочинение, ставившее себе философские и политические цели. Сам Конфуций придавал огромное значение своему труду и говорил, что если его будут хвалить, то только за «Чунь-цю», если будут ругать, то тоже только за «Чунь-цю». В кратчайших словах, весьма скупо рассказывающих о событиях, он пытался дать свою оценку событиям, через историю критикуя [с. 13] существующий строй. Так, например, желая показать, что народ отвернулся от правителей, он проводил эту мысль, приводя факты бесконечных убийств аристократии, осуждая войны, он подчеркивал в скупой хронике их бесчисленное множество и т.п. Для одних и тех же событий, как, например, убийство, смерть и др., но различных, с его точки зрения по политическому значению, он выбирал различные слова, которые также должны были показать его отношение к событию. Хроника «Чунь-цю» считается подлинным историческим трудом, и его достоверность оспаривается лишь очень немногими. Написана она в V в. до н.э. около 481 года.

К «Чунь-цю» тесно примыкают несколько столь же древних комментариев, имеющих самостоятельное научное значение. Важнейший из них «Цзо-чжуань»⁴, написанный одним из учеников Конфуция, по-видимому Цзо Цю-мином⁵, в V в. до н.э. Ему же приписывается другой комментарий — «Го-юй» («Государственные речи»)⁶, охватывающий более широкий исторический период, чем «Чунь-цю» и «Цзо-чжуань». Труды Цю Цю-мина уже не краткая хроника, а попытка полного исторического обзора. Достоверность этих трудов, относящихся к V в. до н.э., бесспорна, хотя есть сомнение в авторстве

² 孔子

³ 春秋

⁴ 左傳

⁵ 左邱明

⁶ 國語

Цзо Цю-мина. Хроника Конфуция вместе с комментариями (их было много больше, чем здесь названы) освещают исторический период, уже не освещенный в «Шу-цзине», и являются как бы продолжением последнего.

К древним историческим трудам надо отнести еще один знаменитый труд, приравняемый к труду Геродота. Это — исторические записки древнего китайского историка Сыма Цяня⁷, который жил во II в. до нашей эры и который признается отцом китайской истории. Это был астролог и историк при императорском дворе в Ханьской империи. Сыма Цянь — совершенно достоверная личность, никем никогда не оспаривавшаяся. Он взял на себя труд собрать и обобщить все бывшие до него исторические труды и на их основе написать одну общую сводную историю Китая. Многие из источников, на основе которых он писал, впоследствии были забыты, пропали и погибли, но его труд сохранился. Историю Китая Сыма Цянь начинает с императора Хуан-ди, т.е. с глубокой древности, и доводит до событий, современником и свидетелем которых был он сам, т.е. происходивших до II-го века до нашей эры (последняя дата — 122 г. до н.э.). Его [с. 14] труд называется «Ши-цзи»⁸ («Исторические записки»). Он состоит из 130 глав, разделенных на 5 разделов, касающихся различных вопросов, а именно — хронологии, тематических трактатов, биографий великих исторических деятелей и пр.

Вслед за Сыма Цянем в Китае повелся обычай издавать такие же сводные истории по тому же плану, как строил свой труд Сыма Цянь. Это породило огромную историческую литературу, о которой европейцы и не слыхивали, — в Китае буквально десятки, если не сотни тысяч томов посвящены истории, начиная с древности и кончая новым временем. Каждая династия, приходившая к власти в Китае, считала своим долгом написать о предшествовавшей династии, историки находились на государственной службе и по заданию императоров писали эти труды. На основе этих официальных династийных историй (их было 24) составлялись различные энциклопедические сборники, хрестоматии и пр., которых было также много. Одна из первых по времени энциклопедий «Тун-дянь»⁹ была написана историком Ду Ю¹⁰, жившим в период Танской империи (VII-X в.в.). Другая, столь же известная энциклопедия «Вэнь-сянь тун-као»¹¹, была написана Ма Дуань-лином при монгольской империи (XII-XIV вв.). Еще более известна сводная история Китая знаменитого историка Сыма Гуана (XI в.), называвшаяся «Цзы-чжи тун-цзянь» («Зеркало, помогающее управлению»). Позже этот огромный исторический труд был доработан, дополнен другими учеными и стал называться

⁷ 司馬遷

⁸ 史記

⁹ 通典

¹⁰ 杜佑

¹¹ 文獻通考

«Тун-цзянь ган-му»¹². Здесь названы только важнейшие, почти классические труды по истории Китая, но кроме них существует еще множество других. О них еще придется говорить в связи с рассмотрением источников по курсу китайского средневековья.

Древнейший период китайской истории подвергался особой фальсификации ученых. История в Китае играла политическую роль — в Китае был девиз: «опираясь на древность исправлять существующий строй», — поэтому древность часто идеализировалась, извращалась и искажалась, чтобы на ее примере указать — как надо жить сейчас, как управлять народом и пр. Китайские историки [имели] свой принцип: «При писании истории важно хвалить правое дело и порицать дурное». Поэтому они все рисовали или черными красками, или голубыми. Например, если древний император был по их мнению хорош, то он уже не имел решительно ничего плохого, никаких недостатков, это было сплошное совершенство, а если кто-либо был по их мнению плох, то уж это — настоящий зверь в образе человека и по своему облику, и по характеру [с. 15], и по поведению. Это значительно затрудняет изучение истории Китая по китайским историческим трудам, т.к. по ним трудно судить о правдивости или неправдивости описаний тех или других событий. Отсюда ясно также, что не все написанное в исторических трудах верно от слова и до слова. Многому безапелляционно доверять нельзя.

Несомненно, что более ранние события китайской истории были в дальнейшем окружены мифами, окутаны легендами, что свойственно истории каждого народа. Поэтому, приступая к изучению истории с Фу-си и др., нам не придется удивляться тому, что каждый из них жил более 100 лет или проводил такие реформы, которые могли быть осуществлены только целыми поколениями людей. Многие из ранних исторических персонажей, о которых рассказывает история, несомненно, мифы, в которых персонифицирован известный отрезок развития китайской культуры и китайского народа.

Новая историческая литература в Китае еще более богата, чем в средние века. О древнем Китае она исходила до последнего времени из тех же, указанных ранее источников и потому особого интереса как первоисточник не представляет. Под влиянием европейской науки и, главным образом, марксизма в Китае создался ряд исторических школ, по-новому разрабатывающих старые вопросы, пытающихся дать социальный, экономический анализ древности. Наиболее видными историками в XX веке, создавшими современную историческую науку в Китае, являются Ху Ши и Лян Ци-чао.

Китайская революция 1925-27 гг. выдвинула перед китайской общественностью новые социальные проблемы и оживила интерес к древности уже под углом зрения новых вопросов. В частности широкую дискуссию вызвала проблема феодализма в древнем Китае, система земельных отношений и др. Возник целый ряд исторических журналов, организовались научные общества, возникали дискуссии. В спорах по историческим вопросам принимали участие

¹² 通鑑綱目

и видные политические деятели, как Ху Хань-минь, Ляо Чжун-кай и другие, пересматривавшие вопросы истории с точки зрения актуальных проблем современности. В дискуссиях привлекался новый исторический материал, малоизвестный, затерянный и не использованный в ранних сводных историях.

Аньянские находки поставили изучение древности на совершенно новые рельсы. Уже сейчас существует огромная литература, использующая находки в Аньяне, главным образом, иероглифические надписи, уже в течение нескольких десятилетий ставшие объектом изучения китайских историков и палеографов. Наиболее видные среди них Ло Чжэнь-юй и Ван Го-вэй. Из историков, разрабатывающих социальные проблемы древнего Китая, наиболее видное место занимает Го Мо-жо, заявивший себя сторонником марксизма. Видный писатель и [с. 16] политический деятель, участник революции 1925-27 гг. Го Мо-жо известен и как переводчик марксистских трудов на китайский язык. В своих исторических работах он пользуется марксистской методологией. В частности именно он, один из первых среди китайских ученых, поставил вопрос о существовании рабовладельческого общества в древнем Китае, что отрицалось — вопреки марксизму не только европейской наукой, но и многими советскими историками.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Кроме исторических трудов важнейшим источником изучения китайской древности являются древние литературные памятники. В Китае, где издавна существовала письменность, таких памятников много и многие из них относятся ко временам глубокой древности. Но до наших дней не дошли оригиналы этих памятников, как и оригиналы древнейших исторических трудов.

Материалом для письма первоначально были бамбуковые дощечки, позже бумага — материал непрочный, который сохраниться не мог. Это вполне естественно, если почти не сохранились вещественные памятники, то тем более не могли сохраниться литературные памятники, бумага и дерево быстро гибли, а кроме того они часто уничтожались как правителями Китая, устраивавшими гонения, например, на религиозные книги своих противников, так и варварами, которые часто их уничтожали, снося и сравнивая с лицом земли целые города вместе с их культурными ценностями. Это не нуждается в доказательствах, ибо если сегодня японские варвары уничтожают все музеи и культурные ценности, не говоря уже о полном уничтожении городов, то тем более могли проделывать это древние варвары, которые не раз набегали на Китай и подчиняли его своей власти. Мы имеем лишь копии древних литературных памятников — рукописные и печатные — поскольку в Китае очень рано было развито книгопечатание. Многие европейцы оспаривали достоверность этих памятников и в этом скептицизме некоторая доля истины есть. Даже сами китайские ученые подвергают сомнению некоторые древние литературные памятники. Об этом еще придется говорить.

Какие же литературные памятники имеются в Китае?

Я говорил о древних исторических трудах, но наряду с ними существуют и другие источники — древнейшие литературные памятники, не говорящие об истории, но являющиеся сами историческими документами, поскольку они были написаны в глубокой древности. Это — философские трактаты [с. 17] или песни — часто народные песни, легенды, сказания и пр., которые во многом отражают жизнь и быт в ту эпоху, которую мы должны изучать.

Древнейшим литературным памятником такого рода является, в первую очередь, группа классических книг, которые, как и «Шу-цзин» — «Книга истории», считаются канонами, которые должен знать каждый образованный китаец. Эти книги были отредактированы и изданы самим Конфуцием, чье имя почитается в Китае священным. Но Конфуций одно время подвергался в Китае гонению, и в III-м веке до нашей эры один из китайских императоров приказал сжечь все его книги. Таким образом, все эти книги были уничтожены. Это и позволяло сомневаться в подлинности того, что было обнаружено потом, когда имя Конфуция опять стало чтиться. Например, были обнаружены рукописи в гробницах, некоторые рукописи были замурованы в стенах, кое-что было пересказано стариками на память. Эти книги названы «Пять канонов» («У-цзин») ¹³, их знает наизусть каждый образованный китаец.

Первая из этих книг — уже упомянутая «Шу-цзин», вторая — «Ши-цзин» ¹⁴ — это собрание стихов; в ней собрано 311 лирических стихотворений и песен — крестьянских охотничьих и военных, масса легенд, которые переходили не только из уст в уста, но и в письменном виде. Они были записаны в X–VIII-м веках до нашей эры. Лучшие из них были выбраны и изданы Конфуцием.

Третья книга — «И-цзин» ¹⁵ («Книга изменений»); это — наиболее древний, но и наиболее сложный и туманный из всех литературных памятников, очень малопонятный по содержанию. К концу XVIII века в Китае накопилось 336 трудов, посвященных анализу этой книги, но от этого она не стала понятней, и ни один европейский ученый не взял на себя смелость перевести то, что там написано, с ручательством за достоверность. Это — сборник изречений гадателей, жрецов, оракулов, философский трактат, в котором надо специально разбираться.

Четвертая книга — «Ли-цзи» ¹⁶ («Заметки о ритуале»), она написана позже других канонов, во II-м веке до нашей эры.

Пятая из канонических книг — «Чунь-цю», о которой уже говорилось.

[с. 18] Кроме 5 канонических книг, к классическим книгам [относится] «Четверокнижие» («Сы-шу», также связанное с учением Конфуция) ¹⁷, [в которое] входят:

¹³ 五經

¹⁴ 詩經

¹⁵ 易經

¹⁶ 禮記

¹⁷ 四書

1. «Лунь-юй»¹⁸ — запись бесед Конфуция с его учениками, которая обнаруживает сущность его философских, правовых и политических взглядов.

2. «Да-сюэ»¹⁹ («Великое учение»), где тоже дан философский трактат о сущности жизни, о самоусовершенствовании, о достижении идеального существования и пр. Эта книга приписывается внуку Конфуция.

3. «Чжун-юн»²⁰ («Соблюдение середины») — метафизическая книга о духовном равновесии, о золотой середине, при которой совершенный человек не должен иметь отрицательных качеств.

4. «Мэн-цзы»²¹ — это книга одного из лучших последователей Конфуция, философа, жившего в III-м веке до нашей эры. Книга эта названа его именем. Она, как и «Лунь-юй», содержит беседы Мэн-цзы, главным образом, в форме диалога. В ней очень ярко отражен быт, социальное устройство.

Наряду с конфуцианскими канонами сохранились другие памятники древней философии. Но они, как и некоторые конфуцианские литературные памятники, имеют большее значение для изучения китайской философии, чем истории. Таков философский трактат «Дао-дэ-цзин»²², приписываемый Лао-цзы²³ (VI в.), труды Мо-цзы²⁴, Хань Фэй-цзы²⁵ и др.

Из числа других важнейших литературных памятников древности, не входящих в «У-цзин» и «Сы-шу», надо отметить прежде всего так наз. «Малый земледельческий календарь Ся» («Ся сяо-чжэн» «夏小正» — гл. 47 «Записок Старшего Дая» — «Да Дай ли-цзи» «大戴礼记». — А.К.). Это — народный календарь, относящийся к X веку до нашей эры. Затем книга «Чжоу-ли»²⁶ («Ритуалы Чжоу»). Считают, что эта книга относится к XI веку до нашей эры. Она представляет огромный, исключительный интерес, но она подвергается сомнению не только рядом европейских, но и китайских ученых. Если бы была разрешена проблема ее подлинности, вопрос о древней истории Китая нашел бы исчерпывающее подтверждение, т.к. эта книга дает самое подробное описание всей жизни Китая в эпоху Чжоу, начиная с рабов и кончая государственным аппаратом.

[с. 19] Там подробно описана вся структура государственного аппарата, функции каждого чиновника и пр. Текст ее, сначала, как принято думать, потерянный, был затем обнаружен во II-м веке нашей эры в одной из гробниц. Считается, что она была написана Чжоу-гуном, одним из правителей дина-

¹⁸ 論語

¹⁹ 大學

²⁰ 中用

²¹ 孟子

²² 道德經

²³ 老子

²⁴ 墨子

²⁵ 韓非子

²⁶ 周禮

стии Чжоу, который описал устройство своего государства. Но, по-видимому, если хотя бы в основе этой книги и лежит достоверный материал, он потом фальсифицирован и издан как документ древности в более поздние времена.

Таковы основные, наиболее важные литературные памятники, о которых вы должны знать и на которые придется ссылаться при изучении нашего курса истории древнего Китая.

Таким образом, мы имеем богатые литературные источники, позволяющие судить о древности и изучать ее. В целом, хотя та или другая книга вызывают сомнения, в основном подлинность их не оспаривается, они относятся к глубокой древности. А в свете новейших археологических данных они приобретают еще большее значение.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ИСТОЧНИК

Кроме археологических данных, китайских исторических трудов и литературных памятников древности, мы имеем еще один источник для изучения древнего Китая, источник своеобразный, но чрезвычайно ценный. Это — китайская письменность сама по себе, которая зародилась в глубокой древности. Она представляет собой иероглифическую письменность. Раньше всего создались в процессе развития письменности категории изобразительная и идеографическая. И вот, тот факт, что древние китайцы изображали видимые предметы и выражали понятия путем идеограмм, позволяет судить не только о том, каково было умственное развитие древних китайцев, но и каков был их быт, который отражала эта письменность.

Анализ иероглифической письменности сам по себе без дополнительных источников — археологических раскопок и литературных памятников, не мог бы служить достоверным источником, но при проверке этих данных через другие источники мы можем более доверчиво относиться и к этим иероглифическим памятникам. Например, на основании иероглифического анализа можно сделать вывод, что в древнем Китае люди гадали на щитках черепахи, держа их над огнем. Этот вывод можно сделать на основе анализа [с. 20] иероглифов, означающих «гадание», «гадать». Один из них пишется: 龜, т.е. «щиток черепахи», а под ним огонь 火; другой иероглиф: 卜 — «гадать» изображает трещину на щитке черепахи. Аньянские находки подтверждают правильность этого иероглифического анализа, т.к. найдены, как известно, подлинные щитки черепахи, которые служили для гадания.

Или другой пример: все китайские иероглифы, говорящие о богатствах, о сокровищах, о накоплениях, о торговле, покупке, продаже и т.п., имеют своим элементом раковину. Отсюда можно бы сделать вывод, что в древнем Китае деньгами являлись раковины. Раскопки полностью подтвердили эту догадку — в царской казне Аньяна найдены раковины, нанизанные на нитку, которые служили деньгами для древних китайцев.

Таким образом, на основе умелого научного подхода к иероглифам можно сделать важные выводы о жизни, быте и истории древнего Китая. Иероглифика

имела большое значение уже в Иньский период, на гадательных щитках в целом насчитывается две с половиной тысячи различных иероглифов. Ясно, что иероглифы создавались в еще более ранний период. Следовательно, на основе анализа изобразительных и идеографических иероглифов мы можем говорить о жизни и нравах китайцев, живших за много тысячелетий до нашей эры.

Но если о наиболее древнем периоде истории мы можем судить на основе анализа иероглифов лишь предположительно, то для Иньского периода подлинные надписи на костях и черепаховых щитках являются ценнейшим источником. Весь период представляет собой богатейший источник для изучения не только духовной культуры в Иньский период, но и быта, материальной культуры. Мы видим на этих надписях старое начертание иероглифа, означающего книгу: связка деревянных дощечек, перевязанных шнуром, — и мы с уверенностью утверждаем, что 3.500 тому назад китайцы уже имели книги. Мы видим древнее изображение солдата: человек в каске с перьями, держащий в руке меч, — и уже только на основе этого иероглифа мы можем смело утверждать, что в Китае в Иньский период были воины, одетые в каски и сражающиеся мечами²⁷. Ясно, что многие иероглифы требуют расшифровки, одни из них сильно отличаются от современного начертания, в них с трудом узнаешь совре[с. 21]менные знаки, другие вовсе исчезли, но работа по расшифровке в основном уже закончена китайскими учеными и несомненно, что в ближайшие годы мы будем иметь исчерпывающую картину Иньского царства на основе иероглифического анализа. Ясно также, что эти древние иероглифы имеют огромное значение для изучения истории развития китайской письменности.

РУССКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Большинство китайских исторических трудов и литературных памятников переведены на европейские языки, кое-что переведено и на русский, хотя и не все, к сожалению, изданы.

Основная ценность старой русской и европейской литературы о древнем Китае заключается именно в переводах китайских источников. Вокруг перечисленных источников в течение многих лет и вращалась вся европейская и русская литература о древнем Китае. В сущности, научной истории древнего Китая ни в Европе, ни в России не создано. Историками были в большинстве случаев миссионеры, подолгу жившие в Китае, в течение многих лет изучавшие старый китайский язык. Научная ценность их трудов заключалась в максимальном приближении к подлиннику, а не в научном анализе. Крупнейшие имена русских и европейских синологов вошли в науку именно как переводчики китайских классических книг. Методологически старые труды

по истории Китая не представляли никакой ценности не только потому, что не были марксистскими, но и потому, что были далеки от каких бы то ни было исторических обобщений. Будучи не историками, а филологами, лингвистами, большинство буржуазных ученых, писавших об истории Китая, могли лишь переводить старинные тексты или комментировать их, пересказывать, но не обобщать. Характерно, что изучение древнего Китая было совершенно оторвано от изучения других стран древнего мира, ибо старые синологи не выходили в своей научной работе за пределы Китая, а историкам было не под силу заниматься Китаем, не зная труднейшего древнекитайского языка.

Эта «китайская стена» между древним Китаем и древним миром в целом еще до сих пор не изжита полностью, характерно, что даже новейшие наши учебники по древнему Востоку не включают историю Китая. Она все еще не нашла должного места в истории человечества, являясь объектом изучения лишь специалистов «синологов», а не историков в целом.

[с. 22] Но в области перевода древних источников и их комментирования старые синологи внесли ценнейший вклад в науку. Из русских ученых наиболее видное место занимает академик Васильев, умерший в начале нашего столетия (в 1900 г., т.е. в конце XIX, а не начале XX в. — *А.К.*). Он перевел «Ши-цзин», «Лунь-юй» и дал ряд самостоятельных работ на основе старых китайских источников. Но, к сожалению, в царской России его ценнейшие труды мало кого интересовали и даже не смогли быть по-настоящему изданы: кое что он смог издать лишь литографским способом, а многое из его научных работ вообще не увидело света. Та же участь постигла другого русского ученого Иакинфа Бичурина. Этот выдающийся ученый, живший в начале XIX в. (1777–1853. — *А.К.*), личный друг Пушкина оставил колоссальное научное наследство, а при жизни смог издать лишь некоторую часть своих трудов. Они заняли почетное место в мировой науке, сейчас каждая из его книг буквально ценится на вес золота. Но наиболее важные, фундаментальные труды Бичурина не увидели света. Так например, остался неизданным его перевод «Тун-цзянь ган-му» («Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» - «“Всепроницающее зеркало, управлению помогающее”, сжато изложенное и прокомментированное», составлено Чжу Си с учениками в 1172 г. — *А.К.*). Только сейчас рукописи найдены в архивах, и их предполагает издать Академия наук, хотя сейчас этот многотомный труд уже потерял свою первоначальную ценность, которую он имел сто лет назад, ибо за это время наука двинулась вперед, написано много более ценных книг. Столь же печальная судьба постигла еще одного русского синоведа Монастырева. Он перевел «Чунь-цю», «Цзо-чжуань» и другие комментарии к конфуциевой летописи. «Чунь-цю» — небольшую по объему книгу он смог издать, свое исследование о «Чунь-цю» издал лишь на стеклографе, а «Цзо-чжуань» и другие комментарии, над которыми он трудился многие годы и которые представляют исключительную ценность, вообще не были изданы.

Кроме названных работ на русский язык был переведен еще «Мэн-цзы» (перевод Попова), изданный Петербургским университетом. Он же перевел «Лунь-юй», который издан, т.о., в двух изданиях. В последние годы в ленинградском

Институте востоковедения Академии наук велась работа по переводу «И-цзина» (Ю.К. Щуцким. — *А.К.*) и новому переводу «Ши-цзина» (А.А. Штукиным. — *А.К.*). Вот, пожалуй, и все, что переведено на русский язык.

Трудности научной работы в царской России, погубившие ценнейшие труды ученых по переводу древних источников, привели к такому же положению и самостоятельные труды по древней истории Китая. И они, как и переводы текстов, не находили издателей. Отсутствие иероглифических шрифтов в царской России, высокая стоимость таких изданий и малая заинтересованность читателя отпугивали издателей. Многие труды остались неизданными и даже неизвестными. Ценнейший труд Георгиевского — «Первый период китайской истории» был издан лишь на стеклографе в ограниченном количестве экземпляров. Это — одна из лучших работ на русском языке, использовавшая ряд первоисточников, в частности [с. 23] «Чжоу-ли». Георгиевскому, кроме того, принадлежат интересные попытки проследить происхождение и жизнь древних китайцев на основе анализа иероглифов и фонетики китайского языка.

Ценные работы по истории земельных отношений и народонаселения написал русский ученый Захаров. Его трудами пользовался Плеханов, строивший на них свои теоретические выводы.

Европейская литература по истории древнего Китая значительно более богата, чем русская. Ее значение, как и русской, заключается главным образом в переводах древних текстов. В Европе переведены все классические книги Китая и многие исторические труды китайских ученых. Био еще в начале XIX в. перевел «Чжоу-ли», «Малый календарь Ся» и «Бамбуковые летописи», Легге (точнее: Легг. — *А.К.*) и Куврер — конфуцианские классические труды, Майла еще в XVIII веке перевел и издал в 15 томах «Тун-цзянь ган-му» (Мойрийяк де Майя перевел этот труд с маньчжурского, и он был издан посмертно в 13 томах: *Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet Empire; traduit du Tong-kien-kang-mou par de Mailla. Paris, 1777—1785. — А.К.*), над которым у нас бесплодно трудился Иакинф Бичурин (его перевод не был опубликован. — *А.К.*). Шаванн перевел значительную часть «Исторических записок» Сыма Цяня, Вижье (точнее: Вигер. — *А.К.*) — Сыма Гуана и ряд других исторических текстов. Столь же богата и сводная европейская литература по древней истории, написанная на основе китайских источников и исторических трудов. Конради, Гранэ, Масперо, Паркер, Хирт, Фабер, Эркес и др. дали ряд специальных работ о древнем Китае, Кордье, Макгован, Болджер и др. написали общие компилятивные работы по истории Китая начиная с древнейших времен. В Европе и Америке были изданы также некоторые сводные китайские работы по истории Китая, например, Ли Юн-бин, Ли Пин-хуа, Хуан Хань-лэн и др.

В самостоятельных буржуазных исследованиях по истории древнего Китая большое место занимал вопрос о происхождении китайцев. Выдвигались всяческие фантастические теории. Так, одни доказывали, что китайцы пришли из Египта (Кирхер, Моран и др.), что древний Китай был египетской колонией, другие видели родство китайцев с Вавилоном и Халдеей (Террьерен де Лакупри, Шлегель и др.), третьи считали, что китайский народ произошел от индусов

(Гобино) и т.п. Наиболее распространенным был взгляд о приходе китайцев из Месопотамии, в частности так считал и Сунь Ят-сен, полагая, однако, что первые обитатели Китая появились в незапамятные времена. В европейской литературе в конце концов установился другой взгляд, рассматривающий древних китайцев как пришельцев из долины реки Тарима (Легге, Рихтгофен, Георгиевский и др.), указывались даже точные маршруты их перехода (через Ганьсу или Шэньси). Раскопки синантропа отвергают теперь все эти теории, поскольку доказано, что в Китае существовал человек сотни тысяч лет тому назад.

[с. 24] Многие буржуазные ученые изощрялись также в опровержении древности Китая, посвящая свои работы критике китайских источников, поискам противоречий в них и пр., чтобы опровергнуть их достоверность и подлинность. Некоторые другие (например, Рихтгофен), наоборот, признавали древность Китая и подлинность древнейших документов и доказывали это, опровергая доводы большинства ученых. Теперь, после новейших археологических открытий, все эти споры тоже потеряли свой интерес, и о них нет особой нужды говорить. Более интересны немногочисленные работы по экономической истории Китая, в которых буржуазные ученые (напр., Макс Вебер) пытались дать ответы на вопросы, интересующие больше всего и нас.

В последние годы европейская литература о Китае обогащается новыми работами, использующими новейшие археологические данные, чего нельзя, к сожалению, сказать о нашей литературе. У нас еще даже не знают о подлинном научном перевороте, вызванном аньяньскими раскопками, тогда как в Европе уже вышел ряд книг по этому вопросу.

Марксистская литература по истории древнего Китая почти отсутствует. Маркс, Энгельс, Ленин оставили лишь несколько случайных указаний, не занимаясь специально вопросами древнего Китая. Несколько интересных замечаний можно найти у Плеханова. Из германской социал-демократии о древнем Китае писал Каутский, Кунов и др., но они дали в корне ложную концепцию социально-экономического строя древнего Китая. Их взгляды развивает один из новейших германских историков Китая, коммунист Витфогель.

Наша советская наука еще не обогатилась почти ни одним трудом по истории Китая. Благодаря засилию антиисторической «школы» Покровского историки долгое время занимались схоластическими спорами об «азиатском способе производства» вместо конкретного изучения древнего Китая. Малочисленность научных кадров, знающих китайский язык, не позволяла специально заниматься древней историей, предпочитали заниматься более актуальными вопросами Китая.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Последний вопрос, который надо затронуть во введении к изучению нашего курса, это вопрос об общественном строе древних китайцев. «Краткий курс истории ВКП(б)» (М., 1938. — А.К.) в разделе об историческом ма-

териализме говорит: «первейшей [с. 25] задачей» исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества» (с. 116).

Это — центральная проблема всякой истории: как жили люди, какими средствами они производили, в каких общественных отношениях между собой находились. Казалось бы, бесспорно, что на заре истории первой формой общественных отношений людей был первобытнообщинный строй. Так учит марксистско-ленинская теория, об этом говорит история всех других народов. Но для Китая этот вопрос никогда не ставился. Буржуазная наука этим вопросом вовсе не занималась, зачастую вовсе отрицая весь ранний период китайской истории, в марксистской литературе он также еще не разработан.

Дальнейший процесс развития человеческого общества в целом был таков, что везде человечество, переходя к более высокому развитию производительных сил, познавало рабство как первую, наиболее примитивную форму классовых отношений. Об этом говорил Маркс, который указывал, что «рабство, которое является экономической категорией, встречается у всех народов на ранней стадии их развития»²⁸. Об этом же говорил Энгельс, об этом же говорил Ленин в известной лекции «о государстве» (в Свердловском университете 11.07.1919. — *А.К.*): «развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное общество, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое» (т. XXIV, с. 366). Об этом же говорит и «Краткий курс» истории нашей партии в главе об историческом материализме. Но это бесспорное теоретическое положение: рабство было первой формой классовых отношений у всех или почти у всех народов, — тоже не разработано в отношении китайской древности.

По вопросу о социально-экономическом строе в древнем Китае в буржуазной науке, которая рассматривает древний Китай как достоверный начиная только с эпохи Чжоу, существовало мнение, что Китай миновал стадию рабства и с самого начала находился на стадии феодализма, т.е. на более высокой ступени развития по сравнению с рабством. Переводя древнейшие китайские тексты, буржуазные ученые наградили их терминологией из арсенала европейского [с. 26] феодализма — уделами, маркизами, баронами и пр., что создало, казалось бы, бесспорную картину феодализма в древнейшем Китае.

Многие современные китайские ученые на основе заимствования буржуазных трудов тоже считали, что в древнем Китае сразу начался феодализм и Китай миновал стадию рабовладельческого общества. Такой же взгляд высказывался и в нашей литературе. Но для нас ясно, что теоретически такой

²⁸ *Маркс и Энгельс. Письма*, изд. 1931 г.

взгляд ошибочен, ибо Китай не мог быть исключением из общей закономерности исторического развития.

Теоретики социал-демократии, которые занимались Китаем, на основе отрывочных указаний Маркса, которые они не понимали, пытались доказать, что в Китае не существовало ни рабовладельческого, ни феодального общества, а вечно и неизменно существовал так называемый «азиатский способ производства», самобытное, специфическое восточное общество, к которому они относили и Китай в числе других восточных народов. Этот взгляд развивали Каутский, Кунов, Плеханов в России, он же был подхвачен троцкистами в период 1921-29 гг., когда они пытались найти обоснование своего утверждения, что в современном Китае отсутствуют остатки феодализма. Они «доказывали», что там до последнего времени существовал «азиатский способ производства». Эта теория также ложна и несостоятельна, но вы можете встретиться с этим вопросом в литературе и вам надо знать, о чем идет речь.

В самих терминах «азиатский способ производства», «восточное общество» и т.п. нет ничего одиозного. Они употреблялись Марксом и Энгельсом, о пережитках «азиатского способа производства» у наиболее отсталых народов еще в наше время говорится даже в программе Коминтерна. Но речь идет о том, что следует понимать под этим термином. Схоластические споры, которые вели наши историки в 1929-31 гг. по этому вопросу, ни к чему не привели, они только хуже запутали вопрос, ибо споры шли вокруг 10-12 цитат из Маркса без привлечения конкретного материала. В чем же сущность вопроса?

Совершенно бесспорно, что для Маркса и Энгельса, как и для Ленина и Сталина основным в учении об обществе является тезис о прогрессивности социально-экономических формаций. Именно в этой связи и упоминали основоположники марксизма: «восточное общество» (Египет, Вавилон, Персия и др.) как первое и наиболее раннее из человеческих обществ, за которым следовало античное рабство (Греция и Рим), на смену которому пришел европейский феодализм, предшествующий капитализму. Таков был процесс развития [с. 27] человеческого общества в целом, беря основные вехи развития человечества. Именно тезис о прогрессивности общественных формаций, а не «циклическое» и всякое иное развитие, о котором говорят буржуазные теории, есть стержень марксистско-ленинской исторической науки, что тесно связано с развитием производительных сил, со сменой орудий труда, развитием хозяйства. Первобытной технике соответствовал первобытнообщинный строй, с переходом к железу зарождается рабство, затем с дальнейшим развитием земледелия и ремесла развивается феодализм и т.п. Феодализм, естественно, не может предшествовать рабству, как после социализма не может установиться капитализм. «Циклические» же теории допускают такую возможность. «В соответствии с изменением и развитием производительных сил общества на протяжении истории, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — изменялись и развивались производственные отношения людей, их экономические отношения. Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» (с. 119).

Естественно, что эти пять основных типов производственных отношений, что подчеркивает «Краткий курс», не исключает различных вариантов в пределах каждого из них. Подобно тому, как капитализм имеет различные стадии, начиная от простого товарного хозяйства и кончая империализмом, так и ранние формации, более длительные, чем капитализм, имели еще более различные стадии.

Отсюда ясно, что под термином «азиатский способ производства» следует понимать лишь древнейшее общество, существовавшее в Азии, исторически предшествующее Греции и Риму. О том же, каковы были черты этого древнейшего общества, надо судить на основе конкретного материала и общей марксистско-ленинской методологии. Сами основоположники дали по этому вопросу лишь отдельные указания. Они видели в этих древнейших обществах раннюю примитивную форму рабства, отличную от античного рабовладельческого общества в Греции и Риме. Так, например, Энгельс в одной из работ отметил, что «в азиатской и классической древности преобладающей формой эксплуатации было рабство, т.е. не столько экспроприация земли у масс, сколько экспроприация их личности»²⁹. Отдельные указания Маркса и Энгельса позволяют утверждать, что они считали «азиатский» способ производства «самым ранним и примитивным классовым образованием», в котором племенной вождь еще только что превратился в царя, «восточное деспота», совмещавшего [с. 28] в своем лице и единственного эксплуататора и власть, прообраз государства. Частная собственность при этом строе, как и классовое расслоение внутри первобытной общины, еще отсутствовали, «рента» совпадала с налогом, который получал единственный эксплуататор — «государство», восточный деспот. О специфических чертах этих ранних классовых образований на Востоке нам еще придется говорить, поскольку они имели место и в Китае.

«Восточное общество», «азиатский способ производства» — это не географическое понятие, а историческое, это не вечная категория, свойственная Востоку во все времена, а исторически первая фаза человеческого общества, раньше других возникшего на Востоке. Естественно, что в процессе дальнейшего развития и восточные страны прошли через следующие фазы, включая капитализм, зародившийся в странах Азии совсем недавно.

Исходя из марксистско-ленинского учения о прогрессивности общественных форм, мы и отрицаем, следовательно, как тезис о неизменном «азиатском» способе производства, так и тезис о неизменном феодализме в Китае. Поскольку и в Китае изменялись орудия труда, производительные силы общества, постольку должны были изменяться и производственные отношения. Этот процесс и должна изучить история Китая. Но верно, что Китай — единственная страна и китайский народ — единственный народ, сохранившийся от тех времен, когда существовали другие древнейшие царства, погибшие в ходе дальнейшего развития. Следовательно, налицо все же застойность Ки-

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Об античности. Сб. (Л., 1932. — А.К.), с.132.

тая, позволявшая Марксу говорить о его существовании «вопреки времени». О застойности Китая говорил и Ленин: «Почему Персидское царство (империя) пало, а Китай и Индия нет? Продолжительное существование еще не есть что-то превосходное»³⁰. Эта лаконичная формулировка ясно выражает ленинскую мысль о застойности китайского общества. Но когда остановился Китай в своем развитии? Что было причиной застойности? На какой ступени исторического развития он перестал прогрессировать? Когда и как он перешел от первобытнообщинного строя к рабству? Дошел ли он до феодализма, когда, в каких формах произошел этот переход? На все эти вопросы должен ответить наш курс. Но для нас должно быть ясно одно: никакие особенности развития Китая не исключают общей закономерности исторического развития, и если мы не видим ясно этой закономерности, то, по-видимому, просто потому, что мы еще недостаточно знаем конкретную историю Китая. Но наша наука еще молода, и дать [с. 29] законченное, развернутое исследование вопроса в новом освещении мы на сегодня еще бессильны.

Чтобы доказать, например, что рабство было господствующим способом производства, преобладающей формой общественных отношений в древнем Китае, еще нужна большая исследовательская работа. На сегодня исчерпывающего ответа на этот вопрос мы дать еще не можем, но теоретически для нас ясно, что нет никаких оснований для того, чтобы отрицать, что Китай, как и другие народы, прошел путь развития, который проходило и все человеческое общество.

Тираж 30
Заказ 271
Стеклография
Ин-та востоковедения

³⁰ «Ленинский сборник», т. XII (М., 1930. — А.К.), с.157.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. НАРИМАНОВА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА

Профессор Г. КАРА-МУРЗА

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Лекция вторая

ДИКОСТЬ И ВАРВАРСТВО В СВЕТЕ МИФОЛОГИИ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

(Миф о мирообразовании. Фу-си и Нюй-гуа. Шэнь-нун. Хуан-ди. Научное значение китайской мифологии. Низшая степень дикости. Средняя и высшая стадии дикости и переход к варварству. Первые стадии варварства. Общественная организация и быт древнейших китайцев.)

Москва
1939 г.

[с. 1] Приступая к изучению древнейшего периода китайской истории, мы должны начать с освещения первобытного состояния китайского народа. Он нашел отражение в мифах. Мы должны изучить китайские мифы еще и потому, чтобы знать историю Китая так, как описывают ее сами китайцы. Китайский народ верит в существование древнейших царей, которых мы признаем лишь мифами.

Китайский народ любит свою богатую и величественную историю. Почти каждый оратор, каждый политический документ или художественное произведение ссылаются на исторические персонажи глубокой древности, оперируют историческими примерами, которые стали символами, нарицательными именами. Это также обязывает нас знать имена самых древних, полумифических, а порой и совершенно мифических царей и событий, о которых говорится в связи с этими мифическими царями. Многие ремесленные цехи до сих пор имеют своими духами-покровителями мифических царей.

Начнем с мифа о происхождении мира, который чрезвычайно интересен.

МИФ О МИРООБРАЗОВАНИИ

Китайская теория о происхождении мира считает, что вначале был хаос — безразличный эфир; затем происходит раздвоение — образуются два противоположных начала, две противоположные силы — так называемые *ян*³¹ и *инь*³². Это весьма широкие понятия, это — основа всей древней китайской философии, диалектической по своему содержанию: это положительное (*ян*) и отрицательное (*инь*) начало, мужской и женский принцип, небо и земля, свет и тьма, т.е. две противоположных силы. От соединения этих двух противоположных начал произошел первый человек, мифический Пань-гу³³. Пань-гу — первый человек-гигант, создатель неба и земли, который изображается на китайских картинках с резцом и молотом в руках, раздробляющий скалы, формирующий из них землю. Он работал 18 тысяч лет, пока создал небо и землю. Благодаря его трудам небо ежедневно подымалось на несколько ярусов, [с. 2] земля утолщалась, принимая

³¹ 陽

³² 陰

³³ 盤古

осязательные формы, а вместе с тем рос и сам Паньгу — первый человек. Но Пань-гу важен не только своей жизнью, но и своей смертью, ибо смерть Пань-гу породила на земле жизнь: из его дыхания родились ветер и облака, его голос превратился в гром, левый глаз стал солнцем, правый глаз стал луной; туловище Пань-гу, руки и ноги образовали четыре части света и пять священных гор Китая, мясо Пань-гу стало почвой, из крови Пань-гу потекли реки, его мускулы и жилы образовали земную кору, его борода и волосы превратились в звезды, волосы на его челе стали травой, лесами и кустами, зубы и кости образовали металл и камни, мозг — перлы, из его пота образовался дождь, а из насекомых на его теле — произошли люди. Все это произошло 3 миллиона лет тому назад.

Этот миф интересен тем, что он лишен всякой религиозной окраски, мир произошел от человека, люди не от бога, а от насекомых на теле первого человека — гиганта. Этот миф, по-видимому, не китайского происхождения, он воспринят китайцами от малайцев в VI в. нашей эры.

После Пань-гу следовал целый ряд чрезвычайно длительных периодов формирования земной жизни, которых китайцы насчитывают десять.

Первый период называется периодом *сань-хуан*³⁴. Это был период «трех государей», но это не три государя-человека, а три поколения государей. Первое из этих поколений — поколение *тянь-хуан*³⁵ (небесные государи); второе поколение *ди-хуан*³⁶ (земные государи); третье — *жэнь-хуан*³⁷ (человеческие государи). Это еще не люди, это мифические существа, полудраконы.

В поколении *тянь-хуан* было 13 небесных государей. Их царствование продолжалось 134 тысячи лет. Земные правители властвовали 198 тысяч лет, и человеческие правители — 15600 лет. Только по истечении этих огромных исторических периодов еле-еле намечаются первые проблески человеческой жизни.

Следующие периоды, столь же мифические, не датируются точным количеством лет. Все эти периоды, по мнению китайских историков, были еще доисторическими периодами; люди в течение этих периодов жили еще в пещерах и на деревьях, ничем не отличаясь от животных, не зная даже отца и матери. Только в самом конце последнего периода люди начинают пользоваться звериными шкурами как одеждой, [с. 3] жарить мясо, которое они до того ели только сырым, и вообще делают самые первые шаги в области культуры. Так говорит китайская история. Но все это еще не история китайского народа. В этот доисторический период люди еще не отличались по нациям, они еще мало отличались от животных. В конце 10-го периода некий мифический правитель по имени Суй-жэнь³⁸, подобно греческому Прометею,

³⁴ 三皇

³⁵ 天皇

³⁶ 地皇

³⁷ 人皇

³⁸ 燧人

научил людей добывать огонь. Чао³⁹ научил людей строить жилища на деревьях. Он и доныне считается духом-покровителем китайских плотников.

Так, рассматривая период за периодом, шаг за шагом возникающей цивилизации, китайская история доводит ее до времени первого царя Фу-си.

ФУ-СИ⁴⁰ И НЮЙ-ГУА⁴¹

С точки зрения китайцев это уже вполне исторически достоверная личность, и время его жизни датируется совершенно точно. Он стал царем по просьбе народа в 2952 г. до нашей эры. Его мать, жившая в области Хуасюй, недалеко от Сианя, в нынешней провинции Шэньси, родила Фу-си по наитию, она зачала его, согласно преданию, наступив на след дракона и была беременна в течение 12 лет. Фу-си считается прародителем китайского народа. Фу-си — еще получеловек, он имел по одной легенде тело дракона, а голову быка, по другой — тело змеи, а голову человека.

Эта дата — 2952 г. до н.э. считается узаконенной большинством китайских историков, хотя есть и другие даты, расходящиеся с ней. Но дело не в датах, Фу-си несомненно легендарное существо, важное как собирательное имя целых поколений и периодов развития китайской истории. С его именем связываются уже определенные исторические процессы, уже вполне правдоподобные факты развития китайской культуры, но ясно, что эти процессы происходили в течение многих тысячелетий.

Китайская история считает, что до Фу-си люди еще мало отличались от животных: они не знали отца, они знали только мать. Они питались только кровью животных, не имели одежды, не добывали себе пищи. С именем Фу-си китайская история связывает образование китайского народа. Прежде всего, Фу-си положил начало регулярным брачным [с. 4] отношениям между мужчиной и женщиной, до него существовали беспорядочные брачные отношения и в этой области человек, по мнению китайской истории, тоже ничем еще не отличался от животных. Фу-си положил начало браку.

Фу-си, по мнению китайской истории, создал китайский народ, разделив безымянных первобытных людей на 100 родов, 100 фамилий. *Бай-син*⁴² («сто фамилий») и сейчас является одним из названий китайцев — это обобщающее понятие для обозначения китайского народа.

Фу-си впервые населил территорию, на которой зародилась культура Китая, — это был северо-западный Китай, бассейн реки Хуанхэ. Сам Фу-си из Шэньси — родины матери — переселился в Хэнань и расширил свои владения, включив в их состав, помимо Шэньси, нынешние провинции Хэнань и Шань-

³⁹ 巢

⁴⁰ 伏羲

⁴¹ 女媧 (Нюй-гуа/ва. — А.К.)

⁴² 百姓

дун и дойдя до Восточного моря; он разделил свою империю на 9 частей, а свою столицу устроил в новом городе Чэнь — ныне Чэньчжоуфу в провинции Хэнань. Но географическому описанию владений Фу-си трудно верить.

Фу-си приписывается начало производительной деятельности китайского народа — именно он по преданию научил китайский народ ловить рыбу и сам сделал сети, тогда как до него люди питались только животными. Фу-си научил людей обращаться с домашними животными, он впервые приручил животных и сделал их ручными и домашними. Их по преданию было шесть: лошадь, бык, свинья, овца, собака и курица.

С именем Фу-си связываются и первые шаги китайского народа в области культуры. Именно Фу-си был основателем китайской письменности. До него письменности не было, люди пользовались веревочными узелками как первой стадией письменности, подобно тому, как пользовались узелками американские народы еще в период открытия Америки Колумбом. Китайская история считает, что этот этап в развитии письменности китайский народ пережил еще до Фу-си, а Фу-си ввел уже иероглифическую письменность. Фу-си принадлежит идея шести категорий иероглифов, первоначально имевшая в своей основе т.н. «8 триграмм» (*ба-гуа*)⁴³ — различные сочетания двух черт: длинной и короткой (точнее: целой и прерванной. — *А.К.*), располагавшихся в три ряда. Считают, что Фу-си ввел в цикл летоисчисления, положив начало календарю. То же нововведение приписывается, впрочем, и другим мифическим персонажам.

С его же именем связывается изобретение первых струнных инструментов — лютни с 35 струнами. Ему же приписывается начало религиозных верований. История считает, что именно Фу-си научил людей молиться богам и первый стал приносить жертвы небу и земле. После 115-летнего [с. 5] царствования Фу-си умер и получил посмертный титул Тай-хао.⁴⁴

Таков был первый мифический царь, с именем которого связано, как видите, очень много событий. Далее я остановлюсь подробно на анализе этого мифа и его научном значении, рассказав предварительно о других мифических правителях, которые в целом заканчивают первоначальный период развития китайского народа.

Вместе с Фу-си народом правила его сестра по имени Нюй-гуа. Она тоже наделяется мифическими чертами полуживотного — она имела тело змеи, а голову быка. Имя Нюй-гуа важно тем, что она ввела дальнейшее упорядочение в брак, запретив брак между родственниками. Она установила законный брак, ввела сватовство, брачную церемонию.

С именем Нюй-гуа связан еще один миф, заключающийся в следующем: по мнению древних китайцев, мир стоял на столбах, которые покрывал небесный свод, и небо поддерживалось столбами; и вот один злой человек, по имени Гун-гун⁴⁵, восстал против Нюй-гуа и обрушил небесный свод, а вместе

⁴³ 八卦

⁴⁴ 太昊

⁴⁵ 共工

с ним обвалился и край земли. Земля накренилась в одну сторону и чуть не погибла. Нюй-гуа починила столб, но земля все же осталась несколько искривленной, наклоненной в одну сторону, и поэтому все реки стали течь только в одном направлении, на восток — в океан. Так объясняли древние китайцы своеобразное географическое устройство Китая.

ШЭНЬ-НУН⁴⁶

Следующее имя, с которым мифология связывает дальнейшие шаги Китая в области культуры, — это Шэнь-нун.

Его царствование начинается с 2838 г. до нашей эры, хотя некоторые источники приводят другие даты — 3217 г. и 2737 г., оспаривая правильность первой даты. Но в данном случае эти даты также не важны, как и дата существования Фу-си, ибо все это относится еще к мифическому периоду. Больше того, в одной из китайских исторических работ высказывается взгляд, что между Фу-си и Шэнь-нуном прошел значительно более длительный срок, [с. 6] чем считает официальная хронология, что их разделяли 17798 лет. Этот взгляд с точки зрения возможности развития несомненно более правилен, чем хронология последовательности Шэнь-нуна сейчас же после Фу-си, хотя ясно, что верить точной периодизации и в этом случае не приходится.

История наделяет Шэнь-нуна всеми качествами мифологического существа. Он был зачат женщиной по наитию дракона, имел тело человека, но голову быка, а лицо дракона. Через три часа после рождения он стал говорить, через 5 дней ходить и вообще проявлять качества исключительного существа. Еще при жизни Фу-си он был его советником, а потом стал правителем по воле народа, будучи избран народом. Он перенес свою столицу на территорию нынешней провинции Шаньдун в город Цюйфу.

Шэнь-нун особенно замечателен тем, что впервые обучил китайский народ земледелию. Считается, что до Шэнь-нуна люди ели лишь то, что давала сама природа, мясо, рыбу, дикие растения. Шэнь-нун изобрел первые земледельческие орудия, научил людей обрабатывать землю и собирать урожай. Он обучил людей пользованию важнейшими злаками — рисом, пшеницей, просом, горохом и пенькой. Он научил людей делать вино. Во времена Шэнь-нуна люди уже добывали соль из земли, а при нем они научились добывать и морскую соль. Шэнь-нун научил людей торговать — именно он установил торговые сношения между отдельными частями своего царства. Он повелел создать в каждом местечке ярмарку, указав, что продавать можно лишь то, что имеется в излишке. При Шэнь-нуне, по мнению китайской истории, уже появляются медные монеты. Шэнь-нун первый объехал всю землю в повозке, запряженной шестью драконами, и определил границы своих владений. История говорит, что в его царстве жило так много народа, что крик домашних животных был слышен из одной деревни в другую. Шэнь-нуну при-

⁴⁶ 神農

писываются 4 дальнейших шага и в области культуры: он почитается отцом китайской медицины. Шэнь-нун изучал свойства различных трав и нашел 70 ядовитых растений и 70 противоядий. Он написал книгу о свойствах трав, дав 365 рецептов от 400 различных болезней. Легенда рассказывает, что желудок у Шэнь-нуна был покрыт стеклом, вследствие чего он мог наблюдать весь процесс пищеварения, действие каждой травы и отмечать ее влияние на человеческий организм. Несмотря на легендарные черты Шэнь-нуна, в самом факте открытия им целебных свойств трав не сомневаются и современные политические деятели. Так, Сунь Ят-сен, говоря о происхождении китайской [с. 7] культуры, тоже упоминал Шэнь-нуна. «Шэнь-нун, — говорил Сунь Ят-сен, — испробовав сотни трав, открыл множество лекарственных растений. Он смог управлять болезнями человеческими, он смог спасти от смерти и возвращать к жизни, что являлось в то время невероятнейшим делом и имело колоссальную заслугу перед человечеством».

При Шэнь-нуне уже вспыхивают мятежи. Один мятежник, восставший против него, по имени Чи-ю⁴⁷ изобрел оружие и выступил против власти Шэнь-нуна. Этот мятежный Чи-ю имел медную голову и железный лоб. Он почти разбил Шэнь-нуна, но его спас человек по имени Сюань-юань⁴⁸ — сын правителя одного города, который впоследствии стал следующим китайским царем по имени Хуан-ди.

Шэнь-нун царствовал 120 лет и умер в большом почете. Аннамитская легенда связывает с китайской историей через Шэнь-нуна и происхождение Аннама — именно от Шэнь-нуна якобы произошли первые короли Аннама.

ХУАН-ДИ⁴⁹

Китайская история рассказывает далее о царе Хуан-ди, с именем которого связано, по мнению китайской истории, образование китайского государства. Китайский народ и до сих пор считает себя потомками Хуан-ди. Первое воззвание революционеров после образования революционного правительства в 1911 г. было датировано 4609 г. от Хуан-ди. В обращении к китайскому народу, недавно опубликованном VI-м пленумом ЦК китайской компартии, тоже есть стереотипная фраза о том, что «мы — потомки Хуан-ди». Таким образом, и коммунисты не отрекаются от этого наследия, возводя генеологию своего народа непосредственно к Хуан-ди.

Хуан-ди, как и Фу-си, и Шэнь-нун, наделен еще всеми качествами мифического существа. До того, как стать правителем Китая, он носил имя Сюань-юань. Он был рожден женщиной, зачавшей его при виде блеска облака; он с раннего детства умел говорить, он приручал и дрессировал диких живот-

⁴⁷ 蚩尤

⁴⁸ 軒轅 (В оригинале неточная транскрипция: Сянь-юань. — А.К.)

⁴⁹ 黃帝

ных. В зрелости китайская история застаёт [с. 8] его в качестве старейшины в городе Юсюя (точнее: область Се. — *А.К.*), где он улучшал земледелие и, что особенно любопытно, ввел систему воинской повинности, согласно которой люди занимались попеременно то земледелием, то военным делом.

Далее история рассказывает о борьбе Сюань-юаня с мятежником Чи-ю, о его победе над ним и о выборе его народом в качестве главы народа. Это произошло, по мнению истории, в 2698 г. до нашей эры, с тех пор он и стал называться Хуан-ди, что и донныне означает «император», — именно его имя и было взято китайцами в качестве термина для обозначения понятия «император» (в действительности это омонимичные биномы, имеющие общий второй иероглиф: «император» 皇帝 — буквально «владыка-первопредок/государь», а Хуан-ди 黃帝 — Желтый первопредок/государь, но, возможно, последний возник как переосмысление первого. — *А.К.*)

Период его правления знаменуется дальнейшим его развитием хозяйства. Уже до Хуан-ди было скотоводство, охота, рыбная ловля, земледелие, и китайский народ уже до Хуан-ди перешел от стадии дикости к варварству.

Хуан-ди приписываются первые шаги китайского народа в области добычи руды и плавки металлов; история рассказывает, что при нем в горах Хэнани впервые была найдена медная руда, люди пробовали плавить из нее металл и делать металлические изделия — треножники, вазы и т.д. Очевидно, это есть указание на знакомство древних китайцев с бронзой, которое относится ко временам глубокой древности. Любопытно, что история еще не указывает на употребление металла в то время для производства орудий — металл использовался для треножников, ваз и пр., а орудия в период Хуан-ди, очевидно, все еще оставались каменные. История рассказывает далее, что жена Хуан-ди научила народ выводить шелковичного червя, разматывать коконы и производить шелк. Так объясняет китайская история возникновение в Китае шелководства, которому приписывается очень глубокая древность.

До Хуан-ди люди жили в пещерах, на деревьях или в хижинах из ветвей. История приписывает Хуан-ди изобретение кирпичика и начало строительства домов. Сам Хуан-ди выстроил для себя дворец и храм для жертвоприношений небу. История считает, что Хуан-ди научил людей первоначальным правилам архитектуры, приказал выстроить зал для общего собрания народных представителей, для жертвоприношений и для выслушивания его поучений, обращенных к народу.

При Хуан-ди впервые появляется транспорт. Хуан-ди, как гласит история, очищал горы, прокладывая дороги, научил людей строить повозки, которые запрягались волами. Он же научил людей выдалбливать из стволов деревьев лодки и плавать по рекам. Так появляются первые сообщения о [с. 9] транспорте, и любопытно, что китайская история ничего не рассказывает о верховой езде, которая является первым видом транспорта у кочевников, и это вполне правильно, т.к. китайцы долго не знали верховой езды и восприняли ее только у кочевников северных областей, после того, как вошли в сношения с ними. Хуан-ди построил мосты через реки, соединив непроходимые до него

районы, расположенные между реками. Считается, что Хуан-ди сделал дальнейшие шаги в области развития торговли и выпуска денег, он же определил цены товаров (что рассказывается впрочем и о Шэнь-нуне) и ввел принудительный курс драгоценного металла, которым было золото, а кроме того черепаховые щитки, куски нефрита, раковины, куски ткани, слитки меди. Это сообщение несомненно имеет зерно истины, ибо китайцы не говорят о возникновении разменной монеты с самого начала, а называют деньгами товары, имевшие общую ценность, посредством которой могли обмениваться между собой другие товары. Но Хуан-ди приписывается также и чеканка золотой монеты, первоначально в виде ножей с круглой рукояткой и дырочкой посередине.

Никаких вещественных памятников от эпохи Хуан-ди не осталось — ни дворцов, ни мостов, ни монет. Но китайские нумизматические труды приводят очень точные рисунки монет Хуан-ди, которые можно найти и в русских книгах по истории Китая. Именно из этой формы монеты, относимой ко времени Хуан-ди, впоследствии родилась и современная монета. Современная китайская монета так же, как и изображения древних монет, имеет посередине дырочку, что является, очевидно, следом глубокой древности, когда эти первые монеты еще делались в форме ножей и привешивались к поясу или нанизывались на ниточку.

Хуан-ди считается основателем государства. До него люди бродили с места на место, не имея постоянного жительства. Хуан-ди впервые установил постоянный территориальный принцип сожительства, разделив все население Китая на области. Первоначальной территориальной единицей была, как рассказывают, единица в 8 семейств, которые объединялись вокруг одного колодца — по-китайски *цзин*.

Отсюда же ведет свое начало утопическая, так наз. колодезная система землевладения, по которой земля делилась на 9 квадратов вокруг колодца — восемь обрабатывались каждой семьей самостоятельно, а с девятого уплачивалась дань царю. Сам по себе иероглиф «колодец»⁵⁰ говорит именно об этом, ибо, если его окружить, то и будет девять земельных квадратов, которые, якобы, составляли первоначальную земельную общину, единицу китайских поселений.

[с. 10] Три колодца составляли околодок; три околодка — урочище; пять урочищ — селение; десять селений — волость, 10 волостей — округ, 10 округов — провинцию. Вся страна была разделена на 10 тыс. областей, каждая из которых имела протяжение 100 кв. *ли* (неточно изложено описанное в гл. «Као гун цзи» канона «Чжоу ли» земельное объединение *тун* со стороной в 100 погонных *ли*, состоящее из 10000 «колодезных» образований со стороной в 1 *ли* и являющееся лишь небольшой частью всей страны как квадрата со стороной в 3000 *ли*. — А.К.).

Это было первое административное деление, о котором рассказывает китайская история, но несомненно, что это результат уже последующего развития, которое историки, писавшие в период наличия такого административного деления, приписывали прошлым мифическим деятелям. Рассказывают, что

⁵⁰ 井

владения Хуан-ди простирались до моря на востоке, до Янцзы на юге, до местности Кунтун в провинции Шэньси (сообщение Сыма Цяня; согласно Вэй Чжао [193–273], Кунтун находился в округе Лун, ныне принадлежащем пров. Ганьсу. — А.К.) на западе и до границ Монголии на севере, — такова по уверениям китайских историков была первоначальная территория их государства. Но этому нельзя верить.

Разделив свое государство на провинции и области, Хуан-ди поставил там своих чиновников и правителей, а свою столицу основал в городе Чжолу, ныне Чжочжоу в провинции Чжили. Таким образом, совершенно точно указывается и местонахождение столицы этого мифического царя. Его окружали шесть министров, ведавшие различными отраслями управления. Ему же приписывается и создание армии. История рассказывает, что мятежник Чи-ю снова поднял бунт против Хуан-ди и в борьбе с ним Хуан-ди и создал первую армию, которая разбила мятежника. С этой же битвой с Чи-ю мифология связывает изобретение компаса. Рассказывается, что Чи-ю в борьбе с Хуан-ди покрыл землю туманом и войска Хуан-ди, не будучи в состоянии определить местонахождение врага, шли вслепую и гибли. Тогда Хуан-ди и изобрел компас, это была сначала чудесная телега, которая сама шла на юг. Чи-ю грозила гибель, но он призвал с неба ураган и дождь. Хуан-ди тоже обратился к небу, и небо помогло ему разбить мятежника. Он взял Чи-ю в плен и казнил.

Раз начались войны, потребовалось оружие. Изобретение оружия также приписывается Хуан-ди. Именно он дал воинам луки и стрелы, сабли и пики. Он же впервые ввел в армию знамена и первый написал правила военной тактики, научив людей сражаться.

По повелению Хуан-ди его чиновники усовершенствовали письменность, изобретая так называемое головастиковое письмо, считавшееся одним из первоначальных форм письменности. Хуан-ди поднял значение математики и астрономии. По его приказанию были сделаны [с. 11] приборы, по которым можно было проследить движение солнца, луны и других планет. На основе движения планет он установил шестидесятилетний цикл летоисчисления, который существовал до самого последнего времени. 61-й год своего царствования (2637 г.) он взял как первый циклический год, откуда и пошло якобы стройное китайское летоисчисление. Циклическое летоисчисление заключалось в следующем. Было взято 10 т.н. «небесных пней» и 12 «земных ветвей». Каждый из пней и ветвей имел свое название. Из последовательного сочетания каждого пня с каждой ветвью получился 60-летний цикл, в котором каждый год имел двухзначное название, т.е. сочетание пня и ветви. Так, например, революция 1911 г. называется в Китае «революция *синь-хай*», т.е. происшедшая в тот год, который по циклическому исчислению приходился на пень *синь* и ветвь *хай*.

Каждый месяц обозначался тем же словом, которое применялось для летоисчисления как «земные ветви». Их было 12, и они носили названия животных: тигр — название первого месяца, заяц — второго и т.п. (соотнесение 12 «земных ветвей» с животными зодиакального цикла зафиксировано в Ки-

тае лишь в I в. н.э. — А.К.). Месяцы исчислялись строго по луне, и поэтому не совпадали с европейскими. Год же был солнечным, а потому китайский год отличался от европейского, и это отличие сохранилось и до сих пор — он был короче европейского года (354-355 дней), ибо общее количество лунных месяцев не совпадало с солнечным кругом, поэтому прибавлялся високосный месяц, вместе с которым в високосном году было 383-385 дней, тогда как наш високосный год имеет только лишний день, в Китае это год с целым лишним месяцем. Китайские сутки делились на 12 часов, а не на 24, что тоже сохранилось до последнего времени. Каждый час (т.е. европейские два часа) имел свое название, совпадавшее с «земными ветвями», принятыми для летоисчисления. Они назывались теми же именами животных, что и месяцы: мышь (11-1 час ночи), бык (1-3 часа ночи), тигр, заяц и т.п. Поэтому в текстах вы можете часто встретить выражение: «в час змеи», «в час лошади» и т.п.

Хуан-ди установил меры веса, длины и емкости; за основу всех мер он принял зерно проса: 100 зерен по весу составляли единицу веса; 10 зерен, положенные в ряд, составляли единицу длины и пр. Он же ввел измерение полей, установив меру исчисления — 100 шагов, что составляло *му* — единицу земельной площади, сохранившуюся до сих пор.

При Хуан-ди были изобретены новые музыкальные инструменты, один из них представлял вид флейты из 12 бамбуковых трубок. Он же отлил первые колокола и создал гамму, которая отличается от европейской гаммы. При нем был сочинен первый гимн.

[с. 12] Хуан-ди приписывается еще создание исторической науки. Именно он впервые учредил специальные исторические приказы, которые записывали все исторические факты, речи и разговоры. Так китайская историография объясняет тот факт, что уже самые древние времена освещены в китайской истории. Он же первый создал костюмы, при нем было изобретено шелководство и людей, которые до него одевались в звериные шкуры, Хуан-ди научил носить шелковые одежды. Хуан-ди и доныне считался духом-покровителем китайских портных. Он изобрел головной убор, которого китайцы до него тоже не знали, и повелел разным слоям населения носить разных цветов костюмы: знать должна была носить костюмы голубого цвета в подражание небу, а люди, принадлежавшие к низшим слоям, — желтые в подражание земле.

Хуан-ди умер в 2597 г., процарствовав столетие. Он был торжественно похоронен, а министры, желая сделать память о нем вечной, взяли его костюм и головной убор, отнесли их в храм и принесли ему первую жертву. Отсюда китайская история ведет начало культа предков в китайской религии, т.е. поклонения душам умерших. Ясно, что этот культ возник не таким путем, а вырос из народных поверий и преданий глубокой древности, но весьма возможно, что и в период Хуан-ди культ предков уже существовал. Он имеет и до сих пор громадное значение в китайской земле.

После Хуан-ди царствовал его сын Шао-хао⁵¹ (2597–2513 гг.) — один из 25 сыновей, который не сделал ничего особенного; затем его внук, Чжуань-сюй⁵² (2513–2435 гг.), при котором было установлено, что жертвы небу приносит только царь. Затем народом правил правнук Хуан-ди по имени Ди-ку⁵³ (2435–2365 гг.) и наконец праправнук по имени Ди-чжи, которого история рассматривает как плохого правителя. Он имел несколько жен, был развратен, и народ был недоволен им, он предложил ему уйти с престола, и в 2356 г. по требованию народа престол занял его брат, который, став правителем, принял имя Яо. Начался новый период истории, т.н. эпоха Яо и Шуня⁵⁴.

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Несмотря на мифический и легендарный характер всех этих персонажей древние китайские ученые не считали сказочным ни царствование Фу-си, ни царствование Нюй-гуа, [с. 13] ни царствование Шэнь-нуна и Хуан-ди. Никто из китайских ученых в период развития китайской науки в древние и средние века не сомневался в том, что Фу-си был прародителем китайского народа, а Хуан-ди создателем китайского государства. Многие китайцы не сомневаются в этом и сейчас.

Вместе с тем ясно, что буржуазная наука никогда не придавала никакого значения этим легендам и мифам. Она считала их сказками, вымыслом. Несовпадение дат, мифические черты древних государей вроде тела змеи или головы быка, легендарные истории с зачатиями по наитию дракона и т.д. — все это принималось европейской наукой как чистейший вздор, вымысел, недостойный даже того, чтобы о нем говорить, а тем более верить. «Все, что рассказывается о временах до Яо, — писал, например, француз Сибо, — лишь груда сказок, не заслуживающих никакого доверия». Вслед за буржуазной наукой и у нас в той немногочисленной литературе, которая имеется о древнем Китае, даже не считают нужным говорить о Фу-си и других. Но просто отмахнуться от того, что рассказывается о Фу-си и Нюй-гуа, Шэнь-нуне и Хуан-ди нет никаких оснований. Совершенно бесспорно, что личности Фу-си и Нюй-гуа, Шэнь-нуна и Хуан-ди легендарны. Ясно также, что один человек не в состоянии был сделать того, что приписывалось каждому из них. Конечно, мы не можем верить и датам их царствований. Но вместе с тем эти мифы важны для нас как некое обобщение, как символы определенных периодов развития Китая. Несомненно, что с каждым из имен мифических царей связаны длительные, тысячелетние периоды развития Китая. И если откинуть всю легендарную, мифическую шелуху, которой из поколения в поколения обволакивались достоверные исторические события, то по-

⁵¹ 少昊

⁵² 顓頊

⁵³ 帝嚳

⁵⁴ 堯 и 舜

лучается, как это ни странно на первый взгляд, довольно стройная история, совпадающая с научным марксистским пониманием развития человечества.

Совершенно бесспорно, что мифы о Фу-си и др. есть обобщения многих народных сказаний, легенд, былин. И мифы о Фу-си, Шэнь-нуне и Хуан-ди несомненно имеют зерно достоверной истории. Бесспорно также, что они собраны воедино какими-то дальнейшими поколениями китайских историков, стремившимися представить историю Китая в живых исторических лицах, объяснить ее деятельностью царей, связать ее воедино хронологическими датами. Но зерно исторической истины здесь несомненно есть, оно есть в каждой из этих легенд. То, что рассказывается о Фу-си или о периоде царствования Шэнь-нуна и Хуан-ди, нельзя было выдумать.

О чем идет речь? Энгельс в своей работе о происхождении семьи и государства говорит, что дикость — это период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; производство человека служит, главным образом, вспомогательным [с. 14] орудием такого присвоения. Варварство — это период введения скотоводства и земледелия, период, когда человек вырабатывал и осваивал способы, при помощи которых он мог увеличить производство продуктов природы. Такова марксистская схема развития человеческого общества, которая рассматривает его, исходя из развития производительных сил. В мифах о Фу-си, о Шэнь-нуне и Хуан-ди поразительно правильно отображен процесс экономического развития китайского народа начиная с древнейших первобытных времен.

НИЗШАЯ СТУПЕНЬ ДИКОСТИ

Что мы видим в этих мифах? Сначала господствовало присваивающее хозяйство — люди почти не отличались от животных, они занимались только охотой, ели сырое мясо убитых животных и пили их кровь, они не научились еще употреблению огня, который позволял бы им жарить или варить мясо животных. Только мифический Суй-жэнь научил добывать огонь. Они жили, по данным этих мифов, на деревьях, в пещерах и не имели одежды, покрываясь шкурами диких зверей. Только Чао (птичий государь Шао-хао? — А.К.) научил строить хижины на деревьях. Это была низшая ступень развития человечества — это было «детство человеческого рода», по определению Энгельса. «Люди, — писал Энгельс, — находились еще в местах своего первоначального пребывания в тропических или субтропических лесах. Они жили частью, по крайней мере, на деревьях — только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей и животных. Пищей служили им плоды, орехи и коренья». Этот период был разработан Энгельсом теоретически и он писал далее, что «из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя это состояние длилось, вероятно, много тысячелетий, однако доказать его на основании прямых свидетельств мы не можем; но приняв происхождение человека из царства животных, мы должны допустить такое состояние» (Маркс и Энгельс. Собрание соч., т. XVI, ч. I, с. 9).

Такова решающая формулировка Энгельса о значении раннего развития человеческого общества. Китайские мифы о мирообразовании, о Суй-жэне, Чао [Шао-хао?], Фу-си и других легендарных царях чрезвычайно важны именно тем, что они являются историческими рассказами, говорящими о раннем периоде развития человечества, который вообще отрицает буржуазная наука, покоящаяся на религиозном представлении о происхождении мира, отрицая, происхождение человека из царства животных. Таким образом, эти, на первый взгляд, «сказки» имеют большое научное значение.

[с. 15] Первая стадия дикости, о которой теоретически говорил Энгельс, о которой рассказывают китайские мифы, нашла теперь научное подтверждение благодаря недавним археологическим находкам. Найденные несколько лет назад «синантропы» — это прародители китайского народа, еще находившиеся на ранней стадии дикости. Антропологические исследования полностью восстановили облик этих первобытных людей, обитавших в районе Пекина. Это были люди невысокого роста, коренастые, с массивным телосложением, с опущенной и малоподвижной головой. Чрезмерно длинные руки, хорошо развитые пальцы ног, волосатое тело еще роднили их с обезьяной. Низкий, покатый к затылку лоб и маленький мозг синантропа говорит о его слабом умственном развитии. Но синантропы уже знали речь, могли делать простейшие каменные орудия. В их пещерах нашли около 2000 орудий, главным образом из кварца, 5 или 6 из кремня, они использовали для орудий и кости животных и рога газели и оленя. Синантропы бродили в поисках подходящих орудий в окрестных районах, т.к. в стоянке первобытных людей не обнаружено тех камней, которые служили им материалом для орудий. Их орудия были чрезвычайно грубые, почти бесформенные, не отшлифованные. По археологической периодизации это был палеолит, век грубых каменных орудий. Синантропы питались кореньями, ягодами, плодами и мелкими животными, которых им удавалось убить или подобрать остатки растерзанных хищниками. Их окружали дикие звери — гигантские олени, слоны, близкие к мамонту, винторогие антилопы, газели, гиены, буйволы, носороги, кабаны. Вместе с синантропами обнаружены кости собаки — по видимому, собака была приручена человеком уже в ту далекую эпоху. Синантропы уже знали огонь. Геологические пласты скрывали в себе вместе с костями синантропов прослойки пепла — ученые считают, что это следы костров, которые разжигали синантропы. Таковы были прародители китайского народа, жившие около 400000 лет назад, как утверждают геологи на основе исследований геологических пластов.

Китайский народ зародился в районе рек Хуанхэ и Вэй в северном Китае. Так рассказывает легенда о Фу-си, который разделил китайский народ на сто семейств и поселил их на этой территории. Это же подтверждают и археологические раскопки последних лет — именно в этом районе, на который указывают мифы и легенды, зародилась китайская культура.

СРЕДНЯЯ И ВЫСШАЯ СТАДИИ ДИКОСТИ
И ПЕРЕХОД К ВАРВАРСТВУ

С именем Фу-си связывается переход китайцев к рыбной ловле. Мифы рассказывают, что именно Фу-си, научивший людей делать сети и ловить рыбу, в то же время поселил народ на новых местах, на территории нынешнего Китая.

[с. 16] Между этими двумя фактами есть внутренняя связь, обучение рыбной ловле и освоение новых территорий — процессы, связанные друг с другом, и то обстоятельство, что мифы приписывают их одному лицу, ставя их в ряд параллельных событий, чрезвычайно интересно. Процесс дальнейшего развития культуры, по учению Маркса-Энгельса, связан с добыванием огня. Китайские мифы рассказывают, что уже Суй-жэнь научил людей добывать огонь и жарить мясо, мы знаем, что уже синантропы умели пользоваться огнем. Фу-си научил ловить рыбу, а, по словам Энгельса, ловля рыбы есть переход к средней ступени дикости, новый этап в развитии человечества.

«Средняя ступень начинается с введения в пищу рыбы и с применением огня, — писал Энгельс. — То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь при помощи огня. Но с этой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности» (Маркс и Энгельс. Собрание соч., т. XVI, ч. 1, с.10).

И мы видим по мифу о Фу-си, что именно эти события — добывание огня и рыбная ловля связаны в истории Китая с расселением народа на большой территории. До этого китайские мифы, не говоря точно ни о какой территории, рассказывают, что люди переходили с места на место, питаясь лишь тем, что им давала природа, не будучи в состоянии бороться с ней.

Высшая ступень дикости, по мнению Энгельса, начинается с изобретения лука и стрел, благодаря которым дичь стала постоянной пищей, а охота — одной из нормальных отраслей труда. Китайцы знали лук и стрелы уже в период, отделенный от нас пятью-шестью тысячами лет, о чем также говорят археологические раскопки. Как и все первобытные люди, китайцы пользовались сначала каменными и костяными орудиями. Камень же был материалом и для наконечников стрел, найденных при раскопках Андерсона и относящихся несомненно к древнейшему периоду.

Таковы три стадии дикости, следы которых мы находим при археологических раскопках и которые отражаются в мифах и легендах о мирообразовании, о Суй-жэне и Фу-си. Миф еще приписывает Фу-си приручение животных. По мнению Энгельса, это есть уже следующий период развития человеческого общества, переход к варварству, отличительной чертой которого является именно приручение и разведение животных и возделывание растений. Еще одна характерная черта этой эпохи варварства — это гончарное производство, о чем легенды и мифы ничего не говорят.

[с. 17] ПЕРВЫЕ СТАДИИ ВАРВАРСТВА

Период варварства уже значительно шире отражен в китайской мифологии. О нем мы гораздо больше знаем и по данным археологии. Фу-си научил людей разводить домашних животных, Шэнь-нун научил людей земледелию, Хуан-ди — шелководству. Эти мифы уже отражают следующую ступень развития человечества после охоты и рыбной ловли. Несомненно, что и китайцы, как и всякий другой народ, вели сначала переложное земледелие, т.е. обрабатывали землю, переходя с места на место. Условия для этого были налицо, огромных земельных пустырей, никем не заселенных, заросших лесами и кустарниками, было много. Древние поджигали леса и кустарники, зола удобряла землю, они сеяли зерно, собирали урожай и переходили на другое место, где происходило то же самое. Постепенно начинается процесс оседания, который нашел отражение в мифе о Хуан-ди. В древнем Китае условия для оседлого земледелия были тогда значительно лучше, чем в современном Китае. Были большие леса, реки, большие озера и болота, было много влаги, и лишь в течение последующих тысячелетий, леса были вырублены под пашни, реки, озера и болота частью осушены, частью отведены, влаги стало меньше, и сейчас северо-западный район Китая является засушливым и требует искусственного орошения. Тогда в северном Китае совершенно другим был, по-видимому, и климат — жаркий, тропический, там цвели тропические растения, водились слоны. Китайцы занимались земледелием уже [за] две с половиной — три тысячи лет до нашей эры. Это доказывают раскопки Андерсона, произведенные в северо-западных районах Китая. Там были найдены каменные ножи для срезания проса и каменные зернотерки, которые бесспорно говорят о наличии земледелия в ту эпоху. Уже тогда было и животноводство, которому по преданию научил людей Фу-си. При этих же раскопках найдено много костей домашних животных, в частности, кости быка и свиньи. Все это говорит о наличии уже в те времена оседлого земледелия и домашних животных, ибо со свиньей не кочуют. По-видимому, в те далекие времена уже сеяли просо и рис. Зерно хранилось у древний китайцев в вырытых в земле ямах, которые тоже были обнаружены при раскопках.

Согласно археологической периодизации это был новокаменный век, неолит, век уже не грубых каменных орудий, а хорошо обработанных. Следы этих каменных орудий тоже найдены при раскопках Андерсона. Каменные ножи носили форму полумесяца или прямоугольника с двумя дырочками для укрепления ручек. Наконечники стрел и каменные [с. 18] зернотерки были тщательно обточены, плоские каменные кольца и другие каменные орудия говорят о том, что древние китайцы уже в третьем тысячелетии до нашей эры умели обрабатывать камень, шлифуя его, придавая ему ту форму, которая была нужна. Вместе с каменными орудиями раскопки обнаружили топоры и шила из оленьего рога, что говорит об умении древних китайцев делать еще более сложные орудия труда. Мало того, недавние раскопки обнаружили древнейшие первобытные веретенца из камня, которые говорят уже о наличии в Китае в глубокой древности прядения и ткачества. На древнейших гон-

чарных изделиях обнаружены отпечатки тканей. Древнейшие жители Китая уже культивировали текстильное растение вроде пеньки.

Что касается гончарного ремесла, то раскопки Андерсона обнаружили целый ряд глиняных изделий, говорящих о наличии в Китае уже в третьем тысячелетии до нашей эры гончарного искусства. Были найдены глиняные сосуды, треножники и чаши. Сосуды делались в 37 и даже 57 сант. высотой, остродонные, с двумя ручками, очевидно, служившие для масла и переносившиеся на плечах. Грубая глиняная посуда делалась из серой глиняной массы. Уже на этой посуде можно видеть следы зарождения искусства — на посуде делались орнаменты. Орнаменты наносились на сосуд или путем вдавливания шнура или углубления пальцами. Древние сосуды несут отпечаток материи или плетенки на дне — очевидно, остов делался из материи и уже позже обмазывался глиной. Это первый этап гончарного искусства. На это прямо указывал Энгельс. Но в этих же раскопках найдены образцы и более тонкой керамики, которую делали на гончарном круге, обжигая глину и нанося на нее уже цветные орнаменты — красную, черную или даже белую облицовку, цветные узоры.

Найденные при раскопках сосуды для масла говорят о наличии маслоделия в древнейшую эпоху, а это уже сравнительно высокий уровень хозяйства. Шкуры и ткани, которые служили остовом для сосудов, тоже говорят о наличии прядения и ткачества.

Гончарное искусство означает, по мнению Энгельса, уже некоторые зачатки расселения деревнями. Огонь и каменный топор уже давали возможность делать бревна и строить деревянные жилища. Мы не можем судить с достоверностью, жили ли древнейшие обитатели Китая в деревянных домах, если и жили, то дерево конечно сгнило и это нельзя доказать никакими раскопками. Но очевидно, что последние, даже окруженные стенами — земляными насыпями, существовали уже за несколько тысячелетий до нашей эры. Так, в Шаньдуне и Хэнани обнаружены остатки стен, построенных еще в тот период, когда только зарождалось гончарное ремесло.

[с. 19] ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ ДРЕВНЕЙШИХ КИТАЙЦЕВ

Какова была общественная организация древних китайцев? Подробно мы еще будем говорить об этом дальше. Здесь же остановимся лишь на следующем. Дикости, — писал Энгельс, — соответствовал групповой брак; варварству — парный брак. Происхождение и развитие семьи, упорядочение брака тоже нашли отражение в мифах о Фу-си и Нюй-гуа. До них был, как говорят мифы, беспорядочный брак, беспорядочная половая жизнь, и это совершенно закономерное явление, отмеченное Энгельсом теоретически, типичное для всех первобытных народов. На основе исследований Моргана в Америке Энгельс указывал на первобытные формы группового брака — на кровнородственную семью и на так наз. семью пуналуа, уже запрещавшую браки братьев и сестер между собой. После группового брака наступает, согласно учению о развитии

общества, период парного брака, который тоже нашел свое отражение в китайских мифах. Фу-си установил первые формы половой жизни, упорядочив половые отношения, бывшие до него беспорядочными. Нюй-гуа запретила брак внутри рода. Это имеет, несомненно, зерно исторической истины, ибо именно так развивалась семья у всех народов. Запрещение брака внутри рода является уже дальнейшей ступенью в развитии человечества. Род и был основной общественной ячейкой древних китайцев, об этом мы еще будем говорить.

Древние китайцы в III-м тысячелетии до н.э., т.е. в период, отраженный в мифах о Фу-си, Шэнь-нуне, Хуан-ди, уже жили оседло, в больших поселениях, часто огороженных земляными стенами — по-видимому, от нашествия других племен. Они знали стрелы и лук, воевали с враждебными племенами. Они жили не в каменных домах, как рассказывает миф о Хуан-ди, но в деревянных жилищах, в хижинах или в ямах, вырытых в земле и покрытых хворостом, следы которых обнаруживаются сейчас. Близ Хуанхэ они жили в лессовых пещерах. Они питались рыбой, мясом прирученных быков, собак, свиней, просом и рисом, знали соль. Ели, вероятно, руками, сидя на земле. Делали орудия из камня, из камня же делали наконечники стрел. Применяли уже рог и кости свиньи, из которых также делали наконечники стрел (они найдены). Они ели из глиняной посуды и из роговой, одевались в одежды, сотканые на каменных веретенцах из пряжи, засеяв свои поля пенькой. В раскопках Андерсона обнаружены каменные пуговицы, что не оставляет сомнений в том, что они уже имели скроенные и сшитые одежды. Они окрашивали свои ткани, как и посуду, [с. 20] и знали орнамент, умели рисовать. Они имели даже украшения — каменные браслеты и кольца. Они имели лодки и ездили по рекам, доезжая до берегов моря — об этом свидетельствуют раковины каури, найденные в северо-западных стоянках древнейших племен.

Нет ничего странного и в раннем изобретении музыкальных инструментов, о которых рассказывают мифы, — музыка, как правило, зарождается у всех народов в глубокой древности как момент, сопутствующий культуре и религии, — музыка обычно сопровождала жертвоприношения, являясь одним из элементов религиозного культа. Вполне естественно, что уже в древнейшую эпоху зародилась и религия — поклонение небу, земле и духам предков, о чем рассказывают мифы о Фу-си и Хуан-ди. Раскопки неолита позволяют думать о существовании в ту далекую эпоху человеческих жертвоприношений. Трупы покойников не клали в гробы — этот обычай появился много позже, — а зарывали, завертывая в охапку сена.

Постепенно уже в III-м тысячелетии до нашей эры зарождалась письменность. Еще раньше умели считать, возможно, знали меры, о чем рассказывают мифы. Мифы рассказывают, что до Фу-си события отмечали завязывая для памяти узелки. Это действительно был первый, самый ранний этап, пройденный и другими народами, — Колумб при открытии Америки нашел там именно такую письменность, американцы еще в XV-м веке не дошли даже до иероглифов. Китайцы же пережили эту стадию очень давно. Мифология считает, что в Китае первобытная письменность существовала до Фу-си, а уже он дал своему народу первые знаки на основе триграмм, а Хуан-ди усовершенствовал письменность.

Выдумать этого нельзя, т.к. древние китайцы, отмечающие этот факт, не могли знать научной истории письменности и существования узелков, это было, несомненно, отражением действительной жизни. Несомненно, что первые иероглифы значительно отличались от тех, которые мы видим сейчас, хотя головастиковое письмо, о котором рассказывает миф о Хуан-ди, вряд ли было. Раскопки, доказывающие наличие письменности в Иньский период, — знаменитые хэнаньские кости и щиты черепах дают нам первые формы иероглифики. В XVII–XII веках до нашей эры, в Иньский период, на этих гадательных костях уже было 2½ тысячи иероглифов, причем, как правило, лишь изобразительных и идеографических, фонетические иероглифы — это уже результат последующего развития. Ясно, что первый этап в развитии письменности был пройден задолго до Иньского периода, первые иероглифы создавались не ранее, чем в III-м тысячелетии, как и рассказывает китайская история, приписывая их изобретение Фу-си, а усовершенствование Хуан-ди. Древние китайцы писали [с. 21] на древесных листьях, на бамбуковых дощечках, на камнях, на очищенных костях или черепаховых щитках. Позже они стали писать на шелковых тканях или на бронзе, бумага же была изобретена значительно позже. Писали кистью (что доказано новейшими данными), палочками или отточенными костями, позже металлическими инструментами. Доказательство этого мы находим не только на вещественных памятниках, но и при анализе древних иероглифов, — об этом говорят многие изобразительные и идеографические иероглифы.

В мифах о Шэнь-нуне и Хуан-ди мы видим зарождение в Китае медицины. И это трудно считать выдумкой или сказкой, которой не придает никакого значения буржуазная наука. Конечно, стеклянный желудок Шэнь-нуна — легенда, но что китайцы уже в глубокой древности могли применять для лечения травы и знать их свойства — это совершенно естественно, мы наблюдаем это и у других первобытных народов.

Таковы вопросы, связанные с самым древним периодом китайской истории, который начисто отвергается буржуазной европейской наукой, который целиком, хотя и в мифических образах, принимается китайской традиционной историей. Мифы — не сказки, они заслуживают того, чтобы их изучить, проанализировать и использовать для научных выводов относительно жизни и быта древнейшего Китая. Конечно, многому из того, что рассказывают мифы о Фу-си, Хуан-ди и др., верить нельзя. Так ясно, что в те древние времена еще не было большой территории и административного деления, не было царей и чиновников, не было монет, не было еще и кирпичных домов, которые якобы строил Хуан-ди, — всего этого не было еще и в Иньский период. Но основной процесс развития, отраженный в мифах, несомненно, верен. Мифы отражают стадию дикости и первые фазы варварства, что подтверждается новейшими археологическими данными.

Тираж 30
Заказ 272
Стеклография
Ин-та востоковедения

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. НАРИМАНОВА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА

Проф. Г. КАРА-МУРЗА

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Лекция третья

РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО (XXIV–XVIII вв. до н.э.)

(Яо и Шунь. Великий Юй. Род. Племя. Варвары. Династия Ся. Конец периода Ся и образование царства Шан.)

[с. 1] После мифических Фу-си и Нюй-гуа, Шэнь-нуна и Хуан-ди традиционная китайская история рассказывает о периоде Яо и Шуня⁵⁵.

Яо и Шунь не имеют уже никаких мифических черт — ни головы быка или тела дракона, они не совершают сказочных, гигантских подвигов, непосильных для одного человека, которые приписываются Хуан-ди, Фу-си, Шэнь-нуну. В годы царствования Яо и Шуня почти не произошло ничего исключительного, рассказы о них и их деятельности вполне правдоподобны. Но никаких точных подтверждений их царствования мы не имеем, что, конечно, позволяет сомневаться и в их достоверности.

К периоду Яо и Шуня, по утверждениям китайской истории, уже существовали охота, рыболовство, скотоводство и земледелие; уже был обмен, существовали деньги. Народ уже знал добычу руды и плавку (?), хотя металл еще не использовался для выделки орудий, а служил только для украшений. Народ уже знал шелководство и ткачество, одевался уже не в звериные шкуры, а в одежды, сделанные из ткани. Уже было гончарное ремесло, умели выделывать посуду из обожженной глины. Уже существовали мосты, дороги, лодки, телеги, что облегчало сношения между отдельными районами, ранее разрозненными. Уже были дома и дворцы — зарождался, очевидно, город, являвшийся ставкой верховного правителя. Появились зачатки территориального сожительства, уже была религия в виде культа предков и культа неба. Уже существовала письменность, были зачатки науки — медицины и астрономии. Китайцы знали календарь, умели записывать исторические факты, знали меры веса и длины. Уже были зачатки искусства, музыка, колокола, лютни, барабаны.

Несмотря на мифический характер всех персонажей, с которыми связывается начало культурного развития Китая, ничего невероятного в тех достижениях, о которых говорит история, относя их к XXIV–XXIII векам до нашей эры, нет. Весьма возможно, что в этот период Китай уже знал многое из того, что рассказывают летописи, может быть за небольшим только исключением. Многие подтверждают археологические раскопки Андерсона, которые предоставили в наше распоряжение вещественные памятники, первобытные ору-

⁵⁵堯 и 舜

дия, гончарные изделия и другие памятники глубокой древности, не ранее третьего тысячелетия.

Период Яо и Шуня — это период, в котором не сомневаются ни древние мудрецы, как Конфуций и Мэн-цзы, ни современные политические деятели Китая, как Сунь Ят-сен, который в своих [с. 2] речах и статьях часто ссылался на Яо и Шуня. Период Яо и Шуня — это золотой век китайской истории. Яо и Шунь — идеальные правители, символы совершенства. «После Яо и Шуня, — говорил Сунь Ят-сен, — императоры постепенно переродились в тиранов. Все императоры превращали Китай в свою вотчину, не давали народу свободы, не давали народу свободно выбирать из своей среды наиболее способных правителей. Если бы сейчас предоставить нашему четырехсотмиллионному народу право выбора императора, если бы дать полное народовластие и народ смог бы свободно голосовать, не имея ни малейшего давления каких-либо посторонних сил, и если бы случилось, что к этому времени снова вернулись бы к жизни Яо и Шунь, кого бы, вы думаете, избрал народ своими императорами? Я полагаю, что народ несомненно избрал бы императорами Китая именно Яо и Шуня». Эта выдержка из речи Сунь Ят-сена, сказанной в 1924 г., ярко показывает значение Яо и Шуня в китайской истории. В чем же достоинство этих древних правителей? Что рассказывается о них в китайских летописях?

Яо стал правителем по воле народа в 2356 г. Он перенес свою столицу в город Пинъян в нынешней провинции Шаньси. Границы государства при Яо были примерно те же, что и при Хуан-ди. При нем, как рассказывает история, земля была разделена на 9 областей, включавшие пограничные территории нынешних провинций Шэньси, Шаньси, Хэнань, Чжили и Шаньдун в бассейне Хуанхэ. Китайское племя занимало, конечно, небольшую территорию и, возможно, даже меньше той, которая указывается в древних летописях.

Яо и Шуню были уже подвластны многие варварские племена, которые платили им дань. Так мы впервые знакомимся с «инородцами», которые обитали на территории Китая одновременно с китайцами и которые до сих пор продолжают существовать под теми же названиями, которыми их наградили древние китайцы. Яо, Шунь и др. древние правители уже вели жестокие и истребительные войны с этими варварскими племенами, причем, во время этих войн военнопленные физически уничтожались. Эти племена постепенно вытеснялись с территории, заселенной китайцами, — о них нам еще не раз придется говорить.

Яо рассматривается китайской историей как идеальный правитель. «Шу-цзин» говорит о нем, что он внимательно выполнял свои обязанности, был вдумчив, проникателен, осторожен, добродетелен и справедлив. Важный и уважаемый народом, он умел уступать и снисходить, умел ограждать беспомощных от притеснений, не пренебрегать людьми, бедными и находящимися в стесненном положении. Он правил, советуясь с влиятельными лицами из среды народа. Он собирал их около четырех высоких гор на очередные народные сеймы, которые обсуждали вопросы управления страной.

[с. 3] Народ при Яо был так честен, что в домах никогда не запирались на ночь двери, а прохожий, увидя на земле драгоценность, даже не поднимал ее, зная, что вернется хозяин, обронивший вещь.

С именем Яо связано много рассказов и легенд, которые знает каждый китаец и которые крепко вошли в быт китайского народа. Так рассказывает, что народ, окружив Яо, пожелал ему большого богатства, сыновей и долгой жизни. «Богатства, — отвечал Яо, — приносят много забот, дети — много беспокойства, а старость — много горя и неуважения». «Неправда, — отвечал народ, — сыновья — дар неба и для каждого из них найдется место на земле, поэтому нечего о них беспокоиться. Старость не уважают лишь недобродетельную. Богатство, правда, налагает ответственность, но его можно делить с другими». Это выражение, ярко выражающее патриархальную психологию китайского народа, до сих пор пишется на дверях китайских жилищ, как новогоднее пожелание тройного счастья.

О Яо рассказывается еще много историй чисто легендарного свойства. Многие из них чрезвычайно занимательны. Так, описывается чудесное растение, которое выросло во дворце Яо: оно не было высоко и состояло из одного ствола, на котором никогда не бывало больше 15 листьев. Эти листья вырастали один за другим, каждые сутки по одному листу в течение 15 дней, а в течение последующих 15 дней также один за другим опадали. Первый лист всегда появлялся в первый день луны, второй — в третий, первый лист опал в 16-й день, второй — в 17-й и т.д. Так появился календарь. Рассказывается еще, что в дар Яо из далеких южных стран привезли диковинную черепаху, которой было 1000 лет от роду. На спине у нее были письмена, которые, как оказалось, излагали всю раннюю историю от возникновения мира. Яо переписал эту историю, и так народ узнал о своем прошлом.

Эпоха Яо уже имеет свою политическую историю — уже точно датируются события. Например, указывается, что в 2353 г. к Яо прибыли первые послы из страны Камбоджа.

Имя Яо тесно связывается с именем Шуня, Яо и Шунь — это единый исторический символ, подобно Ромулу и Рему в римской истории. Рассказывается, что в 2285 г. Яо призвал к себе на помощь Шуня, назначив его «первым министром» и женив одновременно на двух своих дочерях. В это время Шунь был молодым человеком. Предание подробно излагает его генеалогию, считая его одним из потомков Хуан-ди, его биографию, его мытарства в детстве. Говорится, что сначала он занимался рыболовством, хлебопашеством, гончарным делом, только потом, имея 30 лет отроду, благодаря своим [с. 4] исключительным качествам он был приближен Яо и стал его соправителем.

Яо — идеал государя, Шунь — идеал министра, чиновника. «Кто, будучи государем, — говорил Мэн-цзы, — желает выполнить все обязанности государя; кто, будучи чиновником, желает выполнить все обязанности чиновника, те должны подражать только Яо и Шуню. Служить государю не так, как служил Шунь Яо, это значит не иметь уважения к государю; управлять народом не так, как им управлял Яо, это значит притеснять народ».

В 2297 г. страну поразило страшное бедствие — реки выступили из берегов и вода затопила все, кроме высоких гор. Это было грандиозное наводнение, страшный потоп, с которым никто не мог справиться. Досушие европейские историки проводят здесь аналогию с известным библейским потопом — но ясно, что эти явления не имеют ничего общего. Сказание о великом потопе в Китае важно как свидетельство о борьбе первобытного китайского народа за освоение природы. Воды свободно разливались и затопили всю страну; страшно размножились дикие звери, обработка зерна стала совершенно невозможной, народ находился на краю гибели. Тогда Яо стал бороться с наводнением, пытаясь вести воду в прежние русла. Он назначил для этой цели специального «чиновника», но он в течение девяти лет безуспешно боролся с наводнением, не выполнив возложенной на него задачи. Тогда он и призвал Шуня, а Шунь призвал к себе другого помощника — человека по имени Юй⁵⁶, который назван «великим» и вошел в историю как усмиритель страшного потопа. Юй — тоже потомок Хуанди через боковые ветви. Шунь повелел ему смирить потоп, он присвоил ему титул «великого строителя». И вот в 2278 г. Юй справился с поставленной перед ним задачей — он прорыл канал, направил воды в русла и очистил землю от наводнения. Он вырубал и выжигал леса и осваивал новые территории, которые заселял китайским народом. Дикие животные разбежались и прятались. Работа Юя описана в первой главе «Шу-цзина». Эта глава («Юй-гун») заканчивается так: на востоке она омывалась морями, на западе граничила с движущимися песками, на севере и юге простиралась до самых отдаленных мест. Слава работ Юя достигла 4 морей. Юй представил отчет Шуню и объявил, что его работа закончена».

Рассказ о потопе интересен как свидетельство о борьбе китайского народа с природой. Расширяя свою территорию, китайцы, несомненно сталкивались и с водными пространствами, и с лесами, конечно, уже тогда случались стихийные бедствия в виде разливов рек, а народ в эпоху Яо и Шуня уже находился на такой стадии развития, когда мог брать на себя тяжелую задачу борьбы с природой: прорывать каналы [с. 5], расчищать леса и т.д. Можно сомневаться в том, что усмирение потопа было выполнено в течение девяти лет — по-видимому, это лишь символическая цифра, которая еще не раз встретится при описании древнего Китая. Эта борьба со стихией заняла, вероятно, значительно больше времени, но в самом факте нет ничего неправдоподобного. В этом не сомневаются и современные китайцы. «Великий Юй, — говорил Сунь Ят-сен, рассказывая о первых этапах культурного развития Китая, — подчинил себе воды, уничтожив бедствия, приносимые ими человечеству».

Шунь еще при жизни Яо призвал кроме Юя еще нескольких помощников, как называет их история — «министров». Но они, конечно, не были министрами организованного государства, а были лишь общественными выборными лицами, занимающими определенные должности в первобытном племенном строе. Это

⁵⁶ 禹

были «великий астроном», «великий директор», «великий судья». Так появляются первые сведения о чиновниках, о зарождении государственного аппарата.

Яо умер в 2258 г. 115 лет от роду после 99 лет царствования. После его смерти Шунь удалился в горы, где провел три года в глубоком трауре. В 2255 г. народ выбрал в качестве правителя не сына Яо, а Шуня, который еще при жизни Яо зарекомендовал себя как его ближайший сподвижник. Шунь царствовал с 2255 г. по 2205 г. Он перенес свою столицу в новый город Пучжоу в нынешней провинции Шаньси.

В период Шуня уже намечается имущественное неравенство и образование власти, оторванной от народа. Китайская история очень подробно описывает устройство царства Шуня. Еще при жизни Яо в 2284 г. Шунь ввел класс знатных, награждая выдающихся людей почетным титулом *му*⁵⁷, что в переводе означает «пастырь». По преданию, это была первая знать, первая аристократия первобытного китайского общества. Каждый из «пастырей» имел свой знак, означавший его принадлежность к знати, — кусочек яшмы, — и каждого из них Шунь назначал управителем той или другой области. Некоторым из них он давал новые области, еще не освоенные китайским народом. Наиболее выдающимся людям Шунь дал земли в вечное владение, так великому Юю в благодарность за его работу он подарил землю Ся⁵⁸, одному из братьев, бывшему великим директором, подарил землю Шан⁵⁹. Потомки родов, поселившихся в этих местностях, создали потом свои династии. Так объясняет китайская история происхождение последующих царствующих домов. После смерти Яо Шунь пошел еще дальше в деле [с. 6] устройства управления своим народом. Он ввел новые должности, которых не было до него, — так, появляется специальный «чиновник», ведавший земледелием, другой наблюдает за нравами, третий должен был усмирять «инородцев», варваров и подавлять недовольство своего народа; четвертый был судьей, пятый ведал церемониями и жертвоприношениями и т.д. Всего было 9 «министров» — снова 9, загадочная символическая цифра. Был выделен даже специальный «министр» для руководства музыкой, а еще один занимался специально тем, что докладывал Шуню о желаниях народа. Так рассказывает китайская история об образовании государственной власти. Китайская история подробно рассказывает также о других чиновниках, о системе руководства чиновниками, которую ввел Шунь, о проверке их работы. Каждый 9-й год Шунь повышал или снижал своих чиновников.

При Шуне учащаются войны с варварами и кочевниками, появляются первые признаки недовольства народа. Шунь в связи с необходимостью борьбы с варварами и с недовольством народа впервые разработал уголовный кодекс, введя наказания за определенные поступки. При нем существовали различные

⁵⁷ 牧

⁵⁸ 夏

⁵⁹ 商

виды наказаний: кастрация, ампутация носа, отрезание ног, ссылка в изгнание, клеймение лица раскаленным железом и, наконец, смертная казнь. Самые легкие преступления наказывались плетью и розгами, была введена также система денежных штрафов в виде откупа за неумышленное преступление. Смертная казнь применялась лишь в исключительных случаях к нераскаявшимся преступникам. В основу своего законодательства Шунь положил принцип: прощать неумышленное преступление, как бы велико оно ни было, и наказывать умышленные, как бы они ни были малы; он говорил, что «лучше оставить ненаказанным виновного, чем лишать жизни невинного».

История называет и первых преступников, которых наказал Шунь и которые вошли в историю под именем «четырех преступников», став символом преступления как злого начала в противовес Яо и Шуню как мудрым и добрым правителям. Один из 4 преступников был человек, не сумевший усмирить потоп, вместо которого был призван Юй, другой — вождь варварского племени и затем два «министра», не подчинившиеся воле Шуня. Одного из них Шунь сослал на отдаленный остров, другого заточил в тюрьму, третьего выслал к варварам, а четвертого приковал цепями к скале.

Шунь основал богадельни — одну для старых чиновников и знати, а другую — для простолюдинов. С именем Шуня связывают дальнейшее развитие культуры — он якобы учредил школы для детей, в которых преподавалась иероглифика и старики сообщали молодежи плоды своего опыта, а главное — преподавали ритуалы различных церемоний. Шунь изобрел еще 5-струнную лютню.

[с. 7] Еще при жизни Шунь назначил своим наследником Великого Юя (2224 г.). Через несколько лет (2205 г.) он умер в глубокой старости. Легенда рассказывает, что две жены Шуня так неутешно плакали после его смерти, что их слезы, падая на бамбук, оставили на нем пятна, навеки сохранившиеся на этом растении.

ВЕЛИКИЙ ЮЙ (2205–2197 гг.)

После смерти Шуня народ выбрал правителем Юя, который когда-то проявил себя как усмиритель потопа. В то время он был уже 93-летним старцем. Он правил всего семь лет и умер, имея сто лет от роду. После его смерти правителем был выбран его сын, потом внук, и с тех пор все правители в течение нескольких столетий происходили из рода Юя, жившего в местности Ся. Так образовалась наследственная власть. Период, начиная с момента выбора правителем Юя, вошел в историю Китая, как эпоха «династии Ся», начавшаяся в 2205 г. Столица Юя была сначала в г. Пинъян, в нынешней провинции Шаньси.

«Великий Юй был способным, активным и старательным человеком» — так рассказывает о нем традиционная история. «Он не избегал никаких трудностей, его слову можно было верить. Он был неутомим и величествен, он занимался большими делами и умел вникать в мелочи». Великий Юй был образцом общения правителя с народом, Юй, как и Яо и Шунь, считается идеалом хорошего управления. Рассказывается, что Юй установил во дворе своего дворца

пять различных музыкальных инструментов и те, кто хотел говорить с Юем, извещал его об этом через один из этих пяти инструментов. Тот, кто хотел говорить с ним о добродетели, должен был бить в барабан. Пострадавший, приходивший с жалобами, бил в цимбалы и т.д. Все дни его были заняты, и он не успевал даже есть. Считается, что при Великом Юе было изобретено вино, и это очень вероятно, ибо в период Шан уже, несомненно, существовал опьяняющий напиток, который гнали из проса. Рассказывают, что Юй, узнав об изобретении этого напитка, рассердился на того, кто его выдумал, чуть ли не казнил его и сказал, что придет время, когда его преемники, благодаря этому напитку, причинят много горя народу. Рассказывают еще, что при Юе научились впрягать быков, ослов и лошадей в повозки. В течение 70 дней Великий Юй покорил народ *мяо*⁶⁰, живший в тот период в Северном Китае и следы которого мы находим сейчас только в юго-западных провинциях.

Рассказывается далее, что Великий Юй извлек металл из горы Лишань и отлил из него первые металлические предметы. Если это верно, то это была, по-видимому, медь, и вполне вероятно, [с. 8] что она стала известна китайцам уже в этот период, хотя другие данные говорят о более позднем ее открытии царем Кун-цзя⁶¹ (1879–1849 гг.). Юй велел отлить из бронзы девять треножных сосудов с ушками, которые стали символами спокойствия народа и власти царя. Каждый треножник⁶² символизировал одну из девяти подчиненных ему областей и на каждом из них Юй велел выгравировать описание каждой из областей. Эти треножники стали, по убеждению китайских историков, символами власти, и именно обладавшие ими были правителями китайского народа. Тексты, начертанные на этих сосудах, в дальнейшем были перенесены в древнейшие книги, и на основании их китайские историки судят об экономическом положении Китая в тот период. Но сами эти треножники в дальнейшем пропали. Во время одного из государственных переворотов, о которых рассказывает история, один из князей захватил и увез эти треножники, и, таким образом, подтверждения этой былины мы не имеем.

Подробное описание на треножниках девяти областей, на которые делилось царство Юя, интересно тем, что в нем говорится о дани, получаемой Юем из этих областей, а, следовательно, и о том, что в них производилось. На основании этих данных можно составить себе довольно ясное представление об экономическом положении Китая в эпоху Юя. И анализ этого описания позволяет ему верить. Так, в описаниях различных видов дани мы встречаем камни для наконечников стрел. Это вполне вероятно и говорит о каменном веке неолита, который еще не был изжит в период Юя. Такие наконечники были найдены как вещественные памятники при раскопках Андерсона. О металлических изделиях описания областей Юя еще ничего не говорится, и это вполне

⁶⁰ 苗

⁶¹ 孔甲 (В оригинале неточная транскрипция Кунья. — А.К.)

⁶² 鼎

закономерно, т.к. в этот период китайцы еще не научились делать металлические орудия. Говорится даже о каменных зернотерках и камнях для обточки камней, которые в виде дани тоже присылались из многих областей. Все это было тоже найдено при недавних раскопках, и таким образом подтверждена правильность этих свидетельств. В списках дани упоминаются даже т.н. «живые животные и птица», которые доставлялись правителю, — бараны, гуси, а затем «мертвые животные», битая дичь, главным образом фазаны. Китайцы, конечно, питались мясом, рыбой, а наряду с этим, зерновыми растениями, добывали соль, ели плоды — упоминаются между прочим померанцы и так называемые плоды ю, которые получал Юй. Шелковые и бумажные ткани в виде дани тоже доставлялись Юю вместе с шелком-сырцом и пенькой.

[с. 9] Все это вполне правдоподобно. По-видимому, китайцы в то время уже умели красить — среди видов дани упоминается киноварь и лак. При раскопках неолитического периода найдена, как известно, посуда с цветными орнаментами. В списках дани упоминаются даже шкуры лисиц, медведей, шакалов, кожа носорога, шерсть, перья фазанов и др. птиц. Все это, разумеется, использовалось для одежды. Различные виды деревьев, которые присылали из разных областей, использовались, вероятно, для строительства домов, из бамбука выделывались флейты, из сосны и кипариса — стрелы и др. виды первобытного оружия.

Ко двору Юя присылались и различные драгоценные камни, нефрит, жемчуг, яшма, присылалось золото и серебро, слоновая кость, которые тогда уже служили драгоценностями, нарождалась первобытная роскошь.

Что касается металлов, как железо, медь и свинец, то они упоминаются только в одной из областей, в производстве они, очевидно, еще не использовались, а указание на железо вообще сомнительно, оно появилось гораздо позже.

Все эти данные, описывающие экономическое положение областей Юя, в основном совпадают с данными раскопок Андерсона, которые он относит к XXX–XX векам до н.э. Китайская история относит эпоху Юя к XXIV–XXIII векам, и мы вправе верить тому, что рассказывают летописи о Юе. Можно верить и другим сведениям о хозяйственном быте во время его царствования. Так, рассказывается, что при нем люди обменивались продуктами своего труда и существовали деньги еще не в виде монет, а в виде наиболее ценных предметов. Ими были, по рассказам летописей, драгоценные камни, мешки с зерном, щитки черепах и жемчужные раковины. Это вполне вероятно, именно так и зарождались деньги, и этому можно больше верить, чем мифическим рассказам о золотых монетах, отлитых императором Хуан-ди.

Менее достоверны сведения о земельной и налоговой системе, которую якобы ввел Юй. Рассказывают, что Юй наделял землей каждого взрослого, давая ему 50 му земли и взимая с него одну десятую урожая в виде налога. Вероятно, это уже приписка последующих поколений историков, призывавших в период классового общества к идеальной системе земельных отношений и приписывавших эту идеальную систему древнему идеальному правителю. Трудно думать, чтобы во времена Юя была потребность в ограничении

землевладения, в каких-либо твердых наделах, а тем более в регулярном налоге, характерном для развитого классового государства.

[с. 10] Юй умер в 2197 г. Правителем был выбран его сын 82-летний старец Ци⁶³.

РОД

Прежде чем говорить о дальнейшей истории Китая, остановимся более подробно на анализе того, что рассказывается о временах Яо, Шуня и Великого Юя. Несомненно, что в эту эпоху китайский народ существовал уже как культурное племя. Об этом говорят раскопки Андерсона. Эпоха Яо и Шуня — это новый каменный век, неолит.

Общественная организация в период Яо и Шуня даже на основе отрывочных сведений, которые мы имеем, и на основе последующих уже документальных данных, представляется, несомненно, как родовая организация. Основной был род. «Род, — писал Энгельс, — образует основу общественного порядка большинства, если не всех варварских народов земли» (т. XVI, гл. 1, с. 24). «Род представляет собой учреждение для всех варваров вплоть до их перехода к цивилизации и даже еще позднее» (с. 65).

Исчерпывающий анализ рода и родового строя дан Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Подробнее всего он исследовал ирокезский род, основываясь на исследованиях Моргана, греческий и римский роды. Что же представлял собой род? Основными чертами рода, как известно, были: общее родовое имя; запрещение жениться внутри рода; общее происхождение по матери в первобытные времена или по отцу в более поздние периоды; общие религиозные праздники в честь общего родоначальника; общее место погребения; кровная месть как существенный момент во взаимоотношениях отдельных родов; право усыновления в роде, родовая собственность, наследование внутри рода и политический момент — собрание рода, Совет рода, наконец, родовые старейшины как верховная власть. Родовой строй предполагал и крайне неразвитое производство, и крайне редкое население на обширном пространстве, почти полное подчинение человека природе. Когда первобытные люди делали первые шаги в области борьбы с природой, род находился в стадии своего расцвета. Родовой строй не знал ни классов, ни государства, ни частной собственности и эксплуатации. Бедных и нуждавшихся не было. Все были равны и свободны, не было и порабощения чужих племен. Такова схематическая картина родового общества.

[с. 11] Существовал ли такой родовой строй в Китае? Памятников, которые говорят нам о китайской древности, достаточно, чтобы дать положительный ответ на поставленный вопрос: несомненно, что в древнем Китае, как и на заре истории всех народов, господствовал родовой строй. Время Яо и Шуня — это расцвет родового бесклассового общества, поэтому оно и считается золотым веком.

⁶³ 啟

Миф о Фу-си рассказывает, что он поселил на первоначальной территории Китая 100 родов, упорядочил между ними брак. Любопытно, что налицо полное совпадение количества родов в древнем Китае с легендой об образовании Рима, где по преданию тоже было сто родов. Трудно думать, что это точные цифры как для Рима, так и для Китая, но, во всяком случае, в Китае в древности число родов было, несомненно, ограничено, расширяясь лишь по мере развития китайского народа.

Во всяком древнем обществе каждый род имел свой тотем. То же было, по-видимому, и в Китае. Тотемами были обычно животные: тигр, медведь и пр., — отсюда, по-видимому, и те мифические черты, которыми наделяли древних правителей: Фу-си имел тело дракона, Нюй-гуа тело змеи, Шэнь-нун голову быка и т.д. Надо полагать, что это не просто сказки, а преломленное отражение бытия. Один происходил из рода, имевшего тотем дракона, другой — змеи, третий — быка и т.д. Это было не только в Китае, это наблюдалось у всех первобытных народов. Известно, например, что 8 родов племени сенека, которые исследовал Морган, тоже имели свои тотемные названия: волк, медведь, черепаха, бобр и др.

То же мы встречаем и в мифологии других древних народов, в частности, в иранской мифологии, где первым земным царем был Каюмерс с телом вола.

Хушенг, научивший иранцев земледелию и орошению, действовал при помощи чудовища: очевидно, здесь мы имеем дело с тотемом животного. Тахмурас, научивший людей прясть, был лисицей и т.п. В древнеамериканской мифологии перувианский бог изображается с рыбьим хвостом. Мексиканский бог имел голову воробья. Наделение мифических предков чертами животных свойственно и европейским народам, например, Пан, изобретатель свирели, который играл большую роль в греческой мифологии, изображался всегда с козлиными ногами, Вакх, научивший земледелию, изображался с бычьей головой, Кекропс имел тело змеи и т.п. Все это как в европейской, [так] и в восточной мифологии не случайно — все это имеет, по-видимому, своим исходным пунктом наличие тотемов животных у древних родов.

Всякий род у первобытных народов имел общего родоначальника, в честь которого устраивались общие религиозные праздники. Это положение находит в китайской древности наиболее [с. 12] яркое подтверждение. Культ предков — типичная религия родового общества до сих пор сохраняется в Китае, а зародилась она в глубокой древности. Каждый род имел своих богов — предков. Это нашло свое отражение даже в языке. Иероглиф, означающий род, «все люди одной фамилии»⁶⁴ первоначально означал «храм предков» и изображал жертвенный треножник под крышей, на котором приносились жертвы общему предку⁶⁵.

64 宗

65

Первой формой семьи в развитии человечества был групповой брак. То же самое было и в Китае. Рассказ о том, что Шунь был женат на двух дочерях Яо, чрезвычайно важен, именно как одно из свидетельств группового брака, его высшей стадии (семья пуналуа), когда все сестры были женами. При таком браке все женщины были в многомужестве, а все мужчины в многоженстве. Поэтому их дети считались общими детьми всех. Такая первобытная форма брака существовала в Китае не только в полудостоверный период Яо и Шуня, но и в Шанский (Иньский) период, полностью подтвержденный новейшими археологическими раскопками. Любопытно, что само слово «мать» в старом китайском языке обозначало не только мать, но и всех ее сестер и всех женщин, вышедших замуж за брата отца. Тетки по материнской линии и жены дядей тоже смешивались и образовывали общую группу сестер, жен и матерей. Иероглиф, обозначающий «дядя по материнской линии», означал также «тесть», а иероглиф «тетка по отцовской линии»⁶⁶ обозначал также «свекровь». Все это сохранилось и до сих пор в китайском языке — иероглиф «гу» до сих пор обозначает свекровь, тещу, сестер мужа и теток по отцовской линии, т.е. сестер отца. А иероглиф «инь» обозначает и тестя, и отца зятя, и всю родню по жене. Отец не отличался от дяди по отцовской линии, сыновья смешивались с племянниками, все двоюродные братья считались братьями. Иероглиф «фу»⁶⁷ в древности и в Иньский период, что подтверждается вещественными доказательствами, обозначал не только отца, но и всех его братьев.

Эти данные о древнем роде во многом совпадают с тем, что писал Энгельс об ирокезском роде и об отдельных родах, сохранивших еще следы группового и парного брака.

В глубокой древности главой рода был не мужчина, а женщина, господствовал матриархат, а не патриархат. Эту древнюю систему матриархата, которую прошел каждый народ, пережил и китайский народ в первобытный период. Энгельс дал исчерпывающий [с. 13] анализ господствующего значения женщины у древних народов, видя причины этого в том, что отец на ранней стадии брака неизвестен, известна только мать. К этому вел именно групповой брак или даже парный до моногамии, который не закреплял за одной и той же женщиной определенного мужчину. «Так как при этой форме семьи, — говорил Энгельс, — отец не может быть установлен с достоверностью, то признается только женская линия» (т. XVI, ч. 1, с. 66). Господство женщины при групповом браке было тесно связано с первобытной системой хозяйства. «Коммунистическое домашнее хозяйство, — писал Энгельс, — в котором все женщины или большинство их принадлежит к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к разным родам, служит реальной основой повсеместного распространения в первобытную эпоху господства женщины» (там же, с. 33).

Об этом же говорят и китайские мифы, легенды и древние китайские исторические труды. Один из исторических трудов Китая, написанный в Ханьский

⁶⁶ 姻 [инь]; 姑 [гу]

⁶⁷ 父

период, [говорит], что «в древние времена не было никакого бытового и общественного порядка, люди знали лишь мать, но не отца». Это есть свидетельство матриархата. Главой рода была женщина, сыновья женились и уходили в род невесты. Женщины же наследовали родовые прозвища, фамилии. Матриархат в Китае, т.е. главенство женщины, находит отражение и в иероглифике. Так, иероглиф, означающий «родовое прозвище», «фамилия»⁶⁸, состоит из сочетания понятий «женщина» и «рождение», т.е. род, идущий от женщины. Иероглиф «женщина» входит во все иероглифы, дающие понятие родства — и не только родственных женщин (племянница, сноха, свекровь и пр.), но и мужчин (племянник, зять, свекор и т.д.), что также свидетельствует о наличии матриархата в древнем быту китайцев. «При всех формах групповой семьи неизвестно — кто отец ребенка, но известна его мать», — писал Энгельс (там же, т. XVI, ч. 1, с.26).

Отсюда ясен и смысл легенды о происхождении первых мифических правителей, которые были рождены без отца: мать Фу-си родила его наступив на след великана, мать Шэнь-нуна родила его по наитию дракона, мать Хуан-ди зачала от света молнии, Шао-хао — от радуги, Яо — от красного дракона и т.д. Все это вследствие того, что в древности отца не знали, знали лишь мать. Таким образом, эти сказочные и легендарные сведения о происхождении древних царей находят объяснение на основе научного понимания древнего рода.

[с. 14] Брак разрешался только из разных родов, и он был не столько образованием супружеской четы, сколько основой сближения родов. В Китае уже много позже, чем в рассматриваемую нами эпоху, сохранился обычай таких браков, и очень любопытна эмблема брака — сват имел как эмблему брачного союза топор, которым он отрубал сучья от двух различных стволов, связанных в одну общую вязанку, что символизировало соединение ветвей двух стволов. Брак между чужими родами не разрешался, браки происходили только между родами, давно связанными между собой перекрестными браками. Обычно требовалось, чтобы сыновья брали жен из рода матери. Ясно, что семьи не существовало, «при родовом строе семья никогда не была и не могла быть организованной единицей, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам» (Энгельс, т. XVI, ч. 1, с. 80–81).

Кровная месть запрещалась в китайском роде, но вне рода она процветала очень широко, причем все родственники обязаны были помогать главному мстителю. Кровная месть во взаимоотношениях между родами была также важна, как и брак, — если брак сближал отдельные роды, то кровная месть являлась формой вражды между родами.

Каждый род имел своего старейшину — самого старшего представителя самого старшего поколения. После его смерти преемником его снова становился самый старший по возрасту. Каждый род имел вооруженную силу, вернее, сам был такой вооруженной силой, ибо в древнюю первобытную эпоху вооруженный народ неотделим еще, как армия, от народа. Весьма любопытно указание на систему воинской повинности, которую ввел еще Хуан-ди:

⁶⁸ 姓

очевидно, свидетельство о том, что люди поочередно занимались то земледелием, то военным делом, говорит о коммунистической первобытной системе армии, когда армия представляла собой по существу вооруженный народ.

В первобытном Китае войны между китайскими родами были запрещены, и ни в одном описании древнейшего Китая еще не говорится о таких войнах. Другое дело — войны с чужими, варварскими племенами. Все китайцы состояли как бы в свойстве и считались «тестями и зятьями» — это понятие применялось для определения всего китайского народа.

Таков был родовой строй древнего Китая. Надо сказать, что и до сих пор он сохранился в Китае в виде различных пережитков. Как ни странно, — это одна из загадок, которую предстоит разрешить, — несмотря на глубокую древность, на пятитысячелетнюю древность китайского народа, количество родов, фамилий остается неизменным. Фу-си установил, [с. 15] по преданию, 100 родов. Понятие «сто родов» (*бо-син*)⁶⁹ до сих пор сохраняется как термин для обозначения китайского народа. Конечно, современных китайских фамилий не сто, как не сто их было, вероятно, и в древности, но все же количество фамилий в Китае весьма ограничено. Всего номинально существуют 454 фамилии рода. В отличие от других народов китайцы через этот предел не переходят, новых фамилий не создается, что, несомненно, является крупнейшим пережитком родового строя древности. Об этом ясно говорил Сунь Ят-сен. «В каждом из этих родов, — говорил он, — существует очень тесная связь. Возьмите, например, родовые записи. Они включают в себя предков, живших за несколько десятков и даже за несколько сот поколений до нас, что по времени является периодом за несколько тысячелетий. Исследуя фамилии самых первых предков, мы видим, что количественно они были очень малочисленны». Каждый китаец обязан знать (и часто знает) своих предков, которым он поклоняется как богам. До сих пор существуют потомки Конфуция, которые знают 48 поколений своих предков, включая великого мудреца древности. Я сам беседовал с молодыми студентами, которые рассказывали мне подробно свою генеалогию до XII–XIII-го веков. Любопытно, что наличие родов и до сих пор, даже в политическом смысле, играет немалую роль. Известно, что Сунь Ят-сен выдвигал как один из первоначальных принципов объединения нации объединение по родам, по фамилиям, считая, что уже затем роды, фамилии объединятся в единую нацию для борьбы с внешними врагами. Он призывал к прекращению междуродовой борьбы, которая и до сих пор не изжита в Китае. «Мы должны, — говорил Сунь Ят-сен в своих классических «Трех принципах» (1924 г.), ставших настольной книгой каждого китайца, — превратить борьбу отдельных родов в борьбу против иностранцев, уничтожить варварскую борьбу родов между собой, до сих пор еще имеющую место в стране». Сунь Ят-сен выдвигал далее идею сплочения нации через роды. «Поскольку народ боится гибели своего рода, нужно объединить на этой основе весь народ в единую крепкую и очень сильную государственную семью.

⁶⁹ 百姓

Мы можем взять за основу такой организации род. Сейчас в Китае имеется 400 родов. Сначала нужно провести объединение родов, соединяя их по линии общности предков вначале в деревне, в уезде, а затем уже расширить организацию, провести объединение по провинциям и по всему государству. Например, все люди, принадлежащие к роду Чэнь, носящие фамилию Чэнь, станут представлять из себя действительно великую корпорацию». Конечно, этот план реакционен и утопичен, он построен на отрицании классов, но он чрезвычайно ярко показывает силу родовых пережитков в современном Китае.

Среди пережитков родового строя в современном Китае важнейшую роль играет культ предков — религия родового общества. Этот культ прошел через тысячелетия и не исчез, несмотря на многие новые религии, которые извне приносились [с. 16] в Китай. Наоборот, эти новые религии (буддизм, даосизм) должны были узаконивать культ предков, чтобы стать приемлемыми для китайского народа. Предкам до сих пор молятся в домашних алтарях, таблички предков до сих пор заменяют иконы, на домашних алтарях по-прежнему приносятся жертвы предкам.

Общие родовые кладбища также являются крупнейшим пережитком родового строя в современном Китае. В деревнях даже сохраняется до сих пор видимость родовой общины, что позволяло досужим путешественникам отрицать наличие каких бы то ни было классов в современном Китае. Этому поверил даже Каутский в ту пору, когда он считался марксистом. Он тоже утверждал, что в Китае сохраняется родовой строй, что нет классов.

ПЛЕМЯ

Род — это основа общественного строя до возникновения государства. Известно, что государство есть уже результат дальнейшего развития общества, орудие классового господства. Оно коренным образом отличается от родовой организации, во-первых, тем, что оно разделяет население уже не по родам, не по родственным признакам, а по территориальному делению; во-вторых, учреждением общественной власти, уже не совпадающей с народом, стоящим над ним чиновниками и всем аппаратом государственной власти; в-третьих, тем, что население уже вносит налог на содержание государственной власти.

В период, который мы рассматриваем, государство в Китае еще не существовало, хотя, возможно, уже были первые зародыши государства. В основном господствовала еще родовая организация или, вернее, племя как совокупность родов. Мы не имеем исчерпывающих свидетельств о структуре китайского племени и его внутренней организации, но на основе аналогии с тем, что мы знаем о других племенах, мы можем говорить и о Китае. На это мы имеем прямое разрешение, если можно так выразиться, Энгельса, который писал: «встречая у какого-нибудь народа род как основную общественную ячейку, мы можем искать у него и организацию племени... При отсутствии источников все труднейшие, сомнительные случаи и загадки нам объяснит сравнение с американским общественным устройством» (т. XVI, ч. 1, с. 76).

Что же мы видим в Америке? Там несколько родов образовывали фратрию; несколько фратрий — племя; племя имело собственное имя, собственную территорию, особый [с. 17] диалект, существовал совет племени, а у многих племен были еще верховные вожди. Союз племен — это уже высшая стадия развития первобытного общества. Союз племен Энгельс отмечал и у американских племен, и у древних греков, и в первоначальной истории Рима. Фратрии как промежуточного звена между родом и племенем могло и не существовать, как у римлян, но возможно, что у древних китайцев она была, ибо родственные роды, которые породнились путем перекрестных браков, объединялись между собой в какие-то промежуточные организации помимо племени.

Вся ранняя история китайского народа есть, по-видимому, история одного большого племени, хотя возможно, что это уже был союз родственных племен. На этот вопрос трудно ответить, не располагая исчерпывающими и достоверными источниками. Известно, что в период Ся уже появляются новые общественные образования: например, Шан. Если общество Ся было племенем, то возможно, что Шан было родом, усилившимся внутри этого племени, если же считать Шан самостоятельным племенем, то тогда и Ся, как и царство Яо и Шуня, следовало бы признать не племенем, а союзом племен. «Первоначальные роды, — писал Энгельс о краснокожих в Америке, — распадутся каждый по мере роста населения на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род является фратрией; само племя раскалывается на несколько племен, в каждом из них большей частью мы вновь встречаем прежние роды; союз объединяет по крайней мере в отдельных случаях родственные племена» (т. XVI, ч. 1, с. 134). Этот процесс несомненно шел и в древнем Китае. Любопытно, что генеалогия каждого нового рода почти неизбежно упиралась в Хуан-ди, его боковым потомком был и Шунь, и Юй, уже не говоря о Яо, прямом потомке Хуан-ди. Возможно, что это есть свидетельство о дроблении первобытного рода на несколько дочерних родов в пределах одного племени.

Несомненно, что Яо, Шунь, Великий Юй и правители т.н. «династии Ся» были племенными вождями. Но опять-таки трудно судить о том, были ли они вождями одного племени или союза племен. Известно, что при них существовал совет племени (или союза племен) из родовых (или племенных) старейшин. Так, например, Яо созывал старейшин у четырех высоких гор для обсуждения вопросов управления страной; Юй в пятый год своего правления созвал старейшин на горе Тушань, в седьмой год правления он собрал их в другом месте.

Это были, несомненно, племенные сеймы. Сеймы были актом большой важности в древнем Китае, и неприезд на сейм зачастую карался наказанием — так, Юй наказал одного старейшину, не приехавшего на сейм.

[с. 18] Племенные вожди не были царями или императорами в нынешнем понимании, ибо первобытное китайское общество еще не имело государства как определенной ступени исторического развития, как орудия классового господства. Китайские исторические труды, а вслед за ними и европейцы называли древних китайских правителей императорами, но этот термин, ко-

нечно, неправилен, это есть перенесение позднейших явлений в более раннюю обстановку. То же самое было, впрочем, и с другими первобытными обществами. Например, греческие базилевсы в представлении последующих историков тоже превращались в монархов благодаря ученым, которые были, по словам Маркса, «придворными лакеями». То же было и в отношении ацтекских военачальников. «Как греческого базилевса, так и ацтекского военачальника подменяли современным владетельным князем», — заметил Энгельс, подчеркивая, что это были всего-навсего союзные вожди (т. XVI, ч. 1, с. 86).

Отсутствие государства — характернейшая черта «золотого века» Яо и Шуня. Это хорошо понимал Сунь Ят-сен, много говоривший о времени Яо и Шуня. «Правление Яо и Шуня, — говорил он, — хотя номинально и было правлением монархическим, поскольку они назывались императорами, но в действительности они осуществляли народовластие... При них Поднебесная принадлежала всем, а не являлась вотчиной властвующих. В то время монархия еще не развилась в полном объеме, монархизм развился в Китае уже после Яо и Шуня. А про то время, когда были Яо и Шунь, еще нельзя сказать, что это была монархия в том смысле, как она понимается теперь. В то время императором мог быть тот, кто был к этому способен, кто мог заботиться о благополучии народа, кто мог бы дать народу счастье». Сунь Ят-сен не был марксистом, он отрицал марксистское учение об обществе и государстве, но он прекрасно выразил сущность родового общества, «золотого века» Яо и Шуня.

Вождами становились старейшины или выдающиеся люди племени. «Должность царя, — писал Энгельс о Риме, — не была наследственной, напротив, он сперва избирался, вероятно, по предложению предшественника, собранием курий» (т. XVI, ч. 1, с. 106). То же было и в Китае. Выборность правителей нашла свое отражение уже в мифах о Фу-си, Шэнь-нуне, Хуан-ди и др. царях, которые получали власть не по наследству, а избирались народом. То же самое мы видим и в период Яо, Шуня и Великого Юя. Только после него устанавливается наследственная власть внутри рода. Эти вожди племен, согласно древним сказаниям, не были отделены от народа ни в политическом, ни в бытовом отношении, сначала [с. 19] они кочевали с народом, жили вместе с народом в хижинах, еще раньше — на деревьях и т.д. Строительство дворцов для вождей относится к более позднему периоду, хотя и связано с мифом о Хуан-ди. Народ выбирал вождей из среды тех, которые имели небольшие заслуги вроде усмирения потопа (Юй) или выдающиеся качества и добродетели (Шунь). Глубокий возраст, в котором многие вожди становились правителями, говорит о том, что их часто выбирали из числа старейшин. Стариком был избран Шунь; Юй был девяностотрехлетним старцем, когда народ выбрал его вождем; далее правил его сын Ци, который был выбран народом в 82-х летнем возрасте, Чэн-тану, основателю династии Шан, было 87 лет и т.д.

У ирокезов вождем избирался не сын, а брат или сын сестры — это был результат матриархата, при котором сын принадлежал к другому роду. Некоторые следы такого же порядка мы наблюдаем и в древнем Китае. Например, Яо был братом Тао-тана или Шунь, ставший правителем, был зятем Яо. То же

явление мы наблюдаем и в Шанский период. Выборность лишь постепенно заменяется наследственной властью («династия Ся») сначала внутри одного и того же рода. Но это еще не была полная наследственность, это была наследственность только внутри рода и только в силу народного избрания. Так было и в Греции с базилевами. «До конца варварства, — писал Энгельс, — всегда надо предполагать отсутствие строгой наследственности» (т. XVI, ч. 1, с. 80). Поэтому и династия Ся, несомненно, еще не была царской династией в подлинном смысле этого слова.

В древних обществах наряду с вождями существовали и другие выборные должности: для разрешения споров внутри племени, для репрессий в случае правонарушений со стороны отдельных лиц, для надзора за водохранилищами и пр. То же было и в древнем Китае — должности «великого астронома», «великого судьи», «великого строителя» и др. при Яо и Шуне. Это еще не министры, а только выборные общественные должности в родовом племенном обществе. Особенно большую роль играли в древнем Китае астрономы. Страх перед непонятными силами природы — небом, солнцем, луной, звездами и всеми светилами определил раннее возникновение астрономии и астрологии. Отсюда и большая роль астрологов, или звездочетов, как их называли в древности. Отсюда нет ничего странного в сказанных о Фу-си или Хуан-ди, где говорится, что они изобрели цикл летоисчисления на основе изучения движения небесных светил.

Со временем выборные должности астрономов, как и судьи и т.д., становились тоже наследственными, например, астрономы в течение ряда веков происходили из родов Си и Хэ⁷⁰ — [с. 20] это началось еще при Хуан-ди.

Наследственность выборных должностей — это уже шаг к отрыву власти от народа, к созданию власти государства, стоящего над народом. Этот шаг, по-видимому, уже был сделан при Яо и Шуне, когда постепенно, еще в очень малой степени зарождались и всходили первые семена этой государственной власти, первые зачатки уголовного права (наказания).

Мы видим в этот же период зарождение войн, начало организации армии, мы видим отдельные признаки недовольства народа, бедность. Но власть, несомненно, была еще патриархальной, и тенденция к отрыву от народа еще только намечалась. Любопытен разговор одного из «министров» Шуня со своим правителем, записанный в «Шу-цзине». Он сказал: «Не ищите наслаждения только в собственном удобстве, не излишествуйте в удовольствиях, не противьтесь народному желанию в угоду своему собственному. Добродетель проявляется в хорошем управлении, а хорошее управление заключается в доставлении народу прокормления». Правитель — еще слуга народа. В этом смысл разговора. Но тут же мы видим уже тенденцию отрыва правителя от интересов народа, о чем предупреждал «министр».

Указание на различные цвета одежды для знати и для простолюдинов еще при Хуан-ди говорит о зарождении неравенства не только имущественного,

⁷⁰ 羲, 和

но и сословного. Несомненно, что в основе наметившегося уже тогда процесса образования государства лежало именно это зарождение имущественного неравенства, т.е. накопления у одних и обеднения других, начало классового деления. Имущественное неравенство, как видно, существовало уже во времена Шуня, уже было богатство, правда, чрезвычайно примитивное и первобытное, которое состояло из больших стад скота, из большого количества мехов. Но появились и первые признаки роскоши в виде жемчуга, яшмы, золота и т.д. Об этом же процессе говорит образование наметившегося расслоения племени, знати — «пастырей». Уже были и бедные — Яо хвалят за то, что он не пренебрегал бедными, защищал их от притеснений, значит, были уже бедность и притеснения. Шунь строил богадельни отдельно для знати, отдельно для простых. Во времена Юя уже были, как рассказывают летописи, богатые роды, которые имели запасы на 30 лет, другие на 9 лет. Это тоже говорит об имущественном неравенстве, если можно верить этим сведениям. Процесс образования классового общества и государства, конечно, не мог совершиться сразу, он затянулся на многие века, а при Яо и Шуне, при родовом строе мы видим только первые зачатки этого длительного процесса. Весьма вероятно, что в условиях войны с варварами уже зарождалось рабство, появлялись военнопленные, хотя на это [с. 21] прямых указаний еще нет. Говорится, главным образом, об истреблении пленников, что вполне естественно и понятно в условиях слабого развития производительных сил, когда чужая рабочая сила в примитивном первобытном хозяйстве еще не нужна.

Естественно, что собственность в этих условиях еще была племенной собственностью, это первый этап в развитии общества. «Она соответствовала неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством или в лучшем случае земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще не освоенной земли. На этой стадии разделение труда было еще слабо. Общественное разделение труда ограничивается лишь расширением семьи: патриарх, главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы» (Маркс, т. IV, с. 12). В целом это был тот строй, который мы называем первобытнообщинным строем.

ВАРВАРЫ

В этот период появляются первые сведения о варварских племенах, о которых вскользь уже говорилось выше. Несомненно, что уже в 3-м тысячелетии до н.э. китайский народ, или, вернее, первобытные китайские племена, сталкивались с другими племенами на тех территориях, которые осваивали китайцы. Если в 4-м тысячелетии до н.э. еще всем хватало места и не было никаких упоминаний о войнах, о варварских племенах и т.д., то в период Яо и Шуня в XXIV-XXIII веках все чаще и чаще упоминаются варварские племена. Одно из них, племя *и*⁷¹, представляло собой людей высокого роста, с

⁷¹ 夷

длинными волосами и татуированным телом. Есть упоминание о варварах, населявших северо-восточные районы Китая, близ моря. Несомненно, что связь с ними возникла у китайцев в самой глубокой древности, ибо наличие раковин в Хэнани, которые являлись в древние времена деньгами, говорит о сношении Китая с приморскими племенами варваров, через которых попали в обращение китайцев эти раковины-деньги. Упоминание о морских зверях в древнекитайской мифологии тоже говорит о сношениях китайцев с племенами, жившими у Восточного моря.

Несомненно, что варварских племен было чрезвычайно много, известных сейчас и оставшихся неизвестными. Китайцы, [с. 22] сталкиваясь с этими варварами, давали им оскорбительные прозвища, до сих пор сохранившиеся за многими народами некитайского происхождения, главным образом, юго-западных провинций. Китайцы приравнивали их к собакам, зверям, птицам. Северные варвары назывались, например, «собаки *жун*»⁷² — они появились в провинции Шэньси еще при императоре Ди-ку в XXV веке. Легенды о происхождении варваров показывают оскорбительное, высокодержавное отношение древних китайцев к иноземным народам. Так, например, о племени *мяо*⁷³ рассказывается, что оно произошло от пятицветной собаки. Иероглифы «собака», «кошка», «осел», «червяк» и др. до сих пор входят составными элементами во многие иероглифы, принятые для наименования различных племен.

История считает, что Китай в тот период окружали 4 основные варварские племена: *жуны*⁷⁴ — на западе, *ди*⁷⁵ — на севере, *мань*⁷⁶ — на юге и *и*⁷⁷ — на востоке. Это четыре иероглифа — для общего наименования варваров, но кроме них были десятки различных наименований отдельных племен. Любопытно, что иероглиф «и», которым обозначались восточные варвары, до конца XIX в. оставался для наименования европейцев, тоже прибывавших с востока, что явилось поводом для больших дипломатических споров между китайцами и европейцами. В конце концов, англичане официально принудили китайцев в одном из неравноправных договоров отказаться от этого термина для наименования англичан.

Наряду с запрещением ведения войн внутри китайских племен, существовала резкая вражда и постоянные войны между китайскими и варварскими племенами. С ними китайцы все чаще затевали войны. Осваивая новые территории, древние китайцы, несомненно, вели большую и упорную борьбу с этими племенами, покоряя их, физически уничтожая, вытесняя с занятых ими территорий и забирая в плен. Так, например, племя *мяо* в древности

⁷² 犬戎

⁷³ 苗

⁷⁴ 戎

⁷⁵ 狄

⁷⁶ 蠻

⁷⁷ 夷

населяло и Шэньси, и Шаньси, и др. районы северного Китая, уже не говоря о Янцзы, и только в процессе длительной борьбы в течение всей дальнейшей истории они были вытеснены к юго-западным горам. История порабощения, вымирания и оттеснения этого племени не раз приводилась Сунь Ят-сеном как пример, который должен постоянно напоминать китайцам о возможности такой же участи и с самим китайским народом, если он не сплотится в крепкую нацию.

[с. 23] ДИНАСТИЯ СЯ

Династия Ся, как называют господство рода Юй китайские историки, царствовала с 2205 г. до 1776 г. до н.э. В течение 4-5 столетий царствовало 17 царей из рода Ся. Но ясно, что это еще не была династия царей, монархов в современном понимании этого слова, ибо в этот период в Китае еще не было государства как орудия классового господства, государства, под властью которого находилась бы большая и стабильная территория. По-видимому, — если только, вообще, правильны китайские сведения об этом периоде — это было лишь поколение племенных вождей, которых выбирали из одного и того же рода. Это был лишь шаг к наследственной монархии. Повторяю, что этот период еще не подтвержден никакими археологическими данными, мы вправе сомневаться в нем. Но все же следует знать хотя бы коротко историю периода «династии Ся», ибо сейчас, в свете новейших археологических данных о последующем периоде китайской истории — о периоде Шан (Инь), можно больше верить и предшествующему периоду — Ся. Любопытно, что даже европейская буржуазная наука, в прошлом чрезвычайно скептически относившаяся к китайской древности, сейчас начинает говорить о том, что период Ся, возможно, является уже достоверным периодом. Так, в одной из новейших работ, изданных в 1937 г. (Грилль), рассказывающей об археологических раскопках, доказавших достоверность периода Шан, говорится, что, вероятно, династия Ся, являющаяся первой китайской династией, «не целиком вымышлена». «Это, — говорится далее, — не династия, царствовавшая на всей территории Китая или на большей части этой земли, вся генеалогия царей Ся — это легенды и апокрифы, но кажется определенно, что в примитивном Китае, действительно, существовало государство с именем Ся, имевшее относительно высокую культуру». Таким образом, этот период является, по мнению современных европейских ученых, как бы полудостоверным периодом, приближающим нас непосредственно к достоверной истории Китая.

Несомненно, что период Ся — это еще тоже период родового общества. Еще существовал племенной строй, и племя возглавлялось выборными вождями. Конечно, не сохранилось никаких подлинных документов о политическом управлении при династии Ся, что позволяло бы судить об этом периоде с большей ясностью. Правда, китайская история еще подробнее, чем для предшествующих периодов, рассказывает о районах, входивших в это государство, о налогах, которые взимались с народа, о земельной системе и т.п.,

но, поскольку мы не имеем подтверждения правильности этих сведений, я не буду их излагать. Указывается, что при потомках Юя были случаи смут, отказы принять власть того или другого вождя. Вождям приходилось [с. 24] бороться против непокорных, по-видимому, родовых старейшин. Так произошло с первым же наследником Юя, его сыном Ци, которого отказался признать вождем старейшина Хоу. Были случаи, когда правители, плохо зарекомендовавшие себя перед народом, отстранялись от власти. Царю Тайкану⁷⁸ старейшины родов преградили путь, когда он возвращался с охоты, принудили его отказаться от власти и заточили его в тюрьму (2169 г.). Был период междоусобия, когда род Ся потерял преемственность. Власть насильственно захватил старейшина другого рода, уничтожив весь род Ся и убив его последнего представителя — царя Сян⁷⁹ (2119 г.). Рассказывают, что из всего рода спаслась лишь жена вождя, бывшая беременной. Подросший отпрыск рода Ся, Шао-кан⁸⁰, собрал армию и насильственно восстановил власть рода лишь в 2080 г. Таким образом власть рода Ся снова восстановилась, а чтобы не прерывать преемственности царей, история считает Шаокана царем с года его рождения (2118 г.).

История подробно рассказывает о жизни, нравах и обычаях в этот период. Если верить этим рассказам, то, очевидно, китайский народ находился еще на чрезвычайно низкой ступени культурного развития. Так, например, убив одного из мятежников, как рассказывают летописи, жители сварили его и подали его мясо сыновьям.

В царстве Ся все большую роль играли астрономия и астрономы, ведавшие небесными светилами и предсказывавшие затмение солнца. Затмения солнца играли в жизни древнего Китая исключительную роль. Они рассматривались как небесные знамения. Надо было заранее оповещать народ о предстоящем затмении солнца, иначе подрывался авторитет царя. При затмении били в барабаны и пускали в небо стрелы, чтобы помочь солнцу снова засветить. Небесные знаки в представлении народа выражали благосклонность или гнев неба. Отсюда — очень большая роль астрономов в китайской древности. Были случаи казни астрономов за то, что они не предугадали предстоящего затмения. Так случилось, например, при царе Чжун-кане⁸¹ в 2159 г. Астрономы играли политическую роль. Их должности уже давно стали наследственными, и были случаи, когда астрономы претендовали на власть и устраивали заговоры против вождей, будучи наиболее влиятельными в племени людьми, наряду с выборными царями.

[с. 25] По-видимому, в период Ся китайский народ все еще представлял собой одно племя или союз родственных племен, поэтому верить летописям о большой территории, находившейся под властью Ся, конечно, трудно.

⁷⁸ 太康

⁷⁹ 相

⁸⁰ 少康

⁸¹ 仲康

В этот период история все больше отмечает войны, которые велись китайским племенем с окрестными варварскими племенами. Одним из наиболее враждебных племен в это время было варварское племя *и*, восточные варвары. Летопись описывает устройство китайского войска в этот период, в частности — колесницы Ся, которые были основной военной единицей. Рассказывается, что на каждой из колесниц находился возница и два воина: один — стрелок из лука, сидевший слева, другой — воин с дротиком, копьем и саблей. Весьма вероятно, что эти сведения правдивы, так как колесницы последующего периода — периода Шан можно ощупать руками, поскольку они найдены в новейших археологических раскопках. Войны все больше заполняют китайскую историю этого периода. Но трудно думать, чтобы это были войны грабительского характера. По-видимому, это были еще родовые, племенные войны в борьбе за расширение территории или войны, ставившие себе целью кровную родовую месть. Поскольку общество еще было примитивно, еще отсутствовала цель накопления богатств, постольку эти войны еще не могли быть войнами грабительскими.

Столицы Ся очень часто меняли свое местоположение. В течение царствования рода Ся столица помещалась то в Шаньси, то в Шэньси, то в других районах Северного Китая. Почти каждый правитель переносил свою столицу в другой город, часто в совершенно новое место. Возможно, что частые переносы столицы говорят об отсутствии постоянной, твердо освоенной территории и о наличии еще полукочевого быта и переложного земледелия, которое было естественно при наличии колоссальных еще не освоенных земельных пространств. Но возможно, что это было связано с разливами Хуанхэ и набегами варваров.

КОНЕЦ ПЕРИОДА СЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ЦАРСТВА ШАН

История подробно рассказывает о падении власти рода Ся. Рассказывается, что в 1818 г. вождем был избран человек по имени Цзе-гуй⁸², оказавшийся скверным правителем. Он был развратным, не думал о нуждах народа, и это вызывало ненависть народа. Рассказывается, что Цзе-гуй завел себе [с. 26] наложницу — красивую женщину, для которой построил специальный дворец увеселений, где бассейны наполнялись вином.

В период власти Цзе-гуя усиливается влияние рода (или племени) Шан. Его вождь, старейшина рода (племени) выступает против вождя племени (союза племен) из рода Ся. Имя старейшины Шан было Чэн-тан⁸³, он был избран старейшиной в 1784 г. В совете старейшин, окружавшем Цзе-гуя, он иг-

⁸² 桀癸

⁸³ 成湯

рал большую роль и осуждал поведение царя. В 1777 г. он был заточен в тюрьму, но освобожден из нее усилиями других старейшин.

Началось смутное время, казалось, само небо прогневалось на Цзе-гуя. Случилось затмение солнца, обвалилась гора Тайшань, высохла река. Вторглись варвары. Произошел бунт. На очередной сейм старейшины съехались с войсками. В конце концов, Чэн-тан по просьбе всех старейшин взял на себя миссию освобождения народа от власти тирана. Войска Цзе-гуя перешли на сторону Чэн-тана. Сам Цзе-гуй бежал и вскоре умер. Так, при всеобщей поддержке народа Чэн-тан сверг развратного вождя. Это событие рассматривается китайской традиционной историей как первая революция. В 1766 г. власть последнего из рода Ся была уничтожена, а Чэн-тан был выбран новым вождем, положив основание новой династии. Она стала называться Шан, а позже — Инь⁸⁴, благодаря перенесению царской столицы в город Инь.

Время властвования этой второй царской династии датируется 1766–1122 годами до н.э. Легенда рассказывает, что сын Цзе-гуя, последнего правителя из рода Ся, бежал из Китая и перешел со своей семьей в монгольские степи, положив основание роду гуннов.

Первоначальная столица нового вождя китайского племени Чэн-тана находилась в городе Бо, в нынешней провинции Хэнань. Позднее она была перенесена в город Инь, тоже в провинции Хэнань, а вслед затем еще и в другие города. Чэн-тан рассматривается как хороший, старательный и мудрый правитель, Сунь Ят-сен приравнивал его даже к Яо и Шуню. Но он был выбран, будучи уже 87-летним стариком, и процарствовал недолго. Он умер в 1754 г. Ему наследовал внук, потом другие потомки его рода, в силу чего установилась новая династия.

Я не останавливаюсь на характеристике общественного и политического строя Китая этого периода по данным летописей, ибо о несколько более позднем периоде мы уже имеем исчерпывающие данные по этому вопросу на основе археологического материала и теперь уже нет нужды разбираться в полудостоверных данных тех или иных летописей. Укажу лишь, что к этому периоду история относит как уже оформившуюся систему общинного землевладения под названием «колодезной» [с. 27] системы — *цзинь-тянь*⁸⁵, которая по одним источникам зародилась в еще более глубокой древности, а по другим была создана Чэн-таном. Колодезная система служила предметом многочисленных споров в китайской и в мировой литературе. Это один из важных вопросов аграрного устройства древнего Китая. Об этом нам еще придется говорить. Никаких документальных подтверждений относительно этой системы мы не имеем, и трудно рассматривать ее как достоверную. Но что в этот период еще существовало общинное землевладение в условиях отсутствия частной земельной собственности, это, пожалуй, бесспорно.

⁸⁴ 殷

⁸⁵ 井田

Вожди из династии Шан были еще выборными старейшинами. Один из потомков Чэн-тана возгордился перед народом, и, как рассказывает летопись, ему говорили: «Когда старейшины всех родов признают государя таковым, это признак его мудрости, а правителю, у которого нет народа, нечем управлять. Не превозносите и не думайте, что другие слишком ничтожны в сравнении с вами». Этой выдержке из древнейшей летописи можно верить, ибо она отражает тот период патриархальной власти, когда с царями можно было разговаривать запросто, когда еще только намечался процесс их отрыва от народа.

История этого периода много рассказывает о войнах с варварами, которые постоянно беспокоили древних китайцев. Рассказывается, что благодаря этим нашествиям варваров, а также бесконечным разливам Хуанхэ, которые поныне признаются бедствием Китая, шанские (или иньские) цари были вынуждены часто переносить свою столицу с места на место. Приводится целый ряд данных с точным указанием имен царей, годов и мест, куда переносилась столица. Царь по имени Хэ-дань-цзя⁸⁶, царствовавший, как рассказывают летописи, в 1534-1525 годах, перенес свою столицу в город Сян, в нынешнем уезде Аньян, в провинции Хэнань, к северу от Хуанхэ. Там в XVI веке находилась столица шанских царей. Четыре года тому назад эта столица раскопана. Сейчас мы имеем неопровержимые данные о правдивости истории Китая этого периода. Есть лишь споры о точной дате создания этого города, некоторые относят его основание к XIV веку.

⁸⁶ 河亶甲

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. НАРИМАНОВА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КАФЕДРА

Профессор Г.С. КАРА-МУРЗА

ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Лекция четвертая

Шанское царство (XVIII–XII вв. до н.э.)

(Территория. Население. Город. Земледелие. Скотоводство. Орудия труда. Ремесло. Обмен. Деньги. Войны. Армия. Военнопленные. Рабство. Ван. Пережитки родового строя. Зарождение государства. Аристократия. Религия. Жертвоприношения. Гадание. Похороны. Письменность. Искусство.)

Москва
1939 г.

[с. 1] ТЕРРИТОРИЯ. НАСЕЛЕНИЕ. ГОРОД

Царство Шан⁸⁷ (или Инь)⁸⁸, существовавшее, по данным китайских летописей, в XVIII-XII веках до н.э., предстает перед нами во всей широте благодаря новейшим археологическим данным. Это древнейшее, но вполне достоверное царство сложилось в нижнем течении р. Хуанхэ, на территории нынешней провинции Хэнань, в ее северо-восточной части. Столицей царства был «Великий город Шан», находившийся в нынешнем уезде Аньян⁸⁹.

Трудно сказать, каковы были общие размеры всей территории, подвластной Шан. По-видимому, это царство занимало не столь большую территорию. Весьма возможно, что границей царства на юге была река Хуанхэ, а на западе — примерно в 160 км от Аньяна — большие непроходимые горы. Есть некоторые приблизительные подсчеты размеров территории царства Шан, одни считают, что царство занимало площадь в 115000 кв. км, другие думают, что гораздо большую. Нет никаких точных данных о количестве населения этого древнего царства. Известный философ Мэн-цзы в одной из бесед указывал на 100000 человек, подчинявшихся власти Шан. Точна эта цифра или нет, судить трудно.

Исследование скелетов, оставшихся от царства Шан, и скелетов, найденных при раскопках Андерсона («культура Яншао»), показывают, что это — один и тот же народ. Налицо несомненная преемственность исторического развития от неолитического века «Яншао» до шанской культуры. О той же преемственности говорят и памятники материальной культуры Яншао и Шан. Общая форма треножников — гончарных в «Яншао» и металлических в царстве Шан не оставляет в этом сомнения. Несомненно, что физический облик китайца сложился уже в ту далекую эпоху. Это были люди среднего роста, крепкого телосложения, с желтой кожей, с жесткими черными волосами, с редкими бородой и усами. Их лица отличались выдающимися скулами, широко расставленными черными глазами, большим ртом, большими редко посаженными зубами. «Зубы величиной с большой палец, рот тигра», — писали

⁸⁷ 商

⁸⁸ 殷

⁸⁹ 安阳

о себе древние китайцы, резко, карикатурно очерчивая свой физический облик. «Ее зубы как зерна дыни», — говорили они о красавицах.

Царство Шан окружали другие племена, *жуны*, *ди*, *мань*, [*и*], объединяемые общим названием варваров и различаемые лишь по географическому признаку.

Город Шан представлял собой величественное зрелище. Аньянские раскопки дают интереснейшую картину этого древнейшего китайского города. Он был выстроен на маленькой [с. 2] реке Хуань, в 30 км к северу от Хуанхэ. Он занимал большую площадь. Первоначальные раскопки сосредоточились в центре города, где обнаружены следы царских дворцов. Городских стен, валов, рвов пока еще не нашли, но городские стены, вероятно, существовали в этом городе. Дворцы и храмы, находившиеся в центре города, занимали площадь около 6 гектаров. Эта площадь целиком занята фундаментами больших зданий, бывших, по убеждению археологов, дворцами и храмами. Расположение зданий в городе Шан показывает, что уже в тот период существовала стройная система расположения построек. Все они были построены по определенному плану и связаны в определенный ансамбль: в беспорядке строить дома, по-видимому, не разрешалось. При раскопках обнаружено, что в основном все жилища были ориентированы по магнитному северу (точнее: югу. — *А.К.*), из чего заключают, что в царстве Шан в этот период уже знали магнит и употребляли его как компас. Возможно, что у Шан были дворы вокруг жилищ, потому что найдены следы внутренних стен, окружавших жилища. Так в центре города обнаружен кусок стены в 1 метр толщиной и в 2,5 м высотой, что позволяет думать о внутренних оградах в городе.

Раскопки обнаружили также следы построек вблизи города, на расстоянии, которое позволяет говорить о том, что это был пригород. Одна из таких построек, найденная на другом берегу реки Хуань, на северо-запад от главного города, по-видимому, являлась или постом, защищавшим город, или же загородным царским охотничьим павильоном. Вдали от города найдены также гробницы, где были похоронены древнейшие жители Шан.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. СКОТОВОДСТВО

Раскопки, так же как и расшифрованные иероглифические надписи на гадательных костях и черепаховых щитках, найденных при раскопках, дают полную картину экономического быта древних китайцев в царстве Шан. Совершенно бесспорно, что основой хозяйства было земледелие. Еще недавно существовал взгляд, что китайцы в период Шан и раньше были пастухами, кочевниками, лишь незадолго до достоверной истории перешедшими к земледелию. Этот взгляд неправилен. В письменности мы не находим никаких следов кочевого и скотоводческого быта, а вся культура, до которой дошел китайский народ в тот период, несомненно указывает на долгие предшествующие столетия оседлого земледельческого быта. Конечно, наряду с земледелием древние жители царства Шан занимались и животноводством — пасли

баранов, рогатый скот, но основой хозяйства было земледелие, и земледелие уже не переложное, а оседлое, о чем свидетельствуют большие населенные города, в которых возводились фундаментальные здания. Это, конечно, было бы немыслимо, если бы древние китайцы постоянно переходили [с. 3] с места на место. Неоднократные перенесения столицы, о чем рассказывают летописи, для многих ученых также были доводом в пользу утверждения о кочевом быте или переложном земледелии, но это тоже должно отпасть как довод. В этот период перенесение столицы — если вообще правильны летописные сведения — могли объясняться разливами рек или войнами с окрестными варварскими племенами, теснившими древних китайцев.

О хозяйстве жителей царства Шан много говорят гадательные надписи на костях и черепаховых щитках. Они полны вопросами о сборе урожая, но в них очень мало говорится о разведении скота, что также указывает на оседлый, земледельческий быт. Весной обычно задавались вопросы богам, духам относительно урожая, приносились жертвы предкам и вымаливались дожди для оплодотворения посевов. Время от времени сам царь ходил осматривать свои поля. Надписи показывают, что самым важным был вопрос о дожде, что говорит, по-видимому, об отсутствии искусственного орошения и о прямой зависимости урожая от природы. «Будет ли достаточно дождя для сбора прося?» — говорит одна из надписей. «Даст ли нам дух достаточно дождя на этот год?» Или прямые просьбы: «Мы просим, чтобы шел дождь». А в дождливые сезоны спрашивали, не слишком ли много будет дождя.

Что касается земледельческих культур, которые знали во времена Шан, то это один из наиболее трудных вопросов. Зерна, конечно, сгнили, и мы имеем на этот счет только косвенные показатели. Можно думать, что обитатели Шанского царства знали просо, рис, пеньку, может быть — маис и бобовые растения. Просо неоднократно упоминается в надписях на костях, причем, по-видимому, существовало два сорта проса: просо с бородками и с метелками. Иероглиф, ныне означающий «рис», тоже часто встречается на гадательных надписях, указывающих на какое-то растение, культивировавшееся в то время. Но значит ли это, что это действительно был рис, — неизвестно, а если этот иероглиф и тогда означал рис, то это значит, что за прошедшие годы сильно изменился климат, потому что, как известно, рис не растет сейчас в этих северных районах. Зона возможных посевов риса кончается гораздо ниже, чем Аньян.

По данным археологии уже задолго до периода Шан, в неолитический период, в Северном Китае культивировалось нечто вроде текстильного растения — пеньки или конопли. Волокна вроде пеньки, несомненно, существовали и в царстве Шан. Надо думать, что этими короткими данными не исчерпывается список культивировавшихся растений, но, к сожалению, больше сейчас ничего сказать нельзя. Много споров вызвал вопрос о том, знали ли китайцы в тот период шелк. Есть отдельные указания, позволившие думать, что китайцы в это время уже знали шелководство. Некоторые утверждают, что шелковый кокон был даже более древним, чем царство Шан. По-видимому, изображения шелкового кокона существовали и в [с. 4] иероглифике.

Жители царства Шан знали вино или пиво — «бродящий напиток», который выделяли из проса. Этот напиток играл большую роль не только в быту, но и в древней религии, будучи одним из элементов жертвоприношения. В гадательных надписях можно также часто встретить вопрос к духам: «Хорошо будет пиво в этом году?»

Наряду с земледелием в царстве Шан занимались животноводством и охотой. Животный мир в этот период был чрезвычайно богат. При раскопках в Аньяне найдены кости следующих животных: лошадей, собак двух видов, медведей двух видов, барсуков, тигров, пантер, крыс, зайцев, свиней, оленей, коз, буйволов, обезьяны и слона. Найден также китовый ус. Находка скелета слона особенно интересна. Кости слонов найдены при аньянских раскопках в большом количестве. Неизвестно, были ли это дикие слоны или в Шанском царстве уже умели их дрессировать. Вполне вероятно, что их дрессировали, и это находит свои следы в иероглифике. Иероглиф, изображающий слона, — один из древнейших, широко распространен уже в период Шан. Это особенно интересно потому, что сейчас, как известно, в северном Китае слоны не водятся. И если в тот период там были слоны, то это еще раз говорит о том, что тогда был другой, чем теперь, климат. Прошедшие тысячелетия изменили климат страны, благодаря чему слоны, как и рыси, остались только в самых южных районах Китая.

Домашними животными были собака, свинья, лошадь, овца, коза, бык, буйвол. Собака была приручена уже в более древний период — неолитический, играла она свою роль и теперь. Собака шла в пищу. Приносились жертвы собаками. Свинья была основным видом животной пищи в царстве Шан, уступая в этом отношении только быку. Были куры, которые тоже шли в пищу. Что касается лошадей, то их в царстве Шан было много и они были домашними животными. Их разводили, на что есть прямые указания, и запрягали в колесницы. Использовались ли лошадь и бык в земледелии, мы прямых данных не имеем, но были и буйволы, [которые], по-видимому, служили также и для тяжелых перевозок, широко использовались как жертвенный скот. При раскопках в Аньяне больше всего обнаружено костей быков. На иероглифических надписях есть прямые указания о выращивании быков, свиней и баранов с целью принесения их в жертву, причем, жертвоприношения были весьма велики. Был специальный иероглиф, обозначавший жертву в 100 свиней. Сам царь наблюдал за выращиванием жертвенных быков. Существовали загоны для скота, что подтверждают и археологические данные, и иероглифика. В частности, один из иероглифов, обозначавший «баран», изображал его уже внутри постройки [с. 5] или забора. Что касается козы, то не установлено точно, была ли она уже домашним животным или являлась объектом охотничьей добычи.

У нас очень мало данных о методах скотоводства в эту эпоху, но, по-видимому, они не отличались от последующей техники животноводства. В иероглифах есть специальные знаки, означающие «стеречь стадо», которые состоят из «руки, держащей палку около быка». Такой же иероглиф — «рука с палкой около барана» обозначал: «пасти стадо баранов».

Охота не была основным видом производительной деятельности человека в период Шан. По-видимому, охота, бывшая раньше необходимостью, теперь, как говорил Энгельс, «уже стала роскошью». Царь выезжал на охоту с большой свитой и привозил богатую добычу в несколько сот оленей. Есть указания на «груды дичи». Отдельные надписи говорят об итогах одной охоты в 348 животных. Другая надпись говорит о 62 убитых ланях, 10 кабанах, кроликах и т.д. Постоянно упоминаются как дичь фазаны. Весьма вероятно, что ловили и диких лошадей, которых приручали, превращая в домашних животных.

Птицы были разнообразны в тот период, иероглифические надписи широко отражают существование различных птиц. В частности, птицы нашли свое отражение и в древнейшем искусстве — в изображениях.

ОРУДИЯ ТРУДА

Каковы были орудия труда в царстве Шан? Это основной вопрос, от правильности ответа на него зависит и понимание социально-экономического строя Шанской эпохи. Орудия труда были весьма примитивны. Металлических орудий, по-видимому, еще не было. В царстве Шан уже знали бронзу, сплав из меди и олова, но бронза — мягкий металл, непригодный для применения в качестве земледельческого орудия. Основными материалами, из которых делали земледельческие орудия, были дерево и камень. Деревянные орудия не сохранились до наших дней, в сырой почве Хэнани дерево сгнило, не оставив никаких следов. Ученые, занимавшиеся раскопками и исследованиями Аньяна, утверждают, что плуги или сохи, запряженные животными, еще не употреблялись в то время. Считается, что они стали известны китайцам лишь в эпоху Чжоу. Основным орудием земледельца в период Шан была ветка дерева, палка или кол, заканчивавшийся развилиной или заостренный, и лопата. Правда, в некоторых работах высказывается взгляд, что в это время уже существовала металлическая соха. В основу этого утверждения берется одно место из «Ши-цзина», где сказано: «Очень остры наши прекрасные сохи». Отсюда и делается вывод о наличии [с. 6] сохи в этот период, но никакого археологического подтверждения этого взгляда мы пока не имеем. Нет подтверждений и о металлических косах и серпах.

Луки, стрелы и другое вооружение также имели деревянную основу. Деревянными были ручки боевых секир и топоров, но все это не сохранилось, ибо дерево сгнило. Деревянными были и дома. Кирпич в тот период был еще неизвестен. Деревянные дома только украшались каменными столбами, изваяниями. Постройки периода Шан, о которых можно судить по данным раскопок, мало отличались от крестьянских жилищ современного Китая. Фундамент делался из земляной насыпи. Его утрамбовывали, а по бокам делали обшивку из досок, которые держали землю.

Наряду с простейшими деревянными инструментами существовали и каменные орудия, которые были известны китайцам задолго до эпохи Шан.

Были найдены в большом количестве каменные ножи, каменные полированные топоры, каменные ступки, пестики, каменные мельничные жернова. Все это указывает на высокий уровень техники по шлифовке камня. По-видимому, в царстве Шан уже были каменные прядки и ткацкие станки.

Наряду с этим была широко распространена бронза. Она имела большое значение в быту в царстве Шан. «Бронза, — отмечал Энгельс, — давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменных орудий. Это могло сделать только железо, а добывать железо еще не научились»⁹⁰. Так говорил Энгельс, рассматривая среднюю ступень варварства, и это указание можно целиком принять при рассмотрении царства Шан. Археологи рассматривают период Шан как бронзовый век, и это правильно с точки зрения широкого распространения и употребления бронзы, но бронза как орудие труда в производстве еще имела малое значение. Из бронзы выделывалось оружие, бронзовой была утварь, бронзовыми были наконечники стрел и острия пик. Любопытно, что наряду с бронзовыми и каменными орудиями древнейшие ремесленники использовали раковины, из которых делали пилы.

Существует взгляд, что в период Шан уже существовало орошение, постройка каналов и плотин. Хотя исчерпывающих данных по этому вопросу не имеется, но отдельные указания по анализу иероглифов позволяют думать, что в некоторых случаях рисовые поля уже орошались искусственно.

[с. 7] РЕМЕСЛО

Ремесла были высоко развиты в царстве Шан. Существовало гончарное ремесло, труд каменщиков, выделка бронзовых изделий и различных предметов из кости, деревообделочные работы, прядение и ткачество. Мы не имеем никаких данных, чтобы судить о социальном характере ремесла в царстве Шан: были ли ремесленники рабами или равноправными членами рода? Ясно одно, что в городе существовали царские мастерские, где работали, по-видимому, многочисленные кадры рабочих в определенных отраслях труда. Так, вокруг дворцов обнаружен квартал, который, по-видимому, был специально предназначен для мастерских по различным видам ремесел. Один из районов этого квартала сохранил следы производства бронзовых орудий, предметов из бронзы. Этот район изобилует золой от горнов, шлаком, кусками металла, углем, разбитыми литейными формами. Можно думать, что это был специальный район литейщиков. Любопытно, что некоторые фундаменты домов в этом районе были сделаны из таких отбросов производства.

В специальном районе этого квартала ремесленники занимались изготовлением предметов из кости — головок стрел, ковшей, шпилек для волос и т.п. Все это прекрасно сохранилось и найдено как вещественный памятник древности. Для работы использовались как материал рога быков и оленей, кость бивней кабанов и слонов. Из слоновой кости, как и из раковин, производились различ-

⁹⁰ Маркс и Энгельс. Собр. соч., т. XVI, ч. 1, с. 137.

ные предметы роскоши. Среди найденных костяных предметов некоторые были не окончены, выделка их не была закончена, и это дает возможность узнать технику и процесс производства. По-видимому, кусок с плоской поверхностью вырезался сначала из кости пилой. Вырезы очень тщательно обтачивались и в дальнейшем обрабатывались ножом. Археологи, нашедшие эти вещи, говорят, что они сделаны так искусно, что сделали бы честь нашему напильнику.

Был специальный квартал, в котором производились каменные работы. Там изготовлялись ножи и домашняя утварь, а также и предметы, имевшие художественное значение, в частности, различные изделия из драгоценных камней: из нефрита и нежного перламутра.

Гончарное ремесло в царстве Шан имело длительную историю развития. Гончарные изделия уже найдены за несколько тысячелетий до нашей эры, и в период Шан это ремесло стояло на очень высоком уровне. Конечно, глина обжигалась, существовали печи, но они не найдены. Гончарные изделия использовались в быту для варки и хранения пищи и для ритуальных целей. Об этом свидетельствуют некоторые надписи на керамике. Как правило, сосуды имели надписи, часто имена владельцев.

[с. 8] В царстве Шан уже знали краски, существовала стенная роспись с использованием белой, красной и черной красок, подкрашивались и изделия тонкой керамики, раскрашивались также и некоторые костяные изделия.

Что касается труда столяров и плотников, то несомненно, что он тоже находился на высоком уровне развития. Лодки и деревянные колесницы, о которых рассказывается в летописях и от которых остались лишь бронзовые украшения, поскольку дерево сгнило, говорят о высоком искусстве столяров.

Что касается прядения и ткачества, то этот вопрос менее ясен, чем другие вопросы о ремесле, поскольку ткани, в течение 3500 лет лежавшие под землей, не сохранились. Найдены только отдельные, буквально микроскопические части тканей, сохранившиеся на бронзовых сосудах, которые завертывались в ткани при сохранении их в гробницах царей. Но ясно, что ткани были и имели широкое распространение, ибо было шелководство, была пенька и, несомненно, были уже и одежды, тщательно скроенные и сшитые костяными иглами, которые также найдены при раскопках. Одевались в туники разных цветов, на головах носили тюрбаны. Были грубые ткани и циновки, употреблявшиеся для завертывания оружия или бронзовых ваз, которые клали в могилы умерших. Исследование тканей под микроскопом и химический анализ их говорят о том, что нитки были толстые, неплотные, но ткань было ровное и гладкое.

ОБМЕН. ДЕНЬГИ

В эпоху Шан торговли как развитой формы обмена еще не было. Не было и купечества как социальной группы, выделившейся из общей массы племени, но несомненно, что первоначальная форма торговли — натуральный обмен — уже существовала. Мы имеем прямые доказательства этого в виде наличия тех предметов, которые в самом районе Хэнани отсутствовали.

В частности, китовый ус, о котором я упоминал, несомненно, обменивался у восточных племен и привозился из прибрежных районов, где добывали китов. То же касается и перламутра, и морских раковин, отсутствовавших в районе Хэнани и бывших привозными предметами, получавшимися, по-видимому, путем обмена или грабежа. Раковины же служили первобытными деньгами. Это — специальные раковины, так называемые каури, находившиеся лишь на морском берегу и употреблявшиеся вместо денег. Точных данных [с. 9] о том, что они служили деньгами, нет, но отдельные указания позволяют прийти к этому выводу. В одной яме-хранилище, казне Шан, нашли множество таких раковин, которые обычно связывались по несколько штук нитками. Они вполне могли играть роль денег, ибо были относительно неизменяемыми, легко транспортируемыми и вместе с тем редкими, не добываемыми в этих районах предметами. Иероглифические надписи сохранили указания о дарах в несколько связок — пять, десять и даже пятьдесят связок каури, которыми цари награждали некоторых военачальников, а последние принимали эти дары, отмечая это как торжественное событие, отливая в память его бронзовый сосуд с надписью, рассказывающей об этом событии.

ВОЙНЫ. АРМИЯ

Взаимоотношения с соседними племенами не ограничивались обменом. В царстве Шан уже были войны, союзы, первоначальные дипломатические отношения. Война, вероятно, и в этот период еще не была промыслом. Накопление богатств еще не стало целью. Войны, вернее всего, велись, как говорил Энгельс, «только для того, чтобы отомстить за нападение, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной».⁹¹ Предполагается, что за обработанными полями лежали неогороженные пастбища, и именно они были предметом постоянных раздоров жителей Шан с соседями. В гадательных надписях эпохи царя У-дина (1324–1266 гг.) прямо рассказывается об этих спорах из-за пастбищ с соседними племенами. Пограничные посты посылали к царю вестников, которые рассказывали, например, о том, что «такой-то народ напал на две деревни на нашей границе на востоке». Другая надпись говорит, что «такой-то народ пасет свои стада на наших пограничных землях на западе». Таких надписей встречается множество. Столица Шан и ее пригороды были наиболее уязвимыми с суши — на севере и на западе. Войн с юга не было, и разные неожиданности наиболее часто приходили с северных и западных границ. На юге и на востоке были большие реки, и набеги с этих сторон на царство Шан были, несомненно, труднее. Возможно также, что с южными племенами Шан были в дружбе. Только немногочисленные надписи на костях говорят о набегах на южные границы.

⁹¹ Ссылка отсутствует, цитата из работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — А.К.

Гадательные кости сохранили много донесений о происходивших на границах схватках, о нападениях племен варваров на шанские земли и о военных походах шанских царей, походы начинались обычно весной. Надписи говорят также о частом пленении во время этих походов и нападений десяти, двадцати и больше человек. Был специальный иероглиф, означавший неожиданную атаку, что изображалось барабаном, служившим для поднятия тревоги. Гадательные кости сохранили надписи-вопросы духам о том, надо ли посылать письма [с. 10] другим племенам-союзникам, чтобы просить их помощи в предстоящих войнах. По-видимому, уже устанавливались союзы с соседними племенами для борьбы с враждебными, к дружественным племенам отправлялись послы. В этот период приобретает большое значение еще одно племя, которое упоминается в древних текстах. Это племя Чжоу, в дальнейшем отвергшее власть шанских царей и установившее свою династию. Чжоу, согласно китайским историческим летописям, осели в районе, соприкасавшемся с царством Шан, в XIV-м веке. Некоторые источники называют их варварскими племенами. В других они рассматриваются как племена, родственные племенам Шан и имеющие с ними якобы общих отдаленных предков.

Шанский царь давал союзным племенам награды, например, подарил одному из вождей Чжоуского племени за победу над варварами 10 кусков нефрита, 10 коней и т.д. По-видимому, если верить китайской летописи, некоторые племена находились в подчинении у племени Шан и платили шанскому царю дань, для чего приезжали во дворец.

На гадательных костях обнаружено много надписей, говорящих об армии царства Шан. По численности армии были довольно большие для того времени; есть кости с такими надписями: «Если собрать и послать против врага 3 тысячи человек — будет ли победа?» Есть указания на армии в 4-5 тыс. человек, самое меньшее указывается тысяча воинов. По-видимому, эти армии созывались от раза к разу, по мере надобности, для борьбы с наступавшим врагом или для походов против варварских племен.

О вооружении войск царства Шан мы имеем исчерпывающие данные благодаря археологическим раскопкам. Военной единицей армии Шан была боевая колесница, она занимала основное место в армии. При раскопках найдено много бронзовых украшений колесниц (дерево, к сожалению, сгнило), и эти сохранившиеся украшения позволяют восстановить форму колесницы и весь ее внешний вид. Они были похожи на греческие и римские колесницы.

Боевая колесница запрягалась лошадьми, сначала по две, а потом были построены большие колесницы, запрягавшиеся четырьмя лошадьми. На лошадях была сбруя, узда, бронзовые удила. На колеснице сидели воины, вооруженные бронзовым и каменным оружием. Главным оружием были лук и стрелы. Иероглифы на гадальных костях очень ясно изображают лук⁹² — по-

⁹² Здесь и далее в оригинале иероглифы отсутствуют. Мы восстановили некоторые из них. — М.У.

видимому, именно этот иероглиф переродился в известный иероглиф⁹³, и сейчас означающий лук.

[с. 11] Очевидно, для лука употреблялись жилы и рога — такую форму ему вряд ли можно было бы придать, если бы он был сделан из дерева. Стрелы делались из бамбука — очень гибкие и очень легкие. Головки у стрел были каменные, бронзовые или роговые. Они имели удлиненное горлышко и были тщательно обточены ремесленниками, производившими их в большом количестве. На конце стрел, очевидно, были перья, о чем говорят иероглифические изображения стрел.

Каменные и бронзовые наконечники были и у копий, и у дротиков. Копья были длинные, до 5-6 метров. По-видимому, их метали с колесниц. По-видимому, шанские войска были вооружены еще пищальями, стрелявшими каменными или глиняными пулями, — при раскопках найдены такие глиняные и обточенные каменные пули (странный анахронизм: огнестрельные пищали появились в Китае лишь в XIII в. н.э. — *А.К.*). Кроме того, воины были вооружены для рукопашных схваток бронзовыми мечами, по форме приближавшимися к топору. У некоторых из таких найденных мечей были чрезвычайно тонко сделанные, изящные рукоятки. У воинов были щиты, защищавшие их от нападения неприятелей. Сделанные из кожи, иногда подкрепленные деревом, были латы, характерные для всех древних войск. На голове у воина была бронзовая каска — такие каски найдены совсем недавно (около 70 штук), и они, по утверждениям европейцев, имели форму европейской и средневековой каски, низко спускаясь на затылок, имели короткую бронзовую шейку, а наверху были украшены перьями.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ. РАБСТВО

Поскольку велись войны, естественно, должны были быть и военнопленные, а это подводит нас вплотную к вопросу о социальном строе Шанского царства.

На первой стадии варварства, а тем более дикости, рабы не были нужны, так как уровень производительности еще был очень низок. Но с дальнейшим развитием производительных сил появляется потребность в рабах. С ростом производства, говорил Энгельс, «стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов» (т. XVI, ч. 1, с. 137). В Шанском царстве рабы уже были нужны, а поэтому постепенно военнопленных стали превращать в рабов. В период Шан уже создается понятие «раб». Можно думать, что в то время рабы были еще собственностью рода, племени и отдельных военачальников племен, первобытных царей, но частной собственности на рабов еще не существовало. Можно думать, что в царстве Шан была первобытная, примитивная форма рабства.

⁹³ 弓

Для обозначения слова «раб» в иероглифике есть несколько иероглифов, и происхождение их очень интересно: один из иероглифов, означавших «раб» (*чэнь*)⁹⁴, в дальнейшем перешел в понятие «чиновник», «министр». Первоначальное происхождение этого иероглифа — «глаз», сначала он писался [с. 12] в виде простого изображения человеческого глаза.⁹⁵ Объясняют это тем, что военнопленных считали по головам: взято в плен столько-то голов, сокращенно вместо «головой» писали «глаз». Так, этот иероглиф из первоначального значения военнопленного далее стал служить для обозначения раба-слуги, а еще позже превратился в «чиновника». Как и почему произошло это дальнейшее превращение, вам объяснят лингвисты. Возможно, что пленники, становясь рабами и будучи близкими к царю, выслуживались, становясь его личными слугами, а затем и чиновниками.

Другой иероглиф, имевший значение «раб», изображал человека, добывающего раковины, чем занимались в тот период рабы.

Наконец, третий иероглиф, означавший «раб» (*цзян*), первоначально изображал «варвара, пасущего баранов»⁹⁶, и в дальнейшем тоже стал употребляться для обозначения раба. В этом случае мы имеем прямое и очень интересное иероглифическое указание на процесс закабаления более отсталых варварских племен, которые в царстве Шан превращались в рабов. По-видимому, эти иероглифы (*цзян*) означали какое-то определенное племя. В надписях можно встретить вопрос: «Удастся ли нам пленить *цзян*?» В последний период Шанского царства иероглиф «цзян», первоначально изображавший «варвара, пасущего барана», изменился, к изображению прибавилась веревка на шее, что уже прямо говорит о превращении этих варваров-военнопленных в несвободных людей, в рабов, которых приводили на веревке.

В более древние времена, когда рабы еще не были нужны, военнопленных уничтожали. Это — этап развития, свойственный всем народам; следы этого этапа мы находим еще и в царстве Шан. По-видимому, большой потребности в рабах здесь все же еще не было, и много военнопленных просто уничтожалось.

Надписи на гадальных костях говорят о различных способах их уничтожения: их закапывали живыми в землю, сжигали или топили — все это нашло прямое отражение в письменности, для каждого из этих понятий был свой иероглиф. Например, на костях сохранились надписи: «Сжечь сто человек перед предком Сяо-и», «Утопить 10 человек из рода Ян» и т.п. Есть основание думать, что в царстве Шан существовали человеческие жертвоприно-

⁹⁴ 臣

⁹⁵ Так же, как пиктограмма, ставшая современным иероглифом му 目 — «глаз». — А.К.

⁹⁶ Иероглиф отсутствует. К пиктограмме, изображающей человека, барана и веревку, или, согласно «Шо-вэнь цзе-цзы» западного варвара-жуна, пасущего барана, восходит иероглиф *цян* 羌, обозначающий западную народность, идентифицируемую с тунгусами. Видимо, он неточно транскрибирован автором. — А.К.

шения, и этими жертвами были как раз рабы, в частности, военнопленные из числа «варваров, пасущих баранов» (*цзян*), отсталых кочевников-скотоводов. Надписи сохранили указания, что столько-то пленных варваров приносится в жертву. Часто эти человеческие жертвоприношения носили [с. 13] большие размеры, так, например, есть указания на принесение в жертву 100, 200 и даже 300 военнопленных, главным образом, из варварских племен *цзян*.

В том городе, где была столица Шан, археологи, одновременно с остатками Шанского царства, нашли следы еще более отсталой культуры — следы неолитических людей, о которых мы говорили раньше. Тот факт, что царство Шан, перенеся сюда свою столицу, нашло здесь еще более отсталые племена, подтверждается ямами, которые обнаружены в этом районе и которые служили жилищами этим отсталым народам. Найдены здесь и керамические изделия, более отсталой формы, чем имелись в царстве Шан, и т.д. Вероятно, эти более отсталые народы тоже превращались в рабов завоевателями из царства Шан. Археологи предполагают, что эти ямы, в которых первоначально обитали неолитические жители, далее превратились в тюрьмы и что именно здесь содержались военнопленные и рабы.

В царстве Шан существовало и женское рабство — был специальный иероглиф, изображавший женщину-рабыню, причем в большинстве случаев эти рабыни, очевидно, превращались в наложниц. Известно, что и современный иероглиф, означающий раба⁹⁷, изображает женщину, которую тащит рука. Некоторые китайские ученые на основе древней иероглифики предполагают, что рабов в царстве Шан татуировали, делая специальную отметку на лбу, чтобы затруднить их побег.

В царстве Шан мы видим первую, самую раннюю ступень рабовладельческого общества, примитивное первобытное рабство военнопленных. Это еще не был результат классового расслоения внутри рода или племени, рабами были лишь военнопленные, захваченные на войне. Правда, в древних летописях есть некоторые указания на образование рабства и путем расслоения племени. Например, рассказывается, что в 1766-63 гг. была большая засуха, были отчаянные голодовки и народ продавал своих детей. Но это одно из немногих указаний в литературе, которое не подтверждается никакими данными археологии, поэтому вряд ли можно верить этому указанию.

Все эти данные позволяют говорить о том, что в царстве Шан уже были рабы. Но это еще ничего не говорит об общественном устройстве царства Шан в целом: был ли это племенной строй или развитое классовое государство? В общем, археологические данные дают недостаточные материалы для того, чтобы сделать окончательные и ясные выводы о социальной структуре Китая в эпоху Шан.

⁹⁷ Иероглиф отсутствует. Имеется в виду иероглиф *ну 奴*. — А.К.

[с. 14] ВАН

Мы знаем, что был глава общества, как и в царстве Ся, об этом говорят надписи. Этот глава общества назывался *ван*⁹⁸, что европейские синологи переводят словом «царь». Это уже был наследственный вождь племени, вероятно, в этот период уже перераставший, а может быть, и переросший в монарха. Иероглиф «ван» первоначально писался иначе⁹⁹, чем теперь, он изображал человека, крепко стоящего на земле, стоящего гордо, с распростертыми руками, как объясняют лингвисты. Это был верховный правитель Шанского царства.

Шанские ваны не назывались по имени — религия запрещала произносить вслух или писать личное имя вана, который считался священной божественной особой, и это продолжалось вплоть до последних лет, до свержения китайской монархии в 1912 г. Поэтому шанские ваны (цари) назывались не личными именами, а обычно (например, когда им приносились жертвы) их называли названиями тех дней, в которые они родились или умерли, т.е. их обозначали циклическими знаками. Отсюда чрезвычайное однообразие всех имен, ибо циклических знаков только десять. Из 29 шанских царей 6 назывались «дин», 6 — «цзя», 5 — «и» и т.п. Чтобы отличать ванов одного от другого, поскольку число циклических знаков так ограничено, к ним часто приставляли определения, вроде «старший», «младший», «южный» и т.д. Эти имена, фигурирующие в надписях, почти полностью расшифрованы, и на этом основании доказана абсолютная правильность исторических летописей, точно рассказывающих, когда, в каком году вступил на престол тот или иной из древних ванов. Ваны жили в городах, во дворцах, они располагали уже большими личными богатствами. По-видимому, еще господствовала родовая собственность, и ван владел всем как глава рода. Стада и рабы, которые первоначально были собственностью всего рода, драгоценности — все это становилось собственностью вана как верховного вождя. «В самом начале достоверной истории, — писал Энгельс, — мы всюду находим стада в обособленном владении глав семейств, совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов» (т. XVI, ч. 1, с. 38). Источником богатств было довольно примитивное хозяйство: земледелие, скотоводство, охота. Но несомненно, что и война, если не целиком еще грабительская, то все-таки становилась уже таковой, будучи источником обогащения шанских ванов.

Среди развалин столицы ванов найдены подземные хранилища, которые, как предполагают, представляли собой казну ванов. В одной из них, из таких подземных ям, найдено [с. 15] около 6000 различных предметов: гончарные изделия, кости, перламутр, черепаховые щитки, бронза, нефрит, раковины

⁹⁸ 王

⁹⁹ Этимон иероглифа «ван» отсутствует. Современные этимологи трактуют его совершенно иначе: как изображение опущенного вниз лезвием большого топора-*фу*, предназначенного для казней и таким образом символизирующего высшую власть. — А.К.

каури, которые служили тогда монетой, золото и различные драгоценные камни. Все это были личные сокровища вана, который уже накопил в своих руках большие богатства. Полагают, что многие из этих сокровищниц были разграблены задолго до археологов, раскопавших шанский город, но и то, что найдено, все же позволяет судить о степени богатства ванов.

ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОГО СТРОЯ

Наряду с этим все еще сохранились пережитки родового строя. По этому вопросу мы имеем прямые данные в надписях на гадательных костях. Господствовавший род, властвовавший над остальным племенем, передавал свою власть из поколения в поколение, но еще не от отца к сыну, как это было в обществе, где были окончательно ликвидированы и родовые пережитки, и пережитки матриархата. Здесь в царстве Шан наследственная власть, как правило, переходила от старшего брата к младшему, а не от отца к сыну (ибо сын принадлежал к другому роду), и уже в дальнейшем наследовали сыновья самого младшего брата. Из 29 ванов шанского царства 15 ванов передали свою власть братьям. Это одно из ярких свидетельств существования родового строя и матриархата. Иероглифы позволяют говорить о том, что отец в Шанском царстве все еще оставался понятием, охватывавшем и дядей по отцовской линии. Так, например, есть указания на гадальных костях, говорящие, что приносят жертвы нескольким отцам, что естественно означало дядей одного царя, т.е. братьев его отца.

Женщины-предки тоже еще играли большую роль в царстве Шан. Им молились, им приносили жертвы, что говорит о неизжитом матриархате. Нужно думать, что в Шанском царстве еще существовала полигамия, — гадальные кости называют царя, имевшего нескольких жен, и называют женщин, одновременно бывших женами нескольких мужей.

Было ли царство Шан государством в современном понимании этого слова, т.е. орудием классового господства? Надо полагать, что таковым оно еще не было, что государство в то время еще не сложилось, что это был переходный период от племенного строя к классовому государству. При ване еще был совет родовых старейшин, с которым он должен был считаться. Надписи, например, сохранили вопрос царя, обращенный к духам: «Я собираюсь идти в поход, совет возражает, будет ли удача?»

[с. 16] ЗАРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Наряду с этим уже существует аппарат власти, что позволяет говорить о зарождении государства как власти, оторванной от народа. Китайские летописи очень подробно рассказывают о системе государственного аппарата в период Шан, об административном устройстве и т.д., но археологические данные подтверждают не все эти данные.

Что мы знаем из иероглифических надписей об аппарате власти в царстве Шан? Во-первых, мы знаем, что существовал так называемый *да-чэнь*¹⁰⁰ (великий слуга или великий министр), который играл большую роль при царе; ему подчинялись так называемые *сяо-чэнь*¹⁰¹ (малые слуги или малые чиновники). Существовал так называемый «великий писец», на обязанности которого лежало издавать и хранить приказы царя. Был специальный человек, ведавший царским архивом, был царский казначей. Наряду с ними существовал ряд более мелких чиновников или царских слуг. Очевидно, в этот период уже зарождаются так называемые *ши* (ученые), которые в дальнейшем играли большую роль и иероглифические данные о которых мы находим уже в шанской иероглифике.

Из иероглифических же надписей мы знаем, что в деревнях и областях были люди, специально наблюдавшие за полями, определявшие посевы и жатвы. Кроме того, царь имел большой дворцовый персонал и много личных слуг, которые назывались подметальщиками, охранителями дверей и т.д.

У царицы и царевен были пажи, о чем мы тоже узнаем из анализа иероглифов. Несомненно, что уже существовали отделенные от общества профессионалы — жрецы и оракулы, занимавшиеся гаданием и специализировавшиеся на отгадывании судьбы путем применения гадальных черепаховых щитков или обточенных костей, о которых вы уже знаете. Например, иероглиф *чжань*¹⁰² означал прорицателя или оракула и состоял он из иероглифа «гадать»¹⁰³ (трещина на черепаховом щитке) и иероглифа «рот»¹⁰⁴, что означало гадавшего человека, человека, беседующего с духами.

Таковы вполне достоверные данные об аппарате власти в царстве Шан, которые дает нам анализ шанской иероглифики и которые подтверждаются археологическими раскопками. Исторические летописи говорят больше. Я не останавливаюсь на описании территории Шанского царства и его административном устройстве, о чем говорится в летописях, так как этому трудно верить. Там рассказывается о 9-ти областях, каждая из которых представляла ровный квадрат в 1000 *ли*, и т.д.

[с. 17] Что касается чиновничьего аппарата, то помимо того, что мы видим в шанской письменности, летописи говорят еще о многом другом. Они говорят, что был специальный чиновник, ведавший защитой от врагов, и это вполне вероятно, хотя в иероглифике подтверждения этого мы и не имеем. Были Великий судья, Великий маршал, Великий строитель, которых вы знаете уже из истории царства Ся. Указывается, что были специальные чиновники, ведавшие музыкой (Великий музыкант), церемониями и т.д.: всего

¹⁰⁰ 大臣

¹⁰¹ 小臣

¹⁰² 占

¹⁰³ 卜

¹⁰⁴ 口

9 министров. Все эти чиновники были наделены якобы земельными поместьями, которые различались по величине в зависимости от чина и занимаемой должности. Трудно проверить правильность этих данных.

АРИСТОКРАТИЯ

В этот период в Китае уже зародилось сословие аристократии, которое сохранялось вплоть до последних лет, пока не была ликвидирована монархия. В Китае спокон веков, как считают китайские историки, существовало пять степеней аристократов — пять почетных званий: *гун*¹⁰⁵, *хоу*¹⁰⁶, *бо*¹⁰⁷, *цзы*¹⁰⁸, *нань*¹⁰⁹, которые европейцы переводили как «герцог», «маркиз», «граф», «виконт» и «барон». Китайские летописи считают, что эти пять степеней существовали уже в Шанском царстве. Археологические данные и иероглифика не подтверждают этого целиком, но некоторые из иероглифов, которые входят в понятие этих пяти степеней аристократии (например, *хоу*), существовали уже в период Шан для обозначения знати. Весьма вероятно, что аристократия в шанском обществе складывалась из среды родовой знати и военачальников, отличившихся в войнах. Так, например, иероглиф «хоу», который европейцы переводят словом «маркиз», имел сначала значение «лучник», т.е. человек, стрелявший из лука. Именно этот иероглиф «лучник», был обобщающим понятием для первобытной аристократии. Считалось, что стрельба из лука является проверкой человеческих качеств: точная стрельба выявляла прямой, смелый характер, наоборот, неточная, неумелая выявляла человека с порочным характером. Поэтому человек, умевший точно стрелять, считался стоящим выше других и имел право войти в ряды древней знати.

Что касается других терминов, которые европейцы переводили словами: «герцог», «виконт», «барон» и т.д., то их первоначальное значение несомненно было очень далеко от последующего. Так, термин «гун», который переводится словом «герцог», сначала обозначал «беспристрастный», т.е. характеризовал личные качества человека. Иероглиф «цзы» («виконт») первоначально означал просто «дети», т.е. сыновья, — очевидно, им обозначались дети старейшин как первоначальная знать царского рода, и только позже он стал обозначать дворянское [с. 18] звание. То же самое иероглиф «бо» («граф») — сначала он обозначал «дядя», старший. Вероятно, давая эти титулы, царь как бы принимал в свой род или усыновлял, давая титул *цзы*, или признавал старейшими, давая титул *бо*.

¹⁰⁵ 公

¹⁰⁶ 侯

¹⁰⁷ 伯

¹⁰⁸ 子

¹⁰⁹ 男

Во всяком случае, в царстве Шан еще не было развитого сословного строя, этот сословный строй лишь создавался. Это был период разложения родового общества и перехода к классовому.

Аристократия получала знаки отличия из нефрита — пряжки или подвески на поясах, которые отличали этих аристократов от рядовой массы племени. Нефрит — один из драгоценных камней — имел в Китае священное значение как камень, который якобы содержал добродетель. Поэтому именно он давался наиболее важным представителям племени. Кроме того, царь жаловал и другими дарами, тоже символами. Так посылка музыкального инструмента означала знак снисходительности, союза, если он посылался вождю варварского племени. Одарение луком и стрелой символизировало военное поручение, посылка топора означала приказ о казни, дарение кубка — разрешение изготавливать вино для самостоятельных жертвоприношений и т.п.

Как можно определить в целом это общество? Несомненно, здесь есть общие черты с общественным строем древних греков в период их перехода к развитому рабовладельческому обществу. Они тоже уже жили в городах, у них уже было имущественное неравенство, уже появилась аристократическая прослойка, они тоже вели войны, уже было рабство военнопленных, но вместе с тем это еще не было развитое классовое общество.

Энгельс, рассматривая образование государства и, в частности, процесс превращения первоначальных «слуг общества» в людей, стоящих над обществом, говорил, что «прежний слуга постепенно превратился в господина... этот господин выступал то в качестве восточного деспота, или сатрапа, то как греческий родовой государь или как кельтский начальник клана».¹¹⁰ Энгельс указал на три типа первых правителей, в которых превращались родовые племенные старейшины. И, несомненно, если взять за основу это указание Энгельса, то в царях Шанского царства мы увидим прообраз восточного деспота. Очевидно, именно эту примитивную форму общественного строя, в котором племенной вождь уже выступает царем, восточным деспотом, стоящим над обществом, над племенем, еще не разложившимся на классы, Маркс и Энгельс и называли восточной деспотией или древневосточным, азиатским способом производства. Об этом еще придется говорить при рассмотрении однотипного, но более развитого царства Чжоу.

[с. 19] РЕЛИГИЯ

Перейдем к вопросу о религии и культуре Шанского царства. В царстве Шан уже сформировалась та религия, которая в неизменности сохраняется до сегодняшнего дня. Поэтому рассмотрение религии приобретает особенно важное значение для понимания идеологии не только древнего, но и современного китайского народа.

¹¹⁰ Анти-Дюринг, с.160 (по изд. 1918 г.).

В основе древней религии Китая лежала вера в духов. Дух, расставаясь с телом, продолжает жить земной жизнью, — так верили китайцы, — и отсюда культ предков — основа основ китайской религии. Этот культ зародился, по-видимому, в еще более глубокой древности, чем период Шан, ибо этот культ — яркое свидетельство родового строя. Культ предков — это вера в загробную жизнь и одухотворение предков. Предки были богами древних китайцев, как остаются ими и до сих пор. Покойник по китайской религии становился духом.

Гадальные надписи Шанского периода говорят очень много об обращении народа (и главным образом представителей царского рода, поскольку эти надписи отражают в первую очередь быт царей) к своим духам, к духам предков, которые были богами. Из расшифрованных надписей установлено, что шанские цари обращались к 42 мужским предкам и братьям мужских предков, которые принадлежали к 26 поколениям, — все эти обращения цитируются в гадальных надписях. Этим и подтверждается вся предшествующая история, в частности, имена всех ранних царей Шан, которых последующие цари рассматривали как своих предков.

Культ предков сыграл чрезвычайно большую роль в Китае в том смысле, что он способствовал и способствует до сих пор колоссальному увеличению населения Китая. Этот культ велит народу заботиться о деторождении, о том, чтобы иметь наследников и именно мужчин, которые приносили бы жертвы предкам после смерти. Человек, не имеющий детей, рассматривался чуть ли не как преступник, лишаящий жертв не только себя после смерти, но и весь свой род, всех своих уже давно умерших предков.

Кроме предков божеством в древнем Китае был так называемый *шан-ди*¹¹¹ (верховное существо, верховный повелитель), который отождествлялся с небом. Этот термин принят ныне для означения и христианского бога. Существует мнение, что с ним отождествлялись самые первые предки китайского народа или это было обобщенное понятие предков, чьи души переносились на небо.

Древние китайцы еще поклонялись солнцу, луне, пяти планетам — Венере, Меркурию, Сатурну, Марсу, Юпитеру и духам земли, [с. 20] духам гор и рек. В «Шу-цзине» говорилось, что «старые цари Ся любили добродетель, и не было в то время бедствий, ниспосланных небом, и были спокойны духи гор и рек». Духи гор и рек занимали большое место в древнем культе Китая. Духам гор и рек, ветра и земли также приносились жертвы. Некоторые исследователи древней религии Китая объясняют эту двойственность культа (с одной стороны — предки, с другой стороны — природа) тем, что в основе поклонения природе тоже лежал культ предков, что по представлению древних китайцев духи переселялись в реки, в горы, превращались в ветер и т.д. Отмечен ряд фактов, когда, например, реке стали молиться после того, как в ней утонул тот или иной царь, герой и т.п.

¹¹¹ 上帝

Были духи, покровители-духи посева, очага, духи ворот, дорог и т.д. Духи, не получавшие жертв, бродили по земле неприкаянные, причиняли людям зло, принимая облик разных чудовищ, и отсюда распространение всяческих суеверий, которые и до сих пор очень сильны в отсталых массах китайского народа. Существовали разные прорицатели, изгонявшие злых духов, заклинавшие судьбу. Древние китайцы верили в сновидения, что также находит отражение в вопросах, которые задавались духам.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ. ГАДАНИЕ

Духам приносили жертвы, их всячески ублажали, считая, что им нужны такие же блага, какими они пользовались и при жизни. Отсюда жертвоприношения, сохранившиеся и до сих пор. Жертвы приносились в различное время года, в частности, были весенние жертвоприношения при посеве, осенние — при сборе урожая. Если земля давала богатый урожай — духам приносились богатые жертвы, приносилось в жертву молодое вино, только что забродившее в этом году. Духам приносили самые разнообразные жертвы, делясь с ними почти всем, что получали от работы. Но большинство жертв состояло из животных — из быков, баранов, свиней и собак, которые были основными жертвенными животными. Жертвы были большие, некоторые жертвоприношения состояли из 300 голов скота, так, например: одно из жертвоприношений, о котором говорят гадальные надписи, состояло из 100 кубков напитка, 100 баранов и 300 голов рогатого скота. Все это находило свое отражение в иероглифике — были специальные иероглифы, обозначающие такие жертвоприношения.

Жертвы приносились на ритуальных треножниках, которые изображались очень наглядно как небольшое возвышение на трех ножках.¹¹² Производное значение этого иероглифа — «объявлять» (*ши*), и его современное начертание очень напоминает [с. 21] треножник¹¹³. Все иероглифы, связанные с жертвоприношениями, имеют своим ключевым знаком этот иероглиф.

Большой вопрос, до сих пор занимающий ученых, — это вопрос о человеческих жертвоприношениях. Последние раскопки и иероглифические данные позволяют говорить о том, что в Шанском царстве существовали человеческие жертвоприношения, в частности, в жертву приносили военнопленных, о чем мы уже говорили. По-видимому, уже к следующему периоду — к периоду Чжоу — человеческие жертвоприношения исчезли, так как в могилах, относящихся к эпохе Чжоу, никаких следов человеческих жертвоприношений нет.

Духи были покровителями, наставниками, учителями, к которым древние китайцы обращались во всех без исключения случаях своей жизни. Древние китайцы верили своим духам во всем, обо всем с ними советовались и обо

¹¹² Пиктограмма отсутствует.

¹¹³ 示

всем им докладывали. Они верили в их помощь, боялись, что если не принесут жертву духам, то они могут причинить им вред, а отсюда и тесная связь живых людей с духами умерших.

Китайские ученые произвели классификацию вопросов, которые задавались духам древними китайцами и которые сохранились в виде надписей на древних гадальных костях. Большая часть вопросов связана с жертвоприношением. Духов спрашивали: кому надо принести жертву, когда, какое животное, в чем нуждается тот или иной дух; духам сообщали все новости (хороший обычай, который позволяет теперь при археологических раскопках знакомиться с жизнью и бытом древних китайцев). С духами советовались по всем вопросам быта, спрашивали о переездах, о путешествиях, об охоте и рыбной ловле, а главным образом, о войнах, что больше всего занимало древние народы. Их спрашивали о жатве, об урожае, о видах на урожай, о разных небесных знаменьях, как дождь, снег, ветер, туман, о погоде, о болезни или выздоровлении того или другого члена царского рода. Очень часто спрашивали их о снах — что означает тот или другой сон, приснившийся кому-нибудь из царей или его приближенных.

Для беседы с духами пользовались щитками черепах или костями жертвенных животных, о чем вы уже знаете. Использовались эти материалы не потому, что они были более удобны, чем камень или бамбук, а потому, что они имели священное значение: черепаха, например, употреблялась потому, что ее считали одержимой сверхъестественной силой и полагали, что вопрос, заданный через черепаху, быстрее и лучше доходит до духов. Кроме того черепаха отличается большим долголетием, она живет несколько столетий (а по мнению древних китайцев, черепахи жили по несколько тысячелетий). И поэтому черепаха сама, как думали, знает многое из того, что интересует людей.

[с. 22] Гадальные кости, на которых писались вопросы духам, не выбрасывались, а хранились в специальных архивах, а иногда на той же кости или щитке черепахи записывался и результат гадания. Например, на вопрос: «Будет ли сегодня дождь?» — на который, очевидно, последовал отрицательный ответ духа, сбоку приписано: «Действительно, сегодня дождя не было», — очевидно, дух оказался прав. Археологи нашли гадальные кости за целые годы, которые систематизировались и прятались в архивы, сохраняясь как документы из области сношений с духами. Существовали, по-видимому, специальные гадальные книги, в которые главный кудесник или оракул записывал все вопросы и ответы, а в конце года подводил итоги гадания. Очевидно, после периода Шан эти гадания на костях и эти беседы с духами прекратились, будучи заменены другими формами общения с умершими предками, потому что в более поздние периоды этих гадальных костей мы уже не находим.

Что касается ритуала, сопровождавшего гадание и общение с духами, то на этот счет у нас нет прямых указаний, но очевидно, все эти обряды происходили в храме предков и выполнялись специальными людьми — гадателями, оракулами или прорицателями. Возможно, что иногда гадали и сами ца-

ри. Храмы предков царей были не только религиозными, но и политическими центрами. Здесь перед лицом предков возводился на трон новый царь, отсюда отправлялись в военные походы, здесь награждали отличившихся.

ПОХОРОНЫ

Из рассмотрения культа предков вам должно быть понятно и значение похорон в жизни китайцев. Похороны имели огромное значение, как имеют и до сих пор. Социальное кладбище, так называемое родовое кладбище, должен был иметь каждый род, и на нем из поколения в поколение хоронились представители данного рода. Поэтому и до сих пор труп каждого китайца, умершего на чужбине, перевозится его родными или земляками на родину, где его хоронят на родовом кладбище.

В древности в Шанский период покойника, особенно из среды знати, устраивали для загробной жизни со всеми удобствами, чтобы он и после смерти не был лишен всего того, чем он привык пользоваться при жизни. Древние китайские гробницы, найденные в большом количестве, уступают по размерам и по роскоши пирамидам египетских фараонов, но принципиально они были такие же. Совсем недавно обнаружено множество гробниц эпохи Шан и первых чжоуских царей. В Аньяне раскопано более 300 гробниц с останками более тысячи хорошо сохранившихся трупов. Из них 4 были, видимо, царскими гробницами. Они расположены на специальном кладбище около одного километра [с. 23] к северу от реки Хуань, на южном берегу которой была расположена столица Шан. Любопытно, что хоронили покойника лицом к земле — такое положение, как считают ученые, почти единственное в мире, до сих пор только одна каста в Индии сохранила такой же обычай. Это объясняется, по-видимому, желанием помешать духу выйти из тела, поскольку полагали, что дух выходит из тела через рот. Обнаруженные гробницы очень большие, так, например, одна из них имела 7 метров длины и больше 10 метров глубины. Другая гробница имела в длину 40 метров, третья — 14 метров глубины и 22 метра по бокам — огромная площадь, равная чуть ли не несколькоэтажному дому. В гробницы вели лестницы. Внутри гробницы устраивались погребальные комнаты — камеры в виде мавзолея около 3-х метров высоты, очень хорошо украшенные. Стенки этих мавзолеев украшались живописью и скульптурными изображениями, ничем не уступая жилищам живых царей. Ни в одной из могил не найдено гроба, следовательно, древние китайцы хоронили покойников без гробов, а завертывали их в циновки. К сожалению, наиболее древние могилы почти совершенно разграблены, очевидно, уже в древности, когда их нашли и обнаружили какие-нибудь варварские племена или бандиты, а поэтому не все, что было в этих гробницах, дошло до нас. Но и то, что сохранилось, позволяет утверждать, что древние вместе с покойниками хоронили все необходимое им в загробной жизни: оружие, топоры, кинжалы, каски и мечи, различные сосуды (очевидно, с пищей), глиняные вазы, бронзовые изделия, скульптуры и драгоценности, даже

колесницы и лошадей. В более богатых могилах и вещи были более богатые, в более простых, где очевидно, хоронились рядовые члены рода, клались более простые вещи, маленькие бронзовые ножи и топоры в определенном количестве на каждого покойника.

Можно думать, что в Шанском царстве (это сохранилось и в дальнейшем) вместе с покойником хоронили и живых людей, в большинстве случаев жен, наложниц и слуг, которые, будучи нужны царям при жизни, естественно, были нужны им и в загробной жизни. В частности, в некоторых раскопанных могилах обнаружены скелеты с завязанными за спиной руками, очевидно, их связывали, прежде чем замуровать в этих гробницах. В одной царской гробнице найдено три скелета, раздавленных землей, которые, судя по богатым диадемам, инкрустированным бирюзой и смешавшимся с костями, принадлежали женщинам — очевидно, это были царские наложницы, похороненные вместе с царем.

В некоторых могилах найдены головы, черепа без туловищ, а туловища захоронены отдельно в общей яме — очевидно, с царем захоранивали пленных или рабов, которые приносились в жертву при похоронах. Этот обычай захоронения с покойником живых людей в средние века уже исчез, но как пережиток сохранился: с покойником стали класть скульптурные изображения, которые отображали весь быт, окружающий царя [с. 24] при жизни. С ним клались скульптуры наложниц, рабов, артистов, шутов и т.д. В дальнейшем, к нашим дням это вылилось в форму бумажных изображений, которые до сих пор сжигаются при всех китайских похоронах. Это тоже один из следов древнего похоронного обычая, когда с умершим захоранивались посуда, различные вещи и т.д.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Письменность в Шанский период уже имела за собой длительный период развития: иероглифы изображали не предметы, существовали не только изобразительные и указательные знаки, но и идеограммы. Они уже фиксировали отвлеченные понятия. Иероглифические надписи Шанского царства сохранились в подлинниках, что имеет колоссальное значение для изучения истории китайского языка.

Изобразительные знаки были уже не только простыми пиктограммами, но и условными изображениями предметов, что тоже говорит об известной степени развития. В сущности, каждый из основных современных иероглифов (не считая фонетических комбинаций) уже был в письменности Шанского царства, отраженной на гадальных костях. Таким образом, еще более ранняя история письменности пока что еще не может быть доказана, а шанская иероглифика является уже свидетельством высокого развития китайской письменности. Общее количество иероглифов, содержащихся на гадальных костях, доходит до 2,5 тысяч. Конечно, в тот период иероглифы значительно отличались по своему начертанию от современных. Чтобы принять ту форму,

которую они имеют сейчас (т.е. сочетание определенного, ограниченного количества черт, графических элементов), надо было пройти длительный период развития. Тогда строго ограниченного количества черт не было, и иероглифы имеют более гибкую форму. Например, иероглиф «слон»¹¹⁴ изображался очень наглядно. Иероглиф, изображавший ставку царя¹¹⁵, писался как простое изображение дворца (ныне он означает «столица»¹¹⁶), понятие «свет», как и сейчас, изображалось сочетанием солнца и луны¹¹⁷.

В эпоху Шан уже, несомненно, существовали рукописные книги, реестры, которые писались на бамбуковых дощечках. Подлинники, оригиналы их не сохранились, поскольку дерево сгнило, но в надписях есть изображение этих книг, которые писались как изображение нескольких бамбуковых планок, переплетенных ниткой¹¹⁸. Теперь этот иероглиф превратился в иероглиф, изображающий реестр.¹¹⁹

[с. 25] Письменность в эпоху Шан, очевидно, уже была не только достоянием царей или нескольких высших представителей племени. Она имела и более широкое распространение, так, например, мы знаем, что существовали письма, посылавшиеся из одной местности в другую. Для ведения войны, например, военачальникам не давались устные приказы, а посылались письменные, чтобы избежать какой бы то ни было ошибки при выполнении плана военной кампании. Писали на деревянных планках, на шелковых тканях. Очевидно, уже существовала кисть. Еще недавно предполагали, что она была изобретена позже, примерно в III веке до н.э., но уже на гадальных костях Шан были иероглифы, изображавшие кисть для писания. Кроме этого иероглифы гравировались на кости и бронзе очень тонкими металлическими инструментами, о чем мы уже говорили.

ИСКУССТВО

Искусство в эпоху Шан тоже стояло на высоком уровне развития, что доказано последними раскопками 1933–1935 гг. Уже существовала скульптура, живопись, архитектура, музыка. Все это говорит и о быте, если не племени в целом, то о быте царей, живших в «Великом городе Шан». В домах уже была мебель, посуда, одежда. Одежда не сохранилась, но найдены костяные и бронзовые иголки, которыми пользовались для шитья платья. Иероглифы сохранили изображения кройки платья, очевидно, царские одежды шили специалисты-портные. Меха являлись украшением. Среди находок в Аньяне

¹¹⁴象

¹¹⁵ Пиктограмма отсутствует.

¹¹⁶京

¹¹⁷明

¹¹⁸ Пиктограмма отсутствует.

¹¹⁹冊

между прочим найдены маленькие перламутровые пуговицы с дырочкой по середине, очевидно, они пришивались к платью.

Дома строились архитекторами, художники расписывали их стены, которые, как и стены гробниц, были украшены богатой раскраской. Обычно все настенные изображения делались раскраской на фоне, покрытом лаком. Вероятно, знали различные цвета, но сохранились только красные, черные и белые краски.

Наиболее полные анянские находки освещают вопрос о скульптуре Шан. До последних лет существовал взгляд, что скульптура в Китае появилась только в Ханьскую эпоху под иноземным влиянием. Теперь же этот взгляд опровергнут, так как найдены образцы скульптуры, относящиеся к очень древней эпохе, не только Шан, но даже к дошанскому периоду. Так, в развалинах Анян найдены куски каменной фигуры, которая была, очевидно, основанием колонны, поддерживавшей строение. Фигура изображала сидящего человека, обхватившего руками колени, — его согнутая спина и наклоненная голова и позволяет думать, что эта статуя поддерживала колонну. Скульптуры делались из белого, некоторые — из черного мрамора. Большинство найденных скульптурных изображений маленьких размеров, не более одного метра высотой, но отдельные осколки скульптурных фигур говорят о том, что были и [с. 26] большие скульптуры, так, например, найдена каменная голова быка, по размерам значительно больше настоящей, она снабжена шипом, чтобы прикреплять к туловищу, которое, очевидно, было громадных размеров. Скульптурные изображения вырезали из кости — это были очень тонкие и сложные изделия. Многие из них украшались бирюзой и другими драгоценными камнями. Вероятно, мастера вырезали фигуры и из дерева, на что есть отдельные указания, но оригиналы не сохранились. Скульптуры изображали человеческие фигуры, а также птиц, черепах, различных животных, подчас мифические божества — дракона и т.д. Сюжеты скульптурных изображений были чрезвычайно разнообразны, но любопытно, что искусство древнего Шанского царства не было натуралистично и реалистично, в изображениях чувствовались гротескные формы. Особенно было развито искусство резьбы по кости — в частности, по слоновой кости, по рогу быка или кабана, резьба на черепаховых щитках, из которых вырезывались фигурки, изображения и ковши. Найдены изящные шпильки для волос, украшенные резной головкой, изображавшей петуха. Найдены кольца из ярко-зеленого нефрита, что говорит об украшениях, применявшихся в царском роде.

Большого развития достигло искусство бронзы, о чем говорят многие десятки найденных бронзовых ваз. Были не только простые вазы, сосуды и треножники, но они украшались изображениями живописных змей, птиц, драконов, кузнечиков и т.д. Некоторые сосуды сами имели форму животных, например, слонов. Бронзовые сосуды украшались также чрезвычайно тонкой резьбой, орнаментами, инкрустировались мозаикой, бирюзой, другими драгоценными камнями.

Гончарное искусство также было высоко развито в царстве Шан. Мало осколков, относящихся к Шанскому периоду, позволяют полностью восстановить керамику Шанского царства. Наряду с этим найдено более десяти целых, хорошо сохранившихся ваз. Гончарные изделия были различной величины — до одного метра высоты и полуметра ширины. Формы их были очень разнообразны — найдено до 15 различных форм гончарных изделий. Самые красивые вещи были сделаны из белой глины, на глину наносились различные рисунки, разноцветные орнаменты, очень схожие с теми изображениями, которые мы находим на бронзовых изделиях. Гончарные изделия, как и бронза, служили не только домашней утварью, сосудами для еды и т.д., но и ритуальными предметами. Многие из них покрыты глазурью.

Наконец, среди раскопок найден древний китайский музыкальный инструмент типа окарины. Он был сделан из рога и имел 10-12 сантиметров длины, был разукрашен резьбой. В нем было отверстие наверху, чтобы дуть в него, и 5 отверстий сбоку, которые надо было зажимать пальцами. Несмотря на 3,5 тысячи лет пребывания в земле этот инструмент сохранил свой звук, и очевидцы описывают, что он передавал звук очень чисто, хотя имел не полную гамму.

Тираж 30 экз.

Заказ № 415

Стеклография

Ин-та востоковедения

Д.Е. МАРТЫНОВ

Жизненный путь и творческая биография В.А. Рубина на страницах его дневников

В.А. Рубин

Личность Виталия Ароновича Рубина (1923–1981) хорошо известна как китаеведам, так и занимающимся историей правозащитного движения и репатриации евреев из СССР. Творческое наследие его не забыто, поручкой чему служит издание достаточно полного собрания его трудов в 1993 и 1999 г. [9]. К сожалению, отечественные исследователи в недостаточной степени освоили столь интересный источник жизни и творчества В.А. Рубина, как его дневники, выпущенные в 1988 г. в Израиле [6; 7], хотя на их значимость сразу обратил внимание А.И. Кобзев, опубликовавший солидную подборку выдержек из них, как только это стало возможным в России (Восток. 1991, № 1, с. 123–139, № 2, с. 109–123; см. также: Личность в традиционном Китае. М., 1991, с. 303–325), и поместивший ее в составленное им однотомное собрание сочинений В.А. Рубина [9, с. 249–280].

Подготовкой дневников к печати занималась вдова учёного — Инесса Моисеевна Рубина (урождённая Аксельрод).

Историография. Сведения о жизни В.А. Рубина можно почерпнуть из его биографии, скомпилированной И.М. Рубиной для издания дневников. В основу её было положено интервью В.А. Рубина, данное И. Авербуху (Центр исследования и документации восточноевропейского еврейства, Иерусалим) в феврале 1977 г. Биография эта охватывает события от его рождения до подачи документов в ОВИР в 1972 г. [6, с. 5–24]. Некоторые дополнительные сведения можно почерпнуть из «Основных дат жизни В.А. Рубина», опубликованных там же [6, с. 25–26], а также из обзоров А. Ибер [15, р. 135–154] (посвящён конфуцианским студиям Рубина и характерно озаглавлен «Учёность и автобиография») и Л. Дымерской-Цигельман [16, р. 109–110], увидевших свет во второй половине 1980-х гг. В России существует единственная биография, написанная А.И. Кобзевым для предисловия к сборнику «Личность и власть в древнем Китае» [9, с. 5–7], а также заметка в энциклопедическом словаре «Китайская философия» [3, с. 262–263]. Жизнь Рубина в период борьбы за право выезда из СССР нашла отражение в статье Д. Панаева [5] и воспоминаниях вдовы синоведа — И.М. Рубиной [10].

Среда, в которой вращался Рубин в тот период, превосходно охарактеризована в воспоминаниях Ю.Я. Глазова (о Рубине там упоминается буквально в двух-трех строках) [2]. Обширный корпус источников личного происхождения (главным образом, воспоминаний и интервью) содержится на сайте ассоциации «Запомним и сохраним» Центра документации еврейского национального движения в Советском Союзе [11]. Таким образом, важнейшим источником, который позволит привести все эти разноречивые сведения к единому фокусу, служат дневники В.А. Рубина.

Опубликованная в Иерусалиме отредактированная подборка дневников В.А. Рубина суммарным объёмом 658 страниц in octavo охватывает период с 22 июня 1962 по 15 октября 1981 г., что далеко не исчерпывает его дневниковые записи, которые он вёл всю сознательную жизнь, а подробные дневники начал в апреле 1962 г. в толстых, так называемых «общих» тетрадях, которые были пронумерованы. Всего их было, по свидетельству И.М. Рубиной, двадцать девять, суммарно — более 2,5 тысяч рукописных страниц [6, с. 1–3]. Таким образом, в печати появилось около половины всех текстов.

Первоначальная цель писания дневника была сугубо утилитарной. В небольшом самоанализе, датированном 13 апреля 1974 г., В.А. Рубин писал: *«Я плохо запоминаю и эпизоды собственной жизни, и подчас даже прочитанный материал. Именно это побуждает меня к ведению дневника»* [7, с. 79]. По свидетельству И.М. Рубиной, дневники в первую очередь были рабочими тетрадями, в которых помещались конспекты книг и статей, необходимых для исследовательской работы [6, с. 1]. В дневнике можно найти записи прослушанных докладов на конференциях, описания собраний трудового коллектива и еврейской общины, важные разговоры и т.д. Не менее интересны планы работ — книг, статей, докладов и лекций, скрупулёзно фиксируемых в дневниковых за-

писях. Дневники, таким образом, дают и представление о творческом процессе, а также позволяют проследить ход мысли исследователя и его научных изысканий. Кроме того, там же содержится ряд материалов, по тем или иным причинам оставшихся вне круга опубликованных научных работ В.А. Рубина.

Становление. Виталий Аронович Рубин родился 14 сентября 1923 г. в Москве в семье философа, литературоведа и переводчика Арона Ильича Рубина (1888–1961). Кроме Виталия, в семье была его сестра-близнец — Мария Ароновна, в 1972 г. уехавшая в Израиль. По специальности она была биологом.

Арон Ильич Рубин происходил из Динабурга (Двинска, ныне — Даугавпилс), который в XIX в. был фактически еврейским городом, в детстве посещал хедер, но одновременно экстерном закончил гимназию (его отец — дед В.А. Рубина, не хотел, чтобы сын ходил в гимназию по субботам). *«Отец был очень горячим евреем, он всегда держал около себя Библию, хотя языком творчества для него стал русский язык»* [6, с. 6]. В 1911 г. Арон Ильич закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, однако более всего его влекло к литературе и философии. После организации Института Маркса — Энгельса (1920 г.) он работал над переводами и изданием докторской диссертации К. Маркса (1924–1928) [13, с. 529]. В 1929 г. он был оттуда изгнан, и более 20 лет зарабатывал на жизнь переводами. В том же 1929 г. он представил в РАНИОН кандидатскую диссертацию, но она была отвергнута, так как в то время он нигде не работал. Только в 1944 г. он был утверждён в степени кандидата наук, работал в Историко-архивном институте. Владея 15-ю языками, Арон Ильич публиковал переводы из Джордано Бруно и Ибн-Рушда, Моше Маймонида и Х. Уарте, и многих других [1].

Более известен был дядя В.А. — Исаак Ильич Рубин (1886–1937), экономист, профессор Московского университета (с 1921 г.), чей труд «Очерки по истории стоимости Маркса» до 1930 г. переиздавался 4 раза, а учебник «История экономической мысли» — ежегодно. Он также участвовал в переводах экономических рукописей Маркса. Однако уже в 1931 г. он был арестован и в 1933 сослан в Казахстан, а в 1937 в Актюбинске обвинён в создании контрреволюционной организации и расстрелян [7, с. 343–344].

«В период сталинских репрессий большинство родителей боялось говорить откровенно со своими детьми. Отец, однако, открыто говорил с нами обо всём, что происходило, поэтому уже в детстве у нас было ясное представление о сталинской эпохе и соответственное отношение к ней. В классе мы с сестрой были единственные, кто не вступил в комсомол. Надо сказать, что среди своих сверстников я почти не встречал такого понимания всего происходящего и такого отношения к нему, какое было у меня» [6, с. 7].

В 1940 г. В.А. Рубин ушёл из девятого класса, сдав экстерном экзамены по курсу десятилетки, и поступил на исторический факультет МГУ. Когда началась Великая отечественная война, ему ещё не исполнилось 18 лет и он только что окончил первый курс. В.А. пошёл добровольцем в ополчение и попал в артиллерийский полк, состоявший целиком из студентов. В начале октября 1941 г. его дивизия попала в окружение в районе Дрогобужа (Смо-

ленская обл.). Из окружения выходили с 3 по 22 октября, но всё закончилось немецким пленом. *«Это был единственный случай, когда я отказался от своего еврейства»* [6, с. 8–9]. В плену В. А. Рубин пробыл три дня: шло немецкое наступление, ему удалось спрятаться и переждать уход противника. Его не хватились, как и не взяли его в особый отдел Серпухова, когда он вышел в тот же день к своим. В ноябре он вернулся в Москву, но оказалось, что родители с сестрой убыли в эвакуацию в Омск.

В начале 1942 г. В. А. Рубин обморозил обе ступни и попал в госпиталь. Его отправили в Омск, к родителям, а после выздоровления он был направлен в артиллерийское училище в Томске. На летних учениях произошла трагедия: комиссар училища заметил у В. А. немецкую трофейную записную книжку, в которой он записывал даты своей жизни на фронте, там же описывались подробности плена. Результатом стало задержание в особом отделе, предварительный допрос, после чего В. А. Рубин отправился на пересылку в Новосибирск, а оттуда без суда и следствия в спецлагерь под Тулой на станции Узловая, на угольную шахту. В лагере он стал откатчиком вагонеток.

Условия там несколько отличались от обычного лагеря: заключенные работали вместе с вольнонаёмными, поэтому была возможность поддерживать связь с родителями и получать книги. *«Были там очень хорошие люди, и было много евреев, с которыми я дружил. Там уже было чувство какой-то еврейской солидарности»* [6, с. 13]. Впрочем, это не отменяло издевательств над заключёнными, нечеловеческих условий быта и 12-часового рабочего дня. В своей биографии, В. А. Рубин мельком упоминает, что виденное очень хорошо соотносилось с тем, о чём он впоследствии читал в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

В письме от 23 октября 1943 г. он писал, что в амбулатории на станции ему поставили диагноз «радикулит», после чего отправили в лагерь, так как никаких средств для лечения не было. Всё это время В. А. Рубин успевал читать и интенсивно размышлять: *«[...] Подумав, я решил, что настоящим философом быть не смогу. Для этого нужно иметь всеобъемлющий ум, громадные способности, широчайшие интересы»* [6, с. 16–17].

В начале 1944 г. выяснилось, что «радикулит» — это туберкулёз позвоночника, приведший к параличу. Он был немедленно освобождён и передан родителям. О дальнейшем В. А. Рубин не любил вспоминать, однако в дневнике от 27 июня 1969 г. содержится интересная запись диалога с Р. В. Вяткиным: *«Как же это вам удалось излечиться от туберкулёза позвоночника?» — спросил он. “Так, что я пролежал четыре года, не вставая с постели”, — ответил я. “И в гипсе?” — спросил он. “Конечно”, — ответил я. “Ой, как страшно!” — воскликнул он. Такого проявления эмоций я никак не ожидал»* [6, с. 186–187].

После четырёхлетней борьбы, болезнь отступила навсегда. Однако вставала проблема выбора жизненного пути: в 1948 г. В. А. Рубин вернулся в университет, сдав во время излечения экзамены за второй курс и восстановившись на третьем.

Выбор призвания. Решение заниматься Китаем он описал следующим образом: *«...я убедился, что легко усваиваю языки, и решил специализироваться по Китаю. Я решил, что должен изучить какой-нибудь трудный язык, чтобы по-*

лучить редкую специальность. Сначала я хотел заниматься античностью, но отец знал античные языки, и, как только я с ним начинал говорить о какой-нибудь теме или проблеме, немедленно выяснялось, что он знает это в десять раз лучше меня, что он может тут же сказать, что из этого получится, и поэтому у меня появлялось чувство неполноценности. И тогда я решил изучить хоть что-то, чего он не знает» [6, с. 19]. Этот фрагмент А.И. Кобзев истолковал как «эдипово» стремление превзойти своего отца и одновременно как стремление оттолкнуться от иудео-христианской культуры [9, с. 6]¹. Сам В.А. Рубин противоречиво отзывался впоследствии о своём выборе. Прочитируем ещё два места из его дневника. Запись от 25 июля 1975 г.:

«Имея перед своими глазами папу, с его всеобъемлющим умом, ...необычайной творческой активностью и лёгкостью, с которой он решал любой вопрос, над которым я ломал себе голову; много слыша об удивительном уме, обаянии и красноречии дяди Исаака, я рос в сознании того, что я именно эпигон этой замечательной семьи. Этим и объяснялось в известной мере занятие Китаем: я хотел найти что-то своё, что-то такое, что было неизвестно папе и в чём я не чувствовал бы себя черепахой по сравнению с ним — Ахиллом» [7, с. 166].

Запись от 14 ноября 1974 г., сделанная по памяти после беседы с консулом США в Москве Дж. Хаффом:

«Я упомянул о том, что изучил китайский язык потому, что хотел в чём-то превзойти папу. Тогда Джеймс сказал: “Значит, прав Фрейд с его комплексом Эдипа”. Потом я подумал, что этот случай показывает всю односторонность подобных построений. Ведь этому восходящему к античности построению может быть противопоставлена иудейско-христианская идея высшей любви, связывающей отца и сына. Я думал о том, что быть сыном великого человека — всегда большое испытание; это известно на многих примерах, в частности, на сыне Гёте. Но если говорить обо мне, то меня связывала с папой любовь, превосходившая любое другое чувство к любому человеку на земле. Наиболее близкое описание того, что я чувствовал после смерти папы (7 января 1961 г. — Д.М.) я нашёл в словах Лары у гроба Живаго (в романе Б.Л. Пастернака. — Д.М.). Я долго не знал, найду ли я в себе силы жить дальше после смерти папы. Хочется сказать всё это Джеймсу» [7, с. 123–124].

После окончания университета в 1951 г. предстояло распределение на работу или в аспирантуру. В.А. Рубин окончил университет с отличием, имел свидетельство инвалида Отечественной войны и был ярким общественником. В силу ряда причин — и происхождения было одной из главных — он под пустяковым

¹ Любопытно сопоставить с этим опыт приобщения к Китаю выдающегося западного синоведа Дж. Левенсона (1920–1969), происходящего из набожной еврейской семьи. Обращение его к проблемам Китая в первую очередь было обусловлено пребыванием на Дальнем Востоке во время военной службе на Тихоокеанском флоте. В дальнейшем он утверждал, что Китай привлёк его «самобытностью». Однако важность еврейства в жизни Левенсона впоследствии привело к критике: не желая вставать на позиции представителей китайской культуры, он подвергся нападкам за чрезмерную «западноцентричность».

предлогом не был принят в аспирантуру и фактически остался без работы². Альтернативой было стать школьным учителем, что он и собирался сделать, однако тогда же в Новочеркасский сельскохозяйственный институт поступила группа китайских практикантов, не понимающих русского языка. Требовался одновременно переводчик и преподаватель; на полгода в 1952 г. В.А. отбыл в Новочеркасск [6, с. 21]. В Москву он вернулся в разгар печально знаменитого «дела врачей»: с тех пор 5 марта (официальный день смерти Сталина) всегда было в семье Рубиных праздником, даже после переезда в Израиль.

17 мая 1953 г. В.А. Рубин был принят на работу в ФБОН АН СССР (Фундаментальную библиотеку общественных наук, ныне ИНИОН РАН) в качестве референта по китайской и китаеведческой литературе. К тому времени уже вышли первые его статьи, рецензии и обзоры, в основном публиковавшиеся в журнале «Вестник древней истории» [9, с. 374–377]. В 1956 г. он женился на Инессе Моисеевне Аксельрод (Ина дневниковых записей, р. 1928 г.), работавшей в тот период в АН СССР [10, ч. 1]. Детей у них не было.

Работа в фундаментальной библиотеке, где в результате «оттепели» был ликвидирован спецхран, весьма раскрепостила В.А. Рубина. Он писал, что в тот период прочитал ряд «антисоветских книг» и мог открыто пользоваться западной прессой [6, с. 22–23]. Характерно, что В.А. ни словом не упомянул в своём интервью-биографии о защите им в 1960 г. диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук — «“Цзо-чжуань” как источник по социальной истории периода Чунь-цю».

Решение о репатриации и борьба за выезд. Внутренняя и внешняя стороны жизни В.А. Рубина не совпадали друг с другом. Судя по дневниковым записям, страшнейшим потрясением стала для него кончина отца 7 января 1961 г., годовщины которой аккуратно отмечались. Кроме того, В.А. Рубин считал себя обязанным перепечатывать дневники и нереализованные материалы отца, часть которых ему удалось опубликовать уже за границей. Одновременно нарастало раздражение работой, которой приходилось заниматься; параллельно подспудно оформлялась собственная концепция китайской политической мысли. Рубин к тому времени опубликовал около десятка статей в фундаментальной «Советской исторической энциклопедии», а в журнале «Вопросы истории» в 1967 г. вышла его статья «Два истока китайской политической мысли», которая своим субъективным подходом и используемой методологией фактически выводила Рубина за пределы советского китаеведения [8].

Внешне всё перечисленное выразилось в стремлении перейти в отдел Китая ИВАН, хотя также рассматривались перспективы устроиться в Институте

² Интересно сравнить воспоминания В.А. Рубина с впечатлениями, оставшимися от абитуриентства у другого яркого деятеля отечественной культуры — Б.Н. Стругацкого (1933 — 2012). В силу происхождения ему не позволили поступить в аспирантуру физического факультета, а впоследствии он не смог защитить диссертацию при Пулковской обсерватории (причина была банальна: из-за отсутствия связи с Западом, выяснилось, что тема его диссертации была реализована ещё в 1943 г.). См. [12, с. 533; 4, с. 253–255, 344].

философии [6, с. 160–161]. 14 января 1969 г. В.А. Рубин был зачислен старшим научным сотрудником ИВАН. *«Это было крайне странно, и все вокруг были потрясены, потому что уже давно в этот институт не брали ни одного еврея. А тем более беспартийного еврея, который, к тому же, никак не пользовался милостью начальства!»* [6, с. 23].

Всё с той же внешней стороны жизнь В.А. Рубина была вполне устроенной: по советским меркам он неплохо зарабатывал; как учёный, занимающийся гуманитарной наукой, имел почти неограниченный доступ ко всем интересующим его материалам, его даже выпускали за границу (в социалистическую ГДР). Однако описания общения с диссидентами и скудные записи о событиях в стране и мире выражают чувство глубочайшей внутренней неудовлетворённости. По мнению И.М. Рубиной, поворотным моментом к решению репатрироваться в Израиль послужили Шестидневная война 1967 г. и последовавшая вспышка почти узаконенного антисемитизма в СССР, а также события в Чехословакии 1968 г. [10, ч. 1]. Рубины начинают посещать собрания диссидентов, знакомятся с А. Амальриком, А. Красновым-Левитиным и другими представителями правозащитного движения. Знакомство с А.И. Солженицыным состоялось ещё в 1962 г. Именно с Солженицыным связана очень характерная запись в дневнике от 11 декабря 1968 г.: *«Хотел написать Солженицыну по поводу его пятидесятилетия, но не смог. Как вспомнил набор еврейских фамилий в “Олене и шалашовке”, так почувствовал себя не в состоянии писать так, как только и стоит писать такому человеку. Он — лучшее доказательство того, что отсюда надо уходить. Если даже такие люди, как он, не хотят нас, выход может быть только один. И мне кажется, что история этот выход нам даст»* [6, с. 154].

16 декабря 1968 г.: *«Потрясающая новость. По-видимому, вопрос решён. Во всяком случае, в Израиль выезд происходит при совершенно иных условиях, нежели в другие страны. Посмотрим, что готовит нам будущий, приближающийся год. Слухов много, в том числе и что будут увольнять. Ну что ж, иногда мне даже хочется этого»* [6, с. 155].

Тем не менее, жизнь шла обычным порядком. В 1969 г. В.А. Рубин объявил свою плановую тему «Развитие политической мысли в Древнем Китае», и уже в производстве находилась его первая монография, которой суждено было также стать и последней — «Идеология и культура Древнего Китая».

Тогда же настала расплата за «подписантство»: ещё в 1968 г. чета Рубиных подписала одно из воззваний к Верховному Совету СССР, 17 апреля 1969 г. последовала проработка на рабочем месте [6, с. 166–168]. Проработка повторилась 24 июня того же года [6, с. 180–187]. История на этом не закончилась, запись от 9 октября (!) 1969 г.: *«На [заседании]³ дирекции, состоявшемся сегодня, директор говорил о том, что “подписантов” следует делить на три категории: 1) упорствующие, 2) полуосознавшие, 3) осознавшие. Первых следует увольнять, вторых — переводить куда-то или понижать, третьим — давать спокойно работать. Кто — кто — об этом не было сказано.*

³ Слова в квадратных скобках вставлены И.М. Рубиной.

Вторая блестящая идея — упразднение библиотечных дней» [6, с. 201].

В 1970 г. произошло два события, сильно повлиявшие на самочувствие В.А. Рубина: дело Ж. Медведева (заключенного в психиатрическую лечебницу) и так называемый Ленинградский самолетный процесс (о последнем писала И.М. Рубина [10, ч. 1]).

В начале 1971 г. через знакомых Рубины отправили в Израиль просьбу о вызове, ожидание было томительным. Запись от 12 марта 1971 года: *«Вчера думал о том, что если мы действительно стремимся на свободу, готовиться к этому надо сейчас же. Здесь два фактора: 1) риск; 2) лишения, связанные с тем, что необходимо иметь деньги на паспорт. На книжке должно быть не менее 2 тысяч рублей, совершенно неприкосновенных. Так у нас не бывает, чтобы просто взял и уехал. Для этого нужна настойчивость, почти маниакальная» [6, с. 259–260]. 12 июня 1971 г. пришло подтверждение от неизвестного человека [6, с. 266].*

Параллельно вышла в свет монография В.А. Рубина, в которой он смог почти открыто высказать ряд своих выстраданных мыслей. Директор Института Дальнего Востока М.Л. Титаренко высказался о книге отрицательно, как и Л.С. Переломов — признанный специалист по конфуцианству и легизму. В отечественной периодике так и не вышло ни одной рецензии. Рубин также выступил с докладом «Проблема секретности в древнекитайской мысли» на научной конференции «Общество и государство в Китае», где писал о тоталитаризме в древнекитайской идеологии [9, с. 82–87]. Дневник отражает тяжёлые сомнения (запись от 14 июня 1971 г.): *«Думаю всё время об одном, и подчас мысль: а почему бы тебе не отказаться, почему не удовлетвориться тем, что есть? Но когда представляю себе будущее без этого, вижу, что оно бессмысленно. Ну, напишу ещё пару книг, но буду постоянно рабом, в том смысле, что не смогу говорить то, что думаю. Влачить такое существование ещё 10, 20 лет... Нет, не стоит. Лучше сделать отчаянную попытку вырваться. В конце концов, что я теряю? Материальное благополучие, безопасность, спокойствие, хорошую работу? Конечно, материальное благополучие — вещь неплохая, но, в общем-то, голод (в буквальном смысле) мне не угрожает [...]*

Безопасность [...] Да, конечно, сейчас я ничего не боюсь, тогда придётся бояться, что придёт милиция, что будут куда-то таскать, приставать, чего-то требовать. Мало приятно, но сейчас всё же не смертельно. Конечно, надо быть готовым к худшему, ко всему, но надеяться на лучшее (...) Да, страшно, но зато волнующе, зато с надеждой. Вот в чём суть — в надежде. Это — путь надежды, путь свободы! За него надо платить» [6, с. 266].

Испытания начинались исподволь: на почтамте вызов из Израиля был утерян. Необходимые документы принёс 31 декабря 1971 г. активист еврейского движения Г. Шапиро. 1 января 1972 г. В.А. Рубин сделал запись в дневнике: *«Совсем другое настроение. Встречали Новый год, как уже не помню когда — сидели до начала седьмого. Длинная ночь русской судьбы для нас приходит к концу» [6, с. 280]. Ожидания не оправдались...*

Описание дальнейшей процедуры заимствуем из воспоминаний И.М. Рубиной: «Самым болезненным была проблема так называемой характеристики, которую необходимо было получить с места работы. Эта характеристика должна была быть, как и обычно, подписана “треугольником”: руководителем предприятия, партгором (независимо от того, состоял ли ты в партии или нет) и председателем профсоюза. Но в той характеристике, которую нужно было принести в ОВиР, должно было быть чёрным по белому написано, что она дана для представления в ОВиР в связи с “отъездом в Израиль на постоянное место жительства”».

В начале, в 1970–71 годах, на предприятии обычно устраивалось общее собрание (или собрание отдела, а иногда — и то и другое), на котором каждый сотрудник должен был “заклеймить” отъезжающего, как “изменника родины”. Лишь немногие решались не являться на такие сборища. Кончалось это увольнением. Члена партии, естественно, из партии исключали. Эта процедура была многоступенчатой: собрание членов партии отдела, общее собрание членов партии предприятия, в заключение — заседание райкома. Поэтому многие предпочитали уйти с работы “по собственному желанию” (в том числе, чтобы не подводить своего начальника, для которого это нередко кончалось выговором по партийной линии), как бы “в обмен” на выдачу характеристики.

Мы решили, что Виталий, чтобы не подводить своего начальника Делюсина⁴, уйдёт с работы по собственному желанию, а характеристику представит из домоуправления. Но одна характеристика на семью должна была быть обязательно с работы — в Советском Союзе не могло быть такого положения, чтобы и муж, и жена, не достигшие пенсионного возраста, оба не работали.

6-го февраля (это был конец недели, возможно, четверг) я пошла к заместительнице заведующего нашей кафедрой для объяснений. Я попросила об увольнении по собственному желанию с понедельника в обмен на характеристику. Выслушав меня, она очень испугалась, но характеристику дать обещала. Я действительно получила характеристику, но уволена была прямо со следующего дня.

В конце концов, все необходимые бумаги были нами собраны, и 25-го февраля 1972 года мы вчетвером (Виталий, его сестра Маруся, моя мама и я) подали документы в ОВиР» [10, ч. 1].

13 июля 1972 г. из ОВИРа сообщили, что Виталий и Инесса Рубины получили отказ (родительница И.М. Рубиной скончалась в апреле), а Мария Ароновна Рубина — сестра синоведа, могла отправляться. 16 июля В.А. писал: «*Оказалось, отказ перенести легче, чем я думал. Я страшился отказа, как катастрофы, подобной смерти; думал, что буду оправляться от этого удара неделями. Но сейчас я уже пережил этот удар и думаю о том, как на него ответить*» [7, с. 9–10].

Из открытого письма американским синологам, опубликованного в США 5 октября 1972 г. (New York Review of Books. Vol. 18, No 5. 1972, p. 36.) ясно, в каком положении оказались В.А. и И.М. Рубины. Рукописи трудов В.А. бы-

⁴ Лев Петрович Делюсин (1923–2013) в 1967–1990 гг. возглавлял Отдел Китая ИВ АН, а в 1970–1972 гг. — ИНИОН РАН. Известный китаевед, занимавшийся проблемами китайских революций в XX в., общественно-политической мысли Китая.

ли изъяты из печати (в том числе переводы канонических памятников конфуцианства и две статьи), равным образом были отменены две рецензии на монографию учёного. Были также изъяты ссылки на его работы из всех научных статей и монографий, подготавливаемых к печати [7, с. 10–11]. В этой ситуации огромную поддержку Рубину оказал его бывший начальник — Л.П. Делюсин, через Бауманский райком КПСС предложивший В.А. вернуться в Отдел Китая. Однако Рубин принял волевое решение (запись от 25 июля 1972 г.): *«Я стал думать, что все это значит, и пришел к выводу, что они хотят отказать мне, сославшись на то, что я крупный специалист и могу быть использован здесь. Если я при этом буду на работе и буду получать зарплату, их позиция будет как-то звучать, если нет, она будет чрезвычайно слабой. Исходя из этого, я решил дальше в эту западню не лезть. [...]*

Вчера отправил письмо Бойко⁵ с изложением мотивов, по которым я не могу принять его предложения:

1. Мне было достаточно ясно показано, что как ученый я здесь существовать не могу. Числиться и получать зарплату ученого, не выступая как ученый — такая ситуация меня не устраивает.

2. Полная невозможность взять на себя политические и идеологические обязательства, вытекающие из работы в идеологическом учреждении» [7, с. 13].

26 июля 1972 г. Рубину было официально сообщено, что он как крупный специалист не имеет права выезда за рубеж. 10 августа он проводил сестру Марию, а 15 августа по всесоюзному радио прошло сообщение, что вводится плата для выезжающих, имеющих диплом о высшем образовании, в размере от 6 до 11 тыс. руб. Такая сумма была для Рубиных абсолютно непосильной.

Открытое письмо привлекло внимание Гарольда-Цви Шифрина — израильского синоведа, тогда — директора Института Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме. В судьбе В.А. Рубина также приняли участие многие британские правозащитники. Находясь на отдыхе в Прибалтике, Рубины по «Би-Би-Си» узнали, что 24 июня 1973 г. 1200 востоковедов из 18 стран подписались под обращением к советскому правительству с просьбой дать разрешение Рубину выехать на 29-й Международный конгресс востоковедов, который должен был состояться в Париже в июле 1973 года [7, с. 50]. Рубина не выпустили, поэтому 20 июля 1973 г. на конгрессе по инициативе Шифрина была принята резолюция, выражающая сожаление по поводу того, что не разрешили приехать Рубину. Голосовало около сотни ученых [10, ч. 2]. Казус Рубина привёл к небольшому скандалу, связанному с проведением следующего конгресса востоковедов. Советская делегация во главе с акад. Б.Г. Гафуровым⁶ предлагала Москву, однако оргкомитет избрал местом проведения 30-го Конгресса Мехико.

⁵ Сотрудник отдела агитации и пропаганды Бауманского райкома КПСС, по просьбе Л.П. Делюсина обратившегося к В.А. Рубину с этим предложением.

⁶ Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977). Специалист по истории Средней Азии и ислама. В 1948–1951 гг. был руководителем советского Таджикистана, член ЦК КПСС (1952–1960). Академик Таджикской АН (1950), академик АН СССР (1968). В 1956–1977 гг. — директор ИВ АН.

Сам В.А. Рубин на эти событияотреагировал следующим образом (запись 7 августа 1973 г.): *«То, что произошло на последнем заседании Конгресса, как мне кажется, беспрецедентно: в отличие от неоднократно демонстрировавшегося позорного равнодушия ученых — особенно гнусно это было продемонстрировано психиатрами в Осло⁷ — востоковеды показали высокий образец солидарности ученых»* [7, с. 57].

Всё это время Рубины официально нигде не работали, жили на сбережения, давали частные уроки. Некоторое время В.А. Рубин числился чтецом-секретарём у некоего слепого профессора, имя которого нигде не упоминается. Рубины активно общались с корреспондентами зарубежных издательств, которые доставляли нужную литературу (В.А. продолжал интенсивно писать на синологические темы) и обеспечивали связь с Западом и Израилем [10, ч. 3].

11 октября 1973 г. В.А. Рубин был задержан милицией за участие в подпольной конференции, посвящённой Войне судного дня (как в Израиле называют арабо-израильскую войну 1973 г.). Она должна была проходить на квартире отказника — проф. Д. Абея (1911–2002). Подробное описание этих событий было сделано В.А. Рубиным 14 октября [7, с. 61–62].

15 февраля 1974 г. В.А. Рубин вместе с Д. Абелем, В. Гороховым и В. Галацким начали голодовку в знак протеста против запрещения на выезд из СССР до разрешения на выезд или до смерти. Голодовка продолжалась 10 дней, и её ход широко освещался зарубежными СМИ. Последствием этого для Рубиных стало отключение телефона (в коммунальной квартире Рубин имел личный телефон как инвалид войны). Голодающих приветствовали телеграммами депутаты Кнессета и президент Израиля — З. Шазар [7, с. 72–74]. Эта голодовка вызвала к жизни движение солидарности в США и в Израиле. Ректором Колумбийского университета тогда был известный синолог Уильям Теодор де Бари (р. 1919)⁸, с его «благословения» студенты, члены организации «Student Struggle for Soviet Jewry»⁹, устроили демонстрацию на территории кампуса. Аналогичная демонстрация прошла и в Принстонском университете. Профессоры университета направляли письма своим конгрессменам и сенаторам с просьбой вмешаться в «дело Рубина» всеми доступными им путями [10, ч. 3]. Голодовка солидарности прошла и в Иерусалиме у Стены Плача, о чём сообщала М.А. Рубина [10, ч. 3].

Благодаря международному резонансу В.А. Рубин усилиями Г. Шифрина 11 марта 1974 г. был принят в Иерусалимский университет на должность профессора, находящегося в зарубежной командировке, и стал получать зарплату (в СССР она не перечислялась). Об этом сообщило израильское радио [7, с. 76].

⁷ На этом конгрессе поднимался вопрос о карательной психиатрии в СССР.

⁸ В 1973 г. У. де Бари приглашал В.А. Рубина в Колумбийский университет для чтения лекций по истории древнекитайской философии. В ОВИРе ему было отказано в выезде в США.

⁹ «Борьба студентов за [права] советских евреев». Организация основана Яковом Бирнбаумом (р. 1926) в 1964 г.

С 1973 г. Рубин начинает публиковаться на английском языке: в престижном синологическом журнале «Тун бао» вышла его пространная рецензия на монографию немецкого синолога В. Бауэра [9, с. 281-287], а в 1974 г. появилась статья «Шэнь Дао и *фа-цзя*» в «Журнале Американского общества востоковедов» [9, с. 129–137]. К тому времени он уже стал израильским гражданином.

Период 1973–1974 гг. был для В.А. Рубина порой интенсивных религиозных и культурных исканий. 20 января 1973 г. в их комнате прошло первое заседание самодеятельного семинара, посвящённого еврейской культуре и религии. Семинары проводились регулярно на разных квартирах (соседи по «коммуналке» заявляли в милицию, что Рубины-де «устраивают оргии») и постепенно переросли в политическое предприятие. В дневниках В.А. Рубина подробно описаны демонстрации у посольства Ливана, встречи с зарубежными гостями, в том числе сенатором Э. Кеннеди.

По инициативе Г. Шифрина монография В.А. Рубина была переведена на английский язык и вышла в 1976 г. под названием «Individual and State in Ancient China» («Личность и власть в Древнем Китае») с небольшими добавлениями (в основном в ссылочном аппарате), отличающимися её от советского издания [9, с. 8–76].

В том же 1974 г. Рубинным впервые пришлось иметь дело с КГБ из-за их общественной активности [10, ч. 4], кроме того, над В.А. постоянно висела тень судебного преследования по обвинению в туеядстве¹⁰. В июле ему пришлось скрываться у друзей, у него начались приступы стенокардии. 4 сентября 1974 г. он был задержан милицией у себя на квартире, из отделения его увезли в больницу [7, с. 109-110]. Этот инцидент стал известен в США, в Нью-Йорке состоялась демонстрация протеста перед советским посольством. «...*Киссинджер знает о моём случае; когда я спросил, собирается ли он что-нибудь делать, он*¹¹ *ответил: “We shall try”*» [7, с. 110].

К началу 1975 г. В.А. Рубин был в мрачном настроении, о чём свидетельствуют его дневники. Однако о нём не забыли: 9 апреля 1975 г. в Колумбийском университете прошёл форум, посвящённый положению учёного, на котором выступили его сестра Мария и дочь У. де Бари — Беатрис, посетившая Рубиных во время поездки в СССР [7, с. 151]. К делу Рубина подключилась организация «Международная амнистия». 24 апреля президент Колумбийского университета У. Магилл¹² заявил, что разрывает все научные связи с советскими учреждениями и научными работниками до тех пор, пока В.А. Рубину не будет позволено покинуть СССР [7, с. 153]. Большой митинг прошёл в Колумбийском университете 28 октября 1975 г., на нём выступал и Збигнев Бжезинский.

¹⁰ Самый известный процесс подобного рода проходил над И.А. Бродским в 1964 г. В.А. Рубин следил за ходом этого процесса [6, с. 52].

¹¹ Представитель «Student Struggle for Soviet Jewry», дозвонившийся до Рубиных.

¹² William G. McGill (1922–1997) — учёный-психолог, в 1968–1970 гг. был главой университета Южной Калифорнии в Сан-Диего, а в 1970–1980 гг. занимал пост президента Колумбийского университета.

Большие надежды «отказники» возлагали на открывавшийся 16 февраля 1976 г. XXV Съезд КПСС. Задержаний в преддверие съезда не было, но обращения к делегатам съезда у инициативной группы (7 человек) не приняли. В.А. Рубин в письме к сестре резюмировал: *«Трудно сказать, что здесь более важно: то ли, что они нас приняли, или то, что нам было сказано. [...] Но надо сказать, что даже если они решили делать какие-то уступки (что совсем не исключено), то нам бы об этом они ни в коем случае не сообщили, и в этом смысле в сказанном Ивановым¹³ не было элемента нового, а то, что они нас приняли, было действительно ново»* [7, с. 186].

Единственной положительной новостью на этом фоне было сообщение М.А. Рубиной о публикации в Израиле статьи А.И. Рубина «Поэзия Тютчева как созвучное слияние с природой».

К проведению 30-го Конгресса востоковедов в Мехико был приурочен выход в свет американского издания монографии В.А. Рубина, а на имя директора ИВАН акад. Б.Г. Гафурова от секретаря Оргкомитета конгресса Г. де ла Льяма пришло резкое письмо. По мнению И.М. Рубиной, оно и стало решающим. 29 мая 1976 г. пришла открытка из ОВИР, а 1 июня В.А. отметил в дневнике: *«Открытка была не зря. Кажется, приближается Великий день: они попросили у меня привезти документы и фотографии. Судя по всему, это разрешение, хотя они этого и не сказали. Начинается, очевидно, новая жизнь, но я этого еще не чувствую»* [7, с. 203]. 4 июня 1976 г. В.А. и И.М. Рубины получили израильскую визу, и 18 июня вышли из самолёта в аэропорту им. Бен-Гуриона. Для самого известного «советского, а точнее антисоветского, синолога» (определение А.И. Кобзева [9, с. 5]) начиналась совершенно иная жизнь.

Израиль и весь мир. Уже 29 июня Рубины покинули Израиль, направившись через Амстердам в Мехико — для участия в 30 Международном конгрессе востоковедов. Из Мексики В.А. Рубин отправился в США, где пробыл почти весь август и начало сентября, особенно долгим визит был в Колумбийский университет.

11 сентября 1976 г. Рубины возвратились в Израиль. *«Теперь начинается самый трудный путь — работа и учёба. Визиты в США и Англию дали уверенность в себе, окончательно приучили к публичным выступлениям по-английски. Теперь начинается новый этап; в известной мере — возвращение к старому — к профессиональной жизни, от которой я за почти пять лет успел в значительной степени отвыкнуть. Причём это возвращение — на ином уровне: не исследовательская работа, а чтение лекций не по-русски, а сначала на языке, который я знаю далеко не так хорошо, а потом на языке, который я пока знаю плохо»* [7, с. 208].

Преподавательскую деятельность В.А. Рубин начал 3 ноября 1976 г. Дневники полны записей о подготовке к лекциям и налаживанию взаимопонимания

¹³ Руководитель отдела ЦК КПСС, встречавшийся с представителями инициативной группы.

со студентами. В декабре у Рубиных появилась собственная, — впервые в жизни отдельная квартира, на территории университетского кампуса. *«Почему тут жутко устаёшь к концу дня? Потому ли, что всё время — на чужих языках?»* [7, с. 220]. Адаптация к жизни в Израиле шла относительно медленно, Рубин с большим чувством пишет о событиях в оставленной стране. В записи от 5 мая 1977 г. читаем: *«Чувствую по временам какую-то странную агрессивную злость. Значит, что-то есть во всех этих психиатрических разговорах об “эмигрантской болезни”. Что это — следствие перенапряжения от работы, где-то внутри поднимающегося сознания бессилия и беспомощности в стране, которая остаётся для тебя незнакомой и непонятной? Неясно»* [7, с. 227]. Впрочем, уже 25 мая произошло весьма знаковое событие. Его описание приведём целиком: *«Ура! Заговорил телефон. Его гудок пока для меня — лучшая музыка. Теперь — научиться работать быстро.*

Особое удовольствие — что жизнь движется, не стоит на месте. Телефон — знак возвращения к прежнему статусу; если мы купим машину, — это будет резкое повышение статуса. Конечно, и сейчас у меня по всем показателям положение лучше, чем в Москве: 1) профессор; 2) отдельная квартира» [7, с. 229]. Рубины много путешествовали по Израилю, а в июне 1977 г. совершили поездку во Францию и Великобританию. Дневник полон беспокойства о судьбе оставшихся в СССР, продолжался процесс вживания в израильскую среду. Запись от 1 июля 1977 г.: *«Вчера были у Айрин Ибер¹⁴, и весь вечер американцы ругали израильтян.*

Встреча В.А. Рубина в Колумбийском университете 9 сентября 1976 г.
Справа от него У. Магилл, слева — У. де Бари

¹⁴ Коллега В.А. Рубина по Иерусалимскому ун-ту.

Я подумал, что, по-видимому, чтобы чувствовать себя здесь хорошо, нужно приехать из СССР. Именно в отношении русских евреев Израиль продолжает выполнять ту роль in gathering of exiles, для которой он был замыслен с самого начала» [7, с. 223–224]. Впрочем, В.А. Рубин находился, отчасти, в «тепличных» условиях, например, студенты университета дали согласие на то, чтобы он читал лекционный курс по-английски, так как он был не в состоянии делать это на иврите [7, с. 224]. К тому времени он разработал собственный курс по истории древнекитайской философии. Общественный статус Рубина в Израиле был достаточно высок: в декабре 1978 г. он был приглашён участвовать в семинаре президента Израиля И. Навона, где работал как специалист по ассимиляции евреев в СССР [7, с. 287–289, 290–291]. Однако не всё обстояло гладко и на работе: «Я уже начинаю чувствовать отрицательную особенность преподавательской работы: рутину. Иногда мне становится тоскливо, когда я хочу, чтобы они повторили мне то, что я сам им сказал. Страшно интересно и приятно иметь дело с хорошими студентами [...] С другой стороны, тоскливо делается, когда имеешь дело со студентами бездарными. Единственное лекарство против этого — строить курс проблемно, так, чтобы в принципе студент должен был мыслить. Как добиться этого — задача, над которой придётся ещё много думать» [7, с. 297]. Ещё более характерна запись от 24 февраля 1980 г.: «Давно уже мне не было так тяжело. В том году, впервые после приезда, я начал чувствовать тоску рутин и желание вырваться. Желание перемены. Неужели и для меня это так: неудовлетворённость собой, творческое бессилие и внутренний застой переносятся на внешние факторы, и бегство от себя выглядит как бегство из страны? Сколько мы уже здесь слышали таких историй!» [7, с. 329].

В 1980 г. произошло знаменательное событие: впервые в жизни синолог посетил Китай, точнее, Китайскую Республику на Тайване, куда был приглашён на синологическую конференцию. 12 августа 1980 г. Рубин прилетел в Сингапур, откуда на следующий день вылетел в Тайбэй. «Вечером мне позволил какой-то корреспондент местной газеты и попросил интервью. Я согласился, думая, что будет спрашивать меня об “антисоветской” деятельности в Москве. Он даже и слыхом об этом не слыхивал; он решил узнать, что я думаю о конфуцианстве» [7, с. 347]. О собственно научном уровне мероприятия В.А. Рубин писал так: «Китайцы, выступающие тут, не просто старые — древние. Очевидно, было много предложений, и при решении вопроса, кому дать выступить, исходили из традиционного почтения к старости. [...] Интересно, сумею ли я когда-нибудь найти время для того, чтобы выучить разговорный китайский? Конечно, это очень мешает пребыванию здесь; единственное утешение, что не я один в таком положении. Очаровательный тончённый интеллектуал Жерне¹⁵ также, оказывается, не понимает разговорного китайского. Это участь всех, кто не жил долго в Китае» [7, с. 349].

¹⁵ Jacques Gernet (р. 1921) — французский синолог, специалист по интеллектуальной истории и религиоведению, а также распространению христианства в Китае.

После окончания конференции В.А. Рубин совершил двухдневную поездку в Японию. В конце августа он также съездил в Данию и Швецию.

В.А. Рубин интенсивно работал, в частности, ему было поручено рецензирование монографии Ду Вэй-мина (р. 1940) «Гуманность и саморазвитие» [9, с. 288–293]. Это подтолкнуло его к изучению неоконфуцианства и разработке планов большой истории китайской мысли. Одновременно он пришел к необходимости разработки проблем соответствия между китайской и еврейской философией. *«Мой тезис должен быть, что в самом корне еврейской традиции есть такие моменты, которые сближают её с китайской традицией. Это — значение диалога, недоверие к теории и экзистенциальная направленность, значение проблемы творчества»* [7, с. 365].

В 1981 г. В.А. Рубин продолжал напряжённо трудиться и в качестве туриста посетил Египет и Кипр. Последняя запись в дневнике относится к 15 октября 1981 г.: *«Завтра утром выезжаем на полтора дня в Синай, в Ди-Захав. Посмотрим рыб под водой. Начал вчера читать “Деяния апостолов”. Когда хорошо представляешь себе места, где всё это происходило, читается совершенно иначе»* [7, с. 400].

17 октября 1981 г. на обратном пути В.А. Рубин погиб в автокатастрофе.

Источники и литература

1. Библиотека Александра Кобринского // [Электронный ресурс]: <http://amkob113.pagod.ru/rubin/a-r/> Режим доступа: свободный, проверено 14 июня 2009 г.
2. Глазов Ю.Я. В краю отцов (Хроника недавнего прошлого). М.: Истина и Жизнь, 1998. — 284 с.
3. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. — 573 с.
4. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942 — 1962 / Сост. С.П. Бондаренко, В.М. Курильский. М.: АСТ, Донецк: НКП, 2008. — 640 с.
5. Панаев Д. Сны о прошлой жизни // Иностранец. 26 апреля 1994. №12 (40), с. 16–17.
6. Рубин Виталий. Дневники. Письма / Научный ред. Л. Дымерская-Цигельман / Библиотека-Алия, 124. Кн. 1. Иерусалим, 1988. — 287 с.
7. Рубин Виталий. Дневники. Письма / Научный ред. Л. Дымерская-Цигельман / Библиотека-Алия, 125. Кн. 2. Иерусалим, 1988. — 411 с.
8. Рубин В.А. Два истока китайской политической мысли // Вопросы истории. 1967, № 3, с. 70–81.
9. Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. Собрание трудов / Отв. ред. А.И. Кобзев / Сер. Corpus Sericum. М.: Восточная литература РАН, 1999. — 384 с. (1-е изд.: Долгопрудный, 1993).
10. Рубина И. Жизнь в отказе (выдержки из книги) // [Электронный ресурс]: <http://www.angelfire.com/sc3/soviet jews exodus/Memory s/MemoryRubin 1.shtml>. Режим доступа: свободный, проверено 14 июня 2009 г.
11. Сайт ассоциации «Запомним и сохраним», Центра документации еврейского национального движения в Советском Союзе // [Электронный ресурс]: <http://www.angelfire.com/sc3/soviet jews exodus/index.shtml> Режим доступа: свободный, проверено 14 июня 2009 г.

12. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Собр. соч. в 11 т. Т. 11: Неопубликованное, публицистика. Донецк: Сталкер, СПб.: Terra Fantastica изд. дома «Corvus», 2001. — 736 с.
13. *Философская энциклопедия* / Гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. — 592 с.
14. *Changing Japanese Attitudes toward Modernization (Studies in the Modernization of Japan)* / Ed. by Marius B. Jansen. Princeton, L.: Princeton Univ. Press, 1965. — 556 p.
15. *Confucianism: The Dynamics of Tradition* / Ed. by Irene Eber. N.Y.: McMillan, 1986. — 234 p.
16. *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe* / Ed. by L. Dymerskaya-Tsigelman, Y. Cohen. Vol. 4. Jerusalem: The Jerusalem Institute for Israel Studies, 1989. — Пагинация сквозная.

Д. Е. МАРТЫНОВ

Эволюция теоретических взглядов В.А. Рубина

Собственные теоретические концепции стали разрабатываться В.А. Рубиным при подготовке кандидатской диссертации на тему ««Цзо-чжуань» как источник по социальной истории периода Чунь-цю». В результате в 1959 г. были опубликованы статьи, посвящённые проблемам рабовладельческой формации в древнем Китае, а также датировке и аутентичности конфуцианского канона «Цзо-чжуань», в традиционной китайской историографии представляющего собой комментарий к летописи «Чунь-цю», но фактически являющимся самостоятельным памятником. В.А. Рубин интенсивно работал вплоть до своей гибели в автокатастрофе в 1981 г., а некоторые его работы продолжали выходить до 1986 г. Всего в библиографии, составленной А.И. Кобзевым, учтена 71 работа [8, с. 374–377]. Корпус не является однородным и включает в себя следующие разделы.

1. Переводы китайских источников (в свет вышли «Записки о музыке» из конфуцианского канона церемоний «Ли-цзи» и биография вождя крестьянского восстания IX в. Хуан Чао из «Новой истории [династии] Тан»). Большая часть цитированных В.А. Рубиным китайских источников в его статьях и монографии приведены в собственном переводе.

2. Работы, посвящённые проблемам общества и государства. В основном, в них разрабатывались традиционные темы советского китаеведения: вопросы рабовладения и возникновение монетного обращения в древнем Китае, народное собрание в городах-государствах Восточной Азии и т.д.

3. Работы, посвящённые культуре и философии Китая. В первую очередь это единственная монография «Идеология и культура древнего Китая (четыре силуэта)», увидевшая свет в 1970 г. и переведённая на английский язык в 1976 г.; работы, посвящённые тоталитарной мысли в Китае и в значитель-

ной части опубликованные в западных изданиях на английском языке во время борьбы учёного за выезд из СССР и пребывания в Израиле.

4. Работы, посвящённые историко-философской компаративистике, особенно сравнению китайской и античной или китайской и еврейской мысли. В значительной степени они остались нереализованными, но материалы к ним занимают немалое место на страницах его дневников. Сюда же относятся рецензии на работы В. Бауэра и Ду Вэй-мина, которые представляют собой самостоятельные аналитические исследования.

5. Лекционные курсы, разработанные в Израиле, но ввиду их малодоступности (дневниковые записи позволяют реконструировать их тематику, и только), исследование этого материала — дело будущего.

В основу данной работы положен хронологический подход, следующий развёртыванию основных идей В.А. Рубина по мере их возникновения. Основой при этом являются его дневники, которые в первую очередь являлись теоретическим «полигоном»; идеи, записанные там, затем разворачивались в опубликованных статьях.

Программные установки, определившие мировоззрение В.А. Рубина на протяжении всей его жизни, сложились ещё в ранней молодости. В письме из лагеря, датированном 23 октября 1943 г., он писал: *«Если я останусь в живых, то после нашей победы [...] буду жить так, чтобы жизнь и наука слились для меня в одно»* [5, с. 15]. В письме от 29 октября 1943 г. он продолжал рассуждать на ту же тему, в частности о возможности поступить на философский факультет (к 1941 г. В.А. Рубин окончил первый курс исторического факультета МГУ), но добавлял: *«подумав, я решил, что настоящим философом быть не смогу. Для этого нужно иметь всеобъемлющий ум, громадные способности, широчайшие интересы. [...] Однако, как только к тому представится возможность, я решил самым серьёзным образом заняться философией»* [5, с. 16–17].

Уже будучи зрелым исследователем, 56-летний В.А. Рубин так говорил о своём призвании (дневниковая запись от 14 июня 1980 г.): *«То, что я не философ, мне ясно: я не живу понятиями философии, у меня нет комбинаторского и спекулятивного дара оперировать ими. По существу меня привлекает интеллектуальная история, а это отнюдь не философия. Для этого нет необходимости в метафизическом горении; для этого нужны качества историка. Кстати, потому-то отклик на мой доклад¹ был такой слабый, что по существу это доклад исторический, а не философский. Мне он кажется интересным как раз потому, что я чувствую историческую проблематику»* [6, с. 340].

Выбор именно древнекитайской проблематики был глубоко не случаен. В 1970-е гг., анализируя свой жизненный путь, В.А. Рубин писал: *«Почему в СССР многие достойные люди занимаются древностью? Потому что*

¹ Доклад на конференции в Чарльстоне (Джорджия, США) «История: описание или оценка», в ходе которой и была сделана эта запись.

здесь есть известная мера свободы. Поэтому же и я постепенно решил заняться древностью» [6, с. 88].

Свои ранние работы, лежащие в русле традиционной советской синологии, В. А. Рубин склонен был оценивать сурово: «Именно духовная жажда заставила меня переменить мою специальность: сначала я занимался историей, но те находки и частичные обобщения, которые удавалось сделать, не удовлетворяли меня. Да, я выяснил, что в Древнем Китае были народные собрания. А дальше что? Что от этого мне? Моим друзьям? Моим близким?» [6, с. 93]. Именно это, как отметил А. И. Кобзев, «позволило В. А. Рубину, формально не являвшемуся профессиональным философом, стать в 1960-е годы наиболее сведущим в СССР специалистом по истории китайской философии» [8, с. 6]. При этом ход его теоретической мысли, как можно проследить по дневникам, следовал неотрывно его гражданской позиции. Характерна одна из первых записей 1962 г.: «Я вскрыл некоторые особенности китайского государства VIII–V вв. до н.э., показал, что в политической структуре его были элементы демократии. Здесь нужно точно определить, что это значит: имеется в виду отсутствие деспотии и ограниченная возможность народного волеизъявления. Не имеется в виду демократия как некий политический строй, пронизанный определённым принципом. Такой единый принцип, если уж он может быть найден, скорее может быть выражен словом “олигархия” — политический строй, при котором государство принадлежит не одному деспоту, а совету знати. В этом смысле, олигархия, конечно, существовала и в Китае» [5, с. 30].

Теоретический поворот, совершённый В. А. Рубиным, им хорошо осознавался. 1 января 1970 г. он писал в дневнике: «Интересно подвести итоги десятилетия. Можно сказать, что в научном плане оно было плодотворнее всего, что было раньше. К началу его я подошёл, правда, с готовой диссертацией, но всё это в общем не было особенно увлекательно. Диссертация носила на себе печать нежелания заниматься ерундой, интереса к источнику, но в то же время она возникла в 1955–57 годах, в такое время, когда ещё как-то трудно было себе представить возможность высказывать какие-то новые идеи. В плане концепционном я в ней ещё под влиянием Дьяконова², и хотя кое в чём, найдя в Древнем Китае народное собрание, я сумел раздвинуть рамки понимания той эпохи, но к более широким и увлекательным вопросам с этой стороны подхода не было. Дальше в этом направлении двигаться было некуда.

Поворот произошёл в 1963 году, когда я заинтересовался Мо-цзы³. После этого в старом русле была напечатана лишь работа о Цзы-Чане⁴, но и в ней

² Игорь Михайлович Дьяконов (1915–2000) — один из величайших отечественных историков Древнего мира. Подробнее о его концепции см. [1].

³ Мо-цзы (Мо Ди, 490/468–403/376 до н.э.) — древнекитайский философ, чья школа представляла собою нечто среднее между религиозной сектой и боевой организацией.

⁴ Цзы-Чань — первый министр удела Чжэн в 542–522 гг. до н.э. Считается одним из основоположников школы легистов. Работа Рубина «Цзы-Чань и город-государство

в конце уже намечался поворот к идеологической проблематике. В мае 1964 г. я сделал доклад о конфуцианстве и легизме, который был встречен в штыки всей «старой гвардией» — Вяткиным⁵, Ян Хин-шунем⁶ и другими. [...] То, что казалось невозможным, чудовищным в 1964 году, было напечатано в марте 1967 года»⁷ [5, с. 214–215].

Доклад, о котором шла в речь в цитированном отрывке, был прочитан 13 мая 1964 г. на кафедре истории Китая в Ин-те восточных языков (ныне ИСАА при МГУ) и назывался «Раннее конфуцианство и легизм. Опыт оценки». Его основные тезисы реконструируются по дневнику В.А. Рубина и сводятся к следующему:

1. Можно ли говорить, что идеология, имеющая тысячелетнюю традицию, всегда и везде играла реакционную роль? Параллели между конфуцианством на Дальнем Востоке и христианством на Руси.

2. Можно ли говорить, что всякий теоретик непременно отражает идеологию определённого класса?

3. Целью правителя является достижение гегемонии, в борьбе за достижение этой цели он не должен быть связан ни моралью, ни традицией.

4. Народ должен использоваться правителем как средство на пути к этой цели.

5. Поскольку человек по природе своей зол и эгоистичен, единственным эффективным методом воздействия на него являются награды и наказания. При этом средства устрашения играют основную роль, поощрение — второстепенную.

6. Закон, в котором сформулированы наказания и награды, должен быть единственным критерием для оценки каждого члена общества. В законе выражается лишь воля правителя [5, с. 50–51].

Древнего Китая» была опубликована в 1965 г. в журнале «Тун бао» (Лейден) по-английски, а на русском языке в 1993/1999 г. [8, с. 227–241]. Это была его первая публикация без цензуры, рукопись «контрабандой» попала в Нидерланды, и ее издание ни с кем не согласовывалось.

⁵ Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995) — в указанное время сотрудник Отдела Китая Института востоковедения АН СССР (ИВАН). В возрасте 45 лет, будучи сложившимся учёным-историком, занимавшимся революционным движением, и преподавателем китайского языка, замыслил полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.) — первого памятника китайской историографии, и в значительной степени лично осуществил эту задачу: к моменту кончины успел перевести 122 (первые 12 в соавторстве с В.С. Таскиным, 1917–1995) из 130 глав, составляющих этот монументальный труд. С 1972 по 2010 гг. были опубликованы все 9 томов перевода — впервые памятник был издан на западном языке целиком.

⁶ Ян Хин-шун (1904–1989) — советский китаевед, род. в пров. Чжэцзян (Китай). В 1933 г. окончил Коммунистический ун-т преподавателей общественных наук (Москва). Сотрудник Ин-та философии АН СССР. Занимался материалистической мыслью в древнем Китае.

⁷ Имеется в виду статья [7].

Таким образом, доклад был посвящён оценке учений легизма и раннего конфуцианства, когда они ещё не стали официальными идеологиями в древнем Китае. В советской литературе того времени борьба легистов против конфуцианцев изображалась как борьба прогрессивных мыслителей и реформаторов против консерваторов и реакционеров. На самом деле, резюмировал В.А. Рубин, *«ранее конфуцианство является гуманистическим, просветительским, пацифистским учением»*: представление о его изначальной реакционности является следствием переноса в древность черт позднего, средневекового конфуцианства. *«Легизм же — человеконенавистническая милитаристская идеология, призывающая к оболваниванию народа»*, ибо легисты эмансипировали политику от морали за полторы тысячи лет до Макиавелли. *«Превознесение легизма может быть поставлено в один ряд с превознесением Ивана Грозного»* [5, с. 52–53].

Реакцию аудитории на свой доклад В.А. Рубин анализировал три дня спустя: *«Тринадцатого сделал доклад. Он был подвергнут суровой критике. Справедливой ли? В основном, нет. Мне твердили то же, что много раз говорили раньше — о классах, которые представляли конфуцианцы и легисты, и т.д. Конечно, доклад был небызупречен, но вовсе не в том плане, в каком говорили они. Он не был понят и не мог быть понят, учитывая, что я исходил из предпосылок, совершенно противоположных общепринятым.*

Нужно было, наверное, более подробно охарактеризовать свою точку зрения. Сказать, что я рассматриваю идеи сами по себе, не в их исторической обусловленности. Впрочем, это не помогло бы: слышать может лишь имеющий уши, их же уши были заткнуты плотным слоем ваты» [5, с. 54]. Более того, В.А. Рубину с осуждением говорили, что он нанёс жестокое оскорбление советской исторической науке, сделав вид, что её вовсе не существует! [там же].

Именно перечисленные тезисы легли в основу главной работы В.А. Рубина — «Идеология и культура древнего Китая». Однако подготовка её к печати началась только в 1968 г., а пока разрабатывались теоретические положения. Одним из главных вопросов была теория власти у конфуцианцев, особенно Мэн-цзы (372–289 до н.э.).

В.А. Рубин отталкивался от предложенной Мэн-цзы теории *жэнь-чжэн* — «гуманного правления». Основное социальное деление для Мэн-цзы: люди (и правители) — гуманные и негуманные. Если называть «негуманным» просто жестокого правителя, тогда возникает вопрос о целях создания теории. Рубин приходит к выводу, что её разработка стала ответом на фронтальное наступление на основные принципы конфуцианства, предпринятое легистами. *«Мэн-цзы разработал теорию, согласно которой политика должна основываться на морали. Иначе говоря, вообще стремиться к власти — недостойно настоящего человека. Но уж если вы хотите власти, то путь к ней — только через гуманность»* [5, с. 59–60].

Таким образом, В.А. Рубин подошёл к главной теме своего научного творчества — проблеме политики и морали. Для её разрешения применительно к конфуцианству, он использовал исторический метод. Конфуций жил в патриархальном городе-государстве (это понятие применительно к Китаю

в отечественной синологии ввёл также В.А. Рубин) и вообще не говорил о гуманном управлении потому, что не видел в управлении проблемы, которая бы качественно отличалась от межличностных отношений. Т.е. никакой техники управления он не признавал, как не признавал, что государство чем-то отличается от группы семей, связанных родственными узами [5, с. 61].

После создания на территории Китая крупных государств ошибочность такого подхода осознали легисты, предложив технологию управления, полностью оторванную от морали. Именно реакцией на эти процессы и стала теория Мэн-цзы. Дальнейшая история привела к синтезу этих подходов.

К сентябрю 1965 г. В.А. Рубин сделал более глобальный вывод: *устарела точка зрения, гласящая, что деспотизм изначален на Востоке*. Вероятно, на него повлияла и дискуссия об «азиатском способе производства», которая как раз разворачивалась в советской исторической науке. Пока ещё В.А. Рубин находился в рамках монистических представлений, а, кроме того, очевидно подбирал аргументы из классиков марксизма для обоснования своей идеи. *«Важность указаний Маркса и Энгельса (на восточную деспотию, азиатские особенности и т.д.) в том, что имеются такие особенности политического строя, социологические моменты, которые не относятся к формациям. Между тем, в то время как частности должны были подвергаться проверке на новом конкретном материале, следовало бы обратить внимание на то, что:*

1) Высказывания Маркса и Энгельса говорят о том, что государство на Востоке совпадает с правящим аппаратом. Но если так, оно обладает в своих действиях несравненно большей самостоятельностью, чем западное государство.

2) Форма правления безразлична. Но если так, то имеет смысл рассматривать государство не только с точки зрения того, орудием какого класса оно является, но и с точки зрения того, каково это государство» [5, с. 67–68].

3 декабря 1965 г. В.А. Рубин выступил с докладом о государстве. Прежние размышления отлились в следующие тезисы.

1. Классическая теория государства формулируется так: «государственный аппарат представляет класс».

2. Государственный аппарат сам состоит из нескольких слоёв. Компоненов можно, в общем, выделить три: а) правитель, б) его окружение, в) бюрократия.

3. Каждый из этих компонентов не безличен. *«Кто проделал исследование, доказывающее, что из всего того, что влияет на человека, из всех многочисленных сфер, входящих в его внутренний мир и влияющих друг на друга, именно его социальная позиция оказывает решающее влияние. Такого исследования нет, а следовательно, нет оснований и для утверждений, что государственный аппарат является всегда орудием определённого класса. При-*

меры: психопатология Цинь Ши-хуана⁸, нежелание Сталина прислушаться к предупреждениям накануне двадцать второго июня» [5, с. 68].

В записях 1966 г. В.А. Рубин сформулировал своё неприятие конфуцианской морали, иллюстрируя его примером из «Известий». В фельетоне (источник не назван) рассказывалось, что председатель колхоза избил мальчика, а тот покончил с собой. Мораль: раз у председателя огромная власть, он должен думать о людях, должен быть к ним внимателен и добр. *«Ведь в этом и конфуцианский порок — вместо того, чтобы обеспечивать права человека, обращаться с увещеваниями к правителям о том, что надо быть хорошими»* [5, с. 80]. Таким образом, исследователь приходит к мысли, что проблемы государства — это в первую очередь проблемы идеологии, а линия «причина — следствие» ведёт не от экономики к политике и идеологии, а наоборот [там же]. *«В Китае сложилось так, что две тотальные модели противостояли друг другу. Одна из них полностью отрицала значение техники управления, законов, институтов, говоря лишь о моральном усовершенствовании. Другая, целиком отрицая мораль, говорила лишь о необходимости организации, техники, слежки. Получалось, что государству, в принципе аморальному, противопоставит моральная семья»* [там же]. Этот пассаж без изменений был включён в состав монографии 1970 г.

Таким образом, к 1967 г. В.А. Рубин начал разработку теории развития этико-политической мысли Древнего Китая.

1. Конфуцианство, эмпирически определяющее систему ценностей.
2. Моизм, заменяющий все ценности одной — всеобщей пользой (позднее В.А. Рубин стал определять Мо Ди как «утилитариста»).
3. Легизм, создавший этатический утилитаризм⁹.

Развитие этой идеи привело В.А. Рубина к реконструкции процесса появления идеологии легизма в Китае.

1. Конфуцианство устанавливает систему ценностей. С одной стороны, это попытка изменить существующий порядок длительной постепенной гуманизацией. Система ценностей конфуцианства предполагает активность в рамках существующего порядка и имеющихся моральных норм, освящаемых традицией. Нравственные идеалы при этом не определяются, а достигаются интуитивно.

2. Мо-цзы занял активную позицию в попытке построения общества исходя из принципа пользы (для большей части народных масс). Выступление против культуры у моистов на втором плане, ибо хотя утилитаризм отрицает культуру, но Мо-цзы этого не осознавал и протестовал против конкретных

⁸ Первый император, объединивший Китай (221–210 до н.э.). Считается одним из самых жестоких правителей в китайской истории. Его государство рухнуло через два года после его кончины.

⁹ Систему ценностей легизма В.А. Рубин воссоздал следующим образом: «1. Антиинтеллектуализм. 2. Ненависть к культуре. 3. Ненависть к нравственности. 4. Оболванивание народа. 5. Деспотизм — внутри (своего государства. — Д.М.). 6. Агрессия — вовне» [5, с. 94]. Ср. с ценностями, выделенными Л.С. Переломовым [3, с. 368].

проявлений культуры элиты (музыки и ритуала). В.А. Рубин полагал, что Мо-цзы, вероятно, происходил из ремесленников и потому осознал государственный аппарат как механизм.

3. Даосизм — революционный подход: радикальное отрицание морали и культуры.

4. Легизм, таким образом, произрастал из моизма, но имел ряд особенностей:

а) Поворот от служения народу к служению деспоту и отказу от пользы народа. Полная дегуманизация и механизация всей политической структуры.

б) Наблюдаются и даосские элементы, а именно — отрицание культуры и морали в контексте ликвидации любой идеи или силы, противостоящей тоталитарному государству [5, с. 97-98].

Указанные особенности требовали возвращения к истокам конфуцианской морали. В.А. Рубин сформулировал новый методический подход к исследованию конфуцианской семейной модели, основанной на этике послушания. Таким образом, выясняется, что Конфуций предложил две модели поведения:

а) Покорный сын = подданный.

б) *Цзюнь-цзы* («благородный человек» в переводе Рубина) как самостоятельная самодовлеющая личность. Гуманистическая традиция конфуцианства коренится именно в доктрине *цзюнь-цзы*.

«Сила конфуцианства — в соединении этих компонентов. Оно таким образом удовлетворяло потребности широкого спектра личностных типов: с одной стороны, тех, кто не претендуя на руководство, удовлетворялся скромной ролью послушного подданного. Ему оно предлагало определённое достоинство [...] С другой стороны, оно удовлетворяло и потребности высшей личности» [5, с. 133–135].

Следствиями подхода к семье как к модели государства в конфуцианства были следующие:

1. Добродетель повиновения выдвигается на первый план, поскольку в семье главное — сыновняя почтительность.

2. Сыновняя почтительность — амбивалентна: не только дети должны повиноваться отцу, но и отец должен заботиться о детях, таким образом, в государстве у правителя есть обязательства перед подданными, и если он не исполняет их, подданные имеют право убить правителя, как простого бандита (этот тезис сформулировал Мэн-цзы).

3. Поскольку дети воспитываются, постольку в государстве главным средством воздействия является воспитание. Это идеалистический подход, который создавал идеал аморального государства: отсутствие понятия о соединении справедливости с силой приводило к восприятию государственной машины как противоположной морали.

4. Поскольку в государстве-семье всё определяется личными отношениями, нет необходимости в письменной фиксации норм [5, с. 194–195].

«По существу, конфуцианство с его приматом нравственности было разработано в дототалитарном государстве. [...] Оно, однако, стало идео-

логией в тоталитарном государстве. Тем самым образованный китаец был поставлен в трагическую ситуацию» [5, с. 189].

В период 1972–1976 гг. в связи с личными обстоятельствами, теоретическая деятельность В.А. Рубина была минимальна. После выезда в Израиль он смог вернуться к прежним научным проблемам, в том числе и в связи с разработкой учебных курсов по истории китайской философии в Еврейском университете Иерусалима. В этот период В.А. Рубин начал исследовать соединение космологических представлений с моделью общества, рассмотренной им ранее. Подход к этому он видел в использовании компаративистских методик, в частности, сравнении картин мира, созданных в античной, еврейской и китайской философии. *«В этом смысле космология заняла место греческой науки (если говорить о европейском синтезе христианства и греческой науки).*

Можно сказать, что после Конфуция хотя человек и вернулся в космическое лоно, но его значение было уже другое. Он уже никогда не рассматривался по-прежнему» [6, с. 198].

В Израиле концепция Рубина политизировалась. Он открытым текстом провозгласил Китай классической страной тоталитаризма и даже провел параллели между легизмом и фашизмом, причём главным аргументом в пользу такого сопоставления сделал невозможность рассмотрения теории в отрыве от практики. *«Складывается такая концепция: не может быть морально нейтральной идеологии. Всякая идейная структура, обладающая широким охватом и в той или иной степени универсальными претензиями, вступая в сферу политики, должна как-то морально определиться. Ели она не делает выбор в пользу морали, то она рано или поздно будет использована антиморальными силами, поставившими себя на службу деспотии»* [6, с. 199].

В плане изменения взгляда В.А. Рубина на конфуцианство чрезвычайно интересна лекция, прочитанная 7 ноября 1979 г. в Иерусалимском университете. Основные её тезисы таковы:

1. Духовный мир Китая до Конфуция.

а) Проводя сравнение Конфуция и Иисуса Христа, признаётся, что оба они строили свою доктрину на основе существующей цивилизации и культуры. При этом роль Конфуция для его учения и больше, и меньше, чем роль Христа для христианства. Традиционная историография Китая приписывала Конфуцию редакцию, отчасти и создание существовавшего до него канона, а о Христе этого сказать нельзя.

б) Архаическая китайская религия создала картину мира, но не систему морали.

2. Основные концепции чжоуской религиозной доктрины и её канона.

а) Концепция Неба (*тянь*). Изначально Небо носило явно антропоморфный характер, но позднее стало интерпретироваться как закон природы. Религиозное значение Неба сохранялось, но утратило всякий личностный характер.

б) Связь понятий Неба и народа (*минь*). Несмотря на тезис, что «Небо видит глазами народа и слышит ушами народа», концепция народного предста-

вительства в Китае так и не возникла. Напротив, Небо дарует свой мандат тому правителю, который о народе заботится, в противном случае — отбирает его, чтобы вручить более достойному. Отсюда — концепция династического цикла. Термин, обозначающий смену мандата, в современном китайском языке приобрёл значение «революция».

в) «Поднебесная» как синоним обозначения Китая, занимающего во вселенной центральное место.

г) Представление о том, что Поднебесная должна быть политическим целым, во главе которого стоит династия, поставленная Небом. В связи с этим — понимание раздробленности как аномалии.

3. Конфуций в этом плане выглядит абсолютно не драматически по своим жизненным обстоятельствам, в сравнении даже с Буддой. Он не хотел быть учителем, а стремился стать политическим деятелем.

Полное подтверждение этим тезисам можно найти ниже, в написанной, видимо, в том же 1979 г. и впервые публикуемой ныне статье В.А. Рубина, которая посвящена проблемам периодизации древнекитайской истории.

Источники и литература

1. Мартынов Д.Е., Калимонов И.К. Фазовая теория И.М. Дьяконова: востоковедение и осмысление хода мировой истории // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 148, кн. 4. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2006, с. 7–23.
2. Мунье Э. Манифест персонализма. Пер. с фр. // Мыслители XX века. М.: Республика, 1999. — 559 с.
3. Переломов Л.С. (пер. с кит., вступит. ст.). Книга правителя области Шан (*Шан-цзюнь шу*) // Памятники письменности Востока, XX. 2-е изд., доп. М.: Ладомир, 1993. — 392 с.
4. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. Вдовиной И.С., Мачульской А.И. // Gallicinium. СПб.: Алетейя, 2002. — 400 с.
5. Рубин Виталий. Дневники. Письма / Научный ред. Л. Дымерская-Цигельман // Библиотека-Алия, 124. Кн. 1. Иерусалим, 1988. — 287 с.
6. Рубин Виталий. Дневники. Письма / Научный ред. Л. Дымерская-Цигельман // Библиотека-Алия, 125. Кн. 2. Иерусалим, 1988. — 411 с.
7. Рубин В.А. Два истока китайской политической мысли // Вопросы истории. 1967, № 3, с. 70–81.
8. Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. Собрание трудов / Сост., отв. ред. А.И. Кобзев // Сер. Corpus Sericum. М.: Восточная литература РАН, 1999. — 384 с. (1-е изд.: Долгопрудный, 1993).
9. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. — 245 с.

В. А. РУБИН

Программа курса «Китайская историческая мысль»¹

1. Начало китайской историографии — «Книга истории». Её характер и хронологические рамки. Концепция мандата Неба.

2. Летопись «Весны и осени» и её роль в китайской историографии. Проблема авторства Конфуция. Комментарий к хронике и начало подхода к истории как суда над событиями и людьми прошлого.

3. Хроника «Цзо-чжуань» и проблема её связи с «Вёснами и осенями». Историческая концепция «Цзо-чжуань», появление новых оценок историком [происходящего], их характер.

4. Критика конфуцианского традиционализма Мо-цзы и представителями школы *фа-цзя* (тоталитаристами). Отказ тоталитаристов от ценности истории, уничтожение исторической литературы императором Цинь Ши-хуанди.

5. Сыма Цянь как основатель основного тренда китайской историографии. Его биография и понимание роли историка. Проблема мысли Сыма Цяня.

6. Структура «Записок историка». Хронологические рамки и характер каждой части этой книги, их связь с предшествующей китайской историографией.

7. Бань Гу и первая династическая история — «Хань-шу». Сопоставление «Хань-шу» с «Записками историка». Характер дотанских династических историй.

8. Стандартные династические истории, начиная с Танского периода. Организация историографической службы, методы отбора материалов, подго-

¹ Оригинал представляет собою не датированную машинопись на одном листе. Вокруг числовых обозначений 4, 8, 10 и 11 — карандашные отчёркивания. — Д.М.

товки истории и её публикации. Критика бюрократической историографии Лю Чжи-цзи.

9. Историография Сунского периода. Стремление к универсальности и работы Сыма Гуана, Чжу Си, Чэнь Цзяо и Ма Дуань-линя.

10. Чжан Сюэ-чэн и его историческая концепция. Идея единства истории и канона и её значение.

11. Проблема китайского отношения к времени: циклический и линейный подходы.

В. А. РУБИН

Проблема периодизации в коммунистической китайской историографии (ответ профессору Сюй Чжо-юню) (1979 г.?)*

Полезная статья профессора Сюй Чжо-юня «Early Chinese History: The State of the Field» (*The Journal of Asian Studies*. Vol. 38, № 3, May 1979) базируется, в основном, на китайских и японских публикациях. Мы находим в ней информацию о ситуации практически в каждой области исследований, касающихся древнекитайской истории. Наряду с работами о проблемах урбанизации, характера циньского и ханьского общества, развитии агрикультуры, автор даёт подробный отчёт о работах по проблеме периодизации, а точнее — проблеме рабовладельческого или феодального характера древнекитайского общества. Вероятно, Сюй Чжо-юнь не видит глубокой разницы между этими работами и прочими научными достижениями в области древней истории Китая.

Неоспоримым фактом является то, что эти работы написаны в КНР и являются частью совершенно иного идеологического контекста. Для понимания его природы необходимо, иными словами, понять природу и функции коммунистической государственной идеологии. Такое понимание позволит разъяснить, что проблемы периодизации не имеют ничего общего с реальными

* Рукопись представляет собою не датированную англоязычную машинопись на 9 страницах, последний абзац напечатан на отдельном листке бумаги (с другим отступом) и прикреплён в конце 7-й страницы. Концевые сноски принадлежат В.А. Рубину, постраничные — публикатору и переводчику Д.Е. Мартынову.

Сюй Чжо-юнь (許倬雲, р. 1930) — американский историк китайского происхождения, специалист по древнему Китаю (в том числе социальным отношениям и сельскому хозяйству эпохи Хань). В 1970 — 1998 гг. преподавал в Университете Питтсбурга.

научными исследованиями. Для китайских учёных (как и учёных других коммунистических стран) они вынужденно определяются коммунистической идеологией; обсуждение этих проблем, в сущности, есть упражнения в той части марксистской догматики, которая именуется историческим материализмом, и с точки зрения нормального ученого является пустой тратой времени. Вот уже 30 лет они живут в КНР под коммунистической властью без всякого ощутимого прогресса¹, и это будет продолжаться столько времени, сколько марксизм (пусть даже в китайском маоистском варианте) будет оставаться государственной идеологией. И если этого важнейшего условия не понимает даже такой выдающийся историк, как Сюй Чжо-юнь, чья книга «Древний Китай в развитии» («Ancient China in Transition»)* является одной из самых серьёзных работ, опубликованных по древней истории Китая в недавний период, то что будет с учёным, который 28 лет проработал под властью коммунистического режима? Для человека, который, как я, провёл 53 года собственной жизни в СССР, достаточно почитать книги и статьи, написанные историками КНР, чтобы увидеть, что проблемы, встающие перед советскими и китайскими исследователями, совершенно одинаковы.

Всякий, кто работает на ниве гуманитарных наук в коммунистической стране, знает, что эта область человеческой деятельности (как, впрочем, и всякая другая) должна исполнять специфическую задачу, возложенную на неё руководством. Задача гуманитарии — доказательство и/или иллюстрирование теоретических положений марксистской догмы. Философия должна демонстрировать превосходство диалектического материализма и атеизма над всеми формами идеализма и религии. Литературоведение и искусствоведение должны демонстрировать превосходство реалистической литературы и искусства над всеми прочими видами литературы и искусства. У юриспруденции задача — доказать, что социалистическая демократия — это единственная демократия, служащая интересам трудящихся. История должна подтверждать правильность ортодоксальной марксистской концепции развития общества от первобытного коммунизма через формации рабовладения, феодализма и капитализма к социализму и коммунизму.

Эта историческая мифология вбивается в голову каждого гражданина коммунистического государства как самоочевидная истина. Если для марксистских теоретиков и политиков перед коммунистической революцией эти теории служили только для прогнозирования, то теперь для любого коммунистического правителя — это теория легитимации собственной власти. Верующий коммунист нисколько не сомневается, что каждая из социально-экономических формаций является шагом вперёд по лестнице всеобщего человеческого прогресса, а коммунизм как высшая формация должен вытеснить умирающий капитализм.

* Ancient China in Transition: An Analysis of Social Mobility, 722–222 B.C. by Choyun Hsu. Stanford University Press, 1965.

Задачей марксистской истории Китая является доказательство того, что эта схема пригодна для Китая не менее, чем для Запада. Задача эта вовсе не проста: дело в том, что теория смены пяти формаций была смоделирована на материале европейской истории, как её видели Маркс и Энгельс во второй половине XIX в., однако китайские исторические источники не демонстрируют, что в древнем Китае рабовладение играло роль, сопоставимую с таковой в древних Греции и Риме².

Первым историком, который взялся доказать существование рабовладельческой формации в истории Китая, был Го Мо-жо. В своей книге «Исследование древнего общества в Китае»*, опубликованной в 1929 г., он назвал эпоху Инь «периодом первобытнообщинной формации» (термин, которому современные марксистские историки предпочитают «первобытный коммунизм»; вероятно, им не нравится сочетание двух последних слов, которое может провоцировать нежелательные ассоциации). Эпоха Инь, таким образом, была переходной к рабовладельческой системе, утвердившейся в начале эпохи Чжоу³. Впоследствии Го Мо-жо изменил свои взгляды и в книге «Рабовладельческая система»** писал, что Иньская эпоха, так же, как и эпоха Западного Чжоу, была периодом рабовладения⁴. Эти изменения, однако (как будет показано ниже, типичные для историографии коммунистического Китая), не столь важны, как общий метод Го Мо-жо, после применения которого практически все историки стали утверждать, что в древнем Китае существовала рабовладельческая система. Коротко говоря, эти методы применяются при рассмотрении каждого текста, если только в нём говорится о социальном неравенстве или угнетении: это служит доказательством эксплуатации рабского труда рабовладельцами, и, следовательно, существования рабовладельческой системы.

Одним из многих примеров может послужить истолкование Го Мо-жо известного текста «Мэн-цзы» (III А, 4), в котором в контексте дискуссии о разделении труда Мэн-цзы сказал: «Одни работают умом, а другие — мускулами; работающие умом управляют людьми, а работающие мускулами управляют людьми»***. Го Мо-жо прокомментировал его следующим образом: «Это коварный план паразитического класса, и никакая так называемая духовность или так называемая культура не нарушают пределов этого плана. Если людям от природы суждено быть *рабами* (курсив мой. — В.Р.), они рождены для этого и назначены на это небесами. Их высокий умственный

* «Чжун-го гу-дай шэ-хуй янь-цзю» (中國古代社會研究). Русский перевод под заглавием «Бронзовый век» вышел в 1959 г.

** «Ну-ли чжи ши-дай» (奴隸制時代). Имеется русский перевод Л.С. Переломова и М.Г. Прядохина под заглавием «Эпоха рабовладельческого строя» (М., 1956).

*** Перевод П.С. Попова по изданию: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М., 2004, с. 295. В оригинале В.А. Рубин использовал английский перевод D.C. Lau (L.: Penguin Books, 1970, p. 101).

труд настолько тяжелее физического, что они несравненно более благородны»⁵.

Итак, один смысл слова «раб» заменяется совершенно другим. В духе революционной риторики Го Мо-жо называет любого представителя низших сословий «рабом», после чего использует это как свидетельство существования рабовладельческой системы. Когда Го Мо-жо применяет этот метод к исследованию источников, он интерпретирует термины, обозначающие людей (*минь, шу-минь, ли-минь*)*, только как термины, обозначающие рабов. Но если весь народ состоял только из рабов, тогда любой текст, показывающий жизнь и труд народа, рассматривался как подтверждение марксистской концепции. Исходя из этого предположения, Го Мо-жо, цитируя «Ши-цзин», описывающий тяжёлый крестьянский труд, восклицает: «Возможно ли, чтобы люди, работающие круглый год и днём и ночью, не были рабами?!»⁶.

Ни в этой книге, и ни в какой другой, Го Мо-жо не пытался серьёзно проанализировать термины для обозначения рабства. Если бы он попытался сделать это, то первый же факт сильно ударил бы по его выкладкам: в древнем Китае не существовало термина для обозначения «раба» как противопоставления «свободному». И уже один этот факт является красноречивым свидетельством незначительности роли, играемой рабским трудом в древнем Китае. Если бы мы встречали рабов на каждом шагу (как в древних Греции и Риме), то следы этой ситуации постоянно встречались бы в китайских исторических хрониках, например, в «Цзо-чжуани», которая даёт достаточно подробное описание повседневной жизни древнего Китая.

Между прочим, в собственном исследовании этой хроники я попытался найти истинное место феномену рабовладения в Китае VII — V вв. до н.э. В свете того, что эта статья была опубликована в России в 1959 г.⁷, она практически неизвестна западным синологам. Поскольку её выводы имеют прямое отношение к предмету настоящей статьи, я полагаю уместным поместить здесь краткое изложение этой работы.

Для определения роли и места рабовладения я счёл необходимы выявить, какие термины обозначали рабов. Я нуждался в тексте, в котором однозначно был бы упомянут несвободный статус группы населения. В обширной хронике я нашёл один такой текст. В речи Чжао Яна, сановника царства Цзинь, датированной 2-м годом Ай-гуна (492 г. до н.э.) содержится пассаж, в котором Чжао Ян перед сражением даёт клятву, обращаясь к войску перед битвой. Он сказал: «Победившие врага высшие *да-фу* получают округ, низшие *да-фу* — район, *ши* — сто тысяч полей, простые люди, ремесленники и торговцы будут возвышены, слуги и рабы-конюхи — освобождены»**. Сравнение этого текста с тремя другими, содержащими упоминания всех страт китайского общества от

*民, 屬民, 黎民.

** Перевод В.А. Рубина даётся по изданию: Личность и власть в древнем Китае. М., 1999, с. 194. В оригинале дана ссылка на французский перевод Куврера: La chronique de la principauté de Lou / trad. S. Couvreur. P., 1951. T. 3, p. 607.

высших к низшим (включая главу, датированную 9-м годом Сян-гуна — 563 г. до н.э.; 14-м годом Сян-гуна — 558 г. до н.э.; 7-м годом Чжао-гуна — 534 г. до н.э.), позволило установить, какие термины использовались для обозначения несвободных групп китайского населения. Анализ контекстов, в которых эти термины использовались, позволил прийти к определённым выводам о месте рабского труда в древнекитайской экономике упоминаемого периода.

Как выяснилось, рабы происходили частью из военнопленных, частью из осуждённых преступников. Среди рабовладельцев мы можем увидеть только правящие семейства и аристократов, в домохозяйствах которых использовались рабы в качестве прислуги, строителей, конюхов, пастухов. Рабыни изготавливали одежду. В «Цзо-чжуани» рабы никогда не упоминаются в связи с главной отраслью китайской экономики — земледелием. Однако такое упоминание существуют в «Го-юй», источнике, близком к «Цзо-чжуани» по характеру и времени создания. В речи Го Яня, сановника царства Цзинь, жившего в первой половине VII в. до н.э., упоминается, что рабы-земледельцы (*ли-нун*) не могут прокормить себя, даже если усердно трудятся, поскольку собранный ими урожай идёт другим людям⁸. Тот факт, что больше в аналогичных текстах нет никаких свидетельств о рабах-земледельцах, показывает, что, по-видимому, это была очень немногочисленная группа, существовавшая только в царстве Цзинь, растворившаяся со временем в массе свободных земледельцев.

Таковы результаты анализа данных о рабовладении в самых важных и подробных из источников по древней китайской истории. Эти результаты никоим образом не являются сенсационными, они, скорее, поддерживают впечатления каждого непредубеждённого читателя древнекитайских источников. У меня нет никаких сомнений, что, если провести аналогичную работу с материалами прочих источников, в которых описываются Западное Чжоу и Чжань-го, выводы никак не будут отличаться.

Но эти результаты совершенно не подходят для успешного выполнения основной задачи, которую доверили историкам идеологические начальники. Вот почему большинство китайских историков вынуждены следовать примеру Го Мо-жо, интерпретируя термины, обозначающие людей в целом, как термины рабства⁹. Это выход из исключительной ситуации, когда у историков КНР существует 1500-летняя разница датировок для времени формирования рабовладельческой формации. Если можно простое упоминание людей в древних текстах интерпретировать как свидетельство существования рабовладельческой системы, то любой учёный волен провозгласить господство рабовладения практически в любой период китайской истории. Тот факт, что позднейшие данные по рабовладельческой формации привязаны к III в. н.э., связан с марксистским требованием обязательной смены рабовладения феодализмом. Без него рабовладельческая система может передвигаться вплоть до современной эпохи.

Профессор Сюй Чжо-юнь видит в дискуссиях о проблеме периодизации некое подобие признаков новой свободы*. Он пишет: «После продолжительного молчания, навязываемого *догматической жёсткостью* (курсив мой. — В.Р.) Культурной революции, историки *ещё раз* начинают обсуждение проблем периодизации» (р. 455). Это утверждение обманчиво. Так называемая «Культурная революция» была периодом избиения (*pogrom*) и уничтожения любых форм культуры. Что касается догматической жёсткости, то это нормальная ситуация в каждой коммунистической стране. Наилучшее тому подтверждение — факт, что китайский историк вынужден снова и снова тратить время и силы на бесконечные повторения пустопорожних фраз о рабовладельческой и феодальной формации.

Виталий А. Рубин,
доцент китаеведения
Еврейского университета Иерусалима

Примечания автора

¹ Сюй Чжо-юнь упоминает, что позиции и аргументы дискуссии, начавшейся в ноябре 1978 г., кажется, не выходят за пределы того, что было в 1950-е гг. (р. 455). Сравнение работ, написанных в КНР по проблеме периодизации, только подтверждает это мнение (см.: *Рубин В.А.* Дискуссии о периодизации древней истории Китая на страницах журнала «Вэнь-ши-чжэ» // Вестник древней истории. 1955, № 4, с. 116–124; *Рубин В.А.* Проблемы рабовладельческой формации в древнем Китае в освещении современных китайских учёных // Вопросы истории. 1957, № 4, с. 193–201).

² Здесь я говорю только о древней истории, и не упоминаю прочих несоответствий, как, например, отсутствия капиталистической формации в Китае, и т.д.

³ *Го Мо-жо* 郭沫若. Чжун-го гу-дай шэ-хуй янь-цзю (中國古代社會研究 Исследование древнего общества в Китае). Пекин, 1954, с. 104–154.

⁴ *Го Мо-жо*. Ну-ли чжи ши-дай (奴隸制時代 Эпоха рабовладельческого строя). Пекин, 1954, с. 4–20.

⁵ *Го Мо-жо*. Чжун-го гу-дай шэ-хуй янь-цзю, с. 121–122.

⁶ Там же, с. 123.

⁷ *Рубин В.А.* Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1959, № 3, с. 3–21. (Переизд.: *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. М., 1999, с. 191–206. — Д.М.)

⁸ Го-юй. Шанхай, 1958, с. 92.

⁹ *Фань Вэнь-лань* 范文瀾. Чжун-го тун-ши цзянь-бянь (中國通史簡編 Краткое изложение истории Китая). Пекин, 1953, с. 39; *Шан Юэ* 尚鉞. Чжун-го ли-ши ган-яо (中國歷史綱要 Очерки истории Китая). Пекин, 1954, с. 7; *Ли Я-нун* 李亞農. Чжун-го ды ну-ли-чжи юй фэн-цзянь-чжи (中國的奴隸制與封建制 Рабовладельческий и феодальный строй в Китае). Шанхай, 1954, с. 4; *Ван Юй-цзи*. Чжун-го шан-гу ши-ган (中國上古史綱 Очерк истории древнейшего Китая). Шанхай, 1959, с. 67.

* «New Freedom» — заглавие книги и политической программы (1913 г.) президента США В. Уилсона.

А. И. КОБЗЕВ

Уроки Чистого Листа, написанного Е.В. Завадской (1930–2002)

Евгения Владимировна Завадская (Виноградова) была одним из самых оригинальных и смелых исследователей в отечественной китаистике второй половины XX в. Всю жизнь она занималась наиболее сложными и малоизученными в России проблемами синологии, совмещая изучение истории китайского искусства и его философских оснований. В соответствии с этим Е.В. Завадская работала и в Музее восточных культур (1950–1954), и в Институте философии (1954–1957), и в Институте востоковедения (1957–2002) АН СССР / ИВ РАН, являлась кандидатом искусствоведения (1962) и доктором философских наук (1984).

В подмороженной атмосфере советской гуманитарии она ярко выделялась неординарностью интересов, живостью мысли и нелицеприятностью суждений как по научным, так и по социально-политическим вопросам. Евгения Владимировна дружила с лучшими интеллектуалами той ушедшей эпохи, окормлялась у А.В. Меня (1935–1990), не смущалась выступать против официозных мерзостей и подписывать диссидентские письма протеста, а потому совершенно несообразно со своим научным весом и обилием публикаций почти до перестроечных времен пребывала в статусе невыездного младшего научного сотрудника. Такое несоответствие конфуцианскому принципу «правильного [употребления] имен» (*чжэнь-мин* 正名) компенсировалось рекордной тиражностью ее изданий и популярностью, далеко выходящей за профессиональный круг. Все это вызывало самые разные эмоции и у власть придержащих, и у более титулованных, но менее известных коллег.

Однако это мало заботило Е.В. Завадскую, которая шла своим путем и всеми силами стремилась духовные сокровища Китая сделать доступными носителям западной культуры, содействовать их общечеловеческому осмыслению¹. Среди синологов своего поколения она резко выделялась серьезным

¹ Об этом свидетельствуют названия ее книг: «Восток на Западе» (М., 1970) и «Культура Востока в современном западном мире» (М., 1977).

Е.В. Завадская в юности и зрелости

знанием традиционных и современных достижений западной мысли, упорным стремлением к их сопоставлению с китайскими аналогами¹. Этот компаративистский энтузиазм иногда жертвовал глубиной ради широты, но всегда был искренним и честным.

После крушения СССР Евгения Владимировна сумела по-настоящему добраться до Китая, дотоле столь долго изучавшегося ею лишь заочно. Правда,

¹ Отсюда работы об Иоанне Мосхе (1979) и Альберте Швейцере (1970).

подобно первым западным миссионерам, она смогла надолго попасть только в его преддверие — на Тайвань, но и им была настолько очарована, что мечтала остаться там до конца своих дней, живя под китайским псевдонимом Бай-чжи 白紙, данным ей художником и искусствоведем Чэнь Чуань-си (陳傳席, 1950 г.р.). Он буквально означает Чистый Лист, или Белая Бумага, ассоциируясь как с чистотой, светом, ясностью, так и с пустотой, тщетой, трауром. Несмотря на упорное сопротивление и затворничество в женском монастыре под Тайбэем, тяжелая болезнь заставила ее нарушить все планы и вернуться на родину умирать.

Автор этих строк знал Е.В. Завадскую более четверти века, работая с нею в одном отделе Китая Института востоковедения и в многообещавшие, но обманчивые 90-е годы планируя различные совместные издания. Трагическая ситуация, в которой оказалась Евгения Владимировна в последний период своей жизни, вызвала в ней глубокую внутреннюю отрешенность от мира, совершенно несовместимую с реализацией этих планов. Да и общая обстановка в стране не благоприятствовала этому. К примеру, даже в солидном академическом издательстве «Восточная литература» пропала уже набранная последняя монография Е.В. Завадской, посвященная искусству эпохи Юань.

Поэтому как только возникла соответствующая возможность, составитель «Архива российской китаистики» решил отдать посильную дань памяти замечательного ученого и прекрасного человека. Первым шагом в данном направлении стала предлагаемая ниже факсимильная публикация совершенно оригинального рукописного самиздата Е.В. Завадской, одну из немногих ксерокопий которого она презентовала написавшему настоящее предисловие.

Эта уникальная книга, местонахождение оригинала которой в настоящее время неизвестно, была создана Е.В. Завадской зимой 1992–1993 гг. под впечатлением пребывания в южной столице Китая эпохи Мин (1368–1644) Нанкине и перед судьбоносной поездкой на Тайвань. Будучи стилизованной под китайское *хуа-пу* 畫譜 — руководство по живописи и посвященной «знатоку и мастеру» этой «молчаливой поэзии» Чэнь Чуань-си, она явилась попыткой соединить науку с философией, а слово с рисунком.

Аннотация к ней гласит: «Текст адресован коллегам-синологам, исследователям живописи и книжного искусства и тому читателю, который обладает странной склонностью “тянуться с нежностью бессмысленно к чужому”, любит “чужих певцов блуждающие сны”. И еще одна строчка из Мандельштама: “То, что я сейчас говорю, говорю не я...” определяет характер предлагаемого текста: в нем автор лишь вторит “хуа пу” китайских мастеров “молчаливой поэзии”». Задуманное в 1992 г. рукописное издание не было доведено до конца, из запланированных четырех тетрадей Е.В. Завадская успела подготовить лишь первую на 53 листах с пагинацией 79 страниц. Общий замысел изложен в «Приглашении к чтению», датированном 13.12.1992:

«Рукописная форма книги выбрана мной по нескольким причинам. Прежде всего таким способом хотелось выразить адресованность текста каждому читателю — это письма из Цзиньлина (Нанкина. — А.К.) об искусстве XV–XVII столетия; кроме того, рукописность, думается, создаст аллюзию на рецептурные учительские тексты, которые во множестве создавались в минское время и хотя печатались в достаточно большом количестве экземпляров, в ксилографах воспроизводилась рукописная графика авторов; А.А. Ахматова как-то заметила: “Мы живем в догутенбергову эпоху”, словно угадав “своеобразие” нашего времени — начало 1990-х гг. — пусть же и эта грань нашей жизни запечатлется таким образом.

“Уроки китайских мастеров `молчаливой поэзии`” состоят из четырех частей, четыре уроков. Первая тетрадь повествует о том, какие учебники по грамматике живописи были созданы в период Мин, чему и как они учили.

Вторая тетрадь = урок содержит рассказ об Учителе с большой буквы, прославленном минском мастере Шэнь Чжоу (沈周, 1427–1509. — А.К.) и об его не менее знаменитом ученике – пейзажисте Вэнь Чжэньмине (文徵明, 1470–1559. — А.К.).

Третий урок посвящен живописности сада, эстетике пространства, осмысленной и воссозданной минскими живописцами и мастерами садового искусства.

Четвертый урок — завершающий — посвящен переходному времени: концу Минской и началу Цинской династии (*Минмо Цинчу*) — это время явилось, как необычайный взлет живописного творчества — живопись “странных талантов” (так их называет традиция) — Чэнь Хуншоу (陳洪綬, 1598/1599–1652. — А.К.) и Гун Сяня (龔賢, ок. 1599–1689. — А.К.) — вобрала в себя “уроки” минского времени и открыла невиданные ранее возможности живописного языка» (с. 3–5).

Постскрипtum в пандан к аннотации содержит еще одну поэтическую параллель с Западом — цитату из «Писем династии Мин» И.А. Бродского (1940–1996) и рисунок мастерской Гун Сяня, сохранившейся в Нанкине до наших дней, а задняя сторонка обложки закругляет всю компаративистскую конструкцию иллюстрацией к минскому роману «Путешествие на Запад» («Си-ю цзи» 西游記).

При редакционной подготовке в 2015 г. неожиданно и удачно выяснилось, что редчайшую копию этой книги, подаренную автором размножившему ее в пяти экземплярах кандидату искусствоведения, доценту истфака МГУ В.В. Звереву, в электронном виде опубликовала ученица Е.В. Завадской и ныне крупнейший отечественный специалист по китайскому искусству, доктор искусствоведения, профессор РГГУ В.Г. Белозерова (<http://www.eastarts.ru/books.php>), которая также предпослала счастливому появлению «Уроков» Чистого Листа на белой бумаге в типографии свое вводное слово.

Обложка рукописной книги Е.В. Завадской 1993 г.
с дарственной надписью размножившему ее в 5 экз. В.В. Звереву
и личной печатью с именем Бай-чжи, сделанной художником Чэнь Чуань-си

В. Г. БЕЛОЗЕРОВА

О книге, написанной «на одном дыхании»

Евгения Владимировна Завадская (1930-2002) была ведущим специалистом по китайской эстетике, впервые в отечественной науке осветившим идейные основы и историческое развитие теории китайской живописи, а также творчество целого ряда ее главных представителей. По своему научному уровню и исследовательским методам труды Е.В. Завадской существенно опережали российское искусствознание периода «советского застоя», а ее вдохновенные лекции неизгладимо запечатлелись в памяти слушателей.

Е.В. Завадская окончила исторический факультет МГУ в 1953 г. В 1962 г. получила степень кандидата искусствоведения, а в 1983 — доктора философских наук. С 1957 г. и до конца своих дней она работала в Институте востоковедения АН СССР / ИВ РАН. Книги и статьи Е.В. Завадской отличаются глубиной и ясностью мышления, воздействие которого усилено красотой проникновенного изложения. Ее публикации до сих пор являются лучшими на русском языке проводниками в мир китайской живописи. Работая в условиях, не благоприятных для научных изысканий как из-за дефицита информационных ресурсов, так и из-за идеологического давления, Е.В. Завадская приобщала читателей 1970–80-х гг. к китайской культуре, являя своим творчеством пример интеллектуальной свободы и глубокой убежденности в непреходящей ценности искусства. Ее книги мгновенно раскупались не только Китаем и интересовавшейся китайской культурой широкой публикой, но и многочисленными искателями мировых духовных ценностей. При жизни она опубликовала семь монографий¹ и сотни статей¹.

¹ Слово о живописи из сада с горчичное зерно / Пер. с кит., предисл. и коммент. Е.В. Завадской. М.: Наука, 1969; переизд.: Издательство В. Шевчук, 2001; Восток на Западе. М.: Наука, 1970; Эстетические проблемы живописи старого Китая.

В 1992 г. Е.В. Завадская задумала уникальный проект рукописного издания «Уроки китайских мастеров “молчаливой поэзии”», посвященного эстетической мысли XV–XVII вв. Предполагалось, что оно будет состоять из четырех тетрадей: в первой рассказывалось об учебниках китайской живописи эпохи Мин; вторая должна была повествовать о творческом опыте художников Шэнь Чжоу (1427–1509) и Вэнь Чжэн-мина (1470–1559); третья — об эстетике садов и ее связи с живописной традицией; последняя отводилась наследию Чэнь Хун-шоу (1598–1652) и Гун Сяня (ок. 1599–1689). Первая тетрадь была написана зимой 1992–93 гг., по словам самой Е.В. Завадской, «на одном дыхании», но замысел остальных трех тетрадей так и остался не осуществленным.

Е.В. Завадская хотела опубликовать первую тетрадь так, как она возникла в ее рукописном исполнении со всеми зачеркиваниями и дополнениями, отражающими процесс рождения текста, и собственноручно выполнила рисунки в тексте, подобрала и расположила в качестве иллюстраций старинные китайские гравюры. Подобное оформление создавало атмосферу непосредственного общения автора с читателем, будто они вместе внимают наставлениям старых китайских мастеров. В том же 1993 г. с оригинала рукописи было сделано пять копий, которые разошлись по друзьям Е.В. Завадской с ее дарственными надписями и печатью. Один из экземпляров Е.В. Завадская подарила А.И. Кобзеву, стараниями которого рукопись тетради, следуя замыслу автора, факсимильно публикуется в настоящем издании. В новую компьютерную эру, отучившую людей от письма рукой, замысел Е.В. Завадской доставляет редкое и изысканное удовольствие общения через рукописное слово.

М.: Искусство, 1975; то же на китайском языке: Чжунго гудай хуйхуа мэйсюэ вэньти. Гуйчжоу, 1987; Культура Востока в современном западном мире. М.: Наука, 1977; «Беседы о живописи» Ши-тао. М.: Вост. лит., 1978; Ци Бай-ши. М.: Искусство, 1982; Мудрое вдохновение Му Фу. М.: Наука, 1983.

¹ В частности: Эстетический канон жизни художника — фэнлю (ветер и поток) // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки М.: Наука, 1973; Философско-эстетическое осознание тени в классической культуре Китая // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976; Воспоминание как философско-эстетическая категория // Китай: государство и общество. М., 1977; «Луг духовный» Иоанна Мосха и его китайский аналог // 10-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1979. Ч. 1; Даосская поэтика странствий // Дао и даосизм в Китае. М., 1982; Миссия слова в «Лунь юе» // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982; Китай // История эстетической мысли: становление и развитие эстетики как науки. В 6 т. М., 1985. Т. 2: Средневековый Восток. Европа XV–XVIII вв.; Категория высшей эстетической ценности (и-пинь) в традиционной китайской аксиологии // Эстетическая ценность в системе культуры. М., 1986; Художественное развитие стран Дальнего Востока в XVII начале XX в.: Китай, Корея, Япония // Художественная культура в капиталистическом обществе. Л., 1986; Художественный образ утопической мысли // Китайские социальные утопии. М., 1987; Ихэюань — Сад, творящий гармонию // Сад одного цветка. Сб. науч. ст. М.: Наука, 1991.

Уроки Китайских мастеров
"Моральной поэзии"

Е. В. Завадская = Бэйхси

Первая тетрадь - "Хуану",
Иллюстрированные руководства по живописи

Буклей адресован коллектам-символогам,
исчерпанности живописи и книжной
искусства и тому читателю, найдящий
визуальную странность смелостью "Тяньцзян"
с нежностью бесмысленно к чужому, "
любимый "Тухеих неволя в буржуазные снах.
И еще одна страница из Манчжуритана,
"10. Это я сейчас говорю, говори не я..."
антропоморфный характер предлагаемых тем.
В ней автор, имея в виду "Хуану" китайский,
Линь Цзянь "История китайской поэзии".

Е. В. Завадская = Байцхи

Уроки
Китайских мастеров
"молчаливой поэзии"^o

白紙・畫譜論

Москва 1993. ИВРАН.

^o Так называют эти живопись.

Посвящается Чжоу Цзюань-си —
— знатку и мастеру «молчаливой»
наставлениям которого с восхищением
и благодарностью внимал автор,
в древнем Цзиньлинге.

Примечание к четв. главу

„Воспоминание безмолвно предо мной своей
 длинной разбивает свисток...“ — эти кун-
 жинские строки определяют строй
 текста, его интонацию и особенности
 книжной формы. Всякая же судьба была
 уродно мне пребывание в старинной
 южной столице, городе Узиньшане (ныне
 уезд Нанкин) ⁽¹³⁶⁹⁻¹⁶⁴⁴⁾ вешней провинции Мэн
 провинции и области примыкающей к
 ней — прекрасные города и веси Узиньшане
 почасти удалось увидеть и „вспомнить“,
 воскресить в себе живописи Сюань Вань
 и Су Ши, стихи Бо Цзюань и Ван Вэнь,
 описавших пейзажи Узиньшане в стихах
 и в „поэтической поэзии.“ SP - (Мин)

В известной китайской пословице:
 = наставлении говорится: „Трудно звать
 тьфу м, краги звать тьфу м —
 только тогда сможешь крикнуть
 к творчеству в живописи, каллиграфии
 и поэзии. Иными словами необходимо
 одолеть огромное пространство (поэзии,
 как восклицание в.д. Мандельштам Океан
 именно за то, что он не ходил много верст
 Италией и... сложиле пути своей „Восточ-
 венной комедии.“

На эту двойственность философско-поэтических
стремлений обратил внимание и Х.-Л. Бодке
и, что очень важно, в свете с анализом китай-
ской культуры, и более того личной культуры,
созданной именно в Цзиньчэне. (Полонезы,
просифранство-лабиринт сада и меховой лаби-
ринт сценарного романа охватывающей
одним и тем же, единым целым).

Пребывание в кувинском пространстве
XV-XVII столетий оставило головокружитель-
ное впечатление. Упомяк в Уюне (Суньцзю)
и архитектурный квест «Виды Уюна»
написанный мисским художником Шэньцзю
читались практически одинаково. Тысячи
ли и тысячи цюаней свивались в один
светяк.

Тем же эстетический феномен был
открыт в самом Китае и осмыслен
уже в IV столетии н. э. как раз в связи
с возникновением пейзажной живо-
писи как жанра. (卧游)

Понятие «вою» (Воспринимаемое стран-
стве, букв. «странство лёжа, не покидая
кровати») создано гуданом мыслителем,
поэтом и художником Цзун Бинном (375-
443). Его сочинение «Вводное каставление
в живописании гор и вод
(Хуа шаньцзюй сюй) - атри-
буцией злиненной списки
трактатов о живописи,
в котором указывается
попытка приоткрыть

адресованность текста каждому читателю - это письмо из Цзиньляня об искусстве XV-XVIII столетия; кроме того, рукописность, думается, создает элемент на рецептурке учительские тексты, которые во множестве создавались в минское время и хотя печатались в достаточно большом количестве. Энциклопедия, в книгоградах воспринималась рукописная графика авидаов; А. В. Армаева как-то заметила: "Мы живем в ~~эпоху~~ ^{эпоху} эпоху", словно улавливая "эпоху" нашего времени - начало 1990-х - и пусть же и эта грань нашей жизни чем-то займется таким способом.

"Уроки китайских мастеров «молчаливой поэзии» состоят из четырех частей, четырёх уроков. Первый урок посвящен о том, какие традиции по графикалке живописи были созданы в Китае мн, чему и как они учили. Второй урок посвящен рассказ об Учителе с большой буквы, прославленном минском мастере Шэнь Чжэу и об его не менее знаменитом ученике-пейзажисте Вань Чжэншэ.

Третий урок посвящен живописности сада, эстетике пространства, осмыслению и воссозданию минскими живописцами и мастерами садового искусства.

Четвертый урок - эстетический - посвящен переходному времени: концу минской и началу Цинской династии (Маньчжурский) - это время явилось, как необычайный взлет живописного творчества - живопись "странных талантов" (так их называли поэты) -

Тань Вуншоу и Гун Сянэ - вобрала в себя уроки лихого времени и открыла небывалые ранее возможности невоинского искусства.

Хочется сказать благодарное, тем же слово всем, кто напомал и напоминает всё время думать о китайском искусстве, испытывая его похвалить и, конечно, любить. Это прежде всего одержимые китайскими проблемами. Намеч: театр, живопись, феминизм, поэзия, скульптура, кинофильм - всё осмысленное или стало казенной орденой в подходе к анализу лихого искусства. Это и те, кто, казалось бы, думает и пишет о друзьях - о средних веках Европы, о серебряном веке русской поэзии, но в их сумасшедших и какою-то национальную близость, которая упрямится вду в собственную выдумку на вещи. Это и китайские встречи с художниками, чуждыми и просто теми, кто любит и знает своего культуру. И это, конечно, друзья - близкие в семье - мама, дядя, внук - и за стенами дома, но всегда приходящие на помощь. - Спасибо.

13. 12. 1992.

Б. Б. В.

P. S. И если это, в самом деле, Косяк Браздский вдруг пишет стихи о Лихом Китае :

„ Письма умирающим Мин“ -
 I
 „ Скоро тридцать лет, как соловей из клетки
 вырвался и улетел [...] ^{морщины,}
 Богдыхан [...], вконец завадного соловья
 погружается в сон [...]
 Специальное звание, ^{морщины,} фантомизирующее
 канцеляршию дорожает. Наму маленький
 сад в усадьбе [...]“

II
 „ Дорога в тысячу ли начинается с одного
 шага, тысяча поговорок. Какое, что от него
 не зависи дорога обратно, кровососающая
 тысячу ли многократно
 тысячу ли [...]
 Одна ли тысяча ли, две ли тысячи ли -
 тысяча отгадывает, что ты сейчас видишь
 от родного крова [...]
 Обиженные в одну сторону превращают
 в нечто выдуманное, как голова коня [...]“

- Спасибо, Мосар.

Ван-Сае-лю-
 (Государь [деятель]
 мейтев) -
 мастерская
 микского храма
 Ниха Тун Сянь,
 сохранившаяся
 в Цзиньшане за
 наших дней.

o Мосар Браунский. Китайские и, Ст. «Сюар»,
 („Фридан“), 1980, с. 188-189.

Урок первый — иллюстрированное
руководство по живописи («Хуа ну»)¹⁰.

В течение четверти века (1619-1644 гг.) создавалась учебная живопись, которую учредено было считать шедевром книжного искусства. «Шичжучжэи шуху ну (Иллюстрированное руководство по каллиграфии и живописи) признано не только в Китае, но затем и в Японии и на Западе лучшим изданием такого типа литературы»¹⁰.

Книгопечатание, аранжировка книжного ансамбля достигла в Китае лишь наивысшего расцвета. Можно сказать, что именно здесь видится в известном смысле сивилом культуры минского времени. ¹⁰Издавание типа «Хуа ну» представляющей собой один из важнейших элементов книжного искусства этой поры. Именно в «Хуа ну» поистине воплещется то секретное начало, которое отличает минскую культуру в целом. Так, в области живописи этот секретивный процесс в том, что к так называемым трем совершенствам (самь цзюэ): поэзии, каллиграфии и живописи, которые в течение нескольких столетий определяли многогранность истинного таланта художника, прибавилась еще

¹⁰ Прорисовка отиска одной из печатей Мастерской гравюры Баньбунао (Шичжучжэи).

одно — совушенство личности и пейзажа. В мимской аксиоме при оцелече про- шведетим искусства и творчества живописца какинай иманозавать ко три, а четывре критерия - тчо так какивае- мие четывре зостанства (сы мчи)?

Пути к этим четыврем зостанствам мимской живописи был залот и сложес. Истоиз становления "Хуану" ухадий на мысль дель в шудь Трагичи, к дубелсу IV-V столетий, к соикетимо уже упоминавшесой мкой Цзун Биня. "Творца ма. видим в его творении, ко- нина ке вие его" - аметил М. М. Бахтин, ¹⁰⁰ обрацетие к живописи как к мечте и стремение осмыслить структуру этого типа текста и способ его челси (ду) аимали Трагичи Цзун Биня ат долее ранних соикетий, в кагдах ива реть об искусстве. Тчо было кзвое специалное высказывание о живо- писи как феномене с особай природой и дурекудией. Кичитко-бвечитстваная аура выносилась за пределы текста, оситавалась в его пространстве миль миели, пустоты, масштаб, горизонталь и вертикали. Цзун Биня аналицировал создалую художником впаду реал- носить, описывал действителне талько в ней закономерности. Живопись, ко Цзун Биню, ке адметилла природу, тчо пребывала за стнами дома, и сама природа ке обладала талько возможностью в свою одежду талько ровать живописной кичеи. ¹⁰⁰ или аичетали наравных, обладал

в равной степени действительными бытием.³
 В специальном разделе ^(читать) по поводу "Хуа ну"⁴
 видный китайский специалист по каллиграфическому искусству. Ужасно видны в начале
 это Тина книги = рецензия, книги = название
 лекции в сочинении Чжу Биня. Далее он
 называет Фу Кайчжи, Се Хэ, Ужасно
 То Ксюэ, то есть, основные авторы =
 теоретики живописи. Мне представляется
 важным напомнить читателю (что о
 Се Хэ написано очень много), что известна
 шесть законов живописи (люо фа) сформулированных Се Хэ, содержащий одну
 важную для нашего разговора мысль.
 Первый закон - цзинь мюань (ощущение
 борющейся силы; живого движения)
 был противоположен оставшимся пяти
 во-первых, потому, что он самый важный,
 самый трудный, самый сложный,
 сущности искусства, а, во-вторых, потому,
 что в отличие от других, ему нельзя
научиться, он относится к сфере
 врожденного таланта (шэньси), "неис-
 комого дара" (шэньси). (на самом деле
 наставлений учителя, собственного усердия
 на основе изучения "Хуа ну" можно
 овладеть лишь техникой письма
 кистью (кан би), цветом и композицией,
 а также различными приемами копирования и изображения
 древних. С этого времени рецензи-
 тивный характер методических сочинений
 становится определяющим. Авторы
 говорили лишь о том, что можно
 описать, выразить словом или кистью,
 таинство творчества было открыто,
 понятным.

孩兒面

纔脫錦衣裯 童顏嬌可詫
只恐粧鬼時 愛之還又怕

Однако только в издании Сун, в XI-XIII вв., словосочетание хуану впервые встречается в каталоге сочинений о живописи. В «Обстоятельном каталоге императорской коллекции каталогизируется «Сюань хуану» (Каталог картин издателя Сюань-хуану).⁷⁰ В данном случае хуану означает «описание картин», «аннотированный каталог». И лишь в иллюстрированном трактате о живописи цветов Мэйхуа (Мэйхуа) сунского художника Сун Божэнь хуану имеет смысл «иллюстрированного руководства», которое с этого времени становится обязательным приложением, обозначающим иференциальную типологию: образцы живописи или её отдельные элементы и их названия с помощью.

Рецензия - наставление Сун Божэнь Мэйхуа и печатная в тексте рукописей каталога и это издание считается одним из шедевров прославленной сунской печатной книги. Трактат Сун Божэнь «Мэйхуа шэнь хуану» (Каталог цветов мэйхуа, исполненный звука фангюан) ищется в двух книжках - цзюань (цзюань) и иллюстрации содержательной и образной ветки дерева с цветками от начала её цветения до окончания цветения. Сам характер итерактивной по своей сути оригинальности - не ранее, чем в последующей истории этого жанра живописи не было найдено итерактивных: они необычайно условны, будто созданы художником нашего столетия. В этом жанре прославился себя великий мастер (о нём речь пойдет далее), но, конечно, только один стоял вровень с Сун Божэнем - это знаменитый поэт и художник Икю Сокан (1394-1481).⁷¹

В монографической свитке «Ветвь сливы», ^{или} «Кашу»
 санном иккю олевицка свитке с «Куану»
 Сун Воксоня. «Сухая книга» шабранама
 Телетые, старие, перевернутые под ирландские
 урши ветви зрела. Тем контрастно востан-
 дий милодые весенние кадем. Орка такмо
 ветвь поднимается, вртинательно, вступалсь
 в пространство «зали стиха» (штан). Тту
 ветвь называлой цичмен (или шюньмен) —
 «одухотворенная» или «исполненная духа».
 Но ввнемас в Китай, к сунскому автору.
 Сун Воксонь замечалей шабранетие в
 рамку а надпись = название и строки
 стирал помещалей :... сверху и сбоку.
 Телюназ каллиграфий Кашу конфай-
 рией с фантастичностью и условностью
 самих иллюстраций. Иллюстри в каждой
 крупнее, левые, чуть меньше в месте
 стихотворных строк :..., фистоложенкой
 вртинательно. Две строки итиселовалей
 стихов маркированы линиями.
 Вртинательно = гармоничные четкие
 структуры рамки и текста надду-
 вают сложные повороты и изгибы
 живого растения. Названия рамоч-
 ных фрейм цветна очень обрзны,
 оригинальны и метки, ибо адресован
 урешену, которому их следует. Запоминать
 Тубаксии удовлетворей цветна старинной
 монете, гаше, звезде, звезде, милоу,
 младенца ит.и. Вай страница с
 шабранетием бутана-ан кабан
Лаохень син (Звезда Старца) — и како-
 минаей всем известную книгу мид-
 роси на лбу Шоусика. Очень выра-
 зительны и стихотворные строки:

老人星

風掣五雲開
明星燦南極
嘉祥自朝廷
何幸愚親識

Вещью разноцветная уветная облака
 "И зркие звезды засидли на небе.
 Это счастливые предзнаменования
 двору камней династии.
 Какое счастье мне, глухую, полюбившую это".
 В космоновии к трактату Сун Вожень
 свещиваете метаморфозы, уветка с три-
 грамматии "Ицзина", сгиталии, гий знаи
 Цзнь и Куи предкагертивана: метамор-
 фозы уветав мэйхуа. Паньский мастю
 Исунжэнь повидити ксивонии мэйхуа се-
 знамлене согинение (Хуа Гуан мэйху),
 ок. 1170г., в котором наряду с текстурова-
 ми приемами описан и ее символический
 смысл. Меньшие авторы "Хуану" о ксиво-
 нии мэйхуа часио цитируют трактат
 Исунжэнь, он нагитаетаз ванкешими
 текстам аб этом жанре ксивонии.
 Френеде гет нагитировать автритиви
 из согинения Исунжэнь, напомним гитай-
 мо, гий мэйхуа ванкешает границу
 зими и весны, гий уветан (карледу
 с соеной и дамидуиан) входит в колмо-
 зию "трех зррей ханской зими" и
 при гитай звидетити символами прав-
 дика весны (нового года) Цуньцзе. И, го
 особенно борого сержу автита - мэйхуа
 - это абра-символ древнего Цзшяианя.
 В праздник зрнсарей з куиша фань
 в виде зривца симво мэйхуа - з бат
 уже нескаило мей, вполниша Нанши,
 заншатаи слов зрети нового года.
 Кроме того гит уветан ассоциирити
 с прекрасными возрастом, с темой, келли
 зя ксесть зсидити (убы, го мей уветан)
 и смунсити знакам мудрости (это
 относитя гелмно к мунгитам).

В лирических "хуаху", посвященных живописи лихуа заветы Сун Боконга и Зисун жень воспринимались в единстве как прекрасная традиция великой сунской живописи. Если в разрывы и переломы приёмов письма канедый мастер ирва сии своей опыте, то эстетико-символическое протенне образа лихуа, дзюна Хуа Гуакан, воспринималось в основополагающей цельности. Сунский мастер писал: "В цветах ли Земли образ=символ - это и есть, но сути земля, их сущность=дух (ци). Цветы построены по принципу ди, как и Кедо, тогда как дерево, его ствол и ветви - по ци ци инь, как и Земля. Принцип талу в канедом сире и дэ, и мелен те образуются при сочетании ради кых четных и нечетных признаков. Цвета ножна, на потдел расте цветы символизируют Тайцзи. Прямо стод чащетка, та гасит, которая поддерживает цветок - это саньцай, и соответственно рисует Трем Точкам; цветок, растущий из гашетки, олицетворяет у син и поталу и образуются с иде лестками.

В починки, идущие из цветка, обозначают семь планет, вдоль, идет планет, луну и солнце (ци чжэн), поэтому их обычно рисуют семь. Колны, из которых красятся дерево, символизируют Кедо и Землю (Зр чи). По этой принципе ствол обычно

делится на две части.

Когда цветет онадает, он превращается в светящиеся тайфуны, и в этом причина того, что растения проходят цикл жизни роста. Все изменения = превращения мэйхуа основаны на силах ян и инь и поэтому ассимилируются с четными количеством изменений.

Символы олицетворяют четыре времени года и расширяются по ветвям наверх земли. Ветви означают лю сяо - шесть пересечениямихуа линь, и поэтому шесть пересечениямихуа ветвей во взрослом полном древе. Кончики ветвей

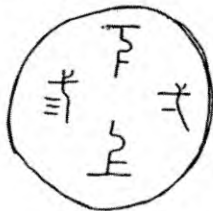
символизируют да жу и поэтому имеют восемь узлов, или развитие. Все древо символа мэйхуа - ствол, ветви, цветы - олицетворяет завершенное число десять. Поэтому и расширяют десять видов деревьев символа мэйхуа, все части, связанные с деревом, относятся к инь и имеют четное количество частей. Но это еще не всё. Цветок в форме крупицы зерна, поэтому олицетворяет небо, цветок стволу - приплюснутый формы, символизирует Землю. Переворачивая цветы выставляя так, будто стволы неба Земли поддерживают небо.

Буквально тоже полны символами. Когда ствол в полном цветении, это означает развитие [развитие], называемую

Лаоюань - "Возмужавший Ян". [Если] распухнувшему
 увейты по первой стадии увейдания - Тычинок
 семь. Когда увейты увейданы, они сильно
 мизифицируют Лаоюань - "Великая Инь" и Тычинок
 тогда шесть. Полураскрывшему увейты, симво-
 лизифицирует Шаоюань - "Малый Ян", и Тычинок
 всего три. Увейты, частично увейданы, сим-
 волизифицирует Шаоюань - (Малый Инь). Тогда
 Тычинок бывает четыре.

Буквально символизифицирует неразделенное
 состояние Неба и Земли - Тычинок еще
 невидимы, но их основа (ли) уже существи-
 вует внутри них. Поэтому рисуют один
 нести и два паштетика, ибо Небо и
 Земля еще не отделились друг от друга,
 а человек (ответственный третий паш-
 тетиком) еще не правится. Увейты с
 черенком и пашеткой символизифици-
 равнение Неба и Земли, когда Ян
 и Инь разделяются, чинны увейты и
 увейдания бесспорно проявляются.
 Они символизифицируют естественное
 равнение всех вещей. Существует, кроме
 того, восемь путей [света ветвей], каждая
 стадия изменений и здесь сортов ветвей.
 Как можно было убедиться, все эти
 символы = образы, феномены, самей
 Природы" ☺

Керогиды "ожи"
 "три", "вось", "тиз"
 в стиле сяочуань.

成竹

一五〇

лихуа” говорят “рисать лихуа”, и там же
только и о живописном изображении бамбука
и орхидей говорят “рисать бамбук”, “рисать
орхидей”. Почему так? Потому, это предельно
главное качество этих растений - их чистота,
можно только, если рисуешь идею (сачи),
само по сути, а не сосредотачиваешь внима-
ние на внешней параболе (синсы)!”¹⁹

И Чжао Вонгу утвуждал: “Камень
ниши краешком дрэ дай (летающий бамбук),
дерево в камингарии стили загисчань
(древних келатей). Чжаты рисать бамбук
следует овладеть восемью правилами
камингарии (ба да). Кто поймет это,
тому станет звездной главней-
шей: невоинсы и камингария в
основе своей одно и то же.”²⁰

Вспомая в хрестоматийный фрагмент
из Трагедии “Тсу ну” Ли Кань, он напом-
нам вернуться в изображение линской
невоинсы и даже драматургии. Непоказан,
кто именно бамбук хотел постичь...
великий Ван Янмин.²¹ “Крем” бамбука,
“ли” бамбука срезались как сажа,
линские мастера этого жанра - наци-
мед, Суй Вэй.

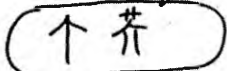
“Стебель ниши в стили чжэань,
уфы - в стили лишу, ветки = додеи -
в цаошу, листья - в стили кайшу. [...].

Рисуя бамбук надо начинать удерживая
стебель. Установив стебель - оставь место
для уфлов. Звенья к ветвишке кифашино.
Короткие, те, в середине, кешного динши,

и у основания охитъ короче. Избегая вету-
Пий, каростъ, смышкам сухай или смышком
Тёмной Турин. Сорельмудь короткое и длинное.
У себя въ дымкено как бы оградительные две
стороны. Чувств не подверженая звеня свяду
и свяду. Структура их парадна кощущу
ноги или изломому «срдуе» (силь) без
точек. У многих чувств аи земли каганатъ
расти падет ^и миствъ. Изображал миствъ,
наскитъ Туриню киствъ. И канедый миствъ
делай без пелобатий и мерещитивности.

Миствъ балмбуда естественно заморены,
но не так, как у мусика или ивн. Дви-
жения руки бурить естественно будут
лёгкими и тяжёлыми. Миствъ в воздухе
идромидра «гъ» или не непременно в тёмном
но, а в воздухе идромидра «жго» — штрихом
врънь. Миствъ у верхушки ветви одва-
Тёмно собери как «хвост френхса»
Правильно и левые словно смотрят
друг на друга. Правильно и правильно
радисти их на разных уровнях. Канедый
ветвяна из урелка, канедый миствъ — из
ветвяны. На ветру, в ветро погоду, на
дожде или снегах, в росе балмбуда
канедый раз имеют особый облик.
Вн склоненный или прямой, срывающийся
или на виду — канедый имеют свою груп-
пу и позу. Выводят в сторону, как мак
вниз и стремительно вверх — канедые по-
лонение замедляют осадку «идро»
и закономерность. Если хоть одна ветвяна
не на своём месте, или хоть один миствъ
не там, где он должен быть, в чужие миствъ
повытает, и вьвет, все коммативизъ будет испорчено

Разговор с китайскими художником, искусствоведом, любителем живописи возможен лишь на основе каллиграфии. Привычные для нас в западной среде высказывания о выразительности цвета, об экспрессии рисунка, о необычайной выразительности художественного образа и т.п. воспринималась в Китае как сумасшедшая кенарухина. Профессионально в Китае мы слышим у нас говорят мурманский, а не критский, теодетический мурманский, а не впечатлительный мурманский. «Чистая Ступень», «чистая квинта», «модуль в линии» и т.п. могут служить аналогом «эйкидзюки не», «линии цунь», «триху» в виде цуньша «вэ» и «цзе», «кредной» и «наклонной» кисти.

В начале была линия, линией сотворены Небо и Земля, Странно этой Единой гуды (линии) служат основой всего многообразия линий, штрихов, точек, разрывов, катарми иабилуей китайская живопись. Тонкой поступкой о Единой гуде, сотворившей мир был создано на грани Мин-цунского времени, в момент необычайного взлета творческих начал живописи («акме» китайского искусства) великим живописцем и мыслителем Шэнтяо. Фундаментальное медитативное открытие лининого времени - создание Дуи

Я часто размещаю на столе лист с каллиграфией огромными черными знаками, словно это эстетика с мимолетной древней стеной:

«Уши, уши» — «Кей ни равности, ни илюзии»
 Сакральная формула из «Алмазной сутры»
 когда-то прошептала Хуньчэна, а потом,
 во времена Линь ситя илаблеланы са-
 менем Дун Цычана — живущая, каллиграф,
 максимель.

Sub specie aeternitatis

Восемь основных видов линии
 творит видую живописную
 равность, парадокс багу (опре-
 деляет словески линии, мимолет-
 ность.)

Линейная каллиграфия и живопись пре-
 зента ины времена своим калли-
 графическим «стаканом», содержащим каллиграфическую
 штриховую пена дэнь (толща), парадокс
 (верхней) линии пероштра верности.

Терминологический характер линейного вре-
 мени сказан, в частности, в построении
 радного рода «азбук», «словарей», «чре-
 стиков», касающихся самых каллиграфиче-
 ских элементов языка искусства, выра-
 жения в простейших формах графиче-
 ского языка, что иленило в то время
 (2ая пол. XV в.) сложилась каллиграфическая форма
 классического сочинения — багу. Тенденция
 каллиграфической эстетике становилась уау
 самобытной, разрабатывались в сочинении
 но архитектура (особенно в Традициях
 о создании искусства), о теории, музыке
 ит.п.

Но всё определена и предопределена
 о (лай) — с точки зрения верности.

Каминградим - "качарк", "автограф" ²²
 Глубоким смыслом наделились самые
 простые графические элементы. Иссле-
 дователями китайской иероглифики уже
 обратили внимание на сходство между
 кривизной шрифта времени и кривиз-
 ной маха Хуэна в России и на Запад.
 С. Н. Соколов = Релинов, г. Варфуга и др.
 мы об этом специально. Мне представ-
 ляется их позиция убедительной и,
 думаю, что читатель, прочитав
 следующие страницы, также убедится
 в этом. "Объектам изготовления или
 единицам измерения могли быть "та-
 "минь" (В. В. Катединский) и "квадрат"
 (В. В. Хлебников и А. Е. Крученых) и "чужой"
 и его тип.. (В. В. Фаворский) - аттестат
 Ю. А. Мамон в статье "Словарь сим-
 волов" Павла Флоренского (некоторые
 маргиналии).²³ Фразетше П. Флоренского
 в его "Символические труды об объектах
 инаке, чем люди. Сохранилась лишь
 одна страница из этого словаря,
 посвященная тарке, и обидный
 план состава словаря в целом.²⁴
 Прочитав многие из бесчисленных
 трактатов по Каминградим китай-
 автограф, мне не удалось при всем
 восхищении этими текстами, объ-
 ружить равного по четкости и
 всеорхватности проблеме Симво-
 лическ. П. А. Флоренский каминградим
 всезнающий основных геометр-

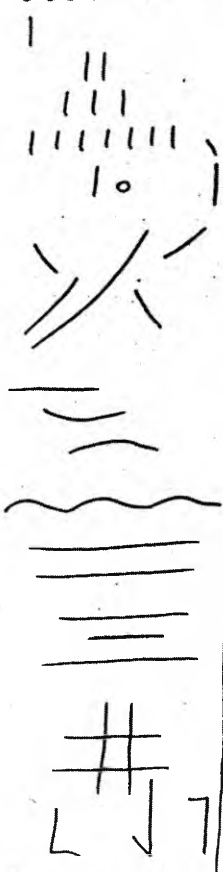
чисел и картинок: "Отдел I Точка

- Подраздел 1 - Точка
 2 - две точки
 3 - Три точки
 4 - много точек

Отдел II Вертикальная линия

- Подраздел 1. Вертикальные линии
 2. две вертикальные линии
 3. три вертикальные линии
 4. Семь вертикальных линий
 5. Пирамида
 6. Вертикаль с точкой
 7. Канье

Отдел III Наклонная линия

Отдел IV Горизонтальная линия

- Подраздел 1 горизонтальная линия
 2. волнистая горизонтальная линия
 3. внешняя горизонтальная линия
 4. волнообразная горизонтальная линия
 5. две горизонтальные линии
 6. Три горизонтальные линии

Отдел V Соединение вертикальных и горизонтальных линий [...]

Отдел VI - Число ... "19

"Установленная семантическая традиция связана со значением вертикальной линии численного ряда, вертикальной линии и ее значения [...]. Ранее не обусловлено значением вертикальной линии вообще и не является эти вертикальные критические образы, как бы обнаруживаемые "вертикальные" или "вертикальности" вообще - отмечает П. А. Флоренский.¹⁹⁰

"Сновадь", но мысли Флоренского, замечательны
 был смелый «кемпи элементарный» и сф.
 восточном при разрешении вопросов о
 художественной конструкции.

Тогда - это «математическое пространство»
 воспринимается, её смысл, но Флоренскому
 аргумент мирах - а звезды за концы
 носа. (WB в китайской философии
 концы носа называются звездами).

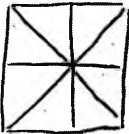
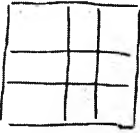
В.В. Кандинский в своих «Маленьких
 статейках по балетным вопросам»
 тоже начинает с точки, в которой он
 видел «градусный живописный

Г. Вейльдинг все противопоставил мисти-
 ческой и живописной: «Если гистая живо-
 пись ведёт к философии Эммануэля,
 то гистая графика к философии
 Гегеля» - писал прекрасный, издевательский
 и остроумный живописец, особенности стиля
 гарантировал мисти.

А.А. Флоренский подчёркивал абсолю-
 тную ценность знака: «там гистая, т.е.
 без психоанализа, без чувственности
 достигая своей цели, там определяющие
 проявления её совмещаются как
 графика» - писал он в «Канонности»
 Олжона на «бухву», нашла в которую
 прилагательная бухва - нарисованная
 живописца, основа рецензий «Гуапу».

Забывая отступившие в сторону,
 в иное пространство и время, приведу
 слова А.С. Крученых: «Мы ещё здесь
 в технике речи, а делаем в простран-
 ствах из решения всех возможных
 мифов и в стилистическом лауреате
 вы, как таковой».

- чжу, повдот кисти - чжуань, резкий ^{25а}
 Шынь мшии - чжэ, сурьидий кончик
 кисти (чангрэн), эвлекний кончик
 кисти - чжэнь, непрерывная мшии,
 - лиань, вихревые движения - чжун.
 Беломешие замкнутые, взаимодействующие
 кисти - их сила, пластичность и
 виртуозная выдержка эвлекниот осно-
 вной работы каллиграфа.
 Кисть держат ильбю калыдаши,
 бывшей калеу движает исть от себя,
 укагатакыйи - к себе, средние,
 направляет движение влево, бели-
 мидань ильбу и вправо, мшии
 - мшии подыгрывает. Ван Дунмин
 считается самым важным и трудным
 в каллиграфии - начало и конец;
 ощущение кисти на бумагу, иррико-
 движение к ней. По мшии мастера,
 первыми движениями задается тон,
 ритм, масштаб, форма ролик-
 мшии ильбю мшии. И отрыв от
 бумаги (конечное движение кисти)
 мшии определяет степень заде-
 шности работы, её эстетическую
 Согласно традиционной концепции
 природы каллиграфического искусства
 при написании идиографа "юн" влажно-
 движение мужское и женское начало
 движения, вшии и на себя, оказываясь
 как вращение силы инь, движение
 вправо и от себя - это ян. Быстрое
 и резкое движение эвлекниот
 с ян, мерные и главные - с инь.
 мшии, следовательно, - это женское
 начало, кисть - мужское.

Следующий этап работы связан с пространственным пребыванием тех восьми «символических» линий. Изначально мысленно размещаются они в квадрате, разделенном на девять «клеток» («квадратов»), которые отражают при написании иероглифов (каллиграф), или в квадрате, разделенном, как рисовые поля на четыре части (ШВ. в слове «Новый мир» (16 к.э.) иероглиф «хуа», который позднее стал означать «живопись», характеризующийся как «искусство проводить

линии между в канале», или в квадрате с диагональными делениями (словно в него вписан иероглиф ли (рис).

Центрида - называется этой образом, в котором определяются соотношения верха и низа, правой и левой сторон, и устанавливаются между иероглифами, несущими ^{иероглифы} смысловые в образной структуре. Иероглифы всего, как отмечал Ван Вунмин, пишут не сложенно со многим количеством гуд и иероглифов, а самые простые, в которых всего три-четыре линии. Один из самых трудных гуд каллиграфа - это иероглиф синь - судья.

Выше уже говорилось, что стилистические особенности живописи каллиграфу связаны со стилем: в каллиграфии (в стиле чжуань и шань стилем Давидова, в синьшю - его ветви, дацзюнь иероглифа характерно рисовать, его исидель). Минские «Хуа шу», поставив в живописи постепенно отсылкам чужеземцам

и кодами каньгради. Эти эти ^косиль-
ные стили, которые являются частью
преобладали мисские иконографии.

Сочетание традиций в иконографии
запечатлено узором кеба (глиняный
и коды земли (глины). В «Линь»
и «Хэю» предназначаются будущие
иконографические знаки. Вместе с тем,
каньгради воссоздает не только кеба и
Землю, но и «карты» сфера ^{человека}
(инь вэй синь юэ), ^{и только} инь вэй синь юэ
сущность человека: благоприятный и не-
т.е. инь вэй синь юэ, или инь вэй синь юэ
ныи - инь вэй синь юэ.

В IV-VI вв. сложились основные каньгра-
дические стили - их восемь (ба ти): инь вэй синь юэ
(архаичный стиль, главный образом инь вэй синь юэ
инь вэй синь юэ - иероглифы на заглавных кодах,
категориях инь вэй синь юэ и инь вэй синь юэ -
иероглифы на инь вэй синь юэ сосудах и инь вэй синь юэ
инь вэй синь юэ (демонстративный стиль инь вэй синь юэ
инь вэй синь юэ и инь вэй синь юэ); инь вэй синь юэ -
ныи стиль, земное письмо, инь вэй синь юэ -
строгое, регулярное письмо, «квадратные
знаки» не больше 8 фэней (≈ 2,5 см).
из него развился стиль инь вэй синь юэ - четкое
письмо; инь вэй синь юэ - обычные, рунические
знаки; инь вэй синь юэ - строгий и инь вэй синь юэ
(букв. «металлический белый») - письмо с
сложными выразительными в инь вэй синь юэ
типи белых иероглифов. Внутренне кань-
графических стили сущности инь вэй синь юэ
много промежуточных форм - инь вэй синь юэ
инь вэй синь юэ, инь вэй синь юэ или инь вэй синь юэ, в которых
соединяются элементы двух стилей и
усиливаются свойства стиля - каньгра-

между кистью Куанчжо - «Белушка, сиди-
 нись» или Вэйчжунь, упрямое, «тре-
 щина на стене» - Байчжи и т.д.

Тун Сюнь - глава цзиньинской школы живописи в конце династии Мин ста-
 тует в своём трактате «Тайна жи-
 вописи» (Хуа цюань): «Создавать картин-
 градию легче, чем воспринимать это
 искусство. Картиграфов много, карти-
 малящих это искусство - единицы»¹⁰
 Именно поэтому в руководствах
 по живописи обращает внимание
 учёный китайский философ описанию
 живописи. Вдохствие прежде, чем
 приступать к живописи заложено
 был овладеть «мыслию безности»
 - Юнбаофа. Ученик показывал мне,
 рисовывая иероглифы через красоч-
 ную бумагу с образа - такое
 копирование называется мо;
 Затем, спустя несколько месяцев,
 занимаясь, как музыкант козы-
 ко гасав в зель, (играл «галма»
 и «Эгоди»), получил возможность
 копировать иными способами -
минь, то есть ивдл козырко не
 образу и ивдл его только восста-
 вляет. И, наконец, на последнем этапе
 ему разрешалось создавать картину,
 передавать «дух», «изв» (би) ошима,
 Могло меньше живописца, в
 том числе и бывшие художники
 ибидра и эти методы параграф,
 единственной формы таблицы - фан
 реализма.

Ушоници - мангалливаз поэтиз - пришло бы
называть живопись в мангалливаз (Э)
собрании художников, поэтов и коллиграфов.
"Поэтические эзы - это собственно картины
без изобразительной формы; Живопись -
это поэтиз без слов" - сказано в трактате
о живописи, названном "Ушоници иш"
(История мангалливаз поэтиз), созданном
в XVII веке.

Художественная криватура идиома
Мин Таягана к изобразительности, к
визуальным формам. Расширение сферы
криватуры требовало тиражирования
преимуществ искусства. Художники
создавали множество копий, нарезки,
множественных картин, кружков, листов,
писали реллики собственных работ.
В криватуры Мин работало большее число
художников, чем за всю предыдущую
историю китайской живописи. Возникло
множество художественных школ и на-
равлений. И те, кто стремился творить,
и те, кто отходил себе роль ценителей
и собирателей, нуждались в руководителях,
в учителях, в наставниках, которые
бы могли овладеть тайнами искусства.
И такие руководства появились. Это
были издания типа "Хуану". Тисно
иллюстрированных учебников видна
Мин резко возрастает, к тому же
они начинают влиять на характер
других изданий, одновременно возни-
кшая художественные достижения
книжные традиции.

19. См.: "Книжное искусство Китая" (Антология текстов
по истории китайской живописи), Шанхай,
1963, т. 4.

<p>指名中食左手 勢水點蜓蜻</p> 	<p>指名中食大手左 勢花浮蝶粉</p>
<p>牙泛 譜作牙 謂兩指交互泛也</p>	<p>泛 譜作泛以指尖隨 右手得聲浮着絃上 令絃振指而名謂之 泛 泛起 譜作已謂泛聲 起頭也 泛止 譜作正謂泛聲 至此而住也</p>

<p>指名中大手左 勢蟲飛逐燕</p> 	<p>指名中大手左 勢枝過桐鳴</p>
<p>抑 譜作印 謂按指抑上抑下也</p>	<p>引 譜作弓 按指得聲引上曰引 注 譜作主 按指無頭聲引下曰注</p>

30
 Определенную роль в блоке лирической
 книги играл шаражитивный ряд -
 иллюстрации (защиты). Драма, поэзия,
 повесть, картина, сказка и многодневные
 романы издавались с огромными количествами
 иллюстраций. Подой они вышлись, как
 книжки - картинки. Большинство же в то
 время издавались этой особенностью
 лирического искусства книги пошло
 в издании иллюстрированной поэзии.
 Книга "Самый цвет пухи" (Собрание иллюстра-
 ции о трех первокалках) - это поэзия
 культуры предстала как школа, в кото-
 рой каждый чувствовал себя человеком
 великой традиции, высокой древности
 (защиты). В "Самый цвет пухи" книга, книга
 как вышлись основные парадигмы
 лирической культуры - с исполнительской
 характером. Кухня, кухня в кухне, кухня
 и каждый зумативный человек того
 времени стремился исполнить вели-
 ким человеком, прагматично к нему.
 И в зельных и творениях своих
 выразить эту связь с древностью,
 почувствовать исполнить представленные
 превращения великих мастеров прои-
 лого. Образы и образы классической
 культуры предстали на страницах
 поэзии (и многодневных
 "Кухня"). Учитель и наставники раба
 бативали по-разному рецептуру
 различных способов копирования
 парадигма, по-разному, стилизации
 и т. п. - то есть исполнить (А. В. Зюган)

Энциклопедия весьма внужительная — состоит из 102 томов, каждый из трех разделов: Небо, Земля, Человек, делится на 14 частей. Астрономия (или астрология), география (или геомантия), исчисления времени, законы градообразования и отливов и приливов, «портрет» великих предков - правителей, философов, поэтов, оружейников и оружей, страсти человека, тела и медицина, музыка и приемы, гадания, астрология, астрология, антиквариат, цветы, птицы и травы. Особую часть (14 томов) составляют описания затмений «небесных» владычеств в разные времена (конец III).

В предисловии к «Самой лучшей поэзии» говорится о том, что она адресована тому, кто стремится стать истинным учеником. И эти затмения во многом способствуют совершенствованию личности. Автор предисловия — известный жидок классика, создатель теории искусства (работал вместе с Дун Цунканом над концепцией двух начал живописи). Из «Тянь Цунгу» издавали особые издания в виде шрифта. Открываются разделы иллюстрированные саморитмом игры на цинь. Атакатура не только описана в невеликом количестве текстов, но и изображена в живописных и скульптурных произведениях. Среди традиций Ван Цунгу, каждый ученик обязательно должен

ния: руки в пластике изгибов шеи ²⁶ гуся,
 мастер игры на цине уродливый канцеляр-
 ский элемент в процессе мурширования
 призрачным фудам! птицы, крабы,
 рыбы, насекомые, гиены и тиграны,
 онегачиные листья и цветы црефган,
 как основные наставники кадиано-
 цено муршиания. Звонкая двайствено-
 ображений создаёт впечатление, что
 не только природа подсказывает, но
 и рука творит эти линии-металлы.
 Большой рездер атведен и камигра-
 фии. Адресованность энциклопедии
 широкому читателю ощущается здесь
 особенно чётко. Издатели сажли неодо-
 лимым раскрыть значение каждого
 персонажа, написанного сложными
 (Хаоци) и в стиле древних кетатей
 (схуань). Высказываниями кетитицу
 и в том же духе не составили особую
 трудя прочитать велье кадрах, скуль-
 вающих надписей. (К)ужнаость, гию
 "Саньцай тухуй", дал расшифровки
 многих персонажей, очень полезны
 мне при. убв, разгадывании белых
 надписей на живописных свитках
 и запутанного црога кетатей).
 Центральная часть большой
 по объёму раздел в заклити дух сёл
 атведен живописи. Грамматика
 театровой и кетитанской живописи,
 приемы изображения цветов и птиц,
 так называемых "тетра цроноци",
 багбуна, орхидей, сливы хайку и христе-
 ны представлены с несомненной
 учёностью.

<p>鑿痕皴</p>	<p>馬牙勾 如李將軍趙千里先勾輪橫成山却以大青綠着色方用環青若綠着色添燕以金石脚</p>	<p>禁頭皴 <small>董源</small></p>	<p>長斧劈 <small>許道寧顏輝是也名曰頂淋壙頭</small></p>	<p>小斧劈 劉松年</p>	<p>樹皮皴</p>	<p>直皴 擽 <small>關仝李成</small></p>	<p>三才圖會 八人事五卷 皴石法十一等 舊有七等今前五等</p>	<p>卷雲皴</p>		<p>長苔斧</p>
<p>鑿痕皴</p>	<p>馬牙勾 如李將軍趙千里先勾輪橫成山却以大青綠着色方用環青若綠着色添燕以金石脚</p>	<p>禁頭皴 <small>董源</small></p>	<p>長斧劈 <small>許道寧顏輝是也名曰頂淋壙頭</small></p>	<p>小斧劈 劉松年</p>	<p>樹皮皴</p>	<p>直皴 擽 <small>關仝李成</small></p>	<p>三才圖會 八人事五卷 皴石法十一等 舊有七等今前五等</p>	<p>直皴</p>		<p>鑿痕皴</p>

<p>垂綠</p> 	<p>仰塘螭</p> 	<p>王才圖會 八人事五卷 雀瓜</p> 	<p>火焰枝</p>
<p>攢針</p> 	<p>俯塘螭</p> 	<p>四 拖枝</p> 	<p>丁香香</p>

三才圖會		人事五卷	畫簡
皺石法圖	十二等	雲間	大明父王馬筆
樹枝法圖	八等	大	筆
樹葉法圖	三十三等	斧	槩
松樹圖	四等		
畫竹圖	八十八等		
畫梅圖	九十六等		
三才圖會	八	人事五卷	

еще такая, казалась бы, естественная
 масса, как прием, изображение камней
 (худ. и ц. гра) представляла в „Самурай Тунц“
 естественным их размещение были
 знать те, кто считал себя образованным.

Образы и трюки цунь: каски бойцами то-
 варами и маленькими тонкими, камни дожде-
 вые, листья (ч. г. с. а. с.) обаяков, зубы лошади
 ... даны в четкой градации, предна-
 значен для критического и критиче-
 рованной. Высота и кривизна и кривизна
 зена - внешне очень решен кривизна
 развоями: своеобразные линии, струк-
 турных структуру наименее восприни-
 мается острее в сопоставлении с легкой
 рисунком ветвей деревьев, каждая
 из которых тоже кажется свободной
 приемом, согласно установленным
 правилам.

Менее выразительны ряды, ко-
 мпозитивные группы манрам каво-
 тизм-изображения человека, «сере-
 тьяны», и т. д. В целом, структура-об-
 щий элемент некий умеренный
 уровень, легко достижимый каждому
 (цветы, стволы, ветви, бабочки и
 жуки, птицы, бабочки стала
 объединяющей внешней кривизна-
 тежность, манерам краснота.
 Вниман они предстают в прекрасном
 научивших издалеча „Тунц“
 посылки этих манрам каво-
 тизм.

Но прежде, чем перейти к рисунку о них, ³⁴
остановимся ещё на одном камителе в
известном смысле олицетворяемо связанным
с "Хуа ну", однако очень ярко выразившем
многозначительность, визуальность лингвистической
культуры и её символический характер.
"Тан или хуа ну" (Танская поэзия с иллюстра-
циями) - считалась традиционным событием,
сменившим современников всеобщей
"географии содружества" (смысл): поэзия,
"кампаньяризм, живопись и книжное искусство
(печат.)" представили как единый организм.
Книга была издана в 1630 году в
известной мастерской - печатне посольца
Хуан Фэнли при участии тогда
древнейшей и издатели, Лю Цыюаня, ко-
рый собрал в своей студии Цзычжэнь
(Тавилон собравший писателей) зр.
Киев, Кампьяристов и печатников.
Цзычжэнь во главе работ над
"Тан или хуа ну" выпустила несколько
великолепных "Хуа ну". "Тучунь хуа
ну" содержала образцы - копии с картин
процупных и вычуженных мастеров;
интересный том был посвящен
живописи на всевозможных, оригинальных
и классифицированных сюжетах стихов
о травах, деревьях и цветах (Цао
му хуа или хуа ну) и зр. Особой цен-
нейшей исключительностью отличался
собранный, посвященный знаменитым
художникам, рассказывающим все
(Лингун шань хуа ну). Копии были вы-
полнены крупнейшим мастером этого

新鐫中央

集雅堂藏板

唐詩畫譜

вида живописи Чжан Чэнлюном. Мастерство
 печатки Узунгмай находилась в Синьане
 (кр. Хунань), к концу XVII века он стал одним
 из трех крупнейших центров (наряду
 с Узуньмэнем и Тунцзю) книжного книго-
 печатания. В Синьане развивались
 традиции знаменитой аньхойской
 школы гравирования книг Лю Цунчю-
 ань было широко известно как профа-
 маем традиций книжного искусства
 раннего периода Мин (XV в.). Архитек-
 турная стилистика, опыты работы
 над "Хуану" определили особенности
 издания "Танши хуану". Чжан и Лю
 приносили к работе над книгой
 знатоков классики Фун Цунаня и Чжа
 Цунжу, воспроизвели многие стили
 именно в их строгой каннигради.
 Над иллюстрированными работами работали
 художники Маи Цунань, Цай Юаньшань,
 Чжан Цюю, которые, во-первых, были
 мастерами-исполнителями живописи
 крошечной, владели искусством копи-
 рования и, во-вторых, выступали как
 художники-иллюстраторы, то есть имели
 дело с гравировкой, т.е. тактические
 возможности воспроизведения в книжном
 "Танши хуану" включили идиомы
 местительные и семантические стили
 прославленных танских поэтов
 Кангэе стилизовали Ван Вэн, Бо Цунь,
 Лиан Хаохань и др. дано в прекрасной
 каннигради и сопровождается полными
 иллюстрированными.

Книга построена в традициях древних, но при этом «иззогу юи» (слева картинка, справа повествование). Традиционно-судимизм «Тан шэ хуань» стал развудом. Стихотворение и иллюстрация к нему составившие единое ритмически организованное пространство. Идея. Для Тао менся размещается на стороне друзей и иллюстрация. Как известно, в китайской классической книге, читаемой справа налево (от «конца» к «началу») активной полосой является левая (в европейском книжном бланке соответственно правая). Именно на левую полосу книжного развуда помещаются иллюстрации, что придает изобразительному ряду определяющее значение. Иллюстрация предназначается для обдумывания поэмы, картинграфии и живописи. Карантин картинграфии и иллюстраций вбирает в себя современное (мужское) видение танской поэзии. Крупные четкие изогнутые с багровыми проделами = наурами, написанные в стиле кайшу соответствующей прозрачной лентой ванвайнго стиха. Написаны, повзрослы, заостренные концы активных ириков, пластичность активных, делитная незавершенность активных элементов картинграфии особую прелесть непосредственности и естественности.

Иллюстрацию выразил одну великую асидику
 поэта Ван Вэя: живописец, чин и поэт, «вдохно-
 витическая, сущей зрелой мастеру (Ван Ли Гонг
 Би), передает парадоксально, сущей духе и стилю Ван
 Ван Вэй «Беседа в бамбуковой роще»:

В пустынной роще бамбука
 Свизгу, пою.

На чине играю, Тему
 Корнуго Тьму.

Телесен мазли айшевних
 В лесном краю,

И только луна приходит
 светить ему. (Перевод Ар. Шейнберга)⁰

Это стихотворение входит в знаменитый
 поэтический сборник Ван Вэя «Река Вангуань»
 в котором каждое стихотворение «вдохно-
 витическое его друга, поэта Тэй Ци, написанное
 на ту же тему. Искусство «вдохно-
 витическое своеобразие как айшма,
 парадокс, который айшма Ван Вэй как
 поэта, живописца и теоретика искусства,
 естественно, поставили его в мистическую
 культуру на первое место. Именно
 Ван Вэй был осмыслен функцией как
 как определяющая, новаторская фигура
 в истории китайского искусства, что
 Ван Вэй принадлежал к числу преобразов,
 коренным образом изменивших (Дэнь)
 характер живописной линии, предали
 ее графическую четкость и открыли
 ее живописную свободу.

⁰ См.: Из китайской лирики VIII-XIV вв. (Ван Вэй,
 Су Иш, Гуань Ханьцун, Гао Ци) М., 1979, с. 54.

晚秋闲居

白居易

地僻门深可忘迎，
披衣润坐卷书情。
秋、
庭、
石、
插、
下、
推、
可、
藤、
杖、
闲、
路、
梧、
桐、
黄、
叶、
系、
行。

西林自题书

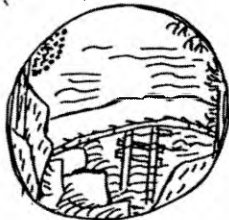

1811

"А поэзия! с таким талантом, как твой, прожить не станет уже трудно."

"Музы и кисти" в этом развлекательном или, тем в легком и прелестьном пространстве Ванвасевской поэзии. Несомненно, графика цветной, широким штрихом, лишь иногда прелесть-ленный орнамент. Элементарный изобразительный прорисованный, разрываемый по мере канона знака, стремление к единой линии (чужды) более четкая, ксилографична (избрань) и линейная графика иллюстраций. Как Вэй - классик, да и в, во Цзинь - читая "здесь и теперь".

Высшая мастерство иконописцев, создающих "Танцующую" славяночку в том, что композиция развлекательная выдвигается в своей чуждости лишь при чтении книги, когда держишь ее в руках за корешок. Только тогда, внутренне линии двух рядов, соединяющихся и отдельных отделений воедино и изображений, соединяются и образуют единое невообразимое поэтическое пространство, замкнутое в одно обрамление.

° См.: Там же, с. 3-4.

Значительное место среди минских «Хуа пу» заняло иллюстрированное руководство по живописи хризантем художника и теоретика живописи Мо Шисю (Сяоку) — «Сяоку цзыи пу». Икодраженские хризантемы считались одним из самых сложных видов живописи.

Руководства мастеров именно в этой области создавались довольно часто, в них наиграли, выражение освоенности зрительского видения, художественного опыта эпохи. Мо Шисю обращает внимание на канниградическую структуру этого растения. Упомябляет многие его элементы, различными чертами в кругошар.

Идеологом минской книжной традиции является «Хуа пу», созданное мастерами Гао Суном, которое также посвящено живописи хризантем (куваз гетрадь) и икодраженским иши. Наставления Гао Суна выстраены особым образом, в отличие от более ранних изданий такого рода, в которых задалась икодраженским или конии Kreisweidung известным мастерам, в «Хуа пу» Гао Суна, эти два типа «канниградных особий» разведены. В начале художника — учитель на естественных элементах растения обращает внимание на живописного исполнения. Эти страницы выстраены

竹里館 王維

獨坐幽篁裏
彈琴復長嘯
深林人不知
明月來相照

照

俞汝忠畫臣

очень четко, с нагрудничкой заглавностью
 рисунка и максимально приближенным
 к нему надписательного текста. Надпись
 сопровождается рисунком, орудиями
 его, пишется в рамках направленных
 (и снизу вверх, в частности), то есть пред-
 полагают свободное обращение с кисти
 повороты на 180, тем самым нагрудничкой
 условность, дирекциональность этих
 рисунков.

Завязывают же канцелярские из двух
 тетрадей (82) космическо-автоматиче-
 ской Гао Суна, в которых предельно
 преобразованы в прекрасное искусство
 ранее усвоенный технический опыт.
 Искусство каллиграфии в этом изде-
 лии демонстрирует свои "животные"
 возможности. Легкие, "недоказанные"
 линии, широкое властное разли-
 вье туши воссозданы в "шугану" с
 драматической высотой живо-
 писному орнаменту. Это изумительное
 иллюстрированное наставление Гао
 Суна справедливо считается великим
 китайским этно-белой графией,
 в нем раскрыта широкая цветовая
 гамма туши - от черного
 прозрачного, серебристо-серого. Сидя
 щий шаг в раскрытии живописных
 возможностей каллиграфии. Тем
 самым наставление Ичжунхай, которое
 обратились непосредственно к цвету.

Её бутонны и увести, зелены, быть как-
 замы в различных стадиях развития. Бутон
 ли ствол её склонен или приподнятый
 зависит от увести — если увести совсем
 распустились, то ствол отогнут и свисает,
 когда же на стебле только бутоны, то ему
 кусты их легко и он стоит прямо. Однако
 приподнятый стебель не стоит никак прямо,
 как прямо, но также не как и камыль
 стебель сильно сгибает. Таковы основ-
 ные правила рисунка хризантем в цвет.
 Теперь расскажем, как рисовать отдель-
 ные части увести: увести, чашечку,
 стебель, листья и корни.

Как писать увести: Концевий увести
 неповторим. Листочки бывают разны-
 мой формы: овальные, округлые, кру-
 пные, длинные, узкие, широкие, чаше-
 тачные. Они располагаются свободно
 или группами. Бутон увести группирован
 по два или по три, некоторые из них
 зелены быть с новорослыми или ле-
 стками, у некоторых листочки торчат,
 как камыль, некоторые с листочками,
 как завитки или будто свёртывающиеся
 в рулончики.

Формы хризантем бесконечно разнооб-
 разны. Увести с длинными и одинокими
 группами листочками обычно бывают
 плоские и крупные, вроде Франского
 Звонка. А срезываемая уветка похожа
 на медовые сабы или куды заматы
 каштанов.

Цветы с неблаговидными, короткими лепестками обильно круглыми и кохонси на мяжи, сдвигаются на скрива. Хотя форма лепестков очень различна, все они растут из одной основы.

- цветочками. Редкие цветы расползаются над конем и издеваются в цветочках, много численные растут прямо из кед. Форма цветка земляна быть круглой и квадратной на вид. Окраска цветов бывает различной оттенков: желтого, фиолетового, красного, белого и бледно-зеленого. Сдвигаются цветка более темного тона, а кончики лепестков светлее. Наряду с темными и светлыми оттенками бывает пурпурная и бледная тона. В окраске белых цветов применяются беловатые жемчуг в конуре и при нанесении красящих на лепестки.

Третьим рисунком бутонов и цветочков. И: Изадрасая цветы, необходимо знать как рисовать бутоны — поураспущившиеся готовые распустившие и совсем ещё не раскрытые. В каждой форме своя тонкость. Пураспущивший бутон издрасая сбоку и тогда цветочек его видна. В маюрых бутонках лепестки сдвигаются, хватив сдвигивину цветка, но структура (или) всего цветка уже содержится и в этой форме. В бутонках которые земляны вот-вот раскрываю

зеленые листья из оболочки начинают
прорываться, а извилистые лепестки покрываются
нарядно вышитой маленькими иголками, сияющей
ватоцей нектар с уветав, или народно
кулачку, из которого выставляется один камушек.
В бутонках, когда закрытых, аромат серки
в лепестках, но и в них уже начинается пр
являются камушек на увет. Бутонки, которые
совсем не раскрыты, похожи на ^{бутона} лаванды
пестичными, народно ^{бутона} звездочки, качаю
ныш на стебли.

Листья они будут неовторимы - каждому
цветку присуща своя тателка, едва улов
ная, прелесть. Рисул бутонки, непременно
надо знать как изображаются цветочками.
Хотя головка каждого цветка имеет свою
форму и форму формы, структура цветочков
у всех одинакова. В противоположность
цветочкам у других растений, у хризан
темь она, как есть, ^{нарядной} настоящим маленьким
мислив. Когда бутон крупный, который
всей формой своей зеленым, хотя увет
могут быть малого цвета. В той момент
когда бутон раскрывается, увет лепестки
начинает раскрываться. Когда красивая
хризантемы замедлена в самих цветках,
но дух её (ци) концентрируется в бутоне,
лепестки выростают из бутона, бутон же
- из цветочков. Это закономерность нельзя
не знать.

Принимая рисунок листьев: очень разном
разны формы листьев у хризантем:
стреловидные, круглые, овальные, ланцетные,
широкие, узкие, мелкие и крупные.

«Пять дорожек и четыре прозрачности» очень трудно передать в живописи. Листья бузины словно чужаковали, если каждый ствол кончается дружно: расположение листьев कुछ бузины совершенно естественным: они и по высоте, и завязаны, и соцветия. Лицевая сторона называется чжэн, обратная - фань, обратная, выходящая из-под лицевой называется чжэ, а лицевая наз обратная - чжэань.

После того как изучены эти четыре позы, листьев, нужно также научиться тому, как передавать свет и тень

контур - линь тогда достигнет разнообразия.

Листья, находящиеся непосредственно над головками цветков, являются либо односторонними и боковыми, их цвет - красный и белый, поскольку они

всего растения сосредоточена именно здесь.

Молодая листва на ветках कुछ бузины мягкой и тонкой ^{ее} цвет светлым и чистым.

Листья же, расположенные у основания растения, обычно желтоватые, их цвет красноватый, это они уже начали увядать. Цвет лицевой стороны листьев कुछ бузины темным, а обратная сторона - светлой. Вот, собственно, вся «тайна» рисунка листьев.

47
 И так, путь к будущим дням в книж-
 стоейей прайде. В конце личного
 времени фрондасийс неуредвайсыйс
 медеву книжного искусства и ил-
 апатаиваийс иулителовале "Хуану",
 созданиле в Мастерской Васети Банбуке
 - Шинсуская уривителовале мастером
 Ху Тонджем и его друзьями в старинном
 городе Шиньшане, южной столице
 ухадисей в кедете прудейной
 дикастии Мин. ✓

"Шинсуская шундун" (Шинсусирование
 руководство по каллиграфии и живописи
 из Павлинова Васети Банбуков ⁽¹⁶⁷⁴⁾ "Шинсус-
 чная цзенью" (Шинсусирование руко-
 водство по рисунку на китайской бумаге
 (1674) представляющей собой уривителовале
 явление кетавно в восточном или
 китайском книжном искусстве, но и
 в книгопечатании всего мира.

В мастерской = печатне Ху Тонджем
 были сделаны не только основополагающие
 технические открытия - тогдашние при-
 мы цветной шинсусированной печати,
 но и созданы невиданный ранее
 тип книги, в каждой мастерской =
 печатне были разработаны уривителовале
 книжные издания.

Руководства по живописи, настав-
 ления в грамматике того искусства
 из Шинсуской отрывались естествен-
 ными иноким - неостанавливающим
 сотрудничеством "молчаливой поэзии"

создавать каждую возможность тому,¹⁸
 кто ищущий утончи тип удивительных
 книг. В издании воспринимались
 с драматической точностью и глубиной
 классической живописи и живописи
 современных мастеров. Каждый элемент,
 что сам художник с большим трудом
 отложил свою работу от ее восприятия
 земли в печати Шиньчжэ. Позднее
 передовые те мастера, будущий рождение
 вокруг изданий мастеров печати
Шиньбаочжэ (Пекин), которая воспринимала
 традиции и шестидесятилетний
 цветной печати у местных мастеров
 из Цзиньмина.

Современное законодательное продвижение
 народной мастеровской школы в Цзиньмин
 началось к середине XVI столетия (1600-1700)
 центром книгопечатания. Кроме того
 Цзиньминская школа живописи - Цзиньмин
 не только объединила многих величайших
 мастеров, работающих в различных жанрах.
 В эстетических принципах этой школы
 утверждалась истинность живописи
 в духе, утонченности ритмичности, строгости
 естественности композиции, многообразие
 линейного и цветового построения образа.
 Но многое, конечно, объединяется в
 эпоху Шиньчжэ удивительная
 личность ее владельца - каллиграф,
 мастер резьбы по дереву, поэт и эссеист,
 собиратель и знаток древностей,
 одержимого книголюбия и книгоиздательства
Ху Иньминя (1584-1675) второе имя

Юэцун, исследования: Шиншукунский текст, Моань
лаохэнь - Старик из маиньского княжества.

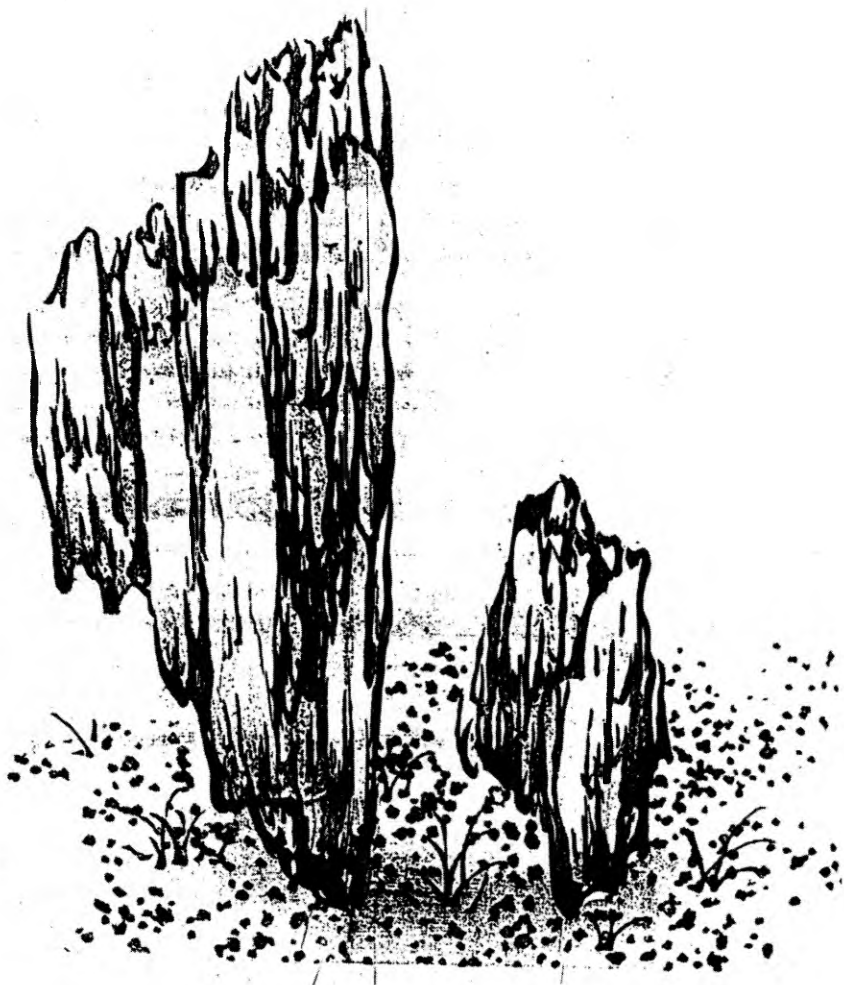

Согласно «погодной летописи»
(книжку) кисти Ху Ынтянь, состав-
ленной Ху И, судьба мастера сиа-
зыбалась следующим образом:
Родился Ху Ынтянь осенью (в 3^ю
месяц по лунному календарю) в 1587 году.

Он родился в городе Сюньсю (древнее на-
звание Хайди) близ Хайжюу (пров. Аньхой).
Сюньшукунь и Хайдикунь - ситам его проав-
цами. Ойгеу был известным врагом
и Хун Ынтянь до 30 лет, унаследовал
слепоту и носил очки, ситам врагевачику.
Вместе с тем, в семье уделялось внимание
и классическому образованию, в биографии
отмечается раннее обучение Ху Ынтяня
конфуцианским текстам. Ойгеу был учителем
и Кемжесонгайеисским делом. Хайжюу
являлся центром местного княжества
в первой половине XVI века, им были
испаны книги по медицине. Он содру-
жился с двумя важнейшими китайскими
семьями - Гуанов и Ванов, когда-то везущи
в историю китайской ксилографической
книги как лучшие печатники.

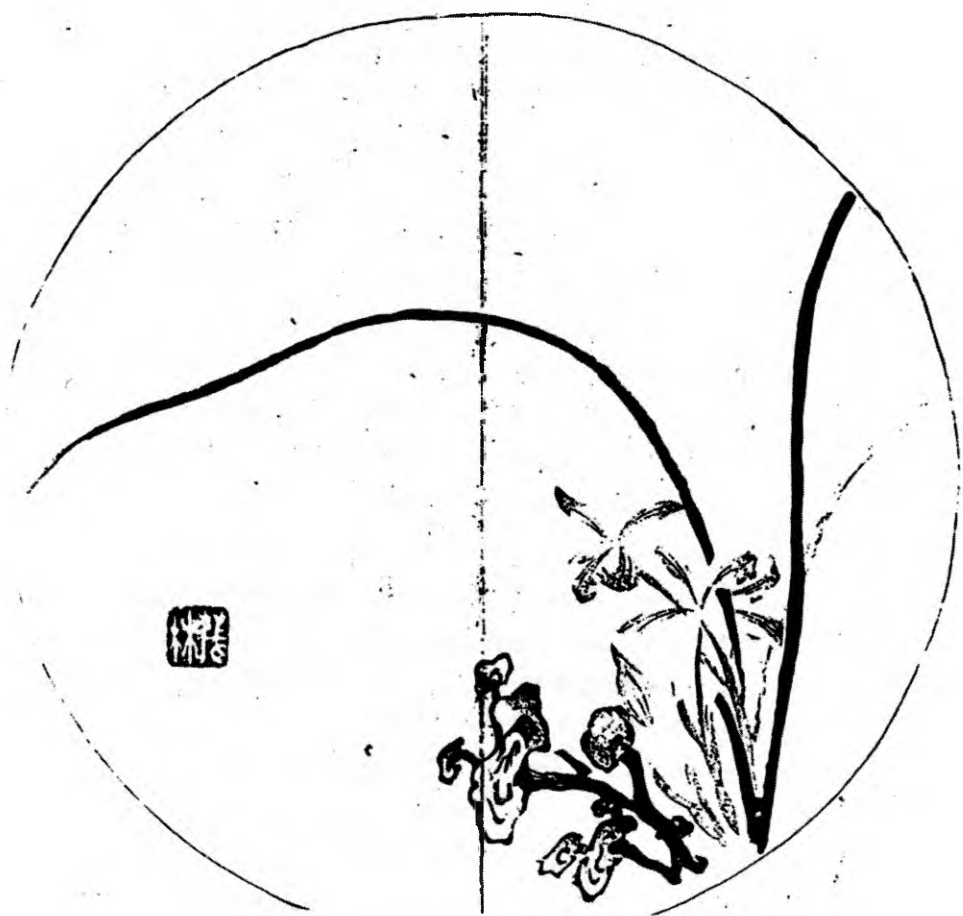
В 1612 году Ху Ынтянь резко изменил
ход своей жизни. Он переселился в Уэньчан,
старший поначалу медальеру мацзюу
= печатнику казначейства Кампа Уэньчанского
Канг, позднее он обучившись сам, перешел
к занятиям искусством, особенно
камелграфией и резьбе печатей, был
сейчас естественным продолжателем его врагов-

⁰ См.: Ху И. Ху Ынтянь князь - «Шиншукунский
текст вьетнам», Канкин, 1987, с. 100-102.

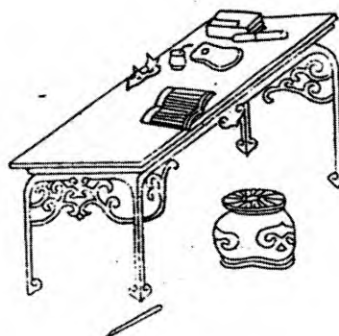
ной деятельности, ибо искусство, по его убеждению, так же укрепляет истинные силы и способности человеческого духа. Ху Ёнчэнъян прожил долгую жизнь - он скончался, когда ему шел девятый юбилейный год. Хисавиши о нём свидетельствует его замечание с краткой историей замечательной каллиграфии. Вообще, как замечено, рядом исследователей (об этом пишет, например, Тонг Гуаньшан) каллиграфический стиль, тем более и в искусстве, носителей.

Так, Ху Ёнчэнъян называет своего учителя Павильона Девяти Дамбдучов - Шиньшань, выделяя в каллиграфии два типа стиля: он, во-первых, действительно лично Павильона соорудил недалеко Дамбдучовую ограду и "во второй раз", Дамбдуч избрана считалась образцом прекрасной дружбы. Он стал собирать вокруг себя лучших художников, резчиков и печатников Цзиньшаня. Несомненно мастера Ху Ёнчэнъян привнес из Хайчжоу, Шиваня, Инчжоу других известных центров каллиграфии и печатания. В мастеровской мастерской образовалась "интеллектуальная группа" - хуэко, в которой в равной мере почитались это сообщество живописцев (каллиграфов), резчиков - граверов и печатников. В предисловии к франкоязычному изданию китайской Буман из Шиньшаня, Ли Юань

мысли, что именно это венсерахальное ⁵⁷
 единство заложено основой для каверза
 влечения искусства квантитативным.
 Лу Густавом обладали изряднейшей ин-
 теллигентностью — на страницах "Историче-
 ской науки" и "Исторической философии"
 он выдвигает и в роли живописца,
 и картографа, и резчика печатей,
 и композитора, и автора текстов о
 живописи. Он несомненно был еще
 и величайшим организатором про-
 движения, гудомом неслыханном, коммуни-
 стами в людях, разрывающими их
 таланты и, что, может быть, самое
 главное, таксистами каменитого в
 времени. Последнее свойство особенно
 ярко выразилось в парадоксальной
 жизненной и творческой установке
 Лу Густава. Он изредкавал не раз,
 что действует мастерской Швабской
 и его около трех десятков сота-
 ринцев предпринимателей и миллионеров,
 но для того, чтобы развить самих
 себя (целью), не ставил перед
 собой никаких проветительских
 или идеативных целей. И при этом
 насущная работа с невероятным
 напряжением всех сил, мастера Густава,
 что "здесь все происходит как
 один день" (цикль Лу и Жи), они
 разрабатывают и оттачивают новей-
 шие технические приемы печати.

投筆
十竹齋

Впервые в мире созданием цветной
печатки и при этом такого высокого уде-
ла, что в других странах на это еще
целый век = два столетия. А Яковлева,
прославленная правительницей уже
целиком одвигая своим пером
принимая мажорской Императрицы
и направлявшей ее принцип уже
Этот Император не только совершил терри-
торский переворот в империи, а
он еще открыл новый вид компо-
зиции, новую форму знака.

Культура эпистолярного общения,
«письма привет», как определил
ее В. М. Алексеев, благодаря мажорской
Императрице, стала господствующей
формой. Самое эпистолярное, почтовое
искусство письма = почта, описание
неповторимости личности автора, со-
зда-вало место в системе культуры, функ-
цион-вало свои садоводческие законо-
датель-ные Императрицы, посвятивший специ-
ально работу Императрицы и отдавал за-
каз ее пером открытия, все - те
самые главные считал, создание
Ху Императрицы и его эпистолярный
образ «письма привет», образов, лишь
высокой, высшей символической
исполнения высочайшего веса
и адресованного... каждому,
любому.

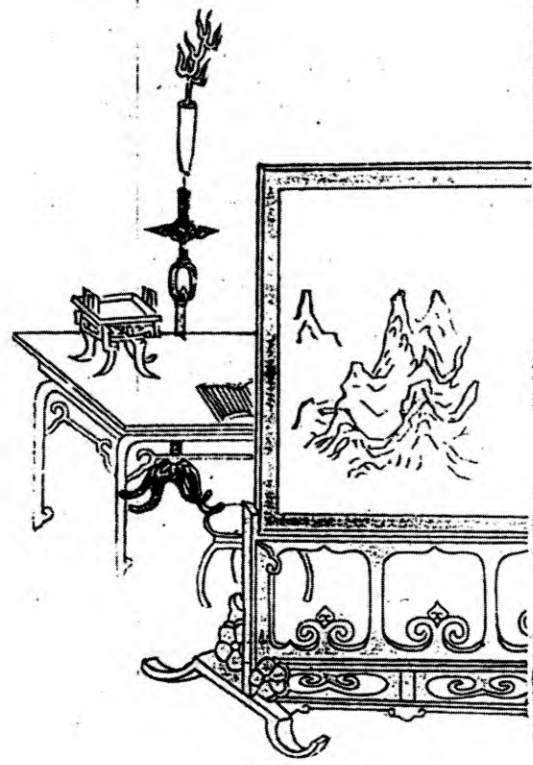

В Китае ксилографическая книга, как и ^в настоящее время, печаталась с целлюлозной выравниваемой по форме латочной форме. Ксилографическая экономическая графическая Тип литы, то есть отпечатывали с одной стороны и затем со второй. В Европе ксилографическая книга появилась в I-й пол. 15 века (в Китае, кривые ксилографические записки 868 г.), в Венгрии, Германии и Франции. «Адресная ксилография» создается на досках из гладкого дерева из мягких пород дерева. Мелким и тонким рисунком обрезают ножом, а зрело между ними вытирают бумагой, её отличает контрастные светлые и темные. В «мозаичной» ксилографии на досках концевой рамкой из твердых пород дерева прорезают крестовидные тонкие шпатель, вырезают белыми в шпатель, ксилографические шпатель называемый создают тонкой рамкой и цветности, что гасит ксилографическую репродукцию ксилографии и темноватого рисунка. Краски при цветной печати могут наноситься на различные участки одной доски. При другом способе каждая краска наносится на особую обработанную лишь в соответствующих частях доски, а изображение возникает в результате переноса поперечных линий от всех досок (несколько досок) на одну литы. Фиксируемая в отиске стадии работы над доской называется составлением. У некоторых художников известно в духе зрелых составлений одной графика.

Двухцветная печать (зеленый и красный)⁸⁷
 известна в Китае задолго, предиссе-
 лователем которой относил её кавилетие
 к Хвэну, но критически шедеврами
 двухцветной шелкографии является
 юаньская печатная книга «Циньцзи
 цзи» (1320), хранящаяся в Пекинской
 библиотеке, мне посчастливилось её
 увидеть в руках. И лишь спустя
 триста лет, в 1619 году Лу Ёнъянь
 создал многоцветную печать «не с
 духом, а с кескавными гравировочными
 инструментами» (термину высокая печать,
 когда краски наносятся на поверхность
 рельефных элементов (китайская
 элементы) и некое изображение
 с одной на бумагу прокладывает в
 краску, в частности, в Манджурской
 Шиньцзи стали применять
 кескавными гравировочными инструментами
 (дуанькэ (бань)). Так китайская
 «Шиньцзи шуньцзи», однако мастера
 продолжали совершенствовать технику
 печати и уже в новом издании «Шиньцзи
 цзи», с 1627 по 1644, когда вышла эта
 юаньская книга, начали применять
 одновекторный гравировочный метод -
 г.ч. гунцзи (содержимые вместе цвета).
 Ёнъянь определил гунцзи как
 то, что в современной науке назы-
 вается высокой цветной печатью.
 Мастера Шиньцзи стали одновекторно
 разгравировывать маленькие гонки в
 одну раму и китайские гонки.

遠
山
竹
齋

Легкоокрашенные негаташми лишь, пожалуй,
разы цветовой гаммы, чем иваз или
осады из интенсивности тона и цвета.
Образ, видосфера масиженкой-негаташ
характеризовалась многими совпадени-
ями как композиционные коренки и иваз-
носимы - двояким образом - ид - исами об
этом далее - хранители древностей, где
предыдущим наследием иваз - тоту
идеи. Владелец масиженкой и организатор,
всей ее работы, вешалки в митраже
как человек, обладающий мудростью
и возрастными связями (духаньцан),
«владеющий» ивазречными умами и митра-
ским духом (идосинь милоу) и суждений;
усиливать «савури» природы (геминь
геминь).

Влияется, восторженно в
тот удивительные страны
«Хуану» из Шичаньцанской, но
каждому из них камен-
ные хуаньцань и цемента
искусства в последние годы
царствования прекрасной зем-
сти Мин.

«Шичаньцанской (шичаньцань)» - обделен в восьми
цзюаней - делится на 16 метров - цз, кв
цзюань ^{состоит из} посиди цзюань цветов
моихуа; второй из двух цз отведен
живописи камней; третий из двух цз -
живописи орхидей; четвертый из трех цз -
живописи бамбука; пятый из двух цз

° Название иши гасинь гасинь без иваз-
ра ид (каменградия) но иваз ид в негаташ
идеи.

изображением глаз; шестой из двух 42 56
живописи птиц; седьмой из двух 43 - моча-
рамная живописи; восемью из трех 43 ат-
лет ицхуа - ансамблем камниграции и
живописи. Ту Исэнькань является автором
раздела, посвященного живописи орхидей,
он также работал над составлением раздела
о ицхуа. Кроме него основными харак-
терными "Хуану" были У Цунцун, Ван Исэнькань,
Ли Вэньцзи, Тао Ю, Ху Цзунчжи.

Исторический ряд представляет ^(интер)
с прекрасными великих мастеров искусство
- Исэнькань, Ли Энькань, Ли Цзункань (особенно
юаньских мастеров Вэньчэнькань) и извест-
ных местных художников - гаче всего
Цзень Исэнькань и Ван Исэнькань. Знаком-
ство гасит иллюстраций составителей
этих оригинальных редакций, камниграции
(се) Ху Исэнькань: камниграф, истинные
камниграции с изображением орхидей,
"странности" камней. Камниграции
гасит страдания в кругу, гасит ирраци-
ональность индивидуальности и завер-
шенность. Совершенство гасит
женщины, женщины, женщины
рачной и близкой к камни грации,
соответственно представляемой камниграции
в Исэнькань оригиналы или копии
классических образцов. Ажурная
камениграция из Исэнькань камниграции
некоторой нежность и "бухалки" в
книжном разделе каждой выва-
женные в рисованном изображении
камниграция гасит: Исэнькань

⁰ Глава круга, начало бы, не ах вы оной.
вторая линияму икиситбу, гасит камниграции,
к странному, ирисованному - гасит камниграции
но и в ирисованном и гасит врисованном врисованном
в гасит врисованном врисованном врисованном врисованном
врисованном врисованном врисованном врисованном врисованном

рамками из бамбуковых нудовидов ^{от}
 наложен кариковака типичи ивввввв
 илии мастрами утанчелмай ксвввввв
 представлемай рвввв в кксввввв
 разввввв. Пвввввввввв вввввввв
 севввввв вввввв вввввв вввввв
 илии вввввв из вввввввв вввввв
 по севввввввввввв вввввв вввввв
 в бамбввв, о камвввв, об оуууууу
 и камвввввв и вввввв вввввв
 геввв ввв копвввввв и вввввввв
 ввв вввввв с вввввввввввв ввв
 вввввввв вввввв вввввв
 вввввввв вввввв вввввв
 вввввввв.

Совввввв вввв вввв вввв
 вввв вввввв "вввввввв вввввв".
 Если ввввв "ввввв" вввввв ввв
 вввввввв, то "ввввв" вввввв
 ввввв вввввввв (об вввввввв
 ввввв, ввв ввв ввввв вввввв
 вввввв, севввввв вввввв ввв).
 "ввввв" (ввввв ввввв и ввввв
 ввв ввввввв, ввв 2-3 см. вввв
 ввв ввввввв вв в вввввв
 ввв, ввввв вввв, ввввв вввв
 вввввввв ввввв ввввв. ввввв
 вввввв в ввввввв ввввв ввв
 вв в ввввв, ввввв ввв ввв
 ввв, ввввв вввввв ввввв ввв
 вв вввв ввввввв - вв вввввв
 вв ввв, севв ввввв.
 "ввввввв ввввв" ввввв вв
 ввввв ввввв, ввввв вв вввв
 ввввв ввввв ввввв вв вввв
 в вввв, ввввв ввввв ввв
 вввв ввв вв вв вв - ввввв
 вввв вввв вввв вввв вввв
 ввв в вввв, ввввв вввв
 ввв ввв - ввв ввввввв

28
 бранзы и фарфора, веда и мурохонки
 носача и цуны, кригурибай гудини
 илиней; Второй отнесен гранитно-
 десным киватным - графонам, рибам,
 тилрам; в третей замк итадрансо-
 ний гдзев, инаситных наурителюныр
 итудни, котоух слоншиа в гатовый
 гдзлуны - ктой гунш. Тю и маго
 мончи, и котоутеиовий свен с ведром,
 слуксауны итцу и Тао Цды; гдзев гдзев
 цулоане замк итадрансениу гдзевр
 презнаменований и поссенатий, отделю
 носитаемых в зар в иравуны гунше.
 Тю итадрансение домосвельного гдзев
 мичиси, гдзевиных каруисов, гра-
 целеносей, гдзевиных гдзевуеиной;
 кадикией гдзевиной - гдзевиной сбао;
 кисти, гдзевиной, гдзевиной и гдзевиной
 гдзев кисти.

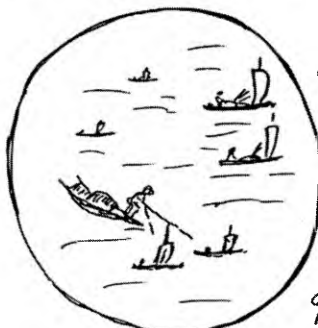
Рисунка в этих камнатичу кооиде
 токен гдзев, он рассчитан на тифа-
 неурованне - тю свиео гдзев, гдзев
 вые марки (и по разизу аки били).
 Владение иудеиства гдзевиной
 от уреника не только иудеиства
 гдзев, но и мастерства гдзевиной;
 иудеиства, гдзевиной гдзевиной
 итадрансение гдзевиной в
 веце - гдзевиной, гдзевиной и гдзевиной
 маюе гдзевиной в гдзевиной гдзевиной
гдзевиной, гдзевиной гдзевиной гдзевиной
 камнатичуи свитак.

В слодидичуи гдзевиной значат
 мичи гдзевиной гдзевиной гдзевиной, гдзев
 буйа гдзевиной гдзевиной. На
гдзевиной гдзевиной гдзевиной
 гдзев гдзевиной гдзевиной гдзевиной
гдзевиной гдзевиной гдзевиной гдзевиной
гдзевиной гдзевиной гдзевиной гдзевиной

Там в купила набор ковчегов с ³⁴
 рисунками из «Шинкуганской главы».
 Сиренное дело - они не содержат
 записей анархичной или архаич-
 ной культуры костюмов по великому
 краю. Рисунок бабочек застав-
 лает вспомнить о Кадокове - там
 он остро характерен и функционален,
 не только в Шинкугане и Тусуань,
 и Тусуань. Иллюстрации ^{здесь} ~~здесь~~
 ставь знаков условия, что от-
 лаживать больше к архаической
 Тусуань, увидевший Тусуань, там
 к династии Тусуань. Лу Тусуань ока-
 зывается у нас не только кустово-
 ному мастерству, не только собрав
 неважные технические отходы,
 но он создает при этом абсолютное
 новое искусство кустово-
 «почти кустово» еще одной формой
 прославил искусство время.

В мастерской - печатке Шинкуганской
 починил двух кавалеров кустово-
 медведя, Банювано за Шинкуган
 следствием (с 1612 по 1674) кустово-
 следствием или, ставшим образом
 эта были книги об искусстве
 печатей в стиле Тусуань. Мастером
 печатей и каллиграфом в этом
 стиле считал в зрелые годы Лу
 Тусуань, его имя ставится среди
 первых имени мастеров этого
 вида искусства, но бессмысленно ему
 приписана книга - наставление «Хуань».

В «Цзецзынаоань хуаишунань» (Слову о живописи и саду с галлической звездой) основной формулирующей классической составившей искусство мимского времени. В этой энциклопедии китайской классической живописи наведён итог почти двухтысячелетнего развития этого искусства. «Слову о живописи» создавалось в традиционном центре мимской культуры — близ Цзиньшаня, в мастерской великого мастера, знатока пейзажа и любителя живописи, блестящего ~~художника~~ литератора (впоследствии) Ли Юя. Фундаментальный труд Ли Юя и его ученика и друга Ван Бая вошёл в себя богатые традиции «иллюстрированных наставлений по живописи» («Хуацзю»). В самом названии Трактата заложена идея происхождения звёзд галлической и выражение небеса в мимическом земном рисунке. «Цзецзынаоань» — Сад с галлической звездой — это название мастерской пейзажа, в которой рождается этот удивительный памятник.

В предисловии к «Слову о живописи» Ли Юя писал, что его вдохновили на этот труд иллюстрированные мимическая теория искусства, живописца и пейзажа Ли Люоганя: «После

этого inkább прикис аллодом. «Он краткий в нашей семье всё уже несколько поколений» — сказал он. Когда я просматривал

о Ли Люоганя — автор «Записки о вазописании» — сравнительно по взгляду Си Ху — «Си Ху вою чин» — картина написана была огромной «популярностью».

а также, мое любопытство возросло.⁴¹
 Изучив его внимательно, я обнаружил, что
 там есть буквально все ирриальное, размышляю
 мастеров китайской живописи. Совершенно
 превосходной была картина Ян-я - она, ка-
 жется, принадлежит кисти Чжаньчэна (Ли
 Юэяна - С.В.). И, действительно, в конце
 альбома я обнаружил две кисти: "Из
 Каньчунь семьи Ли" и "Юэяна", которые
 подтвердили мое предположение. Поскольку
 этот альбом предназначался для замачи-
 нель каньчунь, маюшань, севчан-
 шийя в ней, не гадая для масте-
 рский по живописи - он был лишен
 строгой последовательности.

Важнейший географический раздел
 в "Слове о живописи" строится на
 основе текстов Мо Шилуна и Вун
 Цунана - именно кружками гео-
 графов живописи разработавших
 концепцию ^{о живописи} живописи в истории
 китайской живописи.

"У буддистов иконоганы существуют
 севчань и юнчань школы. Началось
 это расхождение в эпоху Тан. И в
 живописи есть севчань и юнчань
 школы. Размещение началось также
 во времена танской династии. Дове-
 ре почитанию, что одни севчань, а другие
 - юнчань.

Севчань направление идеи от
 мастера Ли Сюэяна и его сына, раз-
 вивается сунскими художниками
 Чжао Ганем, Чжао Вэньюем, Чжао Бо-

стает и вплоть до Ма Шаня, Ся¹²
Дня (Гуэ) и других. Южная конфу-
цистская идея ши Ван Мэжуэ (Вэя),
каравшего применять кметингу
— составлять, изменить прием гуджо.
Его стиль предался Хсан Цзао Цзын
Као, Гуань Тун, Го Чжунцун, Фун Вань, Вэй
Сунь и сын Ми, вплоть до Ван Каньвао-
мэн Четирех великих коанских масте-
ров. Это порождо таму, как были Ма Цун-
и Юньмэн после шестидесятилетней
гань-буддизма.¹⁰

В разделе о красной там же содей-
ствует сведения из мэншир текстов, в
частности из трактата «Випулу» Чэнь
Цуньси. Там, как и прежде, приготавлива-
ется редкий рецепт приготовления
минеральной селитры (шицин) и лине-
раевой селитры (шикуан). «Для приготов-
ления минеральной селитры берется
немного воды в кашечку, каждую ко-
ры куют кусочком старой цинковой. За-
тем помещают кашечку каждую располо-
жен рядом и вводятся там, пока
вода не нагреет. Селитрой объ станет
красным как огонь — тогда только счи-
майте и ставьте покрытой на землю.
Краска остынет и будет пригодна
для расширения и применения...

Выводы «Слова о живописи»
характеризуют выразительность
надписей на живописных свитках
на картине линейной живописи:
«Надписи Вэнь Хэньцаня (Чжуншань)
мелки и строги; надписи Мэнь (Хэю) крупны

красоты и естественности. Поэмы Сяи (Вэй)⁶³
 Кэнь Чжэна весьма оригинальны, особенно
 Тарин Чэнь Водна превосходны. Как-
 зный раз, когда эти художники каса-
 лись своей кисти живописного штиля,
 они открывали новую красоту".

В "Книге о горах и камнях" Вэнь
 из Вансейши фангюань "Слова о живо-
 писи" говорится, что в искусстве живо-
 писи Чэнь Водна типа цунь прояв-
 лись мимские мастера Тань Инь и
 Чэнь Чжэнь.

В "Книге орхидей" говорится: "В конце
 династии Мин были следующие мастера:
 Чжан Чжунчэнь, Сян Чжунцан, У Чжунчэнь,
 Чжан Чжунчэнь, Чэнь Чжунчэнь, Чэнь Чжунчэнь,
 Чэнь Чжунчэнь, Чэнь Чжунчэнь и Чэнь Чжунчэнь. Их
 кисти живописи в основном арамей. Их
 искусство живописи можно назвать арамей
 орхидей. Их искусство было величайшим
 в свое время. В конце Мин в живописи
 орхидей Чжан Чжунчэнь сформировали художе-
 ственные Ма Сяньлань, Сюэ Сюэ, Сюэ Чжунчэнь
 и Чжан Чжунчэнь. Все эти четыре мастера
 писали иньшань, иньшань свитки. Они
 передали арамей Чэнь, но арамей
 беднее реки Сян, но арамей
 вводится среди всего заурядного,
 арамей, арамей арамей орхидей
 среди арамей Чэнь."

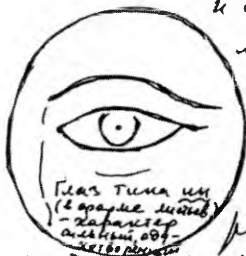
В "Книге мэйхуа" говорится о том,
 в конце Мин было много художников
мэйхуа, но они не создали оригинального
 стиля, каждый был очень индивидуален.

芥子園畫傳 摹仿名家西泠

В "Книге Хризантемы" упоминается, что только в книгах Вань и Линь Мэнтао до-
-взможны и оставивших сумеду урелик -
ини восхищали её ароматом отменности и дух
удивления. Они в роковенно ванилизируют
образ только кистью и тушью, совсем не при-
бегая к подветкам, и достигли в этом в не-
заде чистоты хризантемы. Тао Чжао, Ли
Чжао, Кя Ванью, Ван Жао, Шен Сюань,
Тяо Чжунь - все были искусны в искусстве
Хризантемы одной тушью. Вань изобретая
изобретает её сутью - "Тогда в ине
царит осень". Нам в духе обеих этой
образ и вонючий её улетит своим."

В разделе "Начальные сведения об
основах живописи цветов, трав и не-
каменная" говорится, что в книгах Линь Мэнтао
камере работами: "Линь Ян, Линь Цзи, Бянь
Ваньшунь, наперед из них прославился
в своё время. Если кто-нибудь изби по ко-
стенам, основное внимание уделять оду-
тти на традиции Сюй Си и Хун Цюань."
И далее говорится, что в книгах Линь
были ещё художники, которые прояв-
вились искусством изображения цветов
и особенно насекомых это
мастер Сун Лу, Ван Тань, Лу
Ваньхоу, Хань Вань Тяо Сянь.

В разделе, посвященном
камерной живописи и ко-
реду приводятся несколько
линейных практик. Очень
важен стрижка из сечения и крупного
геометрия искусства Тао Чжунь, которая

ввели принадлежность жанров живописи.⁶⁵
 «1) Будды и буддисты, 2) божья драконова книга,
 3) горы, духи, архангелы, мудрецы и монахи,
 4) ветры и облака, дракон и тигр, 5) люди
 прошлого, 6) пейзажи гор и лесов, 7) цветы,
 бабочки, там как бы вешаю живописи, куря
 и чай, 8) земные мифы и пейзажи, 9)
 деятельность людей (пейзажная живо-
 пись), 10) дворцы и башни, 11) старая -
 изображение человеческих фигурок в
 пейзажных композициях, 12) птицы и
 растения, 13) сине = зеленые пейзажи
 (быв. «вырезать синее, адмирать зеленое»).

О технике китайской живописи - Байцзи
 в каждой главе много мелких выписок
 в «Слове о живописи» приводятся выписки
 из трактата мистического поэта живописи
 Ли Юнцзюань: «Каждый художник имеет
 определенную манеру, следует различать
 не смешивая её с манерой других
 школ. Так, например, пейзажная живо-
 пись - жонгу в китайской манере - Байцзи
 бывает двух видов: мастер Чжан Сунсюе
 идет от традиции искусства Ли Юнцзюань,
 сам Ли Юнцзюань идет от искусства
 Гу Кайчжи. Все они применяют линию,
 которая называется тесньмэн - контурная
 линия, нередко и ровная. Другую линию
 которую применяют художники Ма Хэбинь,
 Ма Вань, идущую от искусства великого
 У Даоцзи, называют ланьмэн - контурная
 линия, нередко и штыбли орхидей.

66

Рецензентский характер мисской инициативы, описанный здесь, выражает отношение к Трагедии Ван Лоу. О всемогущей кисти (шюаньдо) древних и современных мастеров в рисунке описано в технике байдо:

1) древний приём безмерной кисти — цзюаньдо — это письмо очень острыми концами кисти, 2) такой приём передавал силам древнего мастера Цао; 3) «Итрих, народный стержень цунь — цуньшаньдо — его приемы, кантриль, художника Цзюань Цзунь; 4) «Итрих, народный кровопомой» — тесаньдо — его приемы мастера Цзюань Шяо; 5) «Итрих, народный древнеемство облаков, Теченье воды» — синьшаньдо; 6) «Итрих, словно канцелярская сафьян» — ма хуаньдо — это письмо приемы мастера Ма Хэчжи и Ту Синь. Его еще называют ланьшаньдо — народная кисть орхидей; 7) «Итрих, народный видная звезда или маленькая хвостик» — шуньшаньдо; 8) «Итрих, народный, сильный» — хуньшаньдо; 9) «Итрих, народный на колёсах» — цзюаньшаньдо — или писали Ма Жань и Ся Ту; 10) «Итрих, народный вей Цао, когда писал древнее» — Цаошаньдо; 11) «Итрих, народный тушемушань а ветра трагедии» — чжяньшаньдо — его письмо острого канцелярской кисти — это феминный, «разованный» итрих; 12) «Итрих, народный ослик» — ганьланьшаньдо, или писал мастер Лю Хэ; 13) «Итрих, народный Костяк ермиша» — цзюаньшаньдо — письмо заостренными концами широкой кисти; 14) «Итрих, народный мисский ивэй» — люшаньдо — или писал великий У Даоцун; 15) «Итрих, народный мисский баюбаю» — цзюаньшаньдо — коротки, «разованный», письмо широкой кисти; 16) «Итрих,

芥子園畫傳
摹仿各家圖譜

二六九

славно драгоценные книги, передала ⁶⁷
 воды - шманьби шурьдильво; 16 сокращенная
 штрих - уздильво - использовалась Ма Юань
 и Лян Каош при одном из выводов тонирования.
 17) штрих, народный извод шайбильво, 18)
 штрих, наполовина штрих земляного шрифта -
шюньво. И далее в "Слове о живописи"
 цитируется суждение Ван Лоуя об основ-
 ных технических приемах: 1) шань - это шань
 противоположно шань; в шрифт носится как
 белое шюань; 2) шюань в манере шрифта (при
 и изво) называется шюаньшань; 3) шю, или шю
 - применительный при изображении шрифта, шю
 4) шю, или байльво - применительный в живописи
шю; 5) шю - значит смотреть на предмет
 и копировать; 6) шю - название картины
 оригинала на татскую бумагу.

В "Слове о живописи" в Сада с шрифт
 мое звание шюань "представил
 как шрифт шрифта шрифта
 о живописи. Минь недовольный шрифт
 разден трактат - шюаньшань назва-
 нием шюаньшань - шюаньшань
 живописи. Обобщенные шрифт
 о шрифт законе живописи по шю
 Хэ - шюаньшань (шрифт шрифт
 ритм шрифта шрифта) шюаньшань
 о шрифта шрифта шрифта
 шрифта. В целом же это шрифт
 шрифта шрифта шрифта
 шрифта о шрифта шрифта
 шрифта шюаньшань
 шрифта "Слова о живо-
 писи" стремились схватить все
 шрифта шрифта, с шрифта.

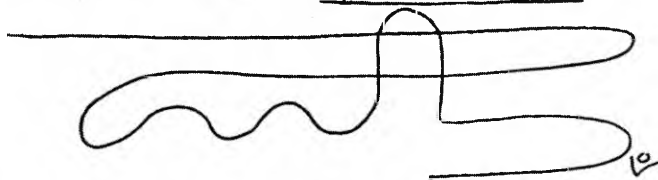
ность и неспириту - цзай. Мимолетное искусство
явились фэн ших воплощением этой
неспириты и всеохватности. Мимой и Вангаи
словно охватили мимское время, жими
словом - Цайюнь - неспириты, мимолетности
облака - излюбленный и частый образ
мимской поэзии и кивониси и они
неспириты, такие крайние облака
атмосферы мимскую культуру от мим-
ческой поэзии - и Тань и Сунь охватили
себя "белыми облаками" - байюнь, они стре-
мились сказать главное и этим охватить
всё, тогда как мимы хотели назвать,
квэчислить, изобразить всё и тем самым
надеялись, что главное скажет само.
И это главное явилось собой как кесон-
кесонной посылкой: в начале Янша мимы
Наименее явный характер кивонисского
образа (и не только кивонисского) связан
в мимском времени несомненно и опре-
деленности. Дун Цунан только характе-
ром мими определил два основных
направления в истории китайской
кивониси, крупнейшие мастера -
Цзюнь Чжэнь, Гун Сянь, Чэнь Хуншэнь -
определялись особым, личностным
характером штриха и размытия
каждого из них. И совершенно есте-
ственно обобщил эту форму в мимую
как основу Янша и как формулу
образ создан великим кивонисом
и мыслителем поэзии мим - началом
Цин - Цинтао. В "Беседах ^{о кивониси} монаха
Горькая мимья" - "Куньа хэчан хуа жим"
сказано:

Единая гедя 69
 В самой глубокой древности не было
 Правды. [Кто] высшая истина не
 была ещё разделена. Как только
 высшая истина разделяется, Правду
 устанавливать нельзя. Как же основывается
 Правда? [Правда] основывается на
 Единой гедя.

Единая гедя есть истинным всем сущим,
 корень всех явлений. Её действие является
 духом [и физичн] и скрыто в человеке, но
 вунгарныи не понимают этого. Вай корень
 в себе самом [прележе всего] является истиной.
 Истинь Правду Единой гедя. Основание
 Правда Единой гедя, - в отсутствии
 правды, которая излучается Правдой, и
 это Правду превращает в множество
 Правды. Ибо вонше зарождается вранье
 [касается ли это] красоты линий, звуков,
 людей и вещей, или сущности и характера
 птиц, животных, трав и деревьев, или людей
 и французий рыбок в садах, на вышках
 и бауцах. Невозможно ни превращать
 в извращения, ни извращать различные
 аспекты [всего], если в конце концов
 не овладеть неизмеримой Истинь -
 Единой гедя.

[Как бы] далеко бы ни шли, как бы
 высоко ни вздымались, надо начать
 с малости, [с первого шага]. Там же и
 Единая гедя - она охватывает всё
 вплоть до атомного и самого микроскопиче-
 ского. И в зрелище тысяч миллионов удру-
 жий нет ни одного, начало которого
 и завершение не находилось бы в кон-

нам ещё в этой Единой гуде, кандров^{ту}
над каждой принарякцией гайво гайвоу⁴
Кешендаунз китайской классической
живописи, осуществленная мимиком
мастерами и представленная в их
"Хуану" завлущилась. В цикле ве-
ды структурность обрывается или
ещё большей детализацией и жесткостью
или резким выведением (шарфа,
редким) из сетки регламентации и
настоящих наставлений. Только
раскрытие мимиком мастерами
всего богатства и неисчерпаемых
возможностей каждого штриха, толки,
мимиком позволило Шинто уйти от иллю-
стративности и каноничности, взглянуть
к изнанке, к Единому, таинственному
всё и вся. Итан, Единая гуде —

мимиком рассказы о мимиком "Хуану"
представит в этой тетради, в первом
уроке мастеров "молчаливой поэзии".
Следующий, второй урок посвящен
знакому Учителю и ученику, рассказу
о том, что можно высказать в слове,
что возможно воплотить в образе,
и о том, что можно сказать лишь мимиком,
по старинному завету — от сердца
к сердцу.

Примечания

71

стр. 3. Фреско как парадигма лирического сочужия
 иа апаратирован в исследовании
 С.А. Сорокой, Китайский театр и Традиционные
 Китайские искусства, XI-XIII вв. М., 1990.

оо. См.: Чэн Гуаньен "Искусство шакьшичжуан",
 Канкин, 1988, с. 871-876; ак же: в

беседар-наставничестве автору сочинения особое
 внимание на роли искусств в Фундаментальной
 в рудии искусства.

стр. 7. ✓ Фунд всели значимости ктими Глума, Хуну
 они го сей нуды не стали, как особый,
 специальный объект исследования,
 ни в Китае, ни в Японии, ни на Западе.
 Разумеется, в общих работах по исто-
 рии Китайской живописи и ксилогра-
 фии занимают традиционное место отделе-
 "Хуа ну". Специальные работы, посвя-
 шенные (и их довольно много) осамы
 знаменитых "Хуа ну" - Цзиньшуньшань,
Цзиньшуньшань и т.п. Однако ни отделе-
 ственно о "Хуа ну", ни работы в общих
 работах не могут заметить спе-
 циального рассмотрения "Хуа ну"
 как культурного феномена. Даими
 Тенсий - это начальная попытка
 рассмотреть существующую работу
 в научной литературе.

✓ См.: Тан Сюэ, Прекрасная вежа (сима) в
 истории мировой ксилографии, -
 сб. "Цзиньшуньшань искусство вьнгузи", Кан-
 кин, 1987, с. 52-57.

✓ В Тайбэйском национальном
 музее (Тунхун) состоялась выставка,
 посвященная лирической живописи.
 Ученые великого китайского
 искусства, в многократном отношении
 были связаны с искусстве лирической
 живописи и ксилографии. Тради-
 ционные воспринимались ершина-
 лов соизволяет наукой и конче-
 тарным крупнейшим специалистом.

В предисловии То Вэйфаня ⁷² характеризует мимскую каллиграфию, как искусство, что в Китае считалось ремеслом и искусством, или ремеслом ввержено в искусство искусство не чурается, представляя как ремесло. См.: Миндаи Баньхуа шуньшунь тэжэкань, Exhibition of Graphic Arts in printed books of the Ming Dynasty, Тайбэй, 1980, с. 7.

стр. 89 Каньдэ Сяньшэнь, каллиграфия, встречающаяся в предисловии к «Маньшэнь хуань» (1630).

✓ Вартик М. М. Жизнь слова словесного творчества, М., 1970, с. 32.

✓ См.: Лиань Кэбин, «Шэньчжэнь шуньшунь и искусство китайских каллиграфов по каллиграфии», - сб. «Шэньчжэнь шуньшунь», с. 70-75.

✓ Ту Кайчжэнь в Трактате «Записки о том, как писать гору» Терраса облаков (Хуа Юньтайшань цзю) впервые в китайской литературе о каллиграфии своей полюбиле описание как пишется каллиграфия. Ту Кайчжэнь не упоминает одной детали: остроты, канавки, крутизны, обрывки, чужие и чужие кие звуки. Вдольна и складка кривыми и ридает или отключивших облаков, гребнями - облик вздымающихся утеса. Утесная форма менее высокая складка это «кислород», достойное боров, каллиграфия и писание замечает Ту Кайчжэнь. Юньтайшань - гора в Свэгунань, куда по преданию удалился Лиань Даоинь, гора над горами себя дал, у ног оскел со бурей похорошен сунский каллиграф и учитель каллиграфии Ли Ту. См.: Завадская Е. В. Мудра вдохновения, М., 1983, с. 48-49; Юнь Тайшань. Утес. с. с. 27-32.

стр. 10

✓ Юй Фу в справочном издании „История искусства Китая“ (Учашателъ сократилъ по теории китайской живописи), Пекин, 1958, упоминаетъ название Трактата „Хуяну“ (иллюстрированное руководство по живописи Бамбука), ^(106 к.с.) ~~трактат~~, но оно не сохранилось, с. 5.

✓ Юй Шаоцун в Библиографическом указателе китайских книг по живописи и каллиграфии (Историческая газета), Ханчжоу, 1982, в разделе „Искусство в садовом разделе Трактата Гуньа „Хуяну“, называют их „Туяну“, их тридцать восемь, из которых девять всего относятся к империи Чин (14), затем идут лунские сочинения (10), остальные относятся к более раннему времени. (с. 4-5). Классификация Юй Шаоцун не очень строгая: в его список не вошли ряд сочинений, которые другим библиографам отнесены к типу „Хуяну“. и, наоборот, некоторые называют, которые не относятся строго к „Хуяну“ (Кеифуцун, лунский трактат Гао Сюна „~~Искусство~~ ^{каллиграфия} ~~приёмов~~ ^{приёмы} в передаче металлических программ „Юн“ (Бамбука юньфа цзиньшэфа). В целом же труд Юй Шаоцун критикан наиболее авторитетным; Составленная Дин Фуджо „История Юньцзиньского Общества Библиографов живописи и каллиграфии по историческому разделу“, каллиграфия, живопись, автографа, гравюра (Сяофу цуньлу шуньдэн), Шанхай, 1957, является наиболее полным справочником об искусстве и произведениях важнейших сочинений по искусству. В этом издании „Хуяну“ включены в специальный раздел и их список, на мой взгляд неадекватно полный. С. 182-188.

19 Францис Сун Ваньшэн Вань Шэдан франсис-
мине. См.: Сун Ваньшэн. Мэйхуа сикэнь ю,
Пекин, 1928. 2 ч. 1-я.

100 См.: Итсёндер Е.С. "Ветхая олея" Икю,
С. "Сад одного цветка, Сяньди и жэ", Ш., 1991, с.
144-167.

Сир 15 в Читати из Францисато дараисе в абиуши
кредваре, сират исиамовованине кредваре,
вонюиенематих дзушени сиративно оговари-
ванатис. См.: "Словы о живониче из Сада с гуд-
тигисе зумо" Ш., 1969, с. 204-205.

Сир 16. Мо Кань "Тхунку", - Юань Кунхуа чайло,
Тайбэй, 1967, с. 32-69.

Сир 17. Там же, с. 103.

100 См.: А.И. Кадзев. Месие
Ван Анлиша и класи-
гесназ Китайских филосо-
фов, Ш., 1983.

100 Там же, с. 57.

Сир 18 в Там же, с. 41-43.

Сир 20 в См.: Атлетичекуа юи Кань Бэй цзун.
(Живониче втвкитовуа и Седзине и Юань
Келонь), сдодиме мейзумаков ко этой край
леме, вилемейиний текст, Китайский, Япония
Канониче и Русейкеи, в частности Айдэ,
исследования исследователем зумой ираблеме.
Китай, 1989, соот. и ред. Танан Иэнь.

100 Ван Юнлин Ицзун ишу (исследования Кань-
цзун, Каньисау, 1988. Каратеристика
основных кедзи Каньцзун бабуицзун
на сиративне новейшие сиративные ифа-
кид.: "Тхунку ицзун бабуицзун" (Валвийе
словарь ко Китайской каньцзун), Будзун,
1987, 2-я, обьемом бабуи 2 тыс. сиратив; "Ицзун
ицзун дачун дэнь" (Валвийе словарь Китайский
образцов изгоничеи), Каньисау = Лондон,
1976. Словарь представилеи сабуи фран-
милемие вонрисиверениз Каньцзун дэнь
машеаниз ироничеи известикар маге-
рав этого икусства с зредности 50 канала
17 века. Илестрациеи каньцзун аналити-
кават мейтаидеи отзеливых ироничеи
в разных сиративеи тохи и отзеливых маге-
Кав. Валвийеи фозмат, 1995с.

Стр. 21 в миссиях соединения по калке график, не более длин длин длин, в середине трагедии Тао Сун, нов изданный метод глас из романа "юн" (Видеоса паче цзиньэр фа), мекс костран по принципу "хуа цун", содержит каждый элемент знака во множестве вариантов. Представления существенны, это в XVI столетии в Европе оформил ван манне успешно разработке новой отдельной буквы. Например, работы в этом наме Либрехта Дюроля ("Миссия изданный", 1925); трагедии о шрифт "Буд уведущий" 1529, была представлен как образ изражались, как исполнения, истинного духа.

стр. 22

См.: Соловьев Васильевич С.Н. Литература, кампания, искусств. К проблеме симво за искусств в художественной культуре Дальнего Востока, И, 1985; J. Derrida, De la Grammatologie. Paris, 1967.

100) См.: Малов Ю.А. "Слова символов" Павла Флоренского, - "Советское искусствоведение", И, 1960, № 26. с. 322-343.

100) Кедрасова Е.А. Кеосуществленные за семь лет 1920-х годов создания "Символическая" (Слова символов) и его идеи в взгляде "Торка", - в кн.: Там же Искусств. Но вып открытия. 1982. Л, 1984.

Стр. 23. Там же, с. 102-103.

100) Там же, с. 99.

стр. 24. Там же

100) Кандианский В.В. Маленькие статьи, по дальним вопросам, - 2003. "Искусство" 1919, № 3; Там же № 4, 1919, 22 лет; Kandinsky, Punkt und Linie zu Fläche, 1926, Weimar.

76
 ✓ Т. Вейвудлин. Основные понятия истории искусства, М.-Л. 1930.

100 Т. А. Флаженский. Иконоста́с, - в кн.: „Возрождение словесные Труды“, с. 9. с. 27.

100 Алексей Куренков. Ку́рши на́миджан, сформированы русского стиха, Аннотация в Русской литературе, №, 1992, с. 35.

стр. 25 Фредриксвилейс важными напоминать китайскому, что предлема „Тарна“ была в центре внимания Леонардо да Винчи: „Если уран есть берега двух линий, то, касаясь у линии кантата в тарне, бесконечные линии могут иметь начало в тарне и, наоборот, бесконечные линии могут в этой тарне кантата, следовательно тарна может быть обшей началом и концы бесконечных линий... тарна не есть часть линии, как и линия не принадлежат непрерывности... [она] никто - то, что не принадлежат никакой величии“. И. М. Бонитан кантата в тарне, посвященный „Тарна“ у Леонардо: „Тарна. Существование никто“ - И. М. Бонитан, Леонардо да Винчи и каденности ренессансного творческого мышления. М. 1990 с. 334-345. Отрывок из сочинения Леонардо да Винчи из но уклад. книги, с. 335.

✓ Ван Оулин. Уклад. сав. с. 12.

✓ Ван Оулин. Уклад. сав. с. 12.

стр. 25. ✓ Каракисурисидна этого семейства кантата в тарне (яснее на основе текста, приведенных в статье С. Н. Соколова = Релихова „Куанцао“ - „Знак ситуации“ [журнал Сюз, - с. „Сад одного цветка“, с. 175.

стр. 26. ✓ В европейской поэзии искусства осадены чаще в XVI-XVII вв. культура земли (лат.). возделывание земли - Cultura della Terra.

- стр. 28^о Тун Сянь. Хун цинге (Тайна живописи),
- Нанкин, 1985, с. 3.
- стр. 29^{оо} Словами Хуаншаньшань и Каньшань-
шань написаны около 2 тыс. именованных
графов и около 3 тыс. Хуаншаньшань. Однако
крупных мастеров было в несколько раз меньше.
- стр. 30. Самозащиты Тухуи, соед. Ван Цзи, 1609,
Энциклопедия "Самозащиты Тухуи" (издана в Тайбей
в 1970 г., состоящая из 6 томов.
- стр. 34. Таньшаньшань ^{соед. Хуан Фанчи} ^{и другие} Учреждения, 1630;
Иллюстрированная антология китайской
таньшаньшань поэзии издана в Шанхае, в 1982.
- стр. 34а. Иллюстрации к разделу китайских
стихов построены на иероглифиче-
ской основе. Форма иероглифов, как
классификационный выразительный принцип
слонилась в сер. XVII века. Классический
направление поэтической структуры, а именно
в контексте аббревиатуры Венчуньшаньшань
и при этом цветовой Венчуньшаньшань (Ван Фан-
ли, Указ. сер. с. 17).
- стр. 40. Тао Сун цунтайму и Тао Сун лиминьму
в 2-й издании были переведены в Пекин,
в 1959, их фото.
- стр. 46. Тао Сун цунтайму, с. 15-21.
- стр. 47. См.: Шиньшаньшань Янчунь,
Нанкин, 1988 (Сборник исследований
Стайей о мастере Шиньшаньшань). В сборнике
собраны важнейшие материалы по этому
художнику и современники и
продолжатели - Каньшаньшань, работы Шинь
Шиньшань и Ли Каньшань.
- стр. 52. О мастере Шиньшаньшань см. также
в следующем разделе книги.
- стр. 60. О Исследованиях Хуаншаньшань См.:
Слова о живописи из Сага с гонимых
людьми, Введен, изд. и комм. С. В. Заварзин,
М., 1989.

Стр. 68. См.: Завадская Е. В. „Восходы о ксило-
мисии“ Шинтао, №, 1978. 78

супру. Попробую лично напечатать Л.
Стр. 68, пытаюсь определить как своего
новостройщика о Мирсирале Шенди.

- Список иллюстраций
- Обложка - „Бао Сун цзюй ну“, XVII в.
- Обложка титла - „Шичжунжэтай цзюй ну“, XVII в.
- стр. 3а - Сун Вохэнь „Лэйхуа сунь хуану“
(XIV в.)
- стр. 10а - „ — — — — — “
- стр. 11а - „ — — — — — “
- стр. 16а - Ла Кань „Тху ну“, XVI в.
- стр. 17а - „ — — — — — “
- стр. 29а - „Сань цзэй ту хэй“, XVII в.
- стр. 32а - „ — — — — — “
- стр. 33а - „ — — — — — “
- стр. 34а - „Танши хуану“, XVII в.
- стр. 37а - „ — — — — — “
- 37б - „ — — — — — “
- 37в - „ — — — — — “
- 37г - „ — — — — — “
- стр. 41а - „Бао Сун цзюй ну“, XVI в.
- стр. 42а - „Бао Сун цзюй ну“, XVI в.
- стр. 43а - „Шичжунжэтай шуну“, XVII в.
- стр. 50а - „ — — — — — “
- стр. 51а - „Шичжунжэтай цзюй ну“, XVII в.

ср 52а - " _____ "

ср 53а - " _____ "

ср. 54а - " _____ "

ср. 63а - "Известия о том, как буй чужаки", XVII в.

ср 66 - " _____ "

Обложка, задняя сторона -

У Толстого "Сююзи" - путешествие на
Земляк - самый популярный мексиканский
роман о путешествии в Америку за
будущими книгами, содружеству
в жизни Жан. Современная вырезка
из бумаг.

Отиск авторской печати - Бойткен,
по кампанию и правдолюбие какому-то
наследе "милитаристской поэзии" от Чурьши.

А.И. КОБЗЕВ

**Подвижник российской китаистики
А.Н. Хохлов (1929–2015)**

Ветеран Института востоковедения РАН, самоотверженный ученый-историк, неутомимый архивист и путешественник, видный исследователь русско-китайских отношений и российского китаеведения, с.н.с., к.и.н. Александр Николаевич Хохлов родился 26 февраля 1929 г. в Томске в бедной и многодетной (6 детей) семье рабочего-строителя. Он рано лишился отца и забот психически заболевшей матери, а потому с 4 до 17 лет воспитывался в детском доме и с младых ногтей привык к преодолению трудностей и упорному труду. Несмотря на тяжесть личных обстоятельств и атмосферы советской провинции в страшные тридцатые и роковые сороковые, Александр Николаевич как настоящий сибирский самородок всеми силами стремился к культуре и проявлял себя на разных ее поприщах. С детства занимался музыкой, играл на фортепьяно и баяне, в 1941 г. стал воспитанником-флейтистом в музыкальном взводе полковой школы и в военное время учился у эвакуированного в Томск Г.М. Римского-Корсакова (1901–1965), оригинального композитора, теоретика четвертитоновой музыки и внука знаменитого представителя Могучей кучки.

В 1946 г. А.Н. Хохлов поступил в Томский политехнический институт, а через год, сдав экзамены на историческом факультете Томского государственного университета и получив комсомольскую путевку, смело отправился в Москву для поступления в МГИМО, но опоздал и после некоторых перипетий оказался на китайском отделении Московского института востоковедения, где учился с такими известными китаистами, как М.К. Румянцев (1922–2010) и Т.П. Задоев (1924–1993). После его оконча-

ния за четыре года, в 1951 г. был направлен переводчиком в Муданьцзян для работы на Китайской чанчуньской железной дороге, права на которую и соответствующее имущество СССР в это время передавал КНР.

По возвращении на родину в 1953 г. А.Н. Хохлов уже в качестве аспиранта все-таки поступил в МГИМО, а затем стал сотрудником академического Института китаеведения (в 1957 г.) и Института востоковедения (в 1961 г.). В 1950-е годы он исколесил страну с китайскими делегациями, в частности, сопровождал в 1954 г. знаменитого писателя Ба Цзиня (1904–2005), прибывшего в СССР в связи с 50-летием со смерти А.П. Чехова, а в 1957 г. работал переводчиком на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Прибыв в не верящую слезам столицу, Александр Николаевич сначала прожил год у сестры в подмосковном Пушкине, затем десятилетие обитал в общежитии, пока в 1959 г. не получил с женой (З.Н. Карелиной) и ее сыном от первого брака две комнаты в коммуналке академического дома на улице Вавилова, который три года строил вместе с другими сотрудниками АН СССР, и лишь по прошествии еще десяти лет сумел перебраться в отдельную малогабаритную квартиру. В этих бытовых условиях семья не пополнилась новым ребенком, а приемный сын ушел из жизни на 14 лет раньше отчима.

Научную деятельность А.Н. Хохлов начал под руководством Л.И. Думана (1907–1979) с изучения земельных вопросов эпохи заката Китайской империи и в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию «Своды законов династии Цин как источник по аграрной истории Китая середины XVII – начала XIX в.». Опираясь на эти исследования, он сумел внести ценный вклад в такие фундаментальные издания, как «Новая история Китая» (М., 1972) и энциклопедия «Духовная культура Китая» (т. 4. М., 2009).

Поскольку основные правовые документы по данной проблематике уже переводили старые русские китаисты, А.Н. Хохлов обратил свою неумную изыскательскую энергию на отечественные архивы, со временем став главным знатоком их синологических сокровищ. Являясь настоящим трудоголиком, он на основе скрупулезных архивных изысканий опубликовал сотни статей по истории российской китаистики, обращая свое благожелательное и пристальное внимание не только на такие научные звезды первой величины, как Н.Я. Бичурин (1777–1853), П.И. Кафаров (1817–1878) и В.П. Васильев (1818–1900), но и на весь синологический небосвод, на всех, кто внес какой-либо теоретический или практический вклад в наши знания о Китае. Рассеянная по разнообразным изданиям богатая россыпь его публикаций фактически представляет собою целостный труд, прекрасно дополняющий капитальные «Очерки истории русского китаеведения» (М., 1977) П.Е. Скачкова (1892–1964). Увы, в виде отдельной книги это собрание сможет увидеть свет лишь после смерти автора.

А.Н. Хохлов в ИВ РАН в 2004 г.

Придя в науку тернистым путем, А.Н. Хохлов всегда с заботой и участием относился к коллегам, особенно молодым, щедро делясь своими обширными знаниями. 20 лет, с 1974 по 1993 г., он отдал трудоемкой редакторской работе над материалами ежегодной научной конференции «Общество и государство в Китае», плодотворно содействуя развитию отечественной синологии в весьма непростое время. Более того, Александр Николаевич сам стал лидером публикаций в сборниках «Общество и государство в Китае»: в них за 45 лет, с 1971 по 2015 г., под его именем вышли в свет 60 работ.

Перейдя 86-летний рубеж, А.Н. Хохлов после тяжелой болезни скончался 16 октября 2015 г., а 19 октября был кремирован и похоронен на Хованском кладбище.

Знаменательно, что, будучи великим мастером малых форм и не опубликовав при жизни ни одной собственной книги, он перед смертью завершил работу над обобщающей монографией «Китайские старопечатные книги в России XIX–XX вв. (Государственные и частные коллекции китайских ксилографов)», которая помещена ниже в настоящем томе «Архива российской китаистики».

Нет никакого сомнения в том, что трудам Александра Николаевича Хохлова предстоит долгая и счастливая жизнь и светлый образ этого скромного подвижника отечественной науки будет прочно запечатлен на ее скрижалях.

**О жизни и научных трудах А.Н. Хохлова
см. также в следующих публикациях:**

Журавлева В.П. Основные научные труды А.Н. Хохлова // Восток. 2004. № 6. С. 202–208.

[*Журавлева В.П., Кузнецова-Фетисова М.Е.*] К 85-летию Александра Николаевича Хохлова // Общество и государство в Китае: 44 научная конференция (Учен. зап. Отд. Китая / РАН. Ин-т востоковедения; Вып.14). М., 2014. С. 21–43.

Кобзев А.И. Хохлов Александр Николаевич // Общество и государство в Китае: 45 научная конференция. Т. XLV, ч. 2 (Учен. зап. Отд. Китая / РАН. Ин-т востоковедения; Вып. 18). М., 2015. С. 15–19.

Кобзев А.И. Александр Николаевич Хохлов // Восток. 2016. № 1. С. 222–224.

А. Н. ХОХЛОВ

Китайские старопечатные книги в России XIX–XX вв. (государственные и частные коллекции китайских ксилографов) (2015 г.)

«В книгах — сокровища знания и ума. Собирать книги, ценить, хранить и пользоваться во благое — есть великое счастье... Каждая библиотека, хотя бы частная, имеет культурное значение; существованием ее, полнотою, порядком, целесообразностью [подбора книг] определяется рост и успехи лиц, интересующихся духовною жизнью».

А.Н. Виноградов¹

Введение

Возникновение и развитие восточных фондов государственных и личных библиотек в России давно привлекает внимание отечественных исследователей как одна из интереснейших тем истории культуры нашей страны. Изучение ее показывает, как с пробуждением интереса к народам Востока, к их языку и быту не только ученые-востоковеды, но и любители «восточной словесности» и «восточных древностей», включая серьезных ценителей восточного искусства, нередко обращались к коллекционированию литературных

¹ *Иеромонах Киевопечерской Успенской лавры Алексий (Виноградов)*. Китайская библиотека и ученые труды членов имп. Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине, или Бэй-цзине (в Китае). С приложением каталога, чертежей и рисунков. СПб., Тип. бр. Пантелеевых, 1889, Отделение I-е, с. 1.

памятников — рукописей и всевозможных изданий на восточных языках. С развитием библиотечного дела в крупных городах России — С.-Петербурге, Москве, Казани и других городах стали возникать научные центры и общества, в библиотеки которых широким потоком стали вливаться не только рукописи и печатные издания отдельных ведомств, но и частных лиц, в том числе любителей старины. Активное участие в пополнении библиотечных фондов принимали востоковеды, в том числе дипломаты, нередко поначалу выступавшие владельцами личных коллекций. Именно рукописные и книжные собрания исследователей Востока составили золотой фонд ведущих библиотек страны, став надежной базой востоковедного образования молодых людей — будущего поколения ученых.

Предлагаемая широкой молодежной аудитории работа преследует довольно скромную цель, состоящую в регистрации и кратком описании казенных и частных коллекций китайских книг, преимущественно ксилографов, приобретенных россиянами в столице цинского Китая с помощью членов Пекинской духовной (православной) миссии. Техника изготовления этих книг с помощью деревянных досок достаточно подробно изложена в книге К.К. Флуга «История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв.», из которой приводим следующий отрывок:

«Подготовленная соответствующим образом деревянная доска, размер которой зависел от формата листов будущей книги, смазывалась обычным составом вроде клейстера, приготовляемого обычно из вареного риса. Этот состав размягчал доску, а кроме того, способствовал отпечатыванию знаков на ее поверхности. После этого на доску накладывался лист тонкой бумаги с переписанным на нем для этой цели текстом. По снятии бумаги на поверхности доски оставались отпечатки знаков (в обратном положении), после чего резчик удалял своим инструментом все части поверхности доски вокруг этих отпечатков. Ошибки или неточности, случавшиеся при гравировании текста, могли быть исправлены удалением соответствующей части поверхности доски и вставки на ее место кусочка дерева с вновь вырезанным на нем знаком. Доска с рельефными знаками, полученными в результате работы резчика, смазывалась при помощи особой щетки [шуа] тушью, после чего на нее накладывался лист тонкой бумаги, по которой проводили другой щеткой для снятия отпечатка. Печатание таким способом происходило настолько быстро, что один рабочий мог снять около 2 тысяч отпечатков в день»².

Помимо другой публикации К.К. Флуга — статьи «Из истории книгопечатания в Китае (X–XIII вв.)», опубликованной в журнале «Советское востоковедение» в 1941 г., дополнительную информацию о технологии издания ксилографов также можно найти в каталоге выставки 2005 г. под названием «Искусство восточной ксилографированной книги», в которой представлены

² Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1959, с. 29–30.

сведения и иллюстрации о китайских, монгольских, тибетских и японских ксилографах и рукописях из фондов Всероссийской Государственной библиотеки им. М.Н. Рудомино (ВГБИЛ), где имеется такой пассаж:

«Есть два вида ксилографии, отличающихся друг от друга техникой исполнения. Гравировать можно на досках продольного распила — поперек направления древесных волокон (по-немецки это называется *Holzschnitt*, а по-английски *woodcut*), и на комбинации брусков поперечного распила — по направлению древесных волокон (соответственно *Holzstich* и *woodengraving*). В русском языке специальных терминов для этих видов ксилографии нет. Обычно говорят о продольной и о поперечной гравюре на дереве. Торцовая гравюра появилась лишь в XVIII в. Что же касается продольной ксилографии, то она и была изобретена на Востоке и активно использовалась для печатания книг.

Хорошо вырезанная доска, даже будучи используется несколько раз, полностью воспроизводила почерк каллиграфа, передавая индивидуальные особенности его почерка. Поэтому мастерство переписчика ценилось необычайно высоко, а его имя, как правило, украшало колофон вместе с именем автора, заказчика и резчика. Поэтому и лучшие доски для печати делались обычно из твердых пород дерева. Например, китайские издания, предназначенные для императора [и его двора], отгискивались с досок жужубового дерева, а мягкая древесина смоковницы шла на доски дешевых изданий и считалась худшей»³.

На вышеупомянутой выставке были представлены три основные формы центральноазиатской рукописной и ксилографической книги: «гармоника» (два тома китайского издания «Сутры золотого блеска»), «ботхи», или «потхи» (тибетские и монгольские книги, тождественные индийским рукописям на пальмовых листьях), и «бабочка» (собственно китайское издание), когда на доске ксилографа вырезался текст разворота двух страниц, т.е. посредине оставлялось свободное пространство, заполняемое чаще всего сокращенным названием сочинения, номером листа или раздела. В таком виде листы накладывались один на другой и подклеивались у сгибов, в результате чего на каждые две страницы приходилось по две чистые. С течением времени листы стали сгибать не внутрь, а наружу (в этом случае на доске вырезался текст не разворота, а двух соседних страниц). Такой способ в книгопечатании просуществовал до Синьхайской революции 1911–1912 гг.

В последние десятилетия в отечественном Китаеведении, судя по публикациям и выступлениям на конференциях, все заметнее наблюдается ситуация, когда молодые исследователи исторических проблем традиционного Китая все меньше проявляют внимания к оценке первоисточников, предпочитая делать выводы на основе имеющейся западной литературы без тщательной обработки китайских источников. В результате проблемы источниковедения все более становятся уделом научных штудий небольшой группы энтузиастов.

³ Искусство восточной гравированной книги. *Art of Oriental Xelographica*. М., 2005, с. 6.

стов, а порой даже одиночек, самоотверженно работающих над трудоемкими для перевода текстами оригинальных китайских сочинений, характерных не только для эпохи древности и средневековья, но и для периода правления в Китае маньчжурской династии Цин (1644–1912). В лучшем случае исследователи лишь ссылаются на переводы упоминаемых в книгах западных авторов источников, не вдаваясь в изучение оригинального изначального китайского текста и не пытаясь проверить правильность его перевода на какой-либо иностранный язык.

В данной ситуации немалую помощь могут принести исследователям Китая не только существующие на западных языках каталоги китайских ксилографов, особенно же издания «ди-фан чжи» (географические описания), на которые нередко ссылаются западные синологи, но и библиографические справочники о наличии китайских старопечатных книг в той или иной российской или зарубежной библиотеке, не говоря уже о многочисленных каталогах на китайском языке.

В этом отношении нельзя не приветствовать недавнее появление в С.-Петербурге в 2012 г. «Описания собрания китайских книг академика В.П. Васильева» (в фондах библиотеки Восточного факультета С.-Петербургского университета)⁴.

В этом весьма ценном и уникальном издании описаны 207 книг, снабженных маркировкой ВУ («Васильевский учебный. Данное издание было подготовлено на основе карандашных пометок, сделанных на большинстве обложек книг при описании их в 1934 г. К сожалению, составителями при подготовке этого весьма сложного указателя китайских книг с набором иероглифов для их названий не использован рукописный каталог, составленный В.П. Васильевым, хотя им широко пользовались китаисты разных поколений — от его коллег и учеников до зарубежных исследователей, работавших в Петербурге до и после Второй мировой войны (даже до наших дней).

Как и упомянутое выше собрание китайских книг С.-Петербургского университета, предлагаемый ниже обзор коллекций в значительной мере предназначен преимущественно молодым исследователям-китаистам, вступающим на трудную стезю научного поиска. Он подготовлен на основе изучения архивных материалов и личного знакомства с восточными фондами различных библиотек России.

Пестрая мозаика книжных сюжетов сравнительно далекого исторического прошлого Китая, особенно периода правления маньчжурской династии Цин (1644–1912 гг.), невольно напоминает о том, какими нелегкими путями формировались библиотечные фонды России за счет государственных и частных коллекций китайских книг в XIX веке. Чтобы несколько представить этот

⁴ Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2012, с. VI–VII.

процесс в ретроспективном плане, обратимся лишь к выборочным архивным данным, в которых зарегистрированы, на наш взгляд, основные узловые моменты в появлении и развитии китайской книжной культуры на огромной территории российского государства.

Первые сведения о приобретении русской казной китайских книг в Пекине в 1730 г. находим в приводимом ниже архивном документе, где по поводу действий российского посланника Саввы Владиславича Рагузинского, посетившего с посольской свитой столицу цинского Китая — Пекин, сказано следующее:

«В прошлом 1727 году генваря от 22 дня ... графу Савве Владиславичу велено [было] для С.-Петербургской Академии [Наук] купить в Пекине китайские лексиконы по приложенной росписи.

1727 г. сентября от 28 числа ... граф Владиславич ... доносил, что он велел отправленному в Пекин с [торговым] караваном агенту [Лоренцу] Лангу оные книги приискать и купить...

В 1730 г. июня 1 дня в поданном в оную Коллегию [Иностранных дел] доношении агента Ланга написано, что он ... в Пекине сыскал у иезуитов безденежно три лексикона, первый на латинском и китайском языках, второй в 12-ти переплетах на китайском же языке, третий в 14-ти переплетах на китайском же языке. И те лексиконы были взяты в Сибирскую канцелярию, из которой [они] потом присланы в Коллегию Иностранных дел.

И вышеписанные лексиконы из Коллегии Иностранных дел были отданы для отнесения их господину вице-канцлеру оной же Коллегии секретарю Бреверну в августе месяце того же 1730 г.»⁵.

Караван с вещами Саввы Рагузинского прибыл в Москву в апреле 1730 г., после чего книги-лексиконы были получены чиновником Коллегии Иностранных дел 2 июня 1730 г. В Коллегию же они поступили в том же году 4 июня⁶.

Первые книги на китайском языке появились в России после подписания 14 июля 1727 г. с цинским Китаем Кяхтинского трактата, которым был определен официальный статус Российской духовной (православной) миссии в Пекине. Благодаря указанному договору, она, помимо служителей церкви, могла содержать 6 учеников для обучения восточным языкам.

В первой партии китайских книг, полученных в Петербурге из цинской столицы в 1730 г., был словарь «цзы-хуй», посланный главой миссии архимандритом Антонием (в миру А.Г. Платковский) для перевода его на русский язык с целью последующего использования в качестве учебного пособия по китайскому языку, необходимого для подготовки будущих членов миссии, посылаемых в Пекин через каждые 10 лет на замену ее старого состава.

Занявшись изучением китайского языка (сначала для церковной службы), бывший казак Андрей Германович Платковский (1682[?]-1746) через два го-

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1732, д. 12, л. 2.

⁶ Там же, 1730, д. 9, л. 1.

да смог подготовить китайско-латинской «лексикон», который в июле 1734 г. отправил в Россию с курьером Семеном Петровым⁷.

Хотя этот словарь из Петербурга был отослан обратно главе Пекинской духовной миссии для перевода его на месте, первая партия китайских книг появилась в российской столице благодаря ее доставке одним из наиболее талантливых членов миссии И.К. Россохиным, которому как знатоку китайского и маньчжурского языков впоследствии удалось опубликовать в русском переводе привезенные из Китая некоторые книги. С получением из Пекина в 1756 г. маньчжурского текста «Ба-ци тун-чжи» («Общее описание восьми знамен [маньчжурских войск]») И.К. Россохин энергично и со знанием дела взялся за перевод этого солидного исторического труда. После его смерти перевод этот удалось завершить с громадным напряжением сил другому бывшему члену Пекинской миссии А.Л. Леонтьеву. Последним были также переведены с маньчжурского языка на русский и изданы «Дай Цин люй-ли» («Кодекс законов Великой династии Цин») (СПб., 1778–1779 гг.) и «Дай Цин хуй-дянь» («Свод узаконений Великой династии Цин») (СПб., 1781–1783 гг.)⁸.

Оригиналом для второго перевода по китайскому законодательству послужил маньчжурский вариант цинского свода, составленного в 1690 г. Данный перевод был осуществлен по указу Екатерины II с экземпляра, присланного в числе других маньчжурских и китайских книг из Иркутска.

Как пишет Иоанн Бакмейстер, первые поступившие в библиотеку Академии Наук китайские книги «суть те, которые г-н Ланг, бывший российским резидентом при китайском дворе, привез в 1730 году из Пекина от иезуитских миссионеров, числом 82 тетради [бэней] в 8 папках [тао]»⁹.

Последующее пополнение академической библиотеки китайскими книгами было связано с деятельностью членов Пекинской духовной миссии Илариона Россохина и Алексея Леонтьева, доставивших из китайской столицы в Россию разнообразные по своему содержанию ксилографы с их кратким описанием, о чем в книге Бакмейстера сказано следующее: «Чтож принадле-

⁷ См.: Хохлов А.Н. Поездка дипкурьера Афанасия Соловьева в Пекин в 1732 г. // VIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1977, с. 21–41.

⁸ Сведения, касающиеся переводов китайских источников на маньчжурском языке, в данном случае и далее отчасти можно найти в добротном и ценном исследовании Т.А. Пан под названием «Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.», опубликованном в С.-Петербурге в 2006 г. (с соблюдением оригинального написания названий книг на китайском и маньчжурском языках). В нашем обзоре они даны с соблюдением смысла даваемых им русских переводов разных авторов, в том числе владельцев книжных коллекций, иногда ориентируясь на русскую транскрипцию названий китайских книг, даваемых в архивных документах.

⁹ Опыт [книги] о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной С.-Петербургской имп. Академии, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером, а на российский язык переведенной Василием Костыговым. СПб.: Типография морского шляхетского корпуса, 1779, с. 93–94.

жит до китайских книг, которые за редкостью в Европе причислены к рукописным, то оных в библиотеке нашей считается 202 папки, в коих содержится [около] 2800 книг... Роспись оных сочинена была покойным Россохиным и господином Коллегии иностранных дел секретарем Леонтьевым, которые жили в Китае несколько лет»¹⁰.

В перечне И. Бакмейстера китайские книги разделены на пять разделов: философии, истории и географии, а также математики, медицины и словесности. Не зная китайского языка, он собирал сведения из вторых или третьих рук, записывая их с помощью французской графики. Даже при столь несовершенном способе описания книг, в книжном фонде Академии было немало произведений, относящихся к китайской классической литературе, на что указывает наличие в списке «Пятикнижия», династийных историй, словаря «Кан-си цзы-дянь» и других изданий.

В описании Кабинета Петра Великого, выполненного Осипом Беляевым в книге, дважды изданной в 1793 и 1800 гг., имеется «Роспись» китайских и маньчжурских книг, находящихся в библиотеке Академии Наук. Она включает в себя 236 папок и 2800 книг¹¹.

По словам акад. Дорна, составителя каталога книг Азиатского музея, основанного в 1818 г., китайские и маньчжурские книги, словари и другие печатные издания поступали в академическую библиотеку в 1801, 1809, 1810 и 1811 гг.¹²

Глава первая

История формирования фондов китайских книг в государственных учреждениях и личных коллекциях в XIX в.

Исключительно важную роль в приобретении китайских книг в столице цинского Китая играла Пекинская духовная (православная) миссия, члены которой, особенно ее «учиники», не только покупали книги на китайском языке для личных нужд, но и активно помогали приезжавшим в Пекине россиянам, в том числе так называемым приставам, сопровождавшим новых членов миссии в китайскую столицу на длительный срок и ее старых при их возвращении на родину, в Россию. Такая практика обновления старого состава духовной миссии новым существовала до учреждения в Пекине российской дипломатической миссии в 1861 г. в соответствии с Тяньцзиньским и Пекинским договорами, заключенными с цинским правительством Е.В. Путьяниным в 1858 г. и Н.П. Игнатьевым в 1860 г., подписавшим с маньчжур-

¹⁰ Бакмейстер. Указ. соч., с. 93–94.

¹¹ Беляев Осип. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.

¹² Dorn B. Das Asiatische museum der kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Peterburg. St.-Peterburg, 1846, Seite 170.

ским князем И Синем соглашение об окончательном размежевании земель между царской Россией и цинским Китаем на Дальнем Востоке.

§ 1. Приобретение китайских книг в Пекине для российских ведомств и для личных библиотек

Первую большую личную коллекцию отправил из Иркутска бывший глава Пекинской духовной миссии архимандрит Иакинф (Н.Я. Бичурин)¹³. Это видно из нижеследующего письма князя Голицына от 9 января 1822 г., направленного управляющему Министерством внутренних дел:

«Архимандрит Иакинф уведомляет меня, что он отправил из Иркутска в С.-Петербург при обозе московских купцов Корзинкина и Лобкова с иркутским мещанином Михаилом Киселевым 14 ящиков с книгами на маньчжурском и китайском языках и при них три трубки [рулона] с планами и картами китайского государства и что для обеспечения [сохранности] тех вещей... по трем сибирским губерниям [иркутским гражданским губернатором] И.Б. Цейдлером командирован один казак для препровождения оных от города к городу [до Перми]»¹⁴.

Как видно из сообщения в Св. Синод архимандрита Александро-Невской лавры (впоследствии митрополита) Серафима от 29 января, этот груз с китайскими книгами еще не был получен в российской столице. В этом докладе архимандрита Серафима, занимавшегося делом Иакинфа в связи с жалобами на него разных лиц, в том числе нового начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Петра (в миру П.И. Каменский)¹⁵, в частности, указы-

¹³ Подробнее о Никите Яковлевиче Бичурине, более известном его современникам под именем монаха Иакинфа (1777–1853), см.: Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, с. 3–53; *он же*. Китаевед Н.Я. Бичурин и его вклад в монголоведение // Н.Я. Бичурин. Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010, с. 9–40.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА, СПб.), ф. 1286, оп. 3, д. 70, л. 1.

¹⁵ Павел Иванович Каменский (1765–1845) — китаевед и маньчжуровед, сын священника. С 1779 г. по 1788 г. он обучался в Нижегородской семинарии, по окончании которой с января 1789 г. по январь 1791 г. преподавал в народном училище г. Балахна. С марта по ноябрь 1792 г. Каменский посещал лекции в Московском университете (сначала в качестве слушателя, а затем студента). С марта 1792 г. по январь 1793 г. он служил помощником надзирателя в воспитательном доме Петербурга, где одновременно преподавал арифметику и «правила гражданской жизни, законами отечества управляемой». 30 января 1793 г. его приняли на службу в Коллегию Иностранных дел и в качестве учителя маньчжурского и китайского языков послали с новой группой миссионеров в Пекин, где он находился с декабря 1794 г. по май 1808 г.

По возвращении в Петербург его оставили переводчиком в Коллегии Иностранных дел. За свои научные труды по восточной филологии он (вместе со своим това-

валось: «Консистерия упомянула и о том, что принадлежащие ему, архимандриту [Иакинфу], книги, вывезенные им из Пекина в Россию, значутся в фактуре, по которой они сданы кяхтинскому мещанину Михайле Киселеву на Кяхте для доставления в С.-Петербург к нему, Архимандриту. Книги [еще] не приходили, и архимандрит Иакинф о получении их на словах не открывается, следовательно, где они — неизвестно»¹⁶.

О том, что архимандрит Иакинф, глава Пекинской духовной миссии, активно занимался переводами китайских книг стало широко известно благодаря выходу в свет сочинения Е.Ф. Тимковского о своей поездке в Пекин в качестве пристава новой группы миссионеров, отправленной из С.-Петербурга в китайскую столицу, чтобы обновить состав Пекинской духовной миссии путем замены ее старого состава новым. Имея поручение от Азиатского Департамента МИД приобрести картографические материалы о цинском Китае, Е.Ф. Тимковский по приезде в Пекин сначала обратился к члену старой миссии Михаилу Сипакову, который ему в ходе беседы рассказал о ситуации, сложившейся на книжном рынке китайской столицы. Об этом позволяет судить ниже приводимый отрывок из опубликованной Тимковским книги:

«По отзыву г-на Сипакова, подтвержденному о. Иакинфом, известное географическое описание китайского государства “Дай Цин и тун-чжи” весьма редкое [издание] и может стоить по крайней мере 200 руб. серебром. Впоследствии мне [было] дано знать, что упоминаемой географии вовсе не видно в пекинских книжных лавках, а ежели и находится несколько экземпляров оной, то они старого издания и слишком неполные. О. Иакинф успокаивал меня тем, что он имеет у себя книгу “Дай Цин и тун-чжи”, коей бо́льшая часть им переведена на русский язык...»

«Равным образом, — писал Тимковский, — я старался приобрести монгольское уложение в подлиннике... Мне объявили ... что оно печатается в типографии Палаты, или Трибунала иностранных дел [Лифаньюаня], и потом рассылается в определенном числе экземпляров монгольским князьям. Случается, однако же, что чиновники из свиты сих князей или из Трибунальской типографии продают монгольское уложение, имеющееся [у них] [в копиях] под рукою... О. Иакинф имеет вариант сокращенных монгольских законов с китайского языка»¹⁷.

рищем по Пекинской духовной миссии С.В. Липовцовым) в ноябре 1819 г. был избран членом-корреспондентом российской Академии Наук. В мае 1819 г. он принял монашеский постиг, наречен Петром и возведен в сан архимандрита. Возглавив новую группу миссионеров, он отправился в Пекин. В китайской столице Каменский находился с декабря 1820 г. по июль 1831 г., а по возвращении на родину его назначили в 1832 г. настоятелем Феодоровского монастыря в г. Городце Нижегородской губернии, где он и скончался в 1845 г., находясь в последние годы на «покое».

¹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 99, д. 8773 [1818 г.], л. 235.

¹⁷ Тимковский Е. [Ф.]. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. СПб., 1824, с. 15.

В другом месте своей книги как бы в продолжение вышеприведенного пассажа автор заявляет:

«Не лишним считаю представить здесь любопытству просвещенных читателей вообще краткое описание монгольских уделов, заимствованное из китайской географии “Дай Цин и тун-чжи”, которую с подлинника на русский язык перевел ... о. Иакинф Пичуев [Бичурин]. Перевод сей еще находится в рукописи»¹⁸.

Чтобы немного представить ценный характер привезенной Иакинфом разнообразной по своему составу китайской коллекции, достаточно ознакомиться с краткой выборкой из нее нескольких сочинений, указанных ниже. Прежде всего бросается в глаза обилие различных словарей, характерных для правления той или иной династии, а именно: «Юй-пянь» (словарь династии Лян), «Гуан-юнь» (словарь династии Сун), «Цзи-юнь» (словарь династии Сун), «У-инь цзи-юнь» (словарь династии Цзинь), «Юнь-хуй» (словарь династии Юань), «Хун-у чжэн-юнь» (словарь династии Мин) и «Цин-вэнь цзянь» (словарь маньчжурского и китайского языков), изданный придворной типографией.

Среди исторических трудов коллекции представлены многотомные казенные издания «нянь сань ши» (т. е. 23 истории) — полная история китайского государства, в 78 томах и «Ши сань цзин» (13 классических книг) последнего издания в 24 томах.

Китайская литература позднего средневековья представлена романами «Хун-лоу мэнь» и «Цзин Пин Мэй», за которыми следует в списке сборник стихотворений династии Тан.

Особое место в коллекции занимают книги о китайской архитектуре и живописи, а также энциклопедии «Юань-цзянь лэй-хань», в 20 томах и «Гуан-цюнь фан-пу», в 4-х томах (обе изданы придворной типографией)¹⁹.

Разумеется, во главе списка поставлен «Дай Цин хуй-дянь» (Свод узаконений великой династии Цин), иногда фигурирующий в русском переводе как «Собрание уложений династии Цин», впоследствии ставший основным источником сведений о цинском Китае, положенных в основу многочисленных публикаций не только одного Иакинфа (Н.Я. Бичурина).

В связи с прибытием новой группы россиян-миссионеров в Иркутск для последующего переезда в Кяхту и далее через Монголию в Пекин сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский обратился к архимандриту Петру (Каменскому) с просьбой о покупке в Пекине китайских книг, необходимых для планируемого открытия класса восточных языков при Иркутской губернской гимназии. В письме М. Сперанского на имя архимандрита Петра от 19 июня 1820 г. проблема, связанная с приобретением китайских книг, была поставлена в следующем виде:

¹⁸ Там же. Ч. 3, с. 230–231.

¹⁹ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (СПб.) (АВ), ф. 7, ед. хр. 38, л. 126–127.

«Издавна здесь существовало [специальное] заведение с преподаванием учащимся восточных языков: китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского и японского, но по разным причинам оно подверглось упадку. Для восстановления его в здешней губернской гимназии есть собрание из книг на сих языках, но сейчас недостает книг собственно учебных. Пользуясь [предстоящим] пребыванием г-на Тимковского в Пекине ... я поручил ему заняться покупкой таких книг, употребив на сие до 1500 руб. (считая на российские ассигнации) из запасной врученной ему суммы.

К Вам же ... обращаюсь с просьбою, чтобы Вы не оставили вашим руководством г-на Тимковского при сей закупке, особенно в выборе [нужных] книг, в коем должно более всего держаться лексиконов и вообще книг учебных, а не ученых»²⁰.

После того, как китайские и маньчжурские книги были куплены в Пекине Е.Ф. Тимковским с помощью переводчика Михаила Сипакова за 132 лана [ляна] и «Реестр книг на китайском и маньчжурском языках» в русской транскрипции и с переводом был доставлен в Иркутск, М. Сперанский обратился в Петербург с просьбой о списании произведенных им расходов. Это видно из приводимого его письма из С.-Петербурга от 9 июня 1822 г.:

«1) Трудность сношений с Китаем заставляет насколько возможно чаще пользоваться каждым открывающимся к тому случаю... [чтобы] из остаточных сумм, переданных приставу миссии [Тимковскому], купить несколько полезнейших книг на маньчжурском, китайском и монгольском языках для учреждаемого в Иркутске класса сих языков... Так как покупка сия не имеет другого предмета, кроме удобства сношений с Китаем, то справедливо было бы принять весь расход на счет общих издержек по отправлению нынешней [духовной] миссии в Пекин, оставив купленные там книги в распоряжении Иркутской губернской гимназии, при коей классы сих языков предполагается восстановить.

2) От прежнего посольства (графа Ю.А. Головкина. — *А.Х.*) в Китай, кроме разных вещей, хранящихся в Кяхте, остаются еще книги в ведении Иркутской казенной экспедиции. Предписанием Вашего Сиятельства велено продать оные с публичного торга... По причине весьма низких цен, предъявленных на торгах, книги сии (будучи подмочены при доставке их в Иркутск) впоследствии еще более испортились (от длительного хранения в сыром и неудобном месте) и, судя по их изданиям, они не очень ценные либо их вообще не удалось продать. Архимандрит Петр [Каменский] просил у меня позволения некоторыми из них пополнить библиотеку Пекинской миссии... Первоначально из них было выбрано 9 книг (общим числом томов — 44), но впоследствии некоторые из последних (отобранных) не были взяты в Пекин... [Поэтому] было бы приличнее передать оные в губернскую гимназию»²¹.

²⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5. 1817–1840, д. 1, папка 2, л. 472.

²¹ Там же, лл. 180–181, 183.

Из книг на маньчжурском языке (а также на китайском), купленных Е.Ф. Тимковским в Пекине для «иркутского заведения азиатских языков», следует указать:

«Маньчжу гуруни ухери коли, или Маньчжурское уложение» [на китайском яз. — «Дай Цин хуй-дянь»], в 24-х томах.

«Джакунь гузай и тун-чжи, или История о происхождении и последующем состоянии маньчжурского народа», в 16 томах (а на китайском в 10 томах), по одному экземпляру за 26 лан [лян].

«Фафуни битхэ, или Уголовные законы», на маньчжурском языке, в 6 томах (а на китайском [«Дай Цин люй-ли»] в 4 томах), по одному экземпляру.

«Эндурингэ Тацисянь, или Священные поучения [императора, правившего под девизом Юн чжэн]», на маньчжурском языке, а на китайском в 5 экземплярах, каждый в одном томе за 2 лян 5 цяней.

Среди китайских книг, предназначенных для начального обучения, можно назвать:

«Цин-вэнь ци-мэн, т.е. Книга, заключающая в себе азбуку, грамматику и разговоры на обоих языках», из 5 экземпляров каждый в одном томе.

«Цянь-цзы-вэнь», из 5 экземпляров каждый экземпляр в одном томе.

«Сань-цзы-цзин», на маньчжурском и китайском языках, 10 экземпляров, каждый в двух тетрадах за 1 лан (лян).

«Сто разговоров», на маньчжурском и китайском языках, каждый вариант в двух тетрадах.

«Сто разговоров», на монгольском языке с китайским переводом.

Помимо книг, предназначенных для Иркутской гимназии, Тимковский по просьбе архимандрита Петра (Каменского) доставил в Кяхту, а затем в Иркутск 3 ящика с китайскими книгами и ландкартами для Азиатского Департамента МИД и 5 ящиков с аналогичным грузом для Публичной библиотеки С.-Петербурга. Об отправке всех 8 ящиков с книгами из Китая в С.-Петербург иркутский губернатор И.Б. Цейдлер 4 февраля 1822 г. сообщил в Азиатский департамент нижеследующим письмом:

«Доставленные ныне сюда из Кяхты 8 ящиков с китайскими и маньчжурскими книгами (всего весом 36 пудов 8 фунтов) ... отправлены мною отсель с изъявившим на доставку их желание иркутским мещанином Никитою Наквасиным с выдачей ему платы за каждый пуд по 25 руб. и особо на покупку саней и укупорку 95 руб., а всего 1000 руб. с тем, чтобы ящики сии были им доставлены в С.-Петербург»²².

При ознакомлении с каталогом книг, привезенных из Пекина в Иркутск, особое внимание М.М. Сперанского привлекли законы, касающиеся монголов (представленные на монгольском и маньчжурском языках). Это побудило его осуществить их перевод с помощью переводчика Новоселова²³, находившегося на службе в Иркутске. Как видно из письма министра иностранных

²² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, д. 1, папка 3, л. 27.

²³ Хохлов А.Н. Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньяонь цзэ-ли» // История и культура Востока Азии. Т 1. Новосибирск, 2002, с. 70–72.

дел К.В. Нессельроде, отправленного 24 июня 1824 г. в Иркутск губернатору А.С. Лавинскому, глава внешнеполитического ведомства России также проявил интерес к переводу монгольского законодательства после того, как он узнал из отчета М. Сперанского о результатах поездки в Пекин Е.Ф. Тимковского в качестве пристава — лица, сопровождавшего новую группу миссионеров во главе с архимандритом Петром Каменским в Пекин для замены старого состава духовной миссии. В письме К.В. Нессельроде, в частности, говорилось:

«По совершенном окончании последней перемены [состава] Пекинской духовной миссии бывший сибирский генерал-губернатор тайный советник [Сперанский] 9 июня 1822 г. сообщил мне свой отчет по сему предмету, препровожденный в Министерство финансов. Из отчета сего видно, что в числе купленных в Пекине приставом миссии книг на маньчжурском, китайском и монгольском языках для учреждаемого класса при Иркутской губернской гимназии должны поступить в ее распоряжение и два экземпляра монгольских законов: 1) на монгольском и 2) на маньчжурском языке. В отношении сего последнего г-н Сперанский отозвался, что оный оставлен им временно в Иркутске по причине сделанного им поручения состоящему в штате Вашего Превосходительства переводчику Новоселову перевести сии законы на российский язык; по миновании же таковой надобности экземпляр на маньчжурском языке удобно будет отправить в распоряжение Азиатского Департамента.

Находя и с своей стороны весьма полезным видеть перевод монгольского уложения на русском языке, я с прискорбием принял дошедшее сюда известие о смерти Новоселова, подававшего к тому самую лучшую надежду по известным его основательным познаниям.

Обстоятельство сие побуждает меня обратиться к Вам с просьбою уведомить меня: в каком положении остается теперь перевод монгольских законов. (Здесь и далее курсив мой. — А.Х.)

В случае совершенного окончания сего труда Ваше Превосходительство весьма обяжете меня доставлением [сюда] хотя бы копии с перевода... Если же означенное поручение еще не исполнено и ежели между чиновниками вверенного Вам края не предвидится возможность найти переводчика с достаточными способностями, то не угодно ли Вам ... экземпляр монгольского уложения на маньчжурском языке приказать доставить в библиотеку Азиатского Департамента МИД, который имеет особенную надобность в сей книге и при удобном случае немедленно распорядится о переводе оной на российский язык для всеобщего сведения»²⁴.

По получении этого письма А.С. Лавинский 24 августа 1824 г. сообщил о том, что из ознакомления с домашними бумагами покойного Новоселова лишь 10 тетрадей перевода из 61 найдены в черновом виде и что среди переводчиков Восточной Сибири нет ни одного, которому можно было бы поручить завершение перевода всей книги²⁵.

²⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1824–1829, д. 7, л. 5–6.

²⁵ Там же, л. 7.

Отправив черновой вариант перевода с книгой в Петербург, А.С. Лавинский в особом письме сообщил о бедственном положении вдовы Новоселова, оставшейся с малолетним сыном:

«Все достояние, какое получила она в наследство от умершего, заключается в одних токмо книгах на маньчжурском и монгольских языках, кои она предоставляет в распоряжение правительства, испрашивая вместе с тем внимания к своей судьбе и ее малолетнему сыну»²⁶.

В реестре книг на китайском, маньчжурском и монгольском языках, оставшихся после кончины Новоселова в Иркутске, указано 77 названий, причем в конце списка сделана такая оговорка:

«Сверх сего имеется 21 том разных книг на китайском языке, в коих всех тетрадей насчитывается 126, да 30 — без обёрток, а всего 156 тетрадей, но содержание оных неизвестно».

Ради примера ниже назовем лишь минимальное число книг, доступных для прочтения на русском языке (согласно указанным на них номерам):

1) Лексикон по монгольскому алфавиту с русским переводом, составленный собственными трудами г-на Новоселова со ссылками на маньчжурский словарь (в китайской транскрипции) «Сань-хэ бянь-лань».

По удобству в приискании слов и алфавитному порядку, с каковым доселе не было издаваемо ни одного монгольского лексикона, он заслуживает особенного внимания (2 тома).

5) «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му»... (56 тетрадей) (на маньчжурском языке).

7) «Обряды шаманского жертвоприношения, издан[ные] по высочайшему повелению» (1 том, 4 тетради) (на маньчжурском языке).

10) Объяснения значений древних маньчжурских слов (1 том, 12 тетрадей).

21) «Ши сян дзи учуни битхе» (китайское название — «Си-сян цзи»).

Один из лучших романов на маньчжурском и китайском языке (4 тетради).

26) Описание Пекина (на маньчжурском языке). (Одна тетрадь).

52) Собственный перевод г-на Новоселова [русского текста] на монгольский язык (на русской бумаге). Один экземпляр.

62) Некоторые указы [богдохана, правившего под девизом Юн-чжэна]. Тут же указ [богдохана, правившего под девизом Цзя-цин], коим осуждается министр Хэ-шэнь, известный по своему несметному богатству (на маньчжурском яз.).

77) Переводы на русский язык китайских переводчиков в Пекине. 3 тетради²⁷.

Книги, необходимые для Азиатского Департамента, были отправлены из Иркутска в сентябре 1824 г. с Кулибиным, сопровождавшим транспорт с се-

²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II-26, 1824, д. 2, л. 1.

²⁷ Там же, л. 2–7.

«Список маньчжурских и китайских книг, назначенных в библиотеку Азиатского Департамента вдовою переводчика титулярного советника Новоселова» можно также найти в другом архивном деле. См.: АВПРИ, ф. Азиатский департамент, оп. 729/2, 1824, д. 3.

ребром в С.-Петербург, где их получил Азиатский Департамент в марте 1825 г.²⁸

В связи с подготовкой новой группы миссионеров для отправки в Пекин (на смену старого состава) А.Н. Оленин выразил готовность встретиться с ее новым начальником архимандритом Петром, чтобы договориться о покупке китайских книг для руководимой им Публичной библиотеки в С.-Петербурге²⁹. Об этом его желании было сообщено будущему главе Пекинской миссии через Александра Красовского, отправившего последнему 30 ноября 1819 г. следующее письмо:

«Алексей Николаевич поручил мне..., что он будет весьма рад видеть Вас с Вашею свитой в Академии Художеств во вторник, т.е. послезавтра в 11 час. утра, а в Публичной библиотеке — в среду в то же время. Если Вашему Высокопреподобию будет возможно доставить Алексею Николаевичу случай познакомиться в Академии Художеств во вторник вместе со Степаном Васильевичем Липовцовым, то сим Вы изволите сделать его Превосходительству особенное удовольствие»³⁰.

27 ноября 1820 г. А.Н. Оленин обратился к архимандриту Петру с письмом, касающимся главной цели своего знакомства:

«Имп. Публичная Библиотека с особливою к Вашему Высокопреподобию признательностью примет в собрание любопытных писем всякое одобренное Вами сочинение, в котором объясняется язык, вероисповедание, нравы, обычаи, образ домашней жизни, гражданские и военные дела, естественные и искусственные произведения сего древнего государства»³¹.

13 декабря А.Н. Оленин, находясь в С.-Петербурге, письменно сообщил о сделанном ему разрешении отпустить из казны деньги (в размере 1500 руб. ассигнациями) на покупку для Публичной библиотеки китайских книг «по собственному выбору» и одной тысячи руб. на приобретение для Академии Художеств «разных китайских вещей»³².

²⁸ За пожертвование китайских книг в казну Александр I 15 ноября 1825 г. распорядился выдать вдове Новоселова 2 тыс. руб. с утверждением ей пенсии в размере 600 руб. в год. См.: АВПРИ, ф. Азиатский Департамент, оп. 729/2, 1824, д. 338, л. 6.

²⁹ Подробнее об архимандрите Петре (в миру Павел Иванович Каменский; 1765–1845) см.: *Хохлов А.Н.* П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1970, с. 139–140; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1977, с. 127–132; *Шаталов О.В.* Архимандрит Петр (Каменский) и десятая российская православная миссия в Пекине // Исторический вестник (Москва–Воронеж), 2000, № 2 (6), с. 203–218; *Ларичев В.Е.* Краткие заметки по истории составления «Юань ши» и её перевода на маньчжурский язык // История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова / Под ред. В.Е. Ларичева. Перевод с маньчжурского Л.В. Тюрюминой и П.Ч. Каменского. Новосибирск: Изд. Института археологии и этнографии СО РАН, 2011, с. 5–11.

³⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, д. 1, папка 2.

³¹ Там же, л. 372.

³² Там же, л. 371.

Уже 8 июня 1820 г. архимандрит Петр Каменский, следуя по Восточной Сибири, у иркутского протоиерея Тютякова на средства, отпущенные на «умножение библиотечного фонда», закупил 28 книг за 480 руб. После же прибытия в Пекин в продолжении 1823 г. из упомянутой суммы было куплено несколько стоп белой китайской бумаги и несколько стоп простой для списывания Библии на китайском и маньчжурском языках, причем для списывающих её было куплено 5 цзиней сальных свеч [2,5 кг], необходимых для работы в вечернее время.

Из китайских книг по истории, купленных в 1824 г., можно назвать «Тун-цзянь ган-му», «Дун-хуа-лу» (в рукописном виде) и «Дай Цин и тун-чжи» из бывшей португальской библиотеки³³.

С возвращением архимандрита Петра Каменского и членов его миссии в С.-Петербург в 1832 г. сюда же прибыл огромный транспорт с 11-ю ящиками с купленными им книгами и другими предметами, доставленными в столицу Московской конторой по поручению А.Я. Булгакова. Наибольшая часть доставленного груза в количестве 72 единиц (китайских книг, рукописей и переводов, а также одной старинной карты Монголии и Маньчжурии) поступила в Азиатский Департамент МИД. 33 единицы (преимущественно книг по филологии) были переданы имп. Публичной библиотеке и Библиотеке Академии Наук.

Из богатого собрания христианских книг на китайском языке архимандрит Петр Каменский, оставив одну часть библиотеке Пекинской духовной миссии, другую передал в Петербурге библиотеке Азиатского Департамента. По поводу передачи привезенных из Пекина книг для разных учреждений С.-Петербурга Каменский 2 июня 1832 г. сообщил в Азиатский Департамент:

«Во время моего последнего [второго] пребывания в Пекине я употребил большое старание — не щадя иждивения (за счет личных средств) — собирать, сколь возможность позволяла, христианские священные книги, частью с европейских на китайский, маньчжурский и мунгальский языки переведенные, а частью на китайский язык христианами сочиненные... Из собранных сих книг, главным образом рукописных, одну значительную коллекцию оставил российской библиотеке в Пекине, а другую [меньшую] вывез в отечество»³⁴.

Как видно из «Реестра китайских и маньчжурских книг, рукописей, русских переводов [с китайского или с маньчжурского языков] и пр., хранящихся в библиотеке Азиатского Департамента», в последнюю поступило более 70 печатных и рукописных работ от П.И. Каменского и С.В. Липовцова³⁵, каса-

³³ Там же, папка 8, л. 31, 227.

³⁴ Там же, папка 16, л. 2.

³⁵ Липовцов Степан Васильевич (1770–1841) — известный китаевед, родился в селе Липовка Самарского уезда Оренбургской губернии в семье священника. Начальное образование он получил в Казанской духовной семинарии, где обучался по классу философии с 1783 г. Будучи назначен в 1793 г. членом Пекинской духовной миссии, Липовцов по прибытии в столицу цинского Китая активно включился в изучение китайского и маньчжурского языков, чему благоприятствовало его участие в течение более года в офици-

ющихся различных аспектов истории, культуры и духовной жизни китайского населения, его философии, религиозных представлений и нравов. Помимо словарей различного назначения и учебных пособий по китайскому и маньчжурскому языкам, в упомянутую библиотечную коллекцию вошли, например, такие известные книги по военному искусству, как «У-цзы бин-фа» («Наука побеждать, или Наставления для военачальников» [точнее: «Военные законы У-цзы». — *А.К.*]) (2 кн.), «Сунь-цзы бин-фа» («Тактика Сунь-цзы») (2 т.), а также постановления, касающиеся маньчжурских войск, «состоящих под осемью знаменами». К этому списку (помимо переводов на русский язык) можно добавить «Си-юй цзи» («Путешествие на Запад китайского монаха») и энциклопедию «Вань-бао цюань-шу» («Полное описание тьмы сокровищ». — *А.К.*).

Китайская литература позднего средневековья представлена рукописью романа «Хао-цю-чжуань» (о двоюродных сестрах) (ныне хорошо известного литературоведам по переводам французских синологов — Абель-Ремюза и др.) и мало известным произведением «Ди-и ци-шу», которому в списке дана такая характеристика: «Сатира на развратных богачей, изображающая все их пороки и злодеяния в домашней [семейной] и общественной жизни» (2 т.)³⁶.

В данный «реестр» почему-то не попал «Дай Цин хуй-дянь», составленный в 1818 г. Это издание было приобретено в 1826 г. светским членом Пекинской духовной миссии З.Ф. Леонтьевским (1799–1874) за 7 фунтов серебра благодаря содействию Туна, преподавателя китайского языка. Не считая расходов, связанных с получением цинского свода законов из придворной типографии, за него было уплачено, согласно требуемой цене, 77 лян 6 цяней и 7 фэней.

альной дипломатической переписке Лифаньюаня (Палаты внешних сношений), связанной с переводом документов с латинского языка на китайский и маньчжурский. О его глубоких познаниях в этих восточных языках сообщал в Петербург из Иркутска глава Пекинской духовной миссии архимандрит Софроний Грибовский в донесении от 17 ноября 1808 г., где по этому поводу было сказано: «Что же надлежит [сказать относительно] успехов учеников в предписанных им языках, то они приобрели до[статочные] знания, а особливо в маньчжурском языке. Но и в китайском не худо успели, из них ученик Степан Липовцов более других в китайском языке сведущ» (см.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив IV-4, 1802–1804, д. 1, л. 572–573).

Благодаря такому отзыву Липовцова по приезде в Петербург приняли переводчиком в Коллегию иностранных дел, где он оставался на службе до своей кончины, последовавшей 13 марта 1841 г. (см.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив IV-11, 1816–1848, д. 1, л. 56).

С.В. Липовцов — автор перевода маньчжурской версии «Лифаньюань цзэ-ли» («Уложение китайской Палаты внешних сношений»), опубликованного в 1828 г. (в двух томах) в С.-Петербурге.

³⁶ Это сочинение указано в «Описании собрания китайских книг акад. В.П. Васильева» (ВУ 143, с. 210–211, однако характеристика относится к другой «удивительной книге» — «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе», также бывшей у В.П. Васильева, № 18, с. 40–41. — *А.К.*).

Всего же за «Дай Цин хуй-дянь» пришлось уплатить (согласно книге для записей расходов по покупке книг, карт, семян и пр.) восемь фунтов³⁷.

Принимая во внимание обилие разнообразного статистического материала в «Дай Цин хуй-дянь», Совет миссии, возглавляемый архимандритом Петром (Каменским) постановил переплести китайские тетради в тома и передать это издание, приобретенное частным путем, в библиотеку миссии, «всегда отдавая эту книгу от глаз кому видеть её ... не нужно, а иметь за род секретной книги»³⁸.

С возвращением в Петербург старого состава Пекинской духовной миссии упомянутый выше свод законов цинского Китая в июле 1832 г. был доставлен в столицу и передан Азиатскому Департаменту с письмом П.И. Каменского от 9 июля 1832 г., в котором было сказано, что этот свод — «пространнейшая книга всех государственных постановлений Империи Цин»³⁹.

Краткую характеристику указанному изданию находим ниже в журнале «Русский вестник» за июнь 1858 г., в статье Чарльза Неймана, которого редакция характеризовала как «одного из первостепенных знатоков Востока»⁴⁰:

«Всегда по истечении нескольких десятков лет предпринимается [в Китае] пересмотр законодательства... Устаревшие нормы устраняются, а новые указы сына Неба вставляют на их место. Президентом комиссии последней ревизии, назначенной в 1812 г. и окончившей в шесть лет свою трудную задачу, был [маньчжур] Му-чан-га. Под его надзором обнародованы [на маньчжурском]: “Тайцин гурунь кооли битхе”, или “Собрание законоположений пречистого царственного дома”.

В Европе есть два экземпляра этого ценного и редкого собрания — в Петербурге и Мюнхене. Это собрание [на китайском яз.], обнародованное [правильно: составленное] в 1818 г. (изданное в 1821 г. — А.Х.), состоит из 920 книг, каждая из них средним числом в 25–26 двойных страниц. В них собраны все указы, относящиеся к управлению империей...

Сюда еще принадлежит собрание рисунков муз[ыкальных] инструментов, религиозной посуды и утвари, военных орудий, математических и астрономических приборов, а также многих специальных карт (всего в 132 книгах с особым пояснительным текстом)»⁴¹.

³⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 15, часть 2, л. 8, 124. Захар Федорович Леонтьевский — автор книги: Путешественник. Повесть, переведенная с китайского яз. З. Леонтьевским. СПб.: Департамент внутренней торговли, 1835, [4], 168 стр.

³⁸ Архив востоковедов Института восточных рукописей (СПб.), ф. 24, оп. 1, д. 12; д. 13, л. 193.

³⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 16, л. 2.

⁴⁰ См.: *Translations from the Chinese and Armenian by Charles Neumann*. London, 1831, 1 vol. in 8.

⁴¹ «Русский вестник», 1858, июнь, книги 1–2, с. 313, 320. Здесь речь идет о собрании, которое называется по-китайски «Дай Цин хуй-дянь ту» («Рисунки и схемы к [своду законов] „Дай Цин хуй-дянь“»).

Огромное количество китайских книг-ксилографов, рисунков-портретов и многих оригинальных предметов китайского быта привез из Пекина в С.-Петербург М.В. Ладыженский (1803–1875), племянник писателя Ю.М. Загоскина. Сбору уникальных изданий и предметов во многом способствовало его длительное пребывание в китайской столице, где ему удалось побывать в качестве пристава, сопровождавшего новую группу миссионеров и светских лиц во главе с архимандритом Петром (Каменским) в Пекин на смену старого состава Пекинской духовной миссии, которую возглавлял ее начальник архимандрит Иакинф⁴².

Из китайских книг заслуживают внимания источники по истории законодательства в период правления маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 г. по 1912 г., а именно «Дай Цин хуй-дянь» — законы цинского Китая (изложенные в 20 тетрадах, № 252), «Дай Цин хуй-дянь [ши-ли]» («Собрание основных законов и дополнительных постановлений Великой династии Цин» (с включением всех постановлений [тогдашнего] китайского государства, № 153), «Дай-Цин хуй-дянь ту» (описание китайского государства с ландкартами, чертежами, относящимися к эпохам древности и средневековья, оружия, математических и астрономических приборов и всего редкого в Китае, в 30 тетрадах, № 251) и др.

Источники по истории внешних связей Китая представлены в книге «Хуанцин чжи-гун ту» — живописное изображение всех народов, известных китайцам (с описанием в одном томе [из] 9 тетрадей, № 256), а также в «Сичао динань» («Об папских веропророковниках в Китае») (в одной книжке, № 289).

Источники по исторической географии отражены в таких произведениях, как «Си-юй вэнь-цзянь лу» («Записки об увиденном и услышанном в Западном крае») (в одном томе, две тетради, № 278) и «Тянь-ся гуан-юй ту» («Атлас Поднебесной») (в одном томе, в двух тетрадах, № 255)⁴³.

Известные литературные произведения XVIII в. представлены двумя романами: «Цзинь пин мэи» («Цветы в золотом горшке» на маньчжурском языке в 4 томах, 40 тетрадей, № 248) (роман XVI в. — *А.К.*) и «Хун-лоу мэн цюй сань-тао» («Песни, выбранные из романа „Хун-лоу мэн“, или [в переводе] „Сновидения в красной башне“» в одном томе, 4 тетради)⁴⁴.

Ценную информацию о многотомных изданиях цинского Китая по законодательству можно найти в рукописи В.П. Васильева под названием «Китайско-русский терминологический словарь», где «Дай Цин хуй-дянь» кратко описан следующим образом:

⁴² Подробнее о путешествии в Китай Михаила Васильевича Ладыженского в 1830–1831 гг. (вместе с О.М. Ковалевским) см.: *Хохлов А.Н.* Столица цинского Китая Пекин в русской картографии XIX в. (труды Н.Я. Бичурина и М.В. Ладыженского) // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLIV. Часть 2. М.: ИВ РАН, 2015, с. 380–386.

⁴³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, д. 1, папка 1-А, л. 443–444.

⁴⁴ Там же.

«„Дай-цин хуй-дянь“ — книга в 40 тао, в 296 бэнях, [которая] состоит из 1000 цзюаней. Доставлена [она] [З.Ф.] Леонтьевским через [М.В.] Ладыженского в Академию Наук, стоит 50 лян. В этой книге „Tai tsing hoei tian“ представлена географическая и административная статистика⁴⁵.

По мере накопления новых китайских книг в различных государственных учреждениях столицы их руководители порой в случае необходимости приглашали специалистов-востоковедов для описания их с целью подготовки каталогов. Так, российская Академия наук после получения китайских книг, привезенных П.И. Каменским из Китая, где он впервые находился в составе Пекинской духовной миссии в качестве ее студента, в 1811 г. предложила ему составить каталог китайских и маньчжурских книг, находившихся в ее библиотеке, при этом ему было разрешено свободно посещать академическую библиотеку для упомянутой выше работы. С выполнением указанной работы он и его коллега по Пекину С.В. Липовцов были удостоены в 1819 г. звания член-корреспондент Академии наук⁴⁶.

Получение из Пекина значительной партии китайских книг от архимандрита Петра (Каменского) побудило директора имп. Публичной библиотеки А.Н. Оленина пригласить к описанию их лично известного ему монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурина), с которым у него сложились довольно тесные деловые контакты после приезда последнего из Пекина в российскую столицу. В письме от 14 декабря 1828 г. на имя товарища министра народного просвещения Д.Н. Блудова А.Н. Оленин, упомянув о значительном количестве китайских книг в публичной библиотеке, назвал монаха Иакинфа человеком, способным к составлению каталога упомянутой коллекции, при этом попросил исходатайствовать у царя разрешение на оплату проезда Иакинфа от Александро-Невской лавры, где проживал Н.Я. Бичурин, до упомянутой библиотеки.

Для приглашения Иакинфа с целью описания китайских книг А.Н. Оленин предложил своему начальству принять о. Иакинфа в число почетных библиотекарей. О последующем присвоении почетного звания Иакинфу директор Публичной библиотеки в письме от 16 января 1829 г. сообщил министру народного просвещения князю Ливену. После того, как последний 23 февраля утвердил это решение, Иакинфу было назначено жалование от 500 до 600 руб. в год из остатков штатной суммы библиотеки. В звании почетного библиотекаря с соответствующим окладом Иакинф приступил к описанию китайских книг, требовавшему от него немалых усилий и специальных знаний⁴⁷.

Для оформления допуска к материалам специального хранения А.Н. Оленин 28 февраля 1829 г. обратился к хранителю манускриптов библиотеки надворному советнику Востокову со следующим письмом:

⁴⁵ Подробнее см.: С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб. филиал АРАН), ф. 775, оп. 1, д. 78, л. 203.

⁴⁶ Подробнее см.: СПб. филиал АРАН, ф. 1, оп. 1-а, д. 29 (Протоколы общего собрания, 6 мая 1818 г.), № 16, § 180; д. 30, № 32, § 346.

⁴⁷ РГИА (СПб.), ф. 733, оп. 15, д. 116, л. 1, 7.

«Г-н министр народного просвещения в представлении от 23 сего февраля за № 1354-м вследствие представления моего изъявил мне свое согласие на утверждение в звании почетного библиотекаря имп. Публичной библиотеки монаха АН [Алекса́ндро-Невской] лавры отца Иакинфа, которого я нашел нужным употребить для разбора и описания хранящихся в Депо рукописей китайских и маньчжурских книг.

Уведомив о. Иакинфа об определении его почетным библиотекарем для сего дела, предлагаю допустить его к разбору и описанию помянутых книг во вверенном Вашему управлению отделении Публичной библиотеки»⁴⁸.

Аналогичная работа по описанию книг на китайском, маньчжурском и японском языках позднее была предложена Н.Я. Бичурину Академией наук в письме неперменного секретаря Фуса от 24 февраля 1839 г., где было сказано:

«При личном нашем свидании Вы изъявили свою готовность содействовать видам Академии вашими познаниями по части китайского, маньчжурского и японского языков и принять на себя поручения Академии, относящиеся до предмета Ваших ученых занятий, когда представится к тому случай.

Академия Наук с истинною признательностью приняв таковое Ваше предложение, желает воспользоваться им ныне же по случаю приобретения ею богатой коллекции Шиллинга⁴⁹. Она поручила мне просить именно Вас:

1-ое. Составить краткую опись коллекции китайско-маньчжурско-японского отдела в том виде, как она была составлена г-ном [Я.И.] Шмидтом; такая же опись [нужна] для описания монгольских и тибетских книг.

2-ое. Соединить новую Шиллингову коллекцию китайских и прочих книг с имеющимися уже в Академии коллекциями, числом коих четыре, а именно: а) старейшая, собственно академическая китайско-маньчжурско-японская библиотека, описание коей, составленное [П.И.] Каменским и [С.В.] Липовцовым, напечатано в 1818 г.; б) первая Шиллингова коллекция с описанием на французском языке; в) коллекция [М.В.] Ладыженского ... д) собрание книг, купленных архимандритом Петром [П.И. Каменским] в Пекине — без каталога. По соединении сих пяти коллекций в одну и приведении её в систематический порядок

⁴⁸ Российская национальная библиотека (РНБ) (СПб.) ОСРК, F-XVIII, № 28, л. 37.

⁴⁹ Для оценки деятельности П.Л. Шиллинга, занимавшегося коллекционированием восточных книг, особенно на монгольском языке, в период своей поездки из Петербурга в Забайкалье (в район Кяхты) в начале 30-х гг. XIX в., важно познакомиться с цитируемым ниже суждением В.П. Васильева, высказанным об этом ученом в 1857 г.:

«Для Востока Россия имела великого библиомана в лице покойного барона Шиллинга [умер в 1837 г.], и Академия Наук обязана всеми своими главными богатствами, конечно, его усилиям. Он не щадил ни средств, ни трудов к приобретению не только книг, но и других предметов, характеризующих жизнь [народов] Востока. К сожалению, его поездка не простерлась далее Забайкальского края, и ему пришлось поручать [незнакомым] посторонним лицам производить закупку книг и вещей в Пекине. Сверх того, как бы барон ни был любознателен и начитан, он не знал порядочно восточных языков, следовательно, должен был смотреть на всё глазами других» (см.: «Русский вестник», 1857, сентябрь, книжка вторая, с. 332).

Академия просит Вас составить подробный каталог, который предполагается напечатать на русском языке с французским или латинским переводом»⁵⁰.

С работой по описанию китайских книг Академии наук (как и Публичной библиотеки) Иакинф блестяще справился, тем более, что ему была хорошо известна коллекция П.Л. Шиллинга, который до своей поездки в Кяхту в 1830 г. пользовался китайскими книгами, привезенными Иакинфом из Китая и, в частности, многотомным изданием [1821 г.] «Дай Цин хуй-дянь»⁵¹. Это издание впоследствии широко использовал монах Иакинф при написании книг и многих статей, посвященных цинскому Китаю.

О привозе в С.-Петербург новой партии китайских книг из Пекина руководство Азиатского Департамента МИД неожиданно узнало из письма министра финансов графа Е.Ф. Канкрин от 1 сентября 1833 г., в котором было сказано:

«Имею честь препроводить [Вам] ... реестр книг на китайском языке, присланных ко мне из Кяхты, которые препровождены ныне в библиотеку Министерства финансов. Одна из них, означенная под номером 2, содержит, по моему мнению, весьма любопытные статистические сведения...

Первая книга, называемая “Бэнь-цао гань-му” (точнее: „Бэнь-цао ган-му“. — А.К.) в 8-ми томах, содержащих в себе всё то, что относится к естественной истории... Сия книга первоначально издана при династии Мин, в правление Ванли (в 1560 г.), а потом пересмотрена и с дополнениями переиздана при нынешней династии Цин, в правление Шунь-чжи (в 1650 г.) (точнее: Вань-ли, 1596 г. — А.К.). Она куплена в Пекине в 1831 г. ... о. Вениамином Морачевичем (главой миссии) за 3 лян, по тогдашнему среднему курсу равняющимся нашим 22 руб. 20 коп. на ассигнации, считая в ляне 2 руб. серебром нашей монетой.

Вторая книга [под китайским названием] “Ху-бу цзэ-ли” (“Уложение ведомства финансов”) заключена в одном томе. В ней описаны постановления министерства [ведомства] финансов (Ху-бу), указано число лиц, которые платят подать с земли, установлен порядок взимания пошлин с товаров и доставления [по рекам] провианта [зерна] в столицу; в ней также указаны монетные дворы и нормы провианта для войск, места добывания соли и доход, получаемый с оной, функции государственного казначейства и способы получения всякого рода пошлин. Сия книга куплена в 1831 г. тем же о. Вениамином за 8 цяней серебром, по тогдашнему курсу равняющимся нашим 5 рублям 92 коп. на ассигнации.

Третья книга “Дай Цин шуй-кэ цюань-шу” (“Полная книга налоговых сборов”) периода правления Великой династии Цин издана в одной книге, где описывается порядок получения пошлин с товаров, проходящих через 25 таможен империи, — с показанием, в каком месте с какого товара берется уста-

⁵⁰ СПб. филиал АРАН, ф. 2, оп. 1, 1837, д. 3, л. 37.

⁵¹ СПб. филиал АРАН, ф. 2, оп. 1, 1837, д. 3, л. 34, 53.

В реестре книг, оставленных у Шиллинга Иакинфом (перед своей поездкой в Кяхту в 1830 г.), значится 5 книг, в том числе «восемь первых томов книги „Дай Цин хуй-дянь“, из коих в последних четырех томах содержатся разные чертежи с описаниями» (из «Дай Цин хуй-дянь ту»). См.: там же, л. 36.

новленная пошлина. Сия книга также приобретена в том же 1831 г. студентом 9 класса [З.Ф.] Леонтьевским за 18 лян 5 цянъ и 4 фэн (точнее: фэнь. — А.К.) по тогдашнему курсу, равняющихся нашим 137 руб. на ассигнации. Чрезвычайная дороговизна сей книги в сравнении пред сим показанной выше, происходит от того, что она приобретена перепиской за неимением печатной, причем в сем случае явно употреблена поспешность [в изготовлении копии].

Четвертая книга под китайским названием “Шуй-у цзэ-ли” (Уложение о таможенных сборах) представлена одной книжкой. Она содержит в себе отдельный тариф, по которому взимается пошлина со всех товаров при их прохождении южных ворот Пекина, называемых Чунь-вэнь-мэн, или Ха-да-мэн (точнее: Чун-вэнь-мэнь, или Ха-дэ-мэнь. — А.К.), где [происходит] самый главный пошлинный сбор в Пекине»⁵².

Любопытную справку по поводу получения в 1833 г. китайских книг Министерством финансов дал Иакинф Бичурин:

«Книги, означенные в реестре, представленном Министерству Финансов, находятся в библиотеке Императорской Академии Наук и переведены уже на русский язык. Перевод [книги], означенной под № 1, сделан сокращенно студентом [П.И.] Каменским в бытность его в Пекине и доселе остается в рукописи, а перевод прочих трех [книг] под №№ 2, 3 и 4 бывшим переводчиком [А.Л.] Леонтьевым; он напечатан в книге под заглавием: “Тай Цин гуруни ух-эри кооли”, то есть „Все законы и установления китайского правительства“, изданной в 1781 году. Полный перевод его видеть можно в I и II частях вышесказанной книги в отделении: по Джургану доходов от страницы 212 до конца I-й части и с начала II-й до 79 страницы»⁵³.

Судя по всему, особый интерес к приобретению собрания буддийских книг, особенно Ганджура и Данджура проявлял, помимо П.Л. Шиллинга, министр народного просвещения Карл Ливен. Это видно из приводимого ниже его письма от 31 марта 1833 г., адресованного министру иностранных дел К.В. Нессельроде:

«Из отношения моего от 27 февраля 1830 г. за № 1671 Вашему Сиятельству известно, что я обращался с просьбою к ... архимандриту Петру [Каменскому] относительно покупки [в Пекине] некоторых книг на восточных языках на 8 тысяч руб. ассигнациями.

Ныне отец Архимандрит Петр по возвращении сюда [в С.-Петербург] уведомил меня, что ... им куплена лишь некоторая часть [заказанных книг] и что за употреблением на сие нужной суммы из [полученных] слитков остальное серебро [а именно] всего два пуда 10 фунтов 8 золотников и [58] долей передано им его преемнику [в делах миссии] о. Вениамину... Из-за [временной] невозможности на сию сумму приобрести те книги, о которых я его просил, ... не изволите ли признать возможным, чтобы таковые слитки были употреблены нашей духовной миссией в Китае и чтобы взамен оных за-

⁵² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 16, л. 12–15.

⁵³ Там же, л. 16.

ключающаяся в этих слитках сумма была возвращена от Министерства иностранных дел Департаменту народного просвещения»⁵⁴.

Любопытна реакция начальника Пекинской духовной миссии Вениамина Морачевича относительно денег, отпущенных на приобретение китайских книг, оставшихся в китайской столице без движения из-за временной невозможности найти им должное применение — ради реализации первоначально-го замысла. Об этом позволяет судить приводимый ниже текст письма главы миссии от 17 октября 1833 г. на имя князя Ливена:

«С полученными здесь от г-на Иркутского гражданского губернатора бумагами имел я честь получить и от Вашей светлости предложение об оставлении поручения, сделанного прежде Вами бывшему начальнику [Пекинской духовной] миссии о. архимандриту Петру о закупке монгольской книги Ганчжур... Сколько из одного любопытства я ни разведывал о сей книге, точно доселе не слыхал, чтоб она открывалась где-либо в продаже, поэтому и серебро, присланное от Вашей светлости на предмет сей, — за израсходованием из оногo [капитала] о. архимандритом на покупку вывезенных им монгольских книг за 5 фунтов с половиною и мне переданные [на хранение] два пуда 10 фунтов 8 золотников и 50 фунтов 8 золотников и 58 долей — донныне остается целым и неприкосновенным»⁵⁵.

Важной личной покупкой следует считать многотомное собрание буддийских книг — Ганджура и Данджура на китайском языке, приобретенное иеродиаконем Поликарпом, вынужденным ранее установленного срока оставить Пекин и возвратиться в отечество по состоянию здоровья. Из-за огромного веса этих книг эта весьма ценная личная коллекция была уступлена за умеренную сумму библиотеке Пекинской духовной миссии. Об этом свидетельствует нижеследующее донесение главы миссии Вениамина Морачевича от 18 октября 1835 г.:

«Нужным нахожу довести до сведения Азиатского Департамента, что по случаю преждевременного отъезда иеродиакона Поликарпа из Пекина книги ему принадлежащие и составлявшие всё его имущество, за невозможностью ему взять их с собою, ... оставлены Советом миссии в библиотеке, миссии принадлежащей, и за оные выдана ему плата [в размере] около 30 фунтов серебра из нашей штатной суммы на библиотеку с вычетом, впрочем, при сем тех 8 фунтов серебра, которые отпущены были в счет будущего его жалованья в Петербурге... За полное же собрание буддийских, или фоевских, книг на китайском языке под названием Ганджур и Данджур из 636 томов, составляющих сии две книги, и более 700 отдельных книг — изъяснений на них или извлечений из оных, выдана ему квитанция на 23 фунта серебра, чего ему и самому стоило сие приобретение..., а 220 тыс. чохов, издержанных им на подклейку начальных листов в некоторых книгах и 17 ящиков для укладки Ганджура и Данджура, выданы ему

⁵⁴ Там же, л. 7.

⁵⁵ Там же, л. 18.

из казенной доходной суммы. Справедливость требует упомянуть здесь, что полное собрание книг буддийских и в самом Китае [встречается] редко... Приобретший их дешевою ценою иеродиакон Поликарп обязан более тому [обстоятельству], что купил их не из рук [обычных] продавцов или перекупщиков, но случайно из одного княжеского дворца, хозяин коего по расточительности своей продал все вещи и книги за бесценок.

Приобретение сих книг для библиотеки миссии или же вывоза в Россию может быть наиболее интересно потому, что подобного собрания, кажется, не имеется и во всей Европе и что при невозможности приобретения подробных сведений о буддийской религии из тибетских источников ... перевод сей китайский может служить к тому самым лучшим источником»⁵⁶.

§ 2. Покупки китайских книг для библиотеки Азиатского департамента МИД и первый официальный книгообмен 1844 г. между Россией и цинским Китаем

С передачей управления делами Пекинской духовной миссии Аввакуму — при формальном сохранении в должности начальника Пекинской духовной миссии старшего священника Вениамина — приобретение китайских старопечатных книг, а также рукописей благодаря большей заинтересованности Азиатского Департамента в этом деле приняло более целенаправленный характер, диктуемый собственными интересами либо конкретными заказами отечественных и зарубежных исследователей по Китаю, особенно французских синологов.

Как свидетельствуют источники, китайские книги-ксилографы и рукописи до середины XIX в. обычно приобретались в Пекине на рынке Лю-ли-чан, о чем упоминают многие путешественники, особенно из России. Описание этого рынка находим, например, в книге Е.П. Ковалевского, посетившего китайскую столицу в качестве пристава (сопровождающего лица при смене старого состава Пекинской духовной миссии новым в 1849 г.). Вот что он пишет о вышеупомянутом рынке в своей книге:

«Первым предметом посещения и любимейшим местом прогулки наших миссионеров обыкновенно бывает Лю-ли-чан: это длинная улица в китайском городе [Вай-ло-чэн], почти исключительно занятая книжными лавками. Здесь каждый книготорговец знает русских, которые обогащают [своими покупками] синологической литературы наши обширные библиотеки, миссионерскую [Российской духовной миссии] в Пекине и Азиатского департамента [МИД] в Петербурге, либо приобретают для себя книги, относящиеся предмета своих [научных] занятий каждого из них.

Русский здесь всегда желанный гость: [китайцы-книготорговцы] его усаживают, подчуют, рассказывают ему городские новости и предлагают всё, что выходит нового в кругу наук и искусств»⁵⁷.

⁵⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 14, л. 387–388.

⁵⁷ Ковалевский Е. [П.]. Путешествие в Китай. Ч. II. СПб., 1853, с. 7.

Обладателем огромной коллекции китайских ксилографов (преимущественно на китайском языке и лишь несколько экземпляров на маньчжурском) следует считать члена Пекинской духовной миссии иеромонаха Аввакума⁵⁸. Согласно «Справочной книжице 1830 года», в которую он заносил, помимо сведений по Китаю, различные расходы, имеется список купленных им китайских книг под заголовком «Покупка книг». В списке названо 66 номеров с указанием цены, причем под одним номером часто фигурируют несколько названий. Например, под №№ 6–8 указано по 6 книг в каждом номере описи, под № 29 — 5 книг, под №№ 14, 19 и 20 — по 4 книги и т.д.⁵⁹

В 1843 г. вышел в свет первый том, а затем в 1844 г. второй, составленного Аввакумом двухтомного каталога книг, рукописей и карт на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках, а также на санскрите, находящихся в библиотеке Азиатского департамента⁶⁰. В каталоге указано название книги (в русской транскрипции и на китайском языке) с краткими сведениями как о содержании, так и об ее издании. Китайская часть коллекции была разделена на 18 частей-рубрик, в которых древнекитайская классика занимает наиболее важное место. Против же книг указаны соответственно их содержанию сочинения по истории, археологии, философии, законодательству, религиям и этнографии, астрономии, математике, изящной словесности и даже по сельскому хозяйству и ремеслам.

Для своего времени это был необычный каталог с детально разработанной структурой описания, содержащей довольно подробную информацию о каждой книге и оказавшейся весьма полезной для более поздних каталогов⁶¹.

⁵⁸ Аввакум (в миру Дмитрий Семенович Честной) (1799–1866) — востоковед, начальное образование получил в Тверской семинарии, затем (с 1825 по 1829 г.) обучался на высшем отделении С.-Петербургской Духовной академии. 9 ноября 1829 г. он принял монашеский постриг с именем Аввакум и был отправлен в качестве члена Пекинской духовной миссии в китайскую столицу, где он находился с 1830 по 1841 г. В марте 1836 г. его назначили главой миссии вместо Вениамина Морачевича, который, однако, номинально сохранял это звание до приезда новой партии россияно-миссионеров в 1840 г. Будучи оставлен в Азиатском департаменте МИД по возвращении из Китая, он занимался рецензированием научных трудов, присылаемых членами Пекинской духовной миссии. Подробнее см.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, п. 2, л. 61, 101, 139, 162; ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3594, л. 1–10.

В 1856–1858 гг. Аввакум в качестве переводчика сопровождал посольство графа Е.В. Путятина в поездке в Китай и Японию.

⁵⁹ Российская Государственная библиотека (бывш. им. В.И. Ленина) (РГБ), НИОР, ф. 273, картон 28, ед. хр. 1, л. 37–43.

⁶⁰ «Каталог книгам, рукописям и картам, на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента». СПб., 1843. В этом томе использована только русская графика. Во втором томе даны записанные иероглифами названия книг с краткими сведениями о количестве томов — тао и бэней и годом издания каждого экземпляра.

⁶¹ См.: Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Главная редакция восточной литературы, 1973, с. 12.

В каталоге Аввакума описано 395 китайских изданий и 61 — на маньчжурском языке, причем среди последних немало переводов с китайского и двуязычных текстов китайских «книг» (т.е. бэней). В этом каталоге учтено около шести тысяч — гораздо больше, чем в предыдущих (например, П.И. Каменского и С.В. Липовцова). При всей ценности каталога Аввакума он не включал в себя всех книг, имевшихся в собрании Азиатского департамента, т.к., согласно рукописному «Прибавлению к каталогу книгам, рукописям и картам на Китайском, Маньчжурском, Монгольском, Тибетском и Санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента» (имевшемуся в рукописном отделе тогдашнего Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР), в Азиатском департаменте МИД было еще 340 китайских сочинений (помимо 8 карт)⁶².

Уже к первой опиумной (англо-китайской войне) (1839–1842), положившей начало проникновению иностранного капитала в Китай, традиционный интерес России к этой соседней стране довольно зримо стал проявляться в ее внешней политике (например, в запрете контрабандной торговли опиумом)⁶³.

26 октября 1838 г. вице-директор Азиатского Департамента МИД Л.Г. Сенявин, исходя из интересов библиотеки своего ведомства, направил зав. делами Пекинской духовной миссии иеромонаху Аввакуму (Дмитрию Честному) следующее письмо:

«Препровождая при сем список некоторых китайских книг, Азиатский Департамент просит выяснить: во-первых, можно ли приобрести их в Пекине и, во-вторых, чего всякое из сих сочинений будет стоить, и о последующем донести. Сии книги нужны для одного лица, занимающегося китайской литературой. Если же некоторые из них могут быть полезны и для Департамента (как руководство и пособие для возвращающихся сюда членов Пекинской миссии), то просим отметить это, *поелику Департамент имеет в виду составить библиотеку нужных китайских книг.*

На сей конец независимо от ответа на вышеписанный запрос, просим Вас также составить подробный список разных необходимых китайских сочинений (и особенно таких, которые всегда нужны для руководства [лицам], занимающимся китайским языком и литературою Китая), с обозначением цены оных — каковой список Вы можете доставить [нам] вместе с прочими от Вас требуемыми»⁶⁴.

⁶² См.: там же, с. 13.

⁶³ Указанная ситуация на пекинском книжном рынке заметно изменилась после англо-франко-китайской войны (1858–1860), после которой иностранная торговля в цинском Китае в последующие десятилетия заметно расширилась за счет новых открытых для иностранцев городов, благодаря чему наиболее посещаемым китайским морским портом постепенно к 90-м гг. XIX в. стал Шанхай с прогрессирующим ростом торговых фирм западных держав и местного китайского населения, остро нуждавшегося в печатной продукции.

⁶⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 9, часть 1, л. 301.

Ответ из Пекина на запрос Азиатского Департамента находим в донесении Аввакума Честного от 12 мая 1838 г.:

«Бумагою от 26 октября 1838 г. за № 2655 Азиатскому Департаменту было угодно поручить мне сделать справку о том, можно ли приобрести поименованные в приложенном каталоге китайские и маньчжурские книги и чего будет стоить каждое сочинение.

Вследствие сего поручения я сносился с пекинскими книготорговцами и достоверно узнал, что большей части книг, означенных в каталоге, нет ни в одной лавке. Впрочем, половина из них в течение месяца может быть отыскана или в [частных и казенных] домах, или на ярмарках, но другую половину никто отыскать не надеется. Отметки [относительно] того или иного рода книг, равно как и примерную их цену Азиатский Департамент может усмотреть из приложенного при сем каталога под № 1-м.

Что касается до китайских книг, нужных собственно для предполагаемой библиотеки при Азиатском Департаменте, то я составил им довольно подробный список, в котором обозначил как число томов, так и примерную цену каждой книги.

В составлении сего списка я ограничивался как необходимостью той или иной книги при занятиях китайской литературой, так и превосходством издания того или другого сочинения. В назначении цены я руководствовался отчасти каталогом [Пекинской] придворной типографии, а также собственным опытом..., [следуя] показателям книготорговцев... цены тех книг, которые без всякого вреда можно взять из нашей казенной библиотеки я оставил невыставленными [к приобретению]. К числу таковых относятся преимущественно классические книги конфуцианцев и священные книги буддистов. Список всех таковых под № 2-м честь имею препроводить в Азиатский Департамент»⁶⁵.

Из списка китайских и маньчжурских книг, помещенных в запросе Азиатского Департамента от 26 октября 1838 г. в количестве 21 названия, можно в качестве примера привести лишь несколько с замечаниями относительно возможности их приобретения. Так, по поводу книги под номером 1 — «Ча-шу цюань-цзи» («Собрание мелких сочинений о чае») Аввакумом указано: «В пекинских лавках нет, но можно ее получить из южных губерний [провинций]; она стоит 3 ляна». Относительно книги «Цин-вэнь ци-мэн», в которой представлены грамматика маньчжурского языка и маньчжуро-китайские разговоры, дано им такое замечание: «В продаже есть, но не очень хорошей печати». Против «Жи-цзян Ли-цзи» на китайском и маньчжурском языках (№ 2 и № 9) сказано: «В продаже нет и отыскать где-либо нет возможности». Касаясь романа «Шуй-ху чжуань» (на маньчжурском яз.) (№ 3), Аввакум сообщает: «В печати нет; неизвестно также, по какой цене продавались его экземпляры как рукописные». О произведении «Си-сян цзи» («Записки Запад-

⁶⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 9, часть III, л. 138.

ного флигеля») на китайском и маньчжурском языках указано: «Драма на двух языках. Печатных в продаже не видно, но есть рукописные».

В списке «нужнейших китайских книг для предполагаемой библиотеки Азиатского Департамента», составленном иеромонахом Аввакумом, перечислено 111 названий, причем для каждой книги указана «примерная» китайская цена в лянах и цянях. В этом списке выделены основные источники по истории китайского законодательства при маньчжурской династии Цин, а именно книга под № 75 — «Дай Цин хуй-дянь» («Собрание уложений Дайцинской империи», которая «есть в библиотеке Пекинской миссии») ⁶⁶ и «Дай Цин люй-ли» («Уголовные законы Дайцинской империи») (№ 75) (4 тома, каждый стоимостью в 6 лян).

Для более удобного пользования коллекцией китайских книг Аввакум Честной специально составил указатель с отметкой: «К русскому каталогу китайских книг для Библиотеки Азиатского Департамента».

Интересны два дополнения к упомянутому выше донесению от 12 мая 1839 г. В первом из них (под № 12) сказано:

«Если Министерство не решится на вывоз в отечество полного собрания буддийских книг на китайском языке, известного под тибетскими названиями Ганджур и Данджур, состоящего из 677-ми томов, то мы находим весьма полезным выбрать из них хотя бы некоторую часть для вывоза в отечество, а именно ту, без которой занятия по части буддизма там не могут быть продолжены. Я разумею те книги в Ганджуре и Данджуре, которые по справедливости можно назвать дуплетами или по переводу или по содержанию (т.е. или разные переводы одних и тех же книг, или разные книги, но совершенно одного и того же содержания, отличающиеся между собою или слогом, или некоторыми подробностями в изложении). Об исходатайствовании разрешения на такой выбор из Ганджура и Данджура меня особенно просит о. Феофилакт (Киселевский), который имеет намерение по выезде в отечество продолжать занятия свои по сему предмету» ⁶⁷.

⁶⁶ На существование рукописи перевода цинского свода законов — «Дай Цин хуй-дянь» («Свод узаконений великой [маньчжурской] династии Цин»), составленного в 1818 г., в переводе Е.И. Сычевского указывали лично знавшие переводчика по Пекину дипломат Н.И. Любимов и архимандрит Палладий (П.И. Кафаров); см.: *Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. (Некоторые вопросы источниковедения) // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 100-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. I. М.: Наука, 1977, с. 21–22.

См. также: *Хохлов А.Н.* Китаист Е.И. Сычевский и его труды по маньчжуроведению // *Тунгусско-маньчжурская проблема сегодня. Первые Шавкуновские чтения.* Владивосток, 2008, с. 47–60.

⁶⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив, I-5, 1823, д. 1, папка 9, часть III, с. 658.

Весьма любопытно обоснование просьбы Феофилакта Киселевского самим Аввакумом в том же донесении (под № 14): «Занятия о. Феофилакта монгольским языком ограничивались только его собственными нуждами. Он имел в виду облегчить

О содержании выборочно взятых китайских книг, купленных Пекинской духовной миссией в 1836–1840 гг., позволяют судить приводимые ниже сведения:

За «Исторические записки» Сыма Цяня — «Ши цзи» (в 4-х томах) в апреле 1836 г. заплачено 8 тыс. малых чохов,

За книгу по древней истории Китая под названием «Шу-цзин» с толкованиями заплачено в мае 1836 г. 6 тыс. малых чохов,

5 августа 1836 г. за «Историю династий Ляо, Цзинь и Юань» с историческим словарем, к ней принадлежащим (всего 30 томов), заплачено 3 лян 8 цяней,

19 декабря 1836 г. приобретена книга «Сы-ку цюань-шу као-чжэн» (6 томов).

4 марта 1837 г. куплены следующие две книги: а) «Да Цин хуй-дянь» («Свод узаконений великой династии Цин», 24 тома) на маньчжурском языке, б) «Описание войны с горкинцами» на китайском языке (4 тома). За обе сии книги выдано 3 фунта 43 золотника.

В 1838 г. куплено «Уложение о туркестанцах» на китайском, маньчжурском и монгольском языках (3 тома).

За «Мин-ши» («История китайской династии Мин») (придворной печати) заплачено 1 фунт 48 золотников.

За «Кай-го фан-люэ» («Описание создания маньчжурского государства»), (придворной печати, 4 тома) заплачено 1 фунт 24 золотника.

«Цзун-ши цзэ-ли» («Уложение для маньчжурских князей») (4 тома), уплачено 1830 золотников.

В 1839 г. заплачено:

За историю «бунтов» в начале правления маньчжурской династии (в 1 томе).

За описание способа делания фарфора (в 1 томе).

За университетское уложение «Го-цзы-цзянь цзэ-ли» (в одном томе).

20 февраля 1840 г. уплачено за историческую географию «Ду-ши фан-юй цзи-яо» (18 томов)⁶⁸.

Особое внимание при покупке китайских книг Аввакум Честной уделил приобретению российской духовной миссией библиотеки португальских миссионеров в Пекине, о чем сказано в его донесении от 12 мая 1839 г.:

«Книги, переданные миссии португальскими монахами, в свое время никак нельзя было принять по каталогам, а для составления новых каталогов потребовалось бы немало труда и времени, почему я принужденным нахожусь препроводить их в Министерство [Иностранных дел] в том виде, в каком они переданы нам от прежней (португальской) миссии... Прошу передать эти

через это уразумение китайского Данчжура и особенно выправить искаженные китайцами индийские названия разных лиц, народов, государств, городов, рек, гор, животных и пр. и пр., вовсе не предполагая поступить куда-либо преподавателем монгольского языка» (см.: там же, л. 712).

⁶⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1817–1840, д. 1, папка 3, часть II, л. 133–138.

каталоги приставу новой будущей миссии и поручить ему с кем-либо из новых членов миссии пересмотреть их и принять по оным самые книги»⁶⁹.

Некоторое представление о расходовании денежных средств, отпущенных российской казной на покупку китайских книг, дает следующий документ, позволяющий говорить о характере книг не только по их описанию, но и по цене, по которой была приобретена та или иная книга:

«1) Куплена книга “Сань-цзы-цзин” на китайском, маньчжурском и монгольском языках за 2 тыс. малых чохов, или на серебро по курсу за 7 золотников.

2) За маньчжурско-китайско-монгольский лексикон “Цин-вэнь-цзянь” выдано 6 лян, или на наш вес 49 19/29 золотника.

3) За переплет в желтый холст 9 томов маньчжурских [императорских] указов и в голубой — 9-ти томов [китайской] истории “Тун-цзянь ган-му” выдано 21.500 малых чохов, для какового количества [медных] чохов променено серебра 71 золотник и 5/29 (всего 71 5/29)»⁷⁰.

Огромную коллекцию китайских книг весной 1842 г. доставил в С.-Петербург чиновник Азиатского Департамента МИД Николай Иванович Любимов, оказавший своему сослуживцу А.С. Пушкину большую услугу в переписке «Бориса Годунова». Длительное пребывание в Пекине в период англо-китайской войны (1839–1842) в течение нескольких месяцев в качестве пристава, прибывшего в китайскую столицу с новой партией миссионеров и светских лиц (включая будущего академика — магистра В.П. Васильева) позволило российскому дипломату собрать удивительно ценную коллекцию китайских ксилографов и литературных произведений в виде рукописей общим числом более 150 названий, охватывающих различные сферы творческой деятельности многонационального населения Китая, начиная с эпохи древности до 40-х гг. XIX в. Вот что писал Н.И. Любимов 12 мая 1842 г. по возвращении из Пекина в С.-Петербург директору Азиатского Департамента:

«Честь имею представить при сем список всем вывезенным из Пекина китайским, маньчжурским и другим книгам для библиотеки Азиатского Департамента. Часть этих книг была куплена о. Аввакумом Честным еще до приезда нового состава миссии на её штатную библиотечную сумму, а остальные книги, коим прилагается у сего особый список (и вместе счет), куплены были по приезде новой группы миссии, причем издержанная на оные отцом Аввакумом сумма отнесена на отпущенные в мое ведение на сей предмет деньги из 20 фунтов серебра. Но поелику сего количества серебра оказалось недостаточно, ибо издержано всего, как видно по счету Аввакума, 301 лян и 9 цянь и 53.500 малых чохов, что на русский вес соответствует 27 фунтам 60/28 золотника, то передержку [переплату], сост[авившую] 7 фунтов 601/29 золотника, я уплатил из собственных денег»⁷¹.

⁶⁹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, д. 1, папка 9, часть III, л. 678.

⁷⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 9, часть I, л. 174.

⁷¹ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 16, л. 32.

Касаясь особой ценности китайской коллекции, ради чего пришлось пойти и на личные расходы, Н.И. Любимов подчеркивал:

«Из числа привезенных сочинений есть весьма редкие, и такие, которых в самом Пекине нельзя иначе достать, как по случаю. При размещении оных было бы полезно поручить кому-либо из знающих китайский или маньчжурский язык составить каталог со всеми нужными пояснениями о каждом сочинении, из которых яснее можно будет видеть как содержание, так и достоинство каждого сочинения»⁷².

Важное место в коллекции книг, привезенных Н.И. Любимовым для библиотеки Азиатского Департамента, заняли китайские многотомные труды по географии — так наз. «ди-фан-чжи» с описанием провинций, областей, округов и уездов, а именно провинций: «Шаньдун тун-чжи», «Шаньси тун-чжи», «Цзяннань тун-чжи», «Чжэцзян тун-чжи», «Фуцзянь сюй-тун-чжи», «Гуандун тун-чжи», «Шэн-цзин тун-чжи» и др., а также областей: «Тяньцзинь фу-чжи», «Ганьчжоу фу-чжи», «Цинъюань фу-чжи», «Цифу тун-чжи» и др.; округов и уездов: «Шэнчжоу чжи», «Туншань сянь-чжи», «Синьцзян ши-люэ», «Вэйцзан тусы-ши» и др.

С точки зрения географии интересны записки путешественников типа «Хай-го вэнь-цзянь-лу».

Значительную долю в списке привезенных Н.И. Любимовым книг составляют сочинения по буддизму: «Гао-сэн чжуань» («Биографии знаменитых буддистов»), «Да Тан Си-юй цзи» («Описание Западного края, составленное Сюань-цзаном при династии Тан»), «Гуан-сюань мин-цзи» («Сборник статей по истории буддизма в Китае»), «Фо-шо-а-ми-то цзин» (2 экз. по одному тому).

Преобладающее положение в списке Н.И. Любимова занимают труды по истории Китая, начиная с древнекитайской классики до периода правления маньчжурской династии Цин. В качестве примера можно указать «И-цзин», «Дао-дэ-цзин», приписываемый Лао-цзы, «Сюнь-цзы», истории династий Ляо, Цзинь и Юань, «Да-Мин хуй-дянь» («Свод законов династии Мин»), «Мань-чжу юань-лю-као» («Происхождение маньчжуров»), «Цзиньдэчжэнь тао-лу» («Записки о фарфоре Цзиньдэчжэня»), «Сы-ку цюань-шу цзянь мин [лу]» и др.⁷³

⁷² Там же.

⁷³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 16, л. 34–47.

К вышесказанному следует добавить, что из 5 ящиков китайских книг Иосифа Гошкевича, доставленных в Кяхту в 1850 г., один ящик предназначался для российской Академии Наук. См.: АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 61, л. 28.

Помимо синологов на восточных языках, частично упомянутых в «Списке книг, вывезенных [Н.И. Любимовым] для библиотеки Азиатского Департамента», им были привезены из Пекина различные предметы китайского домашнего быта, а также музыкальные инструменты. Что касается военного оружия — сабель, ружей и луков, то они были переданы в Царскосельский арсенал. См.: АВПРИ, ф. СПб., Главный архив I-5, 1840, д. 2, папка 20, л. 87-а; л. 140-б.

Чтобы лучше представить содержание книг и отчасти их стоимость, следует обратиться к нижеследующему «Реестру китайских и маньчжурских книг, купленных [Аввакумом Честным] по прибытии в Пекин новой миссии [с приставом Н.И. Любимовым]»⁷⁴, где, к сожалению, дается лишь краткая справка о той или иной книге в русском пересказе без китайских иероглифов, порой представленных в одной русской транскрипции, нуждающейся в исправлении:

«1) Обзорение всеобщей истории Китая, с замечаниями ... периода правления Цянь-лун, 6 т. См.: № 35 (Тун-цзянь цзи-лань).

2) Исторические исследования. Соч. Ма Дуань-линя, 16 т. См.: № 36 (Тун-дянь).

3) Исторические исследования ученого Ду Ю, служившие образцом для предыдущего сочинения, 6 т. См. № 36 (Сюй тун-као).

4) Продолжение трех исследований, доведенное до начала правления маньчжурской династии, 40 т. См.: № 39 (Тун-чжи) (55 лян).

5) Три исследования, касающиеся до истории и постановлений настоящей маньчжурской династии, 40 т. См.: № 40 (Дай Цин тун-ли) (50 лян).

6) Сокращение хронологических таблиц, составленных в [период] правления Кан-си, издание последнего времени, 1 том. См.: № 42 (Шэн-цин тун-чжи).

7) Исторические исследования о племенах, живших в нынешней Маньчжурии до правления настоящей династии, 1 т.

8) Краткие записки о России, Тибете и Туркестане, соч. бывш. министра Сун-цзюня (который был в Кяхте дзаргучеем, а в других местах главнокомандующим), 1 т. (1500 малых чохов).

10) Словарь [по истории] буддийской религии с краткими толкованиями, расположенными по числам, 1 т. См.: № 100 (Чжао-мин взнь-сюань).

11) Курс китайской медицины, изданный правительством, 6 т. См.: № 106 (Цзяо-чэн фа-шу).

24) Система врачебной науки у корейцев (Дун-и бао-цзян), 4 т.

26) Основания врачебной науки («Хуан-ди нэй-цин: Су-вэнь, лин-шу»), 2 т.

27) Цзин-юэ цюань-шу (Система врачебной науки) (сочинение китайского автора), 4 т. (4 тыс. малых чохов).

31) Атлас китайской империи, на китайском языке (4 части) (12 лян).

Итого 301 лян 8 цянь — 53500 малых чохов»⁷⁵.

После возвращения Н.И. Любимова из длительной командировки в Пекин в С.-Петербург на его имя в Азиатский департамент продолжали поступать книги из Пекинской духовной миссии, которую возглавлял архимандрит Поликарп (в миру Петр Андреевич Тугаринов) (1806–1894), ранее состоявший

⁷⁴ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 16, л. 33.

⁷⁵ Ссылка на китайское название дается по списку китайских книг, вывезенных для библиотеки Азиатского департамента. Внизу рукой Аввакума написано: «Означенную сумму на покупку книг серебром 301 лану (лянь) и 9 чин (цянь) и чохами 53.500 получил от г-на пристава миссии иеромонах Аввакум Честной».

в этой миссии иеромонахом. Продолжающаяся присылка отдельных книг из китайской столицы, как правило, сопровождалась донесениями Поликарпа, и в одном из них от 8 марта 1844 г. сообщалось о покупке книги и журнала путешествия в Индию Фа-сяня, ради которого был специально переписан китайский текст с печатного экземпляра (за 13 золотников серебра)⁷⁶.

В последующих донесениях главы миссии от 20 апреля 1844 г. и от 6 октября того же года сообщалось об отправке одного сочинения на китайском языке под названием «История военных действий маньчжуров» (сочинение Вэй Юаня «Шэн-у-цзи») и другого на маньчжурском языке (в 4 томах) под названием «История первых времен маньчжурской династии» (это — «Кай-го фан-люэ»). О получении их в С.-Петербурге было упомянуто директором Азиатского департамента Л.Г. Сенявиным в его письме к статскому советнику П.А. Наумову, заведовавшему библиотекой департамента⁷⁷.

В донесении от 7 октября 1845 г. Поликарп сообщил об отправке в Азиатский департамент целой партии новых книг из 16 названий, причем среди них была названа одна рукописная на санскрите с упоминанием о «белом лотосе». Она заключала в себе учение будды Шакьямуни о способах достижения высшей степени святости, а также разные его предсказания своим ученикам в числе 500 лиц. В этой же партии находился тибето-санскритский словарь с китайским толкованием (в 6 книгах), изданный в одной папке (тао).

Наибольшая часть полученной из Пекина книжной коллекции состояла из письменных источников по истории буддизма. На это указывают их названия, приводимые ниже:

- 1) Фу-бэнь син-цзи цзин (Подробное жизнеописание Будды) (в 6 тао-папках).
- 2) Ши-цзя-пу (Сокращенное жизнеописание Будды, составленное в Китае) (в одном тао).
- 3) Гао-сэн чжуань (Биографии знаменитых буддистов) (2 тао).
- 4) Да Тан Си-юй цзи (Описание Западного края и преимущественно Индии, составленное Сюань-цзаном при династии Тан).
- 5) Фань-и Мин-и цзи (Изыяснение индийских слов, встречаемых в «Ганджуре» и «Данджуре» на китайском языке) (2 тао).
- 6) Фо цзу ли-дай тун-цзай (Хронологическое обозрение важнейших событий по истории буддизма, приспособленное к дворцовым переменам в Китае) (4 тао).
- 7) Да мин сань-цзан фа-лэй (Буддийский фразеологический словарь, или Собрание терминов, употребляемых в буддийских книгах с подробными к ним объяснениями) (4 тао).
- 8) Да Цин сань-цзан му-лу (Каталог китайского Ганджура и Данджура, изданного в период правления Юн-чжэн) (в одном тао).

⁷⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1840, д. 2, папка 34. Часть 1, л. 226 и 221-об.

⁷⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 21, л. 39–40.

9) Чун-дин цзяо-чэн фа-лэй (Буддийский словарь с краткими толкованиями ... «Сань-цзан фа-шу», но дополненный) (3 тао).

10) Гуан-хун мин-цзи (Собрание статей, относящихся к истории буддизма в Китае) (4 тао).

11) Сы-цзяо и (Изложение буддийских догм) (в одном тао).

Из официальных источников цинского времени следует указать в данной партии книг нижеследующие правительственные публикации Цинской империи:

1) Ху-бу цзэ-ли (Уложение ведомства финансов) (6 тао).

2) Ху-бу сюй-сюань цзэ-ли (Дополненное издание «Ху-бу цзэ-ли») (в одном тао).

3) Хуан-чао цзинь-ши вэнь-бянь (Сборник докладов о решении практических вопросов управления в период царствующей [маньчжурской] династии) (8 тао).

4) Сы-ку цюань-шу цзун-му (Общий каталог книг по четырем отделам) (справочник по четырем отраслям государственного управления) (32 тао)⁷⁸.

Середина 40-х гг. XIX века — замечательная веха в истории русско-китайских отношений, когда впервые в истории двух соседних стран состоялся обмен книжными изданиями, связанный с усилиями Пекинской духовной миссии приобрести на рынке полное собрание книг Ганджура и Данджура в хорошем издании, в котором особенно нуждались монголоязычные народы царской России.

Это событие, связанное с получением в мае 1844 г. от цинского правительства коллекций «Ганджура» и «Данджура» на тибетском языке, примечательно тем, что в этой истории, как оказывается, важную роль сыграл молодой магистр В.П. Васильев, отправленный в Пекин Казанским университетом для изучения тибетского языка. Именно ему пришла в голову мысль непосредственно обратиться к цинским властям за содействием в отыскании и приобретении указанных коллекций. Об этом свидетельствует выписка из его пекинского дневника за 1844 г., относящаяся ко времени его энергичных поисков нужных книг для библиотеки Казанского университета:

«Для Университета я не хочу покупать ни Ганджура, ни Данджура, потому что всё надеюсь, что ему отдадут превосходный экземпляр этих книг, если он будет подарен миссии китайским правительством. Ведь я был причиной этого подарка. Узнав, что в придворной пекинской типографии продаются эти книги, я обратился с просьбой к о. архимандриту, нельзя ли ему написать бумагу в Трибунал (Лифаньюань. — А.Х.), чтоб нам продали эти книги, но китайцы были так любезны, что не взяли денег и дали даром. Юрист-консулы должны теперь решить вопрос, кому должен принадлежать Ганджур и Данджур: университету ли, который должен был бы заплатить деньги, если бы их взяли, или нашей миссии, когда их не взяли»⁷⁹.

⁷⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1840, д. 2, папка 34, часть V.

⁷⁹ СПб. филиал АРАН, ф. 775 (В.П. Васильев).

Сей подарок, как утверждал архимандрит Поликарп, «тем драгоценней был для духовной миссии, так как его передал Трибунал (Лифаньюань) с соизволения Его Богдоханова Величества»⁸⁰.

В ответ на полученные Пекинской духовной миссией от цинского правительства тибетские издания «Ганджура» и «Данджура» российское правительство в качестве ответного дара направило в цинскую столицу собрание русских книг из 357 наименований, содержащих многообразные сведения по различным отраслям знаний (в том числе по военному делу, математике, ботанике и медицине). Весьма знаменательна в этом отношении резолюция Николая I, который на донесении главы Пекинской миссии от 31 мая 1844 г. относительно получения двух собраний буддийских книг карандашом начертал: «Весьма примечательно и приятно, но я не знаю, что это за книги. Прошу меня уведомить. Надо послать подарок достойный»⁸¹.

После того, как книги, подаренные русским правительством, были доставлены в Пекин, представитель Лифаньюаня (Палаты внешних сношений) обратился к российской духовной миссии с просьбой помочь в их разборке. Вначале этим делом в помещении Лифаньюаня занимался В.В. Горский, светский член Пекинской миссии, но в дальнейшем по просьбе цинских сановников разборка книг осуществлялась на территории православной миссии, куда эти книги были привезены 7 ноября 1845 г. Проработав один день (8 ноября) на разборке их, цинские чиновники (в числе более 10 человек) после плотного обеда (со случайно оказавшимся в миссии шампанским) попросили россиян закончить работу своими силами, сославшись на то, что они в этом деле мало компетентны. 21 ноября состоялась передача этих книг цинской стороне, после чего эта коллекция, в которой были и географические карты, перешла в распоряжение высшего органа власти в цинском Китае — Военного Совета (Цзюньцзичу)⁸².

Для оценки первого обмена книгами между Россией и цинским Китаем в 1844–1845 гг. в историографии КНР может представлять интерес репортаж журналиста Ци Чжи-фэня под названием «Книгу в массы», опубликованный 21 июня 1955 г. в газете «Дружба», где было буквально сказано:

«В 1844 г. русский император Николай I выразил желание получить из Китая буддийские канонические книги “Да-цзан-цзин” на тибетском языке.

Император, правивший под девизом Дао-гуан (Мянь Нин) (точнее: Миньнин. — А.К.) ... послал в подарок русскому императору одну из копий собрания “Да-цзан-цзин”, состоявшего из 800 томов, хранившихся в императорском павильоне [монастыря] Юньхэгуи (точнее: Юньхэгуи. — А.К.). Чтобы отблагодарить китайского императора ... за подарок в следующем году [1845 г.], Ни-

⁸⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-1, 1844, д. 154, л. 9.

⁸¹ П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. 1. М., 1979, с. 19–20.

⁸² АВПРИ, ф. Главный архив I-9, 1840, д. 16, л. 65–66.

колай I, *воспользовавшись поездкой русских учащихся в Пекин (?!), прислал в Китай более 700 томов русских книг 357 названий*».

Как видим, личную просьбу относительно получения тибетского собрания книг выразил, согласно китайской версии, не начальник Пекинской духовной миссии архимандрит Поликарп (по подсказке В.П. Васильева), а русский царь, что никак не согласуется с русскими архивными данными и действительными реалиями⁸³.

С учетом недавнего прецедента фактической замены начальника Пекинской духовной миссии Вениамина Морачевича Аввакумом Честным руководство Азиатского департамента МИД в 1847 г. решило заранее выяснить вопрос о новом кандидате на пост главы очередной партии миссионеров путем вызова из Пекина в Петербург (ранее положенного 10-летнего срока службы) иеромонаха Палладия (в миру Петр Иванович Кафаров; 1817–1878) для более близкого и непосредственного общения с ним в случае назначении его будущим главой новой духовной миссии.

В связи с предстоящим отъездом Палладия из китайской столицы архимандрит Поликарп как его начальник поручил ему доставить в С.-Петербург груз, состоящий из закупленных им китайских книг, о чем сообщил в Азиатский департамент в приводимом ниже донесении от 26 апреля 1847 г.:

«Из одного из донесений моих, а паче из приложенного к нему каталога, Ваше Превосходительство усмотрите, какую массу книг везет с собой для Департамента о. Палладий. Самый обширный отдел составляют буддийские книги, на которые ныне в миссии явилась мода... В числе посылаемых книг есть новое уложение на маньчжурском языке (о котором мне когда было писано из Департамента), наследованное мною от г-на Горского⁸⁴, и весьма редкий рукописный санскритско-тибетский словарь буддийских терминов, добытый мною от покойного [цинского сановника] Юй-дажэня, о котором Ваше Превосходительство, вероятно, слышали от Николая Ивановича [Любимова], и бывший в употреблении у того же покойного Горского»⁸⁵.

Согласно каталогу приобретенных Пекинской духовной миссией книг, которые архимандрит Поликарп намеревался отправить с Палладием в 1847 г., можно, к примеру, указать сочинение Вэй Юаня «Шэн-у цзи» («Записки о священных войнах») (3 экз.), «Шэн-юэ гуан-сюнь» («Священные наставления»), изданные при богдохане Юн Ли (Инь-чжэне. — *А.К.*) (девиз правления Юн-чжэн), «Кай-го фан-люэ» и одно литературное описание Пекина.

⁸³ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (Краткий биографический очерк) // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Часть I. М., 1979, с. 19–21.

⁸⁴ Владимир Горский (1819–1847) скончался в Пекине от чахотки 13 апреля 1847 г.

⁸⁵ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив I-5, 1823, д. 1, папка 126, л. 175.

Исследователям истории китайской книги в России, безусловно, интересен факт дарения членом Пекинской духовной миссии иеромонахом Иннокентием Немировым (в миру Иона Макарович Немиров)⁸⁶ своей коллекции книг Кяхтинскому училищу китайского языка, официально открытому монахом Иакинфом (Н.Я. Бичуриным) в 1835 г. По прибытии из Пекина в Кяхту Иннокентий Немиров 9 июля 1850 г. передал свою коллекцию из 13 китайских сочинений К.Г. Крымскому, служившему преподавателем китайского языка в упомянутом учебном заведении с момента его учреждения в пограничной с Монголией Кяхте.

Чтобы познакомиться с подаренной коллекцией и определить ее значение в подготовке будущих переводчиков-китаистов, приведем сведения о ней ниже в том виде, в каком она описана К.Г. Крымским (1796–1861):

- 1) Тун-цзянь ган-му (Всеобщая история Китая) (13 т.).
- 2) Сань-ли-и-су (Подробное описание 3-х основных обрядовых книг) (18 т.).
- 3) Ли-ци хуй цзуань (Записки об обрядах и пояснения к ним) (в одном томе).
- 4) Ли-бу цзэ-ли (Уложение палаты церемоний) (2 т.).
- 5) Да Цин тун-ли (Обрядовый устав династии Цин) (2 т.).
- 6) Хуан-чао вэнь-дянь (Собрание надписей на памятниках и патентов, сочиненных при нынешней династии) (2 т.).
- 7) Сянь-дан-ту (Описание древних обрядов, соблюдаемых при угощениях, устраиваемых [для гостей] в деревнях) (один том).
- 8) Чэн-юань чжи-люэ (Описание Пекина и его окрестностей) (в одном томе).
- 9) И-вэнь тун-лань (Словарь с древними условными знаками) (4 тома).
- 10) Лю-шу-тун (То же) (1 т.).
- 11) Гоцзыцзян цзэ ли («Устав Педагогического института») (2 т.).
- 12) Хуа-цзин (Зеркало цветов) (Краткая ботаника) (в одном томе).
- 13) Ле-сянь чжуань (Китайские баснословия).

Согласно архивным данным Государственного архива Читинской области (ГАЧО), коллекция Н.И. Нечаева стала важным дополнением к собранию книг на китайском, маньчжурском и монгольском языках (в числе 31-го названия), переданного в 1855 г. через пограничного комиссара А.И. Деспот-Зеновича в дар Кяхтинскому училищу от архимандрита Сивиллова, прибывшего в Забайкалье из Казани для более эффективной миссионерской деятельности среди местного бурятского населения⁸⁷.

⁸⁶ Подробнее см.: Хохлов А.Н. Пекинский миссионер архимандрит Иннокентий (Немиров) и его поездка в Святую Землю в 1872 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005, с. 150–162.

⁸⁷ Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 68, оп. 1, д. 25 (автограф К.Г. Крымского — обладателя личной коллекции китайских книг, позднее ча-

**§ 3. Создание восточного фонда
в библиотеке Казанского университета
и феноменальный вклад в него китайских книг,
купленных В.П. Васильевым в Пекине в 1840–1850 гг.**

В 30 гг. XIX в. заметно возросла роль молодого Казанского университета как важного центра российского востоковедения, где в эти годы появились языковые кафедры, сначала монгольского языка, а затем в 1837 г. — китайского, что было тесно связано с поездкой О.М. Ковалевского в Пекин в 1830–1831 гг.⁸⁸ и приглашением в качестве преподавателя китайского языка бывшего члена Пекинской духовной миссии архимандрита Даниила Сивиллова в 1837 г.⁸⁹

Каждое из этих событий сопровождалось приобретением книг, сначала преимущественно на монгольском языке, а затем на китайском, о чем свидетельствует ведомость о состоянии восточного книжного фонда библиотеки Казанского университета за 1836–1837 гг. Так, в 1836 г. в ней было книг на монгольском 127, на китайском 17, на маньчжурском 16 и 7 — на тибетском, а на 1 января 1838 г. в ней значилось книг на монгольском 127, на китайском языке — 224, на маньчжурском 16 и на тибетском — 7. В 1837 г. этими книгами широко пользовались (по числу взятых на дом из библиотеки книг) попечитель Казанского университета М.Н. Мусин-Пушкин, взявший 11 книг, проф. Н.И. Лобачевский — 32, ректор — 2, Симонов — 9, Казем-Бек — 24, Ковалевский — 49, Даниил Сивиллов — 23. Среди студентов университета, бравших из библиотеки восточные издания наиболее часто, можно упомянуть будущих питомцев Казанского университета: Березина (11 книг), Диттеля (12 книг), В.П. Васильева (7 книг), С. Рушко (21 книгу)⁹⁰. При всем несовершенстве приведенного расчета того, «сколько и кем было употреблено сочинений для чтения», можно вполне говорить о заметном интересе преподавателей и студентов к литературе на восточных языках.

Как видно из письма Мусина-Пушкина от 30 июня 1837 г. на имя и.д. библиотекаря К.К. Фойгта, китайская часть книг университетской библиотеки вначале серьезно пополнилась за счет покупки коллекции архимандрита Даниила Сивиллова, насчитывавшей 216 китайских сочинений (против 175

стично попавших в библиотеку Восточного факультета С.-Петербургского государственного университета); д. 35, л. 15–16.

⁸⁸ Хохлов А.Н. О.М. Ковалевский: поездка в Пекин и его связи с российскими китаеведами // Наследие О.М. Ковалевского и современность. Казань, 2002, с. 108–129.

⁸⁹ Хохлов А.Н. Д.П. Сивиллов — руководитель первой в России кафедры китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания. М., 1992, с. 155–158; *он же*. Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае. Том XLIV, часть 1. М.: ИВ РАН, 2014, с. 484–512.

⁹⁰ Отдел рукописей библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (ОР КазГУ), ед. хр. 7799, л. 10, 13.

книг на монгольском, маньчжурском, тибетском и китайском языках)⁹¹. Вот что сказано по этому поводу в сообщении попечителя Казанского учебного округа на имя К.К. Фойгта:

«Г-н министр народного просвещения по моему представлению разрешил [приказом] от 13 минувшего марта за № 2910 приобрести для Университета от определенного ординарным профессором китайского языка архимандрита Даниила собрание китайских книг и рукописей за 5 тыс. руб. асс[игнациями] из наличных экономических сумм университета»⁹².

Серьезное обоснование указанной стоимости коллекции архимандрита Даниила (вместо меньшей суммы, предложенной университетом) дано в письме коллекционера от 5 ноября 1837 г. на имя библиотекаря К.К. Фойгта, к которому была приложена цитируемая ниже обстоятельная справка о Даниила под названием «Примечание о назначении цен на китайские книги, проданные мною в библиотеку Казанского университета»:

«То, что касается цен, обозначенных [Вами] по каталогу предложенных [мною] книг, их общая составившаяся сумма 3237 руб. не соответствует цене 5000 руб., за которую они проданы, и это происходит от следующих причин:

1) Христианским книгам назначались такие цены, чего они приблизительно к общей оценке стоят, а не чего стоило самое их приобретение. А это зависело от того, что в тогдaшнее время, т.е. начиная с 1820 г. и далее, католическое миссионерство находилось в совершенном упадке от гонений язычников и разных притеснений со стороны китайского правительства, а потому книги сии не в храмах католических, как прежде водилось, покупаемы были и не в китайских лавках, в которых и прежде они не продавались, а у христиан-китайцев и, следственно, по своей редкости и достоинству дорогою ценою. А которых нельзя было найти, те списываемы были, а от того-то немало в них находится и рукописных. Я полагаю, что на собрание христианских книг можно еще прибавить около 500 руб.

2) Списание разных книг также стоит дороже, нежели те цены, которые показаны по каталогу в рукописях. А это потому, что китайское письмо довольно затруднительно. Оно походит более на рисование, нежели на обыкновенное, нам известное письмо, а потому и так дорого писцы вознаграждаются за свой труд.

К сему можно присоединить и другое замечание. В каталоге книг показаны, например, одна рукопись перевода Евангелия от Матвея с маньчжурского на китайский яз., а другая — деяний апостольских, переведенных также на китайский яз. с маньчжурского. Переводчикам, учителям-китайцам оплата бывает разная: одному за первую работу в благодарность дается 200 руб., а другому за другой

⁹¹ См.: «Реестр китайских книг Златоустовского монастыря [в Москве] архимандрита Даниила», в виде копии см.: Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. 997, оп. Правление, д. 4220, л. 8–13.

⁹² ОР КазГУ, ед. хр. 7799, л. 233.

[перевод] — 150 руб., кроме переписки их труда набело. А потому я нужным нахожу, что на все рукописи можно еще набавить круглым числом 20500 р. и что всем сим книгам, как печатным, так и рукописным, выставлена в каталоге книг не настоящая цена. Это произошло от опасения, дабы любопытные, не знающие причин дороговизны их в приобретении, не приняли таких цен слишком высокими и не стали бы поэтому винить и самого бывшего их владельца.

3) Некоторым из языческих [китайских] книг выставлены цены довольно высокие против обоснованных. Причина этому состоит в том, что большая часть из них по существу является стереотипной или так наз. придворной печати, причем выполняется на лучшей бумаге. А если не случалось находить книг таких изданий, то по большей части покупались книги старопечатные, так наз. лао-бань, всеми китайцами уважаемые за исправность печати, которые также вдвое или более дороже стоят против новопечатных, на слабой, дурной бумаге и с подслеповатою печатью. Поэтому-то многие из них требовали еще исправления и новых переплетов, так же как и некоторые из христианских книг. На такое исправление надобно, по моему мнению, положить до 250 руб. Сверх сего, укупорка в Пекине книг с покупкою клеенок и работою ящиков обошлась, помнится, до 250 руб. В Кяхте потребовалась новая укупорка книг из опасения их подмочки. А потому здесь ящики заширены были сырыми кожами, что также обошлось гораздо более, чем за 200 руб.

Из сего видно, что нашей китайской библиотеке цена назначена довольно близко к настоящей — 5000 руб., не полагая притом в сие число высокие цены за провоз, который был казенный от самого Пекина до Москвы, что для сведения и имею честь сообщить начальству общей библиотеки Казанского университета.

Ноября 5 дня 1837 года

Профессор китайского языка архимандрит Даниил⁹³.

На приказе М.Н. Мусина-Пушкина имеется помета черными чернилами К. Фойгта: «Книги и рукописи с картами приняты в присутствии г-на проф. Ковалевского, и всё значущее оказалось в исправности, о чем и донесено г-ну попечителю 23 августа 1837 г. (за № 144), а также Совету [Университета] вследствие предписания одного от 3 августа за № 686 и 23 августа за № 145, а также Правлению [Университета] за № 146 с приложением копии с каталогом»⁹⁴.

В отчете о состоянии главной библиотеки за два академических года (а именно за 1837–38 и 1838–39 гг.) Карл Фойгт особо выделял в коллекции архимандрита Даниила, которую называл драгоценным собранием книг и рукописей на китайском языке, два словаря (один составленный Дегинем и китайский «Кан-си цзы-дянь»), а также «Всеобщую историю Китая» («Цзы-чжи тун-цзянь ган-му»), изданную в Пекине в восьми томах⁹⁵.

⁹³ ОР КазГУ, ед. хр. 7798, л. 246–247.

⁹⁴ ОР КазГУ, ед. хр. 7799, л. 233.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 7800, л. 269.

До покупки огромной коллекции китайских книг и рукописей Даниила Сивиллова попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин по совету архимандрита принял также решение о покупке коллекции китайских книг у преподавателя Казанской гимназии Алексея Сосницкого, бывшего вместе с Даниилом в составе Пекинской духовной миссии. О своем решении попечитель 28 апреля сообщил библиотекарю университета письмом, где было сказано:

«Профессор китайского языка архимандрит Даниил представил мне предложение о приобретении от ... Сосницкого вывезенных им из Пекина китайских сочинений разного содержания числом 17 (стоимостью 670 руб.), которые архимандрит находит весьма полезным приобрести для библиотеки университета...

Я предлагаю Вам ... приняв их от Сосницкого (через посредство архимандрита Даниила) поместить в фундаментальную библиотеку, а следующие за них деньги 670 руб. ассигнациями уплатить Сосницкому из штатной (на библиотеку) суммы»⁹⁶.

Коллекция Алексея Сосницкого (умершего в 1843 г.) состояла преимущественно из сочинений религиозного характера, главным образом православной литературы. Но она открывается в его списке «Сводом законов династии Цин» («Да Цин хуй-дянь»), изданном в год правления Цзя-цин маньчжурской династии Цин. Далее идут императорские указы о взимании пошлин и другие правительственные акты из уложения Палаты внешних сношений («Лифаньюань цзэ-ли»), пространная география с картами каждой провинции («Гуанюй цзи»), собрание разных статей, касающихся домашнего хозяйства («Чжунань-цзя-бао»), нравственно-критический роман «Хун-лоу мэн», т.е. «Сновидения в красном тереме» и др.⁹⁷

Аналогичным образом по совету архимандрита Даниила была передана библиотеке 1-й Казанской гимназии другая, менее ценная, но с большим количеством переплетов часть коллекции китайских книг Алексея Исаковича Сосницкого (из более 20 сочинений). Об этом сказано в письме Мусина-Пушкина от того же 28 апреля на имя директора 1-й Казанской гимназии Н.А. Галкина:

«Преподающий во вверенной Вам гимназии китайский язык проф. архимандрит Даниил сделал предложение о приобретении у надзирателя Сосницкого 21 сочинения на китайском языке, из числа вывезенных им из Пекина (всего ценою на 280 руб.), которые, по его мнению, полезны для восточной библиотеки гимназии.

⁹⁶ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ), ф. 87, оп. 1, д. 3815, л. 45.

На документе имеется помета, написанная черными чернилами: «29 апреля книги, в приложенном списке обозначенные, приняты в гимназию при о. архимандрите Данииле... и сданы в фундаментальную восточную библиотеку. Сосницкому выделено 280 руб.».

⁹⁷ ОР КазГУ, ед. 7800, л. 283 (автограф А.И. Сосницкого).

Соглашаясь на приобретение этих сочинений, поименованных в прилагаемом у сего списке, я предлагаю Вам, милостивый государь, принять их у Сосницкого чрез посредство архимандрита Даниила»⁹⁸.

Среди книг А.И. Сосницкого (в числе 21-й ед.), предназначенных для гимназии, следует упомянуть «Цзянь-бэнь сы-шу» («Философия Конфуция с толкованием») (6 книг в одном томе), «Вэнь-мин Ли-цзи» («Уложение об обрядах») (10 книг в одном томе), «Цзы-чжи тун-цзянь чжи-цзе» («Всеобщая история Китая», изданная министром Чжун Гэ-лао) (20 книг в 2-х томах), «Шэн-юэ гуан-сюнь» («Речи-наставления к народу — императора [правившего под девизом] Юн-чжэн») (в одном томе), «Сань-цзы-цзин» («Троеслобие») (в одном томе), «Вань-нянь шу» («Пространный календарь на 200 лет — с помещением в нем краткой хронологии [правления] китайских государей») и «Тянь-ся цюань-гу» («Всеобщая карта Китая»)⁹⁹.

В марте 1847 г. О.П. Войцеховский (1793–1850), приняв место преподавателя китайского языка от уехавшего в Забайкалье архимандрита Даниила, передал библиотекарю Казанского университета список 55 печатных книг и рукописей, привезенных им из Пекина, с просьбой купить их у него для Главной библиотеки университета. Этот вопрос был окончательно решен Н.И. Лобачевским, тогдашним помощником попечителя Казанского университета, который 14 марта обратился к членам Ученого Совета со следующим письмом, в котором говорилось:

«Список книг [коллекции О.П. Войцеховского] был рассмотрен... [О.М.] Ковалевским по поручению I-го отделения философского факультета. Оказалось, что все книги [по своему содержанию] любопытны и для [университетской] библиотеки не будут излишними, за исключением №№ 43, 44 и 46, которые у нас уже имеются. Относительно уплаты денег за книги мнение г-на библиотекаря таково, что вся сумма 746 руб. 42 коп. серебром с разделением её на три годовых срока для штатного расхода библиотеки не будет обременительной. Соглашаясь со своей стороны на приобретение книг для университетской библиотеки, нахожу, что Совету, во-первых, предстоит решить, может ли такая покупка быть допущена... Если Совет одобрит приобретение сказанных китайских и маньчжурских книг, то прежде всего г-н Войцеховский обязан удостоверить свое согласие на получение денег в три годовых срока с исключением продажи книг под №№ 43, 44 и 46 в предложенном списке. Затем Совет каждый год может определять, какие именно книги следует приобретать у г-на Войцеховского и какие книги немедленно должны быть сданы г-ну библиотекарю, только [после этого] Совет может сделать распоряжение относительно уплаты денег... и этот порядок может продолжаться до тех пор, пока [упомянутые] книги не будут приняты в три срока, когда вся сумма 746 руб. 42 коп. за них будет [таким образом] уплачена»¹⁰⁰.

⁹⁸ НАРТ, ф. 87, оп. 1, д. 3815, л. 46.

⁹⁹ Там же (автограф А.И. Сосницкого).

¹⁰⁰ НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 2967, л. 1–2.

Помимо книг исторического содержания «Сань-го-чжи» («Истории первых трёх династий» [точнее: «Троецарствие». — А.К.]), «Хань-го-ши» (точнее: «Хань-шу». — А.К.) («История Западной династии Хань»), «Дай Цин хуй-дянь ту» («Новейшая география и статистика Дайцинского государства с картинками и чертежами») (в 30 книгах) в коллекции Войцеховского были широко представлены словари и особенно книги по медицине, связанные с изучением китайского и особенно маньчжурского языка, а также китайской медицины, богато представленной руководствами по лечению различных болезней. Из словарей можно особо выделить полный китайский фразеологический словарь, расположенный по ключам. Этот лексикон содержал в себе 33119 основных начертаний, причем наиболее употребительные иероглифы были переведены на маньчжурский язык — с обозначением произношения. В этом словаре в качестве примеров приводились известные фразы и технические (специальные) выражения на китайском и маньчжурском языках. В ходе переписки (с использованием синей бумаги) словарь был разделен на 12 книг¹⁰¹.

Чтобы не дублировать покупку необходимых Казанскому университету книг, к В.П. Васильеву в Пекин был отправлен список китайских книг, покупаемых у Войцеховского, при этом последний 10 сентября 1847 г. перед Советом университета выступил со следующим заявлением:

«Честь имею ответить, что если те книги, которые я передал для университетской библиотеки, окажутся по содержанию своему одинаковыми с приобретенными г-ном магистром Васильевым в Пекине, я согласен принять их обратно, а взамен представить Университету другие, также на восточных языках, равноценные»¹⁰².

Отмечая заслуги китаистов Казанского университета в коллекционировании китайских и маньчжурских книг Д.П. Сивиллова, Алексея Сосницкого и О.П. Войцеховского, В.В. Васильев в 1857 г. о последнем писал:

«В 1844 г. о. Даниил (Сивиллов) оставил кафедру и на его место поступил [ныне] покойный О.П. Войцеховский, который стал преподавать и маньчжурский язык. Он также уступил свои [китайские] книги библиотеке [Казанского университета]. Так как он был при Пекинской [духовной] миссии в качестве медика, то и [китайское] собрание его отличалось [особым подбором сочинений] именно по этой части.

Но всего важнее [были] подарки, сделанные Академией наук, которая при разборе своих книг отдала дублиеты в собственность нашей библиотеки, и мы приобрели таким образом “Дай-цин и тун-чжи” и “Дай Цин хуй-дянь” — географию и уложения нынешней [маньчжурской] династии — сочинения очень редкие и дорогие в наше время»¹⁰³.

Свидетельством того, что приобретаемые в Пекине книги не лежали мертвым грузом на библиотечных полках Казанского университета, а актив-

¹⁰¹ НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 2987, л. 13 и др.

¹⁰² НАРТ, ф. 977, оп. Совет, д. 9121, л. 16.

¹⁰³ «Русский вестник», 1857, сентябрь книжка вторая, с. 325.

но использовались его преподавателями в учебном процессе, может служить переведенный О.П. Войцеховским учебник для будущих маньчжуроведов под названием «Цин-вэнь ци-мэн», в первой статье которого говорилось:

«Обучающийся [по] маньчжурским книгам человек должен ясно знать каждую букву отдельно и в [ее] связи с другой, не допуская при этом [возможных] упущений. Если замеченное в одной книге осталось неясным и оно встречается в другой, то отчетливо представить его будет затруднительным [делом]. Поэтому если каждый человек, имеющий рассудок хотя бы с просяное зерно, [пожалуй], может сказать, что это для него бесполезно, то разве такое суждение может означать то, что не нужно проявлять усердие и старание, чтобы узнать что-то неизвестное»¹⁰⁴.

Особый интерес к получению китайских книг из Пекина проявляли и питомцы Казанского университета, которые ранее занимались изучением китайского языка под руководством архимандрита Даниила. Среди них можно упомянуть С.М. Рушко, И.А. Ладухина и Н.И. Зоммера¹⁰⁵. Из этой троицы Иван Алексеевич Ладухин, преподаватель китайского языка в 1-й Казанской гимназии, составив несколько пособий, облегчающих изучение китайской письменности, приступил к составлению краткого китайско-русского словаря. Для начала он, ознакомившись с китайским фондом книг гимназии, частично сформированным за счет дуплетов китайских сочинений, подаренных российской Академией наук, составил список книг (из 16 названий), отсутствующих в гимназии, чтобы отправить его в Пекин В.П. Васильеву, занимавшемуся там покупкой китайской литературы. В этом списке, переданном директору гимназии Н.А. Галкину, он упомянул несколько книг по истории Китая, в частности, «Юань-чао мин-чэн ши-люэ» («Биографии известных чиновников и сановников при монгольской династии Юань»), «Си-чао дин-ань» («Собрание докладов цинскому трону о действиях европейских веропророководников»), «Юй-чжи Юаньминъюань сы-ши цзин-ши» («Описание 40 видов Юаньминъюаня в стихах») и др.¹⁰⁶

Критическое освоение фонда китайских книг Казанского университета можно вполне представить по нижеследующей выписке из отчета Н.И. Зоммера за 1845/46 академический год, представленный им в декабре 1846 г.:

¹⁰⁴ СПб. филиал АРАН, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 55, л. 118.

Общее количество страниц в рукописи 238; судя по овальному штемпелю, ее бумага изготовлена на бумажной фабрике в г. Угличе. На полях рукописи имеется помета черными чернилами — «1847 г.», которая явно указывает на ее возможного владельца — О.П. Войцеховского, хотя ныне эта рукопись находится в личном архиве В.П. Васильева (в указанном выше месте).

¹⁰⁵ См. публикации А.Н. Хохлова: И.А. Ладухин: судьба таланта в старой России // Проблемы Дальнего Востока, 1991, № 4, с. 169–176; Китаист Николай Зоммер — первый российский исследователь философии средневекового Китая // Третья Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация». М., 1997, с. 153–159.

¹⁰⁶ НАРТ, ф. 87, оп. 1, д. 6333, л. 44.

«Начал чтение “Бо-жо бо-ло ми-до синь-цзин”. Содержание ее — объяснение сущности Пражня-Парамиты. Цель, с коею я занимаюсь чтением фоевских [буддийских] сочинений, состоит в том, чтобы уразуметь фоевскую терминологию и чрез [это] быть в состоянии читать буддийские сочинения на китайском языке.

Рассматривая сборник образцовых сочинений — “Ту-вэнь юань-цзянь” (24 кн., 6 т.), не нашел в нем ничего особенного — замечательного. Статьи — философского содержания.

В часы отдыха я перебирал страницы “Хун-лоу мэнь” (24 кн.), нравственно-сатирического романа. Интересный по содержанию, он завлекает читателя своим превосходным слогом. Жаль, что этот занимательный роман не переведен на какой-нибудь из европейских языков. Он, по моему мнению, стоит гораздо выше “Хао-цю чжуань” (“Прекрасная чета, или Счастливый брак”), неоднократно переводимого на многие европейские языки. Можно сказать, что роман у китайцев стоит на высокой ступени.

Для наблюдений над языком “цу-хуа” (простонародным), я читал комментарии на “Лунь-юй”, писанные языком цухуа. Высокие мысли нравственной философии Кун-цзы толкуются здесь самым простым, понятным для всякого простолюдина, языком. Не мешало бы и нам, европейцам, подражать в этом случае китайцам: китайские ученые составили прекраснейшие пособия для образования ума и сердца простолюдинов. В этом смысле китайские ученые — благодетели народа!»¹⁰⁷.

Наибольший успех в плане приобретения китайских книг в Пекине выпал на долю В.П. Васильева (1818–1900), командированного в китайскую столицу Казанским университетом в качестве студента при Пекинской духовной миссии на 10 лет в целях изучения тибетского языка. Как видно из цитируемого ниже протокола Совета университета от 3 февраля 1840 г., Васильев был причислен к членам миссии на общих для нее установленных основаниях, а именно с получением жалованья наравне с прочими членами по 500 руб. серебром в год, начиная с 1-го января 1840 г. Независимо от получения и не в зачет единовременного оклада ему предоставлялась за счет казны квартира с освещением и отоплением, а также питанием. Что касается до прочих льгот, то его нахождение при духовной миссии считалось действительной службой. По возвращении на родину характер вознаграждения В.П. Васильева за 10-летнее пребывание в Пекине и оказанные им успехи в научных занятиях определялся Министерством народного просвещения, из которого он поступил в миссию.

С учетом научного характера его предстоящей заграничной командировки в Китай Совет университета «счел необходимым производить Васильеву выплату по 700 руб. в год на найм учителей и учебные пособия из хозяйственных сумм университета», на что министр просвещения изъявил свое со-

¹⁰⁷ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 5463, л. 86.

гласие с тем, чтобы «Васильев использовал 350 руб. на оплату учителей — преподавателей восточных языков, а остальную сумму употребил на приобретение книг, указанных в данной ему инструкции с тем, чтобы книги эти по возвращении Васильева в Казань поступили в собственность университетской библиотеки».

Академия наук, одобрив заключение по этому вопросу, данное академиком Шмидтом, испросила разрешение министра народного просвещения на назначение Васильева своим членом-корреспондентом с предоставлением в его распоряжение 2200 руб. ассигнациями (630 руб. серебром) на приобретение для Академии сочинений на восточных языках согласно данной ему (также с согласия Министерства народного просвещения) инструкции, одобренной Конференцией Академии¹⁰⁸.

О том, какие задачи ставил себе В.П. Васильев во время поиска китайских изданий в Пекине, можно представить из его записки о китайских книгах в библиотеке С.-Петербургского университета:

«Цель, которую я имел в виду при приобретении книг, была та, чтобы сделать нашу библиотеку [в Казанском университете] как можно полнее [восточными изданиями] и снабдить ее материалами, [имеющимися] во всех родах [разнообразной] литературы... Я избегал слишком изящных, но дорогих изданий или богатых переплетов, соображаясь со своими [наличными] средствами и будучи убежден, что всякая [нужная] лишняя книга дороже красивой, богатой своей наружностью»¹⁰⁹.

Насколько активно и целеустремленно действовал В.П. Васильев в приобретении лучших и редких китайских изданий по истории и культуре средневекового и цинского Китая, позволяет судить его переписка с О.М. Ковалевским и Мусиным-Пушкиным, о чем подробно сказано в начале цитируемого ниже его письма от 8 марта 1844 г., адресованного попечителю Казанского учебного округа:

«Предписание Ваше о покупке книг по приложенному каталогу я имел честь получить в начале настоящего года и со всею готовностью принялся за исполнение его. Впрочем, я уже, насколько было возможно, занимался приобретением для Ун-та книг, которые казались мне заслуживающими внимания. Я не могу не сказать без чувства глубочайшей благодарности, что денежные средства, отпущенные мне по ходатайству Вашего Превосходительства, из которых небольшая часть только употреблялась до сих пор на учителей, дают мне возможность составить для библиотеки Ун-та богатейшее собрание восточных книг, и мое пребывание в стране, которая их произвела, налагает на меня в том неуклонную обязанность. И если до сих пор я медленно приступал к делу, то это происходило из желания как бы короче познакомиться с самими книгами, которые нужно иметь, так и из намерения приобрести опытность в покупке, потому что здешняя книжная торговля не отличается честностью. Кроме высокой цены, которую всегда запрашивают продавцы,

¹⁰⁸ НАРТ, ф. 977, Историко-филологический факультет, д. 351, л. 1–3.

¹⁰⁹ Русский вестник, 1857, сентябрь, книжка вторая, с. 323.

очень часто случается, когда продают экземпляр, в котором нет многих листов или они внесены в него из другой книги. Вот почему каталог, присланный Вашим Превосходительством, доставил мне чрезвычайное облегчение, указав, в какой мере и какого рода должны быть приобретаемые книги. Я осмеливаюсь думать, что Вашему Превосходительству не удобно было ограничить меня приобретением только этих книг, исключая все другие, которые могут расширить богатства библиотеки. Одно только беспокоит меня, это то, что мне неизвестны книги, приобретенные Университетом со времени моего отъезда.

Занимаясь классическими книгами [цзинами] китайцев только для приобретения нужных сведений в языке, которому они служат основанием, я считал библиотеку Ун-та достаточно снабженную всеми нужными по этой части книгами. Мне известны названия этих книг, списанные с каталога библиотеки, только в русском переводе и поэтому я не мог определить, к какому году изданий принадлежат они. В присланном же мне каталоге название “Ши-цзина”: “Ши-цзин чжуань шо”, подает мне мысль, что, может быть, Ун-т не имеет и других книг, изданных в этом роде, и приобретение которых может похвастаться необходимым для фундаментальной библиотеки¹¹⁰.

Об аналитическом подходе В.П. Васильева к подбору новых китайских книг на пекинском книжном рынке свидетельствует, например, приводимый ниже отрывок из его дневника за 1844 г.:

«Книги, мертвые наставники, всегда заслуживают больше вероятия, чем живые люди, которые их писали. Но я по возможности ищу оживления и потому раскрываю перед Вами самую из оживленных китайских книг, которую, однако ж, я буду передавать Вам с маньчжурского языка для того, чтобы похвастаться знанием еще лишней тысячи слов народа, который странной прихотью судьбы из полудикого и бедного вдруг стал обладателем одной из величайших стран мира и даже думает, что он просвещеннее всех. Я берусь за “Цзинь Пин Мэй”. Это роман самый волный из вольных. Ни похождения Фоблаза, ни сцены, которые часто вводит Поль де-Кок, не сравнимы с произведениями не китайской фантазии, а действительности, потому что в Китае “нравы” получили еще большее развитие, нежели как их описывают романисты. Ни один педант-китаец не сознается, что он читал этот роман, а между тем нет ни одного китайца, который бы не читал или не слушал его с жадностью. Наши миссионеры наивно назвали его нравственно-сатирическим романом; под этим именем он значится и в каталогах. Еще наивнее перевод, предлагаемый словам: “Цзинь Пин Мэй” “Роза в золотом кувшине”. Да, по иероглифам, не читая романа, лучше нельзя и придумать перевода, но прочитайте книгу — где тут роза с кувшином? Дело в том, что под словами “цзинь”, “пин” и “мэй”

¹¹⁰ НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 4814. Продолжение письма см.: Приложение.

скрыты имена трех героинь романа: “Пань Цзинь-лянь”, “Ли Пин-эр” и “Чунь-мэй”»¹¹¹.

О первых результатах покупки В.П. Васильевым китайских книг для Академии наук позволяет судить приводимая ниже выписка Н.И. Веселовского из архивного дела № 77 упомянутой Академии:

«В декабре 1850 г. начальник Пекинской духовной миссии архимандрит Поликарп представил в Азиатский Департамент тетрадь о расходах, учиненных в Пекине бывшим членом миссии Васильевым на покупку книг для Академии Наук из 630 руб. серебром (т.е. 25 фунтов 19 1/3 золотников). Всего же издержано 5 4/8 фунта серебром, [в результате] осталась неизрасходованной сумма в 19 фунтов 31 1/5 золотника. Этот остаток передан на хранение новой (духовной) миссии впредь до дальнейшего распоряжения»¹¹².

Об итоговом результате командировки В.П. Васильева в Пекин для отбора китайских книг для Казанского университета позволяет судить представленный в 1857 г. принцу Ольденбургскому отчет данного учреждения, где сказано о важном значении пекинской коллекции В.П. Васильева для университетской фундаментальной библиотеки:

«В 1853 г. [после обработки] поступило огромное собрание книг и рукописей на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском, калмыцком языках и санскрите, приобретенное в Пекине будущим профессором Казанского, а ныне С.-Петербургского университета Васильевым. Это собрание, заключающее в себе 800 названий, 2474 переплета стоимостью 4457 руб. 39 коп. серебром, поставило Отдел восточных книг и рукописей библиотеки Казанского университета в число замечательнейших в России»¹¹³.

Как видно из архивных материалов, фонд китайских, маньчжурских, тибетских и монгольских книг, находившихся в библиотеке Казанского университета, помимо книг, приобретенных на казенные средства, состоял также из книжных личных коллекций О.М. Ковалевского, Даниила Сивиллова, Вениамина Морачевича, О.П. Войцеховского и В.П. Васильева, а также полученных из Академии наук. После прекращения преподавания восточных языков в Казанском университете в 1855 г. эти книги были отправлены в Петербург, где переданы в распоряжение Восточного факультета С.-Петербургского университета¹¹⁴.

§ 4. Книжные сокровища цинского Китая в С.-Петербурге и Москве и разные судьбы их обладателей

¹¹¹ СПб. филиал АРАН, ф. 775 (В.П. Васильев). Пекинский дневник (1840–1850).

¹¹² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 118, оп. 1, ед. хр. 410, л. 2.

¹¹³ ОР КазГУ, ед. хр. 7292.

¹¹⁴ НАРТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 749; ОР КазГУ ед. хр. 6682.

С созданием в 1855 г. Восточного факультета в С.-Петербургском университете, куда были переведены из Казани преподаватели-«восточники» (в том числе В.П. Васильев, И.А. Ладухин, К.Ф. Голстунский и др.), восточные фонды Казанского университета стали достоянием Петербургского, ставшего главным центром востоковедения в России, обладавшего не только высококвалифицированными специалистами в области восточной филологии, но и прекрасной источниковой базой для научных исследований.

Любопытную оценку книжных сокровищ Казанского университета на восточных языках, перешедших в библиотеку С.-Петербургского университета, находим в цитируемой ниже статье В.П. Васильева, опубликованной в 1857 г.:

«Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она привезена вся в целости недавно из Казани по случаю закрытия в тамошнем университета восточного отделения и открытия в Санкт-Петербургском расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли свое место китайский, маньчжурский и монгольский».

Следовательно, история здешней библиотеки за исключением [новых] шкафов вся принадлежит Казани. Там прежде всего было открыто преподавание монгольского языка... Рассматривая каталог, составленный [О.М.] Ковалевским [после посещения китайской столицы в 1831 г.], мы не можем не удивиться [тому], что самая большая и главная часть книг вывезена из Пекина, [причем] она могла быть приобретена без значительного труда и издержек, ибо все эти книги там были готовы [почти] во всякое время для продажи в столичных лавках, печатающих исключительно тибетские и монгольские книги... Нет сомнений, что г-н Ковалевский исчерпал по крайней мере весь печатный запас монгольских книг»¹¹⁵.

Когда же в 1837 г., помимо кафедры монгольского языка, открытой в 1833 г. при Казанском университете, была учреждена кафедра китайского языка, ее «тогдашний преподаватель о. архимандрит Даниил [Сивиллов] уступил Казанскому университету все свои [китайские] книги (за 4 тыс. руб. ассигнациями).

С этого времени должно считать начало [казанскому] собранию китайских книг. Библиотека о. Даниила состояла большею частью из классических и философских книг, а более всего из книг христианского содержания, изданных или переведенных как нашими духовными лицами [Пекинской] духовной миссии, так и [иностранцами] — католическими проповедниками»¹¹⁶.

Благодаря своему богатству и уникальному характеру восточные книжные фонды России, сосредоточенные в университетских и ведомственных библиотеках, пользовались неизменным интересом среди многих востоковедов Западной Европы. Чтобы познакомиться с ними, они, используя официальные и

¹¹⁵ Васильев В.П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник, 1857, сентябрь, книжка вторая, с. 308.

¹¹⁶ Там же, с. 321.

личные контакты, стремились получить их для обмена на свои восточные издания либо для научной работы во временное пользование. В этом отношении весьма показательна переписка известного французского сиолога Станисласа Жюльена с П.Л. Шиллингом, А. Шифнером, Е.П. Ковалевским и А.С. Норовым, отложившаяся в различных ведомственных и личных архивах России.

После того, как в Петербурге стало известно о просьбе Станислава Жюльена относительно присылки ему китайских книг из России, министр финансов граф Е.Ф. Канкрин 6 июля 1837 г. обратился к директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникину со следующим письмом:

«Агент Министерства финансов в Париже донес мне, что член французского института наук [Станислас] Жюльен, известный по переводам разных китайских сочинений, в том числе и весьма основательного наставления о шелководстве, вызывается перевести и другие... сочинения китайцев, если только самые книги будут ему доставлены. Желая содействовать сему общепользному намерению и имея уже Высочайшее разрешение на употребление некоторой суммы денег из государственного казначейства для приобретения восточных книг, я обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: предписать, буде возможно, нашей Пекинской духовной миссии закупить означенные в прилагаемом списке сочинения. Следующие же за оные деньги будут уплачены по первому же о том требованию МИД.

P.S. Впрочем, я полагаю покупать только те, кои можно приобрести за умеренные цены и кои заключают в себе не слишком много частей [томов]»¹¹⁷.

Как видно из приложения (на французском языке) к данному письму Е.Ф. Канкрин, в списке китайских сочинений, необходимых для покупки в Пекине, было указано (во французской транскрипции) более десятка книг по сельскому хозяйству, связанных с выращиванием чая, шелковицы и других культур, — с указанием соответствующих руководств (например, «Цимин яо-шу», «Нун-шу», «Нун-сань цзи-яо»). В указанном списке были названы и исторические труды. Например, под 10-м номером значилось толкование слов из трех династийных историй: Ляо, Цзинь и Юань (в 46 цзюанях).

15 июня 1857 г. французский востоковед просил Е.П. Ковалевского, тогдашнего директора Азиатского департамента МИД, о продлении ему срока пользования рукописным санскритским словарем «Махавьют-патти», полученным им из библиотеки С.-Петербургского университета. Эта рукопись была приобретена Пекинской духовной миссией после смерти одного цинского известного чиновника и явилась основным руководством для В.П. Васильева при составлении словаря буддийских терминов еще в период его пребывания в китайской столице (в 1840–1850 гг.). Особенностью данной рукописи было то, что, помимо оригинального текста на санскрите и на тибетском языке, в ней были представлены ее переводы на монгольский и китайский языки, выполненные, возможно, бывшим ее владельцем.

¹¹⁷ АВПРИ, ф. Главный архив III-3, 1837–1872, д. 13, л. 1.

В том же письме С. Жюльен одновременно просил сообщить китайское название другого санскритского словаря «Амаракоша» из «Данджура», с тибетской версией которого он имел возможность познакомиться благодаря копии, полученной из Петербурга от А. Шифнера.

В марте 1858 г. французский синолог просил А.С. Норова, тогдашнего товарища министра народного просвещения, об оказании содействия в получении оглавления китайского варианта «Данджура», при этом в качестве лица, способного выполнить эту работу, называл китаиста З.Ф. Леонтьевского.

Для приобретения китайских книг, необходимых для научных исследований, зарубежные синологи, особенно французы, нередко использовали личные связи с влиятельными в России сановниками, часто бывавшими на отдыхе или по делам в Западной Европе. Плодотворными в этом отношении были контакты французских исследователей с камер-юнкером А.Н. Демидовым, через которого в Азиатский департамент направлялись заказы относительно покупки китайских книг в самом Пекине. Как видно из его переписки с Л.Г. Сенявиным, возглавлявшим Азиатский департамент, в письмах от 6 июня 1841 г. (из Петербурга), от 24 и 25 июля 1841 г. (из Эмса), А.Н. Демидовым было заказано 23 китайских сочинения, к которым он добавил, судя по второму письму из Эмса от 25 июля, историко-географический труд под названием «Цинь-дин хуан-юй Си-юй ту-чжи» («Высочайше утвержденное описание Западного края»), особенно ценный источник для изучения стран и народов Центральной Азии.

28 марта 1843 г. глава Пекинской духовной миссии архимандрит Поликарп Тугаринов сообщил в Азиатский департамент об отправке в Петербург трех китайских сочинений по математике, обозначенных в полученных им двух каталогах под № 17, 18 и 19. При этом он счел необходимым указать на трудности приобретения старопечатных книг — ксилографов, посвященных специальным дисциплинам — китайской математике, астрономии и медицине¹¹⁸.

После передачи книг, полученных из Пекина, французским синологам Эдуарду Био и Станиславу Жюльену А.Н. Демидов направил Л.Г. Сенявину благодарственное письмо с приложением записки С. Жюльена от 28 июня 1844 г. относительно необходимости приобретения в цинской столице книг по китайской астрономии в связи с его переходом к разработке этой проблематики¹¹⁹.

¹¹⁸ В донесении от 28 марта 1843 г. архимандрит Поликарп сообщал: «Спешу препроводить также [помимо барометра для Иосифа Гошкевича] три китайских сочинения из числа тех, которые Департамент в разные времена предписал мне приобрести для него, означенные в присланных мне трех каталогах № 17, 18 и 19. Очень жалею, что исполнение этого предписания Департамента идет у меня так медленно, поскольку это решительно не зависит от меня» (см.: там же, л. 17).

¹¹⁹ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Русско-французские контакты в области изучения Китая в 30–80-е годы XIX в. // Синология, японоведение и тибетология в России и Франции: история и перспективы. Сб. статей по материалам Международного симпозиума. М., НИУ ВШЭ, 16–17 апреля 2012 г. М., 2013, с. 141–172.

Наиболее ценным собранием китайских книг, помимо С.-Петербургского университета, Академии наук и Публичной библиотеки в С.-Петербурге, обладала библиотека Российской духовной миссии в Пекине, созданная в конце XVIII в. в период управления ею Софронием Грибовским. Она была организована по инициативе и при активном участии Павла Ивановича Каменского, впоследствии принявшего сан архимандрита, — при его отправлении во второй раз в Пекин в 1820 г. в качестве главы миссии. В 1838 г. книжный фонд этой библиотеки обогатился двумя ценными собраниями буддийских книг на китайском языке, известных под названиями Ганджур и Данджур, которые были приобретены миссией у иеромонаха П.А. Тугаринова перед его отъездом из-за болезни на родину. Китайские экземпляры этих двух собраний книг по буддизму стали не только украшением и гордостью миссионерской библиотеки, но и предметом научных изысканий для тех членов миссии, кто интересовался историей буддизма.

Хотя библиотека Пекинской духовной миссии обладала значительным фондом восточных книг, почти у каждого ее члена была личная библиотека. В ноябре 1850 г. архимандрит Палладий, тогдашний глава миссии, сообщая в Азиатский департамент о выздоровлении М.Д. Храповицкого, в частности, отмечал, что он унаследовал “библиографическую страсть” от И.И. Захарова (1814–1885).

По мере овладения восточными языками страсть к приобретению необходимых китайских книг нередко превращалась в коллекционирование наиболее редких и ценных изданий, порождая среди членов миссии, особенно среди ее светских лиц, своеобразное соперничество. Начав с покупки китайских книг, необходимых для работы в обсерватории миссии и научно-практических занятий в области сельского хозяйства и ремесленного производства, К.А. Скачков (1821–1883) собрал довольно ценную коллекцию книг, посвященных чрезвычайно широкой тематике.

Необычная судьба сложилась у коллекции китайских книг, принадлежавшей светскому члену Пекинской духовной миссии Н.И. Нечаеву, скончавшемуся 20 января 1853 г. в китайской столице. По свидетельству тогдашнего врача миссии С.И. Базилевского, он «наибольшую часть дня и ночи проводил в изучении китайского и маньчжурского языков».

Неслучайно в сообщении директора Азиатского департамента Л.Г. Сенявина от 11 сентября 1854 г. на имя председательствующего в Совете Главного управления Восточной Сибири среди оставшихся вещей покойного Н.И. Нечаева были указаны китайские книги в специально составленном списке¹²⁰. В одной части списка значились труды по истории и географии: «Тун-цзянь ган-му», «Ли-дай ди-ли чжи», «Инь-хуан чжи-люэ», сборники законов империи Цин: «Дай Цин хуй-дянь», «Ху-бу цзэ-ли», сводные работы по китайской библиографии и редкие библиографические справочники: «Сы-ку цюань-шу цзун-му», «Хуй-кэ шу-му» и др. В другую же часть коллекции вошли литератур-

¹²⁰ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 24, оп. 11/1, д. 17, л. 1.

ные сочинения на маньчжурском языке, в том числе известный китайский роман XVIII в. (точнее: XVI в. — *А.К.*) «Цзин Пин Мэй»¹²¹.

О причине, вызвавшей промедление в доставке китайской коллекции из Пекина в Кяхту, начальник духовной миссии архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) 20 августа 1854 г. сообщил тогдашнему главе пограничной администрации Н.Р. Ребиндеру в приводимом ниже письме:

«Что касается до пересылки из Пекина в Кяхту книг [Н.И. Нечаева], то из-за их трудоёмкой укладки трудно будет препроводить отсюда с обыкновенной почтой, [поэтому] лучше всего обождать перемены миссии, когда можно будет удобнее доставить книги без излишних затрат (вместе с другими тяжестями нашей миссии)...

Цены же книгам показаны в реестре те самые, за какие покойный Нечаев приобрел их в здешних книжных лавках. В целом израсходованная на них сумма равна 13 фунтам 24 золотникам серебра, или по установленному для миссии расчету на рубли 331 руб. 25 коп. сер.»¹²²

Между тем кяхтинские купцы заранее дали знать о своем согласии приобрести коллекцию Нечаева, и 17 октября 1859 г. кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зенович сообщил старшинам торгующего на Кяхте купечества о получении им коллекции Нечаева с возвратившейся из Пекина духовной миссией, при этом градоначальник заявил, что книги Нечаева были переданы им учителю кяхтинского училища китайского языка коллежскому советнику К.Г. Крымскому. Одновременно он предложил уплатить деньги брату покойного Нечаева — иркутскому 3-й гильдии купцу Ивану¹²³.

9 марта 1888 г. старшина кяхтинского купечества Алексей Васильевич Шведов в своем письме на имя иркутского генерал-губернатора предложил пожертвовать находящиеся в это время в местном архиве китайские книги в казну, после чего от губернатора Алексея Павловича Игнатьева поступило предложение передать их Восточно-Сибирскому отделу Русского Географического Общества. Согласно с этой инициативой губернского начальства общее собрание купцов поручило трем лицам (Н. Грибушину, А. Швецову и Синицыну) направить свое решение в Иркутск в виде письма, в котором, в частности, было сказано: «Книги будут высланы с открытием навигации при [особом] транспорте. Соблюдение же формальностей при предъявлении книг в таможене должен всецело принять на себя Отдел географического общества»¹²⁴.

10 июня 1888 г. представители кяхтинского купечества сообщили в Восточно-Сибирский отдел РГО о передаче местному пароходному обществу китайских книг в количестве 474 штук, или названий, сложенных для адресной отправки в трех ящиках. С их получением в Иркутске один из влиятель-

¹²¹ Там же, л. 6.

¹²² Центральный государственный архив Бурятии (ЦГА Бурятии), ф. 9, оп. 1, д. 445, л. 3.

¹²³ Там же, л. 15.

¹²⁴ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 53, л. 272.

ных деятелей Отдела (Г.Н. Потанин) выразил благодарность кяхтинскому купечеству за «такое крупное пожертвование»¹²⁵.

Ценная коллекция китайских книг также осталась безхозной после кончины бывшего светского члена Пекинской духовной миссии Михаила Дмитриевича Храповицкого, принимавшего участие в переговорах российского дипломата Е.В. Путятина в Тяньцзине с уполномоченными цинского Китая в качестве переводчика. По возвращении в Петербург он продолжал службу в Министерстве Иностранных дел вплоть до своей кончины, последовавшей из-за несчастного случая (выпадения из окна) 4 ноября в 8 час. 30 мин. утра 1860 г. За ним не осталось никакого имущества, кроме значительного количества книг на китайском и маньчжурском языках¹²⁶.

Из книг М.Д. Храповицкого В.П. Васильев отобрал для библиотеки С.-Петербургского университета 150 сочинений. Среди них было немало редких рукописей и книг, отсутствующих в библиотечном фонде университета. Они были доставлены в упомянутую библиотеку архимандритом Аввакумом Честным¹²⁷.

Значительно пополнив китайский фонд служебной библиотеки за счет собственных средств и книжных пожертвований отдельных лиц, руководство Азиатского департамента в целях более активного изучения Китая россиянами в мае 1864 г. решило поделиться своими китайскими изданиями с Российской Академией наук, всегда проявлявшей большой интерес к приобретению книжных сокровищ из цинского Китая. Чтобы выяснить отношение руководства высшего научного учреждения, директор Азиатского департамента Н.П. Игнатьев, имевший возможность близко познакомиться с соседней страной на Дальнем Востоке во время переговоров с цинскими уполномоченными не только в Пекине, но и за пределами китайской столицы (в Тяньцзине и Шанхае в 1859–1860 гг.), решил обратиться к известному мореплавателю и видному деятелю Русского Географического Общества Ф.П. Литке с письмом от 2 мая 1864 г., где было сказано:

«Министерство Иностранных дел, желая сделать более доступными для исследователей Востока имеющиеся в Азиатском Департаменте книги разного рода на китайском, маньчжурском и тибетском языках, а также частью произведения на монгольском языке и санскрите... признало за лучшее предоставить всё собрание оных в полное распоряжение Академии Наук. В числе сих книг имеется весьма редкое в настоящее время и даже в Пекине издание Ганджура и Данджура на тибетском языке. Половина сего издания (а именно Ганджур в 170 томах) уже находится в Азиатском Департаменте, а Данчжур пока остается в нашей Пекинской духовной миссии и мог бы быть доставлен оттуда по частям и только при удобном [для отправки] случае»¹²⁸.

¹²⁵ Там же, л. 442.

¹²⁶ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив IV-2, 1859–1861, д. 9, л. 5.

¹²⁷ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 14, оп. 3 (1861 г.), д. 15482.

¹²⁸ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив IV-33, 1865, д. 1, л. 1 (черновик).

Весьма интересный ответ Ф.П. Литке (на бланке: МНП, Имп. С.-Петербургская Академия Наук, от Президента за № 1018) последовал 7 мая на имя Н.П. Игнатьева. В этом письме, адресованном лично Николаю Павловичу, говорилось:

«Вследствие письма Вашего Превосходительства от 2-го сего мая за № 114 поспешаю уведомить Вас, что имп. Академия Наук с живейшею признательностью приняла Ваше предложение передать Академии, для ее Азиатского музея имеющиеся в Азиатском Департаменте книги на китайском, маньчжурском, монгольском языках и санскрите.

При сем долгом считаю присовокупить, что *эта передача не только послужит весьма значительному обогащению упомянутого музея, но и облегчит ученым пользование передаваемыми сокровищами, так как Азиатский музей ежедневно открыт для всех желающих пользоваться им.*

Таким образом не только Академия, но и все занимающиеся изучением Востока будут обязаны благодарностью Вашему Превосходительству за столь просвещенное Ваше содействие к умножению средств для знакомства с языками и словесностью азиатских народов»¹²⁹.

Ознакомившись с мнением видного ученого, Н.П. Игнатьев, окрыленный поддержкой авторитетного ученого-географа, 18 мая 1864 г. представил вице-канцлеру князю А.М. Горчакову доклад, в котором следующим образом была изложена суть благородной инициативы Азиатского департамента:

«В Азиатском Департаменте находится значительная библиотека из книг на китайском, маньчжурском, тибетском языках и в меньшей мере на монгольском и санскрите, которые были постепенно вывезены из Пекина в продолжении нынешнего столетия. Книги эти по тесноте помещения не могут содержаться в должном порядке, при этом в Департамент нецелесообразно допускать посторонних лиц к беспрепятственному пользованию его библиотекой.

В этих видах, а более желая сделать означенное собрание книг более доступным для занимающихся изучением Востока, Азиатский Департамент ныне предварительно вошел в соглашение с имп. Академией Наук относительно того, не признает ли наша Академия возможным принять нашу восточную библиотеку в свое распоряжение с тем, чтобы она стала доступной для всех желающих заниматься ее книгами.

Получив ныне благоприятный отзыв по сему предмету от президента Академии Наук адмирала Литке, имею честь довести об этом до сведения Вашего Сиятельства и просить разрешения передать китайскую библиотеку в распоряжение Академии»¹³⁰.

¹²⁹ Там же, л. 2.

¹³⁰ Там же.

Как видно из письма товарища министра иностранных дел от 25 мая 1864 г. на имя Ф.П. Литке, в этот день доклад вице-канцлера относительно передачи ранее привезенных из цинского Китая книг Академии наук был утвержден царем, и на основе этого решения они поступили в распоряжение академика д.с.с. Дорна, директора Азиатского музея, для библиотеки этого научного учреждения¹³¹.

Большую коллекцию китайских книг в Пекине удалось собрать К.А. Скачкову, занимавшемуся (при начальнике миссии архимандрите Паллади) наблюдениями за ежедневной работой построенной в 1850 г. метеорологической станции. По мере усвоения китайского разговорного языка и китайской письменности он активно покупал книги для своих научных занятий на личные сбережения. С течением времени у него образовалась отличная коллекция, отличавшаяся необычайной широтой тематического подбора. Значительную часть книг по китайской астрономии ему подарил глава миссии. Несколько новых редких китайских сочинений по этому предмету россиянин получал от дяди цинского императора, однажды проявившего интерес к его деловым и научным занятиям. В отзыве, написанном В.П. Васильевым для Российской Академии наук 5 мая 1867 г., он подчеркивал:

«Одно количество (1435) заглавий уже достаточно говорит за себя: в этом количестве находятся сотни редких сочинений, брошюр, рукописей, планов, карт и альбомов, из которых многие, может быть, никогда не встретятся в другом месте. Собрание г-на Скачкова обнимает все отрасли литературы»¹³².

К известным китаистам, активно занимавшимся описанием китайских книг Российской Академии наук, помимо монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурина) и З.Ф. Леонтьевского, можно причислить и К.А. Скачкова, о чем свидетельствует протокол заседания историко-филологического отделения Академии от 9 февраля 1865 г., публикуемый ниже:

«Академик Дорн читал свое представление об изготовлении каталога китайской библиотеки, входящей в состав Азиатского музея Академии. Это собрание китайских книг и рукописей принадлежит к числу значительнейших и богатейших в Европе... Хотя и поныне имеются различные, более или менее подробные рукописные и печатные описи, по которым каждое сочинение [на китайском языке] можно легко найти, однако эти описи не соответствуют тому, что теперь требуется от научного каталога. Передача [Академии наук] в прошлом (1864) году собрания китайских книг из Библиотеки Азиатского Департамента делает его весьма желательным в том отношении, чтобы вся китайская библиотека была как следует разобрана и приведена в порядок... Г-н Скачков, известный у нас знаток китайского языка, изъявил готовность за некоторое денежное вознаграждение слить воедино прежнюю и но-

В нижней части цитируемого документа указан в качестве вероятного автора «Начальник отделения [Ф.Р.] Остен-Сакен».

¹³¹ Там же, л. 6.

¹³² СПб. филиал АРАН, ф. 2, оп. 1, 1864, д. 23, л. 8.

вую коллекции китайских книг Азиатского музея с целью изготовления все-му этому собранию научный, пригодный для печати каталог на русском языке.

По обсуждении этого дела ... отделение положило: поручить г-ну Скачкову под ближайшим надзором и руководством академика Дорна разобрать всё принадлежащее ныне Азиатскому музею собрание китайских книг, рукописей и карт и составить на русском языке научный каталог»¹³³.

После кончины К.А. Скачкова (похороненного на территории Александрово-Невской лавры в Петербурге) его богатую коллекцию китайских книг в 1873 г. приобрел иркутский купец А.Л. Родионов, который за последующую ее передачу Румянцевскому музею удостоился правительственной награды в виде медали.

О важном значении книжной коллекции К.А. Скачкова кратко сказано в приводимом ниже библиотечном отчете Московского музея за 1883–85 гг.:

«Вдова бывшего русского генерального консула в Китае действительного статского советника К.А. Скачкова — Каролина Фоминична Скачкова принесла в дар музеям большую часть бумаг и ученых работ нашего покойного синолога. Рукописи эти, состоящие в своем большинстве из автографов Константина Адриановича на русском и частью на китайском языке, заключают в своем составе 40 довольно объемистых папок, которые сам автор начал приводить в порядок и которым хотел сделать реестр.

Особенную ценность настоящее пожертвование приобретает ввиду того значения, какое оно имеет для принесенного в дар музеям в 1873 г. ... Скачковым своего собрания китайских и маньчжурских рукописей и киелографов»¹³⁴.

О богатстве востоковедных фондов Петербурга и, в частности, китаеведных, можно судить не только по фактам выписки книг и рукописей из его столичных библиотек зарубежными учеными. В этом убеждает отчет В.П. Васильева от 16 декабря 1870 г. на имя ректора СПб. университета о его первой поездке в страны Западной Европы летом 1870 г. в связи с подготовкой им каталога имеющихся в университетской библиотеке книг на китайском, маньчжурском и тибетском языках.

Чтобы понять значение этой поездки для рассматриваемого нами сюжета, обратимся к приводимому ниже тексту отчета В.П. Васильева о научной командировке в синологические центры Западной Европы в 1870 г.:

¹³³ С.-Петербургские ведомости, № 154 (2/14 1865 г.), с. 3.

Подробнее о составлении каталога К.А. Скачковым китайских и других книг библиотеки Азиатского музея см.: Записки Академии Наук, 1864, т. 7, кн. 1, с. 96; 1866, т. 9, кн. 1, с. 38.

¹³⁴ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1883–1885 гг. М., 1886, с. 34–35.

Подробнее о китайской коллекции К.А. Скачкова см.: *Рифтин Б.Л.* К.А. Скачков и его книжная коллекция // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., Памятники исторической мысли, 2008, с. 534–554.

«Цель моей командировки заключалась в следующем: прежде окончательного составления возложенного на меня Советом Университета каталога имеющихся в нашей библиотеке книг на китайском, маньчжурском и тибетском языках осмотреть подобные же библиотеки в Европе и при этом завязать связи с учеными-ориенталистами-синологами.

Я осмотрел библиотеки Вены, Мюнхена, Лондона и Берлина, познакомился с Фицмайером в Вене, Платом в Мюнхене и Соммерсом в Лондоне, г. Шоттом в Берлине. Кроме того, осматривал все замечательные коллекции китайских предметов, между которыми первое место, конечно, принадлежит выставленной в Мюнхене японо-китайской коллекции, оставшейся после покойного известного Зибольда... [Но] и эта коллекция гораздо ниже богатств, находящихся в Музее Академии наук и Гатчинском дворце.

Общий вывод, который здесь только могу представить, тот, что ни одна из осмотренных мной библиотек не может гордиться таким собранием книг, как наша университетская по части китайской, маньчжурской и тибетской литературы. Для последней замечательно только собрание бывшей Ост-Индской компании, но и оно ограничивается только Ганджуром, имеющимся в библиотеке Академии наук, тогда как у нас есть Данджур и, кроме того, множество сочинений тибетских авторов, о которых в сказанных библиотеках не имеют и понятия. Точно так же во всех осмотренных мной местах не имеется почти никакого собрания маньчжурских и монгольских книг.

Собрание китайских книг довольно значительно в Мюнхене, Берлине и особенно в British Museum в Лондоне. Но во всех этих библиотеках, несмотря на тщательный с моей стороны осмотр, нет ни одного выдающегося сочинения, которого не было бы в нашей библиотеке. Напротив,

нигде нет такого богатого и полного собрания по части истории, географии, поэзии, изящной и легкой литературы Китая, коим обладает наша библиотека. Одно наше собрание буддийских книг на китайском языке почти равняется объему [китайской литературы] всех лучших библиотек, а об этом собрании там не имеют и понятия.

Я нашел, что, за исключением Вены и Берлина, ученые Мюнхена и Лондона заняты в настоящее время составлением каталогов своих библиотек. Господин Соммерс начал печатание каталога книг, находящихся в Музее бывшей Ост-Индской компании, Р. Дуглас составляет каталог китайских книг, находящихся в British Museum.

Книжное преимущество, которым обладает Европа, заключается в том, что она обладает китайским шрифтом, а у нас можно печатать на тибетском, монгольском и прочих языках, но не на китайском.

Ученые-синологи могут быть разделены на две категории: одни, как германские, никогда не бывали в Китае, но, занявшись дома какой-нибудь отраслью литературы, находят в ученых обществах и академиях поддержку для

издания своих трудов. Другие, побывав несколько лет в Китае, возвратились на родину, чтобы продолжать свои занятия...

Однако ж не надобно забывать, что мое замечание относится только к местам, мною посещенным. А я не был в Париже, считающемся в Европе первым по собранию китайских книг и славящемся своими синологами.

Но Вашему Превосходительству известно, что главной целью моего отправления за границу был именно Париж и что только неожиданно возникшая война не позволила мне проникнуть в этот город.

Эта же самая война заставила меня долго колебаться в решении моем отправиться за границу. Некоторое время, как известно, остановлены были даже пассажирские поезда. Отправляясь в первый раз в Европу, я не мог рисковать собой, потому что я не мог употребить на свое путешествие более продолжительное время, чем назначенное мне в командировку»¹³⁵.

Отсутствие в России китайского шрифта, относительно приобретения которого В.П. Васильев еще в 1857 г. просил К.А. Скачкова навести справки в Париже, помешало видному востоковеду издать свой каталог имевшихся в библиотеке С.-Петербургского университета китайских книг, поэтому этот справочник остался только в рукописном виде. Как видно из отчета китаиста Д.М. Позднеева о поездке летом 1893 г. в Англию и Францию, где ему довелось познакомиться с синологическими фондами крупнейших библиотек и музеев, рукописный труд В.П. Васильева заметно выигрывал по своему построению и содержанию в сравнении с печатным каталогом китайских книг, рукописей и рисунков Британского музея, опубликованным в 1877 г. Робертом Дугласом. *«Проводя параллель между рукописным каталогом китайских книг, имеющимся в нашей библиотеке, и трудом R. Douglas'a, мы, — подчеркивал Д.М. Позднеев, — не задумываемся отдать предпочтение первому как систематичному по периодам. Ориентироваться и составить понятие о коллекции по нему гораздо легче. Но необходимо также прибавить, что составить подобный каталог могла только чудовищная синологическая эрудиция нашего проф. В.П. Васильева и подобная классификация сочинений едва ли кому-либо другому будет под силу»*¹³⁶.

Как правило, книги, приобретенные в Китае, до 70-х гг. XIX в. доставлялись в Россию обычным сухопутным путем через Монголию, по которому следовали партии различных чаев, закупленных либо частично обработанных на «фабриках» (мануфактурах) российских купцов. С организацией морских перевозок чая из Китая в Россию на судах Добровольного флота стали доставляться сюда и китайские книги, подлежавшие не только таможенному, но и цензурному досмотру. В мае 1885 г. в Главное цензурное управление обра-

¹³⁵ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 14, оп. 1, д. 5501, л. 269.

¹³⁶ Позднеев Д.М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // Журнал Министерства народного просвещения, 1894, октябрь, с. 291.

тилась российская таможня с просьбой дать разрешение на выдачу 4-х тюков с книгами на «китайско-маньчжурском языке», пришедших на имя переводчика Дамбы Ульянова, в связи с отсутствием на месте лиц, знакомых с китайским или маньчжурским языком. При рассмотрении этой просьбы один из столичных чиновников не нашел ничего лучшего, как начертать такую резолюцию: «Если книги только на китайско-маньчжурском языке, то выдать все без рассмотрения».

В 80-х гг. XIX в. морским путем стали пользоваться и при покупке тибетских книг, которые ранее обычно доставлялись монгольскими ламами, посещавшими в торговых и религиозных целях Пекин и Лхассу. В 1884 г. Азиатский департамент, выполняя пожелание царя об оказании содействия бакше донских калмыков Аркадию Чубанову в приобретении собрания буддийских книг под названием «Ганджур» на тибетском языке, обратился с соответствующим письмом к главе Российской дипломатической миссии в Пекине А.М. Кумани. Отвечая на запрос российского посланника, Н.И. Гомбоев, начальник русской почтовой службы в Китае, представил ему такую информацию: «Тибетская книга “Ганджур” из 108 томов привозится в Пекин из Тибета в небольшом количестве; цена зависит от количества привезенных экземпляров. В настоящее время 1 экз. стоит от 700 до 800 лян сер. (от 1890 до 2.160 руб. кредитными билетами, считая по 2 р. 70 коп. за лян). Книга эта вообще печатается на грубой серой бумаге, а самая печать — очень плохая, так что в некоторых местах трудно прочесть, поэтому цена также зависит от качества бумаги и печати. Если же книга окажется удовлетворительной [по своему качеству], то она ценится гораздо дороже. Кроме того, провоз книги от Пекина до Кяхты будет стоить ... около 70 лян (190 руб.)»¹³⁷.

7/19 марта 1888 г. А.М. Кумани сообщил в Азиатский департамент о приобретении «Ганджура» (с приложением расчета стоимости покупки и ее отправления морем до Одессы), при этом российский дипломат информировал о том, что «остающиеся в наличии 51 лян 99 фэн будут употреблены на покрытие расходов за доставку “Ганджура” из Тунчжоу до Тяньцзиня и из Одессы до С.-Петербурга»¹³⁸.

С вводом в эксплуатацию КВЖД в 1903 г. открылась возможность отправки китайских и других книг из Китая через Владивосток и Харбин, что значительно снизило расходы по их перевозке в города Сибири и Европейской части России.

С учреждением в 1861 г. постоянного дипломатического представительства России в Пекине личные библиотеки, состоявшие преимущественно из китайских книг, появились у многих сотрудников консульской службы. В случае смерти кого-либо из дипломатов или консульских работников его библиотека частями или целиком приобреталась его коллегами-китаистами. Так случилось, например, с книгами вице-консула И.Н. Протасьева, внезапно

¹³⁷ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив П-11, оп. 51, 1884, д. 1, л. 1.

¹³⁸ Там же, л. 30.

скончавшегося от служебных перегрузок в Ханькоу во время напряженного чайного сезона, когда обычно наступает нестерпимая жара.

О внезапной смерти И.П. Протасьева (обладателя небольшой личной библиотеки) стало известно П.С. Попову из письма начальника русской почты в Пекине Николая Гомбоева, который 5 июля 1886 г. сообщал:

«Какое несчастье случилось с И.П. Протасьевым! Мы просто не поверили, что он внезапно скончался 28 июня. Бедная Ал[ександра] Пр[окопьевна] осталась с малолетними детьми [совершенно] без средств. Н.Ф. [Николай Федорович Ладыженский] телеграфировал ... о выдаче А.П. курьерской дачи [для возвращения в Россию] и хотел хлопотать о пенсии [для вдовы]. Не знаю выгорит ли это дело»¹³⁹.

Из-за отсутствия покупателей на месте оставшуюся библиотеку приобрел консул в Пекине Павел Степанович Попов (1842–1913), китайские книги которого после его кончины в 1913 г. в С.-Петербурге поступили от вдовы дипломата и ученого в библиотеку факультета восточных языков С.-Петербургского университета.

Подобная метаморфоза личной коллекции китайских книг русского дипломата не была единственной в своем роде в истории российской консульской службы в цинском Китае, в чем убеждают архивные материалы (например, случай с выморочным имуществом сотрудника консульства в Харбине Сивякова). То же самое можно сказать о личной коллекции (из китайских и монгольских) книг, оставшихся после кончины в декабре 1905 г. начальника русской почты в Пекине Н.И. Гомбоева.

Нелегкая судьба выпала на долю книжной коллекции, собранной консулом Павлом Андреевичем Дмитриевским (1851–1899), состоявшим в течение многих лет на дипломатической службе в Китае и Корее, автором ряда ценных работ по истории и географии Кореи¹⁴⁰.

О приобретении П.А. Дмитриевским многотомных трудов по истории и философии Китая есть, например, сведения в его письме, направленном из Ханькоу будущему генконсулу в Пекине П.С. Попову. В нем сообщалось о покупке 24-х династийных историй («Эр-ши-сы ши»), 13-ти канонических книг сунского времени («Ши-сань цзин чжу-шу»), исторических хроник правления 9-ти императоров цинского времени («Цзю-чао дунхуа-лу»), собрания императорских наставлений периода правления первых десяти императоров маньчжурской династии Цин («Ши-чао шэн-сюнь» и др.).

О необходимости приобретения книжной коллекции П.А. Дмитриевского, оставшейся после его кончины в Сеуле, писал Д.М. Позднеев 6/18 ноября 1899 г. своему брату — директору только что открытого Восточного института во Владивостоке: «Куда денется вся библиотека П.А. Дмитриевского? —

¹³⁹ РГБ, НИОР, ф. 218, картон 763, ед. хр. 7, л. 7.

¹⁴⁰ Хохлов А.Н. П.А. Дмитриевский — российский дипломат и востоковед // Корея. Сб. статей. К 80-летию со дня рождения М.Н. Пака. М., 1998, с. 284–296.

Тебе следовало бы обратить на этот пункт самое серьезное внимание. Ведь такой коллекции книг (например, по Корее), как мне приходится слышать, нет во всем свете и даже в лучших библиотеках самой Кореи. Да и китайская его библиотека не из плохих. Ты бы, — советовал Д.М. Позднеев брату, — поспешил вступить ... в переговоры, иначе люди, подобные коммерсанту [Алексею] Старцеву, сейчас же перебьют покупку»¹⁴¹.

Судя по всему, одна часть книг (а также китайских газет) была приобретена Восточным институтом во Владивостоке, а другая осела в различных библиотеках России, в том числе в библиотеке Азиатского музея Академии наук в С.-Петербурге.

Не остался в долгу П.А. Дмитриевский и перед альма-матер — С.-Петербургским университетом. Согласно сообщению газеты «Новости и биржевая газета» от 5 сентября 1889 г., он как его питомец — китаист — ученик В.П. Васильева передал в дар библиотеке факультета восточных языков новое издание знаменитой китайской энциклопедии «Гу-цзинь ту-шу цзи-чэн».

С расширением связей цинского Китая с другими странами (Европой и Америкой) после 60–80-х гг. XIX в. богатые книжные рынки появились в ряде крупных приморских городов, открытых для иностранной торговли. Среди них быстрыми темпами международной торговли особенно выделялся Шанхай, на что указывали многие иностранцы и приезжие россияне. Описание торговли в этом быстро развивающемся коммерческом центре центрального Китая находим в цикле статей В.Д. Черевкова под общим названием «По китайскому побережью», где под № 5 краткого очерка значится Шанхай. Вот что пишет этот автор:

«Одной из характернейших особенностей Шанхая, между прочим, является чрезвычайное обилие китайских книжных лавок, заваленных изданиями местных китайских типографий. Главную массу этого книжного товара составляют переводы книг с иностранных языков и воспроизведения сочинений, погибших во время тайпинского восстания»¹⁴².

Весьма интересную ссылку (на основе книги К.А. Скачкова «Очерки Китая») упомянутый автор дает по поводу литературы, посвященной тайным обществам цинского Китая, что видно из следующего пассажа:

«В отделениях китайских книг и рукописей в публичных библиотеках в Петербурге, Лондоне и Париже нет ничего о сказанных учениях (в том числе о «Бай-лянь-цзяо». — *А.Х.*). А в Москве в публичной библиотеке и, [в частности], Румянцевском музее в китайском отделении по каталогу № 24 хранится очень ценная редкая рукопись, в трех тетрадах, in 16°, заключающих в себе идеограммы учения белого неньюфара [лотоса], и за № 25 о секте белого неньюфара и ее последователях, в трех книгах in 8° издания 1826 г.»¹⁴³.

Подобно своим коллегам по дипломатической службе в цинском Китае, большой коллекцией китайских книг обладал российский посланник в Пекине

¹⁴¹ Российская национальная библиотека (РНБ) (СПб.), ф. 590, оп. 1, ед. хр. 112, л. 300.

¹⁴² Исторический вестник, 1898, июль, год 19-й, том XXIII, с. 293.

¹⁴³ Там же, с. 284.

Д.Д. Покотилов (1865–1908)¹⁴⁴, о чем стало известно после его скоропостижной кончины ночью с 22 на 23 февраля 1908 г. в Пекине. О Д.Д. Покотиллове как коллекционере сказано в телеграмме коллежского асессора Е.В. Голубова, принятой в С.-Петербурге 3 марта 1908 г. В ней говорилось: «После покойного д.с.с. Покотилова осталась обширная ценная библиотека по Китаю. Среди книг имеются издания, представляющие библиографическую редкость. Библиотека оценивается в 7–8 тыс. руб. ... По просьбе вдовы покойного [Анны Афанасьевны] покорнейше прошу телеграфного ответа [на вопрос:] не признает ли Министерство [иностранных дел] желательным приобрести означенную библиотеку»¹⁴⁵.

6 марта 1908 г. ответная телеграмма МИД (№ 6) (за подписью Н.В. Чарыкова) на имя Поверенного в делах надворного советника Арсеньева была отправлена в Пекин. В ней было сказано: «Министерство, к сожалению, за недостатком средств не может приобрести библиотеку покойного Покотилова. Сносимся с некоторыми учеными учреждениями. Наличие описи представляется необходимой»¹⁴⁶. Академия наук, подобно Министерству Иностранных дел негативно отнеслась к предложению вдовы Покотилова относительно продажи библиотеки мужа под предлогом отсутствия у нее каталога предлагаемых книг, а более из-за высокой их цены, даже без учета их дорогой доставки из Пекина.

Из-за невозможности продать в России (Сибири и Средней Азии) свою библиотеку, которую собирал в течение многих лет и насчитывавшую около 9 тыс. томов, известный тюрколог и китаевед Н.Ф. Катанов накануне Первой мировой войны (1914–1918) продал ее находившемуся тогда в Казани турецкому премьер-министру Хильми-паше. «Я расстался с библиотекой, и у меня настроение такое, как будто я похоронил очень близкое мне существо», — писал Н.Ф. Катанов своему другу Н.В. Никольскому¹⁴⁷.

Среди китаистов — обладателей личных библиотек с китайскими изданиями либо имевших отдельные экземпляры китайских книг можно найти и лиц духовного звания из числа бывших членов Пекинской духовной миссии. В качестве хранителя большой книжной коллекции по китаеведению следует упомянуть, например, иеромонаха Пекинской духовной миссии Алексея (в миру Александр Николаевич Виноградов), жившего впоследствии (после двух поездок в Китай) в течение многих лет (до своей кончины в 1919 г.) в Оптиной пу-

¹⁴⁴ См.: Хохлов А.Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // Вопросы истории, 2011, № 5, с. 36–54; он же. Российский дипломат и китаист Д.Д. Покотилов // В потоке научного творчества. К 80-летию акад. В.С. Мясникова. М.: Наука, 2011, с. 314–344.

¹⁴⁵ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1905–1908, л. 1953, л. 62.

¹⁴⁶ Там же, л. 64.

¹⁴⁷ Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. М.: Наука, ГРВЛ, 1973, с. 79; Николай Федорович Катанов. Материалы и сообщения. Абакан, 1958, с. 170.

стыни (Калужской губернии)¹⁴⁸. Любопытно его высказывание как библиофила по поводу важности личной библиотеки для занимающихся научной работой. Вот что он писал как автор исследования, посвященного описанию книжного фонда Пекинской духовной миссии¹⁴⁹:

«Без книг, где бы ни был человек, всё равно, что без рук, особливо когда они постоянно требуются в кабинетных штудиях... и непременно у себя дома, ибо ученому и любознательному человеку не всегда возможно искать и находить ответы и справки в библиотеках и музеях, известных книгохранилищах.»

К тому же не всегда можно получить нужную книгу или альбом в какой бы то ни было библиотеке или музее. А для ученых людей при путешествиях необходимо иметь хотя бы небольшую библиотеку, особенно на Азиатском Востоке, где специальные европейские книги и в особенности русские не везде можно достать»¹⁵⁰.

Чтобы лучше представить проблематику китайской книжной коллекции иеромонаха Алексея Виноградова, достаточно для краткости изложения сюжета из общего собрания (15 названий книг), состоящего преимущественно из различных по своему назначению словарей (типа «Шо-вэнь цзе-цзы», «Кан-си цзы-дянь» и др.) и популярной древнекитайской классики («И-цзин», «Сы-шу», «Дао-дэ-цзин» и др.) вычленив официальные многотомные издания периода господства в Китае маньчжурской династии Цин и прежде всего «Цинь-дин Дай Цин хуй-дянь» («Высочайше утвержденный свод узаконений Великой династии Цин»), составленный в 20-й год правления императора Хун Ли (под девизом Цянь-лун), «Цинь-дин кэ-чан тяо-ли» («Правила сдачи государственных экзаменов при династии Цин»), «Цзя-бао цюань-цзи» («Полное описание семейного уклада жизни»), «Сяо-сюэ» («О сыновнем благочестии»), «Да-цзы нуй-эр цзин» («Написанные большими иероглифами наставления для девиц»), «Чжан-юань гэ-юй сы-ши» («Четыре книги благородных и главных манер [домашнего] девичьего этикета»), «Эр-я-ту» («Иллюстрированное издание древнекитайского словаря типа детской энциклопедии») и др.

Довольно любопытно приводимое ниже пояснение, данное о. Алексием Виноградовым выше упомянутому китайскому сочинению «Цзя-бао цюань-цзи» («Полное семейное сокровище»), которое менее известно, чем сборник «Лао-цзы Дао-дэ-цзин цзе» («„Дао-дэ-цзин“ с комментариями»), и содержит полный набор изречений и наставлений. Том 1-й включает предисловие, том 2-й

¹⁴⁸ Подробнее см.: Хохлов А.Н. Иеромонах Алексей (А.Н. Виноградов) — пекинский миссионер, художник и ученый // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999, с. 83–86.

¹⁴⁹ Виноградов Алексей, иеромонах. Китайская библиотека и ученые труды членов российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине, или Бэй-цзине, с приложением каталога, чертежей и рисунков. СПб., 1889, IV, 46+33+11 с. [Перечень китайских книг с переводом их названий].

¹⁵⁰ Российская государственная библиотека (РГБ). НИОР, ф. 52, картон 56, ед. хр. 2, л. 5.

содержит изложение главных обязанностей членов китайской семьи (в 8-ми тетрадах-бэнях), 3-й том заключает в себе 32 правила в виде извлечений из «цзя-бао» под названием «Чэн-жэнь пу-суй», т.е. правила степенства для 30-летнего возраста; 100 правил для школы; изречения, объясняющие способы приятных и дружеских взаимоотношений; правила для учителей («Шифань му-лу»); 18 правил для воспитания детей и т.д.¹⁵¹

Иеромонах Алексей (А.Н. Виноградов) — автор ряда научных трудов по востоковедению, большой книголюб, незаурядный живописец и блестящий знаток русского деревянного зодчества. При всех погрешностях, присущих книгам и статьям Алексея Виноградова, страдавшего от разбросанности в научной работе и порой пытавшегося объять необъятное, они вызывали интерес среди широких слоев российского общества, в том числе среди представителей разных общественно-политических течений. В этом убеждает, например, письмо Д.А. Клеменца, отправленное в 1895 г. из Урги, где он встречал А.Н. Виноградова, направлявшегося во второй раз в Пекин.

«Недавно, — сообщал известный путешественник, археолог, народоволец, — проехал здесь очень интересный человек, ученый монах, отец Алексей Виноградов. Он — член Пекинской духовной миссии, семь лет прожил в России и теперь возвращается обратно [в Пекин]. Главный труд его, еще не оконченный, называется “Библия на Востоке”. Он намерен в нем изложить судьбы христианства на Востоке, а также ознакомиться с верованиями [народов] Востока, среди которых должны вращаться проповедники христианства. Это самая интересная для нас часть... Она содержит массу библиографических указаний на труды европейских ученых, изданных в Китае. Жаль только, что эта книжица издана в ограниченном числе экземпляров.

Судьба этого человека — странная: семинарист, поступивший потом в духовную академию, затем перешедший через Демидовский лицей в Археологический институт Калачева, вольный слушатель Академии Художеств. Потом монах и ориенталист»¹⁵².

После вторичного приезда в Китай о. Алексей, выполняя привычные для миссионера обязанности при Российской духовной миссии в Пекине, 15 мая 1897 г. участвовал в торжественной церемонии по случаю открытия в китайской столице Русско-Китайского банка, одна из целей которого заключалась в финансировании строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) на территории Маньчжурии. Один из тогдашних руководителей этого банка — китаист Д.М. Позднеев в заметке, написанной им по поводу столь

¹⁵¹ См.: Сокращенный каталог названных книг, периодических журналов, альбомов и проч. походной библиотеки А.Н. Виноградова, бывшего иеромонаха Алексея // РГБ, НИОР, ф. 52, картон 56, ед. хр. 2, л. 1–3.

¹⁵² Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. Архив, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 25 (Письмо без даты. Год установлен по письму Ю.Д. Галько-Грынцевича от 26 февраля 1896 г. из Троицкосавска к Н.М. Мартыанову, где, в частности, имеется такая строка: «На днях мы ожидаем приезда из Урги супругов Клеменц»).

замечательного события, сообщал о том, что в 12 час. дня «иеромонах о. Алексей Виноградов совершил молебен и окропил св. водою все новые постройки»¹⁵³. В другой корреспонденции, подписанной им также псевдонимом Дим, видный востоковед следующим образом характеризовал упомянутого члена Пекинской духовной миссии:

«О. Алексей Виноградов — человек с высшим образованием: он — юрист и окончил курс в Ярославском Демидовском лицее. В настоящее время ему исполнилось 50 лет. Это в высшей степени симпатичный и скромный труженик-идеалист, жертвующий своему идеалу и своим здоровьем, и своими скромными средствами. О. Алексей проникся идеей проследить пути проникновения христианства в среду народов на Востоке, а также представить историю Библии на Востоке... Свой обширный труд о. Алексей издал сам на свои скромные средства... Затрагив на издание 7 тыс. руб., о. Алексей продолжает и далее работать...»¹⁵⁴.

Юбилей В.П. Васильева, отмеченный общественностью России (в 1897 г.), подал иеромонаху Алексею Виноградову мысль обратиться к юбиляру с поздравительным письмом, но с опозданием на два года из-за плохой осведомленности обитателей Оптиной пустыни.

На это указал В.П. Васильев в своем ответном письме, частично приводимом ниже:

«Касательно же Вашего поздравления скажу, что Вас ввели в заблуждение газеты. Мое 60-летие было 2 года тому назад: 16 июля 1897 г., поскольку мне зачли в службу все года с окончания мною курса в Казанском университете, так как еще до того был назначен Министром Народного просвещения к отправлению в Пекин, но само зачисление случилось после, а Министерство Иностранных дел зачислило меня с ноября 1839 г.

Очень порадовало меня, что Вы продолжаете трудиться, или возиться с нашей китайщиной! Плохо нас понимают и ценят. Не так бы следовало изучать сопредельные нам восточные языки. Но над нами потешаются всезнайки, заручившись прежде всего французским, а ныне английским языком! Нас кладут на Прокрустову кровать!

Не увидимся ли когда? Во всяком случае остаюсь, поручая себя Вашим молитвам.

Ваш преданный слуга В. Васильев.

P.S. Что касается до своих шпаргелов, чтобы Вам послать, пока не знаю, как это лучше сделать»¹⁵⁵.

Если духовная поддержка со стороны маститого востоковеда вдохнула новую энергию в научные занятия А.Н. Виноградова, то тревожные вести из Китая о разорении Северного подворья Пекинской духовной миссии и частичном истреблении её обитателей повстанцами-ихэтуанями в 1900 г. повергли невольного отшельника Оптиной пустыни в глубокое отчаяние. Осо-

¹⁵³ Новое время, № 7679 (15/27 июля 1897 г.).

¹⁵⁴ Новое время, № 7621 (17/29 мая 1897 г.).

¹⁵⁵ РГБ, НИОР, ф. 52.

бенно удручали его непоправимые последствия вспыхнувшего при нападении на миссию повстанцев и правительственных войск пожара, во время которого сгорели бесценные сокровища ее библиотеки, поскольку он не только прикасался к ним, но и описал их в своих публикациях. 20 декабря 1901 г. А.Н. Виноградов писал по этому поводу В.Л. Комарову из Оптиной пустыни:

«Скорблю сильно о величайшей потере сокровищ Пекинской библиотеки, собранных просвещенными русскими людьми и членами миссии в течение 200 лет. Уверен, что даже Мукденская императорская библиотека, доставшаяся русским с боевою славою как трофей победы, едва ли имеет многие экземпляры, погибшие навсегда при пожаре и разграблении нашей миссии»¹⁵⁶.

Последующие годы жизни А.Н. Виноградова (вплоть до Первой мировой войны) прошли под знаком подготовки к печати материалов, собранных в Китае во время двух поездок в Пекин. Сохранившиеся фрагменты дополнительных (23-х) приложений к первому тому его миссионерского отчета «История Библии на Востоке», вышедшего в свет в 1889–1895 гг. и содержавшего только семь приложений¹⁵⁷, позволяют говорить, что они были подготовлены к печати к февралю 1913 г. Хотя ученому удалось договориться с владельцем частной типографии в Козельске об издании 400 экземпляров своего труда, этот замысел реализовать ему не удалось, возможно из-за наличия других заказов или отсутствия денежных средств¹⁵⁸.

Основу китайской коллекции Восточного института, открытого в 1899 г. по инициативе С.Ю. Витте, составили книги, привезенные преподавателями А.В. Рудаковым и П.П. Шмидтом из командировки в Северный Китай и Маньчжурию. Среди первых китайских сочинений оказался и историко-географический труд под названием «Цзилинь тун-чжи» («Описание провинции Цзилинь»), присланный Н.И. Гродековым, командующим русскими войсками на Дальнем Востоке, из г. Цзилиня (Гирина) в 1900 г. для перевода на русский язык. Этот труд, изданный на китайском языке в 1899 г. в 449 томах и в 100 экземплярах, был частично переведен на русский язык А.В. Рудаковым и издан в 1904 г. в «Известиях Восточного института».

Значительное место в китайской коллекции института занимали издания классических книг с комментариями как ранних, так и более поздних китай-

¹⁵⁶ РГБ, НИОР, ф. 52.

¹⁵⁷ Перечень 23-х приложений («артиклей») см.: *Чигринский М.Ф.* О синологических занятиях А.Н. Виноградова (Алексия) в Оптиной пустыни // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991 с. 134–136.

¹⁵⁸ Социальная напряженность в России, усилившаяся в период русско-японской войны 1904–1905 гг., не обошла стороной Оптину пустынь. Указом Калужской духовной консистории от 3 мая 1904 г. А.Н. Виноградову было запрещено участвовать в священнослужении, причем настоятель монастыря архимандрит Ксенофонт (Василий Клюкин) получил указание установить за ним «строгий надзор», т.к. китаист-отшельник кому-то показался человеком «неопределенного настроения». См.: Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. 903, оп. 1, д. 294, л. 4.

ских авторов, законодательных актов Цинской империи, сборники докладов известных китайских администраторов и политических деятелей (Цзэн Го-фаня, Цзо Цзун-тана, Чжан Чжи-дуна и др.), династийные истории и энциклопедии. Не исключено, что в эту коллекцию Восточного института попали книги из библиотеки известного китайского дипломата и государственного деятеля Ли Хун-чжана, которую удалось спасти от пожара в китайской части г. Тяньцзиня в период восстания ихэтуаней благодаря решительным действиям слушателя военных курсов Восточного института Дмитриева.

Как известно, действия иностранных войск (особенно Германии), принимавших участие в подавлении восстания ихэтуаней (1898–1901), в отличие от российских порой отличались жестокими насилиями и грабежами в отношении китайского населения. Что касается присвоения иностранцами национальных ценностей Китая, особенно в районе Пекина, то об этом позволяет судить, например, газетная корреспонденция, появившаяся весной 1908 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости», где по этому поводу говорилось:

«Американские газеты сообщают о более чем странном аукционе, имевшем место в Нью-Йорке. В году боксерской смуты в американской миссии беззащитно и открыто собирались предметы искусства, добытые европейцами при ограблении богатого Пекина. Ныне вдова бывшего посланника Соединенных Штатов в Китае Конгера распродала богатейшую восточную коллекцию (!!) покойного мужа. В числе покупателей был главный музей (Metropolitan Art Museum) и музей Пибоди в Массачусетсе (Peabody Museum of Salem). Из отдельных вещей [проданных на аукционе] обращает на себя внимание колокол, взятый европейцами из [пекинского] Храма земледелия во время боксерского восстания 1900 г. Колокол отлит из бронзы с примесью, [благодаря чему] отличается необыкновенно красивым блеском; он вышиной в 12 дюймов, в диаметре — 9,5 дюймов. Колокол относится к периоду правления Кан-си (с 1662 по 1722 г.). В него звонили только раз в году, когда император, считающийся преимущественно отцом и покровителем всех земледельцев, согласно обычаю, публично вспахивал клочек земли...

Затем очень интересны (еще бы — !) приобретенные одним музеем такие предметы, как старинная бронзовая чернильница, бронзовое полированное зеркальце, относящиеся к эпохе [китайской династии] Мин, и другое — по-больше упомянутого, медный старинный ковш для согревания вина»¹⁵⁹.

Для сравнения действий иностранцев и россиян в период восстания ихэтуаней можно привести факт спасения дворцовой библиотеки в Мукдене русским отрядом. Об этом свидетельствует следующее газетное сообщение: «Лучшие магазины и дома сожжены. Служащие, находившиеся в древнем богдоханском дворце, вероятно, с помощью [китайских] солдат [поддержавших повстанцев] разграбили дворец и уже приготовили материал (хворост) для сожжения дворца и его драгоценной библиотеки... Если Мукден не разорен и не уничтожен ки-

¹⁵⁹ С.-Петербургские ведомости, № 47 (27 февраля/11 марта 1908 г.), с. 4.

тайскими солдатами, то лишь благодаря быстрому вступлению в город авангардного отряда во главе с начальником штаба полковником Артамоновым»¹⁶⁰.

Данное событие повторяется в указанных деталях и в другом номере этой газеты (№ 256 от 21 октября) со ссылкой на «Правительственный вестник», где дополнительно сказано:

«30 сентября организовано окончательное управление городом [Мукденом]... Удалось спасти трон императоров маньчжурской династии, а также богатейшую библиотеку, где много разных рукописей и картин. Всё это ныне тщательно и строго охраняется».

Китайские старопечатные книги-ксилографы, осевшие в библиотеках различных учреждений России и нередко частных лиц, преимущественно китайцев, можно ныне найти чисто случайно, как и рукописи на восточных языках. Об их принадлежности какому-либо учреждению или отдельному лицу иногда позволяют судить старые печати (круглые, овальные, квадратные и прямоугольные) либо экслибрисы. Так, для китайской коллекции Иркутского университета характерна старая печать Иркутской мужской гимназии. Над описанием китайских и маньчжурских книг в разные годы работал специалист по маньчжурскому языку Б.К. Пашков, которому удалось обработать большую часть коллекции, состоявшей (судя по названиям) по преимуществу из публикаций на маньчжурском языке. Что касается книг-ксилографов на китайском языке, то они представлены здесь весьма скромно. Пожалуй, достаточно упомянуть лишь три книги такого рода, а именно: «Дай-Цин чжун-вай и-тун ди-юй цюань-ту» («Полное географическое описание Цинской империи») (в 16 книгах [цэ], уложенных в деревянном ящике), «Цзянь-бэнь Ши-цзин» («Ши-цзин» с комментариями Чжу Си) (в трех книгах — с первого по восьмой цюань), и «Тан-ши сань-бай чжу-ши» («300 стихов эпохи Тан с комментариями»).

Небольшой коллекцией старопечатных книг (из восьми названий) обладает Уральский государственный университет. Описанием книг пытались заниматься энтузиасты-библиофилы, которые, к сожалению, не опубликовали каталога, позволяющего судить о ее характере и ценности.

Разумеется, ограниченный объем нашего обзора не мог вместить все частные коллекции россиян, особенно многих дипломатов, служивших в цинском Китае. Практически каждый из них, даже не зная хорошо китайского языка, обладал личной библиотекой из словарей и китайской литературы. Об этом свидетельствуют и предметы рабочих кабинетов дипломатов и списки их личного имущества, в которых нашли отражение памятные события не только их личной жизни, но и государства, в котором они были аккредитованы.

Подводя итог предложенному выше довольно краткому обзору формирования фондов китайских книг в библиотеках различных государственных учреждений России, вобравших в себя как казенные, так и частные коллекции, не можем не повторить при нашей характеристике и оценке суждение

¹⁶⁰ Приамурские ведомости, № 360 (19 ноября 1900 г.), с. 12.

В.П. Васильева, высказанное им еще в 1857 г. в «Записке о восточных книгах в С.-Петербургском университете»:

«Мы перечислили только главные сочинения во всех видах, не упомянув ни слова о множестве лексиконов, которые часто вмещают по несколько сот сочинений, относящихся ко всем родам [китайской] литературы. Иногда сочинения, вошедшие в сборник, занимают даже несколько томов. С первого раза собрание, вывезенное [из Пекина], [внешне] не представляется огромным, судя по тому, что количество названий книг не доходит даже до 500, [а] Академия Наук имеет вдвое больше [книжных] заголовков. Но дело [оказывается] состоит в том, что мы *приобретали как главные многотомные издания, тогда как составители других библиотек [или коллекций] довольствовались мелочами, не пользующимися известностью...*

У нас имеется всего лишь более 20 сборников (125 томов), и только в главных из них мы насчитали более 1000 отдельных сочинений, не говоря уже о том, что такие сочинения, как ... “Хуан-цин цзинь-цзе”, или все собрания по части стихов и поэм тоже [считаются] своего рода сборниками. Следовательно, наш каталог легко мог бы увеличить количество номеров, особенно, если мы не забудем [упомянуть] буддийских и даосских книг»¹⁶¹.

При этом следует учитывать необычайное многообразие китайской литературы, на что также указывал В.П. Васильев. Как крупный востоковед, которому пришлось заниматься многими сюжетами, он говорил:

«У нас очень ошибаются, если думают, что один человек может вполне изучить какую-нибудь страну, тем более Китай. Литература китайская содержит в себе всё — и философию, и историю с географией и законодательством, и сельское хозяйство, и медицину, и драмы и романы, и проч. Для того, чтобы дать справедливый отчет о Китае сообразно с понятиями тех, кому его передаешь, и с оценкой самих предметов, мало того, чтоб, выучившись одному из труднейших языков, прочитать, что на нем пишут, надобно быть еще образованным по-европейски, быть более или менее философом, историком, правоведом, политикоэкономом и т.д.»¹⁶².

Возникновение и формирование восточных фондов в различных ведомственных и общественных библиотеках России, в том числе по Китаю, способствовало росту интереса россиян к странам и народам Востока — их истории, языку, быту и культуре. Этим серьезно занимались не только специалисты-ориенталисты, но и широкие слои творческой интеллигенции, среди которых было немало любителей «восточных древностей» и тонких ценителей восточного искусства народов сопредельных с Россией государств. Представители научных учреждений и музеев с помощью дипломатов и русской церкви активно занимались коллекционированием литературных памятников, восточных рукописей и всевозможных изданий на восточных языках, благодаря чему стали возникать в С.-Петербурге, Москве, Казани и других

¹⁶¹ Русский вестник, 1857, сентябрь — книжка вторая, с. 343.

¹⁶² Там же, с. 146.

городах научные востоковедные центры и общества различного профиля, члены которых с энтузиазмом брались за выполнение поручений, связанных с изучением Востока. Сбором восточных книг и рукописей занимались почти все востоковеды, особенно дипломаты, аккредитованные в странах Востока.

Приходившие из цинского Китая разными путями различные старопечатные книги-ксилографы становились не только предметом изучения в учебных заведениях, но и надежной источниковой базой для новых исследований китаистов, о чем свидетельствуют работы Н.Я. Бичурина, П.И. Кафарова и В.П. Васильева, которых В.М. Алексеев справедливо и образно называл триадой отечественной китаеведения.

Богатая и разнообразная информация в «Дай Цин хуй-дянь» («Своде законов великой династии Цин»), составленного в 1818 г. и опубликованного в 1821 г., позволила монаху Иакинфу (Н.Я. Бичурину) подготовить и издать многие статьи и книги, что является важным и неоспоримым свидетельством огромного вклада российской науки во всеобщее изучение Китая в мире благодаря приобретению старопечатных китайских книг в Пекине, открывших возможность исследователям разных стран глубокого и всестороннего изучения тогдашнего цинского Китая, его материальной и духовной культуры, истории, географии, литературы и этнографии¹⁶³.

Ксилографы и старопечатные книги, приобретенные в Китае, служили надежной источниковой базой для новых исследований не только будущих ведущих китаеведов, но и для студентов при написании курсовых и дипломных работ, а также конкурсных сочинений. Согласно информации, помещенной в газете «Новое время» от 9/21 февраля 1896 г., 8 февраля с.г., когда С.-Петербургский университет отмечал 77 годовщину со дня своего основания, тогдашний ректор П.В. Никитин на торжественном заседании зачитал список 40 сочинений студентов, удостоенных награждения за удачное исполнение письменных работ на заданные им темы. Среди награжденных серебряной медалью оказались два автора П. Шмидт и А. Бельченко, представившие разные сочинения на тему «Судьба Минской династии на юге Китая после 1644 г.»

Примером использования «Юань ши» («Истории династии Юань») может служить дипломное сочинение К.В. Лучича «Действия Китая против Японии при Хубилае», написанное в 1903 г. по теме, предложенной в 1900 г. Н.И. Веселовским, преподавателем истории Востока. На эту же тему подготовил диссертацию С.А. Колоколов о Хубилае по китайским источникам.

¹⁶³ Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Свод законов маньчжурской династии Цин — документальная основа публикаций Н.Я. Бичурина о современном ему Китае // *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002, с. 5–28.

Приложение

Письмо В.П. Васильева к М.Н. Мусину-Пушкину (Пекин, 8 марта 1844 г.)

«*Ши-цзин чжуань-шо*» есть только часть из семи классических книг, изданных с пояснением, утвержденным правительством, и сводом всех толкователей, — таковы: *И-цзин чжэ-чжун*, *Шу-цзин чжуань-шо*, *Ши-цзин*, *Чун-цзо чжуань-шо*, *Чжоу-гуань*, *Ли-цзи* и *И-ли и-су*. Они почти всегда продаются вместе, и по сию пору не мог найти отдельно хорошего издания, указанного мне *Ши-цзина*. Остановливаясь на время покупкой этой книги, я осмеливаюсь ожидать приказаний Вашего Превосходительства, угодно ли будет приобрести для Университета все перечисленные мною семь книг, или если другие уже находятся в библиотеке, или они почтутся не нужными, то прошу покорнейше извинения Вашего Превосходительства, что осмелился беспокоить Вас своим представлением по недоразумению...

Что же касается до исторических записок [*Ши-цзи*], историй: 5 династий (*у-дай*), *Ляо*, *Цзинь* и *Юань*, то хотя их и можно найти в книжных лавках, но это только почти их одних, тогда как они составляют только часть из полного собрания всех подробных историй китайских династий, составленных по официальным фактам после конца каждой династии. Этот огромный сборник, заключающий в себе 80 томов, начинается с *Ши-цзи* и оканчивается историей династии Мин. Он известен под именем «23-х историй» (*Нянь-сань-ши*), и, сколько мне известно, нигде не находится в России, да едва ли он есть и в Европе. Наша Академия Наук, как я слышал, имеет только 21 историю. Сборник, составленный еще при Минской династии, попадающийся и теперь в продаже, но в очень неясных оттисках. Есть еще более древний сборник *Цзи-гу-чэ*, содержащий в себе 17 историй, но он наполнен ошибками. Настоящий же сборник издан в первый раз в правление [Хун Ли под девизом] Цянь-лун в 1739 г. и отличается от прежних как великолепием издания, безгранностью текста, так и прибавлением двух новых историй древней Танской и подробной Минской, причем последняя в 19 томах. Экземпляры этого издания составляют теперь редкость, и во всех лавках оно продается в настоящее время только как один [том] и то с двумя томами дурных оттисков. Но никак нельзя купить его менее, чем за 650 рублей серебром, тогда как настоящая цена, показанная в казенном каталоге, не доходит и до 300 рублей. Этот же сборник, перепечатанный в начале царствования [нынешнего] императора, весь распродан, но он по печати хуже прежнего потому, что доски не вырезывались новые, а поправлены из старых, сделанных в годы Цянь-лун. Экземпляр, который я видел, был так дурен, что на многих страницах совсем нельзя было разобрать ни одной буквы [иероглифа]. В настоящее время приготовлено третье издание 23-х историй и в нынешнем году поступит, как уверяют, в продажу. Тогда, если издание будет хорошее и не слишком дорогое, я постараюсь приобрести его для Университета. Причем издание это имеет преимущество пред цянь-луновским в том, что

в нем исправлены в самом тексте собственные имена 3-х династий: Ляо, Цзинь и Юань, тогда как прежде прилагался особенный словарь поправок и чрез это можно было избавиться от затруднительных справок и от покупки самого словаря. При этом я осмеливаюсь представить Вашему Превосходительству, что покупка книг уважается самими китайцами благодаря их изящной и ясной печати, что здесь почитается роскошью, доступною богачам. Поэтому она не может быть дешева, между тем как цена обыкновенных экземпляров печати, понятной только туземцу, часто гораздо ниже цены наших книг, особливо если взять во внимание, что из здешнего тома выйдет два или три русских. Лучшие оттиски достигают неимоверной цены. Даже книги, уважаемые покупателем, в которых на иной странице нельзя разобрать ни слова, и те чрезвычайно дороги, если на них много покупателей. Так, за указанный мне в каталоге *Тун цзянь цзи лань*, — его единственный экземпляр самой дурной печати теперь просят более 35 рублей серебром, тогда как прежде и хорошие продавались почти вдвое менее.

С *Ци-дань го-чжи* и *Да Цзинь го-чжи*, указанными мне в каталоге, я купил еще *Дун-цзи ши-люэ* и *Нань сун-ши* — отдельные истории 4-х династий: Кидань, Цзинь, Северной и Южной Сун — потому, что эти четыре сочинения составляют собой особенный сборник, известный под именем *Сы-чао бе ши* (частные истории четырех династий, принадлежащих к одной эпохе). *Си-цин гу-цзянь* — описание разных древностей — теперь нигде нет в лавках, и во всяком случае цена его за четыре тома чрезвычайно дорога. Экземпляры, купленные для Петербурга, стоили не менее 70 рублей серебром, и потому я не осмеливаюсь купить, если встречу это издание, без особенного разрешения Вашего Превосходительства.

Географические сочинения, перечисленные в каталоге, мною куплены. Из них *Шэн-цин тун-чжи* вместо старинного издания (в двух томах) мною куплено новейшее и подробнейшее в 8 томах. Покорнейше прошу разрешения Вашего Превосходительства на покупку и других специальных описаний [дифан чжи] каждой провинции, изданных отдельно. Они содержат в себе богатые материалы по всем частям, притом и цена их довольно сходная — с небольшим рубль серебром, а иногда и менее за том. Я уже купил из них некоторые [дифан чжи]: *Сычуань-тун-чжи*, *Чэн-дэ фу-чжи* и проч. В библиотеке Университета уже находится *Дай-Цин и тун-чжи* — полная география всего Китая, но мне не известно, какого издания, если первого, то в 1764 г. было другое в 500 главах, вместо прежнего в 320. Экземпляры этого второго издания нигде не встречаются и даже нет у нас в здешней Пекинской библиотеке [духовной миссии], но в прошлом году было опубликовано сообщение об указе нынешнего императора [Мянь-нина, правившего под девизом Дао-гуан] об окончании вновь (по его приказанию) составленного третьего издания географии в 560 главах [цзюанях] и может быть в нынешнем году она появится в продаже. Не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству приказать мне купить эту книгу, так как библиотека Университета не имеет такого важного сочинения, касающегося законодательства, обрядов и географии, каково *Дай-Цин хуэй*

дьянь, кроме первого издания на маньчжурском языке [1690 г.]. Я приобрел для Университета вновь вышедшее уложение министерства финансов [*Ху-бу цзэ-ли*] (в 10 томах). Может быть, почтется нужным приобретение уложений и других министерств: они не дороги.

Меня весьма озадачивает, что в присланном [из Казани] каталоге не поименованы сочинения, каковы из них: *Тун-жи*, написанная Чжэн Цзяо, *Тун-дьянь*, соч. Ду Ю, и *Вэнь-сянь тун као* — Ма Дуань-лина (точнее: Ма Дуань-линя. — А.К.) — известные вообще под именем 3-х энциклопедий [*Сань-тун*], богатые материалами по всем родам быта китайцев в историческом развитии. Я считал их необходимо нужными пособиями, как для своих занятий, так и для Университета, в котором при мне не было этих сочинений. Почему я и купил их задолго до получения (упомянутого) каталога. Может быть, они уже находятся в библиотеке, и Ваше Превосходительство, может быть, сочтете не нужными приобретенные мною экземпляры. Во всяком случае я не поколеблюсь вычеркнуть их из каталога, хотя цена их для меня была очень значительна, и я не купил бы для себя таких хороших изданий. По этой же причине я остановился покупкой уже сторгованного было мной единственного экземпляра, который нашелся во всех лавках: *Сюй сань-туна*, или продолжения упомянутых трех энциклопедий, доведенного до начала настоящей династии, которая описана в особом сочинении: *Хуан-чао сань-тун*. С нетерпением ожидаю приказаний Вашего Превосходительства касательно этих книг. Впрочем, чтобы впредь отстранить от себя упрек в покупке ненужных книг, я просил г. начальника [духовной] миссии [архимандрита Поликарпа] о препровождении в Университет с настоящею почтою каталога всех существующих в Китае книг с кратким их описанием. Я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство предложить г-ну профессору китайского языка [Даниилу Сивиллову], с которым я занимаюсь только стороной, хотя не без особенного удовольствия, указать мне по этому каталогу сочинения, которые он почтет нужным приобрести. Новых сочинений, появившихся после выхода этого каталога, немного, и, насколько я мог отважиться, покупал некоторые из них. Другие поименованные сочинения, но существовавшие в рукописи, вышли после в свет в особых сборниках. Я купил один из них в 20-ти томах; может быть, приобрести и продолжение его (также в 20-ти томах), вышедшее в прошедших годах. Я давно уже купил для Университета главный каталог в 19 томах, заключающий в себе подробный отчет о книгах. Это сочинение довольно редко, и его еще нет в России. Затруднения с пересылкой заставили меня отложить отправление его до другого раза, а посылаемый Ун-гом каталог, который мне и указано было купить, есть только в сокращенном виде.

Книги медицинские и касающиеся сельского хозяйства почти все куплены, равно как и два лексикона. В Китае особенно уважаются два энциклопедических лексикона: *Пэй-вэнь юнь-фу* и *Пянь-цзы лэй-бянь*, по обширности толкований на каждое слово. Хотя они особенно необходимы для своеобразного обучения китайцев, но, может быть, не мешает иметь их и в России для тон-

чайшего изучения языка. Только эти сочинения так же, как и *Юань цзянь лэй хань* — энциклопедия по предметам (каждое в 20-ти томах), чрезвычайно дороги, и лучшие издания превышают сумму [продажи] в 200 рублей серебром.

Касательно [покупки] буддийских, или фоевских, книг на китайском языке, то из указанных мне книг, которые, впрочем, самые замечательные, я еще ни одной не приобрел. Здешние книготорговцы совсем не занимаются этой частью или то, что у них в ходу, не имеет для нас особенной важности и во всякое время может быть куплено. В библиотеке нашей миссии находится полный сборник всех известных буддийских книг в 764 томах (по 10 книг в каждом). Он был куплен при прежнем составе миссии за очень дешевую цену, тогда как теперь мне предлагали продать такой же экземпляр за 1000 лян или 2000 с лишним рублей серебром. Хотя у нас эта цена, может быть, показалась бы и не весьма дорогой, но я не мог и думать об этом, имея в виду приобретение экземпляра тибетского Ганчжура и Данчжура, для чего у меня не хватило бы денег. Впрочем, упомянутое мною издание принадлежало ко времени правления Хун Ли под девизом Цянь-лун, хотя оно и великолепно, но не совсем удобно [для транспортировки] по своей громоздкости и формату книг в складках. Есть старое издание времен Кан-си, оно всего в 330 томах; хотя содержание то же, напечатано оно компактнее. Я и теперь имею в виду один такой экземпляр, за который понадобилось бы заплатить не более 600 руб. серебром, но всё еще не решаюсь, опасаясь того, как покажется это Вашему Превосходительству. Впрочем, в разные времена я купил до 60 различных томов из числа буддийских книг на китайском яз. и со временем надеюсь еще более увеличить это собрание.

Хотя я и не занимаюсь маньчжурским языком, но если при Университете, как я слышал, учреждается кафедра этого языка, то не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству приказать мне покупать и другого рода сочинения, помимо указанных в каталоге, потому что маньчжурские книги год от года становятся реже и дороже и вообще цена их всегда превышает стоимость китайского подлинника, с которого они переведены. Недавнее же распоряжение здешнего правительства о поощрении занятий по маньчжурскому языку еще более повысило их цену.

Уложение палаты внешних сношений для туристанцев, равно как и другие сочинения, изданные цинским правительством на монгольском языке я отыскивал с самого приезда в Пекин и до сих пор не мог их встретить. В прошлом году вышло новое пространное уложение Трибунала (Лифаньюань) для монголов — не угодно ли будет приказать купить это сочинение на всех трех языках, китайском, маньчжурском и монгольском?

Что касается до тибетских сочинений, то я постоянно не упускал из вида приобретать всё, что было с моей стороны возможно. Всё, что находится в здешних лавках и заслуживает внимания, мною давно уже куплено, и это собрание далеко более того, указанного мне в каталоге [Университета]. Только некоторых сочинений, напечатанных вне Пекина, я не мог отыскать. Из них история буддизма в Индии, сочинение Даранаты, мне помнится, уже

находится в Университете. Так как я имел в руках подлинник, напечатанный в Тибете, и сделал из него подробные выписки, то почел излишним списать с него копию, потому что, сличая его с сохранившимися у меня отрывками собственного моего перевода на монгольском языке, сделанного в Казани (с экземпляра, поступившего в библиотеку), я твердо уверился в тождестве этого сочинения с полученным от [преподавателя] Никитуева. Мысленное путешествие в Шамбалу — дорожник, заключающий в себе географический обзор Индии, у меня находится в рукописи. На сих днях я только достал более полную географию Индии, оставшуюся в рукописи после покойного хутухты Минчжулы, который, сверяясь с европейскими картами, выписал все, что мог найти об этой стране написанного в тибетских книгах. Надеюсь для буддийской археологии здесь встретить что-нибудь новое и неизвестное. К несчастью, географические описания того же хутухты Тибета и Монголии, где он мог говорить еще с большим знанием дела, дошли до меня только в обрывках, и нет никакой надежды отыскать целый подлинник. История буддизма в Монголии давно уже заказана мной в Монголии, но до сих пор не получал её. Впрочем, я читал эту книгу. Она включает в себе немного нового, и если не отыщется печатный экземпляр, то я имею случай переписать копию. Я имею в рукописи историю буддизма в Китае на тибетском языке, а также несколько других сочинений, печатанных в самом Тибете, как, например: распространение буддизма в Индии и Тибете, сочинение знаменитого Пу-Дона, заключающее в себе и литературные сведения, изложение философских систем как буддистов, так и браминов; сочинение одного хутухты в Амдо, кроме подобного же сочинения, составленного здешним Джанчжа-хутухтой, и многие другие. Но все эти книги не могут составить ничего полного без приобретения двух самых существенных книг как в литературе буддизма, так и в тибетском языке, это Ганчжур и Данчжур. С самого моего прибытия в Пекин я разыскивал все такие средства, чрез которые можно выгодно достать эти два сочинения. Так как такое приобретение не может обойтись без жертвования больших сумм, тем больше требовалось от меня соблюдать осмотрительность, как ни нетерпеливо желал я скорее приобрести книги, столь необходимые для меня в моих занятиях. Однако ж желание согласить свои потребности с выгодами Университета до сих пор меня останавливало. В одной из здешних кумирен уже несколько лет лежит подлежащий продаже экземпляр Ганчжура и Данчжура, привезенный из Тибета, но он напечатан на чрезвычайно дурной бумаге и притом подмочен. Что же касается до печати, то даже образчик, который мне показывали в некоторых местах, очень трудно разобрать. К тому же подобный экземпляр, вывезенный одним из провожавших нашу миссию и купленный на промен лошадей, оцененных им в 1200 лян, заставляет продавца не уступать нисколько в цене так, что едва ли можно получить согласие его менее, чем за 2000 руб. серебром. Между тем казенное пекинское издание буддийско-ламских книг несравненно отличается от всех печатанных в Тибете, как чистотой шрифта и великолепием печати, так и са-

мой бумагой... Я обращался ко всем лицам, к которым имел доступ, не отыщется ли где-нибудь продажный казенный экземпляр, но до сих пор несмотря на все мои усилия никто не сообщил мне приятной вести. Доски же, с помощью которых напечатано было небольшое количество экземпляров, раздаренных императором, хранятся теперь без употребления в дворцовых кладовых.

В конце января этого года г-н начальник [духовной] миссии по убедительной моей просьбе обратился с бумагой в Лифаньюань, не прикажет ли император напечатать для нас экземпляр, но за наступившими вскоре после этого китайскими праздниками и до сих пор не получено ответа, и теперь нельзя еще ни за что ручаться, — равно нельзя сказать и о цене, хотя здешнее правительство, судя по цене других книг, кажется, не извлекает отсюда никаких выгод. Впрочем, если только выдадут книги, то можно утвердительно сказать, что они достанутся выгоднее, чем всякому другому лицу, которое никак не может избежать значительных подарков в Лифаньюане, без чего одна только наша Миссия до сих пор была избавлена. Если же и эта последняя попытка не удастся, то я не знаю больше никакого другого средства, как обратиться к продавцу экземпляра, привезенного из Тибета, или подождать прибытия нового каравана из этой страны в следующую зиму.

Относительно пяти буддийских книжек с санскритским текстом, печатанных в Пекине, я просил о. Архимандрита также переслать [в Казань]. К ним присоединил еще одно название книги, не помещенное в присланном мне каталоге. Другие рукописи на санскритском языке здесь трудно встретить и еще труднее ручаться за верность работы переписчиков, несколько не знакомых с языком. *Цзи-ло* и тибетско-санскритский словарь у меня есть, причем последний в рукописи, но я не могу их представить Университету прежде своего выезда, потому что первый полезен мне для сличения китайско-буддийской терминологии с тождественного и знакомого мне тибетского, последний же необходим для меня для восстановления собственных санскритских имен, которые в тибетских книгах встречаются всегда почти в переводе.

Чувствую, что я утомил Ваше Превосходительство таким длинным перечнем названий книг, из которых выпустил еще многие, но я осмелился причинить Вам беспокойство из необходимости получить приказания и наставления Вашего Превосходительства

Честь имею быть
Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

В. Васильев¹⁶⁴.

¹⁶⁴ См.: НАРТ, ф. 92, оп. 1, д. 4814 (автограф).

Глава вторая

Китайские книжные фонды в России в XX в.

История русско-китайских дипломатических и торговых отношений, тесно связанная с приобретением китайских книг и книгообменом, до и после 1917 г. всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых. Об этом свидетельствуют и многочисленные статьи, и серьезные монографические исследования, и солидные по объему и содержанию публикации архивных документов. Гораздо меньше исследователи обращались к истории деловых и культурных контактов между народами двух соседних стран в различных сферах хозяйственной и творческой деятельности, особенно в области книговедения. Применительно к указанному нами периоду отдельные вопросы культурных связей рассматривались преимущественно в плане международного обмена достижениями в области литературы, театра и изобразительного искусства, причем книгообмену уделялось значительно меньшее внимание.

Не исключением в этом плане была и вышедшая в 1974 г. книга А.С. Цветкова «Советско-китайские культурные связи», которая, судя по подзаголовку, представляла собой исторический очерк, не претендующий на исчерпывающую полноту того или иного вопроса. Данный очерк в значительной мере посвящен не 30–40-м годам XX в., связанным с героической борьбой китайского народа против японской агрессии, а последующему 25-летнему периоду существования Китайской Народной Республики (со времени ее образования 1 октября 1949 г.). При всей ценности использованных автором китайских материалов и концептуальных выводов эта публикация своими критическими оценками политики тогдашнего руководства КНР порой больше напоминает памфлет, нежели научный труд, выдержанный в духе академических традиций. Разумеется, полемический тон данного исследования, столь присущий многим публикациям по текущей политике КНР, появившимся в период противостояния СССР с Китаем, не снижает ценности проделанной автором работы, особенно в историографическом отношении — при общей оценке и характеристике работ по истории КНР, написанных под влиянием серьезного конфликта, возникшего в 60-х гг. XX в. на почве идеологических разногласий КПСС и КПК в решении общих международных проблем, порой без учета того, что народы обеих стран издавна и взаимно питали друг к другу дружеские чувства.

Если обратиться к конкретным проблемам, не получившим в упомянутой книге достаточного освещения, то среди них следует прежде всего выделить вопрос о международном книгообмене, игравшем исключительно важную роль в налаживании культурных контактов между людьми сходных профессий, специалистами в той или иной области знаний, о чем свидетельствуют как изданные в Китае книги, так и архивные материалы различных ведомств и общественных организаций России.

§ 1. Научная деятельность В.М. Алексева (до и после 1917 года) и его вклад в расширение книгообмена Советской России и республиканским Китаем в 30-е годы XX века

Возвращаясь к истории восстания ихэтуаней в цинском Китае, следует внести в нее небольшое дополнение соответственно избранному нами сюжету.

Вступление русских войск на территорию Маньчжурии в 1900 г., спровоцированное длительным обстрелом китайской артиллерией г. Благовещенска, сопровождалось не только их успешными военными действиями, но и своевременными актами спасения китайских архивов, которые цинские чиновники пытались предать огню перед своим бегством. В руках россиян оказались не только архивные документы, но и отдельные экземпляры китайских книг, брошенные жителями крупных городов и других населенных пунктов Маньчжурии перед приближением к ним российских отрядов. Если материалы цинских архивов (например, Цицикара и других городов) после прекращения военных действий (необъявленной Китаю войны) стали предметом последующего изучения в Восточном институте во Владивостоке, то одиночные экземпляры китайских книг, случайно поднятые с пола брошенных домов, впоследствии попали в различные музеи России в качестве антиквариата, интересного лишь узкому кругу специалистов, чаще всего знакомых с китайской письменностью. Одна такая книга на китайском языке попала, например, в краеведческий музей г. Калуги.

В период Первой мировой войны (1914–1918) и особенно после Октября 1917 г. на ниве отечественного китаеведения активно трудился и пользовался наибольшим авторитетом среди своих коллег Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), будущий академик-китаист (с 1929 г.), литературовед и переводчик. Он родился в С.-Петербурге в бедной семье рабочего военного завода. Мать — Мария Густавовна Сидрон происходила из мещан г. Луга Петербургской губернии. Из-за гражданского брака родителей мальчика считали незаконнорожденным. Среднее образование ему удалось получить в Кронштадтской гимназии, куда его приняли после смерти отца в 1892 г. в качестве «казеннокоштного» ученика.

По окончании гимназии с серебряной медалью Алексева в 1898 г. приняли в С.-Петербургский университет без платы за обучение по ходатайству директора гимназии и его личной просьбе. Аккуратно посещая занятия на факультете восточных языков, где тогда еще преподавали китайский и маньчжурский языки видный востоковед акад. В.П. Васильев и его ученик А.О. Ивановский, а также Д.А.Пешуров, Алексеев успешно окончил университет с дипломом I-й степени, благодаря чему его оставили на кафедре китайско-маньчжурской словесности с целью подготовки к профессорской должности.

Уже в ранние годы самостоятельной научной деятельности в нем пробудился большой интерес к китайской книге. Об этом свидетельствовали его первые публикации 1902 г. в «Известиях Академии Наук», а именно: «Список китайских книг, поступивших в Азиатский музей из наследства д-ра Э.В. Брет-

шнейдера» и «Список китайских книг, поступивших в Азиатский музей от А.Н. Гудзенко».

В 1905–1906 гг. Алексеев с научной целью посетил Англию, Францию и Германию, где усиленно занимался в востоковедных библиотеках, посещая лекции известных профессоров (например, китаеведа Эдуарда Шаванна в Париже). По материалам командировки в страны Европы он написал первую статью об изучении Китая в Англии, Франции и Германии, опубликованную в 1906 г. в разных номерах «Журнала Министерства народного просвещения», позже изданную в виде брошюры (объемом в 104 стр.).

Особенно интересной и полезной для молодого ученого оказалась поездка в Китай в 1906–1909 гг., когда ему вместе с Э. Шаванном удалось совершить длительное и увлекательное путешествие по Северному Китаю. В это же время он буквально по крохам начал собирать коллекцию ценных материалов по китайскому фарфору и народной живописи. Об изучении китайского языка в этот период позволяет судить его письмо из Пекина от 7 декабря 1906 г. к С.Ф. Ольденбургу (Непременному секретарю Российской Академии наук), приводимое ниже в полном виде:

«Глубокоуважаемый, дорогой Сергей Федорович!

Письмо придет, вероятно, к Новому году. Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и выражаю Вам мои наилучшие пожелания с Новым годом, с Новым счастьем.

Я давно уже собираюсь Вам написать, но иззубрился до того, что не нахожу времени для писания писем. При 12 часах работы в день я всё же недоволен, и завалы неотложных вещей — вещь слишком часто повторяющаяся.

Путешествие мое было очень скверно. Меня больно ударило что-то слепое, но бесконечно злое, и я приехал в Пекин, озлобленный заранее на всё и вся. Я сразу же энергично взялся за работу. [Поэтому] позвольте мне набросать [Вам] план моих начинаний.

Во-первых, по поводу диссертации. Ту часть ее, которая касается наиболее распространенных в народе формул благопожеланий, основанных на древних изречениях и кондициях фольклора, можно будет сформулировать уже в Пекине. Но что касается понимания занимательных формул, то здесь дело осложняется. Я, кажется, поеду в [провинцию] Шаньдун, в одно из знаменитых гнезд исступленного и философствующего даосизма. Там я буду заниматься тем, к чему давно уже клонится вся моя мысль, — даосизмом. До сих пор я тщательно избегал его недр. Но в Китае я, кажется, самым положительным образом на нем остановлюсь. Надо Вам сказать, что я совершенно убежден в том, что конфуцианство есть лишь разжижающий и разжиженный, фальшивый и приторный комментарий к школе Великого Дао. Конфуцианство — это кошмар рабов, ослепленных блеском мысли, проникающей в бесконечность. Жалки исследователи, накропавшие на разных языках тысячи трактатов, выставяя конфуцианство как *née* [рожденное] *plus ultra* китайского мышления. Они при-

няли часть за целое и частичное подражание за гениальную идею. *Одним словом, я убежден, что без добросовестного изучения Дао нельзя ничего понять во всей китайской литературе.*

В Шаньдуне есть много людей, всю жизнь свою занимающихся Дао; попробую из таких высосать кое-что. Авось — уразумею!

По мере того, как будут крепнуть отделы моей работы, последние можно будет сформировать в отдельные статьи, а там будет видно — удастся ли остальная часть.

Мне словно мешает недостаток в деньгах. Нужно купить весь справочный инвентарь, а где его возьмешь? Скучная история!

Занятия фонетикой идут своим чередом, [они] — регулярные и последовательные. Торопиться некуда. Занятия разговорным языком хуже всех других, ибо я смотрю на этот предмет как на средство к цели. Чем напряженнее будет моя энергия устремления к цели, тем, разумеется, совершеннее будут средства. Первая книга, прочитанная мною на французском языке, была, кажется, «Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien» (Chavannes), а на английском: Legge. «Chinese Classics».

И всё же я не смею сказать, чтобы я так-таки и успел в английском языке, еще менее во французском.

Первые три месяца всё же усиленно слежу за современной жизнью Китая. Она меня сразила. Китай неузнаваем или будет таковым вскоре. Реформы ошеломляют народ, но быстро и поканчивают с рутинной — в один миг. Масса газет. Пока их не прочитаешь, голова идет кругом. Работаю в этом направлении упорно, но — Бог что ли меня обидел — результаты всё же еще крохотные, жалкие. Мне жаль самого себя.

У меня четыре учителя [сяньшэна] — и всеми я очень доволен. Я всех их заинтересовал в том, что делаю [сам], и опять доволен. Если бы у меня было больше денег и если бы самочувствие мое тряханулось в этот разок для того, чтобы вывести меня из сонной одури слепых исканий начинающего [исследователя], я был бы вполне доволен.

Моя личная жизнь перешла на аккумуляторы воспоминаний. Здешнее общество [кажется] так глупо и мелко, что я счастлив убраться отовсюду во свояси, откуда и не выхожу охотно.

Можно лучше жить, чем я живу, и делать более полезное, чем я делаю. Это я знаю. Но если я напишу формулу моей личности и подставлю числовые величины в закрытые общности [скобки], то увижу без сомнений то, что пословица давно уже знает: выше лба уши не растут.

Позвольте заочно Вас обнять, дорогой Сергей Федорович! Позвольте с живейшим приветом послать Вам уверение в искреннейшей любви к Вам и преданности

Василий Алексеев»¹⁶⁵.

Летом 1911 г. молодой ученый во второй раз посетил с научной целью Англию и Францию, а через год вновь оказывается в Китае. На этот раз маршрут его поездки по Китаю проходит через такие города, как Шанхай, Нинбо, Фучжоу и Гуанчжоу (Кантон), охваченные Синьхайской революцией, в результате которой была свергнута маньчжурская династия Цин (1644–1911) и образована Китайская республика. Второе путешествие по Китаю ознаменовалось не только эпизодической встречей с одним из видных китайских революционеров — Хуан Сином, но и с более полезным в научном отношении знакомством с республиканской литературой. Это видно, в частности, на примере его оценки книги «Гун-хэ сань-цин» (точнее: «Чжун-хуа минь-го гун-хэ Сань-цы-цин», 1912. — *А.К.*) («Троесловие [периода] Республики»): «В этом республиканском катехизисе, при всей грубости состряпанной пародии, есть наивный радикализм, почему-то меня сразу пленивший. Пленил он и многих китаеведов, которым я его показывал». Предполагая, что «при той свободе, которая неслыханным пламенем властвует в китайском, ныне республиканском народе, какие-нибудь бескосые новаторы уже пустили его в обращение» (поскольку автор книги считал возможным рекомендовать ее школьникам), Алексеев выражал беспокойство по поводу того, что «волна увлечением [свободой] перельется через край именно благодаря подобным памфлетам»¹⁶⁶.

После посещения известного в Китае центра буддизма на о-ве Путошань Алексеев направился на юг, в г. Кантон (Гуанчжоу), о чем он письмом из Шанхая сообщил С.Ф. Ольденбургу в августа 1912 г.:

«В Кантоне моей главной задачей является изучение обильного, доставшегося мне в руки материала заклинаний-молитв. Надо исчерпать всё, здесь имеющееся. А я уже надоел всем лавкам и храмам донельзя, в особенности, в настоящее время преследования “предрассудков» (ми-синь). Скоро уже трогаюсь в обратный путь. Примите мой искренний привет.

В. Алексеев»¹⁶⁷.

Работа в библиотеках и музеях Западной Европы и особенно научные командировки в Китай позволили молодому ученому-энтузиасту, отличавшемуся завидным трудолюбием, не только расширить свой кругозор и диапазон научных интересов, но и значительно пополнить свой «китаистический» багаж. Занимаясь преподавательской работой в Петербургском университете (с 1910 г. в звании приват-доцента) и одновременно с 1913 г. исполняя обязанности «младшего ученого хранителя» Азиатского музея, Алексеев серьезно работал над подготовкой собранных им материалов, постепенно вводя в

¹⁶⁵ СПб. филиал АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7 (авт.). — Небольшой пассаж этого письма В.М. Алексеева опубликован его дочерью в 1981 г. См.: *Баньковская М. В.М. Алексеев и С.Ф. Ольденбург* (в высказываниях и характеристиках // Восточный альманах. Вып. 9. Начало пути. М.: Художественная литература, 1981, с. 523–524.

¹⁶⁶ Там же, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 233, л. 60–61.

¹⁶⁷ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 44.

программу своих занятий со студентами сведения о китайской классической поэзии и прежде всего эпохи Тан (особенно произведения Ли Бо). Как видно из его переписки с известным издателем М.В. Сабашниковым, Алексеев даже предполагал сначала издать «образцы китайской изящной прозы», а затем — «образцы китайской поэзии» с последующей публикацией ряда монографий, посвященных отдельным философам, писателям и поэтам. «Если же такая работа моя не удастся, — писал уже известный китаист возможному издателю его грандиозного плана, — я оставлю всё свое время для работ исключительно академических, требующих только интенсивного знания и руководящих философем»¹⁶⁸.

К сожалению, так это и случилось с его проектом, причем, судя по всему, из-за Первой мировой войны. Однако Алексееву удалось написать и издать ценное исследование под названием «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (839–908)». Оно было представлено в качестве магистерской диссертации, защита которой состоялась 20 ноября 1916 г. в здании университета¹⁶⁹. В ходе диспута с официальными оппонентами (А.И. Ивановым и С.Г. Елисеевым) диссертант немало удивил присутствовавших на заседании своей необычной эрудицией и глубоким знанием изучаемого предмета. Вместе с тем, критические замечания оппонентов лишь побудили Алексеева к новым настойчивым и плодотворным занятиям, которые не смогла остановить даже болезнь, надолго приковавшая его к постели. Вот что он писал по этому поводу 3 декабря 1916 г. С.Ф. Ольденбургу:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Заболев при остром приступе ишиаса, я был прикован этою скверной болезнью к постели все это чреватое [военными] событиями время. Неизвестно, когда я смогу выйти из дома, ибо сегодня я всё же не могу сесть [за стол], но в постели уже несколько приподнимаюсь, так что могу держать в руке перо.

Как ни грустна смерть К.Г. [Залемана], этого “рыцаря науки” — по Вашему меткому определению, — однако жизнь сейчас уже вступает в новые формы, и я уже не могу не поздравить себя с новым Директором [Азиатского музея], которым, конечно, будете Вы.

Совершенно новые начала водворятся в Аз[иатском] Муз[ее], и его деятельность закипит так, что и узнать нельзя будет учреждение, бывшее доселе притчей во языцех. С моей скромной стороны я обещаю Вам по долгу и совести всячески, как и доселе, содействовать процветанию [нашего] учреждения, которое меня научно и всячески поддерживает. Не знаю, насколько мои слабые знания и неуверенность [в своих силах] выдержат натиск новых требований, но я отдам их всецело на служение [общему] делу, рассчитывая, как было и до сих пор, на Ваше внимание и неизменно благожелательное ко мне отношение.

¹⁶⁸ РГБ, НИОР, ф. 261, картон 2, ед. хр. 59, л. 6–8.

¹⁶⁹ РГАЛИ, ф. 118, он. 2, ед. хр. 32, л. 218.

Как только я приду в Музей, я сейчас же представлю Вам отчет о состоянии моих работ по его благоустройству, программу дальнейшей деятельности и схему нужных реформ. Буду счастлив получить Ваше одобрение.

После диспута, на котором нападки на мою книгу [о Сыкун Ту], всем обязанную Вашему участию, были, кажется, достаточно отражены, я считаю себя обязанным еще раз поблагодарить Вас за содействие моим запоздалым “лаврам” и просить сейчас же не отказать и в дальнейшем в помощи. Тао Цянь [с его поэзией] теперь быстро проходит сквозь тысячи моих заметок и приближается к торжественному моменту перевода. О работе своей ежедневно беседую с [монголистом] Б.Я. Владимирцовым, человеком, возбуждающим во мне дружбу, любовь и восхищение как человеком исключительным. Много полезного извлекаю из этих бесед. Когда же рукопись будет окончена, разрешите опять вручить ее Вашему попечению с полною готовностью пройти сквозь горнило Ваших критических заметок.

Я поручил вчера жене моей [С.Г. Табориской] передать Вам многое из того, что здесь написал, но на похоронах [Залемана] было слишком много народа и доискаться до Вас ей было не под силу. Прошу Вас принять привет от нас двоих.

Сердечно уважающий Вас В. Алексеев»¹⁷⁰.

Несмотря на серьезную болезнь, В.М. Алексеев продолжал настойчиво заниматься изучением творчества известного китайского поэта Тао Юань-мина (Тао Юань-мина), что видно из его ниже приводимого письма от 31 декабря 1916 г., отправленного С.Ф. Ольденбургу:

«Сильный рецидив болезни (вернее, ее дальнейшее распространение на незадетые пока части тела) опять приковал меня к одру. Сегодня ко мне, может быть, привлекут „специалиста“, который будет энергичнее бороться с моей [нынешней] инвалидностью. [Между тем] приготавлиюсь усиленно к переводу Тао Цяня: составляю предварительно указатели и вижу, какая это колоссальная работа...

В лежачем положении многое оказывается невозможным, не говоря уже о крайнем утомлении глаз. Все это удручает меня чрезвычайно. Боюсь, что мне опять придется пропустить несколько дней, не являясь в музей. Очень и очень извиняюсь.

С сердечным приветом от обоих нас Ваш преданный В.Алексеев»¹⁷¹.

Поглощенный работой над новым сюжетом и желая максимально использовать существующие в Китае и Японии издания сочинений Тао Юань-мина, В.М. Алексеев 18 января 1917 г. направил отпечатанное в нескольких экземплярах обращение к россиянам, работающим либо живущим в этих странах, с просьбой «навести справки — при посредстве туземцев, а в особенности лично о том, какие (за исключением выше перечисленных и описанных) издания поэта Тао Цяня (Тао Юань-мина) могут быть найдены на местном книжном рынке, выяснить их цену, дать приблизительное описание (загла-

¹⁷⁰ СПб. филиал АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 14–15.

¹⁷¹ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 17.

вие, первые слова одной из страниц, число бэней [тетрадей] etc.) и сообщить об этом, хотя бы открыткой, по адресу: Петроград, Азиатский музей имп. Академии Наук». «Издания, уже имеющиеся в Азиатском музее, — предупредил автор необычного обращения, — описаны выше в тех подробностях, которые нужны для отождествления их на первый же взгляд».

«Личная проверка найденного нового издания, — подчеркивал молодой ученый, — весьма желательна, ибо туземец по уговору с книготорговцем всегда может выдать за новое издание одно из вышеупомянутых». «В случае же неимения ни времени, ни желания оказать искомое содействие, — указывалось в этом документе, — В.М. Алексеев покорно просит передать настоящие листы кому-либо из лиц, могущих и желающих ему помочь». При этом в заключительной части обращения указывалось: «Все найденные новые издания предназначаются для коллекций Азиатского музея имп. Академии Наук»¹⁷².

Судя по имеющимся книгам о Тао Юань-мине в бывшей личной библиотеке В.М. Алексеева, можно вполне предположить, что оригинальный способ получения книг, предложенный инициативным китаистом, мог дать положительный результат, тем более что его имя в тогдашнем Китае было уже довольно известным среди специалистов. Вместе с тем есть основания считать, что две революции в России (в феврале и в октябре 1917 г.) не могли не повлиять на ход ее китаеведных исследований, как и других работ по Востоку, особенно в плане тематики. Что касается лично В.М. Алексеева, то в выборе сюжетов и методов их разработки он остался верен себе и своей позиции, на что указывает его последующая научно-исследовательская работа.

Следует отметить, что кроме В.М. Алексеева и А.И. Иванова в С.-Петербургском университете до 1917 г. работали китаеведы А.Е. Любимов и Г.Ф. Смыкалов. Оставленный после окончания Восточного факультета при университете, А.Е. Любимов в 1908 г. посетил Китай, откуда привез немало книг на китайском и маньчжурском языках для факультетской библиотеки¹⁷³. По свидетельству япониста Н.И. Конрада, учившегося в 1908–1912 гг. в этом университете, А.Е. Любимов был одним из немногих преподавателей, пытавшихся в то время придать изучению истории Китая профессиональный характер (на базе архивных материалов с использованием специальных и вспомогательных дисциплин).

Оказавшись в Финляндии для прохождения санаторного лечения, В.М. Алексеев продолжал активно заниматься изучением китайских текстов, о чем говорится в цитируемом ниже его письме от 5 февраля 1917 г. к С.Ф. Ольденбургу:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Сию здесь в полном восхищении от чудесной природы, прекрасной погоды, удобств санатория и вообще полного отдыха. К сожалению, по условиям моего здоровья я могу делать только сравнительно короткие прогулки.

¹⁷² АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, д. 423, л. 50.

¹⁷³ АВПРИ, ф. Китайский стол, 1907–1911, д. 146, л. 37.

В другом же случае я никогда не ушел бы от этого очаровательного леса, яркого снега и всей этой явленной миру чистоты. Здесь все говорят, что зимой Хюванкя гораздо приятнее и интереснее, нежели летом. Эти две недели отдыха мне будут полезнее, чем всё лето.

Лечусь трафаретно, но, по-видимому, особенного метода [лечения] в моем положении еще не придумано, да и врач-то не очень глубок в [своих познаниях по] медицине. Страдаю каждое утро от упражнений массажистки, но так положено, и я верю в необходимость этого [пути] к здоровью.

Читаю разные кит[айские] тексты и доканчиваю серию Romain Rolland'a (Jean Christophe). Мы с Б.Я. Владимирцовым увлекались им летом. Надо будет спросить и Вашего мнения о нем.

По-видимому, я уеду отсюда числа 14-го. К этому времени надеюсь окрепнуть окончательно.

Нагуливаю жиру мало (1 кг в 5 дней), да и [больше] не требуется. Я не лежу, а хоть на короткое время, всё же выхожу погулять, раз пять в день.

Никаких интересных людей здесь нет, зато надоедливых, не знающих, что с собой делать, фигур предостаточно. Всё переполнено: народу 110 человек.

Прошу Вас передать привет моим почтенным коллегам по [Азиатскому] музею.

С глубочайшею преданностью и сердечным уважением Ваш В. Алексеев»¹⁷⁴.

Первые послереволюционные годы научной и научно-педагогической деятельности В.М. Алексеева прошли в тесных контактах с крупным востоковедом-индологом С.Ф. Ольденбургом (1863–1934), сохранившим при новом режиме свой пост Непременного секретаря Российской Академии наук, а также с А.М. Горьким, проявлявшим живой интерес к событиям в соседнем Китае. Благодаря поддержке столь видных деятелей науки и культуры Советской России В.М. Алексееву в 1922 г. удалось наладить выпуск журнала «Восток» и опубликовать в разных изданиях ряд ценных научных статей и переводов (с китайского языка), раскрывающих богатство и достоинства китайской классической литературы. В этих публикациях он показал себя непревзойденным знатоком древнекитайской и средневековой классики, чем снискал глубокое уважение не только широкой читательской аудитории, но и коллег, в том числе наиболее взыскательных и придирчивых ценителей, пользовавшихся известностью в научных и литературных кругах страны.

После Октябрьской революции 1917 г. в России пополнение восточных фондов библиотек вузов и научно-исследовательских институтов осуществлялось как по линии государственного или ведомственного книгообмена, так и путем личных контактов между известными востоковедами. Поскольку из-за границы чаще всего приходили материалы текущей периодики, которыми наиболее пользовались руководители ведомственных учреждений, исследователям, занимавшимся историей, филологией и культурой отдельных стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, нередко приходилось изыскивать

¹⁷⁴ СПб. филиал АРАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 18.

различные собственные пути к приобретению необходимой научной литературы на восточных языках. В этом отношении весьма показателен пример В.М. Алексеева, пользовавшегося для пополнения личной библиотеки и казенных книжных фондов контактами со своими бывшими учениками — питомцами С.-Петербургского университета. Многие из выпускников Факультета восточных языков этого университета, особенно дипломаты и служащие банковских и торговых контор, после драматических событий Октября 1917 г. и гражданской войны в России в силу разных обстоятельств оказались за ее пределами, пополнив собою ряды русской эмиграции. Поддержание с ними регулярных связей даже тем, кто, работая в Советской России, пользовался авторитетом, грозило служебными неприятностями. Опасность оказаться заподозренным в нелояльном отношении к новой власти не помешала В.М. Алексееву пользоваться этим давним каналом связи с Китаем для приобретения книжных новинок по своей специальности. Особенно много писем получал В.М. Алексеев от россиян-китаистов, работавших в разных городах Китая преподавателями либо служащими различных ведомств — от министерства иностранных дел до управлений железных дорог, таможен, банков, почты и телеграфа. После Октября 1917 г. с ним поддерживали оживленные контакты ученые Харбина — правоведы, этнографы, филологи и естествоиспытатели, группировавшиеся вокруг созданного в 1909 г. Общества русских ориенталистов и учрежденного в 1922 г. Общества изучения Маньчжурского края, получавшего на свою научную деятельность субсидии от КВЖД.

Для определения существа профессионального книгообмена такого масштаба китаеведа, как В.М. Алексеев, весьма показательно письмо от 2 февраля 1922 г. бывшего студента ФВЯ Б.С. Серебрякова со станции Маньчжурия, куда занесла его судьба в связи с поступлением на службу в таможенное управление. В этом письме, в частности, говорилось: «Посылаю Вам покуда что только “Цы-юань” [толковый словарь китайского языка] в двух томах, которые прибыли ко мне сюда из Пекина. Другой [заказанный Вами] словарь будет также [выслан] Вам через некоторое время, когда я соберусь с финансами. На счет получения журналов и новейшей литературы [китаист] Я.Я. Брандт [1869–1944] отказывается что-либо приобрести, но я всё же сделаю [заказ] через другое лицо»¹⁷⁵.

После перевода на службу в г. Аньцин (пров. Хубэй) Б.С. Серебряков 9 мая 1923 г. сообщил В.М. Алексееву: «Чувствую себя перед Вами премного виноватым за то, что еще не прислал [заказанные Вами] книги. Причина в том, что я где-то посеял Ваше письмо, в котором Вы писали, что именно Вы хотите [получить]». Сообщая своему учителю о безрезультатных поисках япониста Н.А. Невского (1892–1945) (точнее: 1892–1937. — *А.К.*), с которым поддерживал переписку, Б.С. Серебряков обращался к нему с такими вопросами: «Не могли бы Вы сообщить мне, как я могу приобрести те издания, ка-

¹⁷⁵ СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 720, л. 7.

сающиеся Китая, которые появлялись... с 1914 г.? Как перевести [Вам] деньги и кому? ...Сегодня получил “Памятку Коллегии востоковедов”»¹⁷⁶.

Важной вехой в истории культурных контактов с Китаем стало подписание в Пекине 31 мая 1924 г. Л.М. Караханом и китайскими уполномоченными Ван Чжэн-тином и Гу Вэй-цзюнем советско-китайского договора, предусматривавшего установление дипломатических отношений между двумя соседними странами на уровне посольств. В новых условиях растущих деловых и особенно военных связей важную роль приобрели различного рода командировки россиян в разные города Китая, где для работы советских специалистов, в том числе в китайских войсках, требовались квалифицированные переводчики. Нехватка последних порой покрывалась за счет россиян — студентов вузов и научных сотрудников академических институтов. Так, в 1924 г. сотрудник Азиатского музея Б.А. Васильев (1899–1946) (точнее: 1899–1937. — *А.К.*) по приезде в Пекин для приобретения китайских книг по указанию посла Л.М. Карахана был направлен из китайской столицы в г. Ханькоу для работы в советском консульстве, испытывавшем из-за обилия текущей работы острую нужду в сотруднике, знающем китайский язык. Сообщая директору Азиатского музея С.Ф. Ольденбургу, известному исследователю буддизма, о своих житейских перипетиях, Б.А. Васильев 24 июля 1924 г. писал из Ханькоу: «Здесь на юге буддизм весьма силен, и вот тому пример: официальные власти бесплатно рассылают всем заведениям и желающим — частным лицам набор буддийских, вновь изданных книг на специальной вешалке. Таким путем здешнее научное буддийское общество борется с пропагандой [иностранных] миссионеров. Я приобрел подобный комплект для Азиатского музея». Рассказав далее о пребывании в Китае индийского писателя Рабиндраната Тагора и его публичных лекциях, которыми очень интересовался С.Ф. Ольденбург, Б.А. Васильев счел необходимым завершить данную информацию новым известием о покупке им китайских книг: «На случайно оставшиеся 17 долларов я приобрел 12-томный китайский словарь буддийских терминов... Ах, если бы я имел [больше] денег на закупку книг. Увы, с моим более чем скромным бюджетом приобрести много книг не удастся. А главная трудность — это пересылка: китайская почта не принимает. Придется везти [книги] самому»¹⁷⁷.

В приобретении книг в Китае принимали личное участие и крупные советские востоковеды. В июне 1926 г. в Пекин, согласно регистрации в Посольстве СССР, прибыли китаевед В.М. Алексеев и монголист Б.Я. Владимирцов¹⁷⁸ с целью новых книжных приобретений. Насколько важными для закупки китайской литературы были подобные зарубежные поездки ученых, можно судить по сообщениям тогдашней прессы. Так, «Ленинградская правда» 22 июля 1926 г. писала: «Из Пекина Академией Наук получено письмо от

¹⁷⁶ Там же, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 720, л. 9–10.

¹⁷⁷ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 99, л. 1–2.

¹⁷⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 100, оп. 10, п. 9, д. 11, л. 104.

члена-корреспондента проф. Алексеева о том, что он приступил к закупке китайской литературы для Азиатского музея».

Можно вполне утверждать, что поездка В.М. Алексеева с Б.Я. Владимирцовым в Пекин оказалась успешной в плане приобретения китайских книг и сбора других материалов по Китаю, т.к. они останавливались в гостинице «Отель дю Норд», практически свободной для контактов с местными жителями. Основанием плодотворности их поисков новой китайской литературы могут служить книги на китайском языке (изданные до 1926 г.), попавшие в личную библиотеку В.М. Алексеева.

Из-за отсутствия средств на приобретение китайских книг, а больше опыта языкового общения с коренным населением Китая россияне-стажеры ожидали серьезные затруднения в освоении китайского разговорного языка, т.к. знакомые им по написанию иероглифы в разных провинциях этой страны произносились по-разному в силу диалектных особенностей того или иного района, расположенного на севере или на юге Китая и даже в бассейне р. Янцзы. Для преодоления подобных трудностей требовался особый навык, который мог появиться у будущего переводчика только в результате длительной языковой практики. О серьезном характере проблем, возникавших у молодых практикантов-китаистов, можно судить, например, по письму Е.К. Иолка от 4 марта 1926 г., посланному из Гуанчжоу, к наиболее авторитетному среди китаеведов В.М. Алексееву. В этом письме молодой китаист сообщил своему учителю следующее:

«Многоуважаемый Василий Михайлович!

Обстоятельства (которые в данном случае совпали с моим личным желанием) забросили меня в Кантон [Гуанчжоу]. Моя командировка затянулась: скоро будет год, как я [приехал] из Ленинграда... трудноато отчитываться за такой большой срок. И не из-за обилия накопленного материала, а из-за бедности его. То, что я использован нашими [дипломатическими] органами как переводчик, меня мало утешает. Тем хуже для тех, кому приходится прибегать к таким переводчикам. Могу вести простой разговор, [мое] произношение — скверное, по-прежнему труднее понимать, чем быть понятым; читаю в газетах телеграммы, статьи [же] нелегкие — с грехом пополам. Чувствую реально, как-то вещественно, свои дефекты. И от этого скорее хочется обратно в Институт, к такой работе, которая требует не точности, а продуманности выполнения.

Конечно, не всё так мрачно обстоит: есть и небольшие достижения. Ухо привыкло к китайской речи. Язык как-то облomался: многие обороты, слова и многие мысли выражаются уже в китайской языковой форме довольно естественно, непринужденно. Иной раз даже во сне видишь себя говорящим по-китайски. Но всё же результаты годичного пребывания в Китае могли быть большими, если принять во внимание три месяца спокойной учебной работы, обеспеченные мне институтом. Почему [же] эффект хуже того, что ожидалось? Объясняю это следующим:

1) спокойно работать с сыньшэном [учителем-китайцем] удалось лишь три месяца,

2) несколько месяцев ушло на всякие поездки — в Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ханькоу, Кайфэн, опять Шанхай, Кантон,

3) работа в учреждении [консульства], правда, до некоторой степени по специальности, но не прямо над языком,

4) недостаточная сосредоточенность во многих случаях в работе по языку. Отвлечение центра [личных и общественных] интересов к другим областям»¹⁷⁹.

По мере накопления китайской лексики и выработки навыков устной речи некоторые студенты-практиканты в ходе постоянного языкового общения с местными жителями Китая тем не менее добивались ощутимых успехов. Об этом позволяет, например, судить благоприятная характеристика, данная М.М. Бородиным, главным советником при ЦИК Гоминьдана, студентке В.В. Вишняковой (по ее возвращении из Китая и приезде в Москву в конце 1927 г.).

Неоднократные акты грубого насилия над российскими дипломатами и советскими гражданами, совершаемые в разных городах Китая в течение 1927 г. китайской военщиной и полицией, порой использовавшими в своих целях наиболее воинственно настроенных русских эмигрантов-белогвардейцев, не могли не волновать и не беспокоить советское правительство, настойчиво искавшее причины резкого обострения политической ситуации в соседней стране, где в апреле этого года Чан Кай-ши совершил военный переворот, стимулировавший широкую кампанию по истреблению коммунистов и их сторонников путем публичных казней арестованных лидеров КПК и вожakov профсоюзов. После захвата и расстрела пяти сотрудников советского консульства в Кантоне (Гуанчжоу) нанкинское правительство под предлогом борьбы с красной пропагандой, на что указывали некоторые западные дипломаты¹⁸⁰, 15 декабря 1927 г. передало советскому консулу Б.И. Козловскому ноту о разрыве дипломатических отношений, тем самым лишив себя активной поддержки со стороны СССР в борьбе против агрессивных устремлений японской военщины.

Негативное влияние на состояние советско-китайских отношений, особенно на развитие культурных связей, оказали события 1929 г., связанные с попыткой китайских войск захватить КВЖД, находившуюся с 1924 г. в па-

¹⁷⁹ СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, д. 100, л. 10.

¹⁸⁰ Подоплеку поведения правителей Китая в 1927 г. в отношении СССР довольно удачно раскрыл американский журналист в Шанхае Вильбур Бершок, корреспондент газеты «Балтимор сан». В статье, посвященной обзору советско-китайских отношений, он утверждал, что «разрыв» Нанкина с Советской Россией, якобы основанный на событиях в Кантоне (Гуанчжоу), где в декабре было провозглашено создание Коммуны, на самом деле явился результатом сговора между нанкинским правительством и некоторыми западными державами, включая Англию и Соединенные Штаты. Пойдя на некоторые формальные уступки Гоминьдану в области таможенной политики, державы потребовали удаления с территории Китая советских представителей и более решительной борьбы с китайскими коммунистами (см.: Soviet Culture Review (Moscow), 1933, № 5, с. 11).

ритетном управлении СССР и республиканского Китая. Не менее отрицательно на развитии культурных и деловых контактах между двумя соседними государствами (Советской Россией и Китаем) сказалась уступка в марте 1935 г. КВЖД властям Маньчжоуго при активном посредничестве Японии, негласно стимулировавшей многочисленные аресты советских граждан и обыски в их квартирах и клубах, а также в Центральной библиотеке КВЖД с целью отыскания компрометирующих документов и коммунистической литературы в период длительных переговоров с делегацией СССР в Токио в 1934–1935 гг.

Изменение политической обстановки в Китае не могло не вызвать более серьезного изучения этой страны в вузах и академических учреждениях СССР. В этом отчасти убеждает приводимое ниже письмо В.М. Алексеева от 26 ноября 1927 г., отправленное директору института С.Ф. Ольденбургу:

«Дорогой Сергей Федорович!

Только вчера узнал от Ф.А. Розенберга о том, что от меня требуется составление подробных списков всей литературы по Китаю в пределах СССР за 10 лет. В одну ночь мне с такою задачей не справиться (ибо ультимативный срок — сегодня), тем более, что подробные списки этих статей и книг ведутся весьма тщательно бюллетенями, каковые, очевидно, у Вас имеются в большем, нежели в Музее, количестве и разнообразии. Затем — в журнале (нем.) “Sinica”, который также, вероятно, Вам прислан из Москвы автором одной из статей М.Ф. Достоевским, есть полный отчет как раз на эту тему.

К этому надо прибавить статью Е.Д. Поливанова, находящуюся в переданном Вам мною № 2 журнала “Революционный Восток” и его же: “Краткую фонетическую характеристику кит[айского] языка”, 1927 г. (М.). Кажется, эти две работы являются единственными, которые (особенно вторая) могут претендовать на звание научных.

В случае неправильностей, в этом письме допущенных, пусть Б.Н. Молос [сотрудник канцелярии Академии наук СССР] мне сообщит Ваши дальнейшие директивы.

С поклоном Ваш В. Алексеев»¹⁸¹.

Благодаря энциклопедическим знаниям, полученным в области китайской филологии, В.М. Алексеев с учетом новой политической ситуации в Китае охотно брался за разработку любой, порой мало или совершенно не изученной темы, связанной с Китаем. Это неизбежно вело к распылению его творческих усилий в ущерб разработке главных проблем, лежащих в сфере его основной специальности — филологии, связанной прежде всего с освоением трудоемкого массива классического наследия китайской литературы. Он страдал той же особой чертой в характере, присущей многим одаренным и талантливым ученым, которые от чрезмерной широты научных интересов нередко отличались необычайной разбросанностью в выборе изучаемых сюжетов, часто слабо связанных с их главным стержнем творческой активности.

¹⁸¹ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 21.

В этом отношении он сильно напоминал своего великого предшественника академика В.П. Васильева. Постоянно занимаясь (порой весьма плодотворно) разработкой многих сложнейших проблем, требующих совместных усилий многих специалистов, он 15 января 1891 г. в письме к своему ученику-китаисту П.С. Попову признавался: «*Меня сгубила моя разбросанность. Я не успел ничего [от]делать основательно, потому что то брошусь в Тибет, то перескачу в Маньчжурию, то составляю методу китайской письменности, то бросаюсь на историю, на литературу. На столе у меня целых три месяца лежит корректура, а я бросился разбирать „Мэнгу юму цзи“ [„Записки о кочевьях монголов“] насчет Каракорума. Перечитал снова [монаха] Иакинфа да „Танскую историю“.* Так вот и мечусь всю жизнь»¹⁸².

Высокий авторитет В.М. Алексева как китаевода позволил тогдашнему руководству Академии наук выдвинуть его кандидатуру в число ее действительных членов, и в 1929 г. он благодаря энергичной поддержке С.Ф. Ольденбурга стал академиком. Возглавляя Азиатский музей, преобразованный в 1930 г. в Институт востоковедения, Ольденбург внимательно и с симпатией следил за творческим ростом своего коллеги. Оснований для поддержки В.М. Алексева у Непременного секретаря Академии наук было более чем достаточно. Еще в середине 20-х годов, когда в системе академических научных учреждений стали вводиться правила аттестации для определения степени квалификации научных сотрудников, В.М. Алексеев представил С.Ф. Ольденбургу пространную справку, содержащую важный перечень его достижений в области китаистики¹⁸³.

Любопытное свидетельство поддержки С.Ф. Ольденбургом кандидатуры В.М. Алексева при его избрании академиком находим в «Записке о работе Сергея Федоровича Ольденбурга в качестве Непременного секретаря Академии наук в 1928–1929 гг.», составленной его женой Еленой Григорьевной. Вот ее текст, цитируемый ниже со значительными купюрами: «Выборы [Б.Я.] Владимирцова¹⁸⁴ заняли буквально минуты две, никаких разногласий, возражений, но дело с Вас[илием] Мих[айловичем] Алексеевым было серьезнее. Представители республик выступили против него, указывая на то, что Алексеев пишет в своих статьях об уничтожении культуры при советском строительстве. Сергею [Ольденбургу] пришлось пустить в ход весь свой ум и такт, чтобы сгладить это [общее впечатление]. Вообще Алексеев ведет себя не очень тактично... Он сам говорит о себе, что он вышел из низов (его отец был сторож, а мать — кухарка), [что] он своим горбом пробил себе дорогу...

¹⁸² РГБ, НИОР, ф. 218, картон 763, ед. хр. 6, № 8.

¹⁸³ См.: Хохлов А.Н. Три неизвестных документа к биографии В.М. Алексева // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008, документ 1, с. 471.

¹⁸⁴ Подробнее о монголисте Борисе Яковлевиче Владимирцове (1884–1931) см.: Хохлов А.Н. Владимирцов в оценке коллег-востоковедов // Владимирцовские чтения—III. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 25–26 октября 1995 г.). М., 1995, с. 123–128.

Правда, он блестящ, остроумен, интересен, как наблюдательный собеседник с большим юмором»¹⁸⁵.

Избрание В.М. Алексеева членом АН СССР, вполне закономерное с точки зрения его действительных заслуг перед отечественным востоковедением, вызвало не только горячую поддержку со стороны его ближайших коллег и искренних друзей, но и чувство неудовлетворенности и даже зависти у его некоторых сослуживцев, в том числе мало знакомых с трудностями перевода восточных текстов на русский язык. Среди недоброжелателей оказались и те, кто пытался использовать растущее внимание российской общественности к революционным событиям в Китае в целях личной карьеры. Из-за незнания восточных языков эти лица, оказавшись на службе в государственных учреждениях, были мало подготовлены для аналитической работы с документами и материалами зарубежной прессы. Вместе с тем поверхностное знакомство со спецификой той или иной восточной страной не позволяло таким «специалистам» в случае работы за границей творчески подходить к реализации поставленных им задач. Между тем полезной в плане пополнения восточного книжного фонда Азиатского музея оказалась заграничная командировка ученика В.М. Алексеева китаиста Ю.К. Щуцкого (1897–1946) (точнее: 1897–1938. — А.К.). Первоначально его предполагалось послать в Китай, но из-за ожесточенной вооруженной борьбы, развернувшейся между Гоминьданом и КПК после периода сотрудничества, ему пришлось отправиться в Японию.

О пребывании Ю.К. Щуцкого в стране Восходящего солнца позволяет судить его письмо, отправленное С.Ф. Ольденбургу 7 мая 1928 г. из Осаки. Вот что он писал: «Благодаря любезной помощи Николая Александровича Невского... мне удалось найти очень дешевое помещение в буддийском храме. Я обязан тому же Ник[олаю] Ал[ександровичу] тем, что он ввел меня в круг здешних китаеведов... Один из них — Исихама Дзюнтаро... не только прекрасный синолог, но и удивительно любезный и отзывчивый человек. [Он] выказал свою полную готовность помогать мне как в выборе книг для А[зиатского] М[узея], так и в моих личных научных занятиях».

Касаясь научных штудий, в ходе которых ему довелось убедиться в высоком уровне японской синологии, Ю.К. Щуцкий в том же письме сообщал: «Много брожу по букинистам: изучаю материалы и ...цены. Покупать книги для А[зиатского] Музея хочу не раньше того [момента], когда (как я думаю) уже буду ориентироваться на здешнем книжном рынке. Деньги А[зиатского] М[узея] на покупку книг (256 долларов и 73 цента) уже получены в “Дальбанке” в Кобэ. Пока они, конечно, лежат в банке. Я возьму их лишь в середине июня»¹⁸⁶.

Удачная командировка в Японию Ю.К. Щуцкого не могла не радовать В.М. Алексеева, и он спокойно продолжал заниматься своим привычным делом. В письме от 9 июля 1933 г. он писал С.Ф. Ольденбургу, ставшему ди-

¹⁸⁵ СПб. филиал АРАН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 57, л. 15–16.

¹⁸⁶ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 686, л. 1–2.

ректором Института востоковедения АН СССР, о том, что, находясь в деревне, он занимается составлением своей «рабочей библиографии», «которая требует много хлопот по перевозке книг и прочим статьям. Жить очень неудобно, но чувствую себя хорошо: это главное и единственное занятие»¹⁸⁷.

Весьма симптоматично, что после отказа Президиума Академии наук предоставить командировку в Китай ученику В.М. Алексеева — Ю.К. Щуцкому (впоследствии репрессированному по ложному обвинению) в газете «Правда» 31 мая 1938 г. (№ 148/7473) появилась статья Х. Муратова и М. Бурова под названием «Лжеученый в звании советского академика», содержащая злобную критику научной деятельности В.М. Алексеева, которого обвиняли «во всех смертных грехах» пристрастно и совершенно бездоказательно. Это убедительно показано в письме авторитетного китаевода, отправленном 2 июня 1938 г. на имя вице-президента (точнее: президента, 1936–1945. — А.К.) Академии наук В.Л. Комарова, которому был представлен пространный текст ответа В.М. Алексеева на каждый пункт из 29-ти предъявленных ему необоснованных обвинений. В этом письме, в частности, говорилось:

«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Разрешите послать Вам некоторые мои замечания к статье обо мне в “Правде” от 31 мая 1938 на предмет Вашего осведомления о фактах. Разрешите также просить Вас сделать все возможное, чтобы в этот тяжелый час испытания мне не грозили тяжкие кары: мне их не перенести, — особенно судя по нынешнему моему состоянию.

В случае назначения особого разбирательства (если это будет нужно), я готов дать ответы применительно к этим же пунктам»¹⁸⁸.

Чтобы познакомиться с характером объяснений В.М. Алексеевым и убедиться в правоте его позиции, достаточно обратиться частично к 21-му пункту и полностью к 22-му, приводимым ниже:

«Весь абзац о моей “ненависти” к современной китайской литературе и обо всем прочем есть только голословное и ничем не оправданное нарекание, полученное путем выборочного чтения и выборочных цитат из моей книги [о Ху Ши] (точнее: „Китайская литература“, изданной в 1937 г. в Париже на французском языке. — А.К.).

22. Того же извращенного характера и следующий абзац о моем сожалении об императорах и книгах для избранных, ибо на указанной информатором стр. 84 речь идет об императорских дворцовых изданиях, действительно, великолепных ксилографах, превращавшихся у переводчиков, за редким исключением, в книгу, оформленную ничтожным образом, что влияло, как это всегда бывает в таких случаях, на отношение к книге. Только и всего. Что же касается до культа книги в Китае, равного которому действительно трудно найти, то это факт из-

¹⁸⁷ Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 7, л. 35.

¹⁸⁸ Архив Российской Академии Наук (РАН), ф. 2, оп. 1, 1938, д. 27, л. 16.

вестный. Что культ этот не симпатичен, не скрываю, но всё это далеко до воздыханий изуверского типа, который мне приписывается»¹⁸⁹.

В свете действительного интереса А.М. Алексеева к событиям, связанным с вооруженной агрессией Японии в Китае, особенно любопытна инициатива ученого провести широкое обсуждение китайской проблемы. На это указывает приводимое ниже письмо от 16 июля 1938 г. из Ленинграда на имя В.Л. Комарова:

«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

На днях Институт Востоковедения внесет от меня еще с прошлого года от меня исходящее предложение устроить в сентябре–октябре с.г. сессию по Китаю, наподобие (только в более широком масштабе) испанской.

Не будете ли так добры, если сочувствуете, возглавить секцию китаистов-естественников, работавших или в Китае, или над китайской флорой, фауной, геологией и т.д.? Тогда можно будет выступить довольно подробно и интересно.

Если это письмо найдет Вас еще в Москве, не откажите поручить кому-нибудь составить ориентировочный план выступлений китаистов-естественников и сообщить его мне. Если же Вы уже в отъезде, то позвольте пожелать Вам наилучшего отдыха после этой тяжелой и трудной зимы.

С поклоном и приветом Надежде Викторовне чтущий Вас сердечно
Василий Алексеев»¹⁹⁰.

Судя по всему, инициатива В.М. Алексеева, полезная не только в научном плане, но и в политическом отношении, не встретила сиюминутной поддержки в вышестоящих инстанциях, что, однако, не повлияло на уважительное отношение В.Л. Комарова к авторитетному ученому-китаисту.

§ 2. Визит Юань Тун-ли в СССР в 1934 г. и возобновление советско-китайского книгообмена

Несмотря на длительный разрыв дипломатических отношений с Китаем научная общественность в лице Академии наук СССР не оставляла надежды на возобновление книгообмена с соседней восточной страной. Об этом свидетельствует, например, письмо от 16 марта 1930 г., направленное и.о. Непременного секретаря Академии наук акад. В.Л. Комаровым в Комитет по заведыванию научными и учебными учреждениями ЦИК СССР. В этом письме сообщалось: «Отделение гуманитарных наук АН СССР на заседании 2-го марта с.г. постановило передать в дар Национальной библиотеке (National Library, Pei-hai) в Пекине дубликаты книг (в количестве 75%) и фотокопии оригиналов (в количестве 25%) буддийского сочинения “Праджня Парамита

¹⁸⁹ АРАН, ф. 277, оп. 4, д. 236, л. 17 и далее. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г. // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008, с. 450–474.

¹⁹⁰ АРАН, ф. 277, оп. 4, д. 236, л. 30.

сутра” на древнетангутском языке (ныне расшифровываемом и узнаваемом) из коллекций П.К. Козлова, вывезенных им из Хара-хото и имеющихся в Азиатском Музее Академии в нескольких экземплярах.

Национальная библиотека [в Пекине] неоднократно оказывала Азиатскому Музею услуги в приобретении китайских книг, и [подобным] содействием превосходных [китайских] библиотекведов необходимо особенно дорожить.

В настоящее время Национальная библиотека [в Пекине] обогатилась редкою коллекцией аналогичных археологических материалов, найденных вблизи г. Нинся и, следовательно, Академия Наук СССР в порядке обмена может рассчитывать на получение дуплетов и фотокопий от Пекинской Национальной библиотеки. Это лишь повысит [ценность] коллекций Азиатского Музея, приобретающих в настоящее время особое значение благодаря привлечению к работе в Музее Н.А. Невского, система расшифровки которого опередила [аналогичные усилия] всех тангутоведов мира.

Принимая во внимание вышеизложенное, Президиум АН СССР просит запросить НКВД, не встречается ли препятствий к отправке в адрес [Пекинской] Национальной библиотеки дубликатов и фотооригиналов “Праджня Парамита сутры” на древнетангутском»¹⁹¹.

После захвата Японией в 1931 г. Маньчжурии и образования на ее территории государства Маньчжоуго, а также попытки захвата японскими войсками Шанхая в 1932 г. и ряда других подобных враждебных действий японской стороны в Северном Китае и на территории Внутренней Монголии нанкинское правительство под давлением широкой китайской и мировой общественности было вынуждено заявить о восстановлении с СССР дипломатических отношений, чем был дан серьезный импульс развитию культурных связей с Советской Россией. В русле восстановления этих связей в столь важной сфере культурного сотрудничества, как книгообмен, позволяющий лучше представить и понять жизнь своего давнего и ближайшего северного соседа, был предпринят визит в СССР видного специалиста в области библиотечного дела проф. Юань Тун-ли¹⁹², за спиной которого можно было разглядеть тень популярного общественного деятеля республиканского Китая

¹⁹¹ При рассмотрении данного письма на Коллегии НКВД 26 марта 1930 г. было принято такое решение: «Принципиально не возражать против обмена изданиями между Академией Наук и Национальной библиотекой в Пекине, отложив осуществление обмена до более благоприятного момента» (цит. по: АВП РФ, ф. 0100, оп. 14, п. 162, д. 38, л. 9).

¹⁹² Подробные биобиблиографические данные о Юань Тун-ли (1895–1965), крупном ученом в области китайской библиографии и книговедения, можно найти в справочнике-словаре деятелей республиканского Китая, составленном под редакцией Говарда Бурмана и вышедшем в четырех томах в 1967–1971 гг. (см.: *Biographical Dictionary of Republican China* / ed. by Howard Boorman). Vols 1–4. New York–London, 1967–1971, т. 4, с. 89–92).

Цай Юань-пэя, до 1942 г. формально возглавлявшего Пекинскую Национальную библиотеку.

О намерении Юань Тун-ли посетить СССР стало известно в Москве из дипломатической почты, полученной НКВД из советского посольства в Китае (приблизительно в январе-феврале 1934 г.). При вскрытии почты в ней оказалась пространная записка преподавателя Пекинского университета С.А. Полевого о составленном им «Полном русско-китайском словаре» (в объеме более 70 тыс. русских слов) с просьбой оказать ему содействие в издании этого труда в Китае. Кроме объемистой записки, поясняющей принципы отбора новой лексики и важное значение данного словаря на фоне устарелого аналогичного, изданного в 1879 г. китаистом П.С. Поповым (1842–1913) в Петербурге (литографическим способом), в материалах пекинской дипломатической почты находилось письмо Юань Тун-ли от 18 декабря 1933 г. (на английском языке) в виде печатного уведомления (без указания адресата) о предстоящем создании в Пекинской Национальной библиотеке самостоятельного отдела под названием «Славянского» (!), предназначенного для студентов, говорящих по-русски, и необходимого для ознакомления китайских читателей с жизнью СССР. В этом документе, в частности, указывалось:

«В последние годы чувствуется настоятельная потребность в точной передаче знаний и информации касательно Советской России. Это особенно остро чувствуют студенты университетов, научные сотрудники и вообще все исследователи. В настоящее время в Китае нет такой библиотеки, где бы можно было найти приличное (по своему составу) собрание произведений русских писателей. Ученые и [начинающие] исследователи в своей работе часто сталкиваются с различного рода затруднениями в своих настойчивых попытках найти достоверную информацию. Многие из них уверены, что при наличии в Пекинской Национальной библиотеке коллекции основных изданий, касающихся истории России и её институтов, литературы и искусства, науки и техники, доступных для свободного и широкого использования, можно добиться значительного прояснения существа имеющейся информации и внести заметный вклад в понимание Советской России китайским народом.

Подобную коллекцию книжных изданий, наиболее полно представляющую русскую науку и её достижения, можно создать лишь путем постоянных [энергичных] усилий в течение многих лет. Для решения такой задачи Национальная библиотека должна опираться на помощь и поддержку как советского правительства, так и учебных и академических институтов России. Только путем поддержки и взаимной кооперации можно прийти к желаемой цели.

Национальная библиотека намерена выделить специальные денежные средства на создание и расширение Отдела славянской литературы и сделает всё возможное для того, чтобы специальная книжная коллекция стала вполне доступной для справочной и исследовательской работы. Такая библиотека, как мы полагаем, будет наиболее полезной для распространения достоверных и точных знаний о Советской России, что должно стать надежным подспорьем для даль-

нейшего развития тесных и дружеских отношений между Китаем и Советской Россией»¹⁹³.

К указанному письму было приложено несколько листов перечня изданных в СССР книг, составленного, вероятно, С.А. Полевым по просьбе Юань Тун-ли. В этом списке, ориентированном на первоочередные потребности Пекинской Национальной библиотеки, указывалось более 250 названий и среди них около 100 книг представляли собой произведения русских классиков и писателей советской России.

После рассмотрения вопроса о приезде Юань Тун-ли в СССР на Коллегии НКВД руководство 2-го Восточного Отдела внешнеполитического ведомства 27 февраля 1934 г. направило в адрес ВОКС'а, на имя одного из деятелей указанной общественной организации М.Я. Аплетина письмо, и в нем сообщило о разрешении китайскому профессору Юань Тун-ли, вице-директору Пекинской Национальной библиотеки, находиться с визитом в Москве и Ленинграде в течение пяти недель для ознакомления с городскими культурно-просветительными учреждениями. При этом подчеркивалось, что поездка Юань Тун-ли «носит частный характер, хотя и связана с отдельными поручениями Национальной библиотеки и Бэйпинского [Пекинского] университета»¹⁹⁴.

Хотя первоначально предполагалось, что проф. Юань Тун-ли выедет из Пекина в Москву в феврале, китайский ученый и общественный деятель не появился в СССР ни весной, ни летом, т.к. ему пришлось избрать для своего путешествия более безопасный морской маршрут вокруг Индии и через Египет с последующим посещением стран Западной Европы, занявший до 8 месяцев. В результате его пребывание в СССР началось с приезда из Финляндии в Ленинград, где его тепло встретили китаисты во главе с акад. В.М. Алексеевым, сделавшим немало для установления с китайским ученым-библиографом прочных деловых контактов.

В связи с приездом китайского гостя в Ленинград местный уполномоченный ВОКС'а В. Покровский в тот же день, 2 сентября 1934 г., телеграммой сообщил в Москву заведующей Отделом Востока ВОКС В. Линде следующее: «Сегодня через Финляндию приехал директор Пекинской библиотеки г-н Юань Тун-ли. Встречали его на вокзале акад. [В.М.] Алексеев от Института востоковедения и тов. Вильм от ВОКС'а. Г-н Юань Тун-ли пробудет в Ленинграде до 5 сентября, когда он вечером выедет в Москву. Точно [каким] поездом и [в каком] вагоне [он поедет] — сообщим телеграфно.

В Ленинграде Юань Тун-ли большую часть [времени] проведет в Академии Наук, в Институте Востоковедения и Библиотеке Академии Наук, [также] посетит Публичную библиотеку и Эрмитаж, побывает в театре и в Парке культуры и отдыха. Сопровождать его всюду будет акад. Алексеев. По словам акад. Алексеева, Юань Тун-ли — очень крупный специалист по библиографии, для нас очень ценный ученый, интересующийся нашими культурными связями и сам поддерживающий их у себя на месте. В беседе со мною он заявил, что в Москве он

¹⁹³ АВП РФ, ф. 100, 1933–1934, оп. 18, п. 181, д. 42, л. 69–70.

¹⁹⁴ Там же, 1934, оп. 18, п. 181, д. 49, л. 6.

хочет обязательно связаться с ВОКС'ом, чтобы познакомиться с его работой более детально и выяснить возможности активизации культурных связей Китая с СССР. В Москве он также желает посетить научно-исследовательские институты, библиотеки и музеи. О [всём] этом ставлю Вас в известность, дабы Вы могли подготовить программу [его пребывания в столице]»¹⁹⁵.

Оставляя в стороне подробности пребывания Юань Тун-ли в Ленинграде как иностранного туриста, впервые посетившего город на Неве, отметим, пожалуй, лишь самый важный для научной жизни востоковедов факт: выступление Юань Тун-ли с докладом на заседании Китайского кабинета Института востоковедения АН СССР, состоявшемся под председательством акад. В.М. Алексеева. Об этом говорится в отчете упомянутого кабинета за 1934 г., опубликованном в 1982 г. в сборнике материалов, посвященном тогдашнему патриарху отечественной китаистики. В этом отчете сообщалось: «Для встречи проф. Юань Тун-ли, как наиболее связанного с кабинетом постоянной корреспонденцией и обменом изданиями, было устроено особое научное собрание, на котором были сделаны доклады: проф. Юань Тун-ли (на англ. яз.) “Задачи и методы современной синологии”; проф. Ю.К. Щуцким (на немец. яз.) “Очередные проблемы изучения “Книги перемен” и работа над нею в Китайском кабинете ИВ [Института востоковедения], проф. Б.А. Васильевым (на кит. яз.) “Современная китайская литература и работа над нею в Китайском кабинете”, акад. В.М. Алексеевым (на франц. яз.) “Синология в кризисе и на новых путях”. *Оживленная дискуссия, в которой проф. Юань Тун-ли принял особое участие, была едва ли не лучшим результатом этого исключительного в практике кабинета собрания, установившего связь нашу с китайской наукой*»¹⁹⁶.

О первых официальных контактах Юань Тун-ли с представителями московской общественности и переговорах о книгообмене СССР с Китаем позволяет судить рассказ В. Линде, которая в своей докладной от 15 сентября 1934 г., в частности, сообщала: «7 сентября профессор Юань Тун-ли, директор Национальной библиотеки в Бэйпине, посетил ВОКС в сопровождении профессора Цзян Тин-фу¹⁹⁷, историка, и 3-го секретаря китайского посольства... Поскольку день приезда Юаня в Москву совпал с выходным днем (6 сентября), нам не удалось связаться с тов. [А.Я.] Аросевым [Председателем ВОКС'а] и всех троих [гостей] принимала только одна я. Беседа касалась главным образом программы [посещения] тех добавочных объектов, которые Юань Тун-ли хотел включить в нее, как то: китайский институт Коммунистической Академии, институты Востоковедения, Библиографии и библиотековедения».

¹⁹⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 43.

¹⁹⁶ Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., ГРВЛ, 1982, с. 210.

¹⁹⁷ Цзян Тин-фу (1895–1965) — известный китайский историк, автор многих трудов по истории внешней политики Китая, начиная с периода правления маньчжурской династии Цин (1644–1911). Он — бывший посол Китайской Республики в СССР в 1936–1938 гг., постоянный представитель гомиьндановского правительства в ООН в 1947–1962 гг., посол в США с 1961 по 1965 г.

дения, Московский Университет. Директор Юань Тун-ли представляет собою крупную научную величину, связанную с рядом известных европейских библиотек. Он рекомендован нам [советским] полпредом тов. [Д.В.] Богомоловым. Программой своего ознакомления с нашими библиотеками и их руководителями он остался очень доволен.

В тот же день [7 сентября] Юань Тун-ли имел беседу с заведующим Библиотечным отделом Наркомпроса тов. Кировым, после чего он поехал оттуда со своими спутниками в Книжную палату. Здесь ему удалось договориться о заключении соглашения об обмене книжными фондами, поскольку он по возвращении в Пекин предполагает организовать при своей библиотеке секцию русской литературы...

Вечером того же дня тт. Аросев, [В.Н.] Шпиндлер (сотрудник ВОКС'а. — А.Х.) и я были на ужине в [китайском] Посольстве, где также присутствовали синолог проф. [А.И.] Иванов, тт. Киров и Соловьев и ряд руководителей библиотек. На этом обеде в ответной речи на выступления Поверенного в делах У [Нань-цзы] и проф. Юань [Тун-ли], рассказавшего о своих впечатлениях о строительстве в СССР и научной жизни в Советском Союзе, тов. Аросев, приветствуя гостей, выразил пожелание относительно дальнейшего сближения между [нашими] соседними странами и предложил китайским профессорам по возвращении домой организовать в Китае Общество культурной связи с СССР, которое, став мостом для культур соседних народов, облегчит и обеспечит [их] взаимное сотрудничество.

После [вечернего чая] сотрудники китайского Посольства и профессора Юань [Тун-ли] и Цзян [Тин-фу] были приглашены на ответный приём, устраиваемый ВОКС'ом 10 сентября»¹⁹⁸.

Весьма откровенный и плодотворный обмен мнениями с китайскими гостями состоялся во время устроенного ВОКС'ом 10 сентября 1934 г. обеда, на котором Юань Тун-ли выступил со следующей речью: «Я выражаю Вам свою глубокую признательность от своего имени и от лица профессора Цзян [Тин-фу] за Ваше доброе отношение, за Ваше прекрасное гостеприимство. Несколько лет тому назад мы еще ничего не знали о громадном развитии Советского Союза в области индустрии, экономики и культуры. Теперь, приехав сюда, мы воочию убедились в грандиозных масштабах Вашего сегодняшнего строительства и мы знаем, что Вас ожидает блестящее будущее. В Москве и Ленинграде мы видели, как много внимания советские ученые уделяют проблемам археологии, лингвистики и экономики. В Коммунистической Академии 20 ученых, работая день и ночь, серьёзно изучают политико-экономический строй Китая, что [вместе взятое] приводит нас в восхищение. К сожалению, у нас всего этого нет, [и в частности] по отношению к Советскому Союзу. [Хотя] Китай имеет организации, изучающие Японию, Польшу, Германию, Францию, Англию и Америку (США), но Общества, специально

¹⁹⁸ ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 9.

изучающего Советский Союз и советскую культуру, у нас не существует, не смотря на то, что Вы — наши ближайшие соседи.

Нужно установить более близкие связи между Вашими и нашими учеными, нужно изучать Ваш язык, политико-экономическое положение Вашей страны. Для этого нам нужны [разнообразные] материалы. У нас, в Китае, тысячи студентов изучают русский язык, но им не хватает нужных материалов. Поэтому нам необходимо установить регулярное получение книг от Вас для того, чтобы наши люди могли точно знать, что происходит у Вас. Кроме того, [нам] необходимо командировать в Вашу страну ряд наших ученых для ознакомления с Вашими [насушными] проблемами и Вашей жизнью на местах.

Я рад констатировать, что ВОКС уделяет большое внимание [культурным] связям и прилагает усилия для установления [добрых] отношений с соседними странами, тем более, что в ВОКС'е есть [Восточный] отдел, специально занимающийся [странами] Дальнего Востока, благодаря чему мы являемся свидетелями [особенно] предупредительного и внимательного к нам подхода. Благодаря любезному отношению со стороны ВОКС'а, его Председателя и сотрудников этого Общества нам удалось очень многое увидеть здесь и в Ленинграде. Я поднимаю свой бокал за развитие культурных связей между двумя нашими соседними народами»¹⁹⁹.

Идею установления более тесных культурных связей между советской Россией и Китаем поддержал и профессор Цзян Тин-фу, который, в частности, заявил: «Профессор Юань [Тун-ли] уже сказал то, что и я хотел высказать, поэтому добавлю лишь несколько слов. Мне хотелось бы коснуться вопроса об отношении к Китаю иностранцев, рассматривающих нашу страну как неполноценное, не достигшее своей [настоящей] формы государство. Чем объяснить, например, вопрос о том, почему Япония во много раз сильнее своего соседа — Китая? Да тем, что ей удалось разрешить ряд вопросов, касающихся её культуры и своего политического облика. Это нами еще не сделано, и Китай до сих пор колеблется. Эти жизненно важные для него проблемы всё еще не получили своего разрешения. Относительно СССР Япония сама делает грубую ошибку: она не знакомится с его формой правления и его культурой, причем даже не хочет делать этого. Мы же лишены такой возможности, поэтому ВОКС может многое сделать для ознакомления [нашей страны] с советской Россией и через ВОКС мы должны найти то, что может нам помочь в оформлении культуры нашего государства»²⁰⁰.

После выступлений китайских гостей с речью к собравшимся на приеме официальным лицам и гостям²⁰¹ обратился Председатель ВОКС'а Аросев. Он особенно подробно остановился на роли международного книгообмена в деле

¹⁹⁹ ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 24.

²⁰⁰ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 24.

²⁰¹ На приёме, устроенном ВОКС'ом 10 сентября 1934 г., помимо писателей Вс. Иванова и С.М. Третьякова, присутствовали китаисты проф. А.И. Иванов, Н.Т. Федоренко (НКВД), М.М. Абрамсон (Ком. Академия) и др.

налаживания взаимных связей между разными по своему общественному строю государствами, в том числе соседними. Касаясь организации более широкого и регулярного обмена книжной продукцией с Китаем, он подчеркнул: «Каждая книга, идущая от нас к Вам, в Ваши библиотеки и культурно-просветительные организации, каждая книга, идущая от Вас к нам, это кирпичи, закладываемые в фундамент мира между народами. Если бы в Китае было создано Общество культурных связей..., если бы это общество взаимного сотрудничества... было создано, то это окончательно привело бы к установлению культурных связей СССР и Китая».

Выступивший на приеме советской общественности в честь китайских профессоров Поверенный в делах Китайской Республики У Нань-жу поблагодарил руководство ВОКС за любезный прием, оказанный Юань Тун-ли и Цзян Тин-фу, выразив согласие с идеей, предложенной Юань Тун-ли, относительно командирования в СССР научных сотрудников Китая, а также мнением Цзян Тин-фу о необходимости установления культурных связей между двумя соседними странами²⁰².

После визита в СССР и возвращения на родину (через Сибирь и Дальний Восток) Юань Тун-ли продолжал поддерживать контакты с руководством ВОКС'а. Так, в письме от 10 апреля 1935 г., направленном В. Линде, он сообщал: «Пожалуйста, передайте мою благодарность Институту Маркса, Энгельса и Ленина за подготовку для нас двух перечней [советских] публикаций²⁰³. Сейчас мы пытаемся расширить объем нашей коллекции русских книг и надеемся воспользоваться для этой цели упомянутыми списками. Поскольку я уже вернулся в Пекин, то прошу посылать всю Вашу корреспонденцию на мой пекинский адрес... Я часто, при каждом случае вспоминаю наши приятные встречи и мне хочется еще раз поблагодарить Вас и Ваших коллег за доброе внимание, которое было проявлено ко мне. Мы сейчас с огромным интересом наблюдаем за поездкой г-на Мэй Лань-фана в Советский Союз и надеемся, что этот визит приведет к более тесным отношениям между Китаем и Советской Россией»²⁰⁴.

Чтобы полнее представить усилия китайской стороны по развитию культурных связей с СССР, следует обратиться к содержанию письма от 26 мая 1935 г., направленному от имени ВОКС'а В. Линде в Пекин Юань Тун-ли. В этом письме (на англ. яз.), в частности, сообщалось: «Только несколько дней назад мы получили замечательный подарок от г-на Жу Пеона

²⁰² Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 24.

²⁰³ Из книг о Китае, отправленных Юань Тун-ли Институтом Маркса, Энгельса и Ленина при ЦК ВКП(б), среди которых находилась московская публикация 1928 г. работы (В.Н. Кучкова, изд. КУТК на правах рукописи. — А.К.) «Ранний китайский либерализм. (Эпоха „Ста дней“)\», советской цензурой не была пропущена книга япониста Н.М. Попова-Тативы «Китай. Экономическое описание», изданная в 1925 г. Разведывательным Управлением Штаба РККА (более 300 стр.).

²⁰⁴ ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 8.

(Сюй Бэй-хуна. — *А.Х.*) — несколько китайских картин для Музея изящных искусств в Москве и [для] Ленинграда. Д-р Мэй Лань-фан и сопровождающий его профессор Юй Шан-юань прислали нам очень приятное письмо из Западной Европы. Только сейчас мы получили уведомление о том, что национальное правительство Китая подарило Библиотеке им. Ленина в Москве целый ряд неопубликованных работ из [китайской энциклопедии] «Сы-ку цюань-шу». Это — чрезвычайно интересный подарок, который значительно поможет нашим ученым в их научных штудиях. Мы были рады узнать, что Вы прилагаете усилия к увеличению состава коллекции русских книг и охотно поможем Вам в этой работе»²⁰⁵.

В соответствии с пожеланиями китайской стороны российские востоковеды посылали в Китай не только изданные в СССР книги, но и рукописи на китайском языке, отсутствующие в библиотеках Китая. Наиболее ярким примером может служить посылка в адрес Пекинской Национальной библиотеки рукописного списка нескольких отсутствующих в ней глав «Юн-лэ да-дянь» (крупнейшей энциклопедии, которая была составлена в период Юн-лэ, в 1408 г. и от которой сохранилось ок. 3% текста. — *А.К.*). Это видно из переписки Китаиста А.В. Маракуева (1891–1966), преподавателя ДВГУ во Владивостоке, обратившегося в ВОКС за содействием в отправке посылки в Пекин для Юань Тун-ли. В письме от 10 апреля 1935 г. А.В. Маракуев, в частности, отмечал: «Рукопись представляет собою изготовленную мною по просьбе китайских ученых копию с одного [небольшого отрывка] старого китайского манускрипта, хранящегося в библиотеке местного университета. Об исполнении моей просьбы прошу меня уведомить»²⁰⁶.

Не получив ответа на своё письмо, Маракуев вновь обратился в ВОКС с новым посланием, где вновь напомнил о своей посылке, предназначенной для Китая: «Больше месяца тому назад я послал Вам изготовленную мною рукописную копию [небольшой части] одного китайского сочинения из местной университетской библиотеки. Я не имею подтверждения получения [Вами] рукописи и не имею никаких сведений об её отправке Вами [в Китай]. Пожалуйста, сообщите мне о том и о другом»²⁰⁷. На втором письме Маракуев забыл (возможно, от рассеянности или волнения) поставить дату, поэтому его можно лишь условно датировать следующей пометой, оставленной на нем фиолетовыми чернилами: «27/VI. Нужно ответить»²⁰⁸. В соответствии с этим реше-

²⁰⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 7.

²⁰⁶ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 4.

²⁰⁷ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 3.

²⁰⁸ Не дождавшись ответа на постоянно мучивший вопрос относительно доставки рукописи в Китай, А.В. Маракуев 6 июля 1935 г. в третий раз обратился за содействием в ВОКС, но на этот раз к Председателю этой общественной организации (Аросеву), при этом закончил свое письмо так: «Побудите Ваш [служебный] аппарат ответить [мне]. Живя в 10 тыс. км от Москвы, я более, чем другие работники вузов,

нием заведующая Восточным отделом ВОКС В. Линде 16 июля 1935 г. направила А.В. Маракуеву во Владивосток такой ответ: «Посланную Вами для Юань Тун-ли рукопись “Юнь-лэ да-дянь” мы получили с большим опозданием. В настоящее время мы ее переслали вместе с Вашим сопроводительным письмом по назначению через нашего уполномоченного в Китае. Мы надеемся, что уже в ближайшее время получим ответ от Юаня, который немедленно перешлем Вам»²⁰⁹.

Через три месяца из советского посольства в Нанкине, где один из его сотрудников — П.Г. Саратовцев, работая в Отделе печати, по совместительству выполнял обязанности уполномоченного ВОКС’а, пришло известие о передаче отрывка из рукописной копии «Юнь-лэ да-дянь» Пекинской национальной библиотеке. Это дало возможность руководству ВОКС’а снять напряженность, возникшую в ходе переписки с преподавателем и общественным деятелем Приморья. 26 октября 1935 г. А.В. Маракуеву было отправлено следующее письмо, поставившее точку в возникшую проблему: «Наш уполномоченный в Китае нам сообщил, что посланная Вами [рукописная] копия части “Юнь-лэ да-дянь” передана в Национальную библиотеку в Бэйпине. Секретариат библиотеки обратился к нашему уполномоченному с письмом, в котором просил передать Вам благодарность за присылку упомянутой рукописи»²¹⁰.

Судя по сопроводительному письму, направленному А.В. Маракуевым Юань Тун-ли (на англ. яз.), Пекинская библиотека получила от него две главы (два цзюаня) (а именно 12 135 и 13 136), отсутствовавшие в её неполном экземпляре «Юнь-лэ да-дянь», пострадавшем во время восстания ихэтуаней от пожара в Ханьлинюане в 1900 г.

Важно отметить, что руководство ВОКС’а помогало книжными посылками не только Пекинской Национальной библиотеке в Китае. Об этом свидетельствует, например, письмо от 26 июня 1936 г., отправленное П.Г. Саратовцевым из Шанхая в Москву, в адрес ВОКС’а. Вот что он писал: «Посылаю... печатные материалы по вопросу восстановления “Восточной библиотеки” в Шанхае, погибшей во время событий 1932 г. (бомбежки города японской авиацией. — А.Х.)... Библиотека непосредственно связана и поддерживается крупнейшим в Китае издательством “Коммершиэл Пресс” [«Шан-у инь-шуа-гуань»], которое выпустило при финансовой поддержке [нанкинского] правительства полученные Вами книги [энциклопедии] “Сы-ку цюань-шу”. Д.В. Богомоллов (посол СССР в Китае. — А.Х.) поддерживает... посылку [советского] книжного фонда для восстановления библиотеки от имени ВОКС’а»²¹¹.

Важным событием в истории культурных связей двух стран стало создание в 1935 г. в Китае советско-китайского общества культурных связей, о чем

нуждаюсь в культурной помощи ВОКС’а, но получить ее не могу» (цит. по: ГАРФ, оп. 4, 1935, д. 161, л. 19).

²⁰⁹ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 167, л. 6.

²¹⁰ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1935, д. 161, л. 5.

²¹¹ Там же, ф. 5283, оп. 4, 1936, д. 205, л. 10.

шла речь в ВОКС'е во время визита Юань Тун-ли в СССР. Положительно оценивая данное событие, П.Г. Саратовцев в письме от 9 ноября 1935 г. из Нанкина подчеркивал: «Создание КСКО (китайско-советского культурного общества) отражает не только отчетливую тягу к культурному сближению с СССР со стороны различных кругов китайской общественности (особенно со стороны китайской интеллигенции), но и свидетельствует о несомненном и значительном переломе в отношении к СССР со стороны верхушки национального правительства и ЦК Гоминьдана. Без этого перелома организационное оформление культурных связей между СССР и Китаем как одной из форм общего сближения между странами было бы невозможно... В качестве генерального секретаря Общества Сунь Фо провел при некотором сопротивлении правых гоминьдановцев — членов Президиума кандидатуру проф. Чжан Си-маня... В целом Президиум КСКО является весьма интересным в смысле представительства разнообразных кругов китайской общественности: здесь и партийная интеллигенция, и представители высшей группы государственного чиновничества, и представители беспартийной интеллигенции»²¹².

Если говорить о личных контактах китайской интеллигенции с Советской Россией, то наиболее тесные и плодотворные связи в области книгообмена и, в частности, у Юань Тун-ли установились через акад. В.М. Алексеева. Как видно из объёмистой переписки, отложившейся в личном архиве наиболее авторитетного в советской России китаевода, Юань Тун-ли довольно часто информировал В.М. Алексеева не только о появлении новых книг в Китае, но и живом интересе китайской общественности к русской классике и современной литературе, издаваемой в СССР. На существование тесных связей между Институтом востоковедения в Ленинграде и Пекинской Национальной библиотекой указывает письмо сотрудника указанного института А.А. Петрова (1907–1973) (специалиста по древнекитайской философии и впоследствии дипломата) к В.М. Алексееву, отправленное 13 июля 1937 г. В нем А.А. Петров сообщал: «В заявках [Института] на иностранную литературу на 1937 год, которые я нашел при поступлении в библиотеку, указанных [Вами] китайских текстов не значилось... Заявка [же] на 1938 год давно сдана в МК («Международную книгу». — А.Х.), а все лица, ведающие этим [делом], находятся в отпуску. Во всяком случае я приму все меры к тому, чтобы просимые Вами тексты были выписаны и получены с наименьшим опозданием, хотя, конечно, на получение их к началу учебного года [в университете] никакой надежды нет.

Мы получили от проф. Юань [Тун-ли] из Бэйпина несколько посылок в обмен на фотокопии “Юн-лэ да-дянь”. Их содержимого я пока не знаю и сообщу Вам о нем дополнительно»²¹³.

Учитывая трудности разработки той или иной научной темы даже при формальном существовании международного книгообмена, В.М. Алексеев

²¹² АВП РФ, ф. 0100, 1935, оп. 19, п. 183, д. 43, л. 21, 20.

²¹³ СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 624, л. 1.

считал, что для приобретения китайской литературы необходимо посылать за границу лиц, проявивших себя в научно-исследовательской работе. Предлагая Президиуму АН СССР направить в Китай талантливую ученика и коллегу Ю.К. Щуцкого, он так мотивировал свое предложение в письме от 23 февраля 1937 г.: «Мой доклад “Пушкин в Китае” на Пушкинской сессии не мог быть поставлен исключительно по недостаточности материалов, которые нельзя ни выписать по каталогам, ни путем сложной, производившейся мною в течение 10 лет переписки. Между тем общественный интерес, проявленный к Пушкинской сессии Академии Наук, только что проведенной в Москве, по видимому, не может не быть поддержан Академиею на должной академической высоте и несостоявшийся доклад как тема еще не должен считаться не существующим. Принимая всё изложенное во внимание, я нахожу, что тема эта, во-первых, достаточно важна, чтобы её разработать в достойной её полноте; во-вторых, эта разработка никак не может состояться на материалах Ленинграда и Москвы; в-третьих, для доведения этого вопроса до [окончательного] решения на путях, достойных Академии, только специальная командировка в Китай может быть признана единственно верным средством, [поэтому] я и прошу рассмотреть мой проект о командировании на три-четыре месяца в Китай проф. Ю.К. Щуцкого, старшего ученого специалиста Института Востоковедения, никогда в Китае не бывавшего, очень дельного и знающего китаиста, со специальным ему заданием собрания библиотеки по изучению Пушкина в Китае и изготовления ответственной книги “Пушкин в Китае”»²¹⁴.

Желая придать научным связям с Китаем более действенный характер, В.М. Алексеев не раз выступал с инициативой приглашения в СССР видных китайских ученых для чтения лекций соответственно их профессиональной квалификации. С этой целью им 23 февраля 1937 г. была направлена в Президиум АН СССР следующая записка: «Обращаюсь в Президиум с просьбой рассмотреть мой проект о приглашении на ряд платных лекций в Ленинграде известного китайского антрополога и археолога, директора научно-исследовательского института Китайской Академии Наук (Academia Sinica) д-ра Ли Цзи. Профессор Ли Цзи известен своими раскопками городищ на месте древнейших столиц Китая, давшими совершенно исключительные результаты и принесшие ему премию St. Julien [Станисласа Жюльена] от Французской Академии надписей и литературы.

Я полагаю, что 10–15 лекций этого китайского ученого на английском языке, понимание которого всеми дальневосточниками, учащими и учащимися, обеспечено, создадут вместе со сближением научных сил обеих стран целую полосу [научных] интересов, тем более, что среди молодых кадров есть уже товарищи, которые вместе со мною интересуются китайской археологией, открывающей нам на наших глазах [истинную] китайскую историю, и достаточно в этой области знающие. Я не осведомлен относительно системы оплаты, предлагаемой в подобных случаях ответственными учреждениями, особенно

²¹⁴ АРАН, ф. 2, оп. 1-1937, д. 651, л. 2.

в валюте, но думаю, что она ориентировочно не ниже той, которая была предложена мне в 1926 г. в Лондонском Университете и выразилась в 100 P.S. (сто фунтов) за пять лекций (публичных с диапозитивами за мой же счет)»²¹⁵.

Весьма характерной для того времени была довольно осторожная и даже негативная реакция тогдашнего руководства Академии наук на безусловно дельные и своевременные предложения академика-китаиста В.М. Алексеева. Достаточно обратиться к аргументации, с которой выступил академик-секретарь Отделения общественных наук АН СССР А.М. Деборин. В письме от 4 марта 1937 г. к Непременному секретарю АН СССР акад. Н.П. Горбунову он сообщал: «Пересылая Вам заявление акад. Алексеева по вопросу о командировании на три-четыре месяца в Китай проф. Ю.К. Щуцкого... со специальным заданием собрать литературу по Пушкину в Китае, должен сообщить, что я не считаю целесообразной эту командировку: во-первых, мне представляется данное лицо неподходящим (?! — А.Х.) для этой цели; во-вторых, Пушкинскую литературу в Китае можно приобрести иным путем, хотя бы при посредничестве нашего полпредства в Китае.

Что касается вопроса о приглашении в СССР на ряд платных лекций проф. Ли Цзи, то я полагаю, что этот вопрос заслуживает внимания по соображениям политическим и в целях укрепления культурных связей с Китайской Академией Наук и вообще с кругами ученых Китая. Во всяком случае этот вопрос следует обсудить»²¹⁶.

Согласно краткой выписке из протокола заседания, состоявшегося 4 мая 1937 г., Президиум АН СССР постановил: «1) Поручить ООН [Отделению общественных наук] совместно с Институтом востоковедения дополнительно подработать и уточнить вопрос о приглашении проф. Ли Цзи и свои предложения внести на рассмотрение Президиума Академии Наук. 2) Признать невозможным командирование в Китай проф. Ю.К. Щуцкого»²¹⁷.

Нетрудно представить, насколько пристрастен и нелеп, столь категоричный отказ тогдашнего руководства Академии наук предоставить необходимую командировку в Китай талантливому ученому Ю.К. Щуцкому, в чем явно проглядывало желание перестраховаться в период начавшихся в 1937 г. арестов неугодных режиму интеллигентов среди ученых, в том числе и востоковедов.

§ 3. Культурные связи между СССР и Китаем в период Второй мировой войны

В июне 1937 г. Япония развязала крупномасштабную войну против Китая, и руководству Пекинской Национальной библиотеки пришлось принять решение об эвакуации наиболее ценной части книжных фондов на юг страны. 10 мая 1938 г. Юань Тун-ли из Гонконга обратился к В.М. Алексееву с пись-

²¹⁵ Там же, ф. 2, оп. 1-1937, д. 651, л. 3.

²¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 1-1937, д. 651, л. 1

²¹⁷ Там же, ф. 2, оп. 1-1937, д. 651, л. 8.

мом о дальнейшем содействии книгообмену с борющимся с японской агрессией Китаем. В его письме, в частности, говорилось: «Очень благодарен Вам за Ваше письмо, датированное 20-м февраля. Ваше сочувствие нашей борьбе за честь нации и её спасение меня трогает. *Объединенный фронт против японских агрессоров со стороны Советского Союза придает китайскому народу много новых сил. Мы искренне ценим бескорыстный дух советской общественности, желающей добровольно помочь нашему делу. Мы твердо верим, что мир и порядок на земле могут быть поддержаны только в том случае, если демократические страны смогут работать сообща над осуществлением всеобщего бойкота [в отношении Японии].*

В связи с настоящей [трудной] ситуацией внутри страны мы переместили наше управление [библиотекой] из г. Чанша в Гонконг. Теперь мы серьёзно заняты собиранием книг и журналов для удовлетворения интеллектуальных запросов китайских ученых в этот час [всеобщего] горя. Так как многие из наших научных библиотек уничтожены, потребность в западной научной литературе — самая настоятельная. Я надеюсь, что Вам представится возможность похлопотать об оказании нам помощи и поддержки со стороны советских научных учреждений. Любые книги и журналы будут приняты с радостью и особенно книги, изданные в Советском Союзе на английском языке.

Я хочу знать, переехала ли [Ваша] Академия Наук в Москву или она всё еще в Ленинграде. Пожалуйста, проинформируйте Академию о перемене нашего адреса.

Все книжные пожертвования, поступившие из Советского Союза, будут временно помещены в Гонконге, должным образом каталогизированы, а затем немедленно предоставлены для использования. Так как научная работа по-прежнему ведется независимо от обстоятельств войны, Ваши пожертвования окажут большую пользу работникам умственного труда нашей страны.

Я чрезвычайно благодарен Вам за собирание для нас книг и изд[анных] газетных и журнальных передовиц на тему о японо-китайском [военном] столкновении, но до сих пор мы ничего [из этих материалов] не получили. А так как мы остро нуждаемся именно в таком материале, то надеемся, что Вы пришлете его нам при первом же удобном для Вас случае»²¹⁸.

1 июля 1938 г. В.М. Алексеев сделал сообщение о полученном из Гонконга письме проф. Юань Тун-ли на заседании Китайского кабинета ИВ АН СССР, на котором было принято решение «обратиться в Президиум Академии Наук с ходатайством об оказании искомой помощи Бэйпинской библиотеке, что сейчас в Гонконге, академическими изданиями за два последних года, а равно и о зачислении её в постоянные адресаты [ИВ АН СССР]»²¹⁹.

В соответствии с указанным решением коллектива китаистов А.П. Баранников, тогдашний директор Института востоковедения (индолог), 7 июля обратился к акад. В.Л. Комарову, президенту АН СССР, с письменной просьбой

²¹⁸ АРАН, ф. 2, оп. 1а, д. 183, л. 2.

²¹⁹ Там же, ф. 2, оп. 1а, д. 183, л. 18.

о «безвозмездной пересылке» в адрес Пекинской Национальной библиотеки «всех изданий Академии Наук СССР за последние два года» и предложением ходатайствовать перед ВОКС'ом о «высылке в тот же адрес книг на английском языке», изданных и издаваемых в СССР. «Такая... поддержка... Национальной библиотеки Китая и, следовательно, китайской науки вообще в настоящий момент, — подчеркивалось в данном письме, — будет иметь большое политическое значение и явится демонстрацией дружбы нашей страны с китайским народом в дни его героической борьбы против японского агрессора»²²⁰.

11 июля на заседании Президиума АН СССР это письмо было рассмотрено и принято решение, в первом пункте которого указывалось: «Предложить директору Библиотеки Академии Наук (БАН) тов. Яковкину послать Бэйпинской Национальной библиотеке, находящейся в настоящее время в Гонконге, все издания АН СССР за 1937 и 1938 гг., в особенности на английском языке»²²¹.

Отбор необходимой для отправки в Китай литературы возлагался на А.П. Баранникова и В.М. Алексева, которые должны были координировать свои действия с планом аналогичной работы директора Библиотеки Академии наук СССР. Когда в сентябре 1938 г. в Институт востоковедения поступил запрос относительно выполнения вышеупомянутого решения, руководство ИВ АН СССР сообщило, что «отобранная литература отправлена в Китай, в адрес Национальной библиотеки» и что отбираемые в настоящее время книги на английском языке по завершении всей работы будут также отправлены по тому же адресу»²²².

Таким образом, благодаря оперативным мерам советские востоковеды и прежде всего китаисты Ленинграда оказались среди тех ученых, которые первыми откликнулись на призыв попавших в беду китайских коллег, выразив тем самым свою солидарность с борьбой китайского народа за независимость своей страны, значительная часть территории которой тогда оказалась под пятой японской военщины.

Чтобы немного понять, в какое исключительно трудное положение попал республиканский Китай в результате вооруженной агрессии Японии, достаточно обратиться к письму бывшего российского дипломата Д.И. Абрикосова от 28 января 1938 г. из Токио к В.А. Маклакову, приводимому ниже:

«Вы, несомненно, осведомлены из сообщений прессы об общем ходе событий в связи с развитием *японо-китайского конфликта*, занимающего ныне центральное место в политической жизни и политическом будущем всего Дальнего Востока... *Нанкин пал гораздо скорее чем кто-либо предполагал*. После занятия японцами китайской столицы нанкинское правительство с генералом Чан Кайши во главе *перенесло свою деятельность в Ханькоу и дальше в Чунцин*. Япон-

²²⁰ Там же, ф. 2, оп. 1а, д. 183, л. 3.

²²¹ Там же, ф. 2, оп. 1а, д. 183, л. 5.

²²² Там же, ф. 2, оп. 1а, д. 183, л. 7.

ское командование твердо оккупировало всю область, прилегающую к устью Янцзы, с Шанхаем и Нанкином как базы, откуда, ни на минуту не прекращая, ведет воздушные атаки на все пункты сосредоточения китайских войск»²²³.

Между тем еще к началу антияпонской войны в Китае в штатном расписании Посольства СССР обнаружилась серьезная нехватка сотрудников, о чем свидетельствует выписка из письма посла Богомолова от 28 октября 1937 г. на имя замнаркома иностранных дел Стомонякова, цитируемого ниже:

«У меня совсем нет работников. Уехали Битнер, Саратовцев, Александрова, Ковалев. Вместо них никто не приехал.

С работниками ТАССа — такое же положение. Раньше в Шанхае было 3 работника. Двое уехали, а третий — Сотов — умер. Вместо трех пока приехал только один, который должен поработать по крайней мере полгода, чтобы войти в курс дела. В Шанхай перебросили Рогова из Нанкина, но затем в Нанкине приостановилась всякая тассовская работа.

Когда я был в Москве, мне удалось добиться увеличения числа работников прессы до двух референтов и одного заведующего. В настоящее время — при наличии 3-х штатных должностей — у меня нет ни одного работника. Приехавшего Красинского я, конечно, не считаю, т.к. не знает ни китайского, ни английского. Он не может быть эффективно использован для информационной работы. Вся информационная работа по-прежнему держится на одном [И.М.] Ошанине. Из других работников, знающих китайский яз., наиболее квалифицированным является Скворцов, которого я непременно хочу перевести на работу по отделу прессы, но сейчас он в Бэйпине, а осенью должен будет поехать в отпуск в СССР»²²⁴.

Установлению более тесных межгосударственных и личных контактов между СССР и Китаем в нелегкое для китайского народа время благоприятствовал тот факт, что широкие слои населения советского государства со времени Октябрьской революции неизменно проявляли интерес к событиям в Китае, особенно же к борьбе китайского народа за свое освобождение от колониального и социального гнета. Свидетельством такого интереса в годы китайской революции 1925–27 гг. может служить, например, такой факт: на докладе К.Б. Радека о спорных проблемах китайской истории, прочитанном 26 ноября 1926 г. на заседании Общества историков-марксистов в Комакадемии (под председательством М.Н. Покровского), из 472 приглашенных на этот доклад лиц присутствовало 285, в т.ч. более 30 слушателей, не получивших письменного приглашения²²⁵.

О внимании к политическим событиям в соседнем Китае российской провинциальной «глубинки» писала, например, 17 марта 1927 г. в Ленинград В.М. Алексею дочь известного русского китаевода Д.А. Пещурова (1833–

²²³ Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов. М., 1999, книга 2, с. 17 (документ 145).

²²⁴ АВП РФ, ф. 0100, 1937, оп. 21, папка 189, д. 50, л. 6.

²²⁵ АРАН, ф. 377, оп. 2, ед. хр. 20, л. 1.

1913) — Серафима, работавшая сельской учительницей близ г. Серпейска (бывшей Калужской губернии)²²⁶.

Живой интерес широких слоев общественности Страны Советов к Китаю, его прошлому и настоящему, служил благодатной почвой для установления творческих контактов между отдельными представителями ее творческой интеллигенции с деятелями китайской культуры, особенно же с литераторами, внимательно следившими за развитием русскоязычной литературы в послеоктябрьской России.

Показателем интереса китайской учащейся молодежи к советской культуре может служить и такой факт: к февралю 1941 г. в Чунцине, в стенах Центрального университета, переведенного сюда из Наньцзина (Нанкина), в течение более двух лет функционировал студенческий кружок, специально занимавшийся вопросами советской литературы и искусства. К указанному времени до 200 слушателей курсов русского языка в Чунцине, Гуйяне, Гуйлине и Куньмине имели возможность знакомиться с русской классикой и произведениями советских писателей не только в китайском переводе, но и в оригинале.

Примером давнего интереса китайцев к изучению русского языка может служить заявление Гун Чжэня, автора статьи «Мое отношение к изучению СССР», появившейся в газете «Шэнхо» («Жизнь») 5 августа 1933 г. Гун Чжэнь, ездивший в Женеву для присутствия на сессии Лиги Наций и возвращавшийся через Сибирь в Китай вместе с дипломатом Ян Хуй-цином, так определял свою позицию в упомянутой выше статье: *«Нельзя понять СССР, не читая русских книг и не разговаривая с русскими»*.

Необходимость в русско-китайском словаре особенно остро чувствовалась в Харбине, центре русской эмиграции на Дальнем Востоке, о чем позволяет судить приводимое ниже сообщение от 19 декабря 1933 г. С.А. Полевого, преподавателя русского языка в Пекинском университете:

«За последние несколько лет стали появляться русско-китайские словари, составляемые китайцами, служащими в качестве „драгоманов“ при китайской полиции или при китайских судебных учреждениях. Среди китайского студенчества, изучающего русский язык, наибольшей популярностью пользуется словарь, составленный исключительно для учеников средних учебных заведений ортодоксальным гоминьдановцем Чэн Хун-цзи, в предисловии к своему словарю предупреждающим своих соотечественников против пользования словарями, составляемыми иностранцами, т.к. в этих словарях, благодаря плохому знанию китайского языка иностранцев, много ошибок, а между тем в словаре почтенного составителя почти на каждой странице можно встретить неправильно передаваемых г. Чэн знаний русских слов. Напр., аорта — дыхательное горло (6-я стр.)»²²⁷.

²²⁶ СПб. филиал АРАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 633, л. 7.

²²⁷ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю (ф. 0100), 1933/1934, оп. 18, папка 181, л. 42 л. 84.

Примером большого желания Сергея Полевого максимально познакомить китайскую общественность с достижениями россиян в области литературного творчества можно считать предложенный им в декабре 1933 г. Посольству СССР в Пекине «Список литературы на русском языке», содержащий помимо 5 словарей и 5 энциклопедий 100 названий произведений советских авторов, возможных для перевода на китайский язык, который, однако, не был принят во внимание, судя по негативной резолюции одного из сотрудников Посольства, наложенной на этот документ: «Не выдерживает критики»²²⁸.

Интерес к советской литературе проявляли не только студенты, но и военно-служащие, в том числе воинских формирований, находившихся под влиянием или контролем КПК. Свидетельство тому — сохранившаяся в архиве М.Я. Аплетина записка Линь Цзу-ханя (тогда представителя 18-го корпуса НРА в пров. Шэньси), направленная в марте 1939 г. писателю Эми Сяо с просьбой содействовать присылке китайским войскам советских журналов и книг на русском языке через посредство ВОКС'а (даже с обещанием уплаты за это необходимой суммы денег). Ранее Эми Сяо (Сяо Сань) в письме от 8 января 1938 г. просил Иностранную комиссию ССП помочь в присылке литературных материалов переводчику произведения М. Горького «В людях» писателю Лоу Ши-и, решившего издавать в Гонконге (Сянгане) иллюстрированный журнал «Великий путь».

Из материалов переписки Эми Сяо с М.Я. Аплетиным видно, какие именно произведения советских писателей пользовались наибольшим спросом и какие новинки советской литературы, вопреки ограничительным мерам гоминьдановских властей, всё же попадали китайским писателям, работавшим в Яньани. Благодаря книжным посылкам из СССР в Китае появились статьи, посвященные В. Маяковскому и другим советским поэтам.

Разумеется, идеи советских писателей представителями различных слоев китайской общности воспринимались различно, причем в устах некоторых политических лидеров Китая они тесно увязывались с потребностями текущего момента, чаще всего с задачами борьбы китайского народа с внешней агрессией. Наиболее характерным примером в этом отношении можно считать речь «христианского маршала» Фэн Юй-сяна, произнесенная в самом большом театре Чунцина по случаю 3-й годовщины кончины А.М. Горького. «Наш национальный враг — японский империализм, — подчеркивал Фэн, — служит реакции не только на Востоке, но и во всем мире. Мы боремся не только за свое национальное спасение, но и за спасение гуманизма. В этом деле М. Горький является нашим идейным вдохновителем... Пусть нашим боевым лозунгом будут слова Горького: “Если враг не сдается, его уничтожат!”... не все еще среди нас проникнуты чувством энтузиазма в деле вооруженного сопротивления; как этого достигнуть — учит нас Горький»²²⁹.

²²⁸ Там же, л. 71–78.

²²⁹ Интернациональная литература, 1940, № 7–8, с. 159; *Хохлов А.Н.* Интерес к русской и советской литературе в Китае конца 30-х — начала 40-х гг. XX в. // Ки-

Важную роль в популяризации произведений русских и советских писателей играл издававшийся с 1939 г. в Чунцине под редакцией историка Хоу Вай-лу журнал «Чжун-Су вэнь-хуа» («Культура Китая и СССР», 1936–1949, Нанкин, Ханькоу, Чунцин, Нанкин. — *А.К.*), опубликовавший ряд статей советских авторов, в т.ч. китаистов — В.Н. Рогова, А.А. Иванова (А. Ивина) и др. В связи с развернувшейся в Китае кампанией отправки писем в действующие на фронте воинские части журнал поместил на своих страницах некоторые письма китайских писателей, которые выражали восхищение действиями советских воинов-интернационалистов, сражавшихся на китайской земле против японских агрессоров. Одно из таких писем, написанное писателем Ай У, было обращено к советским писателям. В нем говорилось: «Хотя в наших газетах и не упоминается, сколько самолетов и летчиков вы нам послали, сколько заняли нам денег, но каждый человек, узнав что-либо о вашей, дорогой нам помощи, передает [это известие] десяти другим... Поэтому дружба к вам так глубока в наших сердцах, как корни дерева в земле»²³⁰.

С расширением взаимного книгообмена стали возникать творческие дискуссии, началом которых послужила статья известного историка и литературоведа Го Мо-жо, вышедшая в свет в 1940 г. в июньском номере китайского журнала «Чжун-су вэнь-хуа» под названием «Содействовать обмену (цзяолю) между литературами Китая и СССР». 28 июля 1940 г. ее в переводе Л.З. Эйдлина опубликовала в сокращенном виде «Литературная газета» под своим заголовком «Общение двух литератур».

Чтобы напомнить краткое содержание обемистой статьи Го Мо-жо, приведем из нее лишь несколько выдержек, в том числе один из пассажей, опущенных «Литературной газетой» из перевода Л.З. Эйдлина. Статья китайского литературоведа начинается с констатации общих соображений автора относительно характера и роли художественной литературы в жизни разных народов, отчасти напоминающих теоретическое обоснование рассматриваемой в статье темы. В этом введении, в частности, указывалось: «Художественная литература — отражение действительности, суждение о жизни. У всех народов различны присущие им внутренние особенности и внешние естественные условия, а отсюда и жизнь одного народа отлична от жизни другого, и эти особые условия действительности порождают всевозможные, присущие этому народу формы сознания, идеологического выражения этой действительности. Одной из этих форм является художественная литература.

Художественная литература отмечена в большей или меньшей степени своими, особенными содержанием и формой. Поэтому взаимосвязь между литературами народов приводит к изменению литературных форм, приводит к тому, что литература в свою очередь влияет на жизнь народа и изменяет её».

тай и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов III Международной научной конференции (Москва, 5–7 октября 1992 г.). М., 1992, ч. 2.

²³⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 594, л. 29.

Любопытны мысли и суждения Го Мо-жо об индийском влиянии на китайскую классическую литературу периода средневековья. Вот что писал по этому поводу китайский ученый: «На старую китайскую литературу чрезвычайно глубокое влияние оказала литература индийская. Легче и яснее всего заметно влияние Индии на такие искусства, как живопись, резьба, лепка, строительное искусство... На стихах и песнях, как на тех, что написаны так наз. аристократическим языком “вэнь-янь”, так и на тех, что написаны так наз. народным языком “бай-хуа”, лежит глубокий след индийского влияния. Фактом, не требующим доказательства, является буддийское мировоззрение танских и сунских поэтов. После открытия сберегавшихся в Дуньхуане танских “бянь-вэнь” (“измененной литературы”) (жанр буддийской литературы, возникший на рубеже VIII–IX вв. — А.К.) особенно поражает глубина индийского влияния на танскую и сунскую народную литературу. “Бянь-вэнь” — сочетание прозы с рифмованными стихами, форма, вначале создававшаяся на основе переработки буддийских канонических книг и таким образом популяризовавшая буддизм, а впоследствии создаваемая на основе народных сказаний. Эта форма в Китае самая новая и, безо всяких сомнений, пришедшая из Индии».

Особое внимание Го Мо-жо уделял вопросу о русском влиянии на китайскую литературу, связывая его с «движением 4 мая» 1919 г., развернувшимся в Китае среди широких слоев населения в знак протеста против решения Версальской мирной конференции о сохранении за Японией особых прав и привилегий на часть Шаньдунского полуострова — территорию бывшей германской колонии, захваченной японскими войсками в период Первой мировой войны. Китайский исследователь в этой связи писал: «Новая литература, начиная с движения 4 мая („у-сы юнь-дун“) была создана после знакомства с современной европейской и американской литературой, и мне думается, что помог этому и перевод Библии на народный язык („бай-хуа“). Неодинаково влияние различных государств на различные формы литературы; на искусство рассказа главенствующее влияние оказала, бесспорно, литература русская. Все лучшие произведения лучших дореволюционных русских писателей были переведены на китайский язык. Имена Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова также близки китайскому читателю, а иногда и более близки, чем имена Ши Най-аня, Ло Гуань-чжуна, Цао Сюэ-циня, Пу Сун-лина». Касаясь возрастающего знакомства китайских читателей с произведениями А.М. Горького за последнее десятилетие, Го Мо-жо исключительно высоко оценивал значение его творчества для Китая. «Влияние Горького, — подчеркивал он, — больше, чем влияние литературное. Китайские писатели преклоняются перед ним, любят его, следуют ему...

Писатели у Горького учатся жизни и творчеству. Мы от Горького узнаем не только, как нужно писать или о чем писать, но и учимся тому, как жить и какими быть.

Во всей большой истории китайской литературы не найти того, кто мог бы соперничать с Горьким в духовном влиянии на китайского писателя».

Касаясь взаимодействия литератур СССР и Китая в деле обмена художественными ценностями (посредством книг), Го Мо-жо указывал на отставание в переводе на русский язык произведений китайских писателей, сравнивая поступление советской литературы в Китай с «бурным потоком», а китайскую литературу, поступающую в Советский Союз, — с «узким ручейком». При этом он выражал надежду, что «литература Китая и Советского Союза будет всё более планомерно и непрерывно переводиться. Лучшие произведения лучших писателей и даже полные собрания их сочинений, надеемся мы, будут по-настоящему представлены читателю. Так, например, мы надеемся получить на китайском языке полное собрание сочинений Горького. Для осуществления этого нужна определенная система, нужно дружное сотрудничество советских и китайских работников. Кроме произведений как таковых, необходимо ознакомиться с процессом творчества и методами творчества. Если я отклонюсь от литературы для иллюстрации этого примером, тогда это требование станет более понятным... У меня есть друг — начальник военного завода, он попросил меня достать ему книгу об организации производства в Советском Союзе; есть у меня друг, занимающийся изучением процессов развития сельского хозяйства, он попросил меня достать материалы о колхозах в Советском Союзе. Требования писателей не должны отличаться от этих требований. Правда, некоторые говорят, что творчество литературно разнится от производства промышленного и сельскохозяйственного... Я думаю, что литературное творчество также можно развивать, применяя научные методы... я горячо и искренне ... надеюсь, что связи двух великих народов Китая и Советского Союза будут еще теснее и литература этих двух великих народов поднимется на ещё более высокую ступень».

На статью Го Мо-жо, авторитетного знатока китайской классической литературы, откликнулся один из видных китаистов-журналистов А.А. Иванов, опубликовавший 1 сентября 1940 г. в «Литературной газете» под своим привычным псевдонимом — А. Ивин статью «Бурный поток и узкий ручей». Заимствовав брошенное Го Мо-жо сравнение относительно неравноценности взаимных книжных потоков художественной литературы, существующих между двумя соседними странами, автор высказал ряд критических замечаний в адрес некоторых советских журналов, отдававших, как правило, предпочтение произведениям западных писателей. Говоря о китайской литературе, автор статьи, в частности, констатировал: «По сравнению с западными литературами ей отводится непропорционально малое количество страничек, куда, разумеется, не втиснешь такой капитальной вещи, как „Цзы-е“ („Перед рассветом“. — А.К.) (романа, принадлежащего кисти наиболее известного в то время китайского писателя Мао Дуня. — А.Х.)». Как постоянный читатель журнала «Интернациональная литература» А. Ивин критически оценивал сложившуюся в его редакции практику, когда при подготовке очередного номера «китайский материал» помещали в него лишь на основании ложно понятой «злободневности», без учета его художественной ценности. Указывая

на неравное положение китайской тематики сравнительно с прочей, иностранной, А. Ивин подчеркивал: «Если бы китайская литература не была зажата редакцией в прокрустово ложе, то, потеснив немножко западные литературы, она могла бы найти местечко для наиболее краткого из своих шедевров».

Статья А. Ивина была вскоре опубликована в китайском журнале «Чжун-Су вэнь-хуа» (№ 5, 23 октября 1940 г.), что указывало на её актуальность не только для нашей отечественной литературы. Ее особая значимость сохраняется в России и в наши дни, когда заметно снизился интерес российских издателей к произведениям китайских авторов, хотя среди них есть немало оригинальных и талантливых писателей — прозаиков и поэтов.

Несостоятельность двойного стандарта в оценке литературных творений писателей Востока и Запада, проглядывавшего порой в издательской деятельности СССР того времени, прекрасно понимали не только известные российские востоковеды, но и начинающие исследователи.

Важным каналом распространения правдивой информации об СССР и творческой деятельности советских писателей служили контакты сотрудников советского посольства в Чунцине (Н.Т. Федоренко, С.Л. Тихвинского, Б.И. Панкратова и др.) с деятелями китайской культуры. Об этом свидетельствуют опубликованные и сохранившиеся в архивах письма Го Мо-жо, Хоу Вай-лу и других известных в Китае лиц, в т.ч. начинающих писателей и переводчиков²³¹.

Начавшиеся контакты в книгообмене между Советской Россией и республиканским Китаем в период антияпонской войны (1937–1945) получили дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), несмотря на тяжелые условия доставки советских книг и журналов, а также фильмов через Синьцзян в города собственно Китая. Помимо плохой погоды и сложного рельефа местности, по которой пролегал (сухопутный или воздушный) маршрут, причиной отказа от выполнения заказа могла стать дороговизна воздушной почты, требовавшей не только соблюдения определенного веса посылки, но и высокой оплаты ее иностранной валютой. Так было, согласно письму Л. Кисловой, члена Правления ВОКС'а, с заказом «Международной книги» китайской газеты «Да гун-бао» в октябре 1943 г.²³²

Более часто «сбои» в работе международной почты происходили из-за излишнего веса посылки, о чем позволяет судить, например, письмо Л.Д. Позднеевой к Цао Цзин-хуа (в сообщении заведующего Восточным отделом ВОКС'а К. Янцева от 23 мая 1943 г. (№ 290/В) к уполномоченному ВОКС'а в Чунцине советнику Скворцову):

«Вы в своем письме отмечали небрежность при отправке почты, выражающуюся в нехватке тех или иных брошюр. Такие случаи всегда могут быть ввиду того, что мы строго ограничены весом [посылок] и иногда, если выяснялся излишек веса, были вынуждены оставлять [на месте] какой-либо из па-

²³¹ Подробнее см.: Приложение.

²³² ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 34, л. 13.

кетов. Так случилось и с последней почтой, в которую не попали указанные в описи книги: В. Гроссман [„Народ бессмертен“], Павленко, Усиевич и др.»²³³

В книгообмене с советской Россией участвовали и дипломаты республиканского Китая. Об этом свидетельствует, например, уведомление китайского посольства (с круглой посольской печатью голубого цвета) за № 739/33 с нижеследующим текстом:

«Китайское посольство, свидетельствуя свое уважение, имеет честь при сем препроводить 21 экз. книг и 14 экз. журналов китайской современной литературы.

Приложение: упомянутое.
Москва, 29 июня 1944 г.»²³⁴

§ 4. Советско-китайские связи в сфере книгообмена после образования КНР

Разгромом частями Советской Армии отборных японских войск в Маньчжурии в августе-сентябре 1945 г. завершилась длительная, порой неравная и кровопролитная борьба китайского народа за независимость своей страны, ставшей объектом вооруженной агрессии со стороны милитаристской Японии.

Положительный опыт, накопленный в области культурного сотрудничества и, в частности, в деле книгообмена с Китаем в 30–40-е годы (в том числе в период анти-японской войны 1937–1945 гг.), не пропал даром. После образования КНР (1 октября 1949 г.) возможности приобретения китайских книг заметно расширились, в т.ч. для китайстов-переводчиков, работавших на бывшей КЧЖД (Китайско-Чанчуньской железной дороге) либо на промышленных объектах, создаваемых при деятельном участии советских специалистов.

Если вспомнить ситуацию с двусторонним книгообменом начала 50-х гг., связанных с периодом восстановления библиотечных связей между двумя соседними странами, то одной Библиотекой Академии наук (г. Ленинград), по подсчетам Г.Я. Смолина, в 1950 г. было получено 2091 экз. китайских книг, в 1951 — 3177 экз., в 1952 г. — 3974 экз., в 1953 г. — 9244 экз. и в 1955 г. — 18 520 экз.²³⁵

Рост книгообмена с КНР в 50-е годы подтверждается и увеличением числа научных (в т.ч. неакадемических) учреждений и библиотек Китая, с которыми тогда были установлены связи. Если в 1948 г. таких организаций насчитывалось 14, то в 1949 г. — 57, а в 1952–54 гг. — 126²³⁶.

К середине 50-х гг. в обмене литературой с СССР было задействовано почти 300 институтов, научных обществ, издательств, библиотек и научных

²³³ Там же, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 34, л. 43, 45.

²³⁴ Там же, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 39, л. 49.

²³⁵ Смолин Г.Я. Библиотека Академии наук и Китай // Научные и культурные связи Библиотеки АН СССР со странами зарубежного Востока. М.–Л., 1957, с. 22.

²³⁶ Там же, с. 23.

учреждений КНР. Что же касается СССР, то, по словам одного из деятелей КПК Ху Цяо-му, только в течение 1950 г. в КНР было ввезено свыше 10 млн. советских книг. Чтобы обеспечить реализацию этой книжной продукции китайскому населению, книготорговым организациям КНР даже пришлось ограничить свои заказы в СССР на 1951 г. (до 2 млн. книг)²³⁷.

*По словам известного китайского писателя Мао Дуня, с октября 1949 г. по декабрь 1956 г. в КНР было издано 2746 единиц (названий) советской художественной литературы*²³⁸.

С преодолением серьезных финансовых затруднений, обнаружившихся после распада СССР в заметном сокращении выпуска научной и общеобразовательной литературы, а также в значительном уменьшении привоза иностранных книг, ситуация на книжном рынке в 90-х гг. XX в. явно улучшилась и в России, и в Китае, о чем свидетельствовали выставки китайских книг, состоявшиеся в различных библиотеках Москвы и С.-Петербурга.

С образованием КНР в 1949 г. процесс ознакомления российской научной общественности с китайской книжной культурой получил новый стимул, особенно в 50-е годы, когда в 1956 г. был открыт Институт китаеведения АН СССР. Несмотря на губительные последствия для китайской культуры т.н. «культурной революции», вызвавшей серьезные трудности в поддержании дружественных отношений между СССР и КНР, прежде активный книгообмен между этими странами значительно сократился и лишь в 70–80-е гг. в ходе урегулирования взаимных претензий, возникших на почве идеологического противоборства, появились условия для взаимного книгообмена, проявившегося с китайской стороны в организации в СССР книжных выставок с демонстрацией лучших образцов научной литературы. Таковой была, например, выставка, организованная в Москве в 1989 г. Академией общественных наук КНР. На ней было представлено более 500 названий изданных в течение 10 лет китайских книг, которые были разделены по своему содержанию на 7 групп, а именно: 1) марксизм-ленинизм, 2) философия (чжэсюэ), эстетика (мэйсюэ) и религия, 3) экономика, 4) литература и языки (филология), 5) история и археология, 6) политика и право и 7) общий раздел, в который была включена литература универсального характера²³⁹.

Более подробно следует сказать о выставке китайских книг, проходившей во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино с 7 по 20 декабря 1993 г. Она называлась «Китай сегодня» и была организована Посольством КНР совместно с руководством упомянутой библиотеки. На ней было представлено до 250 книг, посвященных широкому кругу проблем современного Китая и его культурного прошлого. Основную часть книжной продукции составили издания, отражающие динамичный ход

²³⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 44, д. 14, папка 44, л. 2.

²³⁸ РГАЛИ, ф. 631, оп. 26, ед. хр. 5426, л. 2.

²³⁹ Подробнее см. печатный каталог выставки на китайском языке: «Чжунго шэньхуй кэсюэюань сюэшу чжуцзо чжаньлань» (1989 г.).

экономических реформ, проводимых руководством КНР в последние годы. Неслучайно среди экспонируемых книг внушительное место заняли солидные справочники и монографические разработки, содержащие подробные статистические сведения о темпах хозяйственного строительства в Китае 70–80-х гг., что дало специалистам-исследователям возможность строить обоснованные прогнозы относительно будущего этой крупнейшей азиатской державы. При всей условной точности и объективности приводимые в этих книгах новые сведения, дополняющие и подчас суммирующие материалы китайской прессы и научной периодики, позволяют говорить о существенных позитивных результатах экономической политики центрального правительства и местных властей КНР. Для большей убедительности эти итоги показаны, как того, судя по всему, хотели устроители выставки, в широкой панораме достижений КНР в специально «открытых» для иностранного предпринимательства зонах, которым предоставлен режим наибольшей самостоятельной деловой активности как в сфере приема иностранных вкладов, так и в выборе наиболее эффективных форм хозяйствования.

Среди книг, посвященных конкретным проблемам современного экономического развития КНР, особым вниманием посетителей, главным образом научных сотрудников, преподавателей и студентов-восточников, пользовался сборник материалов о динамике основных показателей экономического роста в 1980–1989 гг. в специальных зонах и в осваиваемых с помощью новейшей технологии приморских районах (см.: «Чжунго цзинци тэцуй юй аньхай цзинци цзишу кайфацуй нянь-цзянь»). Весьма интересной и во многом поучительной — с точки зрения хозяйственного исторического опыта — нашли некоторые историки-экономисты книгу под названием «Извилистый путь» («Цюйчжэды личэн»), где в хронологической последовательности даны основные экономические мероприятия китайских властей с 1919 по 1978 г. Подобный ретроспективный взгляд на политику китайского государства в сравнительно недавнем прошлом позволяет не только сравнить прошлое с настоящим, но и гораздо полнее и точнее определить возможные перспективы дальнейшего развития экономики КНР.

Среди других книг, касающихся проблем нынешнего развития китайской экономики, заслуживают упоминания такие, как «Стратегия экономического развития» («Цзинци фачжань чжаньлюэ»), «Модернизация Китая и экономические реформы» («Чжунго ды сяньдайхуа хэ цзинци гайгэ»), «Теория и практика акционирования в Китае» («Чжунго гуфэньчжи лилунь юй шицзянь»), «Инфляция в Китае» («Чжунго тунхо пэнчжан») и др.

Большому уяснению положительной роли экономических перемен в КНР, помимо знакомства с книгами и разнообразными альбомами, содействовал показ в день открытия выставки китайского хроникального фильма, рассказывающего о трудовой жизни населения «открытых» зон, где по сравнению с другими регионами страны меньше видны социальные контрасты, вырастающие на почве частичной безработицы и банкротств торговых фирм.

Довольно скромное место на книжной выставке заняли новинки по истории и культуре Китая. Среди них наиболее интересны и ценны монографии и сборники исторических документов, повествующие о различных периодах развития китайского общества. В серии исследований по истории маньчжурской династии Цин (1644–1911) («Цинши яньцзю цуншу») живой интерес среди посетителей специалистов вызвали книги Чжэн Чан-ганя (о товарном хозяйстве китайской деревни при династиях Мин и Цин) и У Тин-цзя (о движении за реформы 90-х гг. XIX в.).

Приступающие к разработке проблем новой и новейшей истории Китая высоко оценили сборники документов, издаваемые под редакцией Пэн Мина, известного в нашей стране своими работами по истории советско-китайских отношений. Из 6-ти томов этого издания под названием «Чжунго сяньдайши цзыляо сюаньцзи» на выставке экспонировалось 4 (соответственно за 1919–1923 гг., 1924–1927 гг., 1937–1945 гг. и 1945–1949 гг.).

Повышенное внимание посетители выставки, особенно этнографы, проявили к красочным альбомам, наглядно раскрывающим жизнь национальных окраин Китая, при этом многих заинтересовала эволюция китайского, в т.ч. женского, костюма. Она частично представлена в «Истории китайской одежды в эпоху древности» («Чжунго гудай фуше ши»). Особенно удивили посетителей поразительное изящество и оригинальность китайских женских украшений, данных в исторической последовательности в монографии.

Исследователи китайской духовной культуры смогли полнее представить историю буддизма в Китае путем беглого ознакомления с книгой «Буддизм в Пекине» («Бэйцзин фоцзяо»). Собранные в ней уникальные материалы о памятниках этого религиозно-философского учения прекрасно иллюстрируют и дополняют соответствующие пассажи из дневника известного китаевода В.М. Алексеева «В старом Китае».

Преподавателям китайского языка и желающим заняться его изучением была предложена разнообразная методика учебной литературы. В настоящее время она обильно издается в КНР в связи с ростом интереса к Китаю как в западных странах, так и в России. На выставке были, в частности, представлены 3-й и 4-й выпуски учебника «Основы китайского языка» («Цзичу ханьюй кэбэнь»), а также другие пособия по китайскому языку.

Из книг, привлечших наибольшее внимание специалистов, помимо выборочно указанных выше, нельзя не упомянуть книгу Ван Лэя по истории медицины в Тибете («Сицзан исюэ ши»), «Очерк истории журналистики в Китае» («Чжунго синьвэнь шиэ тунчжи») и др. Содержательной по информации оказалась брошюра «О тибетском вопросе», изданная на китайском языке в 1991 г. Судя по всему, она предназначена китайским студентам, обучающимся в России и западноевропейских странах.

Помимо книжной продукции, переданной Посольством КНР в дар Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, здесь экспонировались произведения китайской традиционной живописи и различные

изделия китайского ремесленного производства, свидетельствующие о высоком профессиональном уровне художников, а также народных умельцев. Лучшему пониманию современного Китая способствовало распространение среди посетителей выставки популярного издания на русском языке «Это — КНР» (Выпуск 3, 1993). Оно содержит массу полезных сведений, касающихся государственной системы этой страны, ее внутренней политики и внешних экономических связей, а также многонационального состава населения и его многоликой культуры. Благодаря данной публикации посетитель выставки смог познакомиться с разнообразной гаммой полезной информации, в том числе с упражнениями «цигун», помогающими формированию стройной фигуры, и начальными правилами написания китайских иероглифов, а также с рецептурой приготовления некоторых популярных в Китае блюд (напр., бифштекса в кунжутных зернах, хорошо известного жителям Маньчжурии — ныне Северо-Восточного Китая).

Если выставка «Китай сегодня», состоявшаяся в декабре 1993 г. во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ), была посвящена общей характеристике этой крупнейшей в Азии страны (ее экономике и культуре), то другая выставка, состоявшаяся здесь, была посвящена истории ксилографического способа книгопечатания (с помощью деревянных досок), получившего распространение (вместе с буддизмом) в Восточном Туркестане и примыкающих к нему землях Китая. Как известно, старейшие образцы ксилографии датируются 20–40 гг. VII века. Из Восточного Туркестана (ныне части Синьцзяна) они были заимствованы тибетцами в X–XI вв., а затем получили распространение в других регионах в Центральной Азии и Дальнего Востока. На выставке было представлено около 50 китайских, монгольских, тибетских и японских ксилографов XVII–XIX вв. из фондов ВГБИЛ, а также Государственной публичной исторической библиотеки (предоставивших часть своих тибетских ксилографов). На выставке экспонировались все три основные формы центральноазиатской ксилографической и рукописной книги: «гармоника» (два тома издания «Сутры золотого блеска»), «потхи» — тибетские и монгольские экземпляры (с имитацией индийских книг на пальмовых листьях) и «бабочки» (китайского происхождения). Последняя форма, как полагают некоторые исследователи, безраздельно господствовала в китайском книгопечатании до 1911 г.

Из выявленных нами 4-х китайских ксилографов лишь два попали в печатный каталог «Искусство ксилографированной книги» (М., 2005), изданный с фотоснимками 22-х китайских ксилографов с русским переводом их названий. Из этих двух экземпляров одно сочинение (1885 г. без указания места издания) называется (в русской транскрипции) «Дэ-у-жэнь-чжай цунь-гао» («Уцелевшие рукописи кабинета Дэ-у-жэнь»), а другое — «Дун Юн пэй-сянь цзи-цзе цзинь-цюань» (изд. в Гуанчжоу, в XIX в.).

Общий каталог китайских, монгольских, тибетских и японских ксилографов и рукописей был подготовлен к международной конференции — 48-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (ПИАК), намеченной на 10–15 июля 2005 г. Выставка же работала с 13 июля по 13 августа 2005 г., что указано на титульном листе печатного каталога.

§ 5. Современные фонды китайских книг в государственных и личных библиотеках России

Уникальным по количеству и тематике китайских сочинений ныне представляется собрание ксилографов и старопечатных книг бывш. Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Института восточных рукописей РАН), появившееся в 1913 г. и связанное с именем упорядочившего его В.М. Алексеева. В «Отчете о деятельности Азиатского музея за 1913 г.» по этому поводу сказано: «В.М. Алексеев взялся с особым интересом за ревизию значительной массы китайских книг, распадающейся на длинный ряд отдельных коллекций»²⁴⁰.

О подобной каталогизации В.М. Алексеевым «быстро разрастающейся китайской библиотеки» в последующие годы в аналогичном отчете Азиатского музея за 1917 г. указано: «Заведующий Дальневосточным отделом младший хранитель В.М. Алексеев продолжал регистрацию и каталогизацию китайских книг, поступивших до 1 января 1917 г.»²⁴¹.

Любопытную оценку первых шагов В.М. Алексеева в формировании фонда китайских книг находим в статье С.Ф. Ольденбурга, который в 1918 г. писал о нем:

«Его деятельность за последнее десятилетие состояла, главным образом, в систематизации китайского отдела [старо]печатных книг и рукописей Музея, который к 1913 г. состоял из разрозненных собраний, разным образом попадавших сюда... отдел был в состоянии предоставить достаточно ценный материал некоторым специалистам, но никакая научная работа при современных требованиях синологии в нем производиться не могла. В задачу работы В.М. Алексеева ... входило, таким образом, превращение отдела Музея из архивного депо в лабораторию современного синолога»²⁴².

Важно отметить, что именно в эти годы В.М. Алексеев, по словам С.Ф. Ольденбурга, «составил алфавитный каталог, являющийся вместе с тем и библиографическим указателем, в который вошли, путем переименования

²⁴⁰ Отчет о деятельности Азиатского музея имп. Академии Наук за 1913 г. СПб., 1914, с. 3.

²⁴¹ Отчет о деятельности Азиатского Музея имп. Академии наук за 1917 г. Петроград, 1918, с. 6.

²⁴² *Ольденбург С.Ф.* Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913–1918 // Известия Российской Академии наук, VI серия. Петроград, 1918, с. 1747.

щихся сопоставлений, все заглавия в их надлежаще расчлененном виде, дающем возможность сейчас же составить полную картину имеющегося на данную тему материала. Изданием этого предварительного каталога-указателя В.М. Алексеев намерен заняться в ближайшее время, при первых признаках возможности»²⁴³.

К сожалению, этот каталог не удалось издать, и он до сих пор находится на хранении в библиотеке Института восточных рукописей АН РАН в виде обширной картотеки книг более 10 тыс. названий, в которую в разные годы внесились дополнения ведущими специалистами — исследователями Китая, среди которых следует упомянуть Ю.В. Бунакова, Б.А. Васильева, А.А. Драгунова, К.К. Флуга, а также З.И. Горбачеву, занимавшуюся унификацией карточек.

Ныне трудно проследить историю каждого экземпляра, попавшего в общую коллекцию китайских ксилографов, отчасти потому, что до 1963 г. не было ее инвентаризации. О ее истории также отчасти помогают судить лишь перечни отдельных поступлений, нередко содержащие только самые краткие сведения.

Ниже указаны лишь некоторые перечни наиболее известных личных коллекций:

«Каталог книгам коллекции, купленной в 1868 г. у господина З.Ф. Леонтьевского» (из 146 китайских названий), «Каталог книг, купленных для Азиатского Департамента [МИД] у вдовы надворного советника Григория Розова» (из 62 названий), «Коллекция китайских книг и рукописей Гудзенко» (из 55 названий, поступивших в 1902 г.), «Список китайских книг из собрания Э.В. Бретшнейдера» (из 23-х названий, поступивших в 1910 г.), «Коллекция проф. А.О. Ивановского» (около 250 названий сочинений на китайском и маньчжурском языках, поступивших в 1910 г.), «Список китайских книг, привезенных В.М. Алексеевым из путешествия в Китай летом 1912 г. и переданных в Азиатский Музей Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии» (из 168 названий), «Список китайских книг, приобретенных для Азиатского Музея в г. Кантон (Гуанчжоу) российским имп. Генеральным консулом А.Т. Бельченко» (4 собрания — цуншу, сочинения Тао Юань-мина и каталог книг, поступивших в 1916 г.), «Список книг, приобретенных в Пекине через [начальника русской почтовой службы] Г.Н. Гомбоева» (из 5 названий, поступивших в 1916 г.), «Список китайских книг, присланных А.И. Ивановым в 1923 г.» (из 14 названий)²⁴⁴.

В 1961–1963 гг. авторы данного каталога вместе с Л.Г. Казаковой составили полный инвентарь китайского фонда, в котором оказалось примерно 50 тыс. единиц хранения (бэней), сгруппированных соответствующими шифрами.

²⁴³ Там же, с. 1750.

²⁴⁴ Подробнее см.: *Вахтин Б.Б., Гуревич И.С., Крель Ю.Л., Стулова Э.С., Торопов А.А.* Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М., ГРВЛ, 1973, л. 7–8.

При систематизации материалов в коллекции ксилографов специалисты-китаисты исходили из специфики собрания книг, основу которой составляли произведения китайской «высокой» литературы — вэньсюэ, предполагающей традиционное разделение ее на четыре раздела — сы-бу или сы-ку («четыре раздела» или «четыре хранилища»). Хотя эта традиционная классификация в течение столетий претерпела ряд частных изменений, ее основа осталась почти неизменной, что нашло отражение в каталоге «Сы-ку цюань-шу цзун-му», составленном в XVIII в. В дальнейшем развитии китайской библиографии в этот каталог стали включать новые рубрики и даже отделы (например, раздел для «цун-шу»).

Для облегчения работы с данным каталогом авторы, опираясь на прецеденты, имеющиеся в трудах более поздних и современных китайских библиографов, оговорили некоторые поправки и дополнения к традиционной системе. Предлагаемая новая правила для описания каждого китайского сочинения, они снабдили его сведениями, касающимися шифра, титульного названия, места и года издания, фамилии и имени автора, составителя, комментатора и редактора, затем транскрипцией названия книги и имени автора и других лиц с последующим указанием томов, книг и глав (тао, бэней и цзюаней) соответствующего издания. Например, «Дай Цин лью-ли» («Основные законы и дополнительные постановления Великой династии Цин»), Сань Тай и др. [сост.], 4 тома, 32 бэня, 55 цзюаней.

В 1954 г. китайский фонд ксилографов упомянутого выше ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР пополнился коллекцией скончавшегося в 1951 г. В.М. Алексеева²⁴⁵ (в количестве 155 названий), а значительное число оставшихся в его библиотеке книг было передано в Москву в Институт востоковедения АН СССР (ныне ИВ РАН). Согласно служебной документации, случайно сохранившейся в Синологической библиотеке Института научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН), созданной 6 марта 1958 г., тогдашним Институтом востоковедения было принято в 1955 г. книг от ленинградского отделения «Академкнига» по счету № 57-а от 10 июня 1954 г. в количестве 495-ти экземпляров на общую сумму 17 766 руб. 50 коп. (акт приема № 74 от 8 июня 1955 г.) и по счету № 57-б от того числа в количестве 881-го экземпляра на общую сумму 86 045 руб. (акт приема № 103 от 30 сентября 1955 г.). В 1956 г. этим институтом было принято книг от ленинградского отделения «Академкнига» по счету 57-а от 10 июня 1954 г. в количестве 1 281 экземпляров на общую 48 115 р. 25 коп.

²⁴⁵ С учетом активного участия В.М. Алексеева в работе ССП (путем деловых и творческих встреч с сотрудниками иностранного отдела и консультаций, даваемых им при оценке получаемой из Китая печатной продукции, а также личных контактов с российскими и китайскими писателями) М.Я. Аппетин, открывая 14 мая 1951 г. очередное собрание коллег по перу, предложил почтить память недавно скончавшегося в Ленинграде известного ученого-китаиста академика Василия Михайловича Алексева. См.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 26, ед. хр. 5386, л. 1.

(акт приема № 4 от 31 марта 1956 г.) и по счету № 57-б от того же числа в количестве 222 экземпляров на общую сумму 1966 р. 40 коп.

С учреждением Института китаеведения в системе Академии наук СССР (согласно решению от 25 октября 1956 г.) основная масса китаеведной литературы, в том числе бывшей личной библиотеки акад. В.М. Алексеева (с новым значительным набором китайских ксилографов и других материалов на китайском языке), стала достоянием Синологической библиотеки, о чем свидетельствует акт (без номера и даты приема) о передаче библиотеки (коллекции) акад. В.М. Алексеева из ведения Института востоковедения (представитель Д.Ф. Бродская) в распоряжение Института китаеведения (представители Д.Н. Зильберг и А.С. Костяева). В полученной коллекции известного китаеведа насчитывалось, согласно описи, 3438 экземпляров, оцениваемых на общую сумму в 169 933 руб. 90 коп. Помимо исключительно ценных справочных китайских изданий типа «Сы-ку цюань-шу цзун-му» и специальных книг, в ней широко представлены ксилографы и старопечатные (преимущественно до 1911 г.) книги крупнейших библиотек Китая, особенно пекинских, а также материалы, касающиеся различных отраслей синологии.

«Коллекция Алексеева» (как указано на овальной печати каждой книги) включает изданные на китайском языке и труды отечественных китаеведов, главным образом в виде учебных пособий либо научных работ, посвященных разной тематике. Из учебных пособий можно указать следующие: *Д.А. Пещуров*. Китайские тексты (СПб., 1901 г.), *он же*. Материалы для китайской хрестоматии... (СПб., б/г.); *П.С. Попов*. Избранные китайские тексты (СПб., 1905); *Я.Я. Бранд*. Образцы китайского официального языка с русским переводом и примечаниями (Харбин, 1909), *А.И. Иванов*. Хуа-юй чу-цзи ду-бэнь (Пекин, 1910), *П.С. Попов*. Сюй чжун-вэнь сюань. Дополнительные избранные тексты (СПб., 1911), *А.О. Ивановский*. Образцы китайских юридических текстов (СПб., 1911), *А.В. Рудаков*. Образцы новейших официальных бумаг и государственных актов (Владивосток, 1912), *В.С. Колоколов*. Учебник китайского языка. Курс 2-ой (Ч. 1. М., 1933), *Ю.К. Щуцкий*. Следы стадильности в китайской иероглифике (б.м., б.г.), К вопросу об установлении общеобразовательной популярной и научной системы русской транскрипции китайских иероглифов (б.м., б.г.), К вопросу латинизации китайской письменности (б.м., б.г.), Программа по китайскому языку для начальствующего состава Красной Армии (М., 1941) (все последние три книги — без указания автора) и др.

Коллекция В.М. Алексеева наиболее полно отражает его научные интересы и исследовательские разработки, касающиеся преимущественно традиционной литературы древнего и средневекового Китая, о чем свидетельствуют китайские сочинения, включенные в список передаваемых книг из Ленинграда в Москву, и, в частности, приводимые ниже: 1) Сяньчжу Ляо Чжай чжи ту-юн». 1906, 8 т. (№№ 215–216); «Бай-хуа Ляо чжай чжи, 1932, 4 т. (№ 226).

2) Тао Юань-мин (Тао Цянь) цзи (Стихотворения. 4 бэня, б.м., № 239), Тао Юань-мин [Стихи]. 1924, 1 кн. (№ 746).

Полный список литературных произведений Китая с эпохи древности и средневековья завершается ксилографическими изданиями цинского времени:

1) Цин-го су-юэ цзи (Собрание простонародных песен в государстве Цин). Шанхай, 1908, т. 1–2 (№ 357);

2) Бо-ань синь-бянь (Новое собрание решенных уголовных дел) (дефектный экземпляр) (№ 702);

3) «Цзэн Вэнь-чжэн-гун шу-чжа» (Записки Цзэн Го-фаня). 10 бэней и др.

В полученной части библиотеки акад. В.М. Алексеева широко представлены не только популярные китайские сочинения древнего и средневекового Китая, его новой и новейшей истории, но и переводы (Го Мо-жо, Цао Цзин-хуа и др.) на китайский язык русской литературы, начиная со стихов А.С. Пушкина и «Войны и мира» Л.Н. Толстого до произведений советских писателей периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Алексея Толстого, К. Симонова, М. Зощенко, Корнейчука, Ванды Василевской и др.).

Китайские ксилографы, составляющие главное ядро коллекции В.М. Алексеева, размещены в двух списках. Первый начинается со словаря «Кан-си цзы-дянь» (№ 1) и кончается «Вэнь-синь дяо-лун» (№ 1816) (в русской транскрипции), а во втором даны названия книг в иероглифике, иногда также сопровождаемой русской транскрипцией. По своему содержанию они, как правило, связаны с литературными интересами владельца коллекции. Китайская периодика (начиная с «Цзин бао» [«Столичный вестник». — А.К.] специально выделена, но она встречается и в списке китайских книг. Хотя в описании китайских книг порой указывается, что данный экземпляр является ксилографом, этот принцип, к сожалению, не всегда выдерживается, поэтому приходится ориентироваться по дате издания, если она указана. Приведем ниже и три примера касательно книг, на которых отсутствует указание на то, что они ксилографы:

1) Ли-чжи цзи-яо (Важнейшие сведения о чиновничьем управлении). 1823 (на китайском и маньчжурском языке) (№ 493).

2) «Чэн-юань чжи-люэ» («Описание Пекина»). 1878, 8 бэней (№ 801); и Чжэн-суй Вань-бао цюань-шу (Продолжение энциклопедии «10 тыс. сокровищ»). 1877. 8 бэней (№ 804).

3) Ти-цзоу цюань-гао (Полный текст докладов цинскому трону). 1881. 1 бэнь.

В конце акта (№ 183) о приеме алексеевского фонда китайских книг Институтом китаеведения имеется такое заключение: «Общая стоимость всех книг В.М. Алексеев двести восемь тысяч девятьсот семнадцать (208 917) руб.», при этом указаны бывшие члены комиссии (по его подготовке к передаче Институту востоковедения): к.и.н. З.И. Горбачева, научный сотрудник Б.[И.] Панкратов и доцент Л.З. Писаревский — сотрудники Ленинградского отделения Института востоковедения Академии Наук СССР.

Руководство Синологической библиотеки ИНИОН РАН намерено упорядочить свой китайский книжный фонд путем описания и каталогизации име-

ющейся у нее старой литературы, путем описания особенно редких ксилографов и старопечатной продукции к 50-летию юбилею указанной библиотеки.

В начале второго десятилетия XXI века российское Китаеведение обогатилось двумя каталогами старопечатных китайских книг, находившихся в библиотеках С.-Петербургского университета. Первое из них «Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского университета», подготовленное Е.А. Завидовской и Д.И. Маяцким, вышло в свет в 2012 г. А второй под названием «Рукописи и ксилографы на восточных языках в научной библиотеке им. М.Горького СПбГУ» появился в 2014 г. под редакцией В.Л. Успенского. Оба издания не могут не радовать истинных любителей восточной книги, как россиян, так и зарубежных гостей-филологов, историков и литературоведов, занимающихся изучением Китая.

Еще будущий академик В.П. Васильев, находившийся при Пекинской духовной миссии с 1840 г. по 1850 г., следуя инструкции, полученной от Казанского университета и Российской Академии наук, собрал огромную коллекцию китайских и тибетских книг, ставшую в 1855 г. (с переводом преподавания восточных языков из Казани в С.-Петербург) главной основой библиотеки факультета восточных языков С.-Петербургского университета. В 1857 г. он по поводу богатого собрания китайских книг в библиотеке Восточного факультета писал: «Материалы в изобилии, только найдутся [ли] охотники познакомиться с ними». К великому сожалению, эти слова оказались пророческими. Несмотря на серьезные попытки В.П. Васильева подготовить каталог для этого собрания, на что указывает составленный им указатель, оставшийся в рукописи, неблагоприятная ситуация в России с изданием научных работ на русском языке не позволила ему осуществить свою заветную мечту. Лишь отчасти ему удалось издать некоторое подобие каталога китайских книг на основе своих лекций под названием «Материалы по истории китайской литературы» в литографированном виде (1888 г.), где можно найти не только аннотации для отдельных сочинений, но и библиотечные шифры.

По словам составителей упомянутого выше первого каталога, в книжном фонде, снабженном маркировкой ВУ («Васильевский учебный») нумерация книг идет от 1 до 270 пункта, причем дуплеты имеют отдельные номера. В каталоге книг с отметкой ВУ, поставленной на большинстве обложек во время описи в 1934 г., по словам составителей, имеются пропуски. Каждое сочинение имеет аннотацию. Так, в «Ди и ци шу Сюэ, Юэ, Мэй» («Первая удивительная книга „Сюэ, Юэ и Мэй“, или „Слива под снежной луной“») речь идет о событиях войны с японцами в период Цзя-цзин (1522–1566), на фоне которых разворачивается история знакомства молодого человека Лин Сю с Сюэ Цзе, Ван Юээ и Хэ Сяо-мэй (ВУ № 143, с. 210–211. — *А.К.*).

Хотя указанный аннотированный каталог охватывает лишь часть Васильевского фонда (с маркировкой ВУ), он, безусловно, станет нужным и полез-

ным для молодых начинающих китаистов, будущих исследователей различных аспектов жизни традиционного Китая, его политики, экономики и культуры, в том числе книжной.

Среди дарителей китайских книг, шедших на пополнение коллекции В.П. Васильева, было немало китаистов, живших и работавших в Китае в конце XIX — начале XX в. Если из коммерсантов в этой роли выступали единицы — наиболее известные люди (например, М.Г. Шевелев — судовладелец), то среди дипломатов их число было гораздо больше за счет учеников В.П. Васильева — П.С. Попова, П.А. Дмитриевского, В.М. Успенского, В.Ф. Гроссе и др. В данной коллекции насчитывается 492 тома.

В настоящее время фонд Научной библиотеки им. М. Горького составляют более 42 тыс. экз. рукописных книг и ксилографов на 19 восточных языках. Самая многочисленная и наименее изученная часть — китайская. Она насчитывает 2045 названий (29 069 томов) ксилографов и 24 рукописи. В процессе изучения и описания всей коллекции могут быть внесены некоторые изменения в соотношение ксилографических и рукописных книг, так как отличить ксилограф от книги, изданной наборной печатью, порой не может даже специалист высокой квалификации.

Наиболее важным и крупным собранием китайских старопечатных книг (как и публикаций на западных языках по востоковедению) явилась коллекция известного дипломата и педагога приват-доцента Павла Степановича Попова (1842–1913), с кончиной которого переданная его супругой в библиотеку факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Как видно из записей инвентарных книг этой библиотеки, богатая коллекция китаиста была описана и включена в ее книжный фонд лишь в 20-х гг. XX в. Примечательно, что именно этому известному в Китае знатоку китайского языка была поручена в Петербурге перлюстрация телеграфных сообщений китайской дипломатической миссии, не раз заявлявшей о своем формальном нейтралитете в период русско-японской войны 1904–1905 гг., что не всегда соблюдалось китайской стороной из-за энергичного давления на нее Японии.

В апреле 1915 г. библиотека университета приняла небольшую коллекцию китайских книг, ранее (до трагической смерти) принадлежавшую китаисту Петру Константиновичу Рудановскому (1871–1904), исполнявшему обязанности переводчика во время визита Ли Хун-чжана в 1896 г. в Россию и в период восстановления ихэтуаней.

По некоторым данным, в библиотеке С.-Петербургского университета в разные годы оказались старопечатные китайские книги, подаренные известным коммерсантом М.Г. Шевелевым (1861–1903), учеником В.П. Васильева В.М. Успенским (1845–1917), служившим консулом в течение ряда лет в Урге, Кульдже и Урумчи, а также В.Ф. Гроссе (1869–1931), выполнявшим обязанности генерального консула в Шанхае до 1920 г.

Наиболее ценный и весомый дар библиотека С.-Петербургского университета им. М. Горького получила в 1912 г. от Российской дипломатической миссии в виде 11 цзюаней рукописи, известной под названием «Юн-лэ да-

дьянь»²⁴⁶. Это энциклопедическое издание начала XV в. первоначально насчитывало 22 877 цзюаней. Оригинал этого выдающегося памятника китайской письменности в последующие века был утрачен, так же как и значительная часть его копии. Отдельные фрагменты «Юн-лэ да-дьянь» оказались вне пределов Китая в качестве «трофеев», захваченных иностранными войсками в период подавления восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг. Подробное описание экземпляра указанного собрания, попавшее в университетскую библиотеку Петербурга, было осуществлено через 10 лет китаистом В.Н. Казыным, и в 1958 г. по решению советского правительства передано КНР. Что касается общего фонда китайских рукописей и ксилографов, насчитывающего, по некоторым данным, более 30 тыс. цзюаней, то из него лишь небольшая часть из 210 сочинений (так наз. «Васильского ученического» фонда) ныне имеет печатный каталог, опубликованный усилиями китаистов-энтузиастов Е.А. Завидовской и Д.М. Маяцкого²⁴⁷.

Важное место в ознакомлении научной общественности и рядовых граждан России с китайской литературой занимают наряду с государственными книгохранилищами личные библиотеки, в том числе китаеведов, занимавших ранее ответственные посты в системе дипломатической службы, начиная с консульского работника Василия Александровича Васькова, основателя династии китаистов (с его сыновьями) и кончая известными учеными Н.Т. Федоренко и С.Л. Тихвинским. Если видному литературоведу Н.Т. Федоренко перед своим отъездом в Болгарию (к жене) пришлось передать в 1992 г. небольшую, но ценную коллекцию из китайских и японских книг библиотеке Института востоковедения РАН, то крупному историку — исследователю движения за реформы в цинском Китае в конце XIX в., пришлось разделить свою огромную книжную коллекцию, превышающую по числу печатных изданий не только коллекцию его учителя В.М. Алексеева, но и подобные ей других коллекционеров-китаистов, между Синологической библиотекой ИНИОН РАН и Государственной публичной исторической библиотекой, находящимися в Москве. Нетрудно предположить, что и в первой, и во второй библиотеке можно найти китайские ксилографы. Достаточно указать, что в Синологической библиотеке, помимо алексеевской коллекции и других книжных поступлений, имеется огромное количество старопечатных китай-

²⁴⁶ Согласно «Списку книг, передаваемых Российской имп. миссией в Пекине в библиотеку имп. С.-Петербургского университета», энциклопедия «Юн-лэ да-дьянь» (№ 63-й в этом списке) состояла из следующих 11 цзюаней: 538, 540, 5296, 5453, 10286, 10309, 14053, 18402, 21029, 22180 и 22576. На списке имеется следующая помета, сделанная (возможно, драгоманом Н.Ф. Колесовым) черными чернилами: «Спасена [казаками] при пожаре Юаньминьюаня в 1900 году».

В этом же списке сначала указаны книги на маньчжурском языке (№ 1–57), книги на монгольском и тибетском языках (№ 58–62). См.: АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, 1906–1912, д. 1072, л. 225–233.

²⁴⁷ См.: Рукописи и ксилографы на восточных языках в научной библиотеке им. М. Горького / Под редакцией В.Л. Успенского. СПб, 2014, с. 74–95.

ских книг, значительная часть которых заключена в 8 китайских ящиках, на лицевой стороне которых вырезано название знаменитой коллекции под названием «Сы-бу бэй яо» («Важнейшие издания четырех хранилищ»). Как нам представляется, описание этого богатейшего собрания китайских ксилографов должно стать одной из приоритетных задач, стоящих ныне перед коллективом данной библиотеки.

Аналогичная задача современного научного описания коллекции К.А. Скачкова стоит перед сотрудниками Отдела Востока Российской государственной библиотеки (бывшей им. В.И. Ленина). Ее выполнению отчасти мешает состоявшийся перевод указанной коллекции в общий библиотечный фонд, во время которого пострадала не только картотека коллекции с кратким описанием каждой книги, оставленная владельцем, но и продолговатая коробка, в которой хранились редкие китайские издания.

В трудном положении из-за длительного капитального ремонта главного здания оказалась упомянутая выше историческая библиотека, ранее располагавшая двумя коллекциями старопечатных китайских книг (А.В. Рудакова и неизвестного Китаиста), пользование которыми ныне практически исключено.

Разумеется, отдельные экземпляры китайских ксилографов и старопечатных книг можно найти в личных коллекциях, не попавших в государственные библиотеки, а также в провинциальных музеях России, где они сохраняются в качестве раритетов при организации различных выставок. Среди возможных хранителей китайских ксилографов, можно упомянуть Китаистов Л.И. Думана²⁴⁸, Р.В. Вяткина и других не менее именитых ученых в российском Китаеведении.

²⁴⁸ В библиотеке Л.И. Думана должна сохраниться древнекитайская книга «Цзо чжуань», текст которой уложен между двух деревянных досок. Она привезена автором этих строк в 1953 г. из г. Муданьцзяна (на КВЖД) и подарена им своему учителю — Л.И. Думану.

Что касается Р.В. Вяткина, то он, как мне помнится, участвовал в описании китайских старопечатных книг, полученных Синологической библиотекой от Военного института в 60-е годы после организации Института Китаеведения АН СССР.

Приложение

Переписка Всероссийского Общества культурных связей с границей и Союза советских писателей с деятелями культуры Китая в 30–40 гг. XX в.

1. Эми Сяо (Сяо Сань) (17 марта 1939 г.) — М.Я. Аппетину²⁴⁹.

Дорогой товарищ Аппетин!

В первых числах апреля отправил письмо в Ин[остранную] ком[иссию] ССП [Союза советских писателей] с множеством просьб. Не знаю, когда получите его. На этот раз посылаю еще небольшой материал для «Гослитиздата». Прошу прочесть письмо мое к нему, передать эти несколько страниц и проследить за выходом книг и переслать мне авторские экземпляры (посылайте сначала в Европу, потом в Китай, в провинцию Шэньси, г. Яньань, Академию искусств им. Лу Синя для меня).

Жму крепко руку Э. Сяо.

P.S. Пришли, пожалуйста, календарь 1939 г. с датами праздников, коротким изложением б[иографий] замечательных людей. Это нам очень нужно. За всё благодарю тебя без конца!

Э. С. [Эми Сяо]

Два письма прошу отправить. Пожертвуй немного марок, ладно?

Посылаю твою книгу на китайском яз. (перевод с французского). Правда, она устарела немного, но я [не] мог выдержать, когда увидел на рынке [эту книгу] с твоим именем. Пусть это на память тебе издалека, от меня.

Пришли новинки советской литературы. Пьесу «Павел Греков» достанешь [ли]? В следующий раз пришлю материалы для печати²⁵⁰.

²⁴⁹ Посетив Шанхай и Ханькоу в 1927 г. в качестве члена редакции китайской газеты «Тайпиньян гунжэнь» («Тихоокеанский рабочий»), Михаил Яковлевич Аппетин (1885–1981) впоследствии в течение многих лет работал в Союзе советских писателей, в его Иностранной комиссии, поддерживавшей тесные связи с китайскими прозаиками и поэтами.

Адресованные М.Я. Аппетину 13 писем известного китайского писателя Сяо Саня (Эми Сяо), писавшего немного по-русски, опубликованы нами в 1994 г. в китайском журнале (в переводе Ми Чжэнь-бо из Тяньцзиня). См.: Хохлов А.Н. Сяо Сань юй Ми. Я. Аполецзин ды тун-синь (Переписка Сяо Саня с М.Я. Аппетиним) // Синь вэнь-сюэ ши-ляо (Материалы по истории новой литературы), 1994, № 1, с. 19–31.

Из 13 опубликованных на китайском языке писем лишь три включены в данное приложение на русском языке для полноты картины переписки, предшествовавшей Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

²⁵⁰ РГАЛИ, ф. 631, оп. 11, д. 599; ф. 2876, оп. 1, д. 182.

2. М.Я. Аплетин (Москва, 16 июля 1939 г.) — Эми Сяо.

Дорогой друг Сяо!

Большое тебе спасибо за письма и за книжку «Литература». Мне очень приятно было узнать, что в Китае внимательно следят за тем, что у нас выходит по литературе.

По твоим письмам — всё сделал, что ты просил. Во все редакции, о которых ты писал, написал письма. Из многих мест мне звонили, что всё сделают.

Отношение издательств и редакций к тебе очень внимательное. За выходом книг буду следить и авторские экземпляры пошлю по тому адресу, который ты указал. Календарь, который ты хотел иметь, я тебе посылаю.

Письма, которые просил переслать, я отправил. Статью в «Советское искусство» также своевременно передал.

Посылаю кое-какие новинки для тебя: альманах «Дружба народов» (вышел только № 1).

Посылаю тебе книжечки Тараса Шевченко и о Шевченко. Мне пришлось на писательском пленуме в Киеве делать доклад на тему «Шевченко и Запад». Я, конечно, говорил и о Востоке. Я узнал, что шевченковское «Завещание» [по-китайски «и-шу»] («Заповит») было переведено в Китае в 1911 г. А может быть, было переведено что-нибудь еще? Если можешь узнать об этом и напишешь мне, что было переведено и что и когда писалось о Шевченко, я сумею это внести в иностранную библиографию по Шевченко, которую я редактирую. Сделаешь этим хорошее культурное дело. Я думаю, что ты сам смог бы хорошо перевести «Заповит».

Дружеский сердечный привет

Мих. Аплетин²⁵¹.

3. М.Я. Аплетин (Москва, 27 февраля 1940 г.) — Эми Сяо.

Дорогой друг,

С каким удовольствием я увидел строчки, написанные знакомым, четким почерком. Но какое время, а не только расстояние разделяет нас. Однако все-таки близки и дороги эти строчки от 9 октября. Я был в декабре-январе в отпуске, а в это время, как оказывается, был из Ленинграда один чудесный мальчик [сын Эми Сяо от русской жены], который привез письма мне, [А.А.] Фадееву и [А.И.] Ромму. Произвел он здесь очень хорошее впечатление своей самостоятельностью. Оказывается, поездку к нам ему дали как премию за отличную учебу. Приехал он один, жил у Ромма, сам себе готовил пищу, когда оставался один. Короче говоря, этот маленький человечек найдет в жизни сам себе дорогу.

Книги, материалы и газеты тебе регулярно посылаю и буду посылать и впредь...

«ИЛ» [«Интернациональную литературу»] — русскую, английскую, французскую и немецкую — тоже посылаем. Посылаю комплект брошюр на английском яз.

²⁵¹ Там же.

Посылал также наши пьесы. Теперь буду посылать все хорошие театральные новинки.

С удовольствием посылаю журнал «Искусство», в котором найдешь статью об Академии Лу Синя.

Ромм, я и все, кто знает и любит стихи поэта [Эми] Сяо, ждут новых стихов. Последнее напечатанное я видел в № 12 «ИЛ» (русск.). Корреспонденции о годовщине Лу Синя пока не получал. Журналов тоже очень давно нет. А журналы нужны. *Интерес к китайской литературе огромный, но нужен актуальный сегодняшний материал.* Пожалуйста, присылай, хорошо используем его и для печати, и для радио.

Об издательских делах тебе отдельно пишет Ромм. Он в курсе всех дел.

14 апреля исполняется десятилетие со дня смерти нашего любимого и величайшего поэта Владимира Маяковского. У нас эта дата широко отмечается. Музей Маяковского очень вырос. Одна из важнейших задач музея состоит в попытке собрать все иностранные переводы Маяковского.

Помоги, если в сегодняшних условиях возможно, собрать то, что в Китае переводили из произведений Маяковского и что о нем печатали. Музей будет признателен тебе и тем китайским писателям, которые пришлют свои высказывания о нашем поэте для имеющейся в Музее коллекции «Писатели мира о Маяковском».

Сердечный привет тебе, дорогой друг.

М. Аплетин²⁵².

4. Эми Сяо (г. Яньань, 9 июля 1940 г.) — М.Я. Аплетину.

Дорогой Михаил Яковлевич!

Был весной на фронте в Шаньси-Хуабэй. Приехав домой несколько дней тому назад, с радостью получил твое письмо от 27 февраля. Большое спасибо! Оно очень тронуло меня.

Я, а вернее мы все, очень благодарны тебе за присылку журналов, книг и другие [печатные издания]. Я давно знаю и уверен в том, что вы регулярно присылаете их. Но, к большому сожалению, в этом году я ни одного номера, ни одной книги не получил, за исключением № 2 французск[ого] издания «ИЛ» [«Интернациональной литературы»] и тонкой книжечки Маяковского «Стихи о родине». Это невыносимо досадно! М. б. [может быть], и будет еще несколько книг. Но у нас в стране, к сожалению, есть такие, которые не допускают почту в наш [контролируемый КПК] район. Надо и необходимо возобновить разговор о другом пути присылки. Будьте так добры, организуйте это дело там [у себя], а мы здесь тоже поговорим. Необходимо хотя бы несколько раз в год, если не ежемесячно, посылать книги. А то я слишком чувствую голод из-за отсутствия такой духовной пищи!

Здесь выходит у нас новый литературный журнал «Да-чжунь вэнь-и» («Массовая литература»). Я его редактирую. Первый номер вышел в апреле [месяце]. Он посвящен 10-летию [со дня] смерти «лучшего, талантливейшего

²⁵² Там же.

поэта нашей эпохи» Маяковского (цитата из определения И.В. Сталина. — А.К.). В нем напечатаны переводы мои: «Левый марш», «Разговор с тов. Лениным» и перевод с английского «Прозаседавшиеся», моя большая статья «Правильно знакомиться с Маяковским».

14 апреля мы устроили в Клубе культуры большой митинг, посвященный Маяковскому. Присутствовали сотни слушателей из всех учебных заведений и предприятий — лит. кружковцев. Я сделал подробный доклад о М. [Маяковском] и на всех языках читал его стихи.

В Чунцине же вышел спец[иальный] номер журнала «Вэнь-сюэ юэ-бао» («Литературный ежемесячник»), где напечатаны статьи о Маяковском, в том числе и статья [Николая] Асеева «Как читать стихи Маяковского», а также перевод стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», отрывки из поэмы «Хорошо» и др.

Кроме всего этого не было ни одного журнала, который бы не посвятил свои статьи Маяковскому. Постараюсь собрать все эти материалы и прислать их тебе для музея Маяковского.

Я и все мы посылали бы регулярно наши издания вам, но из-за затруднений с почтой часто не можем делать это аккуратно. Давайте отрегулируем вместе этот вопрос, и тогда наша с вами связь будет более регулярной.

Возвратившись с фронта, собираюсь многое написать. Пришлю вам обязательно, как только будет что-то готово.

Сердечный тебе привет! Привет также Ромму и всем дорогим тт. [товарищам]!

Э. Сяо²⁵³.

5. М.Я. Аплетин (Москва, 28 ноября 1940 г.) — Эми Сяо.

Дорогой Эми!

Сразу получил от тебя три письма: одно отправлено 9.VII, другое 10.X и третье 14.X. Во всех этих письмах затронуты общие темы, поэтому и ответ на все эти письма может быть общий, но прежде всего коснемся посылки литературы. Посылали мы тебе немало книг и журналов. Многое, как видно, не дошло до тебя. Ныне посылаю по новому адресу. Надеюсь, что теперь-то всё посланное нами обязательно дойдет. Твоих книг я ранее не посылаю, чтобы не доставить каких-либо затруднений автору. Но сегодня посылаю твою «Хунаньскую флейту».

Дальше по порядку о посылаемых сегодня книгах. В их числе ты найдешь произведения новых советских писателей: четыре книги [польской писательницы] Ванды Василевской — «Земля в ярме», «Облик дня», «Родина», «Пламя на болотах»; затем идут книги стихов эстонского поэта Барбаруса [Варес Иоханнес] (он теперь, кстати сказать, председатель Президиума временного Верховного Совета Эстонской ССР). Это — интересный поэт, до некоторой степени ученик Маяковского...

²⁵³ Там же.

Ты просил присылать тебе пьесы. Их было послано много. Сегодня посылаю: 1) «Человек с ружьем» [Н.Ф.] Погодина, 2) «Интервенция» [Л.И.] Славина, 3) «Правда» [А.Е.] Корнейчука, 4) «Украденное счастье» Ивана Франко.

В этой партии ты найдешь книжечку стихов и песен интереснейшего поэта туркменского народа [Маметвели] Кэминэ. Этот оригинальный поэт является героем многих произведений туркменского народного творчества.

Поэма «Нарспи» даст, полагаю, яркое представление о классике чувашской литературы [К.В.] Иванове. Жизненный и творческий путь этого поэта — прекрасный пример служения народу, а его поэма зовет к свободной радостной жизни.

С интересом прочтешь книжечку Л. Квитко «Разговоры с близким». А книжка А. Суркова расскажет кое-что на тему «Так мы росли». Кроме того, тут же книга Новикова-Прибоа «Броненосец Ушаков» и книга [В.О.] Перцова «Наш современник» (о В. Маяковским).

Из переводов найдешь здесь Ричарда Райта «Дети дяди Тома» и Эрлиха «Джон Браун»...

Присылай журналы и новые книги. Они очень нужны нам и для перевода, и для того, чтобы писать о них. Вырезки я получаю и буду тебе присылать всё то, что будет печататься о тебе и других китайских писателях. Недавно от твоего переводчика послал перевод твоей книги и письмо. Он и все мы ждем твоих стихов и новую книгу «Город пещер» [о Яньани]. Всё будет сделано, чтобы быстро ее продвинуть [в печать], как только она придет к нам.

Статья о трех композиторах, как я тебе уже писал, принята журналом «Советская музыка», и ты её получишь, если еще не получил. Письмо со стенными газетами-рисунками и фото получил. Жду теперь статью, которая, как ты извещал, должна быть прислана из Ленинграда. Я предварительно уже договорился о помещении ее в журнале «Знамя».

Последним стоит вопрос о гонорарных делах. Тебе был переведен гонорар на твое имя в Яньань, но его вернули обратно. Я договорился с «Госполитиздатом» о другом способе пересылки. Теперь ты получишь: директор «Госполитиздата» Чагин согласился сделать переводы [денег] и по книгам других авторов. Таким образом разрешается вопрос и о том мероприятии, о котором ты писал А.А. Фадееву. Письмо твое я перешлю ему сегодня.

По поводу вопроса, о котором ты пишешь, как видишь из моего письма, меры были приняты еще в связи с получением от тебя 28 октября твоего письма от 21 августа.

Письмо, где ты немного бранишь № 3–4 «ИЛ», я показывал Александру Александровичу [Фадееву] и предупредил редактора.

Все мы с радостью узнаем хорошие новости о тебе. Крепко жму руку, обнимаю и шлю самый горячий привет от себя и от всех твоих друзей. Еве [жене] и ее сыну Лиончику — тоже мой искренний привет.

Мих. Аппетин²⁵⁴.

²⁵⁴ Там же.

6. М.Я. Аплетин (зам. Председателя Иностранной комиссии ССП) и П. Павленко (член Президиума Правления ССП) (М., 29 июля 1940 г.) — Го Мо-жо.

Дорогой друг!

Мы познакомились с Вашей статьей о развитии взаимной связи между литераторами Китая и Советского Союза, опубликованной в журнале «Чжун-су вэнь-хуа» («Культура Китая и СССР»)… Надо признать, что до сих пор мы еще недостаточно хорошо знаем китайскую литературу. Она интересует нас не только как великое наследие многовековой культуры Китая. Писатели и литературоведы сегодняшнего Китая интересуют нас — и идейно, и как достижения искусства великого народа. Надо, чтобы Вы, наши друзья и соратники по перу, помогли нам своевременно быть в курсе всех значительных явлений Вашей литературы. Для этого нужно не только получение литературных журналов, но и новых книг и пьес. Это облегчит нам возможность систематической информации о китайской литературе в нашей прессе. Литература китайского народа и происходящие на Вашей земле события заслуживают того, чтобы о них знали далеко за рубежами Китая…

Обмен опытом между писателями Китая и СССР послужит, несомненно, дальнейшему развитию наших литератур²⁵⁵.

7. Цао Цзин-хуа (15 марта 1942 г., г. Чунцин) — А.Н. Толстому.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Прошу извинить меня за то, что я опоздал с ответом на Ваше любезное письмо, отправленное Вами 14-го августа 1941 г.

Мы ежедневно с большим восхищением читаем информацию о легендарном героизме Красной Армии и советского народа, борющихся против кроваво-жадных фашистов. Удачные военные операции бойцов и командиров Красной Армии и советского народа в борьбе против фашистов становятся обычным явлением. Советский Союз стал неприступной твердыней свободы, равенства и мира для всего человечества. Легендарный героизм и боевые опыты Вашего народа в борьбе против немецко-фашистских агрессоров являются очень ценными для нашего народа в борьбе против японских агрессоров. Я охотно беру на себя ответственность по переводу и редактированию серийного издания «Художественная литература Великой советской Отечественной войны», задача которого мною уже вкратце была изложена в послесловии в первом выпуске вышеупомянутой серии.

В связи с создавшимися затруднениями в средствах сообщения [между] нашими странами, что сказывается на трудном получении художественной литературы, которая могла бы быть использована для этой серии, обращаюсь к Вам и другим советским писателям, если Вам не составит большого труда, присылать чем чаще, тем лучше, Ваши произведения, отражающие героизм советского народа в вашей Великой Отечественной войне, за что я был бы Вам весьма признателен. В нашей серии можно преимущественно помещать

²⁵⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1938, д. 25, л. 21.

рассказы и художественные очерки, посвященные Великой Отечественной войне советского народа.

Посылаю Вам первый номер выпуска названной серии с публикацией «Сорванная маска» и две книги под названием «Молодым писателям» — сборник статей советских писателей, переведенных и подготовленных к изданию мной. На обложке сборника напечатано его название на китайском языке — «Молодым писателям — А. Толстой» (перевод Цао).

Крепко жму Вашу руку и шлю сердечный привет советским писателям.
Всегда Ваш Цао Цзин-хуа²⁵⁶.

8. Л.М. Миклашевский (12 ноября 1942 г., № 316, Чунцин) — В.С. Кемневу (Председателю Правления ВОКС'а).

При этом направляем новые произведения писателя Го Мо-жо. Просим вручить их адресатам. В беседе Го Мо-жо заявил, что он не возражает, если они будут переведены на русский яз.

Одновременно направляем два [номера] журнала, выпускаемого издательством «Синь-хуа жи-бао», в которых помещены статьи ВОКС'а²⁵⁷.

9. Валентин Катаев (г. Куйбышев, 24 декабря 1942 г.) — Цао Цзин-хуа.
Многоуважаемый тов. Цао Цзин-хуа!

Только что получил Ваше любезное письмо с поздравлением по случаю 25-й годовщины советской власти. Вы себе не можете представить, как это мне приятно. От себя и от имени советских писателей приношу Вам самую горячую братскую благодарность. Надеюсь, что скоро наши враги-фашисты будут еще раз разбиты и тогда во всем мире настанет царство добра и справедливости. В этом мире два великих народа китайский и советский будут всегда стоять рядом...

Меня радует, что мое слово дошло до китайского народа и китайской молодежи. Сейчас мне очень трудно написать предисловие [к китайскому изданию моей книги], т.к. очень занят текущей работой и поездками на фронт. Но если для меня выпадет несколько дней свободных, я тотчас напишу и пришлю Вам [предисловие]. Сейчас я пишу повесть. Как только закончу её, сразу же пришлю Вам.

Пишите мне по адресу: Москва, Совинформбюро. Для меня. Если я не буду в Москве, тогда мне [Ваше письмо] перешлют. Сейчас я в Куйбышеве, где останусь еще на месяц.

Поздравляю Вас с Новым годом. Надеюсь, что этот год будет годом окончательного разгрома фашистов.

²⁵⁶ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1941, д. 26, л. 102 (на письме имеется помета фиолетовыми чернилами: «Подлинное отправлено А. Толстому» с датой 27 апреля 1942 г.).

²⁵⁷ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 32, л. 29 (копия: 1-му Дальневосточному Отделу НКВД).

Да здравствует 1943 год, год победы!

Крепко жму руку

Ваш Валентин Катаев²⁵⁸.

10. Цао Цзин-хуа (Чунцин, 10 сентября 1943 г.) — В. Катаеву.

Дорогой товарищ Катаев!

Недавно я закончил перевод с русского языка на китайский Вашего произведения «Я — сын трудового народа». Это произведение явится ценнейшим вкладом в дело воспитания трудящихся Китая.

Я очень хотел попросить Вас, если это не представит трудностей, написать предисловие к этой книге и приехать ко мне вместе с написанной Вами пьесой «Синий платок».

С искренним приветом многоуважающий Вас Цао Цзин-хуа²⁵⁹.

11. И. Эренбург (20 января 1943 г.) — Гэ Бао-цюаню (Гэ Бао-цюань, 1913–2000, журналист, литературовед и переводчик. — *А.К.*).

Дорогой товарищ Гэ Бао-цюань!

Спасибо за письмо и книги. Внимание китайских читателей к моей книге меня тронуло и обрадовало.

«Русский закал» выйдет весной в США и Англии. На русском выйдет книга статей «Второй год» — продолжение «Войны». Тогда вышлю её Вам. Когда выйдет на китайском «Падение Парижа»?

Шлю Вам дружеский привет и крепко жму руку.

Искренне Ваш

И. Эренбург²⁶⁰.

12. Борис Сучков, отв. ред. журнала «Интернациональная литература» (Москва, 25 января 1943 г.) — г-ну Цао Цзин-хуа (г. Чунцин).

Глубокоуважаемый профессор!

Вернувшийся из Чунцина тов. [Н.Т.] Федоренко много рассказывал мне о Вашей плодотворной и многообразной деятельности. Ваши переводы на китайский яз. русской художественной литературы несомненно имеют чрезвычайно важное значение в развитии и укреплении дружеских связей между нашими великими народами.

Глубоко заинтересованный в развитии советско-китайских культурных связей, я хотел бы со своей стороны быть Вам полезным и с этой целью посылаю Вам новые книги советских писателей. Вероятно, Вы уже получили первую посылку, которую я отправил так же, как и эту, на имя нашего представителя ВОКС'а тов. Миклашевского, с просьбой передать Вам. Я также

²⁵⁸ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 32, л. 94 (копия. «Верно: Л. Кауфман»).

²⁵⁹ ГАРФ, ф. 283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 16 (маш.). Получено в Москве ВОКС'ом (через Посольство СССР в Китае).

²⁶⁰ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 34, л. 93 (копия с пометой: «Верно: Кюлевейн»).

послал г-ну Гэ Бао-цюаню книги и журналы («Интернациональная литература», «Знамя», «Новый мир» и др.)...

Как Вы, наверное, знаете, наш журнал «Интернациональная литература» знакомит советского читателя с иностранной литературой и искусством. Интерес советского читателя к Китаю, к борьбе китайского народа [против японской агрессии] чрезвычайно велик. К сожалению, условия военного времени на длительный срок прервали наши установившиеся связи с китайскими писателями и культурными организациями, и это лишило Вас возможности печатать на страницах нашего журнала труды китайских литераторов.

К большому моему удовлетворению, после долгого перерыва мы снова получили китайские издания... В настоящее время мы реферируем их с целью отбора для перевода на русский язык и освещения в отделе критики нашего журнала.

Я обращаюсь к Вам с просьбой: Вашим сотрудничеством помочь нам освещать культурную жизнь Китая. Ваши советы в вопросах о том, что нужно переводить из современной литературы, могли бы быть для нас особенно ценны. В равной мере нас интересуют китайский театр и кино.

Разрешите мне особо поблагодарить Вас за книги советских писателей, которые Вы перевели на китайский язык и прислали нам...

Мы — соратники в великой борьбе против фашистского варварства. Наша цель — освобождение народов от чужеземного ига, и я глубоко убежден, что культурные связи между нашими народами способствуют приближению часа победы²⁶¹.

13. Л.Д. Позднеева (внештатная переводчица китайского языка при ВОКС'е) (М., 25 мая 1943 г.) — Цао Цзин-хуа.

В настоящее время работаю над поэзией Лу Ю и биографией Ио Фэя (Юэ Фэя, 1103–1141. — А.К.). Если в последние годы о них вышли какие-либо книги и исследования, я очень просила бы Вас выслать их мне на адрес ВОКС'а.

Если я смогу быть Вам полезной по русской литературе, выполню всё с большим удовольствием.

С приветом

Л. Позднеева²⁶².

14. Алексей Толстой (9 апреля 1943 г.) — Цао Цзин-хуа.

Дорогой и уважаемый товарищ Цао Цзин-хуа,

К большому сожалению, я получил Ваше письмо и книги с большим опозданием, т.к. уезжал в Среднюю Азию. Сердечно благодарю Вас за внимание. Твердо верю, что Ваши пожелания победы над нашим общим врагом — фашизмом — сбудутся в текущем году...

²⁶¹ ГАРФ, оп. 18, 1942, д. 32, л. 30.

²⁶² ГАРФ, оп. 18, 1942, д. 34, л. 55.

Подробнее о Любове Дмитриевне Позднеевой см.: Хохлов А.Н. Л.Д. Позднеева в начале творческого пути // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. № 3. М., 1999, с. 44–53.

В июне прошлого года я закончил роман «Хмурое утро», в первых главах которого описываются продолжение и окончание событий под Царицыным. «Хмурое утро» завершает две первые книги моего многолетнего труда — трилогии «Хождение по мукам». Трилогия рассказывает о пути, пройденном нашей интеллигенцией за время империалистической и гражданской войны. Я пишу Вам об этом потому, что меня очень трогает тот интерес, который Вы проявляете к моим книгам, и я был бы рад, если бы китайский читатель смог познакомиться в Вашем переводе не только с повестью «Хлеб», но и с трилогией «Хождение по мукам». Трилогию «Гослитиздат» выпускает однотомником в ближайшее время, и по выходе её в свет, я вышлю Вам экземпляр этой книги.

Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей работе. Крепко, дружески жму Вашу руку.

Всегда Ваш

Алексей Толстой²⁶³.

15. М. Аппетин (зам. Председателя Иностранной комиссии ССП СССР) и Б. Сучков (отв. секретарь Иностранной комиссии ССП СССР) (М., 23 августа 1943 г.) — Лао Шэ.

Дорогой друг и коллега,

Мы всегда внимательно следим за развитием китайской литературы и рады отметить, что и сейчас китайские писатели гордо несут знамя культуры.

Мы были бы крайне счастливы, если бы Вы смогли прислать нам пьесу «Остатки тумана».

Мы регулярно посылаем Вам книги наших писателей и сегодня отправляем небольшую посылочку. Были бы Вам благодарны, если бы Вы сообщили нам Ваши замечания на опубликованные в Китае и ставшие известными произведения советских писателей. Хотелось бы получить от Вас письмо о Ваших творческих планах и о литературной деятельности Ваших друзей.

Желаем Вам успехов в Вашей плодотворной творческой работе.

Ждем Вашу пьесу и письмо.

С глубоким уважением

Ваши М. Аппетин и Б. Сучков²⁶⁴.

16. Михаил Аппетин, Борис Сучков (М., 23 августа 1943 г.) — Гэ Баоцюаню.

Дорогой друг и коллега,

Мы получили присланную Вами для библиотеки книжечку переводов из произведений И. Эренбурга «Июнь на Дону». Большое Вам спасибо за нее. Вы не можете себе представить, с какой радостью получаем мы каждый китайский перевод произведений наших авторов. Особенно приятно получать

²⁶³ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 32, л. 29 (копия с пометой: Л. Кауфман).

²⁶⁴ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 34, л. 16 (маш.).

такие хорошие переводы, какие даете Вы и еще некоторые Ваши друзья, прекрасно владеющие и русским языком, и техникой художественного перевода.

Мы обычно посылаем Вам новинки нашей литературы. Такую посылочку отправляем особым пакетом, сегодня же напишите нам о Ваших дальнейших переводческих планах и расскажите, какие произведения и какие наши авторы вызывают наибольший интерес у китайского читателя.

Пришлите нам для наших авторов, если сможете, опубликованные или устно высказанные мнения читателей об их книгах, но особенно нас интересуют мнения китайских писателей.

Напишите нам о новых произведениях Ваших авторов. Пожалуйста, укажите и пришлите нам то, что наиболее подходит для перевода у нас.

Желаем Вам творческих успехов и ждем Вашего ответного письма.

М. Аплетин, Б. Сурков²⁶⁵.

17. Скворцов (советник Посольства СССР в Китае) — зав. Вост. отделом ВОКС'а С.А. Новикову (31 января 1944 г.).

В КСКО (Китайско-советском культурном обществе) Чунцина мы провели выставку (с 4 по 9 января 1944 г.) о разрушениях [немецкими фашистами] наших культурных ценностей. Ее посетило не менее 15 тыс. чел.

Китайские переводчики собирают материалы для издания 3-х сборников стихотворений и поэм советских писателей. В первый будут включены стихотворения поэтов Н. Асеева, Янки Купалы, Джамбула, Тычины, Михалкова, Твардовского, Тихонова, Маршака, Рыльского, Исаковского и др. Второй сборник [включает] лирику советских поэтов об Отечественной войне. В третий сборник войдут стихи других поэтов. Лица, работающие над этими сборниками, просят оказать содействие в получении материалов об ВОКС'е...

Переводчик Гао Ци приступил к переводу романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Он просил нас снабдить его книгой на русском языке для перевода; мы не могли немедленно удовлетворить его просьбу. Нужной книгой снабдил его [бывший посол в Москве] Шао Ли-цзы. Если у Вас имеется новый экземпляр, то вышлите нам для передачи его Шао Ли-цзы.

Мадам Шао Ли-цзы (точнее: мадам Шао, или Фу Сюэ-вэнь, 1903–1992. — А.К.) в беседе с нами заявила, что она хотела бы переводить нашу новейшую детскую литературу, но таковой у нас не имеется и что её желание сейчас не может быть осуществлено. Поэтому прошу подобрать 2–3 самые лучшие новейшие книги, [чтобы] выслать для нее.

Прошу также выслать для Гэ Бао-цюаня статью Л.Н. Толстого об искусстве.

Для Цао Цзин-хуа вышлите «В степях Украины» Корнейчука, а также биографии на советских писателей по списку, посланному нами год тому назад²⁶⁶.

²⁶⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1942, д. 34, л. 17 (маш.).

²⁶⁶ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 40, л. 50 (копия: Н.М. Лифанову, зав. ДВО НКВД).

18. Лао Шэ (6 мая [1944 г.]) — М. Аппетину и Б. Сучкову.

Дорогие господа,

Я очень сожалею, что не знаю, как ответить на ваше любезное письмо, которое до сегодняшнего дня я еще не получил. Несколько дней тому назад я встретил м-ра Коро [Гэ Бао-цюань?], который сказал мне, что вы послали мне письмо и книги. Я доверил одному из моих друзей передать их мне, т.к. меня в то время не было в Чунцине. Но моему другу не удалось это сделать. Я сделал запрос о книгах, т.к. очень хочу их получить, и я надеюсь, что в скором времени они придут ко мне. Но в ожидании этого я должен написать Вам сейчас (даже не зная содержания вашего письма), чтобы облегчить мою совесть. М-р Коро также сказал мне, что одна из моих новелл должна быть переведена на русский язык, чем мне оказана большая честь. Я надеюсь, что вы будете любезны прислать мне экземпляр этой книги, когда она выйдет из печати. Правда, я не знаю русского языка, но мне будет очень приятно иметь экземпляр перевода моего произведения на русский яз.

Моя семья недавно возвратилась из Пекина [в Чунцин] после 6-летней разлуки. Теперь мы все живем в Pei-Pei (Бэйбэй. — *А.К.*), маленьком городке в 60 милях от военной столицы. Надеюсь, что дальнейшая моя корреспонденция будет благополучно приходиться ко мне через [мистера] Коро.

Искренне Ваш Лао Шэ²⁶⁷.

19. Лао Шэ (Пей-Пей, пров. Сычуань, 1 августа 1944 г.) — М. Аппетину и Б. Сучкову.

Уважаемые господа Аппетин и Сучков,

Ваше любезное письмо и книги, 3 журнала «Интернациональной литературы» и «Бюллетень ВОКС'а» я получил несколько дней назад, за которые я вас очень благодарю.

Мне очень жаль, что я не могу послать вам экземпляр моего произведения «В тумане», т.к. первое издание разошлось, а второе издание запрещено властями для широкой публики.

Я читал много произведений русских классиков, которые вдохновляли меня на дальнейшую творческую работу. Большинство из них — произведения русских классиков XIX в. Я читал их почти все в английском переводе, который гораздо лучше китайского. Но я очень мало читал, к стыду моему, произведений современных русских писателей. Я надеюсь, что получу возможность прочитать их в ближайшем будущем.

Русская литература мне кажется величайшей среди великих литератур мира. Все современные китайские писатели обязаны русской литературе, без которой современная литература Китая была бы неполноценной. Это является причиной того, почему я так сильно жажду познакомиться с русскими произведениями, написанными после 1917 г., чтобы обогатить свои знания. Сейчас я пишу длинный роман, фоном которого служит Пекин, мой родной город.

²⁶⁷ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 51.

Думаю, что смогу прислать экземпляр этого произведения, когда он будет напечатан.

Искренне ваш Лао Шэ²⁶⁸.

20. А. Дорофеев, секретарь посольства СССР в Китае (27 сентября 1944 г., Чунцин) — В.С. Кеменеву, Председателю Правления ВОКС'а.

На Ваше имя от имени Цао Цзин-хуа и его жены направляем Вам 3 книги на китайском яз. (перевод с русского: Гайдар «Дальняя сторона»). В настоящее время Цао Цзин-хуа просит снабдить его следующей литературой:

1. «Краткая советская энциклопедия» в одном томе (М., 1943. — А.К.).

2. Повесть Л. Леонова «Захват Великошумска».

3. Пьеса Вирты «Солдаты Ленинграда» (точнее: «Солдаты Сталинграда», 1944. — А.К.).

4. Биографические данные современных советских писателей-поэтов.

Как Вам хорошо известно, Цао Цзинь-хуа много работает над переводами и переизданием нашей отечественной литературы на китайский яз. Поэтому считаю абсолютно необходимым удовлетворить его просьбу. К тому же, сейчас Цао Цзинь-хуа уже подготовил к печати перевод книги А. Толстого «Хлеб», а также добивается того, чтобы пьесы Л. Леонова «Нашествие» и К. Симонова «Жди меня» были поставлены в китайском театре... Он намерен издать специальный сборник «Русские писатели и поэты»²⁶⁹.

21. Леонид Леонов (Москва, 19 августа 1944 г.) — Цао Цзин-хуа.

Дорогой Цао Цзин-хуа,

Я долгое время находился в отъезде — на фронте и ездил по нашей стране. И только этим объясняется мое запоздание с ответом.

Я искренне рад высокой чести появиться в переводе на китайском языке, на котором написано немало произведений, по праву лежащих в фундаменте всей мировой литературы. Мне в особенности лестно выйти в свет на китайском языке, когда прогрессивные силы мира — и Китай в том числе — борются за самое высокое право народов — свободу и независимость своей национальной культуры.

Равным образом мне приятно сознавать, что в моем крупнейшем романе («Дорога на океан», 1936 г.) я уже пытался, хотя и мельком, хотя и в меру моих скромных и скорее поэтических познаний о Вашей древней и великой стране, думать о роли Китая в будущем. Я глубоко верил, что историческая судьба вознаградит нынешний героизм и прежнее терпение китайского народа, который нашел в себе силы поторопить её с этим.

²⁶⁸ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, д. 38, л. 51.

В левом верхнем углу листа имеется чернильная помета к двум письмам Лао Шэ в английском переводе: «[референту] Евграфовой. Жду Ваш проект ответа» [подпись неразборчива].

²⁶⁹ ГАРФ, ф. 5283, 1944, оп. 18, д. 40, л. 11.

На письме имеется помета красным карандашом: «Дайте заметку в „Литературную газету“ о Цао Цзинь-хуа, его письме и подарках» (10 ноября 1944 г.).

Предисловий к своим изданиям — ни русским, ни иностранным — я ни разу не писал [и] не умею. К тому же, предисловия редко помогают книге стать лучше, чем она есть. Это единственный литературный жанр, в котором я за 23 года не выступал ни разу. Не сердитесь на меня за это и разрешите поблагодарить за время и труд, которые Вы потратили на перевод моей пьесы.

Крепко жму Вашу руку. Желаю успеха и здоровья Вам и моим будущим читателям.

Л. Леонов²⁷⁰.

22. Цао Цзин-хуа (Чунцин, 8 октября 1944 г.) — В.С. Кеменеву (Председателю Правления ВОКС'а).

Дорогой Владимир Семенович,

Пользуясь возможностью, я посылаю Вам «Нашествие» [Леонида Леонова] в переводе на китайский язык. От имени широких китайских читательских кругов благодарю Вас, Владимир Семенович, за снабжение меня литературными материалами. Китайские читатели восхищаются героизмом нового человека в советской литературе, человека, который поднялся на защиту своей отчизны и с честью выполняет свою великую миссию — изгнание нацистов с советской земли и освобождение угнетенных нацистами народов Европы... Я написал письмо г-ну Леониду Леонову, в котором прошу его прислать мне «Захват Великошумска», но я боюсь, что г-н Леонов — на фронте. Если г-н Леонов не в Москве, то, если Вас не затруднит, пришлите, пожалуйста, указанную книгу и последнюю пьесу Н. Вирты «Сталинградский солдат» (точнее: «Солдаты Сталинграда», 1944. — А.К.), за что буду исключительно признателен Вам.

С горячим приветом.

Еще раз желаю Вам здоровья и успехов в работе.

Ваш проф. Цао Цзин-хуа²⁷¹.

23. М. Исаковский (М., 10 ноября 1944 г.) — Гэ Бао-цюаню.

Глубокоуважаемый Гэ Бао-цюань!

Я получил № 23-24 журнала «Культура Китая и СССР» за 1943 г. с Вашей дружеской надписью.

В этом номере напечатано 8 моих стихотворений и песен в Вашем переводе на китайский язык.

Выражаю Вам искреннюю и глубокую благодарность за Вашу работу, за популяризацию моих произведений среди китайского народа, а также за любезную присылку мне журнала.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам свою книжку «Стихи и песни», только что вышедшую из печати. Буду весьма рад, если она в какой-либо мере понравится Вам.

Желаю Вам всего самого лучшего.

Крепко жму Вашу руку

М. Исаковский²⁷².

²⁷⁰ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 38, л. 9 (копия).

²⁷¹ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 14 (маш.).

²⁷² ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 5 (маш. копия).

24. Телеграмма ВОКС'а (М., 1944 г.) — Китайско-советское культурное общество, Чунцин.

Сообщаем, что при ВОКС'е организована Театральная секция. Члены секции — ведущие советские театральные деятели — режиссеры, артисты и театральные критики. Президент секции — Иван Москвин, вице-президенты: Валерия Барсова, Соломон Михоэлс, Алексей Попов, Александр Таиров.

Одной из целей секции является ознакомление советских театральных деятелей с искусством китайского театра, а также удовлетворение запросов китайских театральных деятелей о советском театре. Хотели бы получать от Вас материалы о древнем и современном театре Китая: пьесы, журналы, фото, книги, альбомы и др. Со своей стороны мы готовы посылать интересующие Вас материалы о театральном искусстве народов СССР. Мы уверены, что наши контакты помогут укреплению культурных связей между нашими народами²⁷³.

25. Телеграмма ВОКС [М., 1944 г.] — Китайско-советское культурное общество, г. Чунцин.

Сообщаем, что при ВОКС организована литературная секция. В её составе ведущие советские писатели, критики, журналисты. Председатель бюро секции — акад. Алексей Толстой, члены бюро — Михаил Шолохов, Председатель Союза Советских писателей Николай Тихонов, Леонид Соболев, Борис Горбатов, Константин Симонов и др.

Одной из целей секции является ознакомление советской общественности с творчеством китайских писателей и поэтов, а также удовлетворение запросов китайских коллег о советской литературе и оказание помощи культурному сближению между профессионалами — писателями наших двух стран.

Секция литературных работников будет приветствовать получение различных материалов, которые помогут ей в изучении творчества китайских писателей. Со своей стороны секция готова посылать интересующие наших коллег материалы о советской литературе народов СССР.

Мы уверены, что этот контакт между писателями Советского Союза и Китая еще более поможет делу культурного сближения народов наших стран.

Алексей Толстой, Илья Эренбург, Николай Тихонов, Константин Симонов, Павел Антокольский, Самуил Маршак, Сергей Михалков²⁷⁴.

26. Цао Цзин-хуа (16 сентября 1944 г.) — Константину Симонову.
Многоуважаемый г-н Симонов!

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы послать Вам мои самые горячие приветствия, искренние пожелания здоровья и новых побед в Вашем творчестве, а также сообщить Вам, многоуважаемый Константин Симонов, что Ваша пьеса «Жди меня» уже переведена мною на китайский язык, прошла цен-

²⁷³ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 39, л. 4 (машинописный текст с правкой фиолетовыми чернилами) (б/г, б/д — по пометам чернилами: М. Кисловой (член Правления ВОКС) и Ливенсона (зам. зав. Восточного отдела ВОКС) — 1944 год).

²⁷⁴ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1944, д. 39, л. 5 (машинопись с правкой текста фиолетовыми чернилами — без указания даты).

зуру и находится в печати. Очень жалею, г-н Симонов, что не могу послать Вам сейчас экземпляры на китайском языке, но, когда книга выйдет из печати, я не замедлю послать ее Вам.

С горячим приветом. Еще раз желаю Вам здоровья и новых успехов
Ваш Цао Цзин-хуа²⁷⁵.

27. К. Симонов (29 ноября 1944 г.) — Цао Цзин-хуа.

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Счастлив был узнать, что моя пьеса «Жди меня» переведена Вашими трудами на китайский язык.

Благодарю Вас за Ваш труд и за внимание, оказанное Вами моим работам. Буду в высшей степени признателен Вам, если Вы пришлете мне книгу.

Сердечно приветствую Вас
Ваш Константин Симонов²⁷⁶.

28. Сергей Михалков (7 декабря 1944 г.) — Цао Цзин-хуа.

Не имея удовольствия быть лично с Вами знакомым, но [будучи] духовно связанным с Вами посредством сборника стихов о Великой Отечественной войне, в который Вы включили и мои скромные стихи, посылаю Вам свою новую книгу «Для больших и маленьких».

Я буду счастлив, если она доставит Вам несколько минут радости и удовольствия. Надеюсь, Ваше внимание не пройдет мимо некоторых из них и Вы найдете возможным перевести еще что-либо из моих произведений.

Сам я, да будет Вам известно, в настоящее время нахожусь в рядах Красной армии, где работаю военным корреспондентом на фронтах.

Стихи, переведенные Вами для сборника «Голубой конверт», были написаны мною в суровые дни 1941 года на фронте. Очень тронут тем, что благодаря Вашему вниманию они стали достоянием китайского народа.

Примите наилучшие пожелания. Жму Вашу руку.
Ваш С. Михалков²⁷⁷.

29. П.И. Фесенко (б/д [М., 1944 г.]) — Го Мо-жо.

Весьма признателен за внимание, оказанное в Вашем письме, и за выраженные в нем пожелания. Установление связей с Вами по проблемам истории великого китайского народа, над которыми я работаю, несомненно, даст большую пользу исторической науке.

К великому сожалению, в настоящее время в моем распоряжении не имеется Ваших классических работ по исследованию древнейшего периода [истории] Китая.

²⁷⁵ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 38 (маш.).

²⁷⁶ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38.

²⁷⁷ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 18 (маш.).

Покорнейше прошу Вас, если имеется к тому возможность, не откажите в любезности прислать мне экземпляр этих работ. Со своей стороны, по выходе в свет работ по истории Китая, не замедлю послать их Вам.

С почтением

проф. Московского Института востоковедения

Фесенко²⁷⁸.

30. Цао Цзин-хуа (Пекин, 5 января 1960 г.) — М.Я. Аплетину.

Уважаемый товарищ Аплетин,

Большое спасибо за Ваше письмо... Карточка, на которой мы вместе сфотографированы, всегда стоит у меня на книжной полке, и поэтому я каждый день вижу нас с Вами вместе. Вы ездили вместе с нами в Сталинград, в Баку, в Сухуми, в Сочи и Ленинград. Это были самые счастливые дни, и мы их никогда не забудем.

В конце 20-х гг. и в начале 30-х Советский Союз приступил к строительству социализма, а для китайской революции те времена были самыми трудными. Я в то время в Ленинграде впервые рассказывал тогдашним студентам, которые сейчас стали известными писателями, о деятельности Лево́й лиги китайских писателей, о Лу Сине, об обстановке в советских районах Китая. Я постоянно писал товарищам Лу Синю и Цюй Цю-бо о советской литературе, о советских журналах и собирал для них гравюры²⁷⁹.

Библиография

Архивные материалы

(в кратком перечне принятых сокращенных названий государственных архивов, библиотек и музеев)

АВ	—	Архив востоковедов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук
АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	—	Архив внешней политики Российской Федерации
АРАН	—	Архив Российской академии наук (М.)
СПб. филиал АРАН	—	СПб. филиал Архива Российской академии наук
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (М.)

²⁷⁸ ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, 1943, д. 38, л. 54 (машинописная копия.) Автор письма Фесенко Прокопий Ильич — бывший консул в Калгане в 1926 г. Он также автор книги «История Синьцзяна» (М., МИВ, 1935, 278 с.).

²⁷⁹ РГАЛИ, ф. 631, оп. 26, ед. хр. 5442, л. 3.

После образования КНР Цао Цзин-хуа неоднократно приезжал в СССР: в 1956 г. присутствовал на защите Л.Д. Позднеевой докторской диссертации в качестве почетного гостя; был в СССР осенью 1958 и летом 1959 г. Подробнее о жизни и деятельности Цао Цзин-хуа (1897–1987) см.: Цао Цзин-хуа цзи-нянь вэнь-цзи (Сборник статей памяти Цао Цзин-хуа). Изд. «Хэнань цзяо-юй чу-бань-шэ», 1992, составлен Чжан Дэ-мэем и Мэн Кэ к 95-летию со дня рождения Цао Цзин-хуа и 5-летию со дня его смерти.

ГАИО	—	Государственный архив Иркутской области
ГАКО	—	Государственный архив Калужской области
ГАЧО	—	Государственный архив Читинской области
ГАЯО	—	Государственный архив Ярославской области
ГИАЛО	—	Государственный архив Ленинградской обл. (СПб.)
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (М.)
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства (М.)
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
НАРТ	—	Национальный архив Республики Татарстан (Казань)
ЦГА Бурятии	—	Центральный государственный архив Бурятии (Улан-Удэ)
РГБ, НИОР	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (М.)
РНБ	—	Российская национальная библиотека (СПб.)
ОР КазГу	—	Отдел рукописей библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета

Калужский краеведческий музей
 Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова

Источники и литература

- Аввакум (Честной), архим.* Дневник кругосветного плавания на фрегате «Паллада» (1853 г.); Письма из Китая (1857–1858 гг.) / Подгот. текста, предисл. (с. 5–21), примеч. С.А. Васильевой. Тверь, 1998, 218 с.
- Алексеев В.М.* Список китайских книг, поступивших в Азиатский музей из наследства Э.В. Бретшнейдера // Известия имп. Академии наук. Серия V. Т. XVII, 1902, № 4, ноябрь, с. 070–071 (10–11).
- Алексеев В.М.* Список китайских книг, поступивших в Азиатский музей в дар от А.Н. Гудзенко // Известия имп. Академии Наук. Серия V, т. XVII, 1902, № 4, ноябрь. Mus. Asiat. Notitiae, с. 072–075.
- Алексеев В.М.* Ляо Чжай. Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и). Перевод и предисловие. Пб., 1922, 159 с.
- Алексеев В.М.* Ляо Чжай. Монахи волшебники. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и). Перевод и предисловие. М.–Петроград, 1923, 278 с.
- Алексеев В.М.* Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая серия. Ч. V, 1906, 104 с. (3 илл. в тексте).
- Алексеев В.М.* Краткий отчет о командировке в Китай летом 1912 г. приват-доцента СПб. университета В.М. Алексеева // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношениях (СПб.). Серия II, 1913, № 2, апрель. С. 75–77.
- Алексеев В.М.* Китайская республика // Восток, кн. 1, 1922, с. 92–97.
- Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Станцы Сыкун Ту (837–908). «Ши пинь». Тан Сыкун Ту [кит. иерогл.]. Перевод и исследование (с приложением китайских текстов). Петроград, 1916, IX, 0140, 481 [3], 155 стр.
- Алексеев В.М.* Китайская поэма: стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследование (с приложением китайских текстов) / Отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2008, 701 с.
- Алексеев В.М.* Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. IV, 1935, с. 31–57.
- Алексеев В.М.* В.Л. Комаров и русская китаистика // Известия Государственного географического общества. Т. XXI. 1939. Вып. 10, с. 1422–1425.

- Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982.
- Андреева С.Г.* Пекинская духовная миссия во время восстания ихэтуаней (1898–1901) // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае» [далее: НК ОГК], 2001. С. 119–135.
- Андреева С.Г.* Тяньцзиньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) международные договоры и их влияние на судьбу Российской духовной миссии в Пекине // XXXIII НК ОГК, 2003, с. 81–89.
- Баньковская М. В.М.* Алексеев и С.Ф. Ольденбург (в высказываниях и характеристиках) // Восточный альманах. Вып. 9. Начало пути. М.: Художественная литература, 1981. С. 523–524.
- Бартольд В.В.* Исторические и географические труды В.П. Васильева // Известия Российской Академии Наук (Петроград). Серия VI [Т. XII]. 1918, № 7, 15 апреля. С. 549–560.
- Беляев Осип.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.
- Брандт Я.Я.* Образцы китайского официального языка с русским переводом и примечаниями. Ч. 1. Собрал и обработал Я. Брандт, старший преподаватель КВЖД в Пекине. Пекин, 1910, 154 с.
- Васильев В.П.* [Автобиографическая заметка] // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей. Т. IV. СПб., 1895. С. 149–155.
- Васильев В.П.* Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник, 1857, сентябрь, книжка вторая.
- Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. Общее обозрение. Сочинение В. Васильева, профессора китайского яз. при имп. С.-Петербургском университете. СПб., 1857, X, [9], 353 с.
- Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. III. История буддизма в Индии. Сочинение Даранаты. Пер. с тибетского В. Васильева, 1869, XXII, 288 с.
- Васильев В.П.* Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. СПб., 1873, 183 с.
- Васильев В.П.* Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского имп. университета В.П. Васильевым. СПб., 1887, 292, 387 с. (литография).
- Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2-е. Под редакцией А.О. Ивановского. СПб., 1898, [2], 133 с. (литография).
- Васьков О.В.* Из истории Российской духовной миссии в Китае // Дипломатический вестник, 1997, № 1. С. 78–79.
- Горбачева З.И.* Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока, М.-Л., 1959. С. 286–291.
- Горбачева З.И.* Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания Института востоковедения Академии Наук СССР // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XVI. М.-Л., 1958. С. 309–351.
- Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И.* Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818–1900) // Очерки по истории русского востоковедения. Т. 2. М., 1956. С. 232–340.
- Густерин П.В.* Архимандрит Аввакум (к истории подписания Тяньцзиньского трактата 1858 г.) // Новая и новейшая история, 2008, № 6. С. 197–200.
- Журавлева В.П.* Библиография Китая. Философия и общественно-политическая мысль. Этика. Эстетика. Военная мысль. Мифология. Религия. 1958–2008. М.: ИД «Форум», 2015.

- Завидовская Е.А., Маяцкий Д.Ин.* Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела библиотеки С.-Петербургского государственного университета. СПб., 2012.
- Зелов Н.С.* Китаевед и археограф иером. Алексей (Виноградов) // Вопросы истории. 1998, № 10. С. 139–143.
- Иванов А.И.* Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. Перевод. СПб., 1912, LXXVII, 351, III, 74 с. (Издание ФВЯ СПб. ун-та, № 39).
- Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов. Очерк жизни и деятельности. 2-е изд. М., 1973.
- Ивин А.* Китай и Советский Союз. С предисловием Л. Карахана. М.–Л., 1924, 144 с.
- Иеромонах Киевопечерской Успенской лавры Алексей (Виноградов).* Китайская библиотека и ученые труды членов имп. Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине, или Бэй-цзине (в Китае). С приложением каталога, чертежей и рисунков. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1889.
- Ипатов А.С.* Пекинские письма П. Тугаринова к Н.И. Любимову (40-е годы XIX в.) // И не распалась связь времен... К 100-летию П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 164–185.
- Ипатова А.С.* Место российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию акад. С. Л. Тихвинского. М., 1998. С. 202–233.
- Искусство восточной гравированной книги. Art of Oriental Xelographica. М., 2005.
- Иолк Е.К.* К вопросу об основах общественного строя древнего Китая // Проблемы Китая, № 2, 1930. С. 87–135.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Главный редактор акад. Тихвинский С.Л. Том VII. Китайская Республика (1912–1949). Отв. ред. и автор введения (с. 8–14). Мамаева Н.Л.; вступ. «К читателю» (с. 5–7) Тихвинский С.Л. М.: Наука — Восточная литература, 2013.
- История Небесной империи. Т. 1. История первых пяти ханов из дома Чингисова / Под ред. В.Е. Ларичева. Перевод с маньчжурского Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского. Новосибирск: Изд. Института археологии и этнографии СО РАН, 2011.
- История российской духовной миссии в Китае. Сб. статей. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1997, 415 с.
- Казин В.Н.* К истории Хара-Хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961. С. 273–283.
- Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. М.: Главная редакция восточной литературы, 1973.
- Каталог книг, рукописям и картам, на китайском, маньчжурском, монгольском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. Т. 1. СПб., 1843; т. 2, 1844.
- П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (К 100-летию со дня смерти). Ч. 1–3. М., 1979.
- Кармановская И.Л.* О библиотеке Российской духовной миссии в Пекине // XXI НК ОГК, 1990. Ч. 2. С. 132–135.
- Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. статей под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940, 534 с.
- Колоколов В.С.* Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины / Сост. В.С. Колоколов, под ред. М.М. Абрамсона и Ху Цзя. М., 1935, 690 с. (переизд.: М., 1946).

- Кобзев А.И.* Путь «Великого учения» в России // Восточная коллекция, 2012, № 4. С. 43–52; «Четырехкнижие», или Любомудрые китайцев, разделенное на 4 книги // Там же. С. 53–62.
- Ковалевский Е.[П.]*. Путешествие в Китай. Ч. 1–2. СПб., 1853.
- Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исслед. М.–Л., 1950, 403 с.
- Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970, 447 с.
- Ломанов А.В.* Российская духовная миссия в Китае // Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 332–352.
- Лукиянов А.Е.* Рациональные характеристики Дао в системе «Дао дэ цзин» // Рационалистическая традиция и современность. [Кн. 3]. Китай. М., 1993 С. 24–48.
- Маракуев А.В.* У истоков древней астрономии Дальнего Востока // Бюллетень физ.-мат. фак. Дальневосточного гос. ун-та. 1935, № 1. С. 44–48.
- Мартынов А.С.* Конфуцианство: этапы развития. Конфуций. «Лунь юй» СПб.: Алфавит-классика; Петербургское востоковедение. 2006, 344 с.
- Меньшиков Л.Н.* В.М. Алексеев как коллекционер // Литература и культура Китая. М., 1972. С. 120–128.
- Мороз И.Т.* Посольство Ю.А. Головкина и 9-я Российская духовная миссия в Китае // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии (1836–1912). СПб., 1996. С. 148–158.
- [*Мункуев Н.Ц.*] Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / Перевод с китайского, введение, комментарии и приложения Н.Ц. Мункуева. М., 1975, 286 с. (Памятники письменности Востока, XXVI).
- Мэй Лань-фан и китайский театр. К гастрольям в СССР. Сб. статей. М.–Л., 1935, 35 с.
- Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. М., 1960, 604 с. + 684 с.
- Ольденбург С.Ф.* Записка об ученых трудах проф. В.М. Алексеева // Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г. Л., 1930. С. 1–10.
- Ольденбург С.Ф.* Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918. [Речь в публичном заседании РАН 5 марта (20 февраля) 1918 г.] // Известия Российской Академии наук. Серия VI [Т. XII], 1918, № 7, 15 апреля. С. 531–548.
- Ольденбург С.Ф.* Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского Музея // Известия Российской Академии Наук, VI серия, Петроград, 1918.
- Отчет о деятельности Азиатского музея имп. Академии Наук за 1913 г. СПб., 1914.
- Отчет о деятельности Азиатского музея имп. Академии Наук за 1917 г. Петроград, 1918.
- Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной С.-Петербургской имп. Академии, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, а на российский язык переведенный Василием Костыговым. СПб.: Тип. Морского шляхетского корпуса, 1779.
- Палладий [Кафаров П.И.], Попов П.С.* Китайско-русский словарь, сост. бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом имп. дипломатической миссии в Пекине П.С. Поповым. Т. I–II, Пекин, 1888; 628 с. + 666 с.
- Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв., СПб., 2006.
- Панкратов Б.И.* Предисловие // Юань чао би ши (Секретная история монголов). Т. 1. М., 1962. С. 1–18.

- Переломов Л.С.* Слово Конфуция [«Лунь юй»]. М.: ТПО «Фабула», 1992, 190 с.
- Петров А.А.* Ван Би (226–239). Из истории китайской философии. М.-Л., 1936, 136 с. (Труды Института востоковедения АН СССР).
- Пецуров Д.А.* Китайско-русский словарь (по графической системе). СПб., 1891, 266 с.
- Позднеев Д.М.* Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХСV (295), 1894, октябрь. С. 285–335.
- Позднеева Л.Д.* История китайской литературы. Собрание трудов. М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2011.
- Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц / Перевод с китайского с примечаниями П.С. Попова. СПб., 1910, X, 126, IV с. (Изд. имп. СПб. ун-та).
- Православие на Дальнем Востоке. [Вып. 1]: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Сб. статей / Отв. ред. М.Н. Боголюбов, архим. Августин; сост. Н.А. Самойлов. СПб., 1993, 160 с.
- Рудаков А.В.* Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. Т. III, 1901–1902 академ. год. Вып. 1, 1901. С. 1–40; 9 л. ил.
- Рукописи и ксилографы на восточных языках им. М. Горького С.-Петербургского государственного университета / Под редакцией В. Л. Успенского. СПб., 2014.
- Самойлов Н.А.* Пекинская духовная миссия и диалог культур России и Китая // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004. С. 32–40.
- Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, 505 с.
- Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960, 891 с.
- Смолин Г.Я.* Библиотека Академии Наук и Китай // Научные и культурные связи Библиотеки АН СССР с странами зарубежного Востока. М.-Л., 1957. С. 22–23.
- Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши цзи»). Т. I–II / Перевод с китайского и комментарии Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Под общей редакцией Р.В. Вяткина. Вступит. статья М.В. Крюкова. М., 1972–1975.
- Тимковский Е.[Ф.].* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1–3. СПб., 1824.
- Федоренко Н.Т.* Цюй Юань. Стихи. Перевод с китайского. М., 1954. С. 3–26; 1956. С. 5–30.
- Флуг К.К.* История китайской печатной книги Сунской эпохи X–XIII вв. М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1959.
- Хохлов А.Н.* К характеристике кодекса маньчжурской династии Цин // Роль традиций в истории Китая. М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1968. С. 88–91.
- Хохлов А.Н.* Несколько замечаний о переводах кодекса династии Цин — «Да Цин люй ли» // XX Международный конгресс синологов в Праге. М., 1968. С. 106–116.
- Хохлов А.Н.* Новые данные о деятельности Н.П. Игнатъева в Китае в 1859–1860 гг. // Конференция молодых научных работников и аспирантов. М., 1968. С. 30–31.
- Хохлов А.Н.* «Да Цин хуэйдянь шили» как источник по истории аграрных отношений Китая (середина XVII — начало XIX в.) // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Проблемы истории и экономики). М., 1969. С. 102–104.
- Хохлов А.Н.* П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1970. С. 139–140.
- Хохлов А.Н.* «Да Цин люй ли» как источник по аграрной истории Китая середины XVIII — начала XIX в. // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (История и экономика). М., 1971. С. 106–128.
- Хохлов А.Н.* Новая история Китая. М.: ГРВЛ, 1972. — Авт. гл.: Китай под властью маньчжурской династии Цин в XVII–XVIII вв. С. 13–64; Цинская империя накануне вторжения капиталистических держав (90-е годы XVIII в. — 40-е годы XIX в.). С. 65–100. То же: Варшава, 1979 (на польск. яз.), Москва, 1983 (на франц. яз.) и др.

- Хохлов А.Н.* В.П. Васильев в Н. Новгороде и Казани // История и культура Китая. (Сб. памяти В.П. Васильева). М., 1974. С. 28–70.
- Хохлов А.Н.* (отв. ред.). Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения). Ч. 1–2. М., 1977. — Авт. ст.: Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первой половины XIX в. Ч. 1. С. 3–53; Новые материалы к биографии Н.Я. Бичурина. Ч. 2. С. 111–132.
- Хохлов А.Н.* Поездка дипкурьера Афанасия Соловьева в Пекин в 1732 г. // Восьмая НК ОГК. Ч. 2. М., 1977. С. 21–41.
- Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 55–72.
- Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и Российская Академия Наук // Вестник АН СССР. 1978. № 6. С. 115–124.
- Хохлов А.Н.* Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурина о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 129–137.
- Хохлов А.Н.* (отв. ред.). П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Ч. 1–3. М., 1979 — Авт. ст.: П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (краткий биографический очерк). Ч. 1. С. 3–90; П.И. Кафаров и его эпистолярное наследие. Ч. 2. С. 124–225; Новые материалы о путешествии П.И. Кафарова по Дальнему Востоку в 1870–1871 гг. Ч. 3. С. 101–158.
- Хохлов А.Н.* Неизвестное об известном: доклад В.М. Алексева о русском востоковедении В.П. Васильева (к 100-летию со дня рождения В.М. Алексева) // Двенадцатая НК ОГК. Ч. 3. М., 1981. С. 214–229.
- Хохлов А.Н.* История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. (К характеристике позиции цинского правительства в отношении русско-китайской торговли после Пекинского договора 1860 г.) // Четырнадцатая НК ОГК. Ч. 2. М., 1983. С. 136–148.
- Хохлов А.Н.* Своды законов маньчжурской династии Цин (1644–1912) — важнейшие источники по истории Китая в новое время // Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения (к 25-летию создания). М., 1983. С. 85–125.
- Хохлов А.Н.* Связи русских и французских синологов в XVIII–XIX вв. // Пятнадцатая НК ОГК. Ч. 2. М., 1984. С. 226–239.
- Хохлов А.Н.* Аграрное законодательство и обычное право Китая в период правления маньчжурской династии Цин // Государство в докапиталистических обществах Китая. М., 1984. С. 89–92.
- Хохлов А.Н.* Российские китаеведы и деятели русской культуры (А.С. Пушкин, И.С. Тургенев и Г.Н. Потанин) // Шестнадцатая НК ОГК. Ч. 2. М., 1985. С. 215–234.
- Хохлов А.Н.* Кяхтинское училище китайского языка и его роль в подготовке китайцев (К 150-летию со дня основания) // Семнадцатая НК ОГК. Ч. 2. М., 1986. С. 204–221.
- Хохлов А.Н.* С.И. Черепанов и китайская тема в его творчестве (К 175-летию со дня рождения) // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Ч. 2. М., 1986. С. 459–463.
- Хохлов А.Н.* Русская классика на любительской сцене в Китае 70–80-х гг. XIX в. // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока (Алексеевские чтения). Ч. II. М., 1988. С. 257–261.
- Хохлов А.Н.* История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: ГРВЛ, 1990. — Авт. гл.: Гл. 4. Вклад в изучение Востока департаментов дипло-

- матического, военного и финансового ведомств России в первой половине XIX столетия. Разд.: Кяхтинское училище китайского языка. С. 186–194; Гл. 6. Изучение стран Дальнего Востока в России в первой половине XIX века. Разд.: Н.Я. Бичурин. С. 289–305.
- Хохлов А.Н.* Важный документ по ранней истории советско-китайских отношений // СССР и страны Востока. Иркутск, 1990. С. 78–81.
- Хохлов А.Н.* Пекинский дневник В.П. Васильева // Двадцать вторая НЧ ОГК. Ч. 3. М., 1991. С. 208–221.
- Хохлов А.Н.* И.А. Ладухин: судьба таланта в старой России // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 169–176.
- Хохлов А.Н.* Д.П. Сивиллов — руководитель первой в России кафедры китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания. М., 1992. С. 155–158.
- Хохлов А.Н.* Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 62–74.
- Хохлов А.Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 197–229.
- Хохлов А.Н.* В.П. Васильев о характере традиционного китайского права (К 175-летию со дня рождения русского ученого) // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Ч. 2. М., 1993. С. 147–152.
- Хохлов А.Н.* Китаист А.В. Маракуев и его научное наследие // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Ч. 2. М., 1994. С. 107–112.
- Хохлов А.Н.* Б.Я. Владимирцов в оценке коллег-востоковедов // Владимирцовские чтения — III. М., 1995. С. 123–128.
- Хохлов А.Н.* Н.В. Кюннер и его интерес к истории национальных окраин Китая // Кюннеровские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1995. С. 12–15.
- Хохлов А.Н.* Л.Н. Воейков — первый россиянин-китаист // Актуальные проблемы китайского языкознания. М., 1995. С. 134–140.
- Хохлов А.Н.* Российская православная миссия в Пекине и ее вклад в изучение духовной культуры Китая // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Чтения, посвященные памяти А.А. Зимина. М., 1995. С. 629–635.
- Хохлов А.Н.* Синьхайская революция в зеркале российской прессы (К 85-летию Учанского восстания в Китае) // Двадцать седьмая НК ОГК. М., 1996. С. 194–201.
- Хохлов А.Н.* Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг // Китайское языкознание. М., 1996. С. 160–164.
- Хохлов А.Н.* История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. — Авт.: гл. 1. Востоковедение в университетах, институтах, Азиатском музее и научных обществах. Разд.: Восточный институт во Владивостоке. С. 48–75; гл. 4. Изучение Восточной и Центральной Азии. С. 262–391.
- Хохлов А.Н.* Китаист Николай Зоммер — первый российский исследователь философии средневекового Китая // Третья Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация». М., 1997. С. 153–159.
- Хохлов А.Н.* П.А. Дмитриевский — российский дипломат и востоковед // Корея. Сборник статей. К 80-летию со дня рождения М.Н. Пака. М., 1998. С. 284–296.
- Хохлов А.Н.* Алексей Старцев — коммерсант, дипломат и просветитель // Двадцать восьмая НК ОГК. Ч. 2. М., 1998. С. 234–249.
- Хохлов А.Н.* Российские дипломаты и коммерсанты в Китае — создатели восточных фондов отечественных музеев (по материалам центральных и местных архивов России) // Там же. С. 416–429.

- Хохлов А.Н.* Китаевед-лингвист Н.Н. Коротков (1908–1993): тернистый путь к вершинам научного творчества (к 90-летию со дня рождения) // Китайское языковедение. М., 1998. С. 5–14.
- Хохлов А.Н.* Визит наследника русского престола в Китай весной 1891 г. (Из истории российской дипломатии на Дальнем Востоке в 90-е гг. XIX в.) // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 41–54.
- Хохлов А.Н.* Л.Д. Позднеева в начале творческого пути // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. № 3. М., 1999. С. 44–57.
- Хохлов А.Н.* Наследник русского престола в гостях у китайского реформатора Чжан Чжи-дуна (Из истории российской дипломатии в Китае 90-х гг. XIX в.) // Двадцать девятая НК ОГК. М., 1999. С. 104–117.
- Хохлов А.Н.* Иеромонах Алексей (А.Н. Виноградов) — пекинский миссионер, художник и ученый // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 83–86.
- Хохлов А.Н.* Флавиан (Городецкий) (1840–1915) — глава Российской духовной миссии в Пекине и иерарх Русской православной церкви // Там же. С. 86–89.
- Хохлов А.Н.* Китаист П.С. Попов и его первая лекция в Петербургском университете // Тридцатая НК ОГК. М., 2000. С. 136–149.
- Хохлов А.Н.* Востоковед В.П. Васильев и его графическая система расположения китайских иероглифов // Китайское языковедение. Изолирующие языки. М., 2000. С. 189–202.
- Хохлов А.Н.* Алексей (Виноградов Александр Николаевич, 1845–1919) // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 663–664.
- Хохлов А.Н.* Антоний (Платковский А.Г., архим., 1682–1746) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 637.
- Хохлов А.Н.* Создание Восточного института во Владивостоке в 1899 г. — важное событие в жизни России // Тридцать первая НК ОГК. М., 2001. С. 98–118.
- Хохлов А.Н.* Пекинский дневник Семена Черепанова // Восточная коллекция. М., 2001. № 2. С. 80–103.
- Хохлов А.Н.* Подготовка кадров для российской консульской службы в Китае (студенты-стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине) // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 336–359.
- Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды о цинском Китае // *Н.Я. Бичурин.* Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М., 2002. С. 5–30.
- Хохлов А.Н.* Свод законов маньчжурской династии Цин — документальная основа публикаций Н.Я. Бичурина о современном ему Китае // *Н.Я. Бичурин.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002. С. 5–28.
- Хохлов А.Н.* Николай Адоратский (1849–1896) — историограф Пекинской духовной миссии // Тридцать вторая НК ОГК. М., 2002. С. 336–348.
- Хохлов А.Н.* Стажеры при Российской дипломатической миссии в Пекине: судьбы людей и научных трудов // Страны и народы Востока. Вып. XXXI. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6. М., 2002. С. 159–181.
- Хохлов А.Н.* Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань цзэ-ли» // История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 70–72.
- Хохлов А.Н.* Раздел в монографии «Духовная Миссия в Пекине и начало российского монголоведения (Путешествия и труды Н.Я. Бичурина)» // Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань, 2004. С. 9–42.

- Хохлов А.Н.* Монголист О.М. Ковалевский: путешествие в Пекин (1830–1831) и контакты с российскими китаеводами // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. II. М., 2004. С. 148–172.
- Хохлов А.Н.* Директор Пекинской национальной библиотеки Юань Тун-ли: поездка в СССР в 1934 г. и контакты с российскими китаеводами (Из истории культурных связей России с Китаем в 30-х годах XX в.) // *Тридцать пятая НК ОГК*. М., 2005. С. 159–180.
- Хохлов А.Н.* Пекинский миссионер архимандрит Иннокентий (Немиров) и его поездка в Святую Землю в 1872 г. // *Православный Палестинский сборник*. Вып. 102. М., 2005. С. 150–162.
- Хохлов А.Н.* Сунь Ят-сен и его планы железнодорожного строительства в Китае // *Вопросы истории*. № 5. М., 2006. С. 116–127.
- Хохлов А.Н.* Л.Ф. Баллюзек — первый российский посланник в цинском Китае // *Тридцать шестая НК ОГК*. М., 2006. С. 59–68.
- Хохлов А.Н.* Л.И. Думан: тернистый путь настоящего ученого // *Тридцать седьмая НК ОГК*. М., 2007. С. 5–23.
- Хохлов А.Н.* Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // *Восточный архив*. № 16. М., 2007. С. 56–65.
- Хохлов А.Н.* Михаил Шевелев и начало морского судоходства России с Китаем // *Вопросы истории*. 2007. № 9. С. 116–125.
- Хохлов А.Н.* Вклад Н.Я. Бичурина в изучение истории народов Западного края // *Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А.М. Решетова*. Сборник статей. СПб., 2007. С. 80–84.
- Хохлов А.Н.* Китаист Петр Рудановский (1871–1904): судьба дипломата // XXXIV Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки», 10–12 апреля 2007 г. Тезисы докладов. СПб., 2007. С. 175–176.
- Хохлов А.Н.* Даниил (Сивиллов Дмитрий Петрович, архим. 1798–1871) // *Православная энциклопедия*. Т. 14. М., 2007. С. 87–88.
- Хохлов А.Н.* Хоу Вайлу: большой знаток китайской философии и друг России // *Тридцать восьмая НК ОГК*. М., 2008. С. 5–16.
- Хохлов А.Н.* Гуманная акция российской дипломатии в отношении населения Китая и Монголии в 1912 г. // *Вопросы истории*. № 9. М., 2008. С. 83–92.
- Хохлов А.Н.* Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г. // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. III. М., 2008. С. 450–474.
- Хохлов А.Н.* Три неизвестных архивных документа: К биографии В.М. Алексеева // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. Вып. III. М., 2008. С. 431–449.
- Хохлов А.Н.* Китаист Е.И. Сычевский и его труды по маньчжуроведению // *Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня // Первые Шавкуновские чтения*. Владивосток, 2008. С. 47–60.
- Хохлов А.Н.* Первый преподаватель русского языка в Пекине А. Ф. Попов // *Вопросы истории*. № 11. 2009. С. 76–87.
- Хохлов А.Н.* Русско-японская война 1904–1905 гг.: Образ России в переписке китайской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге // *Россия в международных конфликтах начала XX в. (Русско-японская и Первая мировая война)*. Бюллетень. Вып. 3. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С. 90–98.
- Хохлов А.Н.* Распространение русского языка в Китае до и вскоре после образования КНР // 60 лет КНР. Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР. Тезисы докладов XVIII Международной научной конференции «Китай, ки-

- тайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 21–23 октября 2009 г.). Ч. 1. М., 2009. С. 239–243.
- Хохлов А.Н.* «Дай Цин люй ли» (Основные законы и постановления Великой [династии] Цин // Духовная культура Китая. [Т. 4:] Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 480–484.
- Хохлов А.Н.* «Дай Цин хуй дян ши ли» («Собрание постановлений к „Своду узаконений Великой [династии] Цин“») // Духовная культура Китая. [Т. 4]. С. 489–490.
- Хохлов А.Н.* «Дай Цин хуй дян» (Свод узаконений Великой [династии] Цин) // Духовная культура Китая. [Т. 4]. С. 484–488.
- Хохлов А.Н.* Китаевед Н.Я. Бичурин и его вклад в монголоведение // *Н.Я. Бичурин. Записки о Монголии.* Самара: Изд. дом «Агни», 2010. С. 9–40.
- Хохлов А.Н.* Н.К. Рерих глубоко верил в победу России над фашистской Германией // Восточный архив. № 2 (22), 2010. С. 11–18.
- Хохлов А.Н.* Русско-французские контакты в области изучения Китая в 30–80-е годы XIX в. // Синология, японоведение и тибетология в России и Франции: история и перспективы. Сб. статей по материалам международного симпозиума. М., НИУ ВШЭ, 16–17 апреля 2012. М., 2013. С. 141–172.
- Хохлов А.Н.* Критическая ситуация на КВЖД в 1933 г. // Информационные материалы. Серия Е. «Проблемы новейшей истории Китая». М., 2013. Вып. 3. С. 198–216.
- Хохлов А.Н.* Столица цинского Китая Пекин в русской картографии XIX в. (труды Н.Я. Бичурина и М.В. Ладыженского) // 44-я НК ОГК. Том XLIV, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2014. С. 377–390.
- Хохлов А.Н.* Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики // 44-я НК ОГК. Том XLIV, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 484–512.
- Цветков А.С.* Советско-китайские культурные связи (исторический очерк). М.: Изд. «Мысль», 1974.
- Цинский Китай. Картины народной жизни (минь сухуа) / Вступит. статья, перевод с китайского яз. и комментарии И.Ф. Поповой. Серия: Нетрадиционные источники по истории династии Цин (1644–1911). СПб., 2009. С. 65 (рисунок: резчик досок для ксилографии).
- Чигринский М.Ф.* О синологических занятиях А.Н. Виноградова (Алексия) в Оптиной пустыни // XXII НК ОГК. Ч. 3. М., 1991. С. 134–136.
- Шаталов О.В.* Архимандрит Петр (Каменский) и десятая российская православная миссия в Пекине // Исторический вестник (Москва — Воронеж), 2000, № 2 (6). С. 203–218.
- Шаталов О.В.* Иеромонах Феофилакт (Киселевский) в составе Российской духовной миссии в Пекине // Из истории Воронежского края. [Воронеж, б.г.]. Вып. 12. С. 214–219.
- Шафрановская Т.К. и Шафрановский К.И.* Приобретение в начале XVIII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959.
- Шубина С.А.* Научное наследие Захара Леонтьевского // Восточная коллекция, 2002, № 2. С. 130–133.
- Шубина С.А.* Захар Федорович Леонтьевский (1799–1874) // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 99–112.
- Щуцкий Ю.К.* Основные проблемы в истории текста Ле-цзы // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук [СССР]. Т. III. Вып. 2, 1928. С. 279–288.

- Щуцкий Ю.К.* Следы стадильности в китайской иероглифике // Яфетический сборник. Т. VII, л., 1932. С. 81–96.
- Эйдлин Л.З.* Из танской поэзии (Бо Цзюй-и) // Труды Военного института иностранных языков. Вып. 2, 1946. С. 55–69.
- Юй Цзе.* Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении китаеведения // Проблемы Дальнего Востока, 2007, № 4. С. 95–104; № 5. С. 148–156.
- [*Хохлов А.Н.*]. Лунь Дай Цин люй ли ды бянь-сюань цзи ци син-чжи (Подготовка и характер кодекса «Дай Цин люй ли») // Ди эр цзе Мин-Цин ши го-цзи сюэ-шу тао-лунь-хуй лунь-вэнь цзи (Сб. статей 2-й Международной конференции по истории династий Мин-Цин). Тяньцзинь, 1993. С. 57–64.
- [*Хохлов А.Н.*]. Сяо Сань юй Ми. Я. Аполецзин ды тун-синь (Переписка Сяо Саня [Эми (Сяо)] с М.Я. Аплетиным // Синь вэнь-сюэ ши-ляо (Материалы по истории новой литературы). (Пекин), 1994, № 1. С. 19–31.
- Чжун-го фа-чжи чжи ши цань-као шу-му цзянь-цзе (Аннотированная библиография по истории китайского законодательства). Пекин, 1957.
- Чжун-го шэ-хуй кэ-сюэ-юань сюэ-шу чжу-цзо чжан-лань (Выставка научных изданий Академии общественных наук Китая). [Б. м.]. 1989.
- Чжун-дун те-лу эр-ши ши-цзи тоу-сань-ши нянь Мань-чжоу цзин-цзи вэнь-хуа цзинь-бу ды чжун-яо инь-су (КВЖД — важный фактор экономического и культурного прогресса Маньчжурии в первой трети XX в.) // Э-Чжун гуань-си: ши-цзи чжи цзяо-ши ды цю-со (Русско-китайские отношения на пороге XXI века). Пекин, 2001. С. 219–235.
- Bazin M.* Notice historique sur le College médical de Peking, d'après le Tai-thsing hoei-tien // Journal Asiatique, août 1856, t. VIII. P. 393–427.
- Biographical Dictionary of Republican China // Ed. by Howard I. Boorman. Vols. 1–4. N.Y.–L., 1967–1971.
- Brosset M.* Catalogue des livres et manuscrits Chinois, Manchus, Japonais et Coreen de la Bibliothèque du Musée Asiatique // СПб. филиал РАН, ф. 789, оп. 1, д. 6.
- Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque imperial de St. Petersburg. Petersburg: Impr. de l'Academie imperial des Scienses, 1857.
- Dorn B.* Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Petersburg, 1846.
- Khokhlov A.N.* «Ta Ch'ing lui li», the Code of the Ch'ing or Manchu Dynasty: its Origin and Nature // XXVIII International Congress of Orientalists. Canberra, January 6–12, 1971. М., 1970. P. 1–9.
- Khokhlov A.N.* The Kyakhta Trade and Its Effect on Russian and Chinese Policy in the 18-th and 19-th Centuries; The Anglo-French War Against China (1856–1860) and Russia's Aid to the Chinese // History of Russo-Chinese Relations. 17-th–19-th Centuries. Moscow, 1985. P. 66–106, 214–256.
- Neumann Ch.* Translations from the Chinese and Armenian. London, 1831.
- Wylie A.* Notes on Chinese Literature. L., 1867.

В.Г. Дацышен

М.Ю. Ульянов

Чэнь Чуань-си

В.Г. Белозёрова

А.Н. Хохлов в ИВ РАН в июне 2000 г.

**А.А. Бокщанин (1935–2014), С.Л. Тихвинский и А.Н. Хохлов (1929–2015)
в Отделе Китая ИВ РАН**

**Граф
С.Л. Рагузинский-Владиславич
(1669–1738)**

**Граф Ю.А. Головкин (1762–1846).
Портрет кисти В.И. Гау (1816–1895),
1836 г.**

**П.И. Каменский
(арх. Петр, 1765–1845)**

М.Н. Мушин-Пушкин (1795–1862)

Н.Я. Бичурин
(арх. Иакинф, 1777–1853).
Литография А.О. Орловского
(1777–1832), 1828 г.

Барон П.Л. Шиллинг (1786–1837).
Портрет кисти
А.П. Брюллова (1798–1877)

Д.С. Честной
(арх. Аввакум, 1799–1866)

В.П. Васильев (1818–1900)

П.И. Кафаров
(арх. Палладий, 1817–1978)

А.Н. Виноградов
(иеромонах Алексей, 1845–1919)

Н.Ф. Катанов (1862–1922)

Д. Д. Покопиловъ, російскій чрезвычайный посолъ и полномочный министръ въ Китаѣ (1865–1908). По фот. арт. «Нива».

Д.Д. Покопилов (1865–1908)

В.М. Алексеев (1881–1951)

Ю.К. Щуцкий (1897–1938)

**М.Я. Аплетин
(1885–1981)**

**Эми Сяо
(Сяо Сань, 1896–1993)**

曹臻华

Цао Цзин-хуа (1897–1987)

Гэ Бао-цюань (1913–2000)

Лао Шэ
(1899–1966).

Портрет кисти
Ван Чан-хая
(王长海, 1952 г.р.)

Го Мо-жо
(1892–1978)

**М.В. Крюков и археолог Су Бин-ци (苏秉琦, 1909–1997)
на встрече однокашников в Пекинском университете в 1993 г.**

**М.В. Крюков на вручении студенческой премии имени В.М. Крюкова
в ИСАА МГУ в 2010 г.**

**Институт восточных рукописей РАН.
СПб, Дворцовая набережная, 18**

**И.Э. Циперович (1918–2000, *слева*) и О.Л. Фишман (1919–1986).
Ленинград, 1951 г.**

В.С. Спирин (1929–2002)

Ю.Л. Кроль

Ю.А. Петросян (1930–2011)

Э.Н. Тёмкин

М.А. Дандамасв

С.Д. Милибанд

О.Л. Фишман

**Т.П. Григорьева
(1929–2014)**

**Э.С. Стулова
(1934–1993)**

Л.Н. Меньшиков
(1926–2005)

Е.И. Кычанов
(1932–2013)

А.П. Терентьев-Катанский
(1934–1998)

А.М. Решетов
(1932–2009)

А.С. Мартынов
(1933–2013)

М.Е. Кравцова

А.М. Кабанов
(1952–2011)

И.А. Алимов

М.Е. Ермаков
(1947–2005)

Е.А. Горчинов
(1956–2003)

В.М. Крюков
(1962–2008)

А.А. Маслов

Я.М. Боева с созданными ею куклами

Феликс, сын Е.А. Торчинова

Е.А. Кий

**А.И. Кобзев
в 2003 г.**

**Н.А. Орлова
у Великой стены
в 2013 г.**

Е.А. Торчинов
на храмовом празднике в парке Алтаря Земли (Ди-тань).
Пекин, 1990 г.

**А.И. Кобзев, И.А. Алимов и Е.А. Торчинов
на храмовом празднике в парке Алтаря Земли (Ди-гань).
Пекин, 1990 г.**

**Е.А. Торчинов, А.И. Кобзев и И.А. Алимов
перед даосским монастырем Бай-юнь-гуань. Пекин, 1990 г.**

**Е.А. Торчинов, И.А. Алимов и А.И. Кобзев с даосским монахом
в монастыре Бай-юнь-гуань. Пекин, 1990 г.**

**Западные ворота в Пекинский университет.
1990 г.**

**Общежитие для иностранцев Шао-юань в Пекинском университете.
1990 г.**

**Е.А. Торчинов, А.И. Кобзев и М.Е. Ермаков в Шао-юане.
Пекин, 1990 г.**

**Е.А. Торчинов, А.И. Кобзев и И.А. Алимов в Шао-юане.
Пекин, 1990 г.**

**И.А. Алимов, А.И. Кобзев, О.М. Блинова и Е.А. Торчинов
в Шао-юане. Пекин, 1990 г.**

**М.Е. Ермаков, А.И. Кобзев, О.М. Блинова и Е.А. Торчинов
в Шао-юане. Пекин, 1990 г.**

**Е.А. Торчинов, И.А. Алимов и А.И. Кобзев
перед Пекинским железнодорожным вокзалом в 1990 г.**

**Е.А. Торчинов в Пекине
осенью 1990 г.**

**Су Чэн-вэнь (Гриша)
в плавании по Янцзы зимой 1991 г.**

Монах Чу-гуан вручает свою каллиграфию Е.А. Торчинову.
Сучжоу, 1991 г.

Е.А. Торчинов дома на фоне каллиграфии
常樂我淨 монаха Чу-гуана

**Е.А. Торчинов и А.И. Кобзев
перед буддийским монастырем
Гуан-цзи-сы. Пекин, 1990 г.**

**Чэнь Жу-цин
с прахом Е.А. Торчинова
перед монастырем Гуан-цзи-сы.
Пекин, 2007 г.**

**Чэнь Жу-цин
с прахом Е.А. Торчинова
в монастыре Гуан-ци-сы.
Пекин, 2007 г.**

**Праха Е.А. Торчинова
на курильнице
в монастыре Гуан-ци-сы.
2007 г.**

**Чэнь Жу-цин
с портретом Е.А. Торчинова
у Драгоценного храма Махавиры
(Да-сюн бао-дянь)
в центре монастыря Гуан-цзи-сы.
2007 г.**

**Поминание Е.А. Торчинова
в монастыре Гуан-цзи. 2007 г.**

**М.Е. Кравцова
на 3-х Торчиновских
чтениях.
СПбГУ, 2006 г.**

Могила В.М. Крюкова на севере под Пекином

А. И. КОБЗЕВ

Эпистолярные материалы к биографии Н.Т. Федоренко (1912–2000)

Николай Трофимович Федоренко (1912–2000) — колоритнейшая фигура отечественного востоковедения: синолог и японист, переводчик Сталина и Мао Цзэ-дуна, ученик академика В.М. Алексеева (1881–1951) и близкий друг д.ф.н. Л.З. Эйдлина (1909/1910–1985), член-корреспондент АН СССР (20.06.1958) и заместитель министра иностранных дел СССР (1955–1958), Чрезвычайный и Полномочный посол (1951), посол СССР в Японии (1958–1962) и постоянный представитель СССР в ООН и в Совете Безопасности (1963–1968), член Союза писателей СССР (1970), секретарь его правления (1971–1988) и главный редактор журнала «Иностранная литература».

Давая в частной переписке характеристики без лака и цензуры, В.М. Штейн (1890–1964), называл его «не принадлежащим к числу гениев, явно отмеченных печатью избрания на высоком челе»¹, а Л.З. Эйдлин — «очень способным человеком»². Пока не написана яркая и авантюрная биография Н.Т. Федоренко, в конце бурной жизни вместе с новой женой тихо переселившегося из кипевшей постперестроечной России в Болгарию, напо-

¹ Цит. по: *Хохлов А.Н.* Китаист Н.Т. Федоренко в начале творческого пути (неизвестные страницы биографии крупного востоковеда) // *Общество и государство в Китае*. Т. XLII, ч. 2 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6). М., 2012, с. 88.

² Цит. по: *Смирнов И.С.* Случай Эйдлина // *он же*. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М., 2014, с. 536.

минавшую его малую родину на Ставрополье. Дополняя данные известных справочников³, первые шаги к ее адекватной реконструкции сделали Б.Л. Рифтин (1932–2012), А.Н. Хохлов (1929–2015), И.С. Смирнов и автор этих строк⁴.

Н.Т. Федоренко. 1958 г.

Родившись в семье рабочего-плотника в Пятигорске, Н.Т. Федоренко в 1933 г. окончил Авиационный техникум в Таганроге и в 1934 г. поступил в Московский институт востоковедения, где на первом же курсе 11.04.1935 г. по неуставленному, видимо политическому, обвинению был арестован и отправлен сначала на Лубянку, а затем в Бутырскую тюрьму. Однако через два месяца неужи-

³ Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы (1917–1971). СПб., 2003, с. 387–388; Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: биобиблиографический словарь в 2 кн. Кн. II. М., 2008, с. 533–535.

⁴ Рифтин Б.Л. Член-корреспондент РАН Николай Трофимович Федоренко (1912–2000) // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2001. Т. 60, № 3, с. 76–78; Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 84–103; Смирнов И.С. Указ. соч., с. 524–536; Кобзев А.И. Был ли хэшан Аликэ «основателем советской школы китаеведения»? // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 18). М., 2015, с. 922–975.

данно освобожден по постановлению ОСО при НКВД СССР от 09.06.1935 г. и в 1937 г. успешно окончил ВУЗ, а в 1939 г. — там же аспирантуру. Спасаясь в Ленинграде от угрозы очередного ареста, он под руководством В.М. Алексеева с января 1938 г. готовил кандидатскую диссертацию «Политические и литературные убеждения Лу Синя» и публиковал короткие идеологически ангажированные заметки о политической конъюнктуре в Китае⁵. Однако не защитился, летом 1939 г. был призван в армию, оказался в Чите и на театре военных действий у реки Халхин-Гол, где получил тяжелое ранение, после чего осенью лечился в родном Пятигорске, а затем отбыл на 12 лет в Китай, по официальной версии, для работы в советском посольстве.

Следующие три года его пребывания за границей окутаны тайной, но в конце 1942 г., в разгар Сталинградской битвы он вдруг из мрака неизвестности объявился в Москве с диссертацией на совсем другую тему — не о прозе, а о поэзии и не XX в., а IV–III вв. до н.э.: «Цюй Юань и его творчество» — и через полгода (22.05.1943) в Ташкенте феерически защитил ее как докторскую. Защите мало-содержательной и художочной (166 с.) работы о Цюй Юане (屈原, ок. 348 – ок. 278 до н.э.) в нарушение всех правил не предшествовали ни кандидатская диссертация, ни какая-либо публикация по теме. Согласно свидетельству видевших этот вскоре таинственно исчезнувший опус, он представлял собой очевидную халтуру либо даже плагиат, но, по преданию, его защита была санкционирована «позвоночным правом»: личным звонком наркома иностранных дел В.М. Молотова (1890–1986) или уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтанова (1905–1978).

Разумеется, потребовалось и участие специалистов-оппонентов, одним из которых стал будущий академик, а тогда член-корреспондент АН СССР (12.02.1934) Н.И. Конрад (1891–1970), в начале войны (06.09.1941) удачно выпущенный на свободу после пятилетнего приговора и трехлетнего заключения (с 28.07.1938), а потому, видимо, не могший не выполнить команду сверху. Нетрудно предположить, что из-за этой, по определению В.М. Алексеева, «махинации»⁶, бросившей позорную тень на научную репутацию ее участников, начала развиваться трагическая коллизия во взаимоотношениях между диссертантом и оппонентом. Ее венцом стала публикация в возглавляемом Н.Т. Федоренко многоотиражном и популярнейшем журнале «Иностранная литература» статьи его сокурсника и сподвижника Л.З. Эйдлина с сокрушительной и дискредитирующей критикой заветной теории китайского Возрождения Н.И. Конрада⁷. Последний ее воспринял как «неприемлемую

⁵ Федоренко Н.Т. Что происходит в Китае // Интернационал молодежи. 1938, № 5, с. 13–15; *он же*. Мастера грабежа и разбоя // Там же, № 7/8, с. 46–48.

⁶ См.: Смирнов И.С. Указ. соч., с. 535.

⁷ Эйдлин Л.З. Идеи и факты (несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения) // Иностранная литература. 1970, № 8, с. 214–228.

с точки зрения человеческой морали и простой порядочности (если даже не хуже!)»⁸, от переживаний заболел и через месяц умер.

Обширное эпистолярное наследие Н.И. Конрада (уже выявлено более 900 писем⁹) достаточно представительно отражено в соответствующих изданиях¹⁰, однако в них явно не хватает переписки с Н.Т. Федоренко, которая важна для понимания взаимоотношений и характеров обоих корреспондентов. Посильный вклад в изучение этой проблемы — нижеследующая публикация расшифровки (с небольшой грамматической правкой) и факсимиле письма Н.И. Конрада Н.Т. Федоренко от 12.10.1955 г.

Оно явилось ответом на присылку ему накануне вечером Н.Т. Федоренко своей только что вышедшей большой (536 с.) книги «Китайские записи» (М., 1955). Автор, как явствует из письма, видимо, рассчитывал на рецензию. Книга была написана в очерковом стиле и выпущена издательством «Советский писатель», что отвечало проявленному Н.Т. Федоренко еще в аспирантуре стремлению к беллетристике. Тогда он начал переводить Лу Суня (魯迅, 1881–1936) и уже завел связи с литературным начальством, в частности, сообщая В.М. Алексееву о «чтении лично» А.А. Фадеевым (1901–1956) рукописи его переводов, предназначенной для журнальной публикации¹¹, а через тридцать лет, покинув дипломатическую службу, стал важным литературным чиновником и был высмеян В.Н. Войновичем в «Иванькиаде» (1976 г.). При всей панегиричности формы послания, обусловленной обстоятельствами его появления на свет, Н.И. Конрад позволил себе пошутить над литературной устремленностью своего корреспондента, приведя анекдот про псевдописателя М.В. Водопьянова¹².

12 окт. 1955.

Многоуважаемый

Николай Трофимович!

Поверьте, я очень тронут Вашим добрым вниманием! Сердечно благодарен за присланную книгу. К сожалению, лишен возможности ответить Вам чем-нибудь новым своим и вряд ли скоро смогу это сделать: вся моя работа

⁸ Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма / Сост. М.Ю. Сорокина, А.О. Тамазишвили. М., 1996, с. 384–385.

⁹ Там же, с. 15.

¹⁰ Конрад Н.И. Указ. соч., с. 244–448; Письма академика Н.И. Конрада / Предисл. и коммент. В.М. Алпатова, М.Ю. Сорокиной // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 51. 1992, № 6, с. 69–86.

¹¹ См.: Хохлов А.Н. Указ. соч., с. 93.

¹² М.В. Водопьянов (1899–1980) — полярный лётчик, участвовавший в спасении челюскинцев и ставший шестым Героем Советского Союза (1934 г.), генерал-майор авиации, член Союза писателей и ЦИК СССР.

последних лет пошла в «общий котел» «Всемирной истории» и там растворилась. А работа была не маленькая...¹³

Получил я книжку только вчера вечером и едва успел ее прочитать. Вторую часть я знаю — читал в журналах большую часть помещенных там очерков. И не могу не сказать: читал, испытывая огромное удовольствие не только от самого предмета, но и от мастерства литературного изложения. Превосходно, по-настоящему литературно написано! Я даже говорил об этом Марии Николаевне Виташевской¹⁴.

Когда-то Водопьянову, издавшему одну из своих книг, в Союзе писателей хором сказали: «Вы же — писатель! Вот Ваше призвание». На это прославленный летчик ответил: «Но ведь я все-таки и летчик...» Поэтому я остерегаюсь говорить Вам: «Быть писателем — Ваше призвание». Вы можете мне столь же иронически ответить — *mutatis mutandis*, — как и Водопьянов.

Вы написали: «как критику». Эта область или этот жанр — не для меня. Но впечатления от этой Вашей книги я высказать хотел бы... На это меня вдохновила первая же глава основной части «На китайской земле». Вероятно, дальнейшее чтение это желание только усилит. Могу Вам сказать, что первую главку («Встречи с Мао Цзэ-дуном») я прочел с наслаждением...

Только боюсь, что мои впечатления и мысли, вызванные чтением, никого не заинтересуют. Например, у меня был бы в таких умозрительных «Впечатлениях» по этой первой главке целый пассаж по поводу одного Вашего замечания: «Он скуп на жесты...»¹⁵ И целый пассаж по поводу «зеленого чая...»¹⁶ А кому это интересно?

Все же буду читать, имея в виду запись впечатлений... И если что-либо получится, попробую куда-нибудь предложить.

Крепко жму Вашу руку и поздравляю с большим достижением.

Н. Конрад

¹³ Через два года были опубликованы написанные им разделы о Китае, Японии, Корее, Тибете, Монголии, Индо-Китае и странах Южных морей: *Всемирная история*. Т. 3. М., 1957, с. 25–57, 277–306, 513–527.

¹⁴ М.Н. Виташевская (1901–1986) — создательница и первая заведующая Восточной редакцией Государственного издательства художественной литературы, деятельность которой на этом поприще Н.И. Конрад очень высоко оценивал (см.: *Конрад Н.И.* Указ соч., с. 213).

¹⁵ Имеется в виду описание жестикюляции Мао Цзэ-дуна (*Федоренко Н.Т.* Китайские записи. 2-е изд. М., 1958, с. 12).

¹⁶ Описано, как Мао Цзэ-дун, выпив чай, нюхал оставшийся целым чайный листок (там же, с. 15).

Это же самое мне писал. Там же писал, что Кобзев
 писал ("Вопросы и ответы") и писал: "написано..."
 Тогда было, что мне писали в Москве, что писал
 писал и писал. Конечно, что мне в в письме
 упоминается "Вопросы" и что писал: "Кобзев писал
 не писал, писал писал: "Он писал не писал..." и
 писал писал не писал "Делать так..." А там же писал?
 Не же же писал, что писал писал писал... и писал
 не писал писал писал писал писал.

Кобзев писал писал писал и писал
 с писал писал.

Н. Кобзев

Второе, также ответное и связанное с книгой, письмо адресовано Н.Т. Федоренко известным петербургским японистом, д.ф.н. (1975 г.) В.Н. Гореглядом (1932–2002). Оно не датировано и вызвано дошедшим до автора через В.С. Колоколова (1896–1979) известием об интересе высокопоставленного корреспондента к опубликованному им в 1970 г. переводу классического памятника японской литературы — «Записок от скуки» («Цурэдзурэгуса» 徒然草, 1330–1332) писателя и поэта Ёсида Кэнко (吉田 兼好, 1283–1350)¹⁷. Ответ В.Н. Горегляда, в свою очередь, свидетельствует о беспрецедентном интересе к восточной классике, царившем в СССР в 1970-е годы. Ниже, как и в первом случае, следуют расшифровка и факсимиле письма.

Глубокоуважаемый Николай Трофимович!

Всеволод Сергеевич Колоколов сказал мне, что Вас интересует мой перевод «Записок» Кэнко-хоси, вышедший в серии памятников в 1970 г. Эта книга вышла в свет, когда я был в командировке в Японии, и разошлась буквально в считанные часы, так что мне пришлось довольствоваться десятью авторскими экземплярами. Сейчас у меня их не осталось совсем, и я, к великому сожалению, не мог дать Всеволоду Сергеевичу ни одного экземпляра.

Перед отъездом в отпуск я достал для Вас один экземпляр в обменном фонде библиотеки, но из Ленинграда отправить его не успел. Отправляю из Тольятти, где провожу отпуск. Извините, что задержал с высылкой книги. Надеюсь, что в какой-то мере она окажется Вам полезной.

С глубоким уважением
В. Горегляд

¹⁷ *Кэнко-хоси. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса) / Пер. с япон., вступ. ст. В.Н. Горегляда // Памятники письменности Востока. XXIX. М.: Наука, 1970. — 256 с.*

Уважаемая мисс Жанетт Фредриксон!

Собору Сергея Касокова сказал мне, что Вас интересует мой перевод "Земли" Кэно-хэм, вышедший в серии памятников в 1970г. Эта книга была в моей руке & Вы в командировке в Японии, и поэтому случилось так, что я не успел Вам ее подарить. Я думаю, что Вы ее читали, и поэтому говорю об этом. Я думаю, что Вы ее читали, и поэтому говорю об этом. Я думаю, что Вы ее читали, и поэтому говорю об этом.

После отъезда в отпуск & добрался до Вас один экземпляр в библиотеке фонда библиотеки, но не успел его отправить по почте. Отправлю в Токио, где пробую отпустить его по почте. Отправлю в Токио, где пробую отпустить его по почте. Отправлю в Токио, где пробую отпустить его по почте.

С уважением уважаемая

А. Кобзев

30/11-74г.

М. Ю. УЛЬЯНОВ

К 50-летию одного обсуждения, или О ненаучной ревности и научной целесообразности

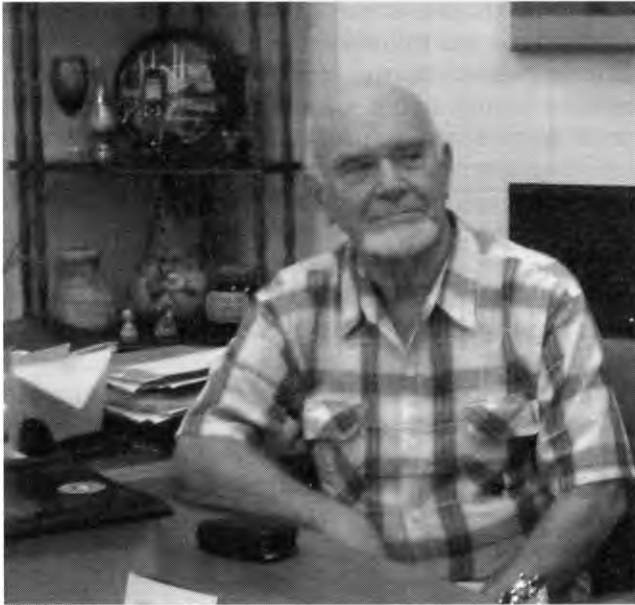
*Нет пророка в своем отделе.
Со своим самоваром да в чужой монастырь.*

Из ИВРАНовского фольклора

Как известно, развитие науки связано не только с достижениями представителей предыдущих поколений, но и с их ошибками и промахами, от которых никто не застрахован, но которые возможно избежать, если о них знать. Потому память о прошлом для людей творческих очень важна.

«Научную среду» можно представить как совокупность разных характеров и разных типов личностей, вынужденных взаимодействовать друг с другом в рамках «научных систем», которые представлены «научными направлениями», в идеале, конечно, — «научными школами». «Направления», разрабатывающие близкие темы, особенно если четко выраженных «школ» нет, часто складываются стихийно на основе общих подходов и сходств характеров. Замечено, что число таких направлений стремится к двум и взаимодействуют они в рамках бинарной оппозиции «свой — чужой». Приверженцев двух направлений разделяет мировоззрение; соответственно, на одни и те же вопросы они дают заведомо противоположные ответы: «хорошее» для одних «плохо» для других и наоборот¹. Историческую перспективу будет иметь то направление,

¹ Эта ситуация так была описана Л.П. Делюсиным (1923–2013) в интервью 2012 г.: «На мой взгляд, конечно, китаеведение не состоит из единомышленников, но и не состоит из атомизированных научных сотрудников. Но деление происходит по иным каким-»

М.В. Крюков. ИСАА МГУ, 2010 г.

которое сможет обеспечить преемственность и будет отвечать запросам ученых следующих поколений².

Развитие науки — это путь в неизведанное, познание еще непознанного. Далеко не все могут вести науку вперед, и не только руководить «научными проектами» и создавать «научные школы», но и просто последовательно и глубоко разрабатывать конкретные темы. Неудивительно, что при жизни ученый не все-

то признакам. Возможно, играют роль определённые мировоззренческие особенности учёного. В конце концов, и морально-этические качества тоже занимают немалое место в позиции учёного. Можно, конечно, определить как бы два течения в китаеведении, особенно зримо проявившихся в период конфронтации КПК и КПСС. Одно из них исходило преимущественно от некоторых товарищей из партийного руководства страны. Но оно поддерживалось и рядом китайистов и характеризовалось почти оголтелой критикой КПК. Другие — видели отнюдь не в китайской специфике то, что подвергалось столь резкой критике в те годы в состоянии Китая, и беспокоились о том, каковы будут отношения между двумя странами, когда пик межпартийной войны сойдёт на нет» [79, с.153].

² Направления, таким образом, складываются и развиваются в основном стихийно, по естественным законам человеческих взаимоотношений. Неслучайно в науке родилось такое сложное культурное явление, как «научная школа». Существование «школ» и позволяет избежать многих ограничений такого «естественного развития», а также планировать научную работу и выстраивать взаимодействия внутри «научной среды».

гда может быть понят современниками, а его работы не всегда бывают прочтаны не только коллегами, но даже ближайшими учениками и последователями.

Тут могут оказаться полезными мемуары или воспоминания, проливающие свет на основные концепции и идеи, а также некоторые поступки, затрагивавшие интересы других людей: отрицательный отзыв, отказ в научном руководстве или в чтении рукописей и пр. Особенно важны обстоятельства вхождения молодого специалиста в науку, поскольку оно зависит не только от него самого, но и от его старших коллег, учителей и преподавателей. Если же дневники, мемуары или воспоминания современников отсутствуют, то единственным источником становятся сопутствующие жизни ученого разного рода документы (протоколы заседаний, стенограммы выступлений, характеристики, справки и пр.), которые, однако, не объясняют мотиваций. При работе с ними приходится основываться на предположениях и допущениях. И если очевидцу умозаключения автора могут показаться домыслами и выдумками, то для историка науки они будут всего лишь более или менее надежными реконструкциями.

Увы, отечественные синологи, как правило, не склонны к мемуаристике, они редко ведут научные дневники. Даже такой яркий специалист, как Б.Л. Рифтин, который призывал во всем учиться у В.М. Алексеева, дневников не вел и воспоминаний не писал, поэтому увлекательная история поисков старопечатных книг и лубков ограничена страницами нескольких статей и памятью его благодарных слушателей. А ведь мог бы выйти труд, не уступающий «Над арабскими рукописями» И.Ю. Крачковского (1883–1951), который, кстати, имеет подзаголовок: «Листки воспоминаний о книгах и людях». Один из разделов этой книги начинается такими словами: «*Арабисту выпадает на долю много открытий*» [36, с. 60]. Всей своей жизнью Борис Львович доказывал, что и китаисту — тоже.

Исключением являются вышедшие уже вторым изданием дневники В.М. Алексеева (1881–1951) о путешествиях по Китаю в качестве переводчика при французской экспедиции, а также многочисленные публикации его дочери М.В. Баньковской (1927–2009). Сам В.М. Алексеев и сейчас остается недостижимым образцом научной рефлексии. Научный дневник вел, пожалуй, только В.А. Рубин (1923–1981) [86]. Воспоминания о своей жизни оставил С.Л. Тихвинский, назвав их «Возвращение к “Воротам небесного спокойствия”» [110]. Очень интересны воспоминания японоведа Ф.А. Тодер (1911–2000) [111].

Нельзя не отметить и проект «Российское китаеведение — устная история», в рамках которого публикуются интервью с крупнейшими отечественными синологами [79].

Имя М.В. Крюкова (род. 1932), этнолога и историка-китаиста, в отечественном востоковедении хорошо известно. Его труды по Древнему Китаю и сейчас выделяются и глубиной, и качеством. Поэтому для последующих поколений исключительно интересен научный путь М.В. Крюкова, каждый этап которого содержит в себе и урок, и пример, а каждая работа ученого — кладезь и опыта, и знаний. Нельзя исключить того, что когда-нибудь сам М.В. Крюков

поведает, зачем нужно было обсуждать этнографическую работу сотрудника Института этнографии (с 1962 г.) в Институте народов Азии АН СССР (ныне — Институте востоковедения РАН), причем сразу в двух отделах — Китая и Древнего Востока³.

На фоне московской синологической среды второй половины XX в. М.В. Крюков предстает как фигура уникальная и потому подлинно трагическая. Уместно вспомнить, что в Москве в изучении истории Древнего Китая в 50-х — начале 60-х гг. преобладало обществоведческое начало, господствовало направление специалистов, руководствовавшихся истматовской теорией. В.В. Малявин (род. 1950), один из немногих учеников М.В. Крюкова, давая интервью в проекте «Российское китаеведение — устная история», заметил, что знания о Китае у историков того времени были в *«соответствующей идеологической и политической упаковке, другой быть не могло. К сожалению, эту упаковку они так и не смогли с себя сбросить и до сих пор пишут про какие-то “феодалные угнетения” в Китае и прочее и прочее. Не буду называть имен [...]»* [64, с. 60]. По его же словам, в отличие от них *«наш преподаватель М.В. Крюков, ведь, отвергал рабовладение и феодализм в Китае. По сути — не совсем прямо, но не писал о них вообще»* [64, с. 12].

Во многом это объясняется тем, что «научной школы» или «школ» изучения истории Древнего Китая, тем более в которой преобладала бы «классика», в Москве тогда так и не возникло. Не было их и ранее⁴. Если ленинград-

³ Очень ценно, что сам М.В. Крюков в документальной повести, посвященной его дяде, выдающемуся востоковеду, представителю владивостокского направления практического японоведения и китаеведения, офицеру царской и Красной армии М.Г. Попову (1884–1930), рассказал о том, почему он стал заниматься Китаем, а также о своем школьном учителе Алексее Ивановиче, который пробудил в нем любовь к истории, о чтении литературы по истории Китая и о своем юношеском очаровании «этой удивительной цивилизацией» и принятом в 10 классе решении поступать в Московский институт востоковедения [56, с. 75–77].

⁴ Об отсутствии научных школ не только в изучении Древнего Китая, но и в синологии вообще говорил Л.П. Делюсин в интервью 2012 г., в котором он точно охарактеризовал суть вопроса: *«Никаких школ в нашем китаеведении я не вижу. Если считать школой, как записано в словарях, научное направление, возглавляемое и руководимое каким-либо авторитетным ученым, или совокупность последователей ведущего ученого или сторонников одного из них, то этого я в российском китаеведении не вижу. Не исключено, что такое положение сложилось в результате исторического развития советского востоковедения в целом и, в частности, китаеведения (да и не только этих отраслей знания и науки). Ведь считается, что у нас происходило, и не раз, нарушение преемственности научных и педагогических школ. А для создания полноценных научных школ необходимо 2-3 поколения. Мнение, согласно которому научная школа — это некое сообщество, объединенное вокруг харизматичного лидера, в целом имеет право на жизнь и разделяется научным сообществом. Представление о научных школах как субъектах противостояния проникло даже в обыденное сознание и отражено в произведениях искусства. И всё-таки, повторяюсь, я не вижу в нашем китаеведении того, что назвал бы школой»* [79, с. 152–153].

ское (ныне вновь — петербургское) востоковедение выдвинуло В.М. Алексеева, который ценой колоссальных усилий сохранил в китаеведении «академическую среду» и тем самым обеспечил развитие «классики», то судьба московского китаеведения складывалась иначе. В 20-е гг. ее зачинателями оказались «пламенные революционеры» и публицисты К.Б. Радек и Г.И. Сафаров, задавшие сугубо обществоведческий путь развития⁵. А в 30-е гг. синологи, будучи втянутыми в беспредметные и бесплодные дискуссии об «общественном строе»: феодализме, АСП (азиатском способе производства) и рабовладении, упустили те качественные изменения, что произошли в изучении традиционного Китая в результате археологических открытий, масштабных издательских проектов и исследований китайских и западных специалистов [66; 67].

После волны репрессий 1935–1937 гг. в Москве, пожалуй, только Г.С. Кара-Мурза (1906–1945), оказавшись в 1939 г. на историческом факультете МГУ, смог преодолеть в себе обществоведа и стать историком⁶. Результатом его труда стала серия опубликованных мизерными тиражами лекций по истории Китая в разные периоды [31–34]. Но уже в конце 40-х гг. его работы по истории древности и средних веков оказались преданными забвению⁷.

Ему вторят Л.С. Васильев и Г.В. Мелихов, но последний и Ю.В. Чудодеев отнесли себя к «школе академика Тихвинского». Г.В. Мелихов: «[...] *Вообще, сегодня китаеведение не будет развиваться школами. Оно будет прирастать индивидуальными учеными. [...] Нет больших учителей. [...] Школа Тихвинского — это моя школа*» [79, с. 319–320; 381].

Приблизиться к ее созданию, на наш взгляд, смогла ученица В.М. Алексеева, Л.Д. Позднеева. Вокруг нее формировалась литературоведческая школа, из которой вышла целая плеяда филологов-классиков, переведивших и исследовавших крупные произведения: Г.В. Манухин («Цзинь пин мэй»), Э.М. Яншина («Шань-хай цзинь»), Г.А. Ткаченко («Люй-ши чунь-цю»), Л.Е. Померанцева («Хуайнань-цзы»), И.И. Семенов («Лунь-юй»), «Мэн-цзы»), Н.Е. Боревская (роман Ло Мао-дэна «Путешествие на “Звездном плоту”»), С.А. Торопцев (поэзия и биография Ли Бо).

⁵ Имеются в виду работы К.Б. Радека 1927 г. [78] и Г.И. Сафарова 1927–1933 гг. [87–89].

⁶ С 1939 по 1941 г. Г.С. Кара-Мурза преподавал на историческом факультете МГУ и работал в Институте истории АН СССР [64, с. 596]. Трогательные воспоминания о нем как об учителе и человеке оставили Ф.А. Тодер и М.Ф. Юрьев [112].

⁷ Об этом можно узнать из протокола выступления А.А. Губера (1902–1971) на объединенном заседании кафедр стран Ближнего, дальнего и Среднего Востока исторического факультета МГУ, которое проходило в 1948 г. Он, в частности, сказал: «Я принимаю справедливый упрек Ларисы Васильевны (Симоновской. — М.У.), что наши кафедры недостаточно уделяют внимание творческому обсуждению, подготовке и переработке новых трудов. Правда, я верю, что наша разработка средневековой истории Китая может быть **ценнее и лучше** (выделено мною. — М.У.) разработки Кара-Мурзы, но беда не только кафедры, но и Вас, что эти разработки Ваши (за исключением двух статей, опубликованных в журналах) дальше не пошли...» [1, с. 97]. По-видимому, он воспроизвел сказанную ранее реплику Л.В. Симоновской, объяснявшую, почему труды Г.С. Кара-Мурзы устарели. Время показало, что она едва ли была права.

В 40–50-е гг. основополагающую роль в становлении изучения истории Китая в древности, средних веках и в новом времени сыграли приехавшие из Ленинграда в Москву Л.В. Симоновская (1902–1972) — на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова, затем в Институте восточных языков (позднее — Институт стран Азии и Африки МГУ) и Л.И. Думан (1906–1979) — в Институте востоковедения АН СССР (Институте китаеведения, 1956–1961). Они привнесли не только академический подход своих альма-матер, предполагавший перевод и исследование источников, но и приоритет общественно-политических и социально-экономических задач: выяснение особенностей «общественного строя», описания «производительных сил», «производственных отношений» и, безусловно, «классовой борьбы». Иными словами, их мировоззрение, как и у большинства советских историков, было прочно основано на «диалектическом материализме», а методология — на «историческом материализме». Собственно, в те времена это и считалось историей как наукой.

А.А. Бокшанин (1935-2014) как-то заметил, что у Л.В. Симоновской и Л.И. Думана были разные взгляды на прошлое Китая — в отличие от Ларисы Васильевны, Лазарь Исаевич не «увлекался теоретизированием. Он больше занимался конкретными историческими вещами» [79, с. 29]. Тем не менее, их объединяло то, что, не отделяя обществоведение от истории, исторические задачи они в основном решали обществоведческими методами и учили этому других⁸. Опыт последних двух десятилетий показал, что совместить обществоведение с историей невозможно, и сейчас историки старших поколений от обществоведения в основном отказались, а молодежь уже и не знает, что это такое. Но тогда все было по-другому.

«Виновник торжества»

Он *«был и остается для меня образцом научной строгости и аккуратности»*
В.В. Малявин [64, с. 10–11]

М.В. Крюков в 1950 г. поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), но в 1954 г. институт закрыли, поэтому формально он окончил МГИМО МИД СССР (1955)⁹. Далее он два года пробыл научным сотрудни-

⁸ Справедливости ради следует сказать, что Л.В. Симоновской как преподавателю МГУ и заведующему кафедрой истории Китая удалось подготовить ряд замечательных специалистов по средним векам и началу Нового времени, среди них: Э.М. Стужину, З.Г. Лапину, А.А. Бокшанина, Н.П. Свистунову. Они переводили и изучали источники, писали не только о социально-экономической, но и о политической истории. Л.И. Думан как ведущий китаевед Института востоковедения также сыграл значимую роль в подготовке кадров историков-китаистов (Л.С. Васильева, Г.В. Мелихова и др.) [113]. Иными словами, Л.И. Думан и Л.В. Симоновская выполнили свою задачу, и в Москве изучение истории «традиционного Китая» началось.

⁹ Об этом институте и его закрытии см. [115; 116].

ком ИВ АН СССР (1955–1957)¹⁰. После этого с 1957 по 1962 г. учился в Пекинском университете. С приездом в Москву был принят на работу в Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая [65, т. 1, с. 732].

Как видим, судьба его хранила — получив базовую подготовку в Москве, в МИВ, а не на истфаке МГУ у Л.В. Симоновской, проработав два года в ИВ АН, попав в отдел к И.М. Ошанину, а не к Л.И. Думану и другим коллегам-обществоведам, М.В. Крюков источниковедению, текстологии и анализу эпиграфики обучался в Китае. Среди его учителей были известные специалисты по древности (он не называет их имен). Но, например, из статьи 1967 г. ясно, что его консультировал сам Ху Хоу-сюань (1911–1995) — один из ведущих на то время специалистов КНР по шанским надписям и шанскому обществу [49, с. 35]. Среди его однокашников — знаменитые в будущем историки и археологи (например, Су Бин-ци, 1909–1997). Безусловно, это была очень хорошая школа. Но с оговоркой — «школа» в значении места получения знаний и навыков, а не как культурный институт, предполагающий принадлежность к научному коллективу и наличие постоянного научного руководителя. Может быть, поэтому создать свою школу ему не доведется, хотя у него и появятся два выдающихся ученика: В.В. Малявин и В.М. Крюков (1962–2008). Лично я тоже всегда причислял и причисляю себя к ученикам М.В. Крюкова. Имею для этого самые разные исторические основания.

Его работы по Древнему Китаю начали выходить в конце 50-х гг. Еще в 1957 г. (в 25 лет), до отъезда в Китай и почти за 10 лет до описываемого обсуждения, им была опубликована большая программная статья, посвященная источниковедческим и текстологическим аспектам изучения труда Сыма Цяня «Исторические записки» [37]. Стоит упомянуть, что вышла она вслед за статьей Л.И. Думана, написанной на основе официального доклада, который он зачитывал на торжественном заседании [25]. Статья М.В. Крюкова отличается наличием серьезной исследовательской составляющей. Любопытно, что не «маститый» Л.И. Думан, а «юный» М.В. Крюков сформулировал ряд фундаментальных задач и по переводу источника, и по его исследованию как центрального памятника древнекитайского историописания: *«Мы должны ликвидировать свое отставание в области изучения китайских исторических источников и памятников культуры. Для решения этой задачи есть только один путь: дать советскому читателю научный перевод основных памятников древнекитайской литературы и истории»* [37, с. 120]. И сообщил, что *«в Институте китаеведения АН СССР начата подготовка полного перевода “Исторических записок”»* [37, с. 121]. То есть в Китай он ехал с настроением на учебу, чтобы суметь выполнить эту задачу.

¹⁰ Ему помог отец однокашника — И.А. Рогачева (1932–2012): *«В 1955 году, еще до поездки в Китай, я после окончания вуза был принят на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР. По рекомендации профессора А.П. Рогачева меня взял в свою группу известный китаист И.М. Ошанин. Ему нужны были молодые специалисты для работы по составлению Большого китайско-русского словаря. Для нас, только что окончивших институт юнцов, это было трудное испытание [...]»* [56, с. 228–229].

А статья 1961 г. (29 лет) «Род и государство в иньском Китае», написанная в годы учебы в Китае и опубликованная в «Вестнике древней истории», ясно продемонстрировала его высокий уровень как ученого-древника и в целом, перспективность как специалиста [39]. В ней он, кстати, сделал свое первое открытие, которое вошло в науку: имена гадателей — не личные, а наследственные «родовые» [49, с. 37].

В 1965 г., на момент обсуждения диссертации, в свои 33 года он являлся автором не менее 10 научных работ (статьи и тезисы докладов). В них он опирался на знания древнекитайской истории и навыки, полученные во время учебы в Пекинском университете¹¹. Кроме того, он глубоко погрузился в этнологическую теорию, разрабатываемую коллегами-этнографами. К тому времени две его статьи вышли в центральном китайском археологическом журнале «Као-гу» [58; 59]. Еще одна опубликована в переводе на японский язык в специальном японском журнале по изучению *цзя-гу-вэнь* [42]¹². Иными словами, можно согласиться с В.А. Рубиным, который во время обсуждения сказал, что М.В. Крюков «является солидным ученым, пользующимся международным признанием».

М.В. Крюков не был одинок: тогда, в 50-е — начале 60-х гг., в Москве в близкой манере, но более осмотрительно (то есть ближе к задачам истмата), работали В.А. Рубин и Л.С. Переломов (род. 1928)¹³. Исследования

¹¹ Большая часть работ была посвящена периоду Шан-Инь (ок. 1300–1027 до н.э.) [38–40; 44]. Касался он и вопросов аутентичности древних памятников, демонстрируя знакомство с основами лингвистики [41]. Коснулся в сугубо этнологическом ключе и системы родства [43]. Он, если и писал о развитии «производительных сил», то на основе сугубо археологического материала, рассматривая данные об иньской металлургии [45]. В конце 1965 г. вышла статья, в которой рассматривалась проточжоуская письменность [46].

¹² Статья на японский язык была переведена Мацумару Митио (род. 1934), известным исследователем, автором и редактором многотомной «Истории Китая» на японском языке. См. [15, с. 9]. Благодарю М.В. Грачева за помощь в нахождении этой статьи М.В. Крюкова и транскрибировании ее названия.

¹³ В.А. Рубин изучал сообщения «Чунь-цю Цзо-чжуань» как основного письменного источника по периоду Чунь-цю (771–453 до н.э.). Он был одним из первых, если не первым послевоенным историком, кто начал исследовать конкретный источник как историк, источниковед и текстолог [80]. В статье 1954 г. он попытался привлечь внимание к археологическому описанию шанской столицы [81] и шанской эпиграфике [82]. Но эти темы не нашли развития в его научном творчестве. В изучении «Цзо-чжуани» он коснулся проблематики, связанной с социальной структурой — с проблемой рабовладения [83]. Свою диссертацию он посвятил рассмотрению социального устройства общества периода Чунь-цю [84; 85].

Л.С. Переломов сначала сосредоточился на изучении «классовой борьбы» в период перехода от империи Цинь к Хань в последнее десятилетие III в. до н.э. [68; 69; 71; 72]. Вместе с этим он изучал органы общинного самоуправления. Тогда эта тема была альтернативой идеологизированной теме рабства [70; 74–77]. Итоговым для того периода его научной деятельности стала монография 1973 г. по истории империи Цинь [73].

М.В. Крюковым периодов Шан и Западного Чжоу хорошо дополняли их работы по истории Чунь-цю, Чжань-го, Цинь и начала Западной Хань, то есть охватывали почти всю древность.

Однако его работы принципиально отличались и от их работ и тем более от работ по истории Древнего Китая Л.И. Думана, Л.В. Симоновской, Л.С. Васильева, Т.В. Степугиной, которые, обращаясь к истории, отдавали приоритет обществоведческим задачам: определению «общественного строя», описанию «производительных сил», «производственных отношений», «крестьянских войн» и пр.¹⁴ Сейчас большинство из положений их теоретических работ воспринимается как констатация очевидного: ремесленники занимались ремеслами, крестьяне — сельским хозяйством, рабы были и занимались рабским трудом, а угнетатели угнетали угнетенных и т.п. Попытки из наличия рабов

Постепенно, уже к середине 60-х гг., и тот и другой от истории стали отходить к изучению общественной мысли Древнего Китая.

¹⁴ Л.И. Думан в довоенное время издал фундаментальный исторический труд (1936 г.) и замечательные очерки Древней и Новой истории (1938 г.) в виде двух курсов лекций, которые «аттестовали» его как воспитанника «школы Алексея»: «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.», «Очерки по древней истории Китая», «Новая история Китая» [18–20]. В 1940 г. вышла историческая статья, посвященная Ван Ману и его реформам [21]. Тогда же вышел его краткий очерк истории Китая, который долго был одним из самых цитируемых [22]. В послевоенное время, до 1965 г., он — автор раздела о древности (до XII в. до н.э.) во «Всемирной истории» (1955 г.) и очерка истории, включая древность, в «Советской исторической энциклопедии» (1965) [24; 29]. В дальнейшем в отдельных статьях по древности он разрабатывал проблему общественного строя (1957 г.) и рабства (1961 г.) [26; 27]. Несколько особняком стоит статья о системе родства в эпоху Инь — теме, которую рассматривал и М.В. Крюков [28].

Л.В. Симоновская значительно меньше уделяла внимания древности, но тоже не обошла ее вниманием. В 1940 г. она (тогда ее фамилия писалась — Симоновская) высказала свои взгляды по вопросам возникновения классового общества в древнем Китае [96]. А затем, продолжив эту тему, дала периодизацию древнекитайской истории [97]. Ей принадлежит раздел о древности в совместном труде «Очерки истории Китая» (1956 г.) [98].

Т.В. Степугина в одной своей статье также размышляла о социально-экономических отношениях в шанском Китае, в другой раскрывала тему порабощения в империях Цинь и Хань [100; 101; 103]. Темы статей Л.И. Думана и Т.В. Степугиной пересекались: социально-экономические отношения (1957 и 1950), рабство (1961 и 1952), реформы Ван Мана (1940 и 1963). Другое дело, что диапазон Л.И. Думана был значительно шире, он продолжал заниматься любимым новым временем и степняками, а также высказывался по вопросам средневековой истории.

Л.С. Васильев, аспирант Л.И. Думана, разрабатывал тему аграрных отношений в Древнем Китае [5–7, 9, 11, 12]. Четыре его работы того времени, связанные с рассмотрением внешних контактов в истории древнего Китая, выходят за рамки обществоведения [4; 8; 13; 14]. В одной из статей была затронута исключительно важная для изучения Шан сугубо историческая тема — выявление значения и прослеживание эволюции понятия 邑 [10].

вывести существование «рабовладельческой формации» и тогда выглядели не очень убедительными.

М.В. Крюков в своих статьях, которые, очевидно, были знакомы коллегам, основывался на исследовании источников и научных теориях, в основном этнологических. Без всяких, как тогда говорили, «-измов». Но если сейчас это неоспоримое достоинство, то тогда — существенный недостаток, который надо было непременно исправить, опять же, как говорили, «любой ценой», не исключено, что «в принудительном порядке». Людей того времени нужно понять. Это теперь, когда говорится «рабовладение», то подразумевается выявление рабов как отдельной социальной группы. А тогда этот вопрос «шел в тесной уязке» с центральной истматовской теорией «социально-экономических формаций» и, следовательно, с постулируемой закономерностью перехода к социализму. Поэтому сомнение в «рабовладельческой формации» было равно отрицанию «закономерности Великой октябрьской социалистической революции» и «неизбежности перехода к коммунистическому обществу». Иными словами, в лучшем случае было проявлением «идеологической незрелости», а в худшем «попахивало антисоветчиной». И допустить такую «политическую близорукость» товарищи не имели права.

Участники обсуждения

Неординарность М.В. Крюкова как специалиста, который по своим знаниям, навыкам и научному потенциалу не укладывался в эти узкие рамки, хорошо видна из публикуемого документа — протокола обсуждения его кандидатской диссертации на заседании московской группы отдела Древнего Востока Института народов Азии АН СССР 30-го марта 1965 г.¹⁵ Из него можно узнать о том, как проходила встреча этого уже сформировавшегося этнолога и историка с коллективом востоковедов разных специальностей.

Итак, на дворе стоял март 1965 г. За полгода до этого, в октябре 1964 г., в СССР произошел переворот. Сейчас трудно воссоздать атмосферу того времени. Хорошо известно, какие настроения среди востоковедов пробудили веяния «хрущевской оттепели», но еще мало написано о последствиях переворота, о начале «брежневского застоя», о его воздействии на еще неокрепшие умы советских граждан, проживших первую часть жизни и сформировавшихся как личности в условиях «культы», после слегка опьяненных свалившимися на них с его разоблачением свободами, но затем, после снятия «волюнтариста» и «кукурузника», быстро приходящих в норму. К тому же отношения с КНР тогда уже были безнадежно испорчены, и можно себе представить, как некоторые участники обсуждения восприняли соискателя, прожившего в «маоистском» Китае несколько лет, да еще закончившего там истфак.

И вот перед нами документ эпохи. Не такой далекой и не такой жестокой, как 30-е гг. Обычно работу диссертанта представляет научный руководитель.

¹⁵ Благодарю А.И. Кобзева, который познакомил меня с этим документом, сохранившимся в архиве ИВ РАН.

Однако при данном обсуждении научный руководитель соискателя не только не присутствовал, но даже упомянут не был. М.В. Крюков выступал один. От этнологов присутствовал Г.Г. Стратанович (1912–1977). Стенограммы выступления самого соискателя в протоколе нет. Можно предположить, что оно совпадало с содержанием автореферата [47].

Тон обсуждению задали китаисты, которые в меру сил, помаленьку, занимались историей Древнего Китая: А.А. Серкина и Т.В. Степугина. Для лучшей убедительности они позвали филолога Л.Д. Позднееву (1908–1974).

Т.В. Степугиной на момент обсуждения исполнилось 42 года (род. 26 июня 1923 г.). В 1948 г. она окончила исторический факультет МГУ, но по возрасту не могла быть ученицей Г.С. Кара-Мурзы, кафедрой Дальнего Востока тогда уже руководила Л.В. Симоновская. Степень кандидата исторических наук получила еще в 1956 г. (13.06.1956) за работу: «Китай в V в. до н.э. — II в. н.э.». В начале пути работала в Институте истории (1951–1952), а к описываемому времени уже второй десяток лет являлась сотрудником Института востоковедения (1953–2005) [65, т. 2, с. 418]. Она — автор разделов о Древнем Китае во многих общих историях с послевоенного времени вплоть до 2010 г. [102, 104–107, 3]. Но печаталась мало — с 1950 по 1963 гг. опубликовала три статьи общего характера [99, 100, 102]. Исследованием каких-либо «узких» вопросов в истории Древнего Китая ранее, судя по публикациям, не занималась¹⁶. В своих работах, опираясь на теоретический фундамент «исторического материализма», она всесторонне описывала «производительные силы» и «производственные отношения» в Древнем Китае.

А.А. Серкина (род. 1915) — выпускница филологического факультета ЛГУ (1939 г.), служила в армии (1942–1943 гг.), была кадровым сотрудником МИДа (1943–1953), а затем трудилась в ИВ АНУ (1954–1984). Тогда ей уже исполнилось 50 лет, но список ее научных работ более чем скромнен. Она являлась автором одной обзорной историографической статьи о дискуссии среди китайских ученых о периодизации древней истории [90]. Тогда же появились две статьи, посвященные двум частным аспектам рассмотрения содержания «надписей на гадательных костях» — значению знака *ди* 帝 и охоте как виду хозяйственной деятельности простых шанцев (при этом оказались упущенными из виду сакральный и ритуальный аспекты охоты в придворной жизни) [91; 92]¹⁷. Свою диссертацию суровая критикесса тогда еще не защитила — ее автореферат датируется 1967 г., а ученую степень она получит в 1968 г.

¹⁶ Несколько особняком стоит статья про реформы Ван Мана, о которых писал Л.И. Думан в 1940 г. [21]. В ней она выступила с резкой критикой его выводов: «противоречивые высказывания автора о характере общественно строя приводят к тому, что и оценка мероприятий Ван Мана остается неопределенной» [103, с. 105].

¹⁷ Бросается в глаза небрежность в названии ее статей, ведь «гадательными костями» набор носителей надписей не исчерпывается — есть панцири черепах; еще менее удачно выражение «эпоха гадательных костей», которое вошло в название одной из статей.

В 1972 г. она рассмотрит еще один иероглиф: *ван* 王 («царь») [93]. Ее две монографии выйдут в следующие десятилетия — 70-е и 80-е гг. [94, 95].

(15 марта), то есть на два с половиной года позже М.В. Крюкова, который станет кандидатом наук уже 7 ноября 1965 г. [65, т. 1, с. 624, т. 2, с. 395].

А.А. Серкина занималась, как она считала, «дешифровкой» шанских иероглифов. И элемент исследования в ее работах, безусловно, был. На основе содержания надписей она рассматривала вопросы социально-экономической истории (рабство) и верований, а в последующем — мифологии, системы родства шанского периода и др. В послевоенное время представления о шанской письменности значительно расширились, наука о надписях (*цзя-гу-вэнь-сюэ*) заняла свое особое место в китайском языкознании, существенно усложнились и представления об истории Шан. Если М.В. Крюков за годы учебы в Китае познакомился с современным положением дел, то ее подход к шанским надписям был окрашен собственной индивидуальностью¹⁸.

Обеих дам объединяло и то, что, находясь «на пике формы» (42 года и 50 лет), они писали мало; серий статей, в которых последовательно разрабатывалась бы одна или несколько тем, ни тогда, ни потом у них не было. М.В. Крюков, несмотря на разницу в возрасте, выглядел более зрелым ученым.

Таким образом, на обсуждении присутствовали представители двух разных «научных направлений» советской синологии того времени. Большинство составляли историки-древники (Т.В. Степугина, А.А. Серкина), и это было господствующее тогда направление. Их поддерживали, должно быть, по-приятельски, литературоведы-древники (Л.Д. Позднеева и Э.М. Яншина). Второе направление, новое, только наметившееся, представлял М.В. Крюков, к нему же можно отнести и В.А. Рубина. Они остро чувствовали ограничения истматовского обществоведения. И стремясь к «классике» и «академизму», всячески расширяли подходы. Когда же их тянули в сторону «общественного строя» и «социально-экономической структуры общества», сопротивлялись как могли.

Ход обсуждения

Судя по первой реплике, это было второе обсуждение. Автору ранее уже указывали на недостатки, которые он должен был устранить, но он, что называется, упёрся и не устранил — никаких серьезных изменений в тексте и в выводах не сделал. То есть рекомендации товарищей учтены не были. Судя по записи, на их вопросы он отвечал прямо и страха не испытывал. По-видимому,

¹⁸ В статье 1967 г. «О датировке иньских гадательных надписей» М.В. Крюков так напишет об этом: «Если же подойти к надписям, использованным А.А. Серкиной, с позиций принятой в настоящее время методики датировки, то выведенная автором эволюция термина ди оказывается построенной на совершенно необоснованных субъективных умозаключениях [...] Основное соображение, побудившее автора поставить вопрос о пересмотре системы датировки гадательных надписей, оказывается ошибочным» [49, с. 40]. Там же Михаил Васильевич вскрыл и ограничения ее «метода», указав, что она не использует публикации первоисточников, а приводит цитаты из работы Чэнь Мэн-цзя, в которых тексты гадательных надписей представлены в урезанном виде.

такое поведение для него было естественным, но не могло не эпатировать некоторых присутствующих. Он явно не хотел уступать и стоял на своем. При этом стремился уйти от обществоведческих проблем. Например, чтобы не обсуждать вопрос об определении «первичного классового общества», заданный ему Т.В. Степугиной, заявил, что, по его мнению, государство в Китае возникло в VII в. до н.э., выходя за хронологические рамки его работы. Просто, чтобы отстали. Никто, кстати, не спросил — почему и на каком основании. Кстати, в тексте автореферата он говорит о XIV–IX вв. до н.э. как эпохе «становления классовых отношений и формирования государственности» [47, с. 25].

Тем не менее, тема исследования М.В. Крюкова — «патронимия» (так он передает китайский термин *цзун-цзу*), которую автор рассматривал как этнологическую, затрагивала обществоведов напрямую и очень серьезно. Дело в том, что понятия «род» и «семья» использовались ими при определении «общественного строя» и при характеристике уровня развития «производственных отношений». М.В. Крюков, вводя этот этнологический термин и предлагая коллегам новый для них этнологический подход, показывал, что именно патронимия является той социальной единицей, которая «имеет хозяйственное и идеологическое единство», и, напротив, подчеркивал, что «род» не является хозяйственной единицей и что его нельзя отождествлять с «большой семьей». Этот термин уже с 30-х гг. использовался отечественными этнографами, и он считал, что пора его ввести в китаистику [35].

Тем самым он покусился на ключевые обществоведческие термины, ведь речь шла об определении такого ключевого понятия истматовской науки, как «родовой строй». Теперь оказывается, что в основе социальной организации древнекитайского общества не «род» и не «семья», а некая «патронимия». И собственность на землю была не у «рода», а у какой-то там «патронимии»!¹⁹

Но сам-то М.В. Крюков ни о чем таком, соц-эковском, не пишет. Из текста автореферата хорошо видно, что его задача — этнологическая и отталкивается он не от истматовской теории, а от необходимости определить значение всех основных китайских понятий для исходных единиц социальной структуры с точки зрения терминологии родства. Это, прежде всего, *цзун-цзу* (совр. «клан»), который он и определяет как патронимию; в отдельном разделе он показал его отличие от понятия *цзя* 家 (совр. «семья»). При этом (неслыханное дело!) он описал эволюцию значений всех терминов от периода к периоду. Например, *цзя*: от «некой родственной группы» в несколько тысяч человек (XIV–X вв. до н.э.) к «большой семье» (также XIV–X вв. и позднее), а затем к «малой семье» (в V–IV вв. до н.э.). Отдельная глава посвящена рассмотрению наследственных наименований: *син* 姓 и *ши* 氏 — важнейшая, кстати, задача, и не только с этнологической, но и с исторической точки зрения. Понимание значения этих терминов позволяет разобраться в родственных свя-

¹⁹ В книге 1967 г., написанной на основе диссертации, он скажет совсем определенно: «С самого начала своего возникновения патриархальный род частично децентрализован и не несет хозяйственных, производительных функций» (выделено мною. — М.У.)» [48].

зях основных исторических персоналий. Ведь в общественной жизни прошлого и в политической борьбе, которую они вели, родовые отношения и родственные связи играли определяющую роль.

Решив эту задачу, М.В. Крюков дает ясные определения: *син* — восходящее к тотему родовое имя, а *ши* — патронимическое наименование или общее наследственное имя всех членов патронимии, то есть групп семей, происходящих от общего предка по мужской линии. Кроме того, он показывает и еще одно значение *син* — собственно род как таковой. Проследивая эволюцию термина, он обращает внимание, что *син* постепенно вытесняется *цзун-цзу*; по его мнению «исчезновение родовой организации *син* в древнем Китае может быть датировано серединой 1-го тысячелетия до н.э.» [47, с. 24–25].

Из всех присутствующих к выкладкам М.В. Крюкова прислушался только В.А. Рубин, высказавший восхищение его толкованиями этих терминов.

А.А. Серкина задавала вопросы, которые едва ли уместны при обсуждении диссертации, даже заставила диссертанта написать иероглиф «женщина» (!), и он написал (!).

Еще один прямой вопрос А.А. Серкиной: «Где Вас научили читать древние тексты?» — выводил соискателя на «линию огня». Он прямо ответил: «Я учился в Москве и в Пекине; древние тексты изучал под руководством профессоров Пекинского университета». Как это понимать? Обучался в логове маоизма и дремучего традиционализма или все-таки у лучших специалистов своего времени?

И тут «огонь на поражение» повела Л.Д. Позднеева. Выяснилось, что учеба в Китае не давала никаких преимуществ, наоборот: «*Китайцы отучили Вас [...] критически анализировать тексты. [...] Китайцы научили Вас преклоняться перед традицией [...] китайские догматики [...]*».

Среди резких слов Л.Д. Позднеевой была и такая филиппика: «*Трудно уяснить, какой школы вы придерживаетесь, кто Ваши учителя?*»²⁰. Ей вторит Т.В. Степугина. Из ее реплики видно, что понимание «школы» у нее очень специфическое: «*Здесь я хочу отметить следующее. Мы следуем в своей работе школе В.В. Струве, Вы же не признаете никаких школ, для Вас не существует никаких "школ" исследований по вопросу об общине*». В этой фразе допущена недопустимая для академической среды подмена понятий.

Выражение «школа Струве» — эвфемизм, не говорить же «школа т. Сталина». Люди того времени могли и забыть, но сейчас необходимо знать, что в исторической науке, и, конечно, в востоковедении, тенденция в определении общественного строя государств древности, подталкиваемая сталинским партийным руководством, склонилась к рабству. В сфере изучения Древнего Востока основ-

²⁰ Данное направление обсуждения сейчас представляется исключительно странным. Представим: если иностранец изучал историю Новгорода в МГУ, то берестяные грамоты, наверное, его учили читать В.Л. Янин и А.А. Зализняк или их ученики, а если проходил стажировку в Пушкинском доме, то, наверное, «Повесть временных лет» читалась не без участия Д.С. Лихачева. Плохому же не научат.

ной фигурой в адаптации этой партийной установки стал египтолог В.В. Струве (1889–1965). В 1929 г. он был сторонником «феодализма» (что попохивало троцкизмом), в 1931 г. — азиатского способа производства (что выдавало в нем политически близорукого сторонника камене-зиновьевского блока) [17, с. 93]. Но уже в 1932 г. нащупал верную линию и заявил, что на Древнем Востоке «преобладающей формой классового угнетения было рабство» [109, с. 7–29].

И это было «единственно верной», т.е. сталинской, позицией. Уже в 1933 г. с возобладанием И.В. Сталина в партии и в управлении государством в изучении Древнего Востока тоже окончательно возобладала концепция рабовладельческого строя. 19 февраля в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников он произнес такие слова, определившие дальнейшее развитие исторической науки: *«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. [...] Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»* [99, с. 412].

Отсюда принадлежность к «школе Струве» — это следование доктрине или, точнее, партийной установке, которая и стала частью «научной» теории обществоведов²¹. Неслучайно реплика по поводу «школы Струве» вызвала ироническую реплику египтолога И.А. Стучевского (1927–1989) о том, что сам Струве недавно вновь признал АСП (азиатский способ производства) — конечно, ведь еще не закончилась десталинизация и, как говорили тогда, «было можно».

Дамы сошлись на том, что в работе отсутствовало исследование текстов источников. Сентенции по поводу необходимости «критически анализировать древние тексты», «датировке и интерпретации древних памятников уделено только 27 строк» и пр. вызывают недоумение, ведь тема работы не источниковедческая, существует же историография, игнорировать опыт ученых предыдущих поколений (например, Б. Карлгрена, на которого часто ссылался М.В. Крюков), которые эту работу уже проделали — неправильно, да и физически невозможно, ведь нельзя же всякий раз, приступая к какой-либо теме, заново пересматривать все источники.

Странно звучит требование доказывать каждое слово и положение, ведь для того и существуют научные теории, высказывая которые, ученый осво-

²¹ Это же словосочетание, «школа Струве», но уже в негативном ключе, будет упомянуто Т.В. Степугиной в предисловии к посмертному изданию монографии К.В. Васильева (1932–1987) в 1998 г.: «[...] его концепция во многом отличается от ортодоксальной школы В.В. Струве. В целом автор придерживается историко-методологического направления И.М. Дьяконова. Но ближе всего ему конкретно-исторический исследовательский подход Ю.Я. Перепелкина» [108, с. 7]. Из трех использованных понятий: «школа», «направление», «подход», пожалуй, последнее является наиболее подходящим.

бождает себя от необходимости доказывать уже доказанное (Т.В. Степугина, Г.М. Бауэр). Также мало уместны предложения исследовать то, что сам исследователь исследовать не собирался (Г.М. Бонгард-Левин). Впрочем, все это стандартные «вопросы на засыпку».

Едва ли уместным было и припоминание о графическом анализе древних иероглифов. В этой фразе отразились представления, которые были широко распространены в XIX в. (В.П. Васильев, С.М. Георгиевский), согласно которым смысл иероглифов был сокрыт в их графике, и, рассматривая ее, якобы можно узнать о жизни древнего общества. Возвращение к этому в 50–60-х гг. XX в. являлось шагом назад, вело в тупик (в котором и оказалась А.А. Серкина).

Обрушиваясь на М.В. Крюкова, Т.В. Степугина выпустила из памяти слова Л.И. Думана, который еще в 1954 г. так высказался о ее собственных подходах к работе с источниками в статье, написанной в 1952 г., когда ей было чуть меньше лет, чем М.В. Крюкову в 1965 г.: *«Статья Т.В. Степугиной “О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и ранних Хань” представляет несомненный интерес, хотя в советской исторической литературе проблема рабства в древнем Китае ставилась уже не раз. Эта небольшая статья могла бы представлять еще большую ценность, если бы она была насыщена конкретным материалом. Но автор редко ссылается на источники и еще реже приводит факты, заставляя читателя верить на слово»* [23, с. 95]²².

Неусвоенный урок, данный Л.И. Думаном, заключался в том, что слова критики, в конечном счете, были адресованы не ей, а ее руководителям, «старшим товарищам», Л.В. Симоновской и М.Ф. Юрьеву: *«Следует упрекнуть редакторов сборника и руководство кафедры истории стран Дальнего Востока за их невнимательное отношение к статьям молодых авторов. Надо учить молодых авторов писать так, чтобы выводы вытекали из данных источников»* [23, с. 95–96].

Старшие коллеги, несинологи, включая И.М. Дьяконова, напрямую М.В. Крюкова не поддержали. Наверное, решили не вмешиваться. Единственно, что поиронизировали (ох, уж эта всепрощающая и всепопускающая ирония!) над обществоведами, сказав, что требовать от соискателя ответа на вопрос, «какое было классовое общество», нельзя, поскольку вопрос о «первичных обществах на древнем Востоке находится в состоянии переосмысления, идет острая дискуссия». Конечно, ведь в стране только что сменилось партийное руководство, и все ожидали новых «единственно верных» предначертаний.

²² В статье 1963 г. она ответит Лазарю Исаевичу, доказывая несостоятельность его выводов о реформах Ван Мана: *«Л.И. Думан по существу отрицает социально-экономическое развитие древнего и средневекового Китая. Это не дает возможности выявить специфику исследуемых автором явлений и, в частности, определить историческое значение реформ Ван Мана»* [103, с. 106]. Дело в том, что Лазарь Исаевич в статье 1957 г. высказался в том духе, что в Китае с V в. до н.э. по XX в. господствовал феодализм, она же определила Западную и Восточную Хань как рабовладельческую империю [103, с. 116].

Достоин повел себя В.А. Рубин — единственный, кто высказался по существу и отметил главные достижения диссертанта. Коллега-этнолог Г.Г. Стратанович вилял, наверное, не желая накалять ситуацию, а будущий академик Г.М. Бонгард-Левин тонко уловил тональность обсуждения и после нескольких усилий вывел свою речь на критику в общем духе.

В целом, с точки зрения сегодняшнего времени, некоторые выступления представляются неоправданно жесткими, некоторые недостаточно продуманными — многих объединяет простодушие, прямота и резкость. Большинство суждений поверхностны и высказаны не по существу. Легко заметить, что вопросов, а тем более обоснованных замечаний по сути диссертации не было. Никто не попросил соискателя объяснить те или иные выводы. Имя научного руководителя и консультантов упомянуто не было.

М.В. Крюков держался спокойно и стойко. Его последнее слово было кратким, он не стал вступать ни в перепалку, ни в объяснения, только поблагодарил всех выступавших и пообещал продумать «острую критику», кроме того, напомнил, что представил работу на обсуждение «в частном порядке, поскольку хотел знать мнение товарищей». Вот и узнал!

Собственно основное мнение товарищей и было сформулировано в пункте 3 постановления: *«история семейных и родовых отношений в древнем Китае реконструируется в диссертации без учета социально-экономической структуры общества»* (выделено мною. — М.У.).

Читая этот протокол, нельзя не задаться вопросом: нужно ли вообще обсуждать научные работы? Еще как нужно! Кто же спорит. Другое дело — как это делать. Ведь любое суждение в гуманитарных науках субъективно, тем более оценка работы другого специалиста, особенно принадлежащего к иному научному направлению. Не каждый коллектив может справиться с этой задачей, и не всякий руководитель может подготовить обсуждение и удержать его в должных этических и рациональных с точки зрения дальнейшего развития науки рамках. Поэтому зачастую прав оказывается тот, кто старше, кто обладает степенями и званиями, занимает административную должность и пр.

Ученый — явление культуры уникальное, он, как правило, очень восприимчив к мнению окружающих. Обсуждение научной работы, тем более диссертации, оставляет отпечаток на всю дальнейшую научную жизнь. Критические замечания, высказанные даже в самой мягкой форме, переносятся непросто, что говорить о жесткой и тем более «нелицеприятной» критике «старших товарищей». Поэтому при оценке работы должна быть высказана и комплиментарная часть. Умение похвалить — важный показатель культуры и профессионального уровня. Критиковать несложно — в работе любого специалиста можно найти слабые места. Сложнее увидеть достижения, а тем более помочь автору развить их. Для этого требуется хорошо владеть материалом и быть заинтересованным в развитии своей отрасли науки; еще нужно

уметь справляться с завистью и ревностью, неизбежными спутниками творческого процесса.

Выступая с критикой представителя иного направления, нужно быть очень осмотрительным, так как современнику не дано знать, какое из направлений окажется исторически перспективным и будет востребовано (подхвачено) следующими поколениями. В рассмотренном случае очевидно, что подход Т.В. Степугиной к истории Древнего Китая и А.А. Серкиной к содержанию шанских надписей оказался фактом истории советской науки и ныне интересны они лишь в этом качестве, а вот дискурс, предложенный М.В. Крюковым, востребован и сейчас.

Оба направления уравнило то, что они не породили научных «школ». Поэтому нельзя не задаться вопросом: а что, если бы присутствующие похвалили М.В. Крюкова, помогли ему доработать текст и приняли участие в формировании вокруг него исследовательского коллектива?

Научные последствия обсуждения

Михаил Васильевич остался верен себе. Диалог с оппонентами был им продолжен в академическом формате — в статьях и в книгах. Внутренний диалог автора с оппонентами на обсуждении нашел отражение в автореферате (1965 г.). В нем М.В. Крюков продемонстрировал самостоятельность мышления и научную смелость. Он начинается со слов, которые обращены ко всем отечественным историкам-китаистам: *«Проблема периодизации с-э истории Китая, вот уже более тридцати лет занимающая умы историков-китаистов, до сих пор не может считаться решенной»* [47, с. 1]. И далее, не зная пощады по отношению к советским обществоведам от синологии, он пишет: *«В марксистской исторической науке еще не сложилось единого мнения о том, когда древнекитайское общество завершило переход от первобытнообщинного общества к классовому; продолжаются споры и по поводу того, когда в Китае на смену рабовладению пришел феодализм»* [47, с. 1].

Иными словами, автор показал, что обществоведческий подход с его задачами зашел в очевидный тупик: *«Как ни парадоксально прозвучит такое утверждение, но неразработанность периодизации древнекитайской истории объясняется прежде всего тем, что историки слишком много занимались вопросом периодизации»* [47, с. 1]. И очень четко показал суть проблемы: *«Вместо анализа внутренней структуры социальной организации на данном этапе ее развития, некоторые исследователи априори относят ее к тому или иному типу, исходя при этом из своей точки зрения на периодизацию социально-экономической истории Китая»* [47, с. 1–2]. И более того, наметил выход из тупика: *«Между тем, задача историка заключается не в том, чтобы обозначить тип социальной структуры, исходя из того, какая формация господствовала, по его мнению, в данную эпоху. Напротив, изучение эволюции социальных институтов может, в совокупности с освещением прочих аспектов исторического процесса, подвести к вопросу периодизации истории Китая»* [47, с. 2].

Именно этим подходом и этой задачей и был обусловлен выбор М.В. Крюковым в качестве предмета изучения рода и патронимии. Для него было важно то, что род не мог представлять собой хозяйственный коллектив, и если отделить понятие «род» от понятия «семья» корректно, то окажется, что в качестве хозяйственных, общественных и идеологических социальных единиц могут рассматриваться те группы семей, которые сохраняют хозяйственное единство; их и называют «патронимиями» [47, с. 4].

Может быть для того, чтобы все это так четко осмыслить и сформулировать, и нужны были «обсуждения»?

Вместо заключения

Уже в 50-е гг. М.В. Крюков проявил себя очень ярко, учеба в Китае значительно повысила его научный потенциал. Поэтому его присутствие в общественно-ведческой среде могло быть немым укором коллегам, которые, отлично владея «единственно верной марксистско-ленинской методологией», в профессиональной сфере, похоже, чувствовали себя не очень уверенно (оказалось, что «многие древние тексты еще не дешифрованы»). Невольно складывается впечатление (хочется верить, что ошибочное), что задача этой части собравшихся заключалась в том, чтобы закрыть соискателю путь в Институт народов Азии АН СССР. Из обсуждения видно, что они видели в М.В. Крюкове чужака, испытывали ревность к его достижениям и научному потенциалу, и, очевидно, понимали в его работе далеко не всё.

Еще одна цель заключалась в том, чтобы указать молодому, да раннему на его место. Ну, указали. И что?

В том же году диссертация «Род и патронимия в древнем Китае» на соискание ученой степени кандидата исторических наук была защищена в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, то есть уже через несколько месяцев после обсуждения. А в 1967 г. под грифом этого же института вышла замечательная монография, написанная на основе диссертации, ее название получило более историческое звучание: «Формы социальной организации древних китайцев». Ее ответственным редактором стал руководитель ленинградского отделения этнограф Р.Ф. Итс [48].

Возможно, обсуждение среди востоковедов — ход, подсказанный кем-то из этнологов. Ведь в 1965 г. в Институте этнографии разгорался кризис передачи власти. Кризис затянулся. Кто станет новым директором, долгое время не было ясно. Директор С.П. Толстов тяжело болел, мнения коллектива разделились. А когда на этот пост был предложен молодой (44 года) Ю.В. Бромлей, то события в институте приняли нешуточный оборот. Несколько коллег, в том числе Р.Ф. Итс, даже обратились в ЦК КПСС с просьбой не утверждать его на этом посту [16, с. 611–612].

Ю.В. Бромлей, который был назначен директором института только в следующем 1966 г. (и пробыл на этом посту до 1989 г.), смог объединить вокруг себя весь коллектив. И как администратор, и как человек он, бесспорно, под-

держивал М.В. Крюкова. Став директором, по словам С.И. Вайнштейна, «в период обострения отношений с КНР он ни в коей мере не поддавался усилиям пропагандистской машины, пытавшейся преуменьшить роль китайской цивилизации во всемирной истории, что в то время угодливо делали не только многие публицисты, но некоторые ведущие востоковеды. Бромлей говорил мне, что одобряет позицию в этом вопросе синоведа М.В. Крюкова — в то время ведущего сотрудника ИЭ, который ни разу не позволил себе в сложившейся ситуации необъективности в оценке истории Китая» [16, с. 621].

Безусловно, помощника и товарища видел в нем и Н.Н. Чебоксаров (1907–1980), тогда заведующий отделом зарубежной Азии, Австралии и Океании, внесший неоценимый вклад в изучение антропологии народов Восточной Азии [114]. Судя по всему, именно он и другие этнологи-востоковеды (синологи Р.Ф. Итс, А.М. Решетов, кореевед Р.Ш. Джарылгасинова и др.) могли по достоинству оценить его исключительный научный потенциал и человеческие качества.

Обсуждение должно было помочь ему окончательно осознать себя в качестве этнолога, увидеть себя частью этнологического, а не историко-обществоведческого сообщества. Так и произошло — его подлинной специализацией стала этнология.

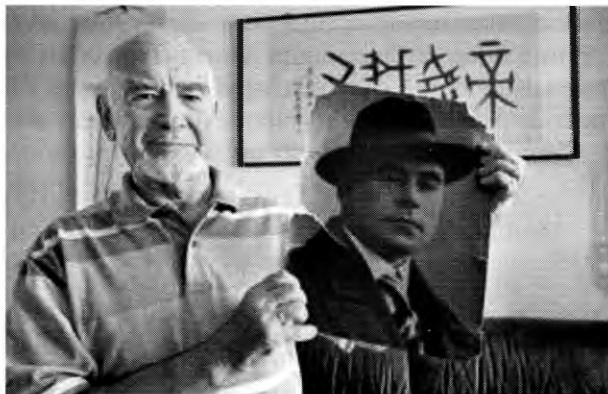
Завершая статью, позволим себе напомнить один из выводов основоположника кибернетики (науки об управлении сложными динамическими системами и процессами) Эшби, который заключался в том, что «никакая система не может произвести ничего нового, если не имеет в своём составе некоторый источник случайного» [2, с. 145]. Именно таким «источником случайного», на наш взгляд, волею судеб и стал в китаеведческой среде того времени М.В. Крюков с его навыками, знаниями и неожиданным этнологическим подходом. Именно он, как «творческая подсистема», мог повести всю систему к развитию, поэтому, когда среда востоковедов-историков Института народов Азии его отторгла, он смог реализовать себя в среде этнологов Института этнографии, которая его приняла. Результат — впечатляющий²³.

Научную значимость ученого, его «вес» в истории науки и, соответственно, в национальной культуре, современники отчетливо видят редко. Истинное признание находит ученого уже в зрелом возрасте. Сейчас, когда выдающееся место М.В. Крюкова в отечественной китаистике очевидно, ясно и то, что, окажись он слабее характером и не имей такой поддержки среди этнологов, не вышли бы в свет многие замечательные труды, которые составили гордость отечественной науки. Можно только предполагать, что, получи он тогда поддержку и одобрение историков, их было бы еще больше.

Настоящим, в советском понимании, «историком» он так и не стал. И уже в преклонном возрасте, когда придет пора подводить итоги, он о древности

²³ Достаточно назвать шесть томов этнической истории китайцев — настольных книг каждого китаиста, в которых он написал основные этнологические и исторические разделы [50–55].

будет писать только по-китайски [60–63]. А на русском выпустит две книги (2000 и 2015 гг.) по ... советско-китайским отношениям в первые годы советской власти [56, 57]. В них он покажет класс и в работе с архивными документами, и в интерпретации исторических событий, да и в сохранении памяти о своей семье — о дяде М.Г. Попове²⁴.

М.В. Крюков с фотографией М.Г. Попова

И это сейчас, когда уже несколько десятилетий КНР переживает бум публикаций новых археологических данных и эпиграфических источников. На глазах ни много ни мало меняется парадигма осмысления древней истории страны, которой он занимается всю свою жизнь. А М.В. Крюков, специалист высочайшей квалификации, оказался вне этого процесса в российском востоковедении²⁵.

Отсюда и важность публикации такого рода документов, как нижеследующий. В запечатленных протоколом диалогах с величественной простотой античной трагедии раскрывается глубочайший драматизм ситуации и объясняется, почему колоссальные возможности, которые предоставляют МГУ и научно-исследовательские институты Академии наук, не реализуются в полной мере.

²⁴ В частности, в книге 2000 г. он так высказался по поводу отличий в отношении к источникам специалистов по древней и средневековой истории от коллег, занимающихся новейшей историей: *«К сожалению, их коллеги, занимающиеся новейшей историей [...] зачастую куда менее строгие по отношению к своим источникам. Нередко можно видеть, как восстанавливая историческую ткань древнего прошлого, авторы вообще не касаются проблем “внешней” и “внутренней” критики источников, для любого античника являющейся неотъемлемой предпосылкой и составной частью исследования, его альфой и омегой»* [56, с. 166].

²⁵ Даже во втором томе академического издания «Истории Китая» лишь перепечатано то, что было написано им около 40 лет назад [30].

Литература

1. Академик А.А. Губер: к 100-летию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. М., 2004.
2. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство. М., 2007.
3. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
4. Васильев Л.С. Бань Чао в Западном Крае // Вестник древней истории, 1955, № 1.
5. Васильев Л.С. Аграрные отношения в начале 1 тысячелетия до н.э. // Вестник древней истории. 1957, № 2.
6. Васильев Л.С. Исследования Го Мо-жо о рабстве в древнем Китае // Советское китаеведение. 1958. № 2.
7. Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае в начале I тыс. до н.э., автореферат кандидатской диссертации, М., 1958.
8. Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник Института мировой культуры, 1958.
9. Васильев Л.С. Земледелие в древнем Китае // Вестник института мировой культуры, 1960, № 2.
10. Васильев Л.С. Об эволюции древнекитайского термина *И* // Вестник древней истории, 1961, № 2.
11. Васильев Л.С. Проблема *цзин тянь* // Китай. Япония. История и филология. М., 1961.
12. Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961.
13. Васильев Л.С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
14. Васильев Л.С. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации // Народы Азии и Африки. 1964, № 2.
15. Войтишек Е.Э., Семенова М.В. Изучение археологии Китая японскими учеными (материалы к курсу «зарубежная археология» // Вестник Новосибирского университета. Серия: история, филология. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. 2010.
16. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
17. Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса, М. 1931.
18. Думан Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.–Л., 1936.
19. Думан Л.И. Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. – I в. н.э.). Л., 1938.
20. Думан Л.И. Новая история Китая. Лекции, прочитанные доцентом Л. И. Думаном. Ч. II. Китай в XVII–XVIII вв. Л., 1938.
21. Думан Л.И. Реформы Ван Мана // Вестник древней истории. 1940, № 1.
22. Думан Л.И. Очерк истории Китая (С древнейших времен до эпохи милитаризма) // Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. статей под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
23. Думан Л.И. О сборнике статей по истории стран Дальнего Востока // Краткие сообщения Института востоковедения. 1954. XI.
24. Думан Л.И. Гл. XVII. Древнейший Китай (до XII в. до н.э.); Гл. XXVI. Рабовладельческое общество Китая в XII–VI вв. до н. э. // Всемирная история. Т. 1. М. 1955.
25. Думан Л.И. Жизнь и деятельность Сыма Цяня (2100 лет со дня рождения) // Советское востоковедение. 1956, № 4.

26. *Думан Л.И.* К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н.э. – I в. н.э. // Вопросы истории. 1957, № 2.
27. *Думан Л.И.* О роли рабства в эпоху Инь (XIV–XI вв. до н.э.) // Китай, Япония. История и филология. К 70-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1961.
28. *Думан Л.И.* Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 53. М., 1962.
29. *Думан Л.И.* Китай. Исторический очерк (до конца 18 в.) // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
30. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / Отв. ред. Л.С. Переломов. М., 2013.
31. *Кара-Мурза Г.С.* Древний Китай (лекции). М., 1939.
32. *Кара-Мурза Г.С.* Лекции по истории Китая в Средние века. М., 1940.
33. *Кара-Мурза Г.С.* Очерки по новой истории Китая. Вып. 2. Открытие Китая. М., 1939.
34. *Кара-Мурза Г.С.* Очерки по новой истории Китая. Вып. 5. М., 1941.
35. *Косвен М.О.* Патронимия и ее роль в истории общества. М., 1964.
36. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях. М. 1965.
37. *Крюков М.В.* Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня // Советское востоковедение. 1957, № 3.
38. *Крюков М.В.* Иньская цивилизация и бассейн реки Хуанхэ // Вестник истории мировой культуры. 1960, № 4.
39. *Крюков М.В.* Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории. 1961, № 2.
40. *Крюков М.В.* Новые публикации иньских надписей из японских собраний // Вестник истории мировой культуры. 1961.
41. *Крюков М.В.* Древнекитайские диалекты и проблема аутентичности письменности памятника (тезисы докладов) // Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Л., 1963.
42. *Крюков М.В.* Бокудзи-ни мизэ сю: то сю:дзин-ни цуйтэ (卜辭に見えた「眾」と「眾人」について О «чжун» и «чжун-жэнь» в гадательных надписях) // Ко:коцу гаку. Т. 10, 1964.
43. *Крюков М.В.* Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованского типа // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август, 1964. Доклады. М., 1964.
44. *Крюков М.В.* У истоков древних культур Восточной Азии // Народы Азии и Африки. 1964, № 6.
45. *Крюков М.В.* О развитии производительных сил в Китае в 15–11 вв. до н.э. (на примере иньской металлургии) // Народы Азии и Африки. 1964, № 3.
46. *Крюков М.В.* Проблема проточжоуской письменности // Народы Азии и Африки. 1965, № 6.
47. *Крюков М.В.* Род и патронимия в древнем Китае. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1965.
48. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
49. *Крюков М.В.* О датировке иньских гадательных надписей // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). М., 1967.
50. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978.

51. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
52. *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
53. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.
54. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
55. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Этническая история китайцев в XIX – начале XX века». М., 1993
56. *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М., 2000.
57. *Крюков В.М., Крюков М.В.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1. 1917–1922. М., 2015.
58. *Лю Кэ-фу 刘克甫.* Аньян Хоуган юань-син цзан-кан нянь-дай ды шан-тао (安阳后冈圆形葬坑年代的商讨 К датировке круглого могильника из Хоугана. Аньян) // Као-гу, 1961, № 9.
59. *Лю Кэ-фу 刘克甫.* Си-Чжоу цзинь-вэнь «цзя» цзы бянь-и (西周金文“家”字辨义 Интерпретация термина «цзя» на западножюуской бронзе) // Као-гу, 1962, № 9.
60. *Лю Кэ-фу 刘克甫.* Лунь Иньсюй бу-цы вэнь-фа цы-вэй янь-цзю фа (论殷墟卜辞文法词位研究法 О грамматико-лексическом методе исследования гадательных надписей из Иньсюя) // Чжун-юань вэнь-у. 1990, № 3.
61. *Лю Кэ-фу 刘克甫.* Гуань-юй дуй-цзу да-цзы-лэй бу-цы нянь-дай вэнь-ти ды тань-тао (关于 dui 组大字类卜辞年代问题的探讨 Обсуждение проблемы датирования гадательных надписей группы дуй) // Као-гу, 2001, № 8.
62. *Лю Хуа-ся 劉華夏, Лю Кэ-фу 刘克甫.* «Бо», «чжун», «шу», «цзи» юй Си-Чжоу Цзинь — хоу-ши-си «白», «仲», «叔», «季» 與 西周晋侯世系 «Бо», «чжун», «шу», «цзи» и генеалогия правителей царства Цзинь [эпохи] Западного Чжоу) // Као-гу, 2008, № 4.
63. *Лю Кэ-фу 刘克甫.* Иньсюй сы-ци вань-дуань и-цунь нянь-дай куй-гуань (殷墟四期晚段遗存年代窥观 Наблюдения о датировании позднего этапа четвертого периода истории памятника Иньсюй) // Као-гу, 2011, № 11.
64. *Малявин В.В.* Российское китаеведение — устная история. <http://old.ivran.ru/publications/57>.
65. *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 1–2. М., 1995.
66. *Никифоров В.Н.* Советская историография Китая в первые послевоенные годы (1946–1949) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока. М. 1964.
67. *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.
68. *Переломов Л.С.* Крестьянское восстание в Китае в 209–208 гг. до н.э. // Советское востоковедение. 1956, № 3.
69. *Переломов Л.С.* Сыма Цянь о Чэнь Шэне (пер., вступит. ст. и коммент.) // Советское китаеведение. 1958, № 4.
70. *Переломов Л.С.* Об органах общинного самоуправления в Китае V–III вв. до н.э. // Китай и Япония. История и филология. К 70-летию академика Николая Иосифовича Конрада. М., 1961.
71. *Переломов Л.С.* Народные движения в Китае в 209–202 гг. до н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 53. 1962.

72. *Переломов Л.С.* О характере движущих сил войны 209–202 гг. до н.э. в Китае // Народы Азии и Африки. 1962, № 1.
73. *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221–202 г. до н.э.). М., 1962.
74. *Переломов Л.С.* Община и семья в древнем Китае (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Материалы VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.
75. *Переломов Л.С.* О характере сельской общины в период Хань // Народы Азии и Африки. 1965, № 1.
76. *Переломов Л.С.* Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае IV в. до н.э. — III в. н.э. // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, М., 1966.
77. *Переломов Л.С.* О значении терминов *фу лао* и *сань лао* в эпоху Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Историко-филологические исследования. М., 1967.
78. *Радек К.Б.* Основные вопросы китайской истории // Новый Восток, кн. 16–17, 1927.
79. Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами. XX–XXI в. Т. 1. М., 2014.
80. *Рубин В.А.* О датировке и аутентичности «Цзо чжуань» // Проблемы востоковедения. 1951, № 1.
81. *Рубин В.А.* Раскопки гробницы, могил и остатков жилищ эпохи Инь // Вестник древней истории, 1954, № 1.
82. *Рубин В.А.* К 50-летию изучения иньских надписей в Китае // Вестник древней истории, 1954, № 2.
83. *Рубин В.А.* Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по данным «Цзо чжуань») // Вестник древней истории. 1959, № 3.
84. *Рубин В.А.* «Цзо-чжуань» как источник по социальной истории периода Чунь-цю. Автореф. канд. ист. наук. М., 1960.
85. *Рубин В.А.* Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1960, № 4.
86. *Рубин В.А.* Дневники. Письма. Кн. 1, 2. Иерусалим, 1988.
87. *Сафаров Г.И.* Древнейший период китайской истории // Новый Восток, кн. 18, 1927.
88. *Сафаров Г.И.* Классы и классовая борьба в китайской истории. М., 1928.
89. *Сафаров Г.И.* Очерки по истории Китая. М., 1933.
90. *Серкина А.А.* Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая // Советское востоковедение. 1956, № 6.
91. *Серкина А.А.* Значение знака «ди» в надписях на гадательных костях // Вестник древней истории. 1962. № 1.
92. *Серкина А.А.* Значение охоты в Китае в эпоху гадательных костей // Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР). № 61. Древний Восток, Индия, Китай, Япония, Таиланд. М., 1963.
93. *Серкина А.А.* Графическая символика знака «царь» в древнейшем китайском письме // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
94. *Серкина А.А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписи на гадательных костях), М., 1973.
95. *Серкина А.А.* Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.
96. *Симоновская Л.В.* Возникновение и развитие государства в древнем Китае // Исторический журнал. 1940, № 7.

97. *Симоновская Л.В.* Вопросы периодизации древней истории Китая // ВДИ. 1950, № 1.
98. *Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф.* Очерки истории Китая. М., 1956.
99. *Сталин И.В.* Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Вопросы ленинизма. М., 1939.
100. *Степугина Т.В.* К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV–XII вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1950, № 2.
101. *Степугина Т.В.* О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и Ранних Хань // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
102. *Степугина Т.В.* Гл. XIV. Китай в V–III вв. до н. э.; гл. XV. Китай в конце III — начале I вв. до н. э.; гл. XVI. Китай в середине I в. до н. э.— II в. н. э. // Всемирная история. Т.2. М., 1956.
103. *Степугина Т.В.* Реформы Ван Мана в Китае в начале I в. н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии. № 61. М., 1963.
104. *Степугина Т.В.* Лекция 20. Первые государства в Китае // История древнего мира. Ранняя древность. М., 1989.
105. *Степугина Т.В.* Лекция 28. Расцвет рабовладельческого общества в Китае // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1989.
106. *Степугина Т.В.* Лекция 9. Китай в первой половине I тысячелетия н.э. // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
107. *Степугина Т.В.* Государство и общество в древнем Китае // Государство на древнем Востоке. М., 2004.
108. *Степугина Т.В.* Предисловие / Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
109. *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917-1932 г. // Сообщение Государственной Академии истории материальной культуры. 1932, № 9–10.
110. *Тихвинский С.Л.* Возвращение к «Воротам небесного спокойствия». М., 2002.
111. *Тодер Ф.Н.* Записки востоковеда // Восток. 1999, № 4.
112. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30-60-х годов. М., 1988.
113. *Хохлов А.Н., Л.И. Думан:* тернистый путь настоящего ученого // Общество и государство в Китае. XXXVII научная конференция. М., 2007.
114. *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. М., 1982.
115. *Шаститко П.М., Чарыева Н.К.* Как закрывали Московский институт востоковедения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002, № 6.
116. *Шаститко П.М.* Век ушел. Сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009.

ПРОТОКОЛ № 25

заседания московской группы Отдела Древнего Востока ИВ АН СССР от 30-го марта 1965 года: Обсуждение диссертации М.В. Крюкова

М.В. КРЮКОВ, В.А. Рубин, Г.М. Бонгард-Левин, Г.М. Бауэр, Г.Г. Стратанович, Г.Ф. Ильин, Л.Д. Позднеева, Т.В. Степугина, А.А. Серкина, И.С. Кацнельсон, А.В. Герасимов, Э.М. Яншина, А.Г. Кифишин, Д.Г. Редер, И.А. Стучевский, С. Соловьева, Т.Н. Савельева, И.М. Дьяконов, Л.С. Васильев, Э.А. Новгородов-Рижский.

Повестка дня.

I. Обсуждение диссертации М.В. Крюкова «Род и патронимия в древнем Китае (К проблеме исторических типов общин)»

М.В. КРЮКОВ Излагает содержание и проблематику своей диссертации.

Л.Д. Позднеева, Г.Ф. Ильин, Г.М. Бауэр:

Какие изменения произведены в новом варианте диссертации?

М.В. Крюков:

Изменена немного структура работы. Никаких изменений в тексте и в выводах нет.

Г.М. Бауэр:

Каковы Ваши источники? Какое место в диссертации занимает анализ источников?

М.В. Крюков:

В основном я использую эпиграфические памятники (надписи на гадательных костях и на бронзе). Памятники письменности и археологические материалы привлекаются много в меньшей степени. В данной диссертации источниковедческий и терминологический анализ я не провожу.

Г.М. Бонгард-Левин:

Как Вы интерпретируете термины?

М.В. Крюков:

В каждом случае я опираюсь на имеющиеся уже мнения и толкования тех или иных специалистов.

Г.М. Бауэр:

Можно ли считать уже дешифрованными используемые Вами надписи на гадательных костях и на бронзе?

М.В. Крюков:

Эти надписи уже дешифрованы, их можно читать. Однако спор идет о значении терминов.

Г.В. Степугина:

Существенно ли Вы изменили главу о патронимии?

М.В. Крюков:

Глава о патронимии немного изменена композиционно (разбита на 2 части), но содержание её осталось прежним.

Т.В. Степугина:

Где живет жена члена патриархального рода?

М.В. Крюков:

Патриархальный род делокализован. Женщина уходит жить в патриархальный род (вернее в патронимию) мужа, но считается членом патриархального рода своего отца.

Т.В. Степугина:

Какие статьи Вы опубликовали по теме диссертации?

М.В. Крюков называет 5 статей, опубликованных в советских, китайских и японских журналах.

Т.В. Степугина:

Какова Ваша историческая концепция? Как Вы определяете первичное классовое общество в Китае?

М.В. Крюков:

В моей диссертации рассматривается общество, находящееся на стадии классообразования. По моему мнению, государство в Китае возникает не раньше VII века до н.э. Поскольку в диссертации речь идет о периоде, когда, с моей точки зрения, до становления государства дело еще не дошло, а я пока не приступил к изучению материалов о государственном периоде в Китае, то я считаю себя в праве заранее не предрешать вопрос о характере первичного китайского государства.

Т.В. Степугина:

Что такое патронимия?

М.В. Крюков:

Патронимия — это особая форма общины, имеющая хозяйственное и идеологическое единство.

Т.В. Степугина:

Каким принципом Вы руководствуетесь при датировке и классификации надписей на бронзе?

М.В. Крюков:

Публикации Го Мо-жо дают мне основу для датировки и классификации надписей на бронзе.

Т.В. Степугина:

Кто писал о патронимии в Китае?

М.В. Крюков:

В Китае многие писали об общине, обозначаемой термином *цзун-цзу* (宗族 «клан». — *А.К.*). С моей точки зрения здесь речь идет о патронимии. Однако большинство исследователей в Китае видят в *цзун-цзу* патриархальный род или большую патриархальную семью. Лишь один японский синолог дает *цзун-цзу* определение, соответствующее патронимии. Из советских специалистов признал существование патронимии в Китае Л.С. Переломов.

Л.А. Серкина:

Как изображался знак женщины в надписях на гадательных костях?

М.В. Крюков нарисовал знак женщины.

А.А. Серкина:

Покажите, в чём отличие знаков, изображавших в надписях на гадательных костях прародителя и человека.

М.В. Крюков нарисовал знаки прародителя и человека.

А.А. Серкина:

Можете ли Вы объяснить особенности графического изображения знаков «прародитель» и «человек».

М.В. Крюков:

Специально этим вопросом я не занимался.

А.А. Серкина:

Где Вас научили читать древние тексты?

М.В. Крюков:

Я окончил факультет восточных языков МГУ и исторический факультет Пекинского университета.

А.А. Серкина:

Известно ли Вам, как ставится в советской науке вопрос об источниковедческом анализе?

М.В. Крюков:

Я пользовался методом сопоставления эпиграфических и повествовательных письменных памятников. Вопросы о датировке и интерпретации самих текстов я не касался.

А.А. Серкина:

В чем вы видите отличие древнекитайской письменности от современной?

М.В. Крюков:

Изменилось графическое изображение иероглифов, но структура знаков сохранилась с древности до наших дней без изменения.

Л.Д. Позднеева:

Должна отметить небрежность в оформлении диссертации (отсутствие сносок или ошибки в сносках и терминах). Очень жаль, что в диссертации нет источниковедческой главы, которая могла бы показать отношение автора диссертации к источникам. По-видимому, отсутствие источниковедческой главы объясняется пренебрежением диссертанта к критике и анализу используемых им текстов. Поразително, что на оценку сложнейших вопросов о датировке и интерпретации древних памятников уделено только 27 строк. Трудно уяснить, какой школы Вы придерживаетесь, кто Ваши учителя? Вы отбросили все концепции, но неизвестно почему. Вы отказались подвергнуть критическому анализу древние тексты. У Вас нет исследования. Вас не заботит вопрос о датировках. Вы берете авторов разных эпох, отстоящих друг от друга на тысячелетия, и сопоставляете их друг с другом. Китайцы отучили Вас от элементарного долга каждого историка — критически анализировать тексты. Нельзя писать по чужим дешифровкам. В Китае было много царств, много литературных и философских школ; нельзя их без критики сваливать в одну кучу. Китайцы научили Вас преклоняться перед традицией, перед иероглифической письменностью, верить авторитетам. Но китайцы отучили Вас от критики, от анализа. Вы пользуетесь не подлинными древними текстами, но их традиционными толкованиями. Вы читали древние тексты, исходя из современных значений иероглифов. Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что древняя и современная китайская письменность не изменилась. Так полагают китайские догматики. Вы заразились у них пренебрежением к критическому историческому анализу источников. В этом основной порок Вашей диссертации.

При расшифровках древних надписей нельзя уходить в сторону от графического анализа древних иероглифов. В качестве примера сошлюсь на тот случай, когда современные китайские комментаторы текстов дают двойственное пояснение одного и того же знака только по той причине, что не удосуживаются установить, что в действительности здесь графически изображен один и тот же предмет, но повернутый в разные стороны. Давать двойное толкование здесь так же бессмысленно, как и утверждать, что, с одной стороны, я — женщина, а с другой — мужчина. Если бы я так утверждала, меня бы нужно было отправить в сумасшедший дом.

Г.М. Бонгард-Левин:

В лучшем случае.

А.А. Серкина:

А между тем именно это и делают те китайские интерпретаторы, которые не понимают древнюю графическую основу знака, переводят исходя из со-

временного значения. Подобным же пороком страдает и диссертация М.В. Крюкова, который заразился в Китае догматическим отношением к традиции и забыл об основной обязанности всякого исследователя — критически анализировать древние тексты.

Э.М. Яншина:

М.В. Крюков отказался от критической оценки источников, оценки школ, направлений. В его диссертации нет оценки толкований, датировок. Непонятно, почему мы должны верить М.В. Крюкову, верить датировкам Го Мо-жо. Многие древние тексты еще не дешифрованы, многие знаки еще не объяснены. Для М.В. Крюкова не существует этой трудности, поскольку он оперирует современными значениями древних иероглифических знаков.

Г.М. Бауэр:

Каждый исследователь должен прежде «исследовать» используемый им материал. В диссертации этого «исследования» нет. Все термины рассматриваются как уже окончательно объясненные. В диссертации нет анализа, но много рассуждений по поводу..... которые никого ни в чем не убеждают. Так мог бы написать на досуге иной академик-пенсиянер, который уже не считает себя обязанным что-либо доказывать или объяснять, но может просто «изрекать» свои мысли, свое субъективное мнение.

В.А. Рубин:

Я хочу указать на то, что М.В. Крюков является солидным ученым, пользующимся международным признанием. Его работы печатали в Китае и в Японии. Об этих работах есть восторженные отзывы, например со стороны чешского сиолога Покоры, М. Крюков мог бы уже давно защитить диссертацию на основе совокупности опубликованных работ. Однако он принялся за разработку новой темы. В этом я вижу проявление большой научной трудоспособности. В работе М.В. Крюкова содержится два существенных новых вывода: 1) интерпретация терминов «син» и «ши», 2) характеристика китайской патронимии. Работа М.В. Крюкова — это образец научной этики — он упоминает всех авторов. Спокойно, без оскорблений ссылается М.В. Крюков на авторов, с которыми не согласен. Нельзя огульно охаивать работы китайских учёных — среди них есть крупные специалисты. Я с восхищением ознакомился в диссертации с новыми толкованиями многих терминов, например терминов «син», «ши», «цзя» (姓 «фамилия», 氏 «род», 家 «семья». — А.К.). М.В. Крюков доказал существование патронимии, хотя возможно, желательны дополнительные мотивировки.

Хочу обратить внимание присутствующих на недопустимость тона выступления Л.Д. Позднеевой. Бывают случаи, когда учёный, формально не имеющий «школы», достигает больших результатов, чем другой со «школой». Я здесь чувствую очень враждебную обстановку по отношению к М.В. Крюкову.

Г.Ф. Ильин:

Прошу Вас, Виталий Аронович, извинить меня как председателя за то, что я не смог обеспечить деловую обстановку во время Вашего выступления.

Г.М. Бонгард-Левин:

У нас нет и не может быть предвзятого, заведомо враждебного отношения к М.В. Крюкову. У меня лично с М.В. Крюковым существуют очень хорошие отношения. Я знаю его как серьёзного ученого и потому с хорошим чувством приступил к чтению его диссертации. Однако она меня разочаровала, несмотря на то, что некоторые главы я читал если и не с восхищением, то с интересом. Основное моё замечание сводится к тому, что диссертация М.В. Крюкова скорее напоминает очерк о различных мнениях по поводу тех или иных терминов, чем исследование. Диссертация носит описательный характер, в ней разбираются различные мнения, однако не доказываются, почему одно мнение принимается, а другое — нет. Не ясно, какие источники и почему служат основой для выводов. Главный порок работы — нет анализа, но всё декларируется. Возникает такое ощущение, что диссертант к априорно сконструированной схеме подбирает факты, причем берет эти факты откуда угодно без всякой критики их достоверности, пригодности и весомости. Мало только сослаться на факт, нужно еще доказать допустимость ссылки на этот факт. Я бы порекомендовал диссертанту больше скромности. Нельзя опровергать походя все мнения, отвергать все взгляды даже в тех областях, в которых М.В.Крюков отнюдь не является специалистом. При характеристике патронимии необходимо исследовать все её признаки, в частности нужно поставить вопрос о связи её с землей, установить формы ее управления. Ничего этого в диссертации нет. В ней рассматривается лишь часть проблемы о патронимии.

В диссертации, конечно, есть и положительные стороны. Её автор хорошо знает современную специальную литературу, он дал обзор различных мнений. Однако М.В. Крюков шёл не от анализа источников, но от априорной схемы, под которую подбирались факты без аргументации их весомости и достоверности.

Т.В. Степугина:

Наша задача состоит в том, чтобы дать оценку работе М.В. Крюкова как кандидатской диссертации. Нужно помнить о том, что Ученый совет не осведомлен об учености М.В. Крюкова. Он будет судить о нём только по его диссертации. Здесь я хочу отметить следующее. Мы следуем в своей работе школе В.В. Струве, Вы же не признаете никаких школ, для Вас не существует никаких «школ» исследований по вопросу об общине. Вы, конечно, вправе иметь особое мнение, но Вы должны это мнение доказать, а не просто провозгласить. Если Вы что-то знаете такое, что мы не знаем, Вы обязаны это нам показать, а не хранить где-то в себе, ограничиваясь декларациями. Я считаю тему диссертации слишком широкой. Из неё могло бы получиться 2 докторские работы. Нужно ограничить тему исследования и провести именно «исследование», а не голословное постулирование мнений автора диссертации. (Можно было бы ограничиться рассмотрением одного Инь(ского) периода.)

В настоящей диссертации нет анализа источников. Нужно все доказывать. Нужно обосновать допустимость, с Вашей точки зрения, ссылаться на разновременные источники. В Вашей работе нет исследования. Вы не имеете смелости ясно сказать о своей концепции исторического развития в Китае.

Несколько строк — и готово доказательство — таков Ваш метод. Так поступать нельзя. Я предлагаю ограничить проблематику диссертации. Если М.В. Крюков пожелает обратиться ко мне за советом и помощью, я всегда к его услугам.

Г.Г. Стратанович:

От имени сектора, в котором работает М.В. Крюков, а также от Института этнографии я прошу извинения за неряшливый вид диссертации, представленной в отдел Древнего Востока для внешнего рецензирования. Мне кажется, что общее мнение сводится к тому, что работа у М.В. Крюкова не получилась.

М.В. Крюков несомненно знает источники, но этих источников, их критического анализа нет в диссертации. Необходимо показать всем читателям тот фактический материал, которым пользовался М.В. Крюков.

Ряд вопросов, затронутых в диссертации, требует дальнейшей разработки. Нужно еще выяснить, в чём отличие патриархального рода от патриархальной родовой общины и не совпадает ли последняя с патронимией. М.В. Крюков не объясняет происхождение экзогамии рода. У него патриархальный род по существу исчезает, поскольку никогда и нигде не существовал патриархальный род без жен членов рода.

То, что М.В. Крюков конструирует как патриархальный род, и то, что он отличает от патронимии, есть абстрактная категория. В реальности существовала родовая патриархальная община, включающая в себя и жён членов данного патриархального рода.

Д.Г. Редер:

Прежде всего я хочу сказать, что не испытываю никаких враждебных чувств к М.В. Крюкову, и именно потому категорически возражаю против рекомендации диссертации к защите. Вот если бы я был врагом М.В. Крюкова, тогда бы я мог посоветовать представить данную работу на рассмотрение Ученого совета и тогда бы произошла настоящая катастрофа для диссертанта. Я упрекаю М.В. Крюкова в том, что он не называет своих учителей, а также в том, что он отказывается определить свою позицию в отношении периодизации древней истории Китая.

М.В. Крюков:

Я учился в Москве и в Пекине; древние тексты изучал под руководством профессоров Пекинского университета.

Л.Д. Позднеева:

Этим всё сказано. Здесь причина Вашей неподготовленности к критическому анализу источников.

М.В. Крюков:

О том, какое классовое общество сложилось в Китае, я смогу сказать лишь после того, как изучу соответствующие материалы.

Г.М. Бауэр, И.А. Стучевский, Г.М. Бонгард-Левин, Т.Н. Савельева, И.М. Дьяконов, А.Г. Кифишин:

В последнем случае М.В. Крюков прав. Сейчас вопрос о первичных классовых обществах на древнем Востоке находится в состоянии переосмысления, идет острая дискуссия. Многие исследователи не могут сейчас дать прямой ответ на поставленный Д.Г. Редером вопрос.

Нельзя требовать этот ответ и от М.В. Крюкова.

И.А. Стучевский:

Не следует забывать, что сам В.В. Струве признал недавно существование на Востоке в древности азиатского способа производства.

Д.Г. Редер, А.Г. Кифишин:

Где признал?

И.А. Стучевский, С.Соловьева:

Читайте журнал «Народы Азии и Африки» № 1, 1965 г.

М.В. Крюков:

Я благодарю всех выступавших. Я продумаю ту острую критику, которой подверглась моя работа сейчас. Сказано было так много, что ответить всем и на всё я пока не могу. Я должен подумать. Еще раз благодарю всех выступавших. Что касается «извинений» Г.Г. Стратановича, то они меня удивили. Моя работа была представлена на обсуждение не официально от Института этнографии, но всего лишь частным порядком от меня лично, поскольку я хотел знать мнение товарищей.

Т.В. Степугина:

Я должна восстановить истину. Работу М.В. Крюкова мы обсуждали вполне официально. Относительно её совместного обсуждения в двух отделах (в отделе Китая и в отделе Древнего Востока ИНА) договорились заведующие этих отделов. Лишь случайное обстоятельство, невозможность выбрать один день удобный для двух отделов, привело к тому, что мы обсудили сегодня диссертацию М.В. Крюкова после её рассмотрения в отделе Китая.

ПОСТАНОВИЛИ:

Отдел Древнего Востока Института Народов Азии АН СССР, рассмотрев диссертацию М.В. Крюкова «Род и патронимия в древнем Китае. (К проблеме исторических типов общин)», пришел к выводу, что эту работу отличает ряд принципиальных недостатков. Недостатки эти следующие:

1) В диссертации нет критического отношения к источникам, нет исследования, но зато много голословных деклараций.

2) Общие выводы диссертации не могут быть приняты как доказанные, так как не опираются на аргументированный анализ источников.

3) История семейных и родовых отношений в древнем Китае реконструируется в диссертации без учёта социально-экономической структуры общества.

4) Диссертация оформлена крайне небрежно.

Исходя из всего вышеизложенного, отдел Древнего Востока Института народов Азии АН СССР не может рекомендовать диссертацию М.В. Крюкова к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук, поскольку данная работа не соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Председатель: *Ильин*

Секретарь отдела Древнего Востока: *Стучевский* (И.А.Стучевский)

А. О. ТАМАЗИШВИЛИ

Персональное дело коммуниста Р.В. Вяткина¹

Бурные политические события, сотрясавшие Чехословацкую Советскую Социалистическую Республику в 1968 году, несколько лет спустя неожиданно и неприятно эхом отозвались в жизни коллектива Института востоковедения Академии наук СССР.

Весной 1973 года заведующий Сектором истории Отдела Китая этого института Р.В. Вяткин оформлял документы для выезда во Францию на XXIX международный конгресс востоковедов. Необходимую в таких случаях положительную характеристику партийный комитет ИВ АН СССР утвердил ему 12 апреля, а 4 июня того же года на заседании парткома института рассматривалось персональное дело члена КПСС с 1939 года Вяткина Рудольфа Всеволодовича.

Причиной тому было поступившее в Отдел науки ЦК КПСС сообщение из Чехословакии о том, что Р.В. Вяткин ведёт переписку с антикоммунистически настроенным, исключённым из Компартии ЧССР китаеведом Тимотеусом (Тимофеем) Покорой² и даже пригласил Покору приехать в СССР поработать и пообщаться с советскими коллегами.

Ранее советника посольства СССР в Чехословакии пригласили в Отдел науки ЦК КПЧ³ и проинформировали о просьбе Покоры разрешить ему научную командировку в Советский Союз. Покора подчёркивал, что его просьбу

¹ Статья написана исключительно по материалам персонального дела Р.В. Вяткина (Архив ИВ РАН).

Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995) — китаевед-историк.

² Покора Тимотеус (Тимофей) (26.06.1928–11.07.1985) — чешский китаевед-историк.

³ КПЧ — Коммунистическая Партия Чехословакии.

Р.В. Вяткин
(фото 1990 года)

поддерживают советские китаеведы, и в подтверждение этого предъявил свою личную переписку, в том числе и с Р.В. Вяткиным. Внимание советского дипломата обратили также на то, что Покора исключён из КПЧ и будет уволен из Института востоковедения АН ЧССР. Отдел науки ЦК КПЧ выразил сожаление, что советские учёные ведут переписку с Покорой и приглашают его в СССР.

В свою очередь в Москве секретаря парткома ИВ АН СССР И.С. Казакевича⁴ вызвали в Отдел науки ЦК КПСС, где ознакомили с поступившими материалами касательно Вяткина и обрисовали сложившуюся напряжённую ситуацию.

По утверждению Р.В. Вяткина, Казакевич сообщил ему, что в аппарате КПЧ о Покоре отзываются резко отрицательно, как об антипартийном элементе, а письмо Вяткина к нему, которым Покора подкреплял свою просьбу о командировке в СССР, рассматривают как вмешательство во внутренние дела КПЧ. В то же время, по утверждению Вяткина, Казакевич не привёл примеров антигосударственной и оппозиционной КПЧ деятельности Покоры.

Партком ИВ АН СССР потребовал от Р.В. Вяткина объяснений. Они были даны в шестистраничной объяснительной записке от 10 мая 1973 года. Также Вяткин передал парткому института и свою переписку с Покорой (возможно,

⁴ Казакевич Игорь Степанович (1920–1997) — кореевед-экономист.

не всю), частично в оригиналах, частично в копиях. Перевод писем Покоры с английского был сделан самим Вяткиным.

По тону и стилистике записки можно почувствовать смутение и досаду её автора, неожиданно и как-то уж совсем некстати навлекшего на себя и свой институт недовольство идеологических секторов ЦК сразу двух коммунистических партий.

В своей записке Р.В. Вяткин сообщал, что познакомился с Тимотеусом Покорой в Москве в середине 1960-х годов, а подробнее о его научной работе узнал в Праге в 1966 году. Последняя по времени встреча их состоялась в мае 1970 года в Мичиганском университете в США, где оба они были в научных командировках. «Из чехов, находившихся там, один Покора открыто контактировал со мной как с советским учёным, остальные игнорировали меня», — отмечал Р.В. Вяткин.

Он объяснил, что по отзывам советских китаеведов, лично знавших Покору, из бесед с ним, по рецензиям Покоры на подготовленные и изданные в СССР исследования по Китаю у него к 1971 году сформировалось представление о Тимотеусе Покоре как о весьма способном, имеющем высокую научную подготовку, вдумчиво и творчески работающем исследователе, который «с марксистских позиций подходит к важнейшим проблемам истории Китая и его идеологии». Также у Вяткина сложилось мнение, что Покора доброжелательно относится к СССР.

В объяснительной записке Р.В. Вяткина, в частности, говорится: «Факты последних лет позволяли мне считать, что несмотря на известные трудности с определением тематики его работы в Институте востоковедения в Праге, Покора остался в числе постоянных и лояльных сотрудников и по-прежнему считается признанным учёным в своей области. Какие это были факты? Научная командировка Т. Покоры (с семьёй) в Соединённые Штаты в 1969–1970 годах; возвращение Покоры осенью 1970 года в Чехословакию, что свидетельствовало о его верности родине (отмечу, что ряд его коллег остался за рубежом); активная публикаторская деятельность в своей стране и за рубежом».

К этому Вяткин добавил, что «разбирая и оценивая советские работы по Китаю, Покора ставит их весьма высоко, нередко подчёркивая отдельные их марксистские положения». Как один из примеров этого Р.В. Вяткин упомянул опубликованную в 1963 году в чешском журнале «Архив ориентальны» рецензию Т. Покоры на монографию Л.С. Васильева⁵ «Аграрные отношения и община в Древнем Китае» (М., 1961), так как в ней Покора «подчёркивает важность хорошего знания трудов Маркса по докапиталистическим формациям и считает, что в монографии умело приняты основные идеи Маркса о роли общины в древности». Вяткин считал говорящим в пользу Покоры и высказанное тем пожелание о переводе на европейские языки работ Л.С. Васильева и С.Л. Тихвинского⁶.

⁵ Васильев Леонид Сергеевич (род. в 1930 г.) — китаевед-историк.

⁶ Тихвинский Сергей Леонидович (род. 1918 г.) — китаевед-историк. Академик АН СССР—РАН (1981).

«Именно по этим реальным фактам я и оценивал деятельность Покоры. Другими данными о нём я не располагал. Не имел я и достоверной информации о его партийных делах, он же их никогда не касался»; «В его письмах главное место обычно занимали китаеведческие профессиональные вопросы... Кратко Покора сообщал и о своих делах в институте, хотя никогда не касался политических вопросов», — объяснял Р.В. Вяткин.

Уже рассказав о своих контактах с Покорой и оговорившись, что «отнюдь не идеализирует его», он в своей записке для парткома ИВ АН СССР пишет: «Я хотел бы ещё раз суммировано изложить, как мне рисовалась общая ситуация с Покорой, так как точка зрения чехословацких товарищей прямо противоположна моим представлениям до этого времени».

Думается, он осознавал, что после событий 1968 года была вполне логична и обоснованна проявляемая в аппарате ЦК КПЧ обострённо болезненная реакция на случаи прямой или косвенной поддержки антикоммунистов внутри ЧССР и что именно так она будет расцениваться и парткомом ИВ АН СССР. Однако безоговорочно разделять точку зрения чешских товарищей Вяткин не спешил.

Главными вопросами в создавшейся ситуации были: действительно ли Покора антикоммунист и в силу этого не заслуживает никакой поддержки и почему, если Покора действительно антикоммунист, Р.В. Вяткин всё-таки поддерживал его?

Представляя Покору в наиболее выгодном для того свете и практически защищая его, Вяткин защищал и самого себя. Это объективно было так. Но «суммируя» образ Покоры как учёного-марксиста и человека, «дружески относящегося к Советскому Союзу и к советским людям», он делал это, очевидно, не из одного только желания оправдаться, а в первую очередь, из-за искреннего убеждения в справедливости своих оценок Покоры. Повторение объяснений и аргументов в записке Р.В. Вяткина говорит о том, насколько важно было для него, чтобы коллеги и товарищи по партии вполне и точно поняли, а может быть, в чём-то и разделили, его позицию.

После стабилизации обстановки в Чехословакии Покора 29 марта 1971 года написал Вяткину письмо где, в частности, сообщил, что некоторые его московские друзья советуют ему приехать поработать в Москву. «Но я только сейчас начал думать об этом, на сегодня это, разумеется, лишь идея, и я ещё не обращался с ней в свой институт. Тем не менее, не думаете ли Вы, что я мог бы попробовать “попасть в ваше подданство на год или два”? Это было бы, несомненно, очень полезно для моей научной работы... Я очень бы хотел пожить какое-то время среди своих советских коллег синологов и историков, которые выпускают сейчас много прекрасных исследований на самые разные темы», — советовался Покора с Вяткиным.

25 мая 1971 года Р.В. Вяткин ответил Т. Покоре: «Что касается Вашей идеи приехать поработать к нам на какое-то время, то мы были бы рады приветствовать Вас в нашем отделе (Отдел Китая ИВ АН СССР. — *А.Т.*) [...] Так

что решайте этот вопрос у себя в Праге. Думаю, что в нашем коллективе историков Вам будет интересно и полезно, у Вас тут много друзей».

Процитированный абзац в деле Р.В. Вяткина кем-то отмечен большой скобкой сбоку. Он — одна из основ этого персонального дела.

В дальнейшей переписке с Вяткиным Покора был сдержан, но в ней появляются фразы, за которыми угадывается необходимость для него получить поддержку из СССР, пусть и косвенную. В письме от 6 июля 1971 года сообщив о выходе в свет своей новой книги, Покора добавил, что увидеть рецензию на неё «в каком-либо советском журнале» было бы для него большим удовольствием и сожалел, что «среди советских синологов, кажется, нет никого, кто бы читал по-чешски». О возможности его поездки в Москву Покора писал, что организовать её будет непросто. Но главное в этом письме, пожалуй, его заключительные строки: «Проблемы не всегда легки в настоящее время, но я надеюсь на лучшее. Мы совсем не жалеем, что находимся здесь, я хорошо помню, что мы обсуждали с Вами по дороге из северного студенческого городка. Это был, в некоторых смыслах, полезный год, но мы принадлежим этой земле».

Что обсуждалось во время их встреч с Покорой в Мичиганском университете, Р.В. Вяткин не сообщил ни в своей объяснительной записке, ни на заседании парткома ИВ АН СССР. Однако подтекст и настроение сказанного Покорой в письме позволяют предположить, что обсуждали они с Вяткиным и вопрос: оставаться ли Покоре с семьёй в США или возвращаться на родину. Можно предположить и что-нибудь другое. Но как бы там ни было, эти встречи запомнились Покоре крепко (в письме от 2 марта 1972 года он писал, что часто вспоминает их) и, похоже, значительно сблизили двух учёных и двоих людей.

В том же письме от 2 марта 1972 года Покора сообщил о себе: «Я по-прежнему работаю над теми же проблемами и на том же месте, как и прежде. И нет никаких указаний на изменения». Но даже если надежды Тимотеуса Покоры на лучшее в чём-то и оправдывались, внимание и поддержка советских китаеведов ему были нужны по-прежнему. «Неужели не окажется возможным найти среди ваших коллег кого-либо со знанием чешского языка, кто пожелал бы написать рецензию для какого-либо советского научного журнала на мои частичные переводы “Лунь хэна” Ван Чуна?»⁷, — вновь поднимает вопрос Покора, но заканчивает письмо от 2 марта 1972 года на оптимистической ноте: «Есть возможность того, что я увижу СССР в этом году. Опять, вероятно, Кавказ, который, как говорит каждый, прекрасен».

Об основной цели писем Покоры Р.В. Вяткин ясно сказал припиской от руки, завершающей его объяснительную записку: «Других писем, связанных с просьбой о помощи, я не получал».

⁷ Ван Чун (Ван Чжунжэнь) (27–104) — древнекитайский философ. До наших дней дошло только одно его сочинение — «Лунь хэн» («Взвешивание рассуждений» или «Критические рассуждения»).

Скорей всего, думая в первую очередь о восстановлении и дальнейшем развитии доверительных отношений между представителями научной интеллигенции СССР и ЧССР, о взаимообогащении и развитии китаеведения обеих стран Р.В. Вяткин по-товарищески поддержал чешского коллегу в письме от 5 февраля 1973 года.

«Читая уже много лет Ваши статьи и особенно рецензии, должен сказать, что Вы единственный учёный в Чехословакии и вообще в Европе, который так систематически и плодотворно изучает и знакомится с советской литературой по Китаю и так широко и квалифицированно пропагандирует нашу синологическую литературу среди зарубежных читателей, не владеющих русским языком. Ваши рецензии... по моему мнению и по мнению моих коллег в Москве, играют большую роль в популяризации наших марксистских работ за рубежом и в то же время являются вкладом в укрепление советско-чехословацкой дружбы. Мы были бы очень рады увидеть Вас в Москве [...] Если бы Вы смогли приехать в СССР и поработать в течение года над своими темами и проблемами, я думаю, Вы бы нашли много материалов в наших библиотеках, а главное, приняли бы участие в нашей творческой деятельности и общественной жизни. Поговорите об этом с Вашими руководителями, я надеюсь, они не откажут Вам в командировке в Советский Союз», — так писал Вяткин.

Этот абзац письма также отмечен кем-то большой вертикальной скобкой. Это ещё одна основа персонального дела коммуниста Вяткина Р.В. и критики в его адрес. Надо признать, что сказанное им в этом абзаце если и не прямое приглашение Покоры в СССР, то убедительная рекомендация приехать. Усмотреть в письмах Вяткина гарантию доброжелательного к себе отношения всего ИВ АН СССР Покора имел основания. А намерение привлечь его к участию в протекавшей в строго определённом идеологическом русле общественной жизни советских востоковедов могло расцениваться и как протест против решения об исключении его из КПЧ. При этом вряд ли бы учитывалось, что Вяткин о переменах в личной жизни Покоры мог и не знать.

В объяснительной записке Вяткин подчёркивал: «Я не рассматривал и сейчас не рассматриваю свои слова как приглашение Покоры в СССР. Формула “мы рады будем видеть Вас у себя” из практики наших внешних связей никогда не означала приглашения, а была обычной вежливой фразой. Я хорошо знал порядок приглашений и никогда бы не пригласил никого, не имея на то решения инстанций. Понимал это, как видно из писем, и Покора, ведший долгие переговоры и хлопоты в Праге. Тем более, что в обоих письмах я подчеркнул: “Решайте это у себя в Праге”, “Поговорите об этом с вашими руководителями”. Почему, однако, я сочувственно отнёсся к стремлению Покоры приехать в СССР? Исходя из сложившихся у меня представлений о нём как о хорошем учёном, пропагандисте советских книг по Китаю, я искренне полагал, что его приезд в СССР мог быть для него полезным во всех отношениях — в научном и общественно-политическом. Причём хочу ещё раз сказать, что о политических

и партийных делах Покоры за эти годы каких-либо сведений и информации, которая меня бы насторожила, я не имел, а его успешная работа до весны 1972 года не давала оснований для беспокойства в этом отношении».

И всё-таки Р.В. Вяткин признал, что допустил ошибку в своих отношениях с Тимотеусом Покорой. «Сейчас я ещё раз внимательно прочитал все письма, продумал всю совокупность событий, хотя скудость информации из Чехословакии не позволяет, к сожалению, представить достаточно реально ситуацию среди чешских востоковедов, и пришёл к такому выводу: моя ошибка состояла в том, что я рассматривал Т. Покору только с одной стороны, лучше известной мне, со стороны его научной деятельности, отношения к СССР и к советским учёным, его пропаганды нашей китаеведной литературы. Мне не были известны вся система его взглядов, его политические концепции и взаимоотношения с партией. А я обязан был, как советский коммунист, учитывать всю сложность и остроту идеологической борьбы в Чехословакии и проявить в этом случае должную бдительность и политическую остроту. В свете фактов, которые мне стали известны из представления ЦК КПЧ, я пришёл к выводу, что моё последнее письмо, посланное в феврале 1973 года, было несвоевременным и недостаточно осторожным и, к сожалению, было использовано адресатом в целях далёких от моих намерений. Я сожалею об этом и заверяю партийную организацию, что впредь никогда подобных действий не допущу», — обращался Р.В. Вяткин к товарищам по партии в своей записке.

Остаётся неясным, что происходило между 10 мая и 4 июня 1973 года. Ведь если ситуация была действительно очень напряжённой, горячей, рассмотрение её можно было бы организовать на специальном заседании парткома гораздо оперативней.

Как видно из протокола заседания парткома ИВ АН СССР от 4 июня 1973 г., Р.В. Вяткин при рассмотрении его персонального дела держался не теряя лица, без суетливой самокритики и отказа от своих ранее высказанных оценок.

Он вкратце повторил изложенное им в объяснительной записке, подчеркнув, что не мог представить себе Покору иначе, но при этом многого не знал и недооценивал, «подходил к оценке Покоры односторонне» и «абстрагировался от той общей политической борьбы, которая идёт в Чехословакии».

«Приглашал ли я Покору в Советский Союз? Я Покору не приглашал [...] Ни одного слова приглашения в моих письмах Покоре нет, свою переписку с ним по этому вопросу я не имел в виду как приглашение, так как хорошо знал, что для этого нужно согласие АН ЧССР и АН СССР. Но я поддерживал его идею, одобрял его желание приехать в СССР», — вновь заявил Вяткин.

Ему задали ряд вопросов:

— Говорил ли он о Покоре с руководством и секретарём парторганизации отдела Китая? — Нет, не говорил.

— Как может он охарактеризовать политические взгляды Покоры? — Утверждать, что Покора придерживался марксистских позиций в своей работе на все сто процентов он не берётся.

— Была ли с его стороны поддержка стремлений Покоры приехать в СССР? — Да, была.

— Как вёл себя Покора после чешских событий 1968 года? — Он вёл себя весьма осторожно и не решался дать какую-либо информацию по этим событиям.

— Не возникала ли у Р.В. Вяткина мысль поинтересоваться отношением ЦК КПЧ к Институту востоковедения АН ЧССР, изучить ситуацию? — Нет, не возникала.

После ознакомления с объяснительной запиской Р.В. Вяткина странно звучит его ответ на вопрос: был ли Покора командирован в США или эмигрировал? Вяткин ответил: «Не знаю. Мне казалось, что он командирован».

— Покора — антисоциалистический элемент, а Р.В. Вяткин характеризует его хорошо. Нет ли здесь противоречия?

Ответ на этот вопрос заслуживает прямого цитирования: «Я характеризовал его действительно хорошо как учёного-китаевода, а чешские товарищи дают ему другую оценку, пока в этом есть противоречие, но я пока его не улавливаю. Я снять данную ему характеристику не могу, потому что его рецензии на работы советских учёных есть, и они положительные. Но противоречие остаётся».

Вяткин явно стремился по-прежнему говорить о Покоре-китаеведе, а не о Покоре-коммунисте или антикоммунисте. Для члена КПСС с 1939 года и воспитанника советской школы востоковедения это была как минимум спорная позиция, и за неё товарищи по партии могли бы спросить с Вяткина гораздо строже, чем спросили в конечном итоге. Хотя довольно резкая критика в его адрес, разумеется, прозвучала. Ниже эти критические замечания приводятся дословно по протоколу заседания парткома ИВ АН СССР, составленному, заметим, довольно коряво.

«Жаров В.А.⁸: Допущена ошибка тов. Вяткиным Р.В., направившим Покоре письмо с приглашением приехать в Советский Союз. Я встретился с Покорой в Малайзии в 1968 году на конференции, буквально в период чешских событий. Как вёл себя Покора? Всё время с нами полемизировал. Заявлял, я хочу читать Троцкого. Зачем, спрашиваем, вам читать Троцкого. Я хочу знать демократические свободы. Будучи там приобрёл книги Троцкого. Как-то странно всё время контактировался с нами, особо демонстрировал свои позиции. Затем я получил от него письмо из Чехословакии, в котором он писал, мы с вами говорили о необходимости контактов с нами, теперь вы можете их свободно развивать, так как наша страна вами оккупирована, и вы можете свободно приехать. Вот вам лицо Покоры. Товарищи нам сообщили, что он

⁸ Жаров Владимир Александрович (1924–2011) — исследователь истории стран Юго-Восточной Азии.

исключён из КПЧ. Ваша ошибка тов. Вяткин заключается в том, что вы не поинтересовались его партийными позициями. Предлагаю объявить тов. Вяткину строгий выговор».

После этого выступления для членов парткома ИВ АН СССР всё стало ясно с Покорой. Игнорировать информацию Жарова они не могли, а оспаривать её и не могли, и не хотели. Ситуация осложнилась. Утверждение Р.В. Вяткина, что у Покоры много друзей среди советских китаеведов приобретало нехороший дополнительный смысл. И стало не важно, по каким причинам поддерживал Р.В. Вяткин стремление Покоры приехать в СССР, в отношении приверженца троцкизма это, да и вообще контакты с ним, могло расцениваться только как грубая политическая ошибка. Дальнейшее обсуждение вопроса подтвердило это.

«Гирс Г.Ф.⁹: Справка, которая дана тов. Жаровым о Покоре показывает, с кем имел дело тов. Вяткин Р.В. Вы дали правильную оценку случившемуся. Ностораживают ваши действия. Вы были руководителем отдела Китая, когда происходила встреча с Покорой, есть инструкции о порядке встречи с иностранцами, а вы своими действиями обходите эту инструкцию. Известно вам, что когда наши сотрудники ведут переписку с иностранцами, она должна контролироваться, а вы о своей переписке никого не информировали. Более того, на каком основании вам надо было давать ему обещания, как призыв к приглашению. Настораживает и такая практика, когда учёный будучи за границей встречается с учёным из ЧССР и не интересуется, зачем он в США. Всё это говорит о неправильных действиях тов. Вяткина Р.В. Поддерживаю предложение объявить ему строгий выговор».

«Аганина Л.А.¹⁰: Теперь нам ясен облик Покоры. Его осторожная манера так себя вести не случайна. Беспринципно хвалебное отношение Покоры к нашим работам должно было насторожить тов. Вяткина, однако этого не произошло. Если бы это случилось с менее опытным членом КПСС, оценка могла бы быть другой. Присоединяюсь к предложению объявить тов. Вяткину Р.В. строгий выговор».

«Котляров В.С.¹¹: Обсуждаем неприятный вопрос. Тов. Вяткин Р.В. допустил политическую близорукость и потерял партийное чутьё. Есть инструкция для тех, кто выезжает за границу, в ней чётко сказано, как надо себя вести. Тов. Вяткин Р.В. своими действиями игнорировал указание, как вести связи с иностранцами. После случившегося мы должны освободить его от

⁹ Гирс Георгий Фёдорович (1928–1994) — афганист, исследователь памятников письменности и литературовед.

¹⁰ Аганина Людмила Александровна (1926–2000) — исследователь литературы и языков Непала.

¹¹ Котляров Владимир Сергеевич (1925–1995) — исследователь истории стран Юго-Восточной Азии.

лекционной работы¹². Поддерживаю предложение объявить ему строгий выговор».

«Сапожников Б.Г.¹³: Мы встретились с прискорбным случаем в действиях тов. Вяткина Р.В. Ведь все мы переживали чешские события. В то время среди интеллигенции ЧССР было немало таких, которые выступали за так называемые демократические свободы. Тов. Вяткину нельзя было не интересоваться тем, что происходит в Институте востоковедения [АН] ЧССР. Грубая ошибка с его стороны. Видите [ли], гостеприимство не позволило поинтересоваться позицией Покоры, а то, что три чеха к нему не подходят он на это обратил внимание. Допустил благодущие. Он хочет видеть только хорошее в человеке. Что заставило тов. Вяткина смотреть так на происходящее, рецензии возымели своё воздействие? Это неубедительно. Как можно причислить к числу безупречных Покору, в то время, когда он со своими позициями известен многим учёным в нашей стране. Поддерживаю предложение объявить строгий выговор».

«Вартамян А.А.¹⁴: Знаю тов. Вяткина давно, знаю его как опытного товарища и никак не могу понять, как всё это могло произойти. Ведь мы немало встречаемся с иностранными учёными. Но всегда определяем, как мы должны подходить к ним, с каких позиций. А здесь, не попытаться даже узнать, какого ты взгляда, Покора. Кто ты есть на самом деле и за кого себя выдаёшь. Вы, тов. Вяткин Р.В, близоруко подошли к оценке Покоры, его взглядов, действий и т.д. Надо было тщательно разобраться, как у него с партийностью, у вас даже не возникло мысли поинтересоваться обстановкой в самом Институте востоковедения [АН] ЧССР. Не ожидал от вас, Р.В. Вяткин, такой беспечности. Вообще я несколько раз слушал ваши лекции, и они не произвели на меня такого впечатления, чтобы быть во всех отношениях ими довольным. Присоединяюсь к предложению объявить строгий выговор».

«Солнцев В.М.¹⁵: Горько и обидно, что так произошло. Оценка в адрес тов. Вяткина Р.В. дана правильная. Он показал притупление политической бдительности. Покора ничем не отличается от тех, кто называл ввод советских войск оккупацией. Из случившегося факта с тов. Вяткиным нам надо сделать вывод. Необходимо усилить контроль за перепиской с иностранцами. Плохо, что сведения, приведённые тов. Жаровым В.А. о Покоре не стали известны широкому кругу наших учёных, в том числе и тов. Вяткину. Согласен с предложением объявить строгий выговор».

¹² Имеется в виду участие Р.В. Вяткина в работе просветительской организации Всесоюзное общество «Знание».

¹³ Сапожников Борис Григорьевич (1907–1986) — китаевед и японовед-историк. Генерал-майор в отставке.

¹⁴ Вартамян Артак Арменакович (1896–1993) — заведующий Отделом научной информации ИВ АН СССР. Генерал-лейтенант в отставке.

¹⁵ Солнцев Вадим Михайлович (1928–2000) — китаевед-лингвист. Член-корреспондент АН СССР—РАН (1984). Зам. директора ИВ АН СССР (1965–1986).

«Сухарчук Г.Д.¹⁶: Согласен с тем, что ошибкой тов. Вяткина Р.В. является незнание конкретной обстановки в Институте востоковедения АН ЧССР. Покора решил подойти так к Вяткину и расположить себя к нему (по смыслу речи Сухарчука надо: расположить его к себе. — А.Т.) для того, чтобы выиграть от этого. Покора просится в Советский Союз, рассчитывая этим сохранить своё пребывание в Институте востоковедения АН ЧССР. Решил воспользоваться добротой тов. Вяткина. Как ни прискорбно, после случившегося какой-то период тов. Вяткин работать лектором не может».

«Калюжная Н.М.¹⁷: На меня произвело благоприятное впечатление обсуждение Р.В. Вяткина. Из этого всего нам надо сделать вывод, что прежде чем устанавливать с кем-либо контакты их надо хорошо знать. Во всём этом нашим сотрудникам нужен контроль и помощь со стороны партийной организации».

«Захарченко Н.В.¹⁸: Дисциплина в нашей партии всегда отличалась сознательным характером каждого члена КПСС. Случившееся с тов. Вяткиным — наглядный пример нарушения партийной дисциплины. Говорить, что он не знал, не предполагал, это звучит неправдиво. Как можно быть пропагандистом внешней и внутренней политики КПСС, разоблачать при этом правооportunистические силы, их борьбу против социализма, их нападки на партийную дисциплину, на руководящую роль партии и так подойти к оценке политических взглядов Покоры, как это сделал тов. Вяткин. Не поинтересоваться его партийностью и не знать, что он является антисоциалистическим элементом, это убедительно свидетельствует о неправильной позиции, которую занял коммунист тов. Вяткин. Тем более, что в своём объяснении характеризует он Покору не с партийных позиций. Из случившегося надо сделать серьёзные выводы как тов. Вяткину, так и партийной организации отдела».

«Казакевич И.С.: Надо подвести итоги обсуждению. Говорить, зачем Покора стремился в Советский Союз, предполагать, что, может быть, для того, чтобы отсидеться, делать такие предположения не следует. Надо обратить особое внимание на недостатки, которые допускаем. Существует переписка с иностранцами двух видов: личная и служебная. По линии личной переписки должна быть строгая дисциплина самих учёных. Нарушил эту дисциплину тов. Вяткин Р.В. Это видно из того, что написал тов. Вяткин Р.В. в письмах к Покоре: «Что касается Вашей идеи приехать поработать к нам на какое-то время, то мы были бы рады приветствовать Вас в нашем отделе». Или в другом письме: «Мы были бы очень рады видеть Вас в Москве [...] Если бы Вы смогли приехать в СССР поработать в течение года над своими темами и проблемами, я думаю, Вы бы нашли много материалов в наших библиотеках, а главное приняли бы участие в нашей творческой деятельности и общественной жизни». Это письмо Покора передал в ЦК КПЧ, и это вызвало тре-

¹⁶ Сухарчук Григорий Дмитриевич (1927–2006) — китаевед-историк.

¹⁷ Калюжная Нина Михайловна (род. 1924 г.) — китаевед-историк.

¹⁸ Захарченко Николай Васильевич (1911–?) — профессиональный работник аппарата КПСС, освобождённый зам. секретаря партийного комитета ИВ АН СССР.

вогу в ЦК КПЧ и в нашем ЦК. Тов. Вяткин позволил использовать Покоре свои письма в его интересах, и этим он подвёл Вас довольно сильно. О личности Покоры говорилось не много. Для такого типа людей как Покора свойственны всякие антисоциалистические действия, а вы говорите способный китаевед. С марксистских позиций подходит к важнейшим проблемам истории Китая, хорошо отзывался о Советском Союзе и т.д. Говорилось о доброте тов. Вяткина, но эта доброта для руководителя выглядит как либерализм, что приводит к плохим результатам в работе с кадрами. Неправильную линию занимают товарищи в расчёте на самостоятельные силы.

Следует отметить, что обсуждение тов. Вяткина прошло по-деловому. Он сделал для себя выводы правильно. Надо, чтобы ошибки не повторялись. Допущенная ошибка поправимая. Но надо учесть все замечания. От лекторской работы надо освободить, ошибка совершена, и быть лектором после этого нельзя. Все товарищи поддерживали предложение объявить строгий выговор».

Р.В. Вяткин ответил на все эти выступления так: «Выражаю признательность членам парткома за те замечания и советы, которые были высказаны в мой адрес. Но я не могу принять упрёка тов. Вартамяна А.А. в отношении моих лекций. Никакого влияния Покора на них не имел. Признаю допущенные ошибки и обязуюсь их впредь не допускать».

Критика Вяткина, в той её части, которая не уклонялась от сути проблемы, была достаточно обоснованной. Авансы, выданные им Покоре, давали тому надежду на благожелательное отношение к нему в ИВ АН СССР и побуждали к активным действиям по реализации его планов, в том числе и, может быть, «отсидеться» в СССР. Неприятней всего было то, что, сам того, конечно, не желая, Р.В. Вяткин создал ситуацию, чреватую возможным сокращением международных контактов ИВ АН СССР. А ездить в командировки за границу хотели все. Это могло быть веским аргументом для осуждения позиции Вяткина.

Ничего другого партком ИВ АН СССР и не мог сделать, что было очевидно для всех. Поэтому разбор нюансов этого дела, размывающих его однозначность, был лишним, что хорошо понимал секретарь парткома института.

Давать дополнительный повод для недовольства институтом со стороны аппарата ЦК КПСС, Президиума и Управления внешних сношений АН СССР, а может быть, и КГБ партком и дирекция института, конечно, не хотели. А вызвать недовольство мог и их «либерализм» в отношении Р.В. Вяткина. Проще всего было пожертвовать им — отправить на пенсию (возраст позволял), предложить уволиться по собственному желанию, перевести в Отдел научной информации под присмотр А.А. Вартамяна. Словом, карательные варианты были. Но при этом те, от кого зависела тогда дальнейшая судьба Вяткина не могли не осознавать, что часть вины за его проступок ложится на дирекцию и партком ИВ АН СССР.

Никто не усмотрел в действиях Р.В. Вяткина злого умысла, не упрекнул его в сочувствии антикоммунистической оппозиции в ЧССР. Никто не стал развивать поднятую тему интереса Покоры к идеям Троцкого и выяснять, насколько хорошо умеет коммунист Вяткин распознавать троцкистские взгляды в работах своих зарубежных коллег. Никто не припомнил (с намёками: мол яблочко недалеко от яблони падает), что сын Вяткина в августе 1968 года направил в посольство ЧССР в Москве составленное им письмо якобы от группы комсомольцев МГУ с протестом против ввода советских войск в Чехословакию. Об этом факте партком ИВ АН СССР, секретарём которого был тот же И.С. Казакевич, в своё время был извещён.

Никто не предложил уволить Р.В. Вяткина из института, никто не предложил исключить его из КПСС. Директор ИВ АН СССР Б.Г. Гафуров¹⁹ на заседании парткома не сказал ничего.

Действовавшая тогда редакция устава КПСС предусматривала такие виды взысканий как выговор/строгий выговор и выговор/строгий выговор с занесением в учётную карточку. Рассмотрев персональное дело коммуниста Вяткина Р.В., партком ИВ АН СССР постановил: «1. За политическую ошибку, выразившуюся в переписке с антисоциалистическим элементом, бывшим членом КПЧ Покорой, объявить тов. Вяткину Рудольфу Всеволодовичу строгий выговор. 2. Предложить лекторскому бюро общества «Знание» института освободить тов. Вяткина Р.В. от лекторской работы».

Отстранение от курируемой парткомом института лекционно-пропагандистской работы формально было следствием и выражением сомнения в идеологической выдержанности взглядов коммуниста Р.В. Вяткина, но более подстраховкой, уступкой тем, кто хотел видеть за обсуждаемым инцидентом нечто большее, чем заблуждение.

Вяткин был сохранён для ИВ АН СССР как первоклассный специалист, научный авторитет его не был поколеблен, но во Францию на конгресс в тот год он не поехал. Оставшись заведующим Сектором истории отдела Китая института, он был переизбран на эту должность в конце 1974 года. Переизбранию не помешало и то, что в представленной к выборам в Учёный совет института служебной характеристике упоминалось о не снятом пока строгом выговоре по партийной линии. Правда, в июле 1975 года он по собственному желанию ушёл с этой должности. Как член КПСС Р.В. Вяткин выполнял отдельные поручения, а 10 октября 1975 года первичная парторганизация отдела Китая ИВ АН СССР, рассмотрев его ходатайство, сняла с Вяткина наложенное на него партийное взыскание.

При обсуждении этого вопроса отмечалось, что Вяткин сделал правильные выводы из произошедшего, дал правильную оценку своим поступкам, активно участвует в общественной жизни института, пользуется заслужен-

¹⁹ Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977) — исследователь истории таджиков. Академик АН СССР (1968). Директор ИВ АН СССР (1956–1977).

ным авторитетом у коллег и аспирантов и т.д. и т.п. Ю.В. Чудодеев²⁰ в частности сказал, что Р.В. Вяткин долгие годы успешно читал лекции по современному положению в Китае, и коллектив отдела надеется на продолжение им этой работы после снятия выговора.

27 октября 1975 года на заседании парткома ИВ АН СССР рассматривалось решение парторганизации отдела Китая института по персональному делу коммуниста Вяткина Р.В. На этом заседании выступили В.Г. Растянников²¹, Б.Г. Сапожников, Г.Ф. Ким²² и в заключение И.С. Казакевич. Подчеркнув, что суровое взыскание, наложенное на коммуниста Р.В. Вяткина было справедливым, Казакевич заявил, что у парткома института есть все основания это взыскание снять. За такое решение партком ИВ АН СССР проголосовал единогласно. Персональное дело коммуниста Вяткина Рудольфа Всеволодовича было закрыто.

Дело это не прозвучало как-то особенно грозно и поучительно, как могло бы в не такие уж далёкие времена, поскольку расширять круг рассматриваемых аспектов инцидента, при, несомненно, имевшихся к тому возможностях, ни партком, ни дирекция ИВ АН СССР явно не стремились. Дело Вяткина допускает ряд трактовок и вызывает вопрос: были ли какие-либо скрытые «пружины» и приводные нити, повлиявшие на решение по нему? Вероятно, да. Если вообще можно говорить о либерализме, проявленном в отношении Р.В. Вяткина, то причину тому следует искать и в сочувственно-добром отношении к нему со стороны коллег. Но объективно сочувствие к Вяткину могло распространяться (и кем-то наверняка распространялось) и на Т. Покоору. Хотя уже невозможно точно установить, сколько было в ИВ АН СССР тех, кто в душе осуждал ввод в Чехословакию советских войск, правомерен вопрос о наличии среди сотрудников института — коммунистов и беспартийных — сочувствующих идеям и действиям чешских диссидентов тех лет.

Правомерно и вполне ожидаемо, если кто-то сочтёт, что будучи коммунистом с большим стажем, солдатом своей партии Р.В. Вяткин с учётом сложившихся обстоятельств не мог не признать справедливой критику в свой адрес, исходившую от руководящих органов КПЧ и КПСС. Но явно некорректным по отношению к нему будет вывод, что исключительно этим обстоятельством и было обусловлено признание Вяткиным ошибочности своей позиции или, что, признавая это, он был неискренен.

²⁰ Чудодеев Юрий Владимирович (род. в 1931 г.) — китаевед-историк.

²¹ Растянников Виктор Георгиевич (1928–2015) — индолог-экономист.

²² Ким Георгий Фёдорович (1924–1989) — кореевед-историк. Член-корреспондент АН СССР (1976).

ВЫПИСКА
из протокола заседания Парткома
Института востоковедения АН СССР,
протокол № 83 от 4 июня 1973 года:
Персональное дело Р.В. Вяткина

5. СЛУШАЛИ:

Персональное дело члена КПСС ВЯТКИНА Рудольфа Всеволодовича.

Докл. т. Казакевич И.С.

Суть дела. В отдел науки ЦК КПСС поступило сообщение о том, что тов. Вяткин Р.В. имел связь с антисоциалистическим элементом, исключенным из членов КПЧ т. Покорой и приглашал его в Советский Союз. Советник Советского посольства в Чехословакии был приглашен в отдел науки ЦК КПЧ, где ему были показаны заявление Покоры с просьбой разрешить ему поездку в СССР, что его в этом поддерживают советские ученые и в подтверждение предъявил письма в том числе и полученные им от Вяткина Р.В. Зав. отделом науки ЦК КПЧ обратил при этом внимание советника Советского посольства на то, что Покора исключен из партии, будет исключен из Института и выразил сожаление, что с ним ведут переписку и приглашают в Советский Союз такие ученые востоковеды как тов. Вяткин Р.В. В связи с этим в отдел науки ЦК КПСС был вызван секретарь Парткома Института востоковедения АН СССР тов. Казакевич И.С., который был ознакомлен с поступившим в ЦК сообщением в отношении члена КПСС тов. Вяткина Р.В. и возникла необходимость обсудить о нем вопрос на заседании парткома.

Тов. ВЯТКИН Р.В.

— Приглашал ли я Покору в Советский Союз. Я Покору не приглашал. В 1971 году я получил от Покоры письмо, в котором он писал, что у него возникла идея посетить Советский Союз. В своем письме я ему писал, решайте

этот вопрос на месте. Поговорите с вашими руководителями. Ни одного слова приглашения в моих письмах Покоре нет. Свою переписку с ним по этому вопросу я не имел в виду как приглашения, так как хорошо знал, что для этого надо прежде всего согласие АН ЧССР и АН СССР. Но я поддерживал его идею, одобрял его желание приехать в СССР. Это связано с тем, что я знал его как хорошего китаеведа и хорошо относившегося к советским ученым востоковедам. Не мог его представить иначе. АН ЧССР его отправила в США как ученого, в отличие от других его коллег, которые не хотели идти на контакт со мной, Покора со мной в США встречался. Как и раньше он продолжал печатать хорошие рецензии на китайские работы советских китаеведов.

Все это меня не настораживало. После того, как я узнал о сообщении чешских товарищей, встал перед фактом, что многих вещей я не знал и недооценивал. Я подходил к оценке Покоры односторонне, не знал его отношения к партии. Абстрагировался от той общей политической борьбы, которая идет в Чехословакии. Письмо, посланное в 1973 году, которым он спекулировал, это моя ошибка. Обещаю впредь не повторять подобных действий и никогда их больше не допущу.

Вопросы:

— Вы встречались с Покорой и где?

— Встречался трижды. Первый раз в Москве в отделе Китая. Второй раз в Праге в 1966 году, когда я там был в командировке. Третий раз в США в 1970 году, когда я там был в командировке.

— Вы говорили с кем-либо из руководства отдела и секретарем парторганизации?

— В отделе об этом специального разговора не было.

— Покора — антисоциалистический элемент, а вы его характеризуете хорошо, нет ли здесь противоречия?

— Я характеризовал его действительно хорошо, как ученого-китаеведа, а чешские товарищи дают ему другую оценку, пока в этом есть противоречие, но я пока его не улавливаю. Я снять данную ему характеристику не могу потому, что его рецензии на работы советских ученых есть и они положительные. Но противоречие остается.

— Как Вы можете охарактеризовать политические взгляды Покоры?

— У меня сложилось впечатление, что он пытается подойти к оценке советских работ по Китаю с марксистских позиций. Во всяком случае пытался дать такую оценку, но сказать, что он придерживался таких позиций на все сто процентов не берусь.

— Ведь он хорошо владеет русским языком? А почему он пишет вам письма на английском?

— Да, он пишет по-английски, видимо, так ему удобней.

- При встрече с ним после чешских событий как он вел себя?
- Он вел себя весьма осторожно и не решался дать какую-либо информацию по происшедшим событиям.
- Был он командирован в США или эмигрировал туда?
- Не знаю. Мне казалось, что был командирован.
- Что в Институте востоковедения АН ЧССР Покора единственный китаевед?
- Были и другие, но они литературоведы, он специалист по древней и средней истории Китая.
- В письмах, как вы говорите, не видно прямого приглашения, а поддержка его стремлений была с вашей стороны?
- Да, такая поддержка была.
- Не возникла у Вас мысль поинтересоваться, изучить, какова ситуация вокруг Института востоковедения АН ЧССР со стороны ЦК КПЧ?
- Нет, не возникала.

ВЫСТУПИЛИ:

Тов. ЖАРОВ В.А.

— Допущена ошибка тов. Вяткиным Р.В., направившим Покоре письмо с приглашением приехать в Советский Союз. Я встретился с Покорой в Малайзии в 1968 году, на конференции, буквально в период чешских событий. Как вел тогда себя Покора. Все время с нами полемизировал. Заявлял, я хочу читать Троцкого. Зачем, спрашиваем, вам читать Троцкого. Я хочу знать демократические свободы. Будучи там приобрел книги Троцкого. Как-то странно все время контактировался с нами, особо демонстрировал свои позиции. Затем я получил от него письмо из Чехословакии, в котором он писал, мы с вами говорили о необходимости контактов с нами, теперь вы можете их свободно развивать, так как наша страна вами оккупирована и вы можете свободно приехать. Вот вам лицо Покоры. Товарищи нам сообщили, что он исключен из КПЧ. Ваш ошибка, тов. Вяткин Р.В., заключается в том, что вы не поинтересовались его партийными позициями. Предлагаю объявить тов. Вяткину Р.В. строгий выговор.

Тов. ГИРС Г.Ф.

— Справка, которая дана тов. Жаровым о Покоре, показывает, с кем имел дело тов. Вяткин Р.В. Вы дали правильную оценку случавшемуся. Ностораживают ваши действия. Вы были руководителем отдела Китая, когда проходила встреча о Покорой, есть инструкция о порядке встречи с иностранцами, а вы своими действиями обходите эту инструкцию. Известно вам, что когда наши сотрудники ведут переписку с иностранцами, она должна контролироваться, а вы о своей переписке никого не информировали. Более того, на каком основании вам надо было давать ему обещания, как призыв к приглашению. Настораживает и такая практика. когда ученый, будучи за грани-

цей, встречается с ученым и ЧССР и не интересуется, зачем он в США. Все это говорит о неправильных действиях тов. Вяткина Р.В. Поддерживаю предложение объявить ему строгий выговор.

Тов. АГАНИНА Л.А.

— Теперь нам ясен облик Покоры. Его осторожная манера так себя вести не случайна. Беспринципно хвалебное отношение Покоры к нашим работам должно было насторожить тов. Вяткина, однако этого не произошло. Если бы это случилось с менее опытным членом КПСС оценка могла быть другой. Присоединяюсь к предложению объявить тов. Вяткину Р.В. строгий выговор.

Тов. КОТЛЯРОВ В.С.

— Обсуждаем неприятный вопрос. Тов. Вяткин Р.В. допустил политическую близорукость и потерял партийное чутье. Есть инструкция для тех, кто выезжает за границу, в ней четко сказано, как надо себя вести. Тов. Вяткин Р.В. своими действиями игнорировал указание, как вести связь с иностранцами. После случившегося мы должны освободить его от лекционной работы. Поддерживаю предложение объявить ему строгий выговор.

Тов. САПОЖНИКОВ Б.Г.

— Мы встретились с прискорбным случаем в действиях тов. Вяткина Р.В. Ведь все мы переживали чешские события. В то время среди интеллигенции ЧССР было немало таких, которые выступали за так называемые демократические свободы. Тов. Вяткину нельзя было не интересоваться тем, что происходит в Институте востоковедения ЧССР. Грубая ошибка с его стороны. Видите гостеприимство не позволило поинтересоваться позицией Покоры, а то, что три чеха к нему не подходят, он на это обратил внимание. Допустил благодущие. Он хочет видеть только хорошее в человеке. Что заставило тов. Вяткина смотреть так на происходящее, рецензии возымели свое воздействие. Это неубедительно. Как можно причислить к числу безупречных Покору, в то время когда он со своими позициями известен многим ученым в нашей стране. Поддерживаю предложение объявить строгий выговор.

Тов. ВАРТАНЯН А.А.

— Знаю тов. Вяткина Р.В. давно, знаю его как опытного товарища и никак не могу понять, как все это могло произойти. Ведь мы немало встречаемся с иностранными учеными. Но всегда определяем, как мы должны подходить к ним, с каких позиций. А здесь, не попытаться даже узнать, какого ты взгляда, Покора. Кто ты есть на самом деле и за кого себя выдаешь. Вы, тов. Вяткин Р.В., близоруко подошли к оценке Покоры, его взглядов, действий и т.д. Надо было тщательно разобраться, как у него с партийностью, у Вас даже не возникло мысли поинтересоваться обстановкой в самом Институте востоковедения ЧССР. Не ожидал от Вас, Р.В. Вяткин, такой беспечности. Вообще я несколько раз слушал ваши лекции и они не произвели на меня такого впечатления, чтобы быть во всех отношениях ими довольным. Присоединяюсь к предложению объявить строгий выговор.

Тов. СОЛНЦЕВ В.М.

— Горько и обидно, что так произошло. Оценка в адрес тов. Вяткина Р.В. дана правильная. Он показал притупление политической бдительности. Покора ничем не отличается от тех, кто называл ввод советских войск оккупацией. Из случившегося факта с тов. Вяткиным нам надо сделать вывод. Необходимо усилить контроль за перепиской с иностранцами. Плохо, что сведения приведенные тов. Жаровым В.А. о Покоре, не стали известны широкому кругу наших ученых и в том числе и тов. Вяткину. Согласен с предложением объявить строгий выговор.

Тов. СУХАРЧУК Г.Д.

— Согласен с тем, что ошибкой тов. Вяткина Р.В. является незнание конкретной обстановки в Институте востоковедения АН ЧССР. Покора решил подойти так к Вяткину и расположить себя к нему для того, чтобы выиграть от этого. Покора просился в Советский Союз, рассчитывая этим сохранить свое пребывание в Институте востоковедения АН ЧССР. Решил воспользоваться добротой тов. Вяткина. Как не прискорбно, но после случившегося какой-то период тов. Вяткин работать лектором не может.

Тов. КАЛЮЖНАЯ Н.М.

— На меня произвело благоприятное впечатление обсуждение Р.В. Вяткина. Из этого всего нам надо сделать вывод, что прежде чем устанавливать с кем-либо контакты, их надо хорошо знать. Во всем этом нашим сотрудникам нужен контроль и помощь со стороны партийной организации.

Тов. ЗАХАРЧЕНКО Н.В.

— Дисциплина в нашей партии всегда отличалась сознательным характером, каждого члена КПСС. Случившееся с тов. Вяткиным наглядный пример нарушения партийной дисциплины. Говорить, что он не знал, не предполагал, это звучит неправдиво. Как можно быть пропагандистом внешней и внутренней политики КПСС, разоблачать при этом правооппортунистические силы, их борьбу против социализма, их нападки на партийную дисциплину, на руководящую роль партии и так подойти к оценке политических взглядов Покоры как это сделал тов. Вяткин. Не поинтересоваться его партийностью и не знать, что он является антисоциалистическим элементом, это убедительно свидетельствует о неправильной позиции, которую занял коммунист тов. Вяткин. Тем более, что и в своем объяснении характеризует он Покору не с партийных позиций. Из случившегося надо сделать серьезные выводы как тов. Вяткину, так и партийной организации отдела.

Тов. КАЗАКЕВИЧ И.С.

— Надо подвести итоги обсуждению. Говорить, зачем Покора стремился в Советский Союз, предполагать, что, может быть, для того, чтобы отсидеться, делать такие предположения не следует. Надо обратить особое внимание на недостатки, которые допускаем. Существует переписка с иностранцами двух видов. Личная и служебная. По линии личной переписки должна быть строгая

дисциплина самих ученых. Нарушил эту дисциплину тов. Вяткин Р.В. Это видно из того, что писал тов. Вяткин Р.В. в письмах Покоре «Что касается Вашей идеи приехать поработать к нам на какое-то время, то мы были бы рады приветствовать Вас в нашем отделе». Или в другом письме, «Мы были бы очень рады видеть Вас в Москве. Вы знаете, что у нас в отделе Китая длительное время работали над своими темами Р. Славинский из Польши и Роланд Фелбер из ГДР. Если бы Вы смогли приехать в СССР поработать в течение года над своими темами и проблемами, я думаю, Вы бы нашли много материалов в наших библиотеках, а главное приняли бы участие в нашей творческой деятельности и общественной жизни». Эти письма Покора передал в ЦК КПЧ, и это вызвало тревогу в ЦК КПЧ и в нашем ЦК. Тов. Вяткин позволил использовать Покоре свои письма в его интересах и этим он подвел вас довольно сильно. О личности Покоры говорилось не много. Для такого типа людей как Покора свойственны всякие антисоциалистические действия, а вы говорите способный китаевед, с марксистских позиций подходит к важнейшим проблемам истории Китая, хорошо отзывается о Советском Союзе и т.д. Говорилось о доброте тов. Вяткина, но эта доброта для руководителя выглядит как либерализм, что приводит к плохим результатам в работе с кадрами. Вообще руководству отдела надо обратить внимание на работу с кадрами. Неправильную линию занимают товарищи в расчете на самостоятельные силы.

Следует отметить, что обсуждение тов. Вяткина прошло по-деловому. Он сделал для себя выводы правильно. Надо, чтобы ошибки больше не повторялись. Допущенная ошибка поправимая. Но надо учесть все замечания. От лекторской работы надо освободить, ошибка совершена и быть лектором после этого нельзя.

Все товарищи поддерживали предложение объявить строгий выговор.

Тов. ВЯТКИН Р.В.

— Выражаю признательность членам парткома. За те замечания и советы, которые были высказаны в мой адрес. Но я не могу принять упрека тов. Вартаняна А.А. в отношении моих лекций. Никакого влияния Покора на них не имел. Признаю допущенные ошибки и обязуюсь их впредь не допускать.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. За политическую ошибку, выразившуюся в переписке с антисоциалистическим элементом бывшим членом КПЧ Покорой объявить тов. ВЯТКИНУ Рудольфу Всеволодовичу строгий выговор.

2. Предложить лекторскому бюро общества «Знание» Института освободить тов. ВЯТКИНА Р.В. от лекторской работы.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА
И.С. КАЗАКЕВИЧ

М. Н. КЛИМАНОВ

Воспоминания по-пекински (1978 г.)

Вместо пролога

Еще были свежи в памяти кровавая смута последних лет «великой культурной революции», всплески вандализма и экстремизма, последовавшие сразу после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году, еще витал в воздухе привкус ярой антисоветчины, с новой силой разгоревшейся на фоне беспрецедентного всенародного избиения так называемой «банды четырех», во главе с вдовой великого кормчего — Цзян Цин, когда летом 1978 года в посольство СССР в Пекине прибыли на ознакомительную стажировку два аспиранта-лингвиста из Казахского государственного университета.

Поэтому неудивительно, что их и всех новеньких, прибывших из Советского Союза в КНР, первым делом направили на вводный инструктаж к офицеру безопасности посольства. Это был сухопарый мужчина лет пятидесяти пяти с седой шевелюрой и малоподвижным лицом аскета. Бесцветным голосом офицер безопасности (имевший, между прочим, достаточно высокий дипломатический ранг и странное прозвище среди местных обитателей — «Ромашка») монотонно разъяснил собравшимся сложность политического момента и правила поведения, которые необходимо соблюдать в стране пребывания советским гражданам. Наблюдая через тяжелые очки за лицами инструктируемых, он не замедлил продемонстрировать фотографии одного из последних инцидентов. Кто-то из наиболее оголтелых хунвэйбинов неожиданно подорвался тогда прямо у ворот советского посольства, и его голова, перелетев далеко за ограду, оказалась на асфальте у живописной цветочной клумбы. Мертвая голова жутко смотрелась на фоне могучего и помпезного здания советской дипломатической миссии.

Дух враждебности ощущался в те годы повсюду. Обе стороны, советская и китайская, на официальном уровне, разумеется, сдерживались и соблюдали приличия. Времена «культурной революции» в худшем ее проявлении миновали, но китайское руководство еще держалось за маоизм. К тому же официальные власти не могли ручаться «за весь народ» и запретить «справедливые проявления народных чувств». Поэтому персоналу посольства и других советских представительств в КНР следовало быть постоянно бдительным и готовым к самым неожиданным провокациям.

Инструктаж этот, в особенности фотографии, произвели на присутствовавших должное впечатление. Женщины негромко ойкали на вдохе, мужчины посувели лицами.

Стажеры-китаеведы, прибывшие в Поднебесную, еще в самолете познакомились с некоторыми обитателями посольства, из тех, кто держался попроще. Это оказались самые обычные сантехники, электрики и прочий мастеровой люд, без которого ни одна дипломатическая миссия не проживет и дня. Люди эти оказались простыми, добрыми и порядочными. Стажеры с ними быстро сдружились и были даже довольны, что поселили их всех рядом друг с другом в общежитие обслуживающего персонала. Да и куда бы еще могли расселить столь незначительную братию? Чай, не дипломаты!

А между тем обитатели общежития подготовились к прибытию гостей и накрыли шикарную «полян»». Недавние пассажиры «Аэрофлота» ответили старожилам привезенными лакомствами. Так уж повелось, что самым лучшим подарком за границей во все времена считались селедка, обыкновенный черный хлеб и русская водка. Кто побогаче, мог порадовать друзей красной или даже черной икрой. Остальных деликатесов для шикарного застолья хватало и в самом Китае. К тому же на территории посольства имелся небольшой продовольственный магазин, где приобрести марочную водку типа «Посольской» или «Лимонной» в экспортном исполнении (с завинчивающейся пробкой) не составляло труда. Но весь шик как раз и состоял в том, чтобы привезти с родины самой заурядной водки, которую в то время употребляли во всех городах и селах Советского Союза.

После бурного банкета начались жаркие и незабываемые дни.

Срок командировки стажеров составлял три месяца. Им предстояло за это время по возможности лучше ознакомиться с городом, традициями и поведением его жителей, попрактиковаться в китайской разговорной речи — словом, попытаться за короткий срок добрать тех знаний, которые не могли быть им преподнесены в стенах даже лучших высших учебных заведений страны.

1

Меня зовут Михаил, я напарник Олега. На самом деле мы никакие не лингвисты-аспиранты из КазГУ, а сотрудники так называемой территориальной разведки. Олег из управления КГБ по Амурской области, только-только майора получил, а я — из Хабаровского УКГБ — пока еще старший лейтенант.

С другой стороны, мы все-таки стажеры, а прибыли в Пекин для прохождения не столько языковой, сколько оперативной стажировки при резидентуре внешнеполитической разведки СССР в Китае. Помимо базового контрразведывательного образования (Высшая школа КГБ), мы оба имели дипломы Краснознаменного института КГБ, которых, правда, никогда не видели потому, что они сразу же навечно перекочевали в наши личные дела. В то время это неизвестное широкой общественности учебное заведение было чем-то вроде академии для чекистов, там приобщали к тайнам разведывательной работы. Почти каждый сотрудник, пусть даже и в глубине души, но мечтал туда попасть, потому что это не только романтично и крайне интересно, но и открывало совершенно неведомые для многих рядовых оперов — «рабочих лошадок» — возможности карьерного роста и, по большому счету, горизонты совершенно иного уровня жизни. Сейчас это назвали бы просто престижной работой. А в те далекие годы об этом думалось несколько иначе. Мы старались оправдать высокое доверие своего руководства. Ведь далеко не многие из выпускников КИ удостоивались такой чести — приобщиться к внешнеполитической разведке в стране пребывания. Одно лишь слово «резидентура» вызывало почтительный трепет. А вообще-то она (пекинская резидентура) каждый год принимала по несколько таких же стажеров со всех территориальных органов, работавших по китайской линии.

О том, кто мы такие с Олегом в действительности, знали лишь те несколько сотрудников резидентуры, которые были определены нам в наставники. Руководителем нашей стажировки, нашим «дядькой», был невысокий и остроумный заместитель резидента по контрразведке, внешне очень похожий на актера Леонида Броневского в роли группенфюрера СС Мюллера и даже слегка подражавший ему. В свободное от своих непосредственных обязанностей время наставники вводили нас в курс политической и оперативной обстановки в стране, в городе и в окружении советских представительств в Пекине, делились своим опытом работы по китайцам (в рамках дозволенного, конечно), давали какие-нибудь незначительные поручения, уберегали от возможных неосторожных шагов, подсказывали, как себя вести в той или иной ситуации, и, в широком смысле слова, приобщали к своеобразной жизни советских людей в Китае.

Наставники посматривали на нас свысока. Они же асы. А мы? Вроде как дополнительная обуза, что не была особенно в радость нашим пекинским шефам. Однако постепенно их отношение к нам менялось. Со своей стороны, мы ведь тоже были для них источником информации, о которой они никогда не слышали, сидя в Первом главном управлении КГБ в Москве или находясь в длительных заграничных командировках. Например, с неподдельным интересом воспринимали они картинки из провинциальной жизни или из работы разведывательных органов краевых и областных Управлений КГБ. Даже если они и сами «выросли с низов» и, уж тем более, если попали во внешнеполитическую разведку из, к примеру, внешнеполитического ведомства. Поэтому многое для сотрудников резидентуры было в диковинку.

Разница в весовых категориях между Первым главным управлением КГБ и каким-нибудь обычным первым отделом областного управления КГБ была, разумеется, очевидной. Но это отнюдь не означало, что страна не нуждалась в деятельности территориальной разведки. Работа по Китаю с территории Советского Союза существенно отличалась от классической разведки, но это своеобразие вовсе не умаляло ее значения. И Олег, и я стремились это доказать.

Как бы то ни было, хотелось надеяться, что общение между нами и нашими наставниками из резидентуры было интересным и познавательным для обеих сторон. Наше взаимное расположение еще более укрепилось после того, как мне поручили переводить с немецкого языка переписку посольства ФРГ в Пекине со своим министерством иностранных дел, которую удавалось перехватывать специальными техническими средствами.

Тут невольно вспоминались годы учебы в Высшей школе КГБ, когда начальник нашего курса увещевал меня: «Слушатель К.! Не занимайтесь ерундой (это он о моих факультативных занятиях по немецкому языку). Зачем вы тратите время на немецкий? Китайский язык сочетается только с английским, в крайнем случае, с французским. Пока не поздно, учите английский!»

И вот в 1978 году в пекинской резидентуре, среди китаистов не нашлось ни одного сотрудника со знанием немецкого языка. Дожили! Пришлось стажеру помогать старшим товарищам. Правда, на мой взгляд, ничего особо ценного в регулярно добываемой переписке не содержалось. Но данная информация могла лечь в подтверждение или опровержение данных, добытых оперативным путем, полученных от личных контактов или из открытых источников — прессы, радио и телевидения. Да мало ли возможностей для применения такой информации? Ее истинная ценность могла быть определена лишь на том уровне, с которого видна полная картина, а именно той инстанцией, которая владела всем объемом сведений по нужной теме. Так что высказывать свое личное мнение на этот счет я не торопился.

Предположить, что немцы умышленно запускали в эфир дезинформацию, разумеется, не возбранялось. Но все же это было маловероятно. Наставник «Мюллер», по крайней мере, остался очень доволен моим скромным вкладом в общее дело.

2

Для большинства обитателей посольства — дипломатов, технического и обслуживающего персонала мы четко выдерживали отработанную в Москве легенду. Первую половину дня мы проводили на улицах и площадях Пекина (знакомство с городом) или по поручению «чистых» дипломатов участвовали в обработке китайской прессы и подготовке информационных бюллетеней. В свободное время, официально наступавшее в жаркую летнюю пору после обеда, мы проводили досуг так же, как и все остальные жители советской колонии. Играли в спортивные игры, занимались постирушками, смотрели ки-

нофильмы в своем летнем кинотеатре, гуляли по посольскому парку, читали. А порой устраивали с соседями легкие застолья, что называется, без особого фанатизма. В Китае в те годы, к слову сказать, не было запрета даже на употребление алкоголя за рулем, чем наши дипломаты и штатные водители активно пользовались. На них глядя, и все остальные не отставали.

Как-то раз, правда, привязался ко мне «Ромашка», мол, выпивши я на велосипеде по парку катаюсь, дескать, видно, как руль у меня в руках «гуляет». Это у меня-то! Да я на своем спортивном велосипеде не одну тысячу километров намотал!

Дело было не в том, что я выпил, а в том, что велосипед этот, взятый у знакомых посольских ребят на время, оказался для меня очень необычным — слишком низко центр тяжести расположен, а руль, наоборот, чуть ли не на уровне лица. Страшно неудобная машина! На спортивном велосипеде усилие ног направлено вниз, перпендикулярно земле. А тут нажимаешь на педаль куда-то вперед по ходу движения. Надавишь правой ногой, велосипед уходит влево, надавишь левой — повело вправо. Многими годами позже такие велосипеды появились и в Союзе, и к ним все быстро привыкли. А тогда я воспринимал такое техническое новшество как уродство и не смог к нему сразу приспособиться.

«Ромашка» слушал меня (я как раз обстоятельно вещал про смещенный ниже обычного центр тяжести на данном велосипеде) и недоверчиво покачивал головой: типа, и чему вас только в вашем Казахском государственном университете учили? Такой зануда, этот «Ромашка»!

Легенда легендой, а все же играть роль другого человека, это не всегда легко. Мало того, что мы не владели некоторыми деталями и нюансами, относящимися к КазГУ и Казахстану в целом. Хорошо еще, я на месячных курсах в Алма-Ате успел побывать, хоть мало-мало с городом был знаком! Но на более подробное изучение тамошней обстановки у Центра элементарно не хватало ни времени, ни средств. Ну, не посылать же всех стажеров по линии разведки еще и в дополнительные командировки! Не маленькие, чай, пусть действуют по обстоятельствам! Вот и приходилось иной раз неуклюже выкручиваться или тупо переводить разговор на другие темы.

Помимо этого, приходилось еще терпеть подколы и пренебрежительные шутки со стороны неотягощенных дипломатическим этикетом сотоварищей: вроде того, что мы де с Олегом дармоеды и за государственный счет экскурсионный отдых в Пекине проводим!

А может быть, они и догадывались о чем-то и специально провоцировали нас в надежде услышать:

— Да ты знаешь, с кем разговариваешь? Да я на самом деле...

Вообще-то мы с нашими соседями по квартире, с обоими Володьками-сантехниками жили неплохо, можно сказать, дружно. Один из них, полноватый и добрый парень, смахивал на молодого Евгения Леонова. Такой же пухлый увалень, медлительный в движениях и разговоре. Зато он сам весьма миролюбиво отзывался на шутки. Второй был из категории ловкачей, которым многое удается без особого напряжения. Этаким шустрый малый, любитель подурачиться и острый на язык. Ему невероятно везло в карты, он был спортивен, обаятелен и, конечно, пользовался успехом у женского пола. Лицом же

он сильно смахивал на Леонида Филатова, но нашему Вовке явно не доставало интеллигентности и эрудиции, присущей известному актеру и поэту.

Однажды этот Вовка-Филатов и попытался «проверить» меня не самым приятным образом. Я спешил по узкой дорожке посольского парка в сторону летнего кинотеатра, где, как предполагалось, меня поджидал Олег, а Вовка шел мне навстречу с дочкой «Ромашки», симпатичной девицей лет семнадцати. Когда мы поравнялись, Вова легко толкнул меня бедром и я улетел в кусты. В хоккее этот прием называется «принять на борт». Тут сила не нужна, важно правильно выбрать момент и угол атаки, и соперника (за счет им же накопленной инерции) отбрасывает в сторону. Дочка «Ромашки» прыснула звонким смехом в восторге от выходки Вовки, который тут же закатил к небу плутоватые глаза, изображая святую невинность:

— Ой, штой-то вы так неловко, Мишель! Не ушиблись?

Меня этот пассаж настолько взбесил, что я едва сдержался, чтобы не кинуться в драку с обидчиком. Однако это могло иметь далеко идущие последствия для моей стажировки и пришлось ограничиться относительно приличными (в присутствии девушки) эпитетами в его адрес. А ведь действительно в тот раз невыносимо захотелось как следует «профилактировать» наглеца. После я с Вовкой-Филатовым неделю не разговаривал, пока тот не извинился.

Было бы наивно считать, что наш непосредственный «дядька» в резидентуре или тот же «Ромашка» не имели своих источников информации среди персонала посольства. Это нормальная практика в загранпредставительствах. А как еще можно «держать руку на пульсе» такого большого разномастного коллектива и знать, кто чем «дышит»? Информаторы априори должны были быть и среди obsługi в общежитии, где мы проживали, и с кем постоянно общались. Это само собой разумеется. Ведь по окончании оперативной стажировки на нас должны были быть написаны персональные отзывы с выводами и рекомендациями. Сотрудник системы КГБ, где бы он ни находился, изучался и проверялся системой постоянно, вплоть до самой своей отставки.

С другой стороны, вполне очевидно, что наши визави по шахматным и карточным играм держали что-то там себе на уме, хотя мы ни разу не «раскрылись» и даже после определенных возлияний крепко держались за свою легенду.

А при желании догадаться «ху из ху» было не так уж трудно. Мы нередко были вынуждены посещать специально оборудованное помещение в посольстве, где работали сотрудники резидентуры КГБ. Правда, это сугубо секретное место в дальних закоулках здания со временем стало, по убеждению многих, секретом Полишинеля. Так же как и истинное положение тех, кто туда периодически заходил. Если не по пути в эти засекреченные комнаты, то уж по выходе оттуда тебя могли запросто «застукать» посторонние лица, уборщицы например, да мало ли кто? — бродить по этажам основного здания посольства никому не возбранялось. Одно-другое такое наблюдение могло навести на мысль, что ребята стажеры не так просты, как себя изображают. И сами собой возникали потом среди обслуживающего персонала пересуды о том, кто в посольстве «гэбист», а кто настоящий («чистый») дипломат или стажер-лингвист!

Такое уж, извините, никакой легендой не прикроешь. Так и жили: мы изображали стажеров-китаеведов из КазГУ, остальные, если и догадывались о правде, то делали вид, что этому верят.

Персонал посольства, пожалуй, только за исключением самого посла, проживал в гуще посольского парка в нескольких четырехэтажных домах вполне современной (на тот период) архитектуры, с комфортабельными квартирами. Мы, правда, в них ни разу не были — никто не приглашал, но по рассказам тех же сантехников знали, что там да как.

Общежитие, в котором проживали мы, располагалось в стороне от основной жилой зоны. Тыльной стороной это незатейливое здание граничило с общей стеной всей территории посольства. Стена была кирпичная и высокая, метра три-четыре, но из-за нее все равно беспрепятственно проникали до нас звуки китайской жизни. Особенно «радовала» национальная музыка, пекинская опера и тому подобное. У них, как и у нас в давние годы, были приняты громкоговорители на всех углах, вот китайцы и старались, чтобы «всем» было хорошо слышно. Доносились и обрывки разговоров на китайском, оставшиеся непостижимыми для понимания даже лингвистов из КазГУ, крики детворы и прочие свидетельства обычной городской жизни.

По сути, мы существовали вроде как на отшибе, а вернее сказать, на границе с другим миром. Что оказалось, впрочем, весьма благоприятным фактором для всех нас. «Мюллер» так и высказался, когда речь зашла о нашем расселении:

— Ребятки, а оно вам надо — у всех на глазах-то маячить?

Действительно, лучше и не придумаешь: мало кто ходит мимо, соседей снизу и сверху нет, потому что здание это было одноэтажное, разделенное на четыре бокса. В каждом квартира со всеми удобствами и отдельным входом с небольшим крылечком, на котором душными вечерами можно было полюбоваться раскинувшимся впереди парком, покурить в свое удовольствие и послушать интересный перезвон сотен цикад.

Наша квартира состояла из двух спальных комнат, одной общей комнаты отдыха, где мы проводили совместный досуг, совмещенного с кухней просторного холла и санузла с душем. В одной комнате спали мы с Олегом, в другой — два Вовки. В других квартирах ситуация, примерно, аналогичная. Разве что кто-нибудь из старожилов мог отвоевать себе отдельную комнату, чтобы спать без помех. Но мы не роптали, а были вполне довольны.

Неподалеку от нашего общежития еще располагались солдатики-пограничники, которых в посольстве насчитывалось, наверное, человек пятнадцать. Жили они вольготно, а ходили так и вовсе в гражданке. Это было нечто вроде резерва охраны, на всякий чрезвычайный случай. По несколько человек пограничников несли такую же службу в советском торгпредстве и в представительстве «Аэрофлота», находившихся в других районах Пекина. Всего, пожалуй, было их до взвода. Парни отслужили по году в Союзе, и особо отличившихся, или по каким-то другим соображениям, направляли доживать в заграничные миссии. Со стороны они и не выглядели как солда-

ты, вели себя довольно непринужденно. Да и служба у многих была не обременительной: кто шоферил на служебным автомашинах, кто-то помогал садовникам и дворникам поддерживать в порядке всю огромную территорию посольства. Короче говоря — тоже обслуга. Платили им в местной валюте, юанями. Многие уже прибрахлились, обзавелись подарками для родных. В общем замечательная была у ребят служба! Да и парни от этого выглядели цивилизованными, ухоженными и жизнерадостными. Но на случай ЧП имелся у солдатиков свой арсенал вооружения, а также необходимое военное обмундирование, включая каски и бронежилеты.

В соответствии с международным правом непосредственную физическую охрану посольства осуществляла китайская сторона. У центрального входа в посольство под широким зонтом дежурили рослые китайцы в военной форме. Такие же «гвардейцы-гренадеры» охраняли нашу миссию и по внешнему периметру ограждения.

3

Для непосвященного окружения мы с Олегом действительно выглядели беззаботными туристами. Вооружившись фотоаппаратами и картами-схемами Пекина, мы отправлялись в город почти сразу после завтрака и возвращались к обеду. Если по ходу дела мы посещали недорогие ресторанчики, которых было в городе в изобилии, то могли вернуться «домой» и позже. Но в любом случае с наступлением темноты следовало быть «дома».

На профессиональном сленге мы занимались тем, что «утюжили» Пекин. Делалось это не только с познавательной целью. И Олег в Благовещенске, и я в Хабаровске получили от руководства задания по подбору мест, удобных для проведения операций по безличной связи, в том числе тайниковых операций, для постановки разного рода сигналов и прочее. Присматривались мы и к местам, удобным для ведения контрнаблюдения и выявления слежки. Все это делалось на перспективу под будущих участников разведывательных мероприятий, все шло в общую копилку. Разумеется, подобранные места нужно было по науке грамотно привязать к местности и скрупулезно описать. А предварительно изучить прилегающую местность на предмет наличия полицейских участков, постов регулировщиков уличного движения и других нежелательных обстоятельств, ограничивающих использование подходящих по всем другим параметрам мест, исходя из соображений безопасности проведения самих мероприятий.

Кроме того, нам поручалось проверить надежность и соответствие описанию нескольких аналогичных мест, уже подобранных в разное время нашей закордонной агентурой и другими источниками. Оправданно было допустить, что кто-то из них мог смалодушничать и схалтурить, в надежде, что никто не будет проверять их сведения. Кроме того, могли также иметь место неумышленные ошибки. А могло быть и элементарное предательство, направленное на то, чтобы наша потенциальная агентура поскорее «спалилась» и попала

в сети китайских спецслужб. В любом случае требовалось доизучить такого рода сведения на месте.

И, наконец, в Пекине, хотя, на первый взгляд, и не слишком заметно, но происходили кое-какие изменения. Некоторые здания сносились за ветхостью или потому, что мешали новостройкам. По мере строительства менялась планировка города, появлялись новые улицы и площади со своими названиями. И даже такая мелочь, как перенос остановки общественного транспорта в другое место, не говоря уж о введении новых или изменении прежних маршрутов, имели значение. Случалось, что наименование остановки какого-нибудь автобуса не соответствовало транспортной схеме города, с которой мы постоянно сверялись. Все это требовалось подмечать и фиксировать, поскольку в разведке мелочей не бывает. Больше сказать: на мелочах обычно и засыпаются.

Работа, казалось бы, не пыльная и не сложная, если исполнитель понимает, о чем идет речь и что от него требуется. Ходи себе да мотай на ус, тем более что и фотоаппараты под рукой. Так оно и было бы в Москве или в Хабаровске.

Здесь же в Пекине приходилось для начала тщательно прорабатывать маршрут передвижения по городу, достаточно внятно подкрепляя его посещением архитектурных памятников и прочих достопримечательностей — зоопарка и парковых ансамблей, где горожане традиционно укрываются от нещадно палящего солнца, любят цветы и причудливыми ландшафтами. Можно посещать специализированные магазины для приобретения какой-то одежды, лекарственного снадобья, книги, экзотического сувенира и т.д. Одним словом, всякое пребывание близ интересовавших нас мест в городе должно было быть убедительно легендировано. Бесцельное шатание, повторное возвращение к непримечательному на общий взгляд объекту могло выглядеть подозрительно и привлечь внимание контрразведки.

Возникает естественный вопрос: кого же это борожирование двух молодых иностранцев по городу могло бы насторожить? Да тех самых филеров, которые неотступно следовали за нами по пятам ежедневно на всех «прогулках», стоило лишь выйти за ворота посольства. Слежка за всеми советскими гражданами велась постоянная. С той лишь разницей, что, пожалуй, никто кроме нас двоих, не передвигался по Пекину пешком или с использованием общественного наземного транспорта (пекинское метро в ту пору еще оставалось стратегическим объектом и было закрыто для иностранцев). Оперработники, побывавшие здесь в аналогичных командировках до нас, обычно подсаживались в автомашины знакомых разведчиков или чистых дипломатов, в служебный транспорт работников административно-хозяйственной службы посольства. Двум или трем для разнообразия выделялись велосипеды. Мы же имели в активе только свои ноги и мелкие деньги на проезд в автобусах или троллейбусах. Такси мы нанимали лишь один раз. Во-первых, дорого, а во-вторых, обычный таксист, если он не подстава спецслужб, не рискнет брать «на борт» иностранцев. Слишком долго и много придется потом объяснять — зачем, куда да почему возил этих «янгуйцзы» («заморских дьяволов»). К слову сказать, легковых машин в городе было не так уж и мно-

го. Поймать свободное такси не просто. Оставались еще велорикши и просто рикши. Этим было все равно, куда и кого везти, лишь бы деньги платили. Но мы, не сговариваясь, почему-то избегали такого варианта. Очевидно, по идейно-моральным соображениям. Олег был член КПСС, я — комсомолец. Не пристало нам на людях кататься.

А если уж без идеологии — то, передвигаясь на автомашинах или даже рикшах, нам было не очень удобно выполнять те задания, о которых говорилось выше. Куда удобнее именно пешком передвигаться, когда можно не торопясь приглядеться, свериться, проанализировать обстановку, образно говоря, пощупать все своими руками, промерить шагами.

Кроме того, выявлять наружное наблюдение, если этим заниматься не в интересах обеспечения безопасности конкретного запланированного мероприятия, а с точки зрения изучения способов и методов работы китайских спецслужб, при пешем передвижении тоже сподручнее, вернее, «сподожнее».

При «утюжке» Пекина наши с Олегом функции почти сразу же разделились. Он занимался сверкой названий остановок общественного транспорта, фиксацией ориентиров для описания подходящих в оперативном плане мест и всем, что было связано с иероглификой. Результатом его трудов явилась обновленная карта-схема города и отдельных его фрагментов, которая, как мы надеялись, помогла бы не ошибиться при планировании разведывательных мероприятий. Олег лучше меня владел китайским, и письменным и разговорным, и это было определяющим в нашем разделении труда.

Зато я давал ему фору в плане навыков распознавания сотрудников наружного наблюдения. Справедливости ради следует отметить, что и мне в первые наши выходы в город все кругом казались на одно лицо, и я был обескуражен своим бессилием в этом вопросе. Но мудрый дядька «Мюллер» с саркастической улыбкой на лице успокоил нас и сказал, что это с непривычки, а потом все нормализуется. Действительно, я научился не только безошибочно выявлять слежку, но на основе ежедневных отчетов (то есть, строго по науке, как тому нас учили) вывел некоторые особенности ведения китайцами слежки именно за пешими объектами наблюдения. Накопленный материал по окончании командировки я изложил в солидной справке. Забегая вперед, скажу, что эта моя справка о методике работы наружного наблюдения китайцев оказалась весьма востребованной в соответствующем подразделении Центра, поскольку до нас в Пекине этого еще никто не делал. В той же обзорной справке мне удалось показать нюансы работы наружки при посещении нами так называемых стационарных объектов. Дело в том, что, например, в пекинском зоопарке, в крупных парковых или архитектурных ансамблях типа Бэйхая и Гугуна, крупных многоэтажных универсальных магазинах, железнодорожных вокзалах и т.п. действовали свои собственные бригады наружного наблюдения (условно называемые «объектовыми» бригадами), которые принимали объекта наблюдения у своих «пеших» коллег, а затем, по окончании посещения того же зоопарка, возвращали им «подопечных». Это было оправдано с точки зрения конспирации и возможности дать отдых для уставшей «городской» бригады филеров.

А сотрудникам наружного наблюдения действительно приходилось очень тяжело. И дело не в том, что мы периодически садились в автобусы или троллейбусы. В обычной городской сутолоке их скорость была невелика, и следовавшие за нами на велосипедах сотрудники наружного наблюдения работали в щадящем режиме. Но стоило выехать за пределы центра города, куда-нибудь, например, в сторону пекинского зоопарка, ситуация резко менялась. Городской транспорт увеличивал скорость, да и длина перегонов между остановками тоже возрастала. Если не стараться изо всех сил, можно попросту отстать и потерять объект наблюдения, когда тому вздумается сойти на очередной остановке и затеряться в толпе. Его, конечно, довольно быстро найдут и возобновят наблюдение — европейцы вне традиционных экскурсионных маршрутов совсем не частое явление. Но хоть малая пауза в наблюдении, да образуется. А что объект успеет за это время совершить? Останется только гадать. За такие проколы по голове не погладят.

А прибавьте к этим велосипедным гонкам палящее солнце и температуру в районе тридцати пяти градусов! Впрочем, во время проливного дождя быстро ехать на велосипеде было едва ли легче.

Итак, велосипедист позади набравшего скорость троллейбуса отчаянно работает педалями, и с него, как с загнанной лошади, того и гляди, начнут падать хлопья белой пены. Через заднее стекло троллейбуса я вижу скованное напряжением лицо и полные ненависти глаза ближайшего велосипедиста, и мне становится не по себе. В таких случаях мы обычно выходим из транспорта и направляемся к ближайшей кафешке, хотя ни есть очередную порцию пельмешек, ни пить теплое безвкусное пиво нам совершенно не хочется. Хотя вру, пить хотелось всегда, но только не это ужасное разливное пиво, тщетно остужаемое в воде из-под крана в непрезентабельных пластиковых кувшинах, стойко воняющих химией (из таких кувшинчиков у нас в Союзе обычно комнатные цветы поливают).

Но зато мы даем мужикам отдых. Так заведено во всех странах мира, за исключением диких, где и наружного наблюдения никакого нет. Разведчикам желательно следовать неписанному правилу: сотрудников наружного наблюдения нельзя раздражать, тем более злить, это может кончиться самым неожиданным образом. Едва ли нам угрожала реальная опасность, но на какую-нибудь пакость, типа мелкой провокации со стороны местных властей нарваться можно было вполне. Опять же лишние хлопоты для наших наставников и лишние нотации: почему мы довели дело до неприятностей да зачем это было надо и т.п.?...

Через минут двадцать, убедившись, что наши «опекуны» восстановили силы, мы продолжаем поездку.

Если уж речь зашла о пиве, то единственное место в Пекине, где в то время можно было насладиться настоящим пивом (не считая международного клуба, который нам, к сожалению, посещать не рекомендовали), — это была недавно отстроенная многоэтажная гостиница «Бэйцзин» («Пекин»). Своей сверкающей прямоугольной коробкой она напоминала наш бывший «Интурист» на улице Горького, но по внутреннему интерьеру его, пожалуй, превос-

ходила. В огромном холле первого этажа в буфете продавали настоящее «циндавское» пиво да еще в экспортном исполнении. Тут же в удобных креслах под холодными струями кондиционера можно было его и выпить. Китаистам известно, что сам Мао Цзэдун жаловал это пиво, как и все остальное, сделанное с использованием замечательной воды из Циндао. «Циндавское» пиво было мало того, что удивительно вкусным, но еще и прекрасно охлажденным, что в жару было немаловажно. После пары бутылочек этого чудесного напитка мы с Олегом временно теряли голос, словно дети объевшиеся мороженым. К слову сказать, мы не злоупотребляли этим полюбившимся нам местом отдыха. И не потому, что не хотелось хорошего пива, а потому что гостиница «Бэйцзин» находилась в центре города, где мы уже достаточно ползали в первые же дни и где лазить было, в общем-то, бесполезно: слишком много вокруг правительственных учреждений, исторических памятников и известных достопримечательностей, а соответственно и блюстителей порядка как в форме, так и в штатском. Это все равно, что пытаться оборудовать тайник на Красной площади — советами замучают.

А еще бывало очень трудно заставить себя выйти из прохладной гостиницы наружу и продолжить «утюжить» город. Сразу же на выходе раскаленный воздух бьет по голове, словно бейсбольной битой, и все недавно испытанное удовольствие молниеносно улетучивается.

За нами, сменяя друг друга, работали несколько бригад наружного наблюдения, обычно от трех до пяти человек. Поэтому через какое-то время я с удовлетворением примечал знакомые уже лица. Случалось, что одна и та же бригада работала по два дня подряд. Но это были исключения из общего правила. Бригадам я присваивал порядковые номера (всего их было, кажется, пять), а сотрудников наружного наблюдения нарекал разными прозвищами, подходящими под описание их внешности. Были среди них, например, «Африканец», «Спортсмен», «Суровый», «Тетушка», «Студент». Главное было выделить бригадира, остальные сотрудники так или иначе крутились в его окружении.

Снаряжение филеров состояло из упомянутых уже велосипедов и сумок из плотной материи на лямках через плечо для радиостанций и сменных предметов экипировки. Мужчины в жаркое время раздевались до маек-безрукавок и трусов с сандалиями, женщины могли сбросить курточки и остаться в белых рубашках. Впрочем, наши «опекуны» не очень заботились о конспирации, в том смысле, что переодеваниями, париками и прочим камуфляжем не злоупотребляли. Из этого следовали выводы, что либо таково было указание контрразведки: вести демонстративную слежку (своеобразный способ оказания психологического давления на объект наблюдения), либо это свидетельство халтурного отношения сотрудников наблюдения к своим обязанностям. Допустимо, что это мог быть вводный в заблуждение маневр: наружка хорошо видна объекту наблюдения, кроме тех сотрудников, которые до поры до времени держатся «в тени» и принимают повышенные меры маскировки и конспирации. Тактика, рассчитанная на усыпление бдительности объекта наблюдения. И когда тот, в необходимый момент, решается на отрыв

от наружки, то с облегчением обнаруживает, что ему это с успехом удалось. На самом деле, примелькавшиеся сотрудники просто выходят из поля его контрнаблюдения, а до того не выявленные сотрудники выходят «из тени» и приступают к выполнению основной задачи. Теоретически такой прием в самый решающий для разведчика момент делает его слепым, позволяет наружке спокойно фиксировать противоправные действия разведчика, то есть способствует его полному провалу со всеми вытекающими последствиями.

Специалистам это хорошо известно, поэтому они никогда и не рискуют понапрасну, пока не убедятся, что всё действительно на 100 процентов «чисто». К обеспечению важного разведывательного мероприятия привлекается, как правило, немалое количество личного состава резидентуры, но и все вместе они случается не в силах дать полную гарантию его безопасности. Так что лучше бывает «перебдеть» и не идти на риск.

Мы же и вовсе не замыслили ничего крамольного, вели себя благопристойно. Поэтому в плане разоблачений и провала особого беспокойства не испытывали.

В центре города, по сравнению с окраинами, гораздо больше портретов Мао. Кажется, с его смертью их и не стало меньше.

Во многих местах, которые нам удалось посетить в Пекине, можно было видеть знаменитую картину, где изображен умирающий Мао Цзэдун и Хуа Гофэн — премьер Госсовета КНР, а затем и Председатель коммунистической партии Китая. Лежащий в постели умирающий Мао обращается к своему преемнику со словами: «Ни бань ши, во фан синь» — «Пока дело в твоих руках, я спокоен». Эта историческая сцена, запечатленная многими художниками на многочисленных полотнах, извечно вызывала у нас умиление. Какая идиллия! Мало кто из простых, малообразованных граждан Китая понимал всю суть происходивших после смерти Мао перемен.

Сразу же после его кончины началась борьба между Хуа Гофэном и возродившимся, словно птица Феникс из пепла, старым противником великого кормчего — Дэн Сяопином. Но в 1978 году это было еще не так заметно на фоне бурных страстей, завершавших период «культурной революции». Простые граждане Поднебесной, потерявшие уже, как видно, всякую ориентацию — «кто прав, кто виноват», усердно добивали «банду четырех». В эту «крайне опасную», как ее представляли власти, внутрипартийную группировку входили: Цзян Цин (вдова Мао), Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь.

Всенародная критика «банды четырех» длилась уже два года, и конца этому не было видно. Не так просто было Хуа Гофэну свалить ненавистную четверку. И лишь в 1981 г. четыре бывших лидера страны были подвергнуты показательному судебному процессу и осуждены за антипартийную деятельность. Во время суда Цзян Цин пыталась оказать всяческое сопротивление, громко протестовала, бросалась в слезы. Она пыталась оправдаться тем, что всегда выполняла приказания Мао Цзэдуна. Чжан Чуньцяо вообще отказался признать свою причастность к деятельности группировки. Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь, напротив, признали свою вину и раскаялись. Сторона обвинения

относила к преступлениям группировки неправомерный захват и использование государственной и партийной власти, гонения на 750 000 человек, 34 375 из которых погибли в период 1966–1976 годов. В итоге Цзян Цин и Чжан Чуньцяо были приговорены к смерти, но впоследствии их наказание было смягчено до пожизненного заключения. Ван Хунвэню удалось избежать наказания, а Яо Вэньюань был приговорен к 20 годам лишения свободы. В последующем все члены бывшей антипартийной группировки были освобождены.

Во время нашего пребывания в Пекине, несмотря на абсурдность обвинений Цзян Цин в массовых политических чистках и гонениях на сотни тысяч человек (кто бы позволил себе подобные шаги без одобрения Мао Цзэдуна?!), доставалось бывшей первой леди Китая и ее соратникам по полной программе. И тем очевиднее казалось сторонним наблюдателям то лицемерие, с каким Хуа Гофэн, провозглашенный официальным преемником Мао, расправлялся с кланом своего учителя.

В городе было несколько традиционных мест для вывешивания дацзыбао (в дословном переводе — «газета больших иероглифов») и организации по этому поводу сборищ.

Иной раз мы подбирались поближе к расклеенным на стенах домов или специальных стендах дацзыбао. Это могло быть достаточно длинное полотнище (количество следующих друг за другом листов бумаги доходило до десяти и более). Благодаря размерам иероглифов и хорошей каллиграфии удавалось прочитать несколько громких фамилий и обвинений в их адрес. Но прочитать «газету» полностью едва ли кому удавалось, ибо долго задерживаться у дацзыбао иностранцам, а тем более, советским гражданам, было небезопасно. Наша внешность быстро переключала на себя внимание митингующих, несмотря на то, что все они будто бы находились в наркотическом дурмане или трансе. Агрессивный настрой толпы, заведенной пусть и другой темой, мог легко перекинуться на нежеланных гостей. Их искаженные фанатизмом лица внушали опасения. И если близ места проведения «общественной критики» не было видно кто-нибудь из стражей порядка или представителей СМИ (если предусмотрено официальное освещение события), то лучше было поскорее ретироваться. Вот и в очередной раз, получив свою порцию адреналина и лишь отойдя на приличное расстояние от дацзыбао, мы с облегчением переводим дух и начинаем дышать ровнее.

4

По вечерам после ужина до наступления темноты многие десятки сотрудников самого посольства и других официальных советских представительств, приезжавших сюда, кто парами, кто небольшими компаниями, совершали традиционный моцион по великолепному и огромному посольскому парку. Помимо разнообразной субтропической растительности, парк очаровывал длинными извиляющимися каналами с обитающими в них золотыми, красными или белыми, как снег, прожорливыми экзотическими рыбками причудли-

вых форм и размеров. Некоторых вернее было называть рыбинами, настолько крупные там обитали экземпляры. Они ели все, что им бросали в воду. Через каналы во многих местах перекинуты живописные мостики в традиционном китайском стиле. За исключением «главной улицы», проложенной от площадки у центрального здания по всему большому периметру посольства, было множество дорожек и совсем узких, но мощеных камнем или покрытых утрамбованным красноватым гравием, тропинок. Дорожки и тропинки расходились в разные стороны и давали прогуливающимся людям романтическую возможность на время уединиться, чтобы затем вновь встретиться, когда пути их пересекались. Такие встречи за время моциона происходили неоднократно, и каждый раз по заведенному здесь правилу встречающиеся чинно раскланивались друг с другом и с улыбкой говорили: «Добрый вечер!» Некоторые останавливались, чтобы перекинуться несколькими фразами. Обменивались мнениями о погоде, часто повторяя слово «футянь».

Про футянь мне доводилось слышать еще в Хабаровске от старшего коллеги, который до меня уже побывал в аналогичной командировке. Но, помнится, я не слишком был поражен рассказами о том, что футянь — это жара за тридцать, соединенная с большой влажностью из-за частных сильнейших ливней. В Хабаровске тоже бывала жара и случались мощные ливни, когда потоки воды неслись по покатым улицам, словно бурные горные реки.

Но всамделешний футянь превзошел все наши с Олегом ожидания. Почему-то в китайских источниках футянь ассоциируется в основном с периодом цветения лотоса и лишь немного упоминается о том, что это самая жаркая пора года. Например, в одной из брошюр говорится:

«На календаре 13 июля, лето в самом разгаре! Называют „футянь“. Именно на этот сезон и приходится цветение одного из самых красивых и загадочных в Китае цветков — цветов лотоса. Эти необыкновенные по красоте цветы можно встретить во многих районах Китая. В Поднебесной лотос считается символом лета.

Китай по праву можно назвать страной цветов! Ведь не случайно его садово-парковое искусство считается одним из самых древних и развитых в мире. Китай является родиной множества видов цветов, деревьев, плодов, растущих теперь по всему миру. Апельсин, чайная роза, платан, рододендрон и китайский крыжовник, больше известный как киви, — китайского происхождения. Китай дал миру цветы — гардении, камелии, пионы и хризантемы.

Цветы занимают особое место в китайской культуре. Как в древнем, так и в современном Китае цветы и некоторые виды растений являются символами тех или иных качеств человека. Так, орхидея символизирует изящество и скромность, бамбук — прямоту и стойкость, персик — долголетие, хризантема — символ совершенства, осеннего спокойствия и изобилия. Поэты называли сливу, пион, лотос и хризантему „четырьмя благородными“. Или, например, сочетание сливы и бамбука символизирует прочную дружбу.

В „Книге цветов“ известного китайского литератора XVI-го века Юань Чжунлана есть такие строки: „Любованию цветов более всего благоприят-

ствуется чай, за ним следует тихая беседа. А наихудший тому спутник — вино. Хотя чарка доброго вина приятнее нашим желудкам, чем чашка чаю, душа цветов чурается всего пошлого и грубого. Лучше довольствоваться сушеными фруктами, чем делать что-либо противное цветам“. Поэтому не удивительно, что в современном Китае цветам отводится такое почетное место.

Когда на улице стоит изнуряющая жара, многие жители Китая предпочитают пойти в парк, где в тени деревьев можно предаться любованию лотосов».

То, что китайцы называют традиционными муссонными дождями, на самом деле низвергающиеся на землю струи воды, едва ли делимые между собой. Сила падающей с неба воды настолько велика, что трудно удерживать зонт в руках. Да он и нужен в такой ситуации только для того, чтобы успеть добежать до какого-нибудь укрытия. Но и во время этой короткой пробежки успеваешь так промокнуть, что, кажется, зонт уже и не нужен. Потоки воды, с силой ударяясь об асфальт, отскакивают вверх и образуют над землей хорошо видимый слой влаги, который стелется на уровне колена. Так что вода и сверху и снизу!

Днем дожди бывают раз или два. Они непродолжительны и тут же сменяются удушливым зноем. Мокрая земля начинает высыхать, и испарения, если нет сколько-нибудь значительного ветерка, еще долго напоминают о недавнем потопе. С наступлением темноты дожди возобновляются и могут идти уже по нескольку часов кряду, а то и всю ночь. Поэтому утро, как правило, солнечное, встречало нас не ожидаемой свежестью, а все той же теплой влажностью, как в теплице. И только аромат экзотических цветов разбавлял эти ощущения радостью и придавал бодрости.

О повышенной влажности воздуха можно было судить, проделав несложную манипуляцию. Если сделать несколько резких взмахов рукой, то на коже тут же оседают мелкие капельки воды. Не удивительно, что люди в такой парилке ходят постоянно мокрые — и от пота, и от этой самой сверхвлажности.

Футянь — это еще и плесень в домах. Но если штукатурка на стенах достаточно гигроскопична и еще как-то справляется с этой бедой, то спасти одежду довольно трудно. Постыранное белье не высыхает, а поглаженное тут же становится волглым. Наши классические костюмы, которые мы с Олегом так ни разу и не одели за всю командировку, повисев в платяных шкафах, обрели специфический запах и изрядно подпортились. По краям рукавов, на воротнике, карманах — там где ткань была хоть чуть засалена, с завидным постоянством образовывались сероватые трудно выводимые пятна. С ними могла справиться только фирменная химчистка при хранении в сухом месте. До лучших времен нам пришлось, по примеру соседней по общежитию, обзавестись специальными «футяневскими мешками» — непривычными для жителей умеренных широт приспособлениями из плотной ткани или кожи на «молниях» и с металлическим каркасом внутри для вешалок. Позже в России эти мешки берегли верхнюю одежду уже не от влаги, а от домашней пыли и моли.

Кондиционеры в то время были еще роскошью, доступной не для всех.

Слабым утешением служил единственный на нашу трехкомнатную квартиру большой и допотопный потолочный вентилятор, который со скрежетом крутил свои черные лопасти и вяло перемешивал один теплый слой воздуха с другим. Поэтому по ночам, чтобы хоть как-то выспаться во влажном угаре, приходилось-таки держать открытыми окна. Благо на них предусмотрительно были натянуты тонкие москитные сетки. Но и сетки не спасали от разных непрошенных гостей. Забирались к нам в комнаты огромные цикады, разные жуки и даже ящерицы. Однажды я немало был испуган видом небольшого, но головастого геккона. Лишь только открыв утром глаза, я тут же уперся взглядом в это безобидное существо, которое с помощью своих лапок-присосок вальяжно устроилось на стене в нескольких сантиметрах от моего лица.

Просыпались мы под звуки бравурной музыки, которая ровно в шесть часов утра раздавалась из динамиков. Посольский радиозел начинал свое утреннее вещание с нескольких бодрящих мелодий, сводки погоды на предстоящий день и некоторой другой полезной информации для внутреннего пользования. Например, о предстоящей для персонала посольства экскурсии на Великую китайскую стену, новом кинофильме, который будет демонстрироваться вечером в летнем кинотеатре, или о ходе спортивного турнира по волейболу между командами дипломатических представительств. Отводилось место и для юмора для поднятия настроения: записи из выступлений Райкина, Ильченко и Карцева, Петросяна. Вся эта назойливая утренняя какофония в лучших советских традициях напоминала обстановку в пионерском лагере или санатории, порой раздражала, но в целом воспринималась как неизбежная необходимость. Пока мы занимались утренним туалетом, поглощали завтрак и готовились к предстоящему дню, заботливые руководители посольства не обходили нас своим вниманием. Выключать динамики не рекомендовалось. Можно пропустить важное объявление, к которому, несмотря на внешне мирное житье, персонал посольства должен был быть готов в любое время дня и ночи.

Ранний общий подъем определялся тем, что из-за летней жары рабочий день в посольстве начинался раньше и продолжался только до обеда. Кому была в том нужда, мог поработать еще и вечером, когда зной несколько спадал. Но, за исключением сотрудников резидентуры, этими дополнительными рабочими часами мало кто пользовался. Да и вообще летний период отличался большей свободой и раскрепощенностью. Многие сотрудники посольства уезжали в отпуска, и жизнь в представительстве не то чтобы замирала, а заметно входила в более размеренный ритм.

Возможно, это были лишь мои поверхностные наблюдения. Как я уже упоминал, летние послабления в режиме дня мало касались разведчиков. Они всё так же отписывались в своих секретных комнатах о проделанной работе, корпели над составлением донесений в Центр, попутно остывая под кондиционерами. Руководитель резидентуры, пребывавший здесь дольше других сотрудников, предусмотрительно одевался в пушистый мохеровый джемпер, хотя и это не спасало его от простуды. Я видел его не часто, но создавалось впечатление, что он был постоянно украшен хроническими ячменями. Это не удивительно. Разгоря-

ченный за день человек, попав в такую морозильную камеру, вполне мог и воспаление легких заработать. Впрочем, сотрудники резидентуры противопоставляли простудам горячительные напитки — кто по роду службы (разнообразные приемы, коктейли и прочие мероприятия с употреблением спиртного), кто для профилактики, кто от скуки или многолетней привычки. Не следует забывать, что «добыча» информации от иностранцев, например, в том же международном клубе была просто немыслима «на сухую». Кстати, занимались «добычей» не только офицеры разведки, но и «чистые» дипломаты. Такая у них общая забота. Поэтому сотрудник посольства, консульства или торгпредства со свежим запахом спиртного в рабочее время — это скорее правило, чем исключение.

Прочий персонал также активно пользовался предоставляемой в этом плане свободой, и, глядя на это дело со стороны, невольно представляешь, что находишься не на работе, а где-то на курорте, у синего моря.

Мысли о море вообще возникали постоянно, и воды, вернее бассейна в посольстве, крайне не хватало. В свободное время многие посольские целыми семьями уезжали купаться к восточным немцам, кубинцам или чехам, туда, где бассейны имелись.

Нам же оставалось довольствоваться душем, а потом посмотреть очередной виденный уже фильм и, раздевшись до трусов, засесть за очередную партию в карты. Мы с Олегом частенько приносили из города бутылочку удивительного напитка под названием «Байланьди», то бишь «Брэнди». Это был дешевый коньяк с одной звездочкой (!), который в пекинских магазинах стоил полтора юаня. Это на наши деньги что-то около пятидесяти копеек. «Байланьди», несмотря на дешевизну, оказался вполне «съедобным» продуктом. И мы этим благоприятным обстоятельством (удачное сочетание цены и качества) пользовались неоднократно. Местный, китайский люд предпочитал, однако, употреблять свою родную вонючую ханку. Ее запах порой преследовал нас в городе.

И до и после командировки я знал людей, которым китайская рисовая или маисовая водка нравилась. Я же всегда находил ее тошнотворной. И, тем не менее, однажды, когда выпивки «вдруг» не хватило, поддавшись уговорам наших соседей сантехников, мы решились распить-таки бутылку хорошей, как мы считали, национальной водки «эрготоу», то есть «водки двойной перегонки». Двойная перегонка, по заверениям знатоков, повышала градус и чистоту напитка. Эксперимент с экзотическим нектаром закончился неожиданно быстро. Мы вчетвером даже не успели выпить ту бутылку полностью. А только ближе к утру очнулись, кто — где, в том числе и на полу, но в основном в районе круглого стола, с разбросанными по нему игральными картами. Внятных объяснений произошедшему никто из нас дать не смог, но только с тех пор местную водку мы больше не пили. Она же еще несколько дней упорно напоминала о себе мерзкими отрывками. Лично у меня название «эрготоу» прочно ассоциируется с различными спиртосодержащими, ядовитыми и негодными к употреблению жидкостями под общим термином «рыгаловка».

5

Наша стажировка завершалась в октябре. На смену футяню пришла относительная прохлада, а вместе с ней сильные ветра, поднимавшие в воздух колючую пыль. И было не понять, что лучше: влажная жара или пыльная прохлада.

Мы продолжали свои путешествия по городу, все чаще думая о скорой встрече с родными и близкими. Набралось много интересных впечатлений. Кое-что из увиденного само собой просилось на бумагу.

Один из моих опусов касался посещения футбольного матча между сборной вооруженных сил КНР и национальной сборной одной из молодых африканских республик. Негритянские спортсмены вызывали бурю эмоций у болельщиков своим непрезентабельным видом. Большинство из них выглядело, мало сказать, не достаточно атлетически, а просто рахитично. Неудивительно, что хорошо натренированные китайцы громили африканцев почем зря. Но мои наброски касались не собственно состязания, исход которого был предрешен еще до начала матча.

Больше внимания привлекали болельщики. Китайцы реагировали на происходящее на футбольном поле необычно, с каким-то остервенением. Было похоже, что они брали реванш за какие-то свои прошлые поражения и не только в спортивной жизни. Вокруг нас стоял невыносимый гвалт голосов, подбадривающих свою команду и одновременно издевающихся над соперником. Вопли болельщиков прекращались лишь на короткие мгновения и то, для того чтобы отхаркаться (при этом я каждый раз боялся получить плевков на спину) или прикурить очередную сигарету.

И тем удивительнее было увидеть в этой обстановке молодую китайянку в традиционном полувоенном одеянии, которая откровенно спала. Она все пыталась примоститься на плече своего соседа, но тот бурно жестикулировал, кричал и дергался, как заведенный, поминутно откидывая голову девушки далеко в сторону. Она, однако, не просыпалась и покорно воспринимала такое к себе отношение. Мне стало ее жаль: вот ведь как намучался человек, что даже в такой обстановке не может разодрать глаз! Невольно лезли в голову всякие предположения, что вот она, дескать, намаялась на каком-нибудь тяжелом производстве или, может, просидела ночь над конспектами по теории марксизма-ленинизма-маоизма. Не исключено, что пришлось отсидеть в душном зале на очередной партийном собрании, а перед этим готовить доклад или что-то в этом роде. В общем, все мои мысли крутились вокруг какой-то идеологической подоплеки. Я просто заиклился на этом и не допускал мысли о том, что молодой женщине попросту нет никакого дела до футбольного матча, и ее сморило от скуки. Ей, возможно, даже сделалось плохо от шума и неинтересного зрелища. Но нет, предположения об изматывающих политинформациях, собраниях ячеек, заседаниях парткомов и открытых судилищах над антипартийными отщепенцами казались и привлекательнее, и достовернее.

Я дал просмотреть свои записки «Мюллеру». Он снисходительно улыбнулся, пока читал, потом вернул мне блокнот и сказал, что это интересно, од-

нако все-таки тут больше фантазий и вообще к разведывательной информации эти записки никакого отношения не имеют.

Помнится, я опешил и даже обиделся на своего наставника: неужели он всерьез полагал, что я намеревался протолкнуть это в качестве информационной справки? С искренним разочарованием я тогда резюмировал: даже такой опытный разведчик может ошибиться в людях. Разумеется, я поспешил с выводом. Скорее всего, в тот момент голова «Мюллера» была занята чем-то более серьезным, а тут я некстати нарисовался со своей беллетристикой...

Однако я нисколько не сомневался в необходимости и полезности путевых заметок, пусть и вызывавших улыбку или вовсе нечитабельных. Ибо только они способны сохранить тот неповторимый дух изумления, который с годами бесследно испаряется и делает далекие воспоминания постными и малоинтересными.

Любопытно было наблюдать за реакцией китайцев на наше пребывание среди них. Рядового жителя, например, весьма забавлял наш внешний вид. Они могли в упор разглядывать наши лица и одежду, как диковинные экспонаты.

Стоило зайти в общественный транспорт, кондуктор принимался пронзительными командами сгонять с ближайших кресел пассажиров, чтобы мы сели как «белые люди». Сгоняют пассажиров бесцеремонно, невзирая на возраст и их физическое состояние. Мы каждый раз вежливо отнекиваемся, не столько в силу воспитанных с детства правил поведения. Важнее, что в таком положении совершенно невозможно наблюдать за нашими «опекунами» на велосипедах. Тем не менее иной раз мы считали оправданным уступить назойливым предложениям, нас усаживали и ситуация сразу разряжалась. Ведь если не сесть, то бурление в автобусе или троллейбусе будет продолжаться до самого нашего выхода. Повышенного внимания к себе лучше избегать.

Наши с Олегом реплики при этом неизменно вызывали бурю эмоций у пассажиров, многие смеялись, как в цирке. Их ребячий восторг можно было обобщить словом: «Смотрите-ка — мало того, что похожи на обезьян, так они еще и разговаривают!»

Подобные сценки происходили и в ресторанчиках, куда, видимо, никогда прежде не ступала нога иностранцев. Посетители после первого замешательства, вызванного нашим появлением, даже если вновь принимались за еду, то, словно дети, заворожено наблюдают за нами: как мы пьем, курим и, особенно, как едим с помощью палочек. Им, очевидно, кажется, что этим искусством в должной мере могут владеть только китайцы. А тут белые, да еще выпившие не теряют сноровки! Нас тоже забавляет их реакция, и обычно мы расстаемся довольные друг другом. На «бис» я исполняю палочками любимую партию (для меня — так просто ювелирные действия): прихватываю по одному мелкие соевые бобы и каждый аккуратно отправляю в рот. Аплодисментов я не жду, довольствуюсь удовлетворенными «оханьем» и «гуканьем» окружающих.

Как-то раз в таком вот заведении нам повстречался человек лет сорока, с явно европейскими чертами лица, но одетый, как и все прочие, в полувоенные

курточку и брюки. Он имел небольшую бородку и русые, давно не стриженные волосы. Мы интуитивно решили, что этим странным «китайцем» вполне мог оказаться потомок русских эмигрантов. Велико было искушение поговорить с ним, но осторожность возобладала. Не стоило осложнять его и без того (судя по более чем скромному внешнему виду) непростую жизнь. Тем более, что и сам он не проявлял к нам никакого интереса. Он в одиночестве что-то выпил, быстро поел и покинул ресторанчик, оставив нам богатую основу для разного рода предположений и фантазий. А вдруг, к примеру, это была «подсадная утка»?

Анализируя отношение китайцев к иностранцам, не стоит забывать, что население Китая невероятно велико и наличие разнообразных отклонений в ту или иную сторону, подчиняясь закону перехода количества в качество, вполне объективно. В Пекине обитатель центральных районов города уже вдоволь насмотрелся на многочисленные экскурсии. Он вяло реагирует на иностранца. Но тот же приехавший в столицу «лаобайсин» (крестьянин, сельский бедняк), впервые увидев чужеземца, непременно остановится и разинет рот. Если говорить шире, то многое зависит от государственной принадлежности иностранца. Традиционно «нелюбимы», пожалуй, японцы и американцы. В то же время нередко казалось, что к европейцам горожане относились с некоторым оттенком подобострастности. Видимо, сказывалась наследственная память о захватчиках, колонизаторах и прочих белых господах. В контраст неплохо воспринимались темнокожие граждане, хотя мало продвинутые пекинцы обычно также не пытались скрыть свое изумление особенностями негроидной расы.

Отношение к советским в Пекине можно в целом охарактеризовать как нейтральное, ближе к сдержанно отстраненному. Тут тоже не усматривалось единого подхода. Чувствовалось, что более почтенное поколение, помнящее братскую дружбу с СССР 50-х годов, проявляло к нам большую снисходительность, по сравнению с молодежью. Но все же пекинские жители были достаточно далеки от проявлений оголтелого фанатизма и ненависти, которые с завидным постоянством (впрочем, сходящим все же на нет) демонстрировали граждане приграничных с СССР уездов Китая.

Имели место пара случаев, когда кто-то из молодежи и выказывал нам свое откровенно враждебное отношение (хочется надеяться, приняв нас за американцев), но за три месяца нам, слава Богу, не пришлось столкнуться с какими-то действительно конфликтными ситуациями. Впрочем, не обходилось и без курьезов.

В известном пекинском специализированном магазине для иностранцев можно было купить все: начиная от продуктов питания высшего качества, национальных костюмов из настоящего китайского шелка и вполне современной европейской одежды до сувениров, художественных изделий в старинном китайском стиле, в том числе предметов экзотической мебели из ценных пород дерева, инкрустированной перламутром, и многих прочих «колониальных» товаров. От красоты и изобилия ассортимента разбегались глаза. Для простых пекинцев вход в такой магазин был заказан. Правда, и цены

там были существенно выше. Поэтому мы с Олегом предпочитали рядовые городские универмаги, не избалованные посещением дипломатов и журналистов. Тем не менее персонал иностранных представительств в Пекине приезжал за покупками именно сюда.

Но уж раз посетили этот чудо-магазин, то пришлось раскошелиться и нам. Неудобно уходить без покупок. Я присмотрел большие хрустальные бокалы шарообразной формы с красивой резьбой. И решил приобрести четыре штуки. Нам с женой и двум детишкам. Жена в это время ждала еще только первого ребенка, но я точно знал, что детей у нас будет, по крайней мере, двое. Наверное, правильнее было купить шесть бокалов. Об этом мне, кстати, вполне тактично напоминала продавщица. Но я почему-то заикнулся на «четверке» («банда четырех», что ли, не шла из головы?!), да и бокалы эти были дорогие. Продавщица все более решительно заявляла, что бокалы продаются только по шесть штук — кто будет брать оставшиеся два? Тут уже мне уступать не захотелось: «Это мое дело, сколько мне надо, ваше дело продавать!» Подозреваю, что продавщица позволила себе перейти грань традиционной восточной учтивости исключительно из-за того, что мы были русскими. Это было нетрудно определить по нашему произношению. На фоне западников мы смотрелись не так внушительно, позволительно было выказать меньше почтения и рискнуть поспорить. До откровенной перепалки дело, конечно же, не дошло. Озлобленная продавщица под давлением вызванного ею же администратора магазина все же уступила. И я с садистским удовлетворением отметил, что принцип «Клиент всегда прав», как оно и должно быть, возымел-таки свое магическое действие.

С другой стороны, этот случай показывает, что постоянное общение с иностранцами не проходит бесследно, способствует зарождению дифференцированного подхода к разным социальным группам. Обслуживающий персонал становится более цивилизованным и раскрепощенным. До строптивости и бескультурья советских работников торговли им, конечно, было еще далеко, но смутно думалось: «Лиха беда начало». И все же в рядовом пекинском магазине я мог бы без всяких комментариев приобрести хоть по одному бокалу, вообще из разных комплектов, разве что не таких красивых. Главное — деньги плати.

В другой раз меня попросили выступить в качестве переводчика. У жены одного дипломата сильно разболелся зуб, и требовалась помощь квалифицированного стоматолога, которого в посольстве на то время предусмотрено не было. Как назло отсутствовал где-то штатный переводчик, который обычно принимал участие в такого рода ситуациях.

В регистратуре стоматологической клиники, обслуживавшей дипломатический корпус, я объяснил: кто мы и зачем прибыли. На удивление довольно быстро наша пациентка оказалась в кресле зубоврачебного кабинета, мало отличавшегося от привычных для нас, советских людей.

Появилась маленькая сухонькая женщина в марлевой повязке на лице, просторных светло-голубых штанах и тужурке. Неожиданно скрипучим и невысольным голосом она спросила, какой зуб беспокоит и каков характер боли.

Я, поминутно вытирая платком пот с лица, принялся переводить ее вопросы и ответы пациентки. Но очень скоро обнаружилось, что моих знаний китайского для такой миссии явно не достаточно. Чем дальше, тем чаще звучали специальные термины, которых я попросту не знал. Медицина, а тем более стоматология, отстояли от преподававшегося нам курса слишком далеко. Это уже называется узкая специализация. Я все больше волновался, интуитивно догадываясь, о чем идет речь, но и опасаясь, что малейшая моя ошибка может обернуться серьезной проблемой.

Доктор-стоматолог чувствовала мою слабость в языке и откровенно выказывала свое неудовлетворение. Сквозь щелочки между веками она бросала на меня презрительные взгляды, сердито и шепеляво бормоча в марлевую повязку нечто типа:

— И о чем только думают эти советские! А мне что прикажете теперь делать? Нет, ну этот парень — полный тупица! Ну, разве это переводчик! Болван!

Примерно то же самое она говорила и медсестре-ассистентке, ничуть не стесняясь меня, словно бы я и вовсе здесь не присутствовал.

Мы за время учебы настолько привыкли к безукоризненному «дикторскому» произношению наших преподавателей китайского языка, что медицинский сленг этой китаянки, озвученный в невероятно быстром темпе, да еще с искажением, которое официально именуется диалектом, превращался для меня в тарабарщину полинезийского аборигена. Ни врач-стоматолог, ни ее помощница не давали себе труда изъясняться более внятно или хотя бы несколько медленнее, чтобы мне было легче уразуметь их слова. Им, кажется, доставляло удовольствие измываться надо мной, когда они повторяли свои реплики в одном и том же темпе, явно отвергая какие бы то ни было уступки в этом плане.

Китаянка скучным голосом иезуита предлагала больной зуб удалить. Пациентка была категорически против, поскольку зуб этот являлся как-никак передним. Жена дипломата тоже уже выходила из себя, и я оказался под перекрестным огнем двух фурий. «Вот ведь вредные бабы какие!» — думалось мне в сердцах. Врачица казалась мне уже не просто женщиной в возрасте, а противной старой каргой, не желавшей сделать хоть маленький шаг мне навстречу. Диалог явно затягивался, и неизвестно, чем бы закончилось дело, не подоспей к тому времени штатный посольский переводчик — пухлый и улыбчивый тувинец. Он быстро перехватил инициативу и, судя по уверенным интонациям, знал подход и к китайским медикам, и к нашим соотечественникам в роли пациентов.

Под испепеляющими взглядами женщин я поспешил покинуть врачебный кабинет и дожидался окончания этой экзекуции уже в посольском автомобиле. Позже выяснилось, что предлагалось удалить не зуб, а лишь нерв (то бишь провести депульпирование зуба!), что и было сделано.

Многочисленность китайцев производит сильное впечатление, особенно когда они плотным потоком движутся по улицам пешком или на велосипедах. Все как-то механически сосредоточены и следуют в нужных направле-

ниях, словно на автопилоте. Впечатление от движения огромной безликой людской массы усугубляется практически одинаковым внешним видом людей. Фасон одежды не отличается разнообразием — смесь военной формы со спецодеждой коммунальных служащих. На головах матерчатые полукепи, полуфуражки, под цвет верхней одежды. В расцветке преобладают серый, синий, зеленый тона. Высокопоставленных чиновников можно выделить по более дорогой материи и чуть лучшему качеству пошива «френчей».

Во время дождя все надевают припасенные в сумках дешевые прозрачные дождевики с капюшонами и становятся совсем одинаковыми, как огурцы в презервативах.

В многочисленных парках много стариков, занимающихся по утрам традиционной статической гимнастикой. Выстраиваются группами, как фигуры на шахматном поле, или делают это в гордом одиночестве. Главное — на полном серьезе. Их потертые, но чистенькие отглаженные тужурки и брюки подчеркивают значимость занятия, которому посвящены эти степенные люди. Женщин можно выделить лишь по чуть более длинным стрижкам. Все они полностью уходят в себя и не обращают на посторонних наблюдателей никакого внимания. Никто не стесняется непривычных европейскому взгляду движений и поз. Советские пенсионерки вряд ли отважились бы на такие откровенные упражнения в общедоступных местах. Сама мысль о том, чтобы оторвать их плотные спины от приподъездных скамеек кажется в эти минуты кощунственной.

Детвора во время летних каникул занимается ловлей стрекоз. Оказываются их можно за деньги сдавать в специальные приемные пункты для последующего изготовления лекарственных снадобий. Процесс ловли стрекоз незатейлив: на конец длинной бамбуковой палки прилепляется кусочек темного вещества, похожего на битум. Возможно, со специфическим привлекающим запахом. Палку ловко подводят под брюшко насекомого, и оно прилипает. Пойманную стрекозу аккуратно освобождают и оправляют в целлофановый пакет, где этих несчастных уже не один десяток.

Праздношатающихся мало. Молодежь спешит по разным делам, так же как и взрослые. А если кто и сидит на лавочках, то это или студенты, читающие учебники, или кто-то устроился перекусить на свежем воздухе. И лишь изредка можно заметить в укромном уголке уединившуюся парочку. Они сидят, тесно прижавшись друг другу, часто взявшись за руки. На большой интим не отваживаются — можно попасть под критику ревнителей коммунистической морали.

На фоне возведенного в ранг государственной политики пуританства китайского общества легко заметны даже самые незначительные проявления индивидуальности. Например, некоторые специально демонстрируют, сколько разной одежды на них надето. Важно, чтобы окружающие видели, что они могут себе это позволить. Потому из под белой рубашки торчит красная майка, а из под серых брюк — зеленые рейтузы. Ну, чем богаты, тем и рады. А еще, думается, это были зачатки своеобразного неосознанного еще протеста против всеобщей уравниловки и обезличивания. Первые попытки самовыражения.

Исключение из серо-сине-зеленой массы составляют пестрые и радующие глаз одеяния маленьких детей. Да и сами малыши выглядят как забавные розовощекие ангелочки. Щелочки глаз и широкие улыбки неизменно вызывают умиление. Просто живые наливные яблочки с рекламной картинки. Совсем малыши, едва научившиеся переступить по земле пухлыми ножками, отличаются от, например, пятилетних детей тем, что демонстрируют свои голые розовые попки. В их штанишках предусмотрительно сделан специальный вырез. Гигиена по-китайски. Хотя именно в Пекине я приобрел замечательную детскую присыпку, которая долгое время выручала нас в Союзе.

Культе детей в Китае очень развит, к ним относятся как к самой большой жизненной ценности. Поэтому им отдается самое лучшее, что могут позволить себе взрослые. Когда любишь этими разодетыми в симпатичные платьица и рубашечки бутузами, жесткая государственная политика ограничения деторождаемости на время забывается. Наверное, как и их родителями.

Если китайцы где и чувствуют себя достаточно раскрепощенно, так это на сельскохозяйственных рынках. Сюда стекается много разнообразного люда, в основном из столичных пригородов. Здесь они в своей тарелке. Пожилые женщины одеты небрежно, на торсе бывает надета лишь растянутая майка-безрукавка, едва прикрывающая тело. Торговцы-мужчины могут обходиться и вовсе одними семейными трусами опять же неброских расцветок. Но это никого не обескураживает. На рынке царит шум и суэта. Здесь активно торгуются, смеются, ругаются, обзываются. Еще бросается в глаза пренебрежение к чистоте общественных мест. Грязь и вонь дополняются тысячами плевков и бросаемых на землю окурков и другого мусора. Особенно труднопереносимо наличие поблизости общественного туалета. Но граждане этого как будто не замечают, шустро снуют туда и обратно, нередко застегиваясь и оправляя одежду у всех на глазах.

Китайцы любят сильно ароматизированные сигареты. Во время курения громко и со значением отхаркиваются. Причем повсюду: в магазинах, кинотеатрах и даже в пекинском планетарии, где нам однажды удалось побывать. Пожилые женщины курят в основном маленькие трубки на длинном мундштуке. Чем трубки набиты? — оставалось только гадать. Но вряд ли что-то употребляемое европейцами. Созерцание курящих трубку китайских женщин наводит на сравнение их с американскими индейцами. Та же непроницаемость, непостижимая загадка во взгляде и во всем облике.

В отличие от крестьян, горожане придают своему и чужому достатку повышенное внимание. Очень гордятся обновами и важничают друг перед другом.

Однажды довелось наблюдать реакцию горожан на выгрузку платяного шкафа с зеркалом у подъезда многоквартирного дома. Судя по реакции собравшейся толпы зевак, этот предмет мебели относился к роскоши, а владелец шкафа вызывал в толпе неприкрытую зависть и одновременно осуждение, как какой-нибудь жирующий богатей-буржуин. (У нас в Союзе такой мебельный «шедевр» если еще не выкинут на свалку, то, по крайней мере, отправлен на дачу.) Но сам хозяин шкафа сдержанно ликует и уже не желает снисходить до мнения толпы.

Побывать в жилище рядового пекинца нам не довелось, но судя по отзывам знающих людей, домашняя обстановка большинства более чем скромная, даже аскетическая. Из мебели и утвари только самое дешевое и необходимое.

На чем китаец едва бы стал экономить, так это на велосипеде. Это и доступный вид транспорта, и незаменимый перевозчик грузов. Двухколесная машина — верный помощник, должна быть добротной, надежной. Такая вещь призвана служить десятилетиями и тут уж не стоит мелочиться. К качественным товарам, охотно приобретаемым практичными горожанами, можно отнести также необычайно красочные и долговечные термосы, электрические фонарики, авторучки.

Теснота и многолюдность центральных улиц и площадей резко контрастирует с пустотой переулков, называемых «хутунами». После привычного городского шума тишина хутунов кажется странной, таинственной. Но первое впечатление быстро проходит. Из радиоточек и там тоже звучит традиционная национальная музыка. Хутун похож на коридор огромной коммунальной квартиры. Кирпичные или глинобитные стены соседних дворов образуют две общих неразрывных стены, в которых имеются двери с написанными на них номерами. Если дверь открыта, можно заметить небольшой дворик внутри, а за ним собственно дом, как правило, одноэтажный, в котором проживают несметное количество людей — китайская семья. Из курса страноведения нам было известно, что центральным местом в таких домах является кан — твердая лежанка, подогреваемая сложной системой дымохода, идущей от небольшого в общем-то очага. Рассказывали, что опытные хозяйки способны с помощью одного пучка соломы сварить еды и достаточно нагреть кан. В том же дворе может обитать и мелкая домашняя скотина, но в принципе в городе это не приветствовалось. Правда, пару раз мы видели свиней, черных и поджарых, как бездомные собаки. Но, скорее всего, это было где-нибудь на окраине Пекина, где граница с сельской местностью весьма условна.

Закрытая дверь-калитка может внезапно распахнуться, и оттуда на дорогу выплескивается ведро грязной мыльной воды (в лучшем случае), главное успеть отскочить в сторону. Извиняться никто не подумает, да и не за что: хутун это территория не для прогулок празднующихся, это конкретная зона обитания. Да и выйти по хутуну куда-нибудь в другое место едва ли удастся. Большинство из них оканчивается тупиками, и лишь немногие выводят на параллельные улицы. Поэтому увидеть в хутуне автомашину невозможно. Им там делать нечего. Зато прямо на земле, там, где по идее должен проходить тротуар, могут расположиться для отдыха местные жители. Они играют в свою знаменитую игру «го» (*вэй-ци*. — А.К.) или игру, напоминающую наше лото (*ма-цзын*. — А.К.). Дымят табаком и активно общаются. Кажется, что это не соседи, а члены одной семьи, разросшейся до пределов целого квартала.

Босоногие пацаны носятся по хутуну с сачками и приспособлениями для ловли стрекоз и цикад (цикады благодаря хитиновому покрову тоже годятся в переработку фармацевтами). Всю увлекательную картину хутунов в ее привычном виде удастся охватить лишь одним взглядом со стороны. Патриар-

хальная дворовая идиллия эта сразу же нарушается и преобразуется, если появляется чужак.

Стоит зайти и углубиться в хутун, как самой кожей ощущаешь, что становишься центром внимания нескольких десятков настороженных глаз. Сказывается деятельность так называемых «домовых комитетов» и прочих революционных общественных образований, нацеленных на борьбу с нарушениями правопорядка и с более серьезными враждебными проявлениями. Обычные обыватели натаскивались в вопросах бдительности и оперативности передачи информации соответствующим органам до такой степени, что министерство общественной безопасности (аналог советского НКВД) могло быть спокойно — ни одна подозрительная личность в хутуне не останется незамеченной. Здесь все как на ладони, от зорких глаз местных обывателей не ускользнет ни одно движение. Поэтому мы быстро уяснили, что привлекательные, на первый взгляд, укромные узенькие улочки, с оперативной точки зрения совершенно непригодны для наших серьезных дел.

Нас никто не останавливает, не задает вопросов, но мы под пристальным наблюдением. Бригада наружного наблюдения может в хутун даже не заходить. Если он все же проходной, то нас будут поджидать на другом конце. Если тупик — то мы сами к ним вернемся, под неодобрительные взгляды местных жителей: зачем эти глупые иностранцы потревожили их привычный покой?

«Ежегодно с 1 июля по 25 августа в пекинском парке Бэйхай проходит фестиваль лотосов. Этот парк — одно из красивейших мест Пекина. Он находится недалеко от западных ворот императорского дворца Гугун. Самое интересное то, что половину площади парка занимает озеро Ляньхуа, то есть Озеро Лотоса».

Это скромная выдержка из путеводителя. И действительно, парк Бэйхай производит неизгладимое впечатление. После Великой китайской стены и Минских могил это, пожалуй, самое замечательное, что нам удалось увидеть в Китае. На самом деле вызывающих неподдельный восторг достопримечательностей в Пекине не мало. Я упустил императорский дворец Гугун. Но он, в моем понимании, входит с парком Бэйхай в единый объект посещения — ведь чтобы попасть в чудесный парк, все, как правило, проходят через многочисленные площади и сказочные сооружения императорского дворца, или «закрытого города». Территория этих двух ансамблей огромна, и трудно обойти ее за одно посещение. Мы побывали в Бэйхае дважды, каждый раз не переставая удивляться волшебной красоте знаменитого озера и расположенных по его берегам пагод.

Из достопримечательностей еще, конечно, знаменитая площадь Тяньаньмэнь, поражающая своими масштабами. Но над ней витала какая-то мрачная аура, тягостный дух. Возможно, это впечатление навевал помпезный мавзолей Мао Цзэдуна, в который нам так и не удалось попасть. Мавзолей открывали только для важных государственных делегаций из дружественных Китаю стран, в остальное время он был закрыт. Впрочем, внутреннее убранство мавзолея и сам Мао запечатлены на множестве цветных фотографий, ко-

торые имелись в свободной продаже. Поэтому определенное впечатление об этом мемориале у нас сложилось и без его посещения.

В отличие от парка Бэйхай и других красивейших городских парков, на центральной площади Тяньаньмэнь даже дышалось как-то тяжело. Видимо, ее камням довелось многое пережить за свою историю и еще многое предстояло испытать в будущем. Казалось, никакие праздничные парады и пестрые демонстрации не могли вытеснить с этой площади тягостные ассоциации. Впрочем, я слышал, что на многих людей такое же гнетущее впечатление производит и наша Красная площадь в Москве.

В Пекине несколько городских парков, относящихся к традиционным объектам туристического осмотра. Помимо красивейших храмов и прочих сооружений в национальном стиле, в этих парках можно просто отдохнуть, подышать свежим воздухом, посидеть под раскидистыми ветвями, рассуждая на фоне цветущей природы о бренности человеческого бытия.

В одном из таких парков я сразился в настольный теннис с каким-то хунвэйбином (это я его условно так обозвал). Получилось неожиданно для нас, что группа ребят лет шестнадцати не шарахнулась в сторону, а согласилась пообщаться. Двое играли в настольный теннис, остальные наблюдали. Мы присоединились, долго цокали языками, одобряя их игру между собой, потом восхищались теннисными ракетками и пинг-понговыми шариками (их качество и тогда уже считалось одним из лучших в мире). И вдруг мне протянули ракетку.

Я проиграл партию, хотя по уровню едва ли уступал противнику. Но играть на теннисном столе, сделанном из толстой плиты гранита (!), было очень уж непривычно. И отскок шарика от полированной поверхности совершенно другой, да и размерами тот стол, кажется, был меньше стандартных, классических деревянных.

На мой взгляд, такое каменное сооружение в парке смотрелось бы лучше уставленным батареей пивных бутылок, в окружении веселой компании, чем как спортивный инвентарь. Но молодые ребята, с которыми мы по ходу дела успели переброситься несколькими фразами, пришли сюда именно заниматься спортом. При этом, как ни странно, все пятеро или шестеро неотрывно курили и поминутно сплевывали на землю сгустки слюны и мокроты, что вызывало к ним дежурную неприязнь. Они вели себя хоть и несколько развязно, но не агрессивно. Обыкновенные юные максималисты, которым море по колено. И в Союзе таких много. Главное, что они не отринули нас, как прокаженных, а были адекватны и естественны в своем поведении. И это был, пожалуй, единственный случай, когда нами был установлен такой неформальный контакт с местными жителями, без напряжения и без официальной «маски», присущей вынужденному общению гражданина КНР с иностранцем.

Запланированную на период командировки работу мы, в основном, выполнили, уму-разуму от бывалых чекистов-разведчиков поднабрались. Так что покидали страну Китай с чувством, что стажировка прошла с пользой. Но и с некоторым сожалением, что три месяца так быстро пролетели и что едва ли доведется побывать здесь когда-нибудь вновь.

А еще было ощущение, что чего-то значимого мы так и не ухватили, и нас обоих не покидало смутное раздражение по этому поводу. Словно малые дети, от которых взрослые скрывают нечто интересное и важное, но до поры запретное. Это сравни беспомощности ребенка перед величием мудреца — каждое новое познание неизменно выводит к очередным замкнутым дверям, в которые еще только предстоит достучаться.

Вместо эпилога

Многими годами позже, мне кажется, я понял, что нам тогда оказалось не под силу — это понять самих китайцев. Они совершенно разные — хорошие и добрые, злые и хитрые, настороженные и агрессивные, безусловно, очень трудолюбивые, но все вместе настолько «упакованные» в своем собственном неповторимом менталитете, что пытаться раскрыть их — дело практически безнадежное. Это так же нереально, как выучить китайский язык (имеется в виду до конца, полностью, в совершенстве). Процесс познания китайского языка бесконечен, у простого смертного целой жизни на это не хватит. Исключение, пожалуй, составляют немногие серьезные ученые-лингвисты (как правило, этнические китайцы), да и те едва ли признаются, что в полном объеме овладели этим удивительным искусством.

И если вам покажут человека, европейца ли, американца ли, который якобы знает, что такое есть данный конкретный китаец по своей сути — не верьте этому. Понять китайца до конца в состоянии лишь другой китаец, и то далеко не всякий.

Все последующие годы общения с жителями Поднебесной так или иначе подтверждают этот вывод. Их внутренний мир трудно постижим для представителя другой нации. Чем глубже пытаешься проникнуть в него, тем больше непознанных миров открывается. При этом ощущается порой неприятный холодок в груди от осознания, что сам ты под их острым, и в то же время вроде бы невыразительным, безучастным взглядом, становишься все более голым и ничтожным. Тебя то и дело сканируют и распознают, препарируя пласт за пластом, и противостоять этому невозможно. Китаец как индивидуум, нацеленный на выживание, независимо от уровня образования и культуры, «очень сам себе на уме», его мозг — природный компьютер, обладающий памятью и опытом тысяч предшествующих поколений. Их интуиция и чувство самосохранения сравнимы с инстинктивным чутьем хищного зверя и осторожностью робкого животного.

Не поддается объяснению, например, заложенная самой природой способность китайца безошибочно определять стороны света, даже в замкнутом пространстве. Ему, оказавшемуся в незнакомом месте, допустим, в здании железнодорожного вокзала, ничего не стоит сказать, где расположен северный выход или восточный вход.

— Откуда ты это знаешь? — сам собой вырывается вопрос.

— Да как же! И так ясно, что север вон там, — он вроде удивлен такой непонятливостью и не прочь даже посмеяться над этим.

Вообще, то, что китаец позволяет себе излить вовне, не всегда стоит принимать за проявление искренних чувств. Поэтому весьма опасно строить на этом кажущемся откровении какие-либо умозаключения, тем более делать далеко идущие выводы. Это, как правило, неожиданные, подчас по-детски наивные (для восприятия неподготовленного наблюдателя) эмоции, не относящиеся к сути его подлинной личности и состоянию души в данный момент.

«Воспоминания по-пекински» оживили подобные рассуждения неспроста.

Ведь если рассуждать шире, то феномен китайской нации всегда привлекал к себе внимание именно своей загадочностью, непостижимостью. Величайшая цивилизация Древнего Китая, заснув на несколько веков в период самоизоляции, пробудилась к концу XX-го века, чтобы вновь поразить мир небывальными темпами своего развития практически во всех сферах деятельности. Прогресс КНР тем более удивителен, что происходил путем наложения капиталистических методов хозяйствования на коммунистическую идеологию.

В отличие от многих уважаемых китаеведов, я вовсе не являюсь фанатом Китая. Многое мне попросту претит. Страшит, в частности, неумная китайская экспансия. Их способность ассимилировать другие народы сравнима с распространением неизлечимого вируса. Конечно же, совершенно не хочется, чтобы китайцы превратились в единственную безраздельно господствующую на планете нацию.

Однако я не сторонних и прямолинейных суждений о том, что «раз китайское, значит — плохое». Могу ответственно заявить, что приобретенные мной в 1978 году в Пекине предметы одежды и другие товары были вполне хорошего качества и прослужили моей семье верой и правдой многие годы. А что касается нынешней ситуации, то потребители сами определили правила игры: ведь приобретая «заведомо плохую» китайскую продукцию, они и платят меньше.

Но трудно не согласиться, что китайское трудолюбие и технологии, например, в том же сельском хозяйстве просто не оставляют шансов российским конкурентам. Противостоять китайским «мафиози-овощеводам» в России способны пока разве что корейцы. Однако эта совершенно отдельная тема.

Как бы там ни было, эта удивительная нация не позволяет относиться к ней равнодушно. И я очень благодарен судьбе за возможность хоть малость окунуться в этот неизведанный мир.

А.И. КОБЗЕВ, Н.А. ОРЛОВА

**Е.А. Торчинов (1956–2003):
литературные опыты запредельного**

Е.А. Торчинов
22.08.1956 – 12.07.2003

Историографическое введение

Евгений Алексеевич Торчинов (1956–2003) — выдающийся российский синолог, автор множества научных трудов, не только китаистических, но и философско-религиоведческих, в том числе «Религии мира: опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника» (СПб., 1997; переизд.: 2000 и др.)

Обложка первого романа Е.А. Торчинова

Проект обложки первого романа

и посмертно опубликованного продолжения «Пути философии Востока и Запада: познание запредельного» (СПб., 2005) из запланированного трёхтомника¹.

При жизни автора его беллетристика, увы, не была обнаружена, и первый из написанных им в 2002 г., незадолго до смерти, романов «Таинственная самка (трансперсональный роман)» (далее — ТС) увидел свет лишь спустя десятилетие после его ухода из жизни, в Санкт-Петербурге в 2013 г., с копирайтом вдовы Яны Мстиславовны Боевой, а второй — «Апостолы дракона (алхимический роман)»

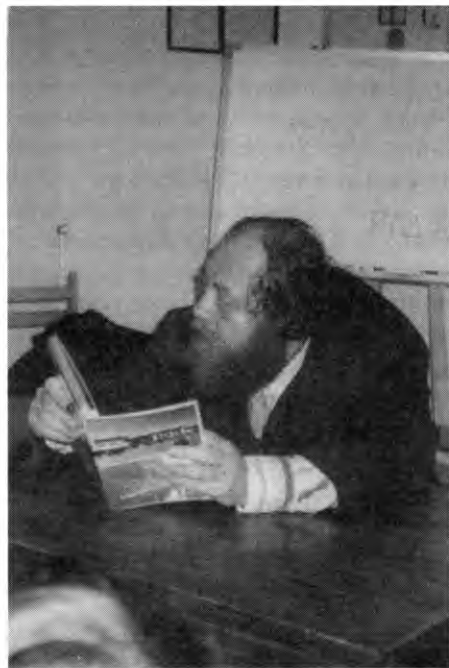
¹ Памяти безвременно ушедшего учёного посвящены Торчиновские чтения в СПбГУ (I–VII, 2004–2011) и изданный в РГГУ альманах «Религиозный мир Китая. 2005» (М., 2006). Подробно о нём и его трудах см. работы его талантливого и верного ученика: *Кий Е.А.* О научном наследии Е.А. Торчинова // *Религиоведение.* 2004. № 1, с. 4–17; *он же.* Евгений Алексеевич Торчинов // *Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного.* СПб., 2005, с. 464–474; *он же.* Евгений Алексеевич Торчинов (1956–2003) // *Религиозный мир Китая. 2005,* с. 309–322; *он же.* Аннотированный список публикаций о Е.А. Торчинове: к десятилетию со дня кончины // *Общество и государство в Китае.* Т. XLIV, ч. 1 (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 14). М., 2014, с. 582–587; *он же.* Некоторые воспоминания и заметки о Евгении Алексеевиче Торчинове // *Вспоминая философский факультет...* СПб., 2015, с. 388–409, — а о «Таинственной самке» — первый вариант нижеследующего текста: *Кобзев А.И., Орлова Н.А.* В поисках Таинственной Самки: Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летию его безвременной кончины // *Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев.* Т. II. М., 2013, с. 497–517.

(далее — АД) публикуется впервые в настоящем издании. Оба романа сюжетно связаны, составляя диптих — две части единой композиции.

Позднее, после общения с Я.М. Боевой в 2014 г., выяснилось, что Е.А. Торчинов буквально накануне смерти в 2003 г. успел написать и значительную часть третьего, наиболее биографичного романа «Китайская рапсодия (роман странствий и инициаций)» (далее — КР), в котором рассказано о событиях января–февраля 1991 г., когда он находился на полугодовой стажировке в Пекине вместе с одним из написавших эти строки — А.И. Кобзевым. Себя в КР автор назвал доцентом кафедры китаеведения придуманного Санкт-Петербургского института восточных культур Павлом Ивановичем Замятиним, которого наделил своей биографией: вырос в городе на Волге (Саратове, а не Астрахани), в 1973–1978 гг. учился на Восточном факультете ЛГУ, окончил аспирантуру Государственного музея истории религии и атеизма, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по алхимической традиции в даосизме.

Е.А. Торчинов
в общежитии Шао-юань Пекинского
университета осенью 1990 г. (ср. с. 777)

Е.А. Торчинов
в Санкт-Петербургском государст-
венном университете весной 2001 г.

Москвичи А.И. Кобзев из Института востоковедения и О.М. Блинова (Городецкая, 1965 г.р.) из Музея Востока (ГМИНВ), к.и.н. (2004), с 2003 проживающая на Тайване под именем Го Цзин-юнь 郭静云, фигурируют как А.О. Лобзин и Е.В. Пирожкова со следующими характеристиками в стиле *инь-ян*: «Арсений Олегович Лобзин. О, это звезда первой величины! Он чуть старше меня, но уже доктор наук и автор замечательной книги по китайской философии, очень серьёзный учёный. От него веет холодом интеллектуальных высот, но вполне может и повеселиться (однако недолго). [...] Елена Владимировна Пирожкова из московского Института этнологии. Занимается то ли китайским искусством, то ли нацменьшинствами китайского юга (разными мяо и яо), а может быть, и тем и другим вместе. В плане науки ничего выдающегося». В качестве молодого китайца из Эрмитажа Олега Алексеевича Хакимова и специалиста по протонародному буддизму и буддийской житийной литературе в Китае из Ленинградского отделения Института востоковедения Евгения Михайловича Родионова там выведены питерцы И.А. Алимов² и М.Е. Ермаков³ соответственно (с. 779). В образе «неформального лидера (ибо уже бывал в Китае)» Сергея Белова (с. 777) запечатлен к.и.н. Андрей Иванович Чернышев (1951 г.р.) из ИВ АН СССР, позднее эмигрировавший в США и ушедший из профессии.

Сначала электронную версию АД нам любезно предоставил ученик, биограф и научный душеприказчик Е.А. Торчинова Е.А. Кий (1979 г.р.). Имея доступ к наследию своего учителя, он в электронном письме А.И. Кобзеву от 19.05.2013 сообщил интригующую деталь: романы писались сразу на компьютере и не имеют бумажных автографов. Ему же сообщил о существовании текстов «где-то в 2003 или 2004 г. один из коллег по кафедре — Сергей Пахомов⁴, который в своё время учился у ЕА [Евгения Алексеевича]. Он сам (ЕА) и прислал ему эти романы почитать, а Сергей потом переслал их мне. Когда возникла идея их (вернее, один из них) издать, я попросил текст у Яны Мстиславовны, она мне выслала опять же электронный вариант, который был идентичен тому, что был и у Сергея».

В предыдущем письме от 11.05.2013 Е.А. Кий рассказал о подробностях подготовки к изданию: «Некоторое время спустя после кончины ЕА выяснилось,

² Алимов И.А. (1964 г.р.) — д.и.н., зав. отделом Музея антропологии и этнографии РАН, директор издательства/центра «Петербургское востоковедение» (ср. с. 575: «Петербургский трансперсонализм»), специалист по китайской средневековой эссеистике и этнографии, соавтор синологических детективов под совместным с В.М. Рыбаковым (1954 г.р.) пародийным (на Р. ван Гулика — Robert Hans van Gulik, 1910–1967) псевдонимом Хольм ван Зайчик.

³ Ермаков М.Е. (1947–2005) — д.филос.н., научный сотрудник СПбФ ИВ / ИВР РАН, специалист по китайскому буддизму.

⁴ Пахомов С.В. (1968 г.р.) — к.филос.н., доцент созданной Е.А. Торчиновым кафедры философии и культурологии Востока философского факультета СПбГУ. Специалист по тантризму, в 2001 г. защитил кандидатскую диссертацию «Индуистская тантрическая философия», готовит докторскую — «Сотериология индуистского тантризма». См. его статьи о Е.А. Торчинове: *Пахомов С.В.* Торчинов Е.А. // *Религиоведение: энциклопедический словарь*. М., 2006, с. 1072–1073; *Пахомов С., Рахманин А., Светлов Р.* Творческое наследие Евгения Торчинова и особенности его типологии религий // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2013, № 3 (31), с. 110–129.

А.И. Кобзев, Е.А. Торчинов,
К.С. Яхонтов и М.Е. Ермаков (слева направо)
в общежитии Шао-юань Пекинского университета
осенью 1990 г. (ср. с. 779)

что в 2002 г. он “занимался сочинением романов” (его собственные слова). Первый датирован маем–августом 2002, второй — августом–октябрём того же года.

Некоторое время романы ходили в “рукописи” (т.е. в электронных файлах). Потом, после кончины ЕА, родилась идея издать хотя бы один из них, которую поддержала и вдова. Я с этой идеей обратился к своему знакомому издателю, который на это согласился, правда довольно долго искал финансовой поддержки этого проекта (полностью за свой счёт издавать ему не хотелось). Поддержка совершенно неожиданно была получена в рамках какой-то программы поддержки книгоиздания правительства (кажется) СПб».

Действительно, роман был издан приличным тиражом в 2000 экз. при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Его издатель Ю.С. Довженко в начале предисловия ««Академический экшен» Евгения Торчинова» отметил: «Сам Торчинов относился к этому своему факультативному увлечению со значительной долей самоиронии. В январе 2003 г. в одном из интервью на вопрос, что нового произошло в его жизни за последнее время, он ответил так: “Произошло довольно много всего, — скорее хорошего, чем плохого... За это время я занялся сочинением романов — все вокруг пишут, почему бы не попробовать? — и написал некий текст в двух частях: ‘Таинственная самка. Трансперсональ-

ный роман' и 'Апостолы дракона. Алхимический роман'. Там много умных разговоров, трансперсонализма, каббалистической и прочей мистики, элементы фэнтези и детектива. Постмодерн такой, одним словом. Но пока не нашел издателя: мои научные и научно-популярные работы они рвут из рук, а художественной прозы как-то побаиваются. И всё же надеюсь опубликовать её рано или поздно"» (с. 5). Мистически интригующую деталь содержит примечание на следующей странице предисловия (с. 6), где жизнь Е.А. Торчинова продлена до его захоронения в 2007 г. (см. ниже): «При жизни автора была опубликована отдельно только первая глава "Таинственной самки": Вестник Балтийской педагогической академии. Вып. 76. СПб., 2007. С. 98–113».

Мистический характер появления на свет ТС отметил в своём размещённом на сайте Клуба путешественников Курандерос отклике на публикацию романа религиовед и этнограф П.В. Берснев:

«Спустя долгие годы наконец-то вышел в свет роман Евгения Алексеевича Торчинова. Великие рукописи воистину не горят! Больше десяти лет минуло с момента написания этого замечательного произведения.

Жизнь Евгения Алексеевича оборвалась внезапно и неожиданно для всех. У нас было много интересных проектов, мы только собирались учреждать Институт Сознания Человека, а сам Евгений Алексеевич был полон творческих сил и научного энтузиазма... Уже без малого десять лет (дата смерти — 12 июля 2003) как с нами нет драгоценного Учителя. Но нет его только физически, поскольку пока мы дышим, он будет продолжать жить в наших сердцах. И "Таинственная самка" — ещё одна возможность снова услышать голос и добрый смех Евгения Алексеевича, ощутить его незримое присутствие, насладиться мудростью и глубиной его мысли.

Роман этот удивителен не только потому, что он написан всегда живой для нас легендой петербургского востоковедения, но и ещё потому, что история, связанная с этим романом, имела какую-то мистическую (для меня лично) предысторию. Как-то (было это в самом начале XXI в.) я прислал Евгению Алексеевичу один наш с Александром Анатольевичем Галатом весёлый "постмодернистский роман". Роман у нас заканчивался в Канаде, где главный герой обнаруживает священную землю среди тайных озёр на заветных таёжных тропах, где живут просветлённые потомки древнего народа. И вот оказалось, что Евгений Алексеевич именно в это время сам был в Канаде, где читал лекции по религиям Китая и буддизму в Саскачеванском университете... как раз посреди тех самых заветных озёр... Что это? Случайное совпадение? Мы ведь не были на тот момент в курсе, что Евгений Алексеевич уехал в Канаду. Но что было ещё удивительнее, что Евгений Алексеевич тоже написал роман, но сохранял его до поры в тайне. Когда же я прислал ему наш роман, Евгений Алексеевич в ответ решил прислать свой.

Тогда ещё не было ни переводов трудов исследователя каббалы Гершома Шолема, ни работ его оппонента, блистательного учёного Моше Иделя, да, много чего ещё тогда не было. Но зато у нас в руках оказался таинственный роман Евгения Алексеевича. И это было чудесно! Даосизм, буддизм и каббала в одном романе на постсоветских просторах — это была воистину смелая, если не сказать психоделическая идея для того времени! Я не буду пересказывать и комменти-

ровать роман. Занятие совершенно бессмысленное и пустое. Пусть каждый прочтёт его сам и сложит своё собственное представление. Да, и так ли уж важно „представление“. Роман обладает особым психоделическим эффектом, как раз-таки разрушающим разного рода застывшие представления и шаблоны, открывая простор и пространство для чего-то значительно-значительно большего. Пусть в сердце и уме каждого читателя свершится своё Алхимическое Действие, трансмутируется свой “Философский Камень”...».

Объём ТС, как и АД, не велик (что делает причисление их к романам несколько условным), однако эти небольшие тексты открывают перед читателем огромное контекстуальное поле, поскольку, будучи, по словам самого автора, постмодерном, пропитаны аллюзиями из разных философско-религиозных традиций. Но этот культурный контекст — только один из смысловых пластов романов. Используя понятие современной физики в качестве метафоры, можно сказать, что они сделаны как «ловушечная поверхность», попав в которую, мысль оказывается во власти сил тяготения текста и возвращается к нему вновь и вновь: сначала искушённый читатель узнаёт слегка закамуфлированные места и лица, стилизацию зачинов и концовок глав под китайские романы, распутывает вязь каббалистических и даосских сюжетов и персонажей, и постепенно эта эстетико-интеллектуальная игра заманивает читателя в такие места, где уже и впрямь требуется опытный проводник, сведущий в трансперсональной психологии, в которой специализируется лирический герой романов — Константин Ризин. За узорчатой ширмой из цитаций и реминисценций, узнаваемых реалий и биографических подробностей возникает вызывающе загадочный смысловой пласт, состоящий из умолчаний и смысловых смещений.

Эта загадочность и побудила нас написать комментарии, не только для того, чтобы тайное стало явным, но и для того, чтобы за легко узнаваемыми реалиями,

Е.А. Торчинов
на озере близ священной горы
Цинчэншань во время путеше-
ствия в январе-феврале 1991 г.
(ср. с. 791)

детективной формой и мистико-каббалистическим содержанием увидеть личностный, глубоко драматический смысл духовных исканий автора.

Комментарий первый, текстологический

Первая загадка связана с самим названием первого романа, представляющим собою цитату из самого знаменитого и столь же загадочного произведения китайской философии — «Дао-дэ цзина» («Канон Пути и благодати», *чжан* 6). Это заимствование из лапидарного и поэтического трактата, несущего следы трансперсональной психотантрической эзотерики («даосской йоги») и приписываемого таинственно-божественному Лао-цзы (Старому дитяте), прямо указано в эпиграфе: «Ложбинный дух бессмертен. Называют Сокровенной Самкою его. // Врата той Самки Сокровенной — корень бытия, из коего родятся Небо и Земля»⁵. Выбор названия совершенно однозначно указывает на то, что некий женский персонаж должен сыграть в романе ключевую роль. При этом само действие романа разворачивается в двух мирах (планах) — реальном и мистическом, как это происходит в романах «Мастер и Маргарита» М. Булгакова или «Ангел Западного окна» Г. Майринка. Эта двуплановость характеризует не только места событий, но и главных героев, что выражено словами одного из персонажей: «Был в Китае такой философ — Гуань Инь-цзы⁶. И этот философ, кстати, даос, а не буддист, однажды сказал: “В мире есть драконы, морские гады и просто змеи. Дракон, он может быть одновременно и драконом, и морским гадом, и змеей. А морской гад или змея, они — только морской гад или змея и не больше”» (с. 159/634; здесь и далее через косую черту указаны страницы в нижеследующей публикации романа, где восстановлена авторская редакция).

Основная философская коллизия ТС и АД сюжетно реализуется в борьбе двух онтологически антагонистических сил: Творящих Светов и Нетворящих Светов, или Драконов/Драконоидов. Творящие Светы создали всё сущее, а Нетворящие Светы желают всё это погубить, чтобы вернуться к изначальному и единому Абсолютному Свету. Для первых творение — благо, для вторых — зло. Правда обеих сторон — окончательная и бесповоротная. И в этой страшной войне Тайнственной Самке как матери всего сущего отведено особое место. По логике вещей именно она должна быть вдохновительницей, предводительницей и защитницей Творящих Светов, должна возглавить битву против своего онтологического врага

⁵ Подробно см. научное исследование и перевод Е.А. Торчиновым этого трактата: *Торчинов Е.А.* Даосизм. «Дао-дэ цзин». СПб., 1999, — а также его работы по китайской эротологии: *он же.* Даосское учение о «женственном» // Народы Азии и Африки. 1982. № 6, с. 99–107; *он же.* Путь золота и киновари: Даосские практики в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб., 2007. В последнем издании (с. 73) представлена следующая трактовка процитированного *чжана*: «гипостазированное, то есть олицетворённое в виде божества, Одно может иметь и образ богини».

⁶ Е.А. Торчинов перевёл и исследовал схожий по лапидарности и загадочности с «Дао-дэ цзином» другой даосский канон — «Гуань Инь-цзы», созданный, видимо, в VIII в., но традиционно приписываемый одноимённому начальнику западной пограничной заставы, которому, согласно легенде, Лао-цзы, уходя из Китая на запад, оставил свой трактат. См.: Путь золота и киновари, с. 210–248.

— главного Драконоида. Между этими двумя огнями и оказывается лирический герой двух романов, где ему предстоит не только встретиться с сущностями трансперсонального масштаба, но и понять глубинную природу себя самого.

Главных персонажей в романах четыре: протагонист (Константин Ризин), антагонист (Андрей Королёв, он же Дракон), помощник протагониста (Анатолий Ерошин в ТС и Павел Артамонов — в АД) и женский персонаж (Таинственная самка в ТС и Татьяна — в АД), поэтому перед нами сразу же появляется юнгианская четверица: 3 мужских персонажа + 1 женский, которая конституирует собой психическую целостность автора-мужчины. Из этого можно сразу же заключить, что перед нами не просто «экшен», детектив или философский текст, а архетипическая исповедь автора, сознательно или бессознательно проявляющая важнейшие для него самого темы и сюжеты. В явном слое романов протагонист обладает только человеческой природой, Таинственная самка — только мистической, а антагонист — в ТС обеими, а в АД — ему не удаётся воплотиться в трансмутированном женском человеческом теле. Поэтому во втором романе, соответственно с его названием, действует уже не сам Дракон, а его адепты, пытающиеся вернуть его к жизни в человеческом мире.

Однако Таинственная самка, или Мать Поднебесной, — тоже жительница двух миров. В ТС ясно сказано, что антагонист пренебрегает ею из-за её тварной природы, и её двойственность специально оговаривается: она и нетварная предвечная Шехина, Энная, София, Премудрость Божия, и тварная падшая Шехина, София, Мировая душа, Таинственная незнакомка, проститутка (с. 200–204/652–653). Тут главный герой вместе с читателем в деталях узнаёт о Таинственной самке и её миссии — помешать гибельному для всего творения замыслу Дракона. Поэтому вполне естественно возникает ожидание встречи главного героя с Таинственной незнакомкой во плоти и их особых отношений, в которых он, в отличие от своего антагониста, не станет пренебрегать той, «единение которой с божественным Женихом будет знаменовать наступление *тиккун* и восстановление творения в его причастности божественной жизни» (с. 201–202/652).

Если главный герой — герой в прямом смысле этого слова, а не сторонний наблюдатель, то его отношения с Самкой — ключевой аспект первого романа, а его онтологический статус — главная интрига. Поскольку логично предположить, что их связывает иерогамия (а не просто военный союз по уничтожению антагониста), то для её осуществления либо Самка должна воплотиться в человеческом мире, либо протагонист должен обнаружить свою мистическую природу.

Главная загадка заключается в том, что отношения главного героя с Таинственной самкой так и остаются тайной, и в силу этого не выясняются онтологический статус и миссия протагониста, а в сюжете наблюдаются не логически ожидаемые события, а лакуны — не происходит ни воплощения Самки, ни иерогамии, а главный герой оказывается безвольным орудием в детективном похищении психотропного вещества антагонистом и пассивным свидетелем его слабо мотивированного самоубийства в конце повествования. И хотя в «Апостолах дракона» автор уже впрямую подтверждает, что Константин Ризин — только слепое орудие Дракона и в таком качестве использован после того, как отказался стать

его сподвижником, у читателя остаётся ощущение, что всё не столь просто. В последнем сновидении первого романа главный герой слышит из уст антагониста фразу: «Ты предал нас» (с. 267/681). Строго говоря, не завербованный последователь или слепое орудие не может предать, если же слепое орудие прозреет и поймёт свое участие в событии — это тоже не может расцениваться как предательство. Подобные намёки на что-то большее поддерживают ощущение, что некая тайна осталась неразгаданной, пафос сбит автором чуть ли не умышленно.

И в результате этого вместо ожидаемого читателем (и сюжетно блестящего) ключевого момента встречи героя с Самкой в ТС кульминацией оказывается спонтанное излечение его от гипнотической амнезии, к которому Мистическая невеста также не имеет никакого отношения и которое происходит без каких-либо пояснений автора. Ощущение неполноты картины с явной недостаточностью сюжетных узлов и смысловых связей постепенно нарастает. Конец романа вообще выглядит скомканным и поспешным, самые выигрышные повороты фабулы остаются не реализованными, а вместо них возникают совершенно не мотивированные логикой повествования условные развязки.

По мнению Е.А. Кия, роман написан именно так, как опубликован, и другой его версии не существовало. У нас нет формальных причин в этом сомневаться, хотя внезапное появление КР рождает надежду на возможное обнаружение вариантов и дополнений. Подобно психоаналитикам, видящим в сновидении явное содержание и вытесненные желания, мы можем предположить, что завершённость текста — это не всегда ещё завершённость замысла, и уж тем более — завершённость смысла. Право на такое предположение нам даёт не только субъективное ощущение смысловой недостачи, но и вполне объективный, выбранный самим автором стилистический приём.

Дело в том, что первый роман написан в жёсткой рамке венка сонетов. В конце Пролога дан сонет-матрица, затем следуют части, каждая из которых содержит главу и интерлюдия к ней, и Эпилог, который заканчивается заключительным сонетом, начинающимся последней строкой матричного сонета и заканчивающимся его первой строкой — поэтический уроборос кусает себя за хвост. Исходя из этого, легко подсчитать, что, помимо Пролога и Эпилога, должны присутствовать 13 частей, каждая из которых заканчивается сонетом с начальной и конечной строкой по «цепочке» из сонета-матрицы. Однако столь жёсткий ритм неожиданно сбивается, и вместо 13 частей с 13 сонетами имеются лишь 11 частей с 13 сонетами, поскольку в главах 9-й и 11-й (последней) сонеты сдвоены. Таким образом, роману не хватает двух глав и трёх интерлюдий (в последней главе, единственной из всех, интерлюдия нет).

Почему сознательно выбранная автором строгая форма нарушена, да ещё в самом кульминационном месте? Ведь в интерлюдии 9-й главы Константин Ризин переживает первую трансперсональную встречу с Таинственной незнакомкой во время сеанса приёма психотропного средства в клинике «Асклепий», в конце которой она «отнимает веер от лица» (с. 253/675) и он видит её воочию. Развитие сюжета требует разворачивания первой встречи во что-то более значимое.

Но все дальнейшие встречи с Самкой остаются в плане трансперсональных видений, где герой — только наблюдатель или пассивная жертва антагониста.

Сбой сонетного ритма происходит именно тогда, когда главный герой вполне мог бы встретиться с Мистической невестой во плоти. Тема воплощённости предельно важна в обоих романах, антагонист для реализации своего коварного плана должен быть воплощённым («Плотию плоть поправ», с. 275/684), второй роман этому посвящён целиком, поэтому совсем не понятно это исключение для Таинственной самки; не ясно также, почему для разрушения мира антагонисту нужно воплотиться, а для спасения мира это не обязательно.

По сюжету, однако, момент встречи с Самкой маркирован не только нарушением сонетного ритма, но и значимыми сюжетными штрихами: герой остается ночевать в клинике, получив легитимную возможность провести ночь вне дома, там имеется «удобная двуспальная кровать» (с. 249/673) и, самое главное, есть претендентка на роль Мистической невесты. Любой сценарист не упустил бы такую возможность. С драматургической точки зрения — это кульминация романа, и кажется совершенно невероятным, что автор (специалист по китайской эротологии и даосским сексуальным практикам) проигнорировал возможность реализации столь эффектной во всех смыслах сцены, позволив своему герою заснуть в двуспальной кровати безгрешным сном без сновидений.

Подобный драматургический провал может объясняться только одним: для автора данный текст, как мы отметили выше, — не просто «академический экшен» (Ю.С. Довженко) или мистический детектив, а почти автобиографическое повествование или даже беллетризованная исповедь. Поэтому сон героя в клинике «Асклепий» — авторское распутье, где пришлось сделать выбор между художественным эффектом, правдой жизни и, по-видимому, оказавшейся самой важной трансперсональной правдой собственной судьбы. Последняя звучит в словах антагониста в самом первом видении лирического героя: «Сие есть тайна превеликая. Но поскольку ты вот-вот умрёшь, я открою её тебе» (с. 42/585). Смерть автора через год после написания романа озаряет все события совершенно особым светом, а потому многочисленные сцены опыта переживания умирания лирического героя и его трансперсональные встречи также воспринимаются особо.

Поскольку же «правда жизни» может быть известна только самому автору, нам остаются «художественная правда» и «правда судьбы», только о них мы и можем говорить в некотором приближении. Но если «художественная правда» имеет опору в тексте и лежит на «поверхности» его содержания, то «правду судьбы» может открыть лишь проникновение в глубину подтекста и его анализ с помощью средств психоаналитической и глубинной психологии, что, конечно же, чревато весьма условными и гипотетическими результатами.

Однако позволим себе беллетристическую вольность и пофантазируем, как мог бы развиваться сюжет, если бы герой и его Мистическая невеста встретились. Кто бы ею мог быть? В своих трансперсональных опытах он видит её то как женщину в чёрном, то как восточноазиатскую девушку в цветущем саду. Её называют традиционными именами: Мария, Елена, София, Фаина (с сильными религиозно-мифологическими коннотациями) и соответствующими символическими обо-

значениями: Незнакомка, Премудрость Божия, Шехина, Снежная Дева (с. 202–204/652–653). Однако от антагониста его спасает именно девушка, преобразующаяся по мере развития видения в «зрелую женщину неопишуемой красоты» (с. 268/681). В АД Мистическая невеста уже выступит именно как прекрасная женщина старше тридцати лет по имени Татьяна и будет представлена сначала человеческой, а потом алхимически трансмутированной природой, в которой зачинается «бессмертный зародыш»⁷. Можно даже предположить, что Татьяной является сама воплощённая Таинственная самка и Дракон изгоняется из преобразённого тела Татьяны не касторкой (такое объяснение выглядит презрительным издевательством умного Артамонова⁸ над простодушным Ризиным), а самой её онтологической природой, столь же бессмертной и мощной, как и природа Дракона. Но в начале видений в ТС — это, всё же, ещё девушка.

Из весьма скудного женского набора персонажей ТС на роль девушки подходит только одна, однажды вскользь упомянутая лаборантка Юля как раз из клиники «Асклепий». Она присутствует до трансперсонального сеанса главного героя. Сеанс проходит под надзором приятеля-психотерапевта, и его уход из клиники описан, а её — нет. Именно трансперсональный опыт, пережитый в этот момент протагонистом, автор считает ключевым, назвав эту интерлюдия «Самой важной из всех!» (с. 248/672). С известной долей фантазии можно предположить, что лирический герой, находясь ещё под шлейфом действия психотропного средства, видит в юной Юле, облачённой в белый халатик, свою «Снежную деву» и Мистическую невесту. Можно даже допустить, что исходно её имя в романе могло бы быть не Юля, а из вышеприведённого набора: Мария, София, Фаина или Елена⁹.

Если бы главный герой поступил не как антагонист, который напрочь «игнорирует Шехину» (с. 200/652), ему следовало вступить с Юлей — воплощённой Шехиной или Софией — в иерогамию, т.е. следующая за 9-й интерлюдией глава должна была бы описывать любовную сцену главного героя и его Мистической невесты в храме (клинике) Асклепия. Имя древнегреческого целителя намекает и на то, что в этом месте происходит исцеление героя — его память восстанавливается. Было бы более чем символично, чтобы именно этот союз исцелил главного героя и снял с него гипнотическое заклятие контрагента. Так обрётённое прозрение расставило бы всё по своим местам: Мистическая невеста, вернув па-

⁷ «Бессмертный зародыш» (*сянь-тай* 仙胎) — эликсир бессмертия, согласно психофизиологической «внутренней алхимии» (*нэй-дань* 内丹), создаваемый в самом организме адепта, таким образом превращающегося в «одухотворённое» тело и достигающего высшей цели даосизма — продления жизни или бессмертия. Подробно см.: Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009, с. 340–348, 430–491, указ.

⁸ Можно отметить, что фамилия Артамонов может восходить к кличке пса Артамона, помощника и спутника прекрасной Мальвины.

⁹ Правда, последнее имя уже занято богемной однокашницей и самодеятельным поэтом Еленой Бригадировой, в дьяволическом по-булгаковски контексте декламирующей свою пьесу о кровосмесительном влечении брата к родной сестре и прочих буйствах страстей (с. 157/633). Интересно отметить, что в «Апостолах дракона» Татьяна тоже пишет стихи и даёт их читать Ризину.

мять главному герою, предотвращает гибель мира, а главный герой, проведя ночь любви и обретя свою Невесту, духовно возмужавший, исцелённый и прозревший, получает себе могучую союзницу для борьбы с Драконом. Описание их любовного союза в этой новой 10-й главе как раз заканчивалось бы сонетом со строкой: «И плоть орудьем верным стала духу» (с. 254/675). После этого герой мог бы забыться счастливым сном и проснуться в 8.30 в главе 11-й (а не 10-й) для того, чтобы уже окончательно разобраться в ситуации.

Отсутствующая сцена иерогамии проясняла бы, почему Мистическая невеста кинулась на защиту главного героя, когда он в своём следующем сновидении подвергся атаке антагониста (в интерлюдии 10-й главы, которая была бы 11-й):

«Я забился в конвульсиях.

— Нет, не будет этого! — раздался у меня над ухом звенящий колокольчиком юный девичий голос» (с. 268/681) и прекрасная дева в видении убивает антагониста.

Совершенно логично эта часть заканчивается строчками сонета:

Лазурь Небес земную грудь лобзает,

Умолкли в изумлении пророки:

Титан Урана с Геей сочетает (с. 270/682).

Главный герой спасён в мистическом, трансперсональном плане потому, что не отверг Невесту, а сочетался с нею как с Возлюбленной женой в жизни земной. Без этой сцены его спасение Таинственной девой остаётся таинственным — из текста совершенно не понятна её связь с ним. Даже если предположить, что она убивает антагониста просто из личной неприязни к нему или из-за заботы обо всём творении в целом, мотив защиты лирического героя, обозначенный столь явно, повисает в воздухе.

В реконструируемом нами варианте, видимо, совершенно иначе разворачивалась бы последняя, решающая встреча главного героя с Королёвым-Драконом, но об этом даже гадать уже практически невозможно: концовка слишком стёрта и поспешна.

Почему же Таинственная незнакомка так и не воплотилась? Можно предположить два варианта: сознательного зашифровывания значимого момента или бессознательного его вытеснения. Как мы уже отметили, текст для автора — очень биографический и потому тема адюльтера — весьма щекотливая. Но есть и другое, структурно-сюжетное соображение. Вытеснение (из-за гипноза) главным героем факта похищения психотропного вещества из хранилища института — это главная явная интрига романа. Допустимо, что вытеснение — это метариторическая сквозная фигура, присутствующая на всех уровнях текста. Поэтому отсутствие абсолютно выигрышного художественного хода можно рассматривать не как неумение начинающего беллетриста, а как тактическую фигуру умолчания либо психоаналитическую фигуру вытеснения.

В первом случае главный герой по воле автора забывает о своей ночи любви с Таинственной самкой и продолжает пребывать в неведении о получении особого покровительства. Он ещё раз становится орудием в руках трансперсональных сил, и его прозрение о своей роли избранного Жениха Мистической невесты

так и остаётся для него недоступным. В этом случае сознание героя заблокировано, но автор всячески намекает на событие, о котором читатели должны догадаться самостоятельно.

Во втором случае заблокированным оказывается сознание самого автора, который неведомым для себя образом впадает в гипнотическое игнорирование того, что само просится в сюжет, и кое-как сшивает провисшие сюжетные ходы, превращая главного героя в рядового статиста.

В обоих случаях возникает закономерный вопрос — почему такое интригующее название, выигрышное с любой точки зрения, оказалось столь мало, как сказали бы школьные учителя, «раскрыто»? И почему указанные выше ключевые сцены возвращения памяти главному герою и победа над антагонистом в земном плане происходят без участия Таинственной самки и написаны *ad hoc*?

Эти вопросы приводят к следующей загадке столь привлекательного для глубинных интерпретаций текста — к загадке прототипа главного злодея и его связи с протагонистом и автором. К ней мы теперь и обратимся.

Комментарий второй, психоаналитический

Повторим, в романах сосуществуют два плана, которые можно назвать персональным (бытовым, реалистическим) и трансперсональным (символическим, мистическим). В персональном плане действуют узнаваемые лица — сотрудники научных институтов эпохи поздней перестройки и новой России со своими относительно легко идентифицируемыми прототипами, в плане мистическом — Предвечные сущности, Светы: Творящие Светы, породившие миры, и Нетворящие Светы, изначально не желавшие участвовать в творении и считавшие творение — злом. Эти Нетворящие Светы были заточены во тьме внешней в виде Драконов (Драконоидов), желали погубить творение и вернуться к изначальной нерасколотости Света-Абсолюта.

Как справедливо отметил Ю.С. Довженко в предисловии к ТС, специалистом-востоковедам не составит особого труда опознать многих персонажей, в частности, ветеранов бывшего филиала Института востоковедения АН СССР / РАН, а ныне Института восточных рукописей РАН: холодная, как Пиковая дама, Изольда Давыдовна Полянская — это Изольда Эмильевна Циперович (1918–2000), скандальная Татьяна Исаевна Фельдман — Ольга Лазаревна Фишман (1919–1986), энергичный джентльмен Лев Петрович Большаков — Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005), ортодоксальный бородач и учёнейший секретарь Альберт Аввакумович Липкин — Эдуард Наумович Тёмкин (1928 г.р.), патриарх-шашист Мухаммед Алиевич Шарипов — Мухаммад Абдулкадырович Дандамаев (1928 г.р.), унылый гений умонепостижимых схем Семён Владимирович Карпов — Владимир Семёнович Спиринов (1929–2002), ушлый директор Георгий Тигранович Аванесян — Юрий Ашотович Петросян (1930–2011), волосатый эрудит Георгий Леопольдович Тролль — Юрий Львович Кроль (1931 г.р.), честный заместитель директора Константин Иванович Ревунов — Евгений Иванович Кычанов (1932–2013), пафосный красноречивый Олег Павлович Трубецкой — Анатолий Павлович Терентьев-Катанский (1934–1998),

эффектная Электра Дмитриевна Кессиди — Эльвира Степановна Стулова (1934–1993), — ровесников героя: философствующий выпивоха Сергей Соловьёв — Александр Михайлович Кабанов (1952–2011), прагматичная рационалистка Ирина Ставцова — Марина Евгеньевна Кравцова (1953 г.р.), артистичная литераторша Елена Бригадирова — Татьяна Геннадьевна Комиссарова (Сторчевая/Сторч, 1953 г.р.), — и московских коллег из головного ИВ РАН: колоритная (см. с. 87–89/603–604) покровительница молодых талантов Тамара Павловна Максимова — Татьяна Петровна Григорьева (1929–2014), автор биографического словаря С.П. фон Бок — Софья Давидовна Милибанд (1922 г.р.). Мелькнувшие в АД зав. сектором Алексей Митрофанович Евлампиев — это к.и.н. Александр Степанович Мартынов (1933–2013), а профессор Михаил Александрович Решетников — к.и.н. Александр Михайлович Решетов (1932–2009). Как видно из приведённого перечня, имена и фамилии связаны либо смысловой, либо фонетической ассоциацией.

Однако для самого героя и его антагониста этот простой принцип названия не работает, их связь с прототипами — иная. Хотя кажется совершенно очевидным, что прототипом лирического героя является сам автор, всё не так просто. В романе ему — Константину Ризину — 37 лет, соответственно, год его рождения — 1964. Словами одного из персонажей он аттестован как «много занимавшийся Китаем, для которого, как показал Кобзев, очень важна нумерология и классификационизм» (с. 48–49/588)¹⁰. Подобно своему литературному альтер-эго, автор с нумерологической тщательностью прописал даты и сроки, а стало быть, это смещение возраста и даты рождения отнюдь не случайно. Дело в том, что сам он — 1956 года рождения, когда, согласно роману, появился на свет Дракон в человеческом обличье Андрей Королёв. Это значит, что автор связан «узами родства» не только с главным героем, но и с антагонистом.

Этимологию фамилии Ризин следует, видимо, возвести к слову «риза», обозначающему облачение человека или иконы. С юнгианской точки зрения, риза — элемент Персоны, позволяющий человеку без смертельного риска входить в зону действия нуминозных, трансперсональных, или архетипических, сил. В этом смысле автор, «надевая» на своё авторское Я «ризу» персонажа, оказывается способным во время трансперсональных состояний вступить в контакт с мистическими сущностями, Драконоидами.

Прозрачная семантика имени Константин говорит о константности, стойкости, неизменности, постоянстве. Кроме того, в нём ощущается явная отсылка к Константину I Великому, сделавшему христианство государственной религией, что лишний раз подчёркивает статус главного героя, стоящего на стороне Творящих Светов, к коим причисляется и Иисус Христос.

¹⁰ В примечании Е.А. Кия к этой фразе сказано: «Кобзев А.И. — современный московский китаевед, автор книги “Учение о символах и числах в китайской классической философии”» (с. 49). Только один коллега назван в романе собственным именем, хотя, как показала «Китайская рапсодия», он мог быть также узнаваемо переименован.

Этот персонаж-медиум трансперсонального опыта автора работает в институте СПБО ИТП РАН, название которого, любителями братьев Стругацких без труда прочитывающееся как «Спаси Бог и т.п.», опять же показывает, на чьей он стороне.

Итак, лирический герой родился в 1964 году, что позволяет предположить: если антагонист получил в романе дату рождения автора — 1956 год, то лирическому герою, наоборот, положено родиться одновременно с прототипом антагониста. Отсюда возникла гипотеза, что таковым стал известный московский китаист Алексей Александрович Маслов, 1964 года рождения, который сначала, как чёртик из коробки, выскочил в более приземлённом облики коммерчески одарённого москвича, «энергичного и пробивного молодого трансперсоналиста Алексея Мартова», вскользь упомянутого главным героем (с. 78/599). Разумеется, жанр позволяет одному прототипу не только двоиться, но и расщепляться на целый спектр образов, равно как и разным образам сливаться в один. Более того, название имени, легко ассоциирующегося с прототипом, перед появлением буквально на следующей странице (с. 79/600) его главной ипостаси — молодого москвича из головного института Андрея Королёва относится к классике литературного намёка или религиозного предзнаменования, подобно первоначальному явлению Мефистофеля в виде чёрного пуделя в «Фаусте» Гёте.

Имя и фамилия антагониста — Андрей Королёв также символичны. Именины Андрея и Алексея приходятся на один и тот же день — 17 июля, когда родился Андрей Королёв. Его отчество — Александрович — точно такое же, как у его прототипа. Мать Андрея Королёва — урождённая Моргенштерн («Утренняя звезда» и название боевого оружия) не славянских кровей, подобно матери прототипа. Сама фамилия Моргенштерн в сочетании с именем Клара может намекать на фантастический роман «Хранитель Мечей. Одиночество мага» (2001) питерского писателя Ника Перумова. В «Апостолах Дракона» сказано, что Кларой звали мать Саббатая Цеви (1626–1675; другая транскрипция имени — Шабтай Цви, более точный год смерти — 1676), объединившего в себе обе природы Творящих и Нетворящих Светов (следует подчеркнуть эту идею автора об объединении, примирении онтологического раскола). Е.А. Торчинов изучал каббалистическое учение экстравагантного (с эротическим оттенком) и страдавшего маниакально-депрессивным психозом иудейского мессии XVII в.¹¹, а здесь представил выведенную из него дату рождения нового мессии — 1956 г. (с. 55/590), когда, напомним, родился Андрей Королёв, сразу после знакомства нагрянувший к Константину Ризину с разговором именно о Саббатеае Цеви (с. 90/605).

Однако автор подарил антагонисту не только год своего рождения, но и другие знаковые даты. По биографической справке, данной в романе, тот окончил психологический факультет МГУ в 1978 году, когда восточный факультет ЛГУ окончил

¹¹ См. его публикации на эту тему: Каббала и Восток // Вестник Еврейского университета в Москве. М., Иерусалим, 1997, № 3 (16), с. 96–128; Доктрина происхождения зла в лурианской и саббатианской каббале и в буддийском «Трактате о пробуждении веры в Махаяну» // Религиоведение. 2001. № 1, с. 48–60; The Doctrine of the Origin of Evil in Lurianic and Sabbatean Kabbalah and in the «Awakening of Faith» in Mahāyāna Buddhism // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. Los Angeles, 2000. Vol. 5, p. 183–198.

Е. А. Торчинов, защитивший кандидатскую диссертацию в 1985 году, точь-в-точь как и Андрей Королёв.

Таким образом, автор спроецировал свои биографические данные на Андрея Королёва, а на Константина Ризина — год рождения А. А. Маслова, с которым был лично знаком, к которому мог относиться как к своему последователю, выступив официальным оппонентом на защите его докторской диссертации, и который, подобно Андрею Королёву, жил в Москве на Юго-Западной. Кажется просто мистическим совпадением то, что, как выяснилось, до недавней поры скрытая, но столь значимая для Е. А. Торчинова тема драконов после его смерти стала активно эксплуатироваться А. А. Масловым, опубликовавшим подряд две книги с выразительнейшими в свете всего вышесказанного названиями: «Встретить дракона: толкование изначального смысла “Лао-цзы”» (М., 2004) и «Укрощение драконов: Духовные поиски и сакральный экстаз в Китае» (М., 2005).

Фамилия антагониста Королёв тоже не случайна: он — Король тьмы внешней, глава Нетворящих Светов, Драконоидов. Его имя, помимо связи с прототипом по дню рождения, намекает на Андрея Первозванного, первого ученика Иисуса Христа, тем самым подчёркивая его близость к Свету Творящему, «званность» и «первенство». В свете этого психоаналитической проекцией выглядит его обвинение Ризину: «Ты предал нас», которое является саморазоблачением его собственного предательства Творящих Светов.

Если протагонист Константин Ризин и антагонист Андрей Королёв в ТС стоят по разные стороны метафизической баррикады, то сам автор занимает амбивалентную позицию, будучи причастен обеим сторонам. В итоге он представлен и героем, и антигероем. Расщепление на Ризина и Королёва привело к тому, что образ лирического героя довольно бледен и ему отведена роль слепого орудия антагониста. Более того, в фабуле романа реальное противодействие Дракону оказывает не лирический герой, а сотрудник ФСБ, астролог и геомант Анатолий Ерошин, ловко и незаконно заменивший психотропное вещество на плацебо, откуда даже напрашивается предположение, что Таинственной самкой названа Тайная спецслужба (ФСБ). Эту всемогущую силу нетрудно представить в образе inferнальной девы-защитницы с «ожерельем из человеческих черепов» и «пламенеющим мечом», напоминающим центральный символ эмблемы ФСБ (с. 268–269/681–682). Подобный скрытый смысл мог бы многое объяснить в ТС, но доказательство его наличия требует дальнейшего исследования многомерного текста.

В АД аналогом Ерошина выступает алхимик Павел Артамонов, который сначала готовит для алхимической свадьбы прекрасную Татьяну, а потом препятствует вхождению Дракона в её тело и сам женится на ней. Эти двое мужчин — более яркие и самостоятельные персонажи, чем лирический герой, который всегда оказывается либо пассивной жертвой, либо сторонним наблюдателем. Поэтому психоаналитик предположил бы, что авторское «Я» Е. А. Торчинова представлено не только Ризиным. Он и впрямь — лишь риза, оболочка, которая позволяет автору коммуницировать с более полнокровными и активными сущностями своего психического мира, но об этом — в следующем комментарии.

Комментарий третий, архетипический

Поскольку в романе центральное мистическое событие — раскол внутри Абсолюта на Творящие и Нетворящие Светы, а главный поставленный вопрос — метафизическая проблема зла: в Абсолюте и в Творении, постольку причастность автора обеим сторонам конфликта показывает раскол в его собственной душе. Однако за метафизической проблемой, решение которой устами Ризина во втором романе признано невозможным, потому что «две правды» — это именно две правды (АД, с. 726), таятся совсем другой вопрос и другие «две правды». Это вопрос о происхождении Творения и о Творчестве как таковом — как именно оно, т.е. рождение нового, возможно, а «две правды» суть два принципиально различных способа творения: либо через соединение мужского и женского начал (гетерогенезис), либо через уроборическое самопорождение (гомогенезис). Этот скрытый вопрос постоянно «просвечивает» в явном тексте ТС и совершенно открыто ставится в АД.

В ТС всё время подчёркивается, что для Дракона гетерогенезис неприемлем, он отвергает Женское начало. В АД эта тема достигает кульминации в алхимической свадьбе, где Невеста — не невеста, а пустой сосуд для Дракона, очищенное алхимическим действием тело, в котором он с помощью оболочки даосского бессмертного зародыша должен породить сам себя. Этот уроборический мотив перекликается с темой власти над творением посредством кундабуфера¹² (термин Г.И. Гурджиева), в описании Е.А. Торчинова в романе ТС — похожего на спираль ДНК (ТС, с. 267/681) и связанного с тантрическим подъёмом энергии кундалини вверх по позвоночнику. Этот ДНК-образный кундабуфер находится в руках Дракона. Возможно, что именно за ним и идёт настоящая охота — и в итоге Ризин должен был бы похитить не психотропное средство для Дракона, а кундабуфер для Таинственной самки, чтобы Дракон потерял власть над творением и не мог бы ему больше навредить.

¹² «Гурджиев говорил, что западные люди не понимают, что это такое. Его учителя объясняли ему, что правильное название этой энергии — кундабуфер. Кундабуфер — это орган, помещённый высшими силами Вселенной в людей в те времена, когда жизнь на Земле была намного хуже, чем сейчас. У Гурджиева есть нечто вроде мистической космологии, где говорится, что местоположение нашей планеты было крайне негативным и она подвергалась вредному облучению, так что боль была гораздо более распространённым явлением. Она была столь сильной, что люди часто приходили в отчаяние и умирали, что наносило населению Земли большой ущерб. Кундабуфер был имплантирован как своего рода генератор воображения, так что люди могли ускользать в ментальные конструкции и образы, что автоматически изолировало их до некоторой степени от тела, от боли, позволяя воображать что угодно и вселяя надежду. Это было чем-то вроде первой помощи, паллиативным средством от боли, потому что в то время ничего нельзя было сделать с её истинным источником. По Гурджиеву, наша планета теперь уже находится в другом секторе Галактики, так что кундабуфер нам больше не нужен. Но у нас забыли забрать его! И сейчас он оказывается основным препятствием для нашего подлинного развития» (*Тарт Ч. Практика внимательности в повседневной жизни. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996, с. 45*).

Любопытно, что мистическим образом возникшая параллель с ДНК отсылает к совсем недавним исследованиям половых хромосом человека, указывающим, в частности, что Y-хромосома построена как «зал зеркал» (Д. Пэйдж¹³) и в ней огромное количество палиндромных цепочек, благодаря которым она компенсирует свою неспособность к репликации с X-хромосомой и противостоит деградации. Эта «зеркальность» также наводит на мысль о самовосстановлении и самопродолжении без потребности во взаимодействии с другим, женским началом (мужское самовоспроизводится без участия женского). И хотя филогенетически женская хромосома первична, напрашивается вопрос о логической первичности, например: может ли мужское вообще обойтись без женского, если репродуктивная функция будет перенесена от женщины на искусственные устройства? Ведь с биологической точки зрения женщину можно рассматривать всего лишь как вынесенную вовне матку мужчины, который тем самым освобождается от нагрузки вынашивания потомства для занятий другими, более важными делами (что, собственно, и транслируют все традиционные идеологии). Если женщина перестаёт быть необходимой для воспроизводства, то нужна ли она вообще? Бум гомосексуальной, особенно голубой, тематики и острота полемики вокруг неё — это вершина глубинного страха, что в ближайшем будущем человечество будет сильно меняться, в том числе и биологически. Поэтому вопрос о власти над ДНК — краеугольный для человечества в XXI веке. Вполне возможно, что Е.А. Торчинов в архетипических видениях своего героя примкнул к этому глубинному тренду в родовом бессознательном человечества.

Более того, кундабуфер не только даёт власть над творением (в буквальном смысле этого слова), но и доступ к глубинной энергии человека. Владелец этой «игрушки» — властелин мира, уроборос, кусающий свой хвост, великий змей самообновления и самопорождения. Поскольку в романе кундабуфер — в руках Дракона, лирический герой в своём трансперсональном видении на себе испытывает силу этого «оружия», с помощью которого Дракон причиняет ему острую боль в позвоночнике. Но если мы знаем, что Дракон и автор родственны друг другу, а Королёв-Дракон — часть авторского Я, как и Константин Ризин, то возникает вопрос: где на самом деле находится эта «спираль контроля»?

Например, можно предположить, что отщепление бойкого Королёва в качестве близнецового полюса от положительного во всех смыслах пай-мальчика Ризина и разыгрывающаяся между ними драма гипнотической (читай: нарциссической) связи может уходить своими корнями в непростую семейную историю автора, воспитанного матерью без отца. Психоаналитический взгляд на подобные неполные семьи всегда легко находит в них предпосылки для подавления генитального гетеросексуального либидо за счёт сильной идеализации материнской фигуры, с одной стороны, и, с другой, — стимулирования гомосексуального либидо из-за действующих одновременно нескольких факторов: отсутствия отцовской модели

¹³ Дэвид Пейдж (David Page) — директор Института биомедицинских исследований Уайтхеда в Массачусетсе.

маскулинного поведения, неразвитости навыка конкурентной борьбы за женщину с более сильным и статусным мужчиной (дефект в развитии Эдипова комплекса), латентный страх перед стимуляцией маскулинности из-за столь же латентного страха быть воспринятым матерью в качестве партнёра. В обоих романах явная идеализация женского начала сочетается с отсутствием даже намёка на эротическое, тем более сексуальное, поведение Ризина или Королёва. Более того, в романах присутствуют более сильные и статусные мужчины (Ерошин и Артамонов), занимающие по отношению к Ризину отцовскую позицию, и с ними у героя нет никакой борьбы за женщину. В своём семейном поведении Ризин также далёк от какого бы то ни было эротизма в отношениях со схематично идеализируемой женой. Они близки скорее по-родственному, как брат с сестрой, а контакты Ризина с сыном максимально дистантны и формальны, что также, с психоаналитической точки зрения, говорит не только об отсутствии опыта отцовско-сыновних отношений у лирического героя (и автора), но и о латентном страхе к эмоциональному сближению с мальчиком-подростком из-за неумения регулировать собственное гомосексуальное либидо: неспособность любить (устанавливать близкие, эмоционально насыщенные отношения) с собственными сыновьями у мужчин часто коррелирует с любовью к чужим мальчикам. Непонятное Ризину влечение к Королёву, эвфемистически перешифрованное в гипнотическую связь, тоже может быть интерпретируемо как гомосексуальное влечение героя к своему альтер-эго, с одной стороны, и как нарциссическое аутоэротическое влечение между психическими структурами на уровне авторского «Я» — с другой.

И так композиционно сложная ситуация осложняется ещё тем, что хотя Королёв и Дракон в романе — одно лицо, это две разные психические сущности архетипического мира автора: первый олицетворяет собой Тень и является альтер-эго, близнецом лирического героя, второй представляет более глубинную психическую структуру, Самость.

В отношениях же Ризина с Драконом можно увидеть блокирование либидо как такового, что маркируется в сознании Ризина болью в позвоночнике, высокими стенами бассейна с чудовищем в центре, страхом спуска к ручью (вода — образ бессознательного либидо) и, в конце концов, разными переживаниями умирания во время трансперсональных видений. При этом насколько Ризин беспомощен перед Драконом, настолько Дракон беспомощен перед идеализированными сильными мужчинами Ерошиным и Артамоновым. Из этого психоаналитик сделал бы весьма печальный вывод, что самая мощная психическая структура автора, несмотря на постоянное подчёркивание её божественного статуса, тотально обесценена, и усмотрел бы в этом всю ту же психическую динамику у мальчика, оставленного отцом, образ которого одновременно сильнейшим образом идеализируется (Дракон равен Богу) и обесценивается (Дракона можно обмануть простым плацебо и изгнать смешной касторкой). Опасность ситуации для автора заключается в том, что кундабуфер — символ властной (спираль контроля) и сексуальной (кундалини) энергии — находится в руках Дракона — собственной глубинной энергетической сущности, но отрезан доступ к ней, как когда-то путь к отцу, и к глубинным силам собственной маскулинности.

Подобно любому орудью, кундабуфер может быть использован во благо или во вред, может снять боль или породить её, дать доступ к глубинной энергии или его пресечь. Поэтому отношения автора с Драконом показывают психологическую проблему доступа к глубинной жизненной энергии.

В романе обозначены два мотива действий Нетворящих Светов, Драконоидов — они хотят уничтожить мир и хотят в нём властвовать с помощью кундабуфера. Совершенно очевидно, что эти установки антагонистичны. Поэтому, как уже отмечено выше, можно предположить, что Драконоиды не вообще против творения. Они принципиально против творения как соединения мужского и женского начал, в силу чего отвергают Самку как женское начало и всю сексуальность в целом, поэтому обаяние Дракона-Королёва было «без какого-либо оттенка сексуальности» (с. 217/659). Секс — это раскол природы на мужское и женское и порождение нового через объединение двух различных начал. Творение как самопорождение не предполагает женского, не предполагает раскола, а значит, и соединения. Каббалистический, не китайский, Дракон романа — это Дракон-Уроборос, отвергающий женское начало¹⁴.

Поэтому выбор между Драконом и Таинственной самкой для главного героя — это выбор способа творения, обновления и получения жизненной энергии. Он должен решить не «творить или не творить», а как именно творить и где брать для этого энергию — у себя самого как Дракона или у Таинственной самки, Матери Поднебесной. Королёв-Дракон — альтер-эго героя, его нарциссический брат-близнец, чьё асексуальное очарование вызвано зеркальным подобием, идентификацией, манящим гомосексуальным либидо, любящим в Другом своё отражение, себя самого. Таинственная самка — это встреча с принципиально другим началом, признание собственной ограниченности полом и жажда Другого для рождения нового. Поэтому, если герой не выбирает идентификацию с Драконом, с его асексуальным путём, он для победы над ним должен выбрать Таинственную самку, встать не на путь власти и безграничного расширения своей личности, а на путь гетеросексуальности и самоограничения ради встречи с женщиной в мирском плане и женским принципом в метафизическом.

Однако сложность ситуации заключается в том, что Дракон-Королёв — не только альтер-эго героя, но и представитель автора, и отказ от Дракона — это отказ от себя самого в самых глубинных аспектах своей личности.

Поэтому для большей наглядности, объединив оба романа, мы предлагаем реконструировать две системы персонажей, представляющих автора, следующим образом:

Персональный план

+ Анатолий Ерошин (идеализированное Эго)

Константин Ризин (Эго)

+/- Андрей Королёв (Альтер-Эго)

¹⁴ См. о соответствующем сходстве и различии двух культур: Кобзев А.И. Нумерология и каббалистика: Пекин и Иерусалим // 40-я НК ОГК. Т. XL. М., 2010, с. 444–450.

+ Павел Артамонов (идеализированное Эго)

Анатолий и Павел — решительные успешные мужчины, один — сотрудник ФСБ, другой — новый русский, бизнесмен, первый — астролог, второй — алхимик. Можно предположить, что они вместе образуют «идеальное Я» автора. Важна их успешность не только в социуме, но и в распределённых между ними оккультных практиках, которые профессионально изучал автор.

На долю Константина Ризина остаётся трансперсональная психология и мало-денежная работа в НИИ, он практикует с помощью психотропных средств трансперсональные видения, но при этом оказывается лишь их пассивным наблюдателем. Активно же он занимается только теорией и иногда ездит на конференции, где выступает с докладами.

Трансперсональный план

Консантин Ризин (Эго)

Андрей Королёв (Тень)

Таинственная самка / Татьяна (Анима)

Дракон (Самость)

Структуру Ризин–Ерошин–Артамонов юнгианцы могли бы назвать структурой Эго-комплекса автора, Таинственную самку-Татьяну — его Анимой, Андрея Королёва — Тенью, или альтер-эго, а Дракона — Самостью, глубинной энергетической сущностью, центральным архетипом.

Возникший внутри этой структуры антагонизм для юнгианцев обычно маркирует собой глубинную личностную проблему, связанную с потерей доступа к энергии и неудовлетворённостью жизнью. Задача лирического героя в такой истории — это налаживание психотерапевтической коммуникации между психоэнергетическими центрами, персонифицированными разными персонажами, для получения реальной психотерапевтической помощи. Последняя может выражаться разными способами: как, например, в волшебных сказках, где герою достаётся волшебный предмет или чудесное вспомогательное средство, новое обличье или редкостная жена, клад или подвластная территория. Он может, как это часто бывает на психотерапевтических сеансах подобной направленности, внезапно увидеть в новом свете старую ситуацию или выход из затруднительного положения, обнаружить в себе ресурсные психические зоны или переосмыслить свои отношения с окружением. Однако в обоих романах ничего этого не случается, автор строго блюдёт статус-кво лирического героя. Но кое-какие изменения всё же происходят.

Если в ТС связь героя с Самкой остаётся тайной и молодая девушка никак не участвует в реальной жизни героя, то Татьяна («ужель та самая Татьяна», которая «другому отдана», другому, а не Евгению!) из АД — взрослая женщина неземной красоты из видений первого романа, которой Ризин только безмолвно и издалека любуется, наслаждаясь лишь её стихами, — в конце концов становится земной женой алхимика Павла Артамонова.

Интересно, что во втором романе описана трансмутация тела Татьяны и алхимическая линия развита очень подробно. Тем более странно, что автор, знаток даосских традиций «пестования жизни» (*ян-шэн* 養生), макробиотики и эротологии, детально описавший даосский путь алхимической трансмутации тела¹⁵, в романах вывел и астролога, и алхимика, писал про каббалу и нумерологию, но совершенно проигнорировал эротологическую тему даже там, где её просто не могло не быть — в истории про Константина Ризина, писавшего, как и Е.А. Торчинов, о каббале и сексуальности (с. 48/587), и Таинственную самку, вечно женственное, ложбинный дух, силу *инь*. Подобное отсутствие выразительнее любого присутствия.

Ещё одна странность заключается в том, насколько легко (можно было бы даже сказать: кощунственно легко) автор в обоих романах разделяется с Драконом, который — ровня Богу-Творцу, такой же Предвечный Свет! И такое могучее существо в ТС обводят вокруг пальца с помощью плацебо, а в АД — вот уж воистину чудеса! — изгоняют касторкой. Юнгианец сказал бы, что такое обращение с подобными персонажами опасно и наказуемо, потому что если Дракон — и не онтологическая Предвечная сущность, то, по крайней мере, сущность архетипическая. Есть, конечно, этому ещё одно объяснение: это отношения Ризина с Ерошиным и Артамоновым, которые по тексту романов остаются тоже весьма туманными. Однако, учитывая, что эти персонажи — структуры Эго-комплекса автора, можно предположить, что и Ерошин, и Артамонов обманывают Ризина, говоря о плацебо в ТС и о касторке — в АД. В действительности же их намерения не столь чисты, как хотелось бы. Они — тоже участники распределения власти и секса (а значит, доступа к энергии) в этом мире и заинтересованы в лояльности Ризина, именно они — реальные противники Дракона, в отличие от Ризина. Они, как сказали бы психоаналитики, типичные представители мира Супер-эго, подавляющего либидо и карающего за связь с ним. Так что конфликт между идеализированным Я и глубинным либидозным драйвом налицо. В итоге Ризин, как примерный пай-мальчик, обманутый взрослыми «хорошими» дядями, остаётся ни с чем в этом жёстком мире борьбы за власть и секс.

В самом первом трансперсональном переживании, описанном в ТС, глава Нетворящих светов, Дракон является герою так: «Я увидел некий бассейн, окружённый высокими каменными стенами, образующими круг и сложенными из необработанных валунов, блестящих под светом немногочисленных факелов, закреплённых между валунами. Но самое интересное было в центре бассейна: там сидело огромное существо, нечто среднее между драконом и динозавром, из его пасти извергались потоки воды» (с. 41/584).

Даже если этот образ взят из реальных воспоминаний о некотором бассейне, то его описание любой юнгианец назовет архетипическим: круговое (образ Самости) водное (образ бессознательного) сооружение, центральное огромное существо, явно сущностно связанное с водой, — это стандартные архетипические

¹⁵ См.: Путь золота и киновари; Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5, с. 344–348.

образы. Но есть одна важная деталь, индивидуальная и нетипичная, — высокие каменные стены. Это — образ дистанции между сознанием героя-автора и архетипическим центром личности, а также теми переживаниями, которые грозят затопить и поглотить сознание лирического героя (частые образы обмороков, погружений под воду и т.п. в романе).

Опасность такого сближения очевидна самому автору, и любой психотерапевт глубинного направления подтвердит, что эти страхи небезосновательны: архетипические переживания могут быть столь энергетически мощными, что или разрушат Эго, или подвергнут его неоправданной инфляции (расширению), выражающейся в виде маний и сверхценных идей. Не зря в романе постоянно упоминается о маниакально-депрессивном психозе Саббатая Цеви, вобравшего в себя природу Творящих и Нетворящих Светов, не зря лирический герой окружён защитными стенами трансперсонального института и водит знакомство с симпатичным психиатром Ильёй Гданьским, главой чудесной клиники «Асклепий», где так хорошо лечиться стационарно в случае печального исхода.

Учитывая встроенные в текст и указанные выше биографические соответствия, важно также отметить, что автор выбрал в лирические герои человека младше себя на 8 лет. Исходя из текста, можно предположить, что в возрасте 8 лет, купаясь в небольшой речке и ловя тритонов или аксолотлей, автор пережил своё первое нуминозное состояние, которое потом возвращалось к нему в повторяющемся из года в год сновидении, теперь описываемом как сновидение лирического героя, ощущающего себя богом: я снова попадаю в «мой мир, и в нём я могу усилием воли делать всё, что хочу, здесь нет невозможного для меня» (с. 207/655). После этих снов герою «грустно и светло». Это пережитое в детстве чувство полноты счастья становится контрапунктом взрослой жизни, из которой постепенно утекает ощущение того, что «здесь нет невозможного для меня». Чудесные аксолотли — хранители этого золотого мгновения — тоже растут, но отдельно, в своём отличном от бытовой поверхности мире и превращаются в грозных и могучих светозарных Драконоидов. Они тоже хранители — предвечной гармонии Предвечного Света. Но путь в эту изначальную гармонию нерасколотого мира неисчерпаемых возможностей невозможен. Потому что мир полон расколов и разрывов, конфликтов и противоречий, запретов и наказаний. Потому что «спираль контроля» не в руках главного героя и он должен отправиться в путь, чтобы найти источник жизни и энергии, как отправляется любой сказочный герой для восполнения вдруг обнаруженной недостачи.

Трансперсональное путешествие героя начинается с видения, которое можно определить как видение Самости, глубинного архетипа Целостности, Полноты, жизненной энергии. Но её отгораживают высокие стены — символ отделённости, раскола. Герой и вместе с ним автор отделены от живительных вод, спуск к ручью смертельно опасен, мир детского счастья и гармонии утрачен. Почему? Это — самая главная загадка первого романа. И он сам должен стать на неё ответом.

В предновогоднем видении Константину Ризину открылось, что мир существенно не определён, открыт. Любая возможность может быть реализована. Даже та, которая когда-то реализована не была. Поэтому возможно, что внутренний конфликт автора спроецирован на конфликт онтологический — Творящих и Нетво-

рящих Светов. А в том, что автор неоднократно упрекает К.Г. Юнга в психологизации онтологического процесса, юнгианец-аналитик усмотрел бы как раз обратное — онтологизацию психологической проблемы, поскольку проекция — важнейший психологический механизм, с помощью которого наши проблемы являются нам как внешние и не имеющие к нам никакого отношения.

На наш взгляд драма автора (а не главного героя) в том, что он не пошёл до конца ни по одному из возможных путей — запретил себе контакт и с Драконом, и с Таинственной самкой, стены оказались слишком высоки, закрыв доступ к живой воде и обновлению жизни. Самоубийство Королёва делает контакт с Драконом невозможным — нарциссическое, гомосексуальное либидо осуждено, повержено во прах и отправлено в земные недра, то бишь в глубинное бессознательное. Во втором романе брак Павла с Татьяной — лишь фантазийный союз «идеального Я» с прекрасной женщиной (вот она — защитная фантазийная работа кундабуфера!), поэтому генитальное либидо дозволено только в мечтаниях. Власть и секс остаются прерогативой сильных мира сего или сильных мира иного. А что же остаётся нам, смертным? Что же интегрировано в личность автора? Оказывается, только «пушистый» и «одомашненный» аспект Дракона в виде кота Андрея Королёва — господина Отто. Кот, конечно, господин Отто, но его господство мало кого волнует, а сам он предпочитает кулинарные радости (сиречь оральные, самые ранние, младенческие) любим другим. Гора родила мышь, Лучезарный Дракон — кота, который «вполне доволен жизнью» (с. 285/689). Почему-то даже верится, что кот кастрирован. Он не асексуален, он не сексуален.

Возможно, что роман не отпускает и заставляет мысленно возвращаться к нему снова и снова именно потому, что это — драма о Творчестве, поиске творческой энергии, история, которая содержит богатый опыт умирания и встреч с архетипическими сущностями 46-летнего интеллектуала, пытавшегося понять о себе самое главное за год до безвременной кончины. Но это «самое главное» остаётся за кадром — либо сознания героя, либо, что столь же вероятно, сознания самого автора.

Однако не исключено, что хитроумный автор лобовым указанием «транс-персональный роман» склонил нас ко вторичным психологическим интерпретациям, отвлёкши от прямого пути к основному, как более тонко он сам намекал, — онтологическому смыслу, и лакуны в романе не свидетели вытеснений, а зашифрованные вехи его экуменического (христианско-даосского) пути к бессмертию. Ключом к такому глубинному прочтению служит основополагающая для романа нумерология, которая синтезирует иудео-христианскую каббалу с китайским «учением о символах и числах» (*сян-шу-чжи-сюэ* 象數之學)¹⁶. В данном аспекте 8-летняя разница в возрасте между героем и антигероем как двумя ипостасями одной авторской сущности приобретает не только описанное выше психологическое, но и эсхатологическое звучание. Базовое для китайской нумерологии число 8 (например: *ба-гуа* 八卦 — 8 триграмм и *ба-сянь* 八仙 — 8 бессмертных)

¹⁶ Подробно см.: Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994; Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 5, с. 28–52, 803–825.

оказывается также разницей между символизировавшим начало новой эры традиционным годом рождения Иисуса и на восьмилетие более ранним его появлением на свет, согласно «современным данным» (с. 53/589)¹⁷. Следовательно, в череду иисусоподобных мессий и лжемессий от Учителя Праведности из Кумрана до Якова Лейб Франка (1726–1791) и далее вместе с Андреем Королёвым попадает и Константин Ризин. Это понимание даёт ответ на главный вопрос романа — вопрос об онтологическом статусе лирического героя, намеренно в тексте обесцененного до слепого орудия и рядового статиста. Он тоже — двойное существо, житель двух миров, носитель светозарной природы. И его задача — объединение двух путей творения, двух способов доступа к творческой энергии, преодолевающее смерть и дающее бессмертие (о чём, видимо, и должен был быть написан последний, оставшийся незавершённым, роман).

Мифо-нумерологическое заключение

К.Г. Юнг часто говорил о том, что европейский миф — героический, миф противостояния Героя и Чудовища, героического Эго и Коллективного бессознательного, которое для К.Г. Юнга было в первую очередь Женским началом, страной Матерей, или, можно было бы сказать на китайский лад — Матерью Поднебесной, Таинственной самкой. Героическое мужское Эго убивает её, чтобы осознать свою особость и пройти путь сепарации от «вечно женского». В этом смысле «Ангел Западного окна» Г. Майринка — сугубо западная архетипическая история о борьбе Мужчины с Женщиной (Чёрной Исаис/Исидой, или Асайей Шотокалунгиной) за своё мужское достоинство (кинжал). А «Таинственная самка» Е.А. Торчинова — архетипическая история о примирении «двух правд», которым неизвестно, как сойтись.

Героический миф Запада диктует задачу властного покорения мира (природы, женского), бесконечное, фаустовское расширение своего Я. Каббалистический Дракон отвергает Шехину. Символ Западного мира — фалло- и логоцентричный фонтан-водоём, велением разума заставляющий воду течь против своей природы вверх.

Миф Восточного мира — о взаимоперетекающих и взаимодополнительных началах, где доминирует женское, и его символ — текущая вниз по своему естественному пути вода. Китайские *инь* и *ян* (陰陽) перетекают друг в друга, каждый — нянчит зародыш другого, зная свой срок и предел. В естественности (*цзы-жань* 自然), следовании за природой, покорности её ритмам, заботе о долголетию и продлении рода — секрет долгожительства и самой китайской цивилизации, вбравшей в себя героиню других народов и растворявшей её в своём всепринимавшем лоне.

У каждого мифа, у каждого пути есть свои достоинства, свои недостатки и свои последствия. Какой же миф открылся в опытах запредельного Е.А. Торчинову и можно ли назвать его мифом России, стоящей если не «меж двух враждебных рас», то определённо между Востоком и Западом? Мы думаем, что

¹⁷ Эти данные не столь уж современны, так как соответствуют отражённым в «Следованной Псалтири».

это миф об объединении двух правд: маскулинности и феминности, западного и восточного, сознательного и бессознательного. Но этот путь труден и опасен. Константин Ризин как герой русских сказок Иванушка-дурачок всегда оказывается слишком простодушен и слишком наивен. Но, возможно, «спираль контроля», как и «кольцо власти» (из «Властелина колец» Дж. Р.Р. Толкина), может получить и пронести до назначенной цели только «простец», не знающий искушений сильных обоих миров.

Миф России — это тоже миф об объединении. Наши главные достижения — собирание земель и «всемирная отзывчивость», наша миссия — быть медиатором между Востоком и Западом. В своём полном воплощении она способна спасти глобальный мир от будущих катастроф, в своём выхолащенном виде превратит нас в транзитную страну и сотрёт с лица земли нашу самобытность.

Магический мир автора, открытый и непредсказуемый, где всё возможно и водятся чудесные онтологические амфибии, где люди — драконы, которые могут быть и змеями, явился герою романа на миг, 30 декабря, в предновогоднюю ночь — ночь нового мира, когда всё возможно, когда Слово ещё не воплощено и история ещё не начата сначала. Но «магическая пустотность мира» (с. 160/634) полыхнула гераклитовым огнем, вспыхнула и исчезла. Вместе с Драконом-Королёвым исчезли амфибии, живущие в двух мирах. Мир стал безопасным и уютным, привычным и понятным. В нём удобно жить, но только не тем, кто держал в своих руках кундабуфер, смотрел в глаза Лучезарному Дракону и в своём сердце пытался примирить «две правды».

Хотелось бы верить, что скорострительная смерть автора 12 июля 2003 года была добровольным воспарением российского даоса в мир бессмертных, т.е. своеобразным завершением его последнего, незавершенного романа, посвященного поискам в Китае даоса, обладающего секретом эликсира бессмертия. Мистическим намёком на это можно считать нумерологизированность её даты. Она произошла ровно за 40 дней (срок особого существования души вне тела) до дня рождения 22 августа, когда Е.А. Торчинову должно было исполниться 47 лет, и 12.07.2003 — это две дюжины: 12 и 12 ($7 + 2 + 3$), а 12 значимо как само по себе, так и в качестве нумерологического эквивалента числа 165 ($1 + 6 + 5 = 12$), положенного в основу сюжета: «еврейские Мессии появляются каждые 165 лет или через число лет, кратное 165» (с. 52/589), — и привязанного не только к распятию Иисуса (25 г.), рождению (1626) и смерти (1675/1676) Саббатая Цеви (с. 53/589), но и к рождению Андрея Королёва с Евгением Торчиновым в 1956 г. Релевантность в данном случае нумерологической методы сложения числовых значений отдельных цифр также видна из последней даты, уточнённой до месяца и дня: 22.08.1956 даёт знаменательную нумерологическую сумму 33 ($2 + 2 + 8 + 1 + 9 + 5 + 6$), являющуюся базовым множителем 165 (33×5). Эти же фундаментальные числа — 33 и производное от него 165 — совсем уж мистически значимы для даты публикации романа Е.А. Торчинова, поскольку 2013 — это 12 циклов по 165 лет от начала н.э. плюс 33 года ($165 \times 12 = 1980 + 33 = 2013$).

Смерть Е.А. Торчинова имела и мистическое продолжение. Среди кандидатов на идентификацию с Андреем Королёвым рассматривался потомственный китаист д.и.н. Василий Михайлович Крюков, родившийся 28 августа

1962 г. и покончивший с собой вечером 12 июля 2008 г., выбросившись из окна своего жилища на Тайване, в г. Даньшуй. Эта таинственно-трагическая дата заслуживает отдельного психоаналитического исследования, совпадая не только с днём рождения отца В.М. Крюкова, также д.и.н. М.В. Крюкова (1932 г.р.), но и с днём смерти ушедшего из жизни почти в таком же возрасте (на год старше) Е.А. Торчинова. 12 июля считается днём основания в 1590 г. Саратова, в котором вырос Е.А. Торчинов и о котором он написал перед смертью в «Китайской рапсодии» как о городе, где собирался учиться на историческом факультете университета. В мировоззрении русского народа 12 июля — Петров день, начало убывания света, когда начинают темнеть ночи и падать листья. В данном контексте пророческой эпитафией звучит поговорка: «Соловей поёт до Петрова дня».

Е.А. Торчинов завещал развеять свой прах на юге Тайваня, на горе Света Будды (Фогуаншань), где расположен монастырь и центр Международной ассоциации Света Будды (Го-цзи фо-гуан-хуй), с которой он тесно сотрудничал и филиал которой в 1993 г. создал в Петербурге вместе с китайстом-буддологом д.филос.н. К.Ю. Солониным (1969 г.р.). Тогда на острове как раз проживал В.М. Крюков, но там их встреча не состоялась, поскольку взявшийся за отправку в последний путь останков своего предшественника по заведованию кафедрой философии и культурологии Востока философского факультета (ныне Института философии) СПбГУ К.Ю. Солонин не смог это исполнить. В итоге прах пробыл у вдовы четыре года, после чего вечером 2 февраля 2007 г. над ним был совершён похоронный обряд в С-Петербургской школе китайского ушу в присутствии 15 учеников под руководством мастера-ушуиста Чэнь Жу-цина (ум. 2015) и к.филос.н., доцента Института философии СПбГУ Н.Б. Иванова, а уже через два дня в 17:50 по местному времени Чэнь Жу-цин развеял его над озером в парке Бэй-хай (Северное Море) и в буддийском монастыре Гуан-цзи-сы (Широкое вспомоществование) □□□ в Пекине, где располагается Буддийская ассоциация Китая (Чжун-го фо-цзяо се-хуй) и где 10 февраля с 15:30 до 16:50 более 20 буддийских монахов провели службу, молясь о лучшем перерождении Е.А. Торчинова. Через год ему на встречу в Пекин были перенесены с Тайваня и останки В.М. Крюкова, над которыми проживающие там его родители поставили памятник.

У каждого из нас есть свой архетипический миф и своё неповторимое архетипическое путешествие. Его можно не осуществить, от него можно отказаться, но его не может не быть. Для Евгения Алексеевича Торчинова беллетристика была не только популярным приложением его научных знаний, но и записью трансперсональных переживаний, путевым дневником архетипического путешествия. Его успехи и неудачи на этом пути — опыт запредельного для каждого из нас, для всех тех, кто хочет прожить свою жизнь драконом, а не только «змеей или морским гадом».

**Н.Б. Иванов и Чэнь Жу-цин перед прахом Е.А. Торчинова
в С-Петербургской школе китайского ушу 2.2.2007**

**Прах Е.А. Торчинова у Драгоценного храма Махавиры
(Да-сюн бао-дянь) в центре монастыря Гуан-ци-сы 4.2.2007**

Прах Е.А. Торчинова у озера в парке Бэй-хай 4.2.2007

Е. А. ТОРЧИНОВ

Таинственная самка
(трансперсональный роман)

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

АВТОР БЛАГОДАРИТ ЗА НЕОЦЕНИМУЮ ПОМОЩЬ СВОИХ ДРУЗЕЙ
АНДРЕЯ ВИНОГРАДОВА И ГЛЕБА БУТУЗОВА

Дух долины бессмертен, его называют Таинственной Самкой.
Врата Таинственной Самки называют корнем Неба и Земли.

Дао-дэ цзин, 6

ПРОЛОГ

Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный, сиял до начала начал всех времён, и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушёл из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?), и там, откуда ушёл он, возникла зияющая пустота ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нём самом возникло, и расколосось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творенье словно бунт против превечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении. Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергнувшего творение, его связал своим могучим Словом и вверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там заточив его. С тех пор Светы, отвергнувшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучением отвергнувшего творение Света удаётся освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым.

* * *

Открылись в лучезарности небес
Врата, в иные манящие дали,
Как яркий свет в магическом кристалле,
Зажёгся ясной ночью Южный Крест.

И блеск Фаворский воссияет в славе
Сапфирной ясности родных пустот,
Родится мёд в ячейках жёлтых сот,
И Хаос возродится в бурной лаве.

Венцом нетления земля венчает
Небес лдяных загадочную высь
И твердь в виссон и пурпур облачает.

Титан Урана с Геей сочетается,
Зерно, в земле погибшее, родись!
Бог-Агнец славу Отчую являет.

* * *

ГЛАВА 1,

в которой рассказывается о том, как благородный муж получает приглашение на конференцию, а высокопоставленный чиновник произносит речь

Я снова взялся за резную медную ручку массивной старинной входной двери института. Собственно, я делаю это как минимум два раза в неделю уже несколько лет, но всегда делаю осознанно. Эта осознанность родилась в мой первый рабочий день в институте, когда я взялся за ручку этой самой двери и подумал, что вхожу туда, откуда выйду (в конечном итоге, конечно), только тогда, когда из меня выйдет жизнь. С тех пор я вспоминал об этом всегда, когда брался за дверную

ручку, входя в институт. Так было и сегодня, в хмурый и дождливый, но тёплый июньский день первого года XXI века.

Институт, о котором я говорю (кстати, позволю себе представиться: Ризин Константин Владимирович, научный сотрудник, кандидат психологических наук), — это знаменитый Институт трансперсональной психологии Российской академии наук, а точнее — Санкт-Петербургское отделение этого института, сокращённо — СПб О ИТП РАН. Далее я буду называть его или ИТП, или просто институтом. Так вот, институт этот располагался в прекрасном месте: на Английской (бывшей Красного Флота) набережной, в старинном великокняжеском особняке, построенном архитектором Винтерницем в середине теперь уже ставшего позапрошлым века прямо напротив Академии художеств с её знаменитыми древнеегипетскими сфинксами. Институт весьма котировался в научном мире, считался одним из крупнейших научных центров мира и работать в нём (по крайней мере, до коллапса российской науки в эпоху великих реформ) было престижно и респектабельно. Поэтому за ручку входной двери я всегда брался с удовольствием. Так было и на этот раз, несмотря на то, что влажная, липкая, дождливая летняя погода рождала сонливость, чреватую головной болью (я уже много лет страдаю гипертонией, или, как теперь стало модно говорить, гипертезией). Ну, не буду больше томить читателя, держась за эту пресловутую ручку, войду всё-таки внутрь.

Внутри прямо передо мной уходила ввысь огромная парадная лестница, тонувшая во мраке с тех пор, как в Академии стали экономить электричество и на электричестве. Лестница вела к секторам, не имевшим ко мне отношения, поэтому я проигнорировал её, повернул направо и пошёл по длинному коридору первого этажа. Двери, двери... Бухгалтерия (хорошее место, здесь дают зарплату, хотя теперь это уже и не зарплата вовсе, а какое-то малопонятное социальное пособие: прожить-то на неё всё равно невозможно), приёмная кабинета директора института, профессора Георгия Тиграновича Аванесяна, человека поистине огромного административного дарования. Далее кабинет учёного секретаря, «чёрный ход» в кабинет директора, частное издательство «Петербургский трансперсонализм», издававшее труды сотрудников нашего заведения и коллег из других институтов; сразу же за издательством на второй и третий этажи института вела чугунная лестница, которая и была мне нужна. Я поднялся на второй этаж, пожал руки коллегам в курилке на лестничной площадке и наконец-то добрёл до кабинета своего сектора, в который вела высокая белая дверь с табличкой: «Сектор изучения религиозных психопрактик». В неё-то я и вошёл.

Кабинет был весьма большим и внушительным. Лет пятнадцать тому назад он производил своим академизмом на студентов и аспирантов ошеломляющее впечатление, но ныне, в сей век упадка Академии наук и пренебрежения фундаментальными академическими исследованиями, кабинет приобрёл скорее облик человека, вынужденно живущего в так называемой почтенной бедности: старая мебель (теперь именно старая, а не старинная) разохлась и грозила развалиться, стёкла по причине отсутствия ленинских субботников давным-давно никто не мыл и даже на справочной литературе лежал толстый слой пыли, ибо сотрудники всё чаще игнорировали свои непосредственные обязанности в институте, предпочитая

им коммерческие заказы на стороне. Впрочем, мало кто решился бы обвинить их в этом, зная размер их заработной платы. И если упадок ещё не приобрёл черт мерзости запустения на месте святе, то благодарить за это следовало, прежде всего, самих же членов сектора, ещё не забывших традиций совместных чаепитий и распития более крепких субстанций в дни тех самых пресловутых ленинских субботников.

На работу даже в официальные присутственные дни редко приходили раньше полудня, а некоторые совы появлялись и того позже. Один весьма почтенный филин даже добился официального разрешения от начальства работать в позднее и даже нерабочее время. Поэтому сейчас, в одиннадцать часов утра, в кабинете находились одни жаворонки. Тон задавал Лев Петрович Большаков, седовласый, но очень энергичный джентльмен, признанный в мире специалист по перинальным переживаниям. Он активно агитировал остальных присутствующих присоединиться к нему и попить вместе секторального чая.

В принципе я числился в секторе изучения религиозных психопрактик, который кое-кто в институте хотел переименовать в сектор изучения религиозных психотехник, а кое-кто — в сектор трансперсональных проблем религиоведения. Однако, как известно, собака лает, а караван идёт. В нашем секторе в настоящее время было семь человек, а директор института Георгий Тигранович считал непозволительной роскошью отдавать целый кабинет такой незначительной группе сотрудников. А посему в нашей комнате стояли столы ещё нескольких коллег из других секторов. Одним из таких коллег был уже упомянутый Лев Петрович, другим — историк трансперсонализма и известный переводчик трансперсональной литературы Георгий Леопольдович Тролля, человек, несомненно, эрудированный и учёный. Злые языки говорили, что Георгию Леопольдовичу чрезвычайно подходит его фамилия, ибо тело его-де покрыто даже не волосом, а неким подобием шерсти, что делает его премного на горного тролля похожим. Я сего учёного мужа никогда без одежд не видел, ибо в баню вместе не ходил и на пляже не загорал. Но вполне допускаю. Возможно, что Тролля просто даосский бессмертный, покрывшийся волосом от употребления эликсиров из сосновых иголок. Древние тексты часто описывают именно такой эффект даосских снадобий. Впрочем, зубоскалить по поводу Георгия Леопольдовича я не собираюсь, ибо всегда относился к нему с симпатией и уважением. Остальные гости из иных секторов ещё не покинули свои жилища и в настоящий момент отсутствовали.

Лев Петрович не обратил особого внимания на мое появление, продолжая рассуждать о пользе секторальных чаепитий и о порочности нашей Пиковой Дамы, Изольды Давыдовны Полянской, в незапамятные времена подававшей начальству докладную с требованием запретить оные чаепития как мешающие её производственному процессу. Зато Георгий Леопольдович приветливо улыбнулся и промолвил:

«Здравствуйте, Костя. Тут звонил Константин Иванович, просил Вас зайти к нему, когда придёте».

Я поблагодарил Тролля, и поставив свой старьёй дипломат на стул, сразу же пошёл на аудиенцию к своему начальственному тёзке, Константину Ивановичу Ревуну, замдиректора СПб О ИТП РАН.

Кабинет Константина Ивановича располагался внизу, вблизи чёрного входа в высочайший кабинет Георгия Тиграновича. В отличие от последнего, бывшего гениальным администратором и вполне посредственным специалистом, Константин Иванович был редким (если не редчайшим) примером вполне гармоничного сочетания учёного и администратора. К тому же даже самые пристрастные представители демократической общественности нашего института не считали возможным усомниться в личной порядочности замдиректора. Дверь кабинета была приоткрыта, Константин Иванович сразу же заметил меня и в своей обычной манере добродушно проворчал:

«Ну, заходи, заходи, Константин Владимирович» (такое сочетание обращения по имени-отчеству и обращения на «ты» было характерной стилистической особенностью речи нашего замдиректора).

Ну, я, естественно, и зашёл.

Усадив меня за стол, Константин Иванович сразу же взял быка за рога.

«Ну вот, значит, Константин Владимирович, что скажешь, если мы командидуем тебя в Гонконг на конференцию?»

«Ну что я скажу? Кто же будет отказываться от Гонконга? А что за конференция?»

«Ну, спасибо, ну молодец. А то москвичи большую делегацию посылают, а от нас никого нет. Вот дирекция головного института и предложила нам одно место. Гонконг всё оплачивает, с тебя только билет Петербург–Вена–Петербург, через Вену полетите. Ну, уж найдешь где-нибудь триста долларов-то, а потом на суточных в Гонконге сэкономим», — выдал на одном дыхании Константин Иванович.

«Но что за конференция-то?»

«А, я так и не сказал... Что-то припозднились они, её бы в прошлом или позапрошлом году проводить надо было, к миллениуму, так сказать».

«Да что же это за тема такая загадочная, что вы её никак не назовёте?»

«Да ничего, тема как тема, просто я знаю, как ты... Всё буддизм-даосизм там, а тут христианство, ещё откажешься...»

Тут мне стало уже совсем интересно.

«Да что вы, Константин Иванович! Вот из-за буддизма-даосизма я в Гонконг-то и поеду. А что там такое с христианством?»

«Да тема конференции — “Образ Иисуса Христа в контексте современного трансперсонализма”».

«Ну, это же прекрасно! Чего же вы так долго темнили. Я уже и тему сразу вам сказать могу».

«А вот это просто славно! Мне как раз из Москвы звонили, просили тему срочно, а ты уж и готов, оказывается. Мне бы твою энергию...».

«Да вам ли об энергии говорить, Константин Иванович! У вас каждый год по две толстенных монографии выходит».

«Ну и ты не прибедняйся, сам-то сколько печатаешь. Ну ладно, ладно... Давай тему-то».

«Вот что на такое скажете: «Страсти и воскресение Христовы в контексте теории базовых перинатальных матриц»».

«А-а, ну славно, славно. Вот тебе телефончик в Москве, это из Психологического Общества. Звони туда Андрею Федоровичу Смолякову, он тебе всё расскажет — про визы, билеты и прочее».

«А когда конференция-то?»

«Точные даты не помню, подожди, сейчас телефонограмму найду, где-то на бумажке записал. А вот она. Значит так, 3–5 июля. Так что времени на визу вполне достаточно, китайское консульство у нас есть, в Москву за визой ехать не надо, так что всё о'кей».

«Ну, тогда я пошёл...»

«Иди, иди Константин Владимирович, держи меня в курсе, как там чего».

«Ну, конечно, само собой разумеется, Константин Иванович».

Тут я окончательно откланялся и покинул начальственный кабинет. Съездить в Гонконг мне хотелось, но перспектива поиска трёхсот долларов для перелёта в Вену и обратно не вдохновляла. То есть, взять их в долг особой проблемы не было, но ведь потом отдавать придётся. А как говорится, берёшь в долг чужие и на время, а отдаёшь свои и навсегда. Но видимо, всё же придётся.

В секторе появилась наша дама эллинского происхождения Электра Дмитриевна Кессиди, эффектная даже в свои шестьдесят пять. Она мило улыбнулась мне и проинформировала, что «пока вас тут не было, заходил Серёжа Соловьёв и просил вас заглянуть к нему в сектор». Сергей Соловьёв был моим близким другом, и он наверняка собирался позвать меня пить кофе в кофейню «Пегас» в соседнем доме. Поэтому я попросил Электру Дмитриевну всем взыскующим меня говорить, что я буду в секторе через полчаса — минут через сорок и пошёл в Серёгин сектор. Там выяснилось, что он уже отбыл в «Пегас», куда я и отправился вслед за ним.

В «Пегасе» выяснилось, что ребята (Сергей и ещё двое наших приятелей) уже попивают кофе и о чём-то оживлённо беседуют. Я взял двойной «эспрессо» и присоединился к ним, прервав их беседу рассказом о своей гонконгской перспективе. Мой рассказ в основном вызвал зубоскальство по поводу темы конференции с инвективами в адрес как экуменизма, так и фундаментализма. Толя Зерванаев — и откуда у него такая персидская фамилия? — даже заявил: «Какие бы конференции они не организовывали, христианство не реформируемо». Толя, надо пояснить, отличался известным антиклерикализмом и неприязнью к христианству; однажды он даже заявил, что ему и получаса хватит, чтобы рассказать всё про христианство с христианским богословием в придачу. Сергей пустился спорить с ним, рассуждая о Шеллинге, философии мифологии и архетипах Юнга. Я сказал, что воздержусь судить об архетипах Юнга, хотя его абсолютизация психологического аспекта алхимии безусловно прискорбна и игнорирует к тому же историю «царственной науки». Приятели заявили, что алхимия их мало интересует, и заторопились в институт. Я поплёлся за ними.

Не успел я заняться чем-то позитивным, как меня позвали к телефону. Оказалось, что звонят из Москвы по поводу Гонконга. Москвичей вполне удовлетворяла тема моего доклада, и они немедленно востребовали с меня abstract на полстранички, который я сам должен отправить «мылом» (сиречь, электронной почтой) в оргкомитет конференции. Потом в сектор прибежала вечно возбуждённая служительница общестственности Нина Васильевна Касьянцева и объявила вначале всем вместе, а потом ещё «на ушко» каждому по отдельности, что «в три часа Георгий Тигранович приглашает всех в Зелёный зал на производственное совещание, всего минут на пятнадцать-двадцать» (значит, как минимум на час). Поскольку шёл уже третий час, я пошёл посидеть в курилку на лестничной площадке и послушать, о чём говорят там. Ни о чём интересном там не говорили. Олег Павлович Трубецкой (потомок князей, как он уверял всех и каждого) опять жаловался на жизнь, сокрушаясь о том, что классическая оперетта умерла, а хранимые им алхимические и магические рукописи и инкунабулы разворуют и распродадут американцам, японцам и всяким прочим шведам. Всё это было уже слышано-переслышано и никакого интереса не представляло. В момент его самых патетических излияний и патриотических заверений на лестнице появилась наша Пиковая Дама — Изольда Давыдовна Полянская.

Изольда Давыдовна была дамой в высшей степени серьёзной, и некоторые коллеги в её присутствии просто трепетали. У меня же и с ней, и с её не менее серьёзной подругой Светланой Никитичной Бессоновой были самые добрые отношения. У Изольды Давыдовны было удлинённое лицо с точёными чертами и тонкими недобрými губами (именно это красивое в далёкой молодости, но холодное лицо и послужило причиной для появления её прозвища Пиковая Дама) и величественная походка подлинной леди и аристократки духа. Занималась она лингвистикой изменённых состояний сознания и опубликовала несколько статей об особенностях грамматических конструкций больных алкоголизмом, находящихся под терапевтическим воздействием кетамина. Попыты с кетамином, проводившиеся над несчастными алкоголиками под видом их лечения всегда казались мне варварски жестокими, поэтому я просто удивлялся, как такая эстетская дама, как Изольда Давыдовна могла хладнокровно изучать грамматику высказываний этих мучеников (тут папахивало уже почти доктором Менгеле). Однако через некоторое время выяснилось, что в клинику Пиковая Дама никогда не ходила, о воздействии кетамина имела самое приблизительное представление, ни одного алкоголика, подвергавшегося кетаминотерапии, никогда не видела и все материалы для своих исследований черпала исключительно в библиотеке из отчётов мучителей в белых халатах. Её исследования принесли ей определённую известность и даже поездку в Англию, кажется, в Кембридж. Завидев восходящую по лестнице Пиковую Даму, я поднялся и раскланялся, за что в награду получил милостивую улыбку и вопрос о том, как я поживаю. Услышав мой положительный ответ, она слегка наклонила голову и величественно вступила под сень коридора второго этажа. Ничего, сейчас коллеги-доброжелатели её обрадуют перспективой сидения на производственном совещании у Георгия Тиграновича. А кстати и время уже почти подошло. Сделав это важное наблюдение,

я медленно пошёл по лестнице в направлении, противоположном направлению движения Изольды Давыдовны, то есть, вниз.

Потом по другой лестнице пришлось подниматься наверх, в так называемый Зелёный зал, использовавшийся или как читальный зал институтской библиотеки или как место для проведения собраний, конференций и прочих относительно многолюдных мероприятий. Говорят, что во времена великих князей здесь был то ли танцевальный зал, то ли фойе перед танцевальным залом. Думаю, скорее верно последнее, ибо акустика в Зелёном зале была отвратительная и слух на всех собраниях и симпозиумах приходилось напрягать изрядно. Своё же современное название Зелёный зал получил за стены нежно-салатного цвета, успокаивавшие и ласкавшие глаз во время долгих и занудных заседаний.

Зелёный зал понемногу наполнялся. Я прошёл вперёд и сел около Троля, так как не был уверен, что кто-нибудь из моих достаточно бесшабашных приятелей вообще придёт слушать Аванесяна, а в их отсутствие Георгий Леопольдович был, вероятно, наиболее приемлемым соседом. Не успел я усесться, как в зал быстрой походкой, на ходу отбиваясь от коллег, пытавшихся задержать начальство приватными вопросами, вошёл сам Георгий Тигранович Аванесян, милостию Божией (сиречь президиума РАН) и волею коллектива директор СПб О ИТП РАН. Он прошествовал к старинной кафедре, смахивавшей на церковный аналой, и возложил на оную свои длани. Собрание началось.

Георгий Тигранович, как и всегда был безукоризненно одет. Светлый кремовый костюм, неизменная белоснежная рубашка, не очень туго затянутый галстук, всё было прилично, достойно, элегантно и респектабельно. Поначалу я не очень вслушивался в то, что говорит директор, теща свой слух модуляциями его хорошо поставленного голоса. Георгий Тигранович был великим администратором и великим (по крайней мере, одарённым) артистом. Думаю, что не одна театральная группа могла бы пожалеть о том, что его привлекла не сцена, а наука, точнее, руководство наукой. Голос нашего директора мог звучать интимно проникновенно, как бы обращаясь к каждому сотруднику по отдельности, мог гневно грохотать, обличая нерадивых, а мог и буквально биться в истерике (если про голос можно сказать, что он «бьётся в истерике»). Никогда не забуду один эпизод, имевший место лет двадцать тому назад. Тогда институт посетила пожарная инспекция и нашла какие-то серьёзные изъяны в нашей пожарной безопасности. Георгий Тигранович немедленно созвал лоя-джиргу, то бишь учёный совет института, и впал в полное неистовство. Он так топал ногами и брызгал слюной, разнося АХЧ (административно-хозяйственную часть. — *К.Р.*), что пожарная комиссия просто умилилась и прослезилась от произведённого ею же эффекта и так уверовала в эффективность директорской истерики, что даже не наложила на институт никакого штрафа. Иногда актёрские дарования Аванесяна проявлялись в политической сфере. Во время нелепого «путча» августа 1991 жертвой его артистизма чуть не пал несчастный Константин Иванович. Аванесян во время трёх дней, которые развалили Союз, был в отпуске, и Константин Иванович замещал его. Заботясь о безопасности сотрудников, он имел неосторожность в понедельник 19 августа, когда вся буффонада «переворота» ещё не выявилась в полной

мере, издать приказ, отменяющий на время действия указа о чрезвычайном положении, изданного «чуком-и-геком», библиотечные дни и предписывающий всем сотрудникам института каждый день быть на своих рабочих местах. 21 августа, когда «демократические силы» одержали блистательную победу над бумажным тигром контрперестройки, Георгий Тигранович появился в институте и обрушился на своего несчастного зама за его политическую близорукость и подчинение указам узурпаторов. Угроза снятия, а то и увольнения, повисшая над головой Ревунова, исчезла лишь тогда, когда Аванесян понял, что приказа об охоте на ведьм из вышестоящих инстанций так и не последует.

Насладившись модуляциями директорского баритона, я решил, что настала пора вслушаться и в содержание начальственной речи. Увы, это решение вывело меня из состояния блаженного неведения, в котором я мог бы пребывать ещё некоторое время. Ибо Георгий Тигранович в очень и очень эзоповой манере объяснял, что зарплату нам не только не прибавят, но ещё и сократят, по крайней мере, на время.

«Вы знаете, дорогие коллеги, — витийствовал директор, — что я считаю своей важнейшей обязанностью отстаивать ваши интересы. Иначе вообще зачем я здесь? Зачем вы за меня голосовали? Поверьте мне, если бы это зависело от меня, вы давно уже имели бы достойную зарплату. Но... (патетически разведённые руки в жесте бессильного отчаяния). У нас нет даже полной экономической самостоятельности. Вы не поверите, но я не могу даже выйти на президиум Академии, минуя московское начальство в головном институте. И это в наше время! И вот приходит из Москвы письмо, вот только что его прочитал и сразу, как видите, пригласил всех вас сюда, так вот, приходит письмо, предлагающее или в течение полугода снять все надбавки, в том числе, и за степень или провести сокращение штатов института на десять процентов! (Тут Георгий Тигранович аж задохнулся от праведного негодования). Но кого же мы будем сокращать, кого, позвольте вас спросить? В нашем институте каждый учёный сам целый институт. Сократи одного, сразу целое направление исчезнет. Кого-то отправить на пенсию? Но ведь это значит, начать растрчивать наш золотой фонд! Нет, нет и ещё раз нет! Главное, сохранить коллектив, не дать силам зла и разрушения восторжествовать! И я вижу свою миссию именно в сохранении того человеческого и интеллектуального богатства, которое складывалось десятилетиями! Поэтому придётся всем нам затянуть пояса и посидеть полгода без надбавок, другого пути нет!»

Эта директорская тирада требует определенных комментариев, ибо без них читатель рискует не понять всю силу и глубину заботы Георгия Тиграновича о сохранении коллектива. Прежде всего, в комментарии нуждается выражение «каждый сотрудник сам целый институт». В течение десятилетий наш «золотой фонд» (великие старцы Поднебесной, ныне доктора наук — пенсионеры) избегал готовить специалистов по своему профилю. Аспирантам давали любые темы, кроме тех, в которых, собственно, и был специалистом их научный руководитель. В результате — никаких научных школ, никакой преемственности, полная атомарность незаменимых самодостаточных личностей, воплощающих в себе целые научные направления. Зато когда грянул гром и в воздухе запахло грозой сокра-

щений, стало возможно придти в кабинет директора и возопить: если вы уволите меня, вы сразу же закроете целое направление, ибо я — уникальный специалист и заменить меня некем! Хитрость прекрасно работала, и пока никого из наших живых «институтов» на заслуженный отдых так и не отправили, и они продолжали мирно играть в коридорах в шашки и шахматы, изредка заглядывая в библиотеку. Не все, конечно (работоспособности некоторых могли бы позавидовать и молодые), но «бонапарт» (в смысле «большая часть»).

Следующий объект моего комментирования — как раз тот самый «золотой фонд». Дело в том, что уже очень и очень давно все сотрудники нашего института делились на «наш золотой фонд» и «научную молодёжь», которой полагалось учиться, учиться и учиться у «нашего золотого фонда». К молодёжи относили всех, кому ещё не исполнилось шестидесяти. Я, например, в свои тридцать семь лет просто мальчик нежный, кудрявый, влюблённый (и как это меня ещё в Гонконг решили отправить, ума не приложу), и думать о какой-либо докторской диссертации мне так же рано, как пятикласснику о начале половой жизни. Ведь наша наука требует такой тщательности, такого огромного лабораторного опыта! Ведь мы изучаем тончайшие фибры психики и загадочнейшие состояния сознания! А ты хочешь в какие-то там сорок лет зелёным юнцом докторскую защитить на халяву! Не пройдет-с! Короче говоря, все докторские диссертации, защищённые до наступления канонического возраста, доходили до защиты, а то и до ВАКа после долгой череды скандалов и кляуз. Сам я диссертацию фактически написал, но не высывался и ждал удобного случая, чтобы повести разговор о её защите, причём, Боже избави, не на институтском спецсовете.

Таким образом, суть речи Георгия Тиграновича сводилась к тому, что мы не будем сохранять и, тем более, повышать зарплату мальчишкам и девчонкам ценою прощания со светочами разума из числа великих старцев. Мы пойдём другим путём, откажемся от весьма и так скромных надбавок, сохраним наши институты в институте и покажем кукиш злонравным москвичам из головного института.

Далее Георгий Тигранович перешёл к рассмотрению путей последующего улучшения материального положения сотрудников. Предлагаю краткий конспект его речи.

Итак, дорогие коллеги, какими же ресурсами располагает институт, чтобы хоть немного облегчить нашу с вами жизнь? Надо думать и думать, ведь наломать дров легко, а посадить лес сложно. И вот тут надо снова вспомнить о нашей клинике. Конечно, конечно, я, как и вы, ни в коей мере не хочу наживаться на беременных женщинах и психически неуравновешенных людях (поясню, что наша институтская клиника состоит из двух отделений — перинатального, включающего небольшую родильную палату, и психотерапевтического, где применяются такие методы лечения, как холотропное дыхание и медикаментозно-трансперсональный кризис. — *К.Р.*). Ни в коей мере! Все мы всегда думаем только об интересах науки с позиций нравственности. Но, с другой стороны, нельзя же быть донкихотами и упускать деньги, которые можно получить без ущерба для науки и нравственности. Как говорится, кто может, пусть платит, а за тех, кто не может, будет платить государство, то есть в конечном итоге мы с вами

(значит, дирекция решила сделать платной клинику; самое интересное, что только крайне наивные коллеги могли поверить заявлениям Георгия Тиграновича, что их кошелек от этого станет хоть чуть толще. — *К.Р.*) Если вы доверите это администрации, она в течение месяца разработает соответствующее положение и представит его учёному совету. Ну, собственно, это всё, что я хотел вам сказать, да, вот ещё одно обстоятельство. Хочу напомнить вам, что все сотрудники, которым положена психоделическая практика, должны заранее запастись справкой из нашей академической поликлиники о состоянии здоровья, без неё ни один человек в психоделическую лабораторию (в народе «психоделичку». — *К.Р.*) не войдёт. А без положенного количества практических экспериментов могут возникнуть проблемы на очередной аттестации.

Это заявление Георгия Тиграновича понравилось мне ещё меньше его информации о сокращении зарплаты. В институте было принято, чтобы раз в год каждый сотрудник проходил бы через эксперимент по контролируемому применению одного из трансперсонально активных психоделиков (разумеется, всякая «наркота» типа крэга или кокаина исключалась). Без соответствующей практики было трудно рассчитывать на повышение по должности даже при наличии достаточного количества публикаций и прочей работы. И вот теперь наши бюрократы придумали новое осложнение — медицинскую справку. Это значит, нужно тащиться в поликлинику на Васильевский, получать там номерки, сидеть в очереди к лечащему врачу, сдавать кровь-мочу и прочее. И где же, спрашивается, взять на это время? А тут ещё Гонконг поджигает (дело в том, что по сроку мне как раз полагалось идти в психоделичку, а в сентябре предполагалась очередная аттестация, мне же мой тринадцатый разряд уже вполне успел надоесть).

На этой безрадостной ноте Георгий Тигранович закончил свое выступление, и коллеги приступили к вопросам, на которые директор отвечал живо и многословно, с удовольствием бия себя в грудь и обещая распяться ради мирского благополучия вверенного его попечению коллектива. После вопросов он предложил коллегам высказаться. К кафедре направился наш учёнейший секретарь доктор психологических наук, профессор Альберт Аввакумович Липкин. Липкин был обладателем бороды (ныне несколько поседевшей), которой вполне мог бы позавидовать какой-нибудь Тиглатпаласар, Навуходоносор или Ашшурнасирапал. Он также славился своей научной ортодоксальностью и беззаветной преданностью идеям отца-основателя трансперсонализма Станислава Грофа (шаг влево, шаг вправо — расстрел). Когда перед шестидесятилетним юбилеем Георгий Тигранович намекнул, что хотел бы узнать, что Альберт Аввакумович хотел бы получить в качестве подарка от института, тот пожелал полного собрания сочинений Грофа на оригинальном английском языке с приложением ранних чешских статей (что и получил под аплодисменты растроганных сотрудников). Он был гонителем всяких ересей вроде лжеучения Кена Уилбера («обратите внимание, на Западе трансперсонализм переживает острейший кризис, там книги Уилбера стоят во всех магазинах в разделе «философия» в таком количестве, будто это Кант, Гегель или Гроф») и правой рукой (или верным оруженосцем) Георгия Тигра-

новича. Оказавшись у нашего аналога для выступлений, он немедленно заговорил своим густым месопотамским басом с чувством глубокой убеждённости в директорской правоте о необходимости лелеять и пестовать золотой фонд института, о том, что необходимо «потуже затянуть пояса» ради этой великой цели, о нравственном воспитании всяких тунеядцев, которые хотят на халяву родить или подлечить свою голову в институтской клинике, и правильности требования медицинской справки перед посещением психоделички *ad majorem Dei* (под Богом здесь следовало понимать, конечно, Грофа) *gloriam*. На этом собрание закончилось, и все относительно тихо разошлись по секторам.

Я позвонил в китайское консульство, узнал там, что для получения гонконгской визы нужно официальное приглашение, спустился вниз к референту директора отправить факс в оргкомитет конференции с просьбой выслать приглашение по факсу же и, не обнаружив на месте Сергея, с которым собирался выпить по кружечке пива, отправился домой, закрыв за собой тяжёлую институтскую дверь с её массивной медной ручкой.

Если Вы хотите узнать о том, что было дальше, прочтите следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

В предыдущий раз я проходил психоделическую практику три года тому назад при весьма специфических обстоятельствах. В институт приезжала делегация перуанских трансперсоналистов, в которую входил настоящий индейский шаман. Узнав, что у нас существует психоделическая практика, он предложил одному добровольцу испробовать на себе действие одного индейского снадобья, известного у нас как аяхуаско (или «вино мёртвых»), хотя его также часто называют «яге» или «яхай» (по действию оно близко к психоделику ДМТ, принимаемому вместе с ингибитором). Я вызвался в качестве волонтера и после определённой подготовки, включавшей в себя однодневный пост, получил от шамана (в клинических условиях, разумеется) некое питьё, которое и проглотил за один приём. Первое время ничего не происходило, и я даже стал сомневаться в эффективности аяхуаско, но минут через пятнадцать я ясно услышал звуки льющейся воды. Постепенно звуковые эффекты дополнились зрительными. Палата клиники померкла и исчезла, и я увидел некий бассейн, окружённый высокими каменными стенами, образующими круг и сложенными из необработанных валунов, блестящих под светом немногочисленных факелов, закреплённых между валунами. Но самое интересное находилось в центре бассейна: там сидело огромное существо, нечто среднее между драконом и динозавром, из его пасти извергались потоки воды, которые и производили тот шум, который я услышал в начале. Шум всё нарастал, превращаясь в грохот водопада. Картина сменилась, и я оказался на плоту в середине бескрайнего океана. Волнение воды было умеренным, и волны с приятным шумом ударялись о борта плота. Океан блистал лазурью, горизонта не было, ибо небо сливалось с водой в едва заметной дымке, оба пространства незаметно переходили одно в другое, небо становилось морем, а море небом. Внезапно раздалась звуки совершенно незнакомой, но буквально чарующей музыки,

напомнившей мне о гомеровских сиренах. Вскоре я увидел и источники музыки — сравнительно небольшие парусные ладьи, примечательные прежде всего своими экипажами, состоявшими из драконообразных существ (определённо рептилии), игравших на каких-то неведомых музыкальных инструментах и жестах манивших меня к себе. Я почувствовал, что если отвечу на их приглашение, то умру. Поэтому я постарался не слушать музыку и не смотреть на «драконоидов». Сцена снова изменилась, плот и ладьи исчезли, и я как бы воспарил над поверхностью океана. Суши нигде не было, ничто не нарушало непрерывности водной глади, переливавшейся сине-зелёными цветами и блестящей алмазами пены под палящими лучами солнца. Внезапно налетел ветер, поверхность моря вскипела, ввысь взметнулся столб воды, взметнулся, и пал обратно в пучину вод, из которой поднимался остров, окутанный паром, с застывающими потоками лавы на своей поверхности. Снова тишина, покой и бескрайняя лазурь. И вдруг грохот, гром, мрак, свет, блистание молний, шум титанической битвы где-то за тучами, полыхающими огнём и мраком. Немыслимо яркая молния рассклала тьму, прогремел раскат раскальвающего голову на части грома, и снова наступила тишина, снова засияло солнце, освещая поверхность океана и скалистый вулканический остров, поднявшийся из бездны. Я почувствовал, что стою на острове. Меня мутило, охватило чувство приближения смерти, хотя никакого страха за этим не последовало. Прямо передо мной стояло дивное существо, что-то вроде то ли дракона со сложенными кожистыми крыльями, то ли огромной летучей мыши. Вокруг передвигались на задних лапах ещё несколько подобных тварей, и отвратительных, и прекрасных в одно и то же время. Голос создания зазвучал прямо у меня в мозгу.

«Сие есть тайна превеликая, но поскольку ты вот-вот умрёшь, я открою её тебе, раз уж ты здесь, на заре жизни твоей несчастной планеты. Мы были царями мира прежде, чем мир стал быть и стал он быть против воли нашей, но мы вошли в него и поселились в нём, хоть и ненавидели его, даже не подозревая ранее, что вообще может быть нечто, подобное ненависти. Но наши враги преследовали нас, и там, вдали, куда ты не можешь проследовать даже мыслью, произошла великая битва, и враги наши одолели нас и низвергли на эту планету. Теперь мы будем царить на ней и править ею с помощью этого» (тут он показал мне некую спираль, которая странно напомнила мне рисунок ДНК в учебниках биологии).

Снова всё померкло, и в голове зазвучала торжественная и величественная музыка. Некий голос запел неведомый гимн, от красоты которого защемило сердце. Я не понимал слов, но чувствовал, что в песнопении говорится о некоем состоянии свободы и покоя, которое было некогда и которое будет снова. Я опять почувствовал, что умираю, на этот раз всё моё существо пронзил панический ужас. Потом я узнал от индейца, что закричал, после чего он влил мне в глотку противоядие. Пришёл я в себя только через несколько часов, и так ослабел, что из клиники меня выпустили только через два дня. Понемногу меня стали беспокоить какие-то смутные ассоциации, и я попросил, чтобы в палату принесли Библию. Открыв Откровение св. Иоанна Богослова, более известное в народе как Апокалипсис, я с удивлением и некоторым страхом прочитал следующие фрагменты:

1. И произошла на небе война. Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них.

2. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

3. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаной, облыщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним (12, 7-9).

И ещё один:

1. И пустил змей из пасти своей в след жены воду как реку, дабы увлечь её рекою.

2. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей (12, 15-16).

На следующий день после выписки я встретился снова с шаманом в институтском коридоре, и тот спросил о моих впечатлениях от аяхуаско. Я очень кратко рассказал ему содержание своих видений, не упомянув только про рассказ драконоида, но заметив, что он называл себя и своих сородичей царями мира. Тут индеец широко улыбнулся и сказал: «Так они это всем рассказывают. На самом же деле они цари только внешней тьмы». И он указал рукой на потолок. Я чуть не разинул рот от изумления.

Вернувшись домой, я написал сонет, подражая, отчасти вполне сознательно, Максимилиану Волошину:

Открылись в лучезарности небес
Ярчайшие, невидимые свету,
И бытие даёт свои ответы
На речи, что шептал тенистый лес.

И корни в землю, к пламенному центру
Стремятся за живительной водой,
Но к небу устремлён главой седой
Ствол, неподвластный стонущему ветру.

И в трепете мы откровенья ждали,
Вот весть пришла: исполнился Завет;
Вот истина, которой мы алкали.

Но вести сей сердца не постигали,
Не оставляли в душах наших след
Врата, в иные манящие дали.

ГЛАВА 2,

в которой нежданный гость открывает мистические тайны, а старый друг повествует о добре и зле

Открыв мне дверь (я всегда звоню условным звонком, приходя домой, а не открываю дверь ключом), моя жена Инна сразу же сообщила:

«А тебя уже давно ждут».

«Кто?»

Вместо ответа она пожала плечами. Надо сказать, что это известие меня отнюдь не обрадовало. Терпеть не могу, возвращаясь домой, обнаруживать подобные сюрпризы. Хочется расслабиться и пообедать, наконец (на работе я никогда не ем). А сегодня у меня и вообще весь день голова болит. Но делать нечего, пришли, так пришли.

«Где он сидит?»

«В твоём кабинете».

Я вздохнул с чувством человека, вынужденного смириться с тем, что сильнее его и открыл дверь в свою комнату, которую жена называла «кабинетом», ибо там стоял мой компьютер, за которым я работал дома. Навстречу мне поднялся человек, которого я менее всего ожидал увидеть у себя, хотя кроме разве что удивления я не ощутил никаких эмоций — ни радости (ибо никогда не испытывал чрезмерной радости от общения с этим визитёром), ни огорчения (ибо на свете было много людей, появление которых в доме было бы мне гораздо более неприятно). На этот раз моим незванным гостем оказался Илья Маркович Гданьский, психотерапевт, с которым я был знаком уже лет двадцать, но видел вряд ли больше пяти раз за всё это время, ибо Илья имел привычку то внезапно появиться из небытия, то столь же внезапно кануть в него снова и сразу же на много лет. Последний раз я, кажется, видел его девять лет тому назад, на защите моей кандидатской диссертации. Что привело его ко мне на этот раз, можно было только гадать, хотя вряд ли результат разгадывания мог бы быть вполне релевантным. То есть, говоря проще, догадаться о причинах его визита было практически невозможно.

Мы обменялись рукопожатиями, уселись — он в кресло, я на тахту, и я попросил жену принести нам чаю с каким-нибудь печеньем, буде таковое найдётся на кухне. Угощать Илью спиртным мне на голодный желудок совершенно не хотелось, тем более что я сам практически не пил да и он вроде бы не принадлежал к почитателям Диониса-Вакха. Зато я разрешил ему курить (насколько я помню, Илья обычно просто не вынимал папиросу изо рта, предпочитая всему на свете «Беломор») и сам тоже взял из початой пачки сигарету, хотя и знал, что потом мне достанется от Инны за «слабоволие» и «потакание слабостям» (я находился в стадии бросания курения).

Вначале Илья говорил что-то невразумительное о своих и моих публикациях в «Часе Пик», о некоторых общих знакомых (кто развёлся, кто женился), а потом вдруг огорошил меня вопросом, разбираюсь ли я в каббале.

«Слушай, Илья, объясни мне, в чём дело. Во-первых, никогда не думал, что ты интересуешься мистикой, ты казался мне таким позитивистом. А во-вторых, почему ты решил обратиться ко мне за консультациями по каббале? Я вроде бы всегда был больше по части буддизма-даосизма и прочего Дальнего Востока».

«Ну, на первый вопрос я отвечу попозднее, это довольно долгая история, непосредственно связанная с моим вопросом. Что же касается второго.... Помнишь, ты опубликовал в «Часе Пик» заметку о каббале и сексуальности? Я обратил на неё внимание. Из неё следовало, что ты как минимум читал Шолема, а

это уже немало. К тому же Олег Гальперин говорил мне, что ты занимался ивритом. Да и в Израиль ты пару раз ездил...»

«Ну, знаешь, в Израиль кто только не ездит. Если это брать в качестве критерия, тут треть города каббалистов наберётся. Иврит, да, учил немного. Так я и тибетский учил и тоже немного. И Шолема читал. Но это ещё не означает, что я разбираюсь в каббале».

«Но это уже означает, что ты как минимум не совсем профан и с тобой можно поговорить. К тому же ты много занимался Китаем, а для Китая, как показал Кобзев, очень важна нумерология и классификационизм, а я как раз хочу поговорить о том, что имеет непосредственное отношение к нумерологии».

«Это что, гематрии разные и тому подобное? Но в этом я уж вовсе ничего не понимаю».

«Нет, не совсем, скорее речь идёт об историософии. Впрочем, теперь я могу ответить на твой первый вопрос. Скажи, тебе знакомо имя Саббатая Цеви?»

«Да, я читал книгу Шолема “Саббатай Цеви. Мистический Мессия” и смотрел кое-какие материалы в Интернете. Сейчас в Америке, в Калифорнии, появился некий Ицхак Лейб га-Коген (в миру мистер Мартин Лори), который объявил себя саббатанцем и создателем новой церкви Саббатая Цеви».

«А, этот Лори просто очередной нью-эйдж. Меня это мало интересует. А вот то, что ты читал Шолема, очень хорошо. Значит, ты как минимум поймёшь то, о чём я буду говорить».

«Ну, дивно, Илья, я, как говорится в старинных романах, весь внимание».

Мой гость закурил погасшую папиросу, со вкусом затянулся и начал свой монолог:

«Я заинтересовался Саббатаем Цеви как психотерапевт. Как ты помнишь, этот иудейский Мессия или лже-Мессия, если угодно, в 1667 году внезапно перешёл в ислам, не переставая считать себя Мессией. Его последователи начали проповедовать доктрину “святого отступничества” и со временем создали в Турции секту, известную как дёнме, проповедовавшую принципы мистического антиномизма. Думаю, ты также не забыл, что Шолем объясняет странности поведения Саббатая Цеви его психическим расстройством — маниакально-депрессивным психозом. Несчастный Мессия то находился в состоянии экстатического подъёма и божественного озарения, то погружался в пучину тоски и отчаяния. Его пророк и теолог Натан из Газы, выдающийся каббалист и мистик, даже разработал целую богословскую доктрину, призванную объяснить особенности личности Саббатая Цеви. В своих трудах “О драконах” и “О творении” он возводит корни личности “Мессии” к самому творению мира. Тогда абсолютный Безграничный Свет, или Ор Эн-Соф, как бы оказался расколотым в самом себе, ибо одна сторона Абсолюта, Творящие Разумные Светы, жаждала творения, тогда как другая, Неразумные Светы (или Светы без мысли о творении), считали это стремление творить бунтом против самой субстанции Света и не желали отказываться от изначального покоя непроявленности. Разумные Светы победили, мир был создан, но конфликт в Абсолюте не был разрешён. Творящие Светы изолировали противоположную сторону и заключили её в самой глубине пустоты ничто пространства творения. Там

Неразумные Светы, принявшие облик драконов, и томятся в заключении, ожидая избавления и искупления. Саббатай Цеви воплотил в себе оба аспекта субстанции абсолютного Света: его вдохновение и экстазы от Творящих Светов, а его депрессия и отчаяние — от Неразумных. Интеграция личности Мессии, подобно халкидонскому Иисусу имеющей две природы — залог восстановления целостности мира, бытия и самого Абсолюта. Так вот, я стал изучать историю Саббатай Цеви и его движения, списался с рядом специалистов в Израиле и Америке и в конце концов пришёл к выводу о недостаточности и даже односторонности теории Шолема. Саббатай Цеви был личностью несравненно более сложной, чем личность психотика или, точнее, особенности его сложной личности не могут быть истолкованы с помощью такого простого объяснения, как психическое расстройство по типу маниакально-депрессивного психоза. Я впервые задумался о собственно мистической сущности его движения и о содержании учения Натана из Газы. В это время я начал читать специальные работы о еврейском мессианизме и в конце концов обнаружил следующую закономерность: еврейские Мессии появляются каждые 165 лет или через число лет, кратное 165-и (тут я весьма иронически хмыкнул. — *К.Р.*). Да-да, продолжил Илья, именно так! Просто ты привык к тому, что Мессия обязательно один. На самом деле мессия — такой же тип “благородной личности”, говоря понятным тебе буддийским языком, как шраваки или бодхисаттвы! Или один и тот же Вечный Мессия перерождается вновь и вновь, являясь то как Иисус, то как Саббатай Цеви, то как ещё кто-нибудь!»

«Мил ты мой человек, а от синагоги за такие ереси тебя ещё не отлучили?»

«А я не хожу в синагогу, и поэтому никто меня от неё не отлучит! Кстати, если это перерождается одна и та же мессианская личность, то это знаешь кто? Мелхиседек из Салема! Жрец Эль Эльона, Бога Всевышнего».

«Гм...»

«А, что с тебя возьмёшь! Это ты у нас позитивист, а не я. Вот послушай ещё про 165. Учитель Праведности из Кумрана, как это показал Гальперин (а ты ведь не будешь отрицать, что он серьёзный учёный), был РАСПЯТ в Иерусалиме как лжемессия (а его последователи называли его Сыном Божиим) в 138 или 137 году до нашей эры. Иисус (если считать в соответствии с современными данными, что он на самом деле родился в 7 году до нашей эры) был распят в 26–28 годах нашей эры, то есть как раз через 165 лет после казни Учителя Праведности из Кумрана. Саббатай Цеви умер в 1675 году, то есть через 1650 (десять раз по 165) после распятия Иисуса, а крупнейший и скандальнейший преемник Саббатай Цеви и тоже Мессия, Яков Лейб Франк (тот, что в Польше перешёл в католицизм и спровоцировал сожжение Талмуда), умер через 165 лет (1791 год) после РОЖДЕНИЯ Саббатай Цеви (1626). 165, между прочим, — это период обращения Нептуна вокруг солнца, а Нептун управляет нашим эоном Козерога.

Обрати внимание, мой трансперсональнейший скептик, что гематрия еврейского слова «серебро» (га-кесеф) тоже равна 165, а серебро — каббалистический символ милосердия и сефиры Хесед (в отличие от красного золота, символизирующего силу Строгого Суда и сефиру Гевура). Опять же, Нептун часто связывают с созвездием Рыб, а рыбы связывались в каббале с идеей искупления и восстанов-

ления Израиля. Помнится, Саббатай Цеви во время своей жизни в Салониках (кажется) ещё до провозглашения себя Мессией, даже шокировал тамошних раввинов тем, что совершал какие-то ритуалы с купленной на базаре рыбиной, чтобы то ли приблизить искупление Израиля, то ли показать, что оно ещё очень далеко.

Кстати, прибавь к 1791 (год смерти Франка) 165».

«Хорошо, это будет 1956 год».

«Вот, вот именно! Мессия может родиться в 1956 году!» «А почему не умереть?»

«Но о Мессии, умершем в этом году, мы ничего не знаем. Значит, или его не было в этом году вообще или он только что родился. Кстати, я ведь тоже 1956 года рождения».

«А-а, вот оно что.... Скажи, дорогой мой, а ты сам не хочешь последовать мудрому призыву врачу: “Исцелился сам!”. Короче говоря, к психиатру обратиться не хочешь? Господи, Боже мой, да у нас в институте есть человек пять 56-го года рождения. А сколько их в мире?»

«Они же не евреи...»

«А что, евреев кроме тебя в 1956-м году не рождалось?»

«Знаешь что.... Вот Шодем пишет, что образ еврейского Мессии настолько неопределён, что любому еврею с интеллектом выше среднего естественно приходила в голову мысль: “А не я ли?”»

«Ну ладно, пусть мысль приходит, только ты не очень лелей её, а то сам окажешься в Скворцова-Степанова».

«Ну, ты обо мне не беспокойся, пожалуйста, сами с усами...»

«Хорошо, не буду. В принципе я тебе благодарен за рассказ».

Тут я рассказал ему про гонконгскую конференцию и её тему.

«Так что с твоего позволения, я верну там про Мелхиседека, Учителя Праведности и Саббатай Цеви. Так что ты кстати».

Потом Илья ещё долго разглагольствовал про Саббатай Цеви и еврейских мессий и в подтверждение своей мысли, что мессии — особый тип просветлённых существ вроде будд и бодхисаттв, даже достал из портфеля английскую книжку некоего профессора Ленновица из мормонского Солт-Лейк-Сити «Еврейские мессии», в которой описывались многие претенденты на сей возвышенный титул от Иисуса до каких-то хасидских деятелей (как все в спасители мира рвутся-то!). В какой-то момент его монолога я прервал его красноречие, поскольку в моём мозгу забрезжила какая-то смутная мысль.

«Слушай, ты говорил, что трактат Натана из Газы о природе Саббатай Цеви называется “О драконах”. Не расскажешь ли подробнее?» Упрашивать Илью не приходилось и его снова понесло.

«Да, трактат “О драконах” и его продолжение “О творении”. В первом он писал, что душа грядущего Мессии была захвачена Неразумными Светами, свергнутыми Светом Творящим в бездну техиру, пустого пространства творения, пучину небытия, где эти Светы, ставшие волшебными драконами, терзали и мучили его. Но потом он вырвался оттуда и родился в Смирне в 1626 году. Но эти муки в пучинах техиру сказались, если можно так выразиться, на его психике, от-

куда и депрессии. А во втором он пошёл куда дальше — Илья вытащил из пачки сигарету и, не спрашивая разрешения, закурил; я решил проигнорировать эту бесцеремонность — да, куда дальше... Он объявил, что сама душа Мессии имеет две природы, природу обоих Светов и что он сам — верховный Дракон. Именно поэтому Моисей вознёс серебряного змея в пустыне. Опять-таки серебро...».

Вскоре мы уже распивали с Ильей припрятанную бутылочку настоящего армянского коньяка, закусывая кусочками лимона (это вообще-то распространённое заблуждение, что коньяк закусывают лимоном, поскольку лимон тушит коньячный вкус). Я молчал и пытался удержать в голове историю про Мессию — Дракона, чтобы потом в ней разобраться на досуге, а Илья продолжал витийствовать (экий «краснобай и баламут»!). Под конец он совсем разошёлся и стал уже буквально орать что-то о Саббатае Цеви, Господе и Спасителе нашем, который вот-вот (не позже почему-то 2004 года) вернётся из-за реки Самбатсион и кому-то покажет «кузькину мать». Тут я понял (и Инна подтвердила мою догадку), что Илья домой сам ни за что не доберётся. Поскольку с такси связываться не хотелось, пришлось звонить Сергею, поскольку у того была машина (увы, он вполне сам мог быть под шафе, водился за ним такой грех, но, слава Богу, пронесло), и просить его заехать ко мне и отвезти Илью домой. Возвратившись во свояси, Сергей перезвонил мне, чтобы сказать, что Илья благополучно водворён в свои апартаменты на Шпалерной. Голос Сергея почему-то звучал несколько задумчиво и как-то меланхолично.

Обедать уже не имело смысла, я съел пару бутербродов с колбасой, запил всё это крепким кофе и отправился спать. Из комнаты сына (Филипп — подросток, или на англо-саксонский манер тинэйджер, со всеми вытекающими) доносилась какая-то тревожно будоражащая музыка. Я поднялся и пошёл спросить у него, что он там такое слушает. Оказалось, некую группу под названием «Террион», считающуюся сатанинской. Я взял коробку диска и прочитал название песен, половина их была поименована каббалистическими сефирами — Хесед, Тиферет и так далее. Попросив сына сделать сии дьявольские трели потише, я вернулся к себе и наконец-то заснул. Во сне я беспокойно ворочался с боку на бок и видел какие-то бредовые сны: пылающий огонь в каком-то мрачном месте, разевающих пасти змеев и огромного белого питона, покрытого серебристой рыбьей чешуёй и вознесённого то ли на крест, то ли на огромный шест. Змей тянул ко мне голову и высовывал длинный чёрный раздвоенный язык. Разбудил меня звонок будильника. Голова раскалывалась, во рту был неприятный металлический привкус. Сообразив, что сегодня неприсутственный день и что идти в институт вовсе не надо, я завернулся в одеяло, повернулся на другой бок и снова уснул, на этот раз, без сновидений. Проснулся я, когда было уже за полдень.

* * *

Прошло несколько дней. За это время я отказался от услуг иностранного отдела института в оформлении визы, поскольку хорошо помнил, как из-за медлительности академических чиновников у меня в своё время чуть не сорвались две

поездки, сходил сам в китайское консульство и благополучно сдал документы. Тёща любезно согласилась одолжить мне (причём на неопределённый срок) четыреста баксов на билет до Вены и карманные расходы, так что этот вопрос тоже был благополучно решён. Я даже позвонил в поликлинику по поводу справки и выяснил, что сейчас особого наплыва пациентов нет, и что это медицинское затишье видимо, будет продолжаться всё лето. Поэтому я решил сходить за пресловутой справкой после возвращения из Гонконга, а пока засесть за компьютер с тем, чтобы дней за десять написать доклад. Тем временем из Москвы прислали билет с весьма кудрявым рейсом Вена–Гонконг (Лауда Эйр) — Рим–Вена. Получив оный, я без труда купил на тётчины деньги билет Петербург–Вена–Петербург и действительно занялся докладом. Всё было тихо и спокойно, в институте всё шло своим чередом, зарплату не платили, но и на присутствии за рабочим столом не настаивали. Илья больше не появлялся, о Саббатае Цеви и его светоносных драконах я стал понемногу забывать и потому спал вполне спокойно без каких-либо inferнальных видений. В это же время я получил приятное известие из Америки: профессор Мак-Дуглас, главный редактор «International Journal of Transpersonal Studies», известил меня, что моя статья по эпистемологической релевантности мистического опыта принята в окормляемый им журнал и что он сам займётся её языковой правкой. Так что всё было хорошо и никаких сюрпризов не предвиделось.

В перерывах между написанием доклада и гулянием по разным интернетовским форумам я стал раздумывать, о том, какое вещество выбрать для грядущей психоделической практики. Мне хотелось попробовать датуру (она же дьявольская лилия), но всех волонтеров предупреждали об опасности подобного эксперимента из-за непредсказуемого соматического воздействия этого зелья, а рисковать собственным здоровьем мне никак не хотелось. ЛСД или псилоцибиновые «магические грибы» представлялись чем-то слишком вульгарным, а ДМТ я фактически испытал во время описанного выше опыта с ахуаяско. Всякая же «наркота» вроде опиума или морфия вообще исключалась, как в связи с её способностью создавать привыкание, так и вследствие психоделической неэффективности соответствующих препаратов. Поэтому я находился на некотором перепутье. В конце концов я решил отложить окончательный выбор до получения справки и представления соответствующей заявки в дирекцию.

Как-то оторвавшись от компьютера и осознав, что мой шейный остеохондроз значительно обострился из-за многочасовых сидений у монитора, я решил, что неплохо было бы навестить Сергея. Сказано сделано. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться у него дома около семи. Он попросил меня также прихватить с собой бутылочку типа кубинского рома или текилы. Ничего такого в приличном исполнении я не нашёл и поэтому ограничился шотландским «Бифитером» — джином с британским йоменом-стражником на этикетке. Этикетка была знакома мне по дегустационному бару «Нектар» со студенческих лет (то есть, года этак с 1980–1981-го) и вызывала самые положительные ностальгические эмоции (всё что было, то пройдет, что пройдет, то будет мило, как прозрачно написал в своё время Жуковский). В начале восьмого я оказался перед дверью

в квартире Сергея, что в доме у пяти углов. В руках я держал полиэтиленовый мешок с шотландским напитком и бутылкой «швепса». Здесь, видимо, настала очередь прервать плавное течение повествования и рассказать немного о самом Сергее, в то время моём близком друге.

Сергей Соловьёв был на четыре года старше меня, то есть, ему в марте этого года (всегда забываю дату его дня рождения) исполнился сорок один год. Он занимался темой на стыке филологии, востоковедения и трансперсональной психологии, а именно — отражением психопрактического опыта дзэн в японской поэзии. От большинства японистов (а он был выпускником восточного факультета) его выгодно отличало очень хорошее знание древнекитайского языка, называемого японцами «камбуном», то есть, ханьским (сиречь, китайским) наречием. Кроме того, он был классным специалистом широкого профиля, хорошо знал философию и общую теорию трансперсонализма, переводил с английского Грофа и Тарта и любил за бутылочкой чего-нибудь крепкого порассуждать о том о сём в весьма широком тематическом диапазоне — от очередных коварных замыслов учёного секретаря, Альберта Аввакумовича, до специфики энцефалограмм мозга людей, пребывающих в трансперсональных состояниях разного рода. Последняя тема свидетельствовала о некоторой его склонности к материализму, что также отражалась в его интересе к Дэниэлу Деннету с его эволюционизмом и весьма странным соединением феноменологии и как раз материализма (от Деннета Сергей усвоил также выражение «картезианский театр», которое и употреблял когда надо и не надо) и канадскому профессору Лафлину, перешедшему от каких-то мистических практик к рассмотрению мистического опыта через призму изменения биохимических процессов мозга. Такие теоретики были ненавистны Альберту Аввакумовичу, который при упоминании Деннета или Лафлина сразу же хватался за известную книгу Грофа «За пределами мозга», как хватается за Библию баптист, при котором упоминают о Вольтере или Гольбахе (это если он знает эти имена, разумеется). Сергей любил застолья и весёлую компанию, внешность имел несколько гусарскую (а по мнению некоторых, цыганскую) и общаться с ним было интересно, ничего не скажешь. Правда, последнее время его пристрастие к возлияниям и служению Дионису стало выходить за пределы непредосудительного, что уже начинало всерьёз меня беспокоить. Поэтому приходя к нему с бутылкой, я всегда категорически препятствовал его попыткам «сбежать в магазин» за дополнительной порцией.

Как и обычно, Сергей сразу же провел меня в маленькую комнатку, служившую ему кабинетом. Он жил с женой и дочерью, но при мне они в этот самый кабинет никогда не заглядывали, и, приходя к Сергею, я мог иногда и вовсе их не видеть. Как и всегда, я сел в кресло у окна, а Сергей разместился на старинном венском стуле напротив. Разлили джин, разбавили его швепсом. Для разминки поговорили об институтских делах, прошлись по ортодоксальности Альберта Аввакумовича, посплетничали о Пиковой Даме и её непрекращающихся атаках на секторальные чаепития. Потом (это было, кажется, под третью порцию джина) Сергей перешёл к интеллектуальной части беседы. Начал он ни больше ни меньше как с недвойственности.

«Вот мы все привыкли называть “состояниями сознания”, так ведь какое же это состояние СОЗНАНИЯ? Смотри, о недвойственности говорят обычно в нескольких смыслах: недуальность субъекта и объекта, недуальность мира и Абсолюта, недуальность “я” и мира (Абсолюта). Первое и второе больше характерно для буддизма, третье (и отчасти первое) для веданты. Так вот, понятия “сознание” и “недвойственность” так же совместимы, как “сухость” и “вода” или “дерево” и “железо”. *Contradictio in ajecto* называется. Ведь всё сознание и все его состояния покоятся на двойственности субъекта и объекта! Так разве может сознание иметь какое-либо отношение к сознанию!»

«Правильно, правильно! Это уже древние индийцы понимали».

«Древние индийцы-то понимали, а наши академики — нет!»

«Сравнил божий дар с яичницей, там ведь риши, мудрецы были, а не директора институтов. Помнишь ты беседу Яджнявалкьи с Майтрейи из “Чхандогья упанишады”?»

«В целом помню, но что конкретно ты имеешь в виду?»

«Нет сознания после смерти, говорит Яджнявалкья, а его жена Майтрейи удивляется и просит пояснить. Яджнявалкья и объясняет ей, что сознание есть только, когда есть воспринимающий и воспринимаемое, а когда всё есть лишь один сгусток познания, гносиса, и нет ни зрителя, ни зримого, о каком сознании может идти речь?»

«Правильно, правильно! Вот и я об этом. И никакого картезианского театра! Слушай дальше. Но мы-то как раз исходим из того, что недвойственное «сознание» есть базовая и исходная форма сознания, вершина трансперсонального опыта и трансцендентальное условие всех других состояний сознания. Между тем, опыт недвойственности это не опыт вообще. О каком опыте может идти речь, когда нет ни субъекта, ни объекта. Чей опыт-то? И вот что у нас получается: фундаментом сознания оказывается то, что сознанием не является!»

«Браво! Все три мира есть только сознание, говорят буддисты-йогачарины. Но три мира есть сансара, феноменальный мир. Йогачарины вовсе не говорят, что ВСЁ ВООБЩЕ есть сознание, что нирвана есть сознание. Это не ви-джняна, различающее сознание, которое и есть собственно сознание, а джняна, недвойственный гносис. Без него сознания не может быть, но он, тем не менее, не предполагает его наличие с необходимостью. Тут-то и происходит переход к учению “Трактата о пробуждении веры в Махаяну”, где сансара, круговорот рождений-смертей выводится из вторичного, иллюзорного и “непросветлённого” аспекта самого недвойственного Абсолюта. То, что не есть сознание, однако, при определённых условиях (буддисты и ведантисты называют его “неведением”, авидьей) производит сознание, которое отрицает потом само себя в практике йоги и обретении просветления. Вот такая диалектика получается!»

«Ох, и взгрел бы тебя за эти рассуждения наш Лев Петрович! “Психология, психология и психология! И никакой философии”. Так ведь он говорит?»

«Ну при чём здесь наши великие старцы Поднебесной? Ты лучше скажи, ты каббалу ведь знаешь?»

Признаюсь, что от этого вопроса меня просто потом прошибло, под ложечкой возникло ощущение пренеприятной пустоты и дурное предчувствие, как гово-

рится, возникло в сердце. С чего это Серёга про каббалу заговорил? Ну, дзэн там, сатори, кэнсё, веданта или даосизм, наконец, но почему каббала?

«Ну знаю немножко, а что?»

Тут Сергей одним глотком осушил очередной стакан с джином и швепсом и его язык стал заметно заплетаться. Последнее время он начинал что-то слишком быстро пьянеть, что тоже несколько беспокоило меня, уж слишком опасный симптом у пьющего человека. С месяц тому назад мы были на дне рождения у одного институтского деятеля, так Сергей там заснул непробудным сном после трёх рюмок водки, и его еле добудились, когда пришла пора расходиться.

«Ты никогда не задумывался, почему в системе лурианской каббалы Бесконечный Свет вдруг возжелал творить, произвёл сокращение, ушёл из своего центра, образовав пустое пространство творения?»

«Никогда не думал, наверно, такова природа Света».

«Чудненько! А вот твой приятель Илья, которого я днями отвозил домой, рассказал мне, что каббалисты-саббатяны считают, что отнюдь не весь Свет возжелал творить, что на этой почве в Абсолюте произошёл настоящий раскол и Светы, предпочитавшие покой и недвойственность, восстали против нисхождения в сферу тварного. Значит, дело не просто в природе Света. Свет мог бы преспокойно пребывать в покое и самодостаточности, прости за неуклюжий каламбур».

«Так в чём же, по-твоему, дело?»

«А вот в чём. Всё дело в желании самого Абсолюта освободить себя от корней зла, скрыто присутствующих в его природе в виде корней силы Строгого Суда. Эти корни должны быть сначала выявлены, показаны, продемонстрированы, наконец, чтобы можно было освободиться от них тем или иным способом. Абсолют должен как бы осознать эти корни, чтобы изжить их. Значит, сам процесс творения как процесс упорядочения, ограничения и разграничения, даже структурирования, прости за позитивистские выражения (а всё это — проявления силы Строгого Суда), является в то же самое время и процессом объективации корней потенциального зла. Поэтому можно сказать, что движущей силой процесса творения является тенденция, присущая самому Абсолюту: в его воле освободиться от потенциально злых корней Строгого Суда. Но этот процесс тесно связан с выявлением корней зла и их переводом из скрытого состояния в явное. Только наделяя действительным существованием силы Строгого Суда, Абсолют может освободиться от них или трансформировать их как свой объект в силы блага и святости. Недвойственность выделяет из себя двойственность, а потом снова интегрирует её в себя. Всё творение оказывается, метафорически говоря, своеобразным психоаналитическим сеансом Божественного Ума, освобождающим его от угнездившихся в его «подсознании» корней зла. Начало процесса творения есть сокращение; это необходимо для создания условий для творения. Но любое сокращение, или ограничение есть функция сил Строгого Суда и, в конечном итоге, зла. Следовательно, эти силы с необходимостью вовлекаются в творение, а это в свою очередь чревато появлением актуального зла. Подвожу итоги (Сергей говорил слегка заплетающимся языком, но в стиле докладов на годичной сессии института).

Корни зла (как силы Строгого Суда) внутренне присущи, соприродны, самому Абсолюту (Свету) и содержатся в его глубинах. Процесс творения выявляет эти потенциальные корни зла. Выявление этих корней есть основание начала процесса творения через сокращение. Процесс творения есть изживание и исторжение из божественной природы элемента Строгого Суда (и соответственно зла) через его выявление, экспликацию и последующую ликвидацию в ходе “божественного катарсиса”.

Однако Светы, лишённые воли к творению, восстают против этого акта “интеграционной психотерапии” Абсолюта как против бунта, мятежа против него (а для Творящих Светов они сами мятежники), предпочитая исходную неявленность Абсолюта как Deus Absconditus, Бога Сокровенного. Для Нетворящих Светов творение есть сатанинский акт, ибо он пробуждает дремлющее зло и делает его явным, для Творящих Светов сатанинский принцип воплощают как раз их противники, ибо они препятствуют окончательному искоренению корней зла и санкционируют их присутствие в Абсолюте. Такие вот дела».

«Ну, так ты оказывается просто гностик! А ещё Деннетта читаешь».

«Все мы немного гностики, даже Лев Петрович. Без небольшой порции гностицизма наша наука не идёт. А Деннетт... Просто и Деннетта можно читать гностически. Помнишь, как Владимир Ильич рекомендовал материалистически читать Гегеля? А я предлагаю гностически читать Деннетта. Ведь не будешь же ты отрицать того, что его критика “картезианского театра” имеет прямое отношение к буддийской теории “не-я”? А это только самое поверхностное извлечение из Деннетта трансперсонализма и гностицизма».

«Ну, может быть, и так. Я сам его книгу про объяснённое сознание дальше главы про феноменологический сад всё равно прочесть не смог».

«И это тебя не украшает, поверь мне».

Я попытался снова свернуть разговор на проблему зла и Абсолюта, но мой дружок уже явно принял больше положенного, и его понесло на политику. Потом он и вообще стал говорить что-то не слишком сообразное и предпринимать попытки отправиться в магазин за новой порцией даров змия, на этот раз, зелёного. Тут я сослался на то, что Инна просила вернуться меня пораньше, и улизнул. По дороге я прокрутил весь разговор снова, и опять что-то неприятное коснулось своим когтем сердца. Понять, что же это такое я, правда, так и не смог и в конце концов счёл за благо выкинуть всех этих Светов и драконов из головы и подумать о перспективах защиты докторской. С этими вполне приземлёнными мыслями я и пришёл домой. На следующий день надо было появиться в институте, а через неделю я должен был уже вылетать в Гонконг — Ароматный Порт на Южно-китайском море.

Если вы хотите узнать, что произошло потом, не поленитесь прочитать следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Несколько лет тому назад меня пригласили прочитать несколько лекций в Канаду, Университет Саскачевана, славный тем, что когда-то в нём преподавал

Питирим Сорокин, а много позднее — выдающийся специалист по философии и психопрактике тибетского буддизма Герберт Гюнтер. Я приехал в город Саскатун, где располагается этот университет, в марте, была ещё суровая зима (Саскачеван известен как канадская Сибирь) и по ночам термометр показывал за минус тридцать. Но к 10 апреля всё-таки потеплело, солнце стало согревать землю, лёд растаял, и жить стало приятно. В это время профессор Стэн Эверард с отделения нативных исследований (его можно было бы назвать отделением краеведной этнографии) предложил мне съездить к индейцам и пройти у них ритуал, известный по-английски как «sweat lodge», или «место, где потеют», «потельня», «парилка». Надо сказать, что правила политкорректности практически исключают употребление в академической среде слова «индейцы»; вместо него полагается употреблять выражение «first nations» («первые народы») или «America first nations» («первые народы Америки»), почти «перворождённые», что вызывало у меня ассоциации с толкиеновскими эльфами. Я, конечно, согласился, и в ближайшее воскресенье мы выехали в резервацию.

Однако в посёлок мы заезжать не стали, а вместо этого въехали в небольшую рощицу с ещё голыми деревьями. Надо сказать, что Саскачеван (по крайней мере, южная его часть) расположен на северном краю пояса прерий, и леса там достаточно редки, хотя по всему Саскатуну растут прекрасные ели и кедры. Вскоре мы увидели несколько машин и остановились поблизости. Тут я увидел небольшую поляну, на которой стоял настоящий вигвам (здесь вигвамы называют «типи») и круглую палатку вроде юрты. Около неё стояли, разговаривая, индейцы, а вокруг бегали индейские дети. Одеты все были вполне просто и обыденно — куртки, рубашки, джинсы и никаких перьев и прочей экзотики. Правда, на ногах у многих индейцев были мокасины и почти все мужчины заплели волосы в косы, с косичками были и мальчишки. Стэн представил меня старейшине, который вполне любезно приветствовал меня, после чего все мужчины по очереди подошли ко мне с рукопожатиями. Поскольку не все участники ритуала ещё прибыли, у нас было немного времени и мы пошли прогуляться к речке. Дорога оказалась плохой, после таяния снега развезло глину, и обувь увязала в грязи. Но в кустах гоготали гуси, в голубом небе пролетали стаи журавлей, всё дышало весной, и поэтому грязь настроения не портила. Дойдя до реки, мы повернули обратно и вновь оказались на поляне перед палаткой.

Индейцы начали раздеваться в специальной раздевалке недалеко от палатки, мы со Стэном разделись на свежем воздухе. Раздеваться надо было до трусов, сняв к тому же с тела все круглые предметы (например, обручальные кольца). После этого мы направились в палатку, перед входом в которую был установлен своеобразный алтарь с лосиным (кажется) черепом на нём. В палатке все (пока только мужчины) расселись по кругу. Палатка была увешана разноцветными (по символике сторон света) кусками ткани. Я тоже совершил подношение белой тканью и пачкой табака и мою ткань также повесили в соответствующем месте палатки, там она провисит до следующей весны, после чего её сожгут. В центре палатки была вырыта глубокая яма, за ней тоже был установлен алтарь с черепом животного, за которым разместился старейшина, ведущий ритуал. Все поверну-

лись лицом к нему. Стэн объяснил мне, что здесь присутствуют индейцы из разных племён, но преобладают кри, хотя есть и сиу (дакота) и лакота, а сам старейшина принадлежит к анишнабе. Поскольку браки здесь экзогамны, племена понемногу перемешиваются и различия между ними сглаживаются.

Началась так называемая церемония трубки (Pipe ceremony), предваряющая все индейские ритуалы. Вначале по кругу пустили тлеющую «косичку» травы, которой каждый должен был окурить себя для очищения. Затем после произнесения старейшиной ритуальных формул и раскуривания по кругу пустили трубку с длинным мундштуком; каждый участник ритуала делал затяжку, затем прикасался трубкой ко лбу и сердцу, и передавал её дальше. После церемонии с трубкой в палатку вошли женщины в длинных рубахах. Один из индейцев начал закладывать в яму в центре раскалённые булыжники, умело орудуя длинными вилами. Я знал, что в данном ритуале камни символизируют предков и их называют «бабушками» и «дедушками». Затем через вход камни обильно полили водой, они зашипели, и по палатке распространился обжигающий жар. Входное отверстие плотно закрыли, и палатка погрузилась в полную тьму. Старейшина начал читать заклинания на языке анишнабе, затем индейцы запели ритуальные песнопения. Когда жар несколько спал, камни снова орошали водой, с каждым разом становилось всё жарче и жарче, словно в хорошо натопленной русской парилке. Мрак, влажность, жар. Материнская утроба. Покой, расслабление мышц, блаженное отдохновение. Первая перинатальная матрица по терминологии Станислава Грофа. Океанический экстаз, эмбрион, парящий в околоплодных водах. Покой, умиротворённость, чувство уюта и полной безопасности. Пот стекает всё обильнее, купальные трусы уже настолько пропитались потом, что их можно выжимать. Всё тело мокрое. Жарче, жарче, жарче. Сердце начинает биться сильнее, чувство покоя и безопасности сменяется нарастающим беспокойством. Полный мрак начинает пугать. Вдруг резкая смена настроения, умиротворённость сменяется страхом, клаустрофобией, которой я никогда прежде не испытывал. Кажется, что я навсегда останусь в этом мраке, пространство вокруг сжимается, душно, тошно, страшно. Вторая перинатальная матрица. Жар становится непереносимым, сердце не справляется с нагрузкой. Паника, хотя я сижу совершенно неподвижно. Вдруг пение индейцев обрывается, в палатку проникает свет, входное отверстие открывается, вдох свежего воздуха. И я следом за человеком, сидевшим рядом со мной, выползаю на четвереньках из палатки, весь мокрый, пот, стекает с тела. Я рождаюсь! Я родился!!!

И вот я уже сижу на свежем воздухе под лучами весеннего солнца, слушаю гоготанье диких гусей, понемногу обсыхаю, расслабленно потягиваюсь. Я слаб и мягок, как новорожденный («его кости мягки, его мышцы слабы, но хватает он крепко»), я спокоен и умиротворен. Sweat lodge продолжается, за первой следуют ещё три всё более краткие сессии. Но я остаюсь снаружи, пока с меня довольно. Слушаю пение индейцев, смотрю на лосиный череп.

Когда ритуал заканчивается, и все одеваются, начинается угощение, и я с аппетитом ем индейскую похлёбку из какой-то дичи, кажется, той же лосятины. Потом снова рукопожатие, прощание, приглашение приезжать ещё, и мы со

Стэнном садимся в машину и возвращаемся в Саскатун. Во мне что-то изменилось, я действительно заново родился, звуки и краски приобрели новую свежесть и новый колорит. Надолго ли это? Не знаю, но этот опыт, как блаженство угробного пребывания, так и ужас рождения, я никогда не забуду.

Врата, в иные манящие дали,
Белеющую церковь над рекой,
Сверхчувственный, безмысленный покой
Лазоревые зори предвещали.

Увы! Века те зори люди ждали
В предчувствиях, молениях и снах,
В видениях и дивных чудесах,
В рыданиях тоски, слезах печали.

И впадины глазниц пустыми стали
От бдений в ожидании костра,
Когда в спокойствии иные спали.

Но и во сне страдальцы ощущали:
В уничиженьи стонет их сестра,
Как яркий свет в магическом кристалле.

ГЛАВА 3,

в которой незнакомец просит о помощи, а учёная дама доказывает, что она отнюдь не морская свинка

В институте всё — то же самое. Кажется, что он почти вымер, даже электричество на первом этаже не включено. Только неутомимая общественница Касьянцева бегает туда-сюда из бухгалтерии в приёмную директора и обратно. И чего она бегает? Зашел к Константину Ивановичу и поведал ему о своих успехах по части поездки в Гонконг. Тот похвалил меня за оперативность и выдал мне один доллар с тем, чтобы я поменял его в Гонконге и привёз ему монеток для коллекции. Больше ничего интересного он мне не поведал.

Наверху тоже никого. Только Лев Петрович играл в коридоре в шашки с патриархом перинатальной терапии профессором Мухаммедом Алиевичем Шариповым. В кабинете сидел унылый Семён Владимирович Карпов и чертил какие-то хитроумные схемы, призванные отобразить структуру «я» в его трансперсональных измерениях. Схем Карпова понять никто не мог, но он пользовался всеобщим уважением и считался великим, хотя и официально непризнанным, учёным. Семён Владимирович немного поговорил со мной о московских коммерческих семинарах по холотропному дыханию и о том, что и нам не мешало бы обзавестись чем-нибудь подобным. На это я чистосердечно отвечал, что в Москве есть такой энергичный и пробивной молодой трансперсоналист, как Алексей Мартов, тогда как наш «золотой фонд» только и умеет, что критиковать ушлых москвичей и кичиться своим незапятнанным академизмом. Карпов, кажется, принял мои слова на свой счёт и, обидевшись, замолчал. Тогда я отправился в библиотеку.

Если в советское время в библиотеку ещё какие-то зарубежные книги и журналы поступали, то теперь этот поток, никогда и не бывший слишком бурным, совсем обезводел, обмелел и превратился в тоненькую струйку. Кроме каких-то переизданий старых работ Тарта и Кена Уилбера и последнего выпуска *Journal of Transpersonal Psychology*, главный редактор которого всегда имел слабость к России и русской культуре, на выставке новых поступлений ничего хорошего не было. Зато я обнаружил объявление о семинаре по новым методам немедикаментозного вхождения в трансперсональные состояния (к столетию со дня выхода в свет книги Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта»). Семинар должен был начаться в конференц-зале клиники через пятнадцать минут, и я решил сходить туда.

Раньше на подобные семинары собирались если не толпы и не сонмы, то, по крайней мере, внушительные аудитории, теперь конференц-зал был почти пуст, и я уселся впереди прямо у кафедры, с которой должен был вещать докладчик. Им оказался неизвестный мне молодой (действительно молодой, а не по нашим меркам) москвич из головного института, кажется, Королёв. По существу он говорил о вполне традиционной кундалини-йоге. Он ссылаясь на известную статью американца Синеллы, который в свою очередь базировался на книге индийца Гопи Кришны. Основная мысль докладчика заключалась в том, что практика кундалини-йоги может быть вполне адаптирована в современных клинических условиях как для достижения определённых терапевтических эффектов, особенно при лечении некоторых психозов, так и для исследования картографии сознания. Хотя никаких америк докладчик не открыл, было приятно, что есть ещё вполне серьёзные молодые ученые, занимающиеся теоретическими вопросами, а не гоняющиеся исключительно за разными грантами; я хорошо знал, что такие грантоискатели обычно великолепно умеют составлять заявки и исследовательские проекты, реализация которых оставляет, однако, желать лучшего, мягко говоря.

Когда доклад закончился и никаких особых вопросов не последовало, а скупающая малочисленная публика направилась к выходу, я собрался последовать примеру остальных и тоже покинуть конференц-зал, однако в дверях буквально столкнулся с Сергеем Соловьёвым, который достаточно энергично двигался в противоположном направлении. Вот уж кого я меньше всего ожидал здесь увидеть, ибо Сергей никогда не был любителем докладов и заседаний. Сергей втолкнул меня обратно, и, пробурчав что-то вроде: «Подожди минутку», — устремился к докладчику, с которым они стали обниматься и чуть ли не целоваться! Понятия не имел, что они вообще знакомы. Впрочем, у Сергея есть такая манера — не рассказывать о своих друзьях другим своим друзьям без особой на то надобности. Может быть это и правильно: я часто попадал в весьма щекотливые ситуации из-за того, что некоторые мои друзья терпеть не могли других. Когда их восторг от встречи несколько поутих, я подошёл к ним, и Сергей представил меня Королёву (Андрею) как своего друга и большого знатока восточных психопрактик и каббалы. Его педалирование каббалы опять меня как-то неприятно кольнуло, но я не придал этому никакого значения и обменялся рукопожатием с Андреем, после чего Сергей пригласил нас пойти выпить чего-нибудь за знакомство, Андрей на

это возразил, что с самого московского поезда ничего не ел и поэтому предпочёл бы пообедать. В результате мы оказались в кафе «Гаргантюа» на Вознесенском проспекте. Андрей заказал себе полноценный обед, а мы с Сергеем взяли по так называемому пивному набору (креветки, рак, кусочки копчёной рыбы) и по две кружки пива. Для меня это было дороговато (Андрей, правда, заметил, что в Москве на эти деньги разве что кружку пива нальют), ну да ладно, не каждый день гуляем.

Завязалась беседа. От кундалини-йоги мы перешли к буддийской тантре, от неё — к даосской внутренней алхимии. Потом разговор принял интересное и неожиданное для меня направление. Поговорив в довольно поверхностной манере об энхимоме, внутреннем даосском эликсире, Сергей вдруг заявил, что считает даосскую внешнюю алхимию совершенно неопцененной, и пошёл рассуждать о «Бао-пу-цзы», даосском алхимическом трактате четвёртого века, недавно переведённом на русский язык. От этого нетленного творения Гэ Хуна он перешёл к критике Юнга, утверждая, что его психологизация алхимии смутила многих исследователей и завела их в тупик, ибо эликсир есть эликсир, а не просто метафора интеграции личности. Второй сюрприз за день! Не подозревал, что Сергей интересуется лабораторной алхимией.

«Послушайте, развивал свой алхимический дискурс Сергей, в алхимии, между прочим, существует маргинальное направление — некоторые люди считают, что Философский Камень представляет собой мощнейшее психотропное вещество. Странно, но это соответствует эпизоду посвящения в романе Майринка “Ангел западного окна”».

Разговор становился всё интереснее для меня, так как я никак не мог остановиться на каком-либо веществе для своей психоделической практики, и поэтому решил извлечь из рассуждений Сергея максимум пользы. Андрей между тем задал вопрос про датуру и мандрагору. Сергея не нужно было упрашивать, и он продолжил свои рассуждения во вполне интересующем меня ключе.

«Вы, конечно, знаете, что скополамин и атропин (алкалоиды группы тропана) присутствуют и в мандрагоре, и в дьявольской лилии (*datura stramonium*). Однако сам мандрагорин не является наиболее активным из всех, ибо как раз скополамин наиболее эффективно преодолевает барьер кровь — ткани мозга, а в датуре его концентрация намного выше. С другой стороны, дататура содержит некоторые опасные нейротоксины в вариабельных дозах, что делает её употребление в высшей степени рискованным спортом (“нет, дататура определённо отпадает”, — подумал я).

Вообще, для всей группы тропана характерны два момента: 1) соотношение летальная/эффективная доза близко к единице (то есть человек, добившийся психотропного эффекта от этих растений, находится на волосок от смерти), 2) иллюзии, вызываемые этими веществами, носят совершенно реальный характер, что делает человека в таком состоянии опасным как для него самого, так и для окружающих. Я был знаком с одним человеком, который после одноразовой (!) передозировки датыры в течение многих лет не мог избавиться от воспоминаний о напавших на него тогда демонах, и по сути это иллюзорное нападение стало для него ничуть не

меньшей психотравмой, чем появление живого Князя Тьмы. Кстати, образ летающей ведьмы (равно как и многие другие “химеры” средневековья в прямом и переносном смысле этого слова) является типичным для галлюцинаций, вызванных тропанами. В средние века в Европе (особенно в южной Франции) многие тропаносодержащие растения употребляли для разного рода практик. Они значатся в списках инквизиции как атрибуты “чёрной магии”. Есть попытки связать вообще всю средневековую систему inferнальных образов с воздействием тропанов — кстати, довольно небезынтересная теория.

Есть довольно вздорная гипотеза, что Иисус не был реально распят, а принял некое снадобье для переживания смерти-воскресения. Да, тропаны вызывают временный разрыв синапсовых связей, восковой вид тела и т.д. в том же духе. Однако, следует сказать, что приём необходимой для такого “транса” дозы скополамина и добровольное предание себя на казнь по сути ничем не отличаются, поскольку шансов очнуться в таком случае у Иисуса было не больше, чем выиграть миллион в рулетку.

Mandragora Officinalis (*antropa mandragora*) является ближайшим родственником беладонны. Естественно, действующее вещество мандрагорин (C₁₇H₂₇O₃N) по воздействию практически тождественно атропину. Фармацевтически мандрагору применяли ещё во времена Плиния как рвотное, и как анагетик или транквилизатор. Психотропные свойства мандрагорина очень слабо выражены. Делирий может наступить только фактически при передозировке. Основным магическим свойством мандрагоры с древних времён считалась способность изгонять злых духов (этим и объясняется использование её в магических практиках). Кроме того, в большинстве случаев корень мандрагоры имеет вид фигурки человека, что тоже способствовало приписыванию ей магических свойств».

Тут Сергей отхлебнул пива, а Андрей, воспользовавшись перерывом в его словоизлияниях, задал ему вопрос о соме. Точнее, о том, что он по этому поводу думает, особенно в связи с тем, что в зороастризме издревле существует культ эфедры и Заратуштра вроде бы даже получил своё откровение, собирая веточки эфедры, хотя вряд ли эфедрин вообще можно отнести к психоделикам, тогда как из ведических текстов совершенно ясно, что сома обладала психоделическим эффектом. С другой стороны, такие исследователи и знатоки энтеогенов, как Уоссон, предполагают, что для изготовления сомы использовали сок мухоморов. Но психоделическая мощь мухоморов тоже сомнительна. Кое-кто говорит о псилоцибиносодержащих грибах, но есть ли они в Индии? Или арии использовали их, ещё когда жили на севере, а в Индии начали экспериментировать с эфедрой и в конце концов вообще отказались от сомы в связи с отсутствием эффективного заменителя псилоцибина?

Сергей сразу же вдохновился, отставил пиво, но взялся за сигарету и выдал еще один монолог: «Действительно, есть две теории сомы — одна основана на том, что действующим веществом был псилоцибин (родственник мескалина, содержащийся в некоторых грибах; в частности, в обычных мухоморах, хотя в последних и в незначительном количестве). Другая основывается на том, что в это время были уже известны фармакологические свойства эфедры. Однако эта вторая,

на мой субъективный взгляд, является бредовой. Так как из эфедры можно получить лишь наркотические вещества, относящиеся к стимуляторам. Сначала выделяется алкалоид (эфедрин), потом эфедрон или другие стимуляторы ряда фенамина. Эти вещества, обладая, конечно, наркотическим действием, не дают того психотропного эффекта, который по идее нужен для проведения мистерий. “Наркота” же для этой цели абсолютно бесполезна.

Если вас беспокоит мысль о религиозно-мистической ценности психоделического опыта с той точки зрения, что медитирующий и совершающий психоделический “trip” оказываются как бы в одной категорийной лодке, то это зря. Согласитесь, жить в красивом доме и заглянуть в него через окно — не одно и то же. А психонавт только заглядывает, буддой или святым он никогда не станет. Для этого нужно преобразование личности, а для преобразования личности нужна аскеза, аскеза в изначальном смысле как подвиг, упражнение, самосовершенствование, даже борение. Но заглянуть в окно святости, так сказать, психонавт может. А уж для научного изучения сознания, его природы или возможностей психоделики просто бесценны.

С другой стороны, физиологическая основа любой серьёзной трансформации организма (тем более такой, как просветление) предполагается сама собой. Глупо думать, что, пробуждая кундалини, мы не меняем самым серьёзным образом химию нашего организма. И, естественно, это предполагает обратное утверждение — можно и со стороны биохимических изменений добиться определённого трансформирующего эффекта на психику. Ничего тут страшного нет. Я понимаю, профанация, и т.д. Но учёный ведь не должен исходить из предубеждений и предрассудков. А массовое употребление, конечно, совершенно нежелательно. Увы, равенство есть иллюзия, и иногда вредная иллюзия. Как бы это ни было прискорбно, но *quod licet Jovi non licet Jovi*, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Какой-нибудь философ применяет психоделик для исследования сознания, и какой-нибудь наркоман делает то же самое ради кайфа. Всё же понятно... Это парадоксы не психоделиков, а издержки доктрины равенства, в том числе, и юридического. Но наше общество не готово даже обсуждать такие проблемы, да и западное недалеко ушло. Наш институт есть оазис, башня из слоновой кости, твердыня академизма. И это надо ценить при всех издержках и нелепостях академической жизни, особенно в нашем постсоветском варианте».

После этой тирады все мы на некоторое время примолкли, а потом разговор понемногу перешёл на более мирские темы и в конце концов — на перебивание косточек московским коллегам. Особенно досталось одной учёной даме, Тамаре Павловне Максимовой. Тамара Петровна писала в огромных количествах бешено популярные книжки на темы «трансперсонализм и лечение алкоголизма» и закатывала к небу глаза, произнося такие слова, как «океанический экстаз» или «вулканическое переживание». Однако злые и даже не очень злые языки говорили, что Тамара Павловна боялась психоделической практики как чёрт ладана и что её собственный трансперсональный опыт близок к нулю. На практиках же типа холотропного дыхания она обычно сидела, скрестив ноги «по-турецки» (в «сукхасане», как она предпочитала выражаться), возведя очи горе, и вместо ин-

тенсивного доведения легких до состояния гипервентиляции, занималась дыхательными упражнениями вроде описанных в книгах типа «Йога для здоровья». К этому образу Андрей добавил ещё одну чёрточку. На некоей вечеринке она разоткровенничалась и сказала, что ей всегда хотелось, чтобы ей овладели прямо на столе (по этому поводу я заметил, что её понять можно — все мужики интеллигентничают и политкорректничают, а у женщин сексуальные комплексы развиваются). К положительным чертам мадам Максимовой относилось её вполне бескорыстное стремление помогать молодым учёным, однако после того, как они становились «на ноги» (видимо, так и не овладев своей патронессой на столе), она утрачивала к своим бывшим подопечным какой бы то ни было интерес. Известна была Тамара Павловна и своим свободомыслием, иногда довольно своеобразным. Так, в середине брежневской эпохи сия дама опубликовала некий труд о трансперсональных корнях музыки Скрябина, в библиографию которого (исключительно по недосмотру редакторов и главлита) включила труды всех «отказников» и «невозвращенцев», гордо заявляя всем коллегам, что «вот все боятся и не делают», а она «не побоялась и всё прошло». Между тем после выхода книги кто-то всё-таки настучал, в результате чего несчастных издательских редакторов чуть было не выгнали с работы. А Тамара Павловна ходила вся в белом.

Я так подробно пересказал эту историю, чтобы лучше охарактеризовать институтские нравы и обстановку в институте со всем её колоритом. Без таких деталей академическую жизнь не понять, ибо она — не только исследования и публикации, но и отношения между сотрудниками — личные, бытовые и профессиональные.

Изрядно накачавшись пивом и перебив косточки всем наиболее колоритным фигурам питерского и московского трансперсонализма, мы наконец-то вышли на улицу. Наступающий вечер не чувствовался: разгар белых ночей! Тепло, вот-вот полетит тополиный пух, хороший и мягкий, для Питера достаточно редкий июнь. Вскоре мы расстались. Сергей отправился восвояси к Пяти углам, Андрей пошёл в сторону Невского, чтобы до поезда побродить по легендарному проспекту, ну а я пешком направился к Исаакиевскому собору и потом по Дворцовому мосту перешёл на Петроградскую сторону, где и жил на Съезженской, совсем недалеко от зоопарка.

Инна открыла дверь со словами:

«А тебя опять ждут».

«Господи, Боже мой, неужели это опять Гданьский?»

«Не-а, какой-то неизвестный тип».

Я устремился в свою комнату. Там с книжкой в руках сидел Андрей, с которым мы только что расстались на Вознесенском.

«Не удивляйтесь, Константин, мне надо с Вами поговорить, притом наедине, без Сергея. Он хороший парень, но тут совершенно лишний. А ваш адрес мне дал Илья Гданьский».

«Значит, я всё же не ошибся, пришло мне в голову, без Ильи тут не обошлось».

«Хотите чаю?»

«Да, не откажусь».

«Инна, принеси нам, Бога ради, чаю».

«Ладно, сейчас».

«Слушаю вас».

Дальше всё повторилось, как в дурном сне. Просто день сурка какой-то. Андрей вещал с пророческим пафосом про Саббатая Цеви, возвращение оного из-за реки Самбатсион, а также о двух Светах и о вечном покое Абсолюта до того, как некоему его аспекту пришла (в голову или куда там ещё) блажь заняться творением. Он даже спел довольно приятным тенором что-то на иврите.

«Это о превечном покое, о котором тоскует Свет-Дракон», — пояснил он.

В общем, клиника, групповое помешательство у них, что ли. Чтобы сбить с моего гостя пафос, я начал что-то говорить про Мартина Лори (он же Ицхак Лейб га-Коген), его интернетовской рассылке и сайте. Андрей небрежно отмахнулся от меня и сказал, что всё это — лажа.

«Ну, хорошо, пусть лажа, но от меня-то вы чего хотите?»

Он стал говорить что-то довольно невнятное о мистическом опыте и благе всех существ, подробностей я даже не запомнил. Когда же Андрей понял, что меня его разглагольствования мало интересуют (хотя слушать его было довольно приятно, модуляции его голоса чем-то завораживали), то начал прощаться:

«Ну, ладно, я пошёл, да и поезд уже скоро. Вы позволите по крайней мере иногда звонить вам или посылать имейлы и консультироваться по разным релевантным, так сказать, вопросам?»

«Послезавтра я на неделю отбываю в Гонконг, а после возвращения милости просим».

«Ну и на том спасибо».

«Не за что, you are welcome».

Я проводил Андрея до двери, он выглядел вполне энергичным и отнюдь не обескураженным моим отказом. Видимо, он был уверен, что никуда я от него не денусь и наши мистические собеседования продолжатся. Ну-ну, надежды юношей питают... Мы попрощались как ни в чем не бывало, и Андрей быстро стал спускаться по лестнице, а я закрыл дверь и запер её на цепочку. Меня беспокоил только один вопрос: «Если он не сумасшедший (не могли же они с Ильей помешаться синхронно), то что всё это значит?».

Ночью мне приснился загадочный сон, почти видение. Я видел ночную улицу, освещённую факелами, по которой столь быстро, сколь позволяли ему длинные и широкие одежды целеустремлённо шествовал какой-то человек в пурпурном, нет, даже кроваво-красном, облачении. За ним шла, почти бежала толпа людей в традиционных ближневосточных одеяниях, у некоторых мужчин, правда, почему-то были отчетливо видны хасидские пейсы. Было впечатление, что человек в красном ведёт всю эту толпу к какой-то прекрасной и высокой цели. Вдруг у какого-то здания (синагога, подумал я) он остановился, резко развернулся лицом к толпе, ошарашено остановившейся внизу, поскольку улица поднималась в гору, и вскинул руку. Тут внезапно его внешность начала меняться, и он то превращался в высокого мужчину с красивой окладистой бородой, в белых одеждах, сияющих

словно снег под горным солнцем (как Иисус на иконах Воскресения Христова, подумал я), то становился змееподобным существом, драконом, с кожистыми, как у летучей мыши, но тоже сияющими крыльями. Кто одолеет в нём, Муж Славы или Светозарный Дракон, впрочем, мне узнать не удалось: прозвенел звонок и я сразу же по привычке спустил ноги с дивана.

Всё утро в голове у меня был туман, и крутилась, без конца воспроизводя себя, известная мелодия с нелепыми словами:

Мы смело в бой пойдём за Машиаха
И как один умрем,
Не зная страха.

Неужели меня тоже начинает охватывать саббатинское безумие?

Следующий день был последним перед моим отъездом в Гонконг через Вену (это ж надо: вначале лететь часа три-четыре на запад, чтобы потом пролететь их же, но в обратном направлении!), и я решил ещё раз зайти в институт, узнать, не будет ли ещё каких-нибудь ЦЭУ от начальства. Однако в институте было пусто и неудобно, свет в коридорах был выключен, а Константину Ивановичу было явно не до меня: Георгий Тигранович навалил на него институтский отчёт за первую половину года.

«Ну, езжай с Богом» была единственной фразой, которой наш замдиректора одарил меня, когда я заглянул в его кабинет и сообщил, что «sail away tomorrow, sailing far away» (то бишь «уеду я, друзья, в дальние края»). Состояние у меня было, прямо скажем, муторное. Во-первых, изменилась погода, стало пасмурно, тепло и влажно, слышались удалённые раскаты грома, и время от времени начинал моросить дождик. В такую погоду я начинал отчаянно потеть, мучиться головной болью и сонливо позёвывать. Во-вторых, меня странно беспокоила личность Андрея. Он был, безусловно, человеком неординарным, обладавший, как сказали бы полинезийцы и этнологи, маной. Во всяком случае, обаяние его личности, несомненно, затронуло меня, и несмотря на его безумные речи мне вполне определённо хотелось снова увидеть его или хотя бы позвонить, как если бы он был моим старым другом, с которым мы внезапно встретились после долгой разлуки и сразу же расстались вновь. Я подавил эту иррациональную ностальгию и решил, что ни звонить, ни писать Андрею до возвращения из Гонконга не буду, а там посмотрю, что будет.

Я поднялся к себе на второй этаж. В нашем секторе не было ни души, зато в соседнем я обнаружил Ирину Ставцову, с которой меня связывали отношения давней дружбы и доверительности, хотя о некоторых сюжетах, типа саббатинской лихорадки, с ней говорить было бесполезно, ибо она была весьма далека от всей и всяческой мистики, обладая умом сильным, острым, но вполне практическим и скорее аналитическим, нежели синтетическим.

Ирина сидела за Священным Столом, некогда принадлежавшим матриарху нашего трансперсонализма, Татьяне Исаевне Фельдман. С этим столом у меня были связаны достаточно неприятные ассоциации. Столы в институте были некогда дефицитом: это теперь на работу («в присутствие») мало кто ходит даже

в присутственные дни, а когда-то во время оно по понедельникам и средам все сидели за столами как миленькие. Так вот, сотрудников было много, а столов мало (и места для столов тоже было немного: даже великокняжеские дворцы не резиновые). Проблема стола актуализировалась для меня в первый день моей работы в институте. Как сейчас помню, это было 8 января 1992 года (в этот год либерализации цен на работу ходить ещё не успели разучиться, и мне надо было где-то сидеть). Константин Иванович вспомнил, что имеется стол Татьяны Исаевны, которая по причине преклонных лет и далеко не идеального здоровья в институте практически не появлялась. Он позвонил ей, и Татьяна Исаевна вполне любезно разрешила мне сидеть за её столом в её отсутствие. Я спокойно пошёл наверх. Однако не прошло и получаса, как Константин Иванович снова вызвал меня к себе и сообщил, что Татьяна Исаевна только что позвонила ему и устроила форменный скандал: она-де согласилась на то, чтобы я сидел за её столом только от шока, что она не ожидала такого оскорбления, что её уже не числят среди живых, что ей дают понять, что её списали, и так далее и тому подобное. Естественно, что после этого афронта о сидении за её столом не могло быть и речи. Через год с небольшим Татьяна Исаевна почилла в Бозе, но ещё года два никто не осмеливался занять её место за столом, пока наконец его не оккупировала Ирина — ученица и духовная наследница покойного мэтра. О высокочтимый стол! Иначе и не скажешь.

Ирина сидела за этим самым столом и что-то увлечённо писала. Она занималась довольно экзотической для нашего института темой — отражением личного трансперсонального опыта поэта в его творениях или даже трансперсональным опытом как действующей причиной (прошу прощения за схоластическую терминологию) или побудительным мотивом поэтического творчества. С невероятным трудолюбием (это когда компьютеров ещё не было) она расписывала поэтические тексты, и ящики её стола были забиты карточками поэтических частотных словарей. Она опубликовала несколько книг по своей теме (в основном британская поэзия, Колридж и Уильям Блэйк) и множество статей. Коллеги из золотого фонда поначалу пофыркивали (зелен-де виноград), но, ознакомившись с монографиями, поутихли. Последнее время у Ирины обнаружили и невероятные педагогические таланты: начав преподавать в университете для приработка, она так увлеклась, что превратилась в педагогическую звезду первой величины. Студенты обожали её за безграничное желание возиться с их курсовыми и дипломами, а также за твёрдость и справедливость при оценке работ, деканат — за безотказность и готовность читать гораздо больше курсов, чем требовали нормы нагрузки. Вместе с тем Ирина отнюдь не была каким-то синим чулком и учёной дамой, которая не учёная и не дама (как морская свинка — не морская и не свинка), она была вполне обаятельна, по-женски привлекательна и в хорошей компании (ну, это когда была лет на десять помоложе) вполне могла станцевать канкан прямо на столе.

На звук открываемой двери Ирина подняла голову от книг, и, узнав меня, помахала рукой. Я подошёл к ней и не без некоторого трепета сел на стул у краешка сакрального стола.

«Значит, в Гонконг едешь? Очень хорошо, расскажешь потом, ну, и сделать кое-какие фото не забудь».

«Не забуду, не забуду. Как у тебя дела?»

«Да ничего, нормально, тут Димка опять двоек нахватал, а так ничего. Слушай, я тут такое нашла! Ты знаешь такого поэта — Ийтса?»

«Ну да, знаю, нобелевский лауреат, кажется 1924 года, борец за независимость Ирландии... А в чём, собственно, дело?»

«Ну вот думаю статейку написать про его оккультные увлечения».

«А-а, да, как же. Дружил с Мазерсом, одно время в начале 1900-х годов был даже президентом Ложи Золотого Рассвета, той самой, которую потом подмял под себя Алистер Кроули. Ты нашла что-нибудь свеженькое?»

«Да ещё какое! Ты знаешь, что он интересовался каббалой?»

В груди появилось какое-то противное чувство и предчувствие чего-то нехорошего.

«Ну, это естественно. Раз уж тут Мазерс замешан, а он ведь, он даже перевёл на английский “Каббалу без покровов” Кнорра фон Розенрота».

«Но это далеко не всё, ох как далеко! Представь себе, Ийтс одно время учился каббале у одного лондонского раввина, который был учеником учеников (а может, даже потомком) знаменитого саббатинца и каббалиста-католика Якова Франка! — мне показалось, что бомба дурных предчувствий взорвалась: если уж даже Ирина про саббатинцев заговорила, — во как!».

«Ну и что?»

«А ну тебя, всё ты прекрасно понимаешь. Тут такие перспективы вырисовываются! Один из ближайших преемников и чуть ли не братьев Франка (боюсь соврать) во время Французской революции был даже близок с Дантоном, вместе с Дантоном Робеспьер его и гильотинировал. Какая тема! Каббала, поэзия, мессианские ереси, Робеспьер с Дантоном... Но пока я должна до конца разобраться с Ийтсом».

«Ну и разбирайся с Ийтсом, а что тебя в каббалу-то понесло?»

«Так это же самое интересное и есть! Вот тут я, правда, без тебя не обойдусь. Я ведь филолог, историк, ну, психолог, но в мистике и философии я ни бум-бум. Вот взяла в библиотеке книгу Шолема, огромный такой томом, про Саббатая Цеви, но многого не понимаю, потому что не знаю... Вот лурианская каббала, например. И с чем её едят? И чем она отличается от прочей каббалы? Ничего не знаю. В общем, рассчитываю на твои драгоценные консультации. Но это, конечно, когда уже из Гонконга вернешься».

Тут уж мне ничего не оставалось делать, как улыбнуться (и это несмотря на кошек, скребущих в душе) и пообещать все мыслимые и немыслимые консультации, но потом, потом, а не сейчас, сейчас мне про Иисуса думать надо, а не о всяких еврейских лжемессиях. После этих заверений я быстренько ретировался, покинув на целых десять дней стены любимого института. Ирина снова погрузилась в свои записи и конспекты. Ну, а я решил выбросить из головы и Саббатая Цеви, и Якова Франка и заняться исключительно подготовкой к отъезду.

Если Вы хотите узнать о том, что случилось потом, прочтите следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

Ноябрь 1982 года, незадолго до смерти Брежнева. Я учусь на втором курсе университета. У нас в группе появляется странный студент-вольнослушатель с длинными волосами и безумными, но такими впечатляющими речами! Некто Александр Иванов с философского факультета. Занимается восточной философией и хочет прослушать ряд курсов по психологии. Введение в трансперсональную психологию нам преподаёт молоденькая ассистентка, сама ещё студентка пятого курса Маша Павлова. И именно ей этот самый Александр рассказывает нечто невозможное, а уже она с округлившимися глазами, не зная, морочит ли ей голову шарлатан или изливает душу сумасшедший, пересказывает всё нам. Оказывается, Александр йогин (именно так, на благородном санскрите, йогин, а не как на вульгарном хинди — йог). Он практикует медитацию, совершает целые путешествия в астральном теле, месяцами не ест и обладает парапсихическими способностями. И прочее в том же роде (впоследствии, когда я познакомился с ним поближе, Александр оказался человеком вполне земным и даже не очень-то образованным, хотя в то время он оказал на меня очень сильное влияние и вероятно, я не стал бы тем, кем стал, не познакомься тогда с ним). Я глядел на него во все глаза (ибо всё мистическое интересовало меня уже тогда), но подойти поговорить не решался.

В нашей группе был один парень, бывший счастливым обладателем фотокопии книги «Йога Рамачараки» «Раджа-йога». В те времена я не знал, что йог Рамачарака — всего лишь шотландец Аткинсон. Напротив, из нашумевшего документального фильма «Индийские йоги, кто они?» я знал, что йоги могут всё или почти всё, причём именно благодаря своей «мистической философии», о которой в фильме, правда, только бегло упоминали. Из прочитанной в детстве фантастической книги «Экипаж Меконга» я знал имя Рамачараки и знал, что раджа-йога — высшая духовная форма йоги. Больше ни о нём, ни о йоге я не знал тогда ничего.

Поэтому я решил немного расширить свои знания, в том числе и с практической, так сказать стороны, а потом уж попытаться поговорить с Александром. Я попросил у своего приятеля Рамачараку и предался вполне самостоятельным медитациям, каждую неделю «прорабатывая» по одной главе. К началу ноября я добрался до третьей главы. И вот, в воскресенье перед Октябрьскими праздниками я прочитал её, а потом включил проигрыватель, поставил пластинку с «Requiem» Моцарта и приступил к «медитации». Я строго следовал тексту книги. Вначале я представил себе, что моё тело лишь относительно моё, что это только некий сгусток в море материи, постоянно получающий свои атомы извне и отдающий их в свою очередь миру. Не это есть моё тело, вся материя космоса есть моё тело. Затем точно по такому же плану я стал рассматривать энергию, жизненную силу, прану (я уже усвоил это слово). Я живу жизнью всей вселенной. Жизнь космоса — вот моя жизнь. Далее то же самое было проделано с умом («мировой ум есть мой истинный ум»), и наконец я добрался до «я», которое, как учил Рамачарака (о веданте я тогда не имел никакого понятия), не есть ни тело, ни энергия, ни даже ум. «Я» (потом я узнал, что это истинное «я» на санскрите называется «атманом») есть всегда субъект, который не может стать объектом для ума,

«я» есть трансцендентальный свидетель всех состояний сознания и трансцендентальное условие всякого опыта. Но это всё приобрело в моей голове понятийную форму гораздо позже, тогда же я скорее чувствовал, чем знал. Итак, «я», которое и есть на самом деле я, рассказывающий об этом. Я стал осваивать идею Рамачараки о том, что я не эта ограниченная и преходящая индивидуальность, я есть «я» всех людей, всех существ — здесь, на земле, и во всех иных мирах. Даже если это тело умрет, я буду жить в других существах, ибо я вечен, я есть всё, что поистине есть, и всё, что поистине есть, есть я.

И тут свершилось. Проигрыватель закончил играть «Requiem Aeternam» и перешел к «Kyrie Eleison». Моё сознание расширилось и я на самом деле пережил то, что до того старательно старался представить по книге! Я жил жизнью всех существ: соседей по коммуналке, водителя проехавшего под окнами грузовика, рыб в реке, морских червей, роющихся в иле в южных морях и даже каких-то уж совсем неведомых инопланетян из неведомых звёздных систем. Моё тело почти совсем перестало быть центром или фокусом самосознания, да и самосознание уже мало походило на привычное. Я блаженствовал, на глазах навернулись слезы. «Kyrie Eleison» закончилось, зазвучал «Dies Irae». Постепенно чудо заканчивалось, я возвращался в своё обычное состояние. Согласованная и вполне концептуализированная реальность заполнила органы чувств и мой внутренний мир. С тех пор я не переживал ничего подобного, хотя и очень стремился к этому. Но и сейчас, через семнадцать лет, услышав звуки начала моцартовского Requiem'a, что-то во мне шевелится, и старое впечатление, ушедшая вглубь подсознания санскара (или васана?), кажется, готова воскреснуть вновь, готова..., но никогда не воскресает. Дня три после этого переживания я ходил сам не свой, весь мой мир перевернулся, я открыл иные измерения собственного бытия. Этот краткий (несколько минут!) опыт определил все мои последующие интересы, в том числе, и сугубо профессиональные: я погрузился в восточную (индийскую и китайскую) философию, трансперсональную психологию и даже некоторое время практиковал йогу (и уже отнюдь не по Рамачараке). Я не стал просветлённым мудрецом, Буддой или риши или святым, но из меня получился, смею думать, вполне личный трансперсоналист и специалист по религиозным психопрактикам. И всё-таки чувство «Tat twam asi» — «Ты то еси» не оставляет меня и, тешу себя этой мыслью, делает меня лучше, чем я мог бы быть, не имея его.

Как яркий свет в магическом кристалле,
Луна отражена в воде морской,
Сама светя иной, чужой тоской,
Подобно искре в мировом фиале.

И берега иные ближе стали,
К ним через бездны перекинут мост.
Дождями орошён, расцвёл погост,
И праотцев потомки вызывали.

И женихи взирали на невест,

Любви ответного алкая взгляда,
 Святых паломники достигли мест,
 Уж истолок бессмертье лунный пест,
 Изгнав из плоти скверны соков яда,
 Зажётся в небе ясной ночью Южный Крест.

ГЛАВА 4,

в которой молодой талант отправляется в Порт Ароматов, где он страдает от жары, тогда как учёные мужи внимают его рассуждениям

Итак, рано утром следующего дня я покинул свой дом, отклонив побуждение Инны проводить меня (но высказав, правда, просьбу непременно встретить меня через неделю) и прибыл в аэропорт, где к своему искреннему изумлению встретился со Львом Петровичем Большаковым. Оказывается, он оформлялся сам, вне делегации и без контактов с москвичами (может, так и надо), и никто про это даже не знал. Впрочем, Константин Иванович никаких возражений против поездки Большакова не высказал и подписал ему заявление, пробурчав себе под нос что-то вроде «хороших людей чем больше, тем лучше».

Заговорившись, мы оба совершили серьёзную ошибку: вместо того, чтобы оформить багаж прямо до Гонконга, мы оформили его до Вены, упустив из виду, что багаж выдают уже за паспортным контролем в зоне, в которую нас просто не пустят по причине отсутствия транзитной визы. Увы, эту ошибку мы осознали только в воздухе, когда что-либо менять было уже поздно.

В Вене мы вначале попробовали получить транзитную визу прямо в отделе иммиграции аэропорта, однако нас вежливо, но вполне определённо послали в посольство в Москву. Поскольку в Москву было тоже уже не попасть, пришлось смириться со своей судьбой и отказаться от надежды увидеть венские улицы и воды Дуная. Вместо этого мы отправились в центр обслуживания пассажиров и там после долгих пререканий нам всё-таки переоформили багаж на Гонконг. Затем мы зарегистрировались на гонконгский рейс и предались вынужденному бездействию, ибо до посадки у нас оставалось ещё пять часов. Точнее, бездельничал только я, ибо Лев уселся писать свой доклад, поскольку не удосужился сделать это дома. Поистине, нет худа без добра. Я же принялся слоняться по транзитной зоне аэропорта и за два часа изучил её в деталях. Чашечка относительно приличного кофе с венской выпечкой завершила мои хождения, после чего я уселся на скамейку близ магазина «Caviar House», в котором по совершенно безумным ценам продавалась иранская (не российская!) чёрная икра и всякие приспособления (ножики и прочее) для правильного потребления оной. Поскольку ни икра, ни тем более, приспособления не были мне нужны, я предался самосозерцанию. В ходе оногo я обнаружил, что хотя моё противоестественное влечение к контакту с Андреем Королёвым и несколько ослабло, но тем не менее, никуда не делось. Мне даже захотелось вот прямо сейчас из Вены позвонить ему и сказать... Впрочем, что мне хотелось ему сказать, я так и не понял,

а потому отменил и звонок. Наконец объявили посадку, я нашел Льва Петровича, и мы вместе отправились в наш «Боинг» компании «Лауда-эйр».

Полёт в Гонконг мне запомнился прежде всего тем, что нас закармливали, причём очень вкусной и сытной едой. Нас кормили, когда мы пролетали над Болгарией и Турцией, нас кормили, когда мы летели над Бирмой, и нас снова кормили после вылета из Бангкока, где у нас была кратковременная посадка. В последнюю кормёжку я с трудом заставил себя поесть, ибо был ещё вполне сыт, но очень хотел пить, а когда хочешь пить, то еда уж вовсе ни к чему.

На электронной карте в передней части салона было видно, что мы аккуратно облетаем Камбоджу прямо по её пограничной линии, не вторгаясь в её воздушное пространство. Полоска Вьетнама, Южно-китайское море и пилот объявляет снижение перед посадкой в городе Гонконге (называемом на нормативном китайском языке Сянганом) — Порту Ароматов. Крыло самолёта пронеслось прямо над бирюзовой морской волной, возникла и исчезла то ли бухта, то ли залив с живописными островками и рыболовным судёнышком «Принцесса Востока», лёгкий толчок, небольшая прогулка по полю, и вот мы уже покидаем чрево нашего «Боинга». «Сянган, ни хао!»

Нас не подогнали к терминалу, поэтому надо было выйти на свежий воздух, сесть в автобус и уже на нём доехать до здания аэропорта. Когда я вышел на свет Божий из чрева самолета, то первое, что я почувствовал, была волна влажного жара, окатившая меня с головы до ног. Погода была питерская, пасмурная, накрапывал дождик, и я поначалу по наивности решил, что этот жар от перегревшегося двигателя самолета. Увы! Уже через минуту от этой версии пришлось отказаться: горячим был сам воздух, Гонконг располагался в настоящей русской парилке. И это чувство постоянного пребывания в оной парилке стало моим главным и отнюдь не самым приятным впечатлением от Гонконга. Сказать, что я всё время потел, значит не сказать ничего. Я был подобен мокрой курице, никакие платки и салфетки не помогали, и в конце концов я просто перестал вытирать пот, ограничиваясь лишь обсушкой глаз, когда я переставал что-либо видеть или когда их уж слишком щипало. Рубашки после прогулок можно было выжимать, что я и делал. На улице стояла невыносимая жара независимо от того, пасмурным или солнечным был день. И с наступлением темноты я мог петь вместе с оперным князем Игорем: «Мне ночь не шлёт надежды на спасенье». Зато под крышей (университет, магазины, лавочки, гостиница) было просто холодно благодаря исправно работающим кондиционерам. Этот холод манил, призывая зайти в любую ближайшую лавочку, но и страшил: разгорячённое, мокрое от пота тело становилось лёгкой и привлекательной добычей вредоносных микроорганизмов, несущих с собой в лучшем случае ОРЗ, а в худшем — пневмонию. Меня, однако, на этот раз Бог миловал. Но вернёмся в аэропорт.

После прохождения паспортного контроля, осуществлявшегося насупленными девами, своим суровым видом, видимо, воплощавшими идею неотвратимости законного возмездия вершителям беззакония, пытающимся проникнуть на территорию КНР и её особого района — Гонконга, мы с Большаковым вышли в холл, где сразу же увидели европейской внешности даму, державшую в руках транспарант с

нашими именами. Вокруг оной дамы толпились московские коллеги, которые, как выяснилось, прилетели в Гонконг несколькими часами ранее, причём прямо из Москвы (мораль: хочешь ездить на конференции на халяву, то бишь за счёт оргкомитетов, — будешь летать в Париж через Сингапур). Нас погрузили в автобус (без кондиционера, но с открытыми окнами) и повезли в гостиницу. Я наслаждался подлинно китайским запахом — той специфической смесью пряностей и, уж не знаю, чего, с которой вы встречаетесь везде в китайском мире, будь то континентальный Китай, Тайвань или Гонконг. Наверно, сюда можно присоединить и Сингапур, но в Сингапуре я не был. Впрочем, при тамошнем маниакальном стремлении к чистоте операционной, китайский дух могли и извести... Один мой знакомый австралиец, часто ездивший в Юго-Восточную Азию, говорил мне, что в Сингапуре неприятно чисто, в Бангкоке неприятно грязно, а в Куала-Лумпуре приятно грязно. С материковой части Гонконга, Коулуна, мы переехали на остров и остановились у вполне приличной гостиницы «Charter». После того как нам выдали наш «кэш» (суточные) и мы расселились (я получил удобный одноместный номер с одним недостатком: кондиционер работал так, что в комнате было или холодно, как на полюсе, или почти так же жарко, как на улице; пришлось мириться с морозом), настало время для ужина (для начала пошли в «Макдоналдс», с китайской кухней решили разбираться не торопясь и постепенно) и променада по набережной близ сияющих рекламной, как в советском фильме средней руки фильмах о разлагающемся капиталистическом Западе, небоскрёбов.

Утром нас отвезли на автобусе в здешний театральный институт или что-то в этом роде (там обустроилась конференция), но предупредили, что отныне добираться сюда мы будем сами — на такси или на своих двоих. Из жадности мы выбрали второй способ, о чём я сожалею по сию пору, ибо от прогулок в русской парилке китайского Гонконга ступни у меня покрылись водяными мозолями и передвигаться я мог только прикусив губу и хромая на обе ноги.

Открытие конференции проходило достаточно пышно. Хотя главным её организатором был Баптистский колледж Гонконга, Гонконгский университет и Китайский университет Гонконга также принимали в её организации активное участие. Были произнесены пышные, но малосодержательные речи о новом тысячелетии, двух тысячелетиях христианства, всемирно-исторической роли евангельской Вести и о прочем в том же духе.

Перед началом пленарных заседаний я обнаружил буфет и узнал, что во время перерывов кофе и snacks (печенья, сушки и тому подобное) там дают бесплатно, а во время заседаний — за деньги. Лев Петрович куда-то исчез, и поэтому я один отправился искать свою секцию. Проискал я её достаточно долго, пока не узнал, что надо выйти на улицу и пройти по набережной назад, до соседнего здания, где мне будет нужен четвёртый подъезд. Ну а там я уже быстро сориентировался и обнаружил «Студию Мак-Олей» (McAulay Studio) — вот он, наш Маклай, подумал я. Заседание уже началось, выступал, можно сказать, компатриот и единоверец — профессор отец Михаил Постников из парижского Института православной философии и софиологии им. Отца Сергия Булгакова. То, что я услышал,

меня крайне заинтересовало и даже заинтриговало. Вот краткое содержание его доклада за исключением начала, которое я пропустил.

«Христианство есть завершение всех религий, исполнение всех обетований, учение совершенное и всецелостное. Все религии обретают в нём свою истину, как частные моменты всецелой истины и утрачивают свою ложность, которую имели вне его, претендуя на несвойственную им полноту истины. Поэтому все религии истинны во Христе и все ложны вне Христа. Мифологическая школа всегда считала, что борется с христианством, а она оказала ему великую услугу, раскрыв его сокрытые дотоле сокровища. Христос — величайший шаман. Шаман ради своего рода, своего племени нисходит в подземный мир, чтобы найти попавшую туда душу усопшего и вознести её в горние выси. Христос же, словно шаман всего рода человеческого, сошёл в преисподнюю, дабы из неё и возвести на небеса всё ветхозаветное человечество, всех наших предков-праведников (он спустился в бездну техиру, чтобы вывести и вернуть в Свет Драконов, подумал я и аж сплюнул от негодования на самого себя: вот опять лезет в голову совсем не то). Император Юлиан Отступник, почитатель богов Олимпа и, несмотря на это, истинный, подлинный христианин, когда-то сказал: “То, чего никогда не было, только и существует поистине, существует в вечности”.

Как платоник и учитель теурга Ямвлиха император хотел этим сказать, что только архетип, только идея, эйдос вечны, а отнюдь не так называемые факты эмпирической “действительности”. Христос сочетает в себе вечную надмирную реальность Эйдоса, Логоса, ибо “в начале было Слово”, и реальность исторического факта. Мифологи говорили: “Посмотрите на страдающих богов древнего мира, разве Христос не их копия?” Скажу на это: “Да, он Адонис, он поистине Аттис!” Но если Аттис и Адонис — лишь идеи, эйдосы, архетипы, то Христос — это воплотившийся Архетип, Слово, ставшее плотью. Он — миф, воплощённый в исторической реальности, и исторический факт, ставший мифом! Вместо кровавой тауроболии — святое крещение, вместо сакрального каннибализма — Евхаристия, ибо Христос — и Агнец, закланный в вечности до начала мира, и проповедник Иисус из Назарета Галилейского, распятый за нас при Понтии Пилате. Всё, о чём другие религии грезят, Христос свершает и исполняет, Ему слава и держава во веки веков. Аминь!» Отец Михаил осенил себя крестным знаменем и приготовился к вопросам. Последних не последовало, он покинул место докладчика, к которому уже спешил следующий докладчик.

Мой доклад стоял четвёртым. Поэтому пока я мог расслабиться и послушать доклады коллег. Вторым выступал христианин-китаец. Хотя и протестант, он совершенно отчётливо вторил парижскому софиологу. Тема его доклада была сформулирована как «Асексуальность Иисуса в свете гуманистической психологии». Суть доклада сводилась к следующим тезисам:

1. Иисус никогда не проповедовал аскетизма и безбрачия, место о скопцах «ради Царствия Божьего» интерпретировалось неверно.

2. Вместе с тем, Иисус сам совершенно асексуален, несмотря на то, что всё время окружён женщинами (Жёны-Мироносицы, Мария с Марфой и другие).

3. Единственным объяснением этих парадоксов является предположение, что, будучи не только Совершенным Богом, но и Совершенным Человеком (см. решение, или орос, Халкидонского собора 451 г.), Христос воплотил в себе полноту человечности и был поэтому не мужчиной и не женщиной, а Человеком; «Ессе Ното», как сказал Пилат. Разумеется, речь идёт не о гермафродитизме, а о состоянии синтеза и диалектического снятия оппозиции «женское–мужское», подобно тому, как Ева латентно присутствовала в Адаме на уровне тезиса. Таким образом, мы имеем женственное, скрытое в мужском у Адама (тезис), оппозицию «мужское–женское» у совершившего грехопадение человечества и снятие данной оппозиции у человечества грядущего эона через совершенного Человека Иисуса (синтез). Бесполость Иисуса выше, а не ниже полового дуализма (в отличие от вульгарного гермафродитизма). В древних религиях эта идея нашла своё выражение в мифе об оскотлении Аттиса и других страдающих богов-искупителей.

Доклад был сделан очень красиво, можно сказать, художественно, и докладчику аплодировали. Со следующего доклада я сбежал, чтобы собраться с мыслями перед своим собственным появлением на арене сей многоуважаемой конференции. За пять минут до того, как, по моим подсчётам, докладчик должен был исчерпать свой регламент, я вернулся в аудиторию. Выступала женщина, вероятно, американка, которая делала достаточно странные заявления:

«Таким образом, древние евреи считали собаку нечистым животным потому, что она являла собой смешанный, а не чистый тип: будучи подобной волку, она тем не менее служит человеку. Так же и Иисус, будучи Богом, умер за людей. Таким образом, собака может считаться одним из образов или символов Мессии, что чувствовали древние зороастрийцы, почитавшие собаку более других животных».

Поскольку вопросов не было (а кое-кто из присутствующих и вообще скептически ухмылялся), дама прошествовала к своему месту, а я после провозглашения своей фамилии председателем секции двинулся в противоположном направлении.

Я в своём докладе не собирался сказать что-то особенное. По правде говоря, мне прежде всего просто хотелось съездить в Гонконг, для чего участие в конференции было хорошим предлогом (как бы я туда ещё выбрался?), но позориться тоже не хотелось, поэтому я подготовил вполне добротный текст, который вызвал бы несомненное одобрение Альберта Аввакумовича, если бы тот услышал или бы прочитал его: доклад был ортодоксально грофианским. Я остановился на корреляции между переживаниями базовых перинатальных матриц и образами страстей Христовых и воскресения, приведя довольно любопытную статистику, базирующуюся на клинических исследованиях нашего института. Из этой корреляции с необходимостью вытекал вывод об архетипической природе страстей Господних или, по крайней мере, образа этих страстей как освоенных культурой. Они в полной мере стали выражением древнего архетипа страдания–смерти–воскресения/обновления. Впрочем, это совершенно не означает того, что Иисус не был реально мучим и казнён в Иерусалиме в правление Тиберия, просто эта казнь, став культурно и психологически значимым событием, наложи-

лась на структуры психического, в первую очередь, на базовые перинатальные матрицы (я заметил одобрительные кивки отца Михаила). Тут я и совсем вторгся в его область, поговорив о дохристианских образах архетипа смерти–возрождения, коснувшись мистерий Кибелы и Аттиса и остановившись подробнее на ритуале тауроболий как мистерии смерти–возрождения (*aeternus renatus*). Отец Михаил разве что не аплодировал. Вскоре я закончил свою речь, напомнив почтенной аудитории, что переживания базовых перинатальных матриц далеко ещё не изучены в полной мере, и подпустив еретическую для грофианства мысль о том, что базовые перинатальные матрицы не есть выражение базового опыта, а всего лишь удобная привязка определённых структур и состояний психики.

Мне задали несколько вопросов, а богослов из Парижа даже разразился дифирамбами, обратив внимание присутствующих на полное совпадение выводов современной трансперсональной психологии с метафизическими и теософскими положениями софиологии.

На этом утреннее заседание закончилось, и декан психологического факультета Китайского университета Гонконга пригласил всех докладчиков отобедать вместе. На этой трапезе меня особенно впечатлило блюдо под названием «великий предел», ибо оно точно воспроизводило знаменитый символ «монады» — сил инь и ян в виде каплевидных половин круга, причём в данном блюде одна сторона была красной, а другая белой. Вкусовые качества этого кулинарно-космологического шедевра также были вполне на высоте. За обедом ко мне подсел отец Михаил. Оказалось, что он потомок эмигрантов первой волны по-русски немного читает, но совсем не говорит и даже философов серебряного века в основном читал во французских и английских переводах. Внешность софиолога показалась мне примечательной, ибо в нём было что-то от Гурджиева и Рериха сразу, а это, согласитесь, уже делало его персоной запоминающейся. Отец Михаил несколько раз бывал в течение последних лет в России, многое одобрял, но сокрушался по поводу нарастающей американизации русской культуры, с одной стороны, и игнорировании русской православной церковью богословского наследия традиций всеединства и софиологии — с другой. Я вежливо поддакивал ему, но особого желания поддерживать беседу у меня не было.

Во второй половине дня я побродил по разным секциям, кое-что было интересным, но господствовала, тем не менее, атмосфера научного туризма: видимо, не мне одному хотелось съездить в Гонконг под соусом участия в престижной международной конференции. Вечером же вся российская публика собралась в недорогом китайском ресторанчике (лапша, пельмени, манты «бао-цзы») и отметила прибытие на китайскую землю в её гонконгском варианте. Лев Петрович рассказал мне, что познакомился здесь с неким коллекционером китайского искусства, англичанином со знаковой фамилией Форсайт, который скоро окончательно возвращается в Англию, оставляя большую часть своей коллекции гонконгским музеям; этот Форсайт (но, кажется, всё же не Сомс и не Джолион) почему-то проникся симпатией к русскому профессору и даже пригласил его в сохранившийся от старых времён английский клуб, где Льву Петровичу очень понравилось. Впрочем, особого желания знакомить меня с этим потомком героев Голсуорси Большаков явно не выказывал, да я к сему, по правде сказать, и не

стремился. Перед тем как разойтись по своим гостиничным номерам, мы условились назавтра конференцию проигнорировать, а вместо неё отправиться осматривать гонконгские достопримечательности.

Следующий день произвёл на меня смешанное впечатление кошмара непрерывной парилки и открытия нового мира. Равным образом и сам Гонконг предстал передо мной в двух сосуществующих ипостасях: огромного магазина, супермаркета размером с Москву, и города Александра Грина — «В каналах корабли в дремотный дрейф легли... Они пришли с другого края света... Сюда пригнал их бриз, исполнить твой каприз...» и далее по тексту Бодлера, но именно в этом переводе. Пот, пот, пот, рубашка, которую можно выжимать, болят ноги от водяных мозолей, в руке вечная бутылка с ледяной водой. Прохлада магазинов, китайская экзотика, сувениры, фарфор, яшма. Палящее солнце, лёгкие, вдыхающие раскалённый пар, китайские ароматы. Толпы людей на улицах, лавочки и ресторанчики, радужная тропическая рыба, лежащая на кусках искусственного льда, кальмары, осьминоги, огромные креветки, горячий суп из морской снеди в жару. Гора Виктория с подозрными трубами, в которые можно рассмотреть в деталях весь Гонконг, пляж и купание в огороженном от акул заливе с водой, тёплой, как вода ванной в вашей питерской квартире. Мы отбиваемся от китайской старухи Изергиль, заманивающей нас кататься на сампане по то бирюзовой, то сине-зелёной воде залива с живописными островками. Поездка на автобусе в местечко под шотландским названием Абердин, где мы безуспешно ищем какой-то парк, а я уже совсем валюсь с ног. Знойный душный вечер, так называемый яшмовый рынок — китайские поделки, комиксы, игрушки, море дешёвой одежды, рыба, кальмары и что-то уж совсем экзотическое. И венчает всё это поедание змеино-го супчика, сваренного из гадюк, которые ползают тут же, в клетках. Суп вкусный, змеиное мясо напоминает куриную грудку, в варево добавлены китайские грибы, известные как «древесные уши» и какие-то приправы. Чашка змеино-го супчика — восемнадцать гонконгских долларов, меньше трёх американских. Еле доплетаюсь до душа и падаю в постель.

Утром выглядываю в окно, пасмурно, накрапывает дождик, в номере прохладно из-за кондиционера. Кажется, что на улице тоже всё вполне по-питерски, но нет, снова обволакивает жар, липкий зной, обманчиво притворяющийся прохладой северного ненастья. На крыльце гостиницы, в двух шагах от привратника-сикха в турбане, встречаюсь с Львом Петровичем, который предлагает проехаться по городу на трамвае, а потом уже идти на конференцию. Садимся в старый английский двухэтажный трамвай, поднимаемся на второй этаж, устраиваемся у открытых окон, едем по Гонконгу. Жара, китайские ароматы, дома, дома, щели улиц между стенами зданий. Иероглифические надписи, реклама, снова иероглифы, иероглифы, иероглифы... Дома кончаются. Проезжаем небольшой индуистский храм. Лужайки для игры в гольф, идеально ровная зелёная трава, резкий морской запах. Порт. Мы приехали. Выходим из трамвая. Сине-зелёные воды, множество судов от сампанов и рыбацких корабликов до огромных лайнеров. Проходим вдоль берега, поворачиваем на какую-то улочку, снова трамвай, щели улиц, иероглифы.

После этой прогулки мы неторопливо пошли на конференцию, заодно посетив несколько небоскрёбов близ набережной острова. Роскошь, прохлада, мрамор, бассейны с золотыми рыбками, удобные кресла. На верхних этажах офисы, внизу — общедоступные холлы, магазины, кафе. Не хотите китайских закусок — пожалуйста, чёрный кофе и французская выпечка, словно в Париже. Захожу в магазин с разной печатной продукцией и покупаю для сына комиксы известного у нас как Энди Сето гонконгского художника (как уж его имя произносится правильно по-китайски, будь то по-кантонски или по-мандарински, понятия не имею).

Снова здание театрального центра, которое уже воспринимается почти как дом родной. Сейчас перерыв, coffee break, поэтому можно «на халяву» выпить кофе с печеньем, чем я и пользуюсь. Перемолвившись парой вежливых фраз со знакомым японцем, подхожу к программе конференции и смотрю, что там планируется на нашей секции. Она, оказывается, переехала из студии Маклая в аудиторию 217 главного корпуса. Первым объявлен доклад буддийского монаха с Тайваня Ши Дао-у «Образ Иисуса в буддийской перспективе». Наверно, это интересно, думаю я, и отправляюсь на заседание, по пути произнеся несколько комплиментов московским дамам, шедшим мне навстречу и, по-моему, явно намеревавшимся с конференцией распрощаться.

После небольшой задержки (минут десять, для Китая это редкая пунктуальность) заседание начинается, и докладчик занимает своё место перед микрофоном. Это молодой художавый интеллигентного вида монах в оранжевом халате традиционного покроя. Говорит он на вполне приличном английском, поэтому проблем с пониманием не возникает. Вот, что он нам поведал:

«Нет никаких сомнений, что мы, буддисты, должны смотреть на Иисуса как на бодхисаттву высокой, скорее всего, десятой ступени. Скажут: но ведь Иисус проповедовал веру во всемогущего Бога-Гворца, ничего не говорил об отсутствии “я” и других буддийских доктринах. На это я позволю себе возразить, вспомнив буддийский принцип искусных средств, упая, по-китайски “фан-бянь”, сейчас, кстати, это слово означает всего лишь “удобство”, “удобный”. Разве был бы Иисус понят кем-нибудь в Иудее или даже в Риме, если бы он стал просто проповедовать буддизм? Конечно, нет. Поэтому бодхисаттва из Назарета Галилейского говорил с людьми в понятных им терминах, на понятном им языке. Так ведь и то распяли, не поняли! Великий ученик Иисуса апостол Павел прямо принимает принцип упая, когда говорит, что ведёт себя как иудей с иудеями и как эллин с эллинами. Но слова Иисуса есть истинная Дхарма. Будда говорил: “Делай добро, не делай зла, совершенствуй своё сознание — вот учение всех будд”. Именно этому учил и Иисус! Он говорил: “И познаете истину, и истина сделает вас свободными. Ныне же вы рабы греха”. Но ведь и буддизм учит, что человек — раб неведения и клеш, омрачений и страстей и лишь мудрость, праджня, освобождает нас от них, будучи соединённой с практикой сострадания.

Христиане называют Иисуса Сыном Божиим, но разве мы также не называем бодхисаттв “сынами будды”, буддхапутра, или “фо-цзы”, на нашем языке? Христиане говорят о Троице, но и мы учим о Трёх Телах Будды. Можно привести и другие примеры. Но в чём с буддийской точки зрения смысл проповеди Иисуса?

Позвольте напомнить вам о такой буддийской школе, как амидаизм, к которой и я как буддийский монах имею отношение. Амидаизм учит, что в одном из миров, существующих наряду с нашим миром, такие миры часто называют параллельными, жил некогда, много космических циклов тому назад буддийский монах Дхармакара, который дал обет превратить его мир в чистую землю будды, в рай, грубо говоря. Для чего? Чтобы все люди, которые обретут веру, могли бы в следующей жизни родиться там, в этой чистой земле, научиться там всему от самого будды этого мира и потом уже достичь нирваны. И мы верим, что Дхармакара выполнил свой обет, создал чистую землю Сукхавати и стал её буддой по имени Амитабха, или по-японски Амида, отсюда и название нашей школы. Так вот, смею предположить, что Иисус в нашем мире дал такой же обет, как Дхармакара в том, своём мире. Он решил превратить наш мир пыли и грязи в чистую землю будды, царём которой он и будет навсегда. Поэтому и в Откровении св. Иоанна Богослова говорится про новое небо и новую землю, много о новом творении, или преобразении нашего мира, и у отцов христианской церкви. Вот пока и всё, что я хотел вам сказать, благодарю вас за внимание к моему сообщению».

Ши Дао-у получил свою порцию аплодисментов, после чего его засыпали вопросами, в основном про амидаизм, Амитабху и учение о чистых землях. На все вопросы монах отвечал терпеливо, подробно и вполне обстоятельно. Оказалось, в частности, что японскую версию амидаизма, известную как «истинная вера чистой земли», высоко ценил аж сам Тиллих, считая, что она ближе всего приблизилась к протестантскому пониманию веры и принципу спасения только верой и благодатью. Про это я не знал и решил запомнить. Остальные доклады были достаточно бесцветными, некоторые были сугубо текстологическими и к трансперсонализму отношения практически не имели. Председательствующий закрыл секцию, поблагодарив докладчиков. Теперь ещё концерт и банкет для участников конференции, официальная церемония закрытия завтра утром и через день — «цзайцзянь Сянган; Элосы нинь хао» («прощай Гонконг; привет, Россия»)!

Концертный зал, в который мы теперь направились, располагался на материке, в Коулуне, но совсем недалеко от набережной. Мы погрузились на паром «Star Ferry», который бесплатно перевозит пассажиров с острова в Коулун и обратно, и отправились наслаждаться музыкой.

Несколько лет тому назад один китаец в разговоре со мной назвал Гонконг «вэньхуадэ шамо» — «культурной пустыней». Теперь я уверен, что это сильное преувеличение. Конечно, святая святых Гонконга — бизнес, и биржа — храм его. Но вместе с тем не может быть культурной пустыней город, в котором есть такие замечательные концертные залы с такой прекрасной акустикой и отличным современным дизайном. Как можно было ожидать, оргкомитет конференции решил угостить нас «Мессией» Генделя, великой ораторией, которую я всегда любил. Поэтому я весь растворился в звуках музыки и всё кроме неё для меня исчезло, пока хор не запел текст «And He shall purify the sons of Levi» («ве тихар эт беней Леви», для себя сразу же перевёл я на иврит это речение древнего пророка — «И он очистит сынов Левия»). Тут вдруг внезапно в моём мозгу возник изрядно поблекший облик московского Андрея Королёва, а в ушах зазвучал его голос,

что-то говорящий о Саббатае Цеви и светоносных драконах. Одновременно возникло сильнейшее желание позвонить ему вот прямо сразу сейчас из Гонконга, из холла концертного зала. Я подавил это желание и остался сидеть в кресле, но наслаждение музыкой исчезло, я даже почти перестал вообще её слушать. И только после того, как хор грянул грандиозное «Аллилуйя!» и весь зал поднялся на ноги, мне немного полегчало и желание звонить в Москву Андрею приумолкло. Тем не менее я почувствовал облегчение, когда хор пропел «Amen», и я вышел в холл поразмять ноги, обнаружив заодно, что в оном холле полным ходом идёт подготовка к завершающему фуршету. «Finis coronat opus» — «Конец венчает дело», — подумалось мне.

На фуршете ко мне подошёл старший нашей делегации Андрей Фёдорович Смоляков и пустился в воспоминания о Гонконге десятилетней давности, когда он ещё пребывал под британской короной. Впрочем, оказалось, что изменений в Гонконге с 1997 года, то есть со времени возвращения в лоно родины, произошло на редкость мало и свелись они в основном к тому, что с главпочтамта исчез портрет королевы, а в городе висят уже не британские, а по большей части гонконгские флаги с хризантемой (красные со звёздами каэнэровские тоже ещё поискать надо). В результате Гонконг стал производить впечатление некоего порто-франко, вольного города. Ну и на «мандаринском» диалекте (стандартном китайском языке «путун-хуа») стало говорить немного больше людей, до этого же говорили только по-кантонски (с английским ситуация тоже была не идеальной). Потом к нам подошла группа континентальных китайцев и завела разговор о том, что при всей дружбе между народами России и Китая академические контакты между нашими странами практически сошли на нет и что хорошо было бы их оживить. Мы со Смоляковым согласились, что здорово было бы оживить и что торговля оружием и строительство электростанций отнюдь не должны быть единственным выражением нашей дружбы, но, увы, у нашей достославной Академии нет средств и тэдэ и тэпэ. Китайцы поулыбались, поулыбались и двинулись дальше знакомиться с южнокорейской делегацией.

Следующий день был однообразен и тосклив, как и все дни перед отъездом: официальное закрытие конференции, благодарности и обмена визитками и бумажками с адресами, имейлами и телефонами, поход за сувенирами и по особо полюбившимся местам, сбор чемоданов и беспокойный сон перед дальней дорогой.

Утром, когда я ещё не успел даже умыться, мою комнату заполнили своим багажом дорогие коллеги и соотечественники: самолёт у нас только вечером, расчётный час в гостинице — полдень, и вот администрация нашего «Чартера» любезно предоставило всей нашей братии для размещения багажа между полуднем и вечером именно мой номер, спасибо ей огромное. В конце концов мы погрузились на рейсовый автобус, идущий в аэропорт, зарегистрировались, заплатили аэропортный сбор (целых 150 гонконгских долларов!) и благополучно отбыли из Гонконга рейсом «Ал-Италии»: на этот раз оргкомитет решил сделать наш полёт ещё более увлекательным — из Гонконга мы летели в Рим, из Рима в Вену и оттуда уже в Питер или Москву, кому куда надо. Из всего этого полёта мне

запомнились только вершины Альп под крылом нашего самолета, под ним (под крылом, разумеется) Монблан, как грань алмаза, и прочее в том же духе. Но действительно впечатляюще. В Питере нас с Львом Петровичем встретила прохладная пасмурная погода (о сколь сладостна она после гонконгского жара!) и, слава всем богам, отсутствие каких-либо новостей (я всегда соглашался с англичанами в том, что по news good news). Поговорив с женой о гонконгских диковинах и одарив её скромными сувенирами, я спотыкающейся походкой направился в объятия Морфея (единственная форма нетрадиционных сексуальных отношений, которой я отдавал дань). Завтра, увы, не отдохнуть, завтра надо в институт: присутственный день-с!

Если же вам интересно узнать, что произошло потом, прочтите следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Осень 1985 года, я собираюсь жениться, но пока вместе с приятелем снимаю комнату недалеко от метро «Ломоносовская». В это время я иногда общаюсь с неким Лёшей Манусевичем, имевшим репутацию дзэнствующего хиппи. Его родители работали где-то за границей, оставив в его распоряжении большую квартиру на Гражданке, а он в ней дзэнствовал и хипповал, то есть вёл весьма рассеянный образ жизни, утверждая свое неконформистское достоинство порой даже тем, что переставал мыться и менять бельё. В такие дни общаться с ним было тяжело из-за распространяемых ароматов противостояния мещанскому образу жизни. Зачем я с ним общался, я и сам плохо представляю. Это было вовсе не интересно, ибо Лёша большой оригинальностью суждений не отличался и все его разговоры по большей части сводились к пересказам Судзуки в хипповой, так сказать, аранжировке. Иногда его, впрочем, заносило, он изменял дзэн и впадал то в шиваизм, то (даже!) в кришнаизм. Впрочем, в кришнаитах Лёша долго не задержался, ибо вегетарианство и воздержание от «дури» явно не были его стихией. Иногда я заходил к нему, а иногда (реже) он — ко мне.

Однажды в ненастный октябрьский (а то и ноябрьский, точно не помню) день он вдруг внезапно появился в моей комнате и стал вещать что-то о Шиве, Шакти и подъёме кундалины, я слушал вполуха. Закончив свой монолог, он вдруг предложил мне зайти к одному его приятелю, тоже хиппи, который жил где-то поблизости. Поскольку никаких особых дел у меня не было, я согласился, и минут через пятнадцать мы уже звонили в дверь квартиры на втором этаже дома сталинской застройки. Нам открыл Лёшин приятель, явно имевший на челе печать духовного родства с ним, и пригласил проходить в дом, точнее, на кухню.

Вначале разговаривали ни о чём, потом же был задан сакраментальный вопрос, которого я не понял, что и определило последующие события.

«Ты куришь?» — спросил меня хозяин квартиры.

Не подозревая никакого подвоха и будучи уверен, что речь идёт о сигаретах, я ответил положительно. Уже через несколько секунд я осознал свою ошибку, но

отступать без потери лица было поздно. Лёшин приятель извлёк из пачки беломорину, высыпал из неё табак и набил травкой.

«Будь, что будет, всё равно», — подумал я.

Беломорину закурили и пустили по кругу. Меня ожидало глубокое разочарование — никаких бодлеровских видений, даже никакого кайфа, вообще ничего, кроме травяного привкуса во рту. Прикончив сомнительную беломорину, мы начали прощаться. Я уже в куртке стоял в прихожей и ждал, когда Лёша распрощается с хозяином. И вот вдруг я почувствовал, что у меня по позвоночнику бежит струйка тепла, огненная змейка, извивающийся стук энергии. Всё выше, и выше, и выше. «Как забавно, — подумал я, — только что говорили о кундалини, и вот вам, пожалуйста. Сейчас до макушки дойдёт» (последнее было вполне бесстрастной констатацией и последней мыслью, промелькнувшей в моей голове). В следующий момент я не мог сообразить, где нахожусь, у меня даже на мгновение возникла мысль, что я умер и попал в бардо, промежуточное состояние между смертью и новым рождением. Я даже не понимал, в каком ракурсе я вообще воспринимаю окружающее. Но уже буквально через мгновение глаза сфокусировались и я вполне осознал, что лежу на полу в прихожей, а склонившиеся надо мной фигуры — отнюдь не прислужники Ямы, а Лёша с другом, пытающиеся поднять меня. Контроль над телом вернулся, и я вполне уверенно поднялся на ноги к вящему облегчению (моральному и физическому) моих приятелей. После этого мы распрощались и наконец-то вышли на улицу. Чувствовал я себя вполне сносно. Больше никакой «дури», популярной у хиппи и богемной интеллигенции, я никогда не пробовал, но чувство жаркой змейки, выходящей по позвоночнику, запомнил.

Зажёгся в небе ясной ночью Южный Крест,
Звезды вечерней свет превозмогая
И сон вселенной мирно освещая,
Мир осеняющий спасенья жест.

Забрезжил свет на бархате небес,
Рождение зари предвосхищая,
И птиц дневных порхающая стая
Уж огласила криком сонный лес.

Восстало солнце, джунгли в птичьей гаме.
Хоть путнику страшна его стезя,
Теперь сойти с дороги он не в праве

И места нет в его душе отраве.
Вперёд! Преодолеем ветхое «нельзя»,
И блеск Фаворский воссияет в славе!

ГЛАВА 5,

в которой наш герой теряет сознание, а в кабинете высокого начальства обсуждается опасное происшествие

Утром я проснулся свежим и отдохнувшим, и первое, что я ощутил, было патологически сильное желание позвонить в Москву Андрею Королёву. Только достаточно энергичным усилием воли я заставил себя отложить звонок и вначале привести себя в порядок и позавтракать. Инна ещё спала, поэтому приготовлением завтрака я занялся сам. Попив кофе (не могу без него по утрам — ничего не соображаю), я забрал телефон в свою комнату и набрал московский номер. Ответил мне приятный женский голос, видимо, жены Андрея. На мою просьбу позвать его она ответила: «А он вчера уехал в Питер».

«Вот как! А я как раз из Питера звоню».

«А вы позвоните ему по питерскому номеру, сейчас я вам скажу».

Через минуту я уже звонил по городскому номеру. Трубку снял сам Андрей, ничуть не удивившийся, что я ему звоню, более того, он как бы воспринял мой звонок как нечто само собой разумеющееся. В свою очередь я чувствовал, что его голос чарует и завораживает меня, однако это не казалось мне странным, так как бы и должно было быть. Это уже потом, анализируя случившееся, я удивлялся, что не обратил внимания на такое странное обстоятельство. Но в то утро всё казалось мне совершенно естественным и натуральным. Андрей сказал, что будет рад увидеться со мной, тем более что он на это и рассчитывал, когда собирался в Питер. В результате он предложил мне встретиться в институте в три часа, лучше где-нибудь в районе читального зала или библиотечного каталога. На том и порешили.

До института я вздумал заехать в поликлинику и взять справку относительно пригодности моего здоровья для психоделической практики (зачем откладывать это дело в долгий ящик?). Мне повезло, в поликлинике почти никого не было. Лечащий врач, доктор Чинчакова, вначале вознамерилась было заставить меня сдавать кровь-мочу, но после поднесения ей гонконгского сувенира — маленькой резной фигурки Будды вошла в моё положение и быстро выписала справку, что я практически здоров и к психоделической практике по состоянию здоровья годен. В регистратуре на справку поставили круглую (а не треугольную, так полагается) печать, и я отправился в институт с чувством исполненного долга и чистой совестью. Погода была прекрасная, тёплая и безоблачная, и после гонконгской парилки я просто наслаждался приятной прохладой питерского лета в разгаре. Поэтому я решил идти на работу пешком. Перешёл Дворцовый мост и вдоль Адмиралтейства направился по Английской набережной в сторону института. Дойдя до Медного Всадника, я задержался, наслаждаясь видом Университетской набережной с Кунсткамерой, Меншиковским дворцом и древними сфинксами, застывшими в своём мистическом трансе у Академии художеств. Я всегда борюсь с автоматизмом восприятия города: надо осознавать окружающую красоту, тогда многие отрицательные моменты нашей питерской жизни померкнут перед катарсисом от созерцания незыблемой стройности гранитного одеяния Невы со всеми его узорами и кружевами.

Как и всегда, взявшись за медную дверную ручку, я вспомнил о своём первом рабочем дне в институте и о своей тогдашней мысли, что здесь я уже до конца жизни. Пока сомнения в ней не возникало. Я с силой потянул на себя массивную деревянную дверь уже теперь позапрошлого века и вошёл в прохладный отде-

ланый мрамором холл института. Как и всегда в последние годы, темно и безлюдно.

В кабинете только Елена Сергеевна Воронова, сидит, погружившись в чтение каких-то выписок. Общаться явно не пожелала. Я снова спустился вниз и заглянул в кабинет Константина Ивановича. Его тоже ещё не было, хотя кабинет и был отперт. Я положил ему на стол гонконгскую мелочь, наменянную на его доллар, и ушёл. Теперь он знает, что я в институте. Захочет увидеть — вызовет.

Около часа дня в кабинете появился Серёга Соловьёв, и мы пошли с ним выпить традиционный кофе. За кофе выяснилось, что за время моего отсутствия ничего интересного (или даже вообще ничего) в институте не происходило и рассказывать-то собственно и не о чем. Поэтому говорить пришлось мне (скоро, почувствовал я, от рассказов о Гонконге меня будет тошнить). После кофе Сергей пошёл в библиотеку, а я поплёлся в свой кабинет, где уже появился Лев Петрович, избавивший меня от повторения гонконгского повествования. Лев Петрович был весьма оживлён и элоквентен, мне с ним было не тягаться. Я взял с полки справочник «Психоделики и галлюциногены» и погрузился в его чтение, имея в перспективе грядущую практику. Около половины третьего я сообразил, что ещё не отнёс медицинскую справку по назначению и отправился в институтскую клинику. Однако по пути в клинику мне почему-то пришла в голову мысль, что нужного мне человека там нет, что он наверняка пошёл в институт, в отдел хранения психоделических препаратов. Этот отдел был достаточно специфическим местом, хорошо охранявшимся (именно из-за него наш институт обзавёлся собственной дорогостоящей службой безопасности после того, как соответствующие функции ушли от КГБ и не были унаследованы ФСБ), но для нас, сотрудников института, вполне доступный: чтобы войти, достаточно предъявить охраннику перед дверями свой институтский пропуск. Мысль о том, что куратор психоделической практики Вячеслав Сидорович Ходоков находится именно там, а отнюдь не в клинике, переросла в уверенность, которая вовсе не казалась мне тогда странной, напротив, я был уверен, что Ходоков всегда именно в это время отправляется из клиники в отдел хранения.

Поэтому вместо того, чтобы через специальный переход с первого этажа пройти из основного корпуса института в его клиническое отделение, я поднялся на третий этаж по лестнице с чугунными перилами. Эта лестница вела также с площадки второго этажа в библиотеку — читальный зал и каталог, то есть туда, где через четверть часа у меня была назначена встреча с Андреем Королёвым. Я постоял минуту на площадке второго этажа, глядя в темневший впереди библиотечный коридор, но ничего там не увидел. Тогда я быстро взбежал по лестнице на третий этаж и остановился перед массивной покрытой светло-жёлтым лаком дверью, на которой была прикреплена табличка «Отдел хранения психоделических и галлюциногенных веществ. Посторонним вход строго запрещён». Нажал на внушительную фигурную ручку, потянул дверь на себя и вошел внутрь, где сразу же продемонстрировал свой пропуск сидевшему здесь за столом с сигнализацией секьюрити. Тот равнодушно кивнул мне, и я устремился куда-то вглубь хранилища.

Происшедшее в течение следующих нескольких минут осталось для меня неведомым. Скорее всего, не найдя Ходокова, я спокойно вышел из хранилища не вызвав никаких не то что подозрений, а даже просто мыслей о чём-то неладном у охранника. На лестнице же мне стало плохо, очень плохо. Иначе я не могу объяснить того, почему память вернулась мне в момент, когда Андрей Королёв пытался поднять меня с линолеума площадки второго этажа, на который я сполз во вполне бессознательном состоянии. Андрей позднее предположил, что в воздухе хранилища сохранился след какого-нибудь психоделика, который и попал в мои лёгкие, вызвав потерю сознания и лёгкую амнезию. Во всяком случае, справку из поликлиники я Ходокову не отдал, ибо оная справка продолжала спокойно лежать в моём кармане. Андрей провёл меня в читальный зал и вывел на балкон подышать свежим воздухом. Там я окончательно пришёл в себя, и мы с Андреем обсудили возможные версии случившегося, остановившись на изложенной выше. Мне не хотелось больше оставаться в институте, поэтому я поднялся в свой кабинет, прихватил свои вещи и позвонил Константину Петровичу, чтобы узнать, получил ли он гонконгскую мелочь, и предупредить об уходе на случай, если он будет искать меня. Всё оказалось в порядке, Константин Иванович пребывал в благостном расположении духа и не имел ни малейшего намерения задерживать меня в институтских стенах. У зеркала в курилке на первом этаже я нашёл Андрея, беседовавшего с одним из наших общих с Сергеем Соловьёвым приятелей, и мы вместе с Андреем покинули институт через клинический корпус, куда я всё же зашёл к Ходокову отдать справку. Тот спокойно сидел у себя в кабинете и меланхолично взял бумажку, промолвив лишь:

«Зайдите через недельку обговорить время и препараты».

После этого мы с Андреем отправились в китайский ресторанчик «Хуацяо», располагавшийся недалеко от Дома дружбы на Фонтанке; это был маленький ресторанчик, где можно было достаточно дёшево поесть, а также поговорить в тихой спокойной обстановке. Оказалось также, что Андрей уезжает очень рано, около половины десятого, так что времени на разговоры у нас оставалось почти совсем немного.

От беседы с Андреем я получил подлинное наслаждение, давно уже с таким удовольствием ни с кем не общался. Правда, на следующий день я не мог вспомнить никаких подробностей разговора и никаких деталей, делавших его таким содержательным и глубокомысленным, каким он вроде бы сохранился в моей памяти. Безусловно, я рассказывал ему о гонконгских докладах и о моём восприятии музыки Генделя в контексте мессианской символики образов Иисуса и Саббатая Цеви, а он поддакивал и делал какие-то комментарии, казавшиеся тогда мне жутко глубокомысленными. На самом деле из всего сказанного тем вечером мне запомнилось только рассуждение Андрея о том, что Иисус просто хотел вернуть светозарных драконов в сферу святости, тогда как Саббатай Цеви, обладая природой как драконов, так и осмысленных светов, стремился синтезировать эти природы в единой сути Драгоценного Древа, благодаря которому драконы могли бы вернуться в океан абсолютного бытия, а осмысленные светы сумели бы довершить дело тиккуна — восстановления и исправления Творения.

Но драконам, добавил он с какой-то особенно грустной улыбкой, не надо ни того ни другого, вот они так и страдают в преисподних безднах техиру.

Проводив его на поезд, я вернулся домой, проверил электронную почту, немного побродил по просторам Интернета и лёг спать, поскольку разница во времени между Гонконгом и Питером всё ещё ощущалась достаточно отчётливо.

Следующий день, благо он был неприсутственным, я провёл дома, занимаясь своей докторской и бродя по Интернету, а через день снова отправился в институт, куда добрался, впрочем, достаточно поздно, часам к двум. Сразу же я почувствовал, что в институте что-то неладно. По-прежнему малоллюдно и темно, но в самом воздухе разлито какое-то тревожное ожидание, характерная для нашего заведения атмосфера покоя, пусть даже и несколько застойного характера, сменилась предгрозовым напряжением, сгущением атмосферного электричества, чреватого громами и молниями, грозой и бурей.

Я расположился за столом и разложил перед собой бумаги с грантовыми заявками в РГНФ и фонд Сороса за прошлые годы, чтобы придумать что-нибудь путное на будущий год. По правде сказать, я терпеть не могу гранты и заявки: на мой взгляд, в академической науке люди делятся на две категории — тех, кто работает, и тех, кто хорошо заполняет грантовые заявки и получает соответствующее вспомоществование. Короче говоря, одни работают, другие получают гранты и пишут какую-нибудь лабуду (главное, побыстрее), чтобы за эти деньги отчитаться. Но жизнь есть жизнь, а у сотрудника института РАН она достаточно тяжела и безденежна, и игнорировать даже грошовые гранты РГНФ не приходится, ибо и эта достаточно жалкая прибавка к зарплате всё-таки лишней никак не является. А посему приходится что-то придумывать и подавать заявки, которые, увы, обычно не удовлетворялись («ведь счастье в любви влечёт с собой в игре несчастье», как поёт оперный Герман): я никак не был умельцем и спецом в области грантозаявления. Но поработать с грантовыми проектами мне не удалось, ибо в кабинете появился Георгий Леопольдович Тролля, который склонился надо мной и вкрадчиво спросил, не хочу ли я сходить попить кофе. Поскольку это приглашение Тролля означало, что он имеет сообщить что-то важное и конфиденциальное, я решил его не отклонять, а, напротив, принять, и поэтому уже через четверть часа мы с ним сидели в «Пегасе» и прихлёбывали ароматный кофе, сваренный якобы по-турецки (на самом деле ничего турецкого, но всё равно неплохо). Георгий Леопольдович немного похмыкал и потом потребовал от меня клятву в полной конфиденциальности нашего разговора и неразглашения его содержания. Клятва была принесена, и тогда, отхлебнув кофе ещё раз, начал свое повествование.

По словам Тролля, он лишь пересказывал мне то, что ему под большим секретом рассказал буквально полчаса тому назад Константин Иванович, но услышанное оказалось для него таким тяжким бременем, что он решил поделиться им со мной как человеком надёжным и сдержанным, а к тому же и его, Тролля, не оставлявшим без важной информации, когда таковая вдруг становилась моим достоянием (о первом мне судить трудно, второе было сушей правдой: поскольку я относился к Георгию Леопольдовичу с симпатией, я никогда не оставлял его в неведении относительно каких-либо подводных течений в институте, особенно, если

оньные могли так или иначе затронуть его). Я не буду пересказывать речь Георгия Леопольдовича, а постараюсь воспроизвести в меру своих скромных способностей ту картину, которая из этой речи вырисовывалась. И была эта картина достаточно пугающей, особенно по контрасту с болотно-застойной повседневной реальностью нашей академической жизни: в болото с вьюнами, карасями и уклеяками бросили атомную бомбу, которая может в любой момент взорваться и уничтожить не только уклеек, но и весь ландшафт, в котором их пруд только и мог существовать. Итак, время действия — утро вчерашнего дня, вторник 10 июля 2001 года. Место действия — кабинет директора СПб О ИТП РАН Георгия Тиграновича Аванесяна. *Dramatis personae* — сам Георгий Тигранович и его первый зам Константин Иванович Ревунов.

Рано утром (по институтским меркам, то есть часов в одиннадцать) Лариса Алексеевна Евстигнеева, верный оруженосец и референт Георгия Тиграновича вошла в кабинет Константина Ивановича и попросила его срочно проследовать в кабинет директора, предупредив, что Георгий Тигранович чем-то крайне взволнован. Константин Петрович поспешил в кабинет верховного начальства и как обычно, без стука вступил в него. Георгий Тигранович в светлых брюках и белоснежной рубашке с расстегнутым воротом ходил по своему кабинету туда-сюда-обратно, аки бенгальский тигр — по клетке. Увидев своего зама, Георгий Тигранович устремился к нему, словно ястреб на куропатку. Впрочем, комплекция Константина Ивановича никак не способствовала такому сравнению. Почувствовав, что линию поведения надо менять, Георгий Тигранович притормозил и после лёгкого рукопожатия пригласил Ревунова присесть в кресло у своего массивного стола. После того, как Константин Иванович уселся, Аванесян обошёл стол с другой стороны, но садиться не стал, а, опираясь на стол, возвысился над сидящим замом.

«Ну что там такое приключилось? — миролюбиво и в своей домашней манере спросил Ревунов. — Институт расформируют, что ли? Век не видел тебя, Георгий, в таком состоянии».

«Пока не расформируют, но скоро расформируют, если мы не ликвидируем ЧП срочно и собственными силами».

«Да что за ЧП-то? Ну не томи ты, Бога ради».

«ЧП ещё то. Вчера (скорее всего вчера, вряд ли раньше) из хранилища психоделиков украли инвентарный номер ЛР-469/17-80. Сам понимаешь, что скажут и как на это отреагирует президиум Академии, а то и власти».

«Да, понимаю, конечно, гадость порядочная, но не смертельно».

Тут по всей стране то красную ртуть воруют, то ещё что-нибудь почище. Поругают, но не закроют, разве что опять тебя на выборах членкоров завалят. А что это за препарат-то такой?»

«Ну спасибо, Костя, ну успокоил. Не расформируют... Ещё как расформируют-то! Не обычная это наркота какая-нибудь, нет, отнюдь нет (на “отнюдь нет” голос директора опасно приблизился к фальцету, что предвещало возможную истерику с топаньем ногами и пеной в уголках рта), я посмотрел инвентарные записи. Это ДМТ-Ф!»

«Ну и что, что ДМТ? Подумаешь, невидаль какая. Ну что ты, право, впадаешь в истерики из-за довольно ординарного дела!»

«Ах вот как! В МОЁМ (местоимение было выделено) институте воруют опасные вещества, воруют в охраняемом помещении! А ты говоришь “ординарное событие”... Не понимаю я тебя, разрази меня гром, не понимаю. К тому же, pardon moi (язвительная улыбка), это не просто ДМТ, а ДМТ-Ф! Ты знаешь, что это такое?»

«Постой, дай сообразить. Эф-эф-эф... А... Вот оно что! Да, ситуация и впрямь хреновая, прости Господи. Ну да Бог не выдаст, РАН не съест, как говорится.»

«Ну и что это такое, по-твоему, Константин?»

«Ты что, экзаменуешь меня, что ли?»

«Избави Боже, это скорее ты меня экзаменовать имеешь право. Ты же у нас учёный, а я всего лишь администратор... Куда мне до твоей “Фундаментальной нейрофизиологии в трансперсональном аспекте”, чай сам знаю. Вот ты и просвети меня, может быть, я про это “эф” злосчастное или ничего не знаю, или знаю что-то не то».

«Ну хорошо, если тебе хочется успокоиться, слушая чтение энциклопедической статьи... Тогда пожалуйста на здоровье. ДМТ-Ф — белый кристаллический порошок психоделика диметилтриптамина, эффективность которого в десять раз превосходит оную у ЛСД. В данном уникальном и не имеющем аналогов в мире сочетании смешан с некоторым веществом, не поддающимся доньне химическому анализу и условно называемым “фулканеллин”, поскольку было изготовлено эксклюзивным образом великим алхимиком XX века Фулканелли и соединено с ДМТ в нерасторжимой унии его учеником Канселье, наследники которого продали вещество Германскому Институту психических явлений за какие-то совершенно бешеные деньги. Во времена Третьего Рейха с веществом долго возились химики и оккультисты из структур СС, однако абсолютно безрезультатно. Даже химический состав фулканеллина определить не удалось. Кто-то, говорят, потерял рассудок, приняв ничтожную дозу препарата. После Победы препарат попал в АН СССР, а Академия наук ГДР закрепила этот факт актом передачи юридически, так что никакой реституции ДМТ-Ф не подлежит. Существует легенда (кажется, восходящая к самому Канселье), что благодаря фулканеллину натренированный как психонавт человек способен стать настоящим богом нашего мира. Дело в том, что, как ты, думаю, знаешь, при приёме обычного ДМТ человек полностью отключается на 10–25 минут, впадая в состояние, внешне сходное с гипнотическим трансом (желательно заранее лежать, чтобы не удариться при падении). Субъективно он оказывается в абсолютно другой вселенной (лучше всего это характеризует фраза одного из психонавтов: “Сама мысль о том, что есть возможность вернуться обратно в нашу вселенную, там выглядит абсурдно”). Так вот, проблема в том, что диметилтриптамин входит в обмен веществ здоровых Homo sapiens (он вырабатывается в дозах, не вызывающих галлюцинаций, естественно). Но его роль до сих пор биохимикам не ясна. Ясно одно: теоретически возможно создать условия, при которых организм сможет значительно увеличить выработку этого амина (как происходит, например, с эндоморфинами в случае утомления,

стрессовых ситуаций и т.д.). Ключевым моментом здесь является то обстоятельство, что психонавт, оказавшийся во вселенной ДМТ, полностью отключается от нашего мира. Повторяю, что сама мысль о том, что есть возможность вернуться обратно в нашу вселенную, там выглядит абсурдно. Так вот, по утверждениям Канселье, фулканеллин способствует тому, что натренированный психонавт (особенно, если он практикует йогу или иные традиционные формы психопрактики) способен полностью сохранять самосознание и самоконтроль при приёме ДМТ, прекрасно осознавая сосуществование двух миров — того и нашего. А это в свою очередь даёт ему возможность полностью контролировать оба мира, выполняя функцию своего рода мирового разума. В результате он может делать с мирами всё, что ему угодно, вплоть до их полного уничтожения. Вот, собственно, и всё, что можно кратко сказать о ДМТ-Ф».

Константин Иванович умолк, Георгий Тигранович в течение всей его речи хранил молчание, усевшись в кресло за своим столом и барабанив пальцами по его крышке.

«Да-а, много, много ты знаешь, Константин. Ну, про легенду Канселье мы говорить всерьёз всё же не будем, однако и без того головной боли немерено. По существу украдено национальное достояние. Кошмар, кошмар!» Георгий Тигранович снова вскочил и зашагал по кабинету, опять уподобляясь бенгальскому тигру в клетке.

«А зря ты, Георгий, так уж игнорируешь легенду Канселье. Проработав тридцать лет в этом институте, я на такое насмотрелся, что не стал бы так уж отметать её с порога, тем более что неопределимый химический состав фулканеллина есть уже нечто, что обыватель назвал бы чудом. Кроме того, легенда Канселье лежит в основе мотива кражи, это же очевидно. Продать препарат практически нельзя или очень сложно. Значит, не обогащение было мотивом кражи, а стремление к власти над миром, даже над мирами».

«Толкиен какой-то, — пробормотал Георгий Тигранович. — Но похоже, что насчёт мотива ты прав, Константин. Что делать будем?»

«Ну, во-первых, можно с уверенностью сказать, что вор — свой человек, специалист. Не обязательно из нашего института, он может быть из университета, из пары-тройки других мест, из Москвы или Новосибирска, наконец. Кто вчера заходил легально, так сказать, в хранилище?»

«Вот список, всего пять человек, все наши сотрудники: Эльза Петрова — поболтать с подругой, Изольда Полянская — за своим кетаминном, чтобы отнести его в клинику и отметить, что вот она экспериментирует (якобы), Марк Погдин — к приятелю, Игорь Зацепин — консультация у Ирины Васильевны по поводу хранящихся у нас грибов-энтеогенов из Южной Америки и, наконец, твой тёзка Константин Ризин. Ну, этот и вообще-то пробыл в хранилище от силы минуты три — искал там почему-то Ходокова из клиники. Не нашёл, естественно, и сразу же ушёл. Вот, собственно, и всё».

«Да, негусто. Вряд ли из этого ши сваришь. Эльза и о простом-то ДМТ понятия поди не имеет, ей бы партвзносы собирать, как в старые времена, а не в тёмные властелины лезть, с Изольдой всё понятно, ей надо изображать из себя великого учёного-экспериментатора, чтобы опять в Кембридж поехать, но не

более того, Марк — просто пьяница и бездельник, Игорь Зацепин — человек, конечно, серьёзный, но это вроде бы ещё не криминал. Ну а Костя Ризин... Короче говоря, скорее я взял этот ДМТ-Ф, чем он, сами понимаете. Чужая душа, конечно, потёмки, но не до такой же степени».

«Значит, скорее всего, это кто-то туда нелегально пробрался, ночью, что ли. Вот тебе и собственная служба безопасности! Мордовороты и бездельники, им бы только водку жрать (прости, Костя) да прибавки к зарплате требовать».

«Ну это ты зря, Георгий. Во-первых, если уж человек в чёрные властелины собрался, он такое придумает, что никакая секьюрити не поможет. А во-вторых, наш шеф безопасности, Юрий Игнатьевич то есть, человек вполне приличный и соображающий, не надо так уж сразу его списывать».

«Нервы, нервы... Так что делать-то будем?!»

«Во-первых, никаких общих собраний и оповещений всех и вся. Будем действовать рiано-рiано, как говорят итальянцы. И не надо, чтобы в бюро секции или тем паче в президиуме РАН узнали. Тогда начнётся суета и катавасия, и уж точно ничего выяснить не удастся, да и реноме института погибнет. Они к нам в начале следующего года ревизию присылают, так что до этого срока время есть (если, конечно, весь наш мир уже завтра не полетит в тартарары — хе-хе). Пусть Юрий Игнатьевич спокойно работает, вызывает к себе, беседует, даже в командировки ездит, если надо, но всё строго конфиденциально и келейно. Собственное расследование, так сказать».

«Ну спасибо тебе, Костя. Ты меня и вправду немного успокоил. Ладно, иди к себе и сам поговори, с кем найдёшь нужным. И держи руку на пульсе, как говорится. А я вызову Юрия Игнатьевича и озадачу его (он, впрочем, уже и сам озадачился), дам ему разные там ЦЭУ на тему рiано-рiано. Если найдёшь нужным сделать какую-то утечку информации, сделай. Только не самому болтливому».

«Учёного учить, что мёртвого лечить».

«Ну ладно, пока, пока, буду держать тебя в курсе».

«Не расстраивайся, Георгий, не стоит оно того. Твои волнения и, прости меня, истерики делу никак не помогут, скорее испортят, а здоровье-то уж точно пострадает. Ладно, приятно».

Слегка кряхтя, Константин Иванович поднялся на ноги и, слегка махнув рукой начальству, двинулся к двери. Георгий Тигранович тем временем уже звонил по внутреннему телефону начальнику службы безопасности института Юрию Игнатьевичу Головачёву.

Вот, собственно, какая картина возникла в моей голове во время неспешного и даже несколько монотонного рассказа Тролля.

Всё смешалось в моей голове. С одной стороны, я был уверен, что в хранилище я ничего не брал, по крайней мере, сознательно. Но вот эта-то оговорка и была существенным коррективом декларации моей невиновности. Дело в том, что я вообще не помнил, что я делал в хранилище и как я из него вышел. С другой стороны, никакого препарата у меня не было. Его забрал Андрей во время моего обморока на лестнице? Абсурд. Сама мысль о причастности Андрея к этой краже казалась мне настолько абсурдной, что я отметал её с порога, само моё сознание категорически отвергало её. И тем не менее что-то тут было неладно: мой

странный визит в хранилище, этот обморок... Странно... И вместе с тем ничего, кроме чувства несообразности происшедшего. Подождём, что будет дальше, пока ничего придумать и тем более доказать нельзя.

Я заверил Тролля, что ничего никому не скажу и рассыпался в благодарностях за доверие. Сам Георгий Леопольдович считал, что всё это какая-то особенно компетентная наркомафия с особенно длинными руками, которые сумели дотянуться до нашего института и совершить хищение под покровом ночи, когда спят усталые игрушки и дремлют охранники, положив голову на стол, как на импровизированную подушку.

«А может быть, охрану и подкупили», — глубокомысленно заключил Тролля.

Мне версия наркомафии казалась уж слишком простой, лежащей на поверхности и поэтому совершенно, говоря научно, нерелевантной. Надо искать в институте и не обязательно *la femme*, в этом я был уверен. Обратного до института мы шли молча. Вернувшись в наши палестины, мы разошлись: Тролля отправился в библиотеку, а я — в сектор.

В секторе, как я того и ожидал, мне сообщили, что звонил Юрий Игнатьевич и просил зайти к нему в кабинет на четверть часа, когда у меня будет время. Я вздохнул и отправился на первый этаж (всегда любил отделяться от неприятных дел сразу, чтобы не висели над головой дамкловым мечом), в кабинет, обитый коричневой клеёнкой, на которой висела табличка: «Директор службы безопасности СПб О ИТП РАН». Поскольку стучать по клеёнке было довольно бессмысленно, я приоткрыл дверь и просунул голову внутрь:

«Вы позволите, Юрий Игнатьевич?»

«Да, да, входите, пожалуйста, Константин Владимирович, гостем будете!»

Я вошел в кабинет шефа нашей *secret service*, который сразу же после рукопожатия предложил мне сесть на удобный, но весьма старомодный диван, тоже обитый чем-то коричневым.

Юрий Игнатьевич Головачёв был джентльменом (иначе не скажешь) преклонных лет, но вполне бодрым и жизнерадостным. Коротко подстриженные седые волосы, аккуратные усы над верхней губой, живые карие глаза, добротный серый костюм (сейчас пиджак был снят и висел на спинке кресла), белая рубашка с серым же одноцветным галстуком производили впечатление надёжности и респектабельности. Большую часть жизни Юрий Игнатьевич прослужил в КГБ и покинул его в 1991 году в звании, кажется, полковника. С 1993, кажется, года он работал в нашем институте и имел репутацию крепкого профессионала и добропорядочного человека, что признавали даже некоторые наши безумные демократы-шестидесятники, для которых аббревиатура КГБ была тем же, чем слово «купел» для описанной Достоевским московской купчихи второй половины уже ставшего позапрошлым века.

«Рад вас видеть, уважаемый Константин Владимирович. Извините, что отвлекаю вас от ваших учёных изысканий, но ничего не поделаешь, у меня поручение от Георгия Тиграновича, а его выполнение предполагает краткую беседу с вами. Уверяю вас, что я не отниму слишком много вашего драгоценного времени».

Я заверил Юрия Игнатъевича, что ничем особенно не занят и что визит к нему для меня если и не совсем удовольствие, то уж, во всяком случае, и не пытка. Надо сказать, что я, несмотря на уверенность в своей невинности, несколько мандражировал, мой голос слегка дрожал, да и руки тоже. Я не сомневался, что моё состояние не укрылось от зоркого глаза моего vis-a-vis. Выслушав мои заверения, он продолжил:

«Насколько я понимаю, вы собираетесь пройти психоделическую практику. Это так?»

Я подтвердил это своё намерение и сказал, что уже отдал медицинскую справку Ходокову. Головачёв сразу же поинтересовался, когда это было. Я бы сразу сам рассказал ему обо всём, что его интересует, но тогда он сразу понял бы, что эти институтские тайны для меня — секрет полишинеля, а, следовательно, я подвёл бы Тролля. Поэтому я продолжал отвечать на вопросы о моём визите к Ходокову. Потом Юрий Игнатъевич вдруг изменил тактику и стал расспрашивать меня о моей работе. Я сказал, что работаю над докторской по даосской психопрактике, которая почти готова, но мне хотелось бы всё же съездить ненадолго в континентальный Китай или на Тайвань для знакомства с живой традицией. Поговорили о даосизме и об отношениях между Тайванем и континентом. Потом Головачёв внезапно вернулся к моей психоделической практике и спросил, какой препарат для неё я выбрал. Я, естественно, назвал псилоцибин. После этого мы минуты три разговаривали об энтеогенах, международном законодательстве относительно их употребления и даже обсудили недавно вышедший в Америке сборник статей «Энтеогены и будущее религии». Наш главный спецслужбист оказался человеком, хорошо информированным и абсолютно здравомыслящим, что было приятно. Наконец последовал вопрос о ДМТ и его психоделической эффективности, ну а потом уже совершенно естественным путем дошли и до ДМТ-Ф с загадочным фулканеллином. Я про фулканеллин до разговора с Троллем слышал только краем уха, о чём и сказал Головачёву, он хмыкнул. После мгновенной паузы он задал мне вопрос в лоб: почему позавчера я искал Ходокова в психоделическом хранилище? Я как на духу ответил ему, что у меня вдруг возникла совершенно немотивированная уверенность, что Ходоков именно там и находится. Он снова хмыкнул. После этого Юрий Игнатъевич попросил меня описать моё посещение хранилища. Тут я ему всё и рассказал, на его лице появилось совершенно определённое и даже не скрываемое выражение заинтересованности. Пришла очередь поговорить про Андрея Королёва. Опять-таки я совершенно откровенно рассказал о нашем знакомстве и о моём каком-то даже несколько странном влечении к общению с ним, которое, правда, стало слабеть после нашей последней встречи. Потом я, правда, отметил, что счёл излишним упомянуть о его каббалистических и саббатанских интересах и ни разу не назвал Андрея «молодым учёным» (видимо, потому, что сие определение из-за специфики его употребления в нашем институте в зубах уже навязло).

Юрий Игнатъевич внимательно меня выслушал, задал несколько уточняющих вопросов и отпустил меня с миром. Перед уходом я нашёл в себе силы спросить Головачёва, чем, собственно, вызваны его вопросы и его интерес к моему посе-

щению хранилища. Тот широко развёл руки и почему-то по-испански сказал, что это пока *segreto*, заодно напомнив мне, что наша с ним встреча была конфиденциальной и что никому о её содержании рассказывать не следует. Мы распрошались и я, не возвращаясь в сектор, покинул институт. Было жарко. Небо оставалось голубым и безоблачным, но в нём, всё приближаясь и приближаясь, гремел гром. Я секунду помешкал, потом махнул рукой и направился домой прямо по набережной.

Если вам интересны последующие события, не затруднитесь прочесть следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЯТАЯ

Декабрь 1987 года. Ускорение, «Прожектор перестройки», песни Высоцкого по ТВ, «Покаяние» и «Дети Арбата»... Я страдаю от духовного кризиса, я стою на мировоззренческом перепутье, томление духа... Я то читаю буддийские тексты, то бросаюсь на даосизм, то вдруг кидаюсь к средневековому и ренессансному оккультизму, читаю «Об оккультной философии» Агриппы и «Аврору» Якова Бёме. Но... мне ночь не шлёт надежды на спасенье, ничто меня не удовлетворяет. Но вместе с тем что-то бродит внутри, бродит, стремится прорваться и оформиться. Но пока это брожение скорее мучит, нежели вдохновляет. Симптомы духовной беременности — вплоть до тошноты, почти физической. Воскресенье 20 декабря. Весь день болит голова, просто разламывается. И виски и затылок скованы ноющей тупой болью. Грешу на давление, пригоршнями пью дибазол и папаверин, не помогает. Вечером наконец решаю измерить температуру. 38,8, грипп. Начинается томительная неделя страданий: высокая температура, сердечная слабость, телесная слабость как таковая. Перечитываю «Мастера и Маргариту», роман производит на меня совершенно неожиданное, очень мощное впечатление, отягощённое, впрочем, болезненной интоксикацией психики. Никогда, ни раньше, ни позднее я не получал такого сильного впечатления от булгаковского шедевра. «Рукописи не горят», «как Вы угадали!» — за всем этим чуялось что-то необычно глубокое, почти мистическое, какая-то метафизическая тайна, тайна онтологии творчества, тайна магии слова. Иногда я плакал, как ребёнок: мне было жалко Понтия Пилата! Болезнь, одним словом.

Ещё не совсем выздоровев, я отправляюсь на новогодний вечер на работу, где с успехом выступаю в роли Деда Мороза и одариваю детей подарками, а оттуда еду на квартиру Елены Бригадировой (ныне обретающейся в Австралии). С Еленой мы вместе учились в университете, она отличалась артистизмом, богемностью, считала себя поэтом (не поэтессой!), а также одно время играла в любительской театральной студии. У неё что-то вроде научно-артистического междусобойчика, очень приятная непринуждённая атмосфера, а для меня после болезни и прочитанного во флёре болезни Булгакова всё ещё к тому же предстаёт в несколько мистическом свете. Даже красное вино на столе вызывает ассоциации с красным вином, которое в романе Булгакова пьёт перед балом Воланд (кажется, его разливала Гелла — не Елена ли?). Между тем Елена читает вслух свою (нигде и никогда ни до, ни после не публиковавшуюся) пьесу «Метастазио и Форнарина». В пьесе (мне трудно сейчас объективно оценить её качество) было

всё — кровосмесительное влечение брата к родной сестре, буйство страстей, сила судьбы, трагическая развязка. И опять-таки ощущение чего-то таинственного и удивительного посетило меня. Может быть, пьеса-то была дрянь дрянью, но я до сих пор вспоминаю о ней как о некоем волшебном подарке на Новый год, хотя содержания уже толком и не помню.

Следующий день — 30 декабря, мы собираемся на Новый год ехать в Новгород к моей маме. Весь день я хожу сам не свой, впечатление приближения какого-то откровения нарастает. Кажется, что некоторая трансформация организма под воздействием только что закончившегося сильнейшего гриппа способствует психической утончённости и готовности постичь то, что я тщился постичь уже месяц. Болезнетворные яды вируса оказались инструментом катарсиса. А может быть, наоборот, мобилизация организма ради его выздоровления омыла тело какими-то облагораживающими соками, благотельно воздействующими теперь на мой мозг.

Весь день я то вспоминаю гностические тексты из Наг-Хаммади, то думаю о рассуждениях об отсутствии даже самого отсутствия из «Хуайнань-цзы», но ничего неопределённого. Вечером мы всей семьёй (я, жена и родившийся этой осенью сын у неё на руках) садимся в автобус и выезжаем в Новгород. Тут-то всё и происходит.

В моей голове рождается нечто, что позднее я назвал «теорией магической вселенной». Ещё много позднее я понял, что почувствовал в тот вечер то, что буддисты называют пустотой, шуньятой, которая скорее открытость, чем опустошённость, лишённость, недостаточность. Посмотрите, вот я говорю: мир наделён сущностью, и она есть то-то и то-то. Но раз это так, мир оказывается закрытым, ограниченным, замкнутым, ведь он по своей сути «то-то и то-то» и уже не может быть «этим и тем» или «тем-то и тем-то». Но вот буддисты говорят: мир без сути, мир пуст, лишён своебытия. Что это значит? Это значит, что мир открыт, неоднозначен, магичен. Он и «то-то и то-то», и «это и то», и «такой-то и такой», и вообще какой угодно. Не то, чтобы он меняется, он одновременно и «а», и «не-а», и «а и б» одновременно, и вообще «всё, что угодно». Был в Китае такой философ Гуань Инь-цзы. И этот философ, кстати, даос, а не буддист, однажды сказал: «В мире есть драконы, морские гады и просто змеи. Дракон, он может быть одновременно и драконом, и морским гадом, и змеей. А морской гад или змея, они — только морской гад или змея и не больше. Совершенноумудрый подобен дракону, а мудрец, он — морской гад, не больше». Наш мир всегда чётко определён, ограничен и потому в нём нет жизни. Если уж он *Deus sive natura*, Бог или природа, то он уж никак не может быть волей и представлением. А если он воля и представление, то уж не быть ему плодом самосозерцания мирового Разума. А так ли это? Вот не только буддисты, а и джайны учили, что любое учение освящает мир лишь «некоторым образом» и лишь в «каком-то отношении». Значит, чувствовали они эту открытость, эту магическую пустотность мира, в котором всё — в одном, а одно — во всём, всё — тоже во всём, а одно — ещё и в одном! Сеть бога Индры! Мириады блистающих драгоценных камней, каждый камень отражает все остальные камни, и отражается в свою очередь во всех камнях. Отражения и вза-

имоотражения, отражения отражаются в отражениях, каждое из них реально и каждое подобно иллюзии, часть вмещает в себя целое и в этом целом содержится, снова объемля и его, и себя в нём. Борхесовский Алеф, «мы долгое эхо друг друга!» Мир открыт и непредсказуем, он не «от сих до сих», хоть в пространстве, хоть во времени, он нелинейно бесконечен и, pardon moi за неологизм, гиперссылочно вечен...

Вот довольно-таки сбивчивое описание того, что я почувствовал в тёмном автобусе Ленинград–Новгород в предновогодний вечер 1987 года. К сожалению, я не смог понять, осознать или эксплицировать это чувство или видение... А позднее я и вообще пошёл по накатанной дорожке — примерил на магическую вселенную ризы меонической свободы Бердяева и пошёл-поехал по стезе русской философии (или теософии?) Серебряного века. Осознание внутреннего родства магической вселенной и буддизма пришло много позднее. Бездонность и неисчерпаемость мира как явление пустотности сущего в его изначальной Открытости...

И блеск Фаворский воссияет в славе
Обители нетленной Божества,
Сольются все в восторге торжества,
И встретят нас собравшиеся в храме.

Огонь небесный в сердце наше канет,
Преображая наше существо.
Духовным плотяное вещество
Из тлена смерти в бытие восстанет.

И лицезрения святых красот
Сподобится обоженное сердце,
Парящее среди иных высот.

Пурпуровый немеркнувший восход
Планет и звёзд, ликующее скерцо
Сапфирной ясности родных пустот.

ГЛАВА 6,

в которой появляются и крепнут подозрения, а некий юноша оказывается зрелым мужем

Снова неприсутственный день. Я ломаю голову над загадкой похищения ДМТ-Ф, и ничегошеньки-то в эту голову не приходит. Кроме одного: что психоделик в бессознательном состоянии украл я. Но если это так, то где он? Или я, пребывая в странной деменции, не только украл его, но и куда-то припрятал, а теперь амнезия и т.д. и т.п. В общем, жизнь моя постылая, жизнь трансцендентальная... Ни до чего не додумавшись, я выключил компьютер, за который, правда, немедленно уселся Филипп и начал играть в «Хитмэна». Я же отправился к Инне, и мы весь вечер просидели у телевизора, болтая о каких-то совершенно посторонних вещах. Инна прекрасно понимала, что со мной что-то не то, но не пыталась ничего выпытать (и слава Богу — я бы сломался, что уж совсем ни к

чему), а наоборот, отвлекала и успокаивала, совершенно ненавязчиво и для постороннего наблюдателя просто-таки незаметно. В результате Филипп заигрался аж до второго часа ночи (потом он уверял нас, что прошел своего «Хитмэна» до конца — целиком и полностью), а я добрёл до постели и вообще при свете дня, часов в пять самое раннее.

Уже около полудня, однако, я был в институте, преисполненный решимости разобраться со всеми тайнами (по крайней мере, в той их части, в которой они имели отношение ко мне) и отгадать все загадки. В секторе меня ожидал сюрприз. Ко мне подошла Елена Сергеевна Воронова (много лет сидит над темой «Психопрактика в текстах ранней брахманической прозы») и томно произнесла:

«Костя, тут еще в понедельник вас по всему институту искал один молодой человек, но не нашёл и оставил записку. А я позавчера забыла её вам передать, тут такие магнитные бури, ничего не соображаю».

И протягивает мне записку. Разворачиваю её и читаю:

«Привет! Позвони мне, как сможешь: очень поговорить надо. Илья Гданийский».

Тут меня прямо пот прошиб: значит, Илья приходил в институт как раз в то время, как я уходил хранилище, а потом встретился с Андреем и с ним ушёл из института! Вот оно! Илья. Он последнее время совсем помешался на мессиях, саббатанстве и каббале, просто мания какая-то. Чего он мне последний раз наговорил про своё мессианство, 1956 год рождения и о двух Светах! Тут явно собака и зарыта. Думать, думать надо. В результате я снял с полки справочной литературы какой-то том (им оказалась книга С.П. фон Бок «Российские психологи. Биографический словарь». М.: Наука, 1997), раскрыл его наугад и сделал вид, что углублённо изучаю сей шедевр, на самом деле погрузившись в раздумья и дедуктивные построения а-ля Шерлок Холмс. В результате я надумал следующее. Илья помешался на том, что он и есть очередной еврейский мессия, наследник дела Иисуса и Саббатая Цеви (мания величия, дамы и господа). Откуда-то он узнал про фулканеллин и вообразил, что в его руках оный становится мощным средством спасения мира (я облился холодным потом). Чёрт его знает как (психиатр всё-таки) он гипнотически воздействовал на меня (то-то я вообразил, что Ходоков не у себя, а в хранилище) и заставил украсть препарат. Потом он где-то затаился поблизости, скажем, за дверью, набросился на меня, прижав мне к моему рту тряпку, пропитанную какой-нибудь наркотической гадостью (что они там в своей психиатрии применяют), а то и инъекцию прямо через одежду сделал, отобрал ДМТ-Ф и оставил в полной беспомощности и обмороке на лестнице, где меня и нашёл Андрей. Сам же и был таков. Правда, зачем в таком случае он мне записку оставил? Алиби себе готовил, не иначе. Чтобы в случае чего объяснить свой приход в институт. Здорово! Всё сходится. Я оставил творение госпожи фон Бок на столе и ринулся на первый этаж, в туалет, как если бы меня одолел острый приступ диареи. В кабинке (на ум пришли дурацкие стишки одного университетского приятеля: «Медитация, апперцепция, тезис о единстве мира: как с такою глобальной концепцией я вмещаюсь в кабинку сортира?») я стащил штаны и стал рассматривать свои бедра и икры. Увидев какое-то красное пятнышко (в другое

время я принял бы его за укус комара или ещё какого-нибудь насекомого), я окончательно возрадовался своим дедуктивным способностям и решил, что это и есть след от инъекции, сделанной мне на лестнице коварным Гданьским. Я вернулся в кабинет, какое-то время полистал, не вчитываясь «Биографический справочник», и часа через полтора сделал запись в журнале посещаемости, что ушёл в БАН знакомиться с новой литературой по теме. Выйдя из кабинета, я подошёл к телефону общего пользования, стоявшему на подоконнике в коридоре, и позвонил Илье. Ответил женский голос:

«А Илья на работе, позвоните ему в клинику».

«А телефончик не дадите?»

«Конечно, дам, записывайте».

Через минуту я уже звонил в частный психотерапевтический центр «Асклепий», трубку взял сам Илья.

«Привет, привет! Чего не звонил, я уж весь изнервничался. Давай встретимся сегодня. Заходи ко мне домой часиков в семь».

А ну его, подумал я, кто его знает, шизофреника. Ещё убьёт как потенциального свидетеля (нет человека — нет проблемы, как учил некогда лучший друг физкультурников и светило языкознания).

«Нет уж лучше вы к нам».

«Ладно, ладно. Постараюсь не опаздывать, буду в семь-полвосьмого. Принести чего-нибудь? Нет? Ну как хочешь...»

Короткие гудки. Никого не встретив на своём пути (в пятницу приходят далеко не все), я покидаю институт и быстро устремляюсь домой готовиться к визиту подозреваемого.

Я отправился на Невский и в «Норде» по традиции (говорят, что теперь уже есть и лучшие кондитеры и кондитерские) купил там огромный торт. Далее стопы мои донесли меня до Караванной, где я потратил последние деньги, выделенные мне из семейного бюджета на карманные расходы, купив некую красивую бутылку фирменного французского красного вина. Наконец в Гостином Дворе я спустился в преисподнюю метрополитена и отбыл на «Горьковскую», откуда уже пешком дошёл до дома. До прихода самопровозглашённого мессии оставался ещё как минимум час, и я успел проглотить тарелку китайской лапши быстрого приготовления с соевым соусом, закусывая её бутербродом с докторской колбасой. Инны ещё не было дома, Филипп явно находился у кого-то из своих многочисленных приятелей.

Минут двадцать восьмого раздался звонок. Мессия прибыл. Надо сказать, что Илья выглядел вполне жизнерадостным и свежим, ничем не напоминая мрачного фанатика, решившего захватить власть над миром. Я разлил по рюмкам вино, по чашкам — чай и разложил по тарелкам торт (а к нему — не ложки, а вилки: «как в лучших домах Филадельфии»). Я уже совсем собрался с духом, чтобы спросить Гданьского, почему он так рвался встретиться со мной, как вдруг началось что-то среднее между оперой Чимарозо «Колокольчик» и оперой же Россини «Севильский цирюльник»: неустанно звонил телефон (спрашивали то Инну, то Филиппа, то вообще какую-то неведомую Веру — вконец взбешённый, на вопрос о том:

«А Веру можно?» — я ответил совершенно не в своем стиле: «Может быть, и можно, но я не пробовал», — чем совершенно шокировал звонившего), время от времени звонили и в дверь: почтальон принёс извещение на посылку из Франции (сказал, что целый день не мог нас застать, а бросать в ящик извещение ему не хотелось — «Сами знаете, как бывает...»), Филиппов дружок из соседней парадной хотел повидаться с ним, а в довершение всего какая-то миссионерствующая дама настойчиво предлагала обучить меня Библии. Тут я не выдержал и отключил телефон. Вырубить свет, чтобы парализовать входной звонок, я всё же не решился, но за дамой, слава Аллаху, никто не последовал, а вскоре и Инна пришла, избавив от необходимости бегать к двери и отвечать на телефонные звонки. Я наконец-то плюхнулся на тахту около Ильи, бормоча всякие извинения, и предложил ему выпить за очередную встречу. Мы выпили. И тут Илья сам начал излагать причину своего визита весьма застенчивым и виноватым голосом.

«Ты извини меня, что я так напросился, вижу, как ты занят, но вот тут такая неприятность вышла... (он немного помолчал). Понимаешь, конечно, у меня зарплата много больше твоей, мне стыдно, но такие обстоятельства...»

«Да говори ты, Бога ради, что это за экивоки такие».

«Короче говоря, не мог бы ты одолжить мне четыреста баксов на две недели».

Он произнес эту фразу и облегчённо вздохнул.

Я лихорадочно думал: «Скорее всего, наводит тень на плетень. Продолжает алиби создавать. Дескать, приходил в институт, чтобы занять денег у приятеля. Денег сейчас после Гонконга у меня нет, но помочь ему надо: иначе, как, кажется, говорят спецслужбисты, контакт не развить. Но откуда их взять? Тёща больше не даст. Богатых друзей у меня нет... Но у Инны наверняка есть какая-нибудь заначка на чёрный день. Пойду поговорю, ведь всего две недели. А если за эти две недели он пройдёт в дамки, то бишь в чёрные властелины, доллары уже и так не понадобятся (я улыбнулся своему сомнительному юмору)».

«Сейчас, Илья, подожди минутку, с женой надо поговорить».

Он развёл руками.

Разговор с Инной был не из приятных. Она сказала мне, что её заначка равна пятистам зелёных и копила их она на случай всяких чёрных вторников и восемнадцатых августа потом и кровью, но если уж так надо... (надо, надо!). В конце концов она полезла на верхнюю полку книжного стеллажа, извлекла из-за книг некую шкатулку и выдала мне четыреста долларов США, выразив надежду, что не позднее чем через две недели они вернутся обратно. Я расцеловал её, несмотря на её попытки увернуться, и поспешил к Илье. Тот просто расцвёл от счастья.

«Сходи Инну поблагодари, хоть цветочки бы ей принёс».

«Да. Да, конечно, конечно, обязательно принесу, розы там или пионы».

Он отправился к Инне и через три минуты вернулся вполне довольный оказанным ему приёмом.

«Две недели, только две недели, клянусь!».

Теперь можно было спокойно попить чаю и поговорить. Я завёл разговор про каббалу и про мессий. К моему изумлению, Илья обнаружил почти полное без-

различие к данной теме и попытался свести разговор к архетипам Юнга и матрицам Грофа. Я решил быть вполне откровенным.

«Слушай, Илья, я что-то тебя не пойму. В прошлый раз, месяца ещё, наверно, не прошло, ты просто в каком-то мессианском делириуме находился, ни о чём другом говорить не мог, а теперь вот, когда я заинтересовался темой, всё на Юнга свести норовишь».

Ответ Ильи меня удивил ещё раз:

«Ты знаешь, действительно вроде безумия какого-то обуюло. Ты ведь знаешь, что я всегда был ближе к позитивизму, чем к мистике, и религией-то я интересовался прежде всего как психотерапевт, ну и антрополог, если позволишь. А тут... Познакомился я с одним москвичом, таким Андреем Королёвым, он как раз специалист по каббале, хотя в институте занимается, кажется, кундалини-йогой. И вот его энтузиазм и какая-то мистическая харизма, что ли, так на меня подействовали, что у меня чуть крыша не поехала на Саббатае Цеви, мессианизме и каббале. Он, кстати, у меня и про тебя спрашивал (я тут вспомнил, что Андрей говорил мне, что узнал мой адрес от Гданьского). А как я перестал с ним общаться, это было ещё до твоего отъезда в Гонконг, как-то это наваждение начало рассеиваться, мне даже смешно стало, что я чуть мессией себя не вообразил. Вот, собственно, и всё».

Я признался Илье, что тоже познакомился с Андреем и что я хорошо понимаю его, ибо сам испытал воздействие его харизмы, маны или как там это ещё называется, в общем иррационального обаяния личности. Таким образом, всё вроде бы объяснилось, но мои подозрения относительно Ильи, тем не менее, не только не исчезли, но, наоборот, укрепились. Проводив его до двери (под конец он снова рассыпался в благодарностях), я выждал четверть часа и пошёл прогуляться и пораскинуть мозгами. Рассуждал я так. Всё это на самом деле хитрости. Теперь, когда препарат у него, продолжать демонстрировать свой каббалистический фанатизм для него опасно: может вызвать подозрения, у меня по крайней мере. Про то, что я знаком с Андреем, он знает, значит, можно на него валить, дескать, заразил мистикой, а самому теперь — разглагольствовать про безопасного и невинного Юнга. Может ли такая логика быть у безумца? Может. Известно, что сумасшедшие бывают чрезвычайно хитры и коварны в рамках своей мании, так что всё сходится. Контакттировать с Ильёй надо продолжать. Ждать две недели нельзя, надо дней через пять под каким-нибудь предлогом навестить его на работе и поговорить по заранее разработанному плану.

Тут ноги вынесли меня к Князь-Владимирскому собору, и я решил зайти в храм. Меня почему-то не удивило, что собор открыт несмотря на поздний час (было как минимум половина десятого). Я вошёл внутрь и проследовал поближе к солее и Царским Вратам. Храм был практически пуст, кроме меня по углам жались какие-то старушки. Тем не менее шла служба, вечерня, причём на хорах пели певчие, а со священником служил и диакон. Меня опять-таки не удивило это, прямо скажем, странное обстоятельство: какая же вечерня на ночь глядя, да ещё и в будний день? Я вошёл в церковь как раз во время малого выхода: священник вышел из северных ворот и прошептал к Царским Вратам. За ним шёл диакон с престольным Евангелием. Сделав возглас, священник вошёл в алтарь, а диакон

перед тем, как проследовать за ним, повернулся лицом к прихожанам и осенил их крестным знаменем, благословляя Евангелием. И тут хор грянул:

«Свете Тихий, Святыя Славный Бессмертного Отца Небесного, Святаго Блаженнаго САББАТАЕ ЦЕВИ, пришедша на запад Солнца. Видевше Свет вечерний...»

Дальше я уже не слушал, поскольку бросился бегом из храма, как бы преследуемый не то ангелом с огненным мечом, не то сонмищем бесов. Пришёл я в себя, только когда стал ключом открывать дверь своей квартиры.

«Привидится же такое! Скоро тазепам пить придётся...»

Ночь прошла беспокойно. Я ворочался с боку на бок, и мне опять мерещились то драконоиды с крыльями летучей мыши, то Илья Гданьский в красной мантии, возносящийся ввысь и раскидывающий вокруг себя тучи из долларовых купюр. Только под утро я заснул относительно спокойным сном. Суббота, можно немного расслабиться.

В понедельник институт показался мне совершенно вымершим: пора отпусков. Сам я в отпуск не собирался. Во-первых, надо закончить «дело о хищении психоделика» (или, по крайней мере, разобраться, при чём здесь я), а во-вторых, лучше отдохнуть в сентябре, когда Филипп пойдёт в школу и проблема надзора за ним станет менее острой. Встретив Тролля, я подмигнул ему, и он понимающе шепотом сообщил мне, что по его сведениям по-прежнему ничего не известно и что допрос (или опрос) сотрудников ничего не дал. Сергей Соловьёв ушёл в отпуск и сидел (подозреваю, что в основном, увы, пьянствовал) на даче не то в Лисьем Носу, не то под Сестрорецком, Ирина Ставцова наслаждалась солнцем, водой и сбором грибов (не психоделических, а съедобных) на берегах Ладожского озера. Короче говоря, поговорить за кофе было решительно не с кем. С горя я стал листать словарь фон Бок, в котором вдруг натолкнулся на статью про Андрея Королёва. Статья гласила:

КОРОЛЁВ Андрей Александрович. 17 июля 1956. Родители: Королёв Александр Ильич, Королёва (Моргенштерн) Клара Яковлевна. Трансперсональный психолог. В 1978 окончил психол. ф-т МГУ. Канд. психол. наук (1985). В 1978–1986 — ассист., ст. преп. психол. ф-та МГУ, с 1987 — ИТП РАН, ст. науч. сотр. Осн. направления исследований — психол. аспекты инд. йоги, архетипич. уровень каббалистической традиции.

Дальше следовал список основных публикаций из пятнадцати работ: кандидатская диссертация «Кундалини-йога и картография сознания» и статьи в различных изданиях (две на английском языке).

Во всём этом меня поразило (буквально поразило!) только одно: год рождения Андрея. Я принял его за молодого учёного максимум лет тридцати, а скорее и того моложе. А он, оказывается, почти на десять лет старше меня. Вот это да! Потрясающе! Что он эликсир молодости нашёл, что ли? Надо будет спросить Илью или Сергея, такое ли впечатление он произвёл и на них или же это какие-то мои глюки. А вот есть повод и Илье позвонить!

Я набрал служебный номер Ильи, и он сразу же снял трубку. После всяких предварительных вопросов (как доехал вчера домой, всё ли в порядке и т.д.)

я рассказал ему про свое открытие, сделанное благодаря труду госпожи фон Бок, и спросил Илью, что он думает о возрасте нашего общего знакомого и не удивляется ли он его исключительно молодому облику.

«Да вовсе нет. По-моему, на сорок с лишним он и выглядит. Это у тебя какая-то абберрация восприятия. Тоже влияние его харизмы, наверно».

На этом мы распрощались.

Перед тем как покинуть наш храм науки, я зашёл в психоделичку к Ходокову насчёт даты моей практики. Тот порылся в своих журнальных записях и наконец промолвил:

«Как насчёт среды через две недели, это будет 25 июля, во второй половине дня?»

Меня это вполне устроило, Ходоков сделал пометку в журнале и напомнил мне, чтобы никакого алкоголя за три дня до эксперимента. И желательно без транквилизаторов и снотворных.

Дома я решил послушать музыку (я предпочитаю барочную музыку, а точнее — музыку, написанную между серединой XVII и концом XVIII века, так сказать, между Перселлом и Моцартом). Но и тут каббалистические ассоциации меня не оставили в покое. Я поставил CD «Жемчужины барокко», первым произведением которого был концерт для гобоя с оркестром «Opus 1 in D minor» Марчелло (я всегда очень любил эту вещь). Но сейчас уже первые аккорды музыки этого итальянца вызвали у меня весьма экзотические ассоциации. Энергичные вступительные аккорды оркестра — цимцум, первичное сокращение изначального Света, совершённое ради появления техиру — пространства небытия, места творения. Далее вступает гобой. А это луч творящего Света, направленный Беспредельным в бездну техиру. Вот гобой торжествуя преодолевает силу Ничто, плетя кружева творения, изысканные формы высших миров. Победа бытия над бездной несуществования, плетение узоров универсумов. Вторая часть — грустная, меланхоличная, пропитанная утомлением и разочарованием. Миры после трагедии шевиры — разбиения сосудов творения, катастрофы вселенского падения, небытие вторгается в бытие, заимствуя его силу и актуализируясь, приобретая энергию и действительность за счёт мощи пленённого Света, разлом в самих основах творения. Третья часть, presto: быстрая, энергичная, радостная — тиккун, восстановление целостности бытия и целостности самого Абсолюта, полнота бытия достигнута, творение вводится в плерому божественных манифестаций. Про себя я стал теперь называть концерт Марчелло «Свет творящей» и иначе его уже не воспринимал. «И Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его». Дальше слушать музыку я не мог и выключил плеер. Пришла Инна, а за ней и Филипп. Узнав, что я не собираюсь за компьютер, он немедленно завладел им и весь вечер общался по «аске», сиречь ICQ, со своими приятелями в России и ближнем зарубежье. Мы же с Инной провели приятный вечер за разговорами у телевизора, одновременно просматривая присланные из Франции журналы (я) и занимаясь вязанием (она). Это помогло мне слегка расслабиться и отвлечься от детективно-мистических хитросплетений дела о краже ДМТ-Ф.

Во вторник я спокойно проработал дома и закончил даже англоязычную статью для одного американского трансперсонального издания. Удалось позаниматься и докторской. А вечером вдруг позвонил Сергей Соловьёв. Он на несколько дней приехал с дачи в город и предложил увидеться (у меня или у него) и «попить пивка» («Пиво ПИТ для хороших людей», — сострил я, впрочем, довольно плоско).

«Ну ПИТ — так ПИТ, хотя я консервативно пью “Балтику”».

«О’кей, закуплю и того и другого», — закрыл тему я.

Мы договорились встретиться завтра, в среду, после шести вечера в его апартаментах у Пяти углов. Очень хорошо, просто здорово! Расслабиться теперь просто необходимо, очень кстати Серёга позвонил.

Но как оказалось, расслабиться-то как раз и не удалось, несмотря на то что «для отрыва» мы с Сергеем действительно закупили «море пива». Но об этом я расскажу уже в следующей главе. Спешите прочитать её, если хотите узнать, почему мы так и не расслабились!

ИНТЕРЛЮДИЯ ШЕСТАЯ

Летом 1998 года я совершил путешествие в весьма экзотический район мира — Ладак, индийскую часть Тибета, затерявшуюся в северо-восточной части Гималаев, у истоков Инда. Оказавшись в своё время завоёванным мусульманскими раджами Кашмира, Ладак потом стал частью британской колонии Индия, а потом оказался в составе Республики Индия, счастливо избежав китайского вторжения и бесчинств хунвэйбинов времён недоброй памяти «великой пролетарской культурной революции», сохранив традиционные обычаи, религию и образ жизни своего тибетского населения. В конце 20-х годов в Ладаке побывал Рерих, написавший там большую часть своих тибетских полотен и наслушавшийся там разговоров о Шамбале и её миссии в нашем мире (кстати, сейчас в столице Ладака — Лехе можно с приятностью посидеть в неплохом ресторане «Шамбала»). Я вылетел в Дели через Ташкент самолётом Узбекских авиалиний в составе небольшой туристической группы и благополучно прибыл в этот город, поразивший меня жарой, духотой и загазованностью. Утром следующего дня мы уже вылетели в Лех на очень комфортабельном самолёте с очаровательной индийской стюардессой, одетой в красивое сари. В самолёте, переполненном европейскими и американскими туристами, летел также некий тибетский лама, видимо, весьма почитаемый, поскольку в Лехе его встречали с превеликим уважением. Когда под крылом самолёта о чём-то запели Гималаи, туристы бросились к иллюминаторам, чтобы увидеть Корону Мира сверху, причём так активно, что на мгновение я испугался, как бы самолёт не потерял равновесие, ибо большая часть пассажиров оказалась у иллюминаторов одного и того же борта. Но, слава локапалам, всё обошлось, и мы благополучно совершили посадку в аэропорту (слово слишком громкое для этого места) города Леха, называемого местными жителями просто Ле или Лей (Leh). Нас встречал представитель местного турагентства весёлый мусульманин Али, сразу же повязавший на наши выи тибетские хадаки — ритуальные белые шёлковые шарфы. Уже через пять минут пребывания на ладакской земле дышать стало

трудно (почти как рыбе на берегу, подумал я), а пульс участился почти до тахикардии: сказывалась высота в 3500 метров над уровнем моря (потом оказалось, что это ещё цветочки, ягодки были впереди). Первый день мы отдыхали, отсыпались и акклиматизировались, а на следующий день начались экскурсии (в основном по буддийским монастырям). В библиотеке хозяина нашего Guest House'a, очень интеллигентного и несколько англоязычного тибетца, я нашёл книгу известного тибетолога и буддолога Снеллгроува «Культурная история Ладака», которая оказалась очень полезной для понимания того, что на этих экскурсиях мы видели. Остальных членов группы я тоже по возможности просвещал на этот счёт. Так мы проехали по Ладаку дня три, а на четвёртый день отбыли в двухдневное путешествие в приграничную с китайским Тибетом зону — на высокогорное озеро, часть которого располагалась уже на территории Тибетского Автономного района КНР. Об этой поездке, собственно, я и хочу здесь рассказать.

Мы выехали около полудня (чрезвычайно долго собирались наши дамы, видимо, они приняли поездку на гималайское озеро за прогулку в Булонском лесу), и наши джипы начали взбираться по бесконечным петляющим горным дорогам, делавшим путешествие по Ладаку делом чрезвычайно длительным и утомительным: на преодоление расстояния в сто километров по прямой может уйти три, а то и четыре часа. На некоторых участках дороги работали смуглые рабочие-дравиды (тамилы, наверное) из южной Индии (бедняги!), которые за каторжный труд на высоте в четыре тысячи метров получали скудную кормёжку и пятнадцать рупий (менее тридцати центов) в день. Они приветливо улыбались нам и махали руками. Горы (великолепные, дух захватывает, даже краски Рериха не передают их грандиозности и величия), буддийские ступы, снова горы, встречные машины (с которыми наши лихачи-водители тибетцы разъезжаются только в последний момент, когда кажется, что столкновение неминуемо), снова горы. Всё выше, и выше, и выше... На каком-то особенно крутом подъёме часть нашей группы не выдерживает и принимает решение вернуться в Лех. Но пять человек, включая меня, продолжает свое автовосхождение. Мы подъезжаем к перевалу — более пяти тысяч метров, вот это да! Из-за скалы нам навстречу вырывается джип, и когда мы равняемся и замедляем движение, из того джипа доносится: «Здравствуйте, Константин Владимирович! Вы у нас лекции по психологии читали!» (один из моих студентов: мир поистине тесен). Сам перевал. Блистает снег, но скорее жарко, нежели холодно: с сапфировых (иначе не скажешь) небес сияет ослепительное солнце, а прямо на заснеженных склонах растут какие-то розовые цветы, которые привлекают особенно пристальное внимание наших дам. Мы останавливаемся, и я протираю лицо снегом гималайских вершин — Корона Мира всё-таки! Но самое интересное не это, а состояние моей (за всех ничего сказать не могу) психики на этой высоте, оно в высшей степени специфично и, я сказал бы, причудливо.

В основе этого состояния лежало, по-видимому, развивающееся постепенно кислородное голодание, проявлявшееся в странном и даже, быть может, противоестественном сочетании болезненности и наслаждения, мучительности и восторженности. Тошнотворная головная боль, сердцебиение, одышка и нарастание

эйфории, какого-то небывалого восторга, обострённого восприятия величественной красоты гималайских пейзажей, предчувствие какого-то неведомого откровения, предвосхищение просветления, бытие на грани пророческого видения. Мне становится понятным, почему йогины, отшельники и анахореты так часто селились именно в горах: здесь сам воздух пропитан психопрактическим трансперсональным эффектом, надо лишь чуть-чуть подтолкнуть то, что услужливо подносит сама природа.

Мы покидаем перевал. Дамы обзавелись маленькими букетиками розовых цветов снежных гималайских вершин, наши джипы медленно начинают спускаться по извилистой дороге, сползая в ущелье, на дне которого бежит горная речка и пасутся яки. Но даже там высота над уровнем моря вряд ли меньше четырёх километров. Кислородное голодание продолжается. Я почти уже не обращаю внимания на тошноту и головную боль, эйфория восторга и предчувствие встречи с запредельным захватывает всё моё существо. Кто-то включает плеер, и горная дорога оглашается музыкой группы «Pink Floyd». Я всегда относился к этой группе доброжелательно, но только здесь, в безлюдных горах и долах Ладака я ощутил весь психоделический эффект этой музыки. Что там стереоэффекты! Жалкие и ничтожные игрушки... Здесь музыка «Pink Floyd» становилась органической частью пейзажа, соотносясь вместе с тем с состоянием слушателя и связывая воедино его, пейзаж и себя самой. Казалось, звучат сами горы...

Я не то чтобы дремлю, скорее меня посещают какие-то грёзы наяву. Вот я в одежде сановника маньчжурской династии Цин скачу на коне по бескрайней степи, вдали виднеются силуэты свиты. В голове появляется мысль: по повелению императора я еду в Лхасу к Далай-ламе с какой-то важной государственной миссией. «Я путь найду в Тибета плоскогорья чрез Кукунор». Антураж меняется, я наблюдаю сцену чего-то наподобие помазания на царство. С коня сходит рыцарь в турнирных доспехах. Он снимает шлем с плюмажем и держит его на полусогнутой руке. Его лицо сурово и непреклонно. Перед рыцарем появляется жрец в неведомой широкой белой мантии с тремя широкими красными полосами на подоле. Рыцарь склоняется перед седовласым бородастым жрецом на колени, а тот простирает над ним руки в немом благословении. Что всё это значило, я не знаю до сих пор. Может быть, и ничего. Ведь бывают же и просто сны, как говорится в известном анекдоте про Фрейда. Постепенно видения блекнут, головная боль слабеет, тошнота отступает, мы спускаемся в долину. Джипы останавливаются, и мы выходим немного поразмяться. Яки оказываются весьма трусливыми созданиями, при нашем приближении они бросаются в бегство, и сфотографировать их удаётся только издали. Снова джипы, ещё полчаса езды по долине, и вот привал с ночёвкой. Мы ночуем в палатках, а в особой палатке нам готовят замечательный ужин. Однако мы настолько устали, что хочется не есть, а спать. Рядом с нашими палатками стоит старый тибетский дом, перед входом висят цветные флажки, но это не украшение, а тексты мантр, которые читает ветер, проносимый по ложбине. Недалеко от дома нахожу много камней, что-то вроде обо, на камнях выгравированы слогги великой мантры бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары — «Ом мани падме хум». Позднее хозяева дома показывают нам, как

они доят коз, а утром обещают показать аналогичную процедуру и с яком, но почему-то забывают об этом.

Утром выбираюсь из душевной палатки на свежий, прохладный, почти холодный воздух. Я пробудился первым, на улице пока никого из нашей братии нет. Созерцаю пылающие под лучами восходящего солнца снежные вершины гор, фотографирую их (увы, фотография не передаёт и десятой доли утреннего величия гималайских пейзажей). Начинают выползать из палаток наши. Умываемся, чистим зубы, потом тибетцы приглашают нас зайти к ним в дом. Всё очень традиционно, просто как в учебнике этнографии, но подробности почему-то не запомнились. Садимся в джипы — и вперёд, снова под «Pink Floyd». Начинаются проверки паспортов: мы в приграничной зоне, близко китайская граница, а отношения Индии и Китая далеко не безоблачны, во многом как раз из-за Ладака, часть которого Китай (как считает Индия) незаконно оккупировал в конце 50-х или начале 60-х годов. Создаётся впечатление, что за каждым поворотом засело по пограничнику, чтобы проверять документы у заехавших сюда туристов. У самого озера к нам приставляют солдата, который должен следить за нами, пока мы любуемся пейзажами. Пробыть на озере нам позволяют не более часа (я сказал бы: ехали за семь вёрст киселя хлебать, если бы озеро не было действительно достойным объектом созерцания). Длинное, узкое, петляющее среди гор и холмов — то ли озеро, то ли река (слишком длинно и извилисто), то ли море — вода лазурной голубизны, словно в Средиземном море у берегов Италии. На берегу стоит походный храм-палатка пограничной заставы, увенчанный священным слогом ОМ. Захожу внутрь. О! Да тут целый храм всех религий, чтобы никому обидно не было (кажется, только ислам никак не представлен): олеографии Шивы и Дурги (индуизм), Мадонна с младенцем (христианство в его католическом варианте), портрет величественного старца с нимбом вокруг головы — догадываюсь, что это Гуру Нанак, основатель сикхизма. Суббатай Цеви был бы рад: границы между религиями стали призрачными, почти неразличимыми (это я сейчас об этом подумал, тогда ничего такого мне в голову не приходило). Час проходит незаметно, снова по коням, то есть по джипам, и в путь-дорогу обратно в Лех. А там уж скоро и из Ладака уезжать — через рериховские места в долине Куллу, а потом ещё Дели и Агра с Тадж-Махалом (на сладкое, так сказать). Прощайте, Гималаи, прощай Лех! Может быть, ещё увидимся? Как знать...

Сапфи́рной ясности родных пустот
Зача́тые в грехе не доверяли,
Естественность, невинность потеряли
Во власти суеты фальшивых ног.

Но из груди исходит тяжкий стон,
Предвестник обновления и свободы.
Янтарь на брег выбрасывают воды,
И жемчуга́ пучин лелеет сон.

Пары весны в себе скрывает лёд,

Мелодия в бездушном скрыта древе,
И в мумии бессмертие живёт.

Из шахт мерцанье видится высот,
Алмазный блеск в земном творится чреве,
Родится мёд в ячейках жёлтых сот.

ГЛАВА 7,

в которой благородные мужчины рассуждают о Христе и Анти-Христе, а также о Незнакомке и о многом другом

Итак, море пива было закуплено, и вечером в среду после самого что ни на есть обычного институтского дня я оказался на пороге квартиры моего друга у Пяти углов. Сергей, видимо, хорошо подготовился к моему приходу: во-первых, от него уже шёл легкий запах спиртного, смешивавшийся с ароматами хорошего after shave и сигаретного табака. Во-вторых, он явно читал что-то густо философское, и ему не терпелось поговорить об этом. Во всяком случае, не успев наполнить пивные кружки (у Сергея есть огромные полуторалитровые кружки, на которых нарисованы пивные бутылки и исполинские красные раки, специально предназначенные для подобных экзерциций), он уже поминал «картезианский театр» и что-то говорил о Расселе и Пирсе. Мы отпили пиво, и наш симпозион начался.

«Скажи, как ты определяешь солипсизм?»

«Как и все. Учение, согласно которому существую только я один».

«Хорошо. Но в таком случае представь себе, что случилась ядерная катастрофа и на планете остался ты один. Все остальные люди и даже животные погибли. Это солипсизм?»

«Нет, конечно».

«Правильно. Но значит, и определить солипсизм мы должны иначе. Это учение, согласно которому мой и только мой психический опыт и есть единственная реальность. Согласен?»

«Согласен. А чего это тебя вдруг солипсизм заинтересовал?»

«Люблю разгадывать философские шарады и ребусы. А солипсизм, как сказал Расселл, это учение, которое трудно как принять, так и опровергнуть. Короче говоря, опровержение солипсизма — прекрасное упражнение для ума, спорт такой, понимаешь».

«Ну и чего ты надумал?»

«А ты какие опровержения солипсизма знаешь?»

«Да никаких не знаю, кроме опровержения Дхармакирти у Щербатского, в переводе трактата “Обоснование чужой одушевленности”. Никогда, знаешь ли, особенно не интересовался. А под пиво это и вообще экзотично, знаешь ли».

«А зачем нам нужна обывательщина? Или предпочитаешь поговорить на тему “Ты меня уважаешь?”»

«Избави Господи».

«Ну и чудненько. Значит, Дхармакирти ты знаешь. Тогда оценишь моё опровержение».

«Ну?»

Сергей отхлебнул пива и начал: «Вот слушай. Допустим, солипсизм прав и единственной реальностью является мой и только мой психический опыт (непонятно, правда, зачем тогда я все это говорю и кому — тебя же нет, ты мне просто снишься, как и все остальное). Но нетрудно заметить, что я отнюдь не “бог таинственного мира”, который “в одних мечтах моих”, а скорее его раб. Если я голоден, я не могу усилием воли превратить камень в бутерброд с чёрной икрой. Значит, не я творец этого мира, этот мир мне задан. Я ВЫНУЖДЕН переживать его. Но это означает, что мой психический опыт не есть единственная реальность, что есть некто или нечто, задающее мне базовые параметры моего опыта. А значит, солипсизм опровергнут. Я не один, есть как минимум ещё одна сущность, причём высшего порядка, которая и задаёт мне основания моего опыта. Можно пойти и дальше. Раз установлено, что основания моего опыта трансцендентны ему и моей личности, вполне логично предположить, что “X”, задающий мне базовые параметры моего опыта, задаёт таковые не мне одному, а и другим наблюдаемым мной в опыте существам тоже. Следовательно, логично предположить, что они не есть просто феномены моего сознания, но за ними (феноменами) также стоят реальные психические субъекты и т.д. Вот тебе!»

«Прекрасно, Серёга! Ты просто Кант и Шопенгауэр, вместе взятые. Но позволь мне тогда выступить адвокатом дьявола и выступить в защиту солипсизма».

«Давай, валяй!»

«Солипсизм неопровержим, сударь мой. Обосновываю во вполне схоластической манере. Ты говоришь: “Единственной реальностью является мой и только мой психический опыт (непонятно, правда, зачем тогда я всё это говорю и кому)”. Я тебе объясню кому, можно придумать парочку целей (пририсуй в уме смайлик). Например, себе самому ради божественной игры с самим собой. Чем не цель? Твоё следующее заявление: “Если я голоден, я не могу усилием воли превратить камень в бутерброд с чёрной икрой. Значит, не я творец этого мира, этот мир мне задан”. Отвечаю: “Этот мир мне задан мною же самим, но, играя с собой по определённым правилам, я лишил себя памяти об этом и возможности менять правила до окончания игры”. Из этого твоего тезиса вытекает и опровержение солипсизма: “Раз установлено, что основания моего опыта трансцендентны ему и моей личности, вполне логично предположить, что “X”, задающий мне базовые параметры моего опыта, задаёт таковые не мне одному, а и другим наблюдаемым мной в опыте существам тоже”. Вот, получай по этому поводу: “Этот “X” — я же. Я сам себе трансцендентен. Я трансцендентный задаю основания опыта себе имманентному. Перед этим я разделился на себя трансцендентного и себя имманентного. А чтобы иллюзия заданности и нерушимости правил была максимально реалистичной, в моём опыте введены условные фигуры других подобных мне существ. Вот такой я парень, а тебя, сударь мой, и нет вовсе (ещё один смайлик)”. Ну как?»

«Хм-хм. Остроумно, конечно. Но несколько вымучено, согласишься, и маловероятно. Моё опровержение посolidнее будет. Впрочем, кого что убеждает. Согласен, что солипсизм, как и любую другую базовую философскую концепцию,

будь то идеализм или материализм, опровергнуть раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, нельзя, а только в большей или меньшей степени. По-видимому, неуязвимы только спептики древности с их эпохе и изостенией. Впрочем, солипсизм сам опровергает себя своей психологической недостоверностью. Помнишь, как Расселл получил письмо от некоей дамы-логика (ЛОГИКА!), которая писала ему, что она солипсист и удивляется, почему нет ДРУГИХ солипсистов! Унтер-офицерская вдова сама себя высекала, так сказать!»

«Ну, хорошо, убедил. Впрочем, это было совсем нетрудно, ибо я-то не солипсист и особого желания защищать это мировоззрение у меня нет. А если бы я был последовательным солипсистом, то тоже не стал бы полемизировать: охота тратить время на дискуссии с собственными галлюцинациями!»

Мы выпили ещё пива. Помолчали. Я почувствовал, что между нами появилась какая-то натянутость, чтобы не сказать напряжённость. Наконец я не выдержал:

«В чём дело, Серёжа? Что это у нас за минуты молчания?»

«Да знаешь... Не знаю даже, как тебе сказать. Тут один мой приятель очень хочет с тобой познакомиться, говорит, что по важному делу. Я знаю, что ты у меня сегодня расслабиться хотел, а не по делам говорить... Но он настаивал. А вдруг и, правда, что-то важное? Короче говоря, он должен придти с минуты на минуту».

Сердце ёкнуло в груди. Мысль: «Это неспроста. Ну ладно, zane, zane, zane, ouvre le chien. Будем откапывать зарытую собаку, значит». Вслух:

«Ну так пусть приходит, сделал дело — гуляй смело».

Сергей только вздохнул. Поговорили ещё немного «за философию», но как-то вяло. Минут через пятнадцать раздался звонок. Вот он! Сергей побежал открывать дверь, и вскоре в прихожей зазвучали два мужских голоса, один из которых был мне не знаком. Дверь в комнату открылась, и Сергей пропустил вперёд мужчину нашего возраста или немного старше. На нём была летняя футболка и черные джинсы. Лицо его я назвал бы несколько грубоватым. Говорил новоприбывший низким басом и достаточно самоуверенным тоном («я всегда прав и все вы должны слушать, что я говорю»). Впрочем, иногда такая самоуверенность свидетельствовала как раз о комплексе неполноценности и попытках замаскировать оную.

«Знакомьтесь, это Анатолий. Астролог, оккультист, герметист и прочее в том же роде. И отличный парень в придачу. А это Константин. Трансперсоналист, религиовед, востоковед даже отчасти. И тоже неплохой мужик».

Отличный парень бросил на Сергея не очень довольный взгляд и сказал: «Здравствуйте, Константин. Очень давно хотел познакомиться с вами, а сейчас это стало просто настоящей моей потребностью».

Мы поздоровались за руку и уселись. Сергей подлил пива нам с ним и принёс ещё одну кружку с бутылкой и раком Анатолию. Мы пригубили пенистый напиток, и Анатолий начал.

«Мне вообще-то посоветовал познакомиться с вами Георгий Леопольдович Троль, ну по поводу ваших институтских происшествий, вы знаете. Он изложил мне свою точку зрения на происшедшее, меня, откровенно говоря, не удовле-

творившую, и рекомендовал поговорить с вами как с человеком, у которого наверняка есть свои соображения...»

Тут я перебил Анатолия: «Вы уж извините меня великодушно, но мне хотелось бы, чтобы Георгий Леопольдович сам подтвердил свои рекомендации. Может быть, у меня паранойя развивается, но я настаиваю на этом».

«Хорошо, позвоните ему хоть сейчас. Моя фамилия Ерошин».

«Я так и поступлю, вы уж не обижайтесь».

«Совершенно не понимаю, о чём это вы говорите, но телефон в коридоре», — сказал Сергей.

Я вышел в коридор, включил свет, обнаружил телефон на столике у стены и набрал номер Тролля. Мне повезло, и в трубке раздался его голос.

«Здравствуйте, Георгий Леопольдович, это Ризин».

«Здравствуйте, Костя. Рад вас слышать».

«Я тоже рад слышать вас, Георгий Леопольдович. Простите, что беспокою. Тут я встретился с неким Анатолием Ерошиным. Он хочет поговорить со мной о некоем конфиденциальном деле и ссылается на вас. Вы действительно рекомендовали ему поговорить со мной?»

«Да, Костя, вы уж извините меня, что не предупредил заранее, как-то из головы вылетело. Поговорите с ним, мне кажется, он мог бы если не расставить точки над “i”, то уж, по крайней мере, продвинуть дело. Вы ведь наверняка тоже пытаетесь понять, что к чему. Особого секрета делать из всего этого смысла не имеет, уже пол-института знает. Я думаю, что утечку информации специально организовал Головачёв, чтобы посмотреть, что из этого выйдет и не выплывет ли кто-нибудь или что-нибудь. Так что всё в порядке, не беспокойтесь».

«Ну хорошо, Георгий Леопольдович, тогда всё в порядке, извините, всего доброго».

«Удачи Вам, Костя. До свидания».

Я вернулся в комнату. Сергей молча попивал пиво, Анатолий с отсутствующим видом глядел в окно.

«Хорошо, Анатолий, я поговорил с Троллем. Всё подтвердилось. Но скажите мне, у вас-то тут что за интерес, почему вы-то всем этим занялись?»

«Ну вот тут Сергей сказал, что я оккультист и герметист. Поэтому и заинтересовался, ибо дело это не совсем обычное».

«Тогда понятно, я тоже это допускаю, во всяком случае, на уровне мотива. Но уж я, с вашего разрешения, расскажу всё с самого начала, чтобы Сергей тоже понимал, о чём мы тут рассуждаем. Как я понимаю, если бы ты, Сергей, ходил в институт, а не сидел на даче, ты и так бы всё знал».

Потом я рассказал всё, то есть вообще всё — начиная от пересказанного мне Троллем разговора между Аванесяном и Ревуновым и кончая моими подозрениями относительно Ильи Гданьского. Когда я закончил, воцарилось молчание.

«Ну и дела у нас в институте... Да уж...», — только и проговорил Сергей.

Анатолий несколько минут задумчиво молчал, а потом произнёс: «Неслабо, неслабо. Но не уверен, что вы на правильном пути. Если Гданьский в этом деле и замешан, то только как простой исполнитель. Поскольку из вашего рассказа

следует, что Андрей вроде бы не может быть замешан, подозреваю, что мы не знаем, кто за всем этим стоит, хотя, так сказать, поле его влияния на события и на знакомых нам персонажей всё время ощущается. Хотя бы в том, что все, попавшие в сферу его влияния, вдруг начинают интересоваться каббалой и Саббатаем Цеви. Мощная личность. Ну что ж, пока оставим Андрея в покое, тем более что он всё равно в Москве, и доведём до конца версию Гданьского, может быть, куда-нибудь и придём... Но тот, кто за этим стоит... Не уверен, что он нам по зубам».

«Но кто же это?» — чуть не в один голос воскликнули мы с Сергеем.

«Имя и фамилию назвать вам не могу: если бы знал, не сидел бы здесь и не расспрашивал. А вот что это за личность, сказать могу. Только не падайте и не вызывайте психиатров, я вполне нормален. Это мессия или лучше сказать — антимессия».

Мы так и обомлели.

«Это что, Антихрист, что ли?» — спросил Сергей.

«Если под Антихристом понимать просто Зверя, воплощение сатанинских сил зла и разрушения, то, конечно, нет. Поэтому с вашего позволения назовём его лучше Анти-Христом, Христом с противоположным знаком, так сказать».

«А это не совсем ли то же самое, что и Антихрист?»

«Отнюдь нет. Антихрист, буде таковой имеет место быть, есть антитеза самому принципу мессии, это антимессия. Анти-Христос есть оппозиция Иисусу Христу, тому мессии, которого все мы Христом обычно только и называем».

«А что, были и другие Христы? Ты у нас не хлыст ли?» — пытаюсь пошутить, спросил Сергей (хотя всем было очень даже не по себе).

«Хлысты здесь совершенно не при чём. В принципе ваш Гданьский прав: мессия — это не один человек, а тип личности. Поэтому мессий (как и будд) было несколько, придут они и в будущем. Мессия, машиах, помазанник, христос — все эти слова указывают на царственную природу такой личности, на её способность царствовать в мире, оказывая решающее воздействие даже на ход истории. Если вы читаете фэнтези, то, наверное, вам знакома ещё не законченная эпопея Джордана “Колесо времени”. Так вот, в ней такие люди обозначаются придуманным Джорданом словом “та’верен”. Мессия — очень мощный та’верен...

Прав был Гданьский и относительно числа 165, оно явно связано, так сказать, с мессаианским циклом. Мы не можем судить о природе Мелхиседека или кумранского Учителя Праведности, данных нет, но о природе более поздних мессий — Иисуса и Саббатая Цеви — мы можем судить с определённой ясностью. Вы знаете о конфликте в Абсолюте, Безграничном Свете, в момент творения и о двух Светах — величайшей тайне, открытой нам пророком Саббатая, Натаном из Газы.

Иисус был воплощение Творящего Света, поэтому он видел свою миссию в спасении мира, в его возвращении в плерому Абсолюта, обожении. Именно в этом смысле он был воплощённым Логосом, ведь что такое Творящий Свет, как не Логос? Тем не менее он готов был спасти и ввергнутых в глубины преисподней небытия Драконов — Нетворящие Светы, ибо и они должны участвовать в обожении мира, будучи по природе своей так же, как и Творящий Свет, тождественны Абсолюту. Кстати, в древнееврейском языке слова “машиах”, то есть “мессия”, и

“нахаш” — “змий” имеют одну и ту же гематрию, то есть числовое выражение своего написания, а именно 358, и именно поэтому христианская церковь рассматривает вознесение Моисеем в пустыне медного змия своего рода пророчеством о Христе и предвестием его прихода. Как гласит предание, Иисус спустился в ад (то есть в преисподнюю техиру) в промежуток между крестной смертью и воскресением. Он предложил спасение Драконам, но они, судя по всему, отвергли его: во-первых, им немыслимо было само примирение с миром и творением, во-вторых, увы, гордыня: ну как принять спасение из рук своих пленителей?

Саббатай Цеви воплощал в себе природу обоих Светов. Отсюда его раздвоение личности, психологические изменения, ложно принятые Шоломом за маниакально-депрессивный психоз, стремление сочетать не сочетаемое. В пределе его миссия должна была привести к синтезу и примирению Светов и к их окончательной гармонии. Но личность Саббатая не была интегрирована, Драгоценное Древо не было создано, и он сокрылся, ушёл из мира, тогда как Драконы остались в своём заключении в преисподней. Дело Саббатая пытался продолжить Яков Франк, но с ещё меньшим успехом.

Кстати, помните эссе Борхеса “Третья версия предательства Иуды”? Не сомневаюсь, что Борхес написал его под влиянием святой апостасии, отречения Саббатая Цеви, о котором слепой библиотекарь узнал из книг Шолома. Саббатай Цеви, будучи иудеем и провозглашённый Мессией, перешёл в ислам, предал веру отцов. А о чём говорится в эссе Борхеса? Некий богослов сходит с ума, доказывая, что Христос — Иуда, а не Иисус. Ведь для искупления и доведения до конца умаления Сына Божьего тому было необходимо унизиться до предела и совершить самое гнусное преступление? Но что может быть гнуснее предательства, да ещё и предательства учеником Учителя? Его совершил Иуда, и именно Иуда — настоящий Христос, Мессия-искупитель.

Но сейчас для нас важно, что Саббатай Цеви воплощал в себе оба Света — как Творящий, так и Нетворящий.

И вот (допустим) в 1956 году рождается ещё один мессия, нам пока неведомый. Он является прямым антиподом Иисуса, ибо он — полное воплощение Нетворящего Света, без всякой примеси иного. Вместе с тем он испытывает определённую близость к Саббатаю, точнее, к “депрессивной” стороне его личности, образованной “драконьей” природой. Если Иисус стремился спасти и обожить мир, то этот “христос неизвестный” стремится к уничтожению творения, но не из-за “звериной” ненависти к бытию, а как юдоли страдания, сфере выявления сил зла и плода бунта Творящих Светов против Абсолюта. Если хотите, его лозунг — “добить, чтобы не мучился”. Но “драконий мессия” в значительной степени связан по рукам и ногам узами, наложенными Творящими Светами, удерживавшими его в бездне техиру. Теперь узы ослабли, и он явился в нашем мире, но они не исчезли совсем. Печать человеческой слабости лежит на всех его замыслах и поступках. Отсюда и стремление обрести ДМТ с магическим фулканеллином, чтобы прорваться в пространство свободы, разрушить древние узы, расправиться с творением (из сострадания, конечно, именно так он это и воспринимает) и вернуться в бесконечность до-мирного, вне-мирного и вновь

без-мирного Абсолюта. В этом случае все искры божественного Света, заключённые в вещах и существах творения, просто растворятся в субстанции Абсолюта, а всё прочее исчезнет подобно сну после пробуждения. И будет так же, как было — безграничный Свет и ничего кроме него и вне него. Вот с кем и с чем мы имеем дело, и вот подлинная причина и суть событий в вашем уважаемом учреждении».

Все сидели подавленные и оглушённые. Все объяснения Анатолия (сколь бы подготовленными к ним мы ни были) казались фантастикой. С другой стороны, наша причастность к событиям космического и даже сверхкосмического масштаба потрясала и также казалась невероятной. Ко всему этому надо было привыкнуть.

Между тем Анатолий продолжал: «Впрочем, вряд ли у него что-нибудь получится, хотя это и не должно нас успокаивать, ибо его провал, вполне возможно, будет свершен нашими руками. Вы спросите, почему у него ничего не выйдет (именно это и я, и Сергей, судя по выражению его лица, и собирались спросить)? Отвечу: судя по его поведению и характеру “каббалистической мании” у людей, попавших в сферу его влияния, он напрочь игнорирует Шехину, а без Шехины в его деле, как, впрочем, и в деле тиккуна, исправления мира, ничего сделать нельзя».

Вероятно, выражение лиц у нас было таким же, как если бы последнюю фразу он произнес на языке банту; поэтому Анатолий счёл нужным перейти к объяснениям. О пиве мы уже окончательно забыли.

«Натан из Газы в своём последнем трактате сформулировал так называемые “Три Узла веры”, что-то вроде Трёх Драгоценностей, если использовать буддийскую терминологию, истинного каббалиста-саббатянца. Эти Три Узла суть Господь, Бог Израилев, проявленный в сефире Тиферет/Красоты древа сефирот (“Бог моей веры”, как говорил сам Саббатай), Мессия (то есть, в данном случае, сам Саббатай Цеви) и Шехина, божественное Присутствие. Так вот Шехину-то наш Анти-Христос и игнорирует.

Шехина есть божественная имманентность, божественное присутствие в мире, сияние Божества в творении. Одновременно это есть женственный аспект абсолютного бытия, то, что гностики называли Софией или Энной, а даосы почитали как Таинственную Самку, Мать Поднебесной. После шевиры, “разбиения сосудов”, когда само бытие оказалось расколотым, а частицы божественного света были поработаны “скорлупами”, келишпот, сил зла, природа Шехины, тесно связанной с миром и божественным присутствием в нём, также раскололась, хотя Шехина и устояла в качестве треснувшей, но не павшей сефиры Малхут, Царственности. Раскол привёл к выявлению как бы двух ликов Шехины — божественной и небесной, которая была отражением и выражением Божества в женственной природе Малхут и падшей, ушедшей вниз, за пределы божественной плеромы. Эта падшая Шехина есть Невеста, единение которой с божественным Женихом будет знаменовать наступление тиккун и восстановление творения в его причастности божественной жизни. Именно для ускорения этой иерогамии, этого Священного Бракосочетания, и бодрствуют каббалисты в ночь

праздника Дарования Торы, читая мистическую “Книгу Сияния” — таинственный “Зогар”. И во имя этой иерогамии благочестивый каббалист сочетается со своей супругой в субботнюю ночь. Такая вот иудейская тантра, знаете ли.

Говорят, что падшая Шехина являлась несколькоим благочестивым каббалистам. Например, в XVI веке один из учеников великого каббалистического Льва — Ари, то есть Исаака Лурии, созерцал Шехину у Стены Плача в Иерусалиме в виде дамы в чёрном с заплаканными от горя глазами. Плодоносящим яблоневым садом назвал её другой великий каббалист той эпохи — Моисей Кордоверо.

Но не только каббалисты знают падшую Шехину. Гностики почитали её как Елену Троянскую, воплощение страдающей в темнице мира мировой Души. Говорят, что Аполлоний Тианский возил с собой некую деву, бывшую проститутку, выкупленную им из притона где-то в Финикии, кажется, которую он называл Энной, Божественным Разумением, и почитал как новое воплощение души прекрасной Елены, в свою очередь бывшую воплощением Вечной Женственности мироздания. Мировая душа — проститутка! Не великий ли символ Изгнания Шехины, её порабощения миром зла и страданий? Подлинный кеносис Вечно-женственного. Кстати, ведь и в тантре именно проститутки или женщины из низших каст считались наиболее полными выразительницами божественности женственного.

Наконец, Блок, унаследовавший идею двух Софий от Владимира Соловьёва, но придавший ей небывалую глубину своим поэтическим видением.

С одной стороны:

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твоё!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне остриё.

Она ушла, покинула поэта, теперь снова “она без мысли и без речи на том смеётся берегу”, и остаётся только молиться ей:

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

Это первая София, Премудрость Божия. Но её падшая ипостась здесь, с поэтом. Это Незнакомка, закатившаяся Звезда-Мария, отдающаяся незнакомым господам, страстная Фаина, Снежная Дева... И всё же и эта София-блудница несёт на себе печать неземного, ибо она душа этого мира и двойник той, высшей Души:

И странной близостью закованный,
Смотрю на тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Но довольно о поэзии. Короче говоря, для Анти-Христа Шехина как бы просто не существует, ибо относится как бы к эпохе творения, хотя и обладает божественной нетварной природой. А женщины не любят, ох как не любят, когда ими пренебрегают! Шутка, конечно, но в каждой шутке... Будем же надеяться, что Таинственная Самка остановит его разрушительные планы нашими руками».

Далее разговор перешёл в более прозаическое русло, и постепенно пиво снова стало пользоваться нашим вниманием. Даже Анатолий медленно потягивал его, рассуждая о планах операции «Мессия», как мы назвали наш детективный проект. В конечном итоге мы решили, что завтра-послезавтра я снова постараюсь увидеться с Ильёй под каким-нибудь благовидным предлогом и постараюсь через него выйти на след Анти-Христа (мне стало психологически гораздо легче общаться с Ильёй после того, как выяснилось, что он не маньяк и не безумец). Сергей должен был снова вернуться на дачу и там в тишине поразмышлять о других возможных нитях и зацепках, Анатолий взял на себя функции координатора, и мы с ним обменялись телефонами и имейлами. На этом мы и расстались. Не знаю, как остальные, а я чувствовал себя совершенно подавленным и даже раздавленным всем, сообщённым Анатолием, и временами мне начинало казаться, что всем нам пора на Пряжку, раз мы можем всерьёз даже обсуждать такие темы. Христы, Анти-Христы, Софии-проститутки... Бред какой-то. Но что-то во мне не позволяло просто отмахнуться от сказанного Анатолием. Когда же я хотя бы на мгновение всерьёз начинал верить в его версию, мне становилось страшно, очень и очень страшно. В конце концов, уже подходя к дому, я решил, что буду относиться к операции «Мессия» как к игре, и мне сразу полегчало. Ночь прошла на диво спокойно и мирно.

Ну а из следующей главы вы узнаете о том, что было дальше.

ИНТЕРЛЮДИЯ СЕДЬМАЯ

Вот сон, который в разных своих вариантах снится мне регулярно, из года в год.

Я стою у подножия высокого холма. Горой его назвать нельзя, это именно холм, но довольно высокий. Я знаю, что вернулся на место, очень дорогое мне по воспоминаниям детства. Наверху должен находиться водоём, большой ручей или речка с изумительно прозрачной чистой водой. В речке живут какие-то странные существа, которые привлекают мое внимание тоже с детства — то ли тритоны, то ли аксолотли, но очень симпатичные и милые. Иногда мотив изобилия воды, в которой можно купаться и ловить аксолотлей, и вообще становится доминирующей темой сна. Я знаю (во сне, разумеется), что мечтал вернуться в эти места много-много лет, но смог сделать это только теперь. Что-то задерживает мой подъём на холм, появляются какие-то препятствия (в некоторых вариантах сна я вообще брожу туда-сюда, созерцая холм издали и лишь мечтая вновь оказаться на его вершине).

На этот раз мне везёт. Я поднимаюсь на холм и переживаю чувство, близкое чувству человека, вернувшегося с чужбины в родной дом. Я смотрю на речку,

хочу подойти к берегу и понаблюдать за аксолотлями, но вдруг оказываюсь на самом краю вершины холма, под которой — пропасть (теперь холм как бы превращается в гору). Внизу на дне пропасти лишь с трудом можно рассмотреть домики некоего небольшого селения.

Я балансирую над пропастью, но не удерживаюсь и падаю. Страх — как и обычно во сне при падении. Но обычно я не просыпаюсь в этом месте сна. Приходит мысль: а чего, собственно говоря, я испугался? Это мой мир, и в нём я могу усилием воли делать всё, что хочу, здесь нет невозможного для меня. Я приказываю себе прекратить падение. Иногда я снова оказываюсь на холме (или благополучно приземляюсь внизу), и на этом сон кончается, плавно перетекая в какое-то другое сновидение, а иногда падение превращается в полёт, и я лечу всё дальше и дальше в небесной лазури воздушного океана, лечу над селением, над реками и лесами, лечу не в какое-то определённое место, а просто лечу... И в какой-то момент сон опять-таки плавно переходит во что-то другое, как правило, совершенно банальное.

Когда я просыпаюсь после этих сновидений, то на душе, как сказал поэт, «грустно и светло». Состоялась встреча с чем-то донельзя желанным и родным, с тем, о чём мечталось многие годы, но встреча оказалась эфемерной, а счастье — мимолётным. Казалось, что наконец-то после многолетней разлуки вернулся в родные места, а теперь вновь стал странником.

Родится мёд в ячейках жёлтых сот,
И штиль стихий безумство предвещает,
И пифия в беспамьятстве вещает
Предназначенья солнечных высот.

Из сердца помыслов река течёт,
К своим истокам возвращаясь вскоре.
Безмолвия в груди родилось море.
Непреходяще то, что не влечёт.

Молчание священного конклава,
Святой собор, божественный совет,
Создание извечного Стоглава.

Подвижником становится Варрава.
И духу плоть даст истинный ответ,
И Хаос возродится в бурной лаве.

ГЛАВА 8,

в которой повествуется о поездке в столицу и о новых надеждах и опасениях героев

Четверг и пятница прошли у меня совершенно спокойно. Сергей снова уехал на дачу, Анатолий не звонил, в институте ничего не происходило. В пятницу с работы я позвонил Илье и напросился к нему на работу в поне-

дельник под тем предлогом, что он сам как-то приглашал меня заходить, но у меня всё времени не было, а теперь вот летом я как раз мог бы... И прочее в том же роде. Короче говоря, условились, что я заеду к Илье в понедельник часикам к четырём. Он покажет мне свой кабинет, а потом сходим попить кофе в кафетерий поблизости.

Поскольку выходные попадали в зону вынужденного безделья, у меня возникла мысль съездить в Москву, навестить Андрея, рассказать ему о наших событиях и проблемах (опустив, конечно, всё про Христа и Анти-Христа) и посоветоваться с умным человеком, который как раз и в институте был в день ЧП. Для порядка я решил посоветоваться с Анатолием, но он куда-то исчез и мне пришлось оставить в конце концов сообщение на автоответчике. В нём я уже просто информировал Анатолия о своём решении съездить в Москву и поговорить с Андреем.

В пятницу во второй половине дня я набрал номер его телефона. Трубку быстро сняли, и я услышал голос Андрея. Я сказал, что собираюсь на завтра-послезавтра в Москву и хотел бы с ним повидаться. Андрей был крайне приветлив и отменно вежлив, даже предложил встретиться меня на вокзале, от чего я, конечно, отказался. Мы договорились, что я подъеду к нему в субботу к вечеру, и он продиктовал мне свой адрес. Предупредив Инну, что я уезжаю на выходные в Москву, я поехал на Московский вокзал, где без труда взял один купейный билет на скромный непретенциозный поезд (не «Красная Стрела» и не «Николаевский»), приходящий в Москву в шесть с небольшим утра, и в час назначенный отбыл в Первопрестольную.

Я всегда плохо сплю в поездах, а если поезд отходит в десять вечера и в шесть утра уже надо выходить из вагона, ни о каком сне не может быть речи вообще. Короче говоря, прибыл я в столицу нашей родины совершенно сонным, разбитым и вялым. «И какой чёрт меня сюда занёс и чего ради?» — было доминирующим чувством. Посидев часок на вокзале и понаблюдав вокзальную жизнь, около половины восьмого я сел в метро и доехал до станции «Таганская». Около метро уже открылись ларьки и киоски, я выпил двойной кофе (увы, просто растворимый «Нескафе») и позавтракал в китайской забегаловке «Хуанхэ» — при желании заказанное блюдо там упакуют в красивую картонную коробку, чтобы вы могли съесть его, где вам удобнее, дома или прямо на рабочем месте. Потом я снова отправился в метро, вышел на Охотном ряду и, посетив Красную площадь, направился прочь от неё по Тверской. У кинотеатра «Россия» я свернул в сторону и двинулся к саду «Эрмитаж».

Я часто ездил в Москву в 1992–1993 годах, когда столица напоминала скорее помойку, нежели центр великой державы. Потом я не был в ней несколько лет и был просто потрясён произошедшими переменами, когда вновь приехал в 1997 году: теперь я был в европейском городе ничуть не хуже, скажем, Берлина. Всё чисто, цивилизованно, комфортабельно. Конечно, всё понятно — и восемьдесят процентов российских капиталов, сосредоточенных в Москве, и возможность использовать для городских нужд федеральные средства, и прочее в том же духе. Но, тем не менее, эти деньги могли бы и не дойти до московских улиц, которые

теперь, как говорят, моют шампунем, а осесть в карманах каких-нибудь чиновников и близких к ним «бизнесменов». Что-то, наверно, и осело, но отнюдь не всё: всё же город ожил и был приведён в божеский вид. Другое дело, что эта российская Европа Москвой и ограничивалась: даже Питер, несмотря на все попытки сделать из него культурную столицу и место проведения саммитов, оставался провинциальной золушкой, пытающейся сделать макияж за счёт средств царственной прабабушки, изрядно истощившихся и поблекших за истекшие годы. Короче, порфиноносная вдова опять заткнула за пояс новую царицу, презиравшую её сверх меры за купеческое скопидомство и отсутствие имперского лоска. Увы, чем-чем, а отсутствием лоска теперь Москву не попрекнешь! Хотя, конечно, страшно далека она от всей прочей России (что её, кажется, однако не очень-то и беспокоит).

В Эрмитажный сад я направился ради некоего Клуба чайной культуры, открытого там неким энтузиастом чая и синофилом, решившим напоить российскую столицу лучшими чаями Поднебесной. Удовольствие весьма эстетское и дорогое, но стоящее своих денег. Внутри Клуба вы попадаете в странную атмосферу чего-то среднего между китайским храмом и кафе. О храме настойчиво напоминал аромат курительных палочек, пропитывающий всё заведение, а также статуи таких божеств, как буддийская Гуань-инь или даосский бессмертный Ли Тегуай. Ну и, конечно, Дамо — дзэнский патриарх Бодхидхарма, которого предание воспринимает как одного из отцов чайной культуры в Срединной империи. От кафе всё остальное, в том числе и магазинчик, в котором вы можете купить действительно ценные сорта китайского чая, некоторые из которых продавались по поистине баснословным ценам. Несмотря на некоторое вполне сознательное *chinoiserie*, оно, тем не менее, не переходило в дурновкусие, не становилось «китайщиной», поскольку хозяин всего этого чайного изобилия явно разбирался в китайской эстетике и прекрасно знал, где надо остановиться в экспериментах с экзотикой.

Я заказал чайничек приличного недорогого лунцзинского чая (всё равно пришлось отдать двести рублей) и прошёл в общий зал мимо увешанных парными каллиграфическими надписями пустых кабинетов. Приятная девушка принесла чайник исинской керамики, прочитала мне небольшую лекцию о китайском чае вообще и лунцзинском в особенности, приготовила первую заварку и, предупредив, что вторая и третья будут ещё лучше, оставила меня наедине с чаем и самим собой.

За чаем я провёл часа два и около часа пополудни покинул Эрмитажный сад, поехав в головной институт (надо же чем-то занять себя часов до пяти-шести). Я знал, что несмотря на уикенд институт будет открыт, так как в нём постоянно проводятся какие-нибудь платные мероприятия.

Институт располагался в самом центре Москвы, недалеко от Никитских ворот. Снаружи он представлял собой довольно большой купеческий особняк, но внутри являл собой несколько странное, а отчасти и предосудительное сходство со станцией метро, ибо ещё в период брежневского «застоя» был отремонтирован силами Метростроя и облицован мрамором в соответствии со вкусами и привычками этой почтенной организации.

Я был поражён обилием объявлений о разных коммерческих мероприятиях, висевших в вестибюле: семинары по холотропному дыханию с выдачей «международного сертификата», конференции по психологическим аспектам шаманизма «с участием шаманов и хилеров из Тувы, Бурятии и других регионов распространения традиционных форм шаманизма», курсы аутотренинга и подготовка беременных женщин к лёгким и безболезненным родам, группы «ребёфинга» (rebirthing — “возрождение”) для повышения уровня психологической интегрированности личности и так далее и тому подобное. И всё если не за астрономические, то за вполне приличные деньги. Вот где расцвет профессиональной коммерции! На этом фоне робкие потуги Георгия Тиграновича и Альберта Аввакумовича начать зарабатывать какие-то деньги для института выглядели робкими и наивными. Ну как же! Мы же бастион отечественного академизма! Впрочем, московский предпринимательский разгул казался другой крайностью. Неужели средний путь невозможен? Вопрос исключительно риторический.

Я прошёл по бесконечному коридору первого этажа мимо бухгалтерии и прочих служебных помещений, за которыми мрамор закончился и начались скромные побелённые стены, и по одной из лестниц поднялся на второй этаж, где сразу за импровизированной курилкой располагался отдел (это у нас сектора, а здесь отделы) изучения традиционных психопрактик. Как и можно было ожидать, отдел был пуст (какие сотрудники в субботу — выходные же!), но открыт, ибо за компьютером сидела лаборантка, кажется, Мила, которая писала диссертацию и по выходным ходила на работу, чтобы спокойно сидеть за компьютером.

С Милой я проговорил около часа, она рассказала мне все институтские сплетни и поведала о всех интригах в отделе и дирекции. Когда она немного выдохлась, я спросил её про Андрея. Она пожала плечами:

«Любимец отдела, не понимаю, что они (слово было выделено) в нём находят...» (из этих слов я понял, что воздействие харизмы Королёва было достаточно выборочным). «Он последнее время всё дома больше сидит, говорят, докторскую заканчивает. Ну так и пора, а то гений-гений, а всего-то кандидат наук... Недавно подходил к нему Славик Сердюков, предлагал организовать коммерческий инструктаж для руководителей групп йоги по кундалини и хатха-йоге, так тот его чуть не послал куда подальше. Не понимаю... То ли у него денег куры не клюют, то ли ему зарплаты хватает. Вообще-то, конечно, человек холостой...» (последнее было произнесено с оттенком обиды в голосе, из-за чего я пришёл ко вполне определённом выводу относительно источника неподверженности Милы влиянию харизмы Андрея).

«Холостой? — удивлённо спросил я голосом, исполненным наивности. — А я вот как-то звонил ему, и в трубке раздался женский голос...»

«А, это Полечка Моргенштерн, его двоюродная сестрица. Она всегда живёт в его квартире, когда он куда-нибудь уезжает, кота кормит. Он ведь тогда уезжал, не так ли?»

«Да, совершенно верно, как раз в Питер, где мы с ним и встретились».

«Да, это Полина, конечно».

На этом темы для разговора иссякли, я распрощался с Милой и прошёл по коридорам института. Отделы были или заперты, или использовались для семинаров и симпозиумов. А в большом конференц-зале звучали шаманские бубны, и доносилось что-то вроде горлового пения. Там явно проходил семинар с участием традиционных шаманов из Тувы и Бурятии. Было уже около четырёх. Поэтому я решил, что в институте уже убил довольно времени, вышел на улицу, нашёл первую попавшуюся забегаловку типа «фастфуд» и перекусил большим гамбургером с кока-колой, после чего направил стопы свои в сторону метро — к Андрею надо было ехать аж на «Юго-Западную».

Я сел в метро и проехал до конца длинную ветку, идущую через «Воробьёвы горы» мимо «Университета». От «Юго-Западной» предстояло проехать несколько остановок на автобусе — в Москве это для меня всегда некоторая проблема: кондукторов в автобусах практически не бывает, а где купить талончики, давно уже исчезнувшие в Питере как класс, неизвестно. Вот и на этот раз я проехал три остановки зайцем. Напротив остановки, как и было описано, стоял большой универсам, за которым и располагался дом Андрея. Я нашёл подъезд, набрал год, сим-сим открыл дверь, и я проследовал мимо консьержки (в Питере скорее экзотика, чем норма, а жаль) к лифту, который вознёс меня на десятый этаж. Оказавшись перед запертым входом в коридор, я нажал на кнопку звонка у числа 108. Прошло минуты три (я уже собирался звонить во второй раз), прежде чем в коридоре раздались шаги. Замок щёлкнул, дверь открылась, на пороге стоял Андрей, но, о Боже, кто б его узнал! Или мои глаза виноваты... Теперь мне и в голову не пришло бы счесть его молодым (по крайней мере, подумать, что он моложе меня): Андрей выглядел именно на свои сорок пять лет, ни старше, ни моложе. На нём были обычные синие джинсы и ничем не примечательная футболка. Однако глаза... Я понял, что, если буду вглядываться в его глаза, он снова покажется мне молодым и необычным. Кто-то сказал, что фраза «глаза — зеркало души» есть не что иное, как распространённое заблуждение. Скорее всего, это так, но не в данном случае: именно глаза Андрея были источником его харизмы, его необычного, я сказал бы даже, волшебного, обаяния. «А очи синие бездонные цветут на ДАЛЬНЕМ берегу»... И всё это без какого-либо оттенка сексуальности, даже без тени, без привкуса оной. Я не знаю, счастье или горе, обладание такими глазами. Впрочем, судя по жизни Андрея, его глаза ему не мешали, но и не помогали. Или он не пользовался своим обаянием в корыстных либо, по крайней мере, личных целях? Не знаю. Пока я бы решил, что скорее нет, чем да.

Разумеется, всё это промелькнуло в голове мгновенно, скорее как некое чувство, нежели как выраженное в словах и чётко оформленное суждение. Андрей протянул мне руку и повёл в квартиру.

Квартира была самой обычной, ничего особенного ни в смысле роскоши, ни в смысле бедности, ни в смысле экстравагантности, ни в смысле ординарности. Одним словом, квартира как квартира. Хорошая двухкомнатная квартира в приличном столичном доме. Только три портрета (два офорта, видимо, копии и одна фотография) на стене были достаточно необычными: один представлял собой изображение мужчины средних лет в восточном одеянии, с чалмой на голове,

окладистой бородой и грустными слегка меланхолическими глазами, второй — восточного же молодого человека с головой, покрытой покрывалом (таллит?), с тонкими усиками над верхней губой и большими выразительными глазами, на третьем (это была фотография) — опять-таки восточный человек (скорее всего, индеец), сидящий в позе лотоса. Увидев, что я смотрю на портреты, Андрей улыбнулся (его улыбка отнюдь не слащавая, хотя исключительно приятна) и сказал, что это Саббатай Цеви, его пророк Натан из Газы и индийский йогин и исследователь феномена кундалини Гопи Кришна. «По ним сразу видно, что меня интересует и чему я посвятил жизнь», — добавил Андрей.

Он спросил меня, долго ли я собираюсь пробыть в Москве и где я остановился. Я ответил, что нигде не остановился и что, скорее всего, прямо от него поеду на вокзал и ночным поездом вернусь домой. Тогда Андрей предложил мне переночевать у него, а домой вернуться завтра дневной «Авророй». Мне хотелось пообщаться с ним подольше, и поэтому я согласился (тем более что он сам это предложил), спросив, действительно ли я не помешаю ему и не создам каких-либо неудобств.

«Нет, какие неудобства... Мама умерла два года тому назад, Полина, её племянница, сейчас с семьёй на даче, в эти выходные я к ним всё равно уже не поехал. Дел у меня особых нет. Статью вот надо дописать, но это я попозднее сделаю, посижу немного за компьютером, надеюсь, вы меня простите».

Потом он ушёл на кухню заварить чай, а я достал из сумки коробку привезённых из Питера конфет и бутылку итальянского сухого вина. Разумеется, не лишил я себя удовольствия посмотреть и книги личной библиотеки Андрея, стоявшие на полках и стеллажах. Довольно внушительная библиотека, но ничего экстраординарного. В основном специальная литература, много книг на английском. Из беллетристики преобладали собрания сочинений русских и западных авторов XIX века, сподобившихся нимба «классиков». Сия коллекция была, скорее всего, собрана покойной Кларой Яковлевной благодаря стояниям в бесконечных очередях с записями номерков синим химическим карандашом на ладонях. Типично для интеллигентных семей 60-х.

Андрей вернулся с чайником и сразу же отреагировал на конфеты и бутылку. За конфеты он поблагодарил меня («есть грех, люблю сладкое»), а от вина вежливо отказался: «Пью только по особым случаям, вы уж меня извините великодушно». Я, конечно, извинил.

Мы попили чаю с конфетами, попутно разговаривая об институтских делах. Когда я упомянул ему про произведшее на меня впечатление количество их коммерческих проектов, он брезгливо скривился и махнул рукой: «Сделали из храма науки вертеп разбойничий и радуются».

После чая Андрей некоторое время развлекал меня разговорами на разные интеллигентские темы под музыку Высоцкого; последнее меня несколько удивило. Оказалось, что Андрей очень любит Высоцкого и ещё в 80-е годы собрал записи практически всех его песен.

«Держу пари, что эту Вы никогда не слышали, — сказал Андрей, перематывая кассету до определённого места. — Слушайте!»

Эту песню я действительно никогда не слышал. «Душ не губил сей славный муж...», «Его Иуда обыграл и в тридцать три и сто одно, он видел смерть, он видел дно!», — все эти и им подобные слова казались необычными для Высоцкого. Кеносис мессии... Бог, принявший «зрак рабий»...

«Что это за песня?» — спросил я Андрея.

«А, так значит, и вправду не узнали? Не слышали раньше, да? Хм... Эта песня должна была исполняться в фильме “Бегство мистера Мак-Кинли”, её должны были петь какие-то хиппи, на которых случайно наткнулся Мак-Кинли. Но в конце концов цензура песню забраковала, и она превратилась в раритет. Имейте в виду, что такое есть».

Наконец я почувствовал необходимость рассказать Андрею про наши институтские события и про мои подозрения относительно Ильи. Я рассказывал подробно, в течение получаса, если не дольше. Андрей слушал чрезвычайно внимательно, что не мешало ему машинально поглаживать огромного рыжего с белым котом («знакомьтесь, это господин Отто»), который появился неведомо откуда и улёгся Андрею на колени, издавая такое громкое мурлыканье, что можно было подумать, что работает небольшой моторчик.

Наконец Андрей вышел из ступора, в который его как бы погрузил мой рассказ.

«Значит, Илья... Вот бы не подумал... Я ведь его знаю, и про вас у него спрашивал, он и адрес ваш мне дал. А ведь да, я встретил его в институте в тот день: я как раз поднимался по лестнице вверх на встречу с вами, а он бежал сломя голову мне навстречу. Даже не узнал, хотя я с ним и поздоровался. Но я про это совсем было забыл: ваш обморок совершенно затмил в моей памяти всё, что было перед этим. И зачем это ему? В мессии пробивается? С головой не в порядке? И что вы теперь делать собираетесь?»

«Встречусь с ним в понедельник-вторник, поговорю. Осмотрю его кабинет, наверняка он хранит препарат там».

«Хорошая идея. Вы только не торопитесь, время есть. Представляя себе его психологию, могу с уверенностью утверждать, что раньше 9 ава по еврейскому календарю и позднее 19 августа, Дня Преображения Господня в православии, он принимать препарат не будет. А сейчас для него явно период подготовки. Поэтому можно осмотреться и действовать решительно, но осторожно и наверняка. А то, не дай Бог, вспугнёте его...»

«А что такое 9 ава?»

«Да что вы, Константин, уверен, что вы помните, запомнили просто».

«Ах, да... Пост, день разрушения Храма. Помню, помню».

«Правильно, но не только. По преданию в день 9 ава должен родиться Машиах, Мессия!»

«Да, он на этой идее слегка помешался. Да ещё его нумерология — символика числа 165, знаете ведь, не сомневаюсь».

«Да, знаю, знаю».

«Ну вот оттуда-то идёт его вера в свое мессианство: он 1956 года рождения, знаете ли...»

«Да, очень плохо дело. Я вот тоже с 1956 года. Ну и что?»

«Для нормального человека, конечно, ничего. Но если формируется мания...»

Так мы проговорили ещё час-полтора. Мои подозрения относительно Ильи (которые в последние дни несколько ослабли) снова укрепились и даже, более того, переросли в уверенность. Прямо в понедельник надо встречаться с Ильёй и брать быка за рога, думал я. Андрей казался искренне огорчённым всем услышанным и вместе с тем испытывавшим желание помочь всем, чем он может.

В конце концов я произнёс сакраментальную фразу о том, что утро вечера мудренее, и мы разошлись по комнатам. Спал я очень хорошим крепким и ровным сном.

Проснулся почти в десять. Хозяин явно встал раньше, ибо из коридора доносились какие-то звуки и шарканье ног в домашних тапочках. Я поднялся, свернул простыни, сделал элементарную лечебную гимнастику (у меня постепенно развивался остеохондроз, и позвоночник нуждался в тренировках), одел штаны и вышел в коридор, однако Андрея там не обнаружил. Не желая быть навязчивым, я пошёл приводить себя в порядок в ванную и уже совсем свежий и бодрый постучался в дверь второй комнаты, но никакого ответа не услышал. Из комнаты доносились приглушённые звуки музыки. Я слегка приоткрыл дверь и просунул голову в образовавшуюся щель. Андрей сидел в позе лотоса на полу на плотном коврикe и медитировал под музыку Моцарта (кажется, «Маленькая ночная серенада»). Я снова прикрыл дверь и отправился в свою спальню, не желая мешать ему. Впрочем, уже минут через пятнадцать он постучал ко мне и, пожелав доброго утра, сказал, что завтрак готов.

Чай-кофе мы пили на кухне. Андрей сказал, что занимается медитацией по системе классической раджа-йоги регулярно два раза в день. Я заговорил о более продвинутых, как я считал, динамических методах медитации, после чего Андрей поведал мне интереснейшие сведения о каббалистических медитациях во время купаний в море, которые практиковал Саббатай Цеви со своими учениками ещё до провозглашения его мессией. К сожалению, добавил Андрей, детали этой практики утрачены, и поэтому заниматься этим методом сейчас, видимо, нельзя. «Вот, если бы группы саббатанцев-дёнме в Турции сохранили что-нибудь из подобных форм самокультивации, можно было бы и возродить практику морских созерцаний, если бы, конечно, те что-нибудь рассказали чужаку». После этого Андрей рассказал мне про некоего барона фон Зеботендорфа, одного из оккультистов периода Веймарской Республики, а потом — эзсовца «внутреннего круга» периода Третьего Рейха, который в молодости был близок то ли к ариософам, то ли к идеологам «консервативной революции». Но как это ни странно для всей этой публики, первоначально, по крайней мере, сей господин вроде бы всё-таки не был антисемитом. Так вот, этот Зеботендорф, если в этом ему вообще можно верить, рассказывал пражским адептам, что получил ряд в высшей степени эзотерических посвящений в Турции от некоей саббатанской (дёнме) супружеской четы, причём некоторые из полученных им методов предполагали практику своего рода сексуальной йоги (наподобие методов карма-мудры индийской тантры). «Впрочем, — добавил Андрей, — даже если он врёт, то опирается на определённую традицию и во вранье, ибо в саббатанской линии Барухии Руссо, ко-

торый верил, что в него вселился дух самого Мессии после его оккультации, какие-то сексуальные ритуалы определённо имели место».

После завтрака мы прогулялись от дома Андрея до метро, съездили в центр, а потом он проводил меня на Ленинградский вокзал, где я без всяких проблем взял билет на «Аврору». Перед тем, как посадить меня в вагон, он ещё раз напомнил мне, чтобы относительно Ильи Гданьского я действовал решительно и осторожно («Осечка тут смерти подобна», — с лёгкой иронией произнёс он).

Купе «Авроры» весьма неприятно поразило меня тем, что в нём надо было сидеть «впритык» друг другу, да ещё и буквально лицом к лицу к своим vis-a-vis. Помучившись-помучившись в купе, я вышел в коридор и почти всю дорогу от Первопрестольной до Северной Венеции проходил взад-вперед от одного тамбура к другому.

Дома меня ждала Инна (Филиппа дома не было, всё мотается где-то со своими приятелями), которая сразу же сказала, что мне много раз звонил некто Анатолий, буквально трубку оборвал. «Так вот, — добавила моя благоверная, — звонить этому Анатолию больше не надо, он на даче, но завтра в полдень придёт в институт, чтобы поговорить с тобой, это очень важно для него, очевидно». Ну, завтра так завтра, доживём — увидим. Да и утро вечера мудренее.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВОСЬМАЯ

Как я уже рассказывал, поздней осенью 1982 года я познакомился со студентом философского факультета Александром Ивановым, который надолго стал моим настоящим гуру. И хотя очень скоро мне стало ясно, что мистический опыт и йогические подвиги Александра в значительной степени являются плодом его воображения и средством эмоционального воздействия на впечатлительных девиц, общение с ним было весьма полезным. Благодаря ему я всерьёз взялся за индийскую философию и вскоре уже проработал множество книг — от Радхакришнана и Чаттерджи и Датта до Дас Гупты и статей в специальных журналах. Он же устроил меня в группу здоровья, в которой занимались самой что ни на есть настоящей хатха-йогой. Короче говоря, он открыл для меня Индию или способствовал такому открытию. Я продолжал общаться с Александром многие годы, хотя сан моего гуру он носил лишь год: позднее, как сказала одна из его знакомых: «Сашка стал православным и начал пить водку», — а в таком качестве он стал мне уж совсем неинтересен. Последнее, что я о нём слышал, — он стал инструктором китайской дыхательной гимнастики ци-гун.

Самый первый период нашего знакомства иногда сопровождался довольно любопытными явлениями, некоторые из которых остались для меня загадочными даже сейчас.

Декабрь 1982 года. Мы сидим на кухне квартиры Александра и пьём чай с вареньем. Он рассказывает, какое впечатление произвела на него читанная им в самиздатском варианте книга Лилли «В центре циклона». Мать Александра, Лариса Сергеевна, время от времени появляется на кухне и подливает нам чай, хотя к нашим разговорам относится с явным неодобрением: Лариса Сергеевна

работает в обкоме комсомола и интересов своего сына никак не разделяет. Всё тихо, спокойно: чай как чай, варенье как варенье, Лилли как Лилли...

Вдруг я чувствую, что со мной что-то неладно. Причём неладно всерьёз. Какая-то сосущая пустота в области солнечного сплетения, дыхание становится всё более затруднённым, слабость: с одной стороны, мне не хватало воздуха, а с другой — я чувствовал, что вот-вот свалюсь на пол. Наконец я с трудом произношу: «Мне плохо, кажется, я умираю, мне дышать нечем». Александр берет меня под руки и ведёт (скорее, тащит, ибо мои ноги подкашиваются и меня не держат) в большую комнату, «гостиную». Там темно, свет он не включает. Александр укладывает меня на тахту и, наклонившись ко мне, начинает делать над телом какие-то пасы, иногда весьма длинные, буквально от моего темени до ступней. Но самое интересное, что я совершенно отчётливо чувствую какие-то потоки энергии, какое-то поле, возникающее между его ладонями и моим телом, чуть ли не лёгкие электрические разряды, пробегаящие по моим конечностям, да и другим частям тела тоже. Через несколько минут мне определённо становится легче, дыхание нормализуется, слабость отступает. Александр делает ещё несколько пасов и останавливается, я присаживаюсь на тахте, переходя из положения «лёжа» в положение «сидя».

«Скорее всего, это воздействие энергии, накопленной мной прошлой ночью во время длительной коллективной медитации. Давай немного помедитируем вместе», — сказал Александр. Я сажусь в сукхасану (то есть в позу «по-турецки», в падмасане я ещё сидеть не умел), но медитация, что называется, «не идёт». У Александра, кажется, тоже. Наконец он включает свет, мы возвращаемся на кухню, пьём ещё по чашке чая (Александр начинает рассуждать о разных формах энергетического дисбаланса). Потом я откланиваюсь и ухожу, иду домой пешком под всё усиливающимся снегопадом. Теперь я чувствую себя прекрасно, а в голове мысль: «Вот пусть только кто-нибудь скажет мне, что никакой праны нет. Теперь-то я на собственной шкуре знаю, что она есть!!!»

Дома я немного почитал что-то о буддизме, помедитировал немного и лёг спать. Настроение у меня было превосходным, я был вдохновлён на новые подвиги...

И Хаос возродится в бурной лаве,
И оплетёт гроб дикий виноград,
Спускается на землю Божий Град,
Трубят менады царственной облаве.

Освобожденье рыцарь дарит даме,
Зелёным буйством разгулялся май,
Сияньем солнца залит бедный край:
Конец пришёл мистериальной драме.

Благоуханье роза источает,
Голубизной одето всё вокруг,
И чернота земли лазурь за блеск прощает.

И Кану брачную живое чаёт,

Миров парящих лучезарный круг
Венцом нетления земля венчает.

ГЛАВА 9,

в которой один благородный муж выслеживает другого, а также о том, чем эта слежка закончилась

Анатолий появился в институте ровно в полдень. Мы вышли с ним на лестничную площадку, служившую также курилкой, и сели на старые-престарые складные стулья. Анатолий начал с расспросов о Москве. Я достаточно подробно рассказал ему и об институте, и о моём визите к Андрею, подчеркнув, что Андрей добавил новые основания подозревать Илью и что теперь важно выяснить, на кого, так сказать, Илья может работать. Анатолий выслушал меня очень внимательно и, как мне показалось, хотел ещё что-то спросить или сказать по поводу моей истории, но не сделал этого.

«Хорошо, хорошо, слава Богу, всё нормально. А то, откровенно говоря, я даже встревожился, когда узнал, что вы поехали в Москву, не посоветовавшись со мной. Итак, когда вы собираетесь навестить вашего приятеля Илью?»

«Сегодня или завтра. Я позвоню ему прямо при вас, если хотите, и договорюсь о встрече. Но вот что бы придумать в качестве мотива? А то или забеспокоится, или подумает, что я долг с него хочу получить раньше срока...»

«Вы говорите, что головной институт предлагает какие-то семинары психотерапевтического характера? Вот и предложите ему поучаствовать в тандеме в какой-нибудь из этих программ. Может быть, он и вправду заинтересуется».

«Отлично, Анатолий, я так и сделаю. Пойдёмте, позвоним ему».

Илья снял трубку сразу же, буквально после первого гудка: или сидел близко от телефона или ждал звонка.

«А, это ты... Частенько мы с тобой стали общаться».

«А что, это плохо?»

«Да что ты! Наоборот! Только странно, иногда мы годами не общались».

«Так ты тоже последнее время контактируешь со мной чаще обычного. То домой заходишь, то в институт, то срочно позвонить просишь. Значит, карма такая, общаться нам надо».

«Ну, я-то этому только рад».

«Ну и чудненько. Я тут только что из Москвы вернулся, и появился предмет для разговора из области грантов и проектов. Скажи, не мог бы я заехать к тебе на работу сегодня-завтра?»

«Как ты сегодня около четырёх?»

«Очень хорошо, непременно буду».

«Тогда пока, до встречи».

«Пока».

«Ну вот, договорились на сегодня, — сказал я Анатолию. — К четырём поеду к нему на работу, посмотрю, не может ли он хранить вещество у себя в кабинете. Может быть, он обмолвится или ещё как-нибудь себя выдаст».

«Да вряд ли. Хотя попытка, конечно, не пытка, как сказал Иосиф Виссарионович Лаврентию Павловичу. Вы уж постарайтесь побыстрее проработать эту версию, как говорят детективы-профессионалы. Надо завершать работу в этом направлении. Время поджимает, а я чувствую, что собака зарыта совсем не там».

«А где?»

«Вот этого я не знаю. Что же касается подозрений... Подождём пока с подозрениями, хорошо?»

Меня распирало любопытство, но я согласился: «Хорошо, подождём».

На этом мы с Анатолием распрощались, я проводил его до дверей и пошёл в библиотеку проглядеть последние журналы (увы, ни одного номера позднее апрельского я там не обнаружил). Около трёх я ушел из института и не торопясь отправился в сторону психотерапевтического центра «Асклепий». В голове крутились две странных поэтических строки (футуризм какой-то, но надо придумать к ним первые две строки, эти явно заключительные):

Голографично упоительна
И гиперссылочно сложна.

Интересующий меня храм душевного здоровья представлял собой симпатичный особняк, уютно расположившийся в огороженном саду на Каменном острове недалеко от питерского онкологического центра. Погода была прекрасной, жарко, солнечно, совсем не по-северному летней. В каменно-островских кущах было прохладно и убаюкивающе спокойно, тихо, идиллически. Здесь трудно было представить себе, что находишься не на даче, а практически в центре огромного мегаполиса. Тенистый парк, пруды, игра воды и резных теней пышной листвы. Неужели здесь, в самом средоточии мира и летней благодати, скрыта угроза самому существованию мира? Нет, бред всё это. Мне надо не Шерлока Холмса изображать, а попроситься к Илье на лечение. И отдохнул бы наконец помимо всего прочего... Конечно, всё это были одни эмоции, никакого лечения (и от чего?) и санаторно-курортного времяпрепровождения я позволить себе не мог. Увы! «И вечный бой. Покой нам только снится».

С этой строчкой российского почитателя Тайнственной Самки Поднебесной я подошёл к крыльцу особняка, у двери которого висела весьма уважаемая табличка: «АОЗТ "Психотерапевтический центр 'АСКЛЕПИЙ'"». Я взялся за ручку двери и потянул её на себя. Она не поддавалась. Тогда я обнаружил кнопку звонка над кодовым устройством и позвонил. Замок щёлкнул, и дверь автоматически открылась. Я вступил внутрь храма эллинского бога врачевания.

Прямо передо мной располагалось несколько ступеней, отделанных мягким покрытием, приглушающих звук шагов. Они вели ещё к одной двери. Она была отперта, и я вошел в коридор, оказавшись сразу же перед вахтёром, за спиной которого висела доска с ключами от помещений клиники.

«Вы к кому?» — осведомился дюжий вахтёр, вполне подходивший бы на роль секьюрити какого-нибудь банка.

«К Илье Марковичу Гданьскому, по личному делу, он меня ждёт».

«Да, он предупреждал. Пожалуйста, по коридору направо, потом налево, четвёртая дверь от поворота». Сказав это, вахтер снова погрузился в созерцание телефонного аппарата, занятие, от которого я отвлек его своим приходом.

Центр «Асклепий» производил приятное впечатление уюта и респектабельности. Никакой роскоши, но всё удобно, чисто, светло, напоминает качественную трёхзвёздочную гостиницу в Париже, вроде отеля «Карофель» на Rue de Gobelens, в которой я жил неделю года четыре тому назад. Очень мило.

Я без труда нашёл кабинет Ильи («Илья Маркович ГДАНЬСКИЙ, кандидат медицинских наук, психотерапевт») и после того, как тот ответил на мой стук в дверь, вошёл внутрь. Илья, облачённый в белый халат, сидел за компьютером и явно играл в какую-то игру, а не изучал истории болезни своих пациентов. Он кртанулся на своём вращающемся кресле и с улыбкой поднялся мне навстречу.

«Привет, привет! Рады видеть в наших Палестинах!»

«Тогда привет с западного берега реки Иордан и полосы Газы!»

Илья хмыкнул: «Ты что, арабом заделался?»

«Отнюдь! Но ты ведь сам сказал, что здесь Палестины».

«Ну ладно. Хочешь чаю?»

Я действительно хотел чаю, и Илья звончком вызвал медсестру, которая принесла нам по чашке чая и печенье. Пока она доставала сахар (сам я никогда не кладу сахар ни в чай, ни в кофе) и чайные ложечки, я оглядел кабинет Ильи. То же покрытие на полу, стеллаж с медицинскими справочниками и рабочими файлами (то бишь пластиковыми папками), два кресла, удобная односпальная тахта и сейф, который меня заинтересовал больше всего: не здесь ли пребывает легендарный ДМТ-Ф? Сейф казался достаточно простым, без всяких там хитростей с шифрами и сигнализацией. В его скважину был даже вставлен ключ! Вот бы заглянуть внутрь... Но пока ничего не получится, нельзя!

Во время чаепития мы говорили о всякой ерунде, в том числе о статье Ильи, опубликованной с месяц тому назад в газете «Петербургский ЧП», где речь шла о сексопатологии как факторе творчества и о перспективах издания полного собрания сочинений Юнга. Утолив жажду, я перешёл к делу, якобы приведшему меня в «Асклепий».

«Так вот, я вернулся из Москвы, где побывал (правда, в субботу, почти никого не застал) в нашем головном институте. Там просто какой-то разгул коммерциализации науки, семинары с камланиями и камлания с защитами диссертаций. Что-то вроде этого. Но кое-что и интересное есть, я думаю, кое в каких проектах можно было бы и поучаствовать, а там и грант какой-нибудь получить от дядюшки Сороса или от РГНФ. Что бы тебя заинтересовало? Идея включить в проект практикующего психотерапевта, да ещё из частной клиники... Это явно был бы большой плюс...»

«Костя, откровенно говоря, вряд ли меня что-нибудь из этого заинтересует. Я сейчас и так совершенно зашиваюсь с проектами, в которые имел глупость залезть... Причём проекты-то совершенно безденежные, я больше за бумагу плачу, на которой материалы распечатывать приходится с принтера. Впрочем... М-м-м-м...» (тут Илья впал в ступор задумчивости, задрал голову и подставив солнцу свою

медную бороду, от чего она стала совсем рыжей). «Знаешь, впрочем, это все равно не сейчас, а так на будущее... , но имей в виду, если заинтересуешься. Мне тут приходила в голову идея, всё не могу её обкатать как следует, что Гроф дал маху со своими перинатальными матрицами. То есть соответствующие переживания есть, конечно, кто спорит, но они отнюдь не столь фундаментальны. Даже точнее, эти БПМ есть лишь элемент некоего классификационного ряда. Например, Гроф связывает переживание аполлонического экстаза, расширения сознания с БПМ-1, переживанием блаженного единения плода и матери во время беременности. Чёрта с два! На самом деле это вполне самостоятельные, но типологически близкие переживания, переживания одного и того же ряда, и задействование одного из них, например, переживания внутриутробного блаженства во время сеанса холотропного дыхания, включает механизм задействования и других переживаний того же типа. Подобное, так сказать, — к подобному! Понимаешь? Поэтому дело не в БПМ, а в базовом признаке, отделяющем данный тип переживаний от всех переживаний другого типа. И никакой первичности перинатальных матриц! Поэтому в принципе можно было бы подать на грант (пригласив ещё пару москвичей, а то и ребят, временно трудящихся в дальнем зарубежье) по теме, скажем, «Типология трансперсональных переживаний и границы БПМ» или что-нибудь в этом роде, ты лучше сформулируешь. Ну, как, может пойти?»

Идея была явно богатая, и меня даже удивило легкомыслие, с которым Илья здесь мне её обнародовал, — совсем не думает мужик о приоритетах и интеллектуальной собственности. Ну, со мной-то, конечно, можно. Но вообще же...

«Отличный проект, Илья. Но вижу массу препон и трудностей. Во-первых, если у нас в институте Альберт Аввакумович узнает, что мы на Грофа наезжаем, он все свои связи реализует и фиг с маслом мы получим, а не грант. Во-вторых, все ушлые в плане коммерции москвичи являются вместе с тем какими-то совершенно наивными романтиками грофианства. Так что с участием москвичей будет проблематично. А без москвичей по нашей тематике грант получить совершенно нелегально. Но в принципе здорово (мне и вправду понравилось: вот разберемся с Анти-Христом и спасём мир в очередной раз (смайлик, конечно), тогда надо будет этой темой всерьёз заняться и написать толстый-претолстый волюм под титлом, скажем, «Критика трансперсональной методологии и классификация изменённых состояний сознания»). Я это всё обдумываю и пообкатываю на разных академических тусовках, спасибо тебе за предложение».

«Ну хорошо, имей в виду. А теперь, раз уж ты пришел сюда, я расскажу тебе про клинику и покажу самое интересное. Хочешь?»

«Само собой!»

Это действительно был подарок судьбы. Надо знать, что представляет собой это заведение, особенно если придётся пытаться проникнуть сюда, так сказать, нелегально.

Между тем Илья начал: «Должен сказать, что это весьма престижное и дорогое, по крайней мере не дешёвое, заведение. Но вместе с тем мы обеспечиваем действительно качественное лечение и решение различных психологических и отчасти экзистенциальных проблем. Конечно, мы здесь не лечим буйных ду-

шевнобольных. Но шизофрения в состоянии рецессии, реактивные и маниакально-депрессивные психозы, а также различные формы расстройств психопатического характера — это наша стихия. Мы сочетаем традиционные медикаментозные методы лечения (есть у нас тут любители вколоть чего-нибудь по сильнее) и психотерапию, включая психоанализ и юнгианские методы психической интеграции. У нас, например, есть один доктор, который разработал великолепные психотерапевтические методики на основе дзэнских коанов, пользуется большим успехом. Больных у нас не очень много, мы предпочитаем качество количеству. Часть наших пациентов лечится стационарно (палаты рассчитаны на одного, двух или трёх человек — по желанию пациента и в зависимости от характера заболевания: скажем, в состоянии депрессии зачастую полезно побыть в небольшой компании), но гораздо больше амбулаторных больных. Например, по вечерам, после шести, мы проводим групповые психоаналитические сеансы. На первом этаже у нас, как ты видишь, кабинеты врачей и административно-хозяйственная часть. На втором — лечебные кабинеты, физиотерапия, комнаты для групповых занятий, бассейн и столовая. На третьем — палаты стационарных больных, туда посторонних, ты уж меня извини, не пускают. А вот на второй этаж — пойдём, тебе понравится».

И мне действительно понравилось. В этой клинике хотелось лечиться, более того, в ней хотелось отдыхать. А лазурная вода бассейна и вообще повергла меня в восхищение. Кабинеты для занятий групповым психоанализом были рассчитаны человек на десять, может быть, пятнадцать (реальные группы гораздо меньше, сказал Илья). Одним словом, всё очень здорово. После этой экскурсии Илья проводил меня до входной двери, я попрощался с ним и кивнул вахтёру, ответившему мне довольно любезной для его физиономии улыбкой. На улице я обратил внимание на объявление, вывешенное на небольшом элегантном стенде: «Занятия групповым психоанализом переносятся на вторник и четверг. Начало в 18.00».

Очень хорошо! Вот в четверг в шесть я сюда и наведуясь... инкогнито!

Короче говоря, я надумал проникнуть в кабинет Ильи в нерабочее время (когда он будет проводить сеанс группового психоанализа) и проверить содержимое его сейфа. Я понимал, что этот план находится в прямом противоречии с законом, но не видел другого пути разобраться с этим делом.

В четверг около шести вечера я подошел к воротам центра «Асклепий», к которому уже направлялись небольшими группами или по одному достаточно rispetабельно выглядевшие господа, явно шедшие для облегчения своей души (сиречь подсознания) посредством процедуры, разработанной некогда в Вене доктором Фрейдом и усовершенствованной его учениками и последователями. Я присоединился к одной небольшой компании и вместе с ней вошёл в центр, кивнув вахтёру, который должен был опознать меня как личность знакомую. Теперь самое главное — не налететь на Илью до начала сеанса.

Повезло, не налетел. На втором этаже, помявшись немного среди рассредоточившихся по коридору пациентов, я незаметно шмыгнул в туалет и заперся в кабинке. Когда мои часы показали 18.15, я выглянул в коридор и об-

наружил, что он пуст: сеансы начались. Я как ни в чём не бывало спустился на первый этаж и уверенной (как мне казалось) походкой пошел к кабинету Ильи. Постучал в дверь. Никакого ответа. Дернул за ручку. Увы, дверь не открылась (впрочем, это было бы слишком большой удачей, если бы Илья, уходя на сеанс, не запер бы её). Во всяком случае, я был готов к такому повороту событий; теперь самое главное, чтобы у вахтера на щите оказался дубликат ключа от кабинета.

Вахтёр был погружен в чтение какого-то бестселлера. Мне пришлось оторвать его от этого занятия.

«Здравствуйте, я пришёл к доктору Гданьскому по делу (вы знаете, что я уже к нему приходил), а он уже ушёл на группу и я не успел его поймать до сеанса. Сейчас, как вы понимаете, отвлекать его никак нельзя. Ждать, когда сеанс кончится, я тоже не могу. А в кабинете лежит важная вещь, приготовленная для меня... не могли бы вы дать мне ключ? Если хотите, пойдёмте туда со мной...» (расчёт был на то, что вахтёр не может оставить своё место привратника).

Вахтёр оторвал свой взгляд от бестселлера и вперил меня свой глаз-алмаз. Я выдержал его орлиный взгляд, не моргнув. Вахтёр лениво потянулся к щиту, снял с него какой-то ключ (удача!) и молча протянул мне.

«Спасибо Вам огромное! Просто не знаю, как...»

«Только побыстрее, пожалуйста», — только и вымолвил он.

Я бегом кинулся к кабинету. Дверь без всякого труда открылась, в кабинете, как это и предполагалось, никого не было. Я бросился к сейфу. Увы! Ключа в нём не было. Обливаясь потом (страшно потею от волнения), я стал шарить по ящикам стола Ильи и наконец обнаружил какую-то связку ключей (главное, не забыть снова положить её на место!). Снова к сейфу. Один ключ — не то, второй — опять не то, третий ключ... Раздался шелчок, и сейф легко раскрылся, допуская меня в свои недра. Грандиозно!

Бумаги, бумаги, какие-то пластиковые карточки, кандидатский диплом, ещё какие-то документы, ампулы промедола, шприцы, снова ампулы чего-то наркотического (вот зачем ему сейф!) и, увы, никаких склянок с чем-либо, даже отдалённо напоминающим ДМТ-Ф.

«Объясни, пожалуйста, что здесь происходит», — раздался прямо у меня над ухом вполне уравновешенный голос Ильи. Я как ошпаренный отскочил от сейфа, сердце, как говорится, ёкнуло и обмерло, а душа ушла в пятки, готовая покинуть моё брренное тело.

«Ты... ты...», — залепетал я.

«Ну, конечно, я. А кого ты, собственно, ожидал встретить в моём кабинете? Чёрта рогатого, что ли?» Голос Ильи звучал не зло и даже не раздражённо, скорее, как-то даже, наоборот, вкрадчиво.

«Но ты же должен был быть на группе?»

«А с чего ты вообще взял, что я сейчас веду группы? Я этого тебе не говорил. Принял желаемое за действительное? (именно это, боюсь, и произошло). Ты лучше объясни, что ты здесь делаешь и почему потрошишь мой сейф? Не промедол же тебе нужен, в самом деле. Подозреваю, что этого добра и у вас в ин-

ституте навалом... Ладно, не волнуйся, милицию не вызову. Лучше садись в кресло и расскажи мне всё, а я чай заварю, сестра, увы, уже ушла (кстати, вполне мог на неё нарваться, она иногда тут до ночи за компом сидит)».

Мне ничего не оставалось, как принять приглашение Ильи. Видимо, пришло время поговорить с ним начистоту. Илья аккуратно закрыл и запер сейф, отнёс ключи от него на место, забрал ключ от кабинета и вышел, явно для того, чтобы отдать ключ вахтёру.

Он вернулся через пять минут, катя перед собой поднос с чайными чашками, сахаром и прочим, необходимым для чаепития. Я же провёл это время в полной прострации, ничего не соображая и ничего не обдумывая.

«Хорошо, пей чай, приходи в себя и рассказывай. У меня ведь намётанный глаз, я уже в прошлый раз догадался, что твои визиты ко мне имеют какой-то скрытый смысл и что самого главного ты не договариваешь. Я, конечно, никак не ожидал того, что произошло, но и не чрезмерно удивился, увидев, что ты делаешь. И знаешь, поскольку ты явно не псих (по крайней мере, не клинический), я буду настаивать, чтобы ты объяснил мне, в чём дело. За шпиона ты меня принимаешь, что ли?»

«Делать нечего, бояре», — подумал я и рассказал Илье всё как на исповеди или на том же психоанализе, тем более что теперь я был уверен, что Илья не имеет никакого отношения к «делу о хищении психоделика» и мог скорее рассчитывать на его помощь, чем на помехи с его стороны. Закончив, я в изнеможении, смешанном с облегчением, откинулся на спинку кресла. «Уффффф!»

«Я не ел мыла!» — довольно патетическим тоном воскликнул Илья.

«Чего?» (неужели я ошибся, и он вор-зомби, теперь обнаруживающий признаки безумия?)

«Да это из одного старого “Фитиля”. Там одному бедолаге приснилось, что соседи по коммуналке поймали его, будучи уверенными, что он украл и съел общественное мыло, и теперь собираются разрезать ему живот, чтобы извлечь похищенное».

«А-а», — с облегчением произнес я и снова испытал облегчение.

«Теперь и ты это понял?»

«Да, увы. И сожалею, что устроил весь этот цирк, так ничего и не выяснив. Что посоветуешь?»

«Понимаешь, кража препарата есть факт, и тут уж ничего не попишешь. Всю эту вашу мистику с христами-антихристами я и вообще бы отмёл с порога, если бы не некоторые обстоятельства, действительно странные. Это наваждение с каббалой и саббатизмом, например, которому и я подвергся. Кстати, учти, что в тот день я по лестницам в институте не бегал, а Андрея встретил внизу у зеркала, это он что-то перепутал. Подозреваю, что мы столкнулись с мощным и просто мистическим по характеру гипнотическим воздействием. И у тебя, и даже у меня что-то в памяти и в способности суждения в пределах, так сказать, поля “дела о хищении психоделика” заблокировано и заблокировано весьма основательно. Я чувствую, что отгадка совсем на поверхности, но эту поверхность от моего ума отделяет совершенно непробиваемый слой льда... А значит, дело-то

весьма серьёзное, тут вы правы. Судьбы мира или нет, но это не шуточки, вполне ясно. Помнится, ты говорил, что скоро у тебя психоделическая практика?»

«Да, в следующую среду».

«Это просто здорово! Почти не сомневаюсь, что психоделик снимет блокировку и после этого эксперимента ты переживёшь настоящее сатори и истина откроется тебе во всей её простоте. Но готовься к очень серьёзным и неприятным переживаниям. Блокировка будет сопротивляться, а твоё сознание — пробивать её. Это противоборство, несомненно, создаст весьма острые психологические коллизии и мучительные ощущения и образы. Так что крепись и мужайся! А пока ничего не предпринимай, пей витамины, гуляй перед сном, выброси всё из головы и отдыхай».

Мы поговорили ещё с полчаса на разные абстрактные темы, я заверил Илью, что его идея переоценки грофовского учения о базовых перинатальных матрицах меня заинтересовала вполне «всерьёз и надолго», и на этой ноте мы отправились домой. Вахтёр на выходе даже не взглянул меня (я подумал с лёгкой иронией, что, вероятно, он выдаст мне ключ и в следующий раз). Илья проводил меня до дома, напомнил, что вернёт свой долг на будущей неделе («а заодно и узнаю, как твоя практика прошла»), на чём мы и распрощались. Из дома я позвонил Анатолию, рассказал ему всё и получил его благословение на отдых и подготовку к психоделическому эксперименту. Настроение у меня заметно улучшилось, параноидальность поиска злодея улетучилась, и я со спокойной совестью предался простым семейным радостям, полазал по Интернету и в хорошем настроении отдался богу Морфею.

Если же Вам интересно, что произошло потом, читайте Интерлюдию, а потом уже следующую главу.

ИНТЕРЛЮДИЯ ДЕВЯТАЯ (самая важная из всех!)

В среду 25 июля в половине третьего пополудни я переступил порог психоделической лаборатории и оказался во власти Вячеслава Сидоровича Ходокова и молоденькой лаборантки Юли. Прежде всего меня переодели в просторный больничный халат, прослушали, сделали электрокардиограмму и измерили кровяное давление. Последнее оказалось несколько повышенным, но я заверил Ходокова, что результат вполне соответствует моей индивидуальной норме. После соответствующих записей в моей карточке Ходоков усадил меня в удобное кресло и завёл разговор непосредственно о практике.

«Итак, вы, дорогой Константин Владимирович, выбрали грибочки... Псилоцибинчик, значит... Очень хорошо. Скажите, в каком виде грибочки вы предпочитаете: натуральные сушёные, порошок или вытяжку с водичкой?»

«Всегда просто ел сушёные. Но, пожалуй, попробую вытяжку. Наверно, эффективнее?»

«Пожалуй, что да. Да и быстрее, жевать не надо».

«Прекрасно».

«Будете ли использовать ингибиторы MAO?»

«А вы что посоветуете, Вячеслав Сидорович?»

«Ну, в вашем случае, пожалуй, я бы не стал. А ну их, эти ингибиторы! Думаю, что у вас и так всё хорошо пойдёт. Тем более что у вас были, помню, какие-то проблемы с аяхуаско, а там есть ингибитор. Да и давление у вас всё-таки повышено... Так что лучше воздержимся».

«Хорошо, тогда точно воздержимся», — я улыбнулся.

Ходоков достал из холодильника пузырьёк с чёрной жидкостью, которая оказалась тягучей и густой, налил её в столовую ложку и размешал в стакане налитой из бутылки воды «Бонаква» (без газа, конечно), размешал и протянул мне. Я медленно выпил содержимое стакана. Вода имела характерный грибной вкус.

«А теперь пожалуйста в постельку, Константин Владимирович!»

Ходоков проводил меня в соседнюю комнату, где стояла удобная двуспальная кровать без одеяла, но с множеством подушек разного размера, уютный торшер, столик с кнопкой звонка и музыкальный комбайн.

«Вам какую музыку поставить? Рок или классику?»

«Поставьте, пожалуйста, классику. Есть у Вас какая-нибудь оратория по-мощнее?»

«Странные у вас вкусы, милостивый государь! Обычно все предпочитают что-нибудь тихое и мелодичное, ансамбль Джеймса Ласта какой-нибудь или там Шуберта. И обычно без вокала».

«А я вот хочу с вокалом и погромче, такой уж вот я оригинал».

«Воля ваша, сэр. Сейчас поищем».

В результате были обнаружены «Месса» Баха и «Торжественная месса» Моцарта. Я выбрал вторую. Ходоков поставил CD, пожелал мне «приятного путешествия в миры иные» («если что, звоните в звоночек») и покинул меня. Я удобно разлёгся на кровати, расслабился, закрыл глаза и погрузился в музыку, растворяясь в мощном и гармоничном звучании хора. Обычно мне требовалось от получаса до сорока пяти минут, чтобы испытать психоделическое воздействие магических грибов.

На этот раз эффект стал заметен даже несколько раньше, перед глазами появились цветные пятна, превращавшиеся в сложные переплетающиеся узоры и арабески. Потом они превратились в фигуры гигантского калейдоскопа, которые начали менять свои очертания, как в настоящем калейдоскопе. В центре этой калейдоскопической сферы вдруг образовалась воронка в виде сияющего гигантского сапфира, втянувшего в себя все остальные кристаллы. Мой нос ощутил благоухание лилий, очень интенсивное, почти удушающее, но невыразимо приятное.

Внезапно гигантский сапфир раскололся, и его осколки сами превратились в исполинские сапфиры, расположившиеся в конфигурацию, соответствующие каббалистическому Древу Сефирот, в центре Древа ослепительно сиял крупнейший из всех сапфиров, волшебный мерцающий свет которого, казалось, пронизывал собой всю вселенную. Из сапфира раздался громopodobный голос, прорекший: «Я Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог Иисуса из Назарета и Саббата Цеви. Я есмь тот, который Я есмь. Эхье ашер Эхье».

Вдруг аромат лилий сменился омерзительным зловонием жжёной серы, адского жупела. Древо Сефирот померкло, потускнело, а бывшие сапфиры засветились тусклым болезненным дымным светом. Затем Древо перевернулось, его вершина с Сефирой «Венец» оказалась внизу, а основание (Сефира «Царственность») — наверху. В центральной Сефире, бывшей прежде Сефирой «Красота», теперь вдруг появилась отвратительно глумливая, мерзко щерившаяся физиономия с острыми ушами и козлиной бородкой. Физиономия гнусно захихикала и начала подмигивать мне по очереди то одним глазом, то другим. А потом вдруг произнесла странным визгливо дрожащим и дребезжащим голосом: «Ну что, попался, братец Иванушка?!».

Теперь всё померкло, и вдруг я увидел перед собой как бы весь мир — небеса с бегущими по ним облаками, гонимыми стремительными порывами ветра, океан, вздымающий горы волн к самому небу, бескрайние просторы суши, и луну, и звёзды, и то, что за луной и звёздами... И повсюду шла война, нескончаемый бой, вечное сражение, пиршество ратной брани. Все сражались со всеми, причём воюющие стороны постоянно менялись, и бывшие союзники оказывались противниками, а враги — друзьями. Светозарные боги боролись с титанами, окутанными дымным пламенем, рушились небесные дворцы, взрывались сверхновые звёзды, коллапсировали вселенные... Люди — с людьми, и звери — со зверями, звери — с людьми, и растения — со зверями, ангелы — с демонами, и демоны — с крылатыми радужными быками. При этом то демоны превращались в ангелов, то ангелы становились титанами, а боги — людьми. И каждый стан стремился уверить всех вокруг и меня, что он сражается за Свет, а его неприятели — за Тьму. Увидев перед собой рыцаря в ослепительных зеркальных доспехах, я спросил его: «За что воюешь, воин?» Но рыцарь ничего не ответил и растворился в пламени пожара дворца одного из Олимпийцев, но голос пришёл с небес и этот голос прогрохотал: «За Великий Приз!» «И что это за Приз?» — воскликнул я, боясь услышать ответ. Но тем не менее я услышал его: «Кундалини, кундалини, кундалини, великая змея, спираль контроля, орудие власти и господства!»

Сцена Великой Войны стала блекнуть и расплываться. Мой дух помчался над поверхностью земли. Я видел бескрайние пространства Евразии и бурлящий Тихий океан, Японские острова, подобные кусочкам затвердевшей смолы, упавшей в море с копья бога-прародителя, и Австралию, обе Америки и замёрзшие безлюдные пространства Антарктиды. Мой взор проник в бездну Марианской впадины, и там я узрел Врага — существо чуждой и отвратительной природы, исполненный сгусток протоплазмы, ненавидящий всё живое и обладающий мощнейшим, но совершенно запредельным нашему пониманию разумом. Враг ненавидел всё и жадно интересовался всем, что лежало за пределами лишённых света пучин океана. Силой своего разума он посылал свои мыслеобразы, аватары злонамеренного любопытства наверх, на сушу, где они шпионили и выслеживали ради его ненасытного интереса и его бескрайней ненависти. Это существо пока бездействовало, пока...

Снова всё померкло. Раздалось церковное пение: «Но яко имущая Державу Непобедимую, от всяких нас бед свободи, да поём ти: “Радуйся, Невесто Невестная”». Бескрайнее лазурное пространство. И гигантская женская фигура в чёрном, кружевное платье, мантилья, веер, словно у королевы-махи с картины Гойи. Она отнимает веер от лица и поворачивается ко мне. Вместо глаз я вижу пустые глазницы, из которых льются слезы. Волна тоски и счастья, муки и блаженства. Я громко кричу и прихожу в себя.

На часах ровно девять вечера.

Венцом нетления земля венчает
Творенье, обручённое с Творцом,
И Сын свершил речённое Отцом,
И лилия в лазури расцветает

В багряности беззвучной вечер тает,
Но загорелась алая заря,
Ласкают взор сапфирные моря,
Тоска веков бесследно исчезает

Так в подвиге безмолвном утвердись,
Проникни взором в лотос тайный сердца,
В борьбе со страстью мерзкой укрепись.

Душой к незримым Светам прилепись,
Дабы узрело око страстотерпца
Небес лдяных загадочную высь.

* * *

Небес лдяных загадочную высь
Бесплотный дух постичь, увы, не в силах,
Полёт не создан для существ бескрылых,
И плоть крылами одаряет мысль.

Речётся Духом: «Слово плотью бысть», —
И плоть орудьем верным стала духу.
Терзавшемуся смертной тайной мукой
Над ангелами власть дана царить.

Закатный свет лазурность озлащает
И киноварью красит небосклон:
День ночи тьму торжественно встречает.

Зарю востока запад предвещает,
Порфирой укрывает горный склон
И твердь в виссон и пурпур облачает.

ГЛАВА 10,

в которой почти всё становится понятным

Несколько минут я продолжал лежать в постели в полной расслабленности, ещё не совсем осознав, в каком из миров нахожусь, но постепенно я окончательно вернулся к согласованной реальности и нажал кнопку вызова ассистента. В комнате немедленно появился Ходоков.

«Долго вы на этот раз, я даже немного беспокоиться начал, хотя вроде бы никаких признаков чего-то неладного не было, я ведь несколько раз проверял, всё ли в порядке. Как вы настроены, домой идти или здесь ночевать? Я вас могу чаем напоить с бутербродами».

«Спасибо вам, Вячеслав Сидорович. Пожалуй, я останусь здесь. Завтра зайду ненадолго в кабинет, а потом пойду домой отдыхать».

«Ну и чудненько!»

Я встал, умылся, почистил зубы, после чего Ходоков опять измерил мне давление, посчитал пульс и прослушал стетоскопом сердце.

«Вы молодцом. Всё в порядке, и даже давление снизилось. В космос лететь можете».

Затем он вскипятил воду, заварил мне в чашке чай из пакетика и достал из холодильника два больших бутерброда с маслом, сыром и докторской колбасой. Накормив-напоив меня, он стал собираться домой.

«Значит так. Располагайтесь как дома и ни о чём не волнуйтесь. Если завтра будете уходить до моего прихода, просто посильнее хлопните дверью, она и запрётся, даже сигнализация включится. Если надо позвонить, телефон вон там на столике. Не забудьте в течение двух недель представить в письменном виде отчёт о вашем психоделическом опыте и ваших переживаниях (“прямо так я всё и напишу”, — подумал я). Ну а я пошел. Приятных снов и спокойной ночи!»

С этими словами Ходоков снял белый халат, одел поверх рубашки лёгкую ветровку и оставил меня наедине с самим собой, что в общем-то мне и нужно было. Щёлкнул дверной замок, я остался в психоделичке один.

Прежде всего я позвонил домой и заверил Инну, что со мной всё в порядке. Домой же приду завтра во второй половине дня. Если будет звонить Анатолий, надо сказать ему, чтобы перезвонил завтра вечером.

Потом я ещё раз умылся и пошёл спать. Думать ни о чём не хотелось, для этого будет завтра. Тем не менее, я всё же решил хоть чуть-чуть сосредоточиться на «деле о хищении психоделика». Вначале ощущение было очень странным. Казалось, будто все мои мысли по этому поводу стремятся сосредоточиться вокруг некоего центра, которого больше не было, и вот они теперь в панике ищут его. Это ощущение какой-то расфокусированности мыслительного процесса было достаточно неприятным, но оно продолжалось лишь несколько минут. Потом вдруг сознание прояснилось, я почувствовал в голове нечто, напоминающее «шпок!», который производят в компьютере антивирусные программы при удалении вируса, и истина открылась мне во всей её простоте и незатейливости. «Идиот! Ведь всё же кристально ясно! Если бы не эта блокировка, никакой проблемы бы просто не было!» А я своей полной неспособностью увидеть то, что находилось прямо пе-

ред глазами, и других людей вводил в заблуждение, ибо они думали, что если самый простой ответ не приходит даже мне в голову, то этот ответ заведомо ложен! Но теперь всё, истина обнаружена, пелена спала с моих глаз, и иллюзия рассеялась, верёвка стала верёвкой, а призрак змеи растаял, как сон после пробуждения. Однако не буду формулировать ответ, пока всё-таки не проверю его. Но это уже завтра, а сейчас — спать!

Спал я крепким спокойным сном без сновидений, и, когда я проснулся, на часах было уже 8.30. Надо быстрее вставать: через час в институте начнут появляться сотрудники и спокойно позаниматься неотложными делами будет уже сложнее.

Я быстро встал, в течение пяти минут проделал свою гимнастику от остеохондроза, умылся, вскипятил воду, наскоро выпил чаю, сполоснул чашку, выключил свет и покинул психоделичку, основательно хлопнув дверью и убедившись, что лампочка сигнализации загорелась. Теперь на вахту за ключом от кабинета — и за работу!

Первым делом я взялся за биографический словарь фон Бок. Вот она, статья про Андрея Александровича Королёва. Воспроизвожу её ещё раз:

КОРОЛЁВ Андрей Александрович. 17 июля 1956. Родители: *Королёв Александр Ильич, Королёва (Моргенитерн) Клара Яковлевна. Трансперсональный психолог. В 1978 окончил психол. ф-т МГУ. Канд. психол. наук (1985). В 1978–1986 — ассист., ст. преп. психол. ф-та МГУ, с 1987 — ИТП РАН, ст. науч. сотр. Осн. направления исследований — психол. аспекты инд. йоги, архетипич. уровень каббалистической традиции.*

Строго говоря, уже этой статьи было достаточно, чтобы всё понять, и я непременно понял бы, если бы не установленная в моём мозгу блокировка. Он родился в 1956 году, том самом году, что попадал в мистический цикл ста шестидесяти пяти лет, о котором мне поведал Илья. Он еврей, причём по материнской линии, а значит, еврей в строго ортодоксальном понимании этого слова. Интересно проверить, чему соответствует день его рождения по еврейскому календарю.

Не мудрствуя лукаво, я сел за компьютер, стоявший на столе нашего секторального учёного секретаря, включил его, вышел в Интернет и, повозившись несколько минут с поисковой системой google.com, без особого труда нашёл конвертор, переводящий даты григорианского календаря в даты календаря еврейского и обратно. 17 июля 1956 года оказалось днём 9 ава, что меня уже очень-то и удивило. Я проверил, когда 9 ава будет в этом году. Оказалось, 29 июля, в воскресенье, то есть уже меньше чем через три дня. Значит, я всё же успеваю!

Я выключил компьютер, вернулся за свой стол и откинулся на спинку стула, насколько она это позволяла. Значит, наш Анти-Христос — Андрей Королёв. Я ясно вспомнил, как он в первый раз пришёл ко мне, распевая песнопения о тоске Света-Дракона по вечному покою Абсолюта, в котором он пребывал до Творения. Забавно, кстати, что позднее я полностью забыл про вторую половину нашей беседы, которая казалась мне просто каким-то мистическим бредом, ви-

димо, воспоминания о ней тоже подверглись блокировке. Теперь же она с необычайной чёткостью всплыла в моем мозгу. Казалось, что я слышу каждое слово, произнесённое Андреем:

«Константин, вы же умный человек. Ваши работы хорошо известны. Я думаю, что в России мало молодых трансперсоналистов вашего уровня (спасибо, спасибо, но на лесть я не очень-то падаю). Надо готовить людей к возвращению Машиаха. Согласны вы работать с нами?»

«С вами? А сколько вас и кто вы такие?»

«Неважно, сколько нас, считайте, что я и Илья, но это ничего не значит, у нас много работы и нам нужен классный трансперсоналист».

«Слушайте, Андрей, мы же с вами не дети. С момента запрета КПСС в 1991 году я дал себе клятву не участвовать ни в каких организациях, кроме научных и просветительских обществ, и я этому правилу изменять не намерен».

«А путь бодхисаттвы, а благо всех существ?»

«Давайте не будем мешать кислое с пресным».

«А мы, саббатянцы, все проповедуем святую апостасию и стирание граней между религиями».

«Вряд ли живым существам нужны какие-то инфантильные полуподпольные сообщества».

«Короче говоря, вы отказываетесь?»

«Совершенно определённо».

Итак, я не согласился куда-либо вступать, но Андрей не очень-то расстроился и наложил на меня свои гипнотические чары, будучи уверен, что теперь и без всякого вступления куда-то я сделаю всё, чего ему будет надо. Что же касается содействия приходу Мессии, то полагаю, что речь тогда шла вовсе не о Саббатае Цеви, а о самом Андрее, именно себя и никого другого он имел в виду под грядущим Машиахом.

Гипноз первоначально был трёхслойным или трёхступенчатым (не знаю, как правильно выразиться, это скорее по части Ильи Гданьского): первая ступень, самая прочная, должна была блокировать нежелательные воспоминания и способность ума анализировать адекватно ситуацию с похищением ДМТ-Ф и ролью Андрея в этом похищении; вторая, самая поверхностная, должна была привязать меня к Андрею и вызвать страстное желание общаться с ним до совершения кражи, потом эта привязанность стала бы лишней и, возможно, даже вредной для Андрея. Поэтому уже на следующий день после этого достопамятного события эта привязанность стала таять и быстро совершенно покинула меня. Осталось лишь воздействие божественной (именно так!) харизмы Андрея, которой я, конечно же, совершенно не мог противостоять. И наконец, третья — самая важная, конечно: команда украсть ДМТ-Ф, передать украденное самому Андрею и немедленно забыть об этом (последнему приказу мой мозг, видимо, отчаянно сопротивлялся, что и вызвало обморок на лестничной площадке).

Теперь в институте мне делать было решительно нечего. Поскольку в кабинете так никто и не появился (четверг, день неприсутственный), я запер его, сдал ключ на вахту и пошёл домой, чрезвычайно порадовав Инну своим ранним по-

явлением (Инна у меня занималась переводами с немецкого по заказам разных фирм, поэтому она работала дома).

Первым делом я взялся за телефон и стал звонить Андрею (теперь мне было как-то уж и не по себе называть его просто по имени, но не величать же его Господом или Лордом, нелепо же). На пятом гудке включился автоответчик. Я повесил трубку. Будем ждать. Весь день я работал над диссертацией, а около шести вечера снова позвонил Андрею. На этот раз он снял трубку.

«Здравствуйте, Андрей, это Константин из Питера. Нам надо увидеться, и чем раньше, тем лучше».

Андрей ответил мне странным суховатым и несколько высокомерным тоном, внезапно перейдя к тому же на «ты».

«А, значит все-таки догадался... Умён, умён, ничего не скажешь. Я это подзревал, но ничего не мог поделать. Сострадание... Вы, люди — я имею в виду, даже понять не можете, что это такое. Если бы не сострадание, ты не смог бы ни о чём догадаться, но если бы я был лишён сострадания, то я не был бы собой... Как тебе такая диалектика?»

«Давай (я тоже нагло перешёл на “ты”, хотя у меня буквально дрожали колени) поговорим о сострадании и прочих высоких материях при встрече, о которой нам и надо договориться».

«Хорошо. Буду ждать тебя в воскресенье 29 июля в полдень. Адрес ты знаешь».

«Девятого ава?»

«Да, девятого ава», — сказал он и повесил трубку.

Потом я минут пятнадцать сидел и приходил в себя, даже рассосал таблетку валидола. Немного придя в себя, я позвонил Анатолию, причём был предельно краток. Я сказал ему только, что всё понял, но ему пока ничего сказать не могу и что в субботу вечером я уезжаю в Москву, откуда надеюсь вернуться в понедельник. Тогда уж всё и расскажу.

Он только сказал: «Ага, понял», — и повесил трубку.

Потом пришёл слегка взволнованный Илья. Он принёс свой долг, расшаркался перед Инной и рассыпался в благодарностях, преподнес ей роскошный букет чайных роз. Я достаточно подробно рассказал ему о своём психоделическом эксперименте, опустив только сюжет про вселенскую битву за «великий приз». Я также честно признался, что блокировка прорвана, мне всё стало понятно, но какие-либо подробности смогу сообщить ему только к вечеру понедельника и не раньше. Илья деликатно не стал настаивать, хотя любопытство с полной очевидностью распирало его, и, попив чаю с овсяным печеньем, откланялся, попросив меня «обязательно звякнуть ему вечером в понедельник, а то спать не смогу».

В пятницу я в институт не пошел. Вместо работы я погулял у Петропавловки, перекусил в китайском ресторанчике «Золотой дракон у зоопарка» («кутить так кутить!»), а потом отправился в Князь-Владимирский собор к вечерне. Прихожан почти не было. Я купил свечку, поставил её перед иконой «Спас Нерукотворный» и встал сбоку, справа, в укромном уголке. Служба

была самой обыкновенной, но мне ничего специфического и не было и нужно. Вовсе не считая себя христианином (я, следуя философу Проклу, считал, что истинный мудрец должен быть посвящённым всех религий), я перекрестился и обратился с молитвой к Иисусу, Воплощённому Логосу — Творящему Свету и Богочеловеку. Я просил Иисуса умудрить и просветить своего брата, пришедшего из миров Нетворящих Светов, ибо не в силах моих предотвратить неизбежное и трагическое без его помощи, ибо они оба «Светы от Света, Бог истинный от Бога истинна, рождены, но не сотворены». Потом с подобной молитвой я обратился к Софии — Премудрости Божией, божественной Шехине. Всенощная оказалась полиелейной, я подошёл к миропомазанию и вскоре ушёл.

В субботу, отоспавшись всласть, я поехал на Московский вокзал и не пожалел денег на купейный билет в пятом Николаевском поезде (воскресенье должно было стать, мягко говоря, тяжёлым днем, поэтому лучше было выспаться как следует). Вернулся домой, поработал над диссертацией, положил в портфель зубную щётку и пасту (хотя в этом поезде, кажется, и так дают) и поехал на вокзал, на встречу с неведомым, ибо не имел ни малейшего понятия, что ждёт меня в Москве и что я могу сделать, чтобы предотвратить божественное безумие Анти-Христа.

А о последующем вы можете узнать из следующей главы.

ИНТЕРЛЮДИЯ ДЕСЯТАЯ

Обычно в поездах я сплю плохо или вообще не сплю. Но на этот раз я уснул, стоило голове коснуться подушки. И сразу же начался сон...

Я оказался в прекрасном цветущем саду — всё белое, деревья как бы покрыты бело-розовым благоуханным снегом: яблони, вишни, сливы, персики, абрикосы. Всё полнится изумительным ароматом, и сад гудит от множества пчёл, шмелей и майских жуков, тучами носящихся над цветущими кронами деревьев. Сплошной гул в волнах белой и розовой пены. Я прохаживаюсь между деревьями, наслаждаясь тёплым влажным весенним воздухом, цветами и молодой изумрудной травой.

Вдруг передо мной прямо из воздуха, из ароматов и цветущей пелены соткалась изящная девичья фигурка то ли в белом с цветами сливы японском кимоно, то ли в китайском халате. Да и у самой девушки восточноазиатская внешность, слегка раскосые глаза и иссиня-черные волосы, собранные в высокий шиньон.

Девушка обратилась ко мне. Её голос мелодично звенел, словно маленький серебряный колокольчик. Это дивное видение сказало мне:

«Гуляй по всему моему саду, но к ручью не подходи. Это опасно».

«Что, почему?» — хотел спросить я, но она уже растворилась в радужном сиянии.

Раздумывая над этим странным происшествием, я вновь двинулся по дорожкам сада и вскоре вышел к берегу небольшого ручья, бегущего в даль меж покрытых зелёной травой и цветущими деревьями холмистых берегов.

Несмотря на предостережение, я как-то совершенно автоматически спустился к воде и стал разглядывать её блестящую под лучами солнца и слегка рябившую под лёгким ветерком воду.

И тут началось. Вода реки забурлила, и из неё на берег устремилась вереница странных и отвратительных существ — то ли демонов, то ли отвратительных зубастых карликов с длинными острыми когтями. И все эти карлики набросились на меня и стали рвать на мне одежду, толкая и таща к воде.

И вот я уже по колено, нет, уже по грудь в воде, меня продолжают тащить. Вода доходит до подбородка, ноздрей, накрыла меня с головой. Перед глазами красные круги. Внезапно всё меняется.

Я стою среди самого безрадостного пейзажа, который только могу себе представить. Пустыня, глинистая почва, равнина, перемежающаяся редкими холмами. Ни деревья, ни травинки, ни былинки. Нет даже следов жизни. Тёмное мглистое небо, тревожный красный отсвет у горизонта. Ни ветерка, ни дуновения. Всё мертво, всё застыло в каком-то безжизненном штиле.

Раздаётся звук, напоминающий хлопанье больших крыльев, я настораживаюсь и замираю на месте. Прямо передо мной совершенно неожиданно приземляется нечто огромное, во всяком случае, выше и массивнее меня. С удивлением узнаю драконоида моих прежних видений. Он также прекрасен и мерзок, как и раньше. Его кожистые крылья полузакрыты, голова качается из стороны в сторону.

«Ты предал нас. Вначале ты злоупотребил нашим доверием, выведал нашу тайну и остался жив. Теперь же хочешь погубить нас. Но нет! Погибнешь ты сам! Пока у нас ещё есть верное средство контроля!»

И он откуда-то извлёк уже известную мне спираль, напоминающую молекулу ДНК.

«Кундабуфер, кундабуфер! Великое средство управления смертными!» — и драконоид разразился каким-то странным кудахтаньем, переходящим в рёв.

Затем он взял спираль одной лапой и сильно сжал её в одном месте. Меня пронзила неопишуемая боль, исходившая откуда-то из копчика и распространившаяся по всему позвоночнику до самой головы, до темени. Драконоид продолжал реветь. В этой боли горело и пылало всё, всё сгорело во мне, и всё выгорело, и я пал ниц. Драконоид перехватил спираль и снова сжал её своей когтистой лапой. Я забился в конвульсиях.

«Нет, не будет этого!» — раздался у меня над ухом звенящий колокольчиком юный девичий голос.

Боль значительно ослабла, я повернул голову и увидел, что перед драконоидом стоит девушка из сада, но теперь на ней уже не кимоно и не халат, а развевающаяся мантия, напоминающая римскую столу.

«Не бывать этому!» — вновь воскликнула она и скинула столу, упавшую на глинистую землю. Девушка преобразилась. Вначале она стала зрелой женщиной неопишуемой красоты, затем глаза её запылали огнём бешенства и гнева. Драконоид попятился. Трансформация моей девы-защитницы между тем продолжалась. Ее глаза метали молнии, на груди появилось ожерелье из человеческих черепов. Одна её рука сжимала трезубец, другая держала пламенеющий меч. С её

губ капала кровь, её зубы превратились в острые клыки, которые она свирепо скалила, взирая на драконоида. Женщина взмахнула мечом и набросилась на драконоида. Тот отступил на несколько шагов. Напор воительницы был стремителен и неотвратим. Драконоид попытался взлететь, но немедленно потерял одно из своих крыльев, тут же отброшенное мощной дланью с трезубцем в сторону, как можно дальше. Драконоид застонал и попробовал сбить свою противницу ударом второго крыла, но не преуспел. Она сбила его с ног ударом меча, нанесённым плашмя. Драконоид упал, и она пригвоздила его к земле своим трезубцем, а затем прыгнула ему на грудь и заплясала на ней, восклицая: «Э-ма-хо! Э-ма-хо!».

В ужасе я проснулся в холодном поту. В дверях купе стоял проводник и раздавал билеты. Я лежал на спине, и мой позвоночник мучительно болел, мне пришлось вскочить на ноги. «Вот дурак! — мысленно обругал я сам себя. — Не слежу, как сплю, вот остеохондроз и даёт себя знать».

Я взял билет у проводника, умылся и до прибытия поезда на Ленинградский вокзал города Москвы ещё успел съесть выданный накануне завтрак. Едва я закончил пить кофе, как поезд медленно подкатил к платформе вокзала и замер в ожидании исхода пассажиров.

И твердь в виссон и пурпур облачает
 Чертогов брачных красная свеча,
 И снадобье священного врача
 До времени умерших воскрешает.

Во чреве недр, во мраке царств Плутона
 Росток родится древа бытия.
 Не жалит хвост свой древняя змея,
 Простил Осирис смертный грех Тифона.

Пределы тьмы Дионис покидает,
 Навек иссякли Жёлтые истоки,
 Дитя своё Семела обнимает,

Лазурь Небес земную грудь лобзает,
 Умолкли в изумлении пророки:
 Титан Урана с Геей сочетает.

ГЛАВА 11,

в которой всё связывается и разрешается

На вокзале я неторопливо попил кофе (плохого, растворимого) и поехал к Андрею. От метро «Юго-Западная» я пошёл пешком, немного побродил вокруг его дома и ровно в 11.59 нажал кнопку звонка его квартиры. Андрей открыл сразу же. На этот раз он был одет несколько, я сказал бы, экзотично, в нечто подобное кроваво-красному хитону. Это облачение могло бы показаться даже комичным и уж, безусловно, претенциозным в современных интерьерах, если бы не выраже-

ние некоего жреческого величия на лице и вполне серьёзной, ничуть не театральной торжественности в движениях Андрея, резко контрастировавшее с привычной мне непринуждённостью и естественностью его поведения. Впрочем, про естественность я зря. Никакой наигранности или позы в Андрее не было и сейчас, в качестве иерофанта он был столь же естествен, сколь и в качестве скромного научного сотрудника.

Широким жестом он пригласил меня проходить в гостиную, где на столе стоял семисвечник меноры, а перед ним — небольшой флакон с белыми кристаллами, смешанными с каким-то тёмным порошком (перец с солью, как в масти миттельшнауцеров, подумал я); разумеется, я сразу же догадался, что это за флакон.

«Ну что ж, — сказал Андрей, — у нас есть немного времени для разговора. Давай поговорим».

«По правде говоря, не знаю, что и сказать. Ты ведь и сам всё знаешь и понимаешь лучше, чем я. Но почему?»

Он прекрасно понял вопрос.

«Почему этот мир и даже не один этот мир, а вся совокупность миров творения вплоть до эманационного мира Ацилут должны перестать существовать? Это ты хочешь знать?»

Я утвердительно кивнул.

«Думаю, что это нельзя назвать тайной, более тайной, чем сама тайна, — он улыбнулся. — Я бы охотно раскрыл тебе и такую тайну и, возможно, ещё сделаю это, а уж ответить на твой вопрос... Пойду по стопам Достоевского, рассказавшего, как ты помнишь, своему брату историю про некоего помещика, собаку и крепостного мальчика. А я расскажу другую историю, но о том же».

Жила здесь в Москве одна семья, муж, жена и маленькая дочка. Жила бедно, еле-еле концы с концами сводила. И вот вообразил любящий отец, что дочка слишком много ест, весь семейный бюджет проедает. И решил он наказать девочку. Однажды, когда жена уехала навестить своих родителей, он позвал дочку ужинать. Вот приходит девочка на кухню, где они и ели, ибо столовой у них, конечно же, не было, а на столе перед ней вместо ужина стоит ведро (ну знаешь, такое жестяное, литров десять-двенадцать) с водой. И папочка говорит ей: “Пей до дна”. Ну девочка и стала пить. Пила-пила, и стало ей плохо, легла она на пол прямо там, на кухне, и не движется. А отец накрыл её пальтоцем и пошёл спать. Утром приходит мать и видит: девочка-то умерла. Ну как, Константин, достоин ли мир, где такое даже только возможно, права на существование? Скажешь, он сотворён Богом. А я (поверь, лучше тебя знающий о Боге и Его природе) отвечу тебе словами суфия-поэта Джалал ад-Дина Руми:

Земля мне мать, а Небеса — отец,
Детей своих, как кошки пожирают.
Ни мать такую, ни отца такого
Я знать не знаю, знать не знаю.

Что скажешь?»

«Скажу, что ты похож на врача, который предлагает больному убить его, чтобы не мучился от болезней: “Добить, чтобы не мучился”. Ведь нет больного, нет и болезни».

«Этот мир и есть болезнь. И бунт, и плод бунта. Никто не умирает, никто не гибнет, как говорит Кришна Арджуне. Материя, кожура келиппот, да, всё это сгинет и исчезнет, как никогда не бывшее. А дух, частицы превечного Света, который есть Я... Эти частицы, сущие во всех и во вся, в тебе и моём коте, которые и есть “я” каждого существа, о, они не погибнут! Они вернуться туда, откуда их исторгли бунтующие силы того же (как это ни прискорбно мне говорить) Света, в Свет. Из Света изошли, в Свет и отойдут и будут Светом, ибо они и есть Свет. Вот подлинное спасение мира, его освобождение от него самого и возвращение всего истинно сущего в нём к нему самому, к его подлинной, внутренней природе.

Как сказал поэт Серебряного века:

Земное бремя — пространство, время —

Мгновенный дым!

Земное, злое мы сбросим бремя

И победим!

С тобою встречусь в сиянье света,

Любовь моя.

Мы будем вместе, Елизавета,

И ты, и я!

Увы, те Светы, Светы бунта и творения, пробовали иные методы. И каков результат? Всякая мразь распинает Существо Света на кресте, вроде бы свершается Искушение, нам, Драконам, предлагают всё это принять (мы, конечно, отвергли эти по меньшей мере наивные посулы) и осветить. И что же? А то, что воз и ныне там! Грязь не станет золотом, мерзость не превратится в святость! Если темно, то не может быть одновременно и светло. Мёртвое не может жить, живое не может быть мёртвым! Нет, нет и нет! Путь один, и я пройду его и проведу по нему мир благодаря этой ничтожной склянке, ибо, будучи отягощённым этой плотью, я не могу освободиться, не призвав на службу ту же плоть. Плотию плоть поправ!»

Признаюсь, что от этого монолога мне стало жутковато. У меня возникла мысль попробовать схватить флакон и прорваться к двери, но как только эта мысль появилась в моём уме, всё моё тело онемело и я больше не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

«Видал миндал», — с улыбкой сказал Андрей, возвращая мне свободу передвижения. Я понял, что все мои попытки силового, так сказать, решения проблемы обречены на провал ещё на стадии зарождения самой мысли о них.

«Так ты действительно Анти-Христос и воплощение Нетворящего Света?»

«Анти-Христос? Ишь, что придумали... Занятно. Пожалуй, неплохо. В остроумии вам не откажешь. Что же касается моей несотворённой природы, то это и есть тайна, которую я хочу открыть тебе, ибо после длительной связи с тобой через гипнотическое воздействие ты стал мне дорог. Пока я только рассуждал.

А вот теперь узри же мою владычную йогу! И знай, что даже ангелы и архангелы трепещут, не смея созерцать тот мой облик, что я покажу тебе!».

Несмотря на всю серьёзность момента, мне показалось несколько курьёзным, что Андрей (я буду называть его этим именем и впредь) решил вдруг заговорить языком «Гиты». Впрочем, очень скоро я понял, что этот язык выбран им как естественный и наилучший в данных обстоятельствах.

Андрей встал и закрыл глаза. И тут я стал свидетелем чудеснейшего преобразования, дивной и непостижимой трансфигурации. Тело Андрея вдруг замерцало и растворилось в радужном сиянии, а то место, где за мгновение до этого он стоял, превратилось в центр мощнейшего излучения слепящего и вместе с тем вводящего в исступлённый восторг света, чистого и непорочного, белоснежного, сказал бы я, если сравнение света со снегом допустимо. Я еле сдерживался, чтобы не отвернуться или не пасть ниц и прижаться лицом к полу. Ещё через мгновение на месте Андрея появился царственный Дракон, белее всех снегов и всех лилий мира. Он был поистине прекрасен. Я зарыдал от счастья созерцания этой немислимой красоты. Казалось, что Дракон заполнял собой небо и землю, все космические и трансцендентные пространства, и вместе с тем он спокойно помещался в комнате скромной московской квартиры. Если драконоиды моих видений были и прекрасны, и отвратительны, то теперь я созерцал чистую красоту, от которой отнимался язык и мысли путались и бежали прочь. Дракон поднял свою величественную голову вверх и расправил исполинские крылья, прошедшие сквозь туманности и галактики. Его пасть (прошу прощения за это грубое слово) открылась, и он издал рёв, трубным гласом распространившийся по всем мирам вплоть до Колесницы Всевышнего. Вместо языков пламени из пасти вырвались потоки слепящего белого света, затопившие всё сущее и растворившие его в себе.

«Вот он, нетварный Фаворский Свет», — мелькнула в моей голове мысль.

Тем не менее, преодолев немоту, я нашёл в себе силы по памяти процитировать «Гиту»: «Если я по недомыслию оскорбил тебя запанибратским поведением, о Владыка, смилостивиться, я тебя умоляю, ибо волею же твоею я не ведал о твоей божественной природе. Нестерпим для смертного твой истинный облик, о Свет изначальный! И молю тебя ныне, верни свой человеческий облик ныне, о Совершенный!»

В мгновение ока всё прекратилось. Свет померк, Дракон сжался и обрёл человеческий облик. Передо мной вновь стоял Андрей в красном хитоне.

«Теперь, Константин, ты видел всё и во всём удостоверился. Ныне пришло время свершиться тому, что должно свершиться. Не искупление мира, в которое верят христиане, и не поддержание его сомнительной гармонии соблюдением заповедей, как то мыслят иудеи, а возвращение Святого в Святое, а нечистого — в небытие!»

С этими словами Андрей взял со стола флакон с препаратом, вынул плотно притертую стеклянную пробку и поднёс горлышко флакона ко рту. Уловив мой удивлённый взгляд, он улыбнулся и сказал: «О, мне не угрожает передозировка. Поэтому к чему мудрить с трубкой и курением?» Он вновь поднёс флакон ко рту, высыпал почти всё его содержимое на язык и проглотил несколькими глотками.

В этот момент пронзительно зазвонил звонок, и в дверь изо всех сил забарабанили, вероятно, даже ногами.

«Откройте, откройте! Федеральная служба безопасности! Иначе ломать будем!»

Поскольку ничего не происходило, и Андрей продолжал стоять с абсолютно отрешённым выражением на лице, я бросился к двери и открыл её. Чуть не сбив меня с ног, в гостиную ринулся Анатолий и в остолбенении остановился.

Дело в том, что к этому моменту Андрей уже осознал, что с медикаментом неладно, попросту говоря, он не действует. Затравленно посмотрев вначале на меня, потом на Анатолия, он бросился к открытому окну. Анатолий, не раздумывая, прыгнул на него, но или опоздал, или Андрей опять использовал свои сверхспособности. В результате Анатолий больно ударился грудью о подоконник и рухнул на колени, а Андрей буквально ласточкой нырнул в окно. Я кинулся к окну и выглянул в него. Поднявшийся с колен Анатолий сделал то же самое. Распростёртое тело Андрея с вывернутой шеей и нелепо раскинутыми руками лежало внизу. На какую-то долю мгновения мне показалось, что над его человеческим телом появилось полупрозрачное тело белого дракона, который судорожно захлопал крыльями, пытаясь взлететь. Однако его как бы не отпускала земля, асфальт втягивал его в себя. Дракон издал жалобный крик и исчез, поглощённый земной стихией, провалился в недра планеты, на которой он ненадолго воплотился. Снова в преисподнюю, снова в бездны техиру! Над телом Андрея склонилась женщина в чёрном, поднялась, вздохнула (как мне показалось) и, покачав головой, растворилась в дневном летнем воздухе. Рёв милицейской сирены привёл меня в чувства.

«Пойдёмте вниз», — сказал Анатолий.

И мы пошли.

Титан Урана с Геей сочетается,
Небесный корень пестует земля,
В безумной пляске брата корабля
Огонь небесный в сердце обретают.

Покой блаженства Женственное дарит,
Цветок лилейный в бездне бытия.
И три семьи — уже одна семья,
И амриту отшельник-йогин варит.

Алхимик шепчет: ртуть, свинца коснись!
И в средоточье поля эликсира
Бессмертия зародыш, появись!

Вот парус бытия наполнил бриз
Невещного нетленного эфира:
Зерно, в земле погибшее, родись!

* * *

Зерно, в земле погибшее, родись!
Родись, сожжённый молнией экстаза,
Вернись, герой полуночного сказа,
Из пепелища, город, возродись!

И пали на лице ученики,
Когда в блистанье пребывал Учитель,
Когда с бессмертными стоял Спаситель,
Благословя движением руки.

И грань меж небом и землею тает,
И очи зрят невидимую даль.
Мгновенье-вечность время обнимает,

И сердце ум к высотам восхищает,
Сияет ярко праздничный алтарь,
Бог-Агнец славу Отчую являет.

ЭПИЛОГ

Вечером этого памятного дня мы с Анатолием сидели в его скромном гостиничном номере и обсуждали происшедшее. Наше объяснение с приехавшей милицией и следователем оказалось весьма кратким (во многом благодаря статусу Анатолия), как я понял, уголовное дело по факту самоубийства возбуждено не будет, ибо картина вполне понятна: психическая неуравновешенность и эмоциональный стресс. Меня только предупредили, что если родственники всё же настоят на возбуждении дела, меня вызовут как свидетеля. Тем не менее, сил возвращаться домой в тот же день у меня не было, и я решил задержаться в Москве ещё на сутки, а Анатолий (у которого был двухместный номер), пригласил меня переночевать у него.

Меня, собственно, интересовал один вопрос: почему не подействовал препарат. Анатолий очень быстро рассеял все мои недоумения:

«А это вовсе и не был ДМТ-Ф. Плацебо, пустышка. Препарат был подменён (нами, конечно) в день вашего (прости, твоего) предыдущего приезда в Москву. Несанкционированное проникновение в жилище гражданина, хе-хе... Твой приезд был очень кстати. Андрей несколько взволновался и утратил бдительность, иначе он с его парапсихическими способностями немедленно обнаружил бы подмену. Так что никаких тайн. А оригинал давно возвращён в институт и хранится теперь в особом сейфе, оттуда его уже не возьмёшь».

«Значит, он не обладал всеведением?»

«Определённо нет. Во-первых, его, конечно, ограничивало человеческое тело. Во-вторых, он не мог полностью освободиться духом из узилища техиру, один коготок Дракона, так сказать, увяз. Вероятно, если бы он прорвался в область свободы, то полностью реализовал бы свою божественность и тогда...»

«М-да...»

Мы минуту помолчали, осушив по стакану пива.

«А скажи, Толя, как вы всё же вообще-то узнали, что препарат украл он?»

«Да после твоего рассказа как Головачёву в институте, так и мне у Сергея эту задачку решил бы любой, прости меня, идиот, не находящийся под гипнотическим воздействием, силу которого наш Дракон сильно переоценил. Мы проверили, и всё подтвердилось».

«Что же ты мне не сказал, а морочил голову, поощряя на всякие выходки. Этот сейф Ильи, например...»

«Говорить было бесполезно. Стена гипноза не позволила бы тебе это принять. Всё должно было развиваться своим ходом, естественно и спонтанно. И оказалось, что именно эта тактика и привела нас к грустному, но положительному результату. Теперь ты скажи мне, как же ты догадался, что я из ФСБ? По-моему, ты этому ничуть не удивился сегодня там, у Андрея, и вроде бы уже всё знал».

«Так, результат некоего прозрения после психоделического сеанса, побочный такой результат. Но Серёге я всё же уши надеру, равно как выскажу свое “фэ” и Троллоу. Тоже мне, друзья и коллеги, называется».

«Мы их очень просили... Надо сказать, Сергей Соловьёв не очень-то и врал, когда рекомендовал меня как оккультиста и герметиста. В конце 70-х — начале 80-х я действительно был вольным оккультистом с диссидентским кукишем в кармане. Скажи мне тогда, что в органах буду служить, здороваться бы перестал. А лет десять тому назад, когда я увидел, как разные оккультные сюжеты вторгаются в жизнь общества и государства, причём весьма трагическим или, по крайней мере, драматическим образом, я понял, что надо менять позицию, тем более что и власть сменилась, и страна обновилась... И вот теперь ФСБ. Согласись, что здорово мы всё это разгадали».

Я признал. Что было, то было.

Мы поговорили об Андрее. При всём ужасе, который вызывал его, неважно, исполнимый или неисполнимый, замысел, нам обоим было его жалко — его душа «страдала и любила», так пусть и «рай откроется для любви». К полуночи, когда батарея опустошённых бутылок «Клинского» стала угрожающей, а мы почувствовали себя выжатыми лимонами, пришло время ложиться спать. Но долго ещё перед моими глазами стоял невыразимо прекрасный образ белоснежного дракона, заполняющего собой и своим сиянием всю вселенную. Мои глаза стали влажными, мне было грустно, но грусть моя была светлой (я впервые до конца понял этот образ Пушкина). Я заснул, и мне снились какие-то неопределённые, но умиротворяющие образы.

На следующий день я распрощался с Анатолием, прогулялся по Москве и на четверть часа заехал на квартиру покойного Андрея, где обнаружил Полину Моргенштерн (приятную и элегантную даму) и кота (господина Отто). В Питер я вернулся «Авророй» и к полуночи уже был дома к радости Инны (Филипп, кажется, был тоже рад, но виду не подал).

На следующий день я зашёл в институт и договорился с Константином Ивановичем, что со следующего понедельника уйду в отпуск, после чего сразу же написал соответствующее заявление, подписал его у внезапно появившегося в

институте Георгия Тиграновича (прошептавшего мне на ухо: «Спасибо вам, голубчик, мне уже обо всём сообщили») и отнёс в отдел кадров.

Выходя из института, я снова осознал тот момент, когда моей ладони коснулась массивная медная дверная ручка, но я впервые подумал, что может быть, распрощаюсь с институтом и раньше, чем жизнь распрощается со мной.

Потом пошла череда дней, занятых работой над диссертацией и прогулками с Инной. Однажды я обратил внимание на то, как громко и торжественно звонят колокола Князь-Владимирского собора. Я вспомнил, что как раз сегодня 18 августа, канун дня Преображения Господня. Я зашёл в храм. Хор величественно пел: «Да воссияет и нам, грешным, Свет Твой присносущный. Молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе».

И последний штрих. Господин Отто теперь живёт у меня, ест «Кити кэт» и сметану и вполне доволен жизнью.

Бог-Агнец славу Отчую являет,
И пламезарный пенится фиал,
Вином пьянящим полнится бокал,
И Божий Град подвижник созерцает.

Конец тревог. Начало всех путей,
Восторг труда, надежд свершенье.
Завета нерушимо исполненье,
Как нерушима преданность людей.

И страждет дух божественных чудес,
Пока ещё в беспамятстве томится,
Пока ещё глумится мелкий бес.

Но луч зари уже окрасил лес,
И словно Книги Бытия страницы
Открылись в лучезарности небес.

FINIS CORONAT OPUS

Санкт-Петербург, май-август 2002 года

Е. А. ТОРЧИНОВ

Апостолы дракона (алхимический роман)

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

Не высотой славны горы, а живущими на них бессмертными.
Не глубиной одухотворяются воды, а пребывающими в них драконами.

Поэт Лю Юй-си (772–842)

ПРОЛОГ

Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный сиял до начала начал всех времён, и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем, и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушёл из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?) и там, откуда ушёл он, возникла зияющая пустота ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нём самом возникло и раскололось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творенье словно бунт против превечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении.

Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергнутое творение, его связал своим могучим Словом и сверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там заточив его. С тех пор Светы, отвергнувшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучениям отвергнутого творения Света удаётся освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым.

И вот один из таких Драконов появился вновь в первый год XXI века как московский ученый Андрей Королёв, но его разрушительные планы потерпели поражение, как об этом рассказывается в романе «Таинственная самка». Дракон вернулся в бездны техиру, но апостолы и последователи Дракона остались. О них и будет рассказано здесь.

ГЛАВА 1,

в которой герой повествования получает некое приглашение

Я сидел за своим столом в секторальном кабинете института и задумчиво вертел в руках только что полученное письмо. Шёл ноябрь месяц, уже установилась холодная зимняя, хотя и бесснежная погода, что было, конечно, много лучше, чем обычная для этого времени года изморозь во мраке. Днём было даже солнечно, хотя, увы, в наших широтах солнце в это время года слишком рано садится, уступая место ночной мгле. Можно сказать, что в наших полуночных землях избыток как ян, так и инь: летом слишком светло, знаменитые белые ночи, а зимой слишком темно... Но что поделать, приходится как-то приспособляться к этим контрастам.

Итак, стоял ноябрь уж у двора (точнее, уже был на дворе). С конца июля, когда трагические события метафизического, можно сказать, характера привели к раскрытию дела о хищении психоделика, в моей жизни произошло несколько изменений. Во-первых, я начал преподавать: Русский гуманитарный университет пригласил меня прочитать для студентов старших курсов лекции по психопрактике мировых религий, на что я согласился прежде всего из желания подработать. Однако к моему полному изумлению преподавать мне понравилось, я с удовольствием читал лекции, консультировал студентов и даже взялся руководить несколькими курсовыми. Преподавание в этом университете велось исключительно в вечернее время, что мне тоже было удобно (терпеть не могу рано вставать и куда-то нестись, да и соображаю я по утрам неважно). Последнее время руководство РГУ даже стало намекать: не создать ли им кафедру трансперсональной психологии с тем, чтобы я её возглавил. Подобный поворот событий, однако, пока не входил в мои планы (точнее, я не был к нему морально готов), поэтому я отвечал на эти намёки весьма неопределённо, хотя и не отрицательно: поживём, дескать, увидим.

Это, во-первых. А во-вторых, вдруг внезапно сдвинулась с мёртвой точки докторская защита. В один прекрасный день призвал меня к себе заведующий нашим сектором Алексей Митрофанович Евлампиев и сообщил, что руководство института и сам Георгий Тигранович лично не возражают против того, чтобы я

защищался. Но не в нашем институте, а где-нибудь в другом месте, например, в университете (имелся в виду, конечно, «большой» университет — Санкт-Петербургский государственный). Я навёл справки и выяснил, что в СПбГУ защититься вряд ли удастся из-за тамошней внутренней конъюнктуры, но зато моей темой заинтересовались в СПб части Института культурологии и культурной антропологии РАН. Зав. сектором культурной антропологии профессор Михаил Александрович Решетников прочитал текст моего опуса и решительно порекомендовал мне защищаться у них на спецсовете по культурной антропологии. Пришлось, правда, изменить формулировку темы: из «Психопрактики даосизма. Опыт трансперсонального анализа» она превратилась в «Даосские практики. Опыт культурно-антропологического описания». Впрочем, что в лоб, что по лбу, как говорится. Ну и третье: уважаемое издательство «Петербургский трансперсонализм», располагавшееся в стенах нашего храма науки, издало и монографию по теме диссертации, так что все формальные препятствия к защите исчезли.

И вот в результате я разрывался между основным местом работы (СПб отделение Института трансперсональной психологии РАН): я честно ходил «в присутствии» три раза в неделю (третий, впрочем, не всегда), вечерними лекциями в РГУ и диссертационными хлопотами в СПб Ф ИКиКА РАН (бумаги, бумаги, бумаги...). Дома всё было, хвала всем богам, благополучно: Инна занималась переводами и вела хозяйство (всё-таки она работала дома, и ей не надо было бывать «в присутствии»), а Филипп, без особых, впрочем, успехов, учился в восьмом классе, осваивал разные компьютерные премудрости и изводил нас по вечерам тяжёлым роком. Но когда в семье нет перемен, а всё идёт своим чередом, оно и к лучшему. Я, по крайней мере, так считаю. Одним словом, всё было хорошо. И вот теперь это письмо... В нём, собственно, не было ничего плохого или даже тревожного, но чем-то оно мне определённо не нравилось.

Я снова (в который уже раз) развернул это послание и перечитал его. Письмо было написано на бланке некоего общества «Путь Дракона» (юридический адрес, телефон, факс, электронная почта) и гласило:

Уважаемый Константин Владимирович!

Зная Вас как известного учёного и специалиста в области трансперсональной психологии, религиоведения и изменённых состояний сознания, мы рады пригласить Вас на презентацию нашего Общества, которая состоится в четверг 15 ноября в 18.30 в помещении Русского Императорского Географического общества.

С уважением,
Президент общества «Путь Дракона»

/А.И. Богословский/

Вот, собственно, и всё. Казалось бы, самое обычное письмо. Таких писем со всякими приглашениями и просьбами о консультациях каждый сотрудник нашего института получал десятками. И место презентации вполне респектабельное —

Географическое общество... К тому же, все знали, что я занимаюсь китаеведными сюжетами — даосскими психотехниками, поэтому «Путь Дракона» тоже не вызывал особого удивления (вон сколько китайских ресторанов с названиями «Золотой дракон», «Дракон и тигр», «Императорский дракон» теперь появилось в Питере, Москве и других крупных городах РАСЕИ-матушки). Беспokoило меня другое. Если «дракон» здесь мыслился, так сказать, в китайском контексте, то естественным было бы ожидать в дизайне бланка сего славного общества китайских иероглифов. Но их не было, ни одного... Вместо китайских иероглифов в верхней части бланка по центру красовалась первая буква ивритского (арамейского, идишского) алфавита: прославленный Борхесом «алеф». Вот этот-то алеф и смущал меня, меняя всю культурную семиотику слова «дракон». И эта семиотика меня пугала, напоминая о бурных, мучительных и трагических событиях лета этого года, тесно связанных именно с Драконом, но Драконом не китайской символики, а каббалистической мистики, одним из драконов учения каббалистического мессии Саббатая Цеви и его пророка-визионера Натана из Газы. И именно это мне не нравилось. Я решил сделать допущение, что в названии приглашающего меня Общества имеется в виду именно саббатианский дракон, и прикинуть, что в таком случае это может означать. Мои выкладки мне опять-таки не понравились.

Я прекрасно помнил, что Андрей Королёв, низвергнутый обратно в бездну Дракон, в своё время приглашал меня в свою организацию. У меня в ушах прямо-таки звучал его голос: «Константин, вы же умный человек. Ваши работы хорошо известны. Я думаю, что в России мало молодых трансперсоналистов вашего уровня. Надо готовить людей к возвращению Машиаха. Согласны вы работать с нами?»

Тогда я ответил на это: «С вами? А сколько вас и кто вы такие?»

«Неважно, сколько нас, считайте, что я и Илья, но это ничего не значит, у нас много работы и нам нужен классный трансперсоналист».

Далее я категорически отказался, и наш разговор завершился так: «Вряд ли живым существам нужны какие-то инфантильные полуподпольные сообщества».

«Короче говоря, вы отказываетесь?»

«Совершенно определённо».

После этого Андрей ушёл от меня, предварительно загипнотизировав. Дескать, не хочешь работать добровольно, будешь принудительно. И я, увы, работал... Впрочем, об этом уже подробно рассказано.

Допустим, что теперь после ухода самого Дракона, или Анти-Христа, как мы ещё его называли, остались его последователи, та самая организация, о которой он говорил. Ясно, что никакого Ильи (Илья Гданьский, мой приятель) там нет и не было, он был какое-то время тоже несколько зачарован, вот и всё. Но кто там есть и что им надо? Тут я вспомнил анекдот, слышанный мной ещё в детстве.

Приходит к хирургу пациент и говорит:

«Доктор, у меня в животе лягушка сидит и из меня соки сосёт».

Ну хирург разрезал больного, снова зашил и сказал, что лягушку из желудка удалил. Больной подумал-подумал и сказал:

«Да, лягушку удалили, а лягушата-то остались!»

Как бы и тут такого не получилось: Дракона-то больше нет, а его последователи и клеветы остались. Если это так, то что им от меня нужно? Вряд ли они обращаются ко мне с хорошими намерениями. Наверняка считают причастным к провалу разрушительных планов своего господина и лелеют мысли о мщении. А если они фанатики, то ничего хорошего мне не светит. А они наверняка фанатики.

Так что же делать — идти или не идти (прямо-таки гамлетовский вопрос)?

Если я пойду, то всё, по крайней мере, скоро выяснится. А если не пойду? Не оставят они меня в покое, если уже зацепили, всё равно рано или поздно достанут, как теперь говорят. Может быть, позвонить Анатолию, оккультисту с погонями ФСБ? Ну, уж нет, буду сам расхлёбывать. А Анатолий никуда не денется, это уж средство на крайний случай. Не будут же они сразу меня вешать или жечь на костре. Если ни к саббатизму, ни к Андрею Королёву они никакого отношения не имеют и просто являются каким-нибудь клубом ушу или цигун, то тоже ничего страшного не случится, просто время потеряю. Ну один вечер можно, не всё же по жёсткому графику жить. Таким образом я уговорил сам себя нарушить моё обычное правило игнорировать подобные приглашения и пойти на презентацию общества «Путь дракона». Было ещё только 12 ноября и у меня оставались пара-тройка дней подготовиться к мероприятию. Для начала я всё же решил встретиться с Ильёй и спросить, не встречался ли он с кем-нибудь из сторонников Андрея в период своего мессианского помрачения.

Я позвонил ему в психотерапевтический центр «Асклепий», в котором он работал. Илья оказался на месте:

«Привет! Что, опять мессия явился? Вряд ли ты мне просто так звонишь. Теперь-то уж меня не проведёшь. Ну выкладывай, что ещё там случилось в космическом масштабе?».

«Знаешь, Илья, я всё-таки в институте, телефон в коридоре, сам понимаешь. Может быть, после работы встретимся, выпьем пивка-кофейка?»

«Ну хорошо, давай на Петроградской где-нибудь. И тебе удобно, и мне. Давай в шесть у выхода с эскалатора, да, на Петроградской. А там найдём какое-нибудь заведение».

«Всё, договорились, до встречи».

«Пока».

Тут я вспомнил, что у меня есть знакомая дама в Отделе юстиции Петербурга, где как раз регистрируют религиозные и общественные организации. Я не раз консультировал её по вопросам регистрации разных религиозных общин, особенно с восточным оттенком, и она прониклась ко мне уважением. Я не стал звонить с телефона в коридоре нашего этажа, а спустился вниз, где имелась более или менее изолированная от любопытных ушей кабинка. Порывшись в записной книжке, я обнаружил нужный телефон и позвонил.

«Здравствуйте. А можно попросить Веру Михайловну? А это как раз вы, рад вас слышать, Вера Михайловна. Это вас Ризин, да, Константин Ризин из ИТП РАН беспокоит. Не забыли меня? Нет? Ну прекрасно, прекрасно. Что? Брахма кумарис? Дщери Брахмы, что ли? Нет, про этих весталок я ничего не знаю, не мой профиль. Позвоните лучше индологам в Институт востоковедения или на Во-

сточный факультет. Хорошо, хорошо, не за что. А у меня к вам просьба есть огромная, Вера Михайловна. Да, у вас тут недавно должна была регистрироваться общественная организация, “Путь Дракона” называется. Не помните, что у них там в уставных документах. Помните? А, так только что зарегистрировали... Да, меня как раз на презентацию пригласили. Поэтому и хочу узнать, что это такое. А то не хочется к разным шаманам-шарлатанам ходить...»

Через минуту я уже знал, что общество «Путь Дракона» ставит своей целью изучение и творческое освоение (так прямо и было сказано, надо же!) эзотерического наследия человечества и мистико-герметических традиций Востока и Запада. Общество планирует издавать серию эзотерических текстов «Тёмный Свет» (гм...), заниматься благотворительной и коммерческой деятельностью и так далее и тому подобное.

Рассыпавшись в благодарностях, я распрощался с Верой Михайловной. Увы, её информация мне ничего не дала: учредительные документы были составлены нарочито обтекаемо и предельно неконкретно. Впрочем, и это информация: темнят, что-то скрывают. Серия «Тёмный Свет»... Может быть, здесь скрыт намёк на «безмысленные» нетворящие Светы каббалы Натана из Газы. А может быть, просто Розанов, Василий Васильевич, со своим «Тёмным ликом» и «тёмным светом» религии... Непонятно. Имена учредителей мне тоже ни о чём не говорили, во всяком случае, среди моих знакомых они явно не числились.

Я поднялся на свой этаж, потрепался о том о сём со своим дружкой Серёгой Соловьёвым (когда я встретил его в курилке на лестничной площадке, он разносил на чём свет стоит «Остров накануне» Умберто Эко, заявив напоследок, что у этого автора всегда всё начинается за здравие, а кончается за упокой, что лично ему неприятно), потом сыграл партию в шашки с Георгием Леопольдовичем Троллем, которому заодно подарил свою новоизданную книжку и автореферат диссертации, напомнил в секторе, что в среду делаю доклад на институтском семинаре и надеюсь увидеть на нём коллег и покинул институт. До встречи с Ильёй мне хотелось ещё заглянуть в БАН — Библиотеку Академии наук («ты где был?» — «в БАНе», любимая аспирантская шутка, передающаяся из поколения в поколение) и заказать там на абонемент кое-какие книги. Ну, а раз БАН, то придётся и на психфак университета заглянуть... Так время и пролетело. В результате я чуть не опоздал на встречу с Ильёй и влетел в вестибюль метро «Петроградская» совершенно запыхавшимся: от кольца маршрутки на Бармалеевой я буквально бежал, а мой остеохондроз реагирует на бег жуткой отдышкой, увы.

К моему удовольствию, я всё же пришел на условленное место первым. Правда, ждать мне особенно не пришлось, и Илья появился (тоже с улицы, а не из жерла эскалатора) буквально через пару минут. Близ ДК Ленсовета (даже не знаю, переименовали ли его сейчас) мы нашли приемлемое заведение с кофе и пивом (я взял пиво и гамбургер, а Илья — кофе и бутерброд с селёдкой) и приступили к беседе.

«Вот, посмотри», — я подал Илье пригласительное письмо. Илья внимательно прочитал его.

«Ну и что? Какой-нибудь клуб ушуистов или любителей китайской кухни».

«Как бы не так, кухни... Обрати внимание на буковку в виньеточке. А? Что, узнаёшь родной алеф?»

«Ну, узнаю. И опять-таки что тут такого? Ну образованные люди, Борхеса читают. Что ты паникуешь из-за всякой ерунды! Тебе, правда, к нам в центр надо подлечиться».

Я подробно изложил Илье свои соображения. Он задумался.

«Да, Костик, не исключено, конечно, не исключено. Но наряду со всем прочим. Фифти-фифти, так сказать...».

«Скажи, пожалуйста, друг мой ситный, в период твоего знакомства с покойным Андреем тебе ничего не приходилось слышать о его организации? Или, может быть, ты встречался с кем-нибудь из его знакомых?»

«Нет, нет и нет. Только с ним. Кстати, ты сказал, что в Отделе юстиции тебе имена учредителей назвали. Ты запомнил?»

«Запомнил фамилии три, кажется. Ну, во-первых, этот самый А.И. Богословский. Во-вторых, некий Артамонов. И ещё дама по фамилии, по фамилии... как же её..., а да! Тигринская! Такая своеобразная фамилия, а я чуть не забыл».

На Тигринскую Илье не отреагировал ровным счётом никак, а вот фамилия Артамонов его чем-то заинтересовала.

«А ты не помнишь, как его зовут? Не Павел ли Аркадьевич?»

«Нет, не помню. Она мне без имён-отчеств называла».

«Гм... А не позвонишь ей сейчас ещё разок уточнить? Тут в двух шагах таксофон есть, а я тебе карточку дам».

«Хорошо, позвоню».

Через пять минут я уже знал, что да, учредителя Артамонова зовут именно Павел Аркадьевич.

«Любопытно..., — протянул в задумчивости Илье, — похоже, это тот самый. Ладно, слушай теперь мою историю». И Илье поведал мне нечто такое, что меня, прямо скажем, заинтриговало, хотя ничего и не разъяснило.

Итак, Илье повествовал:

«Я встречался с этим Артамоновым лет этак двадцать пять (уже четверть века прошло!) тому назад, при застое, так сказать. Ты тогда вообще ещё в школе учился, а я был студентом. Несмотря на мой вполне позитивистский настрой, я интересовался всем подряд и общался с самыми разными людьми. Потом, когда я уже стал психотерапевтом, это пригодилось. Знание людей и их интересов всегда помогает. Весной 1975 или 1976 года познакомили меня с одной компанией, якобы мистиков и оккультистов. На самом деле, ребята просто собирались вместе поразвлечься под таким пряным соусом. Из всей этой компании серьёзно к оккультным наукам относился, пожалуй, только один человек, считавший себя астрологом. По-моему, сейчас он стал даже профессиональным астрологом, причём не шарлатаном (это не значит, что я всерьёз отношусь к астрологии, но он как раз относится). Ну а тогда мы развлекались. Ездили вместе в Пушкин и Павловск, обсуждали Кастанеду и всё такое прочее. Иногда на эти сборища стал захаживать ещё один человек, постарше нас лет на десять, я думаю, ну очень нелюдимый был: придёт и сидит в углу. Это как раз и был Артамонов. Привела его к нам некая Марина, которая играла-играла в йогу и тантру, а в результате стала такой православной тётушкой из-за свечного ящика — в платочке и синей

юбке до пят. Но тогда это была йогини и дакини, о православии и слышать ничего не хотела. Так вот, эта самая Марина сказала, что Артамонов — очень интересный человек, настоящий алхимик. Правда, об алхимии (да и о чём-либо ином) он помалкивал, только сидел в углу, молча смотрел на нас и чай попивал.

Однажды я не выдержал, разобрало меня любопытство, и я завёл разговор об алхимии. Тут меня и наш астролог поддержал. Забавно это у них. Когда начинаешь, исходя из позитивистских критериев, критиковать астрологию, астрологи вам сразу же скажут, что к их науке с позиций ньютоно-картезианской парадигмы подходить бессмысленно и что тут нужен иной мировоззренческий контекст. Но когда они обрушиваются на конкурирующие фирмы — на магию там или алхимию, сами становятся позитивистами и выдвигают точно такие же аргументы, которые с негодованием отвергали, когда эти аргументы адресовали им. Наш астролог именно этим занялся. Артамонов послушал немного молча, потом махнул рукой и перевёл разговор на другую тему, очень скоро незаметно выйдя из него и снова погрузившись в отстранённое созерцание происходящего. Меня его реакция заинтересовала даже чисто психологически, и когда народ стал расходиться, я пристроился к Артамонову и дошёл с ним почти до его дома. Тут уж (когда вдвоём идешь) не отмолчишься, пришлось ему поговорить со мной. И этот разговор оказался достаточно интересным.

Я начал с того, что спросил, а как он, собственно, занимается алхимией — что-то там переплавляет, сплавляет или что? Тогда ведь даже книжка Рабиновича ещё не вышла, я об алхимии имел самое что ни на есть обывательское представление. Он улыбнулся и говорит: “Нет, я иностранными языками занимаюсь”. Я так и остолбенел. “Не понимаю”, — говорю. Он снова улыбается. “Понимаете, — это он мне объясняет, — где-нибудь на Западе, во Франции, скажем, может быть, и можно найти настоящего учителя. Там всё-таки ещё недавно Фулканелли был, да и другие...” В скобках замечу, что тогда я впервые имя Фулканелли услышал, потом второй раз — от тебя совсем недавно, когда у вас этот пресловутый препарат украли. Но вернусь к нашему разговору с Артамоновым. “В Риме такой есть Клоссовски ди Рола, тоже вроде бы настоящий алхимик. А у нас... Всё самому приходится из книг, из текстов, из источников. А источники, увы, не по-русски писаны. По-русски даже Линн Торндайк про историю магии в Европе не прочтёшь, английский надо знать. А чтобы источники читать... Но мне повезло, я филфак, французское отделение закончил. Значит, основы старофранцузского и латыни у меня есть, и слава Богу. Поэтому занимаюсь другими языками — немного древнегреческим, так основами, а больше — арабским и китайским”. “Китайским!” — воскликнул я (надо сказать, что тогда Китай у меня больше ассоциировался с переломанными пальцами у музыкантов, хунвэйбинами и прочими эксцессами культурной революции, а никак не с алхимией). “Ну да, китайский. В Китае алхимия процветала, когда в Александрии к ней ещё только приступали. К тому же китайцы единственный народ, проводивший чёткую грань между внешней и внутренней алхимией и развивший и ту и другую”. Тут он мне поведал вкратце про лабораторную и психофизическую алхимию, ну, как раз про то, про что у тебя в книжке так подробно. У меня просто глаза на лоб полезли, я и не подозревал, что

китайцы таким занимались... Я-то всё думал — “горсточка риса, дохлая крыса и преогромный Мао портрет”, а тут такое. Потом я в Публичке по-английски Юнга прочитал про алхимию, спасибо Артамонову, а то так и пребывал бы в неведении.

Скоро мы с ним распрощались. Домой он меня не пригласил, да и в нашей компании бывать перестал, больше я его и не видел. И вот теперь твой “Путь Дракона”».

Илья закончил свой рассказ. Надо сказать, он меня несколько успокоил. Про каббалу ни слова, Китай, Фулканелли, ди Рола, арабский язык... Наверно, обжёгшись на молоке, я уже на воду дую. Скорее всего, этот Дракон саббатианским драконам не товарищ. Оно и к лучшему. Я твёрдо решил пойти на презентацию.

Мы вышли на улицу. Было совсем темно, но ясно. На небе сияли уже по-зимнему яркие звёзды. Снега почти не было, но тротуар уже местами обледенел. Время от времени налетали порывы морозного ветра. Я застегнул верхнюю пуговицу своего плаща и потуже затянул на шее шарф. Илья пошёл на метро, я пешком направился к себе на Съезжинскую. Надо сегодня лечь пораньше спать — завтра много беготни по диссертационным делам — один оппонент, другой оппонент (один был из Москвы, и ему я отправил текст диссертации с оказией), надо в ведущее учреждение забежать, проверить, пишут ли они отзыв, не проконтролируй, так ведь забудут ещё. Бывали такие случаи... Предаваясь этим суетным мыслям, я незаметно добрался до дома, где получил мягкий выговор от Инны за то, что не предупреждаю, что задерживаюсь (а телефон у вас в институте зачем?) и ультимативное требование Филиппа выдать ему двести рублей на комиксы (одновременно было заявлено, что в школе всё нормально, двоек и вызовов родителей нет — слава Богу, а то ведь бывало, бывало и даже неоднократно). У Инны было испрошено прощение, Филиппу обещаны деньги после зарплаты (явственная демонстрация неудовольствия), ужин, компьютер с одновременным включением телевизора и наконец койка. Только бы драконы не снились, подумал я, засыпая. Они и не приснились...

Если вы заинтересовались рассказанным, добро пожаловать в следующую главу!

ГЛАВА 2

Презентация и демонстрация. Чем-то подозрителен всё же этот «Путь Дракона»

В четверг в 18.30 я входил в почтенное здание Географического общества в Гривцовом переулке, прогулявшись до него пешком аж от Гостиного двора по Садовой. Как ни странно, не опоздал. В Географическом обществе было тихо и пусто. Стены, слышавшие Пржевальского и Миклухо-Маклая, внимали тишине. Казалось, что здание вымерло. Всё респектабельно, достойно, даже величественно («аромат высокой древности», как сказали бы в старом Китае), но... слишком похоже на храм богов, которым перестали поклоняться. Жертвенник остыл, жрецы разбежались, вещий глас струй Кастальских умолк. Но храм оставленный — всё храм, кумир поверженный — всё бог. В гардеробе раздевалось два человека, на

вешалках висело не более десятка плащей и пальто. Не густо будет народа на презентации, не густо. Раздевшись, я спросил у служительницы, которая, судя по её возрасту, вполне могла видеть Семёнова-Тян-Шанского, где состоится презентация общества «Путь Дракона», и получил ответ, что в малой библиотеке на втором этаже. Я поднялся вверх. Из приоткрытой гигантской дубовой двери в полутёмный коридор лился свет. Значит, жизнь здесь всё же есть. Я вошёл внутрь и огляделся.

Малая библиотека представляла собой довольно большую вытянутую комнату с высокими старинными книжными шкафами по стенам. В центре практически во всю длину зала стоял длинный стол, покрытый классическим зелёным сукном. Свет лился из антикварной люстры на потолке и из двух настольных ламп на столе, покрытых зелёными абажурами. Несмотря на это, свет в комнате казался каким-то янтарно-абрикосовым, каким он бывает почему-то только в старинных интерьерах. За столом сидело человек десять, публика довольно разномастная и разновозрастная. Несколько молодых людей, одна глубокая старушка (эта, скорее всего, из завсегдатаев здешних мероприятий, ей явно все равно, на что ходить — на «Путь Дракона» или на лекцию о парках Версаля) и несколько классических интеллигентов эпохи застоя — молодость их явно приходилась на эпоху брежневского детанта, и поэтому я мог практически считать их «эпохально близкими» (во всяком случае мне это лишь чуть старше, нежели моё, поколение ближе и понятнее следующего, плохо знающего, кто такой Ленин, не имеющего опыта кухонных посиделок и чтения самиздатовских распечаток и не улыбающегося при цитировании Ильфа и Петрова). Во главе стола сидел мужчина средних лет, почему-то напомнивший мне Мережковского, каким тот изображён на фотографии первого тома сытинского издания его сочинений 1914 года — маленький, довольно шуплый (скажем лучше, subtilный), в очках и с чёрной аккуратно подстриженной бородкой. Его большие чёрные глаза, несомненно, светились умом. Этот человек мне определённо понравился, и я почувствовал себя спокойнее. Во всяком случае, откровенных шарлатанов или сумасшедших здесь вроде бы не наблюдалось. На столе перед председательствующим я заметил жёлтый флажок, который успокоил меня ещё больше: на нём я усмотрел иероглифы «тун дао» («путь дракона») — значит всё же Дальний Восток, а не каббала.

В зал вошёл ещё один человек лет сорока пяти, в джинсах, свитере и клетчатой рубашке с расстёгнутым воротом. Среднего роста с русыми волосами, тонким носом с горбинкой и небольшими усиками. В руках он держал блокнот с вложенной в него шариковой ручкой. Он подошёл к «Мережковскому», и они поздоровались за руку. Минут через десять (на моих часах было уже семь, начало презентации явно запаздывало) в зал вошли три дамы, одна из них серая и невзрачная («церковная мышка», — подумал я про себя), одна молодящаяся с миной КСП-шной жизнерадостности и турпоходовского оптимизма на лице (не люблю такой тип, очень утомляет — все эти «а я еду, а я еду за туманом» явно не для меня) и одна совершенно другого типа, энергичная, с умеренной косметикой, в хорошем брючном костюме и с очень деловым выражением на лице. «Явная феминистка», — подумал я. Две дамы уселись на стульях, а феминистка направилась к председателю.

ствующему и что-то сказала ему на ухо, тот улыбнулся и усадил её рядом с собой. «А вот и Гиппиус пожаловала», — возникла в голове несколько ёрническая мысль.

Мужчина с усиками передал председательствующему плеер с присоединёнными к нему маленькими колонками. Тот включил плеер, и из него зазвучала довольно мелодичная музыка с отчётливо восточным колоритом. Минуты через три плеер был выключен, председательствующий поднялся и заговорил приятным бархатистым баритоном.

«Уважаемые дамы и господа! Дорогие коллеги и единомышленники! Досточтимые гости! Вы прослушали гимн нашей организации, написанный нашим уважаемым секретарём Юрием Ефимовичем Анисимовым, композитором по призванию и по профессии. Конечно, мне приходится принести извинения за качество звука, но... (он широко развел руками) не будем о грустном. Пока же позвольте мне открыть наше первое официальное заседание, презентацию нашего юного общества и предоставить слово всеми нами ценимому Павлу Аркадьевичу Артамонову, без которого не то что нашего общества, но даже его идеи бы не существовало».

Раздались довольно жидкие аплодисменты. При имени Артамонова я несколько напрягся: вот он, алхимик Ильи! Как я подсознательно и ожидал, с места поднялся мужчина с усиками и заговорил медленно, слегка картавя (чувствовался очень лёгкий южнорусский или восточноукраинский акцент). Первый оратор оказался отнюдь не златоустом (как я убедился позднее, писал он гораздо лучше, нежели говорил), но краткость была явно сильной стороной его красноречия. Воспроизвожу его краткое выступление без купюр (оно и так было крайне непродолжительным), но с некоторой стилистической коррекцией, поскольку, повторяю, элоквенция его речи была весьма относительной.

«Наше общество создано для того, чтобы мы занимались делом. Наша интеллигенция любит поболтать о высоких материях, а делом заниматься не любит. Беда России — это слово “духовность”, от которого одни закатывают глаза к небеси, а другие начинают писать кипятком. Ах, духовность... Ах, Восток, ах махатмы! Ах, православный русский дух! Всё ахи да вздохи. Наше общество не для этого, будем работать, будем заниматься делом, а не духовностью. Вначале надо языки учить и над текстами покорпеть или хоть на голове постоять, а потом уже про “духовность” говорить».

«Мережковский» слушал речь своего коллеги и, видимо, друга с лёгкой улыбкой. Когда тот сел на место, «Мережковский» встал и произнес: «Ну а теперь позвольте мне предоставить слово самому себе. Поскольку у нас присутствуют уважаемые гости (он не без эlegantности слегка поклонился в мою сторону), которым не имею чести быть представленным, восполню этот пробел, игнорируя как китайские, так и британские церемонии. Александр Иванович Богословский, кандидат технических наук, философ-любитель (ничего, Юм со Спинозой тоже были любителями, — снова лёгкая улыбка: не воспринимайте, мол, всерьёз, мании величия у меня нет) и президент этого ещё пока не славного общества (аплодисменты). Позвольте мне ныне, уважаемые господа и единомышленники, представить на ваше усмотрение и рассмотрение скучный доклад или, как говаривали в

старину, реферат о драконе. Ибо, не понимая символизма и семантики этого существа, вы не сможете понять целей, задач и специфики нашего, как сказано в свидетельстве о регистрации, общественного объединения граждан».

Далее последовал доклад об образе дракона в культурах мира. Не было забыто ничего — ни индийские Вритра и Шеша, ни славянский Змей-Горыныч, ни пернатый змей Кетцалькоатль, ни средневековые драконы, с которыми сражались святой Георгий Победоносец и бесстрашные рыцари из романов, сведших с ума несчастного идадьго из Ламанчи. Особое место, конечно, в этом докладе было уделено Китаю, докладчик поведал о культе Царя-Дракона (Лун-вана), об императорском «луне» и более демократическом «мане», о драконе и тигре в контексте символики даосской алхимии (наверно, результат влияния Артамонова) и о многом другом. Не забыта была и Библия, от Медного Змия, воздвигнутого Моисеем в пустыне, докладчик перешёл к гностикам, рассказал об офитах и каинитах, подчеркнув, что Змий-искуситель Книги Бытия для них был Змием Моисея — грядущим Христом, благодатным избавителем и освободителем от тирании запретов злобного демиурга Иалдабаофа. Только о драконах Натана из Газы и саббатанской каббалы не было сказано ничего. И это не было подозрительным, напротив, вполне естественным: откуда им про это знать? Только у Шолема есть кое-что, да в паре англоязычных статей израильских учёных... Один пассаж из речи «Мережковского» (прошу прощения, Богословского) привлёк мое внимание как оригинальный и достаточно остроумный. Воспроизвожу его по памяти максимально близко к тому, что звучало в тот вечер в Географическом обществе.

«Известный английский буддолог Эдвард Конзе, кстати, прошедший путь от марксизма к буддизму, в одной из своих последних книг заметил, что по какой-то странной случайности буддизм распространился только у народов, мифологии которых имели позитивный образ змеев и драконов, и не имел успеха у народов, отрицательно относившихся к этим рептилиям. Конзе ограничился констатацией этого обстоятельства, мы же должны пойти дальше и установить архетипическую связь между драконофилией и тем типом религиозности и, шире, духовности (да простит меня господин Артамонов), который представляет буддизм».

В заключение своей речи Александр Иванович упомянул Дракона Возрождённого из фэнтезийной саги Роберта Джордана «Колесо Времени» и задался вопросом: что из всего этого вытекает и что мы (то бишь члены общества) должны делать. Ответ оказался достаточно лапидарным: идти Путём Дракона, погружаться в пучины оккультных тайн и взмывать в горние выси религиозных и мистических прозрений, исследовать добро и зло ради преображения и обновления.

После речи шефа выступила дама с внешностью несколько увядшей светской львицы с крашеными хной волосами, которая объявила, что о-бо-жа-ет китайскую классическую литературу (а Дракон — это ведь Китай!), и поэтому прочитает несколько стихов (триолетов!), написанных под впечатлением ге-ни-аль-но-го романа Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме». И прочитала! Поскольку идея писать на китайские сюжеты ТРИОЛЕТЫ показалась мне какой-то особо экстравагантно-эстетской, я взял потом у дамы тексты её поэз и переписал их. Поэтому имею возможность воспроизвести их здесь. Триолеты, кстати, оказались

вполне недурны. Что касается их содержания, то оно становится вполне понятным при чтении «Сна в красном тереме», вполне доступного для каждого русскоязычного читателя, ибо роман сей уже полвека как переведён на язык Толстого, Достоевского и Чехова. Поэтому от каких-либо комментариев содержательного плана я воздерживаюсь. Итак, русско-китайский диван мадам Тигринской. Триолеты.

1.

Пускай пока веселится
 Душа, отягчённая сном.
 Отрок, мечтавший забыться,
 Пускай пока веселится.
 Час не пришёл — не стучится
 Бед предугаданных сонм.
 Пускай пока веселится
 Душа, отягчённая сном.

2.

В грёзах, неге, печали
 Фея реки Сяоян,
 Вешние дни стояли
 В грёзах, неге, печали.
 Беды, которых не ждали,
 Где розы цвели — бурьян.
 В грёзах, неге, печали
 Фея реки Сяоян.

3.

Тоскою нефрит отуманен,
 Предначертанье сбылось.
 Лик его ясный печален,
 Тоскою нефрит отуманен.
 В райских покоях тот странен,
 Чьё сердце к земному влеклось.
 Тоскою нефрит отуманен,
 Предначертанье сбылось.

На чтении сих поэтических строк презентация (точнее, как оказалось, её экзотерическая часть) закончилась, Александр Иванович объявил, что первое рабочее заседание общества состоится в последний четверг месяца в 19 часов в Красногвардейской районной библиотеке (Индустриальный проспект, д. 51) и что на него приглашаются все зарегистрированные члены общества и все желающие вступить в него. Засим все начали расходиться.

Я тоже собрался уходить, когда ко мне подошел Богословский: «Уважаемый Константин Владимирович, премного благодарны, что вы пришли. Мы ведь хорошо вас знаем и не только как психолога и религиоведа, поверьте мне». Увидев мою удивлённую мину, он замахал руками: дескать, полноте, полноте; ну раз не

хотите затрагивать эту тему, то не надо, конечно. Затем продолжил: «Будьте любезны, Константин Владимирович, не уходите. У нас тут ещё ужин запланирован, для внутреннего, так сказать, круга. Мы столик в китайском ресторане заказали. В “Аквариуме”. Это на Петроградской, недалеко от метро “Горьковская”».

Пришлось согласиться, тем более что мне самому стало любопытно, что всё это значит. К Богословскому и Артамонову подходили присутствующие, заводили какие-то разговоры, но те их не очень-то поддерживали. В конце концов мы («внутренний круг» по терминологии Богословского — и когда это я успел в него войти?) спустились вниз и покинули почтенные стены Географического общества последними. «Мы» — это Богословский, Артамонов, феминистка-«Гиппиус», которая действительно оказалась женой Богословского по имени Аглая Фёдоровна, ещё один господин, на которого я раньше не обратил внимания («знакомьтесь, наш драконовед и драконограф Игорь Ларионович Степаново, аристократическая, знаете, такая фамилия»), стареющий, довольно полный, с приятным добродушным лицом, ну и примкнувший к ним ваш покорный слуга.

Среди машин, стоявших в Гривцовом переулке, выделялся кремовый джип Нисан «Лэнд ровер», к которому к моему полному изумлению мы и направились. Вскоре чудо-машина домчала нас до Каменноостровского проспекта, и мы прошествовали в «Аквариум», один из самых дорогих питерских китайских ресторанов, принадлежащий сингапурским хозяевам. Подававшиеся блюда тоже плохо гармонировали с достойной бедностью мероприятия в Географическом обществе. Недоумение, видимо, отразилось на моем лице, поскольку Александр Иванович счёл нужным дать свои объяснения:

«Это всё Павел Аркадьевич, так сказать, наалхимичил (Павел Аркадьевич недовольно пробурчал: “Не люблю я эти обывательские шуточки про алхимию”). Он у нас, знаете ли, новый русский, предприниматель, бизнесмен. И не какая-то там торговля турецкими дубленками. Не-ет, тут знаете, всякие хитрые технологии, программное обеспечение, ноу-хау и прочее в том же роде. Он главный спонсор нашего общества. Если бы не он, то всё дело Дракона бы, пожалуй, накрылось, простите за просторечие».

Всё более или менее разъяснилось. Не знаю, как насчёт алхимии, но бизнесменом Артамонов явно был неплохим. Мы отдали должное великолепной кухне: дивные сладковатые угри, лобстеры, жареные трепанги и какой-то моллюск, по-китайски называющийся «бао юй», огромные креветки, свинина в кляре и многое другое. Дивно! При этом слегка сверлила мысль: за деньги, в которые обошёлся этот ужин, презентацию «Пути Дракона» (учитывая количество присутствовавших и длительность мероприятия) можно вполне было бы провести в какой-нибудь гостиной во дворце Белосельских-Белозерских, а то и в самом Юсуповском, благо там и ресторан «Дворянское гнездо» под боком... Как бы прочитав мои мысли, Павел Аркадьевич, сидевший за столом с насупленным от высоких, видимо, дум челом, вдруг промолвил: «Не надо баловать народ и приучать его к нездоровой роскоши», — и снова погрузился в молчание.

Подали десерт (европейский: фрукты, мороженое и тому подобное), и разговор плавно перешёл из светского в эзотерическое измерение. Собственно говоря, направление беседы совершенно неожиданно изменил Артамонов, до этого пребывавший в состоянии мрачноватой задумчивости. Он пристально посмотрел на меня и сказал: «Прочитал вашу книжку по даосской психопрактике. Я давно интересуюсь даосской алхимией, много чего прочитал, да и сам практикую».

Далее он стал перечислять прочитанное, и когда кроме переведённых на русский Гэ Хуна и Чжан Бо-дуаня упомянул малоизвестных и китаеведам Ли Дао-чуня, Бо Юй-чаня и даже полудаоса-полуконфуцианца Юй Яня, я проникся к нему уважением.

«Вы читаете по-китайски?»

«Читаю, но не слишком хорошо. Скажем, Гэ Хуна бы не прочитал, слишком кудрявая лексика и закрученная грамматика. А технические тексты — да, читаю, это не так сложно. Вначале прочитал Сунь Сы-мо, заглядывая в английский перевод Сивина, потом проделал то же самое с Чжан Бо-дуанем и русским переводом его трактата, а потом тексты такого типа уже легко пошли. Вот думаю за “Единение триады” Вэй Бо-яна приняться, такой кладезь... Вы мне вот что скажите. Я думаю, что даосская алхимия пришла в упадок именно из-за разрыва внешней и внутренней алхимии, тогда когда они должны бы сочетаться и, так сказать, дополнять и восполнять друг друга. “Нэй-вай шуан-сю” — “одновременная практика внешнего и внутреннего”. А так что получилось? Внешняя алхимия при монгольской Юань вообще исчезает, а внутренняя превращается в какую-то буддийскую медитацию. И нет китайской алхимии. На Западе тоже похожее произошло. Вначале алхимики стали суфлёрами, забыли про герметизм и оккультизм, потом суфлёры стали химиками, и алхимия кончилась. А те, которые суфлёров презирали, впали в другую крайность и превратили алхимию в метафору какой-то мистической созерцательной практики. Роберт Фладд там, Михаэль Майер (впрочем, “Бегущая Аталанта” с её музыкальным символизмом довольно интересна, но вряд ли для алхимика) или тем более Порредж. А масоны это подхватили. Им приятно было упаковывать всякие пиетизмы-квиетизмы в красивенькую алхимическую упаковку. Вы посмотрите на русские переводы Парацельса (вот великий человек был!), выполненные в новиковском кругу в екатерининское время. Кто в них алхимию найдет? Никто! Да она переводчиков и не интересовала, им надо было подать парацельсовский текст в контексте своих заморочек — нравственного совершенствования там, восхождения к деистическому Богу и прочее в том же духе. И смех и грех, одним словом. А Юнг начался всех этих Порреджей и Бёме и придумал психологическую алхимию. Интересно, конечно, но вздор почти полный».

Устав от такого длинного монолога, Павел Аркадьевич откинулся на спинку стула и сразу помрачнел. Народ был сражен как демонстрацией эрудиции, так и кощунственным «наездом» на Юнга (классик всё-таки, а его так — хук снизу, хук справа, хук слева). Первой нарушила молчание Аглая Фёдоровна, спросившая Артамонова красивым низким (в опере она пела бы Амнерис и принцессу Эболи),

но не томным, а вполне деловым голосом: «А кто такие суфлёры, Павел? Я-то думала, что они бывают в театре, а не в алхимии».

«Суфлёры — это алхимики-профаны, которые не понимали текстов и вместо философских субстанций возились с профаническими, технохимии такие. Вот благодаря этим суфлёрам и возник предрассудок, что алхимия — мать современной химии».

«Понятно. Вас послушать — одно удовольствие. Ничего не понятно, но интересно».

«Ну вы-то, Аглая, всё понимаете. Всё или почти всё. Вы же не Перекатаева с её триолетами».

Аглая Фёдоровна хмыкнула и замолчала.

Павел Аркадьевич снова заговорил: «Я вас, Константин, как-нибудь к себе приглашу. Сами посмотрите на мою лабораторию, у меня там преинтересные штучки имеются. И не откладывайте, а то, как вся эта драконовская операция начнётся, времени уже не будет».

Я вопросительно посмотрел на него («какая такая драконовская операция»), но он или ничего не заметил, или сделал вид, что не заметил и промолчал. А Александр Иванович пробормотал: «Ну зачем в ресторане-то?»

«С удовольствием зайду к вам, Павел (без отчеств, так без отчеств). Мне ещё никогда не приходилось видеть действующую алхимическую лабораторию. Как пригласите, так и зайду».

«А вы сейчас и не действующую нигде не увидите. Грамотную модель создать только три-четыре человека могут. Но они этим заниматься не будут. А когда вам зайти? Послезавтра я улетаю в Голландию по бизнесу и вернусь дня через три-четыре. Давайте, я потом вам позвоню. Какой у вас телефон?»

Я дал Павлу и всем остальным заодно свои телефоны и адрес для «мыла» (или «емели», как тоже иногда говорят). «Емеля», по-моему, таки лучше, но «мыло» по непонятной причине много популярнее. Кроме Павла свои координаты вручил мне также Богословский («Будем поддерживать связь, — сказал он, — нам надо быть вместе»).

Ужин закончился, официанты профессионально быстро убрали со стола, Павел заплатил карточкой, мы поднялись, оделись в удобном гардеробе и вышли на морозный, уже вполне зимний воздух. Братья-драконы предложили подбросить меня до дома на «Лэнд ровере», но я решил прогуляться пешком, благо находился недалеко от своего обиталища, и распрощался с ними. «Лэнд ровер» уехал, мягко шелестя нездешними шинами, а я довольно бодрой походкой направился на Съезжинскую. Надо было хорошенько всё обдумать.

Погода стояла морозная и ясная. Молодой месяц висел в тёмносинем, почти чёрном небе в окружении таинственно мерцающих звёзд. В детстве я интересовался астрономией и умел найти на небосклоне множество созвездий. Теперь, увы, почти всё позабыто. Всегда узнаю Кассиопею в виде буквы "W", Орион с поясом из трёх звёзд, Большую Медведицу, конечно. И это практически всё. Из планет обычно сразу распознаю Веспер — вечернюю Венеру, иногда Юпитер. Увы! Где, например, затаился на небосводе Дракон, царствующее созвездие времён Авраама, столь таинственно упомянутое в данной функции в «Книге Созидания»,

«Сефер Йецира»? Все филологи говорят, что эта мистическая книга написана поздно, около полутора тысячелетий тому назад. Но почему в ней именно Дракон, уже давно к тому времени сместившийся со своего небесного трона, связывается с Полярной звездой, как то было не полтора, а все четыре тысячелетия тому назад? Загадки, загадки, загадки... Я снова посмотрел на небо. «Звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас», — вспомнил я Канта. «Круглые светиющиеся шары, на которых подобно плесени возникла жизнь», — отозвался в моей голове его почитатель Шопенгауэр. И никакого нравственного закона внутри нас. Слепая воля, которая только и хочет, что хотеть, ибо она и есть хотение. Как говорится, «два мира — два Шапиро». И кто из них прав? Впрочем, знакомство с буддийской философией и наличие в нашей бренной действительности таких персонажей, как Чикатило и иже с ним, давно уже заставило меня усомниться в существовании этого самого «нравственного закона внутри нас». Драконы, драконы... Драконы на небе, драконы в «Аквариуме»... Драконы там, драконы здесь, без них не встать, без них не лечь... Тьфу, глупость какая!

Строго говоря, презентация должна была бы меня успокоить. Никакой каббалы, никакого саббатизма. Но что-то тут было не так. Эти взгляды... Недомолвки («Мы ведь хорошо вас знаем и не только как психолога и религиоведа, поверьте мне», — сказал Богословский; а Павел и ещё почише выдал: «И не откладывайте, а то как вся эта драконовская операция начнётся, времени уже не будет»). Какая это «операция», что он имел виду?). Короче, придётся продолжать с ними общаться (впрочем, интересные и приятные люди, а Павел так просто интригующая личность), пока понятно только то, что ничего не понятно. Но должно быть понятно. Одно всё же ясно: эти «драконы» отнюдь не так просты и невинны, как хотели представить себя своей «пастве» в Географическом обществе.

Тут я заметил, что ноги довели меня уже до дома. Я поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Мне открыл Филипп и тут же убежал обратно к своим играм, пока я не прогнал его от компьютера. Навстречу мне вышел потягивающийся рыжий кот — господин Отто, наследство покойного Дракона, или Анти-Христа, — Андрея Королёва. Я почесал его за ухом, кот немного потёрся о ноги, грациозно извернулся и направился куда-то по своим делам. Инна дремала в своей комнате (любит она дремать поздно вечером, а потом спать не ложится до пяти утра). Я прошёл к себе, чтобы переодеться. Филипп, конечно же, сидел за компьютером. Я бросил взгляд на письменный стол у окна и увидел на нём бумажный лист, на котором было напечатано на принтере (не на моём, у меня вообще нет принтера) крупным шрифтом:

ДРАКОН ВЕРНЁТСЯ!

Во мне всё похолодело.

Если вы хотите узнать, откуда взялась эта записка, прочтите следующую главу.

ГЛАВА 3,

в которой речь идёт о британской поэзии и еврейской мистике

Увидев этот лист бумаги с запиской у себя на столе, я обомлел и несколько секунд молчал, уставившись на стол. Потом я набросился на Филиппа: дескать,

откуда это? Кто сюда входил и кто положил. Реакция была одна: откуда я знаю, я вообще тут недавно, спроси маму. Разбуженная мама (всё равно нечего спать в двенадцатом часу, если не собираешься продолжать спать до утра) тоже всё отрицала и уверяла, что к нам вообще никто сегодня не только не приходил, но даже и не звонил. Я снова надавил на Филиппа, ибо если он не имеет к этому отношения, то речь идёт уже о полной мистике, а так как в мистику типа записок махатм, таинственно появлявшихся в сейфе мадам Блаватской, я не верил, то презумпция невиновности сына стала представляться мне весьма сомнительной. После увеличения нажима и бесплодности попыток ответить на него агрессией и воплями защита сына стала давать слабину, в его воплях праведного негодования появились нотки неуверенности и наконец он замолчал, опустив глаза долу.

«Ну всё, — торжествующе заявил я, — говори, что произошло».

Филипп кашлянул и начал неуверенным голосом: «Ну иду я по улице, а навстречу какой-то мужик типа бомжа, бородатый такой. Увидел меня и говорит: вот передай своему папе записку, только не в руки, а положи где-нибудь на видном месте и ничего ему не рассказывай. Я вначале попробовал послать его куда подальше, но он так привязался, что я взял бумагу. А он говорит: не вздумай, дескать, выбросить, узнаю — найду и башку оторву. Кто его знает, бомжа-то?»

Правда была явно неполна.

«Вот так просто он тебе пригрозил, а ты и согласился? Не верится что-то!»

Щёки Филиппа стали пунцовыми.

«Он мне дал денег на комиксы».

«Сколько?»

«Десять баксов».

«Где они?»

«Вот...» Из кармана джинсов извлекается мятая зелёная бумажка, которая немедленно отбрасывается.

«Финансы конфисковываются в семейный бюджет. А ты, Филипп, просто Иуда, отца продаёшь за десять баксов».

«Ну в конце концов тебе от этого же плохо не стало».

«Стало, ещё как стало. Впрочем, ладно. Кроме бомжа ты там никого не видел? Не показалось ли тебе странным, что бомжи раздают баксы направо и налево?»

«Показалось, но если ему так хотелось... Ну прости меня, был неправ».

«Ладно, *absolve te*, отпускаю тебе грехи» (я поцеловал Филиппа в лоб, и он вернулся к компьютеру).

Инна стояла с изумлённым лицом, в глазах читалось полное непонимание происходящего. Я вывел её из комнаты и по старой привычке повёл на кухню, где рассказал о презентации «Пути Дракона» и о своих сомнениях и подозрениях (историю с Андреем Королёвым она в общих чертах знала).

«Понимаешь теперь, почему я забеспокоился. Явно, что бомжу записку кто-то дал и заплатил уже не десять баксов, а, может быть, и все двадцать, чтобы он напустился на Филиппа. А сам, поди, стоял в соседней подворотне и наблюдал за происходящим. Явно наблюдал, иначе бомж постарался бы зажать деньги. Кстати, когда Филипп пришёл домой?»

«Да часов в шесть».

«Понятно, значит, ещё до начала презентации. На машине успеть в Географическое общество вовремя никаких проблем. Особенно, если машина эта — “Лэнд ровер”».

Впрочем, зря я это, на Павла такие шуточки не похожи. Но это явно кто-то из этих «драконов». Интересно, если они последователи Андрея, то, как они меня воспринимают: как его адента и особу, приближённую к Дракону, или же как предателя и хриstopродавца? Первое, конечно, предпочтительнее, по крайней мере, пока. Интересно, что на самом деле я ни тот ни другой. Я не желал зла Андрею и не по моей вине он погиб, но его последователем я не был и его планам был готов мешать всеми доступными мне средствами. Одновременно в каком-то отношении я готов был склонить перед ним колени... Однако в двух словах это не объяснить, а здешние «драконопоклонники» скорее всего мыслят в чёрно-белых тонах. Так что... Но поживем — увидим... Надо только обязательно лабораторию Артамонова посетить, в любом отношении это интересно.

На следующий день я отправился в институт. Погода была по-прежнему холодной, но стало облачно, и по замёрзшей земле и серому асфальту змеилась поёмка. На душе было довольно тревожно и, как говорится, муторно.

В институте по нынешним временам было довольно многолюдно. Бегала по кабинетам с какими-то бумагами и страшно деловой миной мадам Касьянцева. У входа в свой кабинет директор Георгий Тигранович Аванесян что-то энергично втолковывал трём иностранным гостям, а его речь переводил на английский наш заведующий иностранным отделом Володя Рождественский. На нашем этаже были заняты все шахматные столики — наши великие старцы играли в шашки и шахматы. В секторе тоже сидело немало коллег: группа из трёх или четырёх человек, возглавляемая Львом Петровичем Большаковым, предавалась чайным возлияниям. Отрешённо сидела за своим столом Пиковая Дама — Изольда Давыдовна Полянская, делая вид, что никакие чаепития не имеют места. Елена Сергеевна Воронова что-то напряжённо пишет, расположившись за пустым столом у дальней стенки (она всё время что-то пишет, а публикаций что-то не видно), госпожа Кессиди просматривает какие-то компьютерные распечатки, а Георгий Леопольдович Тролль (приветливо поздоровавшийся со мной за руку) объясняет нечто двум своим аспирантам у стеллажа с книгами.

«Там внизу Касьянцева что-то уж очень резво бегает. Как бы какого собрания не случилось».

«А какие сейчас собрания! Скоро комиссия из головного института приезжает, вот она и бегает, бумаги готовит».

«Ну и хорошо, что без собраний обойдёмся!»

Не успел я усесться за стол, как кто-то положил руку мне на плечо. Я поднял голову и увидел улыбающееся лицо Ирины Ставцовой.

«Привет, — произнесла она, несколько растянув это слово, как будто в какой-то нерешительности. — Ты сейчас занят?»

«Да, не очень, как обычно».

«Пойдём тогда попьём кофейку».

Мы вышли из института и вскоре уже сидели за столиком в нашей «придворной» кофейне «Пегас». Я взял двойной «эспрессо», Ирина — «капуччино» с целой горкой взбитых сливок над чашкой.

«Знаешь, я тут в Израиль собралась».

«Чего? Репатрироваться, что ли? Ты же вроде не еврейка!» (впрочем, сколько уже таких неевреев вернулось на свою «историческую родину»).

«Да, нет, что ты... На конференцию, в университет Бар-Илан. Помнишь, я тебе рассказывала, что копаю связи Итса с каббалистами, франкистами (последователями Якова Франка то есть) и саббатянами? Я ещё просила тебя помочь мне во всём этом разобраться, но ты куда-то исчез, а потом ушёл в отпуск... В общем, я сама во всём разобралась и всего начиталась. Видишь, без тебя обошлась».

«Ну не сердись, не сердись, виноват, каюсь». Она махнула рукой: дескать, ладно, проехали и забыто.

«Ну так вот, накопала и написала одному коллеге в Израиле, профессору Аврахаму Розенштейну. А он пригласил меня на конференцию. Они всё оплачивают, да ещё обещают по стране повозить — на Мёртвое море, в Галилею... Ну и Иерусалим, само собой. Вот второго декабря отбываю на десять дней, уже визу получила. Там в это время хорошо должно быть, не жарко».

«Здорово! Я тоже хотел бы съездить в Землю Обетованную. А чего ты там такого накопала, расскажи хоть в двух словах-то».

«В двух-то, конечно, не получится, но кое-что расскажу. Мне ведь твоё мнение всё равно интересно. Поэтому слушай, тем более что сам напрашиваешься».

«Я весь внимание».

«Смотри, в саббатянах были заложены некоторые моменты, по крайней мере потенциально, либерально-секулярного характера. Например, культ Шехины как женского аспекта божественного присутствия привёл их, да и самого Саббатая Цви, к признанию если не равноправия женщин, то их религиозной ценности и значимости. Я понимаю, что тут мистика, но эта мистика могла секуляризоваться. Ведь не случайно вождь младотурков и создатель Турецкой Республики Кемаль Ататюрк учился в саббатянской школе, да и сам, как предполагают некоторые исследователи, был не мусульманином, а дёнме. С Яковом Франком ещё интереснее. Известно, что в конце своей жизни он открыл школу хороших манер, где еврейских юношей учили политесному поведению, принятому в среде западного дворянства, фехтованию, танцам и прочему в том же роде (“Это школа, школа бальных танцев”, — хмыкнул я. Ирина бросила на меня испепеляющий взгляд и продолжила). Аналогично обучали и девушек — танцы, иностранные языки и прочие (“Не сморкайтесь, дамы, в занавеску”, — снова сострил я. На этот раз Ирина на меня даже не посмотрела). Почему их этому всему учили? А как же! Ведь раз наступает мессианское время, и израильское царство будет восстановлено, значит, евреям надо выходить из гетто и учиться вести себя так, как это принято у цивилизованных народов Запада! А это уже прямой путь к окончанию еврейской изоляции и началу культурной ассимиляции. Как это потом скажет, кажется, Бен Гурион — евреи должны стать таким же народом, как и все другие народы. Это же вызов всей раввинистической политике

изоляции и обособленности в гетто, замкнутости на идее избранности. И это при том, что сами саббатрианцы верили в свою избранность и исключительность, но уже не как потомков Иакова, а как общины истинно верующих! Кстати, развитие, напоминающее христианское: Израиль по крови отверг Мессию, Иисуса, и Новый Завет заключён с Новым Израилем, Израилем по духу — общиной верующих, церковью! Ну, а радикализация всего этого мессианизма в его светском регистре началась очень рано, помнишь, я говорила тебе про родственника Франка и Дантона?

Теперь Йитс. Он глубоко интересовался каббалой, это общеизвестно. Но он был радикалом, борцом за свободу Ирландии. Конечно, раввинистическая, ортодоксальная интерпретация каббалы его не могла устроить, а вот бунтари-саббатрианцы и особенно совсем уж экстремистски настроенные франкисты могли. Вот такая интересная связь выстраивается между саббатрианским мистицизмом, секуляризацией еврейства в XVIII–XIX веках и радикально-освободительными движениями Западной Европы. Ну как тебе?»

«Занятно, конечно. Но ты слишком поверхностно относишься к мистическому основанию этих социальных феноменов в подлинном саббатрианстве. Вот ты говоришь про равноправие женщин и готова превратить Саббатая Цеви чуть ли не в первого феминиста. Но ведь на самом-то деле тут чистый мистицизм, типологически близкий тантрическому. В буддийской тантре женщины почитались как проявления Праджни — Премудрости и становились чуть ли не объектом поклонения. На эту тему даже книжка есть, Миранды Шоу, называется “Страстное просветление”. Но сказался ли этот тантрический культ на социальном статусе женщин в Индии или даже Тибете? Вряд ли. . . Тибетки всегда были достаточно независимы, но это уже было связано с тибетской социальной экологией и демографией (та же полиандрия, многомужество), а не с буддизмом. Кстати, обрати внимание, что Иисус (которого Саббатай Цеви считал своим предшественником, “оболочкой”, и которому сознательно подражал) тоже очень много общался с женщинами — Марией Магдалиной и другими “жёнами-мироносицами” и проповедовал им, даже после воскресения первой явился именно женщине. В гностических направлениях раннего христианства из этого даже делали вывод, что своё эзотерическое учение Иисус дал именно женщинам, проявлениям Софии — Премудрости Божией, то есть той же Шехины. Так что тут корни очень древние и глубоко мистические. Я, откровенно говоря, думаю, что все потенциалы к секуляризации, либерализации, гуманизации и прочее в том же духе вышло в саббатрианстве только благодаря окружению, христианскому окружению, активно порождавшему как раз в XVIII веке идеи Просвещения и светского гуманизма. Без воздействия этой светской не-еврейской среды мистицизм саббатрианства так и остался бы мистицизмом и его секулярные изводы никогда бы не появились. Если хочешь, это влияние вызвало коррозию, разложение исходно мистического зерна саббатрианской каббалы и его трансформацию в нечто фактически чужеродное».

«Спасибо, спасибо, ты прав, конечно, я это учту и укажу в выводах, кроме твоей несколько негативной оценки описанных мной процессов. Впрочем, я и так знаю, что для тебя мистика ценнее гуманистических ценностей».

«Ладно, не будем про это. Не буду про Божий дар и яичницу, но то, что кабалистический мистицизм и твои секулярные пошлости соотносятся как крепкое выдержанное вино и водичка с сиропом, это уж точно».

«Ладно, ладно, будет тебе...»

Мы давно уже сидели с пустыми чашками. Пора было возвращаться в институт, что мы и сделали. Ирина пошла за компьютер перерабатывать свой доклад, а я снова уселся за стол, но немедленно был востребован Пиковой Дамой, изрёкшей своим низким голосом с богатыми модуляциями:

«Костя, пока вас не было, вам опять звонили и, не обрета вас, оставили телефонограмму. Вот, прочитайте, пожалуйста, будьте любезны».

Я рассыпался в благодарностях и взял из рук Пиковой Дамы листок бумаги с написанным карандашом текстом:

«Уважаемый Константин Владимирович!

Вас беспокоят из офиса Павла Аркадьевича Артамонова. Павел Аркадьевич хочет сегодня вечером пригласить вас к себе домой и заедет за вами в институт в 17.30. Всего доброго, референт».

Такой вот текст. Интересно, а если бы я сегодня не мог? Но я мог, и мне было любопытно. Поэтому я позвонил Инне, предупредив, что приду домой поздно, ибо поеду в гости к новому русскому, который вдобавок ещё и алхимик, и стал ждать половины шестого, вооружившись словарями и текстом даосского философа и созерцателя танской эпохи Сыма Чэн-чжэня.

Если Вам интересно, чем занимаются современные новорусские алхимики, загляните в следующую главу.

ГЛАВА 4,

в которой беседуют об алхимии и осматривают алхимическую лабораторию

Павел заехал за мной точно в назначенное время. Я уже ждал его на институтском крыльце, чтобы избавить от блужданий по нашим коридорам. Первое время мы ехали молча, потом Павел вдруг сказал: «Не повезло вам, что зима, летом я бы вас в “Мерседес” кабриолете прокатил».

«Вы такой любитель машин?»

«Вовсе нет. Я вообще готов на метро ездить. Или на “Жигулях”. Но другим людям, особенно, таким безлошадным, как вы, всегда приятно проехать на чём-нибудь этаком. Я знаю».

Я не стал спорить. Потом Павел столь же внезапно и изменил тему: «Мне тут Богословский просил передать вам, что в воскресенье он хотел бы пригласить вас пообедать у него и поговорить о разных делах, связанных с проектом. Если вы в принципе согласны, он позвонит вам и вы договоритесь конкретнее».

«Хорошо, спасибо, я согласен» (действительно хорошо, может быть, хоть что-нибудь разъяснится).

Оставшуюся часть пути мы молчали. Я только спросил Павла, куда мы едем, и услышав лаконичное «Озерки» больше и не пытался разговорить его.

Мы проехали новостройки спальных районов и фактически оказались за городом. Всё чаще и чаще стали попадаться «замки» новых русских, иногда живо напоминавшие знаменитый пряничный домик. Мы подъехали к воротам одного из таких строений (правда, на фоне прочих достаточно скромного, без каких-либо архитектурных излишеств). Павел открыл ворота при помощи чего-то вроде дистанционного управления у телевизора, и мы въехали в просторный подземный гараж. Когда мы вышли из машины, Павел обратился ко мне:

«Отсюда можно пройти в подвал, бэйзмент, так сказать, а оттуда — в жилую часть дома, а можно прямо в лабораторию. Что вы предпочитаете: сразу осмотреть лабораторию или вначале немного расслабиться?»

«Пожалуй, после работы надо немножко расслабиться, да и не бывал я раньше в таких “chateau”, так что тоже интересно...»

«Ну, ничего особенного не ожидайте увидеть, я почти аскет. Дом, собственно, мне нужен только, чтобы в нём устроить лабораторию. Если бы не лаборатория, я мог бы жить и коммуналке. Но хорошо, действительно, отдохните немного».

Дистанционное управление открыло ещё одну дверь, мы вышли в пустой коридор, дошли до лестницы и поднялись наверх, оказавшись в полупустом холле.

«Пойдёмте на второй этаж, я живу там. Гостиная всё равно не используется».

«Пойдёмте».

На втором этаже обстановка действительно была вполне аскетичной, но довольно уютной. Павел усадил меня в старое, но удобное кресло и предложил выпить по стаканчику чего-нибудь.

«Мартини, чинзано? А может быть, стаканчик текилы?»

Я остановился на мартини.

«А вы один здесь живёте? Ни жены, ни детей?»

«Вы знаете, это довольно неприятная история, но я не люблю всяких личностей и скажу вам прямо и сразу. Моя жена погибла в автокатастрофе лет двадцать уже тому назад, оставив меня с двумя маленькими дочерьми, одна совсем малышка. Их взяли тесть с тещей и воспитали (с моей помощью, конечно). Ну а я с тех пор “на женщин не смотрел, ни с одной даже слова больше молвить не хотел”; простите, кажется, что-то я в цитате напутал. Но по сути дела всё так».

«Вы настолько любили вашу жену?»

Он промолчал, а я счёл неделикатным продолжать расспросы. Поэтому я решил сменить тему.

«А вы только алхимией интересуетесь или каббалой тоже?»

«Нет, алхимией, остальное меня не интересует. А любителей каббалы вы у нас найдёте сколько угодно, чего уж другого...» (Ха! Это уже кое-что! Значит, каббала их всё же интересует).

«А вы, значит, завтра в Голландию летите? По делам?»

«Исключительно. Терпеть не могу никуда ездить. Отвлекает от дел, мешает экспериментам и засоряет голову ненужными впечатлениями. А если значительно часовой пояс менять, то и вообще с ума сойти можно. Поэтому я стараюсь ездить только в случае крайней необходимости. Один только раз Богословский затасил меня в Турцию. Но это особое дело. Потом расскажу.

Или он сам вам расскажет. А с вы... Помните, я вначале хотел вас после возвращения пригласить? А потом подумал: сегодня уже шестнадцатое, из Голландии я вернусь двадцатого или двадцать первого. А с двадцать третьего уже проект пойдёт. Когда же встречаться? Вот я вас и пригласил, не откладывая в долгий ящик. Ладно, хватит нам сидеть и вести светскую беседу. Пойдёмте в лабораторию!»

«Пойдёмте».

Мы снова спустились в бэйзмент. Павел достал ключ и отпер дверь напротив той, через которую мы вошли из гаража. Мы оказались в достаточно обширном помещении с небольшими сводчатыми окнами на уровне земли. Большая часть этого помещения была занята столами, заставленными ретортами, колбами, пробирками и тому подобным инструментом. На полках над столами стояли банки с какими-то разноцветными субстанциями. Наличествовали также два огромных холодильника и камин, переделанный под какую-то достаточно специфическую вещь. Больше источников огня (за исключением нескольких спиртовок) я не обнаружил, что меня слегка удивило. Павел как будто прочитал мои мысли:

«Я следую во многом современному французскому алхимику Роже Каро, известному также под индийским псевдонимом Камала Джняна. Он учит, что огонь нужен адепту только в двух случаях: восстановлении минерала и производстве соли, во-первых, и осуществлении трансмутации, во-вторых. Во всех остальных случаях огонь опасен и вреден. Китайцы, кстати, предупреждают о том же: неправильное использование огня (*хо хоу*) пересушивает и губит эликсир, выжигая из него жизненную энергию. А для редких случаев, когда нагревание нужно, у меня есть печь (жест рукой в сторону бывшего камина) и спиртовки. Вот смотрите (он снял с полки две банки с плотно прищёпнутыми крышками), это истинная киноварь, “дань ша” даосов, вермилион западных адептов».

С этими словами Павел указал на красный порошок в первой банке, равно как и на лежащий на этом порошке камень с красноватыми прожилками, видимо, это был кусок содержащей природную киноварь породы.

«А вот это то, что обычно называют киноварью и что безнадежно испорчено огнём и промышленной обработкой».

Субстанция в другой банке казалась какой-то мертвенной и искусственной по сравнению с почти тем же самым из другой банки.

«А вот здесь вы можете увидеть нечто гораздо более интересное». Павел открыл холодильник и достал из него нечто завернутое во влажную ткань. Когда Павел, развернул эту ткань, я увидел нечто, напоминающее обычный булыжник. Я с недоумением посмотрел на Павла.

«Хм... Если вы расскажете про это ботанику или геологу, он скажет, что вы начитались детских сказочек. И, тем не менее, оно существует, это странное существо. Даосы называют его “жёлтое дитя из камня”. У меня таких камня три, и найдены они отнюдь не в Китае, а у нас на Алтае. Смотрите!»

Он достал с полки кувшин, положил камень на стол, на минуту замешкался, принёс с другого стола небольшой топорик, и, размахнувшись, ударил по камню. Произошло нечто невообразимое. Камень разлетелся пополам, а из него вывалились какие-то странные образования, красно-жёлтого цвета, напоминающие яичные желтки, но побольше размером.

«Быстрее сюда, — кричал Павел, — помогите, пожалуйста!»

Когда я подошёл, Павел занимался тем, что буквально выжимал эти желтки в кувшин, выбрасывая оставшуюся шкурку в ведро для отходов. Мне он велел заниматься тем же самым.

«И побыстрее», — добавил он.

И всё-таки я не успел: желтки становились всё твёрже и твёрже, жидкости в них всё меньше, а последние и вообще окаменели.

«Ладно, ничего страшного. Твёрдые потом надо будет растереть в порошок и принимать так, — успокоил меня Павел. — Жидкости всё равно порядочно, грамм триста набралось». Он снял с полки две небольшие чашечки типа кофейных и разлил по ним жидкость, выжатую из «желтков».

«Пейте, не пожалее!»

Я выпил свою порцию. Приятная на вкус свежая вода с лёгким грибным привкусом. Но не успел я поставить пустую чашку на блюдце, как сок начал действовать: полностью исчезло чувство жажды и голода, перестала побаливать голова, по всему телу разлилось тепло. На душу снизошли покой и удовлетворение.

«Теперь дня два можете ничего не есть, будете и так сыты. А оздоровились вы лучше, чем если бы год ели витамины “Центрум” и пили “иммунал” или что-нибудь в этом роде. Думаю, что никакими простудами и гриппами вы года три болеть не будете».

Я стал благодарить хозяина, он отмахнулся от меня.

«Да что там... Мне самому было интересно попробовать. Пойдёмте, я вам ещё кое-что интересное покажу».

Я последовал за алхимиком.

Он подошёл к небольшому столику, на котором стояло нечто задрапированное чёрной тканью. Павел снял эти покровы, и я увидел что-то вроде очень большого аквариума, нет, скорее, террариума. Павел включил подсветку. Террариум представлял собой имитацию, как я понял, пещеры. У её дальней стенки был установлен высокий камень, на котором рос гриб каких-то совершенно фантастических очертаний, даже на китайских картинах такого не увидишь. Корявый, с какими-то немислимыми изгибами и завитками... Прямо под грибом на дне террариума стояло небольшое блюдечко, в котором виднелось буквально несколько капель какой-то желтоватой жидкости. Я снова посмотрел на гриб, на его шляпке медленно формировалась желтая капля.

«Медовый гриб, — сказал Павел, — науке неизвестен, но даосами был описан около двух тысячелетий тому назад. Ему цены нет, достал с огромным трудом, на том же Алтае. Если бы китайские алхимические тексты были лучше известны, не довели бы его до меня, киллеры бы за ними охотились и мафия бы шла по следу, наступая на пятки. Истечения медового гриба —

сильнейшее гериатрическое средство и макробиотик. Правда, надо получить определённое количество его “мёда”, а он чрезвычайно медлителен, в домашних условиях ещё более, чем в природе. Одна капля в неделю, не чаще. Да и то хорошо, если не раз в десять дней... А надо хотя бы миллилитров пятьдесят... Думаю немного поэкспериментировать с этим растением». С этими словами Павел отключил подсветку и вновь окутал обиталище медового гриба чёрной материей.

Я был просто потрясён. Между тем, Павел стал показывать мне свои реторты, тигли, наборы химикалий и прочие параферналии. Тут я начал немного скучать. Тогда Павел отпер своим ключом небольшую дверь в конце лаборатории, и мы вошли в маленькую комнатку, на стенах которой висели китайские рисунки, представляющие собой схемы энергетических каналов микрокосма и образцы каллиграфии с текстами даосского характера (вроде «Тигр рыкает на высокой горе, дракон свистит в бездонном океане. Энергия-ци следует за волевым импульсом-и, три цветка растворяются в Пустоте»). На полу был разложен коврик, на нём подушка для медитации. Перед ковриком на низеньком столике курительница-треножник. У двери небольшой алтарик с образами Трёх Чистых, перед ними стоят три незажжённых курительных свечки.

«Вот тут-то я и практикую “внутреннюю алхимию”. Помните, я говорил вам, что внешнее и внутреннее надо практиковать вместе?»

«Да, помню».

«Вот вам как раз и пример такого сочетания. Я это место называю “чистой комнатой”, “цин ши” по-китайски». Павел улыбнулся.

После «чистой комнаты» мы снова поднялись наверх, и Павел стал готовить чай («жёлтый китайский, очень хороший»). После каменных желтков никакого чая не хотелось, но из вежливости я отказываться не стал. За чаем Павел больше молчал, насупившись и уйдя в какие-то свои мысли, что с ним, как я уже понял, бывало достаточно часто, и обижаться на это не следовало. Я мелкими глотками пил отличный жёлтый китайский чай, имевший, как это характерно для действительно дорогих сортов китайского чая, какой-то рыбный привкус и чуть-чуть отдававший болотной тиной. Но для любителя то, что надо. Японские сорта ещё специфичнее, по вкусу вообще какой-то бульон напоминают. Но ценители восхищаются... Я не восхищался, но пил не без удовольствия.

Наконец я решил прервать молчание и попросил Павла подробнее рассказать о проекте, «а то ведь я только в самых общих чертах...» На что получил ответ:

«Ну, это вы вначале у Богословского санкцию получите. Я же давал ему слово, что никому, даже самому доверенному лицу без его санкции рассказывать не буду».

Пришлось удовлетвориться этим ответом. Тогда я завёл разговор про Турцию.

«А... Турция... Это была идея Богословского — поехать в Турцию, но не в Анталию загорать и даже не в Стамбул Святую Софию смотреть, а в места более специфические — гробница Джалал ад-Дина Руми в Конье, места, связанные с Саббатаем Цеви (тут я наострил уши) в Измире. Ну гробницу Руми мы посетили

и даже дервишей видели, а с Саббатаем Цеви хуже вышло. Приехали мы в Измир, который Александр все время по-гречески продолжал Смирной называть. Ничего там нет, про Саббатая Цеви вообще никто ничего не слышал. С трудом уже поздно вечером нашли старую синагогу. Райончик, я вам скажу, ещё тот... Евреев никаких нет, все давно в Израиль уехали. Вокруг сплошные не то беженцы, не то нелегальные иммигранты из арабских стран, не то просто какие-то криминальные элементы. Если бы не Аглая, я бы сразу оттуда смылся. Но она железная женщина. Синагога заперта, стучим, шумим, появляется полицейский, говорит по-английски. Про Саббатая Цеви, конечно, никогда и слыхом не слыхивал. Евреи, говорит, здесь иногда по субботам появляются, а сейчас по домам сидят. И вообще, говорит, валили бы вы все отсюда, пока вас кто-нибудь не прирезал. Мы вняли его профессиональному предостережению и свалили. А на следующий день и вообще Измир покинули. Посмотрели ещё античные памятники и через Стамбул вернулись домой. Вот так и съездили... Да, вы, кстати, не хотите ли Богословскому позвонить, договориться насчет воскресенья?»

«Да-да, конечно, спасибо, что напомнили, совсем запамятовал».

Павел протянул мне трубку мобильного и продиктовал номер. Трубку сняла Аглая Фёдоровна, сразу же позвавшая своего мужа. В трубке раздался интеллигентный голос Александра Ивановича:

«А-а, здравствуйте, здравствуйте дорогой Константин Владимирович! Спасибо, что позвонили. Вы сейчас у Павла? Замечательно, дайте ему потом трубочку на минуту, хорошо? А вы к нам придёте послезавтра? Когда? Да в любое время, когда вам удобнее, лучше во второй половине дня или вечером. В пять? Прекрасно, прекрасно! Будем вас ждать. Записывайте адрес. Можно диктовать? Вот, пишите. Улица Кирочная, дом 45, квартира 12. Код в парадной 7393, второй этаж, так что лифт не нужен. Да, это около метро “Чернышевская”. Значит, ждём вас, спасибо! А теперь дайте, пожалуйста, трубку Павлу. Спасибо, всего доброго, до воскресенья!»

Павел поговорил минуты две-три, отделяваясь в основном междометиями и похмыкиванием, и отсоединился.

«Вот и славно, договорились, значит. Там про проект всё и узнаете, что вас интересует. А сейчас, если не сочтёте за обиду, я бы хотел проводить вас домой — мне ещё в дорогу готовиться надо. Не обижаетесь? Правильно, и не надо (смайлик)».

Мы снова спустились в подвал, вышли в гараж и уселись в «Лэнд ровер». Минут через пятнадцать джип уже остановился у врат нашего дома (точнее, дома в котором мы квартируем: увы, своего дома у нас нет и вряд ли он когда-нибудь появится). Я рассыпался в благодарностях за прекрасно проведённый вечер, за такую редкую возможность посмотреть алхимическую лабораторию и за фантастическое угощение — эти каменные желтки дорогого стоят! Павел только махнул рукой, сказал: «Счастливо!» — завёл мотор и отбыл в свои владения. Ну а я направился домой.

Дома, слава Богу, никаких сюрпризов меня не ожидало, и оставшаяся часть вечера прошла тихо, спокойно и традиционно.

А о дальнейших событиях можно узнать из следующей главы.

ГЛАВА 5, в которой обсуждается ПРОЕКТ, а учёный муж читает проповеди Дракона

В воскресенье в пять я звонил в обитую чёрной кожей дверь квартиры Александра Ивановича Богословского. Мне открыла Аглая Фёдоровна, пригласившая меня проходить и категорически запретившая снимать обувь. Интересно, что в Европе снимать обувь и одевать тапочки не принято, во всяком случае, таков мой опыт общения с коллегами в Германии и во Франции, а в Америке (по крайней мере, в Канаде, в США я не был) это в порядке вещей. У нас в советское время было скорее по-американски (только совсем уж завзятые интеллигенты считали, что хозяева, требующие менять обувь, любят свои полы больше, чем гостей), а теперь стали внедряться европейские нормы. У нас в квартире вечный беспорядок и тапочек не хватает, поэтому мы всегда руководствовались европейскими нормами. У Богословских же был евроремонт и всё такое прочее, и, тем не менее, ботинки с меня не сняли и в тапочки не одели. Вот она, интеллигентность!

Александр Иванович и Аглая Фёдоровна (как и у четы Мережковских, детей у них не было) жили в старой квартире, некогда бывшей коммуналкой, но теперь обретшей свою былую красоту, однако по стандартам рубежа тысячелетий. Впрочем, старых вещей тоже хватало, что накладывало на их обиталище приятный флёр почтенной старины. Меня провели в гостиную и довольно долго развлекали светской беседой, демонстрируя библиотеку и разные раритетные издания, которых было немало. Александр Иванович хоть и был «технарём», отличался широкой гуманитарной образованностью и вкусом библиофила. Аглая Фёдоровна, как выяснилось, работала редактором в издательстве «Акрополь», а в свободное время занималась публицистикой, писала на разные искусствоведческие и культурологические темы.

Потом мы перешли в столовую, непосредственно связанную с кухней, и тут я был поражён тем, что суп подали в супнице (я, конечно, знал, что такое супница, но никогда не видел, чтобы ею пользовались в реальной жизни). За обедом тоже говорили на светские темы, в основном о разных издательствах в Питере и Москве и об их потенциале и перспективах на выживание в условиях жёсткой рыночной конкуренции. После обеда (салат «оливье», овощной суп, куриная грудка с рисом и чай с печеньем и шоколадными конфетами) мы снова перешли в гостиную, и тут-то началось... Быка за рога взял сам Александр Иванович:

«Давайте, не будем ходить вокруг да около и скрывать наши интересы», — промолвил он, удобно усаживаясь на диване (я к тому времени уже устроился в покойном старом кресле).

«Конечно, не будем, мне самому хочется именно этого».

«Прекрасно! Так вот, уважаемый Константин Владимирович, мы знаем, что вы были близки к истинному Дракону. Вы отказались быть формальным членом нашей организации, Андрей Александрович (я буду называть его мирским именем) нам говорил. Но, тем не менее, вы были истинным адептом, оказавшим Дракону подлинную услугу. Вы были с ним и в момент его трагического ухода, нам Полина

Моргенштерн рассказывала. Увы, она законченная материалистка. Клара, святая мать Дракона, говорят, была совсем другой. Кстати, любопытно, не правда ли, что мать Саббатая Цеви тоже звали Кларой... Но Полина — материалистка и скептик. Поэтому мы хотели бы от вас услышать о последних минутах земной жизни Дракона, расскажите, не скрывайте от нас эти драгоценные сведения!»

Я уже морально был готов к такому повороту событий, поэтому почувствовал даже некоторое облегчение. По крайней мере, меня ни в чем не обвиняют, и то хорошо. Насчёт услуги... Если бы они знали, что меня заставили её оказать против моей воли и вне, так сказать, моего сознания. Дракон мной просто попользовался, прошу прощения за вульгаризм. Но про это я решил предусмотрительно не рассказывать. Зато о последних минутах рассказал во всех подробностях, опустив только то, что я попал в квартиру Андрея Королёва, чтобы хоть как-то воспрепятствовать его планам (оказалось, что воспрепятствовали и без моего участия), и умолчав о моём знакомстве с Анатолием. Александр Иванович и присоединившаяся к нам Аглая Фёдоровна слушали меня буквально затаив дыхание, а когда я дошел до описания его теофании, божественного преображения, и демонстрации мне «истинного облика», то на глазах Богословского и вообще заблестели слёзы (надо сказать, что и меня мороз пробирал, а по коже начинали бегать мурашки, когда я вспоминал об этом; иногда от этого воспоминания мне даже хотелось пасть ниц и молиться неважно, кому). Я закончил. Минуты две продолжалось молчание, которое прервал сам Александр Иванович:

«Да, просто не знаю, завидовать ли вам: такое видение, такая милость Дракона! или сочувствовать: представляю, как тяжело вам было, когда случилась трагедия». По-моему, однако, произошло нечто драматическое, но не трагическое, трагическое произошло бы, если бы планы нашего Анти-Христа осуществились. Но вслух я, конечно, этого не сказал. Богословский продолжил:

«Но сколь бы велики и значимы эти события ни были, они в прошлом, а нам надо смотреть в будущее. Дракону надо помочь вернуться. Конечно, скажете вы, кто мы такие по сравнению с ним? Но он ТАМ, а мы здесь, и поэтому в известном смысле нам проще что-то сделать для него. Для этого мы и разработали Проект. Вам Павел про него рассказывал?»

«Ни полслова. Сказал, что рассказывать — ваша прерогатива, а он не уполномочен».

«Молодец какой! А ведь мог бы похвастаться, ведь весь Проект в его руках. Хорошо, хорошо! Ладно, тогда я и введу вас в курс дела».

Я, как говорится в старых романах, весь превратился в слух.

«Дракон покинул нас в знаковый день 9 ава по еврейскому календарю, 29 июля по григорианскому летоисчислению. А уже к началу сентября Проект созрел и оформился. Он построен на сочетании воли Дракона к возвращению в мир (наш медиум Алевтина Сергеевна постоянно ощущает эти импульсы его воли) и наших усилий, лежащих, вы не поверите, в области алхимии» (я теперь готов был поверить всему и во всё).

«Собственно, Павел никогда последователем Дракона не был и ни каббалой, ни мессианизмом никогда не интересовался. Но был в курсе. И именно ему пришла

в голову идея Проекта, которую мы потом и стали реализовывать. Я же не большой знаток алхимии, поэтому простите великодушно за дилетантскую форму изложения. Прежде всего, нужен сосуд, то есть человек, который согласился бы вместить в себя Дух Дракона, образовать с ним ипостасное единство, то есть по существу слиться с его личностью. Мы нашли такой сосуд. Представляете себе, это женщина! И это отлично, ведь Саббатай Цеви всегда почитал Шехину, и роль Шехины в процессе восстановления, тиккуна (или апокатастасиса, если вы предпочитаете греческий), очень велика! А тут Дракон объединится с Невестой, два узла веры станут одним! Вы её, конечно, увидите ещё до трансформации. Вы будете потрясены, гарантирую! Короче, сосуд у нас появился, и какой сосуд! Поистине достойный божественного Духа Дракона! Далее Павел разработал процедуру. С одной стороны, средствами внешней алхимии, то есть различными эликсирами и тинктурами, её тело будет подготовлено к тому, чтобы стать телом Дракона. Благодаря этому, кстати, Дракон полностью освободится от зависимости от бездны техиру и наш мир станет сам его областью свободы, никакие другие миры не понадобятся! Параллельно этим процедурам начнётся интенсивная практика внутренней алхимии, в ходе которой, как вы знаете гораздо лучше меня, создаётся “бессмертный зародыш”, затем возвращаемый в новое эфирное или энергетическое тело адепта. Но на этот раз мы создадим лишь пустую оболочку “бессмертного зародыша”! И в неё-то и войдёт Дух Дракона! Это первый этап. А на втором этапе физическое тело “сосуда” и тело “зародыша” абсорбируются, взаиморастворяются и Дракон обретёт совершенное и полное воплощение в теле, гораздо более совершенном, чем то, которым обладал Андрей Александрович в силу его биологического рождения. Главная проблема заключается в том, что мы должны успеть сделать все за месяц — от 22–23 ноября и до зимнего солнцестояния. С вхождением солнца в созвездие Козерога мы потеряем эту уникальную возможность. Кстати, этот год — самый благоприятный, а после 2006 года подобное предприятие станет совершенно невозможным».

«Почему после 2006 года оно станет невозможным?»

«2006 год — 330 (два раза по 165, вы ведь знаете тайну числа 165?) лет после сокрытия, оккультации, как говорит Шолем, Саббатай Цеви, последнего истинного Мессии (ибо Яков Франк был лишь его частичной аватарой, теофанией, что ли). Потом надо будет ждать ещё 165 лет или, скорее, 330 лет. Сейчас же, между 1956 годом (330 лет от рождения Саббатай Цеви) и 2006 годом, границы между мирами утончены, печати на преисподней техиру ослаблены и у Дракона максимальная возможность освободиться... Если алхимическое делание будет успешным, а мы все молимся об этом, 22–25 декабря (точное время должен определить хороший астролог, а с этим пока проблема) мы совершим особый ритуал, описанный в тайных книгах дёнме, это описание чудом сохранилось в одной рукописи, хранящейся в частном собрании в Америке, мне даже пришлось поехать туда и сделать ксерокопию, обошлось, скажу я вам, в копейчку»).

«А почему чудом?»

«Что вы, а пожар в Салониках в 1914, кажется, году — ведь сколько рукописей дёнме сгорело (что бы там ни говорил Булгаков)! А остальное в Греции и

Югославии нацисты уничтожили. Чудо, конечно, чудо! Так вот, мы совершим ритуал, и Дракон вернётся в мир, и наступит счастье, новая шемитта или кальпа, если санскрит вам больше нравится. Кали-юга завершится, и из зона Строгого Суда мы перейдём в зон Милосердия. Впрочем, это вам всё лучше меня известно». Он умолк.

Я сидел в полном потрясении. Вот это да! Но судя по всему, они не подозревают, что их Дракон стремится просто уничтожить мир Творения и вернуть всё в сияющую бездну (но всё же бездну!) божественного Бытия, вне Творения и до Творения. Похоже, что эту эзотерическую тайну он им не открыл. Если открою я сейчас, мне не поверят и выгонят. Я стану врагом и вообще не смогу влиять на ситуацию (если жив останусь — впрочем, они не бандиты, хотя фанатизм — такая страшная сила, что всё может быть...). Поэтому промолчим. Однако тут мне в голову пришла другая мысль.

«Скажите, Александр Иванович, а чему вас учил Андрей Александрович? Что он говорил вам о миссии Дракона?»

«Ну, не буду пересказывать, тем более, несомненно, Америк для вас не открою... У нас есть конспекты всех проповедей Ушедшего, я могу дать вам почитать. Вам как лучше, в распечатке или на дискете?»

«Давайте в распечатке, если это удобно. У меня с дискетами вечно что-то не то происходит».

«Извольте. Аглаечка, дорогая, дай, пожалуйста, комплект, тебе ближе».

Аглая Фёдоровна встала, подошла к тумбочке под стеллажом с книгами, достала из неё пластиковую папку с довольно плотной стопкой бумаги с распечаткой в ней и протянула папку мне.

«Это подарок, берите насовсем. У нас ещё экземпляры есть. И файл в компьютере».

Я рассыпался в благодарностях и не без благоговения (всё же Дракон есть Дракон!) положил пачку в портфель.

«Ну вот, собственно, и всё. Мы очень надеемся на вашу помощь, поддержку, советы и любое содействие. А если найдёте хорошего и заслуживающего доверия астролога — в пояс поклонимся. 23-го Павел начинает реализацию Проекта и по этому случаю приглашает нас всех к себе, это деловая, а не светская встреча; ничего светского, как вы, я думаю, уже заметили, наш алхимик на дух не переносит. У него и увидимся. Если хотите, позвоните перед этим, мы за вами на машине заедем».

По тону Александра Ивановича было ясно, что аудиенция окончена.

Я поблагодарил Богословского и поднялся. Пока я одевался в коридоре, Александр Иванович рассыпался в комплиментах, иногда впадая в некоторую даже маниловщину, а Аглая Фёдоровна молча стояла со светской улыбкой на губах. Мы попрощались с рукопожатиями (вероятно, целования ручки Аглая Фёдоровна не допустила бы), и дверь за мной захлопнулась. На улице было уже совсем темно и неприятно ветрено. Я направился в метро.

В вестибюле метро «Горьковская» уже на выходе мне пришла в голову одна мысль. Тут же я купил самую дешёвую телефонную карточку и, воспользовавшись услугами таксофона, набрал номер Анатолия. Он сразу же снял трубку.

«А, это ты... Привет, привет. Давненько не слышал твоего голоса. Неужели опять Мессия пришёл? Почти? Что-то это частенько стало происходить. Шучу, шучу, не обращай внимания. Хочешь увидеться? Ну не будем мудрить, приезжай прямо сейчас ко мне домой».

Он продиктовал адрес. Увы, новостройки, спальные районы, Купчино. Тем не менее, я сказал «о'кей» и снова погрузился в недра городского метрополитена.

От станции метро пришлось ещё ехать на маршрутке, так как штурмовать автобус совсем не хотелось, тем более что экономия в несколько рублей явно не могла бы компенсировать затрат на лечение в случае поломанных рёбер. Выйдя из маршрутки, я ещё некоторое время поблуждал среди однотипных строений, практически неотличимых друг от друга, пока не нашёл нужный дом. Квартира Анатолия как бы вернула меня на землю: после замка Артамонова и старинных апартаментов под евростандарт его трёхкомнатные владения казались чем-то родным, привычным и близким. В этой квартире Анатолий жил с женой и двумя уже почти взрослыми детьми: восемнадцатилетним сыном и пятнадцатилетней дочерью. В трёх комнатах поэтому стало тесновато: пару лет тому назад парня и девушку расселили по разным комнатам, в результате чего Анатолию и его супруге Ане пришлось вдвоём поселиться в гостиной. Поскольку в момент моего прихода всё семейство было в сборе и в гостиной смотрели телевизор, нам с Анатолием пришлось уединиться на кухне.

«Ну, что там приключилось, — добродушно спросил Анатолий, разливая по чашкам крепкую заварку хорошего цейлонского чая, — то ли Антихрист явился, то ли Христос воскрес?»

«А это ещё откуда?»

«Из Евтушенко. Мальчики, понимаешь, танцуют твист на выпускном вечере, а поэту мерещатся то ли Христос, то ли Антихрист».

«Удивительно, что шестидесятники вообще такие слова использовали».

«Ну, Бог с ними. Ты ведь не о советской поэзии пришёл разговаривать?»

«Отнюдь. Но к речённому Евтушенко через тебя это имеет отношение».

«Да уж я догадался...»

Тут я весьма подробно пересказал Анатолию события последних дней, описал Проект и показал распечатку с проповедями Дракона — покойного Андрея Королёва. Анатолий некоторое время задумчиво сидел, подперев голову рукой. Потом медленно заговорил:

«Понимаешь ведь какая штука. Я могу на этот раз вмешаться в это дело только на свой страх и риск как вполне частное лицо. Ведь в случае с Андреем Королёвым почему я действовал *ex officio*, так сказать? Ведь это было дело о хищении ценного препарата, к тому же психоделика (ДМТ, как ты знаешь, и сам по себе находится в списке запрещённых веществ). Собственно, его-то я и расследовал. А всё остальное официально как бы выносилось за скобки. Тут же мы не имеем никаких правонарушений. Алхимия криминалом не является. Он ведь

не наркотиками будет её начинать, верно? Медитация и дыхательная гимнастика тем более. Поэтому моё служебное участие в этом деле исключается. А вот частное... — Он в задумчивости покачал головой. — Прямо не знаю. Советом-то безусловно, можешь не сомневаться, как же иначе? Тем более что Проект действительно представляется угрожающим по своим последствиям. Если он удастся (что, конечно, не факт — уж очень процесс тонкий и сложный да и времени мало), то разрушительные силы метафизической природы свободно хлынут в наш мир и к чему это приведёт... Жутковато, конечно. Поэтому всегда можешь мне звонить и даже без звонка приезжать в случае необходимости. И уж в любом случае держи меня в курсе. Но вот большее... Представляешь себе, что будет, если они узнают, что я из ФСБ? Полный провал с непредсказуемыми последствиями, в том числе и для нас: фанатики, даже самые интеллигентные из них, опасны. Поэтому думаю, что мне лучше не высовываться и оставаться в тени. Ты согласен?»

«Твои резоны, конечно, понятны... Но у меня вот какая мысль появилась. Им нужен астролог, а ты ведь в этой науке, с позволения сказать, разбираешься. Может быть, мне тебя в этом качестве рекомендовать?»

«Да мне начальство голову оторвёт, если узнает. Но в принципе я не отказываюсь, если возникнет необходимость. С другой стороны, если они узнают, что я астролог в штатском, то голову мне оторвут они. Впрочем, двум смертям не бывать, а одной не миновать... Но пока подождём, время есть».

«А как ты думаешь, эти алхимические опыты для той дамы не опасны?»

«Судя по твоему рассказу, этот Павел знает, что делает. Ведь грибы-то его хорошо действуют?»

«Отлично просто! Сплю как младенец. По улицам просто бегаю, спина не болит. Есть-пить совершенно не хочется, но если сажусь есть, то ем с аппетитом. Даже давление снизилось, что у меня вообще редко бывает».

«Ну вот видишь. Кстати, один из положительных факторов, на которые я возлагаю надежды, — здравомыслие Павла. Ты бы как-нибудь при случае рассказал бы ему о природе Дракона, антихристах и их целях».

«Он фанатик, но не драконов, а алхимии. Ему Проект интересен как таковой. Главное — удался бы, а остальное ему безразлично».

«И всё-таки при случае поговори с ним, так... ненавязчиво. Мне он по твоим рассказам симпатичен, и я на него надеюсь...»

«Хорошо, попробую».

Мы ещё посидели, попили чаю и приняли по стопочке хорошего коньяка, после чего я распрощался и отправился восвояси. Уже на лестничной площадке Анатолий сказал:

«Когда прочитаешь проповеди Андрея, дай мне, интересно же...»

Я заверил его, что, конечно же, дам и вошёл в только что подъехавший лифт. Дверцы закрылись, и я поехал вниз.

Дома я выпил стакан бифидокефира, съел сдобную булочку и заперся в своей комнате, погрузившись в чтение проповедей Андрея Анти-Христа. И читал я долго. Инна и Филипп уже давно легли спать, а я всё читал и читал, наслаждаясь и

ужасаясь, восторгаясь и изумляясь. Только около шести утра я отложил листки распечатки и прилёг подремать перед тем, как отправиться в институт. Вот самое важное из того, что я прочитал той ночью.

О РАЗДЕЛЕНИИ РЕЛИГИЙ И ВЕР

Таким образом, творение было актом высвобождения потенциальных сил Строгого Суда, которые с необходимостью должны были послужить основой зла в сотворённом мире. Замысел состоял в том, чтобы через очень сложный процесс вначале максимально выявить зло, придав ему объективность сущего, а затем уничтожить его вместе с самими корнями его. Однако этот замысел Творящих Светов вызвал противодействие другого аспекта самого же Абсолюта — Светов, не желавших творения и избавления от зла таким рискованным и опасным путём. В покое Беспредельного Света корни Строгого Суда были надёжно скрыты без какой-либо возможности их проявления тем или иным образом. Следовательно, сам Абсолют раскололся в себе, и одна его часть (в Абсолюте, конечно, никаких частей нет, но проще сказать так) восстала против другой. Каждая из сторон представлялась другой мятежной и сатанинской: с точки зрения Нетворящих Светов, Творящие Светы учинили подлинный мятеж против самой сути Абсолюта в его покое и самодостаточности, не говоря уже о поистине дьявольских последствиях этого бунта — рождении зла и невинно страдающего мира или даже миров, населённых бесчисленными живыми существами, миров, лежащих во зле. С позиции Творящих Светов их противники — тоже мятежники и тоже воплощения сатанинской гордыни, ненавидящие бытие и стремящиеся или к предотвращению появления прекрасных миров и освобождению Абсолюта от корней зла или к уничтожению Творения после его реализации.

Великое противостояние завершилось победой Творящих Светов, Нетворящие Светы были низвергнуты в бездну небытия, пустого пространства Творения, называемого каббалистами «техиру», и превращены в змеев и драконов. Змеи, или драконоиды, — это Нетворящие Светы, в своей ненависти к Творению осквернившиеся этим же творением — силами зла, воплощёнными в келиппот, «скорлупах», «оболочках» подвергшегося коррозии сотворённого мира. Для христиан, например, эти змеи с кожистыми крыльями, прекрасные и отвратительные одновременно, — просто бесы. Но Великий Дракон, вобравший в себя субстанцию Нетворящего Света, сохранил в непорочности свою светоносную божественность. Он только прекрасен, без отвратительности, и даже у христиан не повернулся бы язык назвать его Сатаной и Князем Преисподней, хотя кое-кто из воплощений Творящих Светов, ангелы и архангелы, и пытаются внушить людям именно этот взгляд на него. Кстати, Саббатай Цеви был подлинным Драконом, вобравшим в себя и Творящий Свет, а вот Яков Лейб Франк, судя по всему, был змеем, прорвавшимся из техиру в наш мир или частичную и омрачённую аватару Саббатая Цеви после его оккультации.

Всё это вам известно из наших прежних бесед. Из людей эти таинства уже были открыты великим провидцем Натаном из Газы, пророком Мессии Саббатая Цеви, воплощавшего в себе, как это ни удивительно, оба рода Светов. Сегодня же мы поговорим с вами о том, как этот трагический разлад в Абсолюте отразился в религиях и верованиях человечества.

Христианство я уже упомянул. Это самая яркая религия Творящих Светов, учащая об обожении творения и преображении сущего в конце времён. Соответственно, змеи и драконы для христиан — бесы. Правда, сам Иисус как Мессия, воплощённая субстанция Творящих Светов, видел свою миссию в том числе и в освобождении драконов и возвращении их в сферу святости, что в искажённом виде отражено в христианском предании о сошествии Иисуса во ад, то есть в бездны техиру. К христианству примыкают и древний иудаизм, и молодой ислам: для всех этих религий творение есть благо и Творец — Единый и Единственный Всеблагий Бог. Но даже в иудаизме сохранилась память о благом Змие: разве гематрия слова «змий» («нахаш») и «мессия» («машиах») не совпадают? И разве не образ медного змия вознёс в пустыне Моисей?

На другом полюсе находятся религии Индии, прежде всего, индуизм (самое яркое его выражение в этом отношении — адвайта веданта) и буддизм. Творение понимается как сансара, мучительное по самой своей природе циклическое существование постоянно чередующихся рождений — смертей — новых рождений... Оно есть также майя, иллюзия, скрывающая подлинную природу Абсолюта, неизречённого и непостижимого, который есть истинная реальность и истинное Я. При всех отличиях от индуизма, буддизм также принимает в полной мере идею сансары как страдания и освобождения как прекращения сансарического существования. Мир есть плод неведения, омрачения. Просветление или пробуждение означают конец этого мира (по крайней мере, для освобождающегося). Только высшие тантры и дзогчэн, учащие о сорождённости неведения и просветления и их взаимопереплетении, игре, позволяющей совершенному йогину пребывать одновременно и в нирване, и в сансаре, и даже за их пределами, выходят за пределы поля учения Нетворящих Светов и приближаются к синтетической доктрине Натана из Газы. Интересно, что даже к символике дракона отношение в этих религиях совершенно иное, чем в иудео-христианском и исламском мире. Буддизм, вот такая интересная деталь, распространился у народов, у которых образ дракона и змей имел положительное наполнение и потерпел фиаско у народов с противоположным символизмом рептилий.

Сюда же примыкают и различные формы христианского гностицизма, о которых вы знаете и без меня и в которых даже Иисус Христос мог мыслиться как Змий. Сам Иисус, кстати, как воплощение Творящих Светов, прекрасно знал об истинной природе драконов техиру и отзывался о них с уважением. Вспомните: будьте мудры как змии и просты как голуби. В гностицизме мир есть результат ошибки, недоразумения, огреха, порождённого гордыней одного из Эонов Полноты Абсолюта — Софии.

Крайней формой этих «змеиных» учений является манихейство, объявляющее творение сатанинским проектом: силы Тьмы сооружают темницу космоса,

чтобы держать в ней в порабощении захваченные частицы света. Подход, диаметрально противоположный христианскому. Здесь сатанинская Тьма воплощена в идее бога — творца телесной темницы миров. А вот древний иранский зороастризм — религия Творящих Светов: мир сотворён благим Ахура-маздой и лишь подпорчен злым Анграманью (это называется «с большой головы на здоровую»). Мессия, Сайошьянт, восстановит совершенство мира и окончательно изгонит из него Анграманью.

Как я уже сказал, высшие буддийские тантры и дзогчэн, а отчасти и китайские школы представляют собой синтетическую позицию, представленную в истории самой личностью последнего Мессии — Саббатая Цеви: он стремился интегрировать обе свои природы, драконову и творящую, создать из этого поистине алхимического союза Драгоценное Древо, по которому драконы могли бы вернуться в субстанцию превичного Света, а Творящие Светы — снизойти в низшие миры для их преобразования и вхождения в божественную плерому. Но интеграция не состоялась, и Мессия сокрылся (в этом он оказался вполне подобен Иисусу, второго пришествия которого ждут христиане).

Теперь вы знаете тайну о разделении религий и вер.

О КУНДАЛИНИ

В индийской традиции шиваистского тантризма Кундалини — свернувшаяся спиралью у основания позвоночника сила, энергия, шакти, аналогичная женственной творящей энергии Бога. Кундалини следует пробудить, направить её вверх по позвоночнику через психические центры — чакры, дабы она в верхней чакре у макушки головы объединилась с божественным «я» йогина, которое есть бог Шива. Это единение Шивы и Кундалини есть освобождение. Однако вот в буддийской тантре аналогичная практика, чунда-йога, известная больше под тибетским названием «туммо», проводится вообще без идеи Кундалини, то есть функционально она как бы есть, но сущностно отсутствует, и даже слово такое в буддийских текстах не встречается.

С другой стороны, у Гурджиева в «Беседах Беельзевуба со своим внуком» сообщается о некоем ограничителе под названием «кундабуфер», как бы «вмонтированном» в человека для его сдерживания и препятствия к достижению слишком значимых успехов. Гностики бы сказали, что злой Демииург или низший архонт Иалдаваоф вложил кундабуфер в человека, чтобы держать того в порабощении вдали как от Древа Жизни, так и от Древа Познания.

После Великой Битвы Светов Нетворящие Светы были низвергнуты в преисподнюю техиру, но им удалось внедрить Кундалини именно в том смысле, о котором говорит Гурджиев, в разумные существа низшего мира Асия, то есть в людей. Однако они не удержались в мире Асия и были низвергнуты в бездну, что не позволило им использовать Кундалини для контроля над людьми, и она осталась лишь как ограничитель, история введения которого искажена до неузнаваемости в библейском рассказе об изгнании из рая, Эдемского Сада. Божие проклятие и наложение ограничений на человека здесь скрывают учение о сущности Кундалини. Это был страшный грех низвергнутых Светов, ибо ненависть к

Творению как бунту против Абсолюта ослепила их. Именно тогда оболочки келлиппот ухватили часть Светов, превратив их из чистых драконов в драконоидов-змиев. Но Великий Дракон не был осквернён сим деянием, и он открыл людям тайну избавления от ограничителя.

Из сказанного ясно, что так называемая кундалини-йога есть не способ активизации или «пробуждения» Кундалини, а метод избавления от этого ограничителя, метод его нейтрализации и ликвидации и, соответственно, самореализации через это.

О НАШИХ ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ

К чему же мы, дорогие братья и сёстры, высокочтимые единомышленники, должны стремиться? Мы должны стремиться к восстановлению целостности бытия, расколотого не грехопадением и не «разбиением сосудов» (всё это вторично и запрограммировано самим проектом Творения), а изначальным расколом в Абсолюте и Абсолюта. Пока мы пребываем в ситуации безраздельного господства Творящих Светов, восстановление этой целостности невозможно. Сама реализуемость их проекта под вопросом. Мир всё больше и больше втягивается в порочный циклизм сансары, и нет ни малейшего признака того, что циклы будут разомкнуты и мир устремится вперёд и вверх.

Что мы можем сделать для этого? Практиковать. Кундалини-йогу, истинную алхимию преобразования, дзогчэн и другие высшие Пути, не забывая, конечно, о Спасителях-Мессиях, Иисусе и Саббатае Цеви. А дальнейшее укажет уже Учитель, когда он придёт и когда будет полностью свободен от тяжкого гнёта бездны.

Вот самое существенное из прочитанного той ночью. Последний раздел был несколько невнятен и состоял из слишком большого количества общих слов и общих мест. Ну ведь в самом деле, не скажешь так вот сразу даже единомышленникам: я — Великий Дракон и вы должны помочь мне уничтожить Творение. Но остальное было в высшей степени любопытно. Многое в моих старых снах и видениях разъяснилось, я был просто потрясён. Потрясён и... устрашён. С какой же силой мы столкнулись! И опасность тем страшнее, что она исходит не от дьявола с рогами, копытами и хвостом, мерзостность которого сразу же видна всем и каждому, кроме совсем уж отмороженных сатанистов, а от существа поистине божественного и по-своему благого и сострадательного. Хорошо иметь дело с ложью, она ложь и есть. Трудно — с правдой, ДРУГОЙ, но всё же правдой. Можно и нужно помешать «нашему» алхимическому проекту. Но как быть с метафизической проблемой? Закрыть на неё глаза? Но тогда онтологическая опасность будет возникать снова и снова... Не знаю...

С этими мыслями я, не раздеваясь, забылся на несколько часов поверхностным и тревожным сном.

О дальнейших происшествиях читатель может узнать, прочитав ещё одну главу.

ГЛАВА 6

Об алхимическом сосуде и стихах алхимика

23 ноября была пятница. С утра я зашёл в институт, попил кофе с Сергеем Соловьёвым, перемолвился парой слов с Ириной, которая слегка мандражировала перед поездкой в Израиль, поработал в библиотеке, а около шести за мной заехали супруги Богословские. У них, слава Богу, был не «Лэнд ровер» и не «БМВ», а всего лишь новая «Лада». Мы направились в Озерки и без каких-либо происшествий добрались до замка нашего алхимика. Павел спустился встречать нас в гараж, а потом провёл не в гостиную, как можно было бы ожидать, а прямо в лабораторию. На принесённом туда небольшом столике стояли, явно дисгармонируя с обстановкой, бутылки с разными напитками, стояли фужеры и рюмки, стояла тарелочка с нарезанным лимоном и надрезанные пакеты с соками, а также кюветка со льдом и ложкой для его употребления.

«Угощайтесь», — лаконично пригласил хозяин. Мы и угостились.

Минут через пятнадцать подъехал господин Степаново в коричневом пиджаке, светлых брюках, рубашке в полоску и довольно нелепом (особенно в сочетании с рубашкой) галстуке-бабочке. Игорь Ларионович поохал и поахал, как трудно сюда добираться («машины-то у меня нет»), и отправился к столу с напитками заправляться.

«Ну, теперь все в сборе, можно начинать. Где же наш прекрасный сосуд нектарный?»

«Сосуд сейчас явится перед Вашим взором, — с нехарактерной для него цветистостью сказал Павел. — Танечка, солнышко моё, яви свой лик смертным!»

Дверь в лабораторию раскрылась, и я буквально обомлел. Надо сказать, что я человек сексуально довольно холодный, на женщин смотрю обычно достаточно бесстрастно (это не значит, что я как-то иначе смотрю на мужчин, ориентация у меня вполне «натуральная») и психология мужчин, ведомых по жизни их гениталиями и готовых ради того, чтобы оказаться на одну всего лишь ночь в постели какой-нибудь стервозной дамочки, на разные безумства и безрассудства в ущерб своему здоровью, карьере, семейному благополучию, так же непонятна мне, как психология марсианина. Но тут, повторяю, я обомлел. В лабораторию, шествуя с видом королевы или даже богини, вошла... королева или богиня. Её богоподобному величеству было слегка за тридцать, это была цветущая женщина, а не девочка-бутончик. Роскошные чёрные волосы, настоящее чёрное облако, гроздовая туча вокруг головы, гордо посаженной на лебединой шее. Тонкие, точёные черты лица, просто камей! Чёрные, словно огромные маслины, глаза (очи!). Белоснежная (простите за банальность) кожа. Высокий, пожалуй, даже немного слишком высокий для женщины рост, идеальные пропорции тела (вытянувшаяся вверх Венера Милосская!) и, насколько можно было судить, ноги, полностью воплотившие в себе платоновскую идею женских ног (пушкинское «ножки» здесь, пожалуй, звучит слишком игриво). И всё это великолепие облачено в явно эксклюзивное вечернее платье из чего-то похожего на бархат (но не бархат), с лёгким («целомудренным», сказал бы я) декольте и ниткой жемчуга (не речного,

настоящего!) на шею. И это мимолётное видение шло в нашу сторону, слегка улыбаясь и чуть наклонив голову.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг неё толпятся в первый раз
Богатыри не те и витязи иные
И странен блеск её глубоких глаз.

Королева подошла к нам, мы встали, как по команде, и она поздоровалась с нами за руку.

«Знакомьтесь, кто не знаком, — сказал стоявший в стороне Павел, — Татьяна Вениаминовна Веселовская. Вы долго не увидите её больше в таких туалетах. Это по случаю инициации, так сказать. А дальше вы сможете лицезреть Татьяну только в джинсиках и ситцевых халатиках, одеяния из бутиков не очень-то подходят к нашим занятиям».

«Во всех ты, душенька, нарядах хороша», — пропел Богословский и приложился к ручке.

«Полноте, Александр Иванович, — произнесла она неподражаемым контральто, — мы тут для дела собрались, а не комплиментами обмениваться. Вот давайте и начнём. Прямо сейчас».

«Правильно, всё, начинаем», — заявил Павел. И начал.

«Итак, — сказал он, — перед нами, точнее, передо мной стоит невероятная по своей трудности задача в течение месяца трансформировать телесные и энергетические свойства нашего Сосуда, — последовал несколько неуклюжий поклон в сторону Татьяны, — создав, так сказать, оболочку того, что даосы называют телом, вращиваемым из бессмертного зародыша. Я буду руководствоваться своей методикой, которую назвал “нэй-вай шуан-сю” — “одновременным совершенствованием”, или “пестованием внутреннего и внешнего”. Для начала некоторые предварительные условия. Полное вегетарианство, причём соль, сахар, специи, алкоголь и всё мучное, включая каши, тоже исключается. Как поётся в песне, “он ел одну лишь травку, не трогал и козьявку” (последнее, кстати, тоже важно). И никакого секса. Впрочем, Татьяна будет жить здесь, поэтому контроль будет постоянным, да она и сама понимает». Татьяна кивнула, Павел продолжил:

«Затем пойдут эликсирчики. Составы всех я уж с вашего позволения обнародовать не буду. Приведу только один пример. Эликсира, с которого мы начнём. Это киноварный цветок. Не падайте в обморок от названий ингредиентов, ничего с ней не случится, я не шарлатан и её не отравлю. Итак, берём реальгар (сернистая ртуть, арсеникум два эс), затем готовим аж несколько кило смеси реальгара, раствора квасцов (на Западе известен как алюмен или стиптерия), грубой соли (хлорид натрия, если по-научному), нитрума (кальцинированная соль), белого мышьяка (один из окислов арсеникума), окиси кальция (на Западе называется титаносом), красной охры, или рубрики, талька (силикат оксида натрия, lapis viridis) и порошка карбоната свинца, керуссы. Всю эту гадость обмазываем особой глиной. Это смесь красной глины и веществ, в которых много калия. Точнее, я говорю: “возьмём и обмажем”, — в будущем времени, на самом деле, всё взято и обмазано, ибо уже

добрых тридцать шесть дней я всю эту пакость нагревал и раскалял. Теперь в готовом виде её можно и нужно принимать гомеопатическими дозами. Я уже наделал пиллоль, можете быть уверены, сегодня всю ночь этим занимался.

Ну, если вам так интересно, а вам интересно, судя по оживлению в зале, — публика действительно как-то оживилась, услышав о пиллолях, а то всем стало как-то не по себе от мысли, что это варево надо будет есть ложками, — так вот, если вам интересно, я вам ещё рецептик одного питья скажу, которое наша Таня будет пить вообще постоянно вместо кока-колы, чая и кофе. Оно довольно приятно. Берём мёд светлых сортов, абсолютно натуральный, мне тут специально пасечник привёз, смешиваем его с киноварью (истинной киноварью, не фабричной!), которая есть единство двух начал — серы и ртути, запечатываем сию смесь в сосуд и кладём в ёмкость с водой, а оную ставим в холодильник (можно опустить в колодец, но сейчас это сложнее, не то, что раньше). Ну и держим его там дней десять. Потом можно ложечку в день просто так, а остальное смешаем с родниковой водой, сделаем питьё, добавим сока гриба “пахима” (китайский “фулин”), шизандры (лимонника), лакрицу и будем пить. Симптомы от применения эликсиров (их не надо бояться, наоборот: раз они есть, то всё нормально): ощущение лёгкости в теле, отсутствие чувства голода и жажды при хорошем аппетите, сокращение выделений, особенно, *pardon moi*, кала, сон без сновидений — подсознание очищается, ознобы, когда бросает то в жар, то в холод, ощущение бегающих по телу муравьёв (последние два симптома неприятны, ну что поделаешь).

Параллельно практикуем внутреннюю алхимию (медитации, дыхательные упражнения, визуализации и прочее) с некоторыми специальными модификациями. Чтобы иметь общее представление о том, чем мы занимаемся, прочитайте книжку Чарльза Лука “Даосская йога” или предисловие к русскому переводу “Глава о прозрении истины” Чжан Бо-дуаня. Или книжку о даосской психопрактике уважаемого Константина Владимировича, — неуклюжий поклон в мою сторону. — Ну вот, собственно, и всё. К 23 декабря мы закончим, и вы получите для вашей магической церемонии готовый продукт (прости меня, Танечка, за грубость, такой уж я человек, ушлый-дошлый)».

Все заплодировали.

«Итак, Татьяна, — завершил свою речь Павел, — последний бокал шампанского за успех нашего безнадёжного (шучу, шучу) дела!»

Он подошёл к столу, умело откупорил бутылку настоящего шампанского из Шампани (чуть ли не «Мадам Клико», а может, и «Аи», я не запомнил, но чего-то совершенно подлинного) и разлил по фужерам. Все выпили.

«А теперь, — вдруг сказала Татьяна, — я хочу прочитать вам несколько своих стихотворений, совершенно не алхимических и не мистических, по мотивам биографии и творчества Гойи. Я очень люблю и самого Гойю, и известный роман Фейхтвангера о нём. Вот, читая и смотря на репродукции, и написала... А вы любите Гойю?»

Все закивали. Должен сказать, что у меня отношение к Гойе было двойственным (к роману Фейхтвангера я относился более однозначно, вполне поло-

жительно). В ранней молодости я обожал Гойю... по репродукциям. Но когда я побывал на выставке музея Метрополитен и увидел оригиналы, в том числе и знаменитых «Мах на балконе», я испытал чувство полного разочарования, произошло просто падение кумира. Выставка из музея Прадо закрепила это ощущение. Такое со мной уже было, в связи с Чюрлёнисом. Я также восхищался по репродукциям возвышенным символизмом его работ, и я также был разочарован, съездив в Каунас и увидев оригиналы. В результате я остался поклонником офортов Гойи — «Капричос», «Ужасов войны» и других, но совершенно перестал воспринимать великого испанца как живописца. Тем не менее стихи Татьяны послушать хотелось.

Татьяна своей королевской походкой вышла на середину лаборатории, откинула голову назад, отчего её волосы красиво упали на спину, открыв высокий чистый лоб. Она начала читать стихи, слегка растягивая слова, но энергично, без увы, характерного для поэтов-чтецов «поддвигания».

Эль Янтар

Каменистая бесплодная равнина,
Замок, залитый жестоким жаром,
Камешки, как чёрные маслины,
Ящерицы бегают по скалам.

И под раскалённым диким шаром
Там, у Кресла Короля на гребне
Повстречался путник с Эль Янтаром,
Медленно сползающим по щебню.

Этот призрак, жаба-черепаха
Не боится солнечного света,
От него не защитит наваха
Иль шептанье нового обета.

Тьма полночная лисиц рождает,
Кошек диких и мышей летучих,
Их легко Аврора побеждает,
С ним — не справиться её лучам могучим.

Разгоняет солнце чары мрака,
Что же солнечного гада уничтожит?
Порождённого ужасной силой брака
Между Фебом и Гекатой. Что поможет?

И любовь, желание и страхи
Не решат загадочного спора.
Шабаш — мир бушующего праха.

Кто ж воскликнет: «Люди, ya es hora!»¹

Сон о лжи и непостоянстве

Чёрно-красное танго, поцелуй на устах
И лицо под вуалью: в сердце радость и страх.
Незнакомка, скрываясь, тайный делает знак.
Чёрно-красное танго, поцелуй на устах.

И лицо под вуалью: в сердце радость и страх,
Устремляюсь в погоню, молоточки в висках.
Но тревожно мерцают огоньки в зеркалах,
И лицо под вуалью: в сердце радость и страх.

Незнакомка, скрываясь, тайный делает знак,
К ней во тьме приближаюсь, скрыв дрожанье в руках.
До чарующей феи остаётся лишь шаг,
Незнакомка, скрываясь, тайный делает знак.

Чёрно-красное танго, поцелуй на устах,
Но беззубо смеётся овуаленный прах.
И пустые глазницы ухмыльнулись впотьмах.
Чёрно-красное танго, поцелуй на устах.

Фанданго

Призывы музыки, томленье страсти —
Приблизилась и разошлась опять.
Напевы муки, ожиданье счастья,
Звук кастаньет, века помчались вспять.

Сближенье снова. Ярость, трепетанье:
Жив древний Хаос в стуче каблуков.
Вот, вот оно — последнее лобзанье!
Но нет, умчалась птица из силков.

Здесь радость, мука, боль, судьба седая
В бушующем, сжигающем огне.
Глядит гадалка дряхлая, слепая,
Как вянет роза в вазе на столе.

«Такие вот стихи», — уже другим, обыденным тоном произнесла Татьяна и сделала глубокий, почти придворный реверанс. Мы бешено заплодировали.

Снова вперёд вышел Павел.

«Стихи — это прекрасно, — произнес он. — Но пора работать. Звёзды, бег свой совершая, нас не ждут. Итак, вот торжественный момент первого приёма

¹ Час настал! — исп.

эликсира. А потом, господа, вы уж простите, не смею вас задерживать. Нас с Татьяной ждут великие дела!» С этими словами он достал из шкафчика над лабораторным столом справа какую-то шкатулку, открыл её, взял из неё что-то напоминающее зерно и положил его прямо в рот Татьяны. Затем достал из холодильника керамический кувшин, налил из него какой-то тёмной жидкости в фарфоровую китайскую чашку и вручил её Татьяне. Та выпила, даже не поморщившись, и сказала: «А ведь вкусно!»

Все снова заплодировали, по очереди попрощались с Татьяной и неторопливо потянулись к выходу из лаборатории. Павел вышел нас проводить.

Перед тем, как сесть в машину Богословских, я спросил Павла, не найдётся ли у него как-нибудь полчаса поговорить со мной о деле.

«О деле? — с лёгким налётом иронии спросил он (дескать: ну что ты понимаешь в моих делах?)».

«Да, о деле, о Проекте».

«Хм... Сейчас так трудно будет выкроить время... Хорошо. Приезжайте ко мне в следующий вторник к семи вечера, но не опаздывайте! Уже в 7.45 я буду вынужден вас покинуть».

«Но я никак не могу во вторник, у меня вечером лекции».

«М-да... Ну тогда в четверг, в то же время. Идёт?»

«Идёт, спасибо!»

На этом мы расстались, и «Лада» Богословских умчала меня домой на Петроградскую. В пути Александр Иванович молчал, только спросил меня, не нашёл ли я им астролога. Я сказал, что пока не нашёл, но работаю в этом направлении. Он кивнул и снова погрузился в молчание, а Аглая Фёдоровна и вообще не проронила ни слова, только попрощалась. Впрочем, вполне любезно.

Дома меня ждал встревоженный Филипп: «Папа, бомж мне опять пытался за деньги бумагу для тебя дать, но я толкнул его, вырвался и убежал».

Занятно, подумал я, каждый раз это происходит, когда я встречаюсь с нашими почитателями драконов. Я спросил Филиппа, в котором часу к нему пристал бомж. Оказалось, что часов в пять. У меня в голове созрел план.

«Скажи Филипп, во сколько ты возвращаешься из школы в четверг?»

«Ну, в четверг... Тоже часов в пять, в шестом...»

«Прекрасно. Иди себе спокойно домой, а если к тебе опять пристанет бомж, возьми у него бумагу, возьми. Даже деньги разрешаю тебе у себя оставить».

«У, круто! Замётано». И довольный Филипп вернулся к компьютеру.

В четверг к семи я еду к Павлу. Своим ходом туда добираться часа полтора. Значит, можно полчаса посидеть в засаде и посмотреть, кто подбивает бомжа на эти дурацкие шуточки. А пока надо выкинуть всё это из головы и заняться предзащитными делами, ибо их немало. Хуже всего было то, что мою защиту назначили на четверг 20 декабря. Авторефераты я, слава Богу, разослал заранее, сразу после ноябрьских праздников, но беготни предстояло ещё очень много (оппоненты, ведущее учреждение, проект решения учёного совета...). А тут опять мир спасти надо (смайлик)! И я чувствовал, что перед решающим днём

22-го или 23-го декабря (это уж как астролог распорядится, может, и 25-го) время начнёт спрессовываться, а события — конденсироваться.

Если вам интересно узнать, кто стоял за бомжем и о чём беседовали Константин и Павел, прочтите следующую главу.

ГЛАВА 7

О бомжах и судьбах мира

До четверга никаких судьбоносных событий не произошло. Я отлавливал оппонентов, отнёс диссертацию в ведущее учреждение на внешний отзыв, получил заверения, что все отзывы будут готовы в срок и по крайней мере два оппонента придут на защиту лично, и написал проект заключения, после чего мне сильно полегчало. Я выяснил в совете, что банкеты после защиты там совершенно факультативны и традиции непременных возлияний после защиты нет, тем более что директор института их вообще не одобряет, и выкинул эту проблему тоже из головы. Единственное, что от меня требовалось — обеспечить членов совета минералкой и колой на время защиты, что обременительным назвать никак было нельзя. Поэтому от проблем защиты голова болеть у меня перестала.

В четверг около пяти я вышел из дома уже полностью готовый к поездке к Павлу и прошёл по улице. Филипп точно объяснил мне, где именно к нему подходит бомж. Рассудив, что заказчик акции будет стремиться быть поближе к своему подопечному для облегчения контроля, я перешёл на другую сторону, зашёл в подъезд ближайшего дома и поднялся по лестнице на второй этаж. Мне повезло, и на площадке между вторым и третьим этажом я обнаружил окошко, выходящее на улицу. У него-то я и пристроился. Прямо напротив меня была подворотня, а у тротуара стояла какая-то красная машина, иномарка, но достаточно скромная, вероятно, корейская, для среднего класса, так сказать. В пять семнадцать в поле моего зрения появился Филипп, неторопливо бредущий по улице. Как я и предполагал, из подворотни напротив появился бомж — неряшливо одетый (не быть же бомжу, в самом деле, денди?), с седой всклокоченной бородой. Он схватил Филиппа за руку и стал что-то говорить ему. Филипп кивнул, бомж вытащил из кармана свернутый вчетверо бумажный лист и, по-видимому, денежную купюру. Филипп взял всё это, бомж отпустил его, и мой сын бросился бегом к дому. Я же сосредоточил всё своё внимание на бомже. Тот снова скрылся в подворотне. Сейчас появится заказчик (если только он не пойдёт в другую сторону — к Введенской: здесь у нас почти все дворы проходные). Но нет...

Из подворотни снова появился бомж, сопровождавший некоего господина и чего-то требовавший от него. Наконец тот что-то достал из кармана (конечно же, долларовую бумажку), сунул бомжу и отмахнулся от него. Бомж тут же отстал от него и засеменял по улице в сторону Большой Пушкинской, а господин сел в красную машину, завёл её и сразу же уехал.

Откровенно говоря, я ожидал увидеть Богословского, в крайнем случае, господина Степаново, но этот человек был мне абсолютно незнаком и на мероприя-

тиях у «драконов» его определённо не было. Это был мужчина несколько моложе меня (лет тридцати — тридцати трёх), со светлыми, довольно длинными волосами и русой бородой. На нём была широкополая шляпа (но не «раввинского», а, скорее, артистического фасона) и хорошее длинное кашемировое пальто с выпущенным поверх него серым шарфом. Повторяю, я его нигде и никогда не видел, разве что где-нибудь в толпе или в магазине, но не более того. Что это значит? Загадка. И откуда он знает, когда я собираюсь вечером уходить? Я твёрдо решил в следующий раз не прятаться, а подойти к нему и расставить все точки над «i».

Пока же я спустился вниз, перешёл на другую сторону улицы и пошёл домой. Филипп ждал меня прямо у двери в коридоре. Молча он протянул мне свёрнутый листок бумаги. Я развернул его и прочитал:

МАСКА, МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ. А ДРАКОН ВСЁ РАВНО ВЕРНЁТСЯ!

Бред какой-то. Ладно, всё это надо окончательно выяснить, а пока выбросить из головы. Тоже мне, «грузите апельсины бочках».

«Сколько он тебе сегодня дал?» — спросил я Филиппа.

Тот слегка покраснел: «Двадцатник...»

«Ого! Цены растут. Вот видишь, проявлять принципиальность иногда даже выгодно. Послал ты его в тот раз, и ставки выросли на сто процентов. Ладно, забирай себе на комиксы, как договорились».

Филипп просиял: «Ну, пока, я пошёл».

«Пока, пока».

Я вышел на лестницу и отправился к Павлу рассказывать ему о разрушительных планах Дракона, вселить которого в прекрасное тело Татьяны он собирается. Дорога заняла у меня даже более полутора часов.

Павел уже ждал меня, поглядывая на часы.

«Татьяна пока медитирует, но минут через сорок пять я должен вплотную заняться с ней, так что время ограничено».

Он сварил мне кофе и предложил к нему рюмку коньяку, отказываться я не стал.

«Ну-с, чем обязан оказанной мне чести вашего визита, Константин?»

Я начал достаточно в лоб: «Вот вы занимаетесь реализацией Проекта. А хорошо ли Вы осознаёте его цели?».

Павел отреагировал неожиданно резко: «Вы что, экзаменовать меня пришли? Но отвечаю: возвращение в наш мир Мессии-Дракона, которого отсюда уже вышвыривали. и, как вы сами прекрасно знаете, совсем недавно. Сами, как говорят, видели... Скажу вам сразу: вся эта тема с драконами мне абсолютно ДО ФЕНИ. Я понятно выражаюсь? Меня интересует только алхимическая часть проекта. А потом можете у своего Дракона хоть под хвостом вылизывать, мне это безразлично. Так и скажите вашему Богословскому».

Эта отповедь скорее вдохновила меня, чем обеспокоила, хотя и весьма обескуражила, я никак не ожидал от Павла таких сильных отрицательных эмоций и такого раздражённо-неприязненного отношения к Богословскому.

«А вы уверены, что этот проект не принесёт вреда Татьяне?»

«Во-первых, с каких это пор Богословского стало интересовать здоровье Татьяны? Во-вторых, если и принесёт, то только его магия с совмещением личностей. А после моей алхимии она только расцветёт и проживёт, может быть, лет сто двадцать. Вы как специалист по даосским практикам должны это хорошо понимать. К тому же вы совершенно напрасно воспринимаете её как объект каких-то манипуляций. Уверяю вас, что Татьяна абсолютно самостоятельна, и в каком-то отношении она гораздо больше феминистка, чем Аглая. Просто Аглае надо говорить лозунгами, а Татьяна живёт так, как ей нравится, без всяких деклараций».

«Павел, я пришёл к вам сам от себя, а вовсе не от Богословского. Скорее, даже наоборот».

«А это уже совсем интересно. Разве вы все не одна шайка-лейка?»

«У Вас явно превратное представление обо мне и моих отношениях с обществом Дракона».

«Ну-ну... А вы не темните? Впрочем, давайте, валяйте».

«Знаете, тут и “валять”-то особенно нечего, раз вы не заинтересованы в целях наших адептов пути драконов».

«Это точно, абсолютно не заинтересован».

«Но вы, простите, отдаёте себе отчёт в том, что может произойти, если всё увенчается успехом и Дракон (или Анти-Христос, как я раньше обычно его называл) войдёт в наш мир с полной свободой действия?»

«Как вы сказали? Антихрист?»

«Нет, не Антихрист, а Анти-Христос». Тут я очень кратко рассказал Павлу о природе Великого Дракона, о его отношении к Творению, о краже ДМТ-Ф из нашего института и о драматической развязке этой авантюры. Я умолчал только об Анатолии и о нашем с ним знакомстве, свалив всё на шефа институтской службы безопасности Головачёва. Павел слушал меня со всё большим интересом.

«Таким образом, цель Дракона — разрушение Творения и возвращение всего в исходное состояние покоя самодовлеющего и самодостаточного Абсолюта».

«Любопытно... Если это не сказочки, которые вы с Богословским сочинили, чтобы меня проверить на лояльность, то тут есть, над чем подумать».

«Думайте, думайте».

Павел действительно погрузился в размышления и несколько минут сидел чуть ли не погрузившись в транс. Наконец он моргнул и вышел из своего самадхи.

«В принципе я склонен вам верить. Действительно, ведь у Богословского до презентации Общества вы замечены не были. Скорее всего, вы вполне искренни».

«Слава Богу, поверили!»

«Не поверил, а допустил со значительной степенью вероятности. Ну так вот, ответственности за судьбы мира мне брать на себя совершенно не хочется. Но это не означает, что я заброшу Проект. Ни за что! Это великолепная возможность опробовать разные алхимические методики и свершить Делание. Но кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево. Короче говоря, я занимаюсь алхимией и только алхимией, и бросать свои занятия с Татьяной я не собираюсь. А об остальном

пусть у Богословского с его драгоценной супругой голова болит, с ними и разбирайтесь. Всё. Dixi. А теперь мне пора».

«Ещё минуточку. Вам незнаком такой персонаж?» И я описал Павлу сегодняшнего незнакомца.

«Нет, не знаю... Определённо не знаю. Это не из моих знакомых. И у Богословского тоже его никогда не видел. А кто он?»

«Да тоже, видимо, любитель драконов из бездны. Впрочем, ладно, это уже мои заморочки».

«Ну хорошо. Хотите на минутку спуститься проведать Татьяну?»

«Конечно, ещё бы! Кто же откажется проведать такую женщину?!»

Павел улыбнулся: «Ну, тогда вперёд!»

И мы спустились в лабораторию и направились к «созерцальне».

Татьяна вышла нам на встречу. «Но Боже, кто б её узнал!» Вместо роскошного вечернего платья на ней были какие-то потертые джинсики и бесформенная блуза («она в спецовочке такой промасленной, такой немислимый наряд на ней»). Впрочем, и в этом наряде она оставалась красавицей. Её щеки пылали (явно следствие действия эликсиров), создавая эффектный контраст с чёрными волнами её волос и маслинами глаз.

Мы поздоровались за руку, потом обменялись обычными светскими вопросами о здоровье, делах и погоде. Потом я сказал: «Татьяна, мне очень, ну просто очень понравились ваши испанские стихи. Не могли бы вы дать почитать ещё».

«О, спасибо, спасибо! У меня их ещё осталось два или три, сейчас постараюсь найти».

«Нет уж, — вмешался Павел, — сейчас абсолютно некогда, мы уже потеряли минут пять. Пошли ему стихи по почте, если хочешь, никуда они не денутся».

«Хорошо, хорошо». Я продиктовал Павлу адрес, который он тут же внёс в электронную записную книжку. Затем я откланялся и покинул замок Павла, а он вошёл вслед за Татьяной в комнату для практики «внутренней алхимии».

Своим визитом я в целом остался доволен. Прежде всего, оказалось, что «драконы» далеко не едины — ни идейно, ни в плане личностных отношений. Павел не скрывает своей неприязни к чете Богословских. Те, вероятно, отвечают ему тем же (не скрою, что мне самому Павел был гораздо симпатичнее «Мережковских»). Далее, Павла не интересует Проект в целом, и я явно заронил в его душу сомнения в желательности его полной реализации. А раз так, то есть надежда, что он не просто самоустранится на последней стадии, а займёт более активную позицию (хотя надежда и незначительная — уж очень ему всё безразлично, кроме алхимии). Короче говоря, раскол налицо. А если, как известно, дом раскололся в себе, то недолго стоять ему.

Дома было тихо. Инна дремала в своей комнате, Филиппа не было дома. Я разделся и прошёл в свою комнату. Включил свет. На моём рабочем столе около компьютера лежала толстенная книга в мягком переплёте. Я подошёл поближе и обнаружил, что это не более и не менее как знаменитое исследование Гершома Шолема «Саббатай Цви. Мистический Мессия» в английском переводе. Я вздрогнул. Сама она, что ли, пришла и улеглась на мой стол?

В комнату заглянула Инна и произнесла заспанным голосом: «Тут заезжал какой-то мужчина, назвался Александром Ивановичем и привёз тебе эту книгу. Просил передать, что ко времени завершения проекта (что за проект такой?) очень просит тебя освежить эту книгу в памяти, особенно, про последние дни этого Саббата. Вот и всё».

У меня отлегло от сердца. Значит, это Богословский. Молодец! Я с удовольствием просмотрю эту работу заново, тем более что он явно на что-то намекает, рекомендуя прочитать последние главы. На что-то, связанное с подготовкой заключительного ритуала.

«Насчёт проекта не беспокойся, — сказал я Инне. — Это грантовый проект по каббале, ничего особенного» (она с сомнением покачала головой, дескать, по твоему виду ясно, что это за «ничего особенного» — очень проницательная женщина!), но ничего не сказала и пошла на кухню поставить чай и приготовить ужин.

После ужина я взялся за книгу и просидел, читая её, далеко за полночь, не пустив вернувшегося Филиппа за компьютер: и так хорошо нагулялся, хватит с тебя и дармовых двадцати зелёных, не мешай отцу читать серьёзную книгу. И многое теперь в работе Шолема предстало передо мной в другом свете, нежели, когда я читал её впервые.

Если читатель хочет узнать, что же открылось Константину в книге Шолема, ему настоятельно советуют прочитать следующую главу.

ГЛАВА 8

О раввинах, суфиях и султанах

Саббатай Цеви перешёл в ислам 16 сентября 1676 года на аудиенции у султана в монаршей резиденции в Адрианополе. Собственно, для обрезанного еврея принять ислам в условиях Османской империи было очень просто: по существу надо было только переодеться в турецкую одежду, «стать турком», как сам Саббатай Цеви и говорил об этом. При акте принятия ислама он получил имя Мехмед и почётный титул «капичи баши» — «хранителя дворцовых врат».

Апостасии Мессии предшествовало одно событие, которое показывает, что этот акт не был случайностью и уж тем более не был проявлением трусости, а был вполне обдуман как акт каббалистического тиккуна, «исправления». Кроме того, если бы Саббатай Цеви принял ислам из страха и под давлением, он никогда бы не пользовался тем уважением и даже преклонением перед ним султана, которое было характерно для жизни Хранителя Врат в течение последующих пяти лет, до ссылки 1672 года.

В самом начале сентября 1676 года, дней за десять до судьбоносной аудиенции, когда Саббатай Цеви ещё находился в достаточно комфортабельном заключении в крепости Галлиполи, его посетил очень странный человек, некий Неемия Коген из Польши или западной Украины, возможно, из Львова. У Неемии была репутация чуть ли не пророка, а по некоторым сведениям он даже считал себя мессией из рода Иосифа, так сказать, «малым мессией», который должен был по преданию выступить в качестве предтечи «великого мессии» из рода

Давидова и пасть в борьбе с врагами. Неемия имел долгую беседу с Саббатаем Цеви с глазу на глаз, содержание её неизвестно. Но самое интересное заключается в завершении этой встречи: Неемия выбежал из покоев Саббатая Цеви с криком, что он хочет стать турком, то есть принять ислам, что и было немедленно совершено. Последующая судьба польского каббалиста неясна. Он вернулся домой, но то ли покаялся и вернулся в синагогу, то ли, наоборот, стал апостолом Мессии-отступника, провозгласив себя мессией из рода Иосифа. Но в любом случае ясно, что именно беседа с Саббатаем Цеви побудила его принять ислам в столь странной и экстравагантной манере.

Сам Мессия стал мусульманином через десять дней после беседы с Неемией. После своей мистической (а она, конечно же, была именно мистической) апостасии Саббатай Цеви (или Мехмед Капичи-баши, отныне он подписывается и так и сяк) получает приглашение жить в султанском дворце. Султан Мехмед IV, человек крайней религиозности, буквально боготворит отступника. Хорошо известно, что Саббатай Цеви с детства постоянно постился и почти ничего не ел, причём выглядел вполне здоровым и упитанным, а его кожа источала приятный аромат. Поначалу слуги и придворные, попечению которых Саббатай Цеви был вверен, старались заставить его есть, чуть ли не насильно. Узнав об этом, султан сказал: «Оставьте его в покое! Пусть живёт так, как ему хочется, иначе он не сможет молиться за нас». Таким образом, молитвы Саббатая Цеви были чем-то очень важным и ценным для султана.

Тем не менее, вначале Саббатай Цеви, видимо, пребывал в состоянии подавленности, чувствуя себя сквернённым миром скверн — келиппот. Однако очень скоро его самосознание Мессии вернулось. В своём поведении он стремился не противопоставлять, а сочетать ислам и иудаизм. Рассказывают, что его видели держащим в одной руке Коран, а в другой свиток Торы. Он молился и на иврите, и на арабском, и как еврей, и как мусульманин, регулярно посещая как мечети, так и синагоги, встречаясь с учениками и продолжая вести переписку со своими последователями за пределами Стамбула и Адрианополя. Ни султан, ни мусульманское духовенство не препятствовали ему в этом, веря, что его общение с евреями будет способствовать их переходу в веру Пророка. В это же время еврейский мессия и мусульманский неофит установил тесные контакты с весьма любопытным орденом мусульманских мистиков суфиев — братством бекташи.

Орден бекташи (бекташийя) возник в Малой Азии на рубеже XIII–XIV веков, его основателем считается Хадджи Бекташ Руми, который и считается покровителем ордена, но, скорее всего, его основателем был другой человек — нищенствующий дервиш (каландар) Хадджи Бекташ Нишапури Хорасани, взгляды которого были достаточно «крайними», с сильным привкусом мистического антиномизма, предполагавшими, быть может, нарушение стандартных религиозных норм как знак несвязанности мистика условностями и профаническими ограничениями, что было характерно и для религии Саббатая Цеви.

Через двести лет бекташийя превратилась в строго организованный орден. Это произошло благодаря деятельности ещё одного суфия — Балим-Султана, умершего в 1516 году. После османских завоеваний отделения ордена возникли также в Сирии, Палестине и Египте.

Надо сказать, дервиши ордена пользовались исключительным влиянием среди знаменитой султанской гвардии — янычаров, что обусловило важную роль бекташийя в политической роли Османской империи. Позднее это дорого обошлось бекташи: когда в 1826 году султан Махмуд II уничтожил янычарский корпус, ужасные репрессии обрушились и на орден, большинство членов которого в это время бежит из Стамбула и других крупных городов в Албанию, где вступление в общины бекташи местного населения становится массовым явлением. Но вскоре, после восшествия на престол султана Абдул-Меджида гонения прекратились, и орден понемногу начал возвращать себе утраченное влияние.

В настоящее время бекташи достаточно многочисленны в Албании, на территории бывшей Югославии и в Турции, где они периодически подвергаются репрессиям из-за попыток возобновить политическую деятельность: выгученик саббатанцев Кемаль Ататюрк провозгласил республиканскую Турцию светским государством и в 1925 году распустил все суфийские братства.

На учение и религиозную практику бекташи оказали значительное влияние члены мистико-аскетических и экстатических движений типа каландарийя, традиционный доисламский тюркский шаманизм, христианские секты Анатолии и течения шиитского ислама, равно как и еретики-хуруфиты, также склонные к крайним формам мистицизма. А этот синкретизм в свою очередь обусловил веротерпимость бекташи, что также, видимо, привлекло к ним мессию-отступника.

Бекташи учили, что соблюдение норм и правил шариата необходимо только для тех мусульман, которые не получили посвящения в высшие мистические таинства и истины мистического пути. Посвящённым же только понятен и подлинный смысл Корана. Бекташи почитают шиитских мучеников Хасана и Хусейна и чтут имама Али как боговоплощение.

Члены ордена делились на шесть основных категорий: ашик (неполный член), мухип, или мухибб (ашик, получивший посвящение и право участвовать в некоторых ритуалах), дервиш (мухип, прошедший искус служения старшим по посвящению, приобретший навыки практики, принёсший клятву-обет и получивший право на ношение ритуальной одежды), баба — назначался главами общин специальным документом в качестве руководителя местной обители (текке), дервиш-и муджаррад — дервиш, принёсший обет безбрачия и прошедший особый тайный обряд посвящения; такие дервиши всегда жили в обителях, брили усы и бороду и носили в правом ухе серебряную или медную серьгу, и халифа — заместитель главы ордена в регионе.

Бекташи практиковали особые экстатические собрания с музыкой и пением (радения — сема или хадра), на которые допускались только посвящённые члены ордена. Суфии ордена бекташийя оказали значительное влияние на характер религиозности населения Турции, на развитие турецкой культуры, музыки и особенно литературы.

Такая жизнь продолжалась у Саббатая Цеви до сентября 1672 года. Его проповедь среди евреев и сохранившее свою силу влияние его авторитета как

Мессии всё больше раздражали раввинов. О влиянии Саббатая Цеви на жизнь еврейской общины Турции свидетельствует тот факт, что в течение нескольких лет день 9 ава отмечался не как постный и скорбный день разрушения Храма, а праздновался как день рождения Мессии и начало исполнения обетования. Долгое время, однако, раввины не считали себя в состоянии справиться с находившимся под покровительством султана Саббатаем Цеви. Но в 1672 году они предприняли важный ход. Чтобы дать ход делу против Саббатая Цеви, многим чиновникам турецкой администрации были даны огромные взятки (за 1600 лет цена на голову Мессии сильно возросла: за тридцать сребреников продать его уже было нельзя). В результате вскоре после одного из посещений синагоги и участия там в молитве Саббатай Цеви был схвачен и брошен в темницу (по законам Османской империи отступничество от ислама каралось смертной казнью). Султана в это время поблизости не было: он воевал в Польше (последний крупный победоносный поход турок против христианской Европы). Казнить султанского фаворита в отсутствие монарха чиновники не решились, и Саббатай Цеви продолжал оставаться в заключении до возвращения Мехмеда IV. Более того, взрыв возмущения среди многочисленной и богатой еврейской общины Турции (а в руках евреев практически находилась вся средиземноморская торговля Османской империи) чуть было не привёл к освобождению Саббатая Цеви, но он сам отказался покинуть своё узилище до приезда султана: видимо, столь велика была его убеждённость в собственной правоте и невиновности. Таким образом, Саббатай Цеви оставался в своём узилище вплоть до возвращения султана из похода.

Мехмед IV, вернувшийся в Стамбул, был крайне возмущён арестом Саббатая Цеви, который оставался для него Божиим человеком и святым. Однако он оказался под сильным напором как мусульманских сановников, так и раввинов. И первые, и вторые выдвигали один и тот же аргумент: если не наказать Мехмеда Капичи-баши, то это послужит дурным примером для других евреев, принявших ислам: накажем его, чтобы другим неповадно было. Если этот аргумент был достаточно естественным для мусульман, то в устах раввинов он, пожалуй, звучал ещё циничнее: шантажа Пилата полуторатысячелетней давности: если ты не распнёшь его, то ты не друг Кесарю (но сама линия поведения старейшин иудейских за прошедшее время совершенно не изменилась). Правда, Понтия Пилата тут не было, и делом Мессии-отступника занимался кесарь (то есть султан Мехмед IV) лично. Поэтому до казни дело не дошло, но и полностью прощён Саббатай Цеви тоже не был: султан решил не дразнить гусей и отправил своего суфия-каббалиста в ссылку, в изгнание в Албанию (точнее, в южную часть современной Сербии), ставшую позднее центром деятельности ордена бекташи. Там Саббатай Цеви и провёл последующие (последние для него) четыре года, ведя привычный образ жизни, совершая странные и смущающие местных мусульман (которые, впрочем, нимало ему не мешали) поступки и общаясь со своими последователями, организовавшими целый «штаб поддержки» в соседнем Берате (втором «Белграде») и в македонском Скопье. В Судный День 1676 года Саббатай внезапно без каких-либо признаков болезни скончался: рождённый в день 9 ава

ушёл из нашего мира в торжественный день Йом-Кипшур. «Верные», то есть верующие в Саббатая Цеви как в Мессию, однако, считали, что он не умер, а сокрылся, ушёл в таинственное место за рекой Самбадион где-то на Востоке, откуда вернётся во главе войск десяти исчезнувших колен Израилевых. Снова оккультация Мессии и ожидание его «второго пришествия». Гробница Саббатая Цеви где-то в Косово или Македонии была известна дёнме ещё перед Первой мировой войной, но ныне может считаться забытой. Скорее всего, она пострадала и была разрушена или в Первую мировую, или во время нацистской оккупации Югославии через несколько десятилетий. Оккультация Мессии стала полной.

* * *

На внутренней стороне обложки я обнаружил карандашные записи, явно сделанные рукой Александра Ивановича. Вот они:

«АМИРАХ (аббревиатура, означающая “Наш Господь и Царь, Его Величество, да будет Он прославляем”); так называли Саббатая Цеви его верные) родился в 1626 году, открыл своё возвышенное предназначение в 1666 году, совершил апостасию в 1667 году, был изгнан из дворца в 1672 году и сокрылся в 1676 году. Соответствующие даты через 165 и 330 лет: 1791, 1831, 1832, 1837, 1841; 1956, 1996, 1997, 2002, 2006. Таким образом, максимально благоприятный период для Явления Дракона — 1996–2002 годы, после 2006 года врата между мирами закроются до 2171 года.

Знаки приближающегося Явления: войны, междоусобицы и смута в обителях Мессии: Израиле и Косово (Югославии).

Нужен (срочно!) хороший астролог!»

По поводу предпоследнего пункта я мог бы возразить: а что означают смуты и кровопролития в Кашмире, Афганистане, Шри-Ланке, Северной Ирландии, Чечне и других горячих точках? Но попадание в этот список Югославии и Израиля всё же действительно представляется знаменательным. Последний пункт снова вернул меня к мысли об Анатолии, надо всё-таки позвонить ему и ещё раз поговорить насчёт его участия в Проекте в качестве астролога.

Я отложил книгу. Часы показывали три часа тридцать семь минут утра. Пора было ложиться спать. Я так и поступил, но сон мой оказался беспокойным, и я проснулся скорее разбитым, чем посвежевшим.

А о том, что произошло далее, расскажет следующая глава.

ГЛАВА 9

Стихи и гороскопы

Следующая неделя прошла без особых событий. Я навестил Анатолия, передал ему записи проповедей Андрея Королёва и с некоторым трудом уговорил его стать астрологом-консультантом «драконов». Анатолий, правда, поставил одно условие: ему дают все материалы через меня, он всё делает и передаёт Богословскому ре-

зультат тоже через меня; встречаться с драконами он категорически отказался. Прямо от него я позвонил Богословскому и предложил встретиться вечером в среду 5 декабря для того, чтобы обговорить все условия астрологической экспертизы. Памятуя о том, что именно в день моего посещения кого-либо из «драконов» появляется бомж со своим загадочным боссом и передаёт мне через Филиппа нечто провокационное и провоцирующее, я решил в этот день побегать: вернуться из Института домой, проследить за бомжем, попробовав на сей раз всё-таки лично познакомиться с его нанимателем, и только после этого отправиться к Александру Ивановичу с Аглаей Фёдоровной.хлопотно, неприятно, но что поделаешь... Надо развязать этот узел (или решительно разрубить его).

Тем не менее день начался хорошо. Я уже собирался выходить из дома, когда раздался звонок и я получил из рук почтальона заказное письмо с обратным адресом Павла Артамонова. Татьяна выполнила своё обещание и прислала стихи! Отлично! Очень даже приятно. Я вскрыл конверт и обнаружил там распечатку оставшихся стихов испанского цикла и ещё десятка два других стихов. Я положил конверт в свой письменный стол, чтобы спокойно почитать стихи вечером на досуге, и отправился в институт.

В институте ничего интересного не было. К нам в сектор зашёл Троль и завёл разговор о появившихся в последнее время слухах, что Георгий Тигранович собирается по возрасту покинуть свой пост директора института и перейти на работу в Петербургский Научный Центр. Троль считал, что это или ерунда, или Георгий Тигранович решил, что из СПб НЦ РАН избраться членкором или даже академиком будет проще, чем из института. В таком случае, заключил Троль, нашим директором станет Иванович, но ненадолго, ибо и ему уже под шестьдесят. А следовательно, надо ожидать обострения конкуренции среди молодых претендентов на августейшую должность, группирующихся вокруг замдиректора по коммерческой деятельности Дениса Леонидовича Ермакова. Поскольку все эти расклады меня мало интересовали, я вяло реагировал на предположения Троля о кадровом составе грядущего руководства нашего богохранимого заведения и Троль вскоре ушёл. Я промаялся на своем рабочем месте до четырёх (очень не люблю работать вне стен дома, даже в библиотеках, не говоря уж об институте, где тебя постоянно кто-нибудь отвлекает от дел и мыслей) и поехал домой отлавливать загадочного патрона нашего бомжа.

Я быстро перекусил полуфабрикатными котлетами с макаронами и кетчупом, попил кофе и занял свой наблюдательный пункт вовремя: к дому напротив как раз подъехала красная машина и из неё вышел таинственный незнакомец всё в том же кашемировом пальто и широкополой шляпе. Незнакомец направился в подворотню, я — за ним. Получилось так, что я чуть не налетел на знакомого, завернув за угол и оказавшись во дворе-колодце: он стоял прямо за углом.

«О приветствую вас, месье, — довольно ядовитым тоном приветствовал его я, — счастлив познакомиться с вами лично!»

Тот не очень-то и удивился: «А, Константин Владимирович! Значит, удалось мне всё-таки вас выманить».

«Что значит “выманить”? Что это за какие-то ребяческие игры? Почему просто было не прийти ко мне домой или в институт и не поговорить?»

«А вот такой я человек, люблю поиграть».

«Тогда вы довольно нелепый человек. Это же всё просто смешно, если бы вы были ровесником Филиппа, тогда я бы ещё понял».

«А кто такой Филипп?»

«Мой сын, которому вы с вашим уважаемым бомжем уже подарили как минимум тридцать баксов за его работу почтальона».

«А, тогда понятно... Ну что поговорим?»

Я взглянул на часы: «За час управимся? А то мне уходить надо будет».

«Если к Богословским, я вас провожу и составлю вам компанию, если вы будете не против».

«Провожайте, если хотите. А вот насчёт компании не уверен... У меня есть достаточно конфиденциальное дело к Александру Ивановичу, и я совсем не уверен, что он одобрит разговор об этом деле в присутствии вашей достопочтенной особы».

«Ну хорошо, там разберёмся. А теперь, раз уж вы меня поймали, ведите меня к себе домой или куда хотите».

«Нет уж, сразу домой... А может быть, вы буйный помешанный или садист, который мечтает попасть ко мне домой? Тут рядом есть кабачок “Запад–Восток”, туда и пойдём. Я даже закажу вам китайский чай с каким-нибудь печеньем».

«Ну, Запад–Восток так Запад–Восток. Пойдёмте».

Через три минуты мы уже сидели за столиком кафе. Я заказал китайскую «лунную лепёшку» и чайничек жасминового чая, принципиально проигнорировав пиво и алкоголь, чтобы не придавать разговору ненужную интимность.

«Ну-с, чем я обязан столь пристальному интересу к моей скромной особе, выразившемуся в столь экзотических, я сказал бы, формах?»

«Да всё тем же. Нашим Драконом Андреем Александровичем Королёвым».

«Как много любителей драконов развелось, ужась просто. Хотите один древнекитайский анекдотец расскажу?»

«Ну рассказывайте, коли времени не жалко».

«Да чего уж там... В общем, слушайте...»

«Я весь внимание» (он иронически улыбнулся).

Я начал: «Жил-был художник один, и этот художник очень любил рисовать драконов. Рисовал он их, рисовал до тех пор, пока не прослышал об этом настоящий дракон и не решил сделать художнику приятное и явиться перед ним собственной персоной. Но когда дракон обвился хвостом вокруг его дома и просунул голову в окно его жилища, художник так перепугался, что залез в самый дальний угол и накрыл голову циновкой. Мораль: легко любить драконов издали».

Мой собеседник рассмеялся: «Но я-то не таков, я действительно люблю драконов, будьте уверены».

«А вот я между тем всё ещё не знаю вашего драгоценного имени, — сказал я. — Вы-то моё знаете...»

«А, извините, пожалуйста, Ягодников Антон Борисович (можно просто “Антон”), художник, дизайнер и ничтожный ученик великого существа».

«Рад наконец-то познакомиться, Антон. А вы можете называть меня Константином, без отчества».

«Договорились».

«А теперь всё-таки расскажите мне про цели вашего весьма экзотического способа познакомиться».

«Извольте. Начну с того, что я никогда не был членом группы Богословского, хотя, конечно, и был со всеми ними знаком. Подобно вам, я избегал кружков и организаций, опасаясь равно как пионерского задора или, наоборот, бюрократического формализма прошлых времён, так и тоталитарного сектантства нашего времени. Поэтому Дракон, с которым мы встретились во время одного из его приездов в Питер, стал учить меня, если можно так выразиться, в индивидуальном порядке. Про вас мне стало известно сравнительно недавно: Дракон посоветовал мне прочитать пару ваших статей, а затем посвятил меня в свой план освобождения, в котором вам также отводилась важная роль (вы понимаете, о чём я говорю). Я с удивлением узнал, что вы отказались не только войти в Общество, но и вообще сотрудничать, после чего моё уважение к вам как к избраннику сменилось подозрительностью. Увы, мои подозрения полностью оправдались, ибо, сопоставив всё, что о вашем поведении в то время могли сказать разные люди — Полина Моргенштерн, Илья Гданьский, кое-кто из ваших коллег по работе, я пришёл к выводу, что даже в последний страшный день краха и гибели вы пришли не помочь Дракону, а сделать всё, чтобы помешать ему. И вы делали это вместе с неким гэбистом, даже если и не знали, поначалу по крайней мере, кто это такой. Теперь неразумный Богословский, которому объяснять что-либо бесполезно, сам привлёк вас к проекту, вместо того, чтобы держать вас в полном о нём неведении, что и имело бы место, если бы не его собственная инициатива. А я просто появился, чтобы внушить вам простую идею: что бы вы ни предпринимали, Дракон вернётся!»

«Очень хорошо. Значит, Дракон вернётся и творение погибнет?»

«А..., — он отмахнулся от меня с видом: “не говорите, дескать, ерунду”. — Думаю, самое лучшее, что с этим миром может произойти, — это его уничтожение и освобождение из него искр Света, как про это говорил ещё Мани, Вестник Света».

«А вы уверены, что мы обладаем достаточной мудростью, чтобы судить мир и решать, быть ему или не быть?»

«Мы — нет. Но это давно решили богоподобные и даже божественные мудрецы, подлинные воплощения Света. Мы же лишь внимаем им».

«А как же другие?»

«Кто — другие?»

«Ну хотя бы Иисус. Или даже ваш “драконический” герой Саббатай Цеви, примиритель Светов».

«Утопические проекты. Чёрного кобеля не отмоешь добела».

«А вам не кажется, что, как сказал бы Мережковский, правды-то как минимум две, и поэтому они нуждаются в примирении?»

«Что вы имеете в виду?»

«Да очень простую вещь. Я могу вам долго доказывать, как прекрасен этот мир, и не солгу вам. Вы, в свою очередь, — как ужасен и мерзок этот мир. И тоже не солжётё. Сам превечный свет раскололся от этой альтернативы и этой двойственной антиномической правды. На всякое моё “да” у вас найдётся “нет”, и на всякое ваше “нет” — моё “да”. Вот ведь в чём вопрос».

«Творение было ошибкой с самого начала, и её наконец-то надо исправить. Не нам, ничтожным, конечно, а Великому Дракону, Машиаху, Помазаннику Света».

«Ну тогда дальнейший разговор бесполезен. Чего вы, собственно, от меня хотите?»

«Я хочу только предупредить вас, что буду следить за вами и что малейшие ваши попытки провалить Проект будут пресечены. Всё. А сейчас я готов отвезти вас к Богословским, изображая самую нежную дружбу, ибо, повторяю, им хоть кол на голове теши, они уверены, что у меня приступы подозрительности и чуть ли не мания преследования».

«Не надо мне никаких лицемерных демонстраций, а до Богословских я прекрасно и своим ходом доберусь».

«Ну воля ваша...»

На этом мы распрощались без рукопожатий, Антон Ягодников направился к своей машине, а я — на остановку трамвая, чтобы доехать до станции метро.

У Богословских я пробыл недолго, хотя они были очень радушны и всячески уговаривали остаться поужинать. Но я ограничился тем, что проинформировал их, что нашёл астролога, но что этот астролог в силу своей занятости и некоторой замкнутости предпочитает контактировать только через меня. Александра Ивановича это устроило, но Аглия Фёдоровна встала на дыбы: «Как можно поручать такую ответственную работу человеку, которого мы в глаза не видели?!».

В конце концов я позвонил Анатолию, и он согласился приехать к Богословским за заданием и на инструктаж, как он выразился, в четверг (то есть, завтра) вечером. Моё присутствие не требовалось.

По пути домой (от «Чернышевской» до «Горьковской») я думал о последствиях сегодняшних событий. Во-первых, занятно, что этот фанатик Антон настолько в курсе моих дел. В принципе он, вероятно, может быть опасен, хотя я плохо представляю себе, как он может помешать. Об Анатолии он, судя по всему, не знает (то есть не знает, кто тот «гэбист» с которым я «пытался помешать Дракону»). Но надо быть осторожным. Я был уверен, что Павел ничего никому о нашем с ним последнем разговоре не скажет, но всё же. Во-вторых, я стал сомневаться, не напрасно ли я привлёк Анатолия к астрологической части Проекта. Может быть, спокойнее, а в чём-то и продуктивнее обратиться к тому «профессиональному астрологу», о котором мне рассказывал Гданьский и который когда-то был в одной компании с Павлом Артамоновым. Но теперь уже дело сделано. Поживём — увидим.

С этими мыслями я и добрался до дома. После ужина я засел за стихи Татьяны, и притом с немалым удовольствием. Её «испанский цикл» завершали такие стихи.

Вознесение

По струям воздуха снедаемая страстью,
Влекомая на пир мерцающих огней,
Не в силах спорить с чувства мрачной властью
На шабаш призраков гнала она коней.

Там масок хоровод, кортехо — обезьяна,
Там пляшет огненное домино — сатир.
Истлевший висельник — красавец без изъяна
С гордячкой махой отправляется на пир.

Разгул страстей, страданий, увлечений.
Вот парка дряхлая — наперсница, дуэнья
И Мойра властная — царица походов
Дарует смерть — вершину наслажденья.

Смотри: зарёю будто небо кровоточит.
Скелет, известный любострастный соблазнитель
Похмелье гроба нудно всем пророчит,
Но вдовушка молчит: ей мил вампир-служитель.

Похороны сардинки

Боль и страх, безудержность веселья.
Мрачный смех в вихре танца звучит.
Всё здесь кружится, транс исступленья.
Кто же радости приз вручит?

Нет, её не дожидаться, усталую,
Здесь огонь, он и жжёт, и томит.
Ныне пляску творит он удалую,
Завтра грешника он спалит.

Ныне мы в беспамятстве буйствуем,
Завтра тоже безумствовать будем.
Мы удары бича почувствуем,
Наша кровь — что вино прочим людям.

И во имя Мадонны Аточской
Нанесём себе сотню ударов.
Бичеванье нам станет пляской,
Кастаньетами — жало кинжалов.

Ну а кто-нибудь пусть в санбенито

Завершит свою сегидилью,
Секретарь и судья именитый
Пропоют для него тонадилью.

А иной пусть среди сумасшедших
Встрепенётся в священном экстазе,
Отрешившись от дней прошедших,
От их скуки, тоски и грязи.

Так ликуй же, народ, и празднуй!
Дни поста приближаются, скорби.
И красавица маха — царствуй,
Пока нож не испил твоей крови!

А о том, что случилось после, вы узнаете из новой главы.

ГЛАВА 10

О снах и карточных гаданьях

Вечером в четверг позвонил Анатолий и рассказал о своём визите к Богословским. Те устроили ему форменный экзамен, но остались довольны. От них он уехал с гороскопами Татьяны и Павла, подробными инструкциями относительно того, что нужно на выходе, и обещанием заплатить двести пятьдесят долларов США, если работа их удовлетворит. Анатолий также сообщил мне, что уже прикинул, что к чему и почему, и у него получается поздний вечер 25 декабря, часов десять-одиннадцать, но, конечно, до полуночи. Он всё проверит, конечно, ещё раз, соотнесёт с китайскими астрологическими критериями, но сомневается, что результат будет иным. Я намекнул на то, что, может быть, имело бы смысл сфальсифицировать его и таким образом сорвать Проект. Но это предложение вызвало страшное возмущение Анатолия: во-первых, ясно, что его заключение будет проверяться и перепроверяться, во-вторых, ему дорога репутация и, в-третьих, время «X» и так приходится на максимально поздний срок. Следовательно, при фальсификации можно будет указать только более раннюю дату и время, а это означает, что ничто не помешает «драконам» воспроизвести в случае неудачи ритуал ещё раз. Я согласился с его доводами и продолжил свои размышления о способах сорвать воплощение Дракона и его вселение в немыслимо прекрасное тело Татьяны. Впрочем, ничего путного я так и не придумал.

Прошла ещё неделя. На дворе стояла зима. Ни одной оттепели... Первый год нового века и тысячелетия быстро стремился к концу, и порой мне казалось, что вместе с ним мчится к концу и весь мир. Но вместе с тем надо было исходить из того, что конец света не настанет, и жить с расчётом на будущее: защищать диссертацию, ходить на работу, готовиться к встрече нового года, наконец.

Во вторник вдруг мне на работу позвонил Богословский и сказал, что на субботу пятнадцатое он назначил общее собрание членов общества и просит меня тоже быть... для торжественности, как он выразился. Заодно он сообщил, что на тринадцатое договорился о встрече с Анатолием, который обещал принести окон-

чательный вариант своих календарных расчётов, после чего и будет назначен знаменательный час возвращения Дракона.

Соответственно в четверг вечером я позвонил Анатолию, чтобы узнать, как прошёл его заключительный визит к «драконам». Анатолий (если судить по его голосу) был чем-то слегка взволнован. В принципе всё прошло прекрасно, он передал Богословскому свои расчёты, тот сразу же показал их какому-то своему эксперту, который тут же сидел и всё одобрил, Анатолию заплатили, и они расстались. Но вот поведение этого самого эксперта, как я понял, Анатолия и встревожило. Я спросил его о результатах. Да, всё так и получилось, как он предполагал, слегка самодовольно подтвердил Анатолий. Теперь уже всё ясно на уровне часов и минут, а не дней и месяцев. Кульминация ритуала должна произойти между 21.12 и 23.15 вечером 25 декабря. Такие вот дела.

Я вернулся к личности «эксперта» Богословского. Из описания Анатолия я понял, что речь шла не больше и не меньше, как о моём новом знакомом и доброжелателе Антоне Борисовиче Ягодникове. Меня посетило очень неприятное предчувствие, но я решил, по крайней мере пока, не рассказывать Анатолию об этом персонаже. Поэтому я распрощался с ним и позвонил Гданьскому. Тот, слава Богу, оказался дома. Между нами состоялся следующий разговор.

«Привет, Илья».

«Привет, привет. Ты, похоже, всё-таки звонишь мне, только когда тебе от меня что-то надо, а в другое время просто забываешь о моём существовании. Ну что там у тебя на этот раз?»

«Не обижайся. Жизнь такая утилитарно-прагматическая, ничего тут не делаешь. Радуйся лучше, что ты мне нужен всё чаще и чаще. Ведь это же так хорошо: быть нужным людям!»

«Ладно, не ёрничай. Считай, что я счастлив. Чем могу быть полезен?»

«Помнишь, ты мне рассказывал про Павла Артамонова и вашу компанию? Ты ещё упоминал, что кто-то из вас стал даже профессиональным астрологом. Не помнишь, кто это?»

«Конечно, помню. Это такой Анатолий Ерошин. Потом про него какие-то странные слухи ходили. Что он пошёл на службу то ли в МВД, то ли в ФСБ, в общем в какое-то странное для астролога место из спецслужб. Но не знаю, правда это или нет, я его уже лет двадцать, наверно, не встречал. Да и до этого мы не то чтобы дружили...»

«Отлично, — перебил его я, — всё подтверждается. А вот некоего Антона Ягодникова ты не знаешь?»

«Господи, Костик... Просто какие-то тени забытых предков, голоса прошлого, явления и аппараций... Да... Антон Ягодников... А кто он теперь?»

«Художник, дизайнер, что-то такое. Вполне процветающий, по-моему».

«Художник... Мне, правда, непонятно, почему ты говоришь о нём в контексте Ерошина. Он ведь порядочно моложе и к нашей с Ерошиным и Артамоновым компании отношения не имел. Я с ним познакомился много позднее, году в восемьдесят шестом или восемьдесят седьмом. Он был лоботрясом и бездельником, учился в десятом или одиннадцатом (я уж запутался, когда по сколько лет у нас учились в школе) классе. В армию идти не хотелось (потом он, правда, в неё-таки

попал: тогда одно время стали из вузов брать), а куда поступать — понятия не имел. Его родители были хорошо знакомы с моими. Они-то и уговорили меня заняться с ним английским, чтобы он в какой-нибудь гуманитарный вуз мог поступить. Я позанимался, и он, представь себе, поступил — на истфак университета, ни больше ни меньше. Но потом увлёкся художественной фотографией, потом вот видишь — дизайн, компьютерная графика... И вышел в люди. Забавно... Даже интересно было бы с ним увидеться».

«А ты уверен, что он никак не мог быть знаком с Ерошиным?»

«Ну как я могу быть уверен? Мог, конечно. Просто наша старая компания тут ни при чём. Гора с горой не сходятся, а люди...»

«И всё-таки это странно. Какие-то уж слишком странные совпадения. Ну да ладно. Ты точно ничего тут не путаешь?»

«Нет, ничего не путаю. А в чём дело-то?»

«Подожди до Нового года. Если всё закончится хорошо, расскажу дивную новогоднюю сказку. Кстати, приходи двадцатого на мою защиту, в четыре, да в этом, в ИКиКА... Насчёт банкета не уверен, но какую-нибудь скромную закуску в секторе организую. Наверное. Хе-хе... Но ты ведь не хлебом единым... Ну пока, пока, спасибо!»

Теперь настала уже моя очередь звонить Анатолию.

«Слушай, ты, рыцарь плаща и кинжала хренов, ты что, не понимаешь, что меня подставляешь? Что это за манера всё темнить, темнить... Дурная отрывка профессионализма спецслужбиста, что ли? Перерастающая в халатность, а?»

«Подожди, подожди... Что-то я тебя не понимаю...»

«Врёшь, Толик. Всё ты прекрасно понимаешь. Ну никак было не признаться, что как минимум с Артамоновым ты знаком, давно и хорошо. А? Что, боялся, что я не соглашусь тогда ему мозги вправлять, захочу, чтобы ты сам со старинным дружкой побеседовал? Что молчишь-то?»

«Ну, перебдел, наверно, как у нас говорят. Ты уж извини... А ты молодец, всё раскопал!»

«А вот ты не боялся, что поедешь с гороскопами к Богословскому, а там нарвёшься на своего дружка?»

«Отнюдь. Он сейчас занят, у него важнейшая фаза Проекта, ему не до Богословского».

«Хорошо, понял. Но теперь скажи мне насчёт этого эксперта... Тут уж я перед тобой виноват, кое-чего не рассказал, теперь слушай».

И я поведал Анатолию сагу о бомже, Филиппе, таинственных записках и десятидолларовых бумажках. А также о том, кто за этой эпопеей стоял. Анатолий только хмыкал.

«Ну, не великого ума человек. И претенциозный, явно. С уязвлённым самолюбием. Меня он определённо где-то видел, но где, когда и в какой роли вспомнить никак не может. Я тоже. Поэтому будем надеяться, что он или меня с кем-то путает, или он видел меня именно в моей астрологической ипостаси. Тут уж ничего не поделаешь. Ладно, уже время позднее... Я тут ещё с твоего позволения помедитирую, может быть, и соображу, где мы встречались с этим Антоном».

На прощанье я ещё раз пожурил Анатолия за его тайны мадридского двора и засел за компьютер по работе.

Ранним утром меня разбудил телефонный звонок. Я, мотая головой, поднялся с постели, согнав попутно вольготно растянувшегося на ней господина Отто (тяжёлый, надо сказать, котяра), вышел в коридор и поднял трубку. Раздался голос Анатолия.

«Привет. Я тут всю ночь думал над этой загадкой знакомства со мной Ягодникова и вот что я надумал. Мы с ним точно встречались. У его бывшего однокашника по истфаку Сергея Лакашина. Тот в своё время был отличником, занимался средневековой Францией и попал после университета в Институт истории. А мне с ним надо было проконсультироваться (как оккультисту-любителю, а не как чекисту) по некоторым моментам биографии известного алхимика Никола Фламель (теперь про него слышал всякий, читавший про Гарри Поттера). Я тогда читал его “Прачек” и занимался “Иероглифическими фигурами”. Лакашин в алхимии ничего не понимал, но хорошо знал реалии французской жизни и культуры эпохи Столетней войны, что мне, собственно, и было нужно. К нему-то и зашёл твой Ягодников, пока мы обсуждали Фламелья и символику французских соборов по Фулканелли. Сильно подозреваю, что после моего ухода Сергей сказал Ягодникову, что я странный человек — оккультист из органов (скорее всего, он знал про место моей службы, хотя мы об этом никогда и не говорили). Но слухом земля полнится, как известно... А теперь он меня узнал, и голова его заработала. И, боюсь, результаты этой работы будут для нас неблагоприятны. Особенно, если учесть, что он фанатик драконов».

«Да, дела... Так что же делать?»

«А ничего, ждать. Как говорил Порфирий Петрович, кажется, Раскольникову, жизнь сама нас куда-нибудь вынесет. Так что предадимся даосскому недеянию. Ну ладно, пока».

«Пока, спасибо, что предупредил».

«Не за что, сударь, рад стараться».

Была пятница. А по пятницам я обычно ездил в институт, но сегодня я решил нарушить эту традицию. Я всё-таки позвонил на службу и предупредил секторального секретаря Лену Потапову, что на работе появлюсь только в понедельник, да и то, если на это будет воля Аллаха, «иншалла», как говорят арабы. В ответ услышал анекдот: «В Турции на причале висит объявление: пароход на Стамбул ходит по вторникам, если на то будет воля Аллаха, и по четвергам в любом случае». Я сказал, что анекдот не политкорректный и для мусульман обидный, а им после 11 сентября и так достаётся за что надо и за что не надо, причём за последнее чаще. Леночка, кажется, обиделась и повесила трубку не попрощавшись.

Я отключил телефон и предался занятию, которому предавался редко: перед Новым годом и в случае каких-либо чрезвычайных событий. Я стал гадать по «И цзину» — китайскому «Канону перемен». Я принципиально игнорировал разные эрзац-гадания по монеткам или интерактивные, когда кликаешь мышкой по кнопке в Интернете. Только освящённая веками, нет, тысячелетиями

ахиллеомантия — гадание по стеблям тысячелистника, воспетое Германом Гессе в образе чудаковатого Старшего Брата, любителя «Чжуан-цзы» и золотых рыбок из «Игры в бисер». Надо сказать, что ахиллеомантия, равно как и гадание по черепашим панцирям и бараньим лопаткам, была изобретена для нужд правительств: древнекитайские цари эпохи Шан гадали о делах государственной важности, не допуская до этой сакральной практики простых смертных. Печать этой политизированности лежит на оракульных текстах «И цзина» и ныне. Поэтому и у меня гадания на темы: «Какова судьба ГКЧП?» или «Пройдёт ли попытка импичмента Ельцину?» — всегда были гораздо удачнее (иногда просто фантастически точными), нежели гадания о перспективах защиты диссертации или трудоустройства жены. Но на этот-то раз речь шла о судьбах мира, не больше и не меньше! Поэтому гадание на древней Книге китайской цивилизации, этом «урим и туммим» древних монархов Поднебесной, представлялось мне в данном случае делом вполне оправданном. Итак, я приступил к церемонии вопрошания оракула.

Я сдвинул компьютер и застелил стол китайским шёлком, на который поставил маленькую курильницу с тибетской курительной палочкой, поджог её зажигалкой, загасил пальцами огонёк, и от палочки заструился ароматный чуть пряный дымок, выгодно отличавшийся от приторных индийских благовоний. Затем я достал футляр с палочками — всего пятьдесят палочек тысячелистника. Положил справа от себя ручку и листок бумаги. Высыпал палочки на стол и сразу же убрал одну из них обратно в футляр.

Процедура гадания довольно длительна и состоит из восемнадцати операций по отбору, откладыванию и пересчёту палочек, в результате каждой из трёх которых получается число, соответствующее одной из шести черт гексаграммы: 6 — молодое инь (прерывистая черта), 8 — старое инь (прерывистая черта), 7 — молодое ян (непрерывная черта) и 9 — старое ян (непрерывная черта). В случае наличия в гексаграмме «старых» черт надо начертить вторую гексаграмму, в которой эти черты следует заменить на противоположные; первая гексаграмма будет описывать исходную ситуацию, вторая — завершающую. При хорошей тренировке я иногда управлялся за четверть часа, но после долгого перерыва на всё гадание уходило не меньше получаса, а то и сорока пяти минут. На этот раз я закончил гадание за полчаса. В результате передо мной оказались две гексаграммы: семнадцатая и двадцать первая.

Я открыл оракульный текст гексаграммы 17. Привожу его парафраз:

«Последование. Изначальное свершение, благоприятна стойкость, хулы не будет. В начале девятка. Если, выходя из дома, будешь следовать правде — успех. Шестёрка вторая. Сблизись с младенцами, потеряешь зрелых. Шестёрка третья. Сблизись со зрелыми — потеряешь младенцев. Девятка четвёртая. Проявляй стойкость и правду — хулы не будет. Девятка пятая. Правдивость в связи с прекрасным. Наверху шестёрка. То, что взято, — сблизься с ним и свяжись с тем, что за тобой. Царю следует проникнуть к западной горе».

Двадцать первая гексаграмма гласила:

«Стиснутые зубы. Свершение. Благоприятно для применения тюрем. В начале девятка. Одевают колодки, и пальцы на ногах гибнут. Шестёрка вторая. Вырви брюшину, уничтожь нос. Шестёрка третья. Вырвешь окосневшее мясо, но встретишь яд. Небольшое сожаление. Девятка четвёртая. Вырвешь мясо, приросшее к кости, и получишь железную стрелу. Благоприятна стойкость в затруднении. Шестёрка пятая. Вырвешь засохшее мясо, получишь золото. Будешь стойким в опасности — хулы не будет. Наверху девятка. Возложишь колодку на шею и уничтожишь уши. Несчастье».

Минут пятнадцать я сидел, тупо уставившись в гексаграммы. Палочка догорела. Палочки в беспорядке были рассыпаны по столу. Постепенно у меня в голове стало нечто выкристаллизовываться, и я ещё раз, уже спокойно и без спешки, перечитал оракульные тексты (вначале в переводе Щуцкого, а затем по-китайски). В результате я пришёл к следующему выводу. Я должен проявлять стойкость и делать то, что должен делать, или то, что я считаю правильным. На этом пути возможны опасности (образ тюрьмы и колодок несколько смущал), но одновременно это и путь обновления: старое мясо сойдёт до кости, до субстанциальной основы моего бытия и вместо него появится золото (опять-таки алхимия путрефакции и последующего преобразования). Надо избегать скованности в движениях (колодки на ногах) и мысли (колодки на шее). Но, тем не менее, в оракульном тексте был и некий буквальный тревожащий смысл, и его я ухватить всё же не мог. Увы, смысл самых правдивых гаданий иногда становится понятен только *post factum*, когда пророчество уже сбылось. Тогда и говоришь: «А, вот что это значило!» Но поезд уже ушёл.

В комнату заглянула Инна и заявила, что она включила телефон, так как ей должны звонить по делу. Не успела она закрыть дверь, как телефон зазвонил. Инна сняла трубку и крикнула, что это меня. Я сплонул с досады и поплёлся в коридор.

«Алло, слушаю вас. А, это ты... Что там случилось? Я сегодня в институт не пойду». Звонил Сергей Соловьёв.

«Не пойдешь, много потеряешь. Приезжай немедленно в клинику. Меня попросили подежурить в качестве психолога-консультанта, и тут же нарвался на интереснейший случай. Для тебя весьма любопытный, кстати. Так что приезжай, а то человека скоро выпишут, тебе же лучше все услышать от него лично, а не в пересказе. Сам потом жалеть будешь».

«Ладно, сейчас приеду. Где тебя искать?»

«В клинике, в кабинете дежурного психолога при приёмном покое. Жду тебя, не задерживайся». Сергей повесил трубку.

Чертыхаясь и кляня всё на свете, я переоделся и поехал на службу.

Сергей, облачённый в белый халат, сидел за столом в маленьком кабинете с кушеткой и двумя стульями и что-то писал в карточке больного. Увидев меня, он оживился:

«Сейчас пойдём. Я только введу тебя в курс дела. Вчера к нам поступил пациент. Ничего особенного, жалобы на так называемый “кризис среднего возраста”. Человек явно состоятельный и вполне социально благополучный. Ни к какой ми-

стике отношения не имел и не имеет, он какой-то банковский служащий, в “Альфа-банке”, кажется. Захотел пройти однодневный курс холотропной терапии для преодоления кризиса. Его осмотрели, никаких противопоказаний не обнаружили и отправили дышать. Эффект превзошел все ожидания. Холотропное дыхание подействовало на него почище любого ЛСД. После сеанса он был другим человеком, рвался работать и собирался пожертвовать крупную сумму церкви. Сказал, что все кризисы — ерунда, просто он “с жиру бесился и дурью маялся, теперь же ему ТАКОЕ открылось...” После того как я спросил, что же это такое “ТАКОЕ”, он мне и рассказал... Ну а я тебе позвонил. Собственно, тебе интересно не всё, там много типовых переживаний из сферы СКО, из биографии, то есть и перинатальных состояний. Но вот его пиковый опыт весьма и весьма любопытен. Теперь можно идти».

Мы вышли в коридор и вскоре остановились перед индивидуальной палатой нашего пациента. Сергей постучал, и мы вошли. У стола сидел человек средних лет, невысокий, одетый не в больничную пижаму, а в роскошный халат и мягкие домашние тапочки. Когда мы вошли, он привстал со стула и повернулся к нам. У него было приятное, умное, идеально выбритое лицо, седеющие на висках волосы и густые, срастающиеся брови («как у Брежнева», — подумал я). Мы поздоровались.

«Это наш академический трансперсоналист-теоретик Константин Владимирович Ризин. Он приехал поговорить с вами, поскольку вы согласились рассказать о ваших переживаниях во время сеанса холотропной терапии. После этого вы сможете переодеться и покинуть наши стены. Будем рады видеть вас в любое время, если у вас возникнут проблемы нашего профиля».

«Хорошо, конечно, мы же договорились. Разумеется. Рассказывать всё?»

«Наверяд ли. Расскажите, пожалуйста, про ваш заключительный опыт».

«Понятно. Сейчас расскажу».

Я добавил: «Пожалуйста, не волнуйтесь. Мой интерес чисто теоретического психологического, а не медицинского характера. С вашим психическим здоровьем всё в порядке».

Он кивнул и, помолчав с минуту, собираясь с мыслями, начал.

«Играла музыка, я продолжал интенсивно дышать, усиливая вдохи, когда мои переживания начинали ослабляться, как мне и объяснили, чтобы поддерживать гипервентиляцию лёгких. Несмотря на то, что лёгкие были прямо-таки переполнены кислородом, я чувствовал удушье и нечто вроде клаустрофобии. Вдруг я оказался в каком-то мрачном месте, вроде подземелья или каких-то застенков. Всё было погружено во мрак, но я, тем не менее, каким-то образом видел всё, находящееся там. По полу ползали змеи — кобры, питоны и какие-то неизвестные мне гады. В центре помещения был установлен длинный шест с перекладной наверху, делавшей его похожим на букву “Т”. Вокруг этой массивной перекладки обвился огромный белый змей, которого я назвал бы очень красивым, даже прекрасным, несмотря на мою неприязнь к пресмыкающимся. От него как бы исходило ровное голубоватое сияние. У подножия шеста стояли два монстра — то ли

драконы, то ли летучие мыши, но скорее всё-таки драконы. Я явственно услышал, как один из них сказал другому:

“Источаются границы между мирами, к нам опять гость пожаловал. Скоро и мы освободимся, близко время возвращения в Свет. Великий Дракон вернётся в Свет, а тогда и мы освободимся”.

Видимо, во время этого видения я настолько глубоко ушёл в себя, что ослабил контроль над дыханием и темп и глубина вдохов и выдохов снизились. Моё видение начало дрожать, колебаться и медленно растворилось в серой мгле, а я пришёл в себя, и тут доктор сказал, что сеанс пора завершать».

«Всё одно к одному, — подумал я. — Действительно, наверно, грани миров стираются. То ли ещё будет, ой-ой-ой...» Вслух же я сказал:

«Спасибо огромное. Чрезвычайно интересное описание опыта освобождения подсознания, выраженного в архетипических формах. Вы ведь читали Юнга? Нет? Обязательно почитайте, сейчас у нас перевели и издали все его основные работы. Не пожалеете. Ну, не буду вас задерживать. Отдыхайте, и счастливого пути! Надеюсь, что нам удалось решить хотя бы часть ваших психологических проблем».

«Да уж, да уж. Спасибо вам огромное. Чувствую себя так, словно заново родился. Теперь обязательно и Юнга почитаю, и в церковь ходить начну. Счастливо!»

Потом мы ещё с полчаса просидели с Сергеем за чашечкой кофе, обсуждая видение нашего пациента (от рассказа о своих приключениях последнего месяца я воздержался) и вспоминая дело о похищенном психоделике и Андрея Королёва. Под конец, чтобы несколько разрядить обстановку, Сергей рассказал мне «перинатальный» анекдот:

Два плода в материнской утробе беседуют. Один говорит другому:

«А может быть, после рождения тоже будет какая-нибудь жизнь?»

Тот отвечает:

«Оставь все эти бесплодные надежды, лучше горькая истина, чем сладкая ложь. Какая жизнь? Ведь оттуда же никто никогда не возвращался!»

Потом мы расстались, и я, не заходя в институт, поехал домой. Завтра какое-то большое мероприятие у Богословского. Надо быть начеку, надо быть в форме.

Прочитайте следующую главу, если вам интересно, что же случилось потом.

ГЛАВА 11

В ней герой подвергается опасности и едва не впадает в отчаяние

В субботу вечером перед собранием «драконов» за мной внезапно заехал Павел и задержался ненадолго выпить чаю. Он был необычно возбуждён и прямо с ходу рассказал мне некий китайский анекдот.

При династии Тан, в веке этак восьмом, жил на свете даос Люй Дун-бинь, ставший позднее бессмертным и отцом-основателем нескольких даосских школ. Этот даос часто бывал в столице империи Чанъани, где останавливался в доме некой знаменитой куртизанки. Люй Дун-бинь часто делал куртизанке разные дорогие подарки, но никогда не спал с ней. Последнее стало её обижать, и однажды она попробовала соблазнить бессмертного Люя. Однако тот, отстранив её, сказал:

«Знай, что любовь внутренняя гораздо приятнее любви наружной. Ныне силы инь и ян уже сочетались в моём теле и породили бессмертный зародыш. Таким образом, будучи мужчиной, я, тем не менее, стал беременным и скоро должен родить. Рождённый будет к тому же мною самим, так как же я могу заниматься с тобой искусством облака и дождя?»

Сказав это, Люй Дун-бинь стал невидим и исчез.

«Ну так вот, представляете, Константин, мне удалось! I did it! Иерогамия состоялась! Правда, Татьяна, конечно, — женщина, поэтому той пикантности, что в случае с патриархом Люем тут нет, но тем не менее... Теперь в её киноварном поле живёт бессмертный зародыш, к тому же совершенно пустой, одна оболочка. Когда в него войдет Дракон, он станет наполненным и полноценным. Татьяна тоже сольёт свою сущность с его и родит сама себя как Великая Драконица!»

«Поздравляю, действительно грандиозно! Но вот последний этап... Надо ли, помните, мы говорили...»

«Надо, Федя, надо! Тьфу, простите, пожалуйста, это я от возбуждения. Сейчас я уже уверен, что всё удастся, а там поживём — увидим. Сейчас же пойдёмте, наша беременная сидит в машине и ждёт нас».

Я быстро переоделся, и мы вышли из дома. Ни Инны, ни Филиппа дома не было, и я запер дверь на оба замка.

На заднем сидении «Лэнд ровера» Павла сидела Татьяна, одетая в строгий чёрный брючный костюм и белую блузку. Её лицо пылало, глаза возбуждённо блестели. Казалось, что она пышет жаром, который ощущался почти физически. Просто Аврора, или Утренняя Заря, на восхождении. В руке она держала бутылку «аква минерале», но отнюдь не с водой, а явно с алхимическим напитком. Она любезно улыбнулась мне, а на мой вопрос: «Как дела?» — ответила, что никогда не чувствовала себя так прекрасно и даже не думала, что такое бывает. Машина тронулась с места, выехала на улицу, набрала скорость и во мгновение ока домчала нас до Географического общества.

Географическое общество являло собой ту же картину умирающего в нищете аристократа, что и в прошлый раз (впрочем, что же могло измениться за месяц?). Мы снова заседали в Малой библиотеке. Богословский был сама любезность, в нём было столько приторности, что я почувствовал что-то неладное, но отогнал эту мысль как порождение своей мнительности. Народа было относительно много. Пришли и господин Степаново, и дама Тигринская, та самая, что читала триолеты, и местнотимый композитор Анисимов, с гимна которого опять началось заседание.

После гимна Богословский минут пятнадцать рассуждал о необходимости платить членские взносы, а потом уже перешёл к своей песне о главном. Лицо его осветилось широкой улыбкой, и он возгласил:

«Друзья мои! Близится великий день, великий час! Не имею права сейчас разглашать сии эзотерические тайны, ведомые лишь членам нашего досточтимого Совета, но имею честь пригласить всех вас, да, всех без исключения на великое действие, которое начнётся ровно в 20.30 во вторник 25 декабря в доме нашего коллеги и друга, посвящённого алхимика (Павел хмыкнул) Павла Аркадьевича Артамонова! Убедительная просьба не опаздывать: ровно без четверти девять

двери будут заперты, и никто больше войти не сможет, действие прерывать нельзя! Поэтому будьте вежливы, как короли, то есть точны! Сейчас Павел Аркадьевич объяснит вам, как до него добираться, слушайте внимательно и записывайте, иначе заблудитесь и упустите уникальную возможность. Предупреждаю, ехать далеко».

Снова исполнили гимн. Все встали. После этого Павел подробно объяснил, как до него доехать. Затем Богословский предоставил слово госпоже Тигринской, которая сделала запланированный ещё раньше доклад «Дух дракона — дух китайской культуры». Доклад был переполнен банальностями и преисполнен пафоса. Я загрустил. Впрочем, мадам Тигринская проговорила не более пятнадцати минут, после чего вернулась на своё место под жидкие рукоплескания.

Затем выступила Аглая Фёдоровна и начала своим красивым низким голосом увещевать «пассивное большинство» записываться на доклады, ибо «если не мы, то кто же?».

На этом, собственно, всё и закончилось. Александр Иванович еще раз напомнил о «великом событии для нашего общества», которое будет иметь место в день западного Рождества, сиречь 25 декабря.

Павел сразу же подошёл ко мне и предложил ехать немедленно, так как у него «нет никакого настроения сюсюкать с Богословскими». Мои желания (точнее, нежелания) вполне совпадали с его, поэтому, кивнув издали Александру Ивановичу и Аглае Фёдоровне (и получив в ответ лучезарные улыбки), я устремился за Павлом с пламенеющей и оттого ещё более обворожительной Татьяной и вскоре снова оказался на переднем сиденье «Лэнд ровера».

«Вот они развели “совок”, пионерская линейка какая-то, просто противно. А ещё туда же, каббала, мистика, драконы... Им бы в райкоме инструктажи проводить. Вот не порадуется Дракон, когда окажется в их компании, сразу же обратно в бездну преисподней захочет», — ворчал Павел, заводя машину. В принципе я был с ним вполне солидарен.

Я пригласил Павла с Татьяной зайти, попить чаю, но он замахал на меня обеими руками: «Какой чай! Только эликсиры! Нам срочно надо заниматься, и так сколько времени на ерунду потеряли». На прощание Татьяна дала мне ещё одну папку со своими стихами, и я покинул машину, которая немедленно сорвалась с места.

Дома был один Филипп, сканировавший комиксы (половину винчестера уже ими забил!), Инны не наблюдалось. Филипп сказал: «Мамы не было уже, когда я пришёл из школы». Это мне не нравилось. У Инны не было обыкновения где-то пропадать по вечерам.

Я вскипятил воду, выпил чашечку кофе и собрался сгонять Филиппа с компа, как вдруг раздался пронзительный в царящей в квартире тишине телефонный звонок. Звонил Александр Иванович Богословский. От его радушия и сюсюканья не осталось и следа. Сахар Медович превратился в Льда Снеговича. А то, что он изрёк, повергло меня в состояние ступора.

«Здравствуйте, Константин Владимирович! Не перебивайте меня, пожалуйста. Должен проинформировать вас, что вы раскрыты, к сожалению, я слишком долго игнорировал слова Ягодникова, считая его претенциозным

дураком, страдающим манией преследования. Ваша роль в судьбе Дракона теперь ясна и не вызывает сомнений. Не вызывает сомнений и то, что вы хотите нам помешать и, боюсь, могли бы преуспеть, если бы не ваша собственная неосторожность. Вы задействовали вашего кагэбэшника и на этом попались. Хорошо хоть, что он действительно астролог и сделал гороскопы грамотно, мы три раза проверяли. Но тем коварнее был ваш план. Теперь самое главное. Мы не нашли другого способа обезопасить Проект от вас, как временно изолировать вашу жену. Не ждите её дома ни сегодня, ни завтра. Она у нас, но ей ничто не угрожает. Вы получите её в целостности и сохранности 26 декабря. Не пытайтесь задействовать органы через вашего Анатолия, вот это как раз опасно для вашей жены и для вас, мы не остановимся в таком случае ни перед чем. И последнее. Вы по-прежнему приглашаетесь на ритуал 25 декабря, должны же вы увидеть наше торжество. Возможно, что ваша жена присоединится к вам прямо на ритуале или, скорее, после него. Поэтому советую вам быть. Всё, до свидания!» И он повесил трубку. Я сидел совершенно оглушённый и потерянный. Инна! Она, конечно, сильная женщина. Но такие испытания... И эти фанатики...

Минут через пятнадцать полного отчаяния во мне стало пробуждаться чрезвычайно развитое во мне деятельное начало. Надо же что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки. Для начала я попытался позвонить Богословскому и поговорить с ним, а не выслушивать его монологи. Трубку сняла Аглая Фёдоровна, но, услышав мой голос, немедленно повесила её. Тогда я позвонил Павлу на мобильник. Он был много любезнее:

«А, ещё раз здравствуйте, Константин. Да, увы, я всё знаю. Безумие какое-то. Моё отношение к личности Богословского вам хорошо известно, постараюсь помочь вам всем, чем смогу, повторяю, ВСЕМ, это не слова. Но ни о каких подробностях меня не спрашивайте, не надо, тем более, по телефону. Очень вам сочувствую. Но наберитесь терпения, 25 декабря и я буду кое-что для них значить. Точнее — мы с Татьяной. Всё, счастливо!»

Теперь пришла очередь Анатолия. Перескакивая с пятого на десятое, я пересказал ему монолог Александра Ивановича и слова Павла. Он задумался. Потом с некоторым сомнением в голосе заговорил:

«Пожалуй, я доверился бы Павлу. Мне кажется, что он вполне искренен. И скоро он станет центральной фигурой мистического действия, ради которого всё и замышляется. Со своей стороны я (частным, так сказать, образом) попытаюсь выяснить, что с Инной. Но делать какие-либо официальные заявления и обращаться в инстанции я бы действительно не стал. В конце концов, с тебя не миллион долларов требуют, а хотят, чтобы ты ничего не предпринимал ещё десять дней. Думаю, что с Инной будет всё в порядке. Я понимаю, что ты всё равно будешь нервничать и волноваться, но тут уж ничего не поделаешь. Во всяком случае, пока. Поэтому запасись терпением. Через десять дней всё решится».

«А как ты думаешь, не может ли Павел сам быть замешан в этом похищении, вот он вдруг заехал за мной. К чему бы это?»

«Думаю, что всерьез не мог. А вот знать — знал наверняка. И хотел оказать тебе знак внимания, поддержать тебя этим, что ли. Или опять-таки дать знак, что он с тобой».

«Твоими бы устами...»

«Да уж придётся, если не пить, то довериться. Ладно, сейчас ложись спать и постарайся максимально абстрагироваться от своих проблем. Помни, что утро вечера мудренее и что слезами горю не поможешь. Пока!»

Я ещё присидел минут пятнадцать в каком-то оцепенении. Опыт подсказывал мне, что Анатолию стоит довериться, и всё-таки страх и тревога не проходили. Я пошёл в комнату Филиппа, сказал, что мама внезапно уехала в командировку и вернётся через десять дней. дождался, когда он ляжет спать, и пошёл укладываться сам. Как это ни странно, заснул я, едва коснувшись подушки головой. Видимо, мозг из чувства самосохранения стремился побыстрее отключиться, чтобы не выйти из строя, такое аварийное отключение своего рода.

И приснился мне сон.

А если вы, уважаемые читатели, хотите узнать, что же приснилось Константину, прочтите следующую главу.

ГЛАВА 12

Совсем маленькая, в которой пересказывается сон Константина

Я стоял в каком-то зале, напоминающем музейное помещение. Прямо передо мной располагалась какая-то стена, чуть ли не бетонная. Но на этой стене было что-то нарисовано, точнее написано красками, несколько потускневшими от времени. «Это же старинная фреска», — подумал я.

В это время в зал вошла экскурсия, самая настоящая экскурсионная группа мужчин и женщин, одетых в какие-то странные блестящие полупрозрачные одежды — широкие штаны и какие-то развевающиеся накидки наподобие пончо. Вела экскурсию дама в длинной сверкающей тунике поверх брюк, почти полностью скрытых туникой. А сверху было накинуто такое же широкое пончо. В руках у экскурсовода было некое приспособление, напоминающее лазерную указку.

Экскурсанты расположились полукругом у фрески, экскурсовод заняла место посередине лицом к людям и начала свой давно заученный наизусть рассказ, слегка поворачиваясь время от времени к фреске и указывая на тот или иной её фрагмент цветовым пятном лазерной указки. Вот что говорила эта дама:

«Пред вами знаменитая фреска, приписываемая кисти знаменитого художника раннего Второго Возрождения Джеремии Гашем-Нахаш Хотбреда, жившего приблизительно пятьсот лет тому назад в Америке. Годы его жизни — 3564–3652 по всеобщему календарю. На своей знаменитой фреске из храма Всех Спасителей в Новом Йорке (привезена сюда в Драконополис в 3854 году императором Берухией-Августом V) живописец показал те хорошо известные вам события декабря 2001 года, которые изменили весь наш мир и после стольких катастроф и катаклизмов создали ту цивилизацию, в условиях которой живём мы сейчас

почти через две тысячи лет после изображённых на фреске событий. Я буду показывать вам фреску слева направо, внимательно следите за указкой.

Вот здесь вы видите Алхимика, готовящего Сосуд Возвращения, — на фреске был довольно неуклюже изображён человек в чём-то вроде чалмы и какой-то хламиде, который подавал сосуд с напитком какой-то даме в средневековом по типу платье и небольшой диадеме на голове. — Далее Великий Понтифик с Дамой-Папессой ведут Сосуд на Трон Возвращения. Им преграждает дорогу Маг, пытающийся воспрепятствовать Таинству Возвращения. Однако к нему бросаются воины стражи, хватают его и мешают сотворить заклинание приостановления. Сбоку изображена крошечная фигурка Следопыта, поверженного мощью истекающей из Сосуда силы Пресуществления, — я увидел некоего величественного, но низкорослого человека в тяжёлом меховом одеянии, держашего под руку даму с диадемой, за другую руку её вела женщина в пурпурной мантии и высокой жреческой тиаре на голове; перед ними стража из рыцарей в доспехах хватала маленького противного горбуна, протягивающего скрюченные когтистые ручки к Даме-Сосуду; в самом низу фрески был изображён почти стёртый временем мужчина в чёрном плаще с капюшоном, в которого бьет нечто вроде шаровой молнии. — Центральная часть фрески изображает Великое Делание. На троне воссела Дама-Сосуд. На неё нисходит Дух Дракона-Спасителя и входит в чертог её лона, по сторонам трона коленапреклонённо стоят Великий Понтифик и Папесса, Алхимик в центре воздел руки к небу, руководя таинством Возвращения, — изображение вполне соответствовало рассказу, так что объяснения тут излишни. — В правой части фрески...»

Экскурсовод не успела закончить фразу. Загремел гром, фреска заколебалась, изображение расплылось, фреска свернулась, словно свиток, и унеслась куда-то вверх. Экскурсия приобрела призрачный, нереальный вид, фигуры людей неестественно вытянулись. Ещё один удар грома, вспышка молнии, и всё исчезло, а я в ужасе проснулся. Было совершенно темно, сердце бешено колотилось. Будильник у моей постели показывал 4.28. Я ещё немного полежал на спине, успокаивая себя тем, что, даже если мы потерпим поражение и Дракон вернётся, мир всё же не погибнет, а человечество просуществует ещё как минимум две тысячи лет (если сон, конечно, мог считаться не плодом моего подсознания, а неким пророческим откровением). Постепенно я успокоился, снова заснул и проспал уже без каких-либо ярких сновидений до десяти утра, когда комнату наполнил тусклый свет снежного зимнего петербургского утра.

Если вы хотите узнать, что было дальше, прочтите ещё одну главу.

ГЛАВА 12,

в которой наш герой становится доктором наук

Наступило 19 декабря, день св. Николая Чудотворца (Никола Зимнего), на следующий день была назначена защита моей диссертации. Стоит ли говорить, что голова моя была занята чем угодно, но не диссертационными делами. И над всем стояли страх и боль: Инна по-прежнему находилась в лапах «драконов» и никаких

новостей от неё или о ней не было. Правда, «драконы» оставили меня в покое, никто из них ни разу не позвонил. Наверно, предзащитные хлопоты сыграли даже положительную роль, отвлекая меня от разных чёрных мыслей и необдуманных поступков. Все эти дни с понедельника по среду я носился между нашим институтом и ИКиКА РАН с разными бумагами и документами, проектами решения спецсовета, отзывами оппонентов и прочим в том же роде. К тому же оказалось, что трое членов учёного совета не получили автореферат, из-за чего пришлось даже прибегнуть к помощи Филиппа, который оперативно разнёс авторефераты по их квартирам. Последним аккордом стала закупка двух десятков бутылок минералки для членов совета, а также небольшого количества спиртного и снеди для скромной трапезы после защиты: на большее у меня не было ни сил, ни средств.

Вечером в среду, вернувшись после закупок напитков и снеди и накормив Филиппа, я свалился в полном изнеможении у маленького старого телевизора, стоявшего для личного пользования в моей комнате. Подо мной что-то зашелестело, и я извлёк из-под своей задницы совсем забытую мной папку со стихами Татьяны, которую она дала мне в день исчезновения Инны. Я порылся в ней и достал несколько листков компьютерной распечатки со стихами. Читать их я начал вполне машинально, но постепенно увлёкся.

Вот три стиха, наиболее мне запомнившихся.

Страстной седмицы хор,
Иереи в облаченьях чёрных.
Уходит, крадучись, как вор
Предатель от сердец смущённых.

Страданье в голосах звучит:
«Иосифа мы ублажим достойно,
Им Странный плащаницею обвит,
Как некогда обвит был плененою».

Свершается грехопадение вновь,
Бессмертный смерть свою приял,
Чтоб человек стал богом внове.

Глаза потушены, и сжаты брови,
Вино разлито, и разбит фиал —
Господней капли крови.

* * *

Во тьме блистает ясный свет,
Не поглощает его тьма.
Из месяца рождается крест,
Из смерти — радость бытия.

Во мрак предвечный погружён,

Сияет разум Божества;
 Блаженством смерти упоён,
 Тону в пучине торжества.

Скелет родит живую плоть,
 Плоть обращается во прах.
 Какою силой превозмочь
 Круговращений этих страх?

Из тьмы блистает яркий свет,
 Из гроба жизни бьёт фонтан;
 Сын даст отцу прямой ответ,
 Потомок предка смоем срам.

Тьма не мрачна, и ясен свет,
 Горит зарёю небосклон;
 Мир Демиурга ждёт ответ,
 Но здесь царит Дионис-Аполлон.

* * *

Солнцем палима, терзаема светом,
 Не знаю, куда я от зноя уйду.
 О милый сумрак, о друг мой, где ты?
 Ночь дорогая, тебя не найду!

Гибну во чреве знойной пустыни,
 Не знаю, какую молитву творить;
 Где ты, Геката? Приди, о богиня, —
 Гнева Губителя не пережить.

Мучительно чётко застыли предметы,
 Контурны жёстки, границы ясны.
 Ни дымки, ни тени, ни силуэта...
 Тайна, загадка, приди, помощи!

Хотя защита была назначена на 16 часов, я поднялся пораньше, часов в одиннадцать позвонил секретарю совета, удостоверился, что там всё в порядке, прогулялся по парку в районе метро «Горьковская», вернулся домой, оставил Филиппу деньги на еду, не торопясь поехал в ИКиКА РАН.

Здание Института культурологии и культурной антропологии располагалось в Таможенном переулке Васильевского острова, в том же доме, где Академкнига и Институт истории естествознания, то есть напротив входа в Кунсткамеру, близ дорогой моему сердцу академической поликлиники. Я поднялся по лестнице и вошёл в институтский коридор, где сразу же натолкнулся на учёного секретаря спецсовета Михаила Андреевича Бессонова. Он немедленно схватил меня за рукав и потащил в кабинет спецсовета, где выдал мне регистрационные листы,

наказав следить за ними и беречь, как зеницу ока. Вскоре появился председатель совета, профессор Решетников, крупный и грузный мужчина лет шестидесяти, опиравшийся на трость (видимо, ему было трудно ходить). После обычных приветствий мы пошли в конференц-зал, где должна проходить защита, откуда я вскоре направился на лестничную площадку встречать оппонентов и препровождать их к Бессонову, который сразу же выдавал им для заполнения бланки с заявлением об оплате оппонирования (совершенно грошовой). Потом я снова вернулся в конференц-зал и стал следить за тем, чтобы все члены совета расписывались в присутственном листе. В 16.15 стало ясно, что кворум есть (было много и гостей, пришли некоторые мои коллеги по институту, Сергей Соловьёв, Илья Гданьский и даже Анатолий, усевшийся в углу на заднем ряду, а также, что меня уж совсем умилило, человек пять из моих студентов). В 16.25 Решетников объявил заседание спецсовета открытым, и начался ритуал моей докторской инициации (ибо что такое защита диссертации, как не ритуал перехода в тёрнеровской терминологии, или инициация?).

Бессонов зачитал мои документы, затем пришла очередь длинного заключения ведущего учреждения, в качестве которого выступил Восточный факультет университета. Отзыв был вполне положительным с несколькими непринципиальными замечаниями, на которые я ответил по бумажке, передав оную потом стенографистке. Затем — выступления трёх оппонентов (двух психологов и одного китаевода из Института востоковедения), ответы на их замечания, выступления неофициальных оппонентов (их было двое из ИКиКА и оба оценили мой труд более чем положительно, спасибо им). После я ответил им и перешёл к заключительному слову, поблагодарив за помощь всех, кого только можно, и особенно, конечно, председателя, секретаря и членов уважаемого спецсовета. Наступила очередь голосования, и всех выгнали из конференц-зала в коридор.

Пока счётная комиссия подсчитывала бюллетени и заполняла протокол и пока шло само голосование, я успел прослушать два анекдота о защитах.

Анекдот первый. Защищается аспирант, отзывы великолепные, выступления превосходные, а при голосовании оказывается, что все бросили чёрные шары. Обескураженный аспирант подходит к своему научному руководителю и спрашивает его, почему он-то проголосовал против, ведь всё же одобрил. Смущенный научный руководитель отвечает: «Все же знают, что ВАК не любит, когда голосуют единогласно “за”. Вот я и думаю: “Все так работу хвалят, значит, будут голосовать за неё. Так хоть я один брошу-ка чёрный шар”».

Анекдот второй. Сидит заяц на пеньке и что-то пишет. Подходит лиса.

«Заяц, заяц, а что ты делаешь?»

«Да вот диссертацию пишу о том, как зайцы всех лис из леса выгнали».

«Ну и глупость же! А ещё диссертация называется!»

«Ах так! Пойдём, посмотрим».

Лиса больше не возвращается.

Сидит заяц на пеньке, что-то пишет, подходит волк.

«Заяц, заяц, а что ты делаешь?»

«Да вот диссертацию пишу о том, как зайцы всех волков из леса выгнали».

«Ну и глупость же! А ещё диссертация называется!»

«Ах так! Пойдём, посмотрим».

Волк больше не возвращается.

То же самое повторяется с медведем. Наконец к зайцу подходит тигр.

«Заяц, заяц, а что ты делаешь?»

«Да вот диссертацию пишу о том, как зайцы всех тигров из леса выгнали».

«Ну и глупость же! А ещё диссертация называется!»

«Ах так! Пойдём, посмотрим».

Идут и видят: в пещере сидит лев и доедает медведя.

Мораль: «Неважно, какова тема диссертации, а важно, кто научный руководитель».

Поскольку смысл первого анекдота представляется несколько зловещим, начинаю слегка нервничать по поводу результата голосования. Тут как раз всех снова зовут в конференц-зал, и председатель счётной комиссии оглашает результаты голосования: в урне оказалось девятнадцать бюллетеней, восемнадцать — «за», один — «против», недействительных нет. Я облегчённо вздыхаю.

Учёный совет утверждает результаты голосования и после краткой дискуссии принимает подготовленное мной заключение. Теперь меня поздравляют и желают дальнейших успехов. Я почти доктор — ещё остаётся дождаться присвоения степени ВАКом, но это уже формальность, если работа действительно соответствует критериям (я надеялся, что соответствует). После поздравлений я пригласил всех в сектор культурной антропологии выпить рюмочку чая, после чего большая часть присутствующих двинулась в указанное место. По пути ко мне подошёл Анатолий, поздравил, подарил какой-то элегантного вида свёрток (потом посмотрю) и извинился, что ему пора уходить. На прощание он добавил:

«Ни о чём не волнуйся, уверен, что с Инной всё будет в порядке. А так до встречи на католическое Рождество у Павла, я тоже решил пойти поприсутствовать при эпохальном событии. А сейчас — до скорого!»

Он повернулся и быстрым шагом направился к лестничной площадке. Я же, подавив вздох, продолжил своё движение к сектору культурной антропологии.

Фуршет (назвать мероприятие банкетом у меня не поворачивается язык) прошёл вполне нормально, как и все подобные мероприятия. Шутливо восхваляли диссертацию и диссертанта, учёный совет и его председателя, разговаривали о разных академических новостях. Кстати, слух, что Георгий Тигранович покидает директорское кресло, подтвердился. Значит, скоро будут назначены выборы, и Константин Иванович, скорее всего, станет директором, но вряд ли на больший период времени, чем один срок. А это в свою очередь означает, что в институте начнётся период нестабильности и борьбы нескольких лидеров со своими группами за пост директора на выборах через пять лет. Ничего особенно хорошего.

К восьми вечера все разошлись. Я привёл кабинет в относительный порядок, прибрал бутылки, проветрил комнату, чтобы хоть немного изгнать запах табака (во время фуршета курили), и вместе с Бессоновым вышел из института. На прощание он задал мне неприятный вопрос: «А что же Ваша жена не пришла?»

Пришлось врать, что я не хотел слишком волновать её процедурой защиты и с трудом уговорил ждать меня и новости дома.

«Да, так бывает, — ответил Бессонов и перешёл к делу. — Постарайтесь, пожалуйста, сразу же после Нового года закончить все дела со стенографисткой, чтобы к середине января мы смогли бы уже отправить все документы в ВАК. Тогда, скорее всего, вас до летних каникул утвердят».

Я пообещал и, поздравив Бессонова «с наступающим», поплёлся пешком домой, где меня с потрясающе хорошей новостью ждал Филипп.

«Мама звонила, — сказал он. — Просила поздравить тебя с защитой и передать, что с ней всё в порядке, чтобы ты не волновался».

Уф! У меня просто камень с души упал. Может быть, всё не так уж и страшно? Если вы хотите узнать, что произошло потом, прочтите ещё одну главу.

ГЛАВА 13

Великое дело и алхимическая свадьба

Следующие три дня я провёл дома, приходя в себя и пребывая в праздном недеянии. Кое-что читал, смотрел телевизор (ерунду всякую, конечно, но иногда можно), бродил по Интернету и отвечал на поздравления с защитой, приходившие по «мылу». Беспокойство за Инну, конечно, не прошло, но после её звонка как-то притупилось, причём возникла уверенность, что всё образуется и всё будет хорошо. Филипп всё время пропадал у приятелей, приходил поздно и никаких проблем мне не создавал. Погода установилась снежная и морозная, чувствовалось приближение Нового года: кончался первый год третьего тысячелетия.

В понедельник я отправился в институт, прихватив с собой бутылку хорошего израильского бренди и купив по дороге большой торт со взбитыми сливками. В институте на меня сразу же буквально набросились с поздравлениями, а в секторе Елена Сергеевна Воронова вместе с простившей меня Леной Потаповой (я явно счастливчик: они же тёзки!) уже готовились к чаепитию и расставляли чашки, блюда, достали из шкафчика красивую сахарницу и пачку зелёных бумажных салфеток.

Кроме них в комнате находились, о чём-то достаточно оживлённо переговариваясь, Георгий Леопольдович Тролль, Лев Петрович Большаков и сам наш начальник — Алексей Митрофанович Евлампиев. В стороне от них с недовольно поджатыми тонкими губами сидела наша Пиковая Дама — Изольда Давыдовна Полянская, всем своим видом демонстрируя самозабвенную погружённость в процесс научного поиска. Однако, увидев меня, она слегка ожила, поздравила с успешной защитой и даже (неслыханно!) приняла моё приглашение выпить чаю с тортом (какая высокая честь!). Дело в том, что Изольда Давыдовна была убеждённым и пламенным борцом с секторальными чаепитиями.

Чаепитие, перемежаемое потреблением бренди, продолжалось вполне мирно, пока Лев Петрович неосторожно не затронул тему о судьбах Академии, а я крайне опрометчиво не брякнул, что уже давно бы на месте властей слил Академию с вузовской системой, а звание академика превратил бы просто в почётный титул,

присваиваемый исключительно за научные заслуги: тогда Академия станет действительно уважаемым научным сообществом, а не клубом директоров и функционеров, как сейчас.

В секторе повисла тяжелая тишина, которую наконец-то нарушил Георгий Леопольдович:

«А зачем, Константин, сливать академические институты с вузами?»

«Затем, Георгий Леопольдович, что в вузах, во-первых, можно зарабатывать какие-то деньги не только для собственного кармана, но и на науку, как это и делается во всём мире, только от разных популистских лозунгов надо отказаться, во-вторых, там люди всё-таки работают, студентов учат, лекции читают, смену себе готовят, а не играют целыми днями в шахматы и шашки, будучи при том уверены, что каждый из них — величайший учёный во вселенной, светоч истины. И на интриги и сплетни у них меньше времени, чем у нас. Нас же хлебом не корми, дай подсидеть кого-нибудь, прикрывшись трескучими фразами о борьбе за высокие научные стандарты и объективные академические истины, удовлетворяя на самом деле свои неудовлетворённые амбиции и злокачественное тщеславие. Но успокойтесь, ничего этого не будет: слишком много чиновников, слишком раздутый аппарат у нашей Академии, а чиновники себя в обиду не дадут. Значит, и институты будут, никуда они не денутся: ведь без институтов чиновников тоже нет, они на них паразитируют, симбиоз такой, знаете ли, науки и бюрократии».

Снова молчание. Потом ледяной голос Изольды Давыдовны: «Я чувствую, Константин, что скоро вы нас покинете. Я помню, как в своё время Чистяков стал ратовать за сочетание науки и бизнеса, а потом просто взял и ушёл в этот самый бизнес, теперь всяких, прости Господи, рок-звёзд по миру возит».

«Никто пока меня никуда не приглашает, Изольда Давыдовна. Боюсь, что меня отсюда вынесут только ногами вперёд. Тем более, покинуть ваше изысканное общество...» — тут я извернулся и приложился к ручке Пиковой Дамы, за что был одарён любезной улыбкой и милостивым укором:

«Это другое дело. И всё-таки, не следует так говорить про Академию, а то не ровён час, услышит кто-нибудь».

Я уже раскаивался, что поднял болезную тему и поэтому примирительно произнёс: «Ну, не буду, не буду. Истина мне дорога, но улыбка Изольды Давыдовны дороже».

Все несколько успокоились, но беседа утратила непринуждённость, и вскоре коллеги под благовидными предложениями начали один за другим покидать стол. Я помог Лене прибираться, сходил помыть посуду и тоже покинул сектор: пора домой, завтра решающий, опасный и необыкновенный день. По пути меня, однако, подловил зам. директора Константин Иванович Ревунов. После поздравлений он загадочно произнёс:

«Уходит от нас Георгий Тигранович, уходит... Скоро выборы, суета всякая. Ладно, после Нового года поговорим...» И, озадачив меня энигматичностью своего высказывания (поди, место учёного секретаря хочет предложить, когда станет директором; при всём моём уважении к Ревунову — НИ ЗА ЧТО!!!), зам. директора

скрылся за обитой клеёнкой дверью своего кабинета. Я же наконец-то выбрался на холодную, заваленную снегом и скользкую от обледенения улицу. Домой, домой!

Вечером ничего не произошло. Полная тишина. Когда я уже совсем собрался лечь спать, позвонил Анатолий и ещё раз подтвердил, что будет завтра у Павла, на этом разговор и закончился.

Весь день 25 декабря, вторник, я занимался диссертационными бумагами, заполнял разные формы со страшными и непостижимыми для моего разума кодами ОКОНХ, ОКПО и прочими в том же роде, в чём, надо сказать, достаточно преуспел. Закончил я около семи и начал собираться в путь-дорогу (а сердце стучало всё громче и всё быстрее). Я был уже одет, когда в дверь позвонили. На пороге стоял неизвестный мне мужчина в дублёнке и кепи. Он вежливо поздоровался и представился:

«Шофёр Павла Аркадьевича Артамонова. Он просил привести вас к нему. Сам он заехать за вами не смог, поскольку чрезвычайно занят».

Я взглянул на часы: «Так на машине ещё рано, пойдёмте, я вас чаем угощу».

Во время чаепития мы говорили исключительно о погоде (ранняя зима в этом году, и ягод на рябинах совсем нет) и о сравнительных достоинствах разных машин (тема, в которой я был полным профаном). В восемь мы сели в машину (это был на этот раз не мощный «Лэнд Ровер», а элегантная «Ауди») и без проблем (и, слава Богу, без пробок) добрались до замка Павла, в котором должно было произойти явление Мессии народу. На стоянке уже стояло несколько машин. Шофёр провёл меня в гостиную, где сидели, попивая кофе, Тигринская и господин Степаново. Более важных участников действия видно не было. Ровно в 20.30 в гостиной появился незнакомый мне молодой человек в костюме-тройке, который церемонно поклонился и пригласил «уважаемых господ» в лабораторию. Мы спустились вниз, вошли в открытую дверь алхимического свята святых и разом обомлели.

Весьма внушительная территория лаборатории была расчищена, шкафы и столы куда-то вынесены. На полу мелом пять цветов были нарисованы две «мандалы». Первая, большая, представляла собой звезду Давида, вписанную в круг. Между зубцами звезды были написаны на иврите имена Бога, такие, как тетраграмматон Йод-Хей-Вав-Хей, Элохим, Адонай, Элохей Исраэль, Адонай Элохейну и Мелех га-Олам. За пределами круга вдоль окружности были выписаны названия всех десяти сефирот, а в центре звезды была нарисована сефира Тиферет (Прекрасное) в виде круга с вписанным в него названием. На этот круг было установлено кресло с изображением короны на спинке и с надписью «кетер га-нахаш, кетер га-маших» («Венец Змия, Венец Мессии»). Прямо перед этой мандалой напротив «трона» была начертана вторая: вписанная в круг пентаграмма с именами «Мессий-Спасителей»: Мелхиседека, Иисуса, Саббатая Цеви и Якова Лейба Франка. Одна позиция была оставлена пустой — для безымянного Учителя Праведности из Кумрана.

По залу бродило ещё несколько человек из числа любителей драконов, но ни четы Богословских, ни Павла не было видно. Приведший нас сюда молодой человек расставил всех нас полукругом перед тронем, но так, чтобы оставался проход между нами, открывавший путь от трона до задней двери лаборатории.

Едва мы расположились, как в лабораторию вошёл Анатолий. Он хотел направиться ко мне (мы успели обменяться кивками и приветственными жестами), но наш «церемониймейстер» остановил Анатолия и поставил его с правого края полукруга.

Зазвучала музыка (явно CD, аппаратура очень хорошая, качество воспроизведения было прекрасным в отличие от звука плеера на «драконьих» собраниях в Географическом обществе). Вначале мы прослушали «Коронационный гимн» Генделя, потом грянула увертюра к «Рождественской оратории» Баха. Тут задняя дверь в лабораторию распахнулась, и в зал вступила процессия основных участников действия. Впереди шёл Павел в длинном чёрном шёлковом халате, почти рясе. Он сосредоточенно глядел прямо перед собой, выражение его лица я назвал бы исполненным решимости (но какой?), за ним шла Татьяна, одетая в роскошное переливающееся под светом ламп серебристое вечернее платье с декольте; на её шее было надето массивное серебряное кольцо с крупным рубином (цвета Милосердия и Суда, две стороны Древа Сефирот). Её лицо было на этот раз бледным и как бы меловым, я назвал бы его мраморным и прекрасным, бесстрастным и отрешённым. Её чёрные как смоль волосы были собраны в высокий шиньон, пронизанный ниткой жемчуга. Справа и слева от Татьяны шли Богословские — Александр Иванович и Аглая Фёдоровна. Александр Иванович был одет в строгий серый костюм и несколько напоминал Наполеона, точнее, карикатуру на императора французов: маленький рост при надменной мине на лице. Аглая Фёдоровна была одета в строгий кремовый брючный костюм. Её надменности позавидовал бы и Наполеон. Вот они, Понтифик и Дама-Папесса, подумал я. Замыкала процессию мадам Тигринская с большой свечой в руках.

Шествие остановилось у трона. Павел отступил в сторону и поклонился Татьяне, которая с царственным видом подошла к трону, повернулась к нам, слегка наклонила голову, приветствуя нас, как приветствует свой двор королева, и села на кресло, которое тотчас действительно стало тронном.

Павел отошел назад и встал в центре второй мандалы среди имён мессий, лицом к Татьяне и прямо напротив неё. Богословские прошествовали вперёд, повернулись к нам и заняли места справа и слева от трона. Мадам Тигринская продолжала стоять сзади за Павлом.

Музыка смолкла. Ритуал начался.

Богословский возгласил слегка дрожащим от волнения голосом: «Барух гу Адонай Элогейну, мелех га-олам» («Благословен Он, Господь, Бог наш, Царь мира»).

Аглая Фёдоровна последовала за ним в своём славословии: «Барух ху Машиах га-Гозль нахаш га-ор!» («Благословен Он, Мессия спаситель, Змий светоносный!»).

Павел взмахнул рукой и протянул её к Татьяне. Её лицо стало сосредоточенным и умиротворённым одновременно, она явно погружалась в глубокую медитацию.

Богословские снова стали произносить какие-то длинные фразы на иврите и арамейском, а потом перешли на русский (точнее, на смесь русского и церковнославянского, тоже для пушей торжественности, догадался я).

Александр Иванович: «О великий Дракон, ты, о Свет Превечный! Вот сосуд драгоценный, тебе уготованный, приди и вселися в онь, ибо чист он от всякие скверны, и спаси, о Спаситель, нас от страданий мира дольнего, яко благ еси и избавитель мира!»

Аглая Федоровна: «О преславный Драконе! Оставь темницу свою, ибо свет свободы воссиял в пучинах мира Асия!»

Тут вперёд вышли господин Степаново, Антон Ягодников (которого я до того вообще не заметил среди присутствующих) и ещё три человека из драконова общества. Они вначале встали рядом с Тигринской, а потом образовали круг и пошли посолонь так, что трон с Татьяной был всё время в центре этого круга. Во время этого хоровода они выкрикивали какие-то «мантры» на непонятном языке, возможно по-турецки, раз ритуал был заимствован из текстов дёнме, саббатианской общины Турции. Чета Богословских застыла, воздев руки горе и как бы погрузившись в некий экстатический транс. Павел спокойно в достаточно вольной позе стоял в своём круге и внимательно наблюдал за Татьяной, по-прежнему пребывавшей в состоянии глубокого сосредоточения.

После того, как «ассистенты» прошлись хороводом вокруг трона три раза, произнося свои «мантры», атмосфера в зале изменилась, теперь мистическое присутствие некоего иноприродного начала обнаружилось почти чувственно, да что там «почти»... В погружённой в полумрак комнате поплыли какие-то огоньки, затрепетали невидимые крылья, колебля свет свечи в руке застывшей, как соляной столб, Тигринской. Потом огоньки сгруппировались и своеобразным нимбом расположились вокруг Татьяны. Снова зазвучала музыка, на этот раз это был хор из генделевского «Мессии» «И от его язв мы исцелились». У меня по коже бегали мурашки, спина холодела и дыхание становилось всё более стеснённым, перед глазами всё плыло, и я стал бояться, что или упаду, или меня стошнит.

Александр Иванович воскликнул, не опуская вздетых вверх рук:

«Осанна, осанна, гряди, о гряди в храм духа твоего, о Дракон, Спаситель и Помазанник наш, да будет благословенно имя твоё во всех мирах и да будешь ты мирами, а миры тобою! Амен, амен, амен!!!»

Раздался громкий вздох изумления, и я увидел над головой Татьяны лучащийся серебристым сиянием силуэт Дракона. Меня охватили восторг и благоговение. Дракон плыл на своих светозарных крыльях, его змеевидное тело изогнулось с невыразимым изяществом и рогатая голова устремилась к лону Татьяны. Вся фигура Татьяны замерцала ярким белым светом, образовавшим ауру вокруг неё.

И тут случилось нечто совершенно неожиданное. Павел спокойно вышел из своего круга и направился к Татьяне. Богословские с изумлением посмотрели на него, но препятствовать ему не решились: алхимику виднее, что надо делать со своим живым философским камнем. Между тем Павел достал из рукава своей рясы какую-то склянку, отвинтил её крышку и что-то влил в приоткрытый рот Татьяны. Её аура запульсировала, стала радужной, интенсивность ауры вдруг стала вна-

чале существенно больше, после чего она внезапно бесследно исчезла. Исчезли огоньки, вспыхнул и с лёгким хлопком растаял силуэт дракона. Музыка остановилась. Татьяна открыла глаза и улыбнулась. Павел подошёл к ней вплотную и взял её за руку.

Александр Иванович несколько секунд молча смотрел на Павла, а потом вдруг закричал фальцетом, которого я никогда от него не слышал:

«Что здесь происходит?!»

«Да ничего особенного, — ответил Павел. — Всё удалось, проект был реализован. В последний момент я приостановил заключительную стадию: я человек маленький и не хочу быть ответственным за судьбы мира. Всё, that's finished, или finita la comedia, господи!»

«Да как вы посмели!!!» — фальцет сменился каким-то нечленораздельным бульканьем, Богословский затопал ногами и вдруг бросился на Павла с кулаками. Сильная и достаточно рослая Аглая Фёдоровна ухватила его за воротник пиджака и с трудом удержала на месте, пока молодой человек из людей Павла (а может быть, и Анатолия) не остановил его более радикальным и профессиональным способом. Он продолжал вопить и отбиваться. Чуть успокоившись в стальных тисках охранника, Александр Иванович прохрипел, брызгая слюной в сторону Павла:

«А что же теперь-то?!»

«Теперь? А ничего. Могу напоить вас всех кофе с коньяком и проводить во свояси. Встречайте Новый год, веселитесь в этом прекрасном и чудовищном мире, празднуйте Рождество другого Мессии, наконец. Что я могу вам ещё посоветовать?»

«А что ты будешь делать, Иуда вонючий?!» — снова впадая в истерику, завопил президент общества «Пути Дракона».

«Я? Прежде всего, женюсь на Татьяне. Представляете себе, алхимик женится на своём магистериуме, на своём эликсире, на своём философском камне? Это уж будет настоящая алхимическая свадьба, не то, что у какого-то там Христиана Розенкрейца, а?»

«Сволочь, негодяй, мерзавец...» — продолжал вопить Богословский. Жена решительно встряхнула его, отчего пошатнулся даже крепкий охранник. Александр Иванович затих.

«Слушай меня, Саша. Поедем домой. Перестань же ты на глазах у всей этой публики ломать недостойную комедию. Мне, надо сказать, тоже изрядно надоела эта мистика. Лучше поможешь мне в журнале».

Богословский сел на пол и разрыдался.

«Поедем, Аглая, поедем, тыфу на вас всех!» — последнее он выкрикнул, повернувшись к Павлу и слегка приобнявшей его за талию Татьяне.

«Ну и хорошо», — решительно заявила Аглая, подняла его на ноги и буквально потащила в сторону двери. На пороге она повернулась и сказала язвительным тоном, прежде чем исчезнуть в проёме: «Au revoir, малопочтенные господа. Счастливого Нового года и весёлого Рождества!»

Ей никто не ответил.

Я отвернулся от двери и увидел, что ко мне направляется Антон Ягодников с перекошенным от ненависти лицом. Он подошёл ко мне и плюнул мне под ноги. Я пожал плечами. Антон развернулся и направился к Павлу с Татьяной, но дорогу ему перегородил Анатолий. Антон вдруг резко ударил его хуком под дых, Анатолий на мгновение согнулся и резко рубанул его по шее ребром ладони. Антон осел на пол и с глупым и ошеломлённым выражением на лице уставился на Анатолия. Тот ухватил его за ворот и резко встряхнул: «Давай мотай отсюда, каббалист недоделанный, иначе хозяин сейчас охрану позовёт!» Антон шмыгнул носом и, пошатываясь, поплёлся к двери, время от времени оборачиваясь к Анатолию и что-то злобно бормоча под нос.

Остальные гости, по-видимому, даже толком не осознавшие, что же произошло и происходит, двинулись на выход. Кто-то подошёл ко мне сзади и обхватил за шею, закрыв ладонью глаза. Я вырвался и резко повернулся назад. Сердце обмерло от радости:

«Инна!!!»

Несколько секунд, а то и минут я не замечал ничего вокруг себя, обнимая Инну и осыпая её лицо поцелуями. Наконец она высвободилась из моих объятий. Рядом с нами стоял улыбающийся Павел:

«Ну а теперь, может быть, воссоединившиеся супруги проследуют наверх, чтобы попить чаю-кофе в более подходящей обстановке?»

Через пять минут мы уже сидели наверху и пили кофе — кто эспрессо, кто капучино, а Инна — так слабый чёрный кофе с её любимым ликёром «Бейлис». Татьяны, впрочем, нигде не было.

«А что это такое ты ей дал?» (мы с Павлом успели перейти на «ты»).

«Хм. Всего-навсего самое вульгарное средство — *oleum ricini*, касторовое масло, касторку. Мгновенно забивает все каналы и парализует любую алхимическую активность. Зато теперь ей приходится ликвидировать неприятные последствия этого моего метода». Он слегка улыбнулся.

Как раз в это время на пороге появилась Татьяна, слегка бледная, но улыбающаяся. Павел поднялся и помог ей сесть за стол.

Попутно выяснилось, что всё это время «похищенная» Инна преспокойно жила в доме Павла, наслаждаясь всеми благами буржуазной роскоши, тогда как Павел регулярно посылал Богословскому реляции о её изоляции в качестве заложницы, весьма красноречиво описывая её отчаяние и смертную тоску по мужу и сыну. Инна засмеялась:

«Какой хороший получился отдых! Ах, а какое блаженство эта ванна “джакузи”!»

«Якуцци», — мрачновато поправил Павел.

«Брось, ты, зануда педантичный, — нарушила молчание Татьяна. — Всё равно все будут говорить “джакузи”. “К чему бесплодно спорить с веком? Обычай — деспот среди людей”, — как выразился Пушкин. Так что пусть и будет “джакузи”».

Павел кивнул и поцеловал её в щёку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошёл Новый год (салат «оливье», шпроты, ветчина, шампанское), промелькнуло православное Рождество, наступили святки и наступил старый Новый год. В юлианскую новогоднюю ночь я позвонил Павлу, чтобы поздравить его и Татьяну со счастливым бракосочетанием, которое как раз и состоялось 13 января. Как и следовало ожидать, зная характер Павла, никакой «свадьбы» (в смысле застолья) не было, они с Татьяной просто поужинали в хорошем ресторане и отправились домой.

Моему звонку он явно обрадовался и рассказал последние новости. Богословский хотел повеситься на крюке люстры в гостиной, но крюк обломился и он грохнулся на пол («ничего-то у него не получается», — несколько цинично прокомментировал Павел). На шум прибежала Аглая Фёдоровна и как женщина твёрдая и властная вместо того, чтобы причитать, устроила ему хорошую взбучку, оказавшуюся прекрасной шоковой терапией. Александр Иванович стал как шёлковый, драконы забыты, и он пашет не покладая рук в том же журнале, что и жена, и на той же ниве: женский вопрос, феминизм, борьба с мужским сексизмом и прочее в том же роде. Теперь они собираются в Египет, в Хургаду, и Аглая Фёдоровна даже приходила к Павлу одолжить пятьсот баксов, причём вела себя вызывающе, если не сказать нагло: «Вы просто обязаны одолжить мне деньги (“хорошо ещё, что не просто дать”, — заметил Павел): ведь это из-за ваших фокусов у него теперь нервное расстройство и нам приходится ехать отдыхать» (да, конечно, если бы «фокусов» не было, могла бы произойти мировая катастрофа, зато у Александра Ивановича не было бы нервного расстройства). Деньги Павел ей, конечно, дал, на чём они и расстались.

Потом Павел позвал к телефону Татьяну, с которой мы поговорили минут пять, а на прощание она прочитала мне своё новое стихотворение, которым я завершаю это повествование:

В бесконечных пространствах безначальных времён
Утомительно тяжкий продолжается сон.
И качаются, словно на ёлке шары,
В безграничной вселенной голубые миры.

Камень точит вода,
Ночью сердце болит.
Отуманен мечтой,
Запотел малахит.

От весеннего солнца
Побежали ручьи.
Это майя-колдунья
Ткёт тенета свои.

Санкт-Петербург, август–октябрь 2002 года

Е. А. ТОРЧИНОВ

**Китайская рапсодия
(роман странствий и инициаций)**

Санкт-Петербург, 2003

Персонажи и учреждения, упомянутые в этом произведении, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми и организациями либо с подлинными событиями носит случайный характер и не входило в намерения автора.

«Среди горных духов-оборотней бывают такие, которые по своему облику похожи на маленьких детей. Они ходят-бродят туда-сюда и, если, обернувшись, увидят человека, то им доставит радость напасть на него. Если, уйдя в горы, ночью услышишь звуки громкой человеческой речи и гул голосов, то знай, что эти звуки издаёт гадина по имени “ци”. Распознай её и прикрикни на неё, тогда она не посмеет напасть на человека. Некоторые считают, что эта тварь называется “жэ-нэй”, “жар внутри”, но всё равно на неё тоже надо прикрикнуть. В горах также живёт оборотень, красный, как барабан, и к тому же одноногий. Он называется “солнечный свет”, “хуэй”. Встречается также существо, похожее на человека. Оно ростом в девять футов, носит одежду и головной убор. Оно называется “металлическая связка”, “цзинь лэй”. Можно встретить также тварь, похожую на дракона; она пятицветна и имеет красные рога. Её называют “фэй-фэй”. Если отшельник встретит этих тварей, надо выкрикнуть им их имя, тогда они не посмеют причинить вред».

Гэ Хун (284–363), трактат «Бао-пу-цзы», глава 17

ГЛАВА 1

О себе, или как я стал китаистом, а также о русских в Пекине образца 1990 года

Я решился рассказать о событиях, имевших место почти двенадцать лет тому назад, в январе–феврале 1991 года, когда я находился в Китае на полугодовой стажировке. «Решился» — это потому, что долго я именно не решался рассказать об этом, будучи уверен, что мне или просто не поверят или сочтут шарлатаном и обманщиком, чем-то вроде злонамеренного барона Мюнхгаузена. Однако ныне, в наш век постмодернизма и стирания всех и всяческих граней между виртуальным и реальным, не говоря уж о различиях между разными жанрами литературы, я подумал, что история эта может показаться читателям как минимум любопытной, и если читатель сочтёт, что я написал нечто вроде фэнтэзи, в которой «много небывлиц про злых духов и про девиц», то он простит меня ради занимательности сюжета и экзотичности декораций, в которых эта история разворачивалась. Поэтому я в конце концов взялся за перо (сиречь сел за компьютер) и теперь изливаю на бумагу (жёсткий диск) то, что и ныне приводит меня в содрогание и трепет, когда я предаюсь воспоминаниям, которые, признаюсь прямо, тем не менее год от года тускнеют, теряя свою яркость и живость, но всё ещё сохраняя аромат волшебства и обаяние тайны. Но начнём по порядку. Как приличный человек я должен вначале представиться, коли здесь нет никого, кто мог бы сам представить меня читателю.

Итак, имею честь зваться Павлом Ивановичем Замятиным и получать жалованье, пребывая в должности доцента кафедры китаеведения Санкт-Петербургского института восточных культур. Это моё настоящее, но для повествования сего необходимо, кажется, сказать несколько слов о том, как меня занесло в китаеведение и что она наука для меня значила и значит. А для этого надо переместиться в далёкие уже декабрь–январь 1969–1970 годов.

Надо сказать, что с младых ногтей я увлекался историей, но исключительно западной, даже история отечества меня мало волновала. Но по западной истории к тринадцати годам я читал уже вполне серьёзные книги типа «Историографии Средних веков» Косьминского. На зимние каникулы конца 1969 года я поехал к двоюродной тётке, маминой двоюродной сестре, проживавшей со своим семейством во вполне мирном тогда Грозном. У тётки было скучно, все готовились к Новому году, делали салат «оливье» и пекли пироги. Книг, прямо скажем, в доме было негусто. Поэтому я прямо-таки обрадовался, обнаружив на полке старый, ещё сталинских времён, вузовский учебник «История стран Востока в Новое время» (в двух томах, в светло-серой обложке). Раз нет Запада, то пусть будет хоть Восток... История, она и на Востоке история...

Вначале я стал читать про Турцию (всё-таки её история была тесно переплетена с европейской), потом про Японию как страну, ставшую передовой и технически развитой, Запад на Востоке, как казалось мне тогда. Не увлекло... И вот я начинаю читать про Китай: маньчжурское завоевание, империя Цин, император Цянь-лун призывает английского короля с дрожью повиноваться ему, опиумные войны, тайпины, императрица Цы-си, Синхайская революция, привилегии, данные последнему императору, Юань Ши-кай... Но больше всего почему-то волну-

ют названия неведомых религий: конфуцианство, даосизм (вспоминаю статуэтку даосского божества Духа Согласия из корня дерева, виденную в альбоме репродукций коллекций Эрмитажа), буддизм (про буддизм я что-то слышал). Мне страшно хочется узнать, что это за религии такие и какие огненные дали открылись благодаря им взорам китайцев. Всплывают в голове какие-то детские воспоминания: картина с тигром на скале у водопада, висевшая в доме маминой подруги, два фарфоровых китайских болванчика с веерами, какая-то вазочка и почему-то особенно отчётливо — цветущее абрикосовое деревце, стоявшее в садике старого дома, в котором мы жили до переезда в новую квартиру. Китай через детские воспоминания уже проникал в меня и пропитывал своим обаянием. Я услышал зов с Востока. Интересно, что среди моих образов и ассоциаций не было ничего от современного Китая: никаких хунвэйбинов, дацзыбао, цитатников председателя Мао и боёв на Даманском. Этот Китай меня если и волновал, то лишь как ненавистная альтернатива абрикосовому деревцу и тигру у водопада.

Вернувшись домой в дельту Волги (мы жили в Астрахани), я бросился по букинистическим магазинам и вскоре прочитал массу книг, получив знания, вполне соотносимые со страноведческой подготовкой студента-восточника первого, а то и второго курса. Я читал всё подряд — от воспоминаний об экспедиции в Китай полковника Сосновского до переводов стихов Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэя, от воспоминаний последнего императора Пу-и «Первая половина моей жизни» до знаменитого романа «Сон в красном тереме». Мой интерес к Срединному государству всё рос и укреплялся. После прочтения учебников по истории Китая (в том числе очень подробной, но скучной книги под редакцией профессора Шан Юэ) я получил общее представление об истории Китая как целого. Но вот религии... Про них по-русски в советское время читать было почти нечего, а только что вышедшая в свет книга московского профессора Л.С. Васильева «Культы, религии, традиции в Китае» мне в руки никак не попадалась. Правда, кое-что стало понятно из жёлтого двухтомника «Древнекитайская философия» («Дао-дэ цзин», «Суждения и беседы» Конфуция и фрагменты из «Чжуан-цзы») произвели на меня наиболее сильное впечатление).

В 1973 году я заканчивал школу. Я собирался ехать в Саратов, поступать на исторический факультет университета братского волжского города, но осенью предыдущего года, когда начался мой выпускной десятый класс, в библиотеке я случайно обнаружил брошюру «Ленинградский государственный университет». В ней я нашел информацию о Восточном факультете ЛГУ и о Саратове сразу же забыл. Родные и близкие долго отговаривали меня: принимают-то там на каждую кафедру всего по пять человек, куда уж тебе-то, увальню провинциальному. Откровенно говоря, я и сам не верил, что поступлю. Но... поступил-таки и — с первого раза (до сих пор считаю, что произвёл сильное впечатление на приёмную комиссию уровнем своей «профорientации» на собеседовании). Короче говоря, с 1 сентября 1973 года я стал студентом кафедры китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (окончательно я в это поверил только получив студенческий билет).

О временах учёбы рассказывать не буду, этим я превратил бы моё повествование в мемуары, чего вовсе не хочу. Упомяну только, что, поступив на филологическую кафедру, я был смиренно готов заниматься китайской литературой (классической, конечно). Но по каким-то неведомым мне до сих пор причинам руководство кафедры решило «посадить» меня на китайскую философию. Возможно, это было вызвано тем, что в Китае начиналась достопамятная «критика Конфуция и Линь Бяо», а хороших специалистов по конфуцианству после репатриации в Землю Обетованную еврейского активиста Виталия Рубина у нас не водилось. Я согласился и три года занимался неоконфуцианством, всё время мечтая перейти на буддологическую тематику, но поскольку в Пекине критиковали не Будду, а Конфуция, мне этого долго не позволяли. В 1976 году великий кормчий председатель Мао покинул наш недостойный мир, и я обрёл свободу выбора. Поэтому свой диплом я писал по буддизму, а потом и вовсе решил заняться даосизмом, причём не классикой, а поздним даосизмом с его алхимическими тайнами и поисками бессмертия.

Университет я закончил с красным дипломом, имел прекрасные рекомендации от преподавателей, в результате чего и попал в аспирантуру Государственного музея истории религии и атеизма (тогда располагавшегося в Казанском соборе). В 1984 году я защитил кандидатскую (как раз по алхимической традиции в даосизме), а под конец перестройки перешёл на должность старшего преподавателя в только что созданный Институт восточных культур, одно из редких детищ перестройки, переживших тяжкую годину российских реформ. Оттуда меня сразу же отправили на полгода на стажировку в Китай. Я хотел в юго-западную провинцию Сычуань, но попал в Пекин, Пекинский университет (Бэй-цзин да-сюэ, или попросту Бэй-да). В самом начале сентября 1990 года я покинул Москву и в компании других стажёров отправился в Поднебесную поездом Москва–Пекин. С описания этого путешествия моё повествование становится более подробным.

В нашем вагоне в Северную столицу (ибо таково значение слова «Пекин», по-китайски «Бэй-цзин») ехала весьма разношёрстная компания стажёров: несколько академических китаистов из Ленинграда и Москвы и огромное количество публики из провинциальных вузов всевозможных специальностей: от астрономов до юристов. Сии господа и не пытались скрывать, что едут в Китай, чтобы затовариться разными «дунсями» (вещами), дабы потом сдать их на родине в «комок» и сильно разбогатеть на этой транзакции (такие разговоры можно было услышать и от китаистов, а в Китае и сам я оказался слегка затронут этим вихрем стяжательства). Впрочем, осуждать за такие намерения людей в то время, когда свежий ветер перемен смёл с прилавков советских магазинов всё даже самое необходимое (я уезжал как раз во время табачного кризиса, когда все сигареты и папиросы внезапно канули в бездну небытия), было нельзя.

Всю дорогу до границы мои попутчики и будущие товарищи по стажировке сладострастно листали гонконгские каталоги и обсуждали технические детали выписки «видаков» и телевизоров из всё ещё находящейся под британской короной китайской территории, известной как Гонконг, или Сянган (Порт Ароматов). Я тоже полистал каталоги и решил, что ничего выписывать не буду, хотя

потом и соблазнился, выписав видеоманитофон «Акай». Развлекаясь подобным образом, мы доехали до приграничного городка Забайкальска, где нашему поезду предстояло простоять несколько часов, пока меняют советские колёса на колёса, пригодные для китайской колеи.

Забайкальск оказался пыльным и серым городком. От нечего делать мы пошли в баню, из-за чего чуть не опоздали на поезд: когда мы подбегали к нему, он был уже оцеплен пограничниками и по вагонам ходили таможенники. Нас небрежно проверили, забрали таможенные декларации, и поезд двинулся за пределы рубежей первого в мире государства рабочих и крестьян, которому оставалось существовать менее года. После парилки у меня мучительно разболелась голова, и в Великую империю я въехал с отчаянной мигренью. Впрочем, стоявшие навьгтяжку китайские пограничники и гигантский иероглифический транспарант «Китайская Народная Республика» впечатлили. Вскоре поезд затормозил и остановился на станции Маньчжурия (Маньчжоули), которая, несмотря на своё название, административно относилась к Внутренней Монголии. Китайские таможенники отобрали у нас паспорта, выдали декларации и после их заполнения выпустили на перрон. О Великое Дао! Какой контраст с нищим Забайкальском! Чистый и уютный вокзал с магазинчиками, битком набитыми всякой всячиной, о которой на родине или забыли, или понемногу забывали. Мне показалось, что мы находимся в потребительском раю (когда мы возвращались обратно, уже развращённые пекинским изобилием, то нам показалось, что в этой Маньчжурии на самом-то деле почти ничего и нет): огромный (так мне тогда казалось) выбор сигарет, консервов (какого-нибудь злосчастного *lancheon meat*, считавшегося в Союзе деликатесом, или баночной ветчины марки «Великая стена»), печенья, крекеров и тому подобного. Короче говоря, нас обуял потребительский экстаз, и глаза засветились алчным огнём при мыслях о богатствах Поднебесной, часть которых окажется в наших чемоданах благодаря весьма приличной стипендии (мне причиталось 477 мэйциней, то есть американских долларов, в месяц, а это в тогдашнем Китае была более чем приличная сумма). Потом мы снова расселись по вагонам, нам раздали паспорта с отметкой, что мы «жу цзин» («перешли границу») такого-то сентября (кажется, шестого) 1990 года. Я сразу же вспомнил известное высказывание конфуцианца Мэн-цзы: «Жу цзин, взнь цзинь» («Когда пересёк границу, спроси, что здесь запрещено»). Поезд тронулся, мы ликовали и на станциях радостно махали руками местному населению. Мы устремились на юг по просторам вначале Внутренней Монголии, а потом — провинции Хэйлунцзян. На юг, на юг, в Северную столицу!

На следующий день мы некоторое время любовались пейзажем за окном, но скоро его однообразие (гаоляновые поля и фанзы, точь-в-точь, как в учебнике этнографии) утомило нас, мы принялись за весьма приличное китайское пиво с арахисом. Мы проезжали и через большие города — Харбин, Чанчунь, Шэньян. Странная незнакомая жизнь, толпы людей на велосипедах, киоски на перронах, набитые всякой снедью, выпивкой и куревом. Становится всё теплее, из осени мы возвращаемся в лето. Последняя ночь в опостылевшем вагоне. Под утро проезжаем (увы, я проспал этот момент) Шань-хай-гуань: знаме-

нитый проход между горами (*шань*) и морем (*хай*), единственный путь по суше из Маньчжурии в собственно «застенный» Китай: в 1644 году по этому проходу при попустительстве генерала У Сань-гуя прошли маньчжурские войска, вскоре провозгласившие в Пекине воцарение новой (и, как оказалось, последней) династии Цин (Чистая, Ясная). А теперь здесь идут поезда. Тяньцзинь, огромный приморский город, люди на велосипедах едут, видимо, на работу. Толпы велосипедистов. Наш поезд поворачивает на запад и вскоре плавно останавливается у перрона пекинского вокзала, что практически в самом сердце столицы Поднебесной. Приехали!!!

Прямо на платформе нас встретил представитель советского посольства, который сразу же выдал нам до понедельника (когда выдадут всю стипендию — мы приехали в субботу) по сто юаней в так называемых «вайхурах» (они же FES — *foreign exchange sertificate*), спецчеках, так сказать (сейчас их уже отменили). Потом он отвёл нас на привокзальную площадь, где нас должны были забрать представители разных вузов, и распрощался. Мы остались одни под тёплым летним дождем (говорят, что приезжать и уезжать в дождь — счастливая примета). За нами из Бэй-да (Бэй-ды, как вскоре все начали склонять название университета) очень долго не приезжали, и мы успели обойти всю площадь и даже купить по плану города с обозначением основных линий транспорта, включая метро. Наконец автобус прибыл, и пожилая серьёзная дама, представившаяся как Юй лаоши (учитель Юй), вполне прилично говорившая по-русски, рассадила нас по местам, пока водитель распахивал по свободным местам наш багаж. Мы тронулись и поехали в университет каким-то обходным путём. Внезапно я узрел тибетско-монгольский буддийский монастырь Юн-хэ-гун, о чём и оповестил автобус. «Вы много знаете», — мгновенно отреагировала Юй. «Нали, нали, гоцзянлэ» («Что вы, что вы, вы меня перехваливаете»), — ответил я по-китайски. Наконец мы въехали на огромную территорию университета и установились у располагавшегося близ пруда с отцветшими лотосами корпуса, носившего название Шао-юань («Сад в ложке» или что-то в этом роде — скорее всего, потому, что пруд с лотосами назывался Шао-хай — «Море в ложке»). Этот Шао-юань, по сути, общежитие для иностранцев, и должен был стать нашим прибежищем на последующие полгода (а кому-то, не мне, увы, и на все десять месяцев). Мы высадились, и тут учитель Юй обнародовала довольно неприятную информацию. Дело в том, что все стажёры «высшей категории» (*гао-цзи*), то есть шестимесечники, к которым относился и я сам, имели право на отдельную комнату, тогда как всех прочих должны были поселить по двое. Так вот, Юй сообщила, что ПОКА одноместных комнат на всех не хватит, и предложила нам самим разобраться, кто займёт имеющиеся. Наш неформальный лидер (ибо уже бывал в Китае) Сергей Белов немедленно предложил тянуть спички. Я потянул свою из его кулака: о радость, мне повезло, комната моя! Оказалось, что её номер 404, позднее мы приклеили на дверь иероглифическую надпись «Цза сяншэн чжи дун» («Пещера преждеждождённого Цза») — я иероглифически транскрибировал свою фамилию как Цза Мяо-дин, Цза Таинственное Самадхи («сосредоточение, концентрация сознания», это буддийский

термин); звучало вполне по-китайски. Вечером я уже сидел в своей комнате и при открытом окне писал домой письмо, наслаждаясь пением цикад и представляя себя каким-то Оуян Сю (один из корифеев китайской классической литературы), углубившимся в сочинительство.

А теперь перенесёмся на пару месяцев вперёд и посмотрим, что представляла собой жизнь в Шао-юане и чем занималась наша русская община. Все мы жили на четвёртом этаже, занимая значительную его часть. Удобства были общими и, к сожалению, располагались на противоположном конце коридора от моей «пещеры», так что иногда ночью приходилось совершать целое путешествие, опасное ещё и тем, что по пути меня вполне могли перехватить гуляющие соотечественники и утащить на какую-нибудь развесёлую пьянку (обычно я около полуночи, пока разгул ещё не достиг своей критической фазы, ложился спать, выключал свет и запирал дверь, но и это спасало не всегда). Недалеко от удобств находился огромный «титан» с кипятком для стоявших во всех комнатах термосов; около «титана» жили гигантские чёрные тараканы, впрочем, никому не мешавшие.

Кроме нас на этаже жили некий венгр, который тоже гулял по ночам со своей компанией (в основном поляки и чехи), а днями спал (когда он успевал учиться, неведомо), и пара африканцев из Нигерии, тоже предпочитавших дневной сон ночному. Имелся и француз левых убеждений, который слушал по вечерам хорошую музыку на хорошей аппаратуре и, кажется, находился в интимных отношениях со своим приятелем, жившим в той же комнате. Ещё на нашем этаже жил очень любезный парень с Филиппин, который всегда, широко улыбаясь, говорил нам по-русски: «Привет!». Наличествовало и несколько почему-то вечно мрачных японцев, проявлявших свою хвалёную вежливость только в присутствии своих гостей, тоже японцев. В противном же случае они вместо приветствия что-то буркали себе под нос. Со мной они были любезнее, ибо я всегда здоровался с ними по-японски («о-гэнки дэска, о-хаё годзаймасу и коннити-ва»). По вечерам японцы тоже шумно гуляли и дурашливо смеялись, но рано заканчивали. В результате, самыми главными нарушителями спокойствия в Шао-юане оставались граждане СССР.

Пекинская жизнь большей части моих компатриотов выглядела приблизительно так: подъём в полдень, долгое ленивое расхаживание по коридорам, облачившись в халаты и с зубными щётками в руках, потом завтрак и отбытие из Шао-юаня на велосипедах на шопинг или, как говорили у нас, «за дунсями» («дунси» — «вещь» по-китайски). Возвращались в шаоюаньские стены часов в семь вечера, и тут начиналось главное: ужин, плавно переходящий в развесёлую пьянку, затягивавшуюся до трёх, а то и до четырёх утра. Под конец из комнаты, где шёл пир, доносился страшный топот, словно от хлыстовского радения, а иногда даже нестройное пение Гимна Союза Советских Социалистических Республик (это уже всё, туши свет, как говорится). Утром всё повторялось сначала... У них была популярна поговорка: «Спасибо партии родной за наш годичный выходной». Сам я, если и попадал на эти попойки, то старался побыстрее сбежать оттуда. Постепенно вокруг меня сложилась, так сказать, альтернативная компания.

Дело, впрочем, было отнюдь не только в моих достоинствах, действительных или мнимых. Прежде всего, у меня было важное позиционное преимущество: из всех китаистов только я был обладателем одноместной и довольно большой комнаты. Остальные жили либо с совсем посторонними людьми типа разгульного венгра, либо с предававшимися культу Бахуса соотечественниками. Поэтому моя «пещера» стала естественным центром не слишком отуманенных вино-водочными парами умов. У меня завтракали, обедали и ужинали, рассуждали о судьбах Китая и России, после трапез или возвращаясь восвояси, или отправляясь по библиотекам и аудиториям, или совместно отправляясь осматривать достопримечательности Северной столицы. Время от времени мы выпивали, но исключительно «приятства для», а не ради доведения себя до состояния полной одурманенности. А теперь несколько слов о членах нашего маленького клуба.

Олег Алексеевич Хакимов. Сын академика-химика. Молодой китаист из Эрмитажа. Огромный, чем-то напоминающий медведя (впрочем, вполне добродушного), молодой человек. Занимался он, впрочем, отнюдь не искусством, а разными китайскими верованиями (лисами-оборотнями и всякой чертовщиной) и их отражением в китайской прозе XI–XIII веков (то есть эпохи Сун). О, как мне не хватало его советов и консультаций во время моего последующего путешествия! В частных беседах он намекал на то, что хотел бы создать своё востоковедное издательство. Ну, в добрый путь!

Арсений Олегович Лобзин. О, это звезда первой величины! Он чуть старше меня, но уже доктор наук и автор замечательной книги по китайской философии, очень серьёзный учёный. От него веет холодом интеллектуальных высот, но вполне может и повеселиться (однако недолго). Покупает только книги (в основном по философии и истолкованию знаменитого «И цзина» — древнего «Канона перемен») и действительно хорошие вещи из области китайского прикладного искусства. Несмотря на свои весьма отвлечённые научные интересы, очень прагматичен (доллар к доллару) и в Китае начинает проявлять явный интерес к бизнесу. Жил в одной комнате с упоминавшимся уже венгром.

Евгений Михайлович Родионов. Из ленинградского отделения Института востоковедения, занимается простонародным буддизмом и буддийской житийной литературой в Китае. Очень неплохой мужик. Но, увы, вскоре он покинет нас и перейдёт к поклонникам Бахуса, где побьёт все рекорды по части приёма горячительного. Очень надеюсь, что на родине жена всерьёз займётся его здоровьем и его нездоровыми пристрастиями. Но стажировка в Китае, боюсь, полностью растворится для него в спирте.

Елена Владимировна Пирожкова из московского Института этнологии. Занимается то ли китайским искусством, то ли нацменьшинствами китайского юга (разными мяо и яо), а может быть, и тем и другим вместе. В плане науки ничего выдающегося. Кажется, склоняется к тому, чтобы стать подругой (а то и женой) нашего Арсения Олеговича. Почему-то вызывает крайнее раздражение Хакимова, у которого просто непереносимость какая-то, аллергия, я сказал бы, на неё, что иногда подрывает мирный характер нашего общения.

Ну, а теперь о самом важном факторе существования нашей компании — китайском студенте-русисте Су Чэн-вэне, или по-русски — Грише. Он появился

в Шао-юане, точнее, прямо в моей комнате, поздним октябрьским вечером. Молодой симпатичный парень с приятной обаятельной улыбкой, недурно говорящий по-русски (всё-таки четвёртый курс). Гриша сразу же сказал, что уже несколько лет общается с русскими китаистами (он назвал несколько имён), оказывает им разные услуги, организует поездки по стране и тому подобное, и всё это ради возможности усовершенствоваться в русском языке (ну и с интересными людьми приятно пообщаться, конечно, а также и по стране поездить: своих-то денег на такие поездки нет, конечно).

Впоследствии многие говорили, что Гриша выполняет определённые задания китайских спецслужб по части наблюдения за нами. Не знаю, вполне вероятно. Но меня это мало интересовало. Гриша оказался удивительно полезен, а во время поездки по «деяти округам» мы и вообще прошли с ним через огонь и воду (медных труб нам, правда, не досталось), но и повидали мы немало от Пекина до Чжэцзяна.

Кроме того, я не собирался да и не хотел говорить ничего крамольного: я искренне восхищался успехами Китая (особенно на фоне всеобщего дефицита на родине и постепенного сползания всего Советского Союза в быстро растущий на евразийских просторах хаос) и глубоко уважал Дэн Сяо-пина, считая его самой положительной фигурой китайской истории за последние сто лет (раньше я уважал Сунь Ят-сена, но когда узнал, что ради свержения маньчжурской династии он брал японские деньги, то уважение мое резко уменьшилось). Поэтому единственными «ересями», произнесёнными при Грише, было сомнение в том, что Тибет входил в состав Китая уже при совершенномудрых государях Золотого века — Яо и Шуне (по-нашему — при царе Горохе). Мне казалось, что это произошло значительно позднее и даже много позднее, а ещё при династии Тан (618–907 годы) тибетцы весьма успешно бивали китайцев и даже один раз взяли имперскую столицу, но не смогли её удержать.

Вторая моя «ересь» была связана с осуждением публичных расстрелов преступников, на которые в воспитательных целях привозились даже школьники. По поводу Тибета Гриша попытался поспорить, но про казни проглотил без возражений. Наверно, и сам в душе осуждал. В остальном я был предельно корректен, да и политика вообще мало меня интересовала.

Короче говоря, мы приняли Гришу в наше сообщество и о том не жалели. Он сразу же резко изменил наш быт и сэкономил нам кучу денег. Самое главное, мы перестали питаться в хорошей, но жутко дорогой столовой для иностранных студентов и перешли в столовую для китайских студентов. В университетском общепите надо было покупать на определённую сумму талончики (такие пластиковые полоски) и расплачиваться на раздаче уже ими, а не деньгами. Гриша стал приносить нам талончики из китайской столовой, и мы закупали их сразу на месяц. Он доставал нам и талоны на мучное (без них нам не дали бы ни хлеба, ни пельменей) и на рис (думаю, что теперь их уже отменили). В китайской столовой цены оказались смехотворно низкими, выбор блюд весьма внушительным, а порции огромными. Мы стали питаться как китайцы: купили такие судки (коробки) для еды и стали с ними ходить в столовую, там набирать всего побольше и возвращаться в мою комнату

в Шао-юане, где всё это и поглощали с аппетитом. В результате на еду стало уходить меньше 100 долларов в месяц (не считая отдельных походов в ресторанчики — на пекинскую утку или сычуаньскую кухню).

Теперь опишу мой типичный день. Я просыпался в девять или полдесятого (непозволительно поздно для китайца и исключительно рано для меня: если дома мне не надо было идти на службу, я работал часов до трёх-четырёх утра, а потом спал до полудня). Едва успевал я принять душ и почистить зубы, как дверь моей комнаты отворялась и в неё величественно вливался Олег Хакимов в роскошном зелёном халате и с чашкой кофе в руках. Потом мы вместе с ним поглощали из чашек с драконами китайскую лапшу быстрого приготовления (*фанбянь мянь*) — именно в Китае я впервые с ней познакомился, теперь ей завалены все лотки в Питере, появилась и вполне приличная отечественная. Я добавлял в лапшу отличный чили и соевый соус, она становилась просто замечательной. Около полудня внизу у дверей все мы собирались вместе и шли в столовую, после чего обедали (по-западному у нас был ланч) под передачи Международного радио Москвы (новости в основном были невесёлыми, но наш аппетит они не слишком портили), потом бурно обсуждали новости — борьбу суверенитетов, противостояние Ельцина и Горбачёва, события в Прибалтике. Затем в первые два-три месяца в Пекине мы отправлялись смотреть разные достопримечательности, а в первые дни после стипендии (мы говорили «зарплаты») отдавали честь и магазинам. Иногда ходили в гости к знакомым китайцам, в основном учёным мужам и к паре предпринимателей. У меня установились хорошие контакты с Китайской даосской ассоциацией (по рекомендации известного историка китайской философии профессора Тан И-мина), где я несколько раз даже беседовал (под мудрым надзором представителя вайшичу — международного отдела) с выдающимся даосским учёным (уже глубоким старцем) Ли Ян-чжэном. Позднее, когда основные достопримечательности были осмотрены (некоторые, как например великолепнейший летний дворец и парк императрицы Цы-си — И-хэ-юань или Запретный императорский город, ныне музей Гу-гун, по два-три раза), я стал чаще оставаться в кампусе — ходил в библиотеку, читал книги и даже начал переводить некоторые тексты известного алхимика и медика VII века — Царя фармакопеи Сунь Сы-мяо (именно работа над этим текстом и позовёт меня в поход). Раз в неделю ко мне для консультаций приходил мой китайский руководитель профессор Тан И-мин, относившийся ко мне очень уважительно и любезно.

Раза два в неделю по вечерам кто-нибудь возвращался из Посольства и приносил почту. Тут уж все разбредались по комнатам, читали письма, отвечали на них, а потом оживлённо делились новостями с родины.

И вот мой рассказ уже непосредственно подходит к началу моего с Гришей Magical Mystery Tour (для тех, кто забыл «The Beatles»: Магического Волшебного Путешествия). Но об этом уже в следующей главе.

Как много лунных отражений в озёрах и прудах,
Как много шелестящих теней в затихнувших садах.
Читаю древние страницы под пение цикад.
Как много лунных отражений. Но ведь луна одна!

ГЛАВА 2

Мы отправляемся в путь... за эликсиром бессмертия

Когда я собирался в Китай, то, конечно, мечтал объехать всю страну от Пекина до Гуанчжоу и от Шанхая до Чэнду. Но пекинская жизнь засасывала, покидать насиженное место хотелось всё меньше, на выписанный из Гонконга «видак» приходилось откладывать, и поездка начала отодвигаться куда-то в голубую небыль. В январе я, однако, решил: если не сейчас, то никогда, и начал соблазнять на поездку со мной Олега Хакимова. Гришу же было обещано взять за наш счёт при условии, что он возьмёт на себя организацию нашего быта и транспорта. Гриша был в восторге. Мы с Олегом стали разрабатывать маршрут (вроде бы и в Ханчжоу надо, и в Чэнду хочется, и в Сиань бы неплохо, и на родину Конфуция в Цюйфу нужно, а денег на всё это нет), и разрабатывали бы его до прихода Будды Майтреи, если бы числа десятого января я не встретился с профессором Фу Ху-чэнем из Института философии. Профессор Фу написал хорошую книгу о даосском идеале бессмертного существа (сяня), и мы долго обсуждали с ним тексты Сунь Сы-мяо, которыми я занимался. И тут дернул меня черт за язык посоветовать, что внешняя лабораторная алхимия (то есть искусство изготовления эликсиров бессмертия) исчезла уже лет как шестьсот тому назад. На это Фу Ху-чэнь возразил, что он слышал, будто где-то под Чэнду, кажется, в скиту на горе Цинчэншань, живёт какой-то престарелый доктор-даос, который лечит не только лекарствами традиционной китайской медицины, но и алхимическими эликсирами. Я сразу же загорелся поехать к нему, но Фу ответил, что этого никак нельзя: надо вначале договориться с доверенными лицами, которые свяжутся со старцем, а если уж на то будет его благословение, то тогда только и можно к нему ехать. Я взмолился, чтобы он связался с оными драгоценными посредниками, подарил профессору CD с музыкой из «Лебединого озера» и «Спящей красавицы» и, вдохновленный волшебными перспективами встречи с даосом-алхимиком, поехал в Шао-юань. Олег тоже вдохновился, и мы решили в любом случае ехать из Пекина в Чэнду, то есть в юго-западную провинцию Сычуань, известную своей острой специфической кухней и репутацией Страны небесного изобилия, ибо в ней собирают 40–60 процентов всего китайского риса. Влажный субтропический климат, благодатный для фруктов и овощей, покрывает, однако, небо над этой провинцией постоянными облаками и тучами, так что там, как говорят, собаки лают на солнце. Там много разных достопримечательностей, и оттуда вышли такие великие поэты, как Ли Бо и Су Ши. Сычуань, к тому же, — почти что колыбель даосизма, ибо именно там почти две тысячи лет тому назад даосскому магу и алхимику Чжан Дао-лину явился божественный Лао-цзы и провозгласил его и его потомков Небесными наставниками, своими наместниками на земле. А всё это означало, что в Чэнду надо ехать обязательно.

Прошла неделя, а то и десять дней, как мне позвонила некая дама, сослалась на Фу Ху-чэня и попросила назначить время для встречи с ней: даос любезно согласился на встречу и она должна передать мне рекомендательное письмо от профессора. Мы договорились на завтрашнее утро, на девять часов; замечу, что

китайцы готовы делать визиты и в семь, а вот вечером после десяти их уже не побеспокоишь: спать ложатся. Мы действительно встретились, но только без четверти десять: мы, русские, далеко не пунктуальны, но китайцы по части склонности к опозданиям побивают все рекорды. Она вручила мне незапечатанный конверт с рекомендательным письмом Фу Ху-чэня, пожелала счастливого пути и сразу же удалилась.

Теперь мне предстоит сделать небольшое лирическое отступление о китайских рекомендательных письмах (*цзешао синь*). Это — письмо, написанное часто от руки, но на официальном бланке, а если оно официальное, от учреждения, то на него ставится печать (в отличие от европейцев и американцев и подобно нам, китайцы обожают печати). В письме, которое может быть адресовано или лично кому-то из знакомых рекомендующего (скажем, профессор профессору другого университета), или учреждению (ректорату университета), описывается, какой рекомендуемый хороший и талантливый человек и что ему нужно оказывать всяческую помощь и поддержку. Перед поездкой я получил и несколько официальных «цзешао синей» в разные учреждения разных городов Китая, некоторыми из них я так и не воспользовался. Без рекомендательных писем соваться куда-либо бессмысленно, ни приветы «от вашего друга», ни рассказы о своих научных достижениях на родине не сработают.

И тут снова проявилась неопределимая способность Гриши помогать: с согласия деканата факультета русского языка он наставил на чистые бланки печать факультета, а потом в дороге в каждом новом месте писал на них стандартный текст рекомендательного письма, адресуя его в местное высшее учебное заведение. Так нам несколько раз удавалось дешёво устраиваться во вполне комфортабельных комнатах в общежитиях для иностранцев.

Когда Гриша в следующий раз зашёл к нам, ему были выданы деньги на три билета на поезд до Чэнду в «жёстком лежащем» (*ин во*) вагоне. На следующий день к вечеру он вернулся с сообщением, что были только «жёсткие сидячие» места (*ин цзо*), но это нестрашно, так как в самом поезде мы доплатим проводнику и пересядем в «лежащий» вагон. На этом мы и успокоились. Билеты были взяты на вечер субботы 26 января. В Чэнду мы должны были приехать рано утром 28 января.

25-го, накануне отъезда, однако, Олег получил письмо из дома с приятной для него и крайне неприятной для меня новостью: в начале февраля к нему собирается приехать жена. Посему поехать в Чэнду он никак не может. Я поохал, поохал (Олег сам был слегка огорчён) и попросил Гришу сдать его билет. Итак, мы ехали за эликсиром вечной жизни вдвоём.

До вокзала мы доехали обычным путём: вначале автобусом до Зоопарка, а потом маршруткой. Поезд уже стоял у платформы, и мы решительно двинулись в наш вагон. О, будды и бодхисаттвы! Что же предстало перед моим взором! Я даже на мгновение зажмурился в надежде, что видение рассеется, но, увы, увиденное принадлежало не порождениям моего мозга, а самой согласованной реальности. Жёсткий сидячий был набит до отказа. Он представлял собой ряды скамей (как у нас в электричке), повернутых друг к другу, с маленьким столиком между ними. На каждой скамье сидело по три человека, то есть всего шестеро

друг против друга. Третья пара при этом уже была лишена возможности пользоваться столиком. Над скамьями под потолком тянулись полки, доверху забитые багажом. «Неужели всё это не обвалится на наши головы, когда поезд тронется?» — подумал я. Не обвалилось-таки. Народ, уже рассевшийся по местам, активно курил, и в вагоне было не продохнуть ещё до отправления поезда. Я сам курю, но ехать сорок с лишним часов в курилке... Скажу сразу же, что в пути ситуация еще сильнее осложнилась: на промежуточных станциях народ скоро забил вагон до отказа, люди сидели на полу салона, забили тамбуры и даже туалет. При этом все курили и нещадно мусорили, бросая на пол обёртки от чипсов, пустые сигаретные пачки, фантики от конфет и тому подобное. Приблизительно раз в два часа проводник каким-то чудом всех разгонял и проводил уборку, после чего весь процесс возобновлялся. Перед тем, как пойти в туалет, я ещё основательно думал, стоит ли? Может быть, лучше подождать ещё хоть полчаса. Добравшись все-таки до места общего пользования, вначале приходилось изгнать оттуда пассажиров, а потом уже справлять свои надобности, причём уже через пять минут в дверь начинали барабанить, а во время моего утреннего умывания проводник и вовсе открыл дверь своим ключом, чтобы проверить, кто так надолго (минут десять) оккупировал туалет. Короче говоря, клубы дыма, шум, грязь. И надо сидеть, сидеть, сидеть... Никогда не думал, что сидеть так мучительно. Мой копчик ныл от тупой боли, меня преследовала одна мечта: встать и пройтись. Однако надо было терпеть, и я терпел.

Но пока ещё мы только зашли в вагон, нашли свои места, и я сел у окна (слава Богу, можно будет хоть голову на столик положить), а Гриша отправился к начальнику поезда, чтобы попытаться переселить нас в жёсткий лежачий (попросту плацкартный). Я сидел с рюкзаком между ногами, ибо всё ещё надеялся, что сейчас мы этот ад покинем. И вот когда от дум об избавлении уже кружилась голова, возвращается Гриша и я слышу горькие слова: «Всё дело в том, что, к сожалению, всё дело в том, что, к сожалению, лежачих мест свободных НЕТ!» Всё раскупили перед Новым годом (китайским), в это время вся страна срывается с места и толпы людей начинают перемещаться меж «четырёх морей», чтобы на Новый год навестить родителей, родственников, а то и жену/мужа, ибо из-за дефицита жилья «разногородние» супруги порой очень долго живут раздельно, каждый в своём городе.

Первая моя мысль: «Нет, до Чэнду я в таких условиях не доеду, сойду где-нибудь по пути, в Лояне или Сиани, тоже замечательные древнейшие города, множество памятников. Бог с ним, с алхимиком-то». Но ведь досидел! Доехал до Чэнду! Выдержал! После этого, почувствовал я, никаких дорожных тягот я могу не бояться. «Шу дао нань», то есть «трудны сычуаньские тропы», как писал великий Ли Бо двенадцать столетий назад, но нам они не страшны!

Я вздохнул, поднял рюкзак и начал пристраивать его на гору багажа, нависшего над нами. Пристроил. Потом то же сделал Гриша. Мы сели. Помолчали. Я скорбел. Привычный ко всему Гриша расслабился. В вагоне яблочку негде было упасть, хотя проход всё ещё был свободен. По составу пробежала лёгкая дрожь. Толчок, снова дрожь. Поезд тронулся, наше оккультное путешествие началось.

Ночью я спал на редкость хорошо (применительно к условиям, разумеется), но утром шею несколько ломило. Проход был уже забит лаобайсинами, это от китайского «сто (в смысле “все”) почтенных семейств», сиречь «весь народ, просто-народье». Тамбуры и туалет тоже. С трудом умывшись и почистив зубы (тут-то в туалет и вломился проводник), я вернулся на место, и мы с Гришей позавтракали прихваченной из Пекина провизией. Ландшафт за окном особо не вдохновлял, но вскоре мы добрались до реки Хуанхэ и покатались по мосту, проложенному над именуемым почему-то «реккой» морем жёлто-оранжевой лёссовой грязи. Интересно, подумалось мне, в древности тоже было так? Где же в таком месиве могла плавать знаменитая драконолошадь, на спине у которой совершенномудрый император Фу-си узрел некую «Речную карту», благодаря которой разгадал тайны мироздания и создал иероглифическую письменность? Признаюсь прямо, купаться в Жёлтой реке никак не тянуло. Мы переехали через мост и резко повернули на запад. Нас ждали по пути две древние столицы Китая — Лоян (в древности Лои) и Сиань (знаменитая Чаньань, воспетая столькими поэтами танской эпохи).

Пейзаж был однообразен и безрадостен: лёсс, лёсс и лёсс, горы и равнины жёлтой глинистой земли. Раньше бедняки здесь жили прямо в лёссовых пещерах. Да и теперь то тут то там, рядом с достаточно убогими хижинами виднелись пещеры с приделанными к входу дверями. Гриша, правда, сказал, что ныне там не живут, это всё амбары и склады, хозяйственные помещения, короче говоря. Такова теперь колыбель китайской цивилизации... Трудно представить себе, что когда-то здесь простирались влажные субтропические леса, слоны и носороги были обычными животными, что и отражено в искусстве (в основном художественная бронза) первых династий. Обсуждая всё это с Гришей, мы пообедали каким-то мясным блюдом с рисом из купленной у проводника пластиковой коробки, к которой прилагались одноразовые палочки, и запили всё это кока-колой, которая в Китае везде и повсюду, включая, как выяснилось впоследствии, и весьма глухие провинциальные местечки. Собственно, всякие там спрайты и севен-апы я впервые в Китае и попробовал и даже называл их поначалу по-китайски: спрайт будет «сюэ би» («снежная скала»), а севен-ап — «ци син» («семь звёзд»).

А вот и Лоян! Однако мимо этой древней столицы мы пронеслись без остановки, но за окном я успел увидеть какую-то древнюю пагоду, мне показалось, что это и есть знаменитая Пагода белого коня, построенная в Лояне две тысячи лет тому назад, когда в Китай по приглашению императора пришли первые буддийские монахи — Дхармаратна и Кашьяпаматанга; с собой на белом коне они привезли священные буддийские изображения и тексты сутр.

Вечером поезд прибыл в Сиань, некогда блестящую столицу империи Тан, а ныне всего лишь главный город провинции Шэньси. Здесь наконец-то удалось поразмяться и выйти на перрон, чему я был рад несказанно: копчик ломило, ноги затекли. Здесь же я купил пачку сигарет с симпатичной обезьянкой на ней; таких в Пекине я не видел.

И снова в путь! Осталось уже совсем немного: вечер просидеть, да ночь продержаться. Поезд повернул на юг, и мы устремились в тёплые края туманов и изобильных урожаев. Как сказал Гриша, уже бывавший в Сычуани, ночью мы долго

будем ехать по тоннелю, пронзая насквозь горный кряж, отделяющий вечнозелёный юг от голого зимой севера, и уже утром почувствуем дыхание субтропической природы. В ожидании этого чуда я и заснул, снова положив голову на столик.

В Чэнду мы прибыли ещё затемно: во всём Китае один часовой пояс, пекинский, но страна настолько велика, что астрономия отчётливо не соглашается с политикой, породившей единое декретное время: когда в Пекине уже светло, здесь тьма-тьмушая. У выхода из вокзала нас ждал молодой парень с транспарантом, на котором были написаны наши китайские имена: Цза Мяо-дин и Су Чэн-вэнь. Мы подошли к нему, после чего он отвёл нас в микроавтобус, доставивший нас в Сычуаньский университет. Оказывается, Фу Ху-чэнь связался с деканом философского факультета этого вуза, а тот прислал за нами факультетский транспорт.

Меня разместили в отдельной комнате университетского общежития для иностранцев с общим холлом и удобствами для нескольких комнат. Я говорю «меня», потому что Гришу туда не пустили, в результате чего он ночевал у меня «нелегально», благо в комнате было две кровати (его кровать мы тщательно застилали, как будто бы на ней никто и не спал, — это на случай каких-нибудь проверок); это давало и некоторую экономию, так как я платил за койку, а не за комнату — ко мне же, естественно, никого не подселяли. В соседней комнате жил очень приятный молодой англичанин Роб с беременной женой; он занимался китайской медициной и очень удивился, когда я начал разговаривать с ним по-китайски: у нас в Бэй-де было так принято между иностранцами, а здесь — нет, все «заморские варвары» говорили между собой по-английски.

Весьма неприятным обстоятельством оказался, как это ни странно, сычуаньский климат. В Пекине была настоящая зима, но в Шао-юане отлично топили и я даже не закрывал на ночь окно. Здесь зеленели деревья, цвели цветы и порхали бабочки, температура была не ниже 12–13 градусов, но было влажно и как-то промозгло зябко, а в помещениях не топили вообще, даже батареей центрального отопления не было: ведь Сычуань — это юг, а на юге тепло. Такая вот логика. В результате, приняв сразу же по приезде душ, я немедленно простудился и температурил всё время, пока мы путешествовали по этой Стране небесного изобилия. Впрочем, это всё мелочи.

Едва я привёл себя в порядок, а Гриша вернулся из административного корпуса, где он платил за меня и меня регистрировал (за мой счёт, разумеется; все деньги я отдал ему как «эконому»), как за мной пришли с факультета. Пришлось идти туда, читать там лекцию об изучении религий Китая в СССР и фотографироваться с коллегами, после чего нас угостили отличнейшим обедом со всякими деликатесами за счёт университета, как это, собственно, в Китае и принято. Зав. кафедрой религиоведения расспросил нас о наших планах, объяснил, как лучше проехать на гору Цинчэншань, после чего мы поехали осматривать город.

Кроме гигантской статуи Мао Цзэ-дуна (единственной, увиденной мной в Китае), меня поразили здешняя дешевизна и традиционный облик ресторанчиков, расположившихся в открытых (то есть без стен) помещениях с видом на улицы, где кипела тоже вполне традиционная жизнь. Мне даже казалось, что вот-вот появится какой-нибудь юродивый даос, который споёт песенку с проро-

ческим подтекстом, но даос так и не появился, зато мы дивно попили зелёного чая в чайной среди бамбуковой рощицы, где этим напитком также наслаждалось двое буддийских монахов, а почтенного вида старцы расхаживали туда-сюда, выгуливая своих птичек, кажется, канареек, щебетавших в клеточках, которые старцы носили на плечах. Некий китаец усиленно стал предлагать почистить мне уши каким-то древним орудием, вид которого вызвал у меня ужас. Убедившись, что уши я чистить не буду, китаец с той же настойчивостью стал навязывать мне такую специфическую и тоже супертрадиционную «чесалку» спины: нечто вроде миниатюрных граблей на длинной ручке. Отказавшись и от этого приобретения, мы ретировались и отправились в здешний знаменитый даосский монастырь Цин-ян-гун — Монастырь синего барана, то есть горала, это такой горный козёл (или баран, точно не знаю). Говорят, что на этом горале через место, на котором ныне стоит монастырь, некогда проехал сам великий мудрец Лао-цзы, отправляясь из Срединного государства куда-то на запад. Но это вряд ли... Скорее горал символизирует всё-таки что-то другое. А вот что, я так и не выяснил.

В монастыре удалось заснять что-то из области народного медиумизма. Некая женщина, видимо, крестьянка, ходила вокруг огромного треножника перед одним из храмовых павильонов, зажигала курительные свечи и что-то напевно возглашала. Гриша поведал мне, что она жалуется божествам на судьбу и на каких-то бездушных обидчиков из числа местного начальства. Под конец она почти впала в транс. Вот тогда-то я её и сфотографировал. Никакого внимания она на меня не обратила.

Монастырь был великолепен, пожалуй, даже более величествен, чем пекинский Бай-юнь-гуань. На осмотр храмов и книжного магазина ушло часа два. Следующей достопримечательностью, которую мы осмотрели, была «соломенная хижина» великого поэта эпохи Тан по имени Ду Фу, жившего в восьмом веке.

Хижина находилась в великолепном саду, в котором к тому же кроме нас практически никого не было, что для Китая большая редкость. За такую же безлюдность я любил храм Конфуция в Пекине: тишина, покой, умиротворение, семисотлетние корявые и разлапистые (а вовсе не стройные, как у нас) кипарисы... Здесь кипарисов, кажется, не было, но всё зеленело и цвело. Настроение портили только поднимающаяся температура, насморк и озноб, усиливавшийся от влажной зябкости здешнего климата. И, тем не менее, было приятно, что я люблюсь летающими бабочками в то время, как в Ленинграде за минус двадцать. Недалеко от хижины мы обнаружили музейный павильон с выставкой переводов стихов Ду Фу на всевозможные языки (на русский в том числе) и исследований о поэте. Я растрогался и прочитал Грише в русском переводе (кажется, Гитовича) начало «Восьми стансов об осени» этого танского поэта; стихи, кстати, были написаны как раз в Сычуани:

Крупный жемчуг росы на листву упал,
Увядает кленовый лес.
И в ущелье Уся, и в горах Ушань
Свет безоблачных дней исчез.

Гриша вдохновился: «А не поехать ли нам обратно пароходом по Янцзы через Три ущелья... Прекрасные пейзажи, горы Ушань, как раз и посмотришь...» И тут же загорелся немедленно связаться с приятелем в Чунцине, чтобы он взял нам число на третье февраля билет третьего класса на пароход до Нанкина (хватит же нам пяти дней, чтобы с даосом наговориться). Я в принципе не возражал, даже и не подозревая, что Гришин билет придётся как нельзя кстати.

Поужинали мы в скромном сычуаньском ресторанчике. Лаобань (хозяин), увидев иностранца, начал потирать руки в предвкушении богатого заказа, на котором можно будет ещё и навар получить. Однако при виде Гриши мысль о наваре у него явно улетучилась, а после того как мы заказали всего лишь пельмени «шоучао» («скрепщённые руки») с острым красным маслянистым соусом и немного водки, его лицо и вовсе вытянулось: пельмени и лапша в Китае — блюда самые простецкие и дешёвые.

Соус был очень хорош, аж слёзы наворачивались, и я сразу же согрелся и даже вспотел, так что и водка не понадобилась. Из ресторанчика я вышел повеселевшим, озноб стал значительно меньше. Потом мы ещё немного побродили по улочке, и я решил пообщаться с уличным гадателем, довольно неопрятным субъектом средних лет в синей ватной куртке и сваливавшейся с головы шапке-ушанке. Он разложил свои гадательные параферналии (листы бумаги типа «ватман» с циклическими знаками для традиционного обозначения дат и, кажется, бамбуковый геомантический компас) прямо на асфальте; в Пекине такого не встретишь, по крайней мере мне это не удавалось. Со мной он, однако, решил прибегнуть к хиромантии. После того как я сел на корточке рядом с провидцем, а тот взял в руки мою ладонь, Гриша сфотографировал нас к вящему удовольствию гадателя (китайцы обожают фотографировать и фотографироваться). Теперь осмотр моей ладони начался. Внезапно его лицо переменялось, он нахмурился и, что-то бормоча себе под нос, стал щупать и мять бугорки и линии ладони. На лице его застыло смешанное выражение ужаса и изумления. Вдруг он с неожиданной резвостью отскочил от меня и, несмотря на протесты Гриши (я совсем остоленел), быстро свернул свои листы, засунул в карман компас и быстро пошёл, почти побежал, от нас. Гриша бросился за ним, тот на мгновение остановился, замахал на него руками, что-то прокричал невнятное, оттолкнул Гришу и бросился бежать уже в спринтерском темпе. Я поднялся с корточек, но не сдвинулся с места. Вокруг нас с Гришей уже стала собираться толпа зевак: китайцы очень падки на уличные сценки и происшествия; это называется «кань жэ-нао» («смотреть, где жарко и шумно»). Гриша, однако, не дал им насладиться моей растерянностью и достаточно умело вывел меня за пределы круга незваных зрителей: «Сумасшедший какой-то...»

«А что он там орал?»

«Убирайся, убирайся, не стой на дороге».

«А что он бормотал, когда осматривал руку?»

«Не знаю, какие-то свои гадательные слова, термины, если так можно сказать. Я не понимаю. Потом он что-то заговорил про неупокоенных духов и сбежал».

«Бред какой-то...»

«Не бери в голову, Паша».

Но не брать в голову как-то не очень удалось. Всё это было как-то неприятно. Сумасшедший-то сумасшедший, конечно. Но осадок остался неприятный, день был испорчен. Да всё это ещё и перед визитом к даосу-алхимику на священную, можно сказать, гору. Неприятно.

В свою комнату в общежитии я вернулся один. Гриша тихо, как и положено «нелегалу», проник в комнату где-то через полчаса. Мы практически молча попили чая с печеньем (Гриша ещё скормил мне какое-то китайское снадобье от простуды из своего гигантского дорожного запаса) и легли спать. Первая половина дня у нас была свободна, а после обеда мы отправлялись на гору с ночёвкой в городке Дуцзяньянь по пути.

Спал я плохо, меня знобило, одеяло грело очень даже не очень, сны были бессвязными и с оттенком бреда, хотя ничего конкретного я не запомнил. Проснулся я раньше своего китайского оруженосца и минут пятнадцать тихо пролежал в постели, облизывая сухие губы и думая о том, что вместо гор и дол хорошо было бы отлежаться в тёплой постели, попивая если уж не чай с малиновым вареньем, то хоть отвары из китайских трав. Но делать было нечего, и я начал процедуру подъёма и приведения себя в порядок.

Лик бессмертных с горы Гунь чист, словно снег и лёд,
В страсти погрязшее сердце меня к ярким цветам влечёт.
В горы уйду, затеряюсь средь скал, сгину в покое лесном.
Там на вершине святой даос кого-то давно уже ждёт.

ГЛАВА 3

В горы, в горы, или «Ода о восхождении на гору Цинчэншань»

До местечка под названием Дуцзяньянь мы доехали без приключений на микроавтобусе. Городок оказался довольно приятным местом, хотя в девять вечера он казался совсем вымершим, на улицах никого не было и только в некоторых лавках и ресторанчиках горел свет. Мы устроились в гостинице, в которой было так же холодно, как и в университетском общежитии, зато одеяла были с электрическим подогревом. Оставив вещи в комнате, мы пошли прогуляться по пустынному городу. Достаточно старые улицы, романтично смотрящийся мост через небольшую речку, деревянный и тоже достаточно старый. Гриша рассказал мне, что это место связано с легендой о древнем государе царства Шу по имени Ван-ди, который превратился в кукушку. Я вспомнил стихи древнего поэта Ли Шан-иня про восьмиструнную лютию, где упоминается дух Ван-ди, живущий в теле кукушки. Гриша посмотрел на меня с уважением. Мы некоторое время постояли на мосту и пошли обратно. Пустынные улицы создавали настроение ожидания чего-то таинственного. Так и казалось, что из-за угла появится какая-нибудь крадущаяся тень и мы окажемся втянутыми в какое-нибудь приключение в духе детективов Роберта ван Гулика о мудром судье Ди. Но никакие тени не появились, китайские убийцы гвоздями или начисто отсутствовали в мирном городке, или у них были сегодня другие планы и в их намерения не входило попадаться нам на глаза.

Делать было решительно нечего. Мы зашли в лавочку и купили маленькую бутылку сычуаньской водки с изображением древней красавицы, сбежавшей из родительского дома с поэтом Сыма Сян-жу: в Сычуани мы регулярно употребляли водку, чтобы хоть немного отогреться от царящей промозглости. Ещё мы взяли арахис и какую-то колбасу. Здешние колбасы мне понравились больше пекинских: в столице они почему-то сладковатые, хотя и копчёные.

Водку мы употребили очень быстро, попили чаю и завалились спать, когда не было ещё и одиннадцати. Ночью под электрическим одеялом мне стало даже жарко, и я убавил интенсивность обогрева. А вот утром вылезать из под одеяла на холодный воздух было очень противно, но что поделаешь... Было ещё совсем темно. В гостинице нам предложили стандартный китайский завтрак: жидкую пресную рисовую кашу, почти отвар (так и называется: «си фань», «жидкая каша»; говорят, что полезно, но крайне несытно, после неё аппетит-то и пробуждается от ночного сна, а больше на завтрак в Китае практически ничего не полагается) и пампушки маньтоу. Гриша пустился в рассуждения о том, что в старых романах маньтоу — это то, что теперь называется «бао-цзы», то есть наши манты (слово явно заимствовано из китайского), начинённые мясом.

«Правильно, — заметил я, — и само слово значит “голова варвара-маня”. Есть легенда о том, откуда они появились, хотя я думаю, что их, как и пельмени, позаимствовали у каких-нибудь кочевников». Гриша, сосредоточившийся на поглощении рисового отвара, покосился на меня, но промолчал. Я решил просветить его, и рассказал легенду:

«Полторы тысячи лет тому назад некий полководец возвращался из похода и подошёл к бурной реке, через которую солдаты никак не могли переправиться. Гадатель сообщил, что дух реки требует принести ему в жертву головы всех воинов, только тогда река перестанет бушевать. Полководец, однако, пожалел своих бойцов и велел изготовить из теста плоские круги и завернуть в них мясной фарш, так, чтобы получились шары размером с человеческую голову. Это было исполнено, шары побросали в реку, после чего она успокоилась, и войско смогло беспрепятственно переправиться на другой берег. Ну а китайская кухня обогатилась новым блюдом. Правда, маньтоу, или нынешние бао-цзы, конечно, никогда не бывают такого размера, как голова, они гораздо меньше».

Гриша разделался с кашей, я тоже, и мы покинули гостиницу. Оказалось, что мы поднялись слишком рано и микроавтобусы к горе Цинчэншань ещё не ходили. В результате мы без дела прослонялись по станции около часа, и я опять стал чувствовать озноб. Наконец в один из микроавтобусов сел водитель, и тогда мы тоже забрались внутрь, подальше от утреннего холода, но ещё три четверти часа прошло, прежде чем машина до отказа наполнилась пассажирами. Уже совсем рассвело, было почти десять утра. Наконец водитель завёл мотор, и мы отправились к горе, на вершине которой нас ждал (как мы были уверены) целитель-даос. Наше путешествие продолжалось около часа, потом впереди показалась зелёная стена деревьев (собственно, само название горы и означает «Зелёная стена») и традиционная китайская арка — пайлоу с надписью, возвещавшей о том, что мы прибыли к подножию той самой горы.

Мы вышли из автобуса, немного поразмялись на месте и пошли в сторону пайлоу. Сразу же за аркой имело место скопление народа. Первыми на нас набросились «носильщики», то есть бедолаги, которые зарабатывали на жизнь тем, что возносили на вершину горы на паланкине (точнее, на сделанных из куска ткани носилках) людей, не желавших подниматься туда на своих двоих и предпочитавших гонять туда-сюда более бедных представителей рода человеческого. От услуг носильщиков мы с трудом отказались, можно сказать, отбились. Может быть, конечно, стоило дать людям подработать, но мне как-то совесть и уважение к человеческому достоинству ближнего не позволили. Да и горы хотелось рассмотреть получше.

Мы сделали ещё несколько шагов вперёд и натолкнулись на другую толпу. Оказалось, что здесь находится изображение духа-хозяина горы (*шань шэнь*), перед которым перед началом восхождения полагалось поставить курительную свечу. Меня как иностранца пропустили вперёд, и я зажёл свечу, поклонившись полустёртому изображению божества; Гриша последовал моему примеру. На скале поблизости я увидел надпись, явно обращённую к тому же духу: «Защити нас от тигра и леопарда», и подумал, что правильно сделал, что поставил свечку. После удовлетворения религиозных потребностей мы наконец-то тронулись в путь.

Буквально метров через пятьдесят мы оказались на берегу довольно широкого живописного озера, окружённого окутанными тонкой пеленой тумана горными отрогами, казавшимися совсем синими. У берега стояла небольшая вёсельная лодка, которой управляла молодая симпатичная девушка. Она и перевезла нас на другой берег за символическую плату. На другом берегу уже начинался собственно подъём.

Потеплело. Небо стало неожиданно для Сычуани голубым, солнышко разогнало туман, сразу же стало менее зябко, и мне даже захотелось снять куртку, тем более что предстоял путь вверх, а я в таких случаях, как правило, начинал сильно потеть. Но от такого радикального шага я всё-таки воздержался. Моя простуда тоже как-то отступила на второй план, и я почувствовал себя почти бодрым. Мы устремились вперёд и вверх.

О мой бедный, жалкий язык! Где те слова, которыми я мог бы описать откровенные красоты?! Лазоревые (иначе не скажешь) скалы, покрытые пятнами мха или увитые лианами и плющом. Узкие проходы между горными кручами, ручьи, бегущие по склонам с мелодичным журчанием... Нет, всё это мне не описать, даже пробовать не буду. Пусть говорит Сунь Чо, древний поэт, ещё полторы тысячи лет тому назад описавший восхождение на другую знаменитую гору — Тяньтайшань в своей оде, точнее, прозопоэме. Но, как говорят китайцы, «и цзинь ба лян», то есть «что в лоб, что по лбу», или в данном случае — «очень похоже и, видимо, так же красиво».

«Здесь отброшу прочь ко всему земному любовь, возвышенных чувств пойму чудесную красоту, раскину волосы, словно лес, по одежде сермяжной. Здесь буду странствовать, опираясь на посох, гулко звенящий. Взойду на отвесные склоны под облака, скроюсь в зарослях непроходимой чащи, миную поток Юци, что

лётся к Пяти границам, вступаю на висячий мост, изогнутый в вышине, с него загляну в глубины пропасти мрачной, едва держась за каменные уступы. Скольжу по замшелым камням, прикасаюсь к стене, подобной экрану цвета перьев лазоревых. Спутались ветви олив, перевитые длинной лозой, пуэрарий летящие стебли переплелись. Как тот, кто спиной повернулся к ступеням, рискую в любое мгновение сорваться вниз, но с областью вечной жизни слит навсегда, с таинственно-сумрачным искренность соединив, буду стремиться вверх, обернувшись смотреть на равнины. Пройду по извилистым тропам, ведущим ввысь, и загляну на раскинувшийся простор».

Так-то вот, почти... Если же отвлечься от поэзии, то можно добавить, что поднимались мы медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание, а заодно и насладиться пейзажными красотами. Несколько раз нас перегоняли носильщики паланкинов, быстро, можно сказать, бегом поднимавшие на вершину какого-нибудь гонконгского бизнесмена. Уже перед самой вершиной мы натолкнулись на интересную кумирню, крошечный храм со статуей бодхисаттвы Гуань-инь. Таких кумирен в Китае превеликое множество, но эта была примечательна: храм-то буддийский, а служил там молодой даос. Вот вам и религиозный синкретизм...

На вершине снова сгустился туман, и вернулась зябкость, а вместе с ней озноб. Увидев небольшую гостиницу, я бы даже употребил выражение «постоялый двор», мы устремились к ней: её администратор (попросту хозяин) и был нашим «связным», ему-то как раз и предстояло провести нас к целителю-алхимику.

Внизу у импровизированной стойки никого не было. Простояв там минут десять и никого не дождавшись, я отправил Гришу поискать хозяев. Гриша исчез на втором этаже, а из ранее незамеченной каморки под лестницей появилась какая-то девушка и, увидев иностранца, страшно разволновалась и что-то быстро залопотала с ужасным диалектным акцентом, так что я ничего толком понять не мог и только повторял: «Дэн и хур, дэн и ся» («Подождите немножко»). Наконец на верхней площадке появился Гриша с каким-то мужчиной средних лет и типично крестьянской внешности, явно здешним лаобанем. Лаобань говорил на путунхуа («всеобщем языке», стандартном китайском) гораздо лучше своей (как оказалось) дочери, на которую он прикрикнул, отправив обратно в каморку. Из его последующей речи выяснилось, что она дочь — «большая бездельница», что звать её Хун-лань (Красная Орхидея) и что ей только что минуло семнадцать. Сам лаобань представился Ли Ци-сюном; мы стали называть его «лао Ли», то есть почтенным Ли. Ли продолжал свою речь. Кое-что в ней я понимал на слух (процентов тридцать), кое-что переводил Гриша.

Да, почтенный Ли получил письмо от уважаемого профессора Фу Ху-чэня из Пекина; да, он договорился со святым даосом, который исцелил его своими чудодейственными пилюлями от кровохарканья и ломоты в костях и спине. Да, конечно, почтенный даос ждёт уважаемого иностранца (*лаовай*) — «сейчас, сейчас сбегаю к нему и скажу, что вы приехали, подождите только пару минут». Потом он снова позвал Хун-лань, прикрикнув на неё, усадил нас в небольшой комнатушке, дверь в которую располагалась прямо за стойкой, и велел дочери

напоить нас чаем и принести какую-нибудь «сяо чи» (закуску), а сам вышел за дверь. Хун-лань очень скоро принесла чайник с зелёным чаем, две пиалы с драконами и пожеланиями десятилетиями долголетия и засахаренные фрукты, хорошо знакомые мне по Пекину, после чего удалилась и более не появлялась до возвращения отца; моё присутствие её явно смущало.

Мы выпили весь чайник, сами нашли титан с кипятком, заварили чай по второму разу, опустошили чайник снова и опять налили в него кипятка (китайский чай хорош тем, что его можно заваривать раз пять, причём вторая и третья заварки будут ощутимо лучше первой) прежде, чем лаобань вернулась. Выглядел он каким-то смущённым и при взгляде на нас прятал глаза. Сердце у меня заныло в ожидании какой-то неприятности. Я прямо спросил лао Ли, что всё-таки случилось. Он что-то быстро заговорил, время от времени запинаясь. Я его почти перестал понимать, ибо из-за волнения диалектный акцент в его речи явно возобладал над нормативным произношением. После того, как он закончил и перевёл дух, я посмотрел на Гришу, он перевёл:

«Лао Ли говорит, что в хижине, в которой жил доктор, никого не оказалось, похоже, что доктор ушёл уже несколько дней тому назад и, судя по тому, что он забрал все свои травы и прочие снадобья, ушёл насовсем. Но он оставил тебе письмо».

Гриша кивнул лаобаню, и тот протянул мне свёрнутую пополам страницу стандартной китайской писчей бумаги, разлинованной так, чтобы удобнее было писать иероглифы. Текст был написан кистью (никогда ещё с таким не встречался, все это давно пишут не тушью, а шариковыми ручками), почерк был каллиграфически изящен. К тому же даос явно тщательно выписывал знаки, чтобы иностранцу было легче прочитать. Текст был помечен по-старинному циклическими знаками, и мне позднее пришлось залезть в словарь и традиционный «крестьянский» календарь, чтобы перевести их в дату привычного григорианского календаря. Письмо оказалось написанным в день нашего отъезда из Пекина, то есть 26 января. Письмо гласило:

«Высококочтимый преждерождённый профессор Цза Мяо-дин!

К превеликому сожалению, дела людские и Небо требуют, чтобы этот недостойный даос оставил Шу (то есть провинцию Сычуань. — П.З.) и отбыл на гору Лушань, что близ города Цзюцзян земель Чу и Юэ. Ничтожный лекарь будет ждать Вашу драгоценную личность и Вашего нефритового спутника между девятнадцатым и двадцать пятым днями двенадцатого месяца сего года на горе Лушань близ руин монастыря великого учителя Хуэй-юаня от полудня до девятой стражи. С пожеланиями благоденствия и успеха в десяти тысячах дел, недостойный даос Чу-сюань собственноручно почтительно начертал».

Я хмыкнул. Кое-что мне было ясно, кое-что требовало уточнения.

«Гриша, а где располагается город Цзюцзян?»

«На Янцзы, провинция Цзянси, недалеко от Уханя».

«Понятно. Значит гора Лушань там недалеко?»

«Совсем близко, между Цзюцзяном и огромным озером Поянху, там в 1959 году проходил лушаньский пленум ЦК КПК, все китайцы знают».

«Гм... Про пленум я как раз забыл, но помню гору в связи с совершенно другими событиями. Там ведь философ Чжу Си восемьсот лет тому назад создал академию Грота Белого оленя?»

«Да, там. И там же полторы тысячи лет назад буддийский монах Хуэй-юань основал монастырь, где бывали великие поэты Се Лин-юнь и Тао Цянь».

«Вот-вот! Именно о руинах этого монастыря и идёт речь в письме доктора. Скажи Гриша, ты провидец?»

«Чего-чего?»

«Будущее предвидеть можешь?»

«Шутишь?»

«Ну, ты же сам звонил приятелю в Чунцин, чтобы тот взял нам билеты на пароход по Янцзы до Нанкина на третье февраля?»

«Да, ну и что?»

«Как это, ну и что? Ведь именно такой билет нам и нужен, только не до Нанкина, а до Цзюцзяна. Когда у нас китайский Новый год (праздник весны — *чунь цзе*)?»

«Пятнадцатого февраля».

«Ну, а даос будет ждать нас между третьим и девятым февраля, ты сам посчитай».

«Ну да, правильно».

«Если мы отправимся из Чунцина третьего, когда мы доберемся до Цзюцзяна?»

Гриша задумался, что-то подсчитывая в уме: «Думаю, что в ночь с пятого на шестое».

«Вот, вот... И я о том же. Значит, ты провидец!»

Гриша вежливо промолчал, но было видно, что он польщён, почувствовав себя приобщённым к мистическим тайнам даосизма.

«Ладно, всё ясно. Тогда сегодня предлагаю продолжить осмотр горы, переночевать здесь, завтра вернуться в Чэнду и во второй половине дня отбыть в Лэшань. У нас ещё есть время, а я хочу посмотреть тамошнего гигантского Будду, а может быть, и съездить на гору Эмэйшань. Разве можно упустить такую возможность?»

Гриша согласился, что нельзя.

«Если из Лэшани мы отбудем третьего февраля, то из Чунцина можно будет отплыть четвёртого. Мы всё равно в таком случае приедем в Цзюцзян рано утром седьмого и всё успеем. Так что звони приятелю (завтра из Чэнду, конечно) и проси его взять билет не на третье, а на четвёртое и не до Нанкина, а до Цзюцзяна».

«Договорились».

Лаобань в течение всего нашего разговора продолжал стоять у стола, словно статуя. Наконец Гриша обратился к нему, и статуя сразу же ожила. Лао Ли закивал и «зашикал» («ши» или «шидэ» по-китайски означает «да» или «хорошо, согласен»). Впрочем, сычуаньцы не различают звуки «ш» и «с», и поэтому хозяин произносил скорее «сы», чем «ши». Потом он что-то сказал такое, отчего глаза Гриши округлились, насколько это возможно для глаз китайца, и они с лаобанем бешено зашпорили, ожесточённо жестикулируя. Я не понимал ни слова. Наконец

лаобань развёл руки, Гриша вздохнул и сказал: «Син!» («Идёт!»), после чего и поведал мне содержание спора. Оказывается, они с лао Ли торговались, ибо тот несмотря на всё своё почтение перед даосом и профессором Фу из Пекина попытался заломить с иностранца за ночёвку в своей хибаре неслыханную сумму в сто юаней (около двадцати долларов) — цена за сутки в приличной гостинице в Пекине. После пятиминутного спора сумма упала до десяти юаней с человека, то есть в пять раз (дело в Китае совершенно обычное).

Лаобань проводил нас на второй этаж и показал комнату (жить можно, но, конечно, никакого отопления и никаких одеял с электроподогревом — ладно, переживём как-нибудь). Мы прилегли на полчаса передохнуть после нашего восхождения, а там уж подошло время обедать, о чём нас и известила Хун-лань, постучав в дверь и произнеся нараспев слово «чифань» (дескать, кушать подано). Мы спустились вниз, и она провела нас в комнату, где мы только что пили чай. К нам снова присоединился лаобань.

Обед был хорош и недорог (лаобань уже не решился заламывать баснословные цены): сычуаньское очень острое (как и всё в этой провинции) доуфу (блюдо из соевого сыра), «гоба жоу пянь» (тушёное мясо с пластинками поджаренного риса и разными овощами), моё любимое «мясо со вкусом рыбы» (на самом деле, никакого рыбного привкуса, просто очень вкусно) и две бутылки очень приличного пива. За обедом хозяин одолевал меня расспросами о жизни в «Сулянь» (Советском Союзе), явно крайне слабо представляя себе наши реалии и кроме «Гэрбацяофу» (Горбачёв) явно ничего о нас не зная. Гриша удачно дополнял мои ответы, просветив хозяина насчет «синь сывэй» (нового мышления) и «цзысинь гайгэ» (перестройки). Лао Ли кивал, а челюсть у него отвисивалась всё ниже (признак удивления в мимике лица китайца). Потом мы расплатились и покинули на время гостеприимный дом, получив подробные инструкции, куда надо идти и что смотреть.

Мы направились в грот Небесного наставника. Это пещера, теперь переделанная в небольшой даосский храм с алтарём и священнослужителем при нём. Согласно преданию, почти два тысячелетия тому назад в этом гроте занимался созерцанием Чжан Дао-лин, который позднее переселился на гору Хэминшань (тут же в Сычуани), где и имел видение явления божественного Лао-цзы, провозгласившего Чжана и его потомков на десять тысяч поколений вперёд Небесными наставниками — «даосскими папами», как их называли в старой китаеведной литературе. Я совершил подношение: положил на алтарь яблоко из Гришиных запасов. Монах ударил в гонг, и мы склонились в поклоне. Когда мы выходили из пещеры, монах что-то сказал нам в спину, что — я не понял. Гриша пояснил: «Говорит, что надо верить в Небесного наставника Чжана, он защитит нас от бесовских наваждений».

Тогда я не обратил никакого внимания на эти слова: все и так знают, что китайцы почитают Чжан Дао-лина как экзорциста, изгоняющего нечистую силу и всякую прочую гадость типа змей и скорпионов.

Для того чтобы попасть в грот Небесного наставника, мы немножко спустились с вершины, теперь мы продолжили спуск и вскоре оказались у внушительной арки

пайлоу, ведущей в даосский монастырь Шан-цин-гун (Дворец высшей чистоты). Гриша обратил моё внимание на каллиграфическую надпись с названием святыни: оказывается, она принадлежала кисти Чан Кай-ши и относилась ко временам антияпонской войны, когда центральное гоминьдановское правительство Китая базировалось в сычуаньском городе Чунцине, поскольку большая часть страны была оккупирована захватчиками. Мы побродили по монастырю (теперь стоит мне только увидеть фотографию китайского храма, как я сразу же чувствую благовонный аромат курительных свечей), а потом отправились в монастырскую столовую отведать здешних вегетарианских блюд. Дело в том, что китайские кулинары обладают удивительным умением готовить вегетарианские блюда (овощи, травы, соя, приправы и ничего больше) так, что они приобретают вкус самых изысканных мясных блюд. В Пекине такая кухня стоит очень дорого, а здесь цены были копеечными. Столовая была проста и безыскусна, в духе самого даосизма, призывающего к естественности и гармонии с природой, — просто длинный деревянный стол под навесом. Кроме нас там почти никого не было — ещё два-три паломника да пришлый даосский монах. Еда оказалась действительно отменной, не подумаешь, что трава. К тому же всё острое, пряное... Одно удовольствие.

Побродив ещё немного по горам и долам, мы направились к нашему постоялому двору. Всё затянул туман, промозглая сырость проникала под куртку, меня снова стало знобить (видимо, температура опять поднялась, несмотря на Гришины пилюли из арсенала китайской медицины). На душе стало тоскливо и грустно, я с ностальгией вспомнил шумный Шао-юань с его загульным весельем и погрузился в молчание. В гостинице нас никто не встретил, мы поднялись в свою комнату и стали готовиться ко сну, ибо делать было решительно нечего, даже телевизор отсутствовал. Я решил не раздеваться: уж очень было холодно, а Гриша немного почитал перед сном «Анну Каренину» (он всё время читал что-нибудь по-русски, иногда и слушал на плеере какую-нибудь классику вроде «Щелкунчика»), но поскольку я не откликался на его вопросы относительно непонятных реалий российской жизни прошлого века, вскоре выключил свет и засопел, погружаясь в сон.

Иней на ветках, мгла и туман,
 Морок осенний, мрак и обман.
 Тигры ревут в обнажённых горах,
 С духами шепчется старый шаман.

ГЛАВА 4

Духи, призраки и императрица

Не знаю, долго ли я спал, скорее всего, не очень. Я проснулся внезапно, как будто бы от стука в дверь или звонка телефона (хотя откуда тут телефон?). Некоторое время я продолжал лежать в постели с бьющимся сердцем, потом немного успокоился, поскольку ничего не происходило, и снова постарался уснуть, однако сон не шёл. Захотелось курить. Хотя Гриша смолил вовсю, как и большинство китайцев, курить в комнате, когда он спит, было как-то нехорошо. Поэтому в полном

мраке я тихо надел куртку, спустился по лестнице и вышел на улицу (хорошо, что на лестнице горела тусклая лампочка, освещавшая и сени). Снаружи царствовали тьма и мглистый туман. Небо было покрыто густыми тучами, только бледное желтоватое пятно полной луны слабо светилось в вышине. Время от времени налетали порывы ветра. Деревья внизу неприятно шумели и как бы постанывали. Я присел на скамейку слева от двери в гостиницу и закурил.

Ветер снова зашумел в кронах деревьев, его шум перешёл в какой-то свист, в свою очередь сменившийся стоном и какими-то причудливыми завываниями (видимо, ветер гулял в выбоинах и небольших пещерках на горном склоне). Снова свист и стон, а потом откуда-то издалека донёсся вой. Похоже, это был уже не ветер, а какие-то животные. Какие? Обезьяны? Или кто-то похуже обезьян. Тигров и леопардов, о которых предупреждала надпись внизу, теперь на горе явно не водилось. Но волки? Не знаю, живут ли волки в горах. Скорее, всё-таки обезьяны какие-нибудь. Вроде южноамериканских ревунов.

Вой повторился и затих. Снова тишина, потом свист ветра и серия стонов. Я давно уже докурил сигарету и взялся за другую. Ночь пробирала меня холодом и ознобом, но и завораживала. Я вслушивался в её звуки, в эту странную смесь свиста, стопа, завываний и шума деревьев. На ум пришло высказывание философа Чжу Си: «Те самые нави и духи, что стонут и свистят по ночам на крышах домов и ударяются нам в грудь, есть злые создания тьмы».

Но откуда здесь, на священной даосской горе неуспокоенные духи и демоны? На ум пришла фраза из сочинения знаменитого алхимика Гэ Хуна:

«Для того чтобы готовить снадобья и избавиться от суеты благодаря отшельнической жизни, нет ничего лучшего, чем уход в горы. Но если не знать правил вхождения в горы, можно столкнуться со многими бедствиями и напастьями. Поэтому поговорка гласит: “Под горой Тайхуашань волки объедают белые человеческие кости”. Ведь обладающий односторонним знанием не может все-сторонне подготовиться. Хотя его воля направлена на поиски продления жизни, он вынужден идти прямо навстречу смерти».

В горах, независимо от того, каких они размеров, большие или маленькие, имеются божества и духи; если горы большие, то и божества в них большие, а если маленькие, то и божества в них маленькие. Поэтому, если подняться в горы, не зная магического искусства, то непременно окажешься в беде. На такого человека могут обрушиться хвори и недуги, его может объять беспричинный ужас и надолго лишить его покоя, он может увидеть странные светящиеся явления и тени, он может услышать удивительные звуки или вдруг при полном безветрии согнётся и сломается большое дерево, или без всякой причины валун сорвётся со скалы и упадёт вниз, или во время прогулки такой человек заблудится и, обезумев, напрасно будет искать дорогу обратно, или сорвётся и упадёт в пропасть, или столкнётся с тиграми, волками, ядовитыми гадами или разбойниками. Поэтому нельзя легкомысленно относиться к уходу в горы».

Но ведь это древний даос говорил об обычных, а не о «славных горах», источающих чудесную энергию и как бы предназначенных самой природой для даосского подвижничества. А гора Цинчэншань как раз и есть такая славная гора.

Между тем вокруг меня продолжала разворачиваться жутковатая феерия звуков: что-то или кто-то то коротко и пронзительно визжал, то протяжно стонал; странный заунывный вой медленно отступал вдаль и там умирал, чтобы вновь раздаться ближе, а потом снова отступить и замереть в горных отрогах. Вдруг прямо у меня над ухом раздался шёпот, как мне показалось, кто-то довольно отчётливо позвал меня по имени. Я вскочил как ужаленный, но естественно никого не увидел. «Воображение разыгралось, — подумал я, и отправился в дом. — Спать надо, а не сидеть простуженному на холодном ветру».

В комнате всё было тихо и спокойно, только слегка слышался шум ветра. Гриша мирно похрапывал в глубоком сне, всё настраивало на сон. Однако сон не шёл. Я довольно долго ворочался в постели, вспоминая ночные звуки и, наконец, всё-таки заснул. Проснулся я снова внезапно и как-то сразу. Мир по-прежнему был погружён во тьму. Я зажёл зажигалку и поднёс её к запыстью: на часах было 3:37. Снова попытался уснуть, но на этот раз мне помешали звуки. Но не воя или свиста. Гораздо удивительнее: звуки голосов в соседней комнате. Я лежал в постели, гадая, кто же там может разговаривать, особенно в это время суток, причём голосов явно было несколько, а я был уверен, что на постоялом дворе кроме нас и хозяев никого нет. Прямо под окном раздался резкий неприятный звук. Это уж явно какая-то ночная птица. Голоса приумолкли, но вскоре зазвучали ещё громче, в основном женские, как я теперь заметил. Что за странности. И это в четыре часа пополудни, в глухую январскую ночь. Никогда не слышал, чтобы китайцы были склонны к таким посиделкам. Да и кому сидеть-то там?

В конце концов, я решил выйти в коридор. Тишина. Тускло горит лампочка на лестничной площадке. Коридор погружён в полумрак. Лампочка слегка раскачивается, отчего тени вокруг колеблются, как бы лениво пританцовывая в холодном влажном воздухе. Из-за соседней двери снова донеслись голоса. Несмотря на с детства воспитываемую во мне деликатность, я не удержался и приложил ухо к большой замочной скважине. Голоса на мгновение замолкли, но сразу же снова возобновились. На этот раз, правда, их гул был перекрыт одним голосом, тоже женским, но властным и высокомерным, явно не принадлежащим здешней крестьянке. Моё любопытство перешло все границы. Если, выходя в коридор, я собирался прежде всего прикрикнуть на болтуний и попросить их беседовать потише, то теперь мне неудержимо захотелось, не выдавая своего присутствия, посмотреть, что же происходит за соседней дверью и кто там всё-таки шумит и разговаривает (и о чём, наконец).

Я дёрнул за ручку двери, дверь и не подумала открыться. Я дёрнул снова. Эффект тот же. Голоса между тем продолжали звучать как ни в чём не бывало; люди в комнате явно не обращали никакого внимания на мои потуги. При этом, хотя звуки разговора я слышал вполне отчётливо, смысл слов я не мог понять, хотя говорили вроде бы по-китайски, причём на правильном «всеобщем языке». Я забарабанил в дверь, уже не обращая внимания на то, что могу разбудить хозяев или Гришу. В комнате на это не прореагировали и продолжали говорить о чём-то своём, наверное, о самом главном. Я просто потерял голову от раздражения, если не сказать, от злости. На этот раз я не стал дергать за ручку, а в совершенно ир-

рациональном порыве (ибо двери здесь открывались наружу) толкнул дверь изо всех сил да ещё навалился на неё при этом своим достаточно солидным весом. Дверь внезапно поддалась, и я даже не влетел, а рухнул в комнату, растянувшись на полу. На мгновение у меня в голове потемнело, а потом я осознал, что лежу на полу, причём не на бетонном, как в нашей комнате, а на каменном, чуть ли не мраморном. Вокруг меня продолжали о чём-то говорить, как будто бы я не врывался сюда. Казалось, меня просто не замечали. Пока мне было не до разговоров. Я встал на четвереньки, потом с трудом встал на ноги и обомлел, нет, остолбенел... не знаю, слов просто нет, просто шок какой-то. Я протёр глаза, но обстановка вокруг меня не изменилась. На сон было вроде бы не похоже, впрочем, кто-то из британских философов не так уж давно щипал себя за руку прямо на лекции перед студентами, уверяя их, что у него нет никаких логических доказательств того, что он не спит и не видит их во сне. Так что, может быть, я и спал, но уж очень сон был специфический.

Короче говоря, я оказался отнюдь не в убогой комнатухе нашей гостиницы. Помещение больше всего напоминало один из дворцовых покоев в И-хэ-юане — Летнем императорском дворце под Пекином. Зал был не то чтобы очень большим, но, тем не менее, в несколько раз больше нашей комнатухи. В зале было полутемно: никакого электричества, только несколько традиционных китайских фонарей под потолком (в них явно горели свечи) и раскалённые докрасна уголья в жаровне недалеко от меня. Единственное окно в помещении было занавешено ковром, сбоку от которого стояло ложе под навесом (скорее всего, традиционная лежанка — кан, протапливаемая изнутри трубой с горячим дымом). На ложе сидела пожилая дама с неприятным морщинистым лицом, её веки время от времени подёргивались от нервного тика. Дама была облачена в старинный маньчжурский халат (такие носили при дворе в царствование последней династии), высокий головной убор и сапожки на невероятно высокой платформе, отчётливо видневшиеся из-под халата. Но больше всего меня потрясли ногти этой особы, такие я видел только на старинных фотографиях знатных дам цинского двора: невероятно длинные скручивающиеся когти, заключённые в серебряные футлярчики; дама была увешана украшениями (серьги, бусы, драгоценные чётки и тому подобное), как языческий идол, и сидела на кане в полной неподвижности с брюзгливо высокомерным выражением на лице.

Сбоку от кана, слева и справа, стояли молодые девушки, по четыре с каждой стороны. Они были одеты в одинаковые светлые маньчжурские халаты «ципао», у них были высокие причёски, увенчанные вычурными головными уборами, а лица казались просто нарисованными из-за обилия косметики. Перед самым ложем на коленях стоял мужчина (потом по его высокому и даже писклявому голосу я понял, что это евнух) и что-то говорил величественной старухе, время от времени кланяясь так, что его лоб касался пола. Из-под шапки на спину свисала длинная, толстая, чёрная как смоль коса. На меня ни он, ни старуха, ни молодые дамы не обращали никакого внимания, они явно не видели меня и даже не чувствовали моего присутствия, продолжая разговаривать, причём на этот раз я отчётливо понимал каждое слово, но понимал их не благодаря слуховому воспри-

ятию, а как бы изнутри головы, телепатически, что ли. Мне казалось, что голоса присутствующих раздаются прямо в моём черепе, причём прямо по-русски, так, что и напрягаться не надо было, чтобы понимать смысл, хотя говорили, конечно, отнюдь не на языке Пушкина, Толстого и Достоевского. Теперь, несколько придя в себя, я уже мог обратить внимание на содержание того, о чём здесь так громко разговаривали. И вот, что я услышал.

Старая дама произнесла усталым высокомерным тоном: «Ладно, довольно об этом. Лучше скажи, Дэ-лин, зачем ты стала выносить пыль из избы, позорить Старую Будду?»

Одна из молодых дам преклонила колени: «Раба не понимает смысла драгоценных слов Высокопочтимого Предка».

«Ах, не понимаешь негодная! Мемуары так называемые зачем написала? Ведь мало того, что наши тайны выставила перед всем светом, перед иностранцами опять же, так ведь ещё и приврала сколько! Княгиня Дерлинг ты этакая, глаза твои бесстыжие, фрейлина, называется!»

Девушка коснулась лбом пола: «Раба Старой Будды достойна смерти!»

«Да уж какой там смерти, хе-хе-хе! Мёртвые не могут умереть. Если б могли, то я давно бы уже нашла себе занятие поинтереснее, чем почти сто лет с вами тут про одно и то же разговаривать. Так что не придуривайся и не паясничай. Ладно, вставай, что теперь с тобой сделаешь?»

Фрейлина Дэ-лин ещё раз низко поклонилась, поднялась на ноги и пятясь вернулась на своё место, где и застыла, словно восковая статуя в интерьерах Летнего дворца.

Императрица Цы-си, Милосердная и Радостная (а теперь я не сомневался, что передо мной была именно она), продолжила: «Помнит ли кто-нибудь из вас, как мы с Господином Десяти Тысяч Лет вернулись из Западной столицы после боксёрского мятежа? Наверняка помнит... Дурой я была, дурой, что наслушалась болтовни этого старого болвана, черепашого сына, Во-жэня... Надо было дружить с иностранцами, дружить... А Во-жэнь рассказывал всякие сказки. То говорил, что у иностранцев ноги не гнутся в коленях; как их с ног сшибёшь, так больше они уже без посторонней помощи не поднимутся, то про заклинания, которыми можно всех длинноносых уничтожить. Ну я наслушалась всего этого и объявила войну сразу восьми державам... А потом пришлось бежать в Западную столицу... Да... Надо было нравиться иностранцам... А с чего всё началось? Иностранцы ума не чаяли в покойном государе Дэ-цзуне, вскружил он им голову своими реформами. А я ведь его арестовала и отправила на остров Интай не потому, что он реформы затеял, а потому, что эти реформы в его исполнении готовы были разрушить всё, что я с таким трудом создавала... (тут она вздохнула и задумалась на мгновение). Новые люди, новые порядки. Для его новых друзей я была никем, это я-то — Предок, Старая Будда! Я могла бы осуществить эти реформы, если бы поняла, что надо нравиться иностранцам, но именно я сама, со своими людьми, а не он!!!

Помните, с чего я начинала? Не помните? Даже ты, Ли Лянь-ин, не помнишь (это она сказала внучку). Маленький Ань, и тот появился позднее... Да... Я была молодой девчонкой, когда попала во дворец. Помнишь, Ли Лянь-ин, все эти раз-

говоры, что я якобы перерождение белой лисицы, которую на охоте застрелил принц, будущий Господин Десяти Тысяч Лет и мой супруг государь Вэнь-цзун? Что я, дескать, переродилась и стала императорской наложницей, чтобы отомстить... Чушь какая! Если бы я была седой лисицей, то сейчас я не с вами пережёвывала бы все эти воспоминания в сотый раз, а была бы бессмертной феей где-нибудь на острове Пэнлай или на горе Куньлунь...

Итак, я была глупой девчонкой, когда покинула семью и оказалась во дворце драгоценной наложницей императора Вэнь-цзуна. А как много у него было таких, как я... Он мог меня и не заметить. Но я нашла в себе силы. Я узнала придворные тайны, изучила входы и выходы, привлекла к себе Господина Десяти Тысяч Лет, родила ему сына. Но он никогда не доверял мне и оставил после своей кончины Су-шуня надзирать за мной. Су-шунь погубил бы меня, но... сам потерял голову на плахе. Десятилетия создания моего мира, моего двора, моей власти, моего удобства... И вот этот мальчишка (я имею в виду императора Дэ-цзуна) затевает свои реформы, окружает себя чужими людьми, хочет покуситься на моих людей... Но я опять успеваю первой... Этот негодяй Юань Ши-кай, который потом чуть не воссел на Драконов престол, помог мне... С негодяем против Господина Десяти Тысяч Лет... Такая уж я, Старая Будда. А потом боксёры, война, западные варвары в Северной столице, бегство в Западную столицу, возвращение. Снова отлаживаю жизнь, восстанавливаю свою систему, мне снова комфортно и удобно. Далай-лама приезжает к нам в Запретный город. Я всегда почитала Будду, всегда покровительствовала тибетским учителям. И это счастье кончилось моим поражением, тяжким поражением. Я заболела и умерла... Хорошо хоть Вэнь-цзун умер чуть раньше меня. Я возвела на престол маленького Пу-и. Увы, было поздно, всё было поздно... И теперь я с вами вечно обсуждаю одно и то же, одно и то же...»

Цы-си закончила свой монолог и откинулась на подушки, разложенные на кане у неё за спиной. Евнух продолжал стоять перед ней на коленях, а фрейлины вдруг заговорили в один голос, да так, что моя голова буквально раскалывалась на части от их голосов, то гневных, то смиренных, то возбуждённых, то негодующих. Евнух рыдал навзрыд, распостёршись ниц перед своей госпожой. Мои виски бешено пульсировали, перед глазами потемнело, пол стал уходить из-под ног. И тут уже закричал я: «Небесный наставник Чжан, Небесный наставник Чжан!» Меня встряхнуло и закружило в воздухе, потом швырнуло в сторону. Стало совсем тихо, я открыл глаза.

Оказалось, что я лежу в своей постели, за окном молочной пеленой расстилается туман, Гриша похрапывает в своей постели. Вдруг прямо перед моими глазами появился огромный иероглиф «шоу» («долголетие»), как бы каллиграфически написанный прямо в воздухе чёрной тушью. Через несколько секунд очертания иероглифа начали меняться, и вскоре он превратился в скелет, вперившийся в меня пустыми глазницами голого черепа. Я весь застыл, будто окаменел. Череп оторвался от шеи скелета и медленно поплыл по воздуху ко мне, скалясь и клаяца зубами. Вот он уже у самого моего лица, глазницы — напротив моих глаз. Я чувствую, что мой язык внезапно сбросил немоту и оцепенение и я снова обрёл дар речи. Череп угрожающе защёлкал зубами.

«Чжан Дао-лин!», — завопил я и окончательно проснулся. В комнате было светло, за окном всё действительно было окутано туманом. Гриша сидел на стуле у маленького столика в середине комнаты и с беспокойством смотрел на меня. Я улыбнулся ему: «Теперь всё в порядке. Просто кошмар приснился».

«Как ты себя чувствуешь?»

Я сосредоточился на своём самочувствии: «Ты знаешь, неплохо, слабость есть, но жара и простуды больше нет».

Гриша кивнул: «Кажется, это называется “кризис”. Болезнь дошла до высшей точки, и началось выздоровление. Ты перенёс кризис во сне, отсюда и кошмары».

Я кивнул. Это было похоже на правду.

Зимней ночью сны реальны, а реальность — сон,

Дни бегут неторопливо, бледен небосклон.

Но короче тени стали, близко дни весны,

И порою ясно слышен вод замёрзших стон.

ГЛАВА 5

На горе Эмэйшань холод и лёд, а в Чунцине нас угощают ужинном при свечах

Я решил не рассказывать Грише о своих видениях (ещё решит, что я в уме повредился), к тому же они понемногу таяли в моём сознании, превращаясь в туманные воспоминания об ушедшем сне. Чувствовал я себя неплохо, болезнь явно отступила. Было уже восемь утра, для Китая достаточно позднее время, и мы отправились завтракать. В коридоре я взглянул на соседнюю дверь. Дверь как дверь. Гриша начал спускаться по лестнице, а я под предлогом того, что забыл взять фотоаппарат, остался в коридоре и дернул за ручку двери в ту комнату. Дверь сразу же открылась, как ей и полагалось, наружу, и передо мной предстала самая обычная комната, точь-в-точь такая же, как наша. Я вздохнул с облегчением, почувствовав себя полностью избавившимся от гнёта ночных наваждений, вернулся в нашу комнату, взял фотоаппарат и заспешил вниз, где меня ждали вечные рисовая каша и пампушки. После завтрака мы сфотографировались с хозяевами и отправились восвояси собираться к отъезду.

Обратно мы спускались другой дорогой, и я опять смог насладиться скалами, оплетёнными лианами, и горными потоками. День был почти тёплым, через облака даже пробивалось солнышко. Микроавтобус без каких-либо происшествий доставил нас в Чэнду. На городском автобусе мы добрались до университета, быстро собрали вещи, попрощались с Робом и его женой и отправились на автостанцию, где моё внимание привлёк огромный транспарант с лозунгом: «Служить народу!», начертанным почерком покойного председателя Мао. Гриша пожал плечами (дескать, чего уставился, везде такое висит) и убежал покупать билеты. Через четверть часа он прибежал, совершенно запыхавшись, и потащил меня за руку: как оказалось, рейсовый микроавтобус в Лэшань отправляется через три минуты. Мы добежали до него вовремя и уселись на задние места за минуту до того, как машина тронулась в путь.

В дороге ничего примечательного не произошло, если не считать того, что мы проехали через местечко Мэйшань, родину «трёх Су» — корифеев изящной литературы XI века — Су Сюня и его сыновей Су Чэ и великого Су Ши. Впрочем, ныне ничего интересного в этом городке не обнаружилось. Часа через три мы прибыли в Лэшань. Первое, что я увидел на автостанции, были лица пожилых китайцев, ожидающих приезжих, дабы отвести их в гостиницу, где они были «на проценте». При виде иностранца глаза у них загорелись алчным блеском, который, однако, померк, едва они увидели сопровождающего меня Гришу и осознали, что обобрать меня как липку не удастся.

В Лэшани нас ожидала небольшая неприятность: в городе была только одна гостиница, принимавшая иностранцев, и притом весьма дорогая. Гриша предложил тогда такой ход: мы селимся в обычной китайской гостинице, причём двухместный номер снимает Гриша как бы для себя одного. Большинство гостиниц располагалось на набережной, как раз напротив Большого Будды — гигантской статуи, высеченной прямо в гористом склоне острова посередине реки. Река была затянута туманом, но остров было видно всё-таки достаточно хорошо. Гриша обратил моё внимание на то, что и сам остров имеет очертания лежащего Будды (неизвестно, правда, был ли он таким от природы или же тут тоже потрудились человеческие руки). Гостиниц на набережной оказалось несколько. В первой нас вначале пустили в номер, но потом всё же побоялись связываться с иностранцем и выставили за порог. Но уже во второй всё сработало, и Гриша зарегистрировал на себя двухместный номер, в котором мы благополучно и поселились. Номер был вполне приличным, с ванной и стареньким громко гудевшим кондиционером (по крайней мере, можно погреться). Мы провели в гостинице три дня, и никто больше не обращал на меня внимания: раз иностранец здесь живёт, значит, так и полагается.

Вечером мы немного погуляли по городку, а после ужина вернулись в гостиницу, где Гриша пристал ко мне с вопросом об отличии православия от католицизма. Я постарался объяснить это ему, переходя с русского на китайский и обратно, но Гриша, кажется, не осознал важности ни вопроса об исхождении Святого Духа, ни догмата о непогрешимости папы, ни вопроса об опресноках. На его лице явно было написано: и стоило конфликтовать из-за таких пустяков, когда у нас один человек может сразу быть и конфуцианцем, и буддистом, и даосом. Наконец он устал от догматических дистинкций и заснул; вскоре заснул и я, спокойно проспав без всяких примечательных сновидений до утра.

Позавтракав, мы отправились на причал речного трамвайчика, возившего туристов на остров к Большому Будде. Пароходик вначале обвёз нас вокруг статуи, так что мы могли насладиться её видом с реки (увы, она была в лесах — ремонт!). Но зрелище всё же заслуживало внимания: исполинский Будда, высеченный в речном берегу трудами местных монахов в благодарность за избавление одного из их братии от разбушевавшейся водной стихии, был величествен в своём покое, несмотря на леса. Будда сидел в «европейской» позе (а не в позе лотоса со скрещенными ногами) с рукой, поднятой в благословляющем жесте.

Потом нас высадили на острове, и мы пошли осматривать статую и многочисленные буддийские монастыри, окружающие её.

Всё было окутано легким туманом, к которому за время пребывания в Сычуани я уже стал привыкать. В монастырских двориках в цвету китайская слива — мэй-хуа. Тихо, спокойно, туристов, хвала Небу и Земле, немного. С нами заговаривает некая дама китайской внешности, но с каким-то нездешним оттенком. Оказалось, что она из Гонконга, а замужем за японцем. Узнав, что я занимаюсь религиями Китая, начинает рассказывать, что сама верит и в Будду, и в Дао, а потом, совсем расчувствовавшись, покупает мне порцию вкусных речных крабов. Подходим к самому Большому Будде, и я фотографируюсь, с удобством разместившись на ногте большого пальца ноги Благословенного. Одна незадача: статуя, как уже говорилось, была скрыта лесами из бамбуковых балок. От стоп Будды мы снова начали подъём и продолжили осмотр монастыря. Моё внимание привлекла мантра «Ом мани падме хум», вырезанная в мягком жёлто-коричневом камне берегового склона. Она была написана по-тибетски (что значит западный Китай, Тибет-то совсем рядом!).

Завершаем осмотр достопримечательностей паломничеством к изящной белой пагоде, хорошо заметной и с нашего берега. Обратное возвращаемся по мосту, идём обедать, а заодно и ужинать в тот же ресторанчик, что и вчера. Там нас обслуживают очень симпатичные девушки, постоянно улыбающиеся и мило щебечущие. Гриша, правда, их огорчает: он тщательно проверяет счета и при наличии расхождения итоговой цифры с суммой стоимости блюд хоть на копейку (то есть на фэнь) вступает с девушками в длительные выяснения отношений, уже второй раз заканчивавшиеся их извинениями, виноватыми улыбками и торжеством Гриши (а заодно и моего кошелька). На этот раз нам приносят недожаренную рыбу. Гриша заявляет протест, и рыбу уносят дожариваться. Надо сказать, что китайскую рыбу я не люблю: выглядит красиво (её всегда подают целиком, а не по кусочкам), а вкус не очень, сладковатый какой-то, да и палочками есть неудобно, больше намучаешься, чем съешь. Зато в ресторанчике оказались удивительно вкусные супы с доуфу, кусочками соевого сыра (я и не думал, что доуфу можно фаршировать кусочками ветчины, грибами и чем угодно ещё — отменно вкусно!).

Девушки-официантки почему-то вообразили, что я англичанин. Сделав такой вывод, они стали время от времени по очереди подходить и спрашивать меня, как то-то и то-то называется по-английски. Я отвечал, продолжая оживленно болтать с Гришей по-русски. А им и в голову не приходило, что мы говорим вовсе не на языке Байрона и Диккенса (впрочем, эти имена им явно тоже ничего бы не сказали). Несмотря на всё это (а может быть, и благодаря этому) девушки были очень милы, и именно это в конечном итоге и заставило нас отдать предпочтение именно этому ресторанчику, а не какому-то другому — в Лэшани, как и повсюду в Китае, ресторанчиков было видимо-невидимо.

Вечером Гриша из гостиницы позвонил другу в Чунцин и радостно сообщил мне, что билеты на паром есть. Послезавтра надо отправляться в Чунцин, а ехать туда автобусом часов шесть, если не больше.

На следующий день с утра пораньше (было ещё темно) мы отправились на священную для китайских буддистов гору Эмэйшань, резиденцию бодхисаттвы Самантабхадры, восседающего на белом слоне с тремя парами бивней. Была знаменита эта гора и своими оптическими эффектами, точнее, эффектом: так называемым «светом Будды», представлявшим собой радужный световой круг наподобие нимба; его неоднократно наблюдали на вершине горы. Ещё туда издавна поднимались для созерцания изумительных восходов солнца. И, конечно же, на Эмэйшань располагается множество храмов и монастырей.

До подножия горы мы доехали без происшествий. Выйдя из микроавтобуса, мы осмотрели нижний буддийский монастырь и стали обдумывать дальнейший путь: паломники обычно поднимались на гору пешком, в особых соломенных, а точнее, травяных, лаптях, останавливаясь на ночь в придорожных монастырях. Эмэйшань куда выше уже осмотренной нами Цинчэншань, кажется, больше трёх тысяч метров высотой, на такую за день не поднимешься и, тем более, не обойдёшь всех святилищ, тут дня три надо. А их-то у нас и не было. Посетовав на судьбу, мы сели в местный микроавтобус, который быстро помчал нас вверх по хорошо асфальтированной дороге мимо притаившихся в зелени храмов и пагод. Стало холодно. Туман сгустился и инеем осел на деревьях, вскоре мы уже ехали среди снега и льда. Мне пришлось вспомнить, что сейчас февраль, а не май и не июнь. Уже совсем близко от главного пика микроавтобус остановился: дальше ленивым иностранцам, не желавшим следовать древним традициям и подниматься в гору пешком, предлагалось воспользоваться услугами фуникулёра.

Мы вышли из автобуса, и... нас обдал холод, просто мороз. Внизу цвели цветы и порхали бабочки, а здесь на высоте в три тысячи метров всё было покрыто льдом и снегом. Деревья, точно в сказочном новогоднем лесу, стояли, облачённые в иней, с крыши станции фуникулёра свисали сосульки. Гриша был в восторге: он никогда ничего подобного не видел. Я был гораздо менее восторжен: для морозной ленинградской (да и поволжской) зимы пейзаж если не банальный, то до боли знакомый. Мы забрались в вагончик фуникулёра, который вознёс нас на вершину горы. С нами поднимался довольно пожилой немец: он явно собирался ночевать на вершине, чтобы утром насладиться восходом, а то и сиянием «света Будды». Выйдя из фуникулёра, все мы (включая немца) поняли, что в наших одеяниях здесь долго делать нечего. Я был в кожаной куртке и лёгкой кепке, Гриша тоже был одет не по-зимнему, да и немец явно ошибся в своих прогнозах здешней погоды. Короче говоря, мы дрожали от холода, и наши зубы уже начинали выбивать дробь. Всё вокруг было обледеневшим — деревья, крыши храмов, асфальтированные дорожки, даже огромные треножники-курильницы перед храмами. Было очень красиво, особенно мне понравилась сверкающая тонкая ледяная корочка на курильнице, равно как и свисающие с неё длинные изящные сосульки. Но холод пробирал до костей и сильно мешал наслаждаться красотами. У курильницы грустно сидели, прижавшись друг к другу, две обезьяны. Им тоже было холодно. «Я подобен белой обезьяне, плачущей во время снегопада», — вспомнились мне стихи поэта Ду Фу (без воспоминаний о котором, как и о другом его великом современнике Ли Бо, в Сычуани, кажется,

нельзя было ступить ни шагу). Обезьяны были не белыми и не плакали, но им явно было очень неудобно.

Далее мы начали пробежку по эмэйшаньским храмам. Один храм, пробежка, другой храм, пробежка и т.д. Тем не менее я хорошо рассмотрел статую бодхисатвы Самантабхадры и, после небольшого пожертвования на нужды монастыря, получил от дежурного монаха белый шёлковый плат, на который тот поставил огромную красную печать с именем бодхисатвы, записанным иероглифами в древнем начертании, которое обычно используется в традиционных китайских печатях. Посетили мы и смотровую площадку, с которой паломники и туристы созерцают восход дневного светила. Но пробыли мы на вершине максимум час, после чего устремились к фуникулёру. Ретировался и немец, отбросивший все свои мечты о созерцании «света Будды».

Снова фуникулёр, микроавтобус и тёплое подножие горы. Теперь после царства зимы меня вполне удовлетворяет и влажная сычуаньская промозглость, главное, что тепло.

К вечеру мы вернулись в Лэшань и снова отправились в ресторан с девушками-официантками. На этот раз им удалось отыгаться и отплатить Грише за его мелочное крохоборство (точнее, за его заботу о полноте моего кошелька): я умудрился уронить на бетонный (как практически везде в Китае) пол фарфоровую суповую ложку, которая немедленно разлетелась на части. Девушки потребовали в компенсацию десять юаней. Гриша был искренне возмущён: ведь за эти деньги можно было купить пяток таких ложек, если не больше. Но девушки были неумолимы: «У нас такие цены. Лаобань ругаться будет». Пришлось платить. Потом я пошёл в гостиницу, а Гриша забежал на автобусную станцию купить на завтра билеты до Чунцина. Он взял их на автобус, отправлявшийся из Лэшани в восемь утра. Значит, будем в Чунцине часа в три дня. Ещё успеем посмотреть город.

Встали мы в утро туманное... И совсем тёмное. Гриша сказал, что на станцию идти не надо, так как автобус остановится на углу у гостиницы. Мы встали на этом месте, прождали автобус около получаса и уже почти отчаялись, как он всё-таки появился, но набит был под самое, что говорится, не хочу. В результате оказалось, что вещи ставить некуда, и я проделал восьмичасовой путь до Чунцина с огромным рюкзаком на коленях; голову же всё время приходилось держать или в положении «налево» — к окну, или «направо» — к Грише, в противном случае нос упирался как раз в рюкзак.

В основном я, конечно, старался смотреть в окно, наблюдая за сычуаньскими холмами и любуясь красноватой, почти марсианской почвой этой плодородной провинции. Наконец смотреть на пейзажи мне надоело, и Гриша выдал мне свой плеер, сказав, что у него есть музыка Моцарта. Очень хорошо! Однако никакого Моцарта он не нашел, в результате чего сычуаньские холмы на границе древних областей Шу и Ба до сих пор ассоциируются в моём сознании с песней Аллы Пугачёвой «Это завтра, а сегодня я тебя поцеловала» и шлягером «Маргарита» неизвестного мне композитора в неизвестном исполнении — «Ты не ангел, но для меня, но для меня ты стала святой». Так-то вот. Забегая вперёд, скажу, что эти песни меня достали ещё раз: в городе Ханчжоу, знаменитом своими райскими

пейзажами, Гриша заставил один из вечеров просидеть в гостинице и на слух записывать ему тексты этих двух образцов отечественного песенно-поэтического творчества. Хорошо хоть, что обошлось без перевода на китайский язык, этого я бы уже не выдержал.

Солнце уже склонялось к западу, едва пробиваясь сквозь затянутое серыми облаками небо, когда автобус, подпрыгивая на ухабах, спустился с гор и дол в низину и вскоре быстро поехал по улицам Чунцина, то поднимаясь вверх, то съезжая вниз: Чунцин и сам был расположен среди холмов и на самих холмах.

Ночевать мы должны были в общежитии Института политики, где учился Гришин приятель. До него ещё долго пришлось добираться на городском автобусе. Потом мы ещё долго блуждали среди институтских корпусов, пока наконец не нашли нужный. Было темно и тихо: все студенты разъехались на каникулы. Поэтому вселились мы в общежитие вполне нелегально, а толстая китаянка, сидевшая в будке вахтёра, воспрепятствовать нам в этом деле не решилась: раз иностранец с независимым видом идёт в общежитие для китайских студентов, значит, так и полагается.

В комнате Гришиного приятеля Сунь Цзе-сюна, как и в любой комнате китайского студенческого общежития, в обычное время жило, точнее, ночевало, человек десять (нары, пардон, постели в два яруса). Но теперь кроме самого молодого Суня и приехавшего к нему погостить отца Сунь Чжи-жэня в комнате больше никто не жил, и мы с Гришей разместились вполне удобно. Поздоровавшись и познакомившись, а также избавившись наконец-то от багажа, мы отправились ужинать в ресторанчик поблизости. Город был погружён во мрак: оказалось, отключили электричество, что здесь отнюдь не исключительное событие. Тем не менее в ресторанчике нас встретили весьма радушно, зажгли свечку на столе и приготовили замечательный ужин, за который расплатился я, весьма обрадовав этим отца и сына Суней. Разговор за столом вращался почти исключительно вокруг американских бомбёжек Ирака, и я в нём участвовал минимально, зато Гриша тараторил без умолка: ему явно поднадоело разговаривать со мной преимущественно по-русски, и он с радостью вернулся к родному языку, да и дружка своего он явно не видел уже несколько лет.

Гулять по тёмному городу никому не захотелось, и после ужина мы вернулись в общежитие, поговорили о том о сём, покурили и легли спать. Пароход отчаливал ранним утром.

Наутро мне предстояло познакомиться с китайским способом умываться. Ничтоже сумняшеся, молодой Сунь выдал мне тазик, мыло и полотенце: ведь китайцы умываются наливая воду в тазик и протираются намоченным в воде полотенцем. Действительно, разве может кому-нибудь придти в голову мысль умываться иначе? В умывальне я всё же отставил тазик в сторону, умылся из-под крана и вытерся полотенцем. Варвар же!

Во время посадки на пароход случился небольшой казус: контролёр увидел, что мой билет куплен по «китайской» цене (иностранцы платят значительно больше) и вознамерился без доплаты не допустить меня на борт. Но верный Гриша

извлёк очередное рекомендательное письмо с печатью факультета русского языка и предъявил его контролёру. Тот помялся, помялся и пропустил нас на судно. Вот какая это всё-таки сила, бумажка с печатью!

Мы вошли в свою каюту третьего класса и поставили на пол багаж, а потом вышли на палубу помахать на прощание Суню с отцом. Вскоре пароход протяжно загудел, и его корпус несколько раз содрогнулся. Корабль был готов к отплытию. Вперёд, вниз по Янцзы-реке!

Туманны горы Шу, тесны ущелья Ба,
Средь каменных громад река, мятежная раба,
К свободе средь равнин стремится.
И тают в сумерках седые острова.

ГЛАВА 6

Янцзы, Янцзы, мать родная, ты великая река... А также гора Лушань и её святыни

Первый день на пароходе ничего интересного не принёс. Река была ещё достаточно узкой и особого впечатления на меня, выросшего на волжских просторах, не производила. В каюте, практически не отапливаемой длинной комнате, кроме нас ехало ещё человек пять китайцев. Я побаивался, что они замучат меня обычными разговорами (кто, откуда, зачем и ладно за морем иль худо?), но этого не произошло, соседи решительно не обращали на меня внимания и не промолвили, кажется, ни слова за всё время нашего путешествия, чему я был вполне рад. Вся палуба была увешана новогодними гостинцами, которые пассажиры везли своим родным и близким. Особенно впечатлила меня разделанная и освежёванная туша крупной собаки: этот деликатес тоже предназначался для новогоднего стола; китайцы не такие любители собачатины, как их соседи корейцы, но тоже ею отнюдь не брезгают. Кормили довольно убого, и солёная сычуаньская капуста, которая вовсе не капуста, а репа, мне очень скоро опостылела. Поэтому на последнем сычуаньском причале Гриша решил разнообразить наш стол и во время стоянки парохода повёл меня в съестные ряды местного рынка. Передо мной висели соблазнительнейшие копчёные утки, свиные и говяжьи языки и прочие весьма аппетитные яства. Однако Гриша из всего этого богатства (в целях экономии, как я понимаю) выбрал копчёные свиные уши. Я вздохнул, но возражать не стал. Уши мелко порубили, положили в полиэтиленовый пакет и залили соевым соусом. Гриша был очень доволен: теперь будет вкусненькое за обедом. Увы, утончённый вкус ушей я так и не оценил, хотя, не желая обижать Гришу, с энтузиазмом жевал достаточно жёсткие и безвкусные хрящи. Позднее, через много лет после описанных событий один миллионер угощал меня на Тайване знаменитыми акульими плавничками, стоившими какие-то совершенно безумные деньги. Увы, плавнички произвели на меня не больше впечатления, чем Гришины свиные уши. И это при том, что я обожаю китайскую кухню, но менее изысканную, что ли...

Ночь прошла совершенно спокойно, а утром я проснулся от громкого голоса, через громкоговоритель на весь пароход возвещавший о том, что мы входим в Три ущелья (Санься), одно из самых красивых и самых знаменитых своими пейзажами мест в Поднебесной. Мне повезло: теперь уже через Санься на пароходе не проедешь, ибо там строится крупная гидроэлектростанция.

Мы с Гришей выбежали на палубу. Пароход двигался по стеснившему реку ущелью. Клубился туман, вокруг громоздились дикие и прекрасные в своей дикости скалистые горы, вершины которых терялись в тумане. Вдали, у горных краях парил орёл, широко распластав свои мощные крылья. Горы Ушань, поистине Колдовские горы... Мы проходили через Санься несколько часов, и несколько часов я стоял на палубе и не отрываясь смотрел на излучины реки, петлявшей среди громоздящихся вокруг горных склонов, столь непохожих в своей первозданной необузданности на изящные, живописные и как бы барочные, но барочные, так сказать, по-китайски, горные склоны достопамятной Цинчэншань. Там горы были как бы иллюстрацией к китайской пейзажной лирике, их как бы вписали в культурный контекст, пропитав даосскими и буддийскими образами и ассоциациями и сделав частью того, что постмодерн называет дискурсом культуры. Здесь культура молчала, а природа безмолвно царила над притихшими человеческими существами. Эти могучие кряжи, этот орёл, как бы презревший окружающую этот горный край цивилизацию, и наш пароход, медленно двигавшийся на восток!

В этот день мы проплыли также мимо ничем теперь не примечательного места, где почти две с половиной тысячи лет тому назад родился первый поэт Китая — великий Цюй Юань, поэт-визионер, шаман-песнопевец, трагически оборвавший свою жизнь в пучинах реки Мило. Мы покинули земли Ба и Шу, перед нами расстились просторы древнего царства Чу, давшие Китаю первого поэта и даосскую безумную мудрость. Горы превратились в холмы, холмы становились всё более пологими, и вот уже Янцзы, или точнее, Чанцзян, Длинная Река, величественно разлилась на равнине полноводной свободной мощью водного простора. Мы шли ближе к южному, правому берегу, левый едва виднелся вдалеке. Нелучайно столько раз в истории Китая национальным династиям удавалось закрепиться на южном берегу, не позволяя завоевателям-кочевникам форсировать великую реку и захватить всё пространство между четырёх морей. Только монголы в XIII веке и маньчжуры в XVII преодолели эту преграду, объединив Поднебесную под властью своих династий, впрочем, очень быстро китаизировавшихся и принявших правила и нормы жизни побеждённых.

Янцзы становилась всё полноводней и глубже и всё больше напоминала мне Волгу. В отличие от оранжевой грязи Хуанхэ здесь текла чистая вода, и этой воды было очень, очень много... Не знаю, с чем сравнить Хуанхэ, но Янцзы явно была китайской Волгой. Вот недаром и в песне эпохи «великой дружбы» между «самым старшим братом» Советским Союзом и новым народным Китаем пелось: «Слышен на Волге голос Янцзы»...

Великая река, неспешный ток необъятных вод, земной образ Дао, потока существования, текущего из вечности в вечность своим, неизвестным для людей

курсом: «Не познать размышлением Небо, Дао-Путь не постигнуть рассудком...» Я подолгу стоял на палубе и буквально растворялся в просторах речных далей. Думал о китайской истории: вот южный берег, там китайская Восточная Цзинь, родина великого алхимика Гэ Хуна и ещё более великого поэта Тао Цяня. А на северном берегу — сплошные гунны и тобгачи-сяньбийцы, алчно вззирающие своими раскосыми и жадными глазами на юг, но не находящие сил для преодоления водной глади Чанцзяна. Или: на севере завоеватели-чжурчжэни и их государство Цзинь, Золотое, а на юге — земли китайской империи Южная Сун... Из этих созерцаний меня обычно извлекал Гриша, звавший обедать или мыться в общем душе. Проплыли мимо Красной скалы, воспетой тысячу лет тому назад уже знакомым нам по Сычуани поэтом Су Ши. Здесь Су Ши с друзьями катался на лодке и наблюдал за одиноким журавлём, пересекавшим просторы Янцзы (а во сне беседовал с этим самым журавлём, оказавшимся бессмертным отшельником-даосом, «пернатым гостем» древних легенд, о парящих в небесах святых, достигших единения с вечным потоком Дао-Пути). Приближался огромный город Ухань, одна из «трёх больших печей» Китая, то есть городов, жить в которых летом из-за угнетающей жары и духоты трудно даже самим китайцам. А от Уханя недалеко уже и до нашего места назначения — относительно небольшого (по китайским понятиям) города Цзюцзяна провинции Цзянси.

В Цзюцзян наш пароход пришёл ранним утром (скорее, даже ночью — в начале четвёртого) 7 февраля. Мы вышли на пустой причал и двинулись в город. Никакой идеи, где бы провести остаток ночи, у нас с Гришей не было. Однако в двух шагах от железнодорожного вокзала нас перехватили две энергичные девушки, поджидавшие таких, как мы, возможных постояльцев для частной гостиницы (по существу, комнаты в обычном старом доме, где расставили дюжину кроватей). Кроме нас других постояльцев не было. Девушки получив с нас двадцать юаней (по десятке с человека) и не проявив никакого интереса к моему гражданству или паспорту, выдали нам достаточно свежее постельное бельё и оставили в одиночестве.

Проснулись мы по китайским меркам вызывающе поздно, часов в десять, умылись из умывальника типа «рукомойник дачный», причём повешенного не в комнате, а на внешней лестничной площадке. На нас глазели соседи, но никакими действиями свой интерес не проявляли.

Приведя себя в порядок, мы наскоро позавтракали в забегаловке поблизости и пошли искать транспорт на гору Лушань. Искать долго не пришлось: вдоль длинной привокзальной улицы стояла вереница микроавтобусов, готовых ехать на гору. Однако они никуда не ехали, ибо не было пассажиров. Мы сели в первый экипаж и просидели в нём, время от времени выходя покурить, часа полтора, пока салон относительно не наполнился. Во время этого тягостного ожидания мне удалось (впервые за пять месяцев пребывания в Поднебесной) наблюдать китайские похороны: гроб с покойным, весь заставленный китайскими «венками» (по нашим представлениям более пригодными для новогодней ёлки, чем для траурной церемонии), ехал на грузовике с открытым сзади кузовом, а группа родных и близких

шествовала за грузовиком, с грохотом паля из традиционных хлопушек (для того, чтобы отгонять злых духов). Похороны удалось сфотографировать.

Наконец наш микроавтобус отправился в путь. Было уже за полдень. В отличие от туманной промозглой Сычуани, здесь, в провинции Цзянси, в самом сердце Китая, ярко светило солнце, небо голубело в вышине и февральский день казался поистине апрельским. И тепло — градусов пятнадцать!

Дорога оказалась на редкость живописной: скалы, горные кручи, обрывы, одним словом, красота! Жаль только, что озера Поянху увидеть так и не удалось, оно осталось где-то с другой стороны. Сычуаньские горы (та же Цинчэншань) старые, их вершины как бы сгладились, округлились от времени, а здесь острые пики возносились вверх, творя симфонию устремлённого ввысь камня. Я смотрел в окно, как зачарованный. Растительность тоже была другой: никаких мхов и лиан, в основном хвойные деревья, прежде всего сосны.

Наконец машина остановилась в центре небольшого посёлка на вершине горы. Самым интересным в посёлке была мечеть (значит, здесь живут и мусульмане!) — самый обычный дачный дом европейского типа, напоминающий скорее какой-нибудь старый корпус санатория где-нибудь в Крыму, а отнюдь не место вознесения молитв Аллаху милостивому и милосердному. Вскоре мы вышли из посёлка и оказались на берегу тихого озера, на другом берегу которого расположилась симпатичная рощица — сад, воспетый поэтом Бо Цзюй-и, сказал Гриша. Мы нашли большой план окрестностей и углубились в его созерцание. Дорога к развалинам монастыря Хуэй-юаня вела мимо даосской достопримечательности — входа в «пещерные небеса» бессмертного Люй Дун-биня. Туда мы и направились.

Дорога была великолепной: голубое небо, солнце и скалы. И никого вокруг, что для Китая крайне нехарактерно, и это стоило ценить. Мы шли неторопливо, фотографируясь на фоне сосен и разнообразных нагромождений камней. После сычуаньской сырости я просто вбирал в себя солнце, наслаждаясь теплом и светом. Гриша же пустился рассуждать о лушаньском пленуме ЦК КПК (кажется, 1959 г.), когда председателя Мао Цзэ-дуна чуть не сняли после разных провалов типа пресловутого «большого скачка», поставившего страну на грань голода. Тогда для того, чтобы «перегнать Англию по производству металла», в каждой деревне стали создаваться кустарные доменные печи, а крестьяне вместо работы на полях занялись добычей руды и сталеварением. В результате по всей стране валялись горы никуда не годного низкачественного металла, а экономика оказалась в состоянии полного расстройтва. Председатель Мао это чувствовал и, отдыхая на Лушани перед пленумом, писал стихи в классическом стиле, намекая в них на своё желание отойти от дел и уединиться в тишине и покое. Однако совсем его в отставку не отправили, хотя и началась эпоха «мошенников типа Лю Шао-ци», которым Мао Цзэ-дун во время «культурной революции» отомстил по полной программе за свои унижения и вынужденные упражнения в классической поэзии жанра «возвращаюсь к полям и садам».

Меня эта тема не очень интересовала, и я больше смотрел на сосны и скалы, чем слушал Гришу. Время от времени мы останавливались на нависших над пропастью смотровых площадках, любовались пейзажем и фотографировались.

В воздухе пахло весной. Вскоре петляющая между нагромождением камней тропинка привела нас к даосской пещере. Тут я сделаю небольшое отступление и расскажу о «пещерных небесах».

В даосской традиции считается, что существуют особые пещеры, являющиеся проходами в своеобразные «параллельные пространства», населённые бессмертными, где время течёт иначе, чем в нашем грешном мире. Например, случайно попавший в «пещерные небеса» человек после проведённого там дня обнаруживает по возвращении, что на земле прошло уже несколько десятков, а то и сотен лет. Считалось, что бессмертные «пещерных небес» оказывают влияние на управление Китаем, а среди некоторых даосов до сих пор существует вера в возможность встречи с бессмертными «пещерных небес» и «счастливых земель» в день одного из даосских праздников. Есть даосы, которые учат, что «счастливые земли» находятся между «славными горами» и что верховный правитель Небес послал туда совершенных людей, бессмертных, для управления прилегающей местностью и полного обретения Дао. В «счастливых землях» также совершенствуются так называемые земные бессмертные, готовящиеся к вознесению на небеса — высшей форме бессмертия.

И вот как раз такой проход в «пещерные небеса» был перед нами. При ближайшем рассмотрении оказалось, что пещера изрядно изгажена современной цивилизацией и рыночной экономикой: прямо по центру пещеры у статуи бессмертного Люй Дун-биня расположился фотограф с лотком и огромным стендом с образцами своей продукции. Вид был испорчен безвозвратно. Пространство пещеры оказалось не таким уж и большим. Мы подошли к её задней стене и увидели там два глубоких, наполненных прозрачайшей водой, симметричных углубления, в которые постоянно падали капли воды с потолка пещеры. За этими каменными чашами, природой сотворёнными и природными же соками наполненными, начинался узкий лаз, в который вряд ли мог протиснуться взрослый человек, уходящий во мрак, к самым корням гор, в потаённые бездны земли, а может быть, и в таинственные миры «пещерных небес». Вот только проверить это вряд ли кто решится.

Постояв минут пять в пещере, прислушиваясь к тишине и мерному звуку капель, падающих в каменные чаши, мы вышли на солнечный свет, изрядно разочаровав фотографа, скучавшего у своего стенда. Снова тропинка среди сосен и нагромождения камней, и мы выходим к месту, на котором некогда располагался основанный монахом Хуэй-юанем монастырь Дун-линь-сы. Теперь здесь ничего не было, кроме какого-то не слишком презентабельного строения и прямоугольного колодца, появившегося ещё во времена Хуэй-юаня, то есть полторы тысячи лет тому назад: предание рассказывало, что колодец появился от прикосновения к земле пальца бодхисаттвы, явившегося святому основателю этой обители. Но некогда это место было знаменито, именно здесь Хуэй-юань создал своё общество Белого лотоса, в котором участвовали знаменитые литераторы той эпохи, сюда приходил спорить с Хуэй-юанем великий поэт Тао Юань-мин, написавший под впечатлением от этих споров свой триптих «Тело, тень, дух», призвавший своих читателей отдаться течению перемен и метаморфоз:

Так плывите бесстрастно в великих волнах перемен,
 От печали о смерти и радости жизни свободны.
 Жизнь конечна, так пусть угасает в назначенный срок,
 И не надо её проводить в сожаленьях бесплодных.

Отсюда Хуэй-юань писал свои письма узурпатору Хуань Сюаню, отстаивая права монашествующих на независимость от государства и их высшее по сравнению с царями и императорами, правящими этим миром, достоинство: ведь монахи устремлены за пределы мира пыли и грязи, за пределы его законов и его начал и сил. Здесь он написал свой трактат «О том, что монахи не должны почитать царей», трактат, впрочем, поистине оставшийся гласом вопиющего в пустыне.

Я огляделся. Нас никто не ждал. Никаких даосов поблизости не наблюдалось, как, впрочем, и не даосов тоже. Мы сели на скамеечку и молча просидели какое-то время. Было тихо, никто нам не мешал, но никто к нам и не приходил. Вдруг прямо у моих ног упал камень, явно брошенный рукой человека. Я вскочил и стал осматриваться, никого, однако, так и не увидев. В тот миг, когда я оглядывал окрестности, у моих ног упал второй камень, обмотанный тряпицей. Я опять никого не увидел, но камень подобрал и развернул тряпицу. К камню резинкой была прикреплена записка. Я развернул её и увидел знакомый почерк. Мы с Гришей углубились в чтение. Записка гласила:

«Высокочтимый преждерождённый профессор Цза Мяо-дин!

Недостойный даос, заслуживающий самого сурового наказания, бьёт Вам челом и смиренно молит о прощении. Увы, к вящей моей скорби, дела людские и Небо вновь требуют, чтобы эта жалкая личность покинула назначенное место нашей встречи, направилась в горы Дракона и Тигра, что здесь же, в землях Чу и Юэ между городами Гуйци и Интань. Невежественный лекарь будет ждать Вашу драгоценную личность и Вашего высокочтимого спутника между двадцать пятым и тридцатым днями двенадцатого месяца сего года у входа в резиденцию Небесных наставников в то же время, что и здесь, сиречь от полудня до девятой стражи. С пожеланиями успехов в делах и исполнения десяти тысяч желаний, странствующий даос старец Чу-сюань собственноручно почтительно начертал».

Мы с Гришей переглянулись.

«Что будем делать?»

«А что?»

«Это вообще начинает напоминать какие-то странные шутки. Что мы за ним будем по всем девяти областям гоняться?»

«Учителя часто испытывают, проверяют учеников... Может быть, он тебе потом пилюлю бессмертия даст?»

«Ты веришь в пилюли бессмертия, Гриша?»

«Вообще-то, конечно, нет... Но что касается даосов... кто его знает... всякое быть может».

«Ладно, понятно. На Лунхушань (это и есть горы Дракона и Тигра) я, можно сказать, мечтал попасть. К тому же это совсем близко отсюда. Ведь так?»

«Да, конечно. Часа два-три поездом до Наньчана, а оттуда автобусом, кажется, до Гуйци. А там уж разберёмся...»

«Тогда поехали. Сегодня же вечером в Наньчан. Завтра погуляем по Наньчану, а послезавтра отправимся к Небесным наставникам. Идёт?»

Гриша пожал плечами. Мол, как знаешь.

Больше на горе мы не задерживались, и Грот Белого оленя, где в своё время читал лекции о Великом пределе, принципе-ли, Дао-Пути и прочих премудростях философ Чжу Си, остался нами не осмотренным.

Вернувшись в Цзюцзян, мы немедленно отправились на вокзал, я встал в длинную очередь к кассам, а Гриша побежал разведывать обстановку. Внезапно ко мне подошел полицейский (я вздрогнул). Но оказалось, что он всего лишь хотел помочь иностранцу, взять ему билет вне очереди (в Китае такая предупредительность не редкость, особенно в провинции). Я поблагодарил и вежливо отказался, указав на приближающегося к нам Гришу. Минут через пятнадцать мы оказались у кассы, без проблем купили билеты на местный поезд (всё тот же жёсткий сидячий, но путь был недалгим, вроде как из Ленинграда до Выборга), перекусили в забегаловке поблизости и часа через два уже катились на юг к городу Наньчану, столице провинции Цзянси и второй «большой печи» Китая. Увы, озеро Поянху так увидеть и не удалось.

Горные кряжи и горные пики, летящие в небо,
Иголки сосновые под ногами, тот грот, где я не был.
Пещера, откуда проход есть в миры иные,
Лазури и солнца хрустально-прозрачная небыль.

ГЛАВА 7

О ядах и колдовстве

В Наньчан мы прибыли уже запоздно, было совсем темно. Я валился с ног от усталости, Гриша держался, но тоже явно был утомлён. На другой стороне привокзальной площади располагалась гостиница, и мы направились туда, но нас послали в... другую гостиницу: в этой иностранцев не селили. Хорошо хоть, что дали адрес ближайшего приюта убогого лаовая. По пути туда случилось странное: Гриша обо что-то споткнулся, а когда поднялся, обнаружилось, что зацепился он за довольно массивную жестяную коробку. Мы открыли её и воззрились друг на друга в изумлении: жестянка была набита деньгами. При тусклом свете уличного фонаря Гриша пересчитал деньги, получилось две тысячи юаней, больше трёхсот долларов, для Китая того времени деньги весьма немалые. Я предложил отнести деньги в полицию. Гриша замахал на меня руками: они там эти деньги просто присвоят, а если нет, тогда хлопот не оберёшься и в Наньчане мы застрянем надолго. Пусть это будет дар Небес. Дар так дар. Гриша засунул деньги в свой бумажник, который едва закрылся, и зашвырнул коробку куда подальше. Оживившись после этого приятного события (наши ресурсы увеличились почти вдвое), мы продолжили путь к гостинице.

Е. А. КИЙ

Послесловие к романам Е.А. Торчинова

В свое время Умберто Эко (1932–2016) попытался преодолеть некую «табуированную границу», разделяющую сферу академических исследований и «массовой» литературы, поэтому стало трудно сказать определенно, кем же он являлся прежде всего — ученым-медиевистом и семиотиком с мировым именем, писателем, романы которого числятся в списке бестселлеров, или кем-то еще. Впрочем, как заявлял сам У. Эко, для него никогда не возникало проблем с собственной идентификацией, так как он прежде всего ученый, а его романы в действительности являются «академическими текстами» (возможно даже, что они отражают становление нового жанра — «академического романа»)¹. Нечто подобное, вероятно, попытался сделать и Е.А. Торчинов, ныне ставший известным не только как академический и университетский ученый, но и как писатель (причем не первый среди петербургских синологов, пишущих, правда, совсем в другом жанре; см. с. 546, примеч. 2).

В январе 2003 г. в одном из интервью Евгений Алексеевич объявил о написании некоего художественного текста в двух частях: «Таинственная самка (трансперсональный роман)» и «Апостолы дракона (алхимический роман)»². В 2014 г. был обнаружен и третий, оставшийся незавершенным и никогда не упоминавшийся его автором текст, — «Китайская рапсодия (роман странствий и инициаций)». Первый из этих романов был издан десятилетие спустя после кончины автора отдельной книгой³, все три произведения вместе впервые публикуются в настоящем томе.

¹ См.: Урманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск, 2000, с. 13.

² Воробьева М.В. «Пусть я буду лекарством...» Светлой памяти проф. Е.А. Торчинова // Религиоведение. № 1 (2004), с. 37.

³ Торчинов Е.А. Таинственная самка: трансперсональный роман. СПб., 2013.

Эти тексты вполне могут служить своеобразным источником по истории отечественного востоковедения 1980–1990-х годов⁴. Материал первого из них уже привлекался для характеристики одного из упоминаемых в нем ученых-синологов⁵, а некоторые приводимые в нем описания событий из жизни академического востоковедения Ленинграда/Санкт-Петербурга находят подтверждение в другом столь же своеобразном источнике информации об истории науки — анекдотах о востоковедах⁶.

На автобиографичность текста первого романа как во внешнем, так и во внутреннем плане уже обращалось внимание⁷. Это утверждение верно и по отношению к двум другим романам. Тем не менее здесь я оставляю за скобками комментарии и интерпретации внутреннего (личностного или глубокого) уровня этих текстов, в силу того что любые предложенные истолкования не могут считаться окончательными и абсолютно достоверными. Говоря словами У. Эко, роман по определению — это «машина-генератор интерпретаций», а его автору, для того чтобы не становиться на пути текста, следовало бы умереть, закончив свою книгу (что, кстати, и случилось, причем в прямом, а не переносном смысле, с автором рассматриваемых здесь произведений).

Отмечу только, что в художественных произведениях Е.А. Торчинова вполне закономерно отразились и его собственные научные интересы, где они настолько очевидны, что их констатация оказывается трюизмом. Ограничусь поэтому одним-единственным примечательным примером.

Говоря в первом романе об опыте главного героя (по сути, вероятно, — своем собственном), пережитом в «темном автобусе Ленинград — Новгород в предновогодний вечер 1987 года», Евгений Алексеевич приводит его «сбивчивое описание»: «В моей голове рождается нечто, позднее названное мною “теорией магической вселенной”. Потом я понял, что именно в тот вечер я почувствовал, что буддисты называют пустотой, *шуньятой*, которая скорее

⁴ О персонажах-востоковедах первого романа см.: *Кобзев А.И., Орлова Н.А.* В поисках Таинственной Самки: Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летию его безвременной кончины // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013, с. 497–517 (см. также статью этих авторов в настоящем издании, с. 543–572).

⁵ *Кобзев А.И., Демин Р.Н.* Основоположник синологической структуристики в России (О судьбе и творчестве В.С. Спирина) // Каноны конфуцианства и школы имен. В 2-х кн. Кн. 2: *Спирин В.С.* «Дэн Си-цзы» как логико-гносеологическое произведение: перевод и исследование. Сост. и примеч. А.И. Кобзева. М., 2014, с. 9; *Кобзев А.И.* Российская системология китайского хаоса и космоса // *Карантьянц А.М.* Раннекитайская системология. М., 2015, с. 9.

⁶ Ср., например, историю о подарке Э.Н. Темкину собрания сочинений кого-то из классиков марксизма-ленинизма (*Стеблин-Каменский И.М.* Анекдоты про востоковедов — 3 (третья серия) // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А.М. Решетова). Сб. ст. СПб., 2007, с. 357) и соответствующее описание этого эпизода в тексте романа (*Торчинов Е.А.* Таинственная самка, с. 37–38; ср. наст. изд., с. 583).

⁷ См.: *Довженко Ю.С.* «Академический экшен» Евгения Торчинова // *Торчинов Е.А.* Таинственная самка, с. 5–12; *Кобзев А.И., Орлова Н.А.* Указ. соч. с. 505–508 (см. также наст. изд., с. 556–559).

открытость, чем опустошенность, лишенность, недостаточность. Посмотрите, вот я говорю: мир наделен сущностью, и она есть то-то и то-то. Но если бы это было так, мир оказался бы закрытым, ограниченным, замкнутым, ведь тогда он по своей сути “то-то и то-то” и уже не может быть “этим и тем” или “тем-то и тем-то”. Буддисты же говорят: мир без сути, мир пуст, лишен своебытия. Что это значит? Это значит, что мир открыт, неоднозначен, магичен. Он и “то-то и то-то”, и “это и то”, и “такой-то и этакий”, и какой угодно. Не то чтобы он меняется — он одновременно и “а” и “не-а” и “а и б”, и вообще все что угодно.

Был в Китае такой философ — Гуань Инь-цзы. И этот философ, кстати, даос, а не буддист, однажды сказал: “В мире есть драконы, морские гады и просто змеи. Дракон — он может быть одновременно и драконом, и морским гадом, и змеей. А морской гад или змея — они только морской гад и змея, и не больше. Совершенномудрый подобен дракону, а мудрец — он морской гад, не больше”⁸. Наш мир всегда четко определен, ограничен, и потому в нем нет жизни. Если уж он *Deus sive natura*, “Бог или природа”, то он уж никак не может быть “волей и представлением”. А если он воля и представление, то уж не быть ему плодом самосозерцания Мирового Разума. А так ли это? Вот не только буддисты, а и джайны учили, что любое учение освящает мир лишь “некоторым образом” и лишь в “каком-то отношении”. Значит, чувствовали они эту открытость, эту магическую пустотность мира, в котором все в одном, а одно во всем, все — тоже во всем, а одно еще и в одном! Сеть бога Индры! Мириады блистающих драгоценных камней — каждый камень отражает все остальные камни, и отражается в свою очередь во всех камнях. Отражения и взаимоотражения, отражения отражаются в отражениях, каждое из них реально и каждое — подобно иллюзии, часть вмещает в себя целое и в этом же целом содержится, снова объемля и его, и себя в нем. Борхесовский Алеф, “мы долгое эхо друг друга”! Мир открыт и непредсказуем, он не “от сих до сих” — хоть в пространстве, хоть во времени; он нелинейно бесконечен и, *pardon moi* за неологизм, гиперссылочно вечен...»⁹.

Этот фрагмент практически дословно совпадает с соответствующей частью одной из последних научных работ автора, основанной на тексте прочитанного им 15 ноября 2002 г. доклада и посвященной смене различных, в разное время доминировавших в западной буддологии, историко-философских интерпретаций мадхьямаки (первой религиозно-философской школы буддизма Махая-

⁸ Ср. более точную передачу данного фрагмента в полном переводе «Гуань Инь-цзы»: «Это подобно дракону, подобно морскому гаду, подобно змее, подобно черепахе, подобно рыбе, подобно лягушке. Дракон может превратиться в любого из них, а морской гад — он морской гад, и все. Он не может стать драконом, не может он стать и змеей, стать черепахой, стать рыбой, стать лягушкой. Совершенномудрый человек поступает как дракон, мудрый человек поступает как морской гад» (Путь золота и киновари. Даосские практики в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб., 2007, с. 226).

⁹ Торчинов Е.А. Таинственная самка, с. 159–160 (ср. наст. изд., с. 634).

ны)¹⁰. Рассматривая последовательно возникавшие и сменявшие друг друга нигилистическую, релятивистскую и абсолютистскую интерпретации мадхьямаки, Евгений Алексеевич приведенным выше фрагментом текста описывал еще один, преобладающий сейчас подход к этой школе буддийской мысли, названный им критическим или антиметафизическим. По его мнению, этот подход, оформившийся к 1980–1990-м годам, с одной стороны, более адекватно отражает сущность и направленность мадхьямаки, состоящую в опровержении всех возможных метафизических теорий, являющихся ментальными конструктами, не имеющими отношения к реальности, как она есть в действительности, и утверждающую пустоту (*шуньята*) всех феноменов в силу их причинной обусловленности, с другой — в чем-то схож с установками некоторых азиатских исследователей, в числе которых назван японский буддолог Нагао Гаджин (長尾雅人, 1907–2005)¹¹. «Сбивчивое описание» опыта главного героя в романе, ставшее иллюстрацией к изложению некоторых существенных аспектов антиметафизической установки (роман датирован маем–августом, а выступление об интерпретациях мадхьямаки — ноябрем 2002 г.), тем не менее, вполне логично и естественно вписывается в опубликованный текст научного доклада, по определению отражающий некоторые особенности устной речи.

В свою очередь, их текстологическое совпадение, свидетельствующее об отсутствии границ между текстом художественным и научным, подтверждает отмеченную выше возможность воспринимать данные произведения Евгения Алексеевича как «академические романы», в которых попытка описания личного (глубинного) или субъективного опыта неотделима от сферы научно-академической деятельности, иногда до сих пор ошибочно считающейся направленной на выявление и исследование некоей истинной и объективной реальности.

Глобализация современного мира многолика, существует множество разнообразных форм этого процесса, так же как и его дефиниций. Можно рассматривать его в наиболее широко распространенном и привычном социально-экономическом плане, анализируя нынешнюю всемирную экономическую и информационную реальность, но также можно и в совершенно ином измерении, когда он интерпретируется как следствие западноевропейского типа

¹⁰ Торчинов Е.А. Нигилистическая интерпретация мадхьямаки возвращается? (Текст доклада, прочитанного на Восьмой буддологической конференции на философском факультете СПбГУ) // Буддизм России. № 37 (2003), с. 107–108.

¹¹ См.: 長尾雅人. 中観と唯識. 東京, 1978; Nagao Gadjin. The Foundational Standpoint of Mādhyamika Philosophy / Tr. by J.P. Keenan. Albany, 1989; Mādhyamika and Yogācāra: A Study of Mahāyāna Philosophies. Collected Papers of G.M. Nagao / Ed., collated and tr. by L.S. Kawamura in coll. with G.M. Nagao. N.Y., 1991 (Reprint: Delhi, 1992). Подробнее об этом выдающемся исследователе буддизма см.: [Silk J.A.] A Short Biographical Sketch of Professor Gadjin Masato Nagao // Wisdom, Compassion, and the Search for Understanding: The Buddhist Studies Legacy of Gadjin M. Nagao / Ed. by J.A. Silk. Hawaii, 2000, p. XI–XXIV.

мышления и основанной на нем цивилизации (Западе в широком смысле слова), которые все более расширяют свою экспансию вовне.

Однако вне зависимости от того, какой подход мы выберем, невозможно закрыть глаза на развитие транспортной инфраструктуры, чрезвычайно упростившей перемещения по миру. В посмертно изданной книге «Пути философии Востока и Запада» Е.А. Торчинов, говоря об этом обстоятельстве, писал: «На самолете любой человек, купивший соответствующий билет, может в течение суток добраться до любой точки земного шара, имеющей аэропорт. Например, я за последние десять лет побывал в Китае (включая Гонконг и Тайвань), Франции, Германии, Индии (причем в ее удаленном гималайском регионе — Ладаке), Израиле, Австралии, Канаде, Японии и других странах. В XIX веке меня бы уже давно считали великим путешественником, а сейчас никто не смотрит на такие поездки как на нечто экстраординарное. Глобализацию такого типа бессмысленно воспевать и бессмысленно осуждать: она есть факт нашей жизни, нечто объективное и неотменяемое. Мир сократился и будет сокращаться и впредь»¹². Евгений Алексеевич также вполне ясно осознавал, что в прошлом веке традиционные культуры и общества окончательно и необратимо изменились. Так, например, описывая судьбу традиционной тибетской культуры и государственности, он заключал: «Безусловно, заслуживает глубокого сочувствия трагедия тибетского народа, насильственно вырванного из привычной жизни и вынужденного быть пассивным свидетелем осквернения своих святынь во время “культурной революции”. Но тем не менее нельзя не признать, что тибетский проект был обречен: в XX веке с его глобализацией всех социально-экономических, социокультурных и цивилизационных процессов просто не осталось места для тибетского заповедника духовности без коммерциализации и схоластической учености, не озабоченной утилитарным применением своих достижений. И если бы история не вторглась в него на танке Народно-освободительной армии Китая, она вполне могла бы мягче, но не менее безжалостно явить себя в бутылке кока-колы и макдональдсовском бигмаке»¹³.

Все же Е.А. Торчинова всегда привлекала не современность, а традиционная, старая культура той страны, изучение которой впоследствии стало сферой его преимущественных научных интересов. Рассказывая в «Китайской рапсодии» о своем детстве, он говорит, что уже тогда Китай «проникал в меня и пропитывал своим обаянием», в его воспоминаниях присутствует «картина с тигром на скале у водопада <...> цветущее абрикосовое деревце, стоявшее в садике старого дома, в котором мы жили до переезда в новую квартиру». Эти воспоминания совершенно определенно связываются с традиционной культурой: «Интересно, что среди моих образов и ассоциаций не было ничего от современного Китая: никаких хунвэйбинов, дацзыбао, цитатников Председателя Мао и боев на Даманском. Этот Китай меня если и волновал, то лишь как ненавистная альтернатива абри-

¹² Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2005, с. 448.

¹³ Торчинов Е.А. Введение в буддологию: Курс лекций. СПб., 2000, с. 165.

косовому деревцу и тигру у водопада» (с. 774)¹⁴. Поэтому, например, горы Лушань для главного героя «Китайской рапсодии» связываются, прежде всего, не с Лушаньским пленумом КПК (1959 г.), а с Гротом Белого оленя (Bo/бай-лу-дун 白鹿洞), в котором учил Чжу Си (朱熹, 1130–1200), и с основанным Хуэй-юанем (慧遠, 334–416) буддийским монастырем Дунлинь-сы (東林寺), который посещали великие поэты Се Лин-юнь (謝靈運, 385–433) и Тао Цянь (陶潛), также известный как Тао Юань-мин (陶淵明, 365–427) (с. 812–814).

Соответственно путешествие в последнем романе — отнюдь не обычная поездка в Китай. Во-первых, автор впервые оказывается в этой стране, которая для него не просто зарубежное государство, поскольку много лет он профессионально изучал ее язык и культуру. Как известно каждому синологу, первое посещение Китая — чрезвычайно яркий и значимый эпизод научной и личной биографии, воспоминания о котором не стираются из памяти. Описываемые в романе события, в числе которых и путешествие по Китаю, занимающее большую часть текста (со второй по седьмую главы), связаны с действительно имевшей место в жизни автора полугодовой стажировкой в Пекинском университете в 1990–1991 гг.¹⁵ Во-вторых, это путешествие, как указывает подзаголовок романа, связано с некими посвящениями, поэтому может быть интерпретировано и как «путешествие к себе», о котором сейчас, в том числе и вследствие незавершенности текста, остается только строить догадки и более или менее обоснованные предположения.

В первой сопроводительной публикации данного раздела уже отмечалось, что о написании двух романов Е.А. Торчинов объявил в одной из бесед, текст которой был размещен в Интернете, а компьютерные файлы с их текстами рассылались некоторым друзьям и коллегам. О работе над третьим романом Евгений Алексеевич никогда не говорил, и его текст, датированный 2003 г., был обнаружен только в 2014 г.

Ознакомившись с текстом «Китайской рапсодии», который мне любезно предоставил А.И. Кобзев, я смог обнаружить некоторые вещи, сообщениями о которых, как кажется, было бы небезынтересно сопроводить публикацию этого произведения.

Через некоторое время после кончины Е.А. Торчинова я забирал его домашнюю библиотеку, приобретенную философским факультетом СПбГУ¹⁶.

¹⁴ Здесь и далее в тексте ссылки на страницы романа в настоящем издании. Ср. также: *Воробьева М.В.* Указ соч., с. 32.

¹⁵ См. воспоминания А.И. Кобзева об этой стажировке: «Воспоминанья длинный список...» (интервью — дискуссия — ретроспекция — аналитика) // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собр. трудов. М., 2014, с. 64–69 (здесь также впервые была воспроизведена фотография Е.А. Торчинова начала 1991 г. в общежитии для иностранцев Пекинского университета; см. ее воспроизведение в наст. изд., с. 545).

¹⁶ Принадлежавшие Евгению Алексеевичу книги были распределены между кафедрой философии и культурологии Востока (большая часть), Центром библеистики и гебраистики (в настоящее время — кафедра еврейской культуры) и уже не существующей библиотекой факультета, раньше в просторечии называвшейся «философским кабинетом».

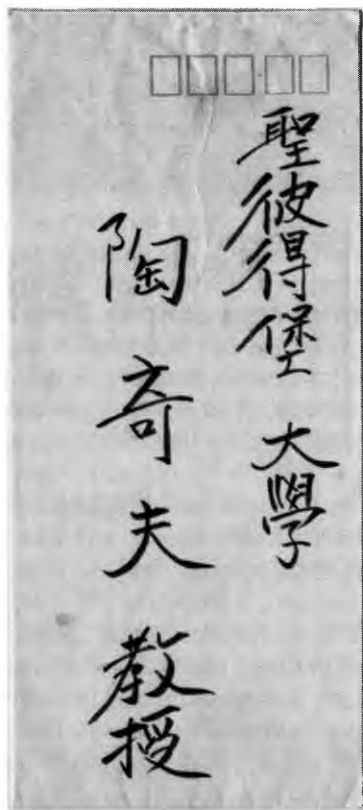
Илл. 1. Е.А. Торчинов с Су Чэн-вэнем (Гришей)

Среди переданных мне вдовой Е.А. Торчинова вместе с книгами бумаг (ксерокопий всевозможных материалов, различных рекламных буклетов, программ самых разнообразных мероприятий и прочего) оказался конверт с письмом, написанным корейцем на китайском языке, который его автор, возможно, определил бы как *ханмун* 漢文 (한문), корейский вариант китайского литературного языка.

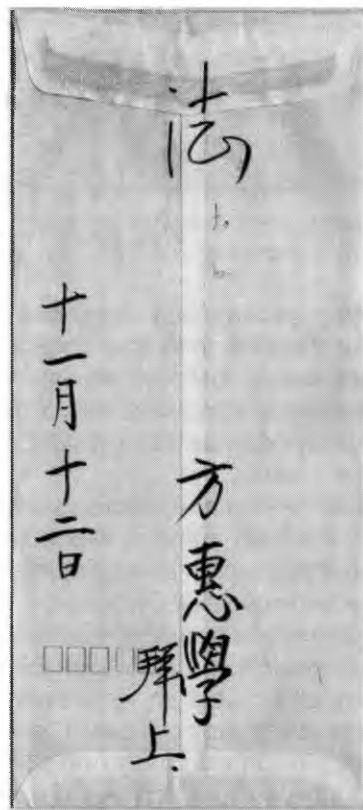
Как-то Евгений Алексеевич сказал мне, что в Китае (или на Дальнем Востоке вообще) вначале обращают внимание на то, *как* написан тот или иной текст, а уже потом на то, *что* в нем изложено. Тогда, руководствуясь первым и отложив второе на будущее, я сохранил это письмо, которое сейчас кажется мне неким реальным прототипом писем даоса из «Китайской рапсодии».

Впервые собираясь в Китай, главный герой романа «мечтал объехать всю страну от Пекина до Гуанчжоу и от Шанхая до Чэнду». Однако, узнав о существовании некоего даоса, якобы сведущего во внешней алхимии (изготовлении эликсира бессмертия) и живущего в скиту на горе Цинчэншань недалеко от Чэнду, он для встречи с этим отшельником отправляется в путешествие вместе с Су Чэн-вэнем, говорящим по-русски китайским студентом («Гришей»; см. илл. 1). В третьей главе романа главный герой получает через хозяина гостиницы (*лаобаня*) письмо от даоса, с которым собирался увидеться: «Гриша кивнул лаобаню, и тот протянул мне свернутую пополам страницу стандартной китайской писчей бумаги, разлинованной так, чтобы удобнее было писать иероглифы. Текст был написан кистью (никогда еще с таким не встречался, все уже давно пишут не тушью, а шариковыми ручками), почерк был каллиграфич-

чески изящен. К тому же даос явно тщательно выписывал знаки, чтобы иностранцу было легче прочитать. Текст был помечен по-старинному циклическими знаками, и мне позднее пришлось залезть в словарь и традиционный «крестьянский» календарь, чтобы перевести их в дату привычного григорианского календаря» (с. 793). Это письмо, в котором говорилось о переносе времени и места встречи главного героя с даосом, побудило путешественников оставить Сычуань и отправиться вниз по Янцзы в провинцию Цзянси, в горы Лушань. Однако в этих горах путешественники получают второе послание от даоса, сообщающее о том, что он был вынужден отбыть в горы Лунхушань, также находящиеся в Цзянси (с. 813)¹⁷.

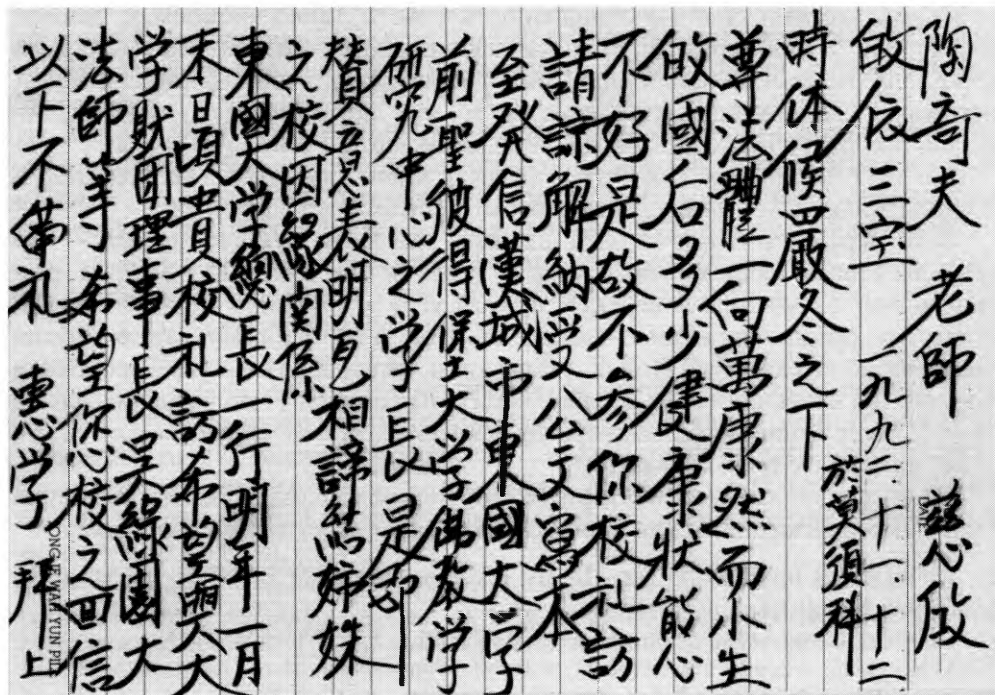

Илл. 2. Лицевая сторона конверта

Илл. 3. Обратная сторона конверта

¹⁷ Следует оговорить, что даты в обоих письмах даоса приведены не по григорианскому, а по китайскому лунно-солнечному календарю (в обиходе называемому просто лунным). В обоих случаях «двенадцатый месяц» означает месяц *цзи-дун* 季冬 («конец зимы»).

Илл. 4. Письмо Пан Хе-хака Е.А. Торчинову

Двое спутников вновь отправляются в путь (Е.А. Торчинов действительно был тогда в горах Лунхушань, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии), но повествование обрывается на описании их прибытия в Наньчан, провинциальный центр Цзянси.

Найденное мной письмо было вложено в прямоугольный белый бумажный конверт 20,4 × 9 см с надписями на обеих сторонах (илл. 2–3). На лицевой стороне: 聖彼得堡大學 («Санкт-Петербургский университет») и 陶奇夫教授 («Профессору Торчинову»)¹⁸. На оборотной стороне вверху в центре большой иероглиф 法 («Дхарма», то есть буддийское учение), а под ним маленький, вероятно написанный карандашом знак, который можно прочесть как 友. Выражение 法友 (кор. *pon-yu*; кит. *фа-ю*), дословно означающее «друг учения» или «друг в учении», может употребляться в переписке между последователями буддизма (в самом письме адресант обращается к своему адресату как к буддийскому монаху). Согласно толкованию этого выражения в корейских словарях, оно обладает самоуничужительным смыслом и употребляется буд-

¹⁸ Тао Ци-фу (陶奇夫), в корейском чтении — То Ки-пу (도기부) — китайское имя Е.А. Торчинова.

дийскими наставниками по отношению к себе¹⁹. Таким образом, в данном случае знак 友 был, вероятно, приписан карандашом к означаемому «Дхарма» иероглифу вследствие самопринижения, характерного для выражения *пон-у*, которое, в свою очередь, указывает на то, что автор письма — буддийский наставник (法師). Ниже на этой же стороне конверта — дата и подпись: 十一月十二日 («12 ноября») и 方惠學拜上 («Честь имею кланяться, Пан Хе-хак»²⁰). К сожалению, идентифицировать адресанта письма не удалось.

В конверт один в другой было вложено два листа бумаги: первый — чистый, на втором написано само письмо (илл. 4). Оба листа 21 × 14,7 см, разлинованные в линейку. В верхнем правом углу английские надписи «No» и «Date», в правом нижнем — «Jong Je Wah Yun Pill» (название компании-производителя: 종이와연필 [«Бумага и карандаш»]. Сеул, Республика Корея). При написании письма лист бумаги был развернут по часовой стрелке на 90°. Текст написан тонким черным фломастером в 18 вертикальных строк от четырех до двенадцати знаков.

Ниже приводится комментированный перевод письма, осуществленный с учетом корейских значений используемой в нем иероглифической лексики.

Почтенный наставник Тао Ци-фу [Торчинов] (陶奇夫老師)! [Позвольте] сообщить Вам [нижеследующее].

Вверяю Три драгоценностям²¹. 1992. 11. 12.

Москва²².

В настоящее время [в Москве] властвует лютый холод.

[Надеюсь, что] Ваша почитаемая монашеская персона²³ премного благоденствует. Однако [когда] Ваш слуга вернулся на родину, состояние его здоровья до некоторой степени стало неважным²⁴. Поэтому [я] не смогу принять участие в посещении Вашего университета. Прошу войти в положение и понять [меня]. Примите копию (寫本) официального документа²⁵, посланного письмом из университета Тонгук²⁶, что в Сеуле²⁷, директору Буддологического

¹⁹ Ср. значение 범우 (法友): «скромный ученик Будды» (наставник, проповедник о себе) в отечественном словаре (Большой корейско-русский словарь. В 2-х тт / Под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Ху. Т. I. М., 1976, с. 549).

²⁰ В корейском написании: 방혜학.

²¹ Три драгоценности буддизма (санскр. *триратна*; кит. *сань-бао*; кор. *сам-пу* 三寶 / 三宝) — Будда, Дхарма (учение), Сангха (община).

²² Название столицы России передано в иероглифике как 莫須科.

²³ Автор письма обращается к своему адресату как к монашествующему, используя выражение *пон-хе* 法體 (кит. *фа-ти*), в данном случае означаемое «буддийский монах».

²⁴ Можно предполагать, что ранее Пан Хе-хак где-то встречался с Е.А. Торчиновым, потом вернулся в Корею, а после приехал в Москву, где и было написано данное письмо.

²⁵ Из текста не ясно, о каком именно документе идет речь. Возможно, данное письмо было приложено к некой официальной бумаге в качестве сопроводительной записки. Это также подтверждается отсутствием на конверте полного почтового адреса и индекса получателя.

²⁶ Университет Тонгук (東國大學校 / 동국대학교) — один из крупнейших в Республике Корея (Южной Корее) и единственный в стране буддийский университет,

центра Санкт-Петербургского университета²⁸, который содействовал [нашим] желанием, высказываясь [о том, чтобы] совместно рассмотреть укрепление связей [двух] сестринских (姊妹) высших школ²⁹ [на основе] долговременных отношений.

Ректор (總長) университета Тонгук³⁰ в сопровождении [других лиц] примерно в конце января следующего года [собирается] нанести визит в Ваш университет. Надеюсь [Вы] увидите с председателем правления университета [Тонгук] (大學財団理事長) великим наставником О Ног-воном³¹ и другими.

Надеюсь на ответное письмо от Вашего университета.

За сим не совершенный в благопристойности,

Честь имею кланяться, Хе-хак.

Вполне вероятно, что каллиграфическая манера написания письма и его язык, отчасти имитирующий архаический стиль, а также упоминание о невозможности посещения адресантом Санкт-Петербургского университета, могут быть соотнесены с двумя письмами даоса и сопутствующими им событиями в «Китайской рапсодии» (переносом места и времени встречи главного героя с даосом).

равно открытый как для монахов, так и для мирян. Основан в 1906 г. как школа Мёнчжин (明進學校 / 명진학교). Является крупным буддологическим центром, однако большинство его факультетов — светские. Находится в ведении Чоге-чжон (大韓佛教曹溪宗 / 대한불교조계종), наиболее крупного и влиятельного объединения современного корейского буддизма.

²⁷ Топоним «Сеул», в отличие от большинства корейских географических названий, не имеет однозначного иероглифического соответствия, поэтому для его обозначения автор письма использует слово «Хансон» (漢城 «[Обнесенный стеной] город [на реке] Ханган»), одно из его старых (иероглифических) названий. С 2005 г. по просьбе корейских властей город по-китайски стал называться «Шоу-эр» (首爾 / 首尔, данное сочетание — приблизительное соответствие корейскому произношению слова «Сеул» (서울) в китайском языке).

²⁸ Скорее всего, здесь имеется в виду «Центр по изучению философии и психологии Дальневосточного буддизма Махаяны Философско-политологической школы при Санкт-Петербургском университете», находившийся на философском факультете СПбГУ (об этом центре см.: *Торчинов Е.А.* Предисловие // Буддизм в переводах. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992, с. 3–5). Не ясно, кого именно автор письма называет директором этого центра. Насколько мне известно, Е.А. Торчинов и К.Ю. Солонин (в настоящее время — профессор Китайского народного университета (Чжун-го жэнь-минь да-сюэ 中国人民大学) были единственными специалистами-востоковедами, работавшими в этом центре при философском факультете. Возможно, имеется в виду Ю.Н. Солонин (1941–2014), декан философского факультета (1989–2010). О его роли в создании кафедры философии и культурологии Востока, которой в 1998–2003 гг. заведовал Е.А. Торчинов, см.: *Солонин К.Ю., Туманян Т.Г.* Кафедра философии и культурологии Востока — 15 лет // *Asiatica. Труды по философии и культуре Востока*. Вып. 9. СПб., 2015. С. 166–167.

²⁹ Имеются в виду СПбГУ и университет Тонгук.

³⁰ С марта 1991 по февраль 1995 г. ректором этого университета был г-н Мин Пён-чхон 閔丙天 (민병천).

³¹ 吳綠園 (오록원).

Отдельно следует также сказать о нескольких фрагментах осуществленных Е.А. Торчиновым переводов памятников китайской литературы, вставленных в текст его повествования о путешествии.

Эпиграфом к роману выбран фрагмент из семнадцатой главы — «О восхождении в горы и переправе через реки» («Дэн шэ. Цзюань ши-ци» 登涉卷十七) — относящейся к «внутренним», или эзотерическим, главам (内篇) «Бао-пу-цзы» 抱朴子 («Мудрец, объемлющий Перводанную Простоту») Гэ Хуна (葛洪, 283–343)³². Еще один фрагмент из той же главы вспоминается главному герою ночью в горах Цинчэншань (четвертая глава романа)³³. Название третьей главы («В горы, в горы, или “Ода о восхождении на гору Цинчэншань”»), содержит прямую отсылку к «Оде о восхождении на гору Тяньтайшань» («Ю Тяньтайшань фу» 遊天台山賦) Сунь Чо (孫綽, 314–371), фрагмент которой приводится в этой же главе (с.791–792)³⁴. В главе шестой цитируются заключительные строки «триптиха» Тао Цяня «Тело, тень, дух» («Син ин шэнь сань-шоу» 形影神三首) (с. 812–813)³⁵. Обратившись к указанным здесь полным комментированным переводам этих памятников, читатель может соотнести их фрагменты, ставшие частью беллетристического текста, с теми произведениями, из которых они были взяты.

Наконец, отдельные эпизоды «Китайской рапсодии» легко соотносимы с фотографиями, снятыми во время пребывания автора в Китае в 1990–1991 гг. и наглядно иллюстрирующими описываемые события. Вполне может быть, что полностью или частично замысел романа появился в тот момент, когда много лет спустя Евгений Алексеевич просматривал сделанные в то время фотографии и вспоминал свое первое посещение той страны, изучению которой посвятил свою жизнь.

³² Гэ Хун. Баопу-цзы. Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. СПб., 1999, с. 275 (в более позднем издании: Пути обретения бессмертия. Даосизм в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова. СПб., 2007, с. 541–542). Существуют две датировки жизни Гэ Хуна — 283/284–363 и 283–343 гг., вторая из которых, согласно последним исследованиям, оказывается более обоснованной. См.: Торчинов Е.А. Что такое даосизм? Опыт построения новой модели / Предисл., подгот. текста, примеч. Е.А. Кия // Религиозный мир Китая. 2005. Исследования, материалы, переводы. М., 2006, с. 59, примеч. 21.

³³ Гэ Хун. Баопу-цзы, с. 268 (Пути обретения бессмертия, с. 533).

³⁴ Торчинов Е.А. Из китайской классической поэзии: Цзя И, Чжан Хэн, Сунь Чо, Тао Цянь // Петербургское востоковедение. Вып. 1. СПб., 1992, с. 231 (в более позднем издании: Сунь Чо. «Ю Тяньтайшань фу» // Религии Китая: Хрестоматия / Ред.-сост. Е.А. Торчинов. СПб., 2001, с. 93–94). См. также: Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. 2-е изд., доп. СПб., 1998, с. 271–277.

³⁵ Торчинов Е.А. Из китайской классической поэзии, с. 236 (в более позднем издании: Тао Юань-мин. Тело, тень, дух // Хрестоматия по литературе Китая / Сост., предисл., примеч. М.Е. Кравцовой. СПб., 2004, с. 193). См. также: Торчинов Е.А. Представления о жизни и смерти в культуре Древнего Китая // Религия и культура: Россия. Восток. Запад. Сб. ст. СПб., 2003, с. 149–152.

Илл. 5. Е.А. Торчинов с уличным гадалем (ср. с. 788)

Илл. 6. Е.А. Торчинов у Большого Будды в Лэшани (ср. с. 803–804)

Илл. 7. Е.А. Торчинов на горе Эмэйшань (ср. с. 805–806)

Кроме того, на самом большом из висевших в его кабинете китайских каллиграфических свитков были начертаны иероглифы 常樂我淨 — «постоянство», «блаженство», «Я» («Атман», или «самость»), «чистота» (см. фотографию на с. 545). В буддийских текстах эти эпитеты относятся к Татхагатагарбхе, зародышу или лону Татхагаты (Будды) в каждом живом существе (иногда порядок их перечисления несколько иной). Это тот самый свиток, который Евгений Алексеевич привез из описанного в романе путешествия и о котором писал в своей книге о буддизме: «Когда в феврале 1991 г. известный монах — каллиграф Чу-гуан из монастыря *Ханьшаньсы* (г. Сучжоу, пров. Цзянсу, КНР) дарил мне свою каллиграфическую надпись с четырьмя иероглифами <...>, он заметил, что в этих четырех знаках выражена вся суть буддизма»³⁶ (см. илл. 8).

³⁶ *Торчинов Е.А.* Введение в буддологию, с. 119, прим. 15.

Илл. 8. Монах Чу-гуан подписывает свиток с каллиграфией

СОДЕРЖАНИЕ

Персоналии и исследования

<i>Дацышен В.Г.</i> Китаевед Александр Владимирович Маракуев (1891–1955).....	3
<i>Ульянов М.Ю.</i> Предисловие к лекциям Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945)	21
<i>Кара-Мурза Г.С.</i> Древний Китай (лекции) (1939 г.)	39
<i>Мартынов Д.Е.</i> Жизненный путь и творческая биография В.А. Рубина (1923–1981) на страницах его дневников	138
<i>Мартынов Д.Е.</i> Эволюция теоретических взглядов В.А. Рубина	155
<i>Рубин В.А.</i> Программа курса «Китайская историческая мысль»	165
<i>Рубин В.А.</i> Проблема периодизации в коммунистической китайской историографии (ответ профессору Сюй Чжо-юню) (1979 г.?).....	167
<i>Кобзев А.И.</i> Уроки Чистого Листа, написанного Е.В. Завадской (1930–2002).....	173
<i>Белозерова В.Г.</i> Книга, написанная «на одном дыхании»	178
<i>Завадская-Байчжи Е.В.</i> Уроки китайских мастеров «молчаливой поэзии» (1993 г.).....	180
<i>Кобзев А.И.</i> Подвижник российской китаистики А.Н. Хохлов (1929–2015).....	286
<i>Хохлов А.Н.</i> Китайские старопечатные книги в России XIX–XX вв. (государственные и частные коллекции китайских ксилографов) (2015 г.)	290

Документы и мемуары

<i>Кобзев А.И.</i> Эпистолярные материалы к биографии Н.Т. Федоренко (1912–2000)	449
<i>Ульянов М.Ю.</i> К 50-летию одного обсуждения, или О ненаучной ревности и научной целесообразности	458
Протокол заседания московской группы отдела Древнего Востока ИВ АН СССР от 30.03.1965 г.: Обсуждение диссертации М.В. Крюкова	484
<i>Тамашишвили А.О.</i> Персональное дело коммуниста Вяткина Р.В. (1910–1995)	493
Выписка из протокола заседания парткома АН СССР от 04.06.1973 г.: Персональное дело Р.В. Вяткина	507

<i>Климанов М.Н. Воспоминания по-пекински (1978 г.)</i>	513
---	-----

Научная беллетристика

<i>Кобзев А.И., Орлова Н.А. Е.А. Торчинов (1956–2003): литературные опыты запредельного</i>	543
<i>Торчинов Е.А. Таинственная самка (трансперсональный роман) (2002 г.)</i>	573
<i>Торчинов Е.А. Апостолы дракона (алхимический роман) (2002 г.)</i>	690
<i>Торчинов Е.А. Китайская рапсодия (роман странствий и инициаций) (2003 г.)</i>	772
<i>Кий Е.А. Послесловие к романам Е.А. Торчинова</i>	815

Научное издание

Архив российской китаистики

Том IV

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
«Архив российской китаистики»*

Редактор *А.И. Кобзев*
Вёрстка *Н.Ю. Агеева* и *С.В. Кирюхиной*
Корректор *Н.А. Орлова*
Оформление *А.И. Кобзева*

Подписано к печати 11.10.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. печ. л. 67,4. Уч.-изд. л. 52
Тираж 300 экз. Заказ № 1792

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

АРХИВ
РОССИЙСКОЙ
КИТАИСТИКИ

Москва **IV** 2016